

Дорогие друзья!

В этом блоке собраны все мои произведения, как стихотворной формы, так и прозаической.

Рад буду, если вы пожелаете посетить страницы моего творчества.

С глубоким уважением автор:

Башев Николай Алексеевич,

член Союза писателей России.

Биография.

Роман,

Повести,

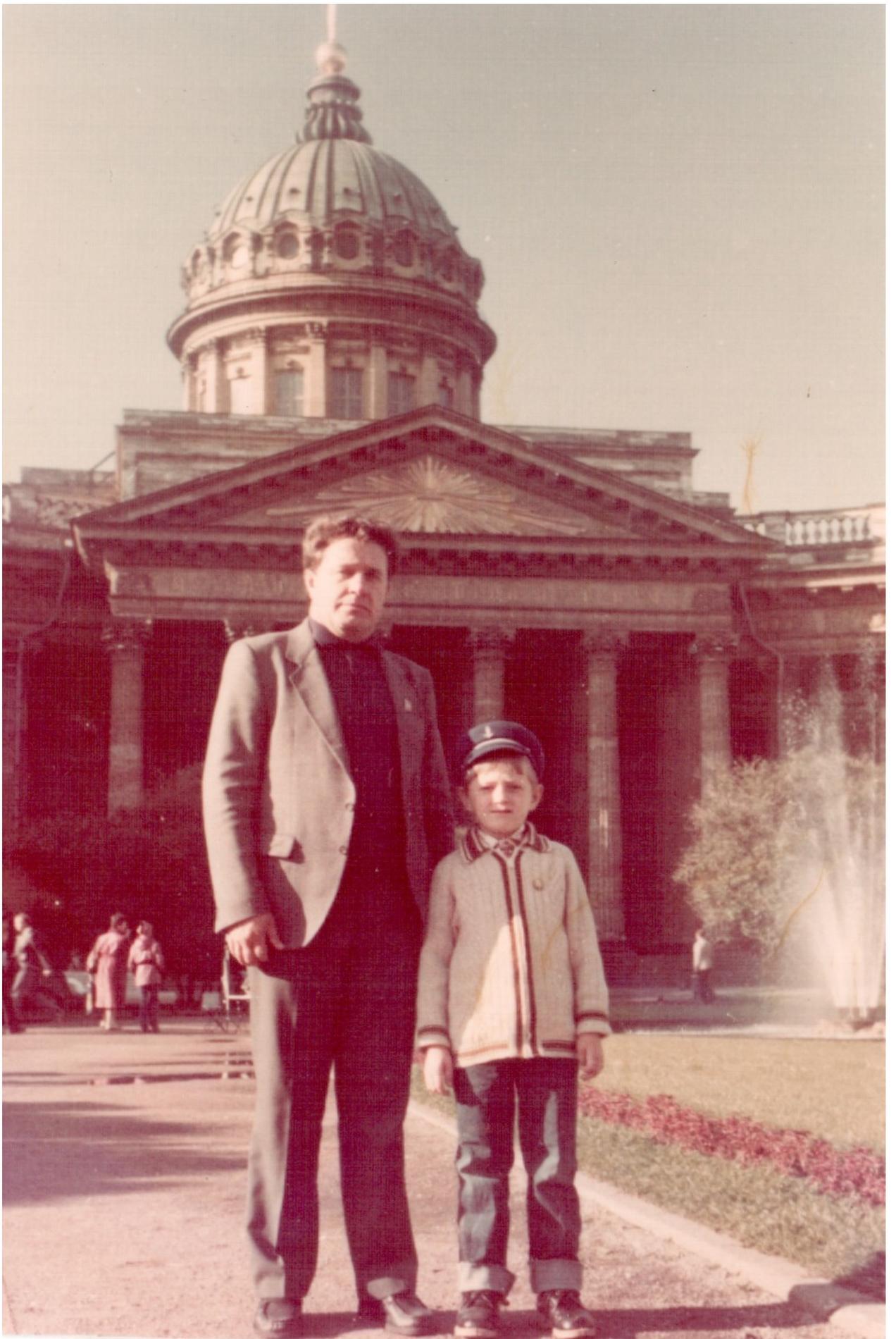
Рассказы,

Стихи,

Басни,

Пародии,

Эпиграммы.

Николай Алексеевич БАШЕВ.

Сибирь – мой дом,
суровый край.

/ собрание сочинений /

Об авторе.

Николай Алексеевич Башев родился в деревне Ольговка Яйского района Кемеровской области.

Окончил Мариинский сельскохозяйственный техникум, Новосибирский сельскохозяйственный институт.

Работал ветеринарным врачом, главным зоотехником, заместителем директора по производству, директором в хозяйствах Кемеровской области. Директором Колмогоровского дома культуры Яшкинского района. В настоящее время пенсионер.

Избирался секретарём Яшкинского райкома коммунистической партии, Народным депутатом Советского Союза, Главой поселения.

Первое стихотворение «Речке Яе» написал в 1972 году, первую басню «Я и Мы» в 1980 году.

В 2011 году издан первый сборник стихов и басен «Разговор с богом»

В 2012 году издан сборник стихов и басен «Откровение»

В 2013 году издан сборник стихов и басен «И это время со мной...»

В 2015 году издан сборник «Басни»

В 2016 году издан сборник стихов и басен «Про жизнь»

В 2018 году издана книга «Эпоха аритмии», в которую вошли стихи, басни, эпиграммы, пародии и проза.

В 2019 году издана книга «Повесть о рыжем коне», в которую вошли повесть, рассказы, стихи, басни и пародии.

Является соавтором сборника стихов «А память прошлое хранит», изданного ко дню Победы в 2012 году. Сборник назван строкой из его стихотворения.

Стихи, басни и проза Николая Башева печатаются в журнале «Огни Кузбасса». В альманахах «Содружество» Яшкинской студии «Светлица». В альманахе «Наследие» 2020 год г. Москва РСРП. В альманахах «Писатель

года» 2020. г Москва РСП. и «Поэт года» 2020 РСП. В газетах «Яшкино» и «Яшкинский вестник», а так же в газете Яйского района « Наше время». Прозаические произведения писатель начал издавать в 2018 году, была написана сатирическая повесть «Похождения Петра Петровича...», которая не осталась без внимания читателей, и была напечатана в юбилейном номере журнала «Огни Кузбасса» / 70 лет /, затем появились другие повести и рассказы.

Член Союза писателей России.

Поэт, баснописец, прозаик, пародист.

Лауреат областного конкурса «Иная среда» 2020 год. Конкурс посвящен 300летию Кузбасса и 75летию Победы в ВОВ. Первое место в номинации « ПРОЗА»

Диплом номинанта литературной премии «Наследие» 2020 год.

Награжден Звездой «Наследие» третьей степени за литературную деятельность в духе традиций русской культуры.

Диплом номинанта литературной премии «Поэт года» 2020.

Диплом номинанта литературной премии «Писатель года» 2020.

Диплом финалиста литературной премии «Писатель года» в номинации « Юмор»

Награжден медалью « 150 лет Ивану Бунину» за вклад в развитие русской литературы.

Награжден медалями: «За долголетний добросовестный труд»

«За заслуги в проведении всероссийской переписи населения» указ президента Российской Федерации 2002 год.

«За особый вклад в развитие Кузбасса»

«За служению Кузбассу»

«70 лет Кемеровской области»

«За заслуги» Яшкинский район.

Знаками: «За активное участие в переписи населения 2002 г» РГС.

«70 лет Кемеровской области» Областной Совет депутатского корпуса.

«За заслуги перед Яшкинским районом» к 75летию района.

«За развитие птицеводства» Кемеровский трест «Птицепром»

«25 лет законодательной власти Кемеровской области»

«Ударник Коммунистического труда»

Имеет многочисленные почётные грамоты и благодарственные письма.

Ветеран труда.

За *околицей метель.

/роман/

**Околица – местность вокруг деревни, до полей. Городьба вокруг селения, прясленный забор, для убережения хлеба от скота.*

Заметут ли метели...

*И каждый шаг постыдный так тяжел,
И гнусность в сердце углубляет корни.
Пережила я много всяких зол,
Но это зло всех злее и позорней.*

Анна Баркова.

Вот живёт разумный человек на Земле и радуется, глядя на прекрасные цветы, большие и малые реки, небольшие рощицы и бескрайние таёжные просторы. Восхищается величественными горными массивами и могучими водными глубинами морей и океанов. Иногда его взгляд и разум выходят за пределы земных красот, и он устремляет свой взор в звёздное небо, не имеющее границ и предела в космическом пространстве, что никак не укладывается в сознание этого разумного человека, и тогда в это сознание закрадывается, не дающий покоя и не имеющий конкретного ответа вопрос:

- А кто же всё это создал?

У верующего человека на данный вопрос, естественно, всегда готов ответ:

- Конечно, это сделал бог! - без всякого сомнения, ответят они и, при надобности, расскажут на какой по счёту день, что было им создано.

Правда, у разных народов он носит разное имя: у одних это Христос, у других Аллах, у третьих Будда и так далее...

Но, не смотря на это, конечно, верующему человеку живётся на много проще, выполняя заповеди данные богом, и в твоей жизни всё будет достойно.

Сложнее с этим вопросом, а так же и ответом, живётся атеистам. Что только они не навывдумывали, по поводу сотворения существующего мироздания: и будто бы всё это образовалось из космической пыли, и будто бы первоначально существовала огромная звезда, породившая затем всё

остальное, и будто бы в первоначальной пустоте произошёл взрыв, породивший существующий космический мир. Но тогда возникает другой вопрос:

- А откуда взялась эта пыль? Эта звезда? Кто возбудил детонатор этого взрыва? Где ответ?..

Выходит правильнее верить в сотворение мира богом, возможно богом не в образе человека, как представляют себе это верующие, а создателем, обладающим сверх естественными способностями, основанными на астрономических законах, пока ещё не доступных человеческому разуму.

Но с какой бы стороны не пытаться подойти к этому вопросу, жизненный опыт показал то, что человек должен обязательно во что – то верить. Тогда он ведёт себя достойно, боясь нарушить библейские заповеди, совершая поступки, оглядывается на бога, находящегося в его сознании, и старается жить по совести, надеясь на спасение своей души. Верить не только в божество, но и в окружающее его человечество, в доброту и силу своей Родины, в любовь и уважение своих родственников, и быть готовым ответить им тем же.

Теряя же веру во что – то святое, человек теряет совесть, честь и достоинство, становится подлецом, предателем, вором или убийцей. И ладно ещё, если этот человек попал в безверие по своему слабоволию, под влиянием негативных событий. Пропадающая душа! На него ещё можно оказать меры воздействия: перевоспитать, наказать, уничтожить в конце – то концов, если это простой гражданин.

Но в жизни, история знает немало великих / и не очень великих / государственных деятелей, которые, отринув веру, сами пытались на земле стать богами. А для того, чтобы на них молились, принимались меры к подавлению, в человеческом сознании, всех заложенных там ранее

вероисповеданий. А их проповедники были подвергнуты гонениям, унижениям либо полному истреблению. И затем уже подвергались гонению или уничтожению те, кто ещё сохранял веру в святое прошлое либо имел своё мнение по этому поводу, но имел неосторожность высказаться о том.

И тогда на земле появлялся культ личности ВОЖДЯ – БОГА, который начинал вводить свою идеологию творчества, разрушая и уничтожая ранее существующую, не щадя при этом её носителей.

... В дверь настойчиво, озлобленно постучали:

«Кто это может быть? – заметалась в полусонной голове испуганная мысль, - глубокая ночь, кому же я понадобился, что могло случиться?» - с трудом раскрывая заспанные глаза, Николай Александрович, не зажигая света, направился к двери.

Привычно пошарил рукой в том месте, где должен был находиться ключ, но его на месте не оказалось.

Настойчивый стук повторился, но стучали с той стороны двери уже не рукой, а каким – то тяжёлым предметом, возможно даже металлическим.

- Гражданин Барышев, открывайте, мы представители НКВД!
Открывайте быстрее, нам с тобой долго возиться некогда! – перешёл на «ты» грубый голос.

«Какое НКВД, на дворе конец двадцатого века, - растерянно металась в голове мысль, - что происходит?» Он лихорадочно шарил рукой по двери, пытаясь нащупать злополучный ключ и не находил его.

Раздался оглушительный удар, дверь затрещала и распахнулась. Свет подъездной лампочки ослепил Барышева, словно в тумане возникли несколько фигур в военной форме. Его сильно толкнули в плечо каким – то металлическим предметом, он отлетел к противоположной стенке, больно стукнувшись затылком об неё.

Вошедшие, вслед за ним фигуры, громко топая коваными сапогами, пошарив по стене, щелкнули попавшим под руку выключателем. Взору Барышева предстали трое - высокие, широкоплечие молодцы в милицейской форме старого образца, длинные тёмно – синие шинели, опоясанные широкими кожаными ремнём и фуражки с красными околышами. В руках двоих были длинные винтовки со штыками, приклады их были оторочены металлическими толстыми пластинами.

«Вот чем колотили в дверь и толкнули меня» – мелькнула в голове ненужная в данном случае мысль.

Третий держал в руке «наган». Дёрнув стволом в сторону прилипшего к стене хозяина, он, просверлив его презрительным взглядом, громко спросил:

- Барышев Николай Александрович?

- Да, - ничего не понимая пролепетал Барышев.

- Одевайтесь, вы арестованы! – тем же тоном произнёс владелец «нагана»

- Как арестован? – окончательно растерялся, ничего не понимающий Николай Александрович, - за что? вы, что тут разыгрываете комедию! Я никуда не пойду!

- Какую комедию? – вдруг взбеленился владелец «нагана» и неожиданно больно ткнул стволом этого предмета в грудь Барышева, - ты же заклятый враг народа, затаился и думаешь, что мы тебя не достанем. Да мы таких, как ты, под землёй отыщем, и туда же отправим, только в мёртвом виде.»

- Одевайся, а не то мы тебя голого потащим! Петров поторопи его! - приказал владелец «нагана» одному из обладателей винтовки.

Петров быстро развернув винтовку штыком в живот Николая Александровича, стал медленно к нему приближаться.

Барышев понимал, что того, что происходит с ним сейчас, не может быть. Что всё это не реально, эта милицейская форма, старое оружие, да и обстановка вокруг незнакомая: обшарпанные стены, старая самодельная мебель. А потом, где же жена, почему она не встала с кровати, когда грохотала разбитая дверь.

Но додумывать было некогда, он, с содроганием, ощутив прикосновение острия штыка к своей коже, понял, что с ним не шутят. Обречённо втянув голову в плечи начал одеваться. Одежда тоже была не его, чужая. Он быстро натянул какую - то старую полувоенную форму, кирзовые сапоги, которые он раньше никогда не носил. Стёганную ватную телогрейку и потрёпанный треух.

Подталкиваемый прикладами в спину, Барышев вышел из подъезда. На улице, насколько хватало взгляда, в предрассветном сиянии, не было ни одного здания. Голая заснеженная степь, по гладкой поверхности которой, позёмкой мела колючие снежинки, начинающаяся метель.

Шли долго. В ровном поле кроме снега, на большом расстоянии, ничего не было видно. Вскоре метель окончательно разыгралась, разделяя снежной стеной Барышева и идущих за ним конвоиров.

- Стой! – с трудом сквозь завывание метели, услышал Николай Александрович, - хватит, что мы с тобой будем возиться. Раздевайся?

- Как?!

- Догола, естественно. Приговор мы тебе здесь зачитаем. Да, в общем – то, он тебе не нужен, сам знаешь – все враги народа должны ответить головой, за свои подлые поступки.

- Ну, уж нет, - вдруг, восстал духом Барышев, - раз уж так повернула судьба, я хочу знать, в чём моя вина!?

- Хорошо, - владелец «нагана» неожиданно оказался сговорчивым, - ты в своей квартире собирал сообщников, и вы обсуждали план свержения существующего, железного режима.

- Это откуда же вам стало известно, - окончательно осмелел Барышев.

- Чёрт с тобой, всё равно сейчас сдохнешь, скажу и это! Сосед твой Сидоров донос на тебя написал.

- Какой Сидоров? Нет у меня такого соседа!

- Ишь, сволочь, зажрался, соседа своего не знает, значит действительно враг народа, так презирает настоящих людей! Хватит, раздевайся, считай, что приговор зачитан!

Совершенно голый Николай Александрович, хотел встать во весь рост, с гордо поднятой головой и произнести слова протеста и ненависти к этим слепым исполнителям чужой тупо – безжалостной воли, но метель захлёстывала его колючим снегом, заставляя сгорбиться и дрожать от холода.

«Сейчас убьют и, через несколько минут, заметёт меня метель...» - мелькнуло, в объятый ужасом, голове.

Хлётко щёлкнул выстрел...

...Барышев, обливаясь холодным потом, вдохнув полной грудью, так недостающего воздуха, откинул одеяло и сел на край кровати, опустив дрожащие ноги на холодный пол.

« О, Господи! Опять этот ужасный сон! Откуда он, почему он не покидает моего сознания, ведь я родился после войны, со мной такого произойти не могло. Видимо виной всему наследственные гены. Когда – то эти события крепко потрясли моих предков, глубоко обосновавшись в их генетической памяти, до такой степени, что способны передаваться своим наследникам и не давать им покоя не только наяву, но и во сне»

Николай Александрович Барышев человек образованный, с большим жизненным опытом, всю сознательную жизнь занимавшейся партийной и хозяйственной деятельностью, неоднократно избиравшийся депутатом всех уровней, поэтому и историю своего государства знал хорошо. Часто ему не давал покоя навязчивый вопрос: «А было ли такое время на Руси, когда народу её жилось вольготно, беззаботно, весело – одним словом хорошо?!»

Двадцатый век был, наверное, самым тяжёлым для России, с первого дня христианского календаря, исключая, возможно, период татаро-монгольского ига.

1904 -1905 годы – война с Японией.

1905 год – кровавое воскресенье 09. 01 , первая русская революция.

1914 – 1915 годы – Первая Мировая война.

1917 год – социалистическая революция.

1917 – 1922 годы – гражданская война.

1922 – 1931 годы – борьба с басмачами в Средней Азии.

1939 год – война с Японией у реки Холкин – Гол.

1939 год – война между СССР и Финляндией.

1941 – 1945 годы – Великая Отечественная Война /Вторая Мировая/.

1979 – 1989 годы – война в Афганистане.

1991год – крупнейшая геополитическая катастрофа – распад СССР.

1994 – 1996 годы - первая чеченская война.

1999 – 2000 годы – вторая чеченская война.

Огромные экономические потери, а главное миллионы загубленных жизней, в основном молодых. И все - таки потери в боевых действиях можно было как – то объяснить, они в данном случае неизбежны. Хотя, конечно, их количество зависело от умелых, либо не умелых действий командного состава.

Распад СССР и дальнейшие события, по количеству жертв, тоже можно приравнять к тяжелым длительным боевым действиям. Жизнь человеческая, в этот период ничего не стоила /1991 – 2000/ Борьба между прошлым и будущим требовала жертв.

Но огромные потери человеческих жизней, от проводимой с 1917 по 1920 годы кампании «расказачивания». В 1922 году кампании «По изъятию церковных ценностей», с 1928 по 1937 г. кампании «раскулачивания» и массовых политических репрессий с 1927 по 1953 годы, объяснить было трудно.

Во время расказачивания на Дону убивали 5 из 6 казаков. Большую часть оставшихся казаков Дона и Кубани вывозили на Восток страны, а уральские казаки бежали в том направлении сами. Историки Л. Футорянский и Л. Решетников заявляли, что по самым минимальным подсчётам было уничтожено более одного миллиона казаков, вместе с детьми и стариками.

Борьба с религиозной деятельностью после революции, началась с изъятия церковных ценностей в 1922 году. Как свидетельствуют еженедельные сводки политической полиции, кампания по изъятию церковных ценностей, достигшая своего апогея в марте, апреле и мае 1922 года, вызвала 1414 зарегистрированных инцидентов и привела к аресту многих тысяч священников, монахов и монахинь. Церковные источники приводят другие данные: 2691 священник, 1962 монаха, 3447 монахинь были убиты в этом году. Правительство организовало многочисленные судебные процессы над служителями церкви: в Москве, Иваново – Вознесенске, Шуе, Смоленске, Петрограде. С 22 марта, Политбюро наметило, согласно указаниям Ленина, ряд мер: «Синод и Патриарха арестовать. Обнародовать обстоятельства событий в Шуе, где произошло столкновение верующих с членами комиссии по изъятию церковных ценностей, и было убито двадцать человек. Провести через неделю судебный процесс над священниками и

мирянами Шуи. Зачинщиков приговорить к расстрелу. В Петрограде 76 священников и мирян были приговорены к заключению в лагерь, а четверо: митрополит Вениамин, очень популярный в народе, всегда стремившийся оградить Церковь от политики; архимандрит Сергей, избранный в 1917 году, бывший член Государственной думы; профессор Новицкий и адвокат Ковшаров – расстреляны. В Москве приговорили к заключению в лагерь 148 священников и мирян, а шестерых расстреляли. Патриарх Тихон был помещён под строгий контроль ГПУ в Донской монастырь в Москве.

В конце 1929 и начале 1930 года в стране был принят ряд положений, которые определяли основные задачи в сельском хозяйстве – сплошная коллективизация и ликвидация кулачества */зажиточных крестьян/*. Меры предусматривались очень жестокие: от ареста и высылки до расстрела. И местные власти взялись рьяно воплощать в жизнь указания руководства. Только за 1930 – 1931 годы было выслано около двух миллионов человек и это было лишь частью, активные высылки продолжались вплоть до 1935 года. Происходило это бесчеловечным образом, люди, в основном, выселялись в необжитые районы Северного Урала и Западной Сибири. Везли их как скот, в товарных вагонах никак и ни в чём не обеспечивая их жизненные потребности по дороге. Прибывали они в места назначения раздетыми, голодными и холодными. Сколько людей погибло в пути и при попытках обустроиться в новых очень тяжелых условиях неизвестно, но воспоминания современников свидетельствуют о том, что смертность была высочайшей.

Многие зажиточные крестьяне и середняки, раздав своё имущество по родственникам бежали, от такой участи в город. На селе сократилось количество рабочих рук, и по этому в 1930 – 31 годах посевная компания, практически, была завалена, резко сократилось производство зерна, однако потребность сдачи его государству остался на прежнем уровне, из закромов

сельского населения выгрбалось всё, были созданы для этого специальные вооруженные продовольственные отряды. Но так как на земле осталась беднейшая часть крестьянского населения, собрать нужное количество зерна/*хлеба*/ не удавалось. В результате такой деятельности в 1932 – 1933 годах возник голод. Голод был ужасающим, люди умирали сотнями и тысячами. Даже по самым скромным оценкам исследователей, за два года погибло более четырех миллионов человек. Что подтверждается проведённой в 1933 году переписью населения, вместо физиологического прироста населения, убыль его составила семь миллионов человек.

Большое количество населения страны было уничтожено в годы сталинских репрессий, в период с 1937 года по 1953 год. В самый жестокий период 1937 – 38 годы – было осуждено 1,5 миллиона человек, из которых около семисот тысяч были расстреляны. И в этот период летели головы не только казаков или крестьян, уничтожались руководители различных рангов, крупные специалисты, учёные, военные командиры. Наступил период сведения счётов. По любому доносу, любой гражданин страны в кратчайший срок мог оказаться врагом народа.

Наркомом внутренних дел в стране в эти годы был Генрих Григорьевич Ягода, которого в 1938 году постигла та же участь, он был признан врагом народа и 15 марта этого же года расстрелян.

8 апреля 1938 года пост наркома внутренних дел занял Н. И. Ежов. Именно с его именем связан один из наиболее кровавых периодов в советской истории, названный после « ежовщиной». Но и Ежова постигла та же участь, что и его предшественника в 1940 году он был признан врагом народа и расстрелян 4 апреля того же года.

Пост наркома внутренних дел занял Лаврентий Павлович Берия. Берия немедленно приступил к реорганизации аппарата « управления и

исполнения» своего предшественника. Все они были освобождены от занимаемых должностей, и большинство, из них, было расстреляно.

23 декабря 1953 года та же участь настигла и Лаврентия Павловича.

Все они, изначально, назначались генсеком Сталиным И. В. на роль чистильщиков. Чтобы, в конце концов, свалить на них всю вину за содеянное, то есть, сделать их козлами отпущения.

Конечно, ящик Пандоры */миф – ящик со всеми существующими на Земле бедами/*, несомненно открыли руководители страны, того времени, но надо учесть и роль исполнителей на низах. Большинство местных руководителей, порою занимавших даже незначительную должность, начали сводить счёты с неугодными им лицами. Кстати сказать, что сведение личных счётов присутствовало во всех четырёх компаниях. Сосед, из зависти, мог накатать донос на своего соседа. Иногда это делалось, чтобы самому избежать участи врага народа: «Донесу первый, чтобы не успели донести на меня» В подтверждение этого говорят следующие факты: после войны репрессивные действия стали постепенно сокращаться, в 1951 году политических осужденных было 55 тысяч; в 1952 году 29 тысяч человек; в 1953, после смерти Сталина, они прекратились совсем. Однако с мест продолжали поступать жалобы, заявления, записки с требованием о наказании вновь выявленных врагов народа, и о немедленном исполнении приговора для них.

/Для достоверности описанных событий было просмотрено большое количество документов и документальных фильмов, для того, чтобы избежать преувеличения гибели людей. Материалы по данным событиям предельно правдивы – примечание автора/.

В ходе исследования этих ужасных событий, Николай Александрович обнаружил одну неблагоприятную тенденцию, отношения разных историков к происходившим событиям. Чем больше времени проходит с тех трагических

лет, тем меньше в отчётах отражается количество жертв. А находятся уже некоторые из них, которые заявляют: «Да стоит ли говорить об этом, лес рубят - щепки летят» Понятно, что эти деятели себя в роли щепок не видят, им представляется то, что они исполняют роль топора». Жаль, что таких «лесорубов» становится всё больше.

В голове не укладывалось, как это можно было подозревать всех и, по ложным доносам, унижить, издевательски уничтожить миллионы граждан собственной страны. А может быть это отдельный вид войны – уничтожение власть имущими собственного народа?

И, как бы, в подтверждение мыслей об этих ужасающих событиях, Николая Александровича периодически посещал этот доводящий до ужаса сон, являющийся действительностью для кого – то из его родственников, в те далёкие времена.

Барышев родился после Великой Отечественной Войны, через год после её окончания. Обо все этих перечисленных событиях слышал от взрослых, позже из учебников, из уст учителей, ещё позже изучая документальные материалы. А, главное, эти события, непосредственно коснулись членов его семьи, оставив неизгладимый след в их сознании и неотвратимо преследуя их, передались наследникам, возможно в несколько искаженном, но правдивом виде.

Но массовые репрессии в его детском уме отразились и сохранились по- своему. Родители иногда брали маленького Колю с собой в соседний с их селом посёлок Жарковский, когда ездили на рынок, продавать сельхоз продукты, выращенные на собственных огородах. В этом посёлке на всю жизнь ему запомнился высокий забор, обнесённый тремя рядами колючей проволоки, вышки с вооружёнными охранниками и длинные деревянные, убогие бараки, которые можно было увидеть через открывающиеся ворота.

Ворота эти, открываясь, выпускали колонну угрюмых узников, идущих молча, понури́в головы – политических заключённых - «врагов народа», окружённых вооружённым конвоем и озлобленными собаками. Где – то в конце колонны, отдельной группой, ухмыляясь, бросая издевательские реплики в сторону политических, тащились осужденные убийцы и разбойники, их специально содержали вместе, для устрашения политических / так говорили взрослые /. Если путь их подводы и этой колонны пересекался, отец метров за двести останавливал коня, чтобы не слышать хамские выкрики уголовников.

А когда он подрос, соседи постарались донести, до его ещё неокрепшего подросткового ума, то, что братья, все трое, ему не родные. Как оказалось, двое из них были отцовы, а один мамин. И то, что у отца была другая жена, а у матери другой муж. Но они, простые люди, никогда не занимавшиеся политикой, оказались жертвами репрессий этой самой политики, проводимой «умело» знающими толк в этом деле людьми.

Ещё он хорошо запомнил рассказы дяди Серёжи, брата его матери. Дядя Серёжа работал заправщиком на аэродроме в посёлке Жарковском, одновременно исполняя обязанности парторга . Аэродром бал небольшой, самолёты на нём базировались АН-2. Их основной задачей было обеспечение продуктами и хозяйственными товарами многочисленных лагерей и тюрем, расположенных во всех близь лежащих районах Энской области. Естественно все происходящие события в этих «учреждениях» деде Серёже были известны.

Приезжая в гости к Барышевым, он рассказывал о том, как издевались в лагерях над «политическими»; бывшими профессорами, руководителями, врачами, офицерами, заставляя их заниматься непосильным трудом, валкой и распиловкой леса, строительством дорог, разработкой песчаных и

гравийных карьеров, а так же добычей золота. Несмотря на морозы и бураны, полуголодные, в истрёпанных обмотках, они должны были выполнять отведённые им рабочие нормы, невыполнение которых каралось наказаниями. В бараках их так же унижали надзиратели и блатные, последние зачастую проигрывали политических в карты, проигранного человека убивали, подкараулив подходящий момент: либо во время валки леса на него падало огромное дерево, либо обрушивался штабель кругляка. Иногда его просто прикалывали ножом за углом барака. Попробуй после разберись, кто это сделал, да особо никто из лагерного персонала не заморачивался по данному поводу. Такая же участь ждала и женщин, осужденных по статье 58 – «враги народа», только, вдобавок ко всему, им приходилось терпеть насилие от топтунов-надзирателей и лагерных управленцев. Умерших или убитых хоронили здесь же недалеко от лагерей и тюрем, иногда по несколько трупов в одной могиле, без крестов и других отметок. Через пару лет захоронение уже невозможно было отыскать. Однажды дядя обо всём этом выразился образно:

- Сибирь наша, матушка, большая и вся покрыта костями невинных людей. Их убийцы надеяться на то, что сибирские метели сильны, и непременно заметут эти кости – улики, их подлой, приступной деятельности.

С тех пор маленький Коля, когда за окном завывала метель, испуганно спрашивал у матери:

- Мама, а это метель метёт за тем, чтобы невидно было мёртвых людей, о которых говорил дядя Серёжа? – мать терялась и, не зная, что можно ответить сыну, пыталась его успокоить:

- Нет, что ты, сынок, дядя говорил не про нас, всё это происходило не здесь, а далеко. Ты только не вздумай, ещё, где, ни будь, сказать об этом. – Был 1952 год и репрессии ещё продолжались.

А в следующий приезд дяди, Анна Григорьевна, выговаривала брату:

- Ты Сергей поменьше бы болтал о лагерной жизни, а то, не равен час, сам пойдёшь тайгу пилить!

Нечаянно услышав этот разговор, Коля своим детским умом понял, что данные рассуждения дяди таят в себе не понятную для семьи угрозу, и нигде, никогда об этом не упоминал. Однако в его голове накрепко засели слова дяди, сказанные от невыносимой боли за униженный народ, и Коля, не только в детстве, но и до самых седых волос, как только на улице начиналась метель, закрывая глаза, представлял себе занесённые, поднятым ею снегом, миллионы человеческих судеб. Но память снегом не заметишь, и перед его взором вновь и вновь возникали ворота Жарковского лагеря и толпы людей, выходящих из этих ворот, и понуро бредущих, ссутулившись, в окружении вооружённой охраны и злобно лающих псов.

О том, что в лагере посёлка отбывали наказание умные, умелые, интеллигентные люди, в семье Барышевых знали не только понаслышке. Однажды, когда Коле шел шестой год, случилось несчастье: заболела Анна Григорьевна. Сначала появились тупые боли в нижней части живота. Как обычно деревенские люди всякую боль, если только она не валила с ног, переносили, как говорится, «на ногах». Такому же примеру последовала и Анна: «А, ладно, поболит и пройдёт» Но боль не утихала, а лишь усиливалась, и через день терпеть её было уже невыносимо. Александр Афанасьевич, муж Анны, растерянно метался по избе, не зная, что делать. Потом всё – таки догадался позвать местного фельдшера Моисея Яковлевича. Моисей Яковлевич, тоже в своё время сосланный в Сибирь на пять лет по статье 58, отбыв свой срок, остался в Орловке. Он старательно исполнял свои обязанности фельдшера, был вежлив и доброжелателен. Местное население, не то, чтобы полюбили его, но относилось к нему снисходительно, по свойски: «Нормальный мужик, свой, хотя и еврей».

Моисей Яковлевич, осмотрев и прослушав плачущую Анну, тревожно взглянув на Александра, приказал:

- Срочно запрягай коня и в поселковую больницу, я здесь ничем помочь не смогу. На всякий случай поеду с вами, мало ли что дорогой может случиться.

В поселковой больнице, дежурный хирург, осмотрев Анну и разобравшись в том, что это не аппендицит, развёл руками:

- Не знаю, что делать, тут что – то серьёзное, я такое делать не могу.

Моисей Яковлевич позвонил главному врачу домой, они были друзьями. Главный врач Лев Григорьевич вскоре появился в смотровой комнате, осмотрев больную, вынес вердикт:

- Случай гинекологический и видимо запущенный. Мои хирурги малоопытные в таких делах, исход может быть неблагоприятным.

- Что же делать? – встревожился Моисей Яковлевич, - ещё несколько часов и наступит непоправимое.

- Ума не приложу, - взялся за голову главный врач.- Хотя есть одна зацепка. В поселковом лагере отбывает наказание московский хирург Соколов Николай Николаевич, врач высочайшего класса, он там, в лагерном лазарете творит чудеса. Начальник лагеря иногда, по моей просьбе, отпускает его в мою больницу на операции...

- Что ж, ты, матушка не бережешь себя, - проделав четырёхчасовую операцию, и дождавшись, когда больная очнётся после наркоза, укоризненно покачал головой Николай Николаевич, - лопнула киста на твоём яичнике, и начался перитонит, видимо боль – то была не одного дня, а ты всё терпела. Отрезал я тебе все детородные органы, рожать больше не будешь. Повезло тебе, болезная, через неделю освобождаюсь, кончился мой срок, так что поправишься, постав свечку за моё здоровье.

В 1953 году главный тиран И. В. Сталин ушёл из жизни, репрессии прекратились. Домой возвращались, уцелевшие, невинно осужденные. Но люди ещё долго оглядывались вокруг, прежде чем сказать какое-то слово, касающееся руководства страны, или выразить недовольство своей жизнью.

Народ, подогреваемый пропагандой КПСС, захватила идея строительства коммунизма. Воодушевлённые этой идеей они трудились на благо и процветания своей Родины.

Но подобные сны, не давали покоя, безжалостно теребя сознание, наводили на тревожные мысли о том, что подобные деяния могут, когда, ни будь, вновь посетить нашу грешную землю.

Жизнь, во всяком случае, основная захватывающая её часть, к сожалению прожита. Казалось сделано много, проделан долгий путь, образно выражаясь, в первых рядах строителей социализма, с высоко поднятым знаменем, ещё шаг и наступит призрачный коммунизм. Но он рухнул, так и оставшись призрачным, перейдя в аморфное и никому не понятное подобие капитализма. Все старания и «подвиги» стали никому не нужны. Остались одни воспоминания, дорогие лишь тем, что мы были молоды, энергичны, полны стремлений к осуществлению своей мечты.

Но в сознание Барышева, видимо до последнего дня жизни, никогда не забудутся души людей, занесённых сибирской метелью, за околицей их Родины.

Николай Александрович, часто обращался в мыслях к истокам своей жизни, и видел себя в образе маленького мальчика, смело вышедшего за околицу и шагающего сквозь метель к своему неизвестному будущему.

Часть первая.

За околицей метель.

Глава первая.

«Погружение»

Пусть от радости и счастья

Светятся родители!!!

Их сынок под тенью крыльев

Ангела – хранителя!

О. Крынкина.

Последняя декада сентября 1946 года выдалась на редкость солнечной и механизаторы колхоза «Путь Ильича» спешили закончить уборочную компанию, затянувшуюся из – за дождливого августа, и первой декады сентября месяца. Работы было ещё много. Оставалось убрать семьдесят гектаров пшеницы и двадцать ржи. Кроме того, до первых морозов, нужно закончить вспашку зяби. Полоса ржи, в двадцать гектаров, расположена прямо за околицей деревни Орловка. Прошёл двести метров от забора и вот она полоса - рукой подать. К вечеру 24 сентября с уборкой ржи колхозники должны были справиться. Но, вдруг, забарахлил мотор у одного из двух занятых, на этом поле, тракторов, таскающих прицепные комбайны «Коммунар». Заглох и ни в какую не запускался. На помощь механизаторам поспешил бригадир тракторной бригады Барышев Александр Афанасьевич, как раз, подъехавший на лошади к этому полю.

Поломка была быстро обнаружена, деталь для замены, вышедшей из строя, тоже долго искать не пришлось, она находилась в дрожках бригадира, среди других необходимых запчастей. Бригадир одновременно являлся и колхозным механиком, поэтому его возок всегда был загружен нужными деталями.

Запустив двигатель, и проводив взглядом уплывающий в ржаное поле комбайн, Барышев протерев ветошью измазанные мазутом руки, довольно улыбнувшись, обернулся назад, в сторону деревни, а именно своего дома, который находился тут же за околицей, вторым с краю.

От дома, неуклюже карабкаясь через забор околицы, в его сторону спешила женщина.

«Соседка, Хавронья Гулевская, - узнал Александр Афанасьевич, - что случилось, что – то она так спешит?»

- Александр Афанасьевич! – запыхавшись, хватая открытым ртом воздух, захрипела старушка, - скорее давай коня, Анна твоя рожает.

Барышев, растерявшись, засуетился, кинулся навстречу соседке:

- Как рожает? – очумело вытаращил он глаза.

- Как, как, очень просто, как и все рожают, - резонно заметила старушка, - давай разворачивай коня, бери Анну и в роддом, в посёлок Жарковский.

Александр, наконец – то поняв, что от него требуется, схватил вожжи и, хлестнув ими коня, помчался к дому, благо, что ворота околицы находились не далеко.

Распахнув двери, заскочил в дом.

На широкой лавке, под божницей корчилась в схватках его жена Анна.

- Анна собирайся скорее, - засуетился он, - поехали в посёлок, в роддом.

- Поздно Саша, не успеем мы туда доехать.

- Что же делать? – растерялся окончательно Барышев.

- Что, что, будем рожать дома, - услышался из – за его спины голос подоспевшей соседки Хавроньи, - давай быстро затопи баню и нагрей тёплой воды, - распорядилась она, - а я пока приготовлю чистые простыни.

- Вода в бане должна быть горячая, я её сегодня утром топил.

- Вот и хорошо, иди, неси ведро.

Барышев быстро исполнив указания соседки, топтался посреди комнаты, не зная, что же делать дальше. В это время услышался стон роженицы переходящий в крик.

- Сашка выйди за дверь, на улицу, - строго и грубо распорядились вновь объявившаяся повитуха Хавронья, раньше она, вроде бы никогда не занималась такими делами, но видимо при нужде, каждая женщина знает, что делать в данном случае.

Барышев, выйдя на крыльцо, прислонился к бревенчатой стене, и замер в ожидании окончательного исхода данной ситуации.

Некоторое время из дома доносились стоны и крики роженицы, затем всё стихло. И, вдруг, эту тишину прорезал громкий детский крик, заполнив комнату, и прорвавшись сквозь окна и двери, огласил двор и затем улицу, как бы заявляя:

- А вот и я, явился!

Крик прекратился так же, как и появился, неожиданно.

Двери в дом приоткрылись, на пороге появилась Хавронья:

- Ну, что Александр Афанасьевич, с сыном тебя, дал бог здоровенького, крепенького мальчика.

Вот так родился ещё один сын! Семья Барышевых, как говорится, была сводной, то есть каждый из родителей при бракосочетании уже имел собственных детей. У Александра Афанасьевича Барышева было два парня

Владимир и Андрей, возрастом восьми и десяти лет, и у Анны Григорьевны Семёновой был сын Фёдор, четырёх лет от роду.

Анна Григорьевна, намаываясь с непослушными ребятишками, особенно отчаянным был старший сын Александра Афанасьевича Андрей, он помнил и любил свою родную мать, покойницу, как две капли воды был похож на неё, и потому никак не мог смириться с новой матерью – мачехой и всячески стремился, чем ни будь досадить ей. Постоянно задирали младших ребятишек, своему родному брату Владимиру, мстил за то, что тот сразу прикипел всей душой к Анне Григорьевне, а уж сводного брата Фёдора постоянно старался унижить и оскорбить. Особенно он горазд был на придумывание различных обидных кличек и обильно награждал ими своих братьев.

Поэтому Анна Григорьевна, вынашивая в своём чреве очередное, уместное / как говорили в селе/ дитя, мечтала о том, что, возможно, бог смилостивится и наградит её за все страдания рождением девочки. Но бог не внял просьбам своей рабыни и наградил её очередным здоровым, головастым отроком. Анна не посмела обидеться на всемогущего и приняла смиренно очередного, четвёртого по счёту сына. Но позже она, в тайне ото всех, сшила яркое платьице и, когда новорожденный начал уже ходить, заводила его в горницу, закрывала двери и, нарядив дитя в платье, умиленно глядела на своё произведение. Однако Андрей каким-то образом всё – таки прознал об этом, и новый братец тут же получил кличку Дока, которая накрепко прилипла к нему, лет примерно на пять.

Александр Афанасьевич, наоборот, очень обрадовался рождению очередного сына, и, не откладывая процесса регистрации новорожденного, побежал в Сельсовет.

- Как будем звать мальчика? – выписывая метрическое свидетельство, спросила секретарь Екатерина.

И тут только Барышев спохватился, что имя – то мальчику он не придумал и с Анной Григорьевной не посоветовался:

- Как? Не знаю, сейчас сбегаю домой, посоветуюсь.

- Вот видишь, жизнь какая пошла, - вступил в разговор сельсоветский сторож дед Никита, - все носятся, как угорелые и подумать им некогда. Чего домой – то бежать назови его Николаем. Николай Александрович царское имя. Прямо царь Николай Второй, чего ещё надоть – то.

Александр Афанасьевич особого уважения к царской особе не испытывал, но имя Николай Александрович звучало неплохо.

- Ладно, пусть будет Николай, - согласился он.

И на радостях, записал сына на четыре дня раньше, чем тот родился. Когда - то ещё до Советской власти на всех новорожденных мальчиков выделялся земельный надел, девочки же лишены были таких возможностей, на них земельное право не распространялось, поэтому видимо отцы и радовались, по инерции, рождению сына, хотя этот закон давно не существовал.

Так вот, регистрация новорожденного в государственном учреждении была оформлена. Но Анне Григорьевне, по старинному обычаю, хотелось бы произвести обряд крещения, любимившемуся чаду. Семья, в которой она воспитывалась, была набожная, мать Анны умерла, когда ей было шесть лет, и её воспитывала тётка Христя, женщина крутого нрава, дочь волостного священнослужителя. Но на дворе был сорок шестой год двадцатого века, церкви в деревнях все были разорены, в основном использовались как амбары для хранения зерна. Служители христианской религии, в основной своей массе, были расстреляны, либо изгнаны с насиженных мест, в места не столь отдалённые.

В деревнях остались набожные старушки, проводившие так называемый обряд погружения. От обряда крещения он отличался тем, что

проводился на сухую. Если при крещении священнослужитель, читая молитву, трижды погружал ребёнка в купель, а взрослого, решившегося пройти данный обряд, обдавал брызгами из этой купели, то погружение, набожные старушки проводили без святой воды, так как осветить её было некому, читая молитву, трижды осеняли раба божьего крестом.

Анна хотела пригласить Орловскую набожную бабушку Марью, которая занималась этим богоугодным делом, но боялась Александра Афанасьевича, он, состоял в партии большевиков, кроме того, сразу по возвращении с фронта, был назначен бригадиром тракторной бригады колхоза «Заветы Ильича». Но желание её было непреодолимо, Анна Григорьевна, даже ночью, проснувшись неожиданно, думала о том, как избавить своего маленького сыночка от гнева божьего, который, как она считала, всю жизнь сопровождает некрещённых людей, и в один из неблагоприятных дней, обрушивается на их головы.

Однажды не выдержав дальнейших страданий, растолкав среди ночи мужа, со слезами в голосе Анна, положив руку на его широкую грудь, будто заранее пытаясь пресечь его несогласие, спросила:

- Отец, ты Колю любишь?

Александр Афанасьевич опешил от, неожиданно поставленного среди ночи, вопроса, долго молчал, не зная к чему бы это, и наконец, выдавил:

- Ты что во сне его плохо увидала? – он до войны-то был не разговорчив, а после того, как несколько раз покидал горящий танк, спасая других членов экипажа, и был контужен, вовсе редко кидал слова на ветер.

- Да нет, но чтобы его не видеть плохо во сне, и наяву для него жизнь была бы хорошей, давай пригласим бабушку Марью, пусть она его окрестит.

Александр Афанасьевич засопел, как кузнечные меха, сбросил с груди руку жены и, привстав, возмутился:

- Ты, Анна с ума, видно, спятила, я партийный, да ещё бригадир, ты, что хочешь из меня посмешище сделать, я на эту бабку Марью кобеля, Тарзана, своего выпущу. И думать об этом не смей!

Анна Григорьевна, отвернувшись, уткнулась лицом в подушку и тихонько проплакала до утра. Уж очень она боялась за дальнейшую судьбу некрещенного Коленьки. Но больше обращаться с этим вопросом к мужу не посмела.

Прошло, примерно, две недели после этого разговора. Анна решила как-то пойти проведать свекровь. Раньше до войны родители Александра Афанасьевича Афанасий Пантелеевич и Наталья Фёдоровна жили вместе с ним, его первой женой Варварой и детьми в одном доме. После того, как мужиков призвали на фронт, а через год Варвару посадили в тюрьму, и она там умерла, старуха осталась одна с детьми. Воспитывала их до возвращения Александра с фронта. Крепкая волевая казачка, встретив сына с войны и не дождавшись мужа, как – то сразу сникла и постарела, как будто выдохлась. А когда Александр привёл в дом новую жену, Семёнову Анну, сделалась сразу угрюмой, сварливой женщиной, постоянно чем – то не довольной и поэтому всегда злобно ворчащей. Анну Григорьевну она почему-то невлюбила сразу после первого же дня их встречи. И, собрав малочисленные вещи, ушла к младшему сыну Василию. Казалось бы, наоборот, женщину, принявшую на себя такой непосильный груз в образе двух подростков, нужно было боготворить и всячески ей помогать в столь нелёгком деле. Но этого не произошло. Что послужило причиной таких отношений, было не совсем понятно, но родственники со стороны Александра Афанасьевича новую сноху или не любили, или относились к ней с большим недоверием. Возможно, причиной этому послужила ревность, так как детей Александра, после смерти его первой жены Варвары,

пока он воевал на фронте, воспитывала Наталья Фёдоровна. А тут вдруг сразу после повторной женитьбы Александр как бы прервал тесные связи со своими малочисленными родственниками и старался угодить новой жене, уделяя ей и так очень малое, свободное от работы, время. А может быть и потому, что бывший, первый муж Анны был расстрелян в 1942 году, как враг народа, естественно это пятно – «жена врага Советской власти» долго преследовало несчастную женщину, до самого 1953 года, то есть до смерти Сталина. И теперь родственники Александра Афанасьевича, сами когда – то репрессированные, видимо испытывали страх, как бы чего не вышло. Хотя расстреляли мужа Анны, по навету, из-за пустяка, как и многих в то время. Но к этому мы вернёмся позже.

Анна Григорьевна шла проведать свекровь тоже не из любви к ней, а скорее из уважения к Александру и возможно с надеждой на улучшение взаимоотношений со свекровью. Дом Василия располагался на этой же улице в одном ряду с домом Александра, примерно дворов через шесть друг от друга.

Неохотно преодолев это расстояние, Анна, открыв дверь, переступила порог, и в первую минуту ничего не могла увидеть в полутьме избы, после яркого уличного света.

- Припёрлась! – раздался откуда-то сверху болезненный дребезжащий голос, - что ж дитя-то не принесла показать бабке, али боишься, что я его сглажу / сглаз – довольно распространённое в деревне суеверие /.

Анна опешившая от такого приёма, стояла столбом у порога, не находя, что ответит свекрови.

- Ты, что ж его одного кинула дома, что ли?- наконец – то Анна поняла, что голос раздаётся с широкой русской печи, на которой развалилась свекровь.

- Да нет, он спит и за ним Володя присматривает, - робко пролепетала Анна.

- Ишь, быстро ты научилась сплуатировать чужих детей – то, - повысив тон, дребезжала старуха.

- Почему это чужих? Володя мне не чужой, он меня сразу, с первого дня, мамой назвал.

- Ах, чтоб тебя черти за косы дёрнули, колдунья поскудная, Сашка перед ней на цыпках прыгает и Володьку уже присушила. Андрюха один лишь не поддаётся.

- Мама хватит! – вступилась, наконец – то, за Анну Елизавета, жена Василия, - ты дай ей хотя бы оглядеться сначала. Проходи Анна, садись.

Анна неуверенно прошла по комнате и присела на край широкой лавки, занимавшей всю стену перед окнами.

Снохи перекинулись несколькими фразами, старуха молчала.

- Как ваше здоровье Наталья Фёдоровна? – вспомнив, зачем пришла, наконец – то спросила Анна.

- А тебе то что, мечтаешь, что я скоро сдохну, не дождёшься. Ишь, Наталья Фёдоровна! У тя, что язык не поворачивается меня мамой назвать?

И тут терпение Анны Григорьевны, наконец, лопнуло:

- Мамой, а за что это я буду вас мамой называть. За вашу ненависть ко мне. Мама у меня была одна, да рано умерла. Скажите спасибо, что я вас ещё Натальей Фёдоровной называю.

От такого всплеска эмоций и старуха, и Елизавета на минуту онемели. В избе повисла неловкая тишина, сейчас рухнет потолок.

- Ладно, я Сашке всё расскажу, - вдруг, захлюпала носом старуха, - пусть он с тобой, стервой разберётся!

Снохи не глядя друг другу в глаза ещё посидели несколько минут молча, и видимо, чтобы как – то сгладить неловкую тишину, Елизавета спросила:

- Анна, а вы Колю – то крестить собираетесь?

- Так, а где ж его махонького крестить, церковь только в городе Тайге, как туда доберёшься. Да и Александр Афанасьевич запретил мне даже думать об этом.

«Ага, запретил значить», - повернулась в бабкиных мозгах мысль отмщения. И как ни в чём не бывало, она довольно спокойным и даже, можно сказать, сочувственным голосом проскрипела:

- Дык, ты убогую бабку Марью позови, она и проведёт обряд погружения. Что ж, Коленька будит безбожником расти. Нельзя этого допустить.

- Да как же я могу послушаться Александра Афанасьевича, он же меня прибьёт, потом и бабке Марье достанется.

- Дык, а ты языком – то не трепи. Счас уборочная идёт, он всё время в поле, когда ему за тобой наблюдать. А я вот завтра потихоньку схожу к бабке Марье, договорюсь с ней. А ты приготовь ей в подарок, какой ни будь платочек.

- Спасибо Наталья Фёдоровна. Вы уж простите меня за мои не ласковые слова, а я вам буду весь век благодарна за крещение Коленьки.

«Подожди, будешь благодарна, я те сделаю козью морду» - подумала свекровь, а вслух сказала:

- Да уж ладно, мне не привыкать, не одна ты мне нервы треплешь. Давай иди, а то Колька проснётся. А об здоровье моём не беспокойся, я ещё вас переживу.

Уборка хлеба в этом году затянулась, был конец сентября месяца, начало октября, а убирать нужно было ещё, не менее пятидесяти гектаров пшеницы. Пшеница уродилась, как говорится «на славу», а зерноуборочная техника была слабовата. Косилками, под народным названием «лобогрейка», на лошадях скашивали зерновые в рядки, бабы связывали скошенное в снопы и отвозили на зерновой ток, где располагалась рига – хозяйственная постройка с печью для сушки снопов, и гумно – огороженный участок земли, предназначенный для хранения, молотьбы и другой обработке зёрен хлеба. Молотьба к этому времени уже проводилась механической веялкой, приводимой в действие ремённой передачей от колёсного трактора «Fordthor», а не вручную, как раньше цепями /две деревянные палки, скреплённые между собой верёвкой. Одна длинная, другая короткая. Снопы раскладывались на полу рядами, и зёрна из них выбивались этими цепями, длинной палкой размахивались и ударяли короткой палкой по снопам./ Однако производительность веялки была не высока, поэтому работы не прекращались ни днём, ни ночью, чтобы успеть провести обмолот до первого снегопада.

Появились уже и зерноуборочные комбайны «Коммунар» и «Сталинец-1» однако с ними было больше мороки, чем пользы. Во первых они были не самоходные, а прицепные, то есть их по полю таскал трактор, гусеничных трактора «Нати» в колхозе было всего три, и они нужны были на вспашке зяби, которую тоже во чтобы то ни стало нужно было провести до заморозков. Колёсные же трактора были маломощные и частенько просто буксовали на поле, пытаясь сдвинуть комбайн с места. Они проваливались своими тяжёлыми, железными колёсами в мягкий полевой грунт и крутили ими в образовавшейся яме, выбрасывая острыми шипами кучи земли. Да и их было тоже всего три, столько же сколько и комбайнов, и им каждый день нужно было проводить перетяжку гаек и болтов, кроме того они

периодически ломались, и тогда нужно было срочно ехать за запасными частями в МТС, в посёлок Жарковский. Во вторых солома из этих комбайнов постоянно валилась на поле, так как соломокопнителей у них не было, и для её уборки, с поля, требовались дополнительные люди и либо трактора, либо лошади. Убранная солома использовалась на подстилку животным, иногда, при недостатке сена, на корм.

Все эти работы, их ритмичность и своевременность лежали на крепких плечах бригадира тракторной бригады Барышева Александра Афанасьевича, поэтому дома он появлялся, как говорится, наскоком, редко. Помыться, переодеть чистое исподнее, да прихватить малость продуктов питания: хлебца, молочка и прочей, небогатой домашней снеди.

Анна Григорьевна тоже была рядовой колхозницей, и должна была так же, как и другие бабы, в поте лица трудиться на благо колхозного хозяйства. Но её, как роженицу, на месяц освободили от тяжёлых работ и она, на дому, штопала крапивные мешки, предназначавшихся для хранения семян зерновых культур.

И вот в один из этих дней, а именно второй, после посещения Анной свекрови, во дворе громко залаял пёс Тарзан. Анна, отложив очередной мешок, и заглянув в люльку, подвешенную к потолку, убедившись, что ребёнок спит, быстро выскочила на крыльцо. В воротах, согнувшись в три погибели, замахиваясь на собаку клюкой, скукожилась бабка Марья, ходячая местная церковь. Увидев вышедшую на крыльцо хозяйку, выпрямилась, насколько, позволял ей искривлённый позвоночник и довольно бодрым, не подходящим для её фигуры, голосом церковного проповедника затянула:

- Господи Иисусе Хресте, во имя Отца и Сына и Святага духа прости и помилуй грешных рабов твоих!

Анна убрала собаку в сарай, подхватила согбенную бабку под локоть и помогла ей подняться на ступени крутого крыльца.

- Что ты бабуля так рано? В гости или по нужде какой? – дав бабке отдышаться, спросила Анна Григорьевна.

- По нужде, по нужде, милая. По твоей нужде. Сегодня ни свет, ни заря пришла ко мне свекруха твоя Наталья Фёдоровна и крестом, богом просила не откладывая времени пойти к тебе Аннушка, заявила, что не хочешь ты жить во грехе перед Богом, Отцом небесным нашим. Не хочешь ты, чтобы твоё чадушко вышло на путь жизненный не крещённым.

«Надо же старая кляча, как старается, - подумала про свекровь Анна, - что – то прямо удивительно, то месяцами её с печки не сгонишь, лежит, стонет, а тут вот на тебе, не успела сказать, а она уже к Марье метнулась»

- Проходи бабуля в дом, - оглядываясь по сторонам, не видит ли кто, пригласила «святую» в избу, - да, я хочу, чтобы вы крестили моего Коленьку, хочу ему добра и счастья.

- Иии милая, - затагнула бабка Марья, - до крещения детишков я не доросла, а вот погружение могу провести по всем церковным канонам. Давай клади его на лавку под образа. - Иконы, несмотря на то, что многие мужики, которые уцелели и вернулись с фронта, стали там коммунистами, */это особенно пропагандировалось перед боем, приём в партию/* почти во всех домах сохранились. Где-то глубоко в сердцах жила вера в Него, Всемогущего, а некоторые верили, что остались живы благодаря Ему, так как перед боем Его вспоминали.

И чтобы не обидеть бога и не гневить партийное руководство, крестьяне имели двойственный подход к божнице и стоящим на ней образам. Лампаду перед иконами не зажигали, как бы давая понять, вошедшему в дом, что святой угол находится в забвении, в тоже время всё ценное, если оно конечно было в те времена, хранили за образами, осенив

при этом себя крестом, для надёжности. А если рождался ребёнок или наоборот уходил в страну забвения старец, тогда святой угол использовался по назначению, в полной мере и с горящей лампадой.

Дети Андрей и Володя в это время находились в школе, к большой радости Анны, всё меньше лишних глаз, увеличивалась надежда на сохранение тайны проводимого ритуала. Четырёхлетний Фёдор возился на полу с какими-то железяками, гудел, изображая трактор. Он всё равно ничего не понимал и в раскрытие этого тайного деяния угрозы не представлял.

Развернув проснувшегося Колю из пелёнок и положив его на широкую лавку под образа, мать отошла в сторонку, уступив место набожной бабке Марье. Та, отложив в угол свою клюшку, уставилась умиротворённым взглядом на ребёнка и затянула в полголоса молитву, соответствующую данному обряду. Через определённые промежутки времени, она бросала подобострастный взор на лик, изображённой на иконе Божьей матери и тогда лицо её озарялось радужным светом, и со стороны казалось, что бабка постепенно, выпрямляясь, увеличивается в росте. Всё это время она накладывала крестное знамение на себя и на ребёнка, вздрагивающее пламя лампадки, отражаясь в ликах святых, удваивало эффект таинства этого обряда.

Анна Григорьевна боялась дышать, на глаза её навернулись слёзы умиления. Бабка Марья последний раз осенила крестом младенца, который всё это время не проронил ни звука, трижды всплеснула руками, имитируя жест обливания ребёнка водой, и в изнеможении опустилась на лавку у ног младенца.

- Ну вот, кажись всё, - перевела дух старуха, - мальчик – то у вас Анна умным человеком вырастит, спокойный, ни разу не пискнул даже, всё понимает. Ну, дай бог ему здоровья! Пойду я, однако.

- Куда ты торопишься, бабушка Марья, - остановила её хозяйка, запеленав ребёнка и положив его на широкую печку, пригласила, - присядь к столу, я ноне поутру ватрушечек с творожком напекла. Отведай с молочком, тогда уж пойдёшь.

Старушка без всякого жеманства присела к столу и с большим удовольствием стала поглощать предложенные ей яства. Зубы, как оказалось, ей господь сохранил почти все, видимо учитывая то огромное почтение к нему, оказываемое старухой.

- Спасибо Аннушка, вкусные у тебя шаньги получились, - насытившись и перекрестившись, бабка Марья взяла в руку клюшку и направилась к двери.

- Подожди бабушка, вот возьми платочек ситцевый, давно в сундуке лежит, мне в нём все равно ходить не куда.

- Да мне – то он на что, я, что ли девка молодая, куда я в нём пойду, - отодвигая руку Анны с зажатым в ней платком, - отказалась бабка от подарка, - у тебя самой - то ничего пади нет, что ж я последнее забирать буду.

- Возьми бабушка, неловко мне перед тобой и перед богом, такое ты большое дело для меня сделала, не возмёшь, бог мне такого не простит.

- Тебе милая бог всё простит, вишь какую ты на себя обузу взвалила, двоих, чужих деточек под своё крыло взяла. Тяжко тебе, наверное, живётся?

- Да ничего, с божьей помощью, как, ни будь, проживём, - смахнула набежавшую слезу, выведенную сочувствием старухи, Анна.

- Ладно, Аннушка, прощай, пора мне. Терпи милая, бог терпел и нам велел, – и старуха, застучав по полу клюшкой, двинулась на выход, так и не взяв предлагаемого ей платка.

Проводив бабку Марью, Анна Григорьевна заглянула на широкую площадку большой русской печки, где почивал ново крещенный, то есть

ново погруженный отрок. Он же завёрнутый в пелёнки и пригретый ласковым теплом печи, крепко спал, мирно посапывая и не тревожась ни какими снами, так как они пока были ему не доступны.

Анна, до прихода из школы старших детей, решила помыть полы. Налила в лохань / *большое деревянное широкое ведро, приспособленное для мытья полов, иногда для помоев и поения коров* / чистой воды и поставила под лавку у печи, на несколько минут, для подогрева. И только взялась за половую тряпку, чтобы приступить к мытью полов, как в избу ввалились ребяташки Андрей и Володя. Прозанимавшись с бабкой, Анна не заметила, как пролетело время, и занятия в школе закончились.

Надо кормить детей. Поставив на стол небогатую еду, она вспомнила, что с утра не успела накормить кур и уток, приход старушки нарушил весь хозяйственный режим.

- Вы ешьте ребятки, я сейчас вернусь. Володя ты посмотри за Колей, чтобы он с печки не свалился.

- Да куда ваш Коля не денется, он вон дрыхнет, только пузыри от зада отскакивают, - съехидничал Андрей.

Анна набрала в ведро пшеницы и, раскидывая её по двору, сзывала кур:

- Цыпа, цыпа, цыпа, - куры, широко расставив крылья, кубарем неслись к площадке и набрасывались на пшеничные зёрна.

Уткам нужно было зерно давать в специальные корытца, заливая его водой. Для этого потребовалось определённое время. Кормление птицы почти уже заканчивалось, как, вдруг быстро открылась дверь, и на порог вылетел Андрей, глаза его были широко открыты, видимо от испуга:

- Мать, иди скорей Колька с печки свалился.

Анна стрелой метнулась в дом, не обратив даже внимание на то, что пасынок первый раз её назвал матерью. В избе ей представилась ужасная

картина: Володя держал на вытянутых руках маленького, орущего во всё горло Колю, с которого сливалась в лоханку вода. Анна, испуганно хлопая глазами, выхватила ребёнка из Володькиных рук и, лихорадочно вращая его, начала осматривать, пытаясь обнаружить какие то повреждения. К счастью на теле не было ни царапины.

- Как же так, я же просила присмотреть за ним, - укутывая в пелёнку маленькое тельце и прижимая его к груди, укоризненно выговаривала она Володе.

- Я смотрел, всё было тихо, потом он закричал, я встал, хотел посмотреть, а он уже с печки упал на приступку /выступ – опора для ноги, при подъёме на печь/с приступки на лавку, а с лавки в лоханку. Из воды я его сразу же выхватил.

Видимо ребёнку стало жарко на тёплой печке, и он начал разворачиваться, а так как был запеленат слабо, вылез из пелёнок и перевернулся через край.

- Ну, вот и окрестился, - не удержался от ехидного замечания Андрей, - вы же сами хотели его окрестить.

Анна хотела резко осадить его, но вдруг до неё только сейчас, когда она немного успокоилась, дошло обращение Андрея там, на крыльце к ней: «Мать...»

Анна, растерялась и, не зная, что в этом случае предпринять, одной рукой прижимая к груди Колюшку, другой неожиданно погладила Андрея по лохматой кудрявой голове. Андрей засмутившись, покраснел, но голову не отёрнул.

- Вы отцу только ничего не говорите, - попросила Анна Григорьевна.

- Не, ни скажем, - в один голос выдохнули они и согласно закивали головами. Кому, кому, а уж отцу, они ничего бы не сказали и без предупреждения, чтобы неожиданно не оказаться виновными в

происшедшем событии. Он никогда к ним не применял физических методов воспитания, но ребята боялись даже строгого отцовского взгляда.

- Господи! – с благоговением глядя на икону, думала Анна, - всё прошло и закончилось благополучно, видимо тебе было так угодно, - и даже то, что младенец упал с печки в лоханку, она приписывала ему, Богу, как бы всё это было сделано по его воле, для укрепления проведённого обряда.

Но последняя точка этого события поставлена ещё не была.

Уборочная страда подошла к концу. Александр Афанасьевич измотался вконец, похудел, почернел от постоянной пыли и мазута, который с большим трудом отмывался от кожи рук и лица, приходилось постоянно помогать трактористам и комбайнёрам, при поломке техники, производить ремонты. Но в конечном итоге он был доволен, урожай удалось убрать до первого снега, большая часть зерновых, просушенная, лежала уже на складах, нужное количество семян упаковано в мешки, вспашка зяби тоже подходила к завершению.

Уставшие за сезон механизаторы, внутренне ликовали, в предчувствии скорого сабантуя, праздника символизирующего окончание полевых работ. Слово это – сабантуй - татарское, но в русском языке сибиряков поселилось навечно, видимо ещё со времён татаро-монгольского ига. Праздновали это событие прямо в поле, накрывали скатертями длинные, сделанные на скорую руку, столы, в колхозе забивали бычка или баранов, приносили из дома кто, что мог и, конечно, главное место на столе занимал испечённый самой умелой хозяйкой села огромный каравай.

Александр Афанасьевич тоже испытывал некоторый душевный подъём в предчувствии скорого праздника, он не был любителем частого употребления спиртных напитков, но, как и любой крестьянин, был не прочь,

после праведных трудов пропустить стаканчик – другой крепкого напитка, водки, например, и от самогона тоже не отказывался.

Но была одна неприятная особенность организма Александра Афанасьевича, и видимо она была приобретена в боях, в войну, при неоднократной контузии. Пьяного Александра нельзя было задирать, говорить какие – то гадости либо спорить с ним. Он бы, возможно и стерпел всё это, но одна странность обманчиво действовала и на него, и на того кто пытался его обидеть. Обидчику невозможно было определить, злится Александр или издевается над ним, потому, что при сильном раздражении, губы и всё лицо его расплывались в широчайшей улыбке. Александр пытался сдерживать эту судорожную улыбку и ничего поделать не мог, и тогда злился ещё больше, и чтобы каким-то образом положить конец этим мучениям, неожиданно для своего обидчика, наносил страшной силы удар, от которого на ногах удержаться никто не мог. В деревне многим уже эта улыбка была знакома, но в процессе весёлого гулянья, иногда, об этом некоторые забывали.

Наталья Фёдоровна, затаив обиду на Анну и зная неудержимую болезненную слабость сына, решила использовать подходящий момент. За три дня до намеченного праздника, она чуть забрезжил в окошке свет, засуетилась, запыхтела и начала спускаться с печки.

- Тебе что, мать, плохо, что ли? – удивлённый таким ранним подъёмом, спросил Василий.

- Да нет, всё в порядке, пойду, схожу к бабке Марье, потолковать надоть кое об чём.

- О чём вам толковать – то старым, лежала бы на печи, да грела свои кости.

- Послушай Вська, ет не тваво ума дело. Ты мне лучше скажи, ктой –то у вас главный партиец в колхозе?

- А ты что в партию вступать собралась, что ли? Или на меня жаловаться будешь? Так ты уж сначала мне скажи, чем не довольна, может, я исправлюсь.

- Да нет, эт я так, для антиресу, хочу знать кто ж у нас в деревне самый достойный.

- Ясно кто, Овсянников Михаил, он больше всех глотку научился драть, на фронте, по политической части капитаном был.

Старуха напялила резиновые сапоги, взяла с печки клюшку и, уже через минуту – другую, загромыхала в сторону избы бабки Марьи, благо идти было не далеко, наискосок через дорогу.

«Неспроста матушка засуетилась, - беспокойство пронеслось в голове Василия. Он по натуре был трусоват, работал бригадиром животноводства в том же колхозе, что и Александр, и боялся потерять бразды руководства, - не уж- то против меня что замышляет, вроде нечего плохого я ей не делал, хотя от неё всего можно ожидать, характер не дай бог»

Василий по молодости годов на фронт не призывался, в сорок третьем году закончил шести месячные курсы ветеринаров, в то время очень почётная профессия, лечить скот, особенно лошадей, которые являлись во время войны основной тягловой силой. Поэтому, несмотря на его молодость, был поставлен бригадиром животноводства и очень дорожил своей должностью.

Двери бабка Марья не запирала, её все в деревне уважительно побаивались, считали, что она уже где - то на полдороги к воротам рая, и здесь частично выполняет божью волю.

- Здравствуй Марья Хвлипповна, - громыхнув дверью, ввалилась в избу Наталья Фёдоровна – ты маво внука охрестила? – сразу преступила она к делу.

- Здравствуй Фёдоровна, - бабка Марья ездила в город в церковь, много общалась с людьми, поэтому разговорная речь её больше напоминала городскую, в отличии от Натальиной, - я крестить не могу, но всё, что в моих силах сделала. А что ты такую рань всполошилась.

- Да так надо. Нюрка то тебя хорошо встретила? Пади грязью заросла по самые уши, - не забыла свекровь измарать свою нелюбимую сноху, даже здесь.

- Чтой –то ты такое говоришь Наталья, типун тебе на язык. Да она хозяйка такая, что у нас в деревне редко встретишь подобную. Что же тебя злоба-то всё гложет, ей помогать надо, обмыла Сашку твоего и его детишек, а на вас всё никак не угодишь.

- Чевой – то ты за неё горой встала, или она тебе тряпок надавала за твоё усердие? Бывшая жена она врага народа и на наш род кару натянуть. А на счёт помочи не беспокойся, я ей у скорости помогу. Долго помнить будить, – развернувшись, Наталья метнулась в сени, грохнув на прощанье дверью.

Придя домой, Наталья Фёдоровна раздеваться не стала. Василий Афанасьевич был ещё дома, собирался запрягать коня, который был выделен ему из колхоза, согласно занимаемой им должности.

- Васька, ты на работу сейчас поедешь? – спросила старуха.

- А как же, конечно поеду. А тебе – то что? – подозрительно взглянул на мать Василий, почуяв что – то не ладное в поставленном матерью вопросе.

- Я с тобой, довезёшь меня у сельсовет.

- Это ещё зачем? – окончательно опешил Василий.

- Надо, пойду к главному партийцу, на Нюрку жалиться.

- Мать ты совсем из ума выжила. Что ж она такое против партии натворила? И тебе – то, что до партийных дел, - взволновался он и, конечно, не за Анну, а за себя, наговорит мать руководству черте что, а те долго разбираться не будут, рассердятся и его же с должности вышвырнут.

- Ты Васька, как был тупицей, так ей и останешься, хотя и бригадир. Эта ведьма, Нюрка, учудила, охрестила сына Кольку. Таперь, если у сельсовете узнают, вас с Сашкой из бригадиров турнут и из партии, а после ещё и посодють. Дык вот, надо вперёд донести на неё, мол, так и так, мы ничего не знаем, всё натворила против нашей воли. Пусть её суку прижмут, можа в след за её первым муженьком отправят.

- Мать, ты, что такое говоришь, у неё же теперь куча детей, их то куда?

- Вы с Лисухой заберёте, и я за ними приглядывать буду, чай не чужие, всю войну с ними водилась, сами знаете, после того, как Варвару, их мать, посадили. Что ты губами за неё трясёшь или в тюрьму захотел, – гнула свою линию старуха. Душа её ликовала:

«Ишь как я всё здорово продумала, загребут эту тварь в лагерь, а мы за Сашку Нюрку Рябую сосватаем, она давно на него глаз положила». Нюрка была вдова погибшего на фронте односельчанина. Почему к ней пристала кличка Рябая, никто толком не знал, она же была здоровая, крепкая баба, кровь с молоком, и ни одной рябинки на её лице обнаружить было не возможно, сколько не приглядывайся. Видимо кличка эта пристала к ней по причине того, что она до войны любила носить яркие пёстрые ситцевые платья, пёстрая как птица - рябушка.

Василий никак не мог прийти в себя, он долго не мог придумать, что же делать. Останавливать мать или нет. Его страшила та буча, которая подымится из-за доноса старухи, но ещё больше он боялся того, что тайна, в

конце концов, всё равно раскроется и тогда последствия действительно будут непредсказуемыми.

- Ладно, садись, поехали, - наконец махнул он рукой.

Сельский Совет в селе Орловка являл собой главное управление всей деревенской жизни. Представлен был старым обветшалым зданием, с двумя комнатами внутри и двумя дорогами снаружи, которые с четырёх сторон охватывали жидкой грязью это здание, так как оно занимало, как раз посередине, перекрёсток центральной улицы села.

В одной комнате разместился председатель сельского Совета, Трофим Кириллович Алёхин, человек рассудительный, добродушный и преданный, избравшим его на эту должность, односельчанам – это были его основные достоинства. К недостаткам можно было отнести следующее: он, как и почти весь руководящий состав села был безграмотный, расписываться и писать по слогам, а так же читать, он с грехом пополам мог, закончил два класса начальной школы, и этого уже было достаточно для того, чтобы свою крючкообразную роспись украшать сельсоветской печатью. Вторым недостатком – у него не было правой ноги, как говорится, под самую репицу. И если первый недостаток можно было как-то исправить в дальнейшем, то второй исправлению не подлежал. Но тут уж виновна была война, и отсутствие ноги никак не мешало Трофиму Кирилловичу исполнять свои обязанности, а наоборот внушало уважение односельчан.

Вторую комнату занимал парторг Орловской коммунистической ячейки Овсянников Михаил Терентьевич вспыльчивый, очень принципиальный и, как ему казалось, преданный партиец. Но по непонятным, а может быть и скрываемым причинам односельчане его недолюбливали, скорее не любили. Он также был бывшим фронтовиком, служил в политотделе одной

из армий, вернулся совершенно невредимым, с орденами и медалями, и очень этим гордился. Но пришедшие с фронта мужики - односельчане израненные, безрукие, безногие к нему относились настороженно и дружбу с ним не водили, между собой считали его НКВДешником.

В это утро Михаил Терентьевич и Трофим Кириллович, сидели за одним столом в кабинете председателя и обсуждали важные вопросы. Подошла к концу уборка зерновых в колхозе «Заветы Ильича», прошла уборочная страда в этом году, как никогда удачно, если не считать мелких поломок агрегатов, как говорится без сучка и задоринки. Урожайность зерновых получилась выше показателей прошлых лет. Оба руководителя и партийный, и сельсоветский считали себя тоже причастными к данным приятным событиям. И теперь обсуждали, предложения, с которыми они должны пойти к председателю колхоза Георгию Дмитриевичу, о награждении особо отличившихся в работе механизаторов, и о проведении празднования по случаю окончания полевых работ.

- Кандидатуру Александра Афанасьевича Барышева я бы предложил подать на правительственную награду, человек все силы отдает работе, посмотри на него, он даже высох весь и почернел, - заявил Трофим Кириллович.

- Сашку Барышева, это ещё за что, - скривил своё гладкое, холёное лицо парторг, - подумаешь, исхудал, да это его прямая обязанность и как руководителя, и как коммуниста, держать всё в своих руках на вверенных ему рубежах. – Высокопарно провозгласил Михаил Терентьевич, - хватит ему и «Похвальной грамоты» от колхоза. / Была в те времена такая награда, позже она переименована была в «Почётную грамоту»/

«Ишь, закрутил... На вверенных рубежах... знаем мы эти рубежи, - думал Трофим Кириллович, - однажды парторг начал похваляться своими наградами, в присутствии Барышева, а тот терпел, терпел, слова из него не

выдавишь, а тут и ляпнул: «Награды то, тебе, мол, дали за то, что ты в штабе штаны до дыр протёр» Вот с тех пор и возненавидел парторг бригадира»

И только Трофим Кириллович собрался защищать свои позиции, как дверь, заскрипев, распахнулась и на пороге появилась старуха Барышева Наталья Фёдоровна.

«Ни кстати, чёрт её принёс, - зная её скверный характер, с досадой хлопнул ладонью об стол председатель, - не к добру всё это, год всё помирала на печи, а тут вывалилась, как ни в чём не бывало»

Михаил Терентьевич же наоборот, как будто внутреннее чутьё НКВДэшника ему подсказывало, что бабка как раз во время пришла, широким жестом показывая на свободный стул, расплылся в ехидно показной улыбке:

- Проходи Наталья Фёдоровна, присаживайся. Что же тебя в такую рань к нам принесло?

- Дык вот, пришла вас партейцев спросить, вы церковь когда собираетесь строить?

- Какую церковь, - вытаращил глаза Михаил, - попы опиум для народа, мы коммунисты атеисты бабка, ты что-то не то городишь.

- Ну, это ещё надо разобраться, кто из нас не то городить. Значить детишков врагам народа можно хрестить в тихоря, а церкви вам не нужны.

- Слушай, бабка, ты никак больная, - попытался остановить её Трофим Кириллович, предчувствуя беду, - иди домой, или давай я тебя отвезу в своей кошевке.

- Ты Трошка меня за дуру - то не считай, я знаю что говорю. Вон Нюрка Семёнова позвала бабку Марью, да и охрестила дитя своего. Она как была вражина народная, так ею и осталась. Мужа грохнули и ей туда дорога.

- А при чём же здесь Нюрка, она же не партийная, - попытался опять остепенить старуху председатель. Он без ноги вернулся в село в сорок

втором году, и всю трагедию семьи Анны Григорьевны знал и очень её жалел.

- Погоди Трофим, - вступил в полемику Овсянников, - она не партийная, зато Александр Афанасьевич, твой хвалёный, коммунист. Вот тебе и правительственная награда, - злорадно подхватился он, - ладно Наталья Фёдоровна, ты иди домой, а мы тут разберёмся, кому церковь нужна.

- Что ж ты старая наделала? – с горечью воскликнул Трофим Кириллович, - злота тебе свет застит. Вам бы всем на Анну молиться надо, а вы ядом её поливаете. Теперь и Сашке твоему решку наведут.

- А Сашка здесь не причём, он ничегошеньки не знал, он всю время на полях. Эту гадину надо посадить.

- Как это ничегошеньки не знал, - вскинулся парторг, - в одной семье без согласия ничего не делается. Всё мать иди домой, хорошо, что пришла, нам необходимо знать, кто настоящий коммунист, а кто случайно затесался в наши ряды, - и он почти силой сопроводил до двери, пытающуюся, что-то сказать в оправдание Александра, старуху.

Когда дверь за ней захлопнулась, Михаил Терентьевич довольный, потирая руки уккоризненно сказал:

- Вот, Трафим Кириллович, нет в тебе смекалки и бдительности, не можешь ты настоящего преданного партийца отличить от проходимца. Он сам враг народа, из семейства сосланных казаков, и жену – то себе выбрал из семьи врага народа, а ты «Давай его на правительственную награду подадим» Знаешь я на фронте, сколько таких тихариков расколол?

- Не знаю и знать не хочу, - вспыхнул Трофим Кириллович, - знаю только, что массу невинных людей уничтожили ни за что. /Он хотел сказать «такие как ты», но не стал, ему не хотелось с одной ногой оказаться в лагере,

на заготовке леса./ Какой же он враг народа, если четыре года на фронте кровь проливал, верой и правдой служил этому народу.

-Значить умелый враг, затаился, замаскировался, не нашлось подходящего момента перейти на сторону врага, а когда фашистов попёрли ему ужу деваться было не куда. Завтра пойду к председателю, надо решительные меры принимать к этому затесавшемуся в наши ряды, подкулачнику.

- Слушай Михаил, тебя и так вся деревня не любит, скорее, ненавидит, не делай ты этой подлости, а то ненароком, кто ни будь, невзначай, хребет тебе поломает. Ну, пошептала там бабка над ребёнком, какой от этого ущерб коммунистическая партия понесла. Оставь ты эту семью в покое, у них итак забот через край.

- Вот Трофим, из- за таких, как ты, немцы почти до Москвы дошли. Этого прости, того помилуй, то не замечай и это!

- А мне, кажется, наоборот, из- за таких, как ты, перебили массу умных хороших людей перед войной, а самим ума, вовремя остановить фашистов, не хватило.

- Вот ты как заговорил, ладно посмотрим, как нам дальше вместе жить? – и, хлопнув дверью, парторг удалился в свой кабинет.

«Всё, этот гад будет землю рогами рыть, пока не добьётся своего, - тревога закралась в мозг председателя и давила тяжёлым грузом, - надо что-то предпринять немедленно, пока этот хлыщ до райкома не дошёл. Пойду к Георгию Дмитриевичу посоветуюсь, он мужик рассудительный и в районе на хорошем счету»

Георгий Дмитриевич Михайлов председатель колхоза «Заветы Ильича», в своей жизни, за пятьдесят лет её существования, пережил многое. Революция в Сибири мало что изменила. Принятый 26 октября 1917 года

Декрет о земле: /Изъятие её у помещиков и передача в государственную собственность, с дальнейшим выделением наделов крестьянам, с обязательной обработкой собственными силами, без привлечения наёмных работников/мало затронул сибиряков. Помещиков имеющих огромные участки пашни в Сибири почти не было. Были богатеи, нажившиеся на лесозаготовках, на железных рудниках, на золотодобыче и угольных шахтах.

Частные подворья на землях, хоть и плодородных, больших урожаев не получали, из-за погодных катаклизмов в этих краях земледелие считалось рискованным делом. Посеянную озимую рожь, зачастую ранние заморозки убивали до основания, разрывая корневища проклюнувшихся ростков. Однако нужда заставляла заниматься зерновыми, но урожайность их была не высока. Для выращивания овощей не хватало времени, тепло в основном держалось не более трёх месяцев, до теплиц в те времена ещё никто не додумался. Оставалась одна выгодная отрасль – это выращивание картофеля, ранние заморозки ему были не страшны. Но процесс этот был трудоёмкий, всё приходилось делать вручную, кроме конной вспашки. И здесь, конечно, выигрывали семьи большие, брали числом и умением, обычно дети в больших семьях отличались трудолюбием и прилежанием. Поэтому, картофель использовался в основном на корм скоту. И скота конечно в каждом дворе было достаточно. Семья Михайловых по количеству её членов относилась к средней, отец, мать и четыре сына погодки, всех бог здоровьем и размерами не обидел, поэтому, что такое голод они не ведали.

В 1924 году Георгий был призван в ряды недавно, шесть лет назад, организовавшейся Красной армии / РККА /. Гражданская война к тому времени закончилась, но в Средней Азии ещё свирепствовали басмачи, и он, волею судьбы и командиров, попал в отряд кавалерии в Кашкадаринскую

область Узбекистана уничтожить басмачей Курбаши Джабарбека. Был несколько раз ранен, переведён на службу в Россию и положенный срок свой дослужил до конца. В армии вступил в ряды ВКПБ. Вернувшись в село, получил, как достойный красноармеец и член партии, должность председателя сельского Совета. В 1928 году женился и завёл собственное хозяйство. В этом же году началась коллективизация, сначала добровольное объединение частных хозяйств в колхозы, а затем и принудительное. В Сибирь это мероприятие пришло на много позже, чем в центральную и среднюю полосы России, но плоды её проведения были, как говорится «на лицо». Скоро в Сибирь эшелонами хлынули подвергнутые репрессиям, не желающие добровольно объединяться, так называемые кулацкие элементы. То, как с ними обращались, размещая их в необжитых местах, почти что под открытым небом, наводило ужас на местное население. Вскоре по всей Энской области, как грибы стали расти тюрьмы и лагеря, широким веером рассыпаясь вокруг основной, построенной ещё Екатериной Второй в городе Мариинске, мрачной многоэтажной тюрьмы.

В посёлке Жарковском, в трёх километрах от села Орловки, как мы уже знаем, тоже возник огромных размеров с высоким забором строгорезимный лагерь. Да и ещё ряд, таких же, расположились не так далеко. Поэтому когда настала очередь коллективизации в данном селе, особого сопротивления от крестьян не последовало. В 1934 году образовался колхоз «Заветы Ильича» Георгия Дмитриевича пригласили в райком партии, и предложили возглавить, пока ещё не существующий колхоз, который он сам должен был и организовать. В помощь ему выделялись два работника райкома и два служащих НКВД. От помощников Михайлов отказался, приехав в село, собрал народ:

- Вот, что уважаемые граждане, хотите вы или не хотите, а объединиться, в коллективное хозяйство нам придётся, вы и сами видите,

что творится вокруг, если мы это не сделаем добровольно, придут работники НКВД. Личные хозяйства у нас у всех почти что одинаковые, работу вы свою все знаете. Да и общими силами сделать можно гораздо больше.

Сначала толпа возмущённо заревела, каждый считал, что его земельный участок и личная скотина лучше других. Георгий стоял и моча слушал, досталось, конечно, и ему, обзывали всяко, кто что придумал, тот то и выкрикивал. Накричавшись вдоволь, начали рассуждать здраво и постепенно часиков этак за шесть, уже начались сумерки, основная масса односельчан пришла к выводу, что, в общем-то, кричи ни кричи, а деваться не куда. Оставались ещё человек около десятка не согласных.

- Ладно, граждане, давайте будем расходиться, надо приступать к делу, прежде всего, нужно строить помещения для скота, земельные участки объединить нужно до посевной и собрать семена для посева. А те, кто не согласен, завтра с утра сходите в сторону аэродрома.

-Это ещё зачем? - зашумели из толпы не согласных.

- А за тем, чтобы полюбоваться на лагерный забор и колючую проволоку вокруг его, и сделать правильные выводы.

Дело было в феврале месяце, а уже в середине мая все вместе трудились на полях и на стройке коровников. Так добровольно образовался колхоз «Заветы Ильича». Вроде бы всё прошло гладко, но зато после, долгие годы Дамоклов меч постоянно преследовал всех руководителей и в том числе Михайлова. Чуть, что ни так, сразу – враг народа. Не успел во время отсеяться либо провести уборку, всё мгновенно записывали во враги. А уж если не сдал, положенную по плану, продукцию, суши сухари, будешь вскорости лес валить, в местах не столь отдалённых, а то и к стенке попадёшь. Вот и приходилось постоянно находиться между молотом и наковальней: нужно кормить городских рабочих, солдат, и своих голодными оставлять негоже. А скольких доносчиков пришлось пережить Михайлову за

этот срок, пересчитать – пальцев на ногах и руках не хватит. Просился в войну на фронт, никто из руководителей и слушать не хотел:

- Твой фронт здесь Георгий Дмитриевич, - заявлял ему секретарь райкома Бондарев. Надо отдать ему должное, в трудную минуту он всегда выручал Михайлова, отменяя все доносы и напрасные претензии со стороны НКВД.

Трофим Кириллович, не дожидаясь завтрашнего дня, подхватив стоящие в углу костыли, выскочил из Сельсовета и, заскочив в возок, стоящего тут же коня, двинулся в сторону колхозной конторы. Согласно субординации, он мог бы сам пригласить к себе председателя, но на селе больше уважали, всё-таки людей, которые производили продукцию, поэтому субординацию не соблюдали. К тому же Алёхин не хотел, чтобы парторг вмешивался в их разговор, он решил оговорить данный вопрос с председателем колхоза с глазу на глаз, а уж затем пригласить парторга и попытаться утихомирить его пыл вдвоём с Георгием Дмитриевичем.

Но не таков был парторг Михаил Терентьевич, как только он услышал стук, закрывающийся, двери, тут же метнулся к окну:

- Ах, ты безногая каракатица, к председателю рванул, решил, что вместе они меня быстро укатают. Ну, нет, я завтра прямиком в райком партии поеду. Посмотрим, кто кого вокруг пальца обмотает, - зло подумал он, и сел писать докладную на имя секретаря райкома Бондарева Василия Семёновича.

Колхозная контора находилась не далеко от Сельсовета, домов этак через пятнадцать, в таком же ветхом крестьянском домишке, и так же состояла из двух кабинетов. В одном заседал председатель колхоза, в другом бухгалтер и счетовод – он же учётчик.

Георгий Дмитриевич был на месте. Поздоровались.

- Чтой – то ты такой возбуждённый? – заметив тревогу на лице Алёхина, спросил Михайлов.

- Будешь тут возбуждённый, - кинув костыли в угол и присаживаясь к столу, выдохнул Трофим Кириллович, - наделала бабка Барышева Наталья Фёдоровна дел,- и он подробно рассказал всё произошедшее в сельском Совете, час назад.

- А этот штабной – герой вцепился мёртвой хваткой в Александра Афанасьевича и не отпустит, пока глотку не перегрызёт.

- Да ситуация, - озабоченно протянул Георгий Дмитриевич, - посадить Александра, конечно, не посадят, сейчас уже не тридцать седьмой год, немного стали по разборчивей с людьми обходится. Да и НКГБ сейчас больше военными занимается, прибирают тех, кто был в плену и не смог оправдаться, командный состав, подозревают в заговоре против Сталина, вон говорят, до Жукова добрались. А вот из партии выгонят, а затем и с работы турнут. Позора не оберёшься.

- Георгий Дмитриевич, давай мы вместе завтра с ним поговорим, может, уломаем. Александра – то жалко, трудяга, да и бригадира лучше не найти.

-О чём ты говоришь, Трофим Кириллович, ты, что за этот год не изучил подлую натуру Овсянникова. Он завтра же ни свет, ни заря рванёт в райком партии. Давай мы подумаем, как нам выйти с наименьшим ущербом из сложившейся ситуации.

Посидели, выкурили по самокрутке, и вдруг лицо Алёхина озарила хитроватая улыбка:

- А, что Георгий Дмитриевич ни попробовать ли нам применить тот же метод к Овсянникову, каким и он пользуется. Все сплетницы на деревне поговаривают о том, что наш парторг любитель шариться по бабам – вдовушкам. Давай мы напишем жалобу в райком партии, как бы от жителей

деревни, а я тут у надёжных женщин подписи собираю. Сегодня же, а завтра ты переговоришь с секретарём райкома, вы всё - таки с ним давние друзья.

- Ладно, - согласился, подумав Георгий Дмитриевич, - подлый, конечно, ход, но другого ничего не придумаешь. Иди, Трофим Кириллович действуй, так и быть возьмём грех на душу. Вы с Овсянниковым на одной лошади ездите, ты завтра с утра пораньше запряги её и смотайся куда ни будь, а я в это время в посёлок добегу, в райком.

- Хорошо, так и сделаю, - подхватив костыли, двинулся на выход Трофим Кириллович.

- Да, Трофим, ты давай с этой бумажкой не тяни, вечером она должна быть у меня, а то как-то неловко получится, будто я секретарю райкома сплетни привезу от себя лично.

- Ладно, я постараюсь, - и председатель Сельсовета, громыхая костылями, скрылся за дверью.

Выйдя на улицу и сев в возок, Алёхин не спешил гнать коня, он хоть и придумал всю эту комедию с доносом, однако на душе было не то, чтобы не спокойно, а как – то гадко. Тем более, сейчас нужно будет втягивать в это дело других людей, да ещё женщин, будешь потом ходить, и оглядываться, слухи в деревне распространяются стремительно.

И тут он вспомнил Нюрку Рябую, намерения бабки Натальи сосватать её за Александра Афанасьевича были не случайны. Нюрка с давних пор его любила, ещё до войны, когда он был парнем, но Александр на неё внимания не обращал. И когда он женился, она тоже, как бы в отместку, вышла замуж за первого встречного, тихонького мужичка, который, так и не осчастливив её потомством, погиб на войне. И даже когда Александр, после трагедии, произошедшей с его первой женой, второй раз женился на Анне Григорьевне, эта любовь не угасла, а затаилась в её сердце, в надежде на то,

что вдруг, как – то так само выйдет, и он неожиданно заглянет к ней на огонёк, пусть даже ненадолго. В деревне многие догадывались об этом, в том числе и Трофим Кириллович. И сейчас, вспомнив про безответную любовь, Алёхин, облегчённо вздохнув, повернул коня в стону её дома.

Анна Петровна / *было и у неё, оказывается, настоящее имя* / была дома. Услышав, как на крыльце загромыхали костыли, она вышла навстречу председателю.

- Ты чего это Трофим, тоже по вдовым бабам решил пройтись? – хитро улыбаясь, огорошила хозяйка не званого гостя.

- Почему это тоже? – растерялся Алёхин, - что к тебе часто мужики заглядывают, что ли?

- Ну, часто не часто, а твой приятель Овсянников навевывался, как-то по темну, ну я его с крыльца - то и спустила. Заерепенился он, хотел силу свою показать. Но как только я сказала, что в райком пойду жаловаться, маханул со двора, чуть забор не снёс. После слышу, он не только ко мне, а и других навещает, кто доволен, кто в шею гонит, так он, паршивец, угрожать начал.

- Ты, Анна прямо, как в воду смотрела, я как раз за этим к тебе и пришёл, хочу, чтобы вы жалобу на него накатали.

- А што это Сельсовет теперь берётся бабью честь защищать, что ли? – съязвила Анна – ну тогда тебе Трофим придётся со свечкой у ног каждой вдовы сторожа поставить.

- Ну, ты уж совсем загнула, - покраснел председатель, - со свечкой я стоять не собираюсь, но помощь ты мне должна оказать, - и он изложил подробно причину, приведшую его в дом Анны Петровны.

Она, как услышала о том, что Александру Афанасьевичу угрожает беда, изменилась в лице, узнав, что способ спасения любимого человека в её руках, тут же бросилась исполнять просьбу Трофима Кирилловича,

покаявшись перед иконой никому не рассказывать о том, от кого появилась такая инициатива. Часа через три она принесла Астафьеву написанную каракулями жалобу, с несколькими подписями.

Секретарь Жарковского райкома партии Бондарев Василий Семёнович на работу в райком приходил рано, обычно к семи утра, обзванивал все предприятия посёлка, колхозы и часам к девяти утра уже имел полную картину сложившейся в районе рабочей обстановки. О чём и докладывал секретарю крайкома Волкову Борису Николаевичу, с которым знаком был ещё с гражданской войны, вместе били колчаковцев в Сибири.

Сегодня, подходя к зданию райкома Бондарев, заметил у коновязи лошадь, запряжённую в кошёвку, в которой дремал человек довольно крупных размеров. Подойдя ближе, он узнал председателя колхоза «Заветы Ильича» Михайлова:

- Георгий, - окликнул секретарь, - ты, что ночевал тут, что ли?

- Василий Семёнович, - встрепенулся дремавший, - нет, недавно только подъехал, вот жду тебя.

- Что - то ты рань такую прикатил, случилось что-то в колхозе?

Позвонил бы, прежде чем ехать. Мы с тобой вчера переговаривали, ты ни на что не жаловался.

- Да вот так случилось, что дело неотложное, да и по телефону его не разрешить.

- Ну, ладно пошли в кабинет, разберёмся.

Когда Михайлов изложил всё то, что произошло в колхозе, Василий Семёнович нахмурил свои густые брови:

- Да, Георгий Дмитриевич, привёз ты мне задачу, - и по тому, что секретарь насупился, и по тому, что назвал его полным именем, как бы

обозначил дистанцию, Михайлов понял, что эта задача, действительно, просто не решается.

- Ты же сам знаешь, как наша партия на протяжении многих лет ведёт борьбу с религиозными предрассудками. – Продолжал он, - До войны за крашеные яйца и куличи, приготовленные к пасхе, из партии исключали, с работы гнали, и в тюрьму запросто можно было угодить. Правда, в войну к церкви отношение вроде изменилось, даже в 1945 году в Москве разрешили провести поместный собор в храме Воскресение Христова.* */Поместный собор РПЦ проходил в Москве с 31 января по 4 февраля в храме Воскресения Христова в Сокольниках. Были приглашены православные патриархи Румынии, Болгарии, Сербии и стран Ближнего востока. Собор избрал нового Предстоятеля Русской Православной церкви. Им стал митрополит Алексей Симанский. На соборе присутствовали представители НКГБ, переодетые в рясы./* Но обряд крещения в доме коммуниста, для него может плохо кончиться. Конечно, Александра Афанасьевича я хорошо знаю, думаю, что Анна сделала это без его согласия. Тоже вот не подумала головой своей, за ней и так, через её бывшего мужа, слава недобрая увязалась.

И Овсянникова я знаю хорошо, сам бы его вышвырнул не только из парторгов, но и из партии, но ты же знаешь о том, что его к нам полит. управление НКГБ направило. Бюро по его докладной, если он её привезёт, собирать всё равно придётся, а члены бюро запятнать свою репутацию из-за колхозного бригадира не захотят. Время то, опять, какое, вон создают комиссии по извлечению и уничтожению икон в частных домах. Не знаю даже, что предпринять можно. Единственное, думаю, что нужно сделать – уговорить каким- то образом Овсянникова, не раздувать пламя на всю область. Он, этот Овсянников и так сыграл дьявольскую роль в судьбе Александра и Анны. Ты же знаешь, что у Анны мужа расстреляли?

- Да, конечно, я как раз из госпиталя, без ноги пришёл в это время.

- Она же раньше жила в соседней деревне Марьенке, поэтому тебе не всё известно. Это он поспособствовал тому, что Александр остался без жены, а Анна без мужа. Парт организация Марьенки приписана к нашему райкому, поэтому я всё знаю. Я пытался как – то помочь Александру и Анне, но ты же знаешь, что НКГБ никому не подчинялось, да и сейчас вытворяет, что хочет. А этот Овсянников в своё время в нашем районе возглавлял так называемую «тройку по раскулачиванию» был в ней старшим представителем от НКВД. И, как говорится, положил свой хищный глаз на Анну. Отсюда и ненависть к её расстрелянному мужу, а теперь и к Александру.

Только он проговорил последние слова, как в дверь постучали и, не дожидаясь приглашения, в кабинет ввалился Овсянников Михаил Терентьевич парторг колхоза « Заветы Ильича»

- Здравствуй Василий Семёнович, - мельком взглянув на Михайлова, и сделав вид, что не понял, зачем он здесь такую рань, - и ты здесь Георгий Дмитриевич, видимо приехал по поводу награждения работников колхоза. А я то хотел сначала с тобой и с Алёхиным обсудить этот вопрос, но вас с утра не нашёл ни тебя, ни его, решил, что вы в обход меня сразу в райком рванули.

На самом деле Овсянников, с раннего утра, хотел сам поехать в райком, ни с кем не согласовывая эту поездку. Но лошадь и бричку, которые были закреплены за ним и за председателем Совета, не нашёл, и решив, что они вдвоём его опередили, на попутной машине, вывозившей зерно на хлебосдачу государству, приехал в посёлок и бегом устремился в райком.

В кабинете на некоторое время зависла неловкая тишина.

«А чего, собственно, мне бояться, - подумал Бондарев, - от проблемы этой всё равно никуда не уйти»

- Да нет Михаил Терентьевич, - начал он решительно, - мы здесь говорили о другом. В частности о тебе, о том, как ты рьяно исполняешь свои обязанности, не учитывая мнение твоих товарищей, мнение членов партии, односельчан. Используешь служебное положение, мстишь людям за любую негодную для тебя оплошность...

- А, так вы это о крестинах, которые устроил бригадир тракторной бригады, фронтовик, коммунист, - перехватил инициативу разговора Овсянников, - ну, что ж, давайте, мы разрешим тогда всем это делать, а через годик они потребуют церковь восстановить.

- Ты прекрасно знаешь, что это «крещение» произошло без ведома Александра Афанасьевича. - Вступил в разговор Михайлов, - да и какое там крещение, так бабка пошептала.

- Хреновый он тогда мужик, ваш Александр, если его баба творит всё, что захочет, - парировал парторг.

- Послушай Овсянников, неужели ты святой и никогда никаких ошибок не допускал? – спросил Бондарев.

- Да, партия доверила мне осуществлять её политику, на вверенном мне участке и, чтобы вы обо мне ни думали, я твёрдо буду проводить её линию.

- Видимо твоя линия расходится с линией коммунистов в твоей парт. ячейке. Почему же ты не пользуешься у них авторитетом, а многие тебя даже ненавидят.

- Я ещё раз повторяю, я и в дальнейшем буду твердо придерживаться проводимой в стране политике партии. И требую в ближайшие дни поставить на бюро райкома вопрос о недостойном поведении коммуниста Барышева Александра Афанасьевича. Иначе мне придётся прибегнуть к помощи НКВД.

- Ну, тогда одновременно вынесем на заседание бюро и другой вопрос, - вступил в полемику Михайлов, он не успел ещё доложить Бондареву о привезённой жалобе.

- Что за вопрос?- спросил Василий Семёнович.

- Какой ещё вопрос? – насторожился Овсянников.

- Да вот жалоба поступила на тебя Михаил Терентьевич, - председатель извлёк из кармана исписанный каракулями листок и передал его секретарю райкома.

- Ну вот, - прочитав жалобу, нахмурил лоб Бондарев, - послушать тебя Овсянников, так ты прямо ангел воплоти, а на самом деле подонок, каких ещё надо поискать. Что ж, ты гад, вдовам жить не даёшь? А ещё тут нам басни рассказываешь о политике партии. Ну, что выносим вопрос о крестинах на бюро, или тихонько закроем это дело?

Покрасневшего Овсянникова прошиб холодный пот:

«Если этой жалобе дать ход, я пропал, из партии попрут, и в НКГБ за защитой не кинешься. За фронтовых вдов ещё и к стенке поставят»

- Мужики, это, давайте миром разойдёмся, - залепетал, быстро превратившийся из коммунистического трибуна в трусливого подонка, парторг, - я вам клянусь больше ни-ни, пальцем никого не трону.

- Ну, что с этим гадом будем делать Георгий Дмитриевич? – спросил Бондарев.

- Ладно, Василий Семёнович пусть он ещё поживёт, может и поймёт, что ни будь в крестьянской жизни.

Когда за Овсянниковым закрылась дверь, секретарь райкома, глубоко вздохнув, сказал:

- Вот, Георгий, такие как он, решали в сороковые годы, а после и на фронте тоже, кого поставить к стенке, а кого отправить в лагерь. По существу его нужно немедленно гнать с занимаемой должности и из партии, но начни

это делать сейчас, всплывёт и дело о крещении. Ни за что человека уничтожим. Ладно, будем ждать подходящего момента, эта тварь надолго не успокоится.

Дождаться председателя Михайлова Овсянников не стал, ехать в одной брочке было теперь неудобно, после такого разговора, и он пошёл на элеватор, в надежде воспользоваться тем же транспортом, на каком приехал в район.

- Ишь, спелись кореша, ладно не удалось проучить таким способом этого подкаблучника Барышева, зайдём с другого конца, - кипела злоба в воспалённом мозгу Овсянникова, - да и эти, его дружки получают в своё время по заслугам.

И вот, наконец-то настал долгожданный день празднования - окончания уборочной страды. День выдался, как по заказу, сухой и солнечный, правда, солнце было уже не таким жарким, как в летний период, но это, для такого мероприятия, как праздничное гулянье, как раз было кстати...

Руководители Михайлов, Алёхин и Овсянников не подавали вида, что в их рядах произошёл разлад. Бригадир Александр Афанасьевич так и оставался в неведении по поводу конфликта разгоревшегося вокруг его семьи. Василий, брат его, ходил, как пришибленный, слова боялся проронить. Зная характер парторга, он догадывался, что произошедшее вот, вот должно во что-то вылиться. Старуха Наталья Фёдоровна, залезла на свою широкую печку и, отвернувшись к стенке, ни с кем не разговаривала, до неё наконец-то дошло, что её выходка может плохо кончиться для сыновей. И она ещё больше возненавидела сноху свою Анну.

...Механизаторы заняли свои места за длинными, сделанными на скорую руку столами, заставленными различной снедью крестьянского

производства. Председатель и бухгалтер не поскупились, и средину стола украшали, выстроившись в ряд, бутылки с водкой.

Председатель колхоза Михайлов Георгий Дмитриевич сказал речь, что-то вроде доклада, периодически заглядывая в бумажку, в которой разместились цифры, видимо обозначающие достигнутые колхозом успехи, в арифметической прогрессии. Назвал передовиков коллективного производства, особо отличившихся на полевых работах, в течение весенне-летнего сезона.

Парторг Овсянников Михаил Терентьевич вручал те самые «Похвальные листы», в том числе и бригадиру тракторной бригады Барышеву Александру Афанасьевичу. И даже при вручении, пожимая руку, парторг любезно улыбнулся Александру, как бы намекая на то, что высказанное когда-то обидное замечание по поводу наград, парторгом забыто.

Бухгалтер зачитал список передовиков, которым за хорошую работу, в награду дополнительно выписано по пять центнеров зерна, в прибавку к тому, что они заработали на трудодни.

Председатель сельского Совета, гремя костылями, поздравил присутствующих с праздником, и первый опрокинул рюмку водки в широко открытый рот.

Александр Афанасьевич, в общей суматохе, не заметил, как рядом с ним разместился, неожиданно, парторг Овсянников, хотя бригадир специально сел подальше от начальства.

- Ну, что Александр Афанасьевич, - поднимая очередную рюмку, обратился к нему парторг, - давай выпьем за окончание полевых работ, за твоего новорожденного сына и за его крещение!

- Какое ещё крещение, - опешил Барышев, - я что-то не пойму о чём ты говоришь товарищ Овсянников?

- Да ты, что не в курсе разве, юродивая бабка Марья, по приглашению твоей жены Анны Григорьевны, крестила твоего младенца.

- Слушай, Михаил Терентьевич, это ты, что специально хочешь мне настроение испортить, - и рот бригадира стал расплываться в судорожной улыбке.

- Эй, ты это брось, - зная, чем эта судорога может кончиться, выскочил из-за стола парторг, - мать твоя приходила в сельский Совет и жаловалась на твою жену. И оказывается не зря, теперь то я точно вижу, что она без тебя творит всё, что ей заблагорассудится.

Александр Афанасьевич с большим трудом уняв судорожную улыбку, выскочил из-за стола и, не оглядываясь, пошёл в сторону села.

- Ты зачем ему это сейчас сказал, гад?! – перекатываясь на костылях, подлетел к Овсянникову Трофим Кириллович.

- А как ты думал, где ж, как не здесь, в другое время за ним не угонишься, он ведь у вас как кобель легавый рыщет по полям.

- Ну, ты и сволочь, - воскликнул Алёхин и размахнулся костылём, чтобы опустить его на голову Овсянникова. Но костыль перехватили механизаторы.

- Не связывайся с ним Трофим Кириллович, греха потом не оберёшься.

- Слушай Овсянников, - подошёл к столпившимся председатель Михайлов, - шёл бы ты тоже от сюда. А то ребята сейчас ещё подопьют, и наваляют тебе как следует, здесь в поле тебе никакое НКВД не поможет.

Опасливо оглядываясь, Овсянников заскочил в сельсоветскую брочку, и стеганул по спине вожжами застоявшуюся лошадь.

Как же так, - широко отмеряя шаги, лихорадочно думал Александр, - я же сказал ей, чтобы она не думала не о каком крещении, а она как специально повернула всё по-своему, выходит мне назло.

От поляны, на которой расположились механизаторы, до села было не далеко, с километр, не более. Это расстояние, рассерженный бригадир преодолел в считанные минуты, перемахнув через жерди околицы, он напрямиком направился к дому брата Василия. Широко распахнув дверь, не поздоровавшись, с порога, глухим, сдавленным обидой голосом, позвал:

- Мать, - старуха, лежала, отвернувшись к стенке, на печи, не ответила и головы не повернула.

- Мать, – ещё раз, повысив голос, позвал Александр, - это правда, что Анна ходила к бабке Марье и крестила парнишку? Или ты специально всё придумала и оболгала её в Сельсовете?

- Кто, это я то, по твоему, набрехала! – повернулась, привстав на печи старуха, - эта поскуда творит, что хочет, а ты ей потакаешь, она твоих дитишков сплотирует, заставляет работать, с дитём нянчиться, а сама по деревне шлындает. И о семье не думает, вот теперь вам с Васькой из-за её выходки достанется.

Жена Василия, Елизавета, хотела заступиться за Анну, и только было раскрыла рот, как свекров в корне пресекла этот порыв:

- А ты Соловуха молчи, не твоего ума дело, - Елизавета имела объёмное тело, видимо называя её Соловухой, бабка имела ввиду лошадь, и, тем не менее, сноха тут же замолчала.

- Значит правда! – зло выдохнул Александр, - ну ладно, - и он, хлопнув дверью, устремился в сторону собственного дома.

- Что ж ты наделала мать? – высунул голову из горницы* Василий, побоявшийся выйти к Александру. */*Горницей в деревне называли вторую комнату в доме, обычно меньшую, первой была кухня, в которой не только готовили еду, но и проходили все основные события крестьянской жизни деятельности./*

- Ничего, пушай, может он эту суку поучить малость, - прошипела старуха, снова отворачиваясь к стенке.

Мозг Александра возбуждала выпитая в поле им водка, распахнув ворота, ногой отшвырнул, пытающегося приласкаться к нему, пса и, заскочив на крыльцо, резко открыл двери, сначала в сени, затем в дом. Анна мыла в большом металлическом тазике алюминиевые тарелки и деревянные ложки. Володя качал подвешенную к потолку колыбель-люльку со спящим в ней Колей. Андрей сидел за столом делал уроки. Фёдор возил по полу какую-то железяку, изображая трактор. Все от неожиданности вздрогнули и устремили взгляды на ворвавшегося Александра Афанасьевича, на его искажённое злобой лицо.

Ни слова не говоря, Александр подскочил к Анне, поднял тазик с посудой и швырнул его на пол. Схватил за ножку тяжёлую табуретку, на которой ранее стоял тазик, и замахнулся ей на иконы, стоящие в переднем углу.

Володя, выхватив ребёнка из люльки, кинулся в открытую дверь на улицу, следом выскочил Андрей. Маленький Фёдор заревел и заполз под деревянную кровать.

- Не дам! – загородив собою образа, закричала Анна.

- Уйди, убью! – взревел Александр, но поднятую над головой табуретку всё же опустил. И вдруг лицо его стало расплываться в судорожной улыбке, глаза в бешенстве вылупились, готовые выскочить из орбит. Анна, прекрасно зная, что это значить, выхватила из-под кровати Федьку и кинулась на улицу. Александр попытался схватить её за распущенные волосы, но промахнулся. Тогда он вновь поднял тяжёлую табуретку и начал крушить всё, что попадало под руку.

Парторг Овсянников, предполагающий, что раззадоренный им бригадир Барышев всё равно должен на ком – то выместить зло, не ошибся. Он специально сделал крюк, проезжая мимо дома Барышевых. И угодил как раз в то время, когда Анна выбегала вместе с ребятишками из ворот. А на улицу в сторону дороги, из дома вылетали выбитые стёкла, вместе с рамами, и стоял невообразимый звериный рёв разбушевавшегося хозяина.

- Ну, вот истинное лицо коммуниста и бригадира Александра Барышева,- злорадно думал он, - вот теперь поквитаемся окончательно. Завтра эта дура припрётся в партком с заявлением.

Соседка Гулевская Хавронья Титовна, услышав шум и крики в соседнем доме, выбежала на крыльцо, увидев бегущих Анну и детей, поспешила открыть ворота.

- Анна, детишки, скорее идите суда, - испуганно поглядывая на соседний дом, позвала она, - проходите, проходите в дом, не бойтесь, я сейчас ворота на запор закрою.

Анна Григорьевна села на лавку и начала успокаивать кричащего Колю, дети столпились около, плотно прижавшись к ней, обхватив её плечи руками. В этот тревожный момент, испытывая потребность в защите, они все были её родными птенцами.

Спустя час, дети втроём, крепко обнявшись, спали на тёплой Хавроньиной печи. Анна сидела на широкой лавке, под образами, пригорюнившись, не зная, что же делать дальше. Рядом спал успокоившийся Коля, новоявленный, «погружённый» раб божий, иногда всхлипывая через определённые промежутки времени.

Глава вторая.

Терпи казак, атаманом будешь...

*Не для меня цветут сады,
Не для меня Дон разольётся,
А сердце девичье забьётся,
С восторгом чувств, не для меня...*

*...А для меня: кусок свинца,
Он в тело белое вопьётся,
И кровь горячая польётся,
Такая жизнь, брат, ждёт меня...*

Казачья песня.

И вдруг в сознание Барышева всё перевернулось, словно сработал какой – то переключатель, пелена озлобленности моментально спала, и взору Александра представилось поле его безумного действия: побитые оконные рамы, полы покрытые осколками стёкол, вперемежку с алюминиевой посудой, перевёрнутый стол и ножка табуретки в его руке, всё, что осталось от разрушительного орудия.

- Что я наделал!? – приходя в себя, выдохнул он. - Господи, что же теперь будут?

Барышев машинально не осознавая, что говорит, обратился к богу, произнес слово «господи», и поднял затуманенный взор в святой угол. На него, прижав к груди ребёнка, с удивлением и укором смотрела божья мать.

«Что же ты натворил, раб божий, - как бы вопрошал её взгляд, - ради чего ты всё это наделал?»

«Как же так, - метнулась, в ещё не остывшем сознании, мысль, - вроде бы весь этот ад, свалившейся на его контуженую голову, разгорелся, как раз, из – за неё. Из – за этой иконы, олицетворяющей веру в бога, и почему - то так мешающей жить коммунистам и лично парторгу Овсянникову. А она цела и невредима, всё порушено, а ей хоть бы что!»

Барышев отбросил в угол ножку от табуретки, ещё раз осмотрел место своей деятельности и, понуриив голову, вышел в сени. Хмель, от выпитого в поле спиртного, начал покидать его горячую голову. В сенях он остановился:

«Что же делать дальше? – потерянно размышлял он, - какой же теперь позор свалился на его голову, на всю его не так давно приобретённую, не без труда, новую семью!»

Думать обо всём этом не хотелось. Страшно было думать о завтрашнем дне. Хотелось забыться. Барышев засунул руку в валенок, висящий на крючке в сенях, достал, припасённую на всякий случай, бутылку водки, и, не закрывая двери, через огород двинулся на речку. На берегу Чиндата у него было своё укромное местечко, он иногда, когда выпадал свободный час, ловил там налимов, другой рыбы в этой речушке не водилось...

Вот и речушка, скорее большой ручей со странным названием Чиндат, обозначающий толи данный кому – то чин, толи дату получения этого чина, но в данном случае это не важно. Тропинка, проложенная через густые заросли тальника, привела Барышева к лежащему, на вытопанной площадке, толстому обрезку осины, с ошкуренной корой и блеском своим напоминающему гладкий булыжник. С одной стороны в полуметре от него поблёскивая на тусклом осеннем солнце, лениво перекатывались, довольно глубокие, прозрачные, с синим, свинцовым отливом, воды ручья. С другой, со спины, если присесть лицом к воде, густо нависли, печально развесив прихваченные осенним туманом, пожелтевшие продолговатые листья, напоминающие потоки невыплаканных слёз, ивы. Вид увядающей природы

и этот осенний свинцовый блеск потемневшей реки, и эти плаксиво развесившиеся, побитые туманом, ивовые листья, удручающе подействовали на подавленное настроение пришельца, душа которого и так была истерзана произошедшими событиями. Но он, пересилив желание, скорее покинуть это место, опустил на обрубок бревна и, устремив взгляд на медленно протекающие воды, задумался. Вся его прошедшая жизнь разворачивалась так стремительно и трагично, нанося ему массу мук и страданий, что он не успевал обдумать всё происходящее сейчас, и особенно то, что происходило до войны. Полученная на фронте контузия, частенько выбивала его из ритма складывающейся жизни, заставляла неожиданно совершать необдуманные, не свойственные, ранее, его характеру поступки. Поэтому – то он старался как можно меньше общаться с людьми праздными, занимающимися общественной и политической, на местном уровне, деятельностью, то есть разборками все возможных сплетен и осуждений. Целиком и полностью отдавался доверенному ему делу, поэтому – то и не заметил интриг опутавших его семейную жизнь. Проще всего было на войне, там всё было понятно: нужно прогнать врага, занявшего землю нашей Родины.

И вот на этом берегу, на этом обрубке осины представился, наконец – то, случай вспомнить и попытаться понять всё. От речки потянуло прохладой, Александр ударом ладони выбил пробку в бутылке, сделал несколько глотков из горла.

«Ни стакана, ни закуски, прямо, как заправский пьяница» - укорил он сам себя, закупорил бутылку и ткнул её за бревно. По телу разлилось успокаивающее тепло, и, понуриив голову, Барышев обратил свои мысли в прошедшее, в пережитое, но не совсем ещё понятое прошлое:

Отец, дед и, видимо, прадеды Александра были потомственными казаками, бежавшими или сосланными когда - то в Сибирь. Сам Александр то время помнил плохо, он был ещё ребёнком, но из довольно скупых

рассказов, отец не любил вспоминать прошлое, он понял, что является представителем рода этих самых казаков. Все его родственники по мужской линии, отец, двоюродные братья отличались особой выправкой, были стройными, подтянутыми, любили лошадей и верховую езду. Выполняли любую работу с особым прилежанием, их усадьбы в деревне отличались особой прочностью и ухоженностью. Однако уважением у представителей начальствующего состава власти они не пользовались. К ним относились с осторожностью и недоверием. Да и некоторые деревенские жители поглядывали на них с чёрной завистью, называя за спиной «кулаками».

Александр помнил; сколько препятствий и унижений пришлось пережить его семье и позже ему, из-за того, что они принадлежали к этому сословию; казачества, многое, что хотелось иметь материального либо духовного упиралось в это препятствие: « Сослан в Сибирь, значить враг! Доверие нужно заслужить». Но так и до самой войны этого доверия добиться не удавалось. И вот вроде бы честно и достойно отвоевав и вернувшись назад на вновь приобретённую родину, для которой он являлся постоянно пасынком, ему, наконец – то поверили, все, кроме парторга Овсянникова. Поставили бригадиром, люди стали относиться с уважением. А тут опять такое.

«Зачем Анна так сделала, почему не послушала меня? У неё у самой первого мужа расстреляли, как врага народа. К ней тоже парторг Овсянников испытывает недоверие, и готов отправить вслед за первым муженьком? Мать моя ненавидит её, боится, что прошлое Анны чёрным пятном ляжет, опять, и на наш род. Так оно и получилось. Теперь, из-за этого крещения, парторг Овсянников постарается раздуть такое, что всем нам места в деревне будет мало, - бились в голове мысли, как бы пытаюсь найти оправдание содеянному, - как всё сложно и запутано, жили люди на Дону на Урале были казаками, верно служили отечеству, сменилась власть они стали врагами, и

почему - то именно «врагами народа». Жили люди в Поволжье, на Кавказе, в средней полосе России, на Украине пахали землю, собирали урожай, сменилась власть и они стали врагами, и почему - то именно «врагами народа». Сменилась власть во всей России, нашлись люди, которые, что – то сказали не так в адрес новых правителей, а может этим правителям показалось, что люди сказали не так, но они, эти правители, тех людей превратили тут же во врагов, и почему – то именно во «врагов народа». А народ представления не имел об этом, но верил, конечно, правителям. До тех пор пока сам не становился вдруг врагом, и почему – то именно «врагом народа». И вот все они, кого не расстреляли на месте, кто не умер в дороге во время пересылки, оказались в изгнании в Сибири, суровом и неприветливом крае. Но и тут все они, получившие строгое наказание, за свою принадлежность к «врагам народа», не освободились от дальнейших преследований и унижений. Трудно разобраться во всём, но можно...

Александр родился в 1912 году. Ему было пять лет, когда на Дону начался процесс «Расказачивания» Расстреляли его деда Пантелея и бабу Агафью, а они с отцом Афанасием Пантелеевичем и матерью Натальей Фёдоровной, это сейчас она стала сварливой старухой, а тогда ещё была красивой молодой казачкой, в 1915 году перебрались на Урал. Афанасий Пантелеевич принимая участие в боях охвативших Европу, первой мировой войны, был ранен, и командование выдало разрешение на его эвакуацию на Урал, к брату, вместе с семьей, выделив в сопровождение двух казаков, как особо отличившемуся командиру боевой казачьей сотни.

Брат Ермолай служил сотенным есаулом в Оренбургском казачьем войнстве на Урале, но за пять лет до первой мировой войны, вдруг неожиданно разбогател, и стал владельцем золотоносных и малахитовых рудников на реке Рефт Екатеринбургского уезда. Он давно звал к себе всех родственников с Дона и вот, как говорится не было счастья, да несчастье

помогло. Во время бог отнёс Семейю Афанасия от беды, спустя три года, ещё не окончилась мировая война, на Дону начался жесточайший процесс «рассказачивания».

Афанасий Пантелеевич, оправившись от ран, службу не бросил. По договорённости Ермолая Пантелеевича с Оренбургским войсковым атаманом, Афанасий с пол сотней казаков остался охранять рудники от «хитников» - диких старателей./ *Чисто уральское слово*/. Они всегда окружали золотоносные и алмазные рудники в надежде найти не занятую золотоносную жилу, либо обнаружить случайные россыпи самоцветов. Но чаще всего забирались в действующие рудники, пытались похитить, а иногда и разбойным путём отнять драгоценности.

Однако покоя обрести Афанасию и Наталье не удалось и здесь. К началу 1918 года процесс «рассказачивания» докатился до Урала, он несколько отличался от Донского и был похож скорее на раскулачивание. Пока никого не расстреливали, не ссылали в Сибирь.

Рудники Ермолая Пантелеевича были конфискованы уже в январе 1918 года. Купеческие хоромы тоже пришлось оставить. Братья, с семьями, перебрались в Оренбург и поселились на городских квартирах. В казармах, в загородном поселении размещалась казачья сотня, в которой сотником был его отец Афанасий Пантелеевич, а есаулом вновь дядя, Ермолай.

У новой власти к казакам появилось множество претензий, которые без боя разрешить не удалось. Наступили тревожные дни, назревало вооружённое восстание казаков.

В конце января Ермолай Пантелеевич, был отозван Войсковым атаманом в штаб Оренбургского казачьего войска. Вернулся он оттуда изменившимся до неузнаваемости, как будто сразу постарел лет на двадцать, какая – то нестерпимая боль сдавила его могучую грудь. Дома ничего не сказал, на все расспросы отвечал односложно, невпопад. На

второй день с утра приказал брату выводить лошадей, выехали за город в сторону казачьих казарм, с ночи за околицей поднималась метель. Верхами на конях, отъехав от городской окраины версты две, остановились.

- Крепись Афанасий Пантелеевич, - отвернувшись, смахнул слезу Ермолай, - сироты мы с тобой теперь! Нет у нас ни отца и ни матери, и крёстных тоже нет ни моего, ни твоего! И Наталья твоя, дочь атамана Гончара, теперь тоже сирота.

- Что ты говоришь, брат, - оглушенный новостью, выронил повод из рук Афанасий.

- А то, что расстреляли их красные в конце декабря прошлого года.

- Как, так? За что!? – Слёзы навернулись на глаза бывалого боевого казака.

- Прибыли красногвардейцы в станицу и учинили допрос - кто недоволен новой властью, а потом всех довольных и не довольных казаков поставили к стенке. В первую очередь атамана Гончара Федора Павловича и офицеров, а так же Георгиевских кавалеров - отца нашего, крёстного моего Платонова Петра Семёновича и твоего Стародуба Илью Евлампьевича. Признали всех «кулаками», классовыми врагами большевиков.

- А мать за что!? – боль исказила лицо Афанасия.

- Семьи офицеров уничтожали полностью. Их вроде сначала не трогали, но они с крёстной бежали за мужьями до места казни. «Ну, раз прошли, вставайте рядом» - приказали палачи.

- Тебе кто всё это рассказал?

- Казаки донские, те, что бежать успели, добрались до Урала. Среди них приятель мой Пётр Куделя с хутора Красный Яр. Он теперь в Оренбургском казачьем воинстве служит. У нас тоже обстановка накаляется, большевики требуют от атамана всех казачьих войск Урала, Дутова Александра Ильича беспрекословного и полного подчинения. Полковник Головин сказал мне,

что тайно выводит казаков из Оренбурга и направляется к Уральску. Мне приказано с сотней отправится в городок Соль – Илецкий, по дороге ко мне присоединиться ещё одна сотня казаков, и буду я командовать дивизионом.

- Выходит, казаки начинают восстание против большевиков? Я с тобой, я тоже боевой офицер и хочу отомстить за смерть родных мне людей.

- Вот, что братец, - оглядевшись кругом, вдруг заговорщицки понизив голос, заговорил Ермолай – кончилась наша мирная жизнь, порешат нас красные, большую часть России захватили они. Пропадут наши жёны и дети, если мы не примем мер для их спасения.

- Что же мы можем в такой обстановке предпринять? – почуяв надежду в словах брата, спросил Афанасий. – По моему, выхода нет, - всё же засомневался он.

- Ну, если бы его не было, я бы и разговор этот затевать не стал, - рассеял сомнения Ермолай, - здесь назревают серьёзные, кровавые события. Я ещё повоюю, отомщу за смерть отца и матери большевикам. А на тебя возлагается роль спасителя нашего рода. Заберёшь своих Наталью и Сашку, мою жену Елену с ребятишками /их у Ермолая было трое/ и двинешься в Сибирь. Доберётесь до станции посёлка Жарковский, там у меня друг живёт Аким Миронов. Найдёшь его, он поможет обустроиться. Позже, если останусь жив, может быть, и я туда появлюсь.

- А как же я туда доберусь? У меня и средств никаких нет.

- Ну, за этим дело не станет, что ж ты думаешь, если у меня отобрали рудники, я себе запасов никаких не оставил. Есть у меня, деньги, золотишко и камушки найдутся, уделю тебе часть денег на обустройство, а остальные здесь пригодятся, большие дела намечаются. Ты только сумей ими распорядиться с умом, да о семье моей побеспокойся, помоги Елене детишек сохранить.

- А этот Аким Миронов надёжный человек?

- Думаю да! Он мне жизнью обязан. Мы с ним участвовали в 1900 году в китайском походе. Усмиряли повстанцев – эхитуаней. Басурманы, вдруг, навалились на нас гурьбой, пришлось сражаться. Под Акимом лошадь убили и руку ему отсекли, почти до плеча. А я его вывез из этого пекла.

- Хорошо, братка, сделаю всё, что в моих силах, - протянул руку Афанасий. Братья, не слезая с коней, крепко обнялись. Кони, будто чуя скорую разлуку седоков, замерли бок о бок друг к другу.

- Да, и вот ещё что, - когда уже двинулись обратно, вспомнил Ермолай, - фамилию я свою сменил, по совету атамана, теперь я Платонов Ермолай Пантелеевич, мало ли что будет, чтобы вас не впутывать в родство со мной. Фамилию взял крёстного своего. Царство им всем небесное! */В те времена, живущим в одной местности гражданам, паспорта не требовались/.*

Через мгновение разыгравшаяся метель скрыла силуэты всадников, а затем замела следы лошадиных копыт...

Вот так Александр Афанасьевич, в своё время, оказался в Сибири, вместе с отцом и семьёй своего дяди.

По сложившимся обстоятельствам, Александр мало знал о том периоде их жизни на Урале, он был ещё ребёнком. О казаках и, особенно о том процессе «расказачивания», говорить было запрещено, это сейчас везде появились «эскадроны казаков», там, где они ранее были, и там где их никогда не было, после 1920 го года одно упоминание о принадлежности к казачеству, грозило лагерным сроком. Отца и дядю Ермолая арестовали, когда он был совсем маленьким, в посёлке Жарковском. Чтобы как – то выжить, матери, вместе с сыном и семьёй дяди, пришлось скитаться по деревням в окрестностях посёлка. Жена казака – враг народа. Затем дядю расстреляли, а отца чудом освободили, когда Александру было уже тринадцать лет. О своей принадлежности к казакам, и об их участии старались

не вспоминать. Но память за пазуху не спрячешь. Вспомним и мы, уважаемый читатель, об этих трагических событиях, происходящих в 1917 – 1920 годы, опираясь на факты, подтверждённые архивными документами. Чтоб хотя бы поверхностно знать, о чём же идёт речь.

Однако прежде чем говорить о «рассказывании» определимся, кто же такие казаки?

Термин «казаки» был принят на Руси для обозначения самостоятельного и самоуправляемого вооруженного населения на различных, не редко пустынных и малонаселённых территориях, представителей сообществ, состоящих из людей разного этнического происхождения, но преимущественно христианского вероисповедания.

По словам некоторых русских историков: казачество состояло из беглых русских холопов, бежавших в пустынные земли юго - запада России, не желая работать на своих эксплуататоров, в так называемое «дикое поле»

Но давайте на минуту представим: - Как нищий беглец, попавший в неведомое для него, ранее место, не имея ни средств, ни навыков проживания в данной местности, вдруг неожиданно становится вооруженным казаком? И охраняет границы российского государства, уничтожая врагов этого государства, имея собственного коня и хорошее оружие. Ведь ещё с 13го века казаки, именно, этим и занимались, за это им платили жалование, выделяли земельные наделы, в два раза больше крестьянских, освобождали, частично, от налогов и рекрутской повинности. Кроме того предоставляли право беспошлинной торговли на территории своего войска.

Это же абсурд. Зачем беглецам защищать границы государства из под гнёта которого они убежали? Да ещё, рискуя жизнью, участвовать в военных действиях против врагов своих угнетателей.

Зачем государству, вместо того, чтобы вернуть беглецов их хозяину, платить, неизвестно за что, преступникам жалование и предоставлять им определённые льготы?

И, как оказалось, «дикого поля» с его захудалыми землями тоже не существует. Если проследить за поселениями казаков, то расположены они были, как раз на землях, так называемых житниц и здравниц России, на берегах Днепра, Дона, Волги, Урала и Терека. Через эти места проходили все торговые караваны, и боевые походы русской армии. Странные места для укрытия беглых холопов.

От набегов казаков, в своё время, крепко досталось Турции, Речи Посполитой /полякам и литовцам/, Персии, и горцам Северного Кавказа. Ими были организованы походы в Сибирь, и освоение сибирских земель с присоединением их к территории Российской империи. Разве можно себе представить, что всё это делали беглые холопы, не умеющие держать в руках оружия, и тем более организовывать военные походы. Не исключено, что часть из них действительно присоединялось к казакам, но это не значит, что они ими становились.

Казаки – это военное сословие на Руси. Не только профессиональные, но и потомственные военные.

Вот, что в своё время о казаках сказал Наполеон Бонапарт: «Надо отдать справедливость казакам, это они доставили успех России в этой компании /1812 год/ Казаки – это самые лучшие лёгкие войска среди всех существующих. Если бы я имел их в своей армии, я прошёл бы с ними весь мир».

Дело всё в том, что казаки организовывали походы не только в недружественные страны, но и частенько вступая в конфликт с русским воинством, шли на Москву, чтобы «посадить на трон правильного царя». И тогда они уже назывались басурманами, холопами, а их походы

крестьянскими бунтами, в своё время возглавляемые атаманами Разиным, Пугачёвым, Болотниковым и др. Походы казаков, на Москву, Серпухов, Калугу в 15 – 16 веках, «за справедливого царя», назывались татарскими набегами. Когда эти же воины шли против шведов, поляков, турок, их уже называли казаками. Видимо поэтому, некоторые историки беглых холопов превратили в казаков.

Тем не мене, присягнув царю, казаки оставались верными ему до конца. И использовались в самых неблагоприятных целях: подавляли вспыхивающие, периодически, народные мятежи, не гнушаясь при этом применять огнестрельное оружие и сабли. Пороли нагайками участников мирных уличных демонстраций, выдвигающих требования к правительству на улучшение своей жизни.

Кроме того их ненавидели крестьяне живущие рядом с ними в станицах, за то, что земельные наделы казаков в два, два с половиной раза были больше крестьянских, за то, что казаки жили своей, более организованной и материально обеспеченной жизнью, не допуская в неё менее обеспеченных соседей.

Казаки же, в свою очередь презирали крестьян за их неорганизованность, нищету и неумение трудиться на земле, как им казалось. Это ещё одно подтверждение тому, что беглые холопы никак не могли быть казаками.

И вот свершилась революция 1917 года. Власть перешла к рабочим и крестьянам.

В каком положении оказываются казаки? Настало время припомнить им нагайки, применяемые в городах при подавлении стачек, бунтов. Их безбедную жизнь в станицах, и презрение к соседям крестьянам и переселенцам.

В декабре 1917 года большевики лишили казаков того статуса, который существовал при старом режиме; в глазах большевиков они представляли собой «кулаков» и стало быть, являлись «классовыми врагами». Новый режим предпринял ряд карательных мер, чтобы устранить, уничтожить, выслать, следуя принципу коллективной ответственности, всё население территории занимаемой казаками. Отказавшись от первоначального нейтралитета, казаки под знамёнами атамана Краснова присоединились к белым силам, собиравшимся на юге России весной 1918 года. Только в феврале 1919 года во время генерального наступления большевиков на Украине и на юге России первые части Красной армии вышли к станицам донских казаков. Прежде всего, большевики приняли все меры по упразднению всего, что составляло специфику казачества: казачьи земли были конфискованы и переданы в пользование поселенцам из России и местным крестьянам, не имевшим статуса казаков. Казаки обязаны были, под угрозой смертной казни, сдать всё оружие /согласно своему статусу защитников Российской империи все казаки имели право на ношение оружия/; все окружные и станичные органы самоуправления были распущены.

Эти шаги были частью заранее составленного плана расказачивания, определённого в секретной резолюции ЦК партии большевиков от 24 января 1919 года «Учитывая опыт гражданской войны против казачества, признать единственным правильным ходом массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно. Произвести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое – либо прямое или косвенное участие в борьбе против Советской Власти»

На деле же, как признавал в июне 1919 года председатель Донского ревкома Рейнгольд, на которого была возложена задача «навести большевистский порядок» на казачьих землях, « у нас была тенденция

проводить массовое уничтожение казачества без единого исключения». В течение нескольких недель со середины февраля до середины марта большевистские отряды уничтожили более восьми тысяч казаков. В каждой казачьей станице революционным трибуналам требовались минуты, чтобы просмотреть списки подозреваемых; как правило, всех их приговаривали к «высшей мере» за «контрреволюционное поведение». Перед лицом такого разгула репрессий казакам ничего не оставалось, как поднять восстание.

Восстание началось в Вешенском округе 11 марта 1919 года. Организовано оно было превосходно. Восставшие казаки объявили поголовную мобилизацию всех мужчин от шестнадцати лет до пятидесяти, всего округа Войска Донского и соседней Воронежской губернии. К началу апреля 1919 года восставшие казаки представляли собой армию в тридцать тысяч опытных и хорошо вооруженных бойцов. Действуя в тылу Красной Армии, сражавшейся южнее с Деникиным и кубанскими казаками, донские казаки обеспечили стремительное продвижение белой армии в мае – июне 1919 года. В начале июня восставшие казаки соединились с основными частями Белой армии и кубанскими казаками. Вся казачья территория была освобождена, как говорили казаки «от позорной власти москалей, жидов и большевиков»

Однако военное счастье переменчиво, и большевики вернулись на Дон в феврале 1920 года. Вторая оккупация казачьих земель оказалась гораздо разрушительней и смертоносней первой. На область Войска Донского была наложена контрибуция в 36 миллионов пудов зерна – количество, явно превосходящее возможности края; у сельского населения отбирались не только скудные запасы продовольствия, но и всё имущество, «включая обувь, одежду, подушки и самовары», как уточняется в одном из донесений ЧК. В ответ на эти грабежи и притеснения все мужчины, способные носить оружие, присоединились к партизанским отрядам зелёных. К июлю 1920

года в таких отрядах на Кубани и Дону насчитывалось не менее 35 тысяч человек. Запертый с февраля 1920 года в Крыму Врангель решил прибегнуть к союзу с зелёными Кубани, как к последнему средству. 17 августа 1920 года пять тысяч человек высадились в районе Новороссийска. Под объединенным натиском белых, казаков и зелёных большевики вынуждены были оставить Кубань. Так же Врангель вёл наступление на юге Украины. Но успехи белых оказались не долгими. Охваченные с флангов превосходящими силами противника, отягощённые массой гражданских лиц и обозами, войска Врангеля к концу октября в беспорядке отступили в Крым. Занятие Крыма большевиками – последний этап открытого противостояния белых и красных – стало причиной самых массовых убийств, гражданских лиц, за всё время гражданской войны.

Положение о Донских казаках /дающее им право на привилегии/ на Оренбургское Казачье Воинство распространилось лишь в 1758 году. Во время восстания Емельяна Пугачёва */кстати напомню: тоже Донского казака / оренбургские казаки остались от него в стороне, несмотря на то, что всё Яицкое /Уральское/ казачество поддержало мятеж. Они отстояли Оренбург от осады. А некоторые полки помогли усмирению в составе воинских отрядов.*

За верность государю Екатерина пожаловала казакам синий цвет – символ Российской государственности. С тех пор брюки и околыши фуражек у оренбургских казаков синего цвета.

В 1917 году, после революции, оренбургские казаки оказались единоклюнной и крепко спаянной общественной организацией. Как войска, образовавшиеся в процессах развития, они возвратились к древнему казачьему народоправству, возродили Войсковой круг. Избрали Войскового

атамана. И не признали власть большевиков. Весной 1918 года они начали повсеместные восстания против засилья красной гвардии.

В середине июля в Оренбург возвратился атаман Дутов, отходивший на время в Тургайские степи. Началась жестокая борьба за идеалы казачьего народоправства. При недостатке оружия и боеприпасов оренбургским казакам приходилось оборонять свои земли и со стороны Волги, и со стороны Туркестана. Когда армия адмирала Колчака отошла за Урал, открылся ещё один фронт – Северный. Тогда части Оренбургских казаков пришлось оставить свой край и отступить на Восток в Мятёжном зимнем походе через всю Сибирь, увлекая за собой казаков Сибирских. Основная же часть Уральских казаков отступила на юг, к Каспийскому морю к форту Александровский.

В марте 1920 года остатки Оренбургского Казачьего Войска ушли в направлении Китая или пробились в Приморскую область на Дальний Восток. Оставшиеся дома или осевшие по дороге во время отступления, пережили все беды казаков при новой власти.

Александр Афанасьевич все тонкости этих событий знал смутно, по слухам, тогда ещё не было историков описывающих подробности тех дней.

О том, как их семья и семья дяди Ермолая добрались до станции Жарковской, Александр, ему в то время было пять лет, помнил плохо, да и то, лишь иногда, всплывали в памяти: дорожная суета, постоянная теснота вагона и размеренный стук колёс. Добирались долго, недели две, железнодорожное движение, того времени, скоростными качествами не отличалось.

Аким Миронов, друг дяди Ермолая, оказался действительно преданным человеком. Искать его долго не пришлось, как выяснилось, он был начальником этой железнодорожной станции. Скорее полустанка,

возможно, его бы и не существовало вообще, но он, полустанок этот, выполнял особую, необходимую функцию движущей силы тех времён – паровозов. Здесь их заправляли водой, дровами и углём, доставляемым из, расположенного в нескольких километрах, города Шахтёрска. Что же касается основного топлива – дров, то лучшего места для их добычи найти было сложно. Тайга подходила вплотную к железной дороге. Тайга, конечно на протяжении всей линии, до китайской границы, во многих местах подходит к железной дороге, но на станции Жарковской она имела одну особенность. Километра через два вглубь её начинался смешанный лес, большое количество берёз и осинника, берёзовые дрова горят дольше и жарче, чем хвойные, а осиновые, при горении, снимают копоть с топки и трубы. Естественно, все жители небольшого посёлка были заняты на заготовке этого берёзово - осинового топлива для паровозов, так как они были прожорливы, если не хватало угля и приходилось топить паровозы одними дровами, иногда, этих дров не хватало до следующей станции или полустанка. Кроме того заготавливали и хвойную древесину для небольшого лесозавода.

Аким Федотович их ждал, видимо дядя Ермолай, каким – то образом, заранее сообщил ему о приезде родственников. Широко раскинув руки и радостно улыбаясь, Миронов, приветствовал прибывших душевно, приобняв каждого и, заглядывая в глаза, он то и дело повторял:

- Прибыли, мои родные! Ну, и, слава богу! – Афанасию Пантелеевичу, крепко пожал руку. – Узнаю, похож, похож на брата своего.

Разместил их Аким Федотович в двух квартирном бараке, находящемся в нескольких метрах от станционного здания. С одной стороны поселилась Елена Владимировна, жена Ермолая Пантелеевича, с детьми. С другой - Афанасий Пантелеевич, Наталья Фёдоровна и Александр.

Сам он жил в таком же бараке рядом, с женой Полиной, несмотря на её сорокалетний возраст, выглядела она молоденькой красавицей. Детей Мироновы не имели. Позже Александр Афанасьевич узнал о том, что Полина работала медсестрой в госпитале в Благовещенске, когда туда, лишившись руки в боях с китайскими повстанцами, попал Аким Федотович. От ослабевшего и безнадежного на выздоровление, казака, потерявшего много крови во время транспортировки его с поля боя Ермолаем Пантелеевичем, врачи почти уже все отказались, но медсестра Полина, несмотря на её молодость, выходила раненного, применяя китайскую медицину, лечения травами. Через полгода Миронов мог уже покинуть госпиталь, однако, куда направится, он не знал, не было у него на всём свете ни одной родственной души, домом родным для него была казачья сотня, отцом Ермолай Барышев, есаул – командир этой сотни. Но за время лечения медсестра Полина привязалась к нему и видимо полюбила казака за его спокойный приветливый нрав. Он же в ней души не чаял, считал, что бог его наградил такой женой за потерянную в боях руку. Вот так Аким Федотович оказался на родине своей любимой, а родиной её был вот этот Сибирский разъезд, Жарковский, где жил её брат, да в шести километрах от разъезда, в селе Орловка её старенькая мать.

Поэтому жизнью и своим, нежданно свалившимся на него, счастьем, Миронов обязан был своему командиру Ермолаю Пантелеевичу. Всегда помнил об этом, и готов был на всё ради своего спасителя.

Работать Афанасия Пантелеевича Миронов устроил на станцию, ответственным за заправку паровозов и, одновременно, сцепщиком вагонов, разъезд имел две запасных ветки, и, иногда на станции формировались составы, сцепки платформ с заготовленным лесом.

Работа в маленьком посёлке, в основном, была тяжёлая, на заготовке и распиловке леса, на лесозаводе и на складе железнодорожной станции.

Поэтому женщины не работали, и две семьи находились на иждивении Афанасия Пантелеевича, на его не так уж большой зарплате. Выручали деньги отпущенные братом Ермолаем.

Елена Владимировна, которую, как оказалось, Афанасий до сих пор знал не очень хорошо, оказалась рукодельницей, шила платья для женщин и одежду для детей. Не зря, выходит, они тащили в Сибирь швейную машинку «Зингер». Кроме того она бала грамотная, когда – то, до замужества, даже учила детишек Оренбургского градоначальника письму и чтению. Вскоре не многочисленные жители посёлка Жарковский поспешили воспользоваться её услугами по пошиву одежды, за умеренную плату, а иногда и за «спасибо»

Чтению и письму Елена Владимировна обучала своих детей и племянника Сашу.

И хотя казалось, что на этом маленьком полустанке, удалённом от всех больших городов, можно было бы, наконец, обрести покой, события развернувшиеся весной 1918 года перевернули все надежды на спокойную размеренную жизнь.

25 мая в городе Мариинске, расположенном в ста километрах от разъезда, вспыхнул мятеж солдат бело – чешского корпуса. Чехословацкий корпус был сформирован в составе Русской армии осенью 1917 года из войск чешских и словацких частей, выразивших желание участвовать в войне против Германии и Австро – Венгрии. После произошедшей октябрьской революции в России, через несколько месяцев, 26 марта 1918 года в Пензе представители СНК РСФСР, ЧСНС /чехословацкий национальный Совет/ и Чехословацкого корпуса подписали соглашение, по которому гарантировалась беспрепятственная отправка чешских и словацких подразделений от Пензы до Владивостока, откуда они должны были вывезены во Францию. Обязательным условием для выполнения этого соглашения было – разоружение войск корпуса. Которое, впоследствии, не

было выполнено. При попытке оказать давление, в Пензе вспыхнул мятеж солдат чехословацкого корпуса. А затем он распространился и на другие города, поддерживаемый белогвардейцами. Вспыхнул мятеж по всей транссибирской железной дороге от Пензы до Владивостока.

В Мариинске бело – чехи захватили станцию, здание Совета, почту, телеграф. Им удалось разбить малочисленный отряд красногвардейцев и полностью захватить город.

К Сибирской железной дороге были направлены отряды красноармейцев из Томска, Кузнецка, Гурьевска, Кемерово, Колчугина. Произошли сражения у г. Мариинска, в районе Яшкина – Литвинова и у станции Арлюк.

В этот период рельсы Сибирской железной дороги гудели и были раскалёнными от напряжения. Поезда с войсками сновали туда - сюда неустанно. Составы с красногвардейцами сменяли поезда с бело - чехами, а за ними мелькали вагоны с белогвардейцами. Пилить дрова приходилось день и ночь. Каждый начальник поезда, размахивая оружием, требовал немедленной отправки своего состава. Голову можно было потерять в считанные секунды. Выручали шахтеры соседнего города, подавая уголь вагонами на разъезд. Но уже в конце июня, потеряв контроль со стороны городских Советов, шахты прекратили свою работу.

При всём упорном сопротивлении красных, к июлю 1918 года белогвардейцам и иностранным интервентам удалось захватить огромную территорию России от Волги до Тихого океана.

До конца 1919 года в посёлке Жарковском, ничего особенного не происходило. На железной же дороге хозяйничали бело – чехи. Они захватывали крупные железнодорожные станции, пассажирские поезда, и, расположившись в вагонах, использовали их под жильё. Силой забирали паровозы, которые скапливались на захваченных ими станциях, парализуя

тем самым нормальную работу Сибирской железной дороги, сначала при красных, что одобрялось белогвардейцами, а позже, когда были изгнаны красные, то же самое происходило и при белых. Отбив у красных бронепоезд бело – чехи, назвав его «Орлик», контролировали на нём большой участок Западно – Сибирской железной дороги. Через разъезд Жарковский частенько проходили эшелоны с бело - чехами, но они надолго на станции не задерживались. Несколько раз, выставив дула пушек и пулемётов, тяжело громыхая на стыках рельс, проплывал бронепоезд.

Связь телеграфная на железной дороге работала исправно, и Аким Федотович делился новостями с Афанасием Пантелеевичем. От него Барышев знал, что весной 1918 года в Поволжье, на Урале и в части Западной Сибири произошло свержение советской власти. В Сибирском городе Омске, в котором находился центр степного генерал – губернаторства Акмолинской области, штаб Сибирского казачьего войска и управление железной дорогой, разместилось Временное Сибирское правительство, образованное в июне 1918 года. Но город Омск от посёлка Жарковский отделяли более тысячи километров, и события, происходящие там, пока никак не нарушали размеренной жизни маленького разъезда.

«Видимо, скоро на всей территории России вновь возродится казачество, - с тайной надеждой думал Афанасий. – Где – то там брат мой Ермолай Пантелеевич свою правду ищет»

Но когда в сторону Китая и Дальнего Востока потянулись эшелоны с чешскими войсками, Барышев узнав, что с их помощью произошёл переворот, упал духом.

« Нет, - думал он, - российский народ не будет терпеть на своей территории иностранных захватчиков, всё это временное явление» И оказался прав.

Уже 18 ноября 1918 года пришла весть о том, что Временное Всероссийское правительство в Омске арестовано, и решением Всероссийского Совета министров единоличная верховная власть передана военному и морскому министерству, адмиралу А. В. Колчаку.

Объявив себя Верховным правителем России и лидером белых, он приступил к строительству армии и планированию наступления. Оно, не вполне подготовленное, началось в марте 1919 года, сначала успешно. К середине апреля белые взяли Уфу, Стерлитамак, Белебей, Бугульму, Бугуруслан и другие города. Вторая и пятая армии красных откатились на запад. Колчак уже видел себя победителем в Москве.

Однако противостоящий ему М. В. Киров сумел перегруппировать свои части, подготовиться и перейти в наступление. Захваченные ранее колчаковцами города были освобождены. Иностранцы / чехи, англичане и французы / предали Верховного правителя. Колчак возвратился в Омск, однако, в ноябре правительство его было вынужденно эвакуироваться и из Омска.

В ноябре 1919 года Колчак появился уже в Новониколаевске /Новосибирске/ в трёхстах километрах от станции Жарковской. 20 ноября красногвардейцы провели Новониколаевскую операцию, разгромив уже потрепанную армию Колчака.

И вскоре спокойная, размеренная жизнь на полустанке обратилась в ад. Сначала 30 ноября, по телеграфу со станции Тайга поступило сообщение о том, что на восточном направлении в сторону Мариинска направляется бронепоезд, за ним последуют два эшелона отступающих бело – чехов, и что их паровозы нужно незамедлительно обеспечить топливом именно на разъезде Жарковском.

К счастью на складе в это время скопилось достаточное количество дров и немного угля. Через три часа появился бронепоезд, впереди

бронированного паровоза был прицеплен второй простой, видимо для скорости, на броне некоторых вагонов зияли пробоины, и несколько пулемётных и пушечных амбразур были повреждены. Видимо «Орлика» слегка потрепали красные «орлы». Хозяева бронепоезда выглядели удручёнными, пришибленными, получив топливо и воду, постарались быстро убраться.

Прибывшие позже два состава с беженцами, с интервалом в четыре часа, разъезд разорили основательно. Потрёпанные чехи - словаки вели себя нагло, заправив паровозы топливом, первый состав прихватил, стоящую на запасном пути платформу, предварительно заставив загрузить её углём и дровами. Второй пополнив запасы дров и угля, прихватил с собой маневровый паровоз, обслуживающий полустанок.

После их ухода, на складе осталась небольшая поленница дров, да кучка угля и то лишь по тому, что они были припрятаны за кучей золы, скопившейся, после чистки топок паровозов.

На другой день, с утра появился санитарный поезд с ранеными колчаковцами. Его немедленно распорядились отогнать на запасные пути, для того, чтобы пропустить поезд с золотым запасом адмирала и якобы самого Колчака. Но прибыл состав с отступающими колчаковцами, как оказалось, пока без Верховного главнокомандующего. Требовалось немедленно заправить паровоз водой и снабдить углём и дровами.

В это же время поступило по телеграфу сообщение, что поезд с Верховным вышел со станции Тайга, и будет на разъезде через три часа.

- Немедленно освободить пути и подготовить топливо для двух паровозов, которые тянут правительственный состав, - приказал на том конце провода, не терпящий возражений, голос.

Аким Федотович кинувшись исполнять приказание, распорядился эшелон с беглецами поставить на третий, не занятый путь. Но от эшелона, размахивая револьвером, прибежал полковник:

- Ты, что, гад, придумал? - бешено вращая, глазами, заорал он. - Я тебе, собака, сейчас продырявлю башку, грузи на паровоз уголь и дрова!

- Так, вот распоряжение по телеграфу поступило, дорогу освободить и топливо приготовить для состава вашего главнокомандующего.

- Какого командующего? Что красные и ему на пятки наступают. Ни хрена с ним не случится, заправляй паровоз, - и для пущей убедительности полковник дважды выстрелил под ноги Миронова.

- Афанасий Пантелеевич, - прибежал на склад Аким Федотович, - отменяю ранее данное распоряжение, подавай топливо на этот паровоз. Полковник злой, как кобель, того и гляди пристрелит.

И они вместе кинулись помогать рабочим грузившим дрова и уголь.

Примерно, через два часа, отправив состав настырного полковника, Миронов снова вернулся на склад:

- Афанасий Пантелеевич, что же будем делать, - оглядев оставшуюся поленницу, сокрушался он, - дров – то не хватит, а угля совсем нет, у Колчака тянут состав два паровоза.

- Не горюй Аким Федотович, считай, что нам повезло! Оставил я в складе уголка. На прошлой неделе из Шахтёрска привезли. Я припрятал на всякий случай.

- Ну, слава богу, - облегчённо вздохнул Миронов, - спасибо, выручил ты меня. Если так дальше пойдёт никаких дров не хватит. Ты, Пантелеич распорядись, чтобы заготовка и подвозка ночью не прекращалась. Ладно, пойду встречать Правителя Сибирского, чтоб ему не дна не покрывши. Поднял бучу, а теперь в кусты, сволочь.

Через полчаса, выбрасывая во все стороны клубы пара, к станции подкатили два паровоза. Из состава выскочили вооружённые винтовками солдаты. Замерли по стойке смирно у входа в каждый вагон. Часть из них прошли к паровозам и на склад с топливом. Главнокомандующий и члены его штаба из вагона не вышли.

Рабочие грузили быстро дрова и уголь. Для погрузки угля была сделана эстакада с бункером, уголь из склада по наклонной подавался в бункер, а из бункера, сразу, в тендер паровоза. В это же время, из специальной колонки, на подпитку котла паровоза подавался запас воды. При общем старании, на всё про всё ушло чуть больше двух часов. Вооружённые часовые заняли свои места в вагонах.

Аким Федотович подошёл к станционному колоколу, чтобы отзвонить отправление, в это время из головного вагона выскочил поручик:

- Начальник станции вы? – обратился он к Миронову.

- Да! – насторожился тот.

- Держите! Александр Васильевич приказал передать! – сунул он в руку Акима Фёдоровича, что – то металлическое.

Миронов трижды отзвонил в колокол. Паровозы, задымив чёрной угольной пылью, тронулись, пытаясь с места набрать быстрый ход. Начальник станции долго не мог оторвать взгляда от удаляющегося красного фонаря на последнем вагоне, пока тот не скрылся за эстакадой железнодорожного моста.

Затем разжал кулак - на ладони лежал царский золотой червонец.

В этой суматохе про санитарный поезд, стоящий на запасном пути совсем забыли. Военврач Пуришкевич, сопровождающий состав, напуганный выстрелами полковника и значимостью поезда самого Колчака, из вагона не

показывался, до тех пор, пока не затих совсем стук колёс удаляющегося литерного поезда.

- Господин комендант, - решившись, наконец, преступить к действиям, обратился он к Акиму Федотовичу, - пора видимо отправлять и нас, у меня кончаются продовольственные запасы, нет бинтов, медикаментов. В вагонах много умерших, их хоронить нужно. Прошу вас, поспособствуйте, окажите хотя бы какую – то помощь.

- Ну, какой я вам комендант, доктор, - смутился Миронов, - так, простой начальник разъезда. Нет у меня ни продовольствия, ни медикаментов. И покойников ваших хоронить не кому, весь мой наличный контингент состоит из девяти человек вместе с завскладом, они сейчас готовят дрова для отправки вашего поезда, а от Новониколаевска ещё видимо скоро попрут поезда с беженцами и всех надо обеспечить топливом и водой. Так, что единственное, чем я могу вам помочь, это скорее отправить на Мариинск, там большой госпиталь, и ваши вояки, может быть, не все ещё сбежали.

Наконец – то паровоз санитарного поезда направился под загрузку топливом и водой, предварительно отцепившись от состава.

В это время начал подавать сигналы аппарат телеграфа, Аким Федотович, прочтя сообщение на телеграфной ленте, взялся за голову:

« На ваш разъезд отправляется состав с отступающими казаками, под угрозой оружия захватили паровоз из депо. Паровоз не исправный, так как стоял на ремонте, подтекает котёл, если заправятся водой в Шахтёрске, до тебя дотянут, а до Мариинска нет, котёл взорвётся. Поезд вышел два часа назад, до тебя не могли дозвониться долго. R. S. Аким, если хочешь остаться в живых, найди паровоз. Их атаман злой, как собака, пришибёт. Станция Тайга, начальник Соловьёв» Все начальники и телеграфисты ближайших станций знали друг друга.

«Если вышел из Тайги два часа назад, значит уже в Шахтёрске и скорее всего водой заправился, машинисты на участке опытные, до моего разъезда дотянут, всего - то тридцать километров. У меня водонапорная колонка есть, а дальше до самого Мариинска воду взять негде, девяносто километров, не дотянут, котёл взорвётся.

Что же делать, отправлять санитарный поезд пока не прибыли казаки. Он ещё загружается дровами и углём, пока догрузится, переберётся по стрелкам к составу, пройдёт не меньше часа. Отправить недогруженный, не дотянет до Мариинска, придётся в тайге дрова рубить. Кто это будет делать? Раненые? Санитарки? Вот попал! С этим бегством на железной дороге начал твориться хаос»

Раздумья его прервал приближающийся тревожный сигнал паровоза. Миронов выскочил на перрон, под уклон к разъезду приближались клубы пара, в которых где - то потерялся паровоз. Машинист, чтобы не взорвался котёл, стравливал пар во все возможные отверстия машины. Заскрежетали, завизжали тормоза, опытный машинист остановил паровоз точно под водонапорной колонкой.

- Скорее открывайте воду, - высунулось из кабины чумазое лицо помощника машиниста.

Здание вокзала и всё пространство вокруг заволкло клубами пара, которые по мере того, как котёл начал заполняться водой, стали рассеиваться.

На перрон из вагонов стали выпрыгивать казаки, поскрипывая амуницией, висящими на боках шашками и портупеями с револьверами.

Приоткрылись двери задних вагонов - теплушек, из них упершись грудью в ограничительные доски, испуганно выглядывали холёные лошади.

Бравый вид и лошадей и казаков указывал на то, что в боях они побывать не успели, и то, что предписаны они были к войску Верховного главнокомандующего, бежавшего теперь, поджавши хвост, к своей

неминуемой гибели. А они, казаки эти, прикрывали этот хвост, чтобы никто не наступил на него. А так, как в боях им участвовать не пришлось, и они сохранили свой первозданный парадный вид, вели себя соответственно; напористо и нагло.

Из головного вагона вышел офицер, лет сорока от роду. Одет он был в тёмно – синее пальто с петлицами и кантами тёмно – красного цвета. Голову его прикрывала барашковая чёрная папаха с тёмно – красным верхом.

«Видимо атаман, - подумал Миронов – ишь, расфуфыренный, как петух» - его счастье, что атаман это не слышал.

- Ты тут распоряжаешься? – тяжелым взглядом окинув Акима Федотовича, спросил атаман.

- Я, - кротко ответил тот.

- Тебе кто руку отсобачил? – последовал неожиданный вопрос.

- Китайцы. Воевал я там.

- Ты, что казак!?

- Был когда – то.

- Что значить был, - нахмурился атаман, - бывших казаков не бывает.

Скажи мне: поезд Александра Васильевича давно ушёл?

- Недавно, часа три назад.

- Тогда вот, что казак, быстро обеспечь паровоз топливом, водой и не задерживай нас.

- Господин атаман, паровоз ваш я выпустить не могу, он не исправен, так, что вам придётся подождать, когда из Тайги придёт новый на замену.

- Слушай ты, сволочь, я тебе сейчас вторую руку отделию от твоего паршивого туловища! – вдруг рявкнул атаман, и лицо его залила багровая краска, - делай, что тебе говорят.

- Господин атаман, ты на меня не ори, - вдруг вспыхнул Миронов, - много вас таких беглых за последние дни тут околачивается, котёл у

паровоза худой, если я вас выпущу, он на подъеме за мостом взорвётся. С вами – то ничего не будет, только в штаны наделаете, а машиниста жалко. И мне потом тюрьма.

- Ты смотри, какой ты ушлый, я ведь и вправду могу из тебя две половины сделать, - и он для убедительности положил руку на рукоятку сабли.

И тут, некстати, по запасному пути на стрелку, мимо вокзала пошёл паровоз санитарного поезда.

- А это, что за паровоз? – вперился в него взглядом атаман.

- Это паровоз санитарного поезда. Вон он стоит на запасном пути. Ваших там везут недобитых, раненных.

- Что значить недобитых. Что – то ты братец слишком много лишнего говоришь. Красных, что ли ждёшь. Так зря, придут и тебе крышка. Ты же казак.

- Я то казак. Да вы - то кто? Затеяли бучу, а теперь в кусты, всё казачество предал ваш главнокомандующий.

- Хватит болтать, - вдруг тяжело вздохнул атаман, - поговорили и будя! Распорядись, чтобы этот паровоз подцепили за наш состав.

- Как же так, атаман, там может твои однополчане умирают, а ты плюёшь на них.

- Да теперь уж всё равно, где помирать, в санитарном поезде, в лазарете или на воле, красные никого не пощадят, допекли мы их. Иди, командуй, не зли меня. Терпение моё на пределе.

- Нет уж ваше благородие, господин атаман, иди сам с главным врачом этого поезда договаривайся. Посмотри ему в глаза.

- Ну ладно гнида, моли бога, что шашку не хочу о такую пададь марать, - атаман развернулся и со всей силы, от плеча стукнул кулаком в лицо Миронова. Тот, как подкошенный сноп, ахнулся на грязный перрон.

С большим трудом, цепляясь целой рукой за фонарный столб, Аким Федотович поднялся на ноги. Отирая кровь, залившую лицо, подняв глаза в сторону уходившего атамана, увидел, как на помощь тому бегут два казака, вытаскивая на ходу из ножен сабли.

- Стоять! - приказал, атаман, - с него хватит. Он и так не скоро теперь одумается. Быстро найдите кого ни будь ещё, кто разбирается в обстановке на этой паршивой станции.

Искать «кого ни будь» долго не пришлось, через железнодорожные пути из склада к станции спешил Барышев Афанасий Пантелеевич. Преодолев санитарный и казачий составы снизу, между колёсами, он, увидев окровавленного Миронова, хотел поспешить ему на помощь.

- Эй, стоять! – обернувшись на окрик, Афанасий увидел бегущего к нему, вдоль состава, казака.

- Чего тебе? - неосознанная тревога холодком прошла по коже.

- Иди сюда, полковник тебя зовёт, – приказал казак, и для убедительности продёрнул на несколько сантиметров шашку из ножен.

- Ты кто такой, - окинув угрюмым взором крепкую фигуру, подошедшего к нему, Барышева, спросил атаман.

- Барышев Афанасий Пантелеевич, - по военному, видимо видя перед собой атамана, и вспомнив былые времена, представился Барышев.

- Вы, что здесь все казаки, собрались, что ли, на этом полустанке? Думаете отсидеться, когда красные придут. Напрасно, ваши казачьи морды трудно не опознать, - расправил нахмуренные брови атаман, - я спрашиваю; кем ты тут служишь?

- Отвечаю за топливо и воду для паровозов, господин атаман, кроме того исполняю работу сцепщика вагонов.

- Вот, ты – то мне и нужен, отцепляй неисправный паровоз от нашего состава и прицепляй вон тот, что стоит на стрелке, - указал пальцем атаман

на паровоз, предназначенный для санитарного поезда, сходни которого, уже оккупировали казаки, поэтому, попыхивая паром, он стоял неподвижно посреди станционных путей.

- Никак нет, господин полковник, без указания начальника станции, я этого сделать не могу.

- У начальника твоего я разрешение уже получил, видишь, стоит кровь с морды вытирает, - снова нахмурился атаман – не выполнишь, получишь и ты своё.

- Это же скотство, атаман, этот паровоз предназначен для транспортировки раненых, из них и так уже половина мёртвые! – забыв всякую осторожность, вспылил Афанасий.

- Да что ж вы за сволочи благородные здесь все собрались, - взбеленился, выхватывая из кобуры револьвер, полковник, - эй, сотник, - окликнул он стоящего у вагона офицера, - тащи верёвку и веди сюда этого с разбитой мордой. Сейчас мы одного повесим на водонапорной колонке, а другому я пулю между глаз вгоню.

Аким Федотович находился не далеко от места перепалки и слышал всё. Он глядя на Барышева, кивнул согласно головой и махнул рукой: « что, мол, поделаешь, выполняй», затем опустил окровавленную голову и медленно пошёл в здание вокзала.

Неисправный паровоз Афанасий быстро отцепил от состава и, маневрируя, тот удалился на запасной путь. Когда же другой паровоз стал уходить с пути, на котором стоял санитарный поезд, из первого вагона этого поезда, выскочил доктор Пуришкевич. Он в окно наблюдал за всей перепалкой на путях и ничего толком не расслышал, но когда паровоз, вместо того, чтобы цеплять его состав, начал удаляться, доктор понял всё.

Придерживая, спадавшие с носа, очки, он, размахивая фалдами шинели, как коршун кинулся наперерез, подходящему к казачьему составу,

паровозу. Пожилой машинист, видя на путях человека, резко начал тормозить и остановил машину почти, что в метре от доктора.

- Это ещё, что за чудо! Убрать! – гаркнул, совсем уже обезумевший полковник. Возможно, он распорядился доктора оттащить с путей, но старательный сотник выхватил из кобуры револьвер, и, не успев даже глазом моргнуть, все увидели, как во лбу Пуришкевича нарисовалась кровавая дыра и, он медленно опустился на рельсы, разметав фалды шинели и руки по шпалам.

На мгновение наступила неловкая тишина.

- Убрать, - ровным голосом, как будто ничего не случилось, приказал полковник, и, опустив голову, направился в свой вагон.

Мёртвого доктора два казака подтащили к санитарному составу и забросили на пол в тамбур вагона.

Быстро прицепили к казачьему составу паровоз, и поезд, набирая скорость, без сигнала на отправление, помчал своих пассажиров вслед за их главнокомандующим, навстречу гибели.

Афанасий Пантелеевич, удручённый глупой смертью доктора, выполнив все манипуляции с поездами, зависящие от него, не зная куда деть, казалось бы, лишними теперь руки, растерянно топтался на перроне у фонаря, разглядывая на земле пятна крови своего покровителя.

« Как же так, что произошло, - медленно проворачивались тяжёлые мысли в мозгу, - совсем недавно мы все были за одно, всё казачество пыталось дружно предотвратить, навалившиеся на их долю, беды. Ждали достойных перемен в укладе их жизни. Пролили реки крови за это. А теперь иностранные помощники предали Колчака, он предал Уральских и Сибирских казаков, его холёные казаки, из личной охраны, предали боевых своих товарищей. Что же будет дальше!?» - Потоптавшись ещё некоторое время на месте, Афанасий Пантелеевич пошёл в здание станции, открыв

дверь небольшой комнатухи, наполовину занятой телеграфным аппаратом, он увидел, сидящего на диване, с закрытыми глазами Миронова. Всё лицо того представляло собой сплошной лилово - голубой синяк.

- Что это было Аким Федотович, - осипшим от обиды голосом спросил Барышев.

- Это Афанасий Пантелеевич была благодарность, за верную службу Отечеству. – Превозмогая боль, тихо ответил Миронов. - Вот это от Верховного правителя России, - и он разжал ладонь, на которой сияла золотом монета царского червонца. - А это от его высокоблагородия, - и он показал на своё изуродованное лицо.

- То ли ещё будет, когда придут красные, - в тон ему добавил Афанасий.

Ночью пришёл из Тайги паровоз. Зацепили санитарный поезд. И он, постукивая на стыках рельс, медленно двинулся в неизвестность. Сопровождающий его хозяин, неподвижно лежал на грязном полу вагонного тамбура.

В течение ещё нескольких дней приходили составы с беглыми колчаковцами, в том числе и с казаками, воевавшими в рядах Верховного правителя. Все они были сильно потрепаны, голодные и грязные, среди них было много больных и раненых. Лошади, перевозимые казаками в теплушках, выглядели так же, не лучше своих хозяев.

Афанасий Пантелеевич проходил по каждому вновь прибывшему составу и спрашивал, не знают ли они хоть, что – то о Платонове Ермолае Пантелеевиче. Нет, никто ничего о таком казаке не слышал. И лишь позже Афанасий узнал о том, что бегущие на восток казаки, остатки колчаковского войска. А они никакого отношения не имеют к Уральским казакам,

продолжавшим воевать на юге Урала. Там – то и находился его брат Ермолай Пантелеевич.

Через несколько дней поток беженцев остановился, и вообще вдруг движение поездов прекратилось совсем. К вечеру в склад пришёл Аким Федотович:

- Афанасий Пантелеевич, новость поступила по телеграфу, - сообщил он, - между Новониколаевским и Тайгой красные разгромили два последних эшелона с белогвардейцами. Скоро будут здесь. Вот повреждённую линию восстановят и явятся к нам. Что нам ожидать? – задал он риторический вопрос, и сам на него ответил, - поживём, увидим.

Через три дня по телеграфу передали сообщение:

« Со станции Тайга на ваш разъезд вышел эшелон с красноармейцами, Через два часа будут у вас. Телеграфист Жуков»

За первым прибывшим эшелонам стали приходить другие, в течение недели разъезд пропустил около двух десятков красноармейских составов. И уже 18 декабря 1919 года началась Красноярская операция Красной Армии.

Прибывающие на станцию красноармейцы, несмотря на усиливающиеся морозы, были одеты неважно, мало у кого на ногах были валенки, в основном сапоги, а на некоторых и обмотки с ботинками. На плечах бушлаты, шинели или обыкновенные ватники. Но, несмотря на это, настроение у солдат, в основном, было хорошее, на подъёме. Вызвано это, конечно, было одерживаемыми победами, после длительных поражений.

Никто из командиров и солдат не размахивал оружием, не выдавал невыполняемых распоряжений. Красноармейцы сами помогали грузить в паровозы уголь, дрова. Если была необходимость они и распиловкой, подвозимых рабочими, берёзовых хлыстов занимались сами.

Однажды Афанасий Пантелеевич на смелость спросить и у красноармейцев, не слышал ли кто – ни будь о Ермолае Платонове, мало ли,

что, вдруг он подался к красным, в те времена всякое бывало. Проходивший мимо командир, услышав разговор остановился:

- Ермолай, да был у казаков Ермолай, Ермошка – Лютый, наши долго за ним гонялись. Поймают, ремни из его кожи будут вырезать. Та ещё тварь, много наших солдат уложил. А про Платонова, нет, ничего не слышал. А он тебе зачем?

- Да так, просто, когда – то на одном хуторе жили, - соврал Афанасий, и постарался поскорее убраться в склад.

«Неужели это мой брат? Но почему Лютый? Видимо настоящую фамилию в боевой круговерти потерял. Всё, больше спрашивать не буду, не дай бог, дознаются и нам несдобровать».

Пока в посёлке Жарковском и на полустанке никаких изменений не происходило.

Глава третья.

Новая власть.

Среди невзгод судьбы тревожной,

Уже без боли и тоски,

Мне вспоминается таёжный

Посёлок странный у реки...

...в морозной мгле дымилась трубы,

По рельсу били – на развод,

И выходили лесорубы

Не чётким строем из ворот...

А. Жигулин. «Вина»

В середине февраля 1920 года на полустанок Жарковский поступило сообщение о том, что по распоряжению Иркутского военно –

революционного комитета, седьмого февраля текущего года, были расстреляны адмирал А. В. Колчак и Председатель совета министров Сибирского Российского правительства В. Н. Пепеляев.

Но гражданская война в восточном направлении ещё не закончилась. В 1920 году в Забайкалье и на Дальнем Востоке советской власти не было. Здесь сконцентрировались значительные силы белых: остатки армии Колчака, бежавшие из Сибири, отряды атамана Семёнова и бело – чехов. Белых поддерживали японцы. Япония пользовалась гражданской войной, чтобы укрепить свои позиции в регионе.

Советское правительство, которое и так находилось в тяжелейшем положении: / в начале 1920 года не одна страна не признала РСФСР. Кроме того продолжалась изнурительная война на западе/ не могла воевать с Японией.

В РКП/б/ приняли оригинальное решение о создании независимого, государственного, демократического образования, с капиталистическим укладом в экономике, провозглашенного на территории Забайкалья и Дальнего Востока. Формально независимое от РСФСР государство – Дальневосточная республика. Она – то и воевала с белыми на востоке.

Скинув с плеч этот тяжкий груз, красные решили приступить к наведению порядка на отвоёванных территориях, и установлению власти на них, путём расстановки и укрепления управленческих структур на местах.

Естественно, прежде всего, нужно было заняться восстановлением производственных объектов, разрушенных длительными боевыми действиями между красными и белыми, и разрушительными действиями чехословацкого корпуса. В ближайших городах: в Тайге и Мариинске приступили к восстановлению железнодорожных станций, так как они были узловыми, в Шахтёрске начали запускать брошенные ранее угольные шахты. Приступили и к расширению полустанка и посёлка Жарковский, но роль им

была отведена, на первый взгляд, странная, и первое время вызывающая недоумение у их жителей.

Судьбу этого, казалось бы, незначительного, полустанка решало Сибирское отделение Всероссийской Чрезвычайной комиссии, которое находилось в Новониколаевске. Председатель окружной ЧК Лунев Сергей Лукьянович собрал представителей ЧК со всего округа, для обсуждения текущего момента и принятия мер по улучшению сложившейся обстановки.

- Товарищи чекисты, наша молодая народная республика в данный момент находится в тяжелейшем состоянии; на Дальнем востоке идёт война с японцами и бело - чехами, на западе с белогвардейцами и казаками Дона и Кубани. Здесь в западной Сибири мы пытаемся навести порядок, но нам мешают банды казаков разгромленных на Урале и прорывающихся в Сибирь и на Восток через Казахстан и Алтай. В городах расплодилось масса криминального элемента; воры, грабители, бандиты, саботажники. Нам дано право, поступать с такими элементами, как со злостными врагами нашего народа, расстреливать на месте. И мы это делаем, пока может быть не достаточно тщательно, многие наши товарищи не окрепли ещё духом и не в состоянии приводить приговор на месте. Тем не мене в больших городах мы добились определённых успехов. Но надо учесть и то, что всех к стенке мы поставить не можем, имеются и мелкие незначительные нарушения, совершаемые гражданами в нетрезвом виде, от безделья, так как мы не можем большую часть населения обеспечить работой. Поэтому предлагаю таких определять в трудовые исправительные лагеря. Для чего необходимо их сначала построить и организовать там работу.

Вот такой лагерь по указанию председателя окружной Сибирской ЧК и решено было воздвигнуть в посёлке Жарковском, ответственными за его постройку и организацию работы были назначены чекисты Воронов Николай Филиппович и Шевцов Андрей Ильич.

Собрание закончилось, но Воронова и Шевцова Лунев попросил зайти к нему в кабинет:

- Вот, что Николай Филиппович и Андрей Ильич, в Новониколаевской и Мариинской тюрьмах скопилось большое количество пленных белогвардейцев. Конечно, все они Российские граждане и большинство их раскаялись и готовы служить новой власти, но выпустить всех сразу мы не можем, по тому, что и среди них есть криминальные элементы, кроме того офицерье, содравшее свои погоны. Тут начнётся такое, что не приведи господи это увидеть.

Поэтому я распорядился, чтобы Новониколаевских пленных белогвардейцев отдали вам, для строительства Жарковского лагеря. По ходу работ постарайтесь выявить, кто на что способен. Офицеров, а они обязательно себя покажут, расстрелять на месте, криминальный элемент оставить в заключении в лагере, остальных постепенно, после того, как они выполнят все необходимые работы в посёлке, распустить.

И ещё, с Алтая в ваш округ пробился отряд казаков Ермолая Платонова, в течение года с Урала через Казахстан и Алтай он упорно передвигался в сторону Новониколаевска. Последний раз его видели в скиту староверов, в пятидесяти верстах от Новониколаевска. Продотряд изъял у староверов обоз ржи, Ермолай с отрядом напал на солдат, но убивать никого не стали, отобрали рожь, оружие, лошадей, высекли путём каждого и отпустили. Я думаю, к нам он рвался не случайно. Были захвачены уральскими чекистами бумаги Оренбургского казачьего Воинства, там фамилии такого есаула не обнаружено. Числится есаул Барышев Ермолай Пантелеевич, который в 1899 году был направлен в Китай на подавление восстания. Были взяты в плен казаки, участвовавшие в этой компании, они подтвердили, что такой есаул был, запомнился своей бесшабашной смелостью. И вроде, как у него был друг хорунжий, которому китайцы отрубили руку в бою. Так вот этот

хорунжий теперь работает начальником Жарковского полустанка. Ещё есть сведения, что у Ермолая был брат, возможно, он тоже там. Вам предстоит, во чтобы, то ни стало, обнаружить связи этого Платонова и уничтожить его. Будьте предельно осторожны силы и смелости этот казак необычайной, там где он участвовал в боях, в казачьем восстании на Урале, живых противников почти не оставлял, бои проводил молниеносно, набрал себе башкир и атаковал лавиной. Много крови за ним, не зря красногвардейцы дали ему кличку Лютый.

В июле месяце 1920 года на полустанок прибыл необычный поезд. К паровозу был прицеплен один пассажирский вагон. Начальнику станции Миронову Акиму Федотовичу, предварительно, поступило указание, принять поезд на запасной путь, подготовить всю документацию / графики движения поездов и прочее/. И как подобает, обеспечить встречу выездной комиссии ЧК. Приняв поезд Миронов, нутром почуяв, что – то неладное, застыл по стойке смирно на перроне в ожидании прибывших гостей.

Вскоре из вагона, в сопровождении вооружённых красноармейцев, вышли два человека одетые в кожаные куртки, хромовые сапоги. На пояском ремне в деревянной кобуре, каждого, отсвечивали воронёной сталью пистолеты типа «Наган», на другой стороне, на перекинутых через плечо ремнях, висели новенькие военные – полевые сумки.

Легко перепрыгивая через рельсы, группа прибывших граждан приблизилась к замершему у фонаря Миронову.

- Здравствуйте! – глядя на пистолеты, настороженно произнёс Аким Федотович, - «Дьявол их знает, что в данном случае нужно говорить, и ответят ли эти «кожаные щеголи» на его приветствие»

Однако ничего необычного не произошло.

- Добрый день! – вежливо ответил один из прибывших, внимательно посмотрев на плечо Миронова с отсутствующей рукой, - Вы начальник полустанка?

- Да, - успокоенный таким обхождением, выдохнул Аким, - Миронов Аким Федотович, - представился он.

- Воронов Николай Филиппович, - в свою очередь обозначился приезжий, - с сего дня начальник участка Черезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией на полустанке Жарковский. Так, что, возможно будем работать вместе, если вы, конечно не контрреволюционер, – бес тени улыбки заявил «кожаный борец», как про себя успел окрестить его Аким.

«Видимо он среди этих двоих главный» – подумал Миронов, но ошибся.

- А это Шевцов Андрей Ильич, - представил своего спутника Воронов, - он назначен начальником участка ЧК посёлка Жарковский.

«Не слишком ли много начальников ЧК на такой маленький разъезд и посёлок? Это не к добру» – резанула опасливая мысль.

- Работа у нас здесь предстоит большая, - как будто – то подслушав мысли Миронова, сказал Шевцов, - голос его был грубый резкий, взгляд зелёных выцветших глаз безразлично – презрительный. Миронов не выдержав этого взгляда, отвёл глаза в сторону.

- Ну что же товарищ Миронов показывайте своё хозяйство.

- Да какое здесь хозяйство, старенький вокзал, да склад под топливо.

- Ничего, скоро здесь будут большие перемены, - опять загадочно произнёс Воронов.

- Ну вот, что Аким Федотович,- осмотрев внутренности вокзала и кабинет начальника станции, заявил начальник ЧК, - кабинет с аппаратом связи тебе / перешёл он на «ты» / придётся освободить, здесь теперь будет

участок ЧК. Тебе мы завтра отгородим тёсом кабинет рядом. Тёс, я думаю, на лесозаводе найдётся. Телеграфом тоже обеспечим, позже.

- Не стоит беспокоиться, товарищ Воронов, с улицы есть дверь в кладовую, там почти ничего нет, вынесем всю рухлядь в топливный склад, в угол, мне будет достаточно.

- Ну и хорошо. Это ты можешь забрать, - осмотрев немногочисленную документацию, подвинул он её под руку Миронова. – Мы с Андреем Ильичом жить будем пока в вагоне. На сегодня всё.

Облегчённо вздохнув, Миронов вышел на перрон. Там неподвижно стояли четыре красноармейца, уставившись в окно вокзала.

«Они то, зачем здесь, - недоумевал Миронов, - война откатилась далеко, да её на этом полустанке и не было вовсе»

- Товарищ Миронов! – обернувшись, Аким в дверях вокзала увидел Воронова, - завтра с утра весь личный состав работников станции ко мне, буду подробно знакомиться с биографией каждого.

- Слушаюсь, - по - военному ответил Аким. – «Так вот зачем нужны солдаты, - догадался он, - вдруг какая контра затесалась на полустанок»

На другой день, с утра, в здании вокзала толпились все рабочие и служащие полустанка Жарковский. Всего двенадцать человек. Девять рабочих, после того, как шахты заработали, необходимость топить паровозы дровами отпала, топили углём, поэтому лесорубов, пиливших лес на дрова, отправили работать на лесозавод. Оставшиеся девять обеспечивали всю деятельность полустанка: заправляли паровозы топливом, водой, обходили железнодорожные пути, чистили их, производили мелкий ремонт.

К служащим относились трое: начальник станции Миронов Аким Федотович, заведующий складом, он же сцепщик вагонов Барышев Афанасий Пантелеевич и кассир Лида Гречкина.

Так называемое ознакомление с контингентом проводили Воронов и Шевцов совместно. В кабинет вызывали по одному. Сначала рабочих. Вопросы задавались разные, но так как все они были пожилыми людьми, и коренными жителями посёлка, претензий к их деятельности никаких не возникло. Однако один вопрос задавался всем:

- Кто такие Миронов и Барышев, - строго глядя в глаза, застывшим, пытливым взглядом, спрашивал Шевцов, - когда они появились здесь, кто их родственники и как они относятся к своим обязанностям.

Люди отводили глаза, не выдерживая этого взгляда, но ничего нужного чекистам сказать не могли. Отвечали односложно, и если собрать все ответы в один получалось следующее:

- Да я уж и не помню, когда кто приехал. Родня, наверное, есть, я точно не знаю, меня к ним в гости никто не приглашал. Работают как? Вместе мы все работаем, всякое бывает, ну вроде справляемся.

И всё же разговорчивый один нашёлся, Гришка Сопун, лодырь, каких поискать, в работе его всё время нужно понукать, иначе он засыпал на ходу и из рук вываливалась лопата. И вот этого Гришку, как раз за день до приезда чекистов, Миронов и Барышев хотели выставить из склада на самоопределение. Чекисты это каким – то образом выведали, на то они и чекисты.

- Ну, что Григорий, - как можно мягче спросил Воронов, - как твои дела на трудовом поприще?

- Да, не совсем хорошо, - почувствовав расположение казённого человека к своей фигуре, решил выложить сразу всё Гришка, - начальство спокойно жить не даёт. Работаю как вол, а они меня хотят в шею вытолкать. Сами мутные, какие – то, а туда же!

- Почему мутные? - сразу же зацепился за слово Шевцов.

- Ну, как, один девять лет назад появился в посёлке, вроде нигде не воевал, а руки нет. Другой приехал три года назад, тоже говорят раненый, а где воевал не понятно. Привёз с собой ещё одну семью, баба и трое ребятишек, кто такие не говорят. А этот Барышев кормит и свою семью и вторую. Что он двух жен имеет сразу, что ли. И Миронов им хвост всё заносит, вьётся ужом перед ними.

- Ну а в работе они как, ничего не замечал. Может вред, какой наносили железной дороге.

- Нет, этого не замечал, – заметив, как заблестели у чекистов глаза, и, почувствовав, что хватил лишнего своей болтовней, остепенился Сопун, - если бы они чего навредили, так по всей железной дороге было известно, тут, как навредить можно, только поезда лоб в лоб столкнуть, - резонно рассуждал он.

- Да это верно, - согласился Воронов, - ну, а вот проходили разные составы и с красными и с белыми, кому предпочтение отдавали эти люди?

- Не знаю, я же всё время в складе, хотя когда проходил состав Колчака, я видел, как они суетились и торопили нас скорее обеспечить паровозы топливом и водой, а потом при отправлении поезда Миронов стоял по стойке смирно.

- Ладно, Григорий, иди – подал ему руку Воронов, - работай, никто тебя не уволит. А ты присматривай, если, что заметишь, приходи!

Лида Гречкина не сказала ничего, как только увидела пыливый змеиный взгляд Шевцова, расплакалась, сначала тихо в ладони, а затем разрыдалась на всю коморку, можно было подумать, что она единственная хотела взорвать этот дряхлый вокзал, а теперь боясь ответственности, горько плакала. Ей дали воды и выставили из кабинета – толку всё равно никакого, от её показаний, не было.

Наступила очередь руководителей, первым на дознание двинулся Аким Федотович.

- Ну, что, гражданин Миронов, - глядя в глаза своим пристальным взглядом, начал Шевцов, - у нас, после разговора с вашими рабочими возникли некоторые вопросы к тебе.

«Уже не товарищ, а гражданин» - отметил про себя Аким.

- Какие же, гражданин Шевцов?, - выдержав взгляд удава, в тон ему спросил Миронов.

«Ишь, сволочь, не так прост, как кажется на первый взгляд, дерзкий»

- Скажи, где ты потерял руку, ведь в гражданскую ты не воевал не за красных, не за белых?

«Вот оказывается, как – подумал Миронов, - про мою жизнь на этом полустанке они знают всё. Значит, не это их интересует, а моя прошлая жизнь и не только моя»

- Руку я потерял в Китае в 1900 году, подавлял восстание китайского движения «Белый лотос» в составе Уральского казачьего полка.

- Ах, вот как, казак значить, ну тогда всё понятно, - ехидно улыбнулся Шевцов, - а кто был командир сотни, в которой ты служил?

«Что ему понятно? – насторожился Аким – называть или нет сотника? Не буду»

- Я не помню, гражданин чекист.

- Как это так, ели из одного котелка и не помнишь боевого товарища – округлил глаза Воронов, - брось Аким Федотович, этому никто не поверит. Напряги мозги! Может быть, это Платонов Ермолай Пантелеевич?

- Кажется Балашов, гражданин чекист, никакого Платонова я не знаю.

«Неужто они дознались о том, что Афанасий брат Ермолая. Тогда почему Платонов?» - мелькнула тревожная мысль.

- Ну, допустим. А сюда как попал с Дальнего Востока.

- Жена у меня с этих мест, - ответил Аким, а про себя подумал: «Дурака они валяют! Всё знают и про жену и про её мать, о том, что они местные».

- Скажи ещё Миронов, а вот если бы у тебя была рука, ты за кого бы воевал?

- Если бы, да кабы, - рассердился Аким Федотович, - в каких бы рядах служил до войны, в тех бы и воевал.

- Понятно, значить казачий дух из тебя ещё не выбили. Как вы были казаки заносчивыми, такими и сдохните, видимо, - рассердился, вдруг, Шевцов.

-Послушай гражданин Миронов, а почему это ты стоял навтыяжку перед поездом адмирала Деникина?- спросил Воронов, ехидно улыбнувшись, - почести ему оказывал?

- Это вам Гришка Сопун сообщил, а что же он не рассказал, как мне деникинский полковник морду начистил. Соглядатаев подбираете, граждане чекисты, уж больно низко опустились, до Гришки Сопуна.

-Ладно, Миронов иди пока, сильно не задирайся, а то, как бы сам на Гришкино место не угодил. Работать будешь, как работал, только все депеши и передвижение поездов, я беру под свой контроль – махнул рукой Воронов, - пусть помощник твой заходит.

Афанасий Пантелеевич по виду, вышедшего Миронова, определил, что ничего хорошего, по ту сторону двери, его не ждёт, но переговариваться времени не было, и он шагнул за порог кабинета.

- Здравствуйте товарищи! – произнёс Барышев, но по лицам чекистов определил, что на его здравицу им наплевать.

- Садись гражданин кладовщик, - не ответив на приветствие, указал на табуретку Шевцов.

«Уже и гражданин!» - так же, как и Миронов, отметил про себя Афанасий.

- Скажи Барышев, как так, вот ты, здоровый мужик, идёт Гражданская война, а ты присосался здесь к полустанку и сидишь на складе, как ни в чём не бывало? – сразу в карьер пустился Шевцов, уставившись в глаза опрашиваемому, - трус что ли?

- Во-первых, я был ранен в 1914 году на войне с Австро – Венгрией. У меня навыворот пробито плечо, имею медаль «Святого Георгия» за героизм, - выдержав взгляд чекиста, с вызовом произнёс Барышев, - во вторых, работа на этом разъезде ничем не отличается от военных действий. Если бы мы бросили её, то всем войскам пришлось бы передвигаться по тайге, по пояс в снегу.

- А в каких же войсках тебе пришлось воевать в Австро – Венгрии?

- В Донском казачьем корпусе .

- В каком же звании воевал?

- Был сотником.

- Видишь, как вы все тут подобрались, сотник, хорунжий! – со злобой в голосе произнёс Шевцов.

«Видимо люто он ненавидит казаков»- сделал заключение Афанасий.

- Ну а сюда – то, как попал с Дона, сотник? – спросил Шевцов, а про себя подумал: «Вовремя вывернулся с Дона, гад, лежал бы сейчас в земле с дыркой в башке»

- Сюда я попал с Урала, был командирован туда долечиваться. Врачи сказали, что там климат подходящий, - почувствовав какой – то подвох и злобный накат чекистов, Барышев про брата решил не вспоминать.

- Допустим, а с Урала сюда зачем?

- На Урале казаков стали притеснять, я воевать больше не захотел.

Товарищ позвал, предложил работу, я и приехал.

- А как же так, сотник, - не переставал нажимать на бывшую должность Барышева Шевцов, - у всех жена одна, а у тебя почему – то две. Вот

гражданка Чеплицкая /жена Ермолая жила под фамилией первого мужа, и теперь Александр благодарил бога, что она не приняла их фамилии/ она тебе кто? Почему ты содержишь их.

- Это не так гражданин Шевцов, Чеплицкая жена бывшего владельца уральских рудников Чеплицкого Генриха Казимировича, я когда – то охранял его рудники от разбойников, умирая, он попросил меня позаботиться о его семье. Что я и делаю. Иногда помогаю, но Елена Владимировна обеспечивает семью тем, что шьёт одежду жителям посёлка. – Заведомо говоря неправду, Афанасий Пантелеевич надеялся, что в той боевой неразберихи на Урале, чекистам пока разбираться было некогда: кто и когда владел, каким рудником, им пока было не до этого.

- А, что ты ответишь на этот вопрос, господин сотник, - уже не скрывая неприязни к Барышеву, спросил Шевцов, - почему же все дети этой самой Елены Владимировны Ермолаевичи?

- Не знаю, - не подал вида Афанасий, - возможно, она хотела скрыть их происхождение, красные не уважают богатых, даже бывших.

- Последний вопрос, сотник, - придвинулся вплотную к Барышеву Швецов, - кем тебе и твоей Елене Владимировне доводится Ермолай Платонов? Только не врать, ты и так уже нагородил тут целый огород!

-Я такого не знаю. Первый раз от вас слышу, - решительно заявил Афанасий Пантелеевич.

Швецов вскочил, намереваясь кинуться к двери и позвать солдат, но его за локоть поймал Воронов:

- Подожди Андрей Ильич, не торопись.

- Иди пока, Барышев, на своё рабочее место, - распорядился он, к великому удивлению Афанасия, а так же и Шевцова.

-Ты, что творишь, - в злобе зашипел Шевцов, - это же натуральная контра, их обоих немедленно нужно отправлять в Новониколаевск, в главное управление ЧК.

- Подожди, не суетись, я не хуже тебя разбираюсь в контрреволюционерах и саботажниках, ну, что, мы их сейчас возьмём, а предъявить им нечего, пока одни догадки. Да, несомненно, это те, кто нам нужен и они каким – то образом связаны с этим Ермошкой Платоновым. Где бы он сейчас не шлялся, если он жив, обязательно заявится сюда. Вот тогда мы и загребём их всех вместе.

- Да, видимо, ты прав. Будем ждать.

Следует отметить, что появление представителей ЧК на полустанке и в посёлке Жарковском припозднилось, в связи с тем, что эта территория сначала была занята бело - чехами, а позже белогвардейцами. Кроме того, нужно учесть и то, что названные выше полустанок и посёлок особой важности в деятельности новой власти пока не представляли. В городах и селениях не занятых белогвардейцами, этот орган существовал и вёл активную деятельность с 1917 года.

20 декабря 1917 года была создана Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народного Комиссариата РСФСР – главный орган красного террора «карающий меч революции». Народ на это откликнулся поговоркой: «ЦК – цыкает, ЧК – чикает»

Отцом – основателем ВЧК был председатель СНК РСФСР Владимир Ульянов – Ленин, который и составил проект декрета о создании ВЧК. В нём предписывалось бороться с буржуазией и прочими имущими классами, предпринимающими отчаянные усилия для подрыва революции.

Именно он первый поставил вопрос о бессудных казнях, как метод работы чекистов. 27 января 1918 года выступая по поводу борьбы с голодом, он заявил: «Пока мы не применим террор - расстрел на месте – к спекулянтам, ничего не получится».

Летом 1918 года он призвал начать на местах «беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев»

И только после окончания Гражданской войны в декабре 1921 года Ленин предложил ограничить деятельность ВЧК, передав её чрезвычайные полномочия в Наркомат Внутренних Дел. 6 февраля 1922 года ВЧК превратилось в не менее печально известное Главное Управление при НКВД / ГПУ/

Выйдя от чекистов, Афанасий Пантелеевич, тяжело переведя дух, хотел немедленно броситься в каморку к Миронову, но вовремя одумавшись, опустив голову, побрел на склад:

«Нет, сейчас нам с Мироновым встречаться никак нельзя, я уверен, что за нами поставили глаза и уши, если немедленно встретимся, скажут: «вот казачки зашевелились, значить морда у них в пушку». Впрочем, они и так уверены, что мы в заговоре, в каком только непонятно. Видимо Ермолай много нанёс красным вреда, если они его ищут не жалея сил и времени. И ненависть распространилась на всё казачество, значить не случайно. Ишь, каким – то образом подобрались к нам. Интересно знают ли они всё или просто берут на арапа, - мысли разрывали голову Афанасия Пантелеевича, - что теперь делать? Почему они оставили нас, несмотря на недоверие, на своих местах? А впрочем, всё понятно, оставили в виде приманки. Значит Ермолай где – то здесь, недалеко. Ждут когда он появится, тогда нам всем наступит конец!»

Вот, эти события, уже отложились в памяти, брошенного нами на берегу Чиндата Александра Афанасьевича, ему в то время было восемь лет.

Он помнил, как в один из вечеров отец, Афанасий Пантелеевич, пришёл домой очень расстроенный, они с матерью долго шептались в другой комнатухе. Затем мать ушла из дома и через некоторое время вернулась с тёткой Еленой Владимировной. Сидели молча ждали видимо кого – то. Когда стемнело на улице, в доме появился Аким Федотович.

- Что же теперь будет? - тревожно спросил Миронов, ни к кому не обращаясь, - ладно нас загребут, а если женщин и детей? Да, если только и нас, что будет с вами, с ребяташками? - обратил он свой взор на сидящих рядом женщин.

- Подожди Аким, не убивайся раньше времени, - попытался успокоить Афанасий Миронова, - ты же видишь, нас пока не тронули, что им мешало отправить нас в Мариинскую тюрьму либо в Новониколаевскую, а при их полномочиях и к стенке поставить, без суда и следствия. На работе нас оставили.

- Неужели ты Афанасий Пантелеевич не догадываешься, что нас оставили для приманки, видимо ожидают, что Ермолай где - то рядом и вот - вот нагрянет к нам. Сейчас мы им пока не нужны, они прекрасно понимают, что предъявит им против нас нечего. Хотя если захотят и ни за что к стенке поставят. Причину найдут, хотя бы за то, что мы казаки, ты заметил какая у них ненависть к казакам?

- Да, ты, конечно, прав Аким Федотович, - сделал вид, что только сейчас об этом догадался Барышев, - что же натворил Ермолай, ведь воевал против красных не он один. И почему его чекисты называют Платонов? А может быть это не он? Если же он, то появляться ему здесь никак нельзя, сам пропадёт и нас загубит.

«Ничего не буду говорить по поводу фамилии, никто кроме меня об этом не знает. Пусть думают, что это другой Ермолай» - решил Афанасий.

- Что же детям теперь без отца всю жизнь оставаться, - сквозь слёзы, тихо спросила Елена Владимировна.

- Ну, тут уж, как не рассуждай, а сцепились две силы в мёртвой схватке белые и красные, у кого верх, тот и диктует свою волю. Видимо Ермолаю нет прощения, если его так обложили, - покачал головой Миронов, - в общем, пока будем жить, как жили, но ухо держать надо остро. Виду, что мы родственники Ермолая не показывать. Детей далеко от дома не отпускать. Возможно это и не наш Ермолай, раз у него фамилия другая.

- Можно было бы уехать, куда, ни будь, но нас теперь отсюда не выпустят. – Миронов встал. - Пора расходиться, наши «друзья», наверное, уже засекли то, что мы собрались. Радуются – задёргалось казачьё.

Выйдя за дверь, тревожно озираясь и всматриваясь в темноту, гости начали расходиться.

А в посёлке и на разъезде в ближайшие дни всё стало стремительно меняться. Через день, после допроса, на полустанок прибыл товарный состав, в вагонах толпились мужики в шинелях без опознавательных знаков с оторванными погонами.

«Пленные белогвардейцы» - догадался Аким Федотович, о том, что они придут на полустанок, Воронов ему не сказал. Такое количество пленных Миронов видел впервые за три года Гражданской войны.

Гражданская война в России отличалась диким ожесточением обеих сторон. Понятие о пленных поначалу вообще отсутствовало начисто. Пойманный противник расстреливался как смертельный враг. Если его не удавалось переманить на свою сторону, то его следовало уничтожить. В начале Гражданской войны за белых и красных воевали в основном

добровольцы, отличающиеся высокой степенью фанатизма и преданностью идеи. Живыми они в руки врага, как правило, не сдавались и поступали с пленными врагами так же, как, по их мнению, враг непременно поступит с ними.

Постепенно обе стороны в Гражданской войне создали регулярные армии путём мобилизации. Мотивация участия в боях ослабла, снизился и градус ожесточённости. Попавшие в плен солдаты, если не убивались, то обычно записывались, в разного рода, тыловые команды. Либо отправлялись на восстановление освобождённых поселений. Давать им оружие, если они хотели стать перебежчиками, обе стороны боялись. На командиров и комиссаров эта амнистия не распространялась, их расстреливали.

Отношение к пленным перебежчикам различалось по обстоятельствам места и времени. Уроженцы области занятой той армией, которой они были взяты в плен, могли быть оправлены домой, под клятвенные обещания больше не брать в руки оружия.

Поэтому прибывшие на полустанок пленные белогвардейцы почти не охранялись. На подножках вагонов стояли лишь три красноармейца с винтовками, закинутыми за плечи. Встречать поезд вышли Воронов и Шевцов. К ним подбежал красноармеец, соскочивший с передней подножки, видимо старший. Приняв распоряжение от Шевцова, он, обернувшись к вагонам, зычно распорядился:

- Выходи!

Из вагонов на перрон хлынули пленные солдаты. На их лицах Миронов, стоящий за спинами чекистов, никакой озлобленности не заметил, но и радости они не выражали. Они выражали полное безразличие к происходящему.

- В колонну по двое становись, - распорядился красноармеец, - налево, шагом марш! – скомандовал он, после того, как пленные построились. Шевцов зашёл вперёд колонны и повёл её в сторону посёлка.

Миронову было интересно узнать, что происходит, но спросить об этом Воронова он не осмелился. Однако тот, взглянув в лицо Акима Федотовича, заговорил сам:

- Лагерь будем строить, за посёлком, у болота, - заявил он.

- Какой лагерь!? – удивлённо выкатил Миронов глаза.

- Какой, какой, да уж явно не для отдыха. Контру, саботажников, бандитов разных будем закрывать – рубил он слова, и вдруг, криво усмехнувшись, добавил, - и сотникам белогвардейским место там найдётся.

На второй день к полустанку подкатили четыре платформы с вязанками колючей проволоки. Несколько пленнх солдат за день вывезли её в сторону болота на подводах. И в считаные дни на окраине посёлка образовалась довольно обширная квадратная площадка, огороженная колючей проволокой, за которой разместились пленные белогвардейцы. А вскоре на ней развернулись строительные работы. Силами пленнх, в близь лежащей тайге, началась заготовка леса. Примитивный, маленький лесозавод работал день и ночь. Прежде всего, вплотную к колючему ограждению, был воздвигнут деревянный забор высотой в четыре метра, из грубо отёсанных досок. По углам площадки возвели смотровые вышки. На площадке кипела строительная работа, возводились приземистые бараки.

В нескольких метрах от забора с внешней стороны, буквально за три недели было построено добротное здание из хорошо оструганных сосновых брёвен. Над дверью, на доске красовалась надпись: «Участковая ЧК посёлка Жарковский» ниже, буквами поменьше «начальник Шевцов А. И.»

На железнодорожной станции работа кипела тоже круглосуточно. Старенький вокзал обшили тёсом, предварительно возведя к нему

пристройку, почти равную его прежним размерам. Приехали специалисты со станции Тайга, вместе с ними были доставлены новые рельсы и шпалы, строились дополнительно две нитки станционных железнодорожных путей.

Строились бараки и в самом посёлке, в ближайшее время ожидалось переселение из центральных областей России. Да и пленные белогвардейцы после окончания строительства имели право, кто захочет, оставаться в посёлке, обретая здесь семью. Никто их долго содержать во вновь отстроенном лагере не собирался, для скудного бюджета посёлка это было накладно.

В посёлке сменилась власть, вместо «Волисполкома» был избран «Поселковый совет» в состав которого входил исполнительный комитет и председатель. Председателем стал бывший комиссар, мобилизованный из армии по ранению Чернов Василий Петрович. В близлежащих сёлах, тоже произошла реорганизация в управлении.

Однако прошёл слух, что из соседнего, с посёлком, села Орловка, снялись с насиженного места староверы, и ушли в тайгу в сторону Томска. В Орловке они занимали хутор, отделённый от основного поселения глубоким и широким оврагом. Говорили, что это село своим существование и было обязано староверам, переселившимся сюда в восемнадцатом веке.

Отношение старообрядцев Сибири с Советской властью в 1920 е годы были сложными – конфликтными. И если поначалу новая власть воспринималась, как сила способная принести порядок в жизнь местного общества и избавить его от тягот Гражданской войны, то с развёртыванием антирелигиозной политики отношение к ней стало отрицательным. Всё больше старообрядцев стремились ограничить контакты с атеистическим государством.

Причиной ухода староверов в тайгу, скорее всего, послужило посещение их общины чекистами. Воронов и Шевцов в сопровождении четырёх вооружённых красноармейцев, явились на орловский старообрядческий хутор на двух подводах неожиданно. Перепуганные бородачи вместе с женами и детьми, увидев вооружённых людей, предположили, что сейчас начнётся очередное гонение, попрятались в погреба и стайки. */Гонениям староверы подвергались всегда, не только при Советской власти /*

Поражённый обилием скота, птицы во дворах общины, а так же обилием овощей в огородах, зерновыми посевами, виднеющимися в полях, Шевцов, как всегда не сдержался и, матюгнувшись, начал возмущаться:

- Вот живут, сволочи, благодетельствовал их Столыпин!

Столыпин Пётр Аркадьевич, премьер – министр царской России. По его предложению переселенцам в Сибирь положено было на семью 16, 5 гектара пахотной земли и 3 гектара леса, для благоустройства, освобождение от налогов на пять лет и ссуда до 400 х сот рублей.

Попадали ли староверы под статус переселенцев Шевцов не знал, но закипевшая внутри злоба не требовала никаких знаний, она же и не дала ему возможность предположить то, что эти люди, от мала до велика, трудились на своих поместьях день и ночь, до горького пота.

- Есть здесь, кто ни будь, живой! – громовым голосом закричал чекист. Дверь стайки соседнего двора осторожно открылась, из – за неё, медленно выплывая, показалась голова, обросшая окладистой бородой. Голова показалась, но каких - то слов от неё не последовало.

- Что молчишь? Ты кто? – грубо спросил Шевцов. Голова не отвечала.

- Андрей Ильич, ты как – то бы, уж полегче разговаривал, что ли, с людьми, - попытался урезонить его, молчавший до этого, Воронов.

- Подумаешь господ! Вот ты сам с ними и разговаривай. Из них слова не вытянешь, мне уже приходилось таких выпроваживать в Сибирь из – за Урала.

- Послушай, гражданин, - как можно мягче обратился Воронов к бородатому, - кто у вас здесь старший?

Человек вышел из двери, плотно закрыв её за собой, видимо в стайке находилась его семья:

- Я, староста, Авеналий Бельский, - представился он и снова замолчал.

- Скажи Бельский, - снова взял инициативу в свои руки Шевцов, - давно вы здесь живёте.

- Давно, ещё в середине прошлого века отцы наши прибыли сюда. Вот, с божьей помощью, живём как – то.

- Оно и видно, что как – то! Продразвёрстку всю выполнили?

- Всю батюшка и хлебную, и мясную, и масляную, и яичную, дал бог всё выполнили.

- Зерна ещё придётся сдать на этой неделе, люди голодают.

- Как же так, мы ещё зерно не убирали. А что ж люди голодают, вона земли сколько пустой по Россее стоит, пусть растут хлеб, голодать не будут.

- Ишь, разговорился, гримза бородатая, тебя не спросили; кому сеять, а кому пахать, - Шевцов зачерпнул ковшом из, стоявшего на крыльце, ведра воды и жадно выпив её, опустил ковш в ведро, - завтра придёт председатель сельского Совета, принесёт списки, кому, сколько дополнительно сдать зерна. А я после проверю, как вы с этим справитесь.

Чекисты сели на подводы и ретировались в сторону посёлка.

Авеналий Бельский перелез через забор, взял с крыльца ведро, перешёл через дорогу и выбросил его вместе с ковшом в овраг.

- Погань дьявольская, - плюнул он себе под ноги и перекрестился двумя перстами, - эти всё отберут до последней нитки.

Рано утром в лагере дежурный несколько раз ударил по рельсу, призывая пленных белогвардейцев строится. Металлический звук звонко разносился над болотом, пропадая вдалеке, за околицей посёлка. Заскрежетали петли лагерных ворот, распахнувшись которые, выпустили обоз с лесорубами, отправляющимися на заготовку леса.

Посёлок, казалось, ещё дремал, но в новом «Участке ЧК» озабочено почёсывая затылки и дымя дешёвыми папиросами, толкалось вокруг тёсаного стола руководство округа: председатель Секретариата РКП /б/ Огнев Александр Николаевич, чекисты Воронов и Шевцов и два, вновь избранных председателя: поселкового Совета Чернов Василий Петрович и Орловского сельского Совета Занин Михаил Игнатьевич.

- Михаил Игнатьевич, как же так получилось, что никто не заметил исчезновения староверов? – обратился к Занину Воронов.

- Сам понять не могу Николай Филиппович. После вашего отъезда, на второй день, я отправился к ним на хутор, со списком по дополнительной подразвёрстке, ничего не заметил. Всё было спокойно. Авеналий Бельский посмотрел список, мотнул головой, сказал:

- Ладно, бог с вами, - правда потом, посмотрел в поле, где ещё не убраны зерновые и добавил, - зерно возьмёте сами, мы не повезём.

- Через три дня я собрал обоз из деревенских мужиков, чтобы забрать готовое зерно. Приезжаем на хутор, а там никого нет.

- Что ж деревенские, не видели, что ли, как они собираются, - в свою очередь, задал вопрос Шевцов, - прямо сговор какой – то!

- Староверы деревенских за версту к хутору не подпускают.

- Ну а скот что же молча уходил; лошади не ржали, коровы не мычали?

- Коров, лошадей и овец староверы угнали ещё за два дня до ухода, прямо днём, Стёпка – кузнец им в лесу повстречался, так они ему сказали, что перегоняют скот на другое пастбище.

- Вот видите, что получилось, мы и так по подразвёрстке отстаём от соседнего Судженского округа, а теперь вовсе сядем в лужу. С кого брать? Орловские и Марьенские мужики живут, в основном, за счёт охоты и рыбалки, да шишки кедровые бьют, сено косят. Скот, конечно, держат, мясо, масло, яйца сдают. А где мы теперь зерно будем брать, - сокрушался партийный руководитель Огнев, - есть у нас ещё одна деревня, Аршиново, там «исашные» / *то же староверы, но другого вероисповедания*/ живут, они зерновые сеют. Но если вы Воронов и Шевцов туда поедете, то и они сбегут вслед за орловскими староверами. Вы свой пыл военный немного поумерьте, тут вам не боевые действия.

- Что же нам теперь и выехать никуда нельзя? – вспыхнул Шевцов.

- Выезжайте, но занимайтесь своими делами. Теперь у нас есть, кому заниматься подразвёрсткой, исполкомы сельских Советов избраны, председатели. А вы уж принимайте меры к злостным саботажникам.

- Свою – то работу вы делаете плохо, - продолжал он, - вот опять депешу сегодня получил, в наших местах скрывается известный бандит, бывший есаул уральских повстанцев Ермолай Платонов. Сколотил банду под Новониколаевском, грабит обозы везущие продукты, собранные по подразвёрстке. Что вам об этом известно?

- Мы об этом знаем Александр Николаевич, - поднял голову Воронов, - родственники у него здесь, потому он и кружит в этой губернии. Мы, вроде, как определили их, вот ждём когда он в гости явиться.

- И кто же это?

- Да вот предполагаем, что это бывший сотник, а ныне кладовщик на станции Барышев Афанасий Пантелеевич. А так же к этому бандиту

приближен начальник станции Миронов Аким Федотович. Вместе когда – то воевали в Китае. Кроме того думаем и семья его тоже здесь.

- А что же вы их не повяжете.

- Да вот решили поймать этого Ермолая Платонова на живца, должен же он посетить свою семью.

- Слушайте, вы, чекисты хреновы, кто же пойдёт прямо к вам в руки. Живут Барышев и Миронов в станционных бараках, прямо у вас под носом, не настолько глуп этот Ермошка. В своё время он много дел натворил на Урале, когда казаки восстали. Не одну битву не проиграл, поэтому его нужно поймать, во что бы, то не стало.

- Послушайте, - вступил в разговор председатель Поссовета, Чернов, - у меня есть предложение, - а что если мы сразу два зайца убьем. И хлеб хуторской сохраним и Ермолая поймаем.

- Как так! – воскликнули в один голос почти все.

- А вот так, - не зря Чернов был на фронте комиссаром, - Барышев и Миронов казаки, они с детских лет приучены к земле, и знают хорошо, как с ней обращаться. А хлеб для них вообще святое. Давайте мы их отправим в хутор староверов, как переселенцев. Среди пленных белогвардейцев отберём несколько человек, чьи семьи живут неподалёку от нашей волости, пусть они перевозят родственников сюда. Освободим их раньше других, они, обрадовавшись всё выполнят, что мы от них потребуем. Если среди них есть казаки, это в двойне хорошо, они там горы своротят. А Ермолай на хутор обязательно явится.

- Да предложение хорошее, - поддержал Огнёв, - стоит подумать. А ты Михаил Игнатьевич поставил в хуторе охрану, чтобы ничего не растащили.

- Да, поставил.

- Хорошее – то оно хорошее, - затянул Шевцов, - но соберём казаков опять в кучу, а сотник Барышев их объединит, и будет чинить нам саботаж. А

потом, если мы возьмём Ермолая, Афанасия на свободе тоже оставлять нельзя, столько лет укрывал семью бандита.

- Слушай, Шевцов, - осадил его Огнёв, - что ты раньше срока на молоко дуешь, оно ещё не горячее. Три года работал Барышев на станции, ничего предосудительного замечено не было. Какой он, ни с того, ни с сего, вдруг устроит саботаж. Да и мы туда обязательно своего человечка подселим, он за обстановкой будет следить. Что касается его ареста, сказать могу только одно, виноват, пусть отвечает. Только и его понять можно, семья брата для него всё равно, что собственная, у казаков такой обычай.

- Всё, на том и порешили, приступайте к исполнению, - обратился Огнёв к председателям, - ну а вам Воронов и Шевцов, я конечно не указ, но прошу вас, поумерьте пыл, люди от злобы уже устали.

Всё так и произошло, председатель поселкового Совета Чернов пригласил к себе Миронова и Барышева, сказав, что больше в их услугах, в качестве начальника станции и кладовщика, посСовет не нуждается, но учитывая их безупречную трудовую деятельность, предлагает переселение в село Орловку на хутор. Обеспечивает жильём и землёй, с обязательным выполнением заданий по подразвёрстке. Кроме того Миронов Аким Федотович назначается старостой на хуторе.

Оба «переселенца» опешили, но поразмыслив, что это не только предложение, но и указ, согласились. В течение месяца хутор был занят переселенцами, всего двенадцать добротных домов с подворьями, на которых, бегали брошенные куры, утки и гуси.

Председатель сельского Совета Занин выделил четырёх лошадей, в аренду, с последующим выкупом за зерно.

Жёны Барышева и Миронова, а так же Елена Владимировна и дети радовались такому обороту дела. Что они видели на станции, кроме проходящих мимо поездов, а здесь вон какой простор. И никто из них не

догадывался, что всё это было сделано не случайно, а для выполнения плана продрозвёрстки. И главное: это хитрый капкан для Барышева Ермолая Пантелеевича, бывшего есаула Уральского казачьего округа, а теперь бандита Платонова, за свою ярость, прозванного красноармейцами Ермошкой Лютым.

Александр Афанасьевич дядю своего Ермолая Пантелеевича видел только один раз. Нет, конечно, когда - то на Урале, они с отцом и матерью жили в большом доме дяди Ермолая, но тогда он был слишком мал, чтобы запомнить какие либо детали из той жизни. А запомнился Ермолай Пантелеевич Александру уже в Сибири. Ему было девять лет, когда неожиданно появился в местах их проживания дядя. И запомнился он племяннику, высоким, худощавым, обросшим окладистой чёрной бородой мужиком. После появления, которого, в их доме поселились несчастья.

Но, со слов, отца, матери, Елены Владимировны и Акима Федотовича, Александру Афанасьевичу, с возрастом, стало ясно, что Ермолай Пантелеевич в жизни их семьи, семьи Мироновых и лично в его судьбе принял в своё время благотворное и, в то же время, роковое участие.

И, тем не менее, все его вспоминали с большой теплотой, и часто обсуждая его трагическую судьбу, жалели его и говорили, что, на его широкие плечи, в своё время, легла вся тяжесть казачьего уклада, в те катастрофические для России годы.

И хотя Александру пришлось с дядей встретиться один раз, вся его предыдущая и дальнейшая жизнь прошла в тесном контакте с его семьёй; женой дяди, Еленой Владимировной и его детьми, сродными братьями Александра: Иваном, Петром и Никитой.

Глава четвёртая.

Дядя, Ермолай Пантелеевич.

Роковая любовь.

*Летит душа к тебе босая,
Бездумно, свой оставив кров.
Ослепла и не видит края,
Моя безумная любовь.*

А. Валеева.

В 1881 году в станице Донского уезда Калитвинской, на реке Донец, в родовом семействе казака Барышева Пантелея Георгиевича родился сын.

Рождение сына в семье казаков это особое событие, значительно отличающееся, от рождения ребёнка в простой крестьянской семье. / *Так же, как и рождение дочери/*

Маленьких казачат и казачек воспитывали в самобытном казачьем духе. Но мы сейчас пока поведём речь о рождении сына. Младенца мужского пола с первых дней воспитывали воином. Важнейшим событием считалось духовное рождение казака, то есть крещение. Проводится этот обряд через сорок дней после рождения ребёнка. Особый подход делается к подбору крёстного, большая часть ответственности за воспитание нового человека ложилось на него. В день крестин в люльку малышу клали шашку, стрелу или пулю – а затем наблюдали за его реакцией. Если младенец хватался за эти предметы, признавался «добрым казаком». А проявивший равнодушие, к воинским атрибутам, огорчал собравшихся нерадивостью.

Достигшему годовалого возраста казаку наголо стригли голову и сажали его на коня. Крёстный давал ему шашку. Шашку ребёнок, конечно, удержать не мог, но если он хватался за неё ручонками – это означало, что растёт добрый казак.

Когда казаку исполнялось семь лет, его во второй раз стригли наголо. Бритоголовым он торжественно шёл к первой в своей жизни исповеди. Тогда же его переселяли в мужскую половину дома, где с этого момента он спал в

комнате со старшими братьями или дедом, на жёсткой постели. Мать больше не имела права его наказывать, воспитанием будущего воина теперь занимались только мужчины.

С трёх – пяти лет казачат начинали обучать верховой езде и рукопашному бою, с семи лет учили стрелять, а с десяти рубить шашкой. Сначала их обучали отцы и крёстные, затем – самые опытные представители казаков, нередко даже атаманы. Воспитание будущего воина признавалось крайне важным делом.

Воспитывалось в парнях и ещё одно обязательное для казака качество – умение быстро, почти молниеносно принимать единственно правильное решение в конкретной ситуации и воплощать его в жизнь, для этого, для мальчишек регулярно создавали ситуации, выход из которых они должны были находить самостоятельно. И к четырнадцати – пятнадцати годам юный казак владел сложнейшими элементами джигитовки, был смышлён и ловок.

С семнадцати лет и до момента, когда он поступал в полк, юноша назывался «малолетком», а в девятнадцать лет отправлялся служить на три – четыре года, срок зависел от места службы. Дальнейшая жизнь молодого казака представляла собой почти постоянную военную службу с некоторыми перерывами.

Но не только физическим развитием и находчивостью отличались молодые казаки, ведь их с детства учили защищать слабых, с благородством относиться к девушкам и женщинам. Быть готовыми бороться за свободу, веру и честь.

Крёстным, долго не раздумывая, Пантелей Георгиевич попросил быть казака одноклассника, они, совсем недавно, вместе обороняли границы государства Российского, Платонова Петра Семёновича, Георгиевского кавалера, лучшего умельца в приёмах джигитовки.

Когда наречённый крёстный, на сороковой день жизни младенца, опустил в колыбель шашку и заряженный патрон, крестник - ребёнок довольно крупного телосложения, бессознательно прижал ручкой патрон к своей груди. А увидев шашку, улыбнулся, когда же её стали убирать из колыбели крестник заревел во всю глотку. Возможно, это произошло случайно, но окружившие колыбель родственники, единодушно решили, что без Всемогущего здесь не обошлось.

- Добрый казак будут! – гордо заявил Пётр Семёнович, - следовало бы, и имя соответствующее ему дать.

После длительного обсуждения и споров решено было назвать нового казака Ермолаем.

- Назовём его в честь нашего земляка, атамана Ермака, - торжественно провозгласил Платонов, - ведь полное имя его Ермолай Тимофеевич Такмак. Я слышал, что он родился у нас на Дону в станице Качалинской. Даст бог, и крестник мой не посрамит род свой и доброе имя земляка нашего!

Когда же, в годовалом возрасте, постриженного наголо Ермошу посадили на вороного отцовского коня, он так вцепился в гриву лошади, что его пришлось стаскивать силой. А он, снятый с тёплого крупа Воронка, продолжал тянуться в его сторону и реветь так, что слышно было далеко за пределами Барышевского двора. Когда же крёстный поднёс к его рукам шашку, Ермолай перестал реветь и, заулыбавшись, обхватив её обеими ручками, довольно замычал, так как разговаривать ещё не мог.

- Ну, Пантелей Георгиевич, сынок наш видимо атаманом будет, - широко улыбаясь, радовался крёстный, - я ещё такого не видел, чтобы годовалый ребёнок так рвался к коню и любил оружие.

- Скажешь, тоже Пётр Семёнович, атаманом, - покраснел от удовольствия, за похвалу сына, отец, - хватит и того, что он будет хорошим казаком.

- Это верно, - согласился крёстный, - кем бы он ни был, а лет через семь ему нужно готовить коня.

- Ну, за этим дело не станет, долго ждать не придётся, кобылица у меня на базу молодая, даст бог к тому времени жеребчика принесёт.

- Да и у меня две кобылы, - подхватил крёстный, - конём с двух дворов, как, ни будь, обеспечим.

Когда же в семилетнем возрасте Ермолая Пантелеевича, опять постриженного наголо, вели к первой его исповеди, он уже считался лучшим верховым наездником в станице, мог на полном скаку выполнить любую акробатическую фигуру. Соскочить с лошади и коснувшись обеими ногами земли, снова оказаться на спине коня, моментально развернуться в седле задом наперёд, стоя во весь рост, проскакать определённый участок, держась одной рукой за повод, а другой орудовать «шашкой» /пока ещё палкой специально сделанной для обучения казачат/ и многое другое.

Все боевые науки, схватывая налету, Ермолай уже начал обучаться стрельбе из винтовки.

К одиннадцати летнему возрасту, не было ему равных, среди сверстников. Как в рукопашном бою, так и во владении шашкой. И не только в станице Калитвенской, но и во всём округе. Молодой казак был рослый не погодом, отец и крёстный частенько вывозили его на молодецкие игры в дальние станицы, где их ожидал обязательный успех их воспитанника, после чего они торжественно проходили по рядам казаков, с гордо поднятыми головами, сопровождая победителя.

Переведённый в мужскую половину, он спал с дедом Георгием, на дощатой самодельной кровати. И без труда приспособился спать на жёстких досках, что говорило о его неприхотливом отношении к быту. Дед Георгий тоже немало вложил сил в воспитание своего внука, благо тот схватывал всё налету. В сложившихся, казалось бы, безвыходных обстоятельствах, иногда

подстроенных специально дедом, молодой казак молниеносно принимал верные решения, выходя победителем из затруднительных ситуаций.

На женской же половине его место занял родившийся в 1890 году, брат Афанасий Пантелеевич, у которого появился свой крёстный. И отец переключился на развитие казачьей доблести младшего сына.

Ермолай обучался не только боевым наукам, но и духовным, которые он перенимал от деда, бабушки, отца, матери – защищать слабых, с благородством относиться к девушкам и женщинам, быть готовым к борьбе за свободу, за Родину, веру и честь.

Кроме того в станице при храме Дмитрия Солунского находилась сословного типа школа, где преподавались: Закон Божий, чтение и письмо, арифметика и, опять же, строевая часть. В ней – то и обучался грамоте Ермолай Пантелеевич.

Конечно, на первом месте у казаков, несомненно, было умение владеть оружием и готовность в любой момент самоотверженно защищать Отечество, свой дом и семью. Но, несмотря на то, что казак, отслужив три – четыре года, отпускался на два года домой, а затем призывался снова на два года, и такой режим, постоянного призыва на службу, но уже на более короткие сроки службы, чередовался до сорока пяти летнего возраста. А если вспыхивала война, естественно, на весь срок боевых действий. На нём ещё лежали тяжкие обязанности кормильца семьи – хлебороба. Владея довольно большими наделами земли, казаки заготавливали и большое количество сена, чтобы прокормить рабочих лошадей, домашний скот, да ещё и верховых /боевых/ лошадей, которые на тяжёлых работах не использовались. Кроме того нужно было обработать пашню; посеять и собрать урожай зерна. Скота и птицы держали по многу, так как основной пищей были хлеб, мясо и молоко, в общем, что припасёшь, тем и сыт будешь.

Поэтому в хозяйстве трудились все и мужчины, и женщины и дети с раннего возраста. Часто казаки объединялись дворами и совместно трудились на полях. Иногда, в помощь, приходилось нанимать крестьян.

И в этих делах Ермолаю не было равных, с десятилетнего возраста, когда отец призывался на службу, он становился хозяином в доме, дед не возражал, а наоборот поддерживал все проявления хозяйской доблести старшего внука.

Матушка Агафья Фёдоровна, не могла нарадоваться на красивого, ловкого во всём сына, иногда залюбовавшись им, она незаметно смахивала набежавшую слезу счастья, ей так хотелось погладить сына по голове, но не принято у казаков такое обращение, а зря. Не долго, оставалось матери видеть своего старшего сыночка. Жизнь повернулась так, что Ермолаю Пантелеевичу выпала вскоре дальняя дорога, по которой он уже никогда не вернётся к родному порогу.

Случилось это на девятнадцатом году его жизни за три месяца до призыва молодого казака в Войско Донское, Донецкого округа. Ермолай влюбился, да так, что потерял разум.

Весной 1899года молодой казак Барышев Ермолай Пантелеевич был призван на майские учебные сборы в станицу Каменская, где находился штаб Войска Донского, Каменского округа.

После того, как прошли учебные тренировки: различные поединки, где выявлялись способности молодых казаков, в верховой езде, умении владеть шашкой, в меткости стрельбы из винтовки на полном скаку, метании копий и пик, было решено провести состязания казаков показавших лучшие результаты в процессе проведённого сбора.

В состязания входили кавалерийские боевые приёмы с копьём, пикой; фланирование казачьей шашкой, саблей, нагайкой. Немало было выявлено

молодых казаков, умеющих отлично владеть всеми этими приёмами, но лучшим среди них, заслуженно стал Ермолай.

С победой его поздравил сам командующий Каменского округа полковник Чернецов Василий Михайлович:

- Добрых казаков даёт нам станица Калитвенская, я особенно рад этому, так как родом оттуда, - сказал он, вручая именную шашку, - Это твоя первая награда, Ермолай Пантелеевич, и думаю не последняя. Знаю отца твоего Пантелея Георгиевича и крёстного Петра Семёновича, славные казаки, думаю, и ты не подведёшь Отечество наше, царя – батюшку и не посрамишь малую Родину свою и Войско Донское наше! Присваиваю тебе первое казачье звание урядника.

- А теперь, - вышел вперёд из рядов, войсковой старшина, - самая красивая девушка округа, вручит победителю казачью папаху. Иди, принимай, достоин! - и он указал на взгорок, на котором полукругом выстроились молодые казачки, в центре с рушником на вытянутых руках, на котором красовалась чёрная барашковая папаха с красным околышем, смущённо улыбаясь, стояла девушка.

Ермолай, сажень в плечах, бесстрашный и ловкий боец – победитель, вдруг оробел. Не поднимая головы от земли, медленно приблизился к девичьему ряду, протянул руки, чтобы принять подарок. Взгляд его, медленно оторвавшись от травы, поплыл вверх и замер на лице дарительницы. Слово молния мгновенно пронзила сердце великана, он обомлел. На него смотрели огромные синие глаза, окаймлённые длинными чёрными пушистыми ресницами, тонкие дугообразные брови, чёрными крыльями ласточки, взлетели вверх и замерли на мгновение. Аккуратный носик, устремившийся от бровей вниз, привёл взгляд оторопевшего юноши, к прекрасному букету алых губ. Выбившиеся, из под цветного платка, светлые пряди волнистых волос, нежно теребил ветерок.

Принимая папаху, Ермолай, как бы нечаянно коснулся белой, нежной ручки девушки – сердце вздрогнуло и на мгновение остановилось. Руку красавица не отдернула.

- Поздравляю вас, Ермолай Пантелеевич, - тихо произнесла она и ещё раз обожгла нежным, печальным взглядом, взор молодого казака.

Наступила неловкая пауза, казак, замешкавшись, застыл с вытянутой рукой, затем сообразив, что его медлительность со стоны кажется странной, быстро взял папаху и, развернувшись на каблуках, зашагал в строй.

Вернувшись в казарму, он прилёг на свой лежак и, уставившись в потолок неподвижным взглядом, задумался.

«Кто же это такая, откуда она взялась - не давали покоя мысли, и эти огромные синие глаза, стоящие перед его взором, - за два месяца сборов я много девушек видел в станице, но эту увидел впервые». Конечно, в своей станице общения с девушками он не избегал, но так, чтобы полюбить, кого, ни будь, до этого не доходило. Полюбить, значит засылать сватов, иного молодые казачки не принимали, так складывалось веками.

Традиция воспитания девочек в казачьих семьях – верная подруга. Мать и крёстная с пяти лет учили малышку шить, прясть, готовить. Девочке внушалось, что самое главное – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – крепкая семья и достаток, честно заработанный. Росла девочка с главной мыслью, что она будет хозяйка и мать, этому было подчинено всё её воспитание.

Когда девочка становилась девушкой, дед дарил ей серебряное колечко. Получив его, девушка начинала готовить приданое. Будущую свою супругу казак чаще выбирал в церкви. Смотрел, как она одета, как стоит на службе, как молится. Это говорило о многих чертах её характера. Потом уже знакомился, если до этого они друг друга не знали. Решение о женитьбе высказывалось родителям. Они благословляли только после тщательного

изучения родословной невесты. Тоже, самое, делали и родители девушки. Девичья жизнь заканчивалась сватовством и свадьбой...

- Что задумался, Ермолай? Понравилась девица, что ли? – над самым ухом, прозвучал вопрос соседа по месту в казарме.

- С чего ты взял? – приподнялся Ермолай с деревянной лежанки, - «чёрт его принёс, я и не заметил, как он появился в комнате»

- Ну как с чего, все видели, как ты покраснел, как рак варёный, когда папаху брал, - соседом был молодой казак с хутора Красный Яр, Петро Куделя.

- Да понравилась! – согласился Ермолай, - хороша и лицом, и статью! Хоть сегодня сватов засылай.

- Ну, ты сильно - то губу не раскатывай, это дочка казака Аджубея Иосифа Калиновича, Дарья. Богатый чёрт, как султан, работников держит пол - дюжины.

- А ты откуда всё знаешь Петро?

- Да, как же мне не знать, он с хутора Красный Яр, мой сосед. А сюда в церковь дочку возит, жениха достойного подыскивает. У нас – то храма нет, так он сюда, а иногда и в вашу станицу заглядывает. А сегодня, видишь, согласился дочь перед «малолетками» /молодые казаки не достигшие девятнадцатилетнего возраста/ выставить.

- Послушай Петро, можно я к тебе в гости на хутор приеду?

- Да мне, что, приезжай, сестра моя Дуняшка с Дарьей дружит, только всё это бесполезно, Аджубей богатого жениха хочет выловить.

«Что же я ни разу не видел эту Дарью у нас в храме? Видимо редко посещаю храм. Вот бог и обиделся на меня, скрыл такую красавицу. Познакомлюсь и зашлю сватов, мы тоже не нищие. Отец и крёстный Георгиевские кавалеры. Хотя, скоро призываюсь в Войско. Ничего подождёт два года, в нашей семье, все ждут»

Встречали Ермолая в станице торжественно, в гости пришёл атаман Гончар Фёдор Павлович, крёстный Пётр Семёнович с семьёй, соседи.

- Ну, что же, - подняв стакан с вином, произнёс речь атаман, - от всех жителей станицы низкий вам поклон Пантелей Георгиевич и Пётр Семёнович, достойного сына воспитали вы. Не каждому в «малолетках» звание урядника присваивается и от полковника именное оружие вручается. Молодец Ермолай Пантелеевич, не посрамил станицу нашу. Скоро на службу пойдёшь, на хорошем счету ты теперь у полковника Василия Михайловича, а это большое дело, быстро по службе продвигаться будешь. Выпьем за твои успехи и за здоровье воспитателей твоих.

Много разных хвалебных речей ещё было сказано и выпито вина, но все эти похвалы не радовали молодого казака, вино он не любил, радости в нём не находил.

- Что – то ты хмурый такой Ермолай, - заметил крёстный, - радоваться надо, а ты сник. Не доволен званием урядника? Хотел, видимо, сразу есаулом стать, - пошутил он.

И тут Ермолай, отозвав крёстного во двор, выложил ему всё.

- Вот увидел девушку, и нет мне покоя ни днём, ни ночью.

- Ну, браток, это ли беда, за такого красавца, а теперь ещё и героя, любая девица, не задумываясь, пойдёт. Вот пойдём в воскресенье в храм, покажешь её мне.

- В храм – то пойдём, да не знаю я, будет ли она там, с хутора Красный Яр она.

В воскресенье Ермолай, отец и крёстный, надев праздничный наряд, двинулись в церковь. Им повезло; к началу литургии к храму подкатила тройка отменных лошадей в богатой упряжке. Выйдя из повозки, Аджубей протянув руку, помог дочери спуститься на землю. Ермолай замер, стройная

красавица, с ясными, голубыми глазами, словно лебедь, плыла ко входу в храм, опираясь на руку тучного, с потухшим взглядом и хмурым лицом отца, и этот контраст ещё больше подчёркивал красоту девичьего лица и фигуры.

В такой день все раскланиваются при встрече, но странное дело, Аджубей кинув взор в их сторону, вдруг ещё больше нахмурился и отвернулся. Дочь его, Даша, наоборот, оборотив взгляд свой в сторону Ермолая, узнав его, улыбнулась и слегка склонила голову. Душа казака дрогнув, вырвалась наружу и взлетела в чистое голубое небо, он приложил руку к груди и низко поклонился.

В церкви, во время литургии, Ермолай ничего почти не слышал и не видел, кроме стоящей чуть впереди фигуры девушки. К концу службы, он потихонечку продвинулся вперёд и оказался рядом, вплотную с Дашей, она краем глаза заметила это, но не отодвинулась. Правой рукой девушка молилась, левая же, опущенная вниз оказалась рядом с его рукой, он, легонько коснувшись нежных пальчиков, замер. Нежная ручка, в ответ, легонько скользнула по его ладонь и отодвинулась. Краска смущения залила лица рабов господних, не достойно ведущих себя в храме.

«Господи! – пела душа Ермолая, - значить и я ей не безразличен!»
При выходе из церкви, Даша чуть отстала от отца, улучив момент, Ермолай приблизился к ней и шепнул:

- Я скоро приеду в Красный Яр к Петру Куделе. - Девушка смущённо опустила глаза долу и согласно слегка кивнула головой.

Застоявшаяся тройка вороных взяла с места рысью, и вскоре рессорная кошева скрылась за поворотом. Молодой казак неподвижно стоял, глядя на оседающую пыль над дорогой, где ещё минуту назад виднелась милая сердцу головка горячо любимой девушки.

- Ты чего застыл, - толкнул в бок его крёстный,- пошли домой.

- Ну, как девушка? – потупив взор, спросил крёстного Ермолай.

- Хороша казачка, всем взяла; красотой и статью, и ведёт себя соответственно. Только ты, как бык на базу, забыл, что ты в церкви, рванулся сразу к ней.

- Зовут – то, как узнал?

- Зовут Дарьей.

- Хороша Даша, да не наша, - выдал каламбур Пётр Семёнович.

- Значит скоро можно и сватов засылать? – просиял жених.

- Нет, сынок со сватами придётся повременить, - вступил в разговор отец, - нам в этот двор вход заказан.

- Почему?

Ничего не ответил Пантелей Георгиевич, промолчал.

- Ты на кого Дарья в церкви заглядывалась, - насупив брови, вопрошал Аджубей.

- Ни на кого, батюшка, - опустил глаза, пролепетала девушка.

- Ну, ты мне не ври, я старый воробей, меня на мякине не проведёшь, я вперёд смотрю, но и по сторонам всё вижу. Это тот казак, которому ты папаху вручала, Ермошка Барышев?

- Да батюшка, это он.

- Что понравился, что ли?

- Да, батюшка, - покраснела Даша.

- Да, парен хорош. Статен, ловок, красив.

- Мне можно с ним встретиться? – обрадовалась она.

- Ни в коем случае. Забудь про него дочка. Если узнаю о тайных встречах, запрю в комнате, на волю носа не покажешь. Будешь противиться, выдам замуж за старого казака – вдовца.

Лицо Даши испуганно вытянулось и покрылось краской, слёзы градом полились из её прекрасных голубых глаз. Она прикрылась ладонями и до самого дома не проронила ни слова.

«Опять эти Барышевы встают поперёк дороги, никак их не обойти, - под гул колёс, думал Иосиф Калинович, - ну, нет, не бывать тому, чтобы Барышевский отпрыск ещё и дочь мою увёл. Поеду на неделе в станицу Тацинскую к сотнику Коршунову Димитрию, давний мой приятель, есть у него сынок, не орёл, конечно, но ничего, зато свой человек, да и богатством бог не обидел. Хаживал сотник в своё время на персов, понавёз добра. Приглашу их с сыном в гости на недельку, глядишь и породнимся»

До хутора Красный Яр от станицы Калитвенской было пятнадцать вёрст, по дороге, если же переправится на лодке, напрямую, получается расстояние в два раза короче. Серый в яблоках жеребец Ермолая, Соколик, спокойно преодолев плавно текущие воды Донца, выскочил на крутой берег в версте от хутора. Чем ближе подъезжал казак к хутору, тем явственней вырисовывался, чуть в стороне от широких улиц, большой дом, утонувший в зарослях фруктовых деревьев.

«Дом Аджубея, - догадался Ермолай, - как там моя ласточка, удастся, ли свидится с ней сегодня?»

«Где же дом Петра Кудели? Он говорил, что сосед Аджубея, но рядом с домом того, нет больше строений. Значить первый дом на улице от богатого особняка, далековато для соседства» - определил казак, и не ошибся, действительно у ворот намеченного дома, он увидел Петра сидящего на лавочке и лузгающего семечки. Рядом сидела довольно симпатичная чернявая девчонка: «Видимо Дуняшка – сестра Петра» - догадался он.

- Вот так гость, - вскочил с лавки Куделя, - приехал всё - таки.

Он приобнял, соскочившего с жеребца, Ермолая, видимо был рад его приезду:

- Вот Дуняшка, знакомься, это мой однополчанин Ермолай Барышев, я тебе о нём рассказывал.

Девушка встала, одёрнув юбку, без всякого смущения протянула свою маленькую ручку богатырю:

- Наслышана, мне Петька все уши прожужжал, ах какой Ермошка сильный, ах какой Ермошка ловкий. А ты и впрямь здоровенный парняга, - Ермолай сразу почувствовал, что понравился девушке, так, как она не сводила своего пристального взгляда с его лица, и не спешила убрать свою ручку, утонувшую до запястья в его огромных лапах.

- Ладно, идёмте в дом, - пригласил Петро, - давай коня, я его отведу на баз, да овсеца малость дам.

Гость быстро познакомился с родителями Петра, казаки люди гостеприимные, а тут ещё и однополчанин сына приехал, им тетерь скоро уже служить вместе. На столе появилось вино, закуски, фрукты. От вина Ермолай отказался, ссылаясь на то, что ему сегодня же необходимо ехать назад. За разговорами время пролетело быстро и неотвратимо приближалось к вечеру. Дуняшка всё это время, как заморожённая, ловила каждое слово парня, заглядывая ему в лицо. Петр незаметно подмигнул Ермолаю, «мол, выйдем во двор»

- Ты ж, видимо, не за этим приехал, чтобы лясы точить с моими родителями? – спросил он, когда парни оказались во дворе.

- Конечно, нет. Слушай Петро, друг, как же мне хотя бы на минуточку увидится с Дашей.

- Сейчас попробуем, что ни, будь сообразить. Только всё это бесполезно, хоть ты и геройский парень, но Аджубею будешь не по нутру.

- Эй, Дуняшка, поди сюда, - приоткрыв дверь позвал сестру Пётр.

- Я уже здесь, - просияв смазливym личиком, радостно доложила она. Ей так хотелось побыть рядом с Ермолаем.

- Вот, что Дуняшка, сходи, позови свою подругу, Дашу к нам.

- Это ещё зачем? – сморщила носик она, ревниво взглянув на Ермолая.

- Мне с ней поговорить очень нужно, - как можно мягче попросил тот, - ты лучше спроси её, куда мне подойти, я сам приду туда.

- Ну, если только поговорить, - недоверчиво протянула Дуня, и скрылась за тесовыми воротами.

Появилась она примерно через полчаса, запыхавшаяся, с растерянной улыбочкой на лице:

- Вон видишь, жених, - с ехидцей заявила она, - за огородом яблони кучкой стоят, беги туда, её еле из дома выпустили, на несколько минут, погулять со мной.

Ермолай, мигом перемахнув через забор огорода, пролетел в секунды этот огород, перепрыгнул через заднюю ограду и оказался у этих яблонь. Там прислонившись к стволу дерева, стояла его мечта. Лицо её покрывала тень печали, на глаза навернулись слёзы.

- Лапонька, ты моя! - пал на колени казак, никогда он ещё никому не говорил таких слов, и думал, что не знает их, но они сами приходили ему на ум от сердца, - ночей не сплю, молю бога, хоть одним глазком, раз в день, видеть тебя. С того дня потерял я покой! Ничто и никто мне не любы! - и он припал губами к её хрустальной ручке.

- Милый Ермоша, я тоже потеряла покой с того дня, как увидела тебя. И всё время представляю, что стоим мы в храме перед богородицей, взявшись за руки, и молим её, чтобы она помогла нам соединиться!

- Дарьюшка, сейчас я уеду, а через три дня приду со сватами просить руки твоей у твоего батюшки.

- Милый мой, всё это бесполезно, отец мой запретил, почему – то мне видится с тобой. Пригрозил, если я послушаюсь, отдать меня за казака – вдовца.

- Видимо он был не в духе, а может умом тронулся. Я много слышал о его крутом характере, но и я духом твёрд. Стану на колени, посреди вашего двора, и пока он не уступит мне тебя, с места не сойду.

- Хорошо, я буду ждать тебя, а сейчас прости, мне нужно идти, - она кинулась ему на шею, крепко обняла и будто растворилась за плотно примкнувшими друг к другу яблонями.

Зря ты всё это затеял, Ермолай, - попытался отговорить от задуманного сына Пантелей Георгиевич, - я к Аджубею свататься не пойду, хороша девка, сам в церкви глаз от неё оторвать не мог, лучшей невестки и пожелать нельзя. Но кровная вражда разделяет нас с отцом её, поэтому, если уж надумал, а я знаю, что свернуть с задуманного тебя невозможно, проси деда, да крёстного своего Петра Семёновича, идите, попытка не пытка...

...Переплыв Донец на лошадях, жених, дед и крёстный приближались к дому Аджубея:

- А, что говорить – то нужно, - спросил сватов Ермолай.

- Тебе, ничего, говорить мы должны, - сказал дед, - вот Петруха пусть первый и выступат.

- Говорить – то, что, - почесал за ухом «Петруха» - я уж забыл эти прибаутки, давно никого не женил.

- Так, мол, и так, - начал поучать дед, - у вас, мол, тёлочка, а у нас бычок, ну и дальше, как пойдёт.

- Ну, ты дед даёшь, какая тёлочка, она, что тебе на корову похожа, что ли, - обиделся жених.

- Ну, тады, сами плетите, что хотите, а я буду молчать, - в свою очередь на дыбы встал дед.

Но говорить присказки никому не пришлось. На удивление сватов, ворота дома Аджубея были распахнуты настежь, а сам он со своим другом сотником Коршуновым и его сыночком Антипом восседали на высоком крыльце за столиком, уставленном винами и закусками. Как будто бы специально ждали сватов.

Наездники попытались соскочить с лошадей на землю, но хозяин предупредил их попытку:

- А, это, хлопчики, ни к чему, вы уж мне своими лаптями двор не топчите, - дал он понять, что бедный богатому не ровня, хотя приезжие были прилично одеты, и никаких лаптей в помине не было, да и бедными их назвать было нельзя, - знаю, зачем пожаловали. Зря.

- Почему же зря, - возразил Ермолай, - я вашу дочку люблю, готов всю жизнь на руках её носить, никому не позволю даже косо на неё посмотреть.

- Верю, а как такую красавицу не любить, - парировал Аджубей, - вижу, что любишь ты её. Видимо и страдаешь.

- Да. Весь извёлся, места себе не нахожу.

- И этому верю, но дочь мою ты не получишь. Я тоже страдал, утопиться хотел, ничего, потом одумался. Видишь, теперь живу. Страдания они закаляют.

- А, я то, тут причём? Какое отношение я имею к вашим страданиям?

- А ты у отца своего спроси, он тебе всё расскажет. Или у матери. Всё паря, разговор окончен. Поворачивайте, а не то я хлопцев крикну, они вам быстро кудри расчешут. Да и не нужен ты ей, вот Антип Коршунов жених её.

Ермолай никаких хлопцев не боялся, как раз сейчас, он был готов любого сам расчесать, и он бы так просто не отступился, но упоминание о

женихе, сыне сотника Коршунова, подействовало на него, как ушат холодной воды:

«Вот, как у богатых заведено, три дня назад клялась мне в любви, а сегодня уже новый поклонник появился» - зло думал он.

- Ладно, хлопцы, поворачиваем коней, - выдавил он, - а ты жених Коршунов, мне теперь на узкой тропе не попадайся, я тебе все перья по выщипываю!

Такой позор перенести было тяжело. Обычно отказывали только никчёмным казакам, ни на что неспособным и поэтому голодранцам. Казаки, понутив головы, молча выехали за ворота неприветливого дома.

- Вы езжайте домой, я вас догоню, - выехав на улицу, завернул Ермолай к дому Петра Кудели.

- О, Ермоша приехал, - выскочила к воротам, сияя улыбкой Дуняшка, - привет жених!

- Да какой я жених, жених теперь уже не я. Вот свататься приезжал, от ворот поворот получил. Дойдёт слух до нашей станицы, от стыда на улицу не выйдешь. Не нужен я, оказывается, Даше.

- Какой жених? Коршунов, что ли? Да, Дашка на него смотреть даже не хочет. Это отец притащил в дом своего друга – сотника. А, она бедная день и ночь в слезах, всё о тебе думает.

- Правда! Спасибо Дуня, - и Ермолай чмокнул девчонку в щёчку, - если можно, я через тебя связь буду иметь с Дашей.

- Конечно! – зардевшись от полученного поцелуя, сразу согласилась Дуняшка.

- Передай ей, что я её люблю до безумия. Пусть не отчаивается, всё равно выход найду, - вскочив на коня, махнул рукой, - ну пока, красавица, - и полетел догонять родственников.

«Господи, какой парень, вот бы мне такого, да я бы на край света за ним, ни слова не говоря, пошла бы. Как всё не справедливо, одним и богатство и женихи хорошие, а другим ничего» - завистливо подумала она.

Догнав своих напарников по неудаче, уже на другом берегу Донца, Ермолай решительно приступил к их допросу:

- Ну, вот, что, опекуны, расскажите ли вы мне, наконец, почему Аджубей так ненавидит моего отца? Или я так и буду находиться в неведении, и получать вот такие оплеухи.

- Придётся рассказать, - вздохнул тяжело дед Георгий, - давай ты Пётр Семёнович, у тебя язык лучше подвешен.

- Ну, слушай, - заговорил крёстный, - было это в шестидесятые годы. Мать твоя Агафья Фёдоровна, она и сейчас красавица, а в молодости в станице Каменской по стати и красоте, не было ей равных. Не хуже твоей Дашки. Родители её Сошниковы отец Фёдор Милентьевич и мать Аксинья Прохоровна, ты же сам знаешь, они и сейчас живут в той станице, богатые казаки, а в гости ни вы к ним, не они к вам не ездите. Знаешь почему?

- Нет.

- Так вот слушай. Аджубей Иосиф Калиныч, тогда просто Ёська, отслужил три года и вернулся к родителям на Хутор Красный Яр. Они уже тогда выделялись среди хуторских своим богатством. Церкви в хуторе не было, да её и сейчас нет, а для казака припасть к иконе Божьей матери первое дело. И вот этот Ёська, приехал в станицу Каменскую в храм и там увидел Агафью Фёдоровну, и влюбился сразу по самые уши.

Не долго думая Аджубеи засылают сватов к Сошниковым, а надо сказать, дед и бабка твои, Сошниковы, тоже в храме Ёську заметили, и он им понравился, а когда узнали, что Аджубеи богатые, то и вовсе растаяли.

Уговорили Агашу пойти за Иосифа замуж. Сосватали молодуху Аджубеи и свадьбу наметили на Покров, то есть через месяц.

А тут мы с Пантелеем Георгиевичем вернулись с Северного Кавказа, громили Османскую империю, покоряли горцев. Сто лет их покоряли, а они до сих пор не покорённые. Ну, вот вернулись: оба Георгиевские кавалеры, оба в звании хорунжих, красавцы, хоть куда. Поехали за две недели до Покрова в станицу Каменскую, в храм. А там Агаша. Твой отец, как увидел, так и обомлел. Говорит мне:

- Слушай Петька, я домой не поеду, здесь останусь. Ты видишь вон ту красавицу, что у клироса стоит, пока с ней не познакомлюсь, домой меня не ждите.

Я взглянул и тоже обомлел, думаю, вот бы мне такую. Но куда мне против Пантелея, ты вот весь в него уродился. Вышли мы из храма, а Пантелей увязался за девушкой, идёт след в след, она остановилась, обернулась и говорит:

- Долго ты меня казаче преследовать будешь? Спросить, что хочешь, или заблудиться боишься, - девица – то оказалась не из робкого десятка. Батя твой раскрыл рот, и не знает, что сказать. А потом выдал:

- Кая ж ты красавица, сроду таких не встречал.

- Плохо видимо искал, соколик, - чувствуется, за словом девица в карман не лезет. Так вот слово за слово и дошли до её дома. Тут Пантелей совсем с ума свихнулся:

- Я, - говорит, - здесь у ворот спать буду.

- Что так? – спрашивает девушка.

- Боюсь, что больше мне не придётся увидится с тобой, красавица – лепечет он.

- Отчего же, я каждый день в церкви бываю, - видимо и Пантелей ей понравился.

Ну и пошло, встречались, встречались, конечно, ни о каких пошлостях Пантелей и мысли не держал. А тут Агата говорит ему:

-Я завтра замуж выхожу.

- Как, так, - всполошился он – я ж без тебя жить теперь не смогу.

- А вот, так. Засватанная я месяц назад. Ты прости меня казак, что я тебе сразу не сказала, понравился ты мне.

На том и расстались. Прилетел Пантелей ко мне, так, мол, и так. Что же теперь делать. А я вспомнил Кавказ и говорю ему:

- Слушай Пантелей, на Кавказе горцы невест воруют, а чем мы хуже горцев.

На второй день, невесту обрядили в свадебное платье, ждут жениха. Вдруг к дому Сошниковых подлетает крытая пролётка запряженная парой вороных. Все закричали:

- Жених приехал, жених приехал.

Невеста в слёзы, а деваться не куда. Выводят её на улицу, а из повозки никто не вылезает. Подходят ближе, вдруг показались руки, схватили невесту и под полог. Щёлкнул хлыст, лошади рванули с места.

- Невесту украли, - заорала толпа.

Приехал жених Иосиф Калинович, а тут такая беда. Нашлись люди, которые видели, как она разговаривала с Пантелеем Барышевым. Аджубей организовал погоню. Вооружённые казаки прилетели в станицу Калитвенскую, к дому Барышевых, начали палить в воздух. Вышла Агафья Федоровна и положила всему конец:

- Стрелять не надо. Прошу прощенья у Иосифа Калиновича. Но вы приехали поздно, я уже жена Пантелея Георгиевича.

На другой день Аджубей бросился в холодные воды Донца, но рыбацкие на реке казаки, его вытащили. Сошниковы прокляли молодожёнов и с тех пор не рождаются. Калитвенские казаки возмутились и

порешили - молодых выдворить из станицы. Но их спас атаман Гончар Фёдор Павлович.

- Казаки! Грех конечно большой. Нельзя нам обижать друг друга, но и женить без любви детей, тоже нельзя. От этого рождаются плохие казаки. А потом, многие ли из вас похвалятся Георгиевскими крестами, их так не дают, а только героям. Так, что простим грех молодым, пусть живут с миром.

На другой день молодые обвенчались в храме.

- Да, вон оказывается, как я родился, - покачал головой Ермолай, а про себя подумал: «а может и мне похитить Дашеньку»

Дважды на недели ездил Ермолай на хутор Красный Яр, но увидеть Дашу ему так и не удалось. Бегала Дуняшка в дом Аджубея, однако он запретил дочери дальше двора выходить. Ухаживания Антипа Коршунова Дарья отвергла наотрез, но и с Ермолаем встретиться ей никак не удавалось, и истерзанная неосуществимой любовью, она готова была на всё. В этот – то момент и принесла Дуняшка ей записку от любимого.

«Ласточка моя, любимая Дашенька, не получается по божески договорится с твоим отцом. Не принял он меня и моих сватов по человечески, не вижу другого выхода, как бежать нам без благословения родительского - отца твоего. Долго думал я: если мы сбежим, не будет нам места ни на хуторе, ни в станице. Отлучат меня, за побег и твоё похищение, от казачества. Я всё вытерплю. Придётся обосноваться на чужбине. Но это для меня не преграда, я здоровый, сильный парубок, на хлеб и исподнее заработать везде смогу. Доберёмся до Ростова, а там у меня родственники. Если ты согласна, скажи Дуняшке, а я потом тебе сообщу время, нашего с тобой побега»

Радости Дашиной не было предела:

- Бежать! - воскликнула она, - да я за ним на край света готова без передышки идти, только бы он был рядом.

Знала бы бедная страдальца о том, что разговор их подслушивают, она бы ни слова не произнесла, но девушки этого не подозревали. Сотнику Коршунову, сразу, ещё со дня приезда сватов – неудачников, показались подозрительными постоянные встречи и перешептывания двух подруг, и он долго не думая, поставил в известность о том Аджубея :

- Слушай Иосиф Калинович, вот эта девка соседская, Дунька, всё время бегают к твоей дочке и они постоянно уединяются и шепчутся, уж не носит ли она весточки Дарье от того казака, который приезжал свататься?

- Ну, что ты Димитрий, они с малых лет дружат, и всё время уединяются и шепчутся, что ж им, у нас под ногами путаться, что ли. Ну, а если это и так, то проку от этого никакого нет. Даша меня послушаться не посмеет, да и этот казак, не полезет же он ко мне в дом через окно воровать мою дочь.

- Как знать, Иосиф! Ты уж прости меня, но у тебя уже раз девку увели.

Нахмурился Аджубей, призадумался, созвал своих работников наёмных, предупредил:

- Со двора и с дома глаз не спускать, никого чужого во дворе, чтобы не было, - а кухарке наказал, - ты, Устинья, следи за этой Дунькой соседской. Чего она тут вертится, и о чём с моей дочерью говорит, - он, конечно, мог бы распорядиться, в дом Дуню не впускать, но ему самому стало интересно узнать:

«А дьявол их знает, может и правда, по дурости малолетней, дочь его что – то задумала, подстрекаемая этим Ермошкой».

И вот кухарка Устинья, после очередного прихода Дуняшки, припав ухом к двери девичьей, услышала всё. Всплеснув руками, вытаращив глаза, она кинулась к хозяину:

- Иосиф Калинович, беда! – хватая ртом недостающего воздуха, зашипела она, - Даша с ума спятила, бежать собралась с этим казаком Ермолаем. Письмо он ей написал, а Дунька принесла.

- А, я, что тебе говорил, - скривил губы в ехидной улыбке сотник.

- Ну – ка, сюда эту Дуньку, - вспыхнул Аджубей, - выпороть её как следует, и в дом больше ни нагой, а Дашку под замок.

- Подождите Иосиф Калинович, - вступил вдруг в разговор Антип, - не торопитесь, давайте мы сразу двух зайцев уберём.

- Это как? – насторожился Аджубей.

- А вот так, от этого Ермолая избавимся, и Даша успокоится.

- Это, каким же образом?

- Ничего никому не говорите, девчонку эту Дуньку не трогайте, пусть она принесёт от Ермошки весточку о дне и времени побега, а мы его на живца поймем и выставим на казачий суд, отлучат его от казачества и выдворят за пределы округа. Вот и всё, и его, нет, и Даша свободна.

- Ладно, быстро ты Антип это сообразил, будь по твоему, - согласился Аджубей, а про себя подумал, - «Мстительный сыночек у сотника растёт, и сообразительный, ему бы в жандармерии служить»

Наказали всем, кто стал свидетелем случившегося, молчать.

И вот, через два дня, прибежала Дуняшка в дом Аджубеев днём. Закрылись подружки в девичей, а Устинья тут, как и была, приложила ухо к двери, и выведала всю тайну побега.

- Сегодня, как стемнеет, появится казак, а Даша, вроде, как по нужде, выйдет во двор и в калитку. А он будет с двумя осёдланными конями, – доложила она Аджубею и его гостям./Любая девушка – казачка отличная наездница, на лошади/

- Ворота на засов, Дарью под замок! – распорядился он.

-Зачем, - опять возразил Антип, - как же мы поймаем Ермошку, если всё будет под замком. Наоборот, засов с ворот снять, Даша в назначенное время пусть выходит, на крыльцо, мы её задерживаем, она, естественно закричит. Но тут уж женишок не выдержит и вломится во двор, а нам этого и надо. Тут - то и захлопнется капкан.

«Да, действительно, прямо жандармский пристав» - подумал Аджубей, а вслух сказал:

- План – то хорош, но вы не забывайте, силы этот парень не дюжинной, не одному рёбра переломает.

- Ничего, мы приготовим верёвки, заарканим, а потом палками отходим, присмирееет. Я на всякий случай шашку возьму, - успокоил Антип.

- Ну, ну, - криво усмехнулся Аджубей, он то видел, как этот казак владеет оружием и конём, - не лез бы ты, Антип, со своей шашкой, без тебя мужики справятся.

«Зря я всё это затеял, может быть отдать дочь ему? Видел, любит он её без ума! - пришла на ум разумная мысль, но вспомнив былую обиду, отмахнулся, - ну нет, как же я смогу сродниться с этой семьёй»

...Стемнело, Ермолай подъехал к дому Петра Кудели, привязал лошадей к воротам, и тихо ступая, пошёл к дому Аджубея. Тишина! Слегка надавил на створку ворот, она без труда подалась:

«Странно, почему это в ночь ворота не заперты, что – то тут не так» - насторожился казак и напрягся, как бы подготовившись к неожиданному нападению.

Скрипнула в доме дверь, и тут же раздался сдавленный вскрик девушки:

- Ой, пустите...!

- Даша! – закричал Ермолай и, распахнув ворота, кинулся во двор.

Вспыхнули зажжённые факелы. Со всех сторон к казаку кинулись дюжие мужики, с верёвками и дрекольем в руках. Ермолай стремительно обернулся и, заметив приткнутый к стене запор от ворот, трёх метровый толстый дрючок, схватив его начал, как на тренировочном плацу, ловко орудовать им, без промаха поражая то одного, то другого противника. И тут в ярком свете факелов, сбоку, сверкнул клинок шашки. Мгновенно развернувшись, Ермолай нанёс сокрушительный удар обладателю клинка. Хрустнули кости черепа, и нападающий замертво рухнул на землю.

- Убил! – промелькнуло в разгорячённом мозгу казака, и он на мгновение замер. И тут же почувствовал, как верёвки оплели его туловище и шею, град тяжёлых ударов обрушился на Ермолая.

Очнулся он в темноте на холодном каменном полу, руки за спиной связаны, любое движение отдавалось болью во всём теле. Перевалившись со спины на бок, плечом почувствовал край большой винной бочки.

«Винный погреб» - мелькнула догадка. Послышался стук закрываемой двери и страшный мужской крик – рёв:

- Где эта сволочь! Я пристрелю его как собаку. Единственного сына моего убил, собачье отродие.

«Видимо сотник орёт – догадался Ермолай, - убил значить я соперника своего», - без всякого сожаления подумал он.

- Димитрий, отдай карабин, - раздался голос Аджубея, - в своём доме, я не позволю творить самосуд. Пусть его судят казаки твоей станицы. Смертная казнь ему обеспечена.

- А мне, что легче от этого. Кто вернёт мне сына. Зачем я только приехал к тебе. Венчаться?! Обвенчал сыночка со смертью.

Послышалась возня и тяжёлое дыхание борьбы, видимо Аджубей силой отобрал карабин у сотника.

«Ну, вот и всё, - пронизала мысль шальную голову казака, - казачий суд суров и обжалованию не подлежит. Видимо, конец мой близок»

У казаков был свой свод законов, по которому наказания бывали суровее, чем в России. Казачье право делилось на общественное, общевойсковое и станичное и признавалось царями, которые иногда обращались к казакам с просьбой наказать провинившегося по своему.

Рано поутру с хутора Красный Яр в станицу Калитвенскую прискакал Петр Куделя за ним, на привязи, следовали две лошади Ермолая.

- Где дом Барышева Пантелея Георгиевича, - спросил Пётр первого встречного казака, получив ответ, пришпорил своего коня.

Пантелей, распахнув ворота, выпроваживал со двора коров, в стадо. Вдруг он заметил, как из переулка выехал верховой с двумя лошадьми на привязи.

«Странно это же Ермолаев Соколик и мой Рыжий, как они попали к этому незнакомцу, что – то произошло!?» - пронзила тревожная мысль.

Лошадей Ермолай из конюшни увёл поздно вечером, а Пантелей не догадался, заглянут туда с утра. Отсутствие сына в доме его тоже не встревожило, он частенько спал на сеновале либо в конюшне, вместе с лошадьми, был там для этого выделен закуток.

- Вы, Пантелей Георгиевич, - подъехав к дому и соскочив с седла на землю, спросил незнакомец.

- Ну, я, - тревога с каждой секундой, нарастая, заполняла сердце и грудь отца, - что с Ермолаем? Как наши лошади оказались у тебя и кто ты сам – то?

- Петро Куделя я, с хутора Красный Яр, друг вашего сына Ермолая. Беда отец! Сына вашего сегодня ночью увезли в станицу Тацинскую.

- Как увезли? Кто? Зачем? – ничего не понимая, растерялся Пантелей.

- Убил Ермолай человека, сына сотника Коршунова из станицы Тацинской. Драка ночью была в усадьбе Аджубея. Я живу рядом с ним, услышал крики, вышел на улицу, лошади стоят, вижу жеребец знакомый Соколик, Ермолая. Понять ничего не могу, а тут Дуняшка сестра моя, говорит, что Ермолай приехал в хутор, чтобы похитить Дашку. Я побежал к дому Аджубея, но там уже всё вроде стихло, и вдруг сотник как заорёт: «Где этот гад, я убью его» Но Аджубей отобрал у него оружие, я это не видел, но слышал через забор. А потом вышел работник, закрывать ворота и всё мне рассказал, как было, и сказал, что сейчас, пока ночь, Ермолая повезут в станицу Тацинскую, на казачий суд.

- Господи! Что же теперь будет? – Поражённый, услышанным, Пантелей Георгиевич, прислонился к забору, чтобы не упасть.

- Слушай, Петро спасибо тебе за лошадей и принесённую весть, хотя весть эта каменной глыбой легла на плечи мои и душу. Ты не обижайся, но тебе лучше уехать. Прошу тебя никому в нашей станице ничего не говори.

Проводив взглядом наездника, подождав, когда он скрылся в переулке, Пантелей Георгиевич поспешил к своему куму и другу Петру Семёновичу.

- Что случилось, Пантелей? – сразу же насторожился кум, увидев искажённое горем лицо и ввалившиеся глаза друга.

- Беда брат! Пропал наш Ермолай, довела его любовь до «ручки», - и он рассказал всё, услышанное от Петра Кудели.

- Да, Пантелей, беда не поправимая. Сотник этот нам с тобой известен, дружок Аджубея. Иуды, за копейку удавятся. Если суд вынесет приговор о выплате штрафа, он нас по миру пустит. Но станичный атаман Летвиненко на «суде чести» будет высшим судьёй, а он приятель Коршунова – приговор будут смертным.

- Что же делать Пётр? Ехать в хутор Тацинский, стать на колени, просить о снисхождении, бесполезно. Законы наши непоколебимы. Что я скажу Агафье Фёдоровне, матери его, деду, бабке, сыну младшему Афанасию.

- Выход один Пантелей, нужно ехать в станицу Каменскую к полковнику Чернецову Василию Михайловичу, он командующий Донецким округом Войска Донского. Надежда теперь только на него. Ехать надо немедленно, иначе будет поздно. До Каменской тринадцать вёрст к полудню будем там.

Надев воинские мундиры хорунжих, и нацепив Георгиевские Кресты, кавалеры, оседлав лошадей, рысью двинулись в столицу округа, надеясь там сыскать защиту от неоспоримого казачьего законодательства.

В станице Тацинской на третий день, после случившегося, готовились к похоронам сына сотника Коршунова, Антипа. Но прежде, там же, должен был состояться суд над убийцей Ермолаем Барышевым.

В каждой станице имелась комната особого назначения для проведения казачьего «суда чести». В ней перед лавками, расположенными у стены, стоял большой стол покрытый сукном, на стене висел портрет императора Николая Второго. На лавках за столом сидел «высший судья», он же старшина, атаман Летвиненко, с двух сторон, по трое с каждой, расположились шесть казаков, избранных на роль судебных заседателей, методом жеребьёвки. Сбоку у одной стены восседал Совет стариков, количеством из пяти человек, с ними же сидел отец Онуфрий, священнослужитель местного храма. С другой стороны должностные лица: писарь, в обязанности которого входило доведение до осужденного решения атамана. Есаул, отвечающий за исполнение вынесенного приговора. Довбыш / барабанщик/, который на экзекуции был приставом, зачитывал постановление старшины публично на Совете или на месте казни.

Здесь же сидел сотник Коршунов. Перед столом, на дубовый чурбан, был посажен обвиняемый, Ермолай Барышев. Остальное пространство занимали станичные казаки. Не поместившиеся в избе, толпились на крыльце и просто во дворе.

Станицы являлись довольно большими населёнными пунктами, обычно в них проживали казаки представляющие крупное боевое соединение. Сотня /эскадрон/ или две /дивизион/, иногда целый полк, до пяти сотен казаков.

- Ну, Димитрий Устинович, - обратился атаман к Коршунову, - расскажи, как всё происходило.

Сотник, озлобленно глядя на Ермолая, начал подробно излагать события, произошедшие в усадьбе Аджубея, преувеличивая вину подсудимого и упуская моменты неблагоприятные для покойного сына. Он умолчал о том, что готовилась специальная ловушка для Ермолая, о том, что Антип был вооружён шашкой и о том, что все они работники и хозяева первыми набросились на обвиняемого. Получалось всё так, будь – то бы Ермолай вломился в дом и силой хотел увести дочь Аджубея Дарью, чтобы надругаться над ней, а все остальные участники драки настигли его уже в воротах и доблестно начали защищать похищенную. Наибольший героизм при этом проявлял Антип, и тогда Барышев преднамеренно нанёс ему сокрушительный удар, подло, сзади.

Свидетели: Аджубей и его работники, показания сотника, путаясь и привирая, подтвердили.

- Ну, а ты, что скажешь в своё оправдание, - обратился Летвиненко к Ермолаю.

- Чтобы я ни сказал, правда всё равно будет не на моей стороне. Да я хотел увести Дашу, но только с её согласия, о чём мы и договорились. Я засылал сватов и приезжал сам вместе с ними к её отцу, но он нас выставил

за ворота и слушать не стал. Никого убивать я не хотел, вся эта дворня набросилась на меня неожиданно и, обороняясь, я, конечно, их лупил колом, Антип же выскочил из дома с шашкой, сзади, я случайно увидел его и у меня сработал инстинкт самообороны, чему меня учили с детства. Я не рассчитал силы удара, было не до этого. Но, я об этом сильно не жалею, только подлый человек может нападать сзади, когда у него итак превосходство в защитниках.

- Ну, что же, всё ясно в этом деле, - опустив в стол тяжёлый взгляд, вымолвил атаман, - у кого, какие будут предложения господа присяжные?

Первым встал казак сидевший последним, слева от Летвиненко:

- Господа казаки, тяжёлый грех убийство человека, казака, единственного сына сотника. Да ещё в мирное время. Но я знаю отца Ермолая Барышева, Пантелея – славный казак. Не верю, что у такого героя сын будет убивать человека намеренно, да ещё сзади. И про сватовство я слышал, оскорбил ты Аджубей деда и крёстного Ермолая, поэтому всё и случилось. Предлагаю наложить штраф на подсудимого.

- Не согласен я с таким предложением, - поднялся второй присяжный, - значить мы его сейчас отпустим, а он посла будет лазить по нашим дворам и воровать наших дочерей. И отца его я тоже знаю, он в своё время украл невесту у Аджубей, сыночек в него уродился. Какая разница сзади убил али спереди. Богом запрещено красть дочерей, а тем паче убивать сыновей. Предлагаю положить его в гроб рядом с сыном сотника и закопать живьём!
/Все наказания, описанные здесь, действительно применялись/

- Нет, я не хочу, чтобы этот гад лежал рядом с моим сыном, - заявил сотник Коршунов.

Третий предложил забить виновного поленьями до смерти.

Четвёртый - посадить в мешок, навалить туда же камней и бросить в реку, труп выдать родителям.

На эти предложения так же поступили категорические возражения от Аджубея и Коршунова – слишком быстрая смерть, видимо они хотели вволю насладиться мучениями молодого казака.

Выступили все присяжные со своими предложениями и все эти предложения были со смертным исходом, в конце – концов, выбрали самый мучительный метод казни, который, наконец – то, удовлетворил желание Коршунова и Аджубея.

Высший судья, атаман Летвиненко, после того, как с решением судей согласился Совет стариков и отец Онуфрий, огласил приговор:

- Казачий «Суд Чести» станицы Тацинской, рассмотрев дело об убийстве казака Коршунова Антипа Дмитриевича, приговорил его убийцу Барышева Ермолая Пантелеевича к повешенью на якорю за ребро, не снимая оно до наступления смерти.

/Большой речной якорь ставили на главной площади крупной станицы – это был позорный столб и лобное место. К якорю привязывали должников, под ним поролы, с его помощью казнили: вешали за ноги, за ребро или за шею /

- Довбышу, - продолжал атаман, - сиречь приставу Пряснопрядскому, огласить приговор всему народу на площади, у места казни. Есаулу Безбородько приступить к исполнению приговора.

Осужденного, сопровождаемого станичниками, повели к месту казни...

Торопились Пантелей Георгиевич и Пётр Степанович, добрые кони с рыси переходили в намёт, и к полудню показалась станица Каменская, столица округа в который входило пять станиц, в том числе Калитвенская и Тацинская. Сюда призывались казаки на царскую службу, отсюда отправлялись и на войну, когда она возникала.

Штаб располагался на главной площади в большом доме с высоким крыльцом, над крышей развивался бело – сине – красный стандарт, с двуглавым орлом посередине. Поэтому казаки сразу определили нужное им место и, поскакав к крыльцу, соскочив с лошадей и привязав их к коновязи, не переводя дыхания, ринулись в дом.

- Стой, кто такие? - Преградил им дорогу стоящий у двери, на крыльце дюжий казак, выставив штык в их сторону. Но увидев на груди Георгиевские кресты, штык опустил.

- Мы из станицы Калитвенской, нам нужно к господину полковнику, по срочному делу - отрапортовал Пантелей Георгиевич.

- Василия Михайловича нет, он поехал в войска, к молодым казакам, призванным вчера на службу. Может быть, к вечеру вернётся.

- Всё, пропал мой сын, - безнадежно опустив голову Барышев.

- А, что случилось – то? – участливо спросил постовой.

- Попал мой сын в беду, завтра его судить будут, Судом Чести и, скорее всего, приговорят к смерти, - осипшим, с горя, голосом выдавил Пантелей.

- Да, беда! – посочувствовал казак, - ну, так вы тогда скачите в лагерь, он расположен в верстах десяти от станицы, в сторону Донца, там и найдёте полковника.

- Спасибо тебе, друг, - облегчённо вздохнул Пётр Степанович, - так мы и сделаем.

Намётом, проскакав десять вёрст, казаки, наконец – то, достигли цели. Полковника Чернецова они увидели сразу, он стоял перед строем, на плацу, и произносил напутственное слово, вновь вступившим на боевой путь, молодым казакам. Закончив, полковник, заметивший верховых сразу же, как только они появились, направился в их сторону. Увидев военные мундиры и Георгиевские кресты казаков, полковник улыбнулся:

- Что казачки, тоже послужить захотели? – и вдруг узнал их, - а, Калитвенские герои, хорунжий Барышев, а где же твой сын? Мне доложили, что он не явился на сборы вчера в лагерь. Что случилось или он заболел, и отец решил за него нести очередной срок службы?

- Никак нет, господин полковник! Богом прошу, выслушайте меня!

- Хорошо. Говори!

- Беда случилась Василий Михайлович! Свихнулся Ермолай, полюбил девицу, дочь казака Аджубея... - и Пантелей Георгиевич рассказал полковнику всё, что знал о случившемся.

- Да действительно беда, - посочувствовал полковник, - но при всём уважении к вам казаки, я ничего поделать не могу. За убийство сына сотника, вашему сыну грозит смерть. Отменить решение «Суда Чести», значить нарушить наш казачий правопорядок. Езжайте в станицу Тацинскую, падайте в ноги атаману, присяжным, просите Совет стариков, священника, о помиловании или выплате штрафа. Хотя зная Аджубея и Коршунова, это всё будет бес пользы. Ка же так, такой хороший боевой казак, в бою ему равных не было бы, а размяк перед какой – то девчонкой, она – то и на казачку не похожа. Видел я её, красива конечно, но губить себя ради девки казаку не пристало. Даже если бы он никого не убил, а только похитил её, всё рано его отлучили бы от казачьего круга. Это братцы, как не крути, а виноваты вы. Кого воспитали? Казака или женолюбца?

Казачки, понутив голову, развернулись и подались к своим коням. Вот уже Пантелей Георгиевич засунул ногу в стремя и готов был сесть в седло, как услышал голос полковника:

- Хорунжий Барышев! Вернись!

Пантелей стремглав соскочил на землю и бегом припустил к полковнику, в душе его затеплилась надежда.

- Вот, что Пантелей Георгиевич, мне кажется, есть одна лазейка, через которую можно освободить твоего сына, но тебе от этого легче всё равно не будет, ты его больше никогда не увидишь. Во время боевых действий, боевого казака «Суд Чести» судить не имеет права, а только Главный военный суд Российской империи.

- Так, а где же она, война – то эта, – первый раз в жизни Пантелей желал, чтобы во всей России немедленно вспыхнула война.

- Подожди, не перебивай, - жестом остепенил казака полковник, - вчера нарочный доставил депешу из Ростова, в Китае восстали повстанцы, члены общества «Белый лотос» начали притеснять русских. На Урале и в Сибири формируется два казачьих полка для их усмирения. От нас с Дона на Урал через неделю отправляется эскадрон казаков, вот и пусть твой сынок повоюет в Китае.

- А почему же я никогда не увижу больше сына?

- По двум причинам. Ты уж прости за прямоту. Первая - китайцы тоже воевать умеют и многие казаки назад в Россию не вернутся, не думаю, что твой сын будет прятаться за чужими спинами. Вторая – сюда в наш округ ему возвращаться нельзя, убийство срока давности не имеет, и он снова попадёт на «Суд Чести», Коршунов ему это не простит.

- Ну, что же делать господин полковник, пусть будет так, у меня хоть какая – то надежда останется. Я буду знать, что пока мой сын живой.

- Ну, тогда слушайте мой приказ. Вы в эти дела не вмешиваетесь. Я, завтра с утра отправляю есаула Луганского и взвод казаков в станицу Тацинскую, чтобы исключить различные инциденты. Они забирают сына твоего, заворачивают в вашу станицу, два часа на прощание с родственниками и, вместе с собственным боевым конём, к вечеру, чтобы он был у меня здесь, в станице Каменской.

- Спасибо Василий Михайлович, век буду за вас бога молить!

- Подожди благодарить Пантелей Георгиевич, ещё не известно, чем дело кончится, станица Тацинская большая, дивизион казаков, неизвестно, как они поведут себя, атаман у них тоже серьёзный казак.

- Всё, давайте, всего хорошего! – махнул рукой полковник.

- Ты Петро, пока ничего не говори своим и моим домашним, - попросил Пантелей, когда они стали подъезжать к родному хутору, - я жене сказал, что Ермолай уехал в лагерь на сборы. А завтра, если всё пройдёт благополучно, когда есаул Луганский завезёт его домой, скажу, что он добровольцем едет на войну.

... Процессия с осужденным Ермолаем приблизилась к центральной площади, к лобному месту. Большой ржавый якорь, выпятив заострённые, в виде массивных стрел, загогулины, отсвечивал бурыми пятнами в солнечных лучах, будто радуясь тому, что, вот, наконец – то о нём вспомнили. А он и рад послужить людям, исполняя этот трагический ритуал, почти совсем забытый, так как в станице он давно не проводился.

Вышел пристав, старый казак Пряснопрядский, развернув свиток, зачитал приговор, и, как только он произнёс слова: «...повесить за рёбра и не снимать до полного наступления смерти...» в собравшейся огромной толпе в голос заревели женщины, плач подхватили ребятишки. Из толпы слышались выкрики казаков:

- Что ж так строго!

- Зачем такая мучительная смерть!?

- Повесить его за шею или утопить сразу!

- Зачем губить парня, мы догадываемся; Антипка Коршунов сам виноват, тот ещё пакостник!

Перекрывая общий гвалт, атаман Летвиненко приказал:

- Есаул Безборотько, приступайте к исполнению приговора!

Отец Онуфрий, наскоро, прочитал молитву, перекрестив подсудимого, отошёл в сторону.

Двое дюжих казака связали ноги и руки Ермолаю и уже подняли его, за тем, чтобы загнать ему якорный крюк под рёбра, как вдруг стоящие сбоку у дороги казаки закричали хором:

- Стойте, стойте казачий разъезд скачет с полковничьим стандартом на пиках. Вся толпа повернулась в сторону дороги и взорам её представились восемь верховых, вооружённых винтовками, казаков возглавляемых есаулом, которой держал пику в руке. Под остриём её развивался стандарт полковника Чернецова, начальника Каменского округа Войска Донского.

- Вешайте скорее этого гада! - подскочил к есаулу Безбородько, сотник Коршунов.

- Ну, нет – возразил тот, почувствовав, что казачий разъезд примчался не просто так, - отставить казаки! - Распорядился он, и казаки опустили Ермолая на землю.

Взвод казаков быстро протиснулся сквозь толпу к лобному месту. Не слезая с коня, Есаул Луганский обратился к атаману Летвиненко:

- Высокочтимый господин атаман, при всём глубочайшем уважении к вам и членам «Суда Чести», а так же к Совету стариков и святому Отцу, – полковник не зря отправил на это хитроумное дело есаула Луганского, тот был великий дипломат, но и добрый воин, - ни сколько не сомневаясь, что приговор был вынесен справедливый. Уважая это принятое решение, тем не менее, полковник – командующий нашего округа господин Чернецов Василий Михайлович, отменяет вынесенный приговор и передаёт это дело на рассмотрение Главного Военного суда Российской империи.

- Это, ещё с какой стати?! - взвился на дыбы сотник Коршунов, - он хоть и полковник, но нет у него права нарушать законы казачьего круга.

- Господин есаул, - поддержал Коршунова атаман Летвиненко, - сотник совершенно прав, отменить решение «Суда Чести» полковник может только в военное время и применительно к воину участвующему в боях. А с кем же мы воюем, почему же тогда мы не знаем о том, что идёт война?

- Уважаемые господа казаки, - обратился тогда есаул Луганский к собравшимся, - никакого нарушения полковник Чернецов не допустил, вот приказ, - есаул вытащил из –за пазухи бумагу и зачитал.

В приказе значилось то, что урядник станицы Калитвенской, Каменского округа Войска Донского, Барышев Ермолай Пантелеевич, два дня назад призван на действительную службу и ещё вчерашним числом должен был отбыть на войну в Китай. И что осужден военным судом Российской империи он будет после того, как вернётся с войны из Китая в Россию.

- В Китае поднялись повстанцы и убивают находящихся там наших, русских людей, - от себя добавил есаул. Казаков войной в Китае было не удивить, по приказу Верховного главнокомандующего Российской империи, они воевали почти во всех странах Европы и Азии.

- Поэтому Ермолая Барышева немедленно освободить, - распорядился есаул Луганский. Два дюжих казака, которые связывали подсудимого, начали его развязывать. Аджубей, Коршунов и их прислужники, с кольями в руках, с криками :

- Сдохни, тварь – кинулись к Ермолаю, но верховые казаки быстро передёрнув затворы выстрелами вверх отпугнули их.

Толпа гудела, одни кричали:

- Правильно, пусть идёт воюет!

- Нарушен наш закон, казнить его!

И тогда есаул Луганский пошёл на хитрость:

- Ну, что же, господа казаки, раз вы так стоите за свои права и ставите их выше государственных, я уполномочен вам передать решение полковника

Чернецова, сейчас в Китай на войну отправляют провинившихся казаков, вроде вот Барышева Ермолая, а мне велено вам сказать, что если вы воспрепятствуете выдачи Ермолая нам, то с вашей станицы будет набран целый эскадрон казаков /сотня/. И через неделю его отправят в Китай, на войну.

Над площадью нависла минутная тишина и затем прорвалась выкриками:

- Не пойдём!

- Пусть Ермошка воюет!

- Не хотим за коршуновского сына умирать – кричали казаки.

- Не пустим!

- Не позволим из – за Аджубеевой девки сиротить наших детей – кричали казачки.

- Быстро берём парня! – распорядился есаул Луганский. Казаки из взвода подхватили избитого и ослабевшего Ермолая, посадили на запасного коня и казачий разъезд, подняв клубы пыли, быстро скрылся за околицей станицы.

Извёлся весь, Пантелей Георгиевич, в ожидании окончательной развязки в судьбе сына, почернел, ссутулился, глаза с потухшим взглядом глубоко ввалились. Данное полковнику слово он сдержал, в станицу Тацинскую не поехал, но с раннего утра подался за околицу и, приложив ладонь ко лбу, защищая глаза от солнца, с нетерпением всматривался вдаль, за горизонт, туда, куда уходила дорога, ведущая в соседнюю станицу, туда, где решалась дальнейшая судьба его старшего сына.

«Что же я скажу; его матери Агафье Фёдоровне, деду Георгию, бабке Матрёне – родителям моим, обманул я их, сказал, что Ермолай в лагере на сборах. Вижу, что не поверили они мне, особенно дед, старый казак, он

отлично понимает, что на сборы ночью, не попрощавшись с семьёй, не уезжают. Да и Агафья места себе не находит, чует – случилась беда»

- Что, сынок, ждёшь с моря погоды!?! - от неожиданности Пантелей вздрогнул, не заметил, как сзади подошёл отец.

- Да вот жду, полковник обещал отпустить Ермолая из лагеря, попрощаться с семьёй. Сказал...

- Брось Пантелей врать отцу родному, - оборвал дед Георгий, - я ещё вчерась утром заглянул в конюшню, а там двух коней нет, догадался, куда махнул Ермолай. Что ж ты околачиваешься здесь? Сыну помогать надоть, а вы с Петькой слюни распустили, - распаялся дед, - вчерась куда – то маханули, мне ничего не сказали, ездили – ездили, а проку ни хрена нет!

- Не ругайся отец, и так тошно, - понутив голову, оправдывался Пантелей, - к полковнику Чернецову ездили... и он рассказал всё, что произошло в эти дни подробно.

- Да, Василий Михайлович человек слова, если он обещал, значит не всё потеряно.

Через некоторое время к ним присоединился кум Пётр Степанович:

- А я с утра к вам пошёл, а вас нет, слышу в сарае кто – то рыдает, заглянул, а там Агафья, пошла, видимо, корову доить, обняла её и ревет в голос. И бабка с мокрыми очами по хате рыскает, один Афонька спит.

- Пойдёмте мужики в дом, что толку здесь на дороге торчать, сейчас стадо погоню, бабы коров будут провозать, удивятся тому, что мы тут толкаемся, набрешут посла с три короба, - рассудил дед Георгий, - да и баб наших одних в горе бросать не следоват.

Дома, собрав всю семью, Пантелей, ничего не утаивая, выложил всё, что знал о случившемся, и о принятых, в связи с этим, мерах, не известно было только то, чем всё это кончится. Время тянулось медленно, все

измучились ожиданием вестей из станицы Тацинской, какими они будут, либо семья Барышевых получает сына, либо известие о его смерти.

Наконец – то во второй половине дня улица перед домом наполнилась топотом лошадиных копыт и нетерпеливым ржанием лошадей. Дед Георгий распахнул ворота, и каурый жеребец, с восседавшим на нём Ермолаем, первым впорхнул во двор, за ним дружно проследовали лошади конвоя, с вооружёнными казаками в сёдлах.

- Дитяtko ты наш, - в голос заплакала бабка Матрёна.

- Цыц, старая – приструнил её дед Георгий, - ты что голосишь, не видишь он живой.

- Сыночек ты мой, кто ж тебя так? – взглянув на побитое лицо сына, запричитала Агафья.

- С коня упал, мама, - опустил глаза Ермолай.

- Какой же ты казак, если в седле удержаться не можешь, - упрекнул брата Афанасий. Ему было уже девять лет и он, так же как и старший брат, был обучен всему тому, что должен уметь казачек в эти годы, - завтра я тебя научу, как это надо делать, - все невольно засмеялись.

- Правильно, - сказал дед, - не умеешь ездить верхом, иди в пехоту.

Сели за стол, приготовленный заранее во дворе, казаки выпили по стакану горилки и стали закусывать, Пантелей Георгиевич, всё ещё не совсем веря в то, что сын жив, сидел рядом с ним и старался предупредить все его желания. Закусив, есаул Луганский рассказал о том, как ему удалось освободить Ермолая от неминуемой смерти. Благодарности родственников не было придела. Выпили ещё по одной, за здоровье есаула, после чего он, поднявшись из – за стола, объявил:

- Вот и всё Ермолай Пантелеевич, час тебе на сборы и прощание с родственниками, а мы пока подкормим и напоим лошадей, думаю, хозяин не обеднеет, выделив нам мешок овса.

Прощание перед отправкой на службу или войну обычное дело в доме казака, но это расставание особой тяжестью ложилось на сердца родственников и самого Ермолая. Тяготило случившееся несчастье перед этим днём, все понимали, что жизнь сына - внука висела на волоске, и, чудом произошедшее спасение требовало особой оплаты, возможно, лишь чуть меньшей стоимости, чем сама жизнь. Эта дальняя, через всю Россию, поездка в совершенно незнакомый и по тому загадочный Китай, с дикими, как им казалось, племенами, где жизнь ничего не стоила. И даже удача в этом проклятом Китае, в дальнейшем, не давала никаких шансов на их встречу на этой, любимой донской земле.

- Прощай мой ясный сокол! – приникла мать к груди сына.

- Не надо мама, - тихо прошептал Ермолай, - бог даст, свидимся ещё.

- Ну ладно, казак, терпи – атаманом будешь, - приобнял внука дед Георгий, - много стран перед нами легло, покорится и Китай этот!

Бабушка Матрёна тихонько вытирала краешком платка нескончаемый поток слёз.

Крепко обнялись с отцом с крёстным, подняв высоко на вытянутых руках Афанасия, Ермолай серьёзно сказал:

- А ты, братка, теперь единственным помощником в семье остаёшься, береги их всех и меня не забывай.

Вскочив, теперь уже, на своего серого в яблоках Соколика, выехав за ворота, Ермолай обернулся. Все, не сдерживая слёз, прощально махали руками. Фигура отца, изменившаяся с горя до неузнаваемости, поразила его; всегда подтянутый, моложавый, он, вдруг, ссутулился, стал меньше ростом, а опущенные плечи напоминали крылья подбитой птицы, пробившаяся седина опоясала его склонённую голову. Таким отец и запомнился сыну навсегда.

- Ты с коня – то больше не падай! – крикнул в след Афанасий.

- Нет, теперь уж не упаду! Прощайте!

И сопровождаемый эскортом казаков, он скрылся в переулке.

Глава пятая.

Дядя, Ермолай Пантелеевич.

Война.

*Как не раз уже прежде бывало,
Бились насмерть с врагом казаки.
Не щадили ни крови ни жизни
И громили вражины полки.*

*А в атаки ходили казаки,
Со знамёнами, ликом Христа.
И погибнуть в бою не боялись,
Зная точно, их совесть чиста.*

Казачья песня.

Что же произошло в Китае? Зачем, вдруг, понадобились войска на самые дальние рубежи Российской империи?

В1899 году все великие державы Европы и Япония обеспечивали себе сферы влияния. Намечались контуры будущего раздела Китая – к северу от Хуанхэ русская зона, к югу от Хуанхэ и долина Янцзы – английская зона. В раздел Китая пыталась вписаться даже Италия. Усиливали свои позиции США.

Активизация империалистических держав привела к появлению антиколониального движения в Китае. Движения против иностранцев возглавляли тайные общества, на базе одного из них, созданного в Шаньдуне «Белый лотос», было сформировано движение «Ихэтуань»

/ополчение мира и справедливости/. Они выступали под лозунгом «смерть иностранцам».

Поводом для начала массового восстания стало нарушение повстанцами железной дороги около Баодинфу в мае 1900 года.

В Петербурге к возникшим проблемам отнеслись не серьёзно, планировалось обойтись десантом в сто человек. Однако, по мере развития событий, стал очевиден реальный размах восстания. России пришлось мобилизовать Приморский и Сибирский военные округа и сформировать два корпуса. Сибирский корпус усиливался Уральскими казаками.

В Маньчжурии охранная стража КВЖД не смогла справиться с повстанцами. Потери от разрушения построенных железных дорог превысил семьдесят миллионов рублей. Был утерян контроль на большей части КВЖД и ЮМЖД. Основные силы стражи были блокированы в Харбине, но атаки «ихэтуаней» удалось отбить.

Для подавления восстания, на Дальний Восток были переброшены дополнительные войска, в состав которых и попал опальный казак Барышев Ермолай Пантелеевич. Забегая вперёд, нужно сказать, что к июню 1900 года российские войска восстановили контроль над Северной и Центральной Маньчжурией. Попытки перехода русской границы пресекались. Нападение на Благовещенск было отбито.

Но пока ещё, наш казак, в сопровождении вооружённого эскорта, спешит в станицу Каменскую к полковнику Чернецову Василию Михайловичу.

- Что ж ты урядник, так начинаешь свою боевую жизнь? Повезло тебе, дураку, что есть у нас такие лихие казаки, как есаул Луганский! А то бы висел сейчас на якорном крюке, а вороньё у тебя живого глаза бы выклёвывало, - ярился полковник, расхаживая перед низко опустившим голову Ермолаем, -

приезжали уже казаки из станицы Тацинской, крепко они недовольны моими действиями, нарушил я из - за тебя вековые устои «суда чести». Они ведь тоже далеко не дураки и понимают, что Китайская война к нашему отечеству «с боку припёка». Так, что незамедлительно отправляйся в лагерь новобранцев, сотня добровольцев уже набрана. Командовать будет есаул Патоцкий Семён Григорьевич. Вторая сотня присоединится к вам в Оренбурге на Урале, а полк будет формироваться в Сибири. Путь не близкий, всякое может случиться, будешь ему помогать в дороге. Дурь из головы выбрось, путь назад тебе заказан. Ради отца твоего и крёстного старался, геройские они казаки. Для тебя бы не стал, но знаю, что значить сына потерять, у меня сын на Кавказе погиб. Но то за Отчизну нашу, а ты за девку. Думаю, всё же боец из тебя славный получится, рискован ты казак! Езжай, сегодня верхами двинетесь на Ростов, а там поездом на Тихорецкую и на Царицын. По Волге на барже доберётесь до Саратова, а потом опять поездом до Уральска. Всё прощай, думаю, больше не увидимся!

- Прощайте Василий Михайлович! – поклонился Ермолай, - Низкий вам поклон за всё, от меня, от отца и крёстного. Хоть и болит душа у меня о любимой, но Отчизне я, верно, служить буду!

Долго добирался эскадрон до Урала, несколько раз приходилось пересаживаться из вагона в вагон, на баржи и снова в вагоны, при этом необходимо было перегонять и лошадей, поить и кормить их на разных стоянках, выбивать паровозы для своих поездов, добывать корма для лошадей и провиант для казаков. Одним составом такое количество лошадей и казаков перевести было не возможно, размещались в двух, отправлялись в разное время, и потому приходилось подолгу поджидать последующий состав и чередовать их движение. И Ермолай трудился не жалея сил, занимался организацией продвижения эскадрона наравне с есаулом Потоцким. Всячески старался занять себя, чтобы не было не единой

минуты свободной, однако, дочь Аджубея Даша, так же ни на минуту, не покидала его сознания.

«Как же так, я ж люблю её и она меня любить, однако Аджубей не посчитался с этим. Ну, ладно, я казак, в походе, в делах, всё равно мне эту разлуку, которая никогда не закончится, перенести легче, а как же она, постоянно одна, что теперь с ней будет. Не пожалел Аджубей своей дочери, чувство мести оказалось выше чувства отцовской любви. Найдёт он ей богатого мужа, нелюбимого, как жить?»

Хотя у казаков всегда было мало женщин, и по любви сходились редко, когда – то вообще воровали девушек на Кавказе, привозили пленных из Персии, Турции и делали своими жёнами, - рассуждал Ермолай, - однако от этих доводов на душе легче не становилось»

Дорогой случилось несчастье. При выгрузке с баржи в Саратове, конь Потоцкого Семёна Григорьевича испугался гудка парохода, стоящего рядом с баржой, взвился на дыбы, поскользнулся и упал за борт, есаул выпал из седла и ударился головой о трап. Когда казаки подняли командира из воды, он был мёртв. Похоронив есаула на местном кладбище, старшие собрались на совет. Сотенными были два урядника: из Каменской сотни Ермолай Барышев, из Тихорецкой Данила Мысков, но так как рядом с есаулом чаще находился Ермолай, его и выбрали командиром эскадрона, до прибытия на место. В Оренбург эскадрон добирался почти месяц, но как оказалось, это был не последний пункт дислокации. Отправка в Китай планировалась командованием Уральского штаба из Челябинска. Из Оренбурга до Уфы нужно было добираться поездом, а из Уфы в Челябинск, триста пятьдесят километров своим ходом, на лошадях. По дороге требовалось очистить рудничные и заводские поселения от банд беглых каторжников. Вот тут – то проводником и первым помощником Ермолаю был выделен Уральский казак Миронов Аким Федотович.

Природа Каменного пояса /Урала/ поразила Ермолая своей красотой и величию. Огромные горные хребты, покрытые тёмно – зелёной массой непроходимой тайги, упирались в низкие, набрякшие влагой облака. Скалистые, высокие, иногда похожие на пропасть, берега, глубокими рваными ранами разрезали холмы и плоскогорья. Была ранняя весна, но лёд на реках уже вскрылся, и глыбы его, переворачиваясь, и с оглушительным грохотом налетая друг на друга, неслись в потоках воды бешенных, горных рек. Массивные скалистые зубья, укоренившиеся в середине речных потоков, встречали их своей широкой, отшлифованной вечным течением грудью, и разбивали на мелкие осколки, рассыпавшиеся алмазными искрами над тёмной, тяжёлой водой. Многочисленные озёра рябили белыми пятнами ещё не вскрывшегося льда.

Вся эта каменно – водная, таёжная масса давила своим могуществом, своей необузданностью, на сознание, вновь появившегося в этих местах, человека, подчёркивая его ничтожность перед этим фундаментальным миром.

Лошади фыркали и испуганно потряхивали головами, опасливо вглядываясь в тёмную массу придорожного леса, словно чужили присутствие такого же могучего хищного, никогда не виданного ими зверя.

Ко всему этому величию и своеобразной красоте нужно было привыкнуть всем и людям, и лошадям.

Ехавший рядом Миронов, видя с какой настороженностью и любопытством озирается Ермолай, да и не только он, а все вновь прибывшие казаки, широко улыбался и с восхищением сказал:

- Вот он каков, батюшка наш, Урал!

Этот молодой уральский казак пришёлся по душе уряднику Барышеву, и он, выведав, что у Акима нет родственников вообще, начал уговаривать его

на поездку в Китай. В конце – концов, тот согласился и, по прибытию в Челябинск, подал рапорт атаману.

В Оренбурге, вновь прибывший эскадрон, был приписан к Первому Оренбургскому казачьему полку атамана Углецкого, а через неделю вместе с Уральским эскадроном отправлен на Уфу – Челябинск и затем в Китай, на усмирении восставших «ихэтуаней». В связи с тем, что эскадрон донских казаков состоял из добровольцев, решено было командный состав не менять. Пополнение в их ряды не вливать, /кому охота тащится в Китай/. Поэтому, учитывая заслуги Барышева Ермолая Пантелеевича в период перемещения эскадрона на Урал, ему было присвоено звание – войсковой есаул, Даниле Мыскову звание – сотник и пожелавший добровольно ехать в Китай Миронов, был удостоен звания хорунжий.

- С богом, казаки! – напутствовал атаман Углецкий.

И в конце апреля 1900 года, два эскадрона, объединённые в дивизион, выдвинулся в Сибирь, где был сформирован полк под командованием полковника Анисимова, позже, когда началась война с Японией, полковник возглавил девятый Оренбургский полк, переброшенный на Дальний Восток. Донской казачий добровольческий эскадрон влился в полк, однако командирский состав его остался неизменным.

Сибирский полк, а вместе с ним и донской эскадрон под командованием есаула Барышева, до места назначения добирался долго, два месяца, строительство железной дороги было ещё не закончено, через реки и озеро Байкал переправлялись на паромах. Поэтому полк прибыл на Российско – Китайскую границу, в Благовещенск через три дня, после того как там разыгрались драматические события. Город был в панике, горожане, имея за своей спиной пять тысяч китайцев, которые проживали в Китайском

квартале Благовещенска, оказались перед стотысячной китайской армией, расположенной на противоположном берегу Амура.

Внутри китайское восстание «ихэтуаней», вдруг неожиданно стало угрожать целостности Российской границе и населению приграничных городов. Первыми от рук китайцев, пострадали те, кто находился в Харбине, в центре строительства КВЖД. Жертвами стали сто человек. Многих жителей Харбина и около десяти тысяч строителей КВЖД пришлось эвакуировать по реке Сунгари. Иначе последствия этих событий могли закончиться кровавой резней. Особой гуманностью китайцы не отличались и над пленными любили поиздеваться. Даже русских рабочих КВЖД, захваченных во время восстания, подвергли диким пыткам и зверски убили.

Впечатлённые «победой» своих приверженцев «ихэтуаней» в Харбине, восставшие двинулись на север, к не признанным русским границам. По сведениям казачий разведки, в пригородах китайских провинций было сосредоточено до ста тысяч «штыков», готовых приступить к военным действиям. И китайские разведывательные отряды уже начали переправляться через Амур. К ним начали присоединяться китайские жители русских берегов.

Всех горожан Благовещенска волновало – как поведут себя жители Китайских квартала в условиях войны? В результате длительных раздумий, решено было всех китайцев выслать из города на правый противоположный, китайский берег Амура. Четвёртого июля первую группу в две тысячи китайцев, в сопровождении вооружённых казаков и полицейских, повели для переправы на китайский берег. В Благовещенске к этому моменту китайцы убили уже нескольких горожан. Учитывая это, и произошедшие события в Харбине, местный атаман Писарев наотрез отказался давать лодки для их переправы, кроме того опасался, что «ихэтуани» захватят их и

переправятся на левый берег. Поэтому китайцев стали просто насильно сталкивать в реку.

Амур широкая река – у станицы Верхне – Благовещенское ширина его составляет более двух сот метров, глубина около четырёх, при мощном течении. Большинство китайцев плавать не умели или плавали плохо. К тому же слабые, по несколько человек, хватались за сильного и они, все вместе, шли ко дну. Тем не мене, многие китайцы доплыли до родного берега, но «ихэтуане» открыли огонь по своим же. Передние пловцы повернули назад. Задние, не соображая в чём дело, напирали на них. С русского берега открыли огонь по китайским стрелкам. А на середине Амура вся масса плавающих китайцев сгрудилась в кучу и десятками шла ко дну. До китайского берега добрались около ста человек. В тот же день такая же участь постигла другую группу китайцев.

Приказ о выселении китайцев из всех населённых пунктов по русскому берегу Амура был получен по всем городам и станицам, однако только в Благовещенске он был выполнен так коряво. Во всех остальных городах и посёлках китайцы были перевезены на родной берег на лодках. Однако, нужно учесть и то, что обстреливался с китайской стороны только Благовещенск.

Китайцы предпринимали многочисленные попытки переправиться на русскую сторону, но разъезды и расположенные в опасных зонах заставы казаков, всякий раз с успехом отражали эти попытки. Шестого июля у Манчжурской деревни Каникурган казачий разъезд наткнулся на китайский отряд, переправившийся на русский берег, меткой стрельбой отряд был ликвидирован. Восьмого июля казачий пикет заметил лодку с «ихэтуанями» направляющуюся на русский берег. После того, как её обстреляли, лодка пошла ко дну.

Утром девятого июля разъезду казаков, под командованием есаула Барышева Ермолая удалось рассеять китайский отряд, переправившийся через Амур в районе первого и второго постов, между Каникурганской и Николаевкой, около трёх сот китайцев.

Вечером того же дня казаки заметили на правом берегу усиленное перемещение китайских войск, большое их скопление у переправы Хэйхэ. Как ни пытались они производить передислокацию скрытно, было件件но, что китайцы что – то замышляют.

- Смотри внимательно Аким Федотович, - обратился Ермолай к ехавшему рядом Миронову – косоглазые, что – то замышляют.

- Видимо хотят переправиться ночью на наш берег, - высказал своё мнение хорунжий.

- Что – то их слишком много, неужели они собрались ворваться в город?

- Возможно, хотя с их умением сражаться, количество штыков им не поможет. /Китайцы были плохо подготовлены, и полсотни казаков могли без особого труда принудить сдаться в плен пять сотен повстанцев. Повстанцы не относились к войскам регулярной армии Китая /.

- Несомненно, повстанцы попытаются переправиться на наш берег, как бы они не были слабы в сражении, но пуля дура и, кто бы её ни выпустил, цель у неё одна, потому – бережёного бог бережёт, позови мне сотника Данилу Мыскова.

- Данила Петрович! – обратился Ермолай к подъехавшему сотнику, - что – то китайцы замышляют, видимо хотят на нашем участке прорваться к городу. Многовато их сосредоточилось на том берегу. Отправь разведку через Амур, выше по течению. А урядника Прохорова за подмогой в Каникурган, там уральская сотня стоит, одним эскадроном трудно будет справиться с такой массой китайцев.

Расстояние в семь километров уральская сотня преодолела за полчаса и к двадцати двум часам была уже у поста №1, где расположилась сотня донских казаков.

К полуночи вернулись казаки - разведчики с того берега, старший доложил:

- Китайцы сосредотачиваются у переправы Хэйхэ, очень их там много, четыре полка не меньше. Кроме винтовок все вооружены двуручными мечами, такого раньше не было. Все готовы к переправе, вот- вот начнут.

- Всё понятно, решили напасть на наши посты ночью в надежде на то, что мы все будем спать, и перерезать нас как баранов. - Изучивший за дни сражений повадки китайцев, Ермолай Пантелеевич изложил план действий, - прежде всего, давайте договоримся; командовать операцией должен кто – то один либо я, либо есаул Шерин /командир уральской сотни/

- Давай уж ты Ермолай Пантелеевич, - сразу же согласился есаул Шерин, - ты обстановку изучил, тебе и каты в руки.

- Спасибо за доверие Евгений Иванович! Тогда слушайте внимательно мои предложения. С постов № 1 и №2 мы уходим, я твою сотню, есаул, делю пополам и укрываю одну половину за холмом в пятидесяти метрах от переправы, слева. Полусотней будет командовать сотник Мысков. Второй половиной командовать будешь ты, Евгений Иванович, и укроешься в овраге справа. Я же со своей сотней отойду назад на полкилометра в сторону Каникургана, когда китайцы переправятся и повернут на Николаевку, к нашим постам, дам им углубиться на нашу территорию и ударю в спину, а вы, в это время, с двух сторон ударите косоглазым с флангов. Рубить саблями со всех сил, не давая им одуматься. Помогать мне будет хорунжий Миронов. Если возражений нет, приступаем к размещению эскадронов.

Казаки быстро заняли свои намеченные позиции. В умении работать клинками – саблями им равных не было, да и кони казаков были специально

обучены для рукопашного боя. Понимали своего хозяина, не только по движению повода, но и по движению ноги, колена, шпор.

Дождавшись, когда забрезжит рассвет, надеясь на то, что казаков к утру сморил сон, четыре тысячи повстанцев перешли Амур и устремились к постам. Тихо ступая по земле, достигли намеченной цели и, приготовив оружие для того, чтобы обрушить его на головы врагов, растерялись. Вокруг никого не было...

И вдруг земля задрожала от топота лошадиных копыт, громкие воинственные крики прорезали утреннюю тишину и на головы «ихэтуаней» обрушились сзади сверкающие на утренней заре, клинки казаков. Лошади летели, как вихрь, подминая под себя китайцев вместе с их двуручными саблями, которые оказались не пригодными в этой схватке. Сгрудившись от неожиданности в растерянную толпу, повстанцы не могли развернуться с длинными мечами. Попытались разбежаться в стороны, но тут слева и справа на них обрушили свои удары казаки уральской конницы. Всё было кончено, оставшиеся в живых повстанцы побросали оружие и кинулись в воды Амура.

В самом конце сражения, произошло непоправимое несчастье в сотне Ермолая Пантелеевича.

Разгорячённый битвой есаул Барышев, тем не мене, не упускал общую обстановку сражения, и всю картину происходящего боя, как бы фиксировал в своём сознании, вплоть до того, что замечал действия отдельных групп своих товарищей и индивидуальные действия каждого. Хорунжий Аким Федотович Миронов во время боя находился рядом со своим командиром и, яростно, с особым усердием исполнял свою ратную работу. И вдруг из толпы, казалось бы, поверженных в прах китайцев, вывернулся огромный детина, что не обычно, для этого народа, взмахнув двуручным мечом, он со всех сил опустил его на Миронова, тот увернулся, но рука, отрубленная выше

локтя, выпустив повод, отлетела в сторону. Лошадь, с почти перерубленной шеей, с разбегу, уткнувшись в землю головой, перевернулась, придавив седока.

Ермолай со всей силой, с плеча, рубанул по голове здоровяка – китайца, и тот, запрокинувшись назад, с раздвоенным черепом, рухнул на землю. Усмирив разгорячённого коня, есаул, соскочив на землю, кинулся к товарищу. Перевернув мёртвого коня, приподнял потерявшего сознание Акима. Из обрубка руки хлестала кровь. Ермолай, срезав подпругу с мёртвого коня, накрепко перетянул обрубок, предварительно обмотав его сорванной рубахой.

- Что со мной? – очнулся Аким, видимо, сознание он терял, ударившись о землю, а не от полученной раны, но толком сообразить пока ничего не мог.

- Молчи Аким! Ранен ты, сейчас я тебя в госпиталь увезу.

Передав командование дивизионом Шерину, Ермолай, положив товарища на жеребца перед собой, во весь опор погнал Соколика в сторону Благовещенска.

На тринадцать километров до города, да на поиски лазарета ушло более двух часов. Врач, осмотрев потерявшего сознание Миронова, распорядился отправить его в операционную. Через два часа, выйдя из операционной, покачав головой, сказал ожидающему в коридоре Ермолаю:

- Не знаю, будет он жить или нет. Крови потерял много, рана грязная. Промыл, зашил, остальное зависит от его организма.

- И на том спасибо, доктор. Вы уж постарайтесь сохранить его, он человек хороший.

- А у меня плохих людей не бывает. Сделаю всё, что могу.

Ермолай понурив голову, покинул лазарет. Схватка с «ихэтуанями» закончилась не только потерей раненного друга, в бою погибли двадцать четыре казака, десять из них, донские. Одиннадцать казаков получили

ранения. Первые серьёзные потери тяжёлым грузом легли на плечи и сердце есаула Барышева. Однако дальнейшие события не давали времени на раздумья о потерях. Нужно было дальше исполнять свои обязанности - защитника Отечества. Сколько будет в жизни воина и командира Барышева Ермолая Пантелеевича ещё потерь, один бог знает. Такова уж у него судьба.

В ночь с 19 на 20 июля 1900года от Верхне – Благовещенской станицы на сторону неприятеля были переправлены русские войска. Крупнейшее китайское поселение на Амуре – Сахалян / сейчас город Хэйхэ/ был взят и сожжён дотла. Айгунь был взят на следующий день, после чего русские войска начали широкомасштабное наступление. После разгрома под Айгунем, генерал Павел Карлович Рененкампф гнал китайцев аж до Хинганских гор – на Цицикар. Под его началом собрались Сибирский и Амурский казачьи полки, несколько пеших пограничных батальонов. После штурма Хинганского перевала русский корпус прошёл с боями четыреста вёрст до города Цицикар всего за два месяца.

При обороне Благовещенска, нужно отметить героизм добровольческого отряда, созданного из жителей города. Под командованием поручика Колонтаевского, около тысячи плохо вооружённых горожан, не допустили переправы китайцев на русский берег. Героически стояли до прихода регулярных войск русской армии. Тысяча против ста тысяч!

Перед широкомасштабным наступлением Ермолай Пантелеевич выкроил время, чтобы посетить друга в Благовещенском лазарете. Миронов находился в беспмятстве, рука его стала ещё короче, была отрезана до самого плеча. Пот струился со лба больного, он что – то бормотал, иногда выкрикивал бессвязные слова – бредил. У кровати на табуретке сидела

молоденькая, милостивая девушка, скорее девочка, на голубые глаза её навернулись слёзы.

- Вы кто, - робко спросила она Барышева

- Друг я его, - тихо ответил есаул.

- Вы, наверное, Ермолай Пантелеевич?

- А тебе это откуда известно? – удивился он.

- Так Аким Федотович, в бреду, постоянно зовёт вас.

- Пантелеич, Пантелеич, Ермолай, - как будто в подтверждение её слов, зашептал больной.

Барышев взял невредимую руку друга в свою широкую ладонь:

- Какой он горячий! Девочка, - спохватился он, - а ты - то кто такая?

- Я, Полина, медсестра, ухаживаю за тяжело больными. Ему вчера отняли руку до плеча, гангрена началась. Вот я и не отхожу от него.

- Не страшно тебе находится рядом со смертью?

- Что вы такое говорите, какая смерть, я всё сделаю для того, чтобы он остался жить.

- Милая, ты моя, да, что же ты сможешь противопоставить смерти, ты же сама ещё ребёнок.

- Зря вы так, я хорошо разбираюсь в травах, у меня бабушка травница.

- Ну, дай бог тебе ума и силы Полина. Вылечишь, вот тебе и жених будет, - невесело пошутил Ермолай. /В то время никто не думал, о том, что слова его будут пророческими/. – Ну прощай, идти мне нужно, завтра в поход. Очнётся, поклон ему низкий от меня передашь. Хороший он человек! Останусь жив, может ещё и свидимся.

- До свидания! Обязательно передам.

«Глаза голубые, как у Даши, - скребануло по сердцу Барышева, - как она там, голубка белокрылая».

Русские войска сыграли решающую роль в разгроме «ихэтуаней» и правительственных китайских войск. Есаул Ермолай Барышев воевал в Китае до конца 1901 года. Вместе с союзниками / японцами, американцами, англичанами и французами/ русская армия приняла участие в осаде и захвате Пикина. Однако нужно отметить, что в отличие от войск других стран, русские войска не участвовали в карательных акциях союзных войск, против китайцев. Во время самого восстания «ихэтуаней», часто защищали от восставших китайцев – христиан, а так же мирных иностранцев. До 1904 года эскадрон Ермолая участвовал в охране российских территорий и подданных Российской империи на Дальнем Востоке.

В конце 1903 года, командование Забайкальского округа приняло решение об отправке Уральского девятого полка, входившего в состав Сибирской казачьей дивизии, на прежнее место дислокации.

- Ну, что братцы, скоро двинемся домой – лицо есаула Шерина было озарено неподдельной радостью, - сначала в Сибирь, а затем и на Урал.

- Да, кому домой, а у меня теперь дома нет, - нахмурился Ермолай.

- Да брось, ты, Пантелеич, - хлопнул по плечу его Шерин, - будешь служить у нас в Оренбургском казачьем округе, вояка ты добрый, такие казаки везде нужны. Двери домов, наших боевых товарищей, уральских казаков, для тебя всегда открыты.

- Спасибо Евгений Иванович, за это время мы уже позабыли, кто из нас с Дона, а кто с Урала, все братьями стали. На Урале, так на Урале, мне теперь всё равно. Обзаведусь семьей, приглашу родных с Дона на Урал. Гложет, конечно, тоска сердце моё иногда, но ничего не поделаешь, сам себе такой путь выбрал, – и вновь, образ голубоглазой Даши всплыл в сознании молодого казака, - где теперь она? Что с ней стало?

Были ли за эти три года женщины у Ермолая? Конечно, были, как молодому, здоровому парню без женской ласки. Но все они: русские, китайки, японки, так и не затронули глубины его души. Нет – нет, да всплывут в памяти эти голубые глаза и белокурые кудри Даши, и зальётся сердце тёплой таской, подкатится к горлу комок, не перебороть. И хочется тогда лететь на коне в бой с шашкой наголо, в поисках собственной гибели. Однако, со временем, истерзанная невосполнимыми потерями товарищей в боях, и опьянённая морем крови, врагов своих, душа черствела. И пелена между прошлым и настоящим сгущалась и становилась всё темней и толще.

«Как сложится судьба моя дальше? Где найду я приют? В Сибири или на Урале? – думал Ермолай, - где угодно, только не здесь. Странные эти люди китайцы, японцы. Мужчины, разговаривая с тобой, кланяются, улыбаются, а глаза хитрые и злые. Кажется, отвернись, тут же, с той же улыбкой, нож в спину всадят. Женщины, в сею минутной любви, старательные, но бездушные, как куклы. Скорей бы отсюда уехать»

Но надежды на быстрый отъезд не сбылись.

26 января 1904 года вспыхнула Русско – Японская война. Причиной послужил раздел Китайских и Корейских территорий.

В 1896 году между Россией и Китаем был подписан секретный договор против Японии. А так же соглашение, согласно которого российская железная дорога из Забайкалья до Владивостока должна проходить по территории Китая, КВЖД.

В 1998 году Россия получила в аренду на 25 лет, безвозмездно, незамерзающую базу Пор – Артура и Ляодунский полуостров. Кроме того Россия претендовала на особые, выгодные условия в Манчжурии, после того, как было подавлено восстание «ихэтуаней» в Китае, хотя Япония так же принимала участие в этой компании.

Япония претендовала на определённую часть Корейских лесов, однако, эта территория, тоже была захвачена русскими.

Это резко обострило отношения между Россией и Японией.

В то время на Дальнем востоке находилась сто тысячная русская армия, значительно превосходящая по силам японскую. Однако снабжение русской армии осуществлялось только через Транс – Сибирскую магистраль, пропускная способность которой была очень слабой. Япония же находилась рядом.

26. 01. 1904 года, без объявления войны, японские корабли атаковали русские, находящиеся на рейде Порт – Артура. В тот же день в порту Чемульпо шесть японских крейсеров атаковали русский крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец»

Командовал русским флотом адмирал Степан Осипович Макаров, опытный, умный флотоводец, но 31 марта русский крейсер, напорвшись на мину, затонул, находящийся на нём адмирал погиб.

Обороной Порт – Артура руководил генерал Кондратенко Роман Исидорович, делал это умело, проявляя героизм в боевых действиях, но в одном из боёв тоже погиб.

Командующие высшего ранга, никак не могли согласовать дальнейшие совместные действия в этой обстановке. Адмирал Российского флота, вице – король Дальнего Востока Алексеев Е. И. в 1904 году командующий всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке, призывал всех к решительным действиям. Генерал Стессель говорил, что нужно закрыться в Порт – Артуре, и выжидать пока японцы выдохнутся. Военный министр и в 1905 году главнокомандующий всех войск на Дальнем Востоке, А. Н. Куропаткин считал, что войско ещё не достаточно велико, чтобы вести сражения.

Каждый из них докладывал свои соображения царю Николаю Второму, однако, мягкотелый и не решительный Николай Александрович призвать их к совместным действиям не мог и соглашался со всеми.

Поведение Николая Второго в этой компании было довольно странным: сначала, когда были атакованы русские корабли, он не поверил, когда же его убедили, в конце – концов, что на востоке идёт война, он перекрестился и тихо сказал:

- На всё воля божья, - и пошёл на прогулку.

Результаты такого отношения высшего руководства страны к развернувшимся боевым действиям на Дальнем Востоке, были плачевны.

20. 12. 1904 года генерал Стессель подписал акт о капитуляции Порт – Артура. Корабли Тихоокеанской эскадры, находящиеся в Порт – Артуре, были затоплены. В плен попали двадцать три тысячи моряков. Полторы тысячи погибли.

Позже Стессель был судим и приговорён к смертной казни, которая затем была заменена на пожизненное заключение. Но вскоре был прощён Николаем Вторым.

В Манчжурии сухопутные боевые действия велись под руководством военного министра Куропаткина. Восьмого августа 1904 года состоялось сражение под Гаоляном. Несмотря на численное превосходство, русское командование отдало инициативу противнику. В этом сражении русские потеряли пятьсот тридцать одного офицера и около семнадцати тысяч солдат.

Последнее сухопутное крупное сражение состоялось в феврале 1905 года под Мугденом. Русская армия понесла тяжёлые потери – около девяти тысяч убитыми и около двадцати восьми тысяч пропавшими без вести и пленёнными.

В 1904 году на помощь Порт – Артуру была направлена вторая эскадра Балтийского флота, под руководством контр адмирала Рождественского, а затем и третья под руководством контр адмирала Небогатова.

В мае 1905 года объединившаяся эскадра зашла в Цусимский пролив, для того, чтобы пробиться во Владивосток, но японская эскадра под руководством адмирала Того, расстреляла и утопила больше половины русских кораблей, в том числе четыре новейших броненосца.

05. 10. 1905 года между Россией и Японией был подписан мирный договор. Россия потеряла почти весь флот, около пятидесяти двух тысяч солдат и моряков убитыми, */японцы около шестидесяти тысяч/* и часть территорий, правда, эти территории ей и не принадлежали. Пришлось отдать Японии Ляодунский полуостров, корейские леса и южную половину острова Сахалин.

Русско – Японская война значительно подорвала авторитет России, показав её слабость.

14 мая 1904 года сибирская казачья дивизия прибыла в Манчжурию. Всего через неделю после прибытия под Вафангоу сибирские казаки получили первое крещение, покрывшее их заслуженной славой. 21 мая сибирский казачий полк был направлен в обход расположения неприятеля, занявшего позицию на высотах деревни Хоцзяпудзя.

- Покажем, братцы, как сибирские казаки умеют умирать за царя и Отечество! – сказал командующий полком войсковой старшина Старков, к сожалению, слова эти оказались для него роковыми.

В начале боя японцы пытались перейти в наступление, но были остановлены огнём спешившихся казаков и конного орудия. Перестрелка продолжалась пять часов, после чего японцы бросили позицию и отступили. Со стороны японцев участвовали в бою шесть рот. В начале перестрелки был

убит командующий полком Старков, командование принял на себя есаул Барышев Ермолай Пантелеевич, и очень успешно провёл бой.

В этом бою было ранено одиннадцать казаков, двое контужены. Потери японцев были значительные.

Почётная роль выпала на долю сибирской казачьей дивизии в боях под Ляояном, 20 – 21 августа. Перед дивизией генерала Самсонова была поставлена задача – захват Янтайских копий. 21 августа сюда же прибыл генерал Орлов с двумя полками своей дивизии, которыми было предпринято наступление на неприятеля, окончившееся полной неудачей. Отброшенные японцами, полки эти должны были отступить, а неприятель, преследуя, намеревался уже захватить Янтайские копи.

Тут – то сибирские казаки проявили в полной мере свою стойкость, самоотверженно удерживая позиции, под напором превосходящего в силах противника. От копий дивизии было приказано отступить к деревне Тумынзя; здесь казаки удерживали позицию всю ночь, под сильным огнём неприятеля. Удержав за собой позиции до тех пор, пока опасность миновала, казаки спокойно отступили к деревне Сайтайдзы.

В этом бою есаул Барышев Ермолай был легко ранен в ногу, товарищ его Шерин Евгений в плечо, однако боевых позиций они не покинули.

Генерал Самсонов свидетельствовал, что казаки дрались с величайшим хладнокровием и таким мужеством, что японская пехота не раз останавливалась перед этой живой и грозной силой.

После отступления от Ляояна Сибирский полк имел горячий стрелковый бой с неприятелем у деревни Бонсиху 28 и 29 сентября 1904 года, приостановивший наступление японцев. В этом бою особо отличились два эскадрона Барышева и Шерина, пока казаки вели отвлекающую перестрелку с противником, эти два эскадрона зашли, неожиданно, с

флангов японских пехотных позиций, стремительно атаковав их, смяли и обратили в бегство.

Самое обычное явление, когда казакам приходилось иметь дело одному против трёх – четырёх, а иногда и больше. И, не смотря на это, потери у казаков самые ничтожные в людях и только лошадей порядочно выбывало из строя. Объясняется это природной сметливостью казаков, умеющих сразу ориентироваться в трудную минуту и находить выход из трудных обстоятельств.

Погиб и Соколик, любимый жеребец Ермолая, серый в яблоках, единственное родное существо, которое у него оставалось от родного дома, с Дона. И сейчас он гарцевал на вороном жеребце по кличке Артур, слух о героях Порт – Артура быстро распространился в войсках.

Побеждая в отдельных боевых эпизодах, казаки, вместе со всей армией, всё - таки отступали, и это их выводило из себя, видя никудышнее руководство боевыми действиями, высшим командным составом, казаки начинали роптать, и, отличаясь прямоотой своего характера, не единожды высказывали своё неудовлетворение таким положением дел, вслух, и прямо в лицо неудачникам командирам. И вскоре казаки были выведены из боевых частей.

В последующий период войны на сибирских казаков было возложено наблюдение за движением японцев, и несение сторожевой и разведывательной службы у Муанденских высот. Однако и здесь есаул Барышев, недовольный организацией разведывательной деятельности, явившись в штаб девятого Уральского Полка, к которому они с Шериным были теперь приписаны, и высказал своё неудовлетворение полковнику Анисимову:

- Вы, господин полковник, посылаете нас на убой! Наш казачий разъезд состоит из пяти – шести человек, а японский из двадцати – двадцати пяти,

кроме того, если мы их начинаем преследовать, у них в засаде сидит пехота, а мы голые со всех сторон, - с обидой в голосе высказался Ермолай.

- Ты есаул, кто? Казак или нет. Каждый казак четырёх японцев стоит, нет у меня больше людей, чтобы разъезды увеличивать до двадцати человек, на такой огромной территории. Тем более пехотой наш полк тоже не укомплектован. Ты же видишь, война идёт.

- Вижу. А японцы, что же, по вашему, не воюют, что ли. Армия у нас большая, а толку мало, натрут нам хребет скоро японцы, с таким отношением к делу.

- Ну, ты меня не учи воевать, я тут не причём, мы своё дело делали достойно, видишь, нас вывели из боевых действий, мешаем мы, своим геройством, нашему высшему руководству творить позор. Иди, скоро всё это закончиться, близок уже конец.

Глава шестая.

Дядя, Ермолай Пантелеевич.

Судьба.

*Я же с птицей вольною, да с орлом двуглавым,
Казачки суровые с клятвой за державу.
На моей кубаночке нету ленты аленькой,
Для меня Россеюшка стала очень маленькой.*

Казачья песня.

В начале февраля войсковых есаулов Барышева и Шерина вызвали в штаб. Встретил их всё тот же полковник Анисимов:

- Ну, вот, что казаки! Прежде всего, хочу выразить вам свою благодарность за службу, храбрые вы и умелые ребята. Была бы моя воля, завёл бы я в этот Китай ещё пару дивизий, казаков, и драпали бы эти япошки

до самой своей границы, без оглядки. Но, как говорится: бодливой корове бог рогов не дал! Ещё раз благодарю вас за службу.

- Служим царю и Отечеству! – откозыряли есаулы.

- Вот – вот, самый раз, настало время послужить царю на Родине в России, ему там нелегко сейчас. Революция у нас началась, братцы! Отправляю я ваши два эскадрона на усмирение восставших. Опыт у вас огромный в этом деле, китайцев усмирили, думаю, и дома справитесь. Об одном только вас прошу, вы боевые Русские офицеры, помните; иноверцы это одно, а свои русские это совсем другое... С богом!

22 января 1905 года в России вспыхнула революция. После того, как 9 января, в Санкт – Петербурге, были расстреляны рабочие, участвовавшие в мирной демонстрации. /22 01. 1905 – 16. 06. 1907 г. Г./ для усмирения восставших в Москве и Санкт – Петербурге, были привлечены Донские и Кубанские казаки, их части постоянно базировались в крупных городах, на случай возникновения беспорядков. В Сибирь и на Урал были отозваны, на этот случай, четыре эскадрона из Сибирской дивизии, находящейся в Китае, в роле охотников на японских шпионов. И два эскадрона девятого уральского полка: донской и уральский из девятого полка полковника Анисимова.

Конечно, за время боевых действий эти эскадроны были сильно потрепаны и, естественно, периодически пополнялись, новыми казаками, чему полковник Анисимов придавал особое значение, стараясь пополнять эти сотни земляками, выискивая их и выпрашивая во всех подразделениях русской армии, находящейся в Китае. Это имело большое значение для боевого духа казаков эскадрона. Землячество воинов, за рубежом Родины, доводилось до братских отношений, что значительно увеличивало боевой дух казаков.

От первоначального состава, отправленного с Дона, в эскадроне есаула Барышева, тем не менее, оставалось шестьдесят три казака, в эскадроне есаула Шерина, отправленного с Урала, пятьдесят семь.

За время, проведённое в боях на чужбине, повышение в чине Ермолай Пантелеевич не получил, учли то, что при отправке в Китай ему было присвоено звание есаула, перемахнув сразу через три низших звания. Однако английской медалью «За войну в Китае» он был награждён, после взятия Пекина.

Эскадроны Барышева и Шерина из Благовещенска отправлялись в разных поездах, поэтому распростились там же, в надежде встретиться непременно на Урале. Каждый из них уже знал конечный пункт назначения. Эскадрон Шерина будет базироваться в Челябинске, эскадрон Барышева в Оренбурге.

- Странно, неужели в России нет больше казаков для наведения порядка? - с сомнением спросил Евгений Иванович.

- Конечно, есть, - ответил Барышев, - я думаю; полковник Анисимов хочет сохранить нас и остатки наших эскадронов. Да и сколько можно нам здесь проливать свою кровь. Четыре года мы на Дальнем Востоке. Мы его ни разу не подвели. Пожалел он нас.

Возвращение на Родину проходило быстрее и легче. Железная дорога за эти пять лет была достроена, и лишь переправа через озеро Байкал была ещё паромная, так, как тоннели в прибрежных скалах окончательно пробиты не были.

Навигация для ледоколов «Байкал» и «Ангара», перевозивших вагоны, давно закончилась, был февраль месяц и, образовавшийся толстый лёд, они проломить не могли. Поэтому переправа была организована по льду. На лёд укладывались на шпалах рельсы, и вагоны по одному переправлялись, с

берега на берег, конной тягой. Лошадей и воинский состав пришлось переправлять своим ходом.

Через несколько дней достигли Красноярска, затем Мариинска и вот поезд, перебравшись по мосту через речку Яя, начал притормаживать в глухом лесу, затем в нескольких метрах из тайги, вдруг вынырнул небольшой посёлок, дымя трубами деревянных домиков.

- Разъезд «Жарковский» - вслух прочитал Ермолай вывеску на приземистом станционном бараке.

Поезд начал заворачивать на единственный запасной путь, освобождая основной, центральный. Дорога была ещё одно колеиная, и поездам приходилось подолгу стоять на станциях или разъездах, пропуская встречные.

Глядя в окно вагона, есаул заметил человека, ходившего по деревянному настилу полустанка, держа в правой руке разноцветные сигнальные флажки. Что – то странное уловил его цепкий взгляд в фигуре этого человека.

«У него же нет левой руки!» – наконец – то понял он.

«Странно, кого – то он мне напоминает? - промелькнула мысль, - где – то, я этого человека встречал?» - долго не раздумывая, Ермолай выскочил из вагона и направился в сторону безрукого, в это время тот обернулся в сторону есаула.

- Аким! – воскликнул Барышев, - наконец – то узнав приятеля.

- Ермолай Пантелеевич! Друг ты мой сердечный! - выронив из руки флажки, перепрыгивая через рельсы, кинулся навстречу Миронов.

- Живой, Аким Федотович! – Друзья крепко обнялись.

- Живой! – вытирая набежавшие на глаза слёзы, выдохнул Миронов, - живой благодаря тебе, да жене моей Полине.

- Ты женат? Кто же она, половина - то твоя?

- Да, женат, уже четыре года. Жену – то мою ты должен знать. Ты её видел. Помнишь медсестру, когда в госпиталь ко мне приходил, она сидела у моей кровати. Я - то без памяти был, а когда очнулся, она мне сказала, что ты был и сказал ей, что я буду её мужем. Видишь так и получилось. Выходила она меня, если бы не ты и не она, давно бы меня не было на этом свете.

- Нет, друг, не помню, столько всего после было, кровь, да грязь, в такой суете, слава богу, имя своё ещё не забыл. Но ты всё равно ей от меня поклон передай. Славная она женщина оказалась.

- Передам, обязательно. Она – то часто тебя вспоминает, «пророком» называет. И молится за твоё здоровье.

- А здесь – то, в этом захолустье, как оказался?

- Опять же благодаря Полине, куда мне было деваться, кому я такой нужен, а у неё здесь в посёлке брат, вот он то и устроил меня дежурным на этот разъезд, поезда принимаю, стрелку перевожу. Мать у неё тоже здесь живёт в деревне Орловке, не далеко от нашего посёлка.

- Дети есть?

- Нет, детей нет, - опустил грустные глаза Аким, - не даёт бог нам детей. Что мы всё обо мне, да обо мне, ты – то как?

- Да я – то, что, как говорится вольный казак, вот с китайцами вместе с тобой воевали, с японцами мне пришлось повоевать, а сейчас направили на Родину, говорят у вас здесь революция.

- Да у нас - то здесь тихо, там в столицах народ поднялся. Говорят, царь людей на площади перестрелял. А вас значить на усмирение кинули. Что же вы в своих людей стрелять будете?

- Да, что ты говоришь Аким! Как можно!

- Сам знаешь, мы казаки царю и Отечеству присягнули, что царь скажет от имени Отечества, то и должны выполнять.

- Это верно, война – мать родна, для казака. Ладно, поживём, увидим, не дай бог братьев своих убивать.

Они ещё несколько минут поговорили, вспоминая прошлое, войну в Китае, первую встречу на Урале.

- Теперь Ермолай Пантелеевич, второй родиной тебе будет Урал, - вздохнул Миронов, - мне, видимо, туда больше не попасть. Приедешь в Оренбург, поклонись родной земле от меня.

На полустанок, дымя и отдуваясь паром, под уклон нёсся встречный паровоз, волоча за собой платформы с артиллерийскими пушками.

- Посторонись Ермолай Пантелеевич, глаза угольной пылью забьёт, - подняв зелёный флажок, Миронов постоял, пока мимо двигался поезд.

- В Китай всё прут, с японцами никак справиться не могут, - посуровел Барышев, - сколько ещё солдат положат на чужбине, одному богу известно.

Постояли минуту молча, Миронов положив руку на плечо друга и преданно глядя ему в глаза, произнёс, словно клятву давал:

- Вот и всё Пантелеевич, есаул ты мой дорогой, повидались. Нет у меня ни родителей, ни братьев, ты мне за всех, да Полина. Если, что от меня, когда, ни будь, нужно будет, имей в виду, я для тебя всё сделаю, если даже при этом мне придётся лишиться жизни! Иди в вагон, отправляю я ваш поезд, дай бог тебе удачи во всём!

- Ладно, спасибо тебе за то, что не забыл меня и за слова твои. Кто знает, может и придётся встретиться ещё. Земля большая, но людям тесно на ней, - и уже со ступенек вагона, Ермолай обернулся и крикну, - вспомнил, вспомнил жену я твою, у неё большие голубые глаза!

Миронов, в ответ, махнув рукою, заулыбался. Через минуту, перевёл стрелку, поднял зелёный флажок, паровоз дёрнулся, зашипев паром, чёрным дымом заволокло деревянный настил, вместе со стоящим на нём Акимом Федотовичем.

Тем временем, вспыхнувшее в Петербурге восстание пронеслось по всей России. За Петербургом последовали окраины. И конечно не обошло стороной оно и Урал. С весны 1905 года в революционную борьбу включились рабочие Оренбургской губернии. Железнодорожники потребовали увеличения заработной платы и улучшения условий труда и быта. Упорный характер забастовки, в которой участвовало четыреста рабочих, понудил местные власти и администрацию дороги пойти на уступки рабочим.

Первого мая рабочие Оренбурга, Абдулина, Белорецка, Челябинска отметили стачками. В мае бастовали рабочие заводов Эверта и «Орлее», железнодорожники Челябинска, рабочие Тирлянского и Белорецкого заводов. В августе забастовали рабочие золотых приисков в Миассе. В сентябре в стране проходила всеобщая стачка железнодорожников. В ней участвовали Оренбуржцы. Движение поездов было остановлено. Бастовали до десятого сентября, пока требования не были удовлетворены.

Бастовали в октябре и ноябре. Двенадцатого декабря вновь забастовали рабочие Главных мастерских, депо, заводов Эверта и «Орлее». Выступление рабочих проходило под лозунгом «Долой самодержавие», одновременно забастовали рабочие Челябинска, пятнадцатого декабря они сделали попытку поднять в городе вооружённое восстание. Сопротивление плохо вооружённых дружинников было подавлено войсками.

Напуганные размахом событий, власти девятнадцатого декабря провели в Оренбурге массовые аресты. Семнадцать руководителей РСДРП были арестованы, свыше ста забастовщиков уволены с предприятий, пятьдесят из них отданы под суд. Переход от политической стачки к вооруженной борьбе был сорван.

В 1905 году на территории края произошло тридцать девять выступлений рабочих и служащих, в том числе двадцать шесть забастовок, тринадцать митингов и демонстраций.

Вслед за рабочими на борьбу поднялись крестьяне. Их выступления были направлены против помещичьего землевладения, налогового бремени и кабальных форм эксплуатации.

В 1906 – 1907 годах крестьянское движение приобрело массовый характер. Выступление крестьян отмечалось во всех уездах губернии. Наиболее крупное восстание произошло в Оренбургском и Тихорецком уездах. Крестьяне села Николаевка и деревни Мордвиновка захватили имение помещика и изгнали представителей власти из своей волости. Восстание крестьян жестоко подавили, шестьдесят четыре человека сослали в Сибирь.

Наткнувшись на организованную силу государства, стихийное крестьянское движение потерпело неудачу.

Вот в такой обстановке эскадроны Барышева и Шерина прибыли на Урал. К тому времени, для поддержания порядка внутри империи правительство начало мобилизацию казаков первого, второго и третьего призывов /казаки призывались на сборы несколько раз, до тридцати восьми летнего возраста/ Хотя согласно законодательному статусу «Устава о военной повинности Донского казачества» от 1874 года мобилизация и вывод с территорий Донской области казачьих частей второй и третьей очереди, в мирное время не допускалось, то есть использоваться они должны были только в военное время.

Однако это обстоятельство не смущало правительственных чиновников, сильно обеспокоенных, прежде всего вопросами ликвидации всех – и революционных и откровенно погромных – народных выступлений.

Всего на поддержание порядка внутри империи было направлено около ста десяти тысяч казаков, из них второй и третьей очереди, около пятидесяти тысяч.

Естественно были мобилизованы части и подразделения Уральского казачьего войска. А так же мобилизованы полки и сотни Оренбургского казачьего войска, кроме воевавших на Дальнем Востоке первого, девятого, десятого, одиннадцатого, двенадцатого полков. Однако полковник девятого полка Анисимов, всё - таки внёс лепту в наведение порядка на родине, отправив туда два эскадрона боевых казаков.

Обстановка была сложная, прибыв в Оренбург, эскадрон Барышева был определён в пятый казачий полк полковника Халина. Естественно боевым казакам приходилось постоянно патрулировать улицы и предприятия города Оренбурга и не только города, за два года они побывали во всех населённых пунктах губернии и края, где требовалось их участие.

Присягнув царю и Отечеству, казаки не могли не выполнить приказ. Поэтому приходилось участвовать в разгоне митингов рабочих депо и мастерских в Оренбурге, Уфе. Казаки направлялись против бастовавших железнодорожников Челябинска. Шестого декабря сотня казаков совместно с батальоном солдат участвовали в вооружённых столкновениях с рабочими станции Мотовилиха, превратившихся в настоящий бой, солдаты в перестрелке убили десять рабочих, но и сами потеряли несколько человек убитыми. Стычки происходили и в сельской местности.

Ермолай Пантелеевич участвуя в этих компаниях, постоянно вспоминал слова Полковника Анисимова:

«...Помните, вы русские офицеры, одно дело чужеземцы, а другое свои русские...»

И вопрос друга Миронова Акима Федотовича:

«...Неужели вы в своих стрелять будете?..»

...И вот она, действительность: от железнодорожного депо, запрудив всю улицу, размахивая красными флагами, движутся демонстранты. Впереди с красными повязками на рукавах идут организаторы, над их головами плакат «Долой самодержавие».

На другом конце улицы эскадрон казаков. Лошади нетерпеливо переступая с ноги на ногу, подёргивают удилами. Эскадрон боевой, недавно вернулся с японской войны, лошади тоже оттуда, не раз бывали в боях, поэтому обстановку чувствуют так же, как и их хозяева. Отпусти повод, хлестни нагайкой, и они снесут все преграды стоящие на их пути.

Впереди на вороном коне войсковой есаул Ермолай Пантелеевич Барышев. Жеребец Артур, предчувствуя столкновение с противником, широко раздувая ноздри, со свистом втягивая воздух, подёргивая с силой удила и гарцуя, готов броситься навстречу толпе, так беспардонно размахивающей этими «отвратительными красными тряпками».

- Чего мы ждём? – сотник Галицкий, как всегда нетерпелив, - махнём вперёд, разбегутся, как тараканы!

- А куда же они побегут? Улица – то полностью занята, - не соглашается Ермолай, - передадим половину.

- Ну и чёрт с ними, сами виноваты.

«Сотник местный, на Дальнем Востоке не воевал, - думает про себя есаул, - откуда в нём такая ненависть к людям»

- Слушай Галицкий, откуда у тебя такая кровожадность? Ну, покалечим мы их, кто же железную дорогу будет обслуживать?

- А что ж нам делать, - не унимался сотник, - может ты, Ермолай Пантелеевич, ещё и уговаривать их пойдёшь?

- Сотник Галицкий! Займи своё место в ряду, - рассердился Есаул. - Стоять всем на месте! - дал он команду, и, хлестнув коня нагайкой, устремился к колонне демонстрантов.

Видя приближающегося всадника, первые ряды начали замедлять ход, постепенно удерживая всю колонну.

- Кто тут главный заводила, - придерживая разгорячённого жеребца, спросил Ермолай.

- Ну, я, - выдвинулся из первого ряда немолодой, хорошо сложенный, приятного вида человек. Видно было, что к рабочим, одетым в железнодорожную форму, местами потрёпанную, он не имел никакого отношения. Видимо представитель РСДРП

- Ты людей – то куда ведёшь? Вы зачем вылезли на улицу? Ну, забастовали рабочие, наверное, есть причины, так и бастуйте у себя в депо. Сидите, ждите, когда ваши требования удовлетворят.

- А ты, кто такой, чтобы указывать нам, куда идти и зачем?! – вспыхнул вдруг «руководитель» - мы вышли на улицы, чтобы показать свою силу и сплочённость всему городу.

- А я, как раз и послан, чтобы указать вам куда идти, чтобы не путаться под ногами. Я вот сейчас отведу казаков, а за моим эскадроном стоят солдаты с винтовками наготове, и ляжете вы на этих булыжниках.

- С каких это пор сатрапов стало волновать наше здоровье, - ехидно улыбнулся «чистюля» - давай, иди, исполняй свои обязанности, разгоните нас, перебьёте, тогда вся губерния подымится, и свернёт вам шею, как курятам.

«Бесполезно с ним говорить, - развернув жеребца, подумал Ермолай - этот фанатик ни перед чем не постоит, ему наплевать, каким способом решать поставленные партией задачи»

- Слушай сотник, - распорядился Барышев, вернувшись к эскадрону, - вон видишь перекрёсток, как только колонна выйдет на него, мы полусотней вылетаем на них. Всем кричать и свистеть, как можно громче. Вторая полусотня стоит на месте!

«Даже если кто – то из толпы окажется позади нападающей полусотни, вторая полусотня закроет их от солдат и жандармов – решил Есаул – а на перекрёстке они разбегутся в разные стороны, место широкое»

Так и получилось, как только основная масса демонстрантов вышла на перекрёсток, казаки с оглушительными криками и свистом полетели навстречу колонне. Увидев несущихся разгорячённых коней и оглушённые криком и свистом, демонстранты, побросав транспаранты и флаги ринулись в рассыпную, прежде чем конница долетела до них. Нерасторопные, всё же, были сбиты лошадьми, да по спинам некоторых прошлась нагайка. Благодаря умелым действиям есаула Барышева, этим всё и кончилось.

Приходилось ли убивать демонстрантов казакам, и нужно ли было им это делать? Забивали ли они участников стачек нагайками?

До сих пор отношение к казачеству у нас не однозначное, у одних образ казаков с нагайкой в руке ассоциируется с царскими карателями, а у других с патриотами и защитниками российской государственности. Наносили ли вред забастовщикам или демонстрантам казаки?

Участвуя в разгоне демонстраций, как правило, казаки сидели в мягких, высоких «кавказских» сёдлах, в которых всадник держался гораздо прочнее, чем в обыкновенных сёдлах, строевого образца. Кроме того в казачьих частях применялся очень эффективный способ, позволявший всаднику крепко держаться в седле, стремя под брюхом коня состёгивалось специальным прочным ремнём, что во много раз повышало устойчивость седла. Выбить из него всадника было труднее, чем повалить коня. Таким образом, основным способом рассеивание толпы становилась лошадь, умело управляемая

всадником. Зачастую именно это позволяло немногочисленным казачьим разъездам без большого кровопролития и жертв разгонять многочисленные демонстрации, иногда по несколько тысяч человек.

В разгон демонстраций казаков, как правило, отправляли без огнестрельного оружия. Стреляли жандармы и пешие солдаты. Против демонстрантов казаки могли использовать только, ставшие притчей во языцах, нагайки, которые полагались каждому, как обязательный предмет его экипировки. Они предназначались для подстёгивания коня, так как, в силу сложившихся традиций, казак, в отличие от других кавалеристов не имел шпор. В экипировке казаков имелись нагайки двух видов:

Одни представляли собой обыкновенную плетёную на обтянутой кожей деревянной или костяной рукоятке, с расширением на конце. Покалечить такой нагайкой невозможно, максимум – нанести оглушающий удар. Нагайка второго вида представляла собой гораздо более серьёзное оружие – оплетённый кожей стальной трос или тонкую цепочку со специальным мешочком на конце, в котором лежали пули или кусочки свинца. Такая нагайка действительно могла причинить тяжёлые увечья. Но во взводе их имели при себе только два – три вахмистра из числа опытных старослужащих. Эти нагайки применялись в крайних случаях, против вооружённых экстремистов, боевиков и хулиганов. К тому же и простые нагайки казаки использовали не всегда.

В большинстве случаев толпа обращалась в бегство от одного вида выносившихся им навстречу со свистом и гиканьем казачьей конницы.

Нанёс ли вред есаул Ермолай Пантелеевич кому – то из демонстрантов, трудно сказать, возможно, кого - то и травмировал конём, возможно и нанёс увечье, в пылу борьбы это неизбежно, но не стрелять, не размахивать шашкой ему не приходилось. К лету 1907 года революционный пыл начал

ослабевать, а вскоре и совсем иссяк, нанеся значительный ущерб экономическому развитию царской России.

Всё это – китайцы, японцы, шпионы, диверсанты, демонстранты скитания по казармам - порядком надоело Ермолаю Пантелеевичу.

« Все сроки мобилизации: первой, второй и третьей очереди, я отслужил – всё чаще начал задумываться Барышев, - может, хватит мне в одиночестве скитаться по чужим краям? Может, хватит прятаться? Кто знает, где теперь сотник Коршунов и зажиточный казак Аджубей. Может быть, их уже нет в тех местах, а может и в живых не числятся. Бросить всё, и двинуться в родные места. Думаю, Наказной атаман Владимир Федотович Ожаровский меня отпустит, в благодарность за мою безупречную службу»

« А как там Даша!? – об одном упоминании, о ней, сердце зашло и подкатило к горлу, - что с ней, с голубкой синеглазой? Где она теперь? Наверное, давно замужем? Взглянуть бы на неё хоть одним глазком!»

Желание всё бросит и полететь на Родину, во чтобы, то ни стало, хотя бы, ненадолго, становилось непреодолимым. Ермолай Пантелеевич, уже было совсем, собрался подать рапорт о переводе его обратно на Дон, как, вдруг, неожиданно был вызван к полковнику Халину.

- Вот, что уважаемый Ермолай Пантелеевич, знаю – рвётся душа твоя на родину. / Ермолай уже обращался с рапортом к полковнику / Готов вместе с тобой пойти к атаману Ожаровскому, с ходатайством о твоём переводе. Но придётся тебе, дорогой мой есаул, послужить ещё, малость, царю – батюшке на благо нашей родины России.

Разорили, обескровили война с Японией и российская революция казну отечества нашего, кроме того кризис надвигается мировой. /1908 – 1909 г. г./ Урал всегда был главным поставщиком железа, меди, алюминия для страны, а главное золота и драгоценных и полудрагоценных камней для

казны нашей. Оправился Урал после забастовок, люди исправно работают по добычи этих богатств. Но завелись у нас сволочи, местные их «хитниками» называют, бандиты, попросту говоря. Рыщут по приискам, разыскивают золотые жилы, алмазные россыпи и устраивают незаконные разработки, грабят государство наше. Мало того появились банды, которые нападают на рудники и грабят уже заготовленные ценности. Объявился в Екатеринбургском уезде на реке Рефт какой – то Сенька Байстрюк с бандой в сотню человек, нет житья от него золотодобытчикам.

Ты у нас боевой офицер, сражался в Китае, воевал с японцами, и здесь, при наведении порядка, проявил себя как умелый, а главное порядочный воин, кому, как не тебе с твоими орлами доверить защиту наших уральских золотодобытчиков, и их рудники. Как ты на это смотришь?

- А, что, я могу сделать, - нахмурился Барышев, - приказ, есть приказ.

- Ну, вот и славно, другого ответа я от тебя не ожидал. Завтра для твоего эскадрона выделят поезд, переедете в Екатеринбург, там вас встретит войсковой старшина Болотов, и проводит на Вороний брод, поселитесь в селении Тёплый ключ, разместитесь в казармах, там они надёжные. Хоромы. Остались ещё со времён Демидовых, а они плохо не стоили. Справишься с разбойниками, обещаю - сразу же отправлю на родину.

В Екатеринбурге оказались через неделю, выскочив из вагона, как только паровоз замедлил ход, Ермолай Пантелеевич сразу увидел идущего к поезду высокого, крепкого телосложения, казака в форме войскового старшины.

- Есаул Барышев? – подходя, спросил он.

- Так точно господин старшина! Барышев Ермолай Пантелеевич! – отрапортовал Ермолай.

- Ну, здравствуй Ермолай Пантелеевич, - протянул он руку, - я Болотов Иван Гаврилович. Наслышаны о подвигах твоего эскадрона, ждал вашего прибытия. Разгружайтесь, сейчас расквартируетесь в городских казармах, передохнёте с дороги, откормитесь, дня через два дам вам проводника и в путь, на золотые прииски.

- Спасибо Иван Гаврилович, в моём эскадроне есть человек знакомый с местностью вашего уезда, сотник Галицкий, однако проводник нам не помешает. Как далеко расположены рудники, где нам придётся базироваться?

- Рудники в ста пятидесяти километрах от Екатеринбурга, по дороге, на так называемый, Вороний Брод, по берегам реки Рефт, поселения «Талицкая дорожка», «Луковая отмога» и «Тёплый ключ», владелец рудников граф Чеплицкий Генрих Казимирович. Его усадьба находится в поселении Тёплый ключ, там и ваши казармы расположены.

- В чём заключается наша задача?

- Задача не проста, развелось после революции полно бездельников, хотят по лёгкому разжиться – разбогатеть. Рыскают по государственным территориям, ищут золотоносные жилы, россыпи драгоценных камней, а некоторые обнаглели совсем, объединились в банды, нападают на конторы, грабят кассы, взламывают кладовые с добытым золотом. Завёлся один отъявленный головорез, Сенька Байстриук, нападает на обозы, везущие золото в Екатеринбург на сплавку и апробирование, убивает людей, ну и естественно забирает это золото. Ваша задача навести в этом районе порядок, и конечно, желательно взять этого Сеньку живым или мёртвым.

- Иван Гаврилович, прошу меня простить за прямоту, а что же ваши казаки, они, так напуганы этим Сенькой, что не могут уберечь ценности от разграбления.

- Вопрос конечно правильный Ермолай Пантелеевич, но здесь такое дело, стоящий там эскадрон пытался несколько раз заманить в ловушку бандитов, даже приманку драгоценными камнями устраивали, но в самый ответственный момент, эта банда выскользнула из окружения. Мало того при попытках захвата погибло двадцать казаков, бандиты оказывались всегда за спиной у эскадрона. Видимо в эскадроне был лазутчик, а может и не один, да видимо и в посёлке есть сообщники, может даже родственники. Поэтому Наказной Екатеринбургский Атаман попросил прислать эскадрон из Оренбурга, лучшим и самым опытным был назван твой.

- В таком случае, нам нужен проверенный проводник, чтобы он, не дай бог, не оказался, как раз тем лазутчиком.

- Естественно, с вами пойдёт сотник Ершов Григорий, он из той сотни, что до вас стояла в Вороньем броде, поэтому обстановку знает хорошо. А что касается его преданности, он кровный враг этого Сеньки Байстрюка, тот убил родного брата Ершова.

Весной 1908 года эскадрон Ермолая Барышева разместился в казармах поселения Тёплый Ключ. Теперь в эскадроне было два сотника, что способствовало усовершенствованию руководством эскадрона. Пятьдесят казаков под руководством сотника Галицкого, и пятьдесят сотника Ершова. Общее руководство осуществлял войсковой есаул, так как действия эскадрона, в данном случае, приравнивались к боевым.

Граф Чеплицкий Генрих Казимирович оказался гостеприимным покладистым человеком, очень обрадовался, пришедшему знакомиться, Ермолаю Пантелеевичу.

- Добрый день, господин есаул, я Генрих Казимирович, - протянул он руку Ермолаю.

- Ермолай Пантелеевич! – пожимая протянутую руку, представился есаул.

- Как вы устроились? Где лично вы собираетесь квартировать?

- Устроились нормально, квартировать буду в казарме, вместе со всеми.

- Нет, нет, - замахал руками граф, - не в коем, случае. Вы будете жить в моём особняке, не пристало старшему офицеру, ютится в казарме. Это с одной стороны, а с другой – я должен быть информирован о ваших действиях, всё же я хозяин этих рудников, поэтому вы должны находиться со мной рядом.

- Как вам будет угодно Генрих Казимирович, - согласился есаул, а про себя подумал: «Хорошо, пусть будет так, но не все же разработанные мною операции, я обязан раскрывать графу, там посмотрим»

- Елена Владимировна! – позвал граф, в комнату вошла молодая женщина, - знакомьтесь, это моя жена Чеплицкая Елена Владимировна, а этого молодого офицера зовут Ермолай Пантелеевич.

- Очень приятно, - слегка наклонив голову, сказала женщина.

- Рад вас видеть, - поднял глаза Ермолай и вдруг замер. На него смотрела широко раскрытыми голубыми глазами, поправляя белокурый завиток волос, Даша Аджубей.

«Даша!» - чуть не вырвался из его уст возглас. - «Такого быть не может!» Ермолай, не отрывая взгляда, всматривался в родное лицо и постепенно начинал понимать, что это другая женщина, но сходство было настолько близким, что у казака защемило сердце. "Нет, это не Даша» - наконец окончательно понял он. Но в душе что - то надломилось; тот далёкий образ отошёл на второй план, а первый занял образ стоящей перед ним красавицы.

- Что с вами? – видя его замешательство, тихо спросила Елена, - вам плохо?

- Нет, нет, что вы, - очнулся Ермолай, - просто ваш дом напомнил мне мою родину, - попытался он замять неловкость.

- И где же она, родина ваша, - женщина догадалась, что её появление, её облик напомнил не только родину этому большому сильному человеку, но и образ его любимой. И сама того не желая, она вдруг захотела оказаться на её месте.

- На Дону, - опустив глаз, ответил Ермолай.

- Елена Владимировна, - обратился к ней граф, в силу своих преклонных лет, не заметивший этой искры, вспыхнувшей между двумя молодыми людьми – Ермолай Пантелеевич будет жить у нас в доме, распорядитесь, чтобы ему приготовили комнату.

- Хорошо, - повернувшись, княгиня Чеплицкая направилась к двери, но перед самым выходом обернулась. Ермолай пристально смотрел ей вслед, непреодолимо желая ещё раз взглянуть в небесную голубизну её глаз . Взгляды их вновь встретились. Елена отвернувшись, торопливо скрылась за дверь. Необычайно приятное тепло, родившееся в сердце, заполнило её грудь и поднялось к голове, краска смущения залила милое лицо.

Что такое любовь!? Может ли кто, ни будь, объяснить это чувство? Пока этого сделать никто не смог. Единственное, что можно сказать – чувство это неуправляемое.

Если оно /это чувство/ возникает в процессе длительного «притирания» друг к другу – это не любовь, это поиск чего - то выгодного для каждой стороны, и, как итог, дальнейшего соглашения по обмену этой выгодой, между сторонами.

Скорее всего, это электрическая вспышка, молния, моментально промелькнувшая между взором глаз, и сотрясая мозг и всё тело, проникающая в сердце, заполняя его восхитительным восторгом!

А может быть и высшая мера мгновенного притяжения и, непреодолимого желания соприкосновения и ласки, беззаветной преданности и самопожертвования!

Возможно это и так. Возможно.

Вот такая вспышка промелькнула, в данный момент, между Ермолаем Пантелеевичем и Еленой Владимировной.

Длительные скитания вдали от родины, от предмета своей любви, война, кровь, гибель товарищей и прочие лишения, вытеснили постепенно юношескую любовь из сердца казака, осталась только картинка, безответный портрет, в уставшем, и, по тому, изменившемся сознании. Портрет, который без сомнения, ни в какое сравнение не входил с женщинами сею минутной любви, на чужбине. И в то же время зная, что этот образ недостижим, он постепенно отступал. И, вдруг – вот он, рядом, да, наверное, не совсем тот. А кто знает, ведь тот образ ничего, кроме страданий Ермолаю не принёс.

Елена Владимировна, бывшая гувернантка Оренбургского градоначальника, красавица, которой эта красота, кроме неприятностей, ничего не принесла. Все знатные гости градоначальника, подвыпив, а иногда напившись до «поросычьего визга», начинали к ней приставать. Она бы рада спрятаться, но гостеприимный хозяин, чтобы увеселить своих гостей, заставлял её играть на клавесине. Однажды градоначальника посетил граф Чеплицкий, увидев красавицу Елену и определив, по выражению её лица, насколько ей не приятны эти увеселительные вечера, пожалел её, и выкупил её у градоначальника в качестве гувернантки, хотя детей у него не было. Как после выяснилось, рассчитался за неё крупным драгоценным камнем. Через

год, Генрих Казимирович предложил ей руку и сердце. Чтобы, в конце – концов, найти полезное применение собственной персоне в этом доме, Елена Владимировна стала графиней Чеплицкой.

Так, что настоящей любви эта женщина не испытывала никогда. Отношение пожилого графа к молодой жене, напоминало больше отношение престарелого отца к дочери, рождённой от позднего брака. И вдруг этот высокий стройный, сильный казак, взором своих карих глаз проник в её нежную, никем не занятую, душу. Видимо поэтому их электрические разряды любви встретились между взорами и произвели замыкание.

Несмотря на то, что его притягивало это непонятное чувство к графине, Ермолай Пантелеевич, преодолевая желания, старался как можно меньше находиться рядом с Еленой Владимировной. Обедая за одним столом с хозяевами, он всячески избегал встречного взгляда графини, хотя в душе готов был пренебречь всяким приличием и, вскочив со своего места, поднять эту женщину на руки и, крепко прижав её к груди, унести как можно дальше из этого дома.

Поэтому есаул старался проводить как можно больше времени в казармах. Они вместе с сотниками Галицким и Ершовым разрабатывали план дальнейших действий. Барышеву хотелось как можно скорее приступить к выполнению задач, ради которых он попал в эти края, чтобы каким - то образом отодвинуть на второй план, неожиданно возникшие любовные дела.

Елене, которая испытывая те же чувства, иногда хотелось, махнув рукой на светские приличья, отстранив кухарку, самой подавать этому сильному, и как ей казалось, самому прекрасному казаку, блюда. И, присев рядышком, любоваться тем, как он, смущаясь, не поднимая глаз, насыщается

пищей из её рук. А по ночам ей приходили, совсем уже неприличные мысли в голову, сейчас же встать и пойти в его комнату, вот так в одном пеньюаре, и тогда уж, будь, что будет.

Но она, преодолевая разыгравшиеся чувства, старалась всячески сдерживать себя, не подавая вида влюблённости, хотя, с каждым днём, это ей давалось всё с большим трудом.

И вот настал тот день, когда все планы были тщательно разработаны, подготовка к решительным действиям завершена. Ермайл явился с докладом к графу Чеплицкому.

- Генрих Каземирович, - удалившись с графом в рабочий кабинет, докладывал Есаул, - завтра мы приступаем к отлову и уничтожению мелких групп расхитителей, чтобы в дальнейшем они не мешали решить основную задачу – уничтожение банды Сеньки Байстрюка.

- Каким же образом вы собираетесь с этим быстро справиться? Этих расхитителей много, пока вы действуете в одном месте, другие будут спокойно заниматься своим чёрным делом.

- Нет, Генрих Каземирович им не придётся долго ждать своего смертного часа. Казаки моей сотни боевые, воевали в Китае и Японии, принимали участие в усмирении восставших, их навыки не позволяют вольно обирать российскую казну.

- Что ж, мне нравится ваш настрой. Надеюсь, что вы, наконец – то избавите наш уезд от паразитов. Желаю тебе есаул успехов, выполнишь достойно поставленную перед тобой задачу, получишь и достойное вознаграждение от нас, золотодобытчиков.

- Разрешите выполнять, Генрих Каземирович!

- Счастливо есаул!

Быстро выйдя из дома, Ермолай, отвязав жеребца Артура, и вскочив в седло, обернулся. Выбежав на крыльцо, к нему быстро приближалась Елена Владимировна:

- Ермолай Пантелеевич! Почему же вы не захотели попрощаться со мной? Вы же уходите в поход, на войну с разбойниками. Прошу вас, дорогой вы мой человек, берегите себя. Если с вами, что ни будь случиться, я не переживу. И ещё! Теперь уже всё равно! Не до приличий: я вас очень люблю! Не осуждайте меня за это. Я чувствую, вы хороший, добрый человек, несмотря на вашу боевую жизнь, и я чувствую то, что вам я не безразлична. Видимо богу так было угодно, чтобы мы встретились. Простите меня, я замужем, но я не собираюсь обманывать этого доброго человека, если вы меня не отвергните, я во всём ему признаюсь.

- Что вы Елена Владимировна, разве вправе я осуждать вас, я и сам, взглянув в ваши глаза, понял, что ничего прекрасней и дороже моему сердцу в дальнейшей жизни мне не предвидится. И я вас полюбил с первого взгляда, но прошу вас, не предпринимайте пока никаких действий, мало ли, что может случиться, я никогда не прятался за спины своих товарищей. Да и перед графом я чувствую себя виноватым, за то, что полюбил вас. До свидания! Я обязательно вернусь, ваше признание удвоило мои силы, - Ермолай, протянув руку, взял её нежную ладонь, протянутую навстречу, наклонившись, поцеловал и, развернув жеребца, скрылся за воротами.

Ермолай Пантелеевич не весь план раскрыл графу Чеплицкому, основную часть, самую главную, в целях сохранения военной тайны, утаил. Он не собирался гоняться за мелкими стаями расхитителей всем эскадроном. Эскадрон поделили на три части, по тридцать три казака в каждом взводе, это давало возможность уничтожать грабителей быстро и в разных местах. К тому же различным частям разбойников будет казаться, что казаков всего

тридцать человек, а в подходящий момент, когда нужно будет уничтожить большую банду, все три части объединяться.

Чтобы исключить неожиданное нападение на взвод, определили: держать впереди и сзади разъезды из шести казаков, на расстоянии, примерно, ста метров. Один взвод возглавлял сотник Галицкий, второй взвод сотник Ершов и третий сам Ермолай Пантелеевич.

В ходе подготовительных работ, разведчики незаметно проникли во все потаённые участки, и, примерно, уже знали лагерь незаконных захватчиков казённых земель.

Есаул и сотники подробно изучили карту местности Екатеринбургского уезда.

Действительно ли ликвидация самовольных старателей таила в себе опасность и была сравнима с военными действиями? Из собранных данных командирам эскадрона, стало ясно, что сопротивление расхитителей будет жестоким. Во первых – все они были хорошо вооружены, так, как вели войны между собой, отвоёвывая друг у друга богатые разработки. Во вторых – им приходилось обороняться от местного населения, то есть башкир, которые только на первый взгляд казались простаками, а на самом деле, то же, не прочь были поживиться, как говорится «на дармовщину», засекали стоянки старателей, оказывали им мелкие услуги, а после, неожиданно нападавая гурьбой, отбирали уже добытые драгоценности. И, наконец, в третьих – на них уже ранее охотились полицейские, солдаты и местные верховые казаки. Поэтому они были ко всему готовы и обучены к отражению любой атаки. К тому же научились вести отвлекающие маневры, дели вид, что ведут работы в одном месте, а разработками старых, брошенных рудников или неожиданно найденных жил или россыпей занимались ночью в другом месте. Выставляли посты, иногда делали засады.

Особенно хитроумными были банды, которые разработками не занимались, а приспособились к хищению заготовленного золота и драгоценных и полудрагоценных камней. Эти банды имели связи в зарегистрированных артелях, арендовавших земли у государства. Знали, где хранятся запасы, когда и куда повезут добытое золото. Нужно было заниматься не только их ликвидацией, но ещё и выявлением сообщников в артелях.

Самая же опасная и жестокая категория бандитов была та, которая занималась вооруженным грабежом. Это были отчаянные отморозки, которые не жалели ни себя, ни блюстителей закона, и тем более рабочих или служащих государственных артелей. Эти банды состояли в основном из беглых каторжников. К этой категории и относился предводитель самой крупной банды Сенька Байстрюк.

Поэтому – то есаул Барышев, прибыв на место, не бросил сразу эскадрон в атаку, а прежде, под видом бродячих одиночек – старателей, разослал разведчиков, из тех казаков, которые занимались разведывательной деятельностью в Китае, в зоне японских войск, им было не привыкать, осваивать незнакомую местность.

Проанализировав собранные данные, совместно с сотниками, разработали план боевых действий. Разбитый на три части эскадрон, сразу же ввёл противника в заблуждение, лазутчики грабителей начали давать неверные сведения о направлении казачьего удара. Докладывали своим хозяевам, что взвод покинул посёлок в северном направлении, а он вдруг наносил удар с юга.

Выдвинутые вперёд взводов разъезды казаков, не давали возможности неожиданного нападения. А группы разведчиков тихо снимали и обезвреживали выставленные посты, что лишало противника своевременной подготовке к отражению атаки. Да и сама атака была не

обычная, казаки сразу нападали со всех сторон, с ужасающими криками и свистом. Складывалось впечатление, что вылетели не тридцать человек, а целый полк. Противник ни то, чтобы сопротивляться, даже оружие не успевал схватить.

Такие приёмы скоро положили конец существованию мелких и крупных самовольных артелей. На всей территории Екатеринбургского уезда. Размещённые в государственных артелях под видом рабочих, казаки – разведчики, выявляли сообщников расхитителей и бандитов.

На все эти действия был потрачено лето и осень, приходилось работать не только на рудниках графа Чеплицкого, но и по всему уезду. Поэтому разделённые эскадроны базировался в разных местах, везде они были желанными, однако, несмотря на это, единое руководство потеряно не было, согласовывали действия через адъютантов, часто назначали места встреч, для обсуждения наиболее сложных мероприятий, иногда совместных.

Ермолай Пантелеевич был очень доволен исполнительностью, решительностью и смелостью своих офицеров.

Конечно, в этих сражениях были потери и у казаков, но не значительные, убитых не было, раненых пятнадцать человек, тяжело раненых трое, их пришлось отправить в госпиталь в Уфу, в то время казаки действовали вблизи границ Уфимского уезда. Ермолай Пантелеевич был ранен дважды, но легко.

Приближалась зима, на Урале она мало чем отличалась от сибирской. Объединив три взвода, в ноябре 1908 года, эскадрон прибыл в местечко Тёплый ключ, в усадьбу графа Чеплицкого. Впереди оставалось самое трудное сражение, уничтожение банды Сеньки Байстряка, увеличившейся за счёт перебежавших к нему недобитых бандитов из мелких шаек. Поэтому нужно было время, чтобы тщательно продумать и подготовиться к облаве.

За всё время действия эскадрона в уезде, с бандой Сеньки столкновение ни разу не произошло. Видимо на него работала обширная сеть лазутчиков, говорят, он славился необычайной щедростью. Удивляло и то, что за весь летний период, эта банда не сделала ни одного нападения, ни на один прииск.

С замиранием сердца, Ермолай Пантелеевич, привязав во дворе жеребца, открыл дверь в дом графа Чеплицкого. В походе он всё время думал о Елене Владимировне, ему хотелось увидеть её, обнять, прижать к широкой груди и целовать это лицо, губы, плечи и эти большие голубые глаза ...

Но в то же время он боялся этой встречи, ему было неудобно перед графом, он не хотел оказаться подлецом перед ним. Не хотел унижений для своей любимой. Но преодолеть это чувство, накрепко повязавшее его, чувство давно потерянной любви, с невероятной силой вспыхнувшее вновь, он не мог. И чтобы не наделать глупостей, во весь сезон проводимой компании, ни разу не возвращался в усадьбу Чеплицкого, предполагая этим самым погасить вспыхнувшую страсть. Однако она, эта страсть, в разлуке разгоралась только с большей силой.

Встретил его, с распростёртыми объятиями, сам Генрих Казимирович:

- Ермолай Пантелеевич, дорогой вы мой человек, что же вы нас забыли, за всё лето ни разу не заглянули в нашу усадьбу. Чем же мы вас обидели?

- Что вы, Генрих Казимирович, - смутился есаул, - какая может быть обида. Уезд ваш обширный, старателей много, пришлось усердно потрудиться. Вашу территорию мы, от этой нечисти, очистили первой.

- Да об этом все золотопромышленники уезда говорят, поработали вы на славу. Как говорится, огнём и мечом прошлись по ворам и разбойникам.

Все восхищаются вашими действиями. Даже этот душегуб, Сенька, притих, видимо вы его здорово потрепали.

- Нет, Генрих Казимирович, с этим душегубом нам встретиться не удалось. Затаился, чего - то выжидает, а может быть, в соседний уезд перемахнул, - с сомнением произнёс Ермолай.

- Да, нет, Ермолай Пантелеевич, если вы с ним ни разу не встретились, значить он затаился и специально притих, перед большим грабежом. Я догадываюсь, почему он так сделал. Сейчас, как только выпадет снег, ударят морозы и на реках укрепитя лёд, все золотопромышленники, добытое за сезон, золото повезут в Екатеринбург на сплавку и пробирование */золото плавил в слитки и определяли пробу/*. Вот тут – то он и объявится. Чего мелочится – нападёт на обоз, а может и не на один. Одна две вылазки – он и богат, до следующего сезона.

- Вон в чём дело, да видимо граф, вы правы, я то с вашими перемещениями добытых ценностей не знаком. Что ж Генрих Казимирович, спасибо за подсказку, теперь мне легче будет определить действия своего эскадрона, ваша подсказка поможет мне в разработке плана уничтожения этого разбойника.

- Елена Владимировна! – позвал граф, обернувшись в сторону двери в соседний зал.

Бесшумно открылись двери, и тут же появилась долгожданная фигура очаровательной женщины, как будто она только того и ждала, чтобы её позвали. Чёрные длинные ресницы, взлетев над небесной голубизной широко раскрытых глаз, на секунду замерли и опустились вниз, белая бархатная кожа лица, вдруг окрасилась в розовый цвет, алые губки вздрогнули и застыли в смущённой улыбке.

- Здравствуйте Ермолай Пантелеевич, - тихо произнесла она, и слегка подалась вперёд, будто, собираясь взлететь, и кинутся в его объятья.

- Здравствуйте Елена Владимировна, - произнёс Ермолай, осевшим голосом, и, опустив глаза, посмотрел на руки, не зная, куда их деть.

Всё это длилось секунды.

- Елена, распорядись, пожалуйста, чтобы нам подавали обед, - попросил граф.

- Хорошо, – графиня, ещё раз вскинув ресницы, взглядом обожгла Ермолая, и скрылась за дверью.

Во время обеда, казалось, что страсти первой встречи, после длительной разлуки, улеглись, обед прошёл в спокойной обстановке и в совместной дружеской беседе.

Распрощавшись с графом и графиней, Ермолай, отвязав жеребца, садиться в седло не стал. Взяв в руку повод, он, задумавшись, медленно двинулся пешком в сторону казачьих казарм. День выдался необычайно солнечным и тёплым, для этого времени года. Чтобы сократить расстояние, свернул в берёзовую рощицу. Сделав несколько шагов, он вышел на небольшую полянку. Вдруг, сзади послышался конский топот, есаул, обернувшись, увидел всадницу, подол белого платья накрывал круп лошади, обдуваемое ветром, от быстрой езды, лицо покраснелось, широко открытые голубые глаза сияли удивительной счастливой радостью.

- Ермолай Пантелеевич, - выдернув ногу из стремени, Елена соскочила в объятия подбежавшего есаула, - дорогой ты мой, как же я тебя ждала.

Ермолай, прижимая нежное тело к своей широченной груди, растерявшись, не зная, что же ему говорить, вдруг страстно стал покрывать поцелуями лицо, плечи, руки своей любимой. Она обвила руками его сильную шею, закрыв от удовольствия глаза, с нежным трепетом прижималась всё сильнее к его богатырскому телу. Ноги её подкосились, и она, увлекая любимого, опустилась на опавшую листву... Лошади, отвернувшись, мирно паслись, подбирая пожухлую траву.

Сложившаяся ситуация требовала немедленного разрешения. Пантелей Прокопьевич и Елена Владимировна, в ближайшее время, собирались идти к графу, чтобы объясниться и просить его о предоставлении развода графине Чеплицкой.

Но, в это время, неожиданно, объявилась банда Сеньки Байстрюка. В ночь на воскресенье был совершён дерзкий налёт на контору и склад соседнего прииска «Рефтинские болота». Со слов, прискакавших на взмыленных лошадях, приисковых рабочих – банда была необычайно крупной. Перебив охранников и полицейских, бандиты взломали двери складов и конторы. Похитили всё добытое за сезон золото и, не сумев взломать сейф с деньгами, увезли его с собой.

Выходило так, что заготовленные планы по уничтожению банды были сорваны. Не стал Байстрюк дожидаться снега и льдов. Его мысль, как раз и сработала на этом:

«Сейчас эти золотые мешки, вместе с казачками, думают, что я буду охотиться за обозами. Планы будут строить, как покрепче меня увязать да прикончить. Хрен вам! Будете знать – кто такой Сенька Байстрюк.»

Эскадрон, по тревоге, быстро был поднят.

- Господа сотники, - распорядился Ермолай, - тридцать казаков и сотник Ершов остаются здесь. Мы с сотником Галицким и остальными казаками, немедленно выступаем на рудники «Рефтинские болота». Я думаю, сюда этот разбойник не сунется. И здесь Ермолай Пантелеевич опять допустил ошибку, как и с разработкой плана.

Ограбленный прииск находился в тридцати верстах от поселения «Тёплый ключ». Пока прискакали туда, объехали округу, никого не обнаружили. Спросили у, напуганных местных жителей, в какую сторону

ускакала банда и удивились: выходило так, что Байстриук повёл своих бандитов навстречу казакам.

- Как же так, - встревожился Ермолай, - мы же никого не встретили?

- А вы обратили внимание, на дорогу, уходящую в сторону от той по которой вы прискакали, она вот за деревней, недалеко, - сказал вдруг паренёк с длинным бичом в руке, видимо пастух, - так вот это объездная дорога на «Тёплый ключ», она заросла, поэтому плохо видна. Дорога эта в два раза длиннее той, по которой вы приехали, раньше здесь было болото, и потому ездили в объезд.

- Сотник, разворачивай эскадрон и аллюром назад, - тревога закралась в душу есаула.

«Если мы не успеем, перебьёт оставшихся казаков бандит, со слов местных, у него не мене двухсот сабель. Ограбит склады и контору. стыдоба, как потом людям в глаза смотреть. А как же там Елена Владимировна? Этот подлец специально решил поиздеваться над нами: «Вот, мол, смотрите, как я вас, поразогнали всякую мелочь, а со мной вам не совладать. Он специально нас выманил»

- Скорее, скорее, - торопил он товарищей своих.

Километра за два до «Тёплого ключа» стали слышны винтовочные выстрелы. Вот уже слышались людские крики и ржание лошадей. Эскадрон вылетел на открытое место у казармы, взору Ермолая Пантелеевича предстала ужасная картина: горстка казаков, прижатая к ограде усадьбы Чеплицкого, яростно отбивалась от нападающей на них огромной толпы разбойников. Казаки сгруппировались так, как и положено им это делать в жестоком бою. Передняя линия яростно работала саблями, задняя перезаряжая карабины, вела в упор прицельный огонь по врагу. В центре, с револьвером в руке, сотник Ершов руководил боем.

- Рассыпались на три взвода! – скомандовал есаул, - сотник Галицкий левая сторона! Хорунжий Райский правая сторона! Я по центру, вперёд братцы! Кричим и свистим!

И лавина казаков, зажав разбойников с трёх сторон, с криком и свистом, яростно набросилась на них. Такого Сенька Байстрюк не ожидал, лазутчики донесли ему, что казаков в «Тёплом ключе» осталось мало, почти все уехали на ограбленный рудник.

« Что такое горстка каких – то казачишек, против такой армии разъярённых каторжников, - думал он, - пока основной состав вернётся с прииска «Рефтинские болота», мы перебеём этих, ограбим дом, кладовые и устроим засаду на возвращающихся назад казаков»

Но он ошибся, эффекта неожиданности не получилось. Случилось так, что оставшиеся в казарме казаки, были наготове, так приучил их Ермолай - тревога по любому поводу, требовала немедленной боевой собранности. Кроме того первым бандитов увидел граф Чеплицкий, он как раз верхом на коне направлялся в казарму, с ружьем за плечами, на помощь казакам. Последние дни граф был чем – то сильно расстроен и не находил себе места.

Он услышал ржание лошадей, обернувшись на звук, увидел, как из берёзовой рощи, по направлению к казармам, пробирается огромная толпа всякого сброда. Листья давно уже облетели и вся эта «рвань», как о них подумал граф, была на виду. Недолго думая Чеплицкий схватил ружьё и начал стрелять.

Из конюшен, уже верхами на конях, вылетели казаки, и сразу ринулись в бой. И тут – то Байстрюку пришлось убедиться, что перед ними не казачишки, а настоящие казаки. Сделав залп они, развернув лошадей, заняли позицию у забора усадьбы, прихватив с собой и хозяина, то есть графа. Как не пытался сотник Ершов уговорить его, уйти в дом, граф наотрез отказался и занял место в рядах казаков.

И так, теперь забор усадьбы оказался за спиной казаков, вперёд выдвинулись лучшие рубаки с саблями и пиками. Сзади карабинеры, настоящая крепость. Однако каторжники тоже кинулись в бой, не жалея себя, неся серьёзные потери, но и нанося урон казакам. Скоро тяжело ранен был граф, пуля пробила ему грудь и застряла в лёгком. Ещё немного и разбойники одержали бы победу, потеряв большое количество убитыми и ранеными.

Но в этот момент из леса вылетел основной эскадрон, на ходу развернувшись в три взвода, лавиной с криками и свистом, с трёх сторон, бросилась на разбойников. Это было ужасно, сабли, сверкнув на тусклом осеннем солнце, вскоре стали багровыми от крови. Бандиты, пытаясь выскочить из этого котла, метались из стороны в сторону и везде натыкались на пики и клинки.

Ермолай Пантелеевич, в пылу боя, не забывал о том, что среди этого сброда, находится главарь шайки, и, работая руками, краем глаза, присматривался к редющей толпе, выискивая его.

«Есть, вот тот на большом рыжем жеребце, - наконец догадался есаул, - его сподвижники тесным кольцом окружили своего «атамана» и пытаются вырваться из окружения. Надо же, какая плюгавая тварь, а я – то думал с богатырём биться придётся»

- Братцы, за мной! – приказал Ермолай, находившимся рядом с ним казакам, – прикройте меня со спины. И, начал яростно пробиваться к предводителю шайки.

«Ловок, гад, отбивается умело, сейчас вырвется и уйдёт!» - и он с силой толкнул жеребца в бок коленом, тот понял всё сразу, рванулся вперёд, грудью расталкивая встречных лошадей. Вот он рядом. Бешено вращаются глаза, взмахнув саблей, кинулся навстречу есаулу. Ермолай, коленом,

толкнул Артура в левый бок, тот моментально отвернул влево и сабля разбойника, просвистев по воздуху, пролетела мимо.

- Ну, чья взяла! – крикнул Барышев, и с плеча опустил клинок на голову противника. Половина головы, соскользнув вниз, исчезла под конём, обезглавленное туловище, дёрнулось и вывалилось из седла.

Бой закончился, поле у ворот усадьбы было завалено трупами. Убитых разбойников никто не считал. А вот эскадрон Ермолая Пантелеевича поредел. Убитыми насчитали двадцать три казака, ранеными пятнадцать.

Графа Чеплицкого занесли в дом, уложили на кровать. Генрих Казимирович умирал.

В доме стояла тревожная тишина. Слуги передвигались по комнатам на цыпочках. У постели умирающего сидел доктор, периодически меняя влажное, прохладное полотенце, на широком лбу графа. Глаза Генриха Казимировича были закрыты, видимо он был без сознания. Вдруг тяжелые веки дрогнули и поползли вверх, граф открыл глаза. Минуту они были неподвижны, видимо Чеплицкий пытался понять – где он и, что с ним происходит. Затем зрачки двинувшись, остановились на лице доктора.

- Позовите Елену Владимировну, - чуть слышно попросил он, и, передохнув, добавил, - и этого есаула.

Слуги, находящиеся в комнате, засуетились, и бросились выполнять просьбу хозяина. Елена Владимировна, сидя в соседней комнате, безутешно плакала.

Ермолай Пантелеевич, убитый горем, из – за потери своих товарищей, ещё не совсем отошедший от смертельной схватки, со слезами на глазах, наблюдал, как во двор заносят убитых казаков и складывают у забора в ряд. О ранении графа он ничего не знал, сотник Ершов не успел ему об этом доложить.

«Как же теперь оправдываться перед графом и другими золотопромышленниками, - думал Барышев, - рудник «Рефтинские болота» бандиты разорили, побили людей. И здесь, в «Тёплом ключе», устроили бойню. Рано я успокоился, нужно было продолжать поиски этого Байстряка. Обвёл он меня вокруг пальца, скольких ребят положил зря. А теперь ещё надо окончательно решать вопрос с разводом Елены Владимировны и графа. Как я буду ему в глаза смотреть, он меня принял, как родного, а я...»

- Ермолай Пантелеевич, - позвали его с крыльца, - идите, вас Генрих Казимирович зовёт.

« Ну, вот и настал час расплаты, - мелькнула неприятная мысль, - какое время – то не подходящее. Я даже кровь с лица и рук не успел смыть»

Войдя в дом, есаул увидел плачущую Елену Владимировну. Она, взглянув на Ермолая, открыла дверь в спальню графа и, кивком головы, пригласила есаула туда.

«Вот уже и Елена Владимировна вся в слезах, наверное, расплывается за нашу грешную любовь. Ну, да и ладно, сейчас выложу всё, как есть, чем скорее, тем лучше» - он решительно шагнул за порог, вслед за Еленой, но увидев окровавленные простыни, и графа, лежащего в постели на них, замер: «Умирает граф, как же так, значить и его я не уберёг!»

- Елена, Ермолай, - чуть слышно позвал граф, - подойдите ближе.

Влюблённые выполнили просьбу умирающего.

- Мне уже осталось не долго, поэтому послушайте меня, не перебивайте, - прерывисто дыша, зашептал он, - Ермолай Пантелеевич, я всё знаю, мне Елена рассказала обо всём в тот же день. Что ж видимо такова наша судьба, бог на твоей стороне. Я всё понимаю, не может молодая горлица любить старого ворона. Мне, конечно, жаль, но я на Елену не сержусь, и благодарен ей за то, что она терпела меня этих пять лет, совместной жизни. – Граф замолчал и закрыл глаза.

Ермолай и Елена, замерев, не знали, что же им делать, отойти от смертного ложа или оставаться на месте. Несколько минут они оставались неподвижными и уже совсем хотели удалиться, но веки графа опять медленно поползли вверх, и он, чуть слышно, продолжил:

- Ермолай Пантелеевич, ты человек основательный, побитый судьбой и повидавший многое, пора тебе остепениться. Если ты действительно полюбил Елену, не оставляй её. Все свои сроки и очереди ты уже отслужил. Я давно написал завещание, кроме Елены Владимировны у меня никого нет. Всё своё движимое и недвижимое имущество, я отписал ей. И ты оставайся здесь, всё рудничное хозяйство теперь будет на твоих плечах. На каждом руднике есть управляющий, они тебе помогут разобраться в делах. Наказной Оренбургский атаман, со службы тебя, я думаю, отпустит. Всё, я вас благословляю! Прощайте! – веки графа опустились. Через несколько часов, не приходя больше в сознание, граф умер.

Похоронив своих товарищей и графа на кладбище в «Тёплом ключе», Ермолай Пантелеевич, оставив Елену Владимировну на попечение пожилой экономки Эльзы Карловны, повёл эскадрон в Екатеринбург. Теперь, когда основная банда была уничтожена, охраной рудников занялись наёмные дружинники и полицейские. В Екатеринбурге их встретил войсковой старшина Болотов Иван Гаврилович:

- Рад видеть тебя в добром здравии Ермолай Пантелеевич, - обнял он есаула, - надежды наши, друг мой, оправдались. Очистил ты край наш от этой нечисти, «хитников»

- Радости мало Иван Гаврилович, - тяжело вздохнул есаул, - казаков – товарищей своих много потерял, рудник «Рефтинские болота» прозевал. Правда, после разгрома банды золото и сейф с деньгами, мы на рудник вернули, но убитых людей не вернёшь. И графа, вот тоже, потеряли.

Ермолай отвернулся и покраснел.

- Да ты не терзай себя, есаул, война без потерь не бывает. Этот Сенька – каторжник, не так прост. Он на каторгу попал из Петербурга, готовился учинить в стране переворот. Умный гад был, его жандармы три года изловить не могли. А ты, всё - таки, с ним справился, и я думаю, с минимальными потерями. Жаль, конечно, погибших, но ничего не поделаешь. А что касается графа, сам виноват, какого чёрта ввязался в схватку, сидел бы в своём особняке, жив остался бы.

- Да тут вот, дело – то какое, Иван Гаврилович, - и Барышев чистосердечно выложил Болотову всё, - стыдно мне, вроде я поступил подло, как предатель.

- Что теперь поделаешь, намотался ты, настрадался, а тут тепло душевное почувял. Не убивайся, сердцу не прикажешь. Только ты теперь, раз уж так всё обернулось, не бросай Елену Владимировну.

- Ну, что ты Иван Гаврилович, я сейчас эскадрон доставлю в Оренбург и попрошу отставку, полковник Халин обещал помочь. Я ранее подавал ему рапорт о переводе на родину, на Дон, теперь уже, видно, навсегда останусь здесь на Урале.

-Ладно, есаул, расквартировывайтесь в казармах, через три дня будет вам поезд на Оренбург.

В Оренбурге, как и обещал, полковник Халин добился аудиенции для Барышева с наказным атаманом Ожароаским Владимиром Федотовичем. Атаман радушно принял Барышева в своих апартаментах.

- Ну, здравствуй герой, наслышан о твоих подвигах, да и не только о них. Слух, брат, он ведь впереди ветра летит. Полковник Халин передал рапорт твой. Что ж ты теперь, хочешь остаться в Екатеринбургском уезде?

- Так, точно, господин атаман! Хочу послужить отечеству в другом качестве. Думаю золото казне российской, сейчас, как никогда необходимо.

Правда, я пока ничего толком не понимаю в этих делах, но думаю, постепенно разберусь.

- Я тоже на это надеюсь, рад тому, что ты не покидаешь наш край. За эти годы на твою долю много всего выпало, и ты, с честью, выполнял все поставленные перед тобой задачи. Оренбургское казачье Войско гордится такими удальцами, как ты. А посему, я просьбу твою удовлетворяю, присваиваю тебе очередное звание – войскового старшины, и отпускаю в Екатеринбургский уезд, но из девятого полка ты отчислен не будешь до тридцати восьмилетнего возраста. Мало ли, что. В особо сложных ситуациях, такие казаки, как ты очень нужны.

- Служу Отечеству, Владимир Федотович! Благодарю вас, за столь высокую оценку моего ратного труда. Всегда готов встать на защиту Отечества нашего.

Вернувшись в усадьбу «Тёплый ключ» Ермолай Пантелеевич с головой окунулся в новую, не привычную для него действительность. Не просто было боевому казаку – есаулу / новое своё звание он в серьёз не принимал, и поэтому считал себя есаулом/, превратиться в золотопромышленника, по сути своей, купца торговавшего драгоценными металлами и камнями. Но цепкий ум его и сознание того, что он этой деятельностью помогает росту казны отечественной, постепенно сделали своё дело. Через два года стараний, он уже смог увеличить добычу золота на своих рудниках в два раза. Торговые отношения с Петербургом вел бесхитростно и честно, чем заслужил хорошие отношения, к семье своей, императорского двора.

В жене Елене Владимировне души не чаял и, как говорил он: «Взял на себя обязательства, воспроизвести и вырастить трёх богатырей, для укрепления силы и величия России – матушки». Старания его в этом плане,

вскоре вознаградились. В 1909 году родился сын Иван Ермолаевич, в 1910 году сын Пётр Ермолаевич, и, наконец, в 1911 году сын Никита Ермолаевич.

В 1909 году, заимев, наконец – то определённое, постоянное место жительства, Ермолай Пантелеевич написал письмо домой. И, хотя, доставка почты производилась медленно, но переписку с родными удалось восстановить. Писал письма младший брат Афанасий. На родине было всё нормально; отец, мать, крёстный и другие близкие проживали в добром здравии. Из писем брата он узнал, что Аджубей, вскоре, после отъезда Ермолая в Китай, продал усадьбу и выехал в Мало Россию.

Затем брат писал, что в конце 1909 года его призвали на службу первой очереди, и отправили служить в город Москву.

В 1911 году он вернулся в станицу и женился на дочери атамана Гончара Фёдора Павловича, Наталье.

А в 1912 году у них родился сын, наречённый Александром.

Ермолай Пантелеевич в каждом письме приглашал родных переехать к нему на Урал, отдохнуть от тяжких крестьянских трудов. И все они, во главе с отцом и крёстным, совсем уже было собрались перебраться к нему. Но 1914 году вспыхнула война, охватившая всю Европу и половину России.

России, как никогда, для производства оружия нужны были деньги, и естественно золото, поэтому Ермолая Пантелеевича на фронт не отправили, считая, что сейчас от него гораздо больше будет пользы именно здесь, к тому же опять начали пошаливать разбойники.

Афанасий Пантелеевич в тот же год был призван в армию, отбывать вторую очередь казачьей воинской повинности.

А в 1915 году раненный и контуженный младший брат, вместе с семьёй прибыл, наконец – то на Урал.

Ермолай Пантелеевич встречал брата в Оренбурге. Из вагона вышел высокий, широкоплечий сотник, рядом стройная женщина, держащая

ребёнка на руках, и два казака, сопровождающие раненого брата. Не узнать Афанасия, было невозможно, перед Ермолаем стоял казак, как две капли похожий на его отца в молодости. Братья крепко обнялись.

Приписали Афанасия Пантелеевича в тот же Оренбургский девятый полк, большая часть, которого была отправлена на войну в Европу. Семейство брата Ермолай, естественно поселил в своём особняке, в этих хоромах места хватило всем. Елена Владимировна и Наталья Фёдоровна быстро подружились и воспитанием детей занялись совместно. Братство было не делимо.

Так, что Александр Афанасьевич с трёхлетнего возраста воспитывался вместе с двоюродными братьями, и после, когда их семьи разъехались, не было у Александра друзей и родственников дороже их. А судьба и здесь, даже на том свете, не пощадила дядю Ермолая. Александр, хоть израненный и контуженый, но вернулся домой. А вот три богатыря дяди полегли на поле брани, на Курской дуге. Но это будет потом, а сейчас...

Ермолай Пантелеевич обратился к наказному атаману Войска Уральского с просьбой о выделении охраны рудников, так как банды начинали пошаливать всё чаще. Получив разрешение, назначил сотником своего брата и разрешил ему производить набор охранной полусотни. Два казака прибывшие вместе с Афанасием, первыми вошли в эту полусотню.

Всё было хорошо отлажено, русские воска в Европе начали развивать успех на всех фронтах, и, вдруг всё рухнуло, в феврале 1917 года рванула революция – буржуазно – демократическая, а затем октябрьская. К власти пришли большевики. Для владельцев рудников начался процесс «раскулачивания» а для казаков «расказачивания». Братья Барышевы подпадали под оба процесса.

В январе 1918 года, покинув конфискованные рудники в Екатеринбургском уезде, братья с семьями возвратились на квартиры в

Оренбург. В конце января Ермолай Пантелеевич был отозван Войсковым атаманом в штаб Оренбургского казачьего Войска. Посетив казармы, встретил старого приятеля с хутора Красный Яр, Петра Куделю. От него – то и узнал о том, что творят большевики на Дону. Смерть отца и матери острым ножом резанула по сердцу есаула:

«Как же так, все они дед, отец, брат, он сам практически всю свою жизнь проливали кровь за отечество, охраняя его от внешних и внутренних врагов. Он сам, принимая участие в усмирении восставших 1905 году, старался как можно меньше нанести ущерба демонстрантам. И вот теперь благодарность за это. Видимо большевики поставили перед собой задачу – под корень вырубить, извести всё казачество.

Как сохранить род казачий? Как сохранить детей и жён своих?» – горькие мысли сводили с ума. В штабе атаман Дутов сообщил своё решение о том, что отказывается подчиниться воли большевиков. И все присутствующие офицеры поддержали его решение. Определили направления встречных ударов. Ему войсковому старшине Барышеву приказано выступить с дивизионом казаков на городок Илецк, а затем, соединившись там с другим дивизионом, двигаться на Уральск.

Вот тогда – то и родилась мысль, отправить всех оставшихся родных в Сибирь. Тогда – то и вспомнил он о своём старом друге Миронове и о его клятве. И тогда пришла мысль – поменять фамилию, чтобы обезопасить семьи свои. И он принял решение взять фамилию, убитого вместе с отцом, крёстного своего – Платонова Петра Степановича.

«Знаю, воспротивится брат мой, моему решению, тоже захочет отомстить за отца и мать, но тогда семьи наши пропадут и не останется на земле рода казачьего. Я за всех рассчитаюсь!» - ярость захлестнула сердце Ермолая.

Брата удалось уговорить. Письмо Миронову, Ермолай отправил с проводником поезда, за две недели до отъезда. Прощались с горьким предчувствием, все взрослые понимали то, что видят Ермолая Пантелеевича в последний раз.

Боевые действия между большевиками и уральскими казаками начались 13 марта 1918 года. В Илецкий городок прибыл из Оренбурга большой красноармейский отряд. По распоряжению командира полка были арестованы старые казаки и приговорены к расстрелу. В городе начались повальные грабежи населения и насилия. Однако ночью казаки, получив подкрепление из соседних станиц, полностью уничтожили этот полк / 580 солдат/.

К концу апреля 1918 года к Уральску двинулись большие отряды красных. Станичные дружины, сгруппировавшись, нанесли сокрушительный удар по красноармейским отрядам, захватив большие трофеи.

До августа 1918 года большевики не предпринимали попыток взять Уральскую область. Однако, собравшись с силами, они вновь пошли на Уральск. Завязались ожесточённые бои на подступах к городу. В этих боях казаками была разбита дивизия Чапаева, и захвачены большие трофеи. Большевики опять отступили.

В декабре 1918 года большевики, собравшись с силами, опять навалились на Уральское казачье войско. Казакам не хватало сил, оружия и боеприпасов, и они обратились за помощью к адмиралу Колчаку. Для встречи направленного Колчаком обоза, выступила целая дивизия. Воспользовавшись этим, большевики 24 января 1919 года взяли Уральск. Скоро весь север оказался в руках красных. Потеря Уральска надломила казаков. К марту 1919 года красные захватили больше половины Уральской области, включая станицу Сламихиновскую, главную базу казаков. Казаки

начали отступать на юг. Вместе с казаками уходили их семьи. На юге не было запасов продовольствия, и отступающим грозила голодная смерть.

В марте 1919 года войсковой круг передал власть избранному атаману, полковнику Толстому. Некоторые казаки пытались самостоятельно затеять переговоры с большевиками в станице Маргеновской. Приехавший туда, полковник Толстой приказал расстрелять и казаков и красных, участвовавших в переговорах. К концу марта 1919 года Толстым была создана семнадцатитысячная армия. И результаты не замедлили сказаться. Казаки разбили наголову четвертую армию красных, освободили ранее потерянные территории и, даже, заняли часть территорий Самарской и Саратовской губерний. Было взято в плен более десяти тысяч красноармейцев. Сильное поражение было нанесено в районе Либищенска опять дивизии Чапаева, которая затем была отправлена на переформирование. Однако Уральск остался в руках красных.

В июле 1919 года красные перебросили против Уральской армии дивизии, освободившиеся после разгрома Колчака, который пытался, через Сибирь, сбежать в Китай или на Дальний Восток. С ним ушла небольшая часть казаков, тех, что воевали в его дивизиях. Остальные Уральцы были вынуждены отступать на юг.

В начале сентября четыре конных полка внезапно атаковали Любищенск, в этом бою погиб легендарный красный комдив Чапаев. Было захвачено большое количество амуниции и вооружения. Однако общая тенденция была к отступлению. Постепенно Уральская армия лишалась своей боеспособности. Красное командование предложило, зажатой в Гурьевске, армии сдаться. Однако Уральцы выбрали путь в бессмертие, и ушли в, практически гибельный, поход по пескам к форту Александровскому. Туда живыми дошли лишь треть армии, остальные погибли.

И даже из оставшихся в живых, всех вывести не удалось, лишь небольшая часть армии была эвакуирована кораблями Деникина на Кавказское побережье Каспийского моря. Остальные были вынуждены сдаться в плен.

Однако выступить к городку Илецк с дивизионом, Ермолаю Пантелеевичу не удалось. Неожиданно красные захватили Оренбургский уезд и разбили отряды атамана Оренбургского казачества А. И. Дутова, заставив его отступить в Тургайские степи.

Барышеву удалось всё – таки сохранить полусотню казаков и выдвинутся в указанном ранее направлении, в сторону городка Илецк. Но в связи с тем, что, этот городок, днём раньше, был захвачен красноармейским отрядом, в пятьсот восемьдесят сабель, под командованием комиссара Худакова, Ермолай остановился в станице Благодарновской, в нескольких верстах от Илецка.

Через день в станицу прискакал из городка казак, отыскав есаула, сообщил неприятную новость:

- Господин есаул, - новое звание, войсковой старшина, Ермолай так и не принял, оставаясь есаулом,- в городе творятся погромы. Вчера красные собрали на площади всех казаков и объявили, что законы Казачьего Круга теперь не действуют, и что в городе устанавливается власть Советов. В связи с этим всё имущество казаков будет поделено между другими жителями. Старых казаков арестовали, и заперли в подвале дома купца Стрельникова, купца же, вместе с семьёй, выгнали на улицу, а в его доме сделали свой штаб. Старых казаков решили перестрелять, как саботажников, отвергающих новую власть.

А сегодня приступили к исполнению своих угроз, грабят дома казаков, выгребают запасы хлеба, объявили, что мы должны выплатить контрибуцию.

Офицеров, вернувшихся с войны, расстреляли у церковной ограды. Попа посадили в подвал, объявив всем то, что он, будто бы, держал на колокольне пулемёт. Комиссар Худаков отправил в Оренбург обоз с награбленным добром. Если вы не поможете, красные перебьют всех казаков.

Выслушав посланника, Ермолай направил казаков своей полусотни по соседним станицам и хуторам, объявлять сбор всех, кто может держать в руках оружие.

Казаки близь лежащих селений не были готовы воевать против большевиков. Да, они не признавали новой власти, но никакого вреда, пока, ей не причиняли, им хотелось лишь сохранить ранее принятые порядки Казачьего Круга и землю, закреплённую за ними.

Но в дело вмешалась ненависть! Что такое ненависть? Это отвращение, омерзение, злонамеренность, вражда ...

Все эти чувства, к казакам, испытывал комиссар Худаков. Никто, из выше стоящих командиров, не уполномочивал его заниматься грабежами и убийствами мирного населения. Но он в революцию вступил из тех ещё, дореволюционных бомбистов, которые бегая по улицам Петербурга, забрасывали самодельными бомбами, не угодных им людей. И несколько раз попадал под казачью нагайку, и видимо не простую, а жёсткую. Неприятие требований, выдвинутых им, к захваченным врасплох казакам, вызвало в нём ненависть, повергшую городок в разграбление и истребление.

Тем временем оповещённые вестовыми казаки начали собираться в станице Благодарновской. Отряды пришли из станиц Студёновской, Иртецкой. Из посёлков Горловского, Александровского, Яманского, Вязановского, Канделинского, Березинского, Герасимовского. Отряды были небольшие, но, в конечном итоге, набралось, вместе с полусотней Ермолая, около трёх эскадронов.

Посланника из городка, Илью Крайнова, отправили назад в Илецк, с тем, чтобы казаки приготовились оказать помощь наступающим, в нужный момент, изнутри.

- Как только будете готовы, - наказал Ермолай, - зазвоните в церковный колокол. И постарайтесь уничтожить, с тыла, пулемёты красных.

Однако дождаться колокольного звона отряду так и не удалось, комиссар Худаков приказал красноармейцам, население из домов на улице не выпускать

Тогда Ермолай Пантелеевич вспомнил Дальний Восток, тот случай, когда китайские повстанцы хотели уничтожить посты русских, у города Благовещенска, выдвинувшись к этим постам, к раннему утру, предполагая, что в это время у солдат самый крепкий сон.

- Ну, что же господа - казаки, давайте на рассвете, разделим отряд на пять полусотен, обойдём городок и атакуем со всех сторон.

Действительно эффект неожиданности дал положительный результат, в город удалось ворваться без тяжёлых потерь, но уличные бои для конных казаков не выгодны, противник стреляет из различных укрытий. Однако, как только началась атака, из домов, на помощь, кинулись казаки, видимо они ждали и были готовы. В бой вступали не только мужчины, но и отчаянные женщины - казачки. Основная масса врагов, бросая оружие, начала разбегаться.

На этом можно, было бы, и прекратить сражение. Но случилось то, что случилось. Ермолай Пантелеевич в пылу борьбы подскакал к церковной ограде, хотел, развернувшись объехать её, но вдруг взгляд его упёрся в кучу тел, бесформенно сложившуюся у церковной стены.

«Расстрелянные, старые казаки!» - догадался он.

Сверху, вниз лицом, лежал, ссутулившись, пожилой человек, опущенные плечи его, напоминали крылья подбитой птицы, пробившаяся седина опоясала его неподвижную голову.

Сердце Ермолая остановилось, затем ринулось к горлу:

- Отец! – взревел он, перекрывая все шумы городской битвы. Таким Пантелей Григорьевич запомнился ему перед последним свиданием, в тот день, когда он навсегда выехал из родного дома. И хотя, спустя минуту, есаул понимал, что это другой человек, но уже ясно себе представил, что там далеко на Дону, вот так же лежал, после расстрела, он, его любимый отец, Пантелей Григорьевич.

Что такое Ярость? Ярость – сильный гнев, зверство, неистовство, лютость. А, что такое ярость помноженное на ненависть? Это неудержимый монстр, порождающий ужас. Вот таким вдруг стал Барышев, теперь Платонов Ермолай Пантелеевич. Размахивая шашкой, он летел по улицам, истребляя попадавших в его поле зрения красноармейцев. Несмотря на то, бежали ли они на него или от него, угрожали ему или поднимали руки. Он нёсся и рубил, не одна пуля, не одна шашка и пика не коснулась его тела в это время. Это был дьявол, с искаженным, безумным лицом. Никто не посмел его остановить, ни враги, ни свои. Остановился он лишь тогда, когда на улицах перестали попадаться ему красноармейцы.

- Ты кто такой? – спросил его Илецкий атаман, после того, как закончился бой. Атамана не успели расстрелять, и он был освобождён из подвала дома купца Стрельникова.

- Есаул Платонов, господин атаман! – представился Ермолай.

- Ты, что такой кровожадный, есаул? Прямо лютый какой – то.

- Стариков расстрелянных увидел, отца вспомнил.

- Что с Дона сюда попал?

- Да.

- Ну, тогда всё понятно. Отца, видимо, расстреляли.

- И не только отца...

- Понятно. Но ты, есаул, ярость – то свою поумерь немного. В бою ясный ум нужен.

- Я долго воевал, господин атаман, расчётливым был, но за родителей своих до смерти мстить буду.

- Ишь, ты какой, не эти солдаты твоих родителей убивали.

- Да, не эти, но кланяются они одному богу. Чтобы с тобой было атаман, если бы я казаков во время не привёл. Лежал бы сейчас у церковной ограды вместе со всеми.

- Это ты верно сказал. Спасибо спас ты нас от расправы. Ладно, воюй бог тебе судья.

Вот с этого момента за есаулом Платоновым Ермолаем Пантелеевичем и закрепилась кличка «Лютый», с подачи Илецкого атамана.

О беспощадной ярости есаула Платонова, весть среди казаков и красноармейцев разлетелась быстро.

Постепенно фамилия из сознания тех и других, как бы стёрлась, и осталось одно словосочетание – есаул Ермолай «Лютый», более полутора лет наводившее ужас на врагов.

Разгромив отряд красноармейцев, Есаул Платонов повёл дивизион в столицу уезда город Уральск, где сосредоточились основные силы казачьего воинства. К концу апреля красногвардейцы попытались занять город, но были разбиты наголову. Казаки отбили большое количество продовольствия и оружия. Однако 24 января 1919 года, собрав силы и хорошо вооружившись, большевики всё же город Уральск захватили. Казаки начали отступление. В марте сопротивление возглавил полковник Толстой, собравший семнадцатитысячную армию, он добился временного определённого успеха.

Всё это время Ермолай «Лютый» принимал самое активное участие в боевых действиях. Порядок подразделений уже не соблюдался. Вместо эскадронов и дивизионов, формировались отряды разные по количеству, начиная от двухсот человек и большее. Отряд Ермолая Пантелеевича состоял в основном из башкир, в бой они вступали яростно, лавиной, устоять против такого напора было почти не возможно.

К концу 1919 года напор сопротивления казаков, красной армии, начал выдыхаться. Пополнение, в ряды казачьего сопротивления, прекратилось совсем. Казаки, демобилизованные с фронтов первой Мировой войны, навоевавшись, больше воевать не хотели. Кроме того, там, на фронте, сидя в окопах вместе с крестьянами, они подружились. А наслушавшись агитации большевиков – за мир и братство, они не хотели убивать красноармейцев. К этому времени большевицкая власть укрепилась, и многим их идеи пришлись по душе.

Что могли противопоставить новой власти казаки? Ничего! Власть они потеряли, военное превосходство растаяло, не было ни сил, ни оружия, ни боеприпасов, а так же катастрофически не хватало продовольствия. Если вначале сопротивления, население, представляющее собой, в основном, казаков и сочувствующих им, охотно делилось с ними продовольствием, поставляло в армию сопротивления лошадей, то сейчас всё это приходилось добывать силой. Армия казачьего сопротивления, в данном случае, превратилась в банду, грабящую население. А, в принципе, и грабить уже было нечего. Всё выгребли: и Колчак, и красные, и бело – чехи, и казаки.

Казакам ничего не оставалось, кроме того, что сдаться в плен красноармейцам, что те и предложили, но гордые казаки решили погибнуть, а в плен не сдаваться. И начали отступление через пески к форту

Александровскому на Каспийском море. Без продовольствия и с минимальными запасами воды. Отступление закончилось трагически.

Однако отряд Ермолая Пантелеевича в общую массу отступающих вливаться не стал. Как только казачье войско повернуло на юг, к нему пришёл хорунжий его отряда Елкас Тэнешев:

-Всё бачка, рехмет тебе за всё. Исен булып тор! /прощай/.Ейгэ лэ.
/домой пора/.

- Прощай Елкас, и вам рехмет батыр егет/ спасибо добры молодцы/
Хэйерле юл! /доброго пути/

Ему самому, со страшной силой, захотелось повидать родных.

«Как там Елена, дети, брат мой? Живы ли они? Если живы, то, как живут? Нет, не потащусь я на это море. Приложу все силы, доберусь до Сибири, через Казахстан на Алтай, а там и совсем близко. На месте определюсь, как добраться до Жарковки»

В полку были казаки из Сибири, переговорив с некоторыми из них, Ермолай набрал человек тридцать сподвижников, и никому ничего не сказав, ночью увел их в сторону Алтайских гор.

Весь год скитались они по казахским степям, верхами на конях, иногда сплавлялись по рекам, изготовив большие плоты. Еду, одежду приходилось добывать по всякому, иногда её давали добровольно, иногда приходилось отнимать. Воровали скот, воровали лошадей. Иногда их настигали мелкие отряды красноармейцев, приходилось отстреливаться, патроны постепенно заканчивались. До Алтая добрались двенадцать казаков, вместе с Ермолаем.

Начинались холода, пришлось запасных лошадей поменять у местных крестьян на тёплую одежду, полушубки и пимы.

У озера Кулундинское, решили передохнуть, расположились недалеко от поселения староверов, в заброшенном охотничьем доме. Староверы к себе в скит не пустили.

Неожиданно к скиту вышел продотряд, распотрошили староверов, изъяли у них зерно, мясо. Казаки продотряд перехватили, красноармейцев высекли и отпустили. Хотели продовольствие вернуть староверам, но те ничего не взяли, вышел староста и объявил:

- Опоганенные продукты назад брать не будем, можете забирать себе. Зря вы отпустили красноармейцев, сейчас за вашей бандой устроят погоню. Уходите скорей, а то и нас перебьют.

И действительно вскоре их настойчиво начали преследовать, с большим трудом им приходилось уходить. Эта настойчивость натолкнула Ермолая Пантелеевича на мысль, что преследование то, ведётся так упорно неспроста, видимо именно его в этих краях давно ждали, его дурная слава дошла и сюда.

«Что за судьба выпала на мою долю, - с горечью в душе, думал Ермолай, - пожил я нормально девять лет, из своей сознательной взрослой жизни, а остальные годы всё приходилось скрывать, да воевать. Хотел взять в жёны невесту – красавицу, не получилось, чуть жизни не лишился за это. Нашёл другую женщину по душе, получилось как – то подло, вроде украсть хотел. Видимо от отчаяния ввязался граф в ту битву и погиб. Народили детей с ней, вроде жизнь наладилась, так нет, власть вдруг сменилась.

Всю жизнь мы, казаки, Родину защищали, весь жизненный уклад наш направлен на то, чтобы с малых лет быть готовыми к этому. Преданно служили царю и Отечеству, порядок блюли в стране. Разве новой власти не нужен порядок и подготовленные воины. Неужели они думают, что им не придётся защищать Отечество от внешнего врага. Нет, на Россию – матушку всегда со всех сторон вороги лезли. Богатства наши жить спокойно им не дают. Но видимо новой власти мы, как кость, поперёк горла стали.

Одному богу известно, почему так получилось.

Как там мои родные, наверное, уже похоронили меня, если сами живы. Зачем я иду к ним, слава дурная о моих подвигах видимо далеко разлетелась. Где бы я ни появился, прощения нет мне. Принесу я беду на их головы. Ладно, узнаю, как они живут, показываться не буду, если всё хорошо, пойду в ЧК и сдамся. Знаю, расстрел меня ждёт! Ну, да, к тому всё и шло »

Перед Новониколаевским, Ермолай Пантелеевич распрощался с товарищами, и подался к железной дороге. Лошадей они, три дня тому назад, продали.

Глава седьмая.

Без вины виноватые.

Переселенцы.

*...В худых заплатанных бушлатах,
В сугробах, на краю страны –
Здесь было мало виноватых,
Здесь больше было – без вины...*

А. Жигулин. «Вина»

Все похождения дяди Ермолая, Александр Афанасьевич знал, в основном из рассказов его жены Елены Владимировны. На станции Жарковской, хотя они и жили в разных квартирах, но с ней и её детьми были одной семьёй. Афанасий Пантелеевич, Наталья Фёдоровна, а так же и Елена Владимировна, никогда ребятишек не делили. Всё, что было на столе и что на себе, было общее. Младшие дети, из – за малого достатка, донашивали одежонку за старшими. Верховодил в их компании, конечно, старший Иван. В посёлке из сверстников, их никто не задирали, все знали, что эти ребята дружные и постоять за себя умеют. Кроме того они первыми никогда в скандалы и драки не ввязывались. С ранних лет умели трудиться.

Акима Федотовича считали за близкого родственника, за родного дядю, и всегда старались ему помогать в делах, были его «левой рукой», которую он потерял в Китае.

Переселение в село Орловку Александр Афанасьевич, тогда просто Сашка, помнил хорошо, ему шел девятый год. Почему произошло это переселение, ребятишки не знали, да и взрослые не догадывались. Напуганные за годы гражданской войны частой сменой власти, распоряжение новой, они приняли, как должное. Приказали, значить так нужно. Наглядный пример неисполнения воли чекистов был рядом, те, кто упорствовал, сопротивлялся, оказывался за колючей проволокой, вновь образовавшегося лагеря. А особо яростные противники новой власти, были вскоре выявлены, и вместе с пленными офицерами, расстреляны, за болотом в овраге.

Сейчас, сидя на берегу Чиндата, он вспоминал те времена, когда впервые попал в это село. Чужие дома, срубленные из толстенных брёвен, сделанные на века, встретили их неприветливо, глухим траурным молчанием, словно скорбели по своим ушедшим хозяевам. Привыкшие к тому, что их домишки, на станции, постоянно, и днём и ночью, сотрясались от стука колёс, проходящих мимо поездов, привыкшие к громким паровозным гудкам и свисту выпускаемых паров, в этой тишине, новым хозяевам, сначала, было неуютно, а ребятишкам страшно.

Но были и хорошие стороны в этом переселении. Рядом в широком овраге раскинул свои тёмные вода пруд, отделяющий их хутор от основного поселения села Орловки. У берега напротив домов стояли, вытащенные на берег, брошенные староверами, лодки. Как выяснилось позже, в пруд из речки, с которой он соединялся, заходили щуки и налимы. Радостным, для ребят было и то, что хутор с одной стороны окружали просторные поля засеянные рожью, а с другой начиналась и уходила в нескончаемую даль

тайга. Что они видели на станции? Мелькающие постоянно перед глазами вагоны, да едкий дым из паровозных труб. А здесь простор и для тела и для души.

Уходя, впопыхах, староверы побросали мелкую животину, домашнюю птицу, поросят, которую местные жители не успели растащить, скорее не смогли, так как председатель сельского Совета Занин, после исчезновения хозяев, поставил в хутор охрану. Осталась в поле и не убранная рожь. Но самое удивительное, углубившись по тропинке в лес, с километр, ребята обнаружили большую пасеку и при ней, такой же массивный дом, как на хуторе.

Им достались три дома в центре хутора, так распорядился председатель сельсовета Михаил Игнатьевич. Дом Акима Федотовича посредине, слева дом Афанасия Пантелеевича, справа Елены Владимировны. Внутренние заборы, разделяющие усадьбы, были убраны, получился обширный общий двор.

- Вот, что граждане переселенцы, - распорядился председатель, - соберите всю живность в одном дворе, жить здесь вы будете не одни, скоро вам подселю соседей. Миронов, раз секретарь округа тебя назначил старостой, отвечаешь за всё ты. Живность поделишь на все двенадцать дворов поровну. Рожь неубранную уберёте все вместе, серпы я вам выделю, да они видимо и здесь есть, посмотрите под застрехами. Раз вы казаки, молотит, пахать и сеять умеете. Овины для просушки снопов есть, цепа для обмолота сами сделаете, не велика задача. Постараемся подобрать вам в соседи крестьян, тех, что работать умеют. Пасека тоже остаётся за вами. С голоду не помрёт, хлебом я вас обеспечить не могу, ну а картошка вон в огороде не выкопанная стоит. Овощи тоже, староверы не все обобрали, на первое время хватит, а там обмолотите рожь – будет и хлеб.

Только вы не подумайте, что все эти богатства мы вам задаром отдаём, разворачивайтесь, постепенно приумножайте скот, птицу. Пашню увеличивайте, корчуйте лес. Продразвёрстку будете выполнять сполна; и зерновую, и мясную, и молочную, и яичную, и медовую. В общем семьдесят процентов продуктов будете продавать, по государственным ценам, государству, остальное ваше.

- А где же мы молока возьмём? Коров – то у нас нет.

- А вот это дело не моё. Складывайтесь, покупайте коров, телят. У местных в долг берите, потом отработаете у них на покосах, на уборке картофеля. На мёд можете обменивать, либо продать, тот, что от продразвёрстки останется. За изъятую продукцию деньги получите, не велики, но вам хватит. Охотится я вам, пока, не разрешаю, оружие держать при себе вам не дозволено, кто знает, что у вас на уме, казаки люди не надёжные. Лошадей я вам обещал, выделю, из тех на которых раньше на станцию дрова возили, они вам известны. Вот завтра и поедем в посёлок, подберёте себе трёх коней, на три двора.

- Гражданин председатель, а можно вам задать вопрос? – долго не решался и, наконец, осмелился спросить Миронов.

- Валяй, - кивнул головой Занин.

- Во первых - нам не понятно, за что нас выперли с железной дороги, и, уж совсем странно, оказали такую честь: вот тебе дом, вот хозяйство – живи, но бес хлеба. Что так?

- Ладно, отвечаю по порядку: железная дорога, стратегический объект, необходимый нашей молодой стране, для её развития. И теперь это военный объект, который будет охраняться солдатами. Они будут охранять мосты, станции, сопровождать грузовые составы. Так, что казачки, вам там места нет. А сюда вас определили для общей пользы, не пропадать же добру. Сибири нужны работающие люди. А то, что я вам хлеба не обещал, так это для

вашей же пользы, чтобы он появился - работать лучше надо, вот уже на этой неделе к жатве можно приступать. А, уж, если совсем приспичило, пойдите в деревню, попросите займы, за одно и с людьми познакомитесь. Всё понятно.

- Да.

- Ну, тогда к делу. А называть меня не обязательно «гражданин», здесь не лагерь и не тюрьма, звать меня Михаил Игнатьевич, - Занин был человек не злой, покладистый, но время было такое.

А в посёлке Жарковском укреплялась новая власть. В лагере появился свой начальствующий состав. Начальником лагеря был назначен Левашов Александр Ефимович, бывший полковник царской армии, принимавший участие в боевых действиях в Европе, в Первую Мировую войну, там же, одним из первых, перешедший на сторону большевиков.

Получив наставление от председателя окружной Чрезвычайной Комиссии, о том, что лишние рты в лагерях кормить не на что и не чем, он сразу же приступил к расформированию заключённых

В лагере среди пленных белогвардейцев произвели тщательный отбор. Были выявлены офицеры и особо неблагонадёжные белогвардейцы. Рано утром, в один из осенних пасмурных дней, из лагерных ворот под усиленной охраной солдат, вывели две колонны заключённых. Первая состояла из угрюмых, оборванных белогвардейцев, держащих руки, сложенные в замок, за спиной. Заключённые второй, одетые в те шинели, в которых они попали в плен, несли на плечах штыковые лопаты. Путь их был не долог. Обогнув колючую проволоку лагерного забора, они двинулись к болоту, раскинувшемуся до пригорка, возвышающегося в двух километрах от лагеря. Обойдя болото и поднявшись на пригорок, первая колонна, замерла на краю глубокого оврага.

- Ну, вот и всё! – выдохнули они.

И это действительно, для них, было всё. Солдаты конвоя, сопровождая заключённых, обычно были вооружены винтовками, сегодня же, кроме того, четверо красноармейцев несли два разобранных пулемёта. Белогвардейцы первой колонны поняли всё, и без лишних понуканий и окриков, выстроились на краю оврага. Солдаты не спеша соединили стволы пулемётов со станинами, и заправили ленту с патронами.

- Огонь! – прозвучала короткая команда.

Засверкали вспышками стволы пулемётов, первая колонна, постепенно редая, перевалилась в овраг.

- Приступай! – прозвучала короткая команда.

Заключённые второй колонны засуетились, и опасливо оглядываясь на солдат, начали нервно закидывать землёй своих недавних однополчан.

Через два дня, остальные пленные были распущены по домам. Лагерь начал заполняться настоящими сидельцами: ворами, душегубами, разбойниками и прочей дрянью. Но один корпус у лагерного начальства был на особом счету – в нём находились политические заключённые, эсеры, меньшевики и казаки, возвращающиеся домой после восстания, к которым мера степени их наказания пока ещё определена не была.

В кабинете начальника лагеря дым стоял коромыслом, блюстители порядка собрались, чтобы обговорить последние приготовления к поимке злейшего врага Советской власти Ермолая «Лютото», по фамилии толи Платонов, толи Барышев, теперь уже почти все склонялись к тому, что это был Барышев Ермолай Пантелеевич.

- Змей подколодный, сволочь, - озлобленно выкрикивал чекист Шевцов, - если бы не его расправа над красноармейцами в Соль – Илецке, всё бы сложилось по другому. Не было бы такого дикого сопротивления со

стороны казаков и такого ожесточения в этой схватке. Он всем пример показал. Возможно, всё бы закончилось взятием города Уральска и сдачей казаков в плен.

- Ну ты не совсем прав Андрей Ильич, - возразил, более уравновешенный, чекист Воронов, - во первых - казаки в плен ни за чтобы не сдались, им же предлагали в конце девятнадцатого года, так они предпочли лучше погибнуть в южных песках, либо в Сибирских снегах, чем сдать. Во вторых надо учесть и незаконную выходку комиссара Худакова, зачем он начал расстрел и грабежи мирного населения, его на эти действия никто не уполномочивал, ведь казаки городка и окрестных станиц соблюдали нейтралитет. Я конечно действия этого Ермолая не оправдываю, не зачем было так свирепствовать, но и ненависть Худакова мне чужда.

- Вот, вот, правильно, что не оправдываешь, - снова взвился Шевцов, - а то я уж подумал обратное. Как бы там ни было, поймал этого гада, я сам лично у него со спины ремни вырезать буду.

- Ну, ты уж совсем Шевцов, остынь, не пори горячку, - попытался урезонить его Воронов, - сначала нужно дело довести до конца, а там видно будет. Этого есаула будем судить показательным судом, естественно, приговорим к высшей мере наказания, но так, чтобы многие видели и зарубили себе на носу, что новая власть никому не позволит обойти революционные законы.

«Сцепились, - думал, в это время, начальник лагеря Левашов. Он, бывший полковник царской армии, дворянин, презирал и чекистов, а так же и казаков, но инстинкт самосохранения вовремя подсказал ему, куда нужно притулиться, - рано выдохлись казачишки, надо было перерезать этих краснопузых, и хлопот никаких бы не было. А казаки, они что, хотя и гордые, но всю жизнь были царскими войсковыми холопами, кормились с его руки»

- Давайте приступим к делу, наконец, - вслух произнёс он.

- Да пора, - согласился Воронов, - что мы имеем на сегодня? Ты, Александр Ефимович, прежде, чем распустить пленных, должен был подобрать переселенцев на Орловский хутор.

- Да, конечно подобрал, несколько человек оказались из одной станции из Томской губернии, сибиряки. Я их включил в похоронную группу расстрелянных, так они после этого, все с радостью согласились перевести свои семьи в Орловку, выбор получился удачный, все из казаков, работу на земле знают хорошо.

- Я их всех отправил под конвоем на их родину, - перенял инициативу Шевцов, - мало ли, что, вдруг по дороге раздумают, так вот, солдаты их поторопят. Все они имеют лошадей и крестьянский инвентарь, дал им срок две недели. На хуторе побывал, там эти «железнодорожники» крепко взялись за дело, порядок навели во дворах. Я бы их, сволочей, всех вместе с этим Ермошкой к стенке поставил. Чёрт с ними пусть пока живут, а там видно будет.

«Да, - думал Левашов про Шевцова, - вот гнида, кто его до власти допустил, таких ещё несколько человек в чекисты, и они всех в округе перестреляют, сначала виноватых, а затем и не виновных положат»

- Тут вот ещё, что, – вспомнил он, - вчера по этапу привели новую группу арестантов. Так вот, один из них, казак Краснов Федор Кондратьевич, из банды этого есаула, вместе с ним пробивался в Сибирь с Урала. Его недалеко от Новониколаевска взяли. Сознался, что год скитался вместе с Ермолаем, а расстались недавно. Будто бы пробивается есаул в наши края, говорил, что брата ищет.

- Всё правильно, - подхватил Шевцов, - верно, мы просчитали, значить Афанасий Барышев его брат. А кто же тогда госпожа Чеплицкая? Надо будет выяснить это обязательно. Я всё – таки думаю, что она жена Ермошки.

«Афанасий Барышев!? – лихорадочно заработал мозг Левашова, - неужели это тот сотник? Как он то, здесь оказался? Он же с Донского уезда. Действительно, говорят – земля круглая. Я перед ним, как бы должник, если это действительно он. В сентябре четырнадцатого года, в Галицинской битве, он мне и солдатам моего полка, жизни спас. А здесь, оказывается, враг этой власти, а значить теперь и мне»

- А что ж этот Федор Кондратьевич такой болтун оказался? – прервал его мысли Воронов.

- Ну, мы его прижали, как следует, - пояснил бывший полковник, - след за ним тянется из бывшей Ермолаевой шайки. Я его к душегубам посадил, а они за папиросы, постарались развязать язык «путешественнику»

- В общем, ждать осталось не долго, - подвёл итог совещанию Воронов, - наш долгожданный гость, вот – вот, должен появиться в наших краях. Да, Александр Ефимович, а вы подобрали, среди переселенцев, человека, который будет с нами сотрудничать, сообщать все новости с хутора, и в нужный момент доложит о появлении этого есаула?

- Да, подобрал, вот этот – то Краснов Федор Кондратьевич и согласился исполнять обязанности соглядатая. Кто, как не он, хорошо знает все повадки есаула. У него семья тоже в Томском уезде проживает.

- Ну, это ты зря так сделал, - сразу же возразил Шевцов, - согласиться - то он, согласился, пока ты его бандитами запугал, а выйдет и забудет всё, кто ему дороже мы, враги его, или командир, с которым он последним куском делился больше полутора годов.

- Ничего, будет сотрудничать с нами, как миленький Я ему объяснил, что уже за одно то, что он член банды, его сегодня должны были расстрелять. А кроме того, у него большая семья, и в случае невыполнения наших требований, вся она пойдёт на корм червям. – Как, оказалось, полковник лицемерил, когда возмущался кровожадностью Шевцова, в его

сознании тоже проснулся палач, некоторое время дремавший там. И видимо тот, кто назначал его начальником лагеря, прекрасно прочувствовал настоящую натуру Левашова.

«Да, подобралась компания, - подумал Воронов, имея, ввиду, и себя, - один другого чище. Что с нами дальше будет? Где честь, где совесть? Готовы детей в землю загнать. Лишь бы цели своей добиться. Довела нас до ручки война, жизнь человеческая гроша ломанного не стоит»

А на хуторе, в Орловке работа кипела полным ходом. Прибыли подводы с переселенцами из Томского уезда. Аким Федотович занимался расселением людей, делил между ними, оставшуюся от староверов, мелкую живность, правда, брали её не все, так как привезли с собой свою. А вскоре пригнали и крупный скот: коров, бычков, овец. Как оказалось, переселенцы объединились ещё в Томском уезде, и организовали общий гурт, который и был пригнан собственным ходом, через три недели. Так, что и молочную prodразвёрстку теперь есть с чего взимать. Все вновь прибывшие имели лошадей, какой казак без лошади, проживали они на одном казачьем хуторе, и между призывами к исполнению своих воинских обязанностей, занимались земледелием.

Пустым оставался дом, который находился рядом с усадьбой Афанасия Пантелеевича, так распорядился чекист Шевцов, частенько навещавший хутор. Но вскоре и его хозяева появились на хуторе.

- Краснов Фёдор Кондратьевич, - сразу же представился он Миронову.

- Откуда прибыл Фёдор Кондратьевич? – поинтересовался тот.

- Из Томской губернии.

- А, что же ты явился особняком? Остальные тоже из Томска.

- Да так получилось, - неохотно ответил Краснов и постарался разговор замять.

- Что – то тут не так, с этим Красновым, - придя к Барышеву, высказал свои сомнения, Афанасию Пантелеевичу, Миронов, - прибыл отдельно ото всех. Прибывшие казаки все из одной станицы, а его они не знают, значить он им чужой. Шевцов зачем – то поселил его рядом с тобой. Солдаты его не сопровождали, как всех.

Конечно, больше всего друзей насторожило вмешательство чекиста в обустройство Краснова, им с самого начала знакомства, не понравился этот Шевцов.

- Ненависть сквозит в его глазах, к нам, - заметил Барышев, - вот переселили нас в этот скит, вроде бы для нашей же пользы, но кажется мне, что будем жить мы, как в лагере – поднадзорно. Что этот Шевцов постоянно здесь ошивается, везде нос сует? Есть на селе председатель, вот он и пусть нам указания даёт, если мы что – то не так делаем.

Но вот, в конечном итоге, все переселенцы обустроились, перезнакомились, настало время заняться тем, для чего их сюда переселили. Первая половина сентября была на исходе, перезрелая рожь начинала осыпаться. «Колонисты», как теперь, они сами себя называли, приступили к выполнению полевых работ. Серпами председатель сельсовета Занин обеспечил всех, как и обещал. Кроме того раздобыл где – то лобогрейку, агрегат для скашивания ржи в рядки. Лошади были в каждом дворе, подвозкой снопов, их просушкой и обмолотом занимались мужики, снопы вязали женщины.

«Господи, как же душа истомилась по земле – матушке, а руки по настоящей работе», - думал Афанасий Пантелеевич, управляя лобогрейкой, эта работа была знакома ему с раннего детства.

И видимо думал так не он один, все эти люди волею судьбы, и конечно того места проживания, где захватила их война, стали белогвардейцами. Попав в плен и не надеясь на то, что им ещё, когда, ни будь, придётся

трудиться на земле, думая, что вот он, конец жизни, вдруг получили свободу и доступ к своему, хотя и тяжёлому, но любимому занятию.

Как они старались; со стороны казалось, что идёт соревнование, кто больше и быстрее накосит серпом ржи, навяжет снопов и нагрузит их на телегу. Мужики махали цепями так, что рядом страшно было стоять. Обмолоченное зерно бережно ссыпали в мешки, подбирая каждое зёрнышко, и отвозили в амбары, срубленные староведами, так же, как и избы, на века. Солому собирали в скирды, ржаная солома на корм скоту не годилась, она шла только на подстилку, но учитывая то, что сенокос давно закончился, а сена староведами накосить достаточно не успели, в лесу стояли несколько стогов, придётся учитывать и солому.

Однорукий Аким Федотович пытался вступать в каждое дело, но получалось нескладно. Видя, что его попытки только мешают рабочему процессу, он злился на свою беспомощность и, испытывая неловкость, не знал, куда себя деть. Он неплохо владел своей оставшейся рукой, к счастью правой, но в таком рабочем ритме, какой развили «колониисты», он только мешал. Спас его, как считал Миронова, от позора, председатель сельского Совета Занин, приехав на хутор в разгар полевых работ и заметив, как мучается Аким, он отозвав того в сторонку, и умирил его пыл:

-Что ты треплешься, как собачий хвост из стороны в сторону, проку от тебя в этих делах мало. Ты, что подходящего занятия для себя не нашёл?

- А где ж я его найду, все в поле, а мне со старухами да ребяташками дома сидеть?

- Тебя поставили старостой в хуторе, чтобы ты обо всём хозяйстве пёкся, со мной необходимые вопросы решал, с местным населением в контакт входил, а ты мечешься по полю, показной деятельностью занимаешься. Ты прикинул, сколько вам сена для скота надо на зиму?

- Прикинул, хватит только до марта месяца.

- А чего ж тогда не идёшь к местным крестьянам, они сено специально на продажу косят. Договаривайся, может в долг дадут, или под отработку, в следующем году сенокос начнётся, отправишь своих людей отрабатывать долг. Я на первых порах помогу тебе связаться с местным населением.

- Спасибо Михаил Игнатьевич, я как – то в серьёз свои обязанности старосты не принял.

- Это ты зря, имей в виду, случится какая беда на хуторе, ты первый пойдёшь обживать Жарковский лагерь. А потом, вы, почему пасеку бросили, за пчёлами уход, да уход нужен, осень приближается, староверы сбежали, мёд не откачали, качать его тоже надо с умом, пчёлам на зиму запас оставить необходимо, а к зиме в омшаник их надо занести. Вот самая хорошая для тебя Аким должность, возмёшь себе помощников, из ребят постарше, и валяй, действуй, за одно и за порядком на хуторе следить время найдется.

- Так я никогда пасекой не занимался.

- Ничего, научишься, я завтра тебе деда Беклемищева пришлю, он тебя всему научит.

Так Аким Федотович стал пасечником, а помощниками его все Барышевские ребятишки: Сашка, Ванька, Пётр и Никитка.

Ребятишки, в своих трудовых порывах, не отставали от взрослых. Особенно они любили ухаживать за лошадьми, видимо веками всосавшаяся с молоком матери любовь казаков к лошадям, возымело своё действие. Дети братьев Барышевых, подросшие на железной дороге и видевшие их только издалека, не отходили, от пригнанных из посёлка, лошадей: кормили, поили и чистили их. И восторг их был неописуем, когда Афанасий Пантелеевич разрешал им; сыну и племянникам проехать верхом.

Все ребятишки хутора быстро подружились, играли и выполняли возложенные на них обязанности гурьбой. А работы им выпадало не мало: они помогали в поле, на огородах копали, вместе со взрослыми, картошку,

водились с младшими ребяташками, а на долю старших ребят выпала ещё и пастьба скота, а так как для этого выделялись лошади, то на пастбище старались попасть многие. Деревенские же ребяташки, напуганные разными слухами о переселенцах, хуторских в свои компании не принимали, но и в драки с ними не ввязывались, однако обзывали всех «белогвардейцами».

Вот так и жили. Покончив с уборкой урожая, принялись расширять поля под зерновые, корчевали кустарники, спиливали деревья, а затем выжигали пни. Утепляли избы, ремонтировали хозяйственные постройки и заборы участков и околицы. Готовились к зиме, к крепким сибирским морозам и метелям. А судя по продуктовым запасам, оставшимся от выполнения обязательств по продразвёрстке, готовились и потуже затянуть пояса.

О Ермолае Пантелеевиче не было никаких слухов. Сосед Краснов несколько раз пытался разговорить Афанасия Пантелеевича, но тот отвечал неохотно, односложно, и он скоро отстал.

Как то так сложилось, что постепенно от Краснова отвернулись, не только Афанасий и Аким, но и все переселенцы. Сама по себе обстановка складывалась так, что обременённый, взятыми на себя обязательствами, Федор Кондратьевич, выполняя работу, находил себе занятие в стороне ото всех, разговаривая с людьми, старался не смотреть им в глаза. Ходил постоянно угрюмый, чем – то озабоченный. Не мог, он, боевой казак, прикидываться беззаботным и хитроумным секретным агентом. Его поведение вызывало подозрение у всех жителей хутора, складывалось такое мнение, что в их насильственным путём созданную стаю, затесался чужак неизвестной породы, с непонятными, обществу, намерениями. И уже когда его не пригласили на общее собрание, для обсуждения дальнейшей жизни «колонистов», терпение его кончилось и он, поздно вечером, в один из ноябрьских дней, постучал в окно соседа Барышева Афанасия Пантелеевича.

Александр Афанасьевич, несмотря на то, что ему было тогда девять лет, хорошо помнил тот вечер. В конце ноября в Сибири, на улице были уже приличные морозы, и он, набегавшись с братьями по льду пруда, лежа на русской печке, почти уже засыпал, как вдруг в окно кто – то забарабанил. Послышался стук открывающейся двери, и недовольный голос отца:

- Ты, Краснов, что по ночам шляешься? Зачем пришёл, дня тебе не хватило? – ворчал он.

- Афанасий Пантелеевич, не сердись, - в голосе гостя, пробивалась настойчивость, - выслушай меня, это важно не только для меня, но и для тебя. Нам надо поговорить одним, без свидетелей.

- Ладно, проходи, - настойчивость Краснова, отца заинтересовала, - тише только говори, парень спит, а от Натальи у меня секретов нет. Садись, рассказывай, зачем пришёл.

Сашка затаив дыхание, наострил уши, в надежде услышать «страшную» тайну, и он её услышал, да такую, что волосы, на его ребячьей голове, поднялись дыбом.

- Только давай говорить будем откровенно, иначе разговора не получится, - предложил Краснов, - скажи, Платонов Ермолай Пантелеевич твой брат? Говори правду, - настойчиво потребовал гость, - я знаю гораздо больше, чем ты думаешь.

- А ты его, откуда знаешь?

- Я с ним в одном полку полтора года воевал, на Урале. Да ещё год скитались по Казахстану и Алтаю, вместе, в одной банде, как теперь нас в ЧК называют, - и он долго и подробно рассказывал все похождения дяди Ермолая за эти два с половиной года.

- Да, покрутила судьба братца моего, - вздохнул отец, - а я тут на железной дороге прятался. А сейчас – то где он, если вы вместе шли, почему ты здесь, а его нет?

-Разошлись мы вблизи Новониколаевска, месяц назад, он нам рассказывал, что брат у него здесь, в этой местности, поэтому двинулся на Мариинск, а мы из Томского уезда, нам в другую сторону. Однако уйти мне далеко не удалось, изловили нас чекисты на третий день. Где он не знаю, но точно знаю, что пока поймать его не удалось.

-Это тебе, откуда известно?

- Мне много чего известно. У тебя нервы крепкие, с топором на меня не кинешься?

- Это, смотря, что ты наговоришь, но постараюсь выслушать, раз ты пришёл с такими разговорами, значить решил открыться правду. Говори.

- Ты знаешь, зачем вас с железной дороги выселили сюда? Зачем всех «колонистов» согнали в этот посёлок с Томского уезда? Зачем меня поселили рядом с тобой? Вам наговорили, что все мы добровольно согласились переселиться в этот скит. А зачем нам это нужно было, бросить насиженные места, свои земельные участки, родственников, и переться за две сотни километров, сюда, со всем скотом и скарбом.

- Мы конечно подозревали, что – то не совсем порядочное, но думали о том, что только нас насильно выслали из посёлка. А зачем весь этот маскарад?

- Вас отправили сюда, как приманку для поимки злейшего врага новой власти есаула Платонова, хотя теперь все чекисты уже знают, что он Барышев и то, что он родной твой брат. А все мы, действительно белогвардейцы, и нас, под страхом смерти, подселили к вам за тем, чтобы вы не догадались о действительной цели вашей высылки. Мол, всеобщее добровольное переселение.

- Ну, а ты Федор Кондратьевич, какую роль выполняешь в этом деле? – отец, пожалуй впервые, назвал соседа по имени отчеству. – Вот, глядя на тебя, мы подозревали, что нас неспроста сюда упекли.

- Вот, а теперь самое главное, да действительно, ваши подозрения не беспочвенны, я послан следить за вами и всё то, что тут покажется мне подозрительным, докладывать в ЧК. А главное, я немедленно должен донести чекистам о появлении Ермолая Пантелеевича, здесь. И если я это не сделаю, меня и мою семью пустят в расход. Вот, под страхом полного уничтожения моего рода, я и согласился на это подлое дело.

- Да, дела, - тяжело вздохнул отец, - что же нам теперь делать? Убить тебя, нас всех расстреляют. Ты Краснов, какой – то хреновый шпик, в кратчайший срок настроил весь хутор против себя. Так ведь, случайно, кто, ни будь, тукнет тебя по голове, и нам всем крышка, расстреляют.

- Я думаю, Афанасий Пантелеевич, о том, что нам и так всем жить осталось не долго. Появится у вас Ермолай Пантелеевич, если я не донесу, найдётся кто – то другой, и тогда всех загребут. Если даже он сам сдастся, думаю, вас и нас тоже в покое не оставят. Так, что, куда не кинь – везде клин. А, что касается моего поведения, меня шпиком быть не учили, учили воевать, знаешь, какая это тяжёлая ноша, своего боевого товарища продавать.

- Ну, что же, спасибо за откровенность Фёдор Кондратьевич, ты больше ни кому не открывайся, а отношение к переселенцам измени, а то неравен час, Шевцов, что, ни будь, заподозрит. Ладно, иди, поздно уже, а что касается Ермолая, теперь уж куда кривая выведет. Будем ждать.

- Что же теперь будет?- запричитала мать, когда за Красновым закрылась дверь, – нас – то за какие грехи. Пропали наши детишки.

- Замолчи, нечего раньше времени головой об стену биться. Никому ни слова, ни Елене, ни Полине. И виду даже не показывай, - строго предупредил отец.

Александр лежал - не жив, не мёртв, боясь пошевелиться, как он тогда не выдал себя, и впоследствии справился с такой тяжёлой ношей, нигде, никому ни слова...

На второй день в Орловке выпал глубокий снег, радости ребятишкам не было предела. Особенно, своей белизной, он поразил Барышевских братьев. На станции, где они жили, снег, смешанный с угольной пылью, больше напоминал золу, разбросанную вокруг, после чистки котлов, а здесь на хуторе и, особенно в лесу и в поле, он был до того ярко – белым, что смотреть на него было не возможно – слепил глаза. Наигравшись в снежки и набежавшись по глубокому снегу, обледеневшие, но довольные Сашка, Ванька, Петька и Никитка, тесно прижавшись друг к другу, грелись на печи Афанасия Пантелеевича.

- Знаете, что – предложил Иван, - а давайте мы сделаем себе лыжи.

- А как их делать, из чего? – спросил Александр.

- Из досок, конечно, обстругаем их снизу, просверлим с боку дырки, просунем в них верёвки, привяжем лыжи к пимам, и айда по полю или в лес.

- И сразу носом в снег, - услышали они голос Миронова, находящегося в доме Барышевых.

-Это почему? Не может быть, - не согласился с Акимом Федотовичем Иван.

- По тому, что передние концы ваших лыж сразу уйдут в снег. Для того, чтобы этого не случилось, они должны быть загнутые спереди. Поэтому делать их надо было летом, из распущенного поперёк берёзового ствола. Затем уже обстрогать и, загнув концы, высушить.

- И что же нам теперь делать? – опечалились ребятишки.

- Сейчас ничего, а вот лето придёт тогда и постараться.

- Да, Аким Федотович, - вступил в разговор Афанасий Пантелеевич, - нам – то тоже не плохо бы иметь лыжи. На пасеку – то зимой, мы как собираемся попадать. Пчёл – то нужно проведать, печку в омшанике подтапливать в морозы.

- А как же староверы зимой на пасеку ходили, не лезли же они по пояс в снегу, - рассуждал Миронов, - и потом, живя рядом с тайгой, не могли они на охоту не ходить. Тем более, я слышал, что по их вере, охотятся они только на копытных животных, не могли они без лыж загонять оленей и коз в ловушки. Значит лыжи где – то спрятаны.

- А может они их с собой увезли, - сказал Иван.

- Вот вы, завтра с утра, и дуйте на пасеку, пока ещё снег не очень глубокий, осмотрите всё внимательно, да, про чердак не забудьте.

Утром, наскоро перекусив, братья двинулись на пасеку. Идти было не так далеко, с полкилометра до леса, да ещё километр до омшаника и пасечного дома. Но учитывая то, что снега выпало много и сугробы порой доходили до детских колен, ребятам понадобилось больше часа, прежде чем их взору представился дом.

- Смотри Ванька! – остановившись, воскликнул Пётр, - дым из трубы идёт.

- Точно, дым! – оторопел тот, - кто же там хозяйничает? Так ребята, вы, Сашка и Никитка, спрячьтесь вот здесь за деревьями, а мы с Петькой потихоньку обойдём избу с той стороны, от Марьинской дороги.

В двух километрах от пасеки проходила санная дорога на село Марьинку, от этой дороги можно проехать на коне к пасеке, когда нужно было, что – то завести туда, например дрова, либо что – то вывезти оттуда.

Вскоре Ванька с Петькой вернулись, нализавшись по снегу, они тяжело дышали, лица их были встревожены:

- Всё пацаны, бежим за Афанасием Пантелеевичем и Акимом Федотовичем. От Марьинской дороги, по свежему снегу к дому, огромные следы, видимо в дом забрался здоровенный мужик. – Выпалил Иван.

- Смотрите, кто это? – вдруг, понизив голос до шепота, указал в сторону дома Сашка.

Из дома вышел высокий, худой, человек, с огромной чёрной бородой. Его фигура, в окружении дремучего леса, навивала ужас на ребят. Человек, видимо заметив детей, протянул в их сторону руку, намереваясь, что – то спросить.

- Бежим! – скомандовал Иван, и ребяташки рванули в сторону хутора.

До дома добежали стремглав, запыхавшись, вытаращив глаза, начали наперебой кричать:

- Там, там печка, там следы и дым, человек с бородой, человек...

- Тихо, молчать, - прикрикнул Афанасий Пантелеевич, - говори Иван, в чём дело.

- Дядя Афанасий, там, в доме поселился огромный бородатый человек, следы кругом большие и дым из трубы идёт.

- Вы ничего не путаете, может это пар подымается, а следы и человек вам со страха привиделись?

- Нет! – в один голос закричали ребяташки.

«Кто же там может быть, надо народ собирать, - первое, что пришло Барышеву на ум. И он совсем уже было хотел идти по домам, взялся за ручку двери, - стоп, а вдруг это брат мой, наконец – то добрался до дома»

- Вот, что ребятня, раздевайтесь, из дома ни шагу, никому ничего не говорить. Иван ты старший, проследи, чтобы всё было в порядке.

Выйдя в сени, взяв топор, Афанасий пошёл к дому Миронова, тот, как раз открыв ворота, выходил из дома.

- Ну, что Афанасий Пантелеевич, нашли ребяташки лыжи на пасеке или нет? Я утром видел, как они пошли в ту сторону.

- Нашли! Бери Аким Федотович топор, пошли их доставать.

- Ты, что шутишь, что ли, откуда же их доставать топором?

- Шучу, не добрались ребята до пасеки, прибежали назад. Кто – то в дом забрался, печь топится, и следы от Марьинской дороги большие к дому ведут. И говорят, мужика бородатого видели.

- Так может нам ещё кого на помощь взять, что мы с тобой в полтора человека, я то с одной рукой.

- Я, сначала, то же так думал, а потом другая мысль в голову пришла: «А вдруг там он» - Барышев ещё накануне посвятил Миронова в тайну, раскрытую Красновым.

- Да, возможно и так. Ладно, пойдём, только ты осторожней, я - то тебе плохой помощник, топором махнуть могу, но скорость уже не та.

Тем временем пошёл снег и подул ветерок, начиналась первая зимняя, сибирская метель и, впопыхах Барышев и Миронов не заметили, что вслед за ними, на расстоянии сотни шагов, крадучись, двигался их сосед Краснов, тоже с топором в руках. Он с самого начала следил за всеми событиями, происходящими во дворе своих соседей, видел, как ребяташки двинулись в сторону пасеки, как они стремглав летели назад и, когда услышал детские выкрики о мужике с бородой, первая мысль, которая пришла ему в голову:

«На пасеке кто – то появился. Кто в этой глуши может появиться зимой? – задал он сам себе вопрос. Ответ напрашивался сам - собой, - есаул Ермолай Пантелеевич, наконец – то добрался до своих родственников»
И когда он увидел, как соседи, вооружившись топорами, пошли в сторону пасеки он сделал то же самое, взяв, на всякий случай, топор, двинулся за ними:

«Если это он, - думал Краснов, - они его потащат к себе домой, забыв об осторожности. Не может быть, чтобы чекисты, зная конечную цель передвижения есаула, при такой ненависти к этому человеку и желании его поймать, не выследили его. А если это так, и он укроется на хуторе, конец неизбежен, для всех переселенцев мужского пола, а возможно и не только»

Был и ещё один человек, Сашка, который предположил, что в доме поселился дядя Ермолай, так как он один, из братьев, знал всё, но молчал. Это был единственный раз, когда Александр Афанасьевич видел своего дядю, таким он ему и запомнился на всю жизнь; худым, высоким, бородатым.

Краснов оказался прав, на сей раз, чекисты прочно взяли след неуловимого есаула. Ночью подняли начальника участка ЧК станции Жарковской Воронова Николая Филипповича, наскоро одевшись и, придя на вокзал, у дверей своего кабинета, он застал стрелка военизированной железнодорожной охраны. Охранники заранее были предупреждены о том, что все они должны, в случае каких - то происшествий или при появлении незнакомых людей на участке их деятельности, немедленно докладывать в ЧК станции или посёлка.

- Товарищ комиссар, - прижав винтовку к ноге, козырнул стрелок, - докладываю, я охранник подвижного состава Тайгинского участка железной дороги, сопровождал товарный состав от станции Тайга до нашей станции Жарковской, этой ночью. За станцией Судженская, при малой скорости поезда, ко мне на площадку запрыгнул человек, вырвал у меня из рук винтовку и приказал лечь на пол. На подъеме перед нашей станцией, когда поезд сбавил ход, он выбросил патроны из магазина винтовки, отдал её мне и спрыгнул в снег.

- Как он выглядел?

- Лицо в темноте я не рассмотрел, да лица то и всё равно видно не было, у него окладистая длинная борода, высокий, худой, но жилистый, силы много.

- Ладно, жди здесь, сейчас разберёмся, - пройдя в кабинет, Воронов стал накручивать ручку телефона.

- Андрей Ильич, - на той стороне трубку взял Шевцов, - давай срочно ко мне, кажется, долгожданный гость появился. Захвати Левашова.

Также Воронов позвонил председателю РКП /б/ округа Огнёву, председателю поссовета Чернову. Выслушав доклад Воронова, председатели попросили держать их в курсе дальнейших событий, и, в случае успешной операции, никаких поспешных действий, без их участия не принимать.

Шевцов и Левашов прибыли немедленно, пригласили в кабинет стрелка.

- В каком месте соскочил этот человек? – спросил Шевцов.

- На подъёме у переезда, там дорога, через линию, на Орловку и Марьенку идёт.

- Спрашивал он у тебя, о чём ни будь?

- Да, спрашивал, знаю ли я однорукого Миронова, который на станции работает.

- А ты, что ответил?

- Сказал, что знаю, сказал, что он теперь не работает на станции.

-Ещё, что?

- Ещё он спросил, где теперь живёт Миронов. Я сказал, что в селе Орловка, на хуторе. Тогда он спросил, есть ли поблизости села какая, ни будь охотничья избушка. Я сказал, что охотничьей нет, но есть пасека, на которую можно попасть с Марьинской дороги, а от неё и хутор не далеко.

- А ты откуда всё знаешь?

- Так я же местный, живу в посёлке Жарковский, раньше работал на полустанке, дрова пилил для паровозов, в общем, у Миронова работал. А пасеку видел, когда дрова мимо по дороге возили, к ней просека есть.

- Понятно, ладно иди.

- Что из этого следует? – прищурил глаз Шевцов, - а следует то, что этот пассажир, точно Ермолай Барышев. Давайте прикинем, куда сразу пойдёт наш казак? Не думаю, что такой осторожный беглец, сразу двинется с расспросами по домам, сначала ему нужно оглядеться. Поэтому до утра он должен будет где – то перекантоваться. А раз, наш разговорчивый стрелок, ему про пасеку рассказал, он и двинется туда. Днём оглядится, а вечером начнёт действовать. А мы его опередим. Так, Александр Ефимович, давай своё лагерное воинское подразделение усаживай в сани, да не забудь запрячь запасные, для гостя нашего, а за одно и его родственничков – дружков заберём.

- Их то, за что, что мы им предъявим, если они и встретиться с беглецом не успеют, - возразил Воронов, - а потом, мне Огнёв и Чернов наказали, кого попало не хватать, и без совета с ними никаких поспешных действий не принимать.

- Слушай, Николай Филиппович, вечно ты, со своими либеральными взглядами, дела затягиваешь. У нас с тобой особые полномочия, вытащил наган и пулю в лоб, особенно в этом случае. Такого бандита берём!

- Андрей Ильич, я никого расстреливать не буду, - хочешь стрелять, стреляй сам. Или Левашову поручи, он мастер по таким делам. Я замечаю, что председатель Секретариата РКП Огнев недоволен кровавыми расправами, и Чернов тоже, и не хочу, чтобы по их рапорту в Центр, нас вышвырнули отсюда. Мне здесь спокойно работается.

- Ну, ты Воронов совсем уж меня в палача превратил, я что, по собственному желанию это делаю, что ли, - возмутился Левашов, - мне приказали, я исполняю. Ваша контора мне кандидатов в жмурики доставляет.

- Ладно, всё хватит, - стукнул ладонью об стол Воронов, - действуем так, я с одним взводом захожу по просеке от хутора, ты Шевцов с другим, от

Марьенской дороги, одновременно, выходим на пасеку и быстро окружаем дом, чтобы не упустить беглеца в лес. Стрелять, в крайнем случае, только если он откроет огонь. Всё поехали.

Выйдя на поляну, дыма из трубы пасечного дома мужики не заметили, толи по тому, что снег стал валить хлопьями, то ли поднявшийся ветер сбивал его в противоположную сторону от них.

- Со страху видимо ребятишкам всё это показалось, - облегчённо вздохнул Афанасий, - и следы на снегу только их, никаких огромных не видно.

- С какого страху? - заступился за ребят Миронов, - наших ребят не так уж и просто напугать. Пошли ближе, посмотрим.

- Чего это вы смотреть собрались? – вывалился из снежной пурги Краснов.

- Вот дьявол, напугал, - быстро повернулся на голос Миронов, - тебя – то чёрт, зачем сюда принёс?

- За тем же, зачем и вас. То же, мне, конспираторы, я удивляюсь, как это вся деревня вслед за вами не двинулась, попёрлись, размахивая топорами. Ну и, что тут творится?

- Пока ещё ничего, пошли ближе к дому, - все двинулись за Мироновым, - смотрите здесь и правда следы большие натоптаны, и дымом пахнет. Афанасий Пантелеевич, приготовьте топоры, я дверь быстро открою, а вы с ходу туда, пока он не одумался.

Дверь открывалась внутрь, так делалось во всех сибирских сторожках, если заносило избушку снегом, дверь всегда можно было открыть.

Толкнув дверь, вся орава, с поднятыми топорами ввалилась в избу.

- Никого! – воскликнул Краснов.

- Как это никого, я здесь – раздался сзади простуженный басовитый голос, - что – то вы все с топорами братцы.

Все, испуганно повернувшись, увидели, как из – за двери выходит высокий, худой, бородатый детина.

- Ермолай! – побросав топоры, воскликнули в один голос все.

- Афанасий, брат, - и он крепко обнял Афанасия, - Аким Федотович, дружище! Живы, слава богу! А ты Краснов, как здесь оказался?

- Долго рассказывать, да и некогда. Тебе Ермолай Пантелеевич немедленно нужно уходить, прямо сейчас, тут вся округа только и мечтает о том, чтобы изловить тебя и с живого шкуру содрать.

- Как же я уйду, не повидавшись с семьёй, больше года я пробивался сюда, столько лишений пришлось перетерпеть, да ты всё знаешь, вместе пробивались. Как тут Елена, как дети, Афанасий, сохранил ты их?

- Сохранил брат, с ними всё в порядке, благодаря Акиму Федотовичу, он настоящий друг тебе, а теперь и всей нашей семье.

- Ты от Ново – Николаевска как сюда добрался, ловили тебя? – Не унимался Краснов.

- На товарных поездах, по ночам. Конечно, облавы устраивали, но мне удавалось уходить, отсиживался по разным деревням и снова на поезд.

- Сегодня, то же, на поезде приехал?

- Да, ночью, на товарнике от станции Судженка.

- А как же тебя охранник не задержал?

- Так я его обезоружил, винтовку отобрал, патроны выбросил.

- А с ним, что?

- Ничего, дальше поехал.

- Всё мужики давайте все в лес, после договорим. Ермолай Пантелеевич если ты хочешь, чтобы семья твоя и брата твоего остались

живы, немедленно уходим. Афанасий, Аким вы - то знаете, что нам грозит, если нас вместе застанут.

- Да брат, тут целую деревню переселили с Томской губернии, для того, чтобы тебя поймать. И из нас, из наших семей приманку сделали. Уходить нужно немедленно, сначала в лес, а там разберёмся.

Все, подобрав брошенные топоры, направились к двери.

- Эй, Барышев Ермолай Пантелеевич, выходи с поднятыми руками, - раздался с улицы грозный приказ, - бежать бесполезно, изба окружена, выходи и не дёргайся, стреляем без предупреждения!

- Всё, поздно, пропали мы и семьи наши, - обречённо выдохнул Краснов.

- Как же теперь нам поступить? Был бы я один, начал отстрелять, - Ермолай вытащил из – за пояса наган и бросил его под топчан, - убили бы меня сразу, и дело с концом. А теперь всех вас подвёл под расстрел. Зачем я сюда припёрся? Всю жизнь от меня удача отворачивается.

- Эй ты, долго мы будем ждать? Выходи, - приказ с улицы повторился.

- Ну, что, стой, не стой, а выходить надо, - обречённо произнёс Миронов и первым двинулся к двери.

- Простите меня казаки, горе я вам принёс! – Ермолай отстранил Акима Федотовича и шагнул за дверь. Все последовали его примеру.

- Вот, как, вся компания оказалась здесь, - с издевательской радостью, воскликнул Шевцов, - а ты Воронов, не верил мне, что эти казаки, одна шайка, все себе на уме, веры им никакой нет! Вот теперь поговорим, в овраге места всем хватит! Связать их, и айда через хутор, пусть все полюбуются на своих дружков, скоро и их такая участь ждёт.

...Ребятишкам Ивану, Петру, Александру, Никитке надоело сидеть дома.

- Что – то дядей Афанасия и Акима долго нет, пойдёмте, посмотрим, может тот мужик, что, ни будь, с ними сделал, - не выдержал Иван.

Ребята быстро оделись и высыпали на улицу, сквозь поднимаемую ветром пелену снега, в нескольких шагах ничего не было видно. Они побежали на край хутора. За околицей завывая, разыгралась метель. Вдруг из снежной пурги вынырнули лошади, запряжённые в сани – розвальни. На первых двух упряжках сидели солдаты. Взглянув на третью, ребята от удивления вскрикнули и присели в снег. На ней со связанными за спиной руками сидели Афанасий Пантелеевич, их сосед Краснов и тот высокий, худой, бородатый дядька, единственная рука Акима Федотовича, была привязана, к его телу, верёвкой.

- Отец! – закричал Сашка, и хотел броситься вслед за санями, но Иван во время удержал его за плечо, сзади выскочили ещё две упряжки, на них, ошестинившись винтовочными стволами, тоже сидели солдаты.

- Что произошло? – испуганно воскликнул Иван, - за что их? и кто этот бородатый мужик, откуда он взялся?

- Это ваш отец, - опустив голову, тихо произнёс Сашка и, отвернувшись, заплакал.

Глава восьмая

Без вины виноватые.

Отец. Афанасий Пантелеевич.

...И пройденный обдумывая путь,

Сверкнула мысль, как струйка

жаркой лавы:

Хорошее – желал бы – не вернуть,

Плохое – позабыл бы – но не вправе...

А. Серебряков.

- Ну, здравствуй сотник, Барышев Афанасий Пантелеевич! – проскользнувший в дверь камеры, грузный человек, приблизился к Афанасию Пантелеевичу.

В тусклом свете фонаря, как ни старался рассмотреть лицо вошедшего, Афанасий, узнать так и не мог.

- Что не узнаёшь бывшего однокашника? Вместе в Галиции кровь солдатскую проливали. Времени то много утекло с последней нашей встречи, шесть лет. Да и я тебя бы не узнал, но обстоятельства помогли. Полковник я, девятнадцатого корпуса, пятой Русской армии, Левашов Александр Ефимович, спасённый тобой в сентябре 1914 года, около Львова. Помнишь Галицийскую битву.

- Полковник! – удивился Афанасий, - вот уж чего не ожидал, так это встретить тебя здесь. Тем более в большевицком лагере. Но вижу, ты не арестант, а судя по твоей форме, служишь в рядах хозяев.

- Да, ты не ошибся, я начальник этого лагеря. Служу теперь большевикам. Правда, пока они мне не очень доверяют, в действующие войска не допустили, определили место в Сибири, в лагере, как бы служу и, одновременно, срок отбываю.

- В партию, пади, вступил?

- Да ну, что ты, сотник, кто ж меня туда возьмет, да я и не стремлюсь в неё. А потом, дьявол их знает, чем всё кончится, на востоке, пока ещё, война не прекратилась.

- Ты, Александр Ефимович, не очень ли откровенен со мной, не боишься, что я донести смогу.

- А, что, мне бояться, кому ты можешь здесь, что либо, сказать. Кто тебя слушать будет, кроме меня. А потом жить – то тебе осталось не долго, но может быть сутки – двое, не больше.

- Это почему так? За что?

- По заключению комиссаров ЧК, заговорщики вы все, имели связь с этим бандитом, братцем твоим Ермолаем, вместо того, чтобы сдать властям, хотели укрыть его. А он, видимо, сильно чекистам насолил, Шевцов хотел его дорогой расстрелять, но центральное управление ЧК, приказало есаула допросить, видимо не всех ещё бандитов изловили.

- Конечно, брата своего я не намеревался властям сдавать, он бы сам сдался, деваться ему всё равно было не куда. А то, что нас всех вместе захватили, так это всё произошло совершенно случайно.

- Поди докажи теперь, что злого умысла не было. Но дело даже не в этом. Уже только за то, что ты его брат, и укрывал детей его и жену, Шевцов тебя прикажет к стенке поставить, и глазом не моргнёт.

- Так, что же и дети теперь виноваты, и жена тоже, они Ермолая три года не видели, в боях не участвовали и их к стенке.

- Знаешь, сотник, я бы с тобой сейчас не разговаривал не о чём, но я добро помню, в долгу я перед тобой, если бы ты со своим дивизионом, не накрыл австрийскую артиллерийскую батарею, в том бою, лежать бы мне сейчас в чужой земле. Поэтому, я тебя, перед смертью, успокою, большего, прости, сделать ничего не смогу.

- Чем же это?

Партийный председатель Огнев и председатель поссовета Чернов, хотя они меня и презирают, но я их считаю порядочными людьми, за те два дня, что вы здесь сидите, они связались с центральным руководством, добились того, чтобы детей и женщин не трогали. А там видимо согласились, без вас мужиков, они и так с голоду загнутся. А, кроме того, для успокоения переселенцев. Председатель сельсовета Занин, тоже, очень уж хлопочет за этого безрукого Миронова, уверяет, что без него на хуторе не будет порядка.

Даже дал показания о том, что в тот день пасечник Миронов пришёл на пасеку проверить омшаник, и совершенно случайно попал в вашу компанию. Я думаю, его выпустят, хотя бы для того, чтобы успокоить хуторян. И потом, в этом деле, его вины нет, он не воевал, не родственник, так вовлечённый врагами, вами то есть, в эти тёмные дела. Ну, посидит месяца три – четыре.

- Ну, что же, спасибо и на этом господин полковник. Скажи, почему это меня посадили отдельно ото всех?

- По тому и посадили, что я распорядился, хотел поговорить с тобой. Я то, понимаю, что твоей вины в этом деле тоже нет, но ни я в этих делах главный. А потом брата твоего и Краснова допрашивают с пристрастием, на предмет былых военных дел, сам понимаешь вид у них неприглядный.

- Александр Ефимович, а нельзя ли мне повидаться с братом своим, хотя бы на пол часика?

- Ну, ты, сотник, совсем уж загнул, он под постоянным досмотром, а потом, как ты будешь с окровавленным полутрупом разговаривать, или ты думаешь, что мне разрешат его отмыть и к тебе привести. Всё прощай, думаю, больше не увидимся. Сожалею, что не рассчитался с тобой, долг не вернул, но так складываются обстоятельства, я бы рад, но не могу...

Сутки прошли в тревоге и в горестных переживаниях: за свою семью, за семью брата, за страдания брата и Акима Федотовича. И, конечно, в ожидании расстрела, было не до сна. За целый день дверь открывалась только два раза, угрюмый солдат просовывал, в образовавшуюся щель, кусок ржаного хлеба, размером с ладонь ребёнка, и миску с какими – то щами, напоминающими помои.

Ночью Афанасий Пантелеевич забылся на минуту в тревожном сне, как вдруг, почувствовал, что кто – то трясет его за плечо:

- Эй, сотник, быстро вставай, - слышался приглушенный голос, - это я, Левашов. Вставай, вот одежда, быстро переодевайся.

- Что уже на расстрел? Переодеваться – то зачем.

- Не разговаривай, снимай свои тряпки, и одевай эти, по размеру они тебе должны подойти.

Барышев быстро разделся, нащупав в темноте чужие вещи, стал одеваться. Вещи наощупь были сшиты из приличного материала и слегка припахивали одеколоном.

- Это, что у вас, так заведено, что ли, перед расстрелом переодевать заключенных? – ничего не соображая, спросил он. – И почему расстрел среди ночи, до утра подождать нельзя.

- А тебе, сотник, не всё равно, когда тебя расстреляют, ночью или днём. Одедся?

- Да.

- Иди тогда за мной и слушай внимательно, что я тебе скажу. Расстрел будет сейчас, ночью. Расстреляют брата твоего Ермолая, Краснова и Барышева Афанасия Пантелеевича, но не тебя, ты теперь Крючков Василий Евсеевич, конокрад. Тебе повезло, можно сказать в рубашке родился: сегодня революционный трибунал утвердил приговор; вам всем троим - расстрел. Приводить приговор в исполнение, должны были под надзором Шевцова, но его срочно вызвали в центр, и прошёл слух, что оттуда он уже никогда не вернётся, стал неуправляемым. Поэтому надзор осуществлять буду я. Вчера утром пригнали по этапу мелкое жульё, в наш лагерь, он пересыльный, формируем здесь группы и отправляем в Мариинск, в тюрьму. А сегодня вечером, вот часа три назад, с двумя сопровождающими, на лошадях, доставили этого Крючкова. В городе Штёрске дали ему пять лет за кражу коней. Работал на шахте коногоном, спёр своих же двух коней и продал татарам на мясо, деньги пропил. А те, перед убоем, решили сено

на них перевезти с поля, которое как раз находилось не далеко от шахты. Попались на глаза начальнику участка, а тот и узнал своих коней. Я тебе, зачем всё это рассказываю, чтобы ты знал, что ответит, если дружки по камере спросят. Документы его я все переделал, в лагере этого конокрада никто не видел. Утром вас посадят на специальный поезд и отправят в Мариинск. Ну, ты уж сотник, теперь сам, как ни будь, выкручивайся, если что, кулаков не жалея, ты мужик здоровый, а эта братия крепких и смелых уважает. Но, особо не усердствуй, ты не медвежатник и не мокрушник, а всего лишь конокрад. По больше молчи, там трепачей не уважают. А тем более про то, что я для тебя сделал, под пытками никому не говори, а то и тебе, и мне решку быстро наведут. Все эти пять лет о тебе знать не должны, да, в общем – то искать тебя никто не будет, родным сообщат, что расстреляли вас. А, уж там, как повезёт: будешь ты жив или нет, будут ли живы твои родные? Как бог даст, может быть ещё, и встретитесь на этом свете. Вот и всё, Афанасий Пантелеевич, я думаю, что долг тебе сполна отдал. Теперь уж навсегда, прощай!

- А как же этого Крючкова, за меня расстреляют, я всю жизнь потом его во сне видеть буду!

- Ну, сотник, выбирай одно из двух, или ты со мной соглашаешься, и едешь. Или ради какого – то конокрада - пьяницы, от которого нормальные люди страдают, пойдёшь на расстрел. Я сейчас быстро всё разверну, подумай о семье, хотя и через пять лет, а всё же есть надежда, встретится с ними.

- Ладно, Александр Ефимович, мне теперь не только о своей семье думать надо, но и о братской. Спасибо и на этом. Брату перед смертью от меня поклонись. Прощай!

- Прощай сотник. Эй, охранник, отведи заключённого Крючкова в пятый блок!

Скрипнула дверь пятого блока, в нос ударила волна застоявшегося воздуха. В кромешной темноте раздавались разно тональные переливы храпа, от низкого и грубого, до тонкого, доходящего, почти, до свиста.

- Там в углу, справа есть свободная шконка, - подтолкнув в спину Барышева, подсказал охранник.

Афанасий Пантелеевич, осторожно, наощупь добравшись до указанного места, опустился на деревянные доски нар, покрытые какими – то лохмотьями. Не привыкший, к такой духоте, к такому скоплению народа, и оглушительному храпу, уснуть он не мог. Кроме того мысли его постоянно возвращались к дому, жене и сыну.

«Как же они теперь без меня жить будут? Наталья Фёдоровна, казачка, с детства приучена к домашнему труду, к хозяйству, но то к домашнему, а как же она теперь будет работать в поле, хлеб выращивать, это в эту осень они работали все вместе, по тому, что надо было спасти брошенную рожь. А весной поле разделят на участки и закрепят за каждым двором. Нужно будет пахать, сеять, убирать сорняки, косить и молотить. Косить сено для коня. Кто всё это будет делать? Конечно, живя в станице, она, вместе с семьёй, всем этим занималась. Но это вместе со всеми, а одной со всем хозяйством не управится. Сашке только, что исполнилось девять лет, слабоват ещё, если бы он рос в станице на Дону, то к этим годам много умел бы делать и в поле и в боевой подготовке. А так, где я мог его обучить всему? На станции, так там ни земли, ни лошадей не было, и места для физического развития то же.

А семья брата!? Елена Владимировна к полевым и хозяйственным делам совсем не приспособлена, осенью, когда убирали с поля рожь, «колонисты» пошли на уступки. Её и жену Миронова освободили от тяжелого труда, с тем условием, что Елена Владимировна будет обучать зимой всех детей переселенцев грамоте, а Полина Константиновна, при

надобности, постоянно оказывать медицинскую помощь. Правда, в помощь у неё ещё трое ребят, Ивану уже одиннадцать лет, Петру десять, казачат переводят в таком возрасте на мужскую половину, и они считаются равноправными взрослыми казаками, но это опять же на родине, а здесь всё их развитие прошло у железнодорожного полустанка, однако Иван необычно хваткий парень.

Был бы рядом Аким Федотович, хоть какая – то помощь была, хотя, что он сделает на три двора один, безрукий. Полина его, хрупкая, нежная женщина, она и по хозяйству без него ничего не может сделать.

Вот беда! Что теперь будет?»

Лезли в голову думы и о брате: «Как – то всё сложилось не по уму, шел, шел целый год к семье, страдал, скитался. А тут раз, и всё кончено. И семью не повидал, и под расстрел всех подставил. Никак не мог найти оправдание безрассудному поступку брата, Афанасий Пантелеевич. А ещё, этот Крючков из головы не выходил. Конечно, он мелкий жулик, но к стенке попал за чужую вину. Хотя какая вина? В чём я виноват? Я сражался за Россию, был ранен, Георгиевский кавалер. И что! У меня убили отца, мать, разорили родовое гнездо, загнали к чёрту на кулички, и я же виноват. А в чём вина Миронова, за отечество потерял, в своё время, руку, честно служил на железной дороге, ни капли крови не пролил ни красной, ни белой, а вот постоял рядом с Ермолаем и враг. И уж тем более женщины и дети, они об этой войне до сих пор никакого представления не имели. А если бы не вступились за них Огнев и Чернов, возможно и их никого уже не было.

А эти переселенцы, белогвардейцы, все они служили в армии Колчака, исполняли то, что им прикажут. Это сейчас более, менее можно разобраться, кто за что стоит, а тогда всё закрутилось, организаторы в Петрограде, да в Москве. А здесь на Урале, да в Сибири власть менялась каждые три месяца,

поди, разберись, в какие ряды вливаться, тем более, что, почти все они, солдаты безграмотные.

Хорошо, что начали появляться такие люди, как Огнев, Чернов и Занин, но не они пока управляют всем, пока вся власть у ЧК, хотя, со временем, озлобление и ненависть выветрится и из их горячих голов. Хотелось бы, чтобы это произошло скорей»

Вдруг, перекрывая храп, заскрипели двери, и зычный голос скомандовал:

- Подъём, выходи, стройся по четыре человека в ряд.

Площадка у барака быстро начала заполняться, как говорится, разношерстными личностями. Постановывая, побряхтывая, матюгаясь, довольно большая, группа паразитов, выстроилась наконец – то в колонну.

- Шагом марш к воротам, - скомандовал младший офицер, - затем, левое плечо вперёд, и в сторону вокзала.

Со всех сторон колону окружили конвойные с винтовками.

На станции стоял поезд, составленный из старых пассажирских вагонов, некоторые из них были повреждены пулями, осколками снарядов, многие окна забиты досками. Погрузились, охрана заняла свои позиции в проходах, поезд дёрнулся и потихоньку покатил в сторону железнодорожного моста, через речку Яю, на Мариинск.

Тук – тук, тук – тук, стучат колёса. Тихонько покачивается вагон, одолевает дремота. Но уснуть, от постоянного гомона заключённых, трудно.

- Молчать, - прозвучала команда. Всё притихли, боясь получить прикладом по плечу, а возможно и по голове.

Под стук колёс и покачивание вагона, мысли Афанасия Пантелеевича стремительно метнулись на родину, в станицу, на Дон, и жизнь в его

сознании, а может в полусне представилась вся, как она была, с самого детства, вновь...

...Родился Афанасий Пантелеевич, как уже известно, в станице Калитвинской на реке Донец в 1990 году, на девять лет позже Ермолая, такая разница в возрасте детей у казаков не редкость. Это связано с тем, что казаки призывались на службу в три очереди, с восемнадцати и до тридцати восьми летнего возраста. Первая очередь это служба с восемнадцати лет, с обязательным пребыванием в действующей армии, призывались на два, три или четыре года, в зависимости от места службы. Вторая и третья очереди призыва производились в военное время. Казаки второй и третий очереди проживали и несли службу в своих станицах, но если начиналась война, они обязаны были немедленно явиться в казармы, по месту приписки. А войны с Персией, Турцией и горцами Кавказа велись постоянно, поэтому рождение детей спланировать было невозможно.

Естественно, как и положено, Афанасию выбрали крёстного отца из станичных казаков Стародуба Илью Евлампьевича, прославившегося в боях с турецкими янычарами и дважды награждённого Георгиевскими крестами, четвёртой и третьей степеней.

И конечно, так же, как и Ермолая, его воспитывали в самобытном казачьем духе. То есть готовили стать воином. Он так же, как и его брат, к десятилетнему возрасту, владел всеми приёмами и уловками казачьей хватки. Но, в отличие от него, особого рвения в достижении немислимых вершин в этом деле не проявлял. Конечно, брат оказывал на него некоторое влияние, до девятилетнего возраста. Но когда с Ермолаем случилось несчастье, и он, уезжая со двора, наказал Афанасию быть незаменимым помощником отцу в хозяйственных делах, он принял этот наказ, как должное и действительно приложил все свои силы и способности в обеспечение достатка в семье.

Афанасий рано научился управлять лошадьми, но не в ратном деле, а в хозяйственных заботах: с одиннадцати летнего возраста научился пахать, сеять, косить зерновые с помощью лобогрейки. К семнадцати летнему возрасту хорошо владел плотницкими инструментами, мог срубить /возвести/ любые домостроения: стайку, баню и даже жилой дом. Его интересовали разные породы скота, и он стремился разводить на собственном дворе высокопродуктивные породы коров, овец, выезжая для этого в отдалённые районы не только Донского уезда. Глядя на сына, отец Пантелей Георгиевич, про себя радовался таким способностям сына, но иногда неприятная мысль закрадывалась в его разум:

«Не моя порода Афонька, в материну родню пошёл, лет через десять – пятнадцать, если ничего не случится, отделится и богачом станет»

В 1908 году подошёл срок службы первой очереди, и в это время, далёкой Москве понадобились отборные Донские казаки, два дивизиона. И уж, конечно, Донские и Кубанские земли славились такими молодцами. Попал в один из этих дивизионов и Афанасий. Зная то, что он особого рвения на учебных сборах не проявил, Пантелей Георгиевич напутствовал сына такими словами:

- Повезло тебе сынок, не каждого казака в самую Москву берут. Род наш всегда достойно служил отечеству, ты уж не подведи меня и крёстного своего.

В 1909 году в дом Барышевых заглянула радостная весть, неожиданно пришло письмо с Урала от Ермолая, все родственники считали, что его к этому времени нет уже в живых, девять лет не было никаких известий. Ермолай вкратце сообщал о своих похождениях и о том, что он теперь женат и неожиданно стал владельцем рудников, звал к себе родителей и настаивал на том, чтобы брат Афанасий переезжал к нему на Урал обязательно, для совместной горнорудной деятельности.

Афанасий Пантелеевич не подвёл своего отца, отслужив три года, летом 2011 года, вернулся домой в чине сотника, командира полусотни казаков. Счастливые отец и крёстный, на радостях, устроили трёхдневный пир на всю станицу. Гулянка, может быть, продолжалась и дольше, но на третий день Афанасий, опрокинув очередную рюмку вишнёвой горилки, встав из – за стола, перекрестившись на образа, сказал, как отрубил:

- Спасибо отцы! Однако хватит, пора и делами заняться.

Через три месяца, осенью, когда отвели уборочную страду, вывезли с лугов сено, Афанасий, смущённо опустив голову, на базу, за конюшней, подошёл к Пантелею Георгиевичу:

- Ну, что отец, пора мне жениться, засылай сватов.

- Это к кому же сынок?

- К Гончару Фёдору Павловичу, к атаману.

- Эх, ты, куда хватил, - удивлению отца не было предела, - а ты не думаешь, что нас невеста и в дом не запустит.

Всей станице был известен жесткий нрав Натальи, дочери атамана. Ни один молодец уходил, со двора атамана, не солоно хлебавши. Никого, из многочисленных поклонников, до сих пор, не облюбовала его дочь.

- Ничего отец, всё будет нормально, мы договорились уже.

- Это как же ты к ней сумел ключик подобрать?

- А, что я, не казак рази!

- Да, действительно казак, такую крепость захватил! – восторгался Пантелей Георгиевич, а про себя подумал: «Плохо, оказывается, я своего сына знаю, спокойный – спокойный, а как за что возьмётся, из рук не выпустит»

Свадьбу сыграли грандиозную, а главное, что всех удивило, Наталью Фёдоровну было не узнать, всегда серьёзная и непреступная, на свадьбе лицо её сияло довольной радостной улыбкой, как будто говорило: «Вот и

дождалась я своего орла - суженного» Оказалось она и петь, и плясать мастерица, а главное, для своего избранника, сама покорность и угодливость. Чтобы он ни сказал, она совсем соглашалась, так и заглядывала в рот наречённому, чтобы, не дай бог, упустить какую ни будь просьбу.

В семейной жизни, по хозяйству, она тоже оказалась расторопной и умелой. Однако характер свой проявлять умела. Не забылось и то, из какой она семьи вышла, если что – то не по ней, не подступись – не уступит.

Через год в 1912 году родился сын Александр Афанасьевич Барышев. Молодые отделились от родителей в новый дом, обзавелись собственными лошадьми и скотом, самое время богатеть, но богачей из них не получилось. 28 июля 1914 года началась Первая Мировая война.

Первая Мировая война /28 июля 1914 г – 11 ноября 1918 г./ - одна из самых широкомасштабных вооружённых конфликтов в истории человечества. Первый глобальный вооружённый конфликт двадцатого века. В результате войны прекратили существование четыре империи: Российская, Австро – Венгерская, Османская и Германская. Страны участники потеряли убитыми более десяти миллионов солдат, около двенадцати миллионов мирного населения, около пятидесяти пяти миллионов были ранены.

В войне принимали участие тридцать восемь государств с населением 62% от мирового. Война происходила между двумя группами стран:

Антанта: Российская империя, Франция, Великобритания. Союзниками являлись США, Италия,/ которая в самом начале войны вышла из блока и приняла нейтралитет/, Румыния, Канада, Австрия и новая Зеландия.

Тройственный союз: Германия, Австро – Венгрия, Османская империя и Болгарское царство /которое присоединилось позже, и союз стал называться Четвертной/.

Главная причина начала Первой Мировой войны заключалась в стремлении ведущих держав, прежде всего Англии, Франции и Австро – Венгрии к переделу мира.

Поводом к началу Первой Мировой войны послужили события в Сараево / Босния и Герцеговина/. 28 июля 1914 года член организации «Чёрная рука» движения «Молодая Босния» Гаврила Принцип убил эрцгерцога Франса Фердинанда, который был наследником Австро – Венгерского престола, поэтому резонанс у убийства был громадный. Это был повод Австро – Венгрии напасть на Сербию.

Австро – Венгрия самостоятельно не могла начать войну, это практически гарантировало войну во всей Европе. Англичане на уровне посольства убеждали Николая Второго, что Россия в случае агрессии, не должна оставить Сербию без помощи. Но тут же, вся английская пресса писала о том, что сербы варвары и Австро – Венгрия не должна оставлять безнаказанным убийство эрцгерцога. То есть Англия сделала всё, чтобы Австро – Венгрия, Германия и Россия не уклонились от войны.

Афанасию Пантелеевичу все нюансы возникновения этой войны были не важны, но он, и все казаки, первой, второй и третий очереди призыва, оказались на действующих фронтах развернувшегося в Европе побоища.

Вот там то и свела судьба сотника первого кавалерийского корпуса, первой Донской казачьей дивизии Афанасия Барышева с полковником пехотного полка, Девятнадцатого корпуса Александром Ефимовичем Левашовым. Оба корпуса воевали в составе пятой армии под командованием генерала Плеве П. А.

26 сентября 1914 года состоялась Галицийская битва, одно из крупнейших сражений Первой Мировой войны, в результате которого русские войска заняли почти всю восточную Галицию, почти всю Буковину и осадили Перемышль. Тем не менее, Австро – Венгерская армия ещё

сохранила боеспособность и 29 сентября временно перешла в контрнаступление. Каким – то образом, штурмовой полк полковника Левашова, совершая маневр, попал в засаду. Из неглубокой лощинки, войска противника быстро развернули артиллерию, две батареи. В те времена противники прочных укреплений не имели, и артиллерия применялась только для истребления живой силы, шрапнелью. Быть бы полку, да и самому полковнику Левашову, уничтоженными в кратчайший срок, так как оказались они на открытой местности, среди поля. Но в это время первая Донская казачья дивизия перешла в наступление, однако окружённый полк не попадал в поле зрения казаков, и они проскочили вперёд, не оказав пехотинцам помощи. Но судьба сегодня была на их стороне. Афанасий Пантелеевич, в те дни, несмотря на то, что он был всего лишь сотник, в боевых условиях чаще смотрели не на чин, а на способности, командовал запасным дивизионом кавалерии, получив приказ пополнить дивизию, решил сократить путь и, намётом, повёл казаков через балку, не заметную для вражеского глаза. Выскочив из балки, дивизион как раз оказался за спиной развернувшихся Австро – Венгерских батарей. Вражеские артиллеристы, увлечённые обстрелом русского полка, поздно заметили несущуюся на них лавину лошадей и всполохи обнажённых сабель. Побросав пушки они, вытаращив от страха глаза, кинулись навстречу русским пехотинцам, и были взяты в плен. Пехотинцы, обнимая спешившихся казаков, расчувствовались до слёз:

- Братцы! Откуда вас бог вынес? Ещё бы часика два и из нас никого бы в живых не осталось. Спасибо, братцы.

- Кто командир кавалерии? – к столпившимся солдатам подошёл крепкого телосложения полковник.

- Я, господин полковник, сотник Барышев Афанасий Пантелеевич, - отрапортовал Афанасий.

- Дайка, я тебя обниму, Афанасий Пантелеевич, - полковник крепко прижал казака к груди, - а я полковник Левашов Александр Ефимович. Спасибо тебе сотник, жизнью мы тебе все обязаны. Век не забуду имя твоё и фамилию. Пойдём по чарке выпьем, что ли.

- Не могу, господин полковник, приказ у меня, пополнить дивизию, вот и веду дивизион туда.

- Ну, что же Барышев Афанасий Пантелеевич, приказ есть приказ, не могу задерживать. Ещё раз примите казаки благодарность от меня и солдат моих. Прощай сотник, живы останемся, может быть и свидимся когда. Земля большая, а места, на ней, мало.

И полковник не забыл подвиг совершённый сотником, а это действительно был подвиг, так как со стороны врага были не только артиллеристы, но, как выяснилось позже, до двух рот пехотинцев, и проявили они стойкость и выдержку, ещё неизвестно чем бы всё это закончилось. Через месяц, видимо по представлению полковника Левашова, Афанасию Пантелеевичу была вручена медаль «Святого Георгия»/за отвагу/.

А тут вот, в Сибири, вновь пришлось встретиться.

В начале августа 1915 года, в Вильненской операции, сотник Барышев Афанасий Пантелеевич был ранен и получил тяжелую контузию. Вильненская, это оборонительная операция десятой и пятой армий русского Западного фронта, в районе Вильно. После взятия крепости Ковно, германская армия наступала между реками Виля и Неман, стремясь обойти с севера, и окружить сосредоточенные в плотной группировке, к северо – западу от Вильно, силы русской армии, под командованием генерала Е. А. Радкевича. Натиск германских войск заставил русское командование усилить этот участок фронта и немецкое наступление захлебнулось. Удержав район

Вильно, русские войска во встречных боях, продолжившихся до начала сентября, нанесли противнику большой урон.

Снаряд разорвался спереди и чуть сбоку, когда сотник Барышев на полном скаку, впереди эскадрона, летел в атаку. Основной удар шрапнели принял на себя жеребец Улан, смерть его была мгновенной, он, продолжая лететь вперёд, рухнул со всего маха на каменистую почву, Афанасий Пантелеевич, почувствовав удар в левое плечо и острую боль, вылетел из седла и ударился об ту же каменистую почву головой, больше он не чувствовал ничего...

... Очнулся он уже в вагоне санитарного поезда, который подходил к городу Ростову. Страшно болела голова, тела он не чувствовал, почти ничего не видел, перед глазами иногда возникали серые силуэты, но отчётливая картинка не проявлялась. В голове стоял постоянный звон, как будто рядом разорвался недавно снаряд.

В Ростовском лазарете Афанасий Пантелеевич пролежал до конца августа 1915 года. Улучшений не наступало, как оказалось шрапнелью он ранен бал в левое плечо, кость не задело, но ткани были разорваны снизу вверх через всё предплечье, и чудо, как шрапнель прошла мимо головы. Рана заживала плохо, постоянно мокла. От удара об землю произошло сильнейшее сотрясение головного мозга, и было выбито раненое плечо. Единственное чего добились врачи в Ростове, это то, что он с трудом стал подыматься на ноги.

О его местонахождении сообщили домой, в начале сентября приехали отец Пантелей Георгиевич и жена Наталья Фёдоровна. Главный врач госпиталя ничем хорошим порадовать родственников не мог, думая про себя, что в голове больного не только сотрясение, но видимо и гематома, так на всякий случай заметил:

- Мне кажется, что не плохо бы сменить больному климат, - глядя в сторону, без всякой надежды говорил он, - может, помог бы более холодный, у нас влажность высокая и постоянно тепло.

- У меня старший сын на Урале живёт,- оживился Пантелей Георгиевич.

- Вот и хорошо, - подхватил врач, - я дам вам сопровождающих, из легко раненных казаков, мне передали, что сын ваш геройски сражался, поэтому препятствовать никто не будут.

- Ты как, Наталья? – обратился отец к невестке.

- Я хоть на край света, лишь бы Афанасию было лучше.

Вот так, в следующем санитарном поезде, в сопровождении семьи и двух дюжих казаков, Афанасий Пантелеевич прибыл в госпиталь города Екатеринбурга, который славился отличным врачебно – фельдшерским составом, в основанных ещё до войны, госпиталях.

И действительно видимо всё вместе: и климат, и умело подобранное лечение, и старательный уход Натальи Фёдоровны, и знакомства Ермолая Пантелеевича, скоро дали положительный эффект в выздоровлении Афанасия, уже в январе 1916 года, он выписался из госпиталя, а через три месяца был принят в Оренбургское казачье Войско.

Поступив на службу по охране рудников, он, наконец – то, сблизился с давно потерянным, родным, старшим братом. Действительно, семьи их жили, в этом огромном графском дворце, вместе. Наталья Фёдоровна и Елена Владимировна, совершенно разные по характеру люди, однако, быстро подружились. Наталья Фёдоровна сразу же взялась за ведение хозяйственных дел, отстранив от этого всех экономок. Елена Владимировна обучая своих детей, особенно усердно взялась за воспитание Александра. Афанасий Пантелеевич занимаясь охраной рудников, одновременно постигал технические и экономические рычаги управления горнорудным делом. Ермолай Пантелеевич хотел, чтобы брат был совладельцем,

принадлежащих ему рудников. Несмотря на то, что где - то ещё грохотала война, жизнь братьев, наконец – то, приобрела спокойствие и благополучие.

Но, вдруг разразилась революция, которая породила раскол в обществе, ненависть и ярость, отбросив любовь на второй план. Заставив бояться за своё прошлое, а тем более за будущее своих детей, и пытаться любыми судьбами сохранить свой род, не зная к какому берегу пристать к белому или красному.

Вот почему Афанасий Пантелеевич, сразу, без колебаний согласился на предложение, а возможно и на приказ старшего брата, любыми судьбами сохранить детей своих. Род свой – потомственных казаков Барышевых.

Оказавшись на разъезде Жарковском и встретившись там с хорошим человеком Мироновым Акимом Федотовичем, несмотря на мелкие неприятности и неурядицы, надеялся, всё - таки, пережить спокойно эти трудные времена. Но несовместимость казачьего рода и новой власти коснулась и его семьи, и семьи его брата, и друзей.

Переселившись в скит староверов, не зная того, что это специально подстроенный капкан, Афанасий Пантелеевич, воспрял духом и телом, вся эта железнодорожная работа была не для него, выполнял он её по необходимости самосохранения, а тут, вот она матушка – земляца. Руки, привыкшие с детства трудиться в поле, сами рвались к работе, на уборку урожая, на молотьбу, на работу с лошадьми.

И всё это оказалось хорошо продуманной и подстроенной ловушкой для его брата, и, как оказалось, для него тоже. И вот этот дырявый вагон...

Глава девятая.

Без вины виноватые.

Колонисты.

С ранней зорьки пашня черная

*Бороздами поднимается,
Конь идёт – понунив голову,
Мужичок идёт – шатается...*

И. С. Никитин «Пахарь»

Обоз с солдатами и арестантами скрылся за околицей в снежной пурге, поднятой разыгравшейся метелью.

Ничего не понимая, Иван, Пётр и Никита уставились на плачущего Александра.

- Какой отец? – насторожился Иван. – Ты, о чём?

- Вот этот человек с бородой, ваш отец, - глотая слёзы, пролепетал Александр.

- Мать сказала, что наш отец погиб на Урале, откуда же он здесь взялся? Хватит рыдать, рассказывай всё, что ты знаешь. Что ты нюни распустил?

- А то, что теперь их всех расстреляют и твоего отца, и моего, и Миронова с Красновым то же.

И подавив рыдание, немного успокоившись, Сашка рассказал ребятам всё то, что услышал от Краснова, лёжа на печи, прикинувшись спящим.

А по хутору уже, от дома к дому, чёрной тучей перекатывалась тревога. Жители крайних домов видели, как со стороны пасеки, вынырнули из снежной метели лошади, запряжённые в сани, на которых восседали вооружённые солдаты, видели они и арестантов, и преученые к неожиданным неприятностям, догадались о том, что всё произошедшее ничем хорошим для них не закончиться. Поэтому весть стремительно распространилась по мрачным домам скита. И когда она дошла до дома Натальи Барышевой и Аксины Красновой, сквозь завывание метели, по

хутору прокатился безутешный женский плач. Эти две женщины знали действительную цену случившемуся. А через некоторое время рыдали ещё две, Елена Владимировна и Полина Константиновна.

Женщины и дети арестованных казаков, убитые горем, собрались все вместе в доме Барышевых. В комнате воцарилась страшная сжимающая душу тишина, никто не знал, что можно сказать по поводу случившегося, но все прекрасно представляли себе последствия произошедшего. Если даже их не уничтожат вслед за мужьями, то они просто все умрут с голоду, чуть попозже, когда закончатся скудные запасы продовольствия, оставшиеся в домах, после продразвёрстки.

- Ладно, бабы, - нарушила тишину Наталья Фёдоровна, - пока нам неизвестна судьба наших мужей, надежду терять не будем, - сказанное было скорее в утешение подруг по несчастью, она прекрасно понимала, что больше мужей своих им увидеть не придётся.

- Ну, а там посмотрим, - продолжала, Наталья, - будем держаться вместе. Дети наши подросли, у нас на Дону, в десятилетнем возрасте парни считаются взрослыми казаками, твои Елена Иван и Петька, и твои Аксинья Васька и Генка станут мужиками, они уже десятилетний рубеж преодолели. И тебя Полина не оставим одну, может и не пропадём.

Томительное ожидание известий о судьбе арестованных и о своей дальнейшей участи, тяжёлым бременем нависло над обречёнными родственниками. Женщины запустили хозяйственные дела, всё валилось из рук, ничего не хотелось делать. Прошло две недели. В понедельник к обеду в хуторе появился председатель сельского совета Занин Михаил Игнатьевич. Приказал собрать жён арестованных в одной избе, детям заходить на этот сбор запретил.

- Вот, что гражданки реабилитированные, принёс я вам тяжёлую весть! Почему я вас так называю «реабилитированные»? Да по тому, что Советская власть простила вам вашу вину. Благодарите за это председателя Секретариата РКП/б/ Огнева Александра Николаевича и председателя поссовета Чернова Василия Петровича. Начальник Жарковского участка ЧК Шевцов настаивал на том, чтобы вас отправить вслед за вашими мужьями. – Занин тяжело вздохнул, - а весть такая бабоньки, мужей ваших Барышевых и Краснова расстреляли на прошлой неделе.

Избу заполнил бабий плач, причитали в голос, словно тела покойников находились здесь, рядом в этой комнате. Ребятишки, подумав, что их матерей убивают, стали колотить в двери и окна. Теперь, когда траурная весть была озвучена, их запустили в избу.

- Сиротинушки вы наши, - обхватив детей, ещё больше запричитали женщины. Дети догадавшись, что произошло, присоединились к рыдающим матерям.

В избе невыносимо было находиться, Занин вышел за дверь, скрутил «козью ножку», и глубоко затянулся едким махорочным дымом. Дверь избы открылась и на крыльцо, вытирая заплаканные глаза, вышла Полина Миронова. Сначала, когда Занин сообщил весть о расстрелянных, она рыдала и причитала вместе со всеми, Аким Федотович был единственным родным человеком для неё. Мать, проживающая в Орловке, умерла, брат где – то затерялся на фронтах Гражданской войны. Но наплакавшись и вдумавшись в слова председателя, вдруг поняла, что фамилии своего мужа она не слышала. Нужно сказать, что и другие, ошарашенные страшной вестью, женщины этого не заметили тоже.

- Михаил Игнатьевич, а почему вы не назвали фамилии моего мужа? - всхлипывая, спросила она.

- По тому, что он ещё пока жив.

- И где он сейчас?

- Известно где, в тюрьме. Его действия в этом деле трибунал не рассматривал, его будет судить Народный суд. Я вот ходатайство подал о его освобождении, считаю, что он в этом деле меньше всех виноват, окрутили его родственники Барышева, а он слабыхарактерность проявил, не мог им отказать. Да его бог и так уже наказал.

- А за что же тогда женщин и детей судить собирались?

- Как за что, за их близкое родство, за то, что много знали и не донесли, а гражданка Чеплицкая оказывается жена бандита и скрывала это, так же как Афанасий Барышев и его жена.

- Михаил Игнатьевич, если бы они донесли на себя, их бы всех, вместе с детьми, давно бы уже не было, сейчас время жестокое, а год назад вообще всех неугодных расстреливали без суда и следствия.

- Всё хватит Миронова, ты за всех не берись ответ держать. Уж за одно то, что вы казачьего сословия, вам всем место здесь в Сибири. Натворили ваши казаки дел, на Дону, на Кубани и на Урале, немало покрошили наших красноармейцев. По тому и вас помиловали, что дальше Сибири посылать уже не куда. А то, что я за мужа твоего радею, так это для своей же пользы, понравилось мне, как он порядок на хуторе держит, пасечник с него хороший получился. И вреда от него, с одной рукой, никакого не ожидаю. А остальным, то же, не доверяю, не сломлен ещё в их натуре вольный дух. Иди, скажи, чтобы успокаивались, хватит реветь и причитать, у меня с вами разговор не окончен.

В избе плачь, и причитания постепенно затихали, Занин открыл дверь и сразу с порога обратился к всхлипывающим женщинам:

- Вот о чём я хочу с вами потолковать гражданочки вдовы. Плачь, не плачь, а мужей ваших не вернуть. Вам же жить как – то надо. Конечно, я бы мог махнуть на вас рукой, мол, живите, как хотите, но не хочу чтобы в моём

селе люди с голоду помирали, а обо мне потом молва шла – вот, мол, какой Орловский председатель душегуб. Поэтому, я думаю так! Гражданка Краснова у вас остались родственники в той губернии, откуда вас переселили?

- Да, у меня там родители и брат живут.

- Вот пиши им письмо о том, что возвращаешься назад, я помогу с переездом, пока работы полевые не начались.

- На пасеке, кто помогал Миронову?

- Я, Иван Барышев.

- Вот ты и занимайся дальше ей, возьми помощников из своих ребят.

- Я буду помогать, - успокоенная тем, что мужа не расстреляли, назвалась Полина, - я иногда помогала Акиму тоже.

- Четыре поля зерновых вам без мужиков теперь не осилить, возьмёте пока два, рожь всю не съедайте, оставьте на семена. Лошадей кормить надо, а сена мало, из тех лошадей, что я вам предоставил, оставьте себе на четыре двора одну лошадь, дров при надобности подвести, а три я назад в посёлок отправлю. Весной посмотрим, на вспашку одну ещё попрошу у начальника лагеря, теперь лошадьми он распоряжается. Голодно будет, разрешаю ребятишкам вашим заниматься охотой. Ружья дать пока не могу, ставьте ловушки. Сходите на пасеку, посмотрите на чердаке, у староверов должны где - то остаться лыжи, добирались же они на чём – то до пасеки. Попрошу деда Беклемищева, чтобы он сделал ещё две пары, заготовки у него есть. Ну а совсем припрёт, придётся вам летом наниматься в помощники к местному населению, пастухи для скота им потребуются, чем не работа, с каждого двора продукты, на какие договоритесь. А сейчас главное до весны дожить, а там и на траве прожить можно, её в лесу, полезной для здоровья, полно. Огороды у вас остались от староверов, семена, я думаю, вы догадались

запасти. Ладно, на этом всё, живите, бог не выдаст – свинья не съест.

Свалились вы на мою седую голову.

Было это в конце января 1921 года. До весны оставалось ещё три месяца. Соседи, озабоченные своими бедами, в дела осиротевших женщин и детей не вмешивались. Была и другая причина, кроме забот, соседи, сами находящиеся на «птичьих правах», боялись контактировать с семьями расстрелянных, как бы чего не вышло. Поэтому в дела бабьего царства никто, кроме Занина, не вмешивался.

Наталья Фёдоровна, как самая опытная в хозяйственных делах, ей пришлось вспомнить былые станичные времена, определила количество семян ржи для засева четырёх десятин земли. Семена свезли в один амбар и заперли на три замка. Оставленную на еду рожь тоже распределили на каждый день, учитывая то, что часть придётся отдать за помол. Мельница была в соседнем селе Марьенке, за размол ржи мельник брал себе меру с каждого мешка, мерой являлся специальный черпак, в который входило килограмма два муки. Хлебных запасов до нового урожая по всем подсчётам не хватало, надежда оставалась на картошку и капусту, оставшуюся от староверов. Про охоту на дичь никто пока не думал.

Дрова на зиму мужики успели заготовить, но хватит их или нет, зависело от морозов. Если сильные морозы будут длительные, дров может не хватить. Теперь на мельницу и за дровами нужно будет ездить самим. Мужиками, согласно казачьим обычаям, стали теперь двенадцати летний Иван и одиннадцати летний Пётр. Семью Красновых в расчёт не брали, они готовились к отъезду на родину.

Сена, с трёх дворов, на прокорм одной лошади было с избытком, и у Натальи Фёдоровны зародилась сомнительная мысль: «У Аксины Красновой две коровы и нетель, может быть, она продаст нам одну корову. Куда ей

одной теперь столько скота. Но, даже если и согласиться, где взять деньги на покупку? Переговорить с Еленой и Полиной? Они в этом деле ничего не понимают» И всё же она решилась, позвала подруг к себе в дом и поделилась своей мыслью.

- Хорошая мысль, - одобрила Полина Миронова, - денег Советских у нас нет, да они сейчас ничего не стоят. */В 1921 году, на двести рублей можно было купить столько же, сколько на восемь в 1917 году, зарплата бухгалтера была 2.000.000 рублей, кроме того в Сибири они часто менялись, поэтому люди доверяли больше золотым червонцам/.*

Оглянувшись по сторонам, словно боясь, что кто – то спрятался, например, под стол, зашептала:

- Есть у меня царский золотой червонец, колчаковский адъютант вручил Акиму, на полустанке Жарковском, когда они отступали. Я слышала, что сейчас он дорого стоит. Но согласится ли Аксинья взять его?

- Корова, у нас на Дону стоила до войны пятьдесят рублей, - сделала оценку Наталья/это и не удивительно, крестьяне и казаки жили за счёт продажи животных и сельскохозяйственных продуктов/

- А золото всегда в цене, - подхватила Елена, ей бы, бывшему владельцу золотых рудников, да ни знать этого, - у меня тоже кое, что осталось от прошлой жизни.

- Мы ещё пока не знаем, согласится ли она продать корову, - засомневалась Наталя Фёдоровна, - вот, что бабоньки, если ты Полина согласна отдать этот червонец, а ты Елена своё «кое, что», я с Аксиньей переговорю.

- Мы - то согласны, - в один голос заявили подруги.

- Да как бы всё это нам опять боком не вышло, - добавила Елена, - не дай бог дознаются чекисты.

Аксинья Краснова собиралась на родину. Три дня назад она получила письмо от брата. Он сообщал, что в станице жизнь идёт по прежнему, не богато, но жить можно, преследования казаков прекратились, но слов таких «мы казаки» лучше не произносить, все теперь крестьяне. Дом, их с Фёдором, стоит не занятый, и вообще в станице много пустых домов, некоторые казаки погибли на войне, офицеров расстреляли год назад, обезглавленные семьи кинулись на поиски лучшей жизни, скорее всего, поближе к родственникам, живущим в других местах.

Аксинья ходила в сельский Совет, и показала письмо Занину, так как сама читать не умела. Обратиться к Елене Владимировне постеснялась, та не могла забыть предательства её мужа Фёдора, хотя оно, это предательство, ничего не меняло в судьбе Ермолая.

- Ну, что ж собирай манатки, - сказал председатель, - договорился я, с местными крестьянами. Отвезут они, на своих лошадях, вас до места. Только ты уж как – то заплати им хотя бы немного. Не знаю, как быть со скотиной, с коровами, гоном их не угонишь, зима. Придётся связывать, да вести в санях. Выдержат ли они такую поездку.

Такой вот был человек Занин Михаил Игнатьевич. В его обязанности не входило помогать в устройстве жизни семье расстрелянного «врага», мало того его могли обвинить в пособничестве неблагонадёжным людям, в неуважении вышестоящих властей.

«Где ж я возьму денег, - выйдя от председателя, думала Аксинья, - продала бы я одну корову, стельную, если её вести связанную в санях, пропадёт она и телёночек погибнет в утробе. Да кто ж её возьмём, у кого сейчас деньги. Если бы можно было, обменяла бы, на что, ни будь»

На второй день, к обеду, только, что Наталья Фёдоровна собралась пойти к Аксинье со своим предложением, как та сама появилась у неё на пороге.

- Куда это ты собралась, - заметив одетую в полушубок Наталью, спросила Аксинья, - видимо я не вовремя пожаловала к тебе.

- Да, нет, в самый раз, я как раз к тебе и собралась.

- Зачем, наверное, услышала, что я уезжаю.

- Нет, - смутилась Наталья, - совсем по другому делу. Предложить тебе кое – что хотела. А ты зачем пришла?

- А я тоже к тебе с предложением пришла. Хочу, чтобы вы у меня одну корову купили или променяли на рожь.

- Вот как, так и я с тем же предложением к тебе собралась. Только рожь на обмен отдать не могу, мы сами с голоду помрём. Деньгами возьмёшь?

- Наталья ты же знаешь, что деньги эти ничего не стоят, за корову их надо целый мешок. Где ж ты его возьмёшь? Хотя деньги мне тоже нужны, рассчитаться с мужиками, которые меня перевозить будут.

- Ладно, посиди у меня, сейчас я бабёнок позову.

Вскоре, вместе с хозяйкой, появились Елена и Полина.

- Вот Аксинья, - женщины уже всё обговорили пока шли, - даём тебе за твою корову пять золотых монет, золотой царский червонец и четыре золотые монеты стоимостью в три рубля. Если брать старые цены, то это в три раза больше чем давали на рынке.

- Золотые, - засомневалась Аксинья, но посмотрев на блестящие золотые монеты, и вспомнив, что золото всегда было в цене, согласилась, - не всегда ж будут эти обесцененные деньги, когда – то государство и к золоту вернётся. По рукам. А с мужиками я рожью рассчитаюсь, там, на родине брат поможет.

Так у Натальи Фёдоровны появилась корова, да ещё стельная, принадлежащая всем трём дворам. И хотя вложений капитала со стороны Натальи не было, за то она единственная из трёх, кто мог управляться с этим прекрасным, но упрямым животным.

Вот так, полу голодом, экономя на всём, повязанные общим горем, три семьи, сплотившись в одну, преодолевали все невзгоды, выпавшие на их долю. Теперь уже никто не сомневался в том, что Иван, Пётр и Никита дети Ермолая Платонова, который, как выяснилось окончательно, в действительности был – Ермолаем Барышевым. Они, не только Иван и Пётр, но Никита и Александр быстро становились взрослыми. Лыжи на чердаке пасечного дома они нашли, да и дед Беклемищев сделал две пары, теперь все ребята, в несколько дней набравшись навыка, крепко стояли на лыжах. Тот же дед Иван Кириллович Беклемищев, изготовил им ловушки на зайцев, чему ребята и сами скоро научились. Особого труда для этого не требовалось, это были обыкновенные проволочные петли. Трудности заключались только в том, что необходимое количество проволоки было трудно отыскать. Дед Иван показал, как правильно ставить ловушки и рассказал где лучше устанавливать.

Село Орловка было достаточно большое, от него в лес уходили пять полевых дорог, которые, в основном, использовались в летнюю пору, по ним ездили местные крестьяне на заготовку сена, сбор ягод и грибов и битьё кедровых шишек. Одна из этих дорог была просёлочная, соединяла села Орловку и Марьенку. Тремя дорогами пользовались деревенские, и одной хуторские жители. Так, что пути их пересекались редко.

С местными ребятами хуторские не враждовали, но и дружбу не водили. Причин было много. Не водили в силу того, что хутор находился всё – таки в стороне от основной деревни. По старой привычке - староверы никого из чужих в свой скит не запускали. И конечно, узнав то, что нескольких хуторских мужиков расстреляли – местные побаивались. А главная причина была в том, что хуторские ребята рано становились взрослыми, и им было не до игр.

Что же касается Барышевских ребят, они вели себя обособлено даже с хуторскими. Однако вскоре и у них появилась подруга не из их клана. Через неделю, после продажи коровы, семью Красновых вывезли на родину. Особых страданий в связи с их отъездом никто не испытывал, привязаться друг к другу соседи не успели, а выяснив основную роль их подселения, после их отъезда, даже вздохнули с облегчением.

Через месяц, в бывший Красновский дом, въехали новые соседи, по фамилии Богдановы. Хозяин Николай Трофимович, высокий широкоплечий, обросший обширной, чёрной бородой, на первый взгляд, угрюмый мужчина, на самом деле оказался спокойным, знающим себе цену человеком, необычайной силы. В этом ребята убедились в первый же день их приезда. Нагруженный под завязку всяким житейским барахлом воз, зацепился за столб при въезде во двор, лошадь упёрлась и не подаётся ни взад, ни вперёд. Новый сосед не стал дёргать коня, и понукать им, молча схватил сзади тяжеленный воз и без особых усилий, приподняв его на полметра, отнёс в сторону.

Хозяйка Анна Михайловна, плотная, среднего роста, обыкновенной наружности женщина, была под стать мужу, лишних слов «на ветер» не бросала, однако выражение лица её излучало добродушие и доброжелательность, эти качества скоро подтвердились на деле. Она в тот же день перезнакомилась с новыми соседями, узнав, что все они безмужние, выразила своё сочувствие, и заверила, что в случае надобности, муж её, Николай Трофимович, всегда придёт им на помощь. Пришёл и он, муж, подтвердил свою готовность в оказании помощи, в сложных ситуациях, дав понять тем самым, что по пустякам его тревожить не стоит.

Но самым главным для ребят стало знакомство с третьим членом семьи новых соседей. Этим лицом оказалась худощавая смуглая девочка, судя по росту, одних лет с ребятами, и действительно, при знакомстве она

сообщила, что ей девять лет, то есть ровесница Александра, и зовут её Варя. Голову Варвары украшала толстая чёрная коса до пояса. Нисколько не смущаясь, она, перезнакомившись с ребятами, предложила им свою дружбу. Ребятишки, никогда раньше не дружившие с девочками, сначала отнеслись к этому предложению скептически, нет, не потому, что она им не понравилась, а, просто, не зная с чего начинать и как вести себя с ней. Но опасения были напрасными, Варя оказалась проворной и ловкой во всём, ни сколько не хуже каждого из них, но может быть только чуть – чуть слабее физически. А уже через три дня, после знакомства, они стали неразлучными друзьями. И чтобы окончательно уравнивать права, вновь обретённого товарища, с их правами, пришлось просить деда Беклемищева об изготовлении ещё одной пары лыж.

Единственное дело, которое ребята пытались скрыть от Вари, это отлов петлями зайцев. Для этого пришлось делать отвлекающий маневр, двое ребят занимались какими – то делами с Варварой, двое других, под предлогом проверки омшаника на пасеке, шли осматривать петли. Но это продолжалось недолго. Через неделю она заявила:

- Я тоже хочу побывать на пасеке, почему вы меня туда не берёте. Не доверяете мне, какие ж вы после этого друзья.

Деваться не куда, пришлось все тайны открыть.

- Мы не могли тебе сказать, думали ты девочка и тебе будет жаль зайцев.

- Что ж вы думаете, я не понимаю, что вы живёте бедно и, что вам не хватает пищи. Да, наверное, зайцев жалко, но я всё понимаю, и знаю, что такое голод. Мы с мамой долго жили вдвоём, отец сначала был на войне, потом в тюрьме, его недавно выпустили, родина наша на Кубани, но нам туда ехать запретили, поселили вот здесь. Отец сейчас нанимается в посёлке

на разные разовые работы, на то и живём. У нас тоже на столе не богато, берите и меня в долю.

Вот так они и жили, превращая полезные занятия в игры, и играючи выполняли все хозяйственные работы.

Был и ещё один член семьи Богдановых, Димка, но он пока ещё маловат для дружбы, ему исполнилось всего лишь пять лет.

Приближалась весна, женщины и ребята подсушивали семенную рожь, одновременно выбирая из неё семена сорняков. Замачивали семена овощей, добытые осенью из семенных плодов. Перебирали семенную картошку. Иван и Пётр, отыскав конные плуги и бороны, очищали их от прошлогодней земли и, с помощью соседа Богданова, ремонтировали их, Николай Трофимович, был ещё и отменным кузнецом. Иван попросил его перековать коня, оставленного у них председателем Заниным. Конь за зиму поправился, сена было в достатке и, до появления первой травы, должно было хватить с избытком. Ребята готовились к вспашке огорода и зернового поля. Для того, чтобы вовремя до посевной провести вспашку, одного коня было мало. Иван ходил в сельский Совет к председателю.

- У тебя сено ещё есть? - как взрослого мужика, спросил Ивана Занин, - второго коня подкормить хватит?

- Должно хватить, - как и подобает взрослому, ответил Иван.

- Тогда, поедешь, завтра, в лагерь на своём коне, и возьмёшь там второго, я уже договорился.

- Спасибо Михаил Игнатьевич.

- Не стоит благодарности, мне договорится не трудно. Сам – то со вспашкой справишься?

- Конечно, теперь уж, кроме меня, этим заниматься не кому, братья помогут. На другом коне Пётр будет огород пахать, пока огород вспашет научиться, а уж потом и на пашню пойдёт.

- Ну, что ж рассуждаешь ты толково. С богом! Пстой, - окликнул председатель уходившего паренька, - чуть не забыл, ты Иван пасеку – то не бросай, в начале апреля пчёл надо выставить из омшаника на волю, в конце апреля, в мае и вначале июня начнётся роение. Ты с этим делом не знаком, пасекой вы начали заниматься осенью, когда уже роение давно прошло. Попроси деда Беклемищева, он тебе всё расскажет и покажет, дашь ему потом медку малость. Дед этот, как видишь, на все руки от скуки. Да, возьмите Полину Миронову, она изъявила желание вам помогать. В мае месяце тебе и ребятам с пчёлами некогда будет заниматься, будете пахать землю, сеять рожь, сажать картошку и другие овощи. Теперь ваше благополучие будет зависеть полностью от вас, как говорится, что посеешь – то и пожнёшь.

- Варька, ты хочешь с пчёлами работать? - спросил подружку Иван, вернувшись от председателя, - с тёткой Полиной Мироновой нам будете помогать.

- Я хочу, но надо отца спросить, весна скоро, огород нужно засаживать, мамке помогать, потом посевная начнётся, родители в поле уйдут, мне с Димкой водиться.

- Пасека сельсоветская, за работу Занин мёду будет давать, Димке вашему и тебе гостинец.

Через день Варя сказала, что отец согласен, но только не каждый день. Богданов, скорее всего, не согласился бы, но Николаю Трофимовичу дружба его дочери с ребятами пришлась по душе, они всегда, как бы играя, занимались делом, во дворах, в доме, иногда все вместе помогали и ему. Конечно он здоровый мужик, не нуждался в их помощи, но ему нравилась сноровка и упорство ребят в работе. Кроме того Богданов, наблюдая за тем как они опекают его дочь, понял то, что она сразу же стала им, как бы родной

сестрой, и то, что в обиду эти, рано повзрослевшие, ребята никогда и никому её не дадут.

Однако согласие это принесло очередную беду их дружному объединённому сообществу.

Роение, это деление пчелосемей - когда часть пчёл покидает улей вместе с родившейся новой, молодой маткой. Так называемый рой, в несколько тысяч пчёл. Но отделившиеся пчёлы, прежде чем улететь, клубком садятся на какое – то облюбованное место: забор, дерево, куст, иногда прямо на высокую траву. Вот в этот – то момент пасечнику нужно аккуратно собрать этот рой – клубок в роевню и пересадить в новый улей. Для опытного пасечника процедура не сложная, достаточно обнаружить в этом клубке матку и аккуратно пересадить, с небольшой частью пчёл, в роевню, на её зов остальные пчёлы переберутся туда сами. Но для новичка хлопотная и даже опасная, неаккуратно потревоженные пчёлы не только могут сорваться с места и улететь, но и жестоко изжалить новичка.

Дед Беклемищев, конечно, всё рассказал и показал ребятам и Полине, но к этим знаниям нужны были ещё ловкость и умение. Поэтому, не обладая в нужной мере этими качествами, новые пасечники в апреле и в начале мая, изжаленные пчёлами, ходили с опухшими руками и физиономиями. Но постепенно, стремление овладеть приёмами мастерства, дало свои положительные результаты, отлов и пересадка стали проходить безболезненно и плодотворно. Полина Константиновна и Варя с этим делом справлялись, ни сколько не хуже главного пасечника Ивана.

В поле и в огороде к этому времени начала подсыхать земля, пора приступать к вспашке. Сначала Иван и Пётр хотели заниматься этой работой одни, как и договаривались, Иван пашет поле, Пётр огороды. Сашка и Никита, вместе с Полиной и Варей остаются на пасеке. Но вспашка земли ни такое простое дело, как им казалось до того, пока они не взялись выполнять

его. Лошади, ранее никогда не используемые на пахоте, прямо, рядом с бороздой, идти не хотели, постоянно стремились отклониться в сторону, либо совсем отворачивали от пашни. Чтобы управлять ими и одновременно удерживать ровно плуг, не хватало навыка. Ребята выбивались из сил, но у них ничего не получалось. Заметив то, как мучается Иван, пахавший соседнее поле Богданов, пришёл и дал совет:

- Ты вот, что Иван, хватит изображать из себя бывалого пахаря, один ты ничего не сделаешь. И Петька огороды тоже не вспашет. Зовите Сашку и Никитку, пусть они водят по борозде лошадей за узду, а вы уж управляйтесь с плугом.

- Так они же на пасеке работают.

- Ничего, на пасеке девки справятся, пока вы пашете.

Так и сделали, как посоветовал Николай Трофимович. К концу мая вспахали огороды, допахали пашню, посеяли рожь. Всеи, объединённой компанией приступили к посадке картофеля. Только, что пообедав и выйдя снова в огород досаживать картофель, услышали, вдруг, душераздирающий детский крик, от дороги, ведущей на пасеку. Побросав лопаты и корзинки с картофелем, все кинулись с огорода во двор, а за тем на улицу. За околицей показалась стремглав бегущая Варя, волосы её были растрёпаны, из широко раскрытого рта вылетали оглушительные крики:

- Тётя Полина..., тётя Полина... там, там зверь...

Иван, чувствуя охватившую его тревогу, схватил топор и, перемахнув через ворота, метнулся в сторону просеки, ведущей на пасеку. Ребята, схватив, кто вилы, кто лопату, устремились за ним. Женщины, перехватив рыдающую Варю, пытались её успокоит и выведать причину происходящему, но всё было безуспешно, Варя словно околдованная, повторяла только два слова:

- Там зверь... там зверь...

В конце, концов, не добившись ничего, оставив напуганную девочку на попечение матери, Елена Владимировна и Наталья Фёдоровна, тоже побежали в сторону пасеки.

Ивану, первым добравшемуся до пасеки, представилась страшная картина: несколько колодок с пчёлами были перевернуты, над ними огромным гудящим клубком кружились пчёлы, посредине поляны, между разбитыми и опрокинутыми колодками, вниз лицом лежала Полина Константиновна. Ниже лопатки, обнажая рёбра, зияла огромная рваная рана, с правой стороны на голове, был вырван, вместе с волосами, огромный клочок кожи, правая рука была неестественно вывернута. Она ещё была жива, и каждые её вдох и выдох сопровождалась хриплыми, булькающими звуками. Никакого зверя, о котором кричала Варя, видно не было. Подбежавшие ребята, увидев эту картину, замерли в страхе. Вскоре появились женщины, пасека и ближайшие окрестности наполнились рыданиями и причитаниями.

- Хватит орать, - вдруг громко и зло приказал Иван, - несите одеяло.

Полину осторожно переложили на одеяло и занесли в дом. Она была без памяти. Из рта при каждом выдохе выступали кровавые пузыри. Было件нятно, что жить её осталось не долго. Все присутствующие не могли сдерживать слёз. Вдруг веки раненой женщины задрожали, и она медленно открыла глаза.

- Медведь...- прошептала она, - Варя...?

- Варя дома, - поспешила с ответом Наталья, - что случилось?

Но ответить Полина не смогла, глаза её снова закрылись, и дыхание стало ещё тяжелее. Все стояли в растерянности, не зная, что же делать дальше, где брать помощь, единственный человек, обладающий хоть какими – то медицинскими знаниями, лежал перед ними, уходя из жизни. Через некоторое время, страдалница вновь приоткрыла глаза и еле слышно прошептала:

- Простите меня..., я вам не сказала..., Аким жив..., - тяжело переведя дыхание, она закончила, - если вернётся, не бросайте его...

Больше она ничего не сказала, часа через четыре, ближе к вечеру, Миронова Полина Константиновна отошла в мир иной.

Из сбивчивого рассказа перепуганной Вари, кое - как, больше на догадках, удалось восстановить картину произошедшей трагедии:

Полина Константиновна и Варя снимали с дерева очередной пчелиный рой. Вдруг ветки ближайшей сосны зашевелились, и на поляну выкатился медвежонок - подросток. Выскочил и напрямиком к открытой, приготовленной для пересадки пчёл, колодке. Видимо хотел поживиться медком, но она была пуста. Сначала пасечницы замерли, скорее не от страха, а от неожиданности, но когда медвежонок перевернул колодку, Варя никогда не видевшая медведей, думая, что это, что – то вроде плюшевой забавы, схватила лежащий на земле берёзовый сук и бросилась отгонять медвежонка. Медвежонок заревел и отскочил в сторону, в это время из леса вылетела огромная медведица и устремилась к Варе. Полина кинулась наперерез бегущему зверю, и та, взмахнув широкой, когтистой лапой нанесла роковой удар в бок, а потом по голове, падающей уже Полине. Затем, не обращая внимания на убегающую Варвару, в гневе раскидав несколько колодок, облепленная разъярёнными пчёлами, удалилась в лес.

Полину похоронили на местном кладбище. Варя, безутешно рыдающая над гробом, неделю прометалась в горячке.

Глава десятая.

А память прошлое хранит...

Борьба за жизнь.

Память, седая, косматая

*Снова начнёт монолог.
Будто старуха горбатая
Хочет вернуть старый долг.
Сядет, расскажет, коварная,
Тайны забытых потерь,
Вновь объяснит что – то важное:
«Ты мне, милочек, поверь»...*

Likinkot «Память»

Сумерки сгущались, от реки тянуло холодом, водка в бутылке поубавилась, но мысли ещё работали нормально. Всё передуманное вспоминалось не так чётко, как описано выше, по тому, что Александр Афанасьевич все эти события сам не переживал, знал их, может быть, и не так точно, как свидетель происходящему, а со слов родственников: отца Афанасия Пантелеевича, матери Натальи Фёдоровны, Елены Владимировны – жены дяди Ермолая и друга семьи Миронова. Поэтому они пронеслись в сознании стремительно, не задерживаясь на отдельных деталях.

Повзрослел Александр Афанасьевич – Сашка, будучи уже жильцом в железнодорожном бараке на полустанке Жарковском. Эти события накрепко укоренились в сознание паренька, волею судьбы оказавшегося в изгнании, вместе с родителями, на этом забытом богом сибирском полустанке, по собственной воле оказавшимися переселенцами. Позже это наименование, с небольшим добавлением букв, «спецпереселенцы» примут на себя сосланные в Сибирь, лишённые всех прав, репрессированные люди, распространится оно и на хутор казаков.

После нелепой гибели Полины Константиновны, все ребята как – то сразу повзрослели. Да и, в общем – то, заниматься детскими забавами стало совершенно некогда. Теперь парням нужно было работать на двух зерновых участках и трёх огородах, зная, о том, что Аким Федотович жив, Наталья

Фёдоровна уговорила председателя Занина, усадьбу Мироновых пока никому не отдавать. Да он и сам не настаивал на приезде новых поселенцев. Казакам, привыкшим к строгому укладу жизни, требовался атаман, которым некоторое время считался Аким Федотович, называющийся теперь старостой, и они, узнав то, что он отбывает срок и может скоро вернуться, от выборов нового отказались. Возможно, он один умел объединять собранные со всех волостей семьи переселенцев, так как до сих пор, особого казачьего, станичного контакта между ними не получалось.

Пасека, несмотря на случившееся, осталась за ребятами Елены Владимировны. Иван был старшим пасечником, Пётр и Никита помощниками. Работы с пчёлами, особенно весной, было невпроворот. Председатель Михаил Игнатьевич выделил им берданку, ружьё с затвором, стреляющее винтовочными патронами, на случай, если вдруг им опять придётся обороняться от дикого зверья.

Варя, напуганная случившимся, и считавшая себя виновной в смерти Полины, на пасеке больше не появлялась. Кроме того она теперь была постоянно занята тем, что опекала своего младшего брата Димку. Отец её и мать, целыми днями были заняты. Николай Трофимович наскучавшись, на фронте и в тюрьме, по пашне, и чувствуя, при этом, вину перед своей семьёй, за их полуголодную жизнь, в его отсутствие, взял сразу два участка пашни, и насколько можно было, расширил огород. Вот там – то, вместе с Анной Михайловной, они и пропадали целыми днями, трудились в «поте лица» обихаживая каждый колосок, каждый картофельный кустик и каждую грядку.

Сашка тоже на пасеку с весны не попал, посеяв рожь и посадив картошку, две семьи остались теперь почти без пищевых запасов. Выручил опять председатель Занин, уговорил деревенского пастуха взять Сашку в подпаски, расчёт за эту работу жители деревни производили ежедневно,

каждый двор поочерёдно собирал подпаску сумку с продуктами, которую он честно делил со своими родичами.

Огородами и полевыми работами занимались Наталья Фёдоровна и Елена Владимировна, им помогали Пётр и Никита, когда на пасеке поубавилось работы.

В июле месяце всем семейством, под наблюдением Занина, провели первую откачку мёда. Удовлетворённый полученными результатами этого святого дела, председатель наградил пасечников тремя пудами ржи и ведёрком мёда.

Когда же на селе начался сенокос, Наталья Фёдоровна, оставив огород на попечение Елены Владимировны, нанималась к местным крестьянам в помощники, за продукты. Косить косой она уже не могла, но грести и укладывать сено в копны, не разучилась.

Вот так, как говорится: «с миру по нитке...», нет скорее «с миру по крупинке, голодному каша», обезглавленная семья Барышевых, смогла дотянуть до осени 1921 года, до уборки нового урожая.

Но урожай этот, довольно скудный, нужно было ещё собрать, да и не забыть про продразвёрстку, для них она была обязательна, так как все хуторяне по распоряжению Жарковского отделения ЧК, были причислены к классу зажиточных казаков «кулаков».

Однако новое правительство продразвёрстку вынуждено было отменить. Декретом ВЦИК от 21 марта 1921 года продразвёрстка была заменена продналогом.

Что же стало причиной таких изменений и принесли ли они пользу государству?

Продразвёрстка появилась раньше продналога – она была введена в декабре 1916 года, ещё в Российской империи. Так называемая хлебная

монополия предполагала, что производители будут передавать государству весь объём имеющегося у них хлеба / на личные и хозяйственные нужды оставляли лишь маленькую часть, согласно утверждённым нормам /. Цены на продукцию устанавливало само государство. Помимо хлеба, продразвёрстка ставшая проявлением политики «военного коммунизма», после революции, постепенно распространилась на картофель, мясо, а затем вообще на всю сельхозпродукцию. Проводилась она в принудительном порядке: у крестьян просто – на просто отбирали все сделанные ими запасы, что вынуждало людей прятать продовольствие, невзирая на опасность смертной казни. Нормы сдачи хлеба были настолько драконовскими, что в большинстве случаев превышали количество хранящейся у заготовителя продукции и убивали стимул трудиться на земле, сеять хлеб.

Методы, применяемые Советской властью при заготовках, в период продовольственной диктатуры, вызывали рост крестьянских недовольств, переходившие в вооруженное выступление крестьян.

Часто продовольствие, отнятое у крестьян, сгнивало из – за бюрократических и транспортных проблем. Товарно – денежные отношения практически были сведены к нулю, так как запрещалась свободная продажа зерна и хлеба.

В марте 1921 года взамен продразвёрстке был введён фиксированный продналог: это означало переход к НЭПу – новой экономической политике. Теперь крестьяне могли продавать излишки продукции, что стимулировало сельское хозяйство и развитие торгово – рыночных отношений, заинтересованность людей в увеличении посевов и повышении урожайности. Государство больше не являлось монополистом, а земледельцы заранее знали, сколько продукции они должны были ему сдать. Размер продналога был на порядок меньше продразвёрстки. Продналог рассчитывался, как доля / сначала 20%, а потом 10%/ от общего

количества урожая, причём для зажиточных хозяйств /кулаков/ он был больше, а с бедняков мог вообще не взиматься.

Однако принятые меры, в ближайшее время, не спасли сложившегося тяжёлого положения в обеспечении населения сельскохозяйственными продуктами. В 1921 – 1922 годах в стране вспыхнул массовый голод. Известный, как голод в Поволжье, в связи с тем, что регионы Южного Урала и Поволжья пострадали наиболее длительно и массово. Пик голода пришёлся на осень 1921 – весну 1922 годов, хотя случаи массового голодания, в отдельных регионах, регистрировались с осени 1920 года до начала лета 1923 года. Согласно данных организации статистики, голод охватил тридцать пять губерний, сильно пострадали Самарская, Саратовская губернии. Голод охватил Поволжье, Южную Украину, Крым, Башкирию, Казахстан, частично Приамурье и Западную Сибирь общим населением девяносто миллионов человек, из которых голодало /по официальным Советским данным/ двадцать восемь миллионов.

Голод обернулся не менее чем шестью миллионами погибших, ростом заболеваемости во всех возрастных группах населения. В борьбе с голодом советское правительство впервые приняло помощь от капиталистических стран. Американская администрация помощи отправила еду и медикаменты, которыми накормили и лечили около одиннадцати миллионов человек.

Голод стал удобным поводом для массированной атаки властей на православную церковь, под видом изъятия церковных ценностей для борьбы с ним.

Основными причинами массового голода считаются : жесточайшая засуха 1921 года, разрушительные последствия Гражданской войны, проводимое большевиками уничтожение частной торговли, изъятие продовольствия у крестьян в пользу голода / продразвёрстка/ и человеческий фактор.

Но в дальнейшем НЭП – новая экономическая политика, позволила в кратчайшие сроки выправить сложившееся тяжелое положение в сельском хозяйстве.

30 ноября 1922 года был принят земельный кодекс РСФСР и введён в действие в декабре того же года. Он навсегда отменил право частной собственности на землю, недра, воды и леса в пределах РСФСР. Сдача земли в аренду разрешалась на срок не более одного севооборота, при трёхполье – три года, при четырёхполье – четыре и так далее /система севооборота с чередованием, например: пара, озимых, яровых культур/ При этом предусматривалось, что никто не может получать по договору аренды в своё пользование земли больше того количества, которое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства. Использование крестьянами наёмного труда допускалось лишь « при обязательном сохранении, применяющем его хозяйством, своего трудового строя, то есть при условии, если все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наёмными рабочими принимают участие в работе хозяйства». И при условии невозможности хозяйства самому выполнить работу.

Необходимо, однако, отметить, что зажиточные крестьяне облагались налогом по повышенным ставкам. Таким образом, с одной стороны, была предоставлена возможность улучшить благосостояние, с другой стороны не было смысла разворачивать хозяйство. Всё это вместе взятое привело к «осереднячению» деревни. Благосостояние крестьян в целом, по сравнению с довоенным уровнем, повысилось, число бедных и богатых уменьшилось, доля середняков возросла.

Однако даже такая половинчатая реформа дала определённые результаты, к 1926 году продовольственное обеспечение значительно улучшилось.

Урожай собранной ржи оказался скудным, сказалась неопытность молодых хлеборобов, неумелая мелкая вспашка почвы, посев, проводимый вручную и требующий особой сноровки, обработка сорняков, а главное жаркое засушливое лето. Урожай картофеля и овощей был неплохой, несмотря на засуху, спас находящийся рядом пруд, воду на полив огородов таскать приходились вёдрами, преодолевая крутой подъём, однако ребята и женщины убивали всё свободное, от других дел, время на увлажнение почвы своих приусадебных участков. Насолили несколько бочек огурцов и капусты, засыпали в погреб и в подпол собранный картофель, морковь и свёклу. По совету Николая Трофимовича, весной посеяли репу:

- В голодовку, пареная репа ни одну жизнь спасла, - сказал он Наталье Фёдоровне и отсыпал горсточку семян, - при нашей жизни всё пригодится.

Ребята, работая на пасеке, научились косить траву, за сезон собрали достаточно сена для лошади и коровы с телёнком. Зорька, так была названа купленная за золото корова, принесла в начале июня тёлочку.

Вот с этим багажом, объединённая семья Барышевых вступила в очередную суровую сибирскую зиму. Насильственное переселение в староверческий скит казачьих семей, совершенно неожиданно стало для них не наказанием, а спасением. Каким бы скудным не был урожай ржи, всё - таки жители хутора имели, хотя и не богатое, но более – менее надёжное продуктивное обеспечение. Останься они на полустанке железной дороги, неизвестно чем бы закончилась их жизнь в ближайшие два года. В стране начался голод, унёсший впоследствии многие людские жизни.

Кроме того, председатель сельского Совета Занин разрешил Ивану на охоту ходить с ружьем, добыча патронов в те годы / Гражданская война ещё продолжалась / особого труда не составляла. Иван, на Жарковском

базаре, за ведро картошки выменял пять обойм винтовочных патронов, двадцать пять штук.

Как говорится, судьба и в этом деле была на их стороне.

Осенью, в ноябре месяце, выпал первый снежок, морозец был ещё довольно слабым, пять – шесть градусов. Ребята, прихватив с собой берданку, пошли на пасеку, готовить омшаник к зимовке пчёл. Ульи начинают заносить в него числа десятого – двенадцатого ноября, поэтому они стояли ещё нам поляне. Подъехав на лыжах к пасеке, Иван, осматривая площадку, заметил у крайних от леса ульев большие звериные следы:

- Эй, пацаны, идите – ка сюда, - позвал он братьев, - смотрите какие большие следы.

- Наверное, это следы той медведицы, что убила тётку Полину, - высказал свою догадку Пётр.

- Возможно, - поддержал его Иван, - та или не та, а следы – то свежие.

- Слушайте, ребята, - опасливо оглянулся кругом Сашка, - она где – то здесь. Наверное, за мёдом приходила, а мы её спугнули.

- Так, она и снами разделается! – испуганно объявил Никита.

- Ну, уж нет, мы с ружьём, - уверенно заявил Иван, - посмотрим, кто кого.

- Нечего смотреть, - возразил Александр, - с ней шутки плохи. Сами мы её не сумеем убить, она почует нас и не придёт. Или выскочит неожиданно и тогда нам ружьё не поможет. Я помню, как после смерти тётки Полины, дед Беклемищев рассказывал, что убить медведя не так просто, иногда пуля пробивает его насквозь, но если она в сердце не попала, медведь ещё долго может жить, и тогда он становится свирепым, разносит всё, что под лапы попадает.

- И что же ты предлагаешь? – презрительно прищурился Иван, - бросить ружьё и дать тягу, отсюда. А потом подождать пока она всю пасеку разорит.

- Нет, я этого не сказал, - возразил Сашка, - а предлагаю я, пойти к деду Беклемищеву, пусть он пойдёт с нами или научит нас, как нам быть. Он в деревне всё умеет и знает, так председатель говорит.

Иван, хотя и был страшим, но амбиции и претензии на руководство, среди братьев, не проявлял, поэтому с доводами Александра согласился. Тянут время, было некогда, медведица видимо перед тем, как залечь на зимовку, решила полакомиться медком, а уж если она возьмётся всерьёз за это дело – разнесёт всю пасеку. Ребята дружно встали на лыжи и двинулись в Орловку, к деду Беклемищеву.

- Что ещё лыжи нужны? – увидев братьев, насторожился дед, - вы ж вроде все на лыжах.

- Нет, дедушка, мы к тебе по другому вопросу, - и Иван рассказал то, что привело их сюда.

- Да, дела, - озабоченно протянул Иван Кириллович, - если уж медведица нацелилась на пасеку, так просто она не уйдёт.

- А почему ж она, услышав нас ушла?

- Ну, причин здесь много, может по тому, что вас много, может ружьё почуяла, они звери – то чуткие, запах пороха далеко унюхать могут. А потом, видно сытая она, добрая, не стала с вами связываться. Думаю я, что явится снова не сегодня так завтра. Вот как сумерки падут к вечеру на землю, она и придёт.

- А нам – то, что делать, дед?

- Вам – то, а вам теперь выхода нет, раз вы пасечники, пасеку надо спасать. Но я вам в этом не помощник, не дойду я до пасеки, да и из ружья давно не стрелял. Конечно, я могу сказать вам, что, мол, зовите мужиков

взрослых, но думаю это не дело, вы теперь сибиряки, к тому же ещё казаки, сами должны справиться. А мужиков позовёте, набегут они, и останетесь вы без мяса.

- Без какого мяса, разве медвежатину едят? – удивились ребята.

- Ещё как едят, мясо то, что надо, если умеючи приготовить, за уши не оттянешь.

- Так, что же всё - таки нам делать?

- Что делать? Я вам сейчас расскажу, что делать, - дед закурил самокрутку, попыхтел её, на некоторое время пропал в облаке дыма, потом бросил окурок на землю, - стрелять будете, я помню на пасеке, на чердаке есть окно, оно как раз выходит на поляну, где установлены ульи. Вот оттуда Иван будешь стрелять. Ружьё у вас хорошее, стреляет пулями, выстрелишь и быстро перезарядишь, по тому, что с первой пули можешь не убить, и сразу стреляй снова, иначе уйдёт раненая, сдохнет, где, ни будь, в лесу, останетесь без мяса. Подождёшь когда она поднимется на задние лапы и станет над ульем во весь рост, одним ульем придётся пожертвовать, пусть она его вскрыет, и начнёт есть мёд. Если медведица будет стоит к тебе передом, стреляй под левую переднюю лапу, чуть ближе к центру груди, если станет спиной, стреляй под левую лопатку. Это первый выстрел, а второй уж куда попадёшь, она на месте стоят не будет, а уж если повезёт, завалишь с первого выстрела. Ты из этого ружья раньше стрелял?

- Да, несколько раз, вроде пристрелялся.

- Ну, вот и хорошо. Если убьёте, запряжёте коня в сани, привезёте тушу домой, приедете за мной, я шкуру с неё сниму. Ну, всё поняли?

- Вроде всё!

- Тогда вперёд, да не шумите там и к ульям зря не прикасайтесь, запах будет человеческий.

Медведица, как и говорил Иван Кириллович, появилась в лесу у пасеки, ближе к вечеру, морозное солнце начало опускаться за сосны, а сумеречное марево заполнять дневное пространство. Ещё с пол часика и уже ничего видно не будет. Медведица словно понимала это. Осторожно, раздвинув ветки ближайшей к ульям сосны, выставив морду, огляделась. Затем спряталась и замерла.

«Ну, давай, давай, выходи», - лихорадочно стучало в висках Ивана, стрелять в такого зверя ему приходилось впервые, это тебе не заяц и не коза.

Время, казалось, полетело стремительно, сейчас наступит темнота и тогда уж ничего сделать путём, будет нельзя, придётся стрелять в темноту.

И вдруг, видимо окончательно приняв решение, медведица, раздвинув кусты, вывалилась на поляну. Ловким движением лапы, сбив крышку улья, и выбросив ложок с тряпьем, запустила лапу внутрь. Раздался треск ломающихся рамок, с мёдом и пчёлами. Стоя во весь свой двухметровый рост, медведица повернулась грудью к Ивану. Он замер, выдохнул и плавно нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел, далеко раскатившись эхом по тайге, и тут же раздался оглушительный рёв. Иван передёрнул затвор, быстро заложил патрон и, не целясь, ещё раз выстрелил в сторону медведицы. Ребята увидели как огромная туша зверя, не сделав ни одного шага, начала сначала медленно оседать на землю, затем, опрокидывая стоящие рядом ульи, растянулась во всю ширину своего тела на снегу.

Выстрелы были отменные, одна пуля, пробив сердце, застряла в позвоночнике, другая попала в переносицу, почти между глаз.

- Ну, ты Ванька молодец, прямо как заправский охотник, - похвалил стрелка Иван Кириллович, разделывая тушу.

- Да это мне просто повезло, - покраснев от похвалы, скромно отговаривался Иван, - видимо с испугу я так попал...

До нового года жили не плохо, выручило медвежье мясо, часть которого уделили Ивану Кирилловичу и соседям Богдановым, ребята не забывали свою подругу Варю, хотя, в связи с занятостью, встречались они сейчас реже. Однако большая часть досталась охотникам. Поначалу медвежатину ели плохо, особенно женщины, во первых брезговали, во вторых внушили себе, что именно эта медведица убила Полину Миронову. Но голод не тётка, на одной картошке жить трудно, и постепенно, научившись готовить медвежатину правильно, ели её уже с удовольствием.

Продукты в посёлке дорожали с каждым днём, сказывалась летняя засуха и конечно Гражданская война, унесшая многие жизни здоровых мужиков, да и не только их, гибло в этой неразберихе и гражданское население. Поля и огороды пустовали.

В новом 1922 году произошло два события, которые некоторым образом подвергли изменениям сложившийся уклад в семье Барышевых и Чеплицких. Оба события были связаны и с изменениями в Советской стране.

Ещё 26 декабря 1919 года СНК /Совет Народных Комиссаров/ принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» Декрет предусматривал полную ликвидацию неграмотности по всей стране. Отныне всё население Советской России от 8 до 50 лет, не умеющее писать и читать, обязано было учиться грамоте. Либо на своём языке, либо на русском, по желанию.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР принял постановление об упразднении ВЧК и образовании ГПУ /государственного политического управления при НКВД РСФСР/ Войска ВЧК были реорганизованы в войска ГПУ. Таким образом, управление органами милиции и госбезопасности было передано одному ведомству.

В апреле председателя сельского Совета Занина Михаила Игнатьевича пригласил к себе председатель Секретариата ВКП /б/Жарковского округа Огнев Александр Николаевич. В его кабинете присутствовали: председатель поссовета Чернов Василий Петрович, председатели сельских Советов Марьенки, Аршиново, Сосновки, а так же Воронов Николай Филиппович, после реорганизации, начальник Жарковского участка ГПУ. Участок ЧК станции упразднили, и теперь Воронов был единовластным представителем органов безопасности округа. Карающей части полномочий /расстрелы без суда и следствия/, данный орган временно был лишён.

- Так дорогие товарищи, - встал из – за стола Огнев, - пригласил я вас за тем, чтобы сообщить не совсем для вас приятную новость: вы не выполняете решения Совета Народных Комиссаров. Ещё в декабре 1919 года Совет принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». Полной ликвидации. Не вижу и не знаю не одного населённого пункта нашего округа, где бы в серьёз отнеслись к этому постановлению. Обучать нужно с 8 и до 50 летнего возраста, а у нас даже дети пока не учатся. В ближайшее время, даю вам на это два месяца, вы должны незамедлительно заняться организацией «ликбезов». Если я через два месяца не доложу в Новониколаевск о том, что мы организовали повсеместно ликбезы, нас занесут в списки саботажников, и тогда уж, сами понимаете, с нами будут разговаривать соответственно, далеко ходить не надо будет, лагерь у нас свой имеется.

В кабинете на минуту воцарилась тишина, затем все заговорили разом:

- А где же мы возьмём учителей? А где мы найдём помещения? Книги для этого нужны, бумага, на чём писать? Учителям платить надо, запросто так они обучать не будут. Мы за два месяца не справимся.

- Вот, что товарищи, - поднялся Воронов, - вы видимо всё сказанное Александром Николаевичем приняли за шутку – зря, я вас предупреждаю,

меры буду применять к саботажникам жестокие. Не хотите на нары, займитесь делом. Вы пока ещё ни с кем по этому вопросу не разговаривали, за последние годы в ваших сёлах, на хуторах появилось много переселенцев из центральных областей, думаю, там найдутся грамотные люди. Что касается места для обучения, в каждом селе есть церковь, договаривайтесь с батюшкой, кстати, они – то читать Закон Божий умеют, на крайний случай и учить людей помогут. Бумаги, конечно, найти трудно, попробуем вам помочь.

- Что касается оплаты за обучение, платить будем деньгами, правда ни так много, но если, что, добавим продовольственным пайком, но не всем, а тем, кто будет заниматься обучением хорошо, у кого будут успехи. Если вопросов больше нет - свободны, постарайтесь нас не подвести.

- А ты, что остался Михаил Игнатьевич? - увидев Занина, который сидел на месте, спросил Огнев, - что тебе не понятно?

- Мне всё понятно, спросить хотел об одном человеке.

- Спрашивай.

- У меня на хуторе живёт Чеплицкая Елена Владимировна, я точно знаю, что она не только грамотная, но и обучала детей Екатеринбургского градоначальника. Как мне быть? Могу я привлечь её к обучению детей. У меня в селе дом большой свободный есть, помещичий, его вместе с семьёй увезли после революции, а дом стоит, пустует.

- Как ты на это смотришь, Николай Филиппович? – спросил Воронова Огнев, - не будет со стороны полит управления препятствий?

- Конечно, жена она головореза этого, Ермолая, но он своё получил, фамилия у неё другая, да и кто теперь вспомнит фамилию, есаул здесь не жил, появился, мы его сразу ликвидировали вместе с братом. Документы участка ЧК отправлены в архив Новониколаевска, в период реорганизации. А дело делать нужно.

- Устраивает тебя такой ответ Михаил Игнатьевич, - спросил Огнев, почувствовалось по его бодрому голосу, что такое решение вопроса ему самому нравится.

- Спасибо вам мужики, гору с плеч моих сняли. Поеду на хутор договариваться.

- Вот, как, он ещё с ней не разговаривал, а уже выхлопотал место для Чеплицкой. А вдруг она откажется?

- Ну, уж нет, никуда она не денется, они у меня все в долгу.

Про долг Занин ляпнул так, само вылетело, он привык помогать всем людям безвозмездно, не зависимо от окраски их принадлежности, если конечно они не были явными врагами Советской власти.

Вот так, в конце апреля, Чеплицкая Елена Владимировна стала учительницей Орловской начальной школы. С утра обучала детей с восьми до четырнадцати летнего возраста, а вечером взрослое население. Набором учащихся, вместе с ней, занимался председатель сельского Совета Занин. В летний период, в связи с сельскохозяйственными работами, обучение временно прекращалось.

Второе событие, было не менее важное. В связи с тем, что в феврале постановлением ВЦИК было упразднено ВЧК, и дела были переданы ГПУ, в Мариинскую тюрьму, в том же апреле месяце, прибыла комиссия по пересмотру дел в отношении всех лиц, попавших в места заключения в годы Гражданской войны. Создана такая комиссия была в 1921 году ЦК РКП /б/

Пересматривая дела заключённых, председатель комиссии, комиссар Ребров Дмитрий Евгеньевич, обратил внимание на тоненькую папочку «Дело № 0023»

- Миронов Аким Федотович, 1880 год рождения 17 июля, - прочитал он вслух, поправил очки на переносице, и внимательно посмотрел в непроницаемое лицо начальника тюрьмы, - Василий Семёнович что это?

- А в чём дело Дмитрий Евгеньевич? – непонимающим взглядом уставился на очки комиссара начальник тюрьмы, - это папка с делом.

- Я сам вижу, что это папка с делом. А почему по этому делу до сих пор не вынесен приговор? Заключённый взят под стражу в прошлом году, с каким – то странным обвинением «задержан на пасеке в момент ареста матёрого преступника». Тут же указано, что он пасечник.

- А, я то тут причём, взяли его чекисты, в тюрьму этапировали до суда, я больше никаких распоряжений не получал. Он не один такой, в тот год шла зачистка бывших белогвардейцев, казаков, кулаков, суды до сих пор не могут закрыть все дела.

- Да меня ни это удивляет, а то, что он пасечник, на его пасеке взяли матёрого преступника. А в чём же он виноват?

- Ну, Дмитрий Евгеньевич, вам ли не знать, как работали чекисты. Он ещё пусть радуется, что жив остался, а могли бы расстрелять. Чекисты, имея особые полномочия, долго не церемонились, им что бандит, что пасечник, попались вместе – к стенке.

Проработав несколько дней в тюрьме, комиссия обнаружила ещё несколько арестантов, попавших в тюрьму по пустякам. Некоторые из них давно уже отсидели свои сроки, по предъявленным им статьям, дожидаясь приговора.

В течение месяца все эти «криминальные элементы» были освобождены, в том числе и Миронов Аким Федотович.

Тяжёлые тюремные ворота, медленно приоткрывшись, выплюнули на разбитую мостовую горстку потрёпанных, грязных, истощённых обитателей

своих, так и не удостоившихся законной прописки в стенах знаменитого каземата.

Аким Федотович долго жмурил слезящиеся глаза, отвыкшие от солнечного света, майский день щедро рассыпал солнечные лучи на, покрытую весенними лужами, землю. Он, замерев на несколько минут, будто не веря ещё в своё освобождение, окинул прощальным взглядом огромный четырёхэтажный корпус мрачной тюрьмы, поёжился, словно избавляясь от холода, накопившегося за год с лишним, в камере, и, размахивая единственной рукой, зашпешил в сторону железнодорожного вокзала.

«Господи, - растерянно бились в голове мысли, - не уже ли свобода? Схватили, привезли в лагерь, затем в тюрьму, никто ничего не спрашивал, на допрос не вызывали. Больше года таскали по разным камерам Мариинской каземата. Навидался всего, приходилось соседствовать с ворами, убийцами и прочей швалью, которые издеваясь друг над другом, пытались и там играть главенствующую роль, устанавливая культ своей личности. Спасала меня моя инвалидность, все во мне видели убогого калеку, а над юродивым издеваться даже тюремным законникам считается «заподло».

И так же неожиданно выпустили, ничего не пояснив. Ну, да бог с ними!

Как там живут мои друзья, на хуторе, как Полина, намаялась видимо без меня бедняжка? Господи, как же я по ней соскучился, доберусь до дома, обниму, расцелую, упаду на колени и буду вымаливать прощения. За что!? А ни за что, просто так, за эту проклятую жизнь, за то, что всё вот так перевернулось, за то, что все мы не знаем, как нам жить дальше.

А что же стало с моими друзьями, с Ермолаем и Афанасием Барышевыми, с Красновым?»

Вот и вокзал, благо идти далеко не нужно, он в полукилометре от тюрьмы. Аким, пошарив в кармане старенькой шинели, вытащил клочок бумаги, писулька, выданная тюремной канцелярией, на право приобретения билета на проезд до станции Жарковской. Просунул бумажку в окно кассы, рука кассира, потянув листок, на мгновение застыла, затем выдвинула бумажку назад.

- Пригородного поезда на сегодня не будет, уже ушёл, а на пассажирский дальнего следования вам выдавать билет не положено, - произнёс женский, простуженный голос, - ожидайте теперь до утра.

Чуть не плача от обиды, нервы расшатались до предела, Аким вышел на перрон и, чтобы успокоится, стал смотреть на паровозы, так милые его сердцу машины. Они воронёные, с красными колёсами, горделиво выставив вперёд лобовой прожектор, попыхивали чёрными густыми облаками дыма и, периодически выпуская клубы белого пара, готовы были устремиться вдаль, по первому же станционному сигналу.

Вокруг сновали разные люди: пассажиры - их можно было сразу определить, по их озабоченным лицам, чемоданам и различным узлам, крепко удерживаемым их руками, зеваки - пришедшие полюбоваться на паровозы и вновь прибывших пассажиров, мечтатели - глядящие с тоской в след удаляющимся пассажирским поездам. Иногда в этой пёстрой галдящей толпе появлялись деловые люди в форме железнодорожников, зеваки тут же расступались, давая им свободный проход, видимо потому, что не смели задерживать людей обеспечивающих ритмичный ход железнодорожного движения, а может и по тому, что лица и руки этих деловых людей были слегка измазаны сажей и мазутом. Это были машинисты паровозов и их помощники, прибывшие на свою конечную станцию и передавшие машины сменщикам.

Из здания вокзала вышел такой вот человек в форме, с маленьким сундучком. В таких чемоданчиках обычно машинисты возили пищевые запасы - обеды, отправляясь в очередной рейс. И, потому, что лицо и руки его были чистыми, Аким Федотович определил то, что этот машинист идёт принимать смену, на вновь пребывающий поезд. Кроме того он узнал этого человека, исполняя обязанности начальника Жарковского разъезда, около десяти лет, Миронов отлично знал многих машинистов паровозов, работающих на участке Мариинск – Тайга.

- Снегирёв, - окликнул Аким Федотович машиниста, - Пётр Степанович!

- В чём дело? – остановился тот, недоумённо глядя на обросшего бородой, грязного, потрёпанного человека, - ты кто такой?

- Миронов я, с Жарковского полустанка.

- Аким Федотович? Не может быть, откуда ты такой?

- Из тюрьмы, Пётр Степанович. Из тюрьмы.

- Вот те раз! А я думаю; куда ты подевался! Уже второй год тебя в Жарковском не вижу. Сейчас это не полустанок, а станция.

- Да нас же выселили в Орловские скиты, как не благонадёжных.

- Слышал я, что – то про это. Тебе, наверное, домой надо?

- Конечно надо, но мне билет дадут только утром.

- Понятно, ты Аким Федотович отойди от станции, по рельсам, к разъезду, здесь не так далеко, километров семь, я через два часа поведу товарный состав на Тайгу, на этом разъезде все поезда притормаживают, ты и заскочишь ко мне в кабину. Помощник у меня парень надёжный, думаю, возражать не будет. Извини, здесь я тебя посадить не могу, не положено, тем более ты из тюрьмы, и вид у тебя неприглядный. ГПУшники кругом, заметят мне несдобровать.

-Да чего уж там, я и сам своим видом брезгую. Спасибо тебе Пётр Степанович и на этом.

На разъезде, сбавив ход паровоза до минимума, Снегирёв, поймав Миронова за единственную руку, затащил его в паровозную кабину.

- Как же ты в тюрьму – то попал? – перекрывая грохот набирающего ход паровоза, спросил Снегирёв.

- А вот так и попал, - и Аким, наклонившись к машинисту, поведал историю, произошедшую на пасеке, в Орловском скиту.

- Да, я, что – то слышал. В депо газетку нам зачитывали о том, что Афанасия Барышева, его брата и ещё какого – то белогвардейца расстреляли, как злейших врагов Советской власти.

- Как расстреляли? – отшатнулся побледневший Аким от машиниста, – я об этом ничего не знал. Нас сразу, как привезли в Жарковский лагерь, разделили и больше о них я ничего не слышал. Приходил ко мне начальник лагеря Левашов, наказывал, мол, на допросе, говори, что ты был уже на пасеке, когда туда пришёл Ермолай и, что будто, удерживал тебя силой. Когда же я спросил, что с остальными арестованными хуторянами, он, махнув рукой, сказал: « Лучше тебе не знать об этом». На допрос меня так и никто не вызывал, так что врать не пришлось. Что же теперь будет, - сокрушался Миронов.

- Ну, ты то в том не виноват Аким Федотович, - попробовал утешить Акима Снегирёв.

- Виноват, не виноват, а что же я скажу их женам, их детям? Всех расстреляли, а я жив остался, - совсем пал духом бывший арестант, - получается, что я всех предал. Вот значить, зачем приходил ко мне начальник тюрьмы, выгородить хотел. Хотел и выгородил.

У Миронова подкосились ноги, он, прислонившись к тёплой стенке кабины, сполз в тёмный угол и затих. Помощник машиниста остервенело кидал в топку уголь, паровоз, грохоча на стыках рельсов, летел рассекая таёжное пространство. Машинист Снегирёв припав к окну, зорко

всматривался в, стремительно несущуюся навстречу, даль. Аким Федотович, поражённый услышанным, взвалив на себя вину за случившееся, пытался как – то найти для себя оправдания и не находил.

«Выходит, что теперь я для всех хуторян стал предателем!»

- Скоро будем в Жарковском, - перекрывая шум и грохот, объявил Снегирёв, - вон фермы моста уже показались.

- Так быстро? – очнулся от тяжёлых дум Аким Федотович, ему хотелось каким – то образом оттянуть время, ещё недавно он готов был лететь в Орловку навстречу с друзьями, с любимой, но услышанное известие подрезало ему крылья.

- Почему быстро, три часа ехали, идём точно по графику.

Пролетев мост, паровоз скрепя тормозами замедлил ход.

- Ну, всё Аким Федотович, останавливаться не могу, ход сбавил до минимума, прыгай на ходу.

- Спасибо тебе Пётр Степанович! Прощай! – спустившись на нижнюю ступеньку сходней, Миронов спрыгнул на станционную насыпь, с обратной стороны, проходившего мимо вокзала, паровоза.

От станции до села Орловки шесть километров. Просёлочная дорога, освобождаясь от снега, под весенними лучами солнца, раскисла. Жидкая грязь переливалась через борт растоптанных солдатских ботинок, и скоро ноги ходока промокли. Но Аким Федотович ничего не чувствовал, бессознательно передвигая отяжелевшие, словно схваченные колодками, ступни, он медленно продвигался к намеченной, долгожданной цели. Но радости встречи, выстраданной в неволе, он уже не испытывал. Душой его и телом овладел страх ответственности перед родными расстрелянных товарищей, перед Полиной, что он может сказать им, в своё оправдание.

Такие чувства испытывает только очень честный человек, каким, видимо, и был отставной хорунжий Миронов. «В чём его вина? Разве зависели от него судьбы арестованных? Кто может определить планы их карателей? Никому не доступны мысли судей решающих кого казнить, а кого миловать». Однако такие мысли в его голову не приходили, он думал только одно: «Вместе попались, вместе и отвечать должны были»

- Эй, мужик, - слышался вдруг окрик сзади, - ты, что это всю дорогу перегородил?

Аким обернулся и, вплотную столкнувшись с лошадиной головой, отскочил в сторону. Лошадь была запряжённая в бричку, а на бричке восседал председатель сельского Совета Занин Михаил Игнатьевич.

- Кто таков? Куда путь держишь? – начал было задавать он вопросы, но присмотревшись и увидев отсутствие левой руки, воскликнул, - Миронов, ты что ли?

- Я, Михаил Игнатьевич, - убитым голосом произнёс Аким. А про себя подумал: «Ну, вот сейчас спросит, как это я живой остался» Но Занин спрашивать об этом не стал, а наоборот как - то даже радостно предложил:

- Садись Аким скорее в бричку, ноги – то у тебя промокли, - и, протянув руку, добавил, - рад, что ты вернулся. Мы после твоего ареста до самого высокого начальства дошли, просили за тебя, чтоб освободили. Сначала все согласились, но потом тебя отправили в Мариинск и всё, никаких концов. Я уже думал, что и тебя к стенке поставили. Но дом мы твой сохранили, я туда никого заселять не стал.

- Так вот почему я живой остался, - облегчённо вздохнул Аким. Однако облегчение было минутное, он опять представил жен и детей, расстрелянных казаков, которые остались теперь без мужей и отцов.

«Пусть даже они мне ничего не скажут, промолчат, но про себя будут думать, как это так получилось, с какой такой стати, за мою жизнь хлопотали, а за их родичей нет»

- Расскажи, что с тобой было после ареста, - спросил Занин.

- Да ничего особенного, в тюрьме я сидел, - и Аким рассказал обо всех своих злоключениях, произошедших за это время. Поговорили ещё, о разном, но вот уже показались дома первой улицы села Орловки.

- А как там моя Полина поживает? – наконец – то насмелился спросить Аким.

- Полина!? – Занин вдруг натянул вожжи и закричал на лошадь, - а ну стой, кляча толстозадая, - отвернувшись от Акима, соскочил с телеги и, зайдя вперёд, сделал вид, что поправляет сбрую.

- Михаил Игнатьевич, ты чего молчишь? - паническая тревога пронзила грудь и голову Миронова.

Председатель достал из кармана кисет, свернул самокрутку, прикурил и глубоко затянувшись, выпустил струю дыма в морду лошади, та недовольно фыркнув, отступила на шаг. Аким Федотович хлюпая ботинками по грязи, вплотную приблизился к Занину:

- Что молчишь, говори не тяни, не рви душу!

- Полина, - не глядя в глаза попутчика, повторил председатель, - нет больше Полины, Аким...

- Как нет? Что её тоже расстреляли?

- Ну, что ты, баб никто не расстреливал. Беда случилась, медведица твою Полину растерзала на пасеке. Похоронили мы её на местном кладбище.

- Какая медведица? – совсем обезумев от услышанного, не мог сообразить ничего Миронов. И вдруг, наконец – то до него дошло, что всё то, ради чего он жил, все те, кого он уважал и беззаветно любил, больше не существуют. Ноги его подкосились, схватившись за оглоблю, чтобы не упасть

в грязь, Аким, уткнувшись лицом в лохматую шкуру лошади, зарыдал как ребёнок, безутешно завывая, как побитый щенок.

Занин растерянно топтался на месте, чавкая грязью, не смея, что, либо предпринять. Наконец протянув руку, положил её на плечо рыдающего человека:

- Хватит Аким, слезами горю не поможешь, надо как – то дальше жить.

- А зачем? – всхлипывая, спросил он, и вдруг, сбросив руку Занина с плеча, развернулся и пошёл в лес, плотно окружающий дорогу.

- Ты куда? Стой, там ещё снег не везде растаял, - председатель попытался остановить несчастного, но тот, отмахнувшись, бегом скрылся за деревьями.

- Ничего, побродит по сугробам, одумается, завтра я к нему приеду, - и, хлопнув лошадь вожжами по крупу, Занин двинулся дальше, в деревню.

И действительно, побродив, почти в беспамятстве, по сугробам, которых в лесу оказалось ещё достаточно много, и окончательно промёрзнув, Миронов снова вышел на дорогу и, ничего не чувствуя, пошёл в сторону села. Но на хутор заходить не стал, а отправился сразу на кладбище. Могилу любимой жены нашёл без особого труда, могил на деревенском кладбище было не так много, голод ещё до этой местности не докатился. Присел на чурбак, вкопанный в землю рядом с могильным холмиком и, уставившись на крест, горько задумался:

«Зачем мне теперь жить? Друга, с которым я вместе воевал, ел из одной чашки, и спал в одной конюшне, расстреляли. Афанасия, с которым душа в душу прожил несколько лет рядом, делясь последним куском, тоже расстреляли. Полина, которая подарила мне вторую жизнь, и которую я боготворил, как ангела и любил всеми фибрами своей души, лежит вот под этим холмом. Наталье и Елене я не нужен совсем, даже если они не затаят на

меня обиды, какой я им помощник с одной рукой, а так же и их детям, так только лишний рот в дому»

На землю начали опускаться сумерки, ещё через полчаса они начали сгущаться, и стало совсем темно. Аким встал с чурбака, поклонился кресту:

- Спи спокойно ласточка моя, - прошептал он, - не прощаюсь, скоро встретимся.

Осторожно, внимательно вглядываясь в темноту, чтобы избежать нечаянной встречи с хуторянами, Миронов пробрался в свой двор, дверь в дом была не заперта, на хуторе вообще двери на замок не закрывались, такой порядок сохранился ещё от староверов. Он прекрасно помнил о том, что и где расположено в доме, пошарив в сенях по стене, нашёл верёвку, сдёрнув её с крючка, зашёл в дом. Не зажигая лучину, он ничего не забыл, нащупал стол, сколоченный им же, из грубых досок, выдвинув на середину комнаты, взобрался на него. Пошарив по потолку, нащупал крючок, на котором, у староверов, когда то крепилась детская люлька, закрепил один конец верёвки за крючок, на другом, торопливо одной рукой и зубами, сделал петлю, накинув её себе на шею, перекрестился: - Господи, прости, - и шагнул со стола.

Утром Наталья Фёдоровна пошла в сарай, доить корову:

«Странно – взглянув на соседний двор, удивилась она – почему – то двери в дом Мироновых открыты?»

- Сашка, - вернувшись в избу, спросила она сына, - ты в дом к Мироновым вчера ходил?

- Ходил, печку с утра протапливал, с зимы углы промёрзли, хотел подсушить.

- А, что же ты двери в дом не закрыл.

- Как не закрыл, не может такого быть, как же я мог, растопив печку для обогрева избы, не закрыть двери?

- А может быть, братья твои там были?

- Нет, они не могли там быть. Они все на пасеке, вместе с дедом Беклемищевым, соты восковые накатывают, дед Иван смастерил специальный ручной каток для этого дела, вот они и проводят испытания.

- Сходи, посмотри, что там творится, может ворюга, какой залез, сейчас много всяких переселенцев в посёлке появилось. Может и к нам, какого ни будь, проходимца занесло.

- Да, что там брать – то, в доме шаром покати, зацепится не за что.

- Иди, хватит болтать,- рассердилась мать, и, брякнув пустым подойником об косяк двери, пошла, доить Зорьку.

Сдоив последние капли молока, и вытерев полотенцем вымя Зорьки, Наталья Фёдоровна направилась к выходу из сарая, с улицы слышались торопливые шаги, и в проёме выхода появился Александр.

- Что с тобой? - увидев испуганное лицо сына, спросила Наталья.

- Там, - показывая рукой на дом Мироновых, осипшим голосом произнёс он – там Аким Федотович!

- Явился, - с недоброй ноткой в голосе пыхнула Наталья, - наши мужики в земле лежат, а он, вот он живёхонек. Ишь, двери распахнул, топи для него, а он двери нараспашку! - И, уже снижая напряжение в голосе, не понимая пока, испуга поразившего её сына, добавила, - замёрз, пади, холодина – то с утра? Лежит, видно, под шубой?

- Нет мам, ему теперь не холодно, - несколько успокоившись, опустил руку Саша, - он не спит под шубой, он висит.

- Как висит!?- не дошло пока, до мозгов Натальи, тревожное сообщение.

- Молча, на верёвке, посреди избы!

- О господи, - выронив из рук ведро с молоком, схватилась за голову Наталья Фёдоровна, - и, наступая в расплывающееся по полу молоко, выскочила из сарая во двор, слёзы крупными бусинами катились по её щекам, - Кто ж его так? Не уж – то сам руки на себя наложил? Что же теперь будет?

- Не кричи мам, соседей перепугаешь, - успокаивал сын Наталью, произошедшие за последний год события, закалили дух Александра и его братьев, и они, сами того не понимая, стали взрослыми парнями, - надо позвать председателя сельского Совета Занина, пусть он поможет разобраться в этом деле. Кто знает, как бы случившееся не обернулось опять против нас.

Но Занина звать не пришлось, он сам, словно по волшебству, появился у ворот Барышевых, привязав к ограде коня, председатель, не замечая хозяев, двинулся в дом.

- Михаил Игнатьевич, - быстро вытерев подолом платья слёзы, окликнула его Наталья Фёдоровна, - мы здесь.

- Здравствуйте, не зря говорится: «Кто рано встаёт – тому бог даёт», - поприветствовал Занин хозяев.

- Здравствуйте Михаил Игнатьевич, - опустив глаза к земле, чтобы скрыть набегающие слёзы, ответила Наталья, - а мы к вам собрались идти.

- Что случилось? – заметив на глазах слёзы у хозяйки, встревожился Занин, - вас кто – то обидел?

И в этот момент взгляд его остановился на молочной луже:

- Что Наталья, корова норов свой показывает? Подойник из рук выбила? Досадно, конечно, но плакать не стоит. А ты Александр, что же с коровой справиться не можешь? Ну, ничего, теперь у вас ещё один помощник появился, Аким Федотович вчера вернулся. Я вот с ним

поговорить приехал, не понравилось мне его настроение вчера. Вы то, с ним ещё не встречались?

- Нет ещё, - снова заплакала Наталья, - и больше встретиться не придётся.

- Да, что случилось – то!? Где он?

- В доме, - отвернувшись, выдавил Александр, - в петле висится Аким Федотович.

- В какой петле?- вытянулось в недоумении лицо председателя.

- В верёвочной, повесился он, наверное, сам.

Занин, почти бегом, устремился в мироновский двор, Александр еле успевал за ним. Остановившись у двери дома, председатель спросил:

- Ты в дом заходил?

- Да, заходил, только до порога.

- Правильно сделал, никого туда не пускай, я сейчас поеду в Жарковское ГПУ к Воронову. Следователь должен провести расследование, выяснить самоубийство это или кто помог Акиму в петлю залезть, - приоткрыв дверь, Занин с минуту присматривался к висящему трупу, словно хотел убедиться, не сбежал ли тот, захлопнув дверь, ещё раз наказал, - никого туда не пускай.

Бричка председателя быстро скрылась за околицей.

- Что – то ты такой ошаршенный Михаил Игнатьевич? – Воронов, привстав со стула, навстречу Занину. – Случилось, что?

- Случилось! Миронов Аким Федотович повесился!

- Миронов? Какой Миронов? – сморщил лоб, напрягая память Воронов, - а, это тот безрукий, который на твоём хуторе старостой был.

- Да, тот.

- Да, он откуда же взялся, я помню, его Шевцов хотел расстрелять вместе с Ермолаем Платоновым, а потом отправил в Мариинск, в тюрьму. Я про него уже забыл, думал, его и в живых нет.

- Я тоже так думал, а вчера повстречал его на дороге, шёл он со станции в Орловку. Освободили его из тюрьмы, комиссия признала невиновным в тех событиях. Но радости на его лице я, что – то не заметил, сильно он был удручённый, а когда я ему рассказал о нелепой смерти жены Полины, совсем сознанием помутился, в лес бросился. Я думал, ладно, пусть побегает к утру одумается, мужик всё – таки. А оно вон как всё вышло.

- А ты, председатель, уверен, что он сам себя жизни лишил?

- Я тоже сначала подумал, что кто – то помог ему в этом, но пока ехал сюда в ГПУ, всё обдумал, не кому было там его жизни лишать.

- Как это не кому, - после того, как Воронов принял единоначалие в поселковом ГПУ, он стал недоверчивым и сверх меры подозрительным, - а эти казачата Барышевы, они уже не маленькие детки, кого хочешь, удавят голыми руками.

- Да, ты, что Николай Филиппович! Им то, он чем помешал? Да они на это и не способны, хорошие, работающие ребята.

- Чем помешал? А тем, что жив остался, их отцов расстреляли, а он вот, на тебе, явился. А то, что они смирные и хорошие, не спеши утверждать, у тебя все хорошие, а верни те военные события назад, за кого они пойдут воевать, без сомнения за белогвардейцев. Казачья кровь? Арестовать их надо, пока следствие будет проходить.

- Ну, ты уж совсем, Воронов, натуру Шевцова перенял. Тот без разбора всех к стенке ставил и ты туда же. Ладно, Ермолая расстреляли, враг натуральный, а за что Афанасия жизни лишили, он вреда никакого Советской власти не делал. А теперь и сына его, ребёнка под арест. Одумайся Николай Филиппович!

- Это ты одумайся Занин! Смотри, за такие твои размышления, недолго и в лагерь угодить, а оттуда и к стенке, - и, позвав в кабинет оперуполномоченного Стрельцова, распорядился, - Стрельцов возьми подводу и двух милиционеров, езжайте в Орловку, вот председатель проводит. Там на хуторе повешенный, разберись, кто ему помог. Сам он никак не мог это сделать, рука у него одна, не мог он петлю завязать.

Занин, не прощаясь, выскочил из кабинета Воронова, и в открытую дверь услышал последние указания начальник поселкового ГПУ:

- А этих белогвардейских сынков Барышевых арестуй до конца следствия. Думаю, что без них не обошлось.

Оперуполномоченный Стрельцов, он же следователь, глубокого опыта расследования преступлений ещё не имел, но и сплеча не рубил. Подходил к порученному делу осторожно и, хотя медленно, но дотошно и основательно разбирался во всех, порой запутанных, криминальных делах. Однако, послушаться прямых указаний своих начальников не смел. Но в данном случае, несмотря на приказ Воронова о немедленном аресте и доставке ребят в камеру предварительного заключения ГПУ, торопиться не стал.

Причин для этого было достаточно. Пока ехали до села Орловки в одной бричке с Заниным, тот, не посмея возразить Воронову, выкладывал следователю Стрельцову свои доводы в защиту Барышевых.

- Подумай сам Егор Тимофеевич, зачем ребятам убивать несчастного калеку, друга их семей, который в своё время пригрел их, дал жильё им и работу. Они вместе пережили столько невзгод, помогали друг другу во всём, многие родные братья так дружно не живут. Ребята эти хорошие, работающие, отцов не стало, они всю тяжесть крестьянского труда на себя взвалили. Никто, никогда не слышал от них и их матерей ни одного плохого слова в адрес Советской власти. А потом, я думаю, они и знать не знали о появлении

Миронова на хуторе, мне он встретился вчера уже далеко за полдень, расстроился, после того, как я сообщил ему о смерти жены, убежал в лес. Думаю скоро он оттуда не вышел, и, конечно, как и любой другой любящий человек, сразу пошёл на кладбище, навестить покойную. Видимо к себе в дом он пробрался ночью, в таком нервном состоянии, естественно ни с кем встречаться не хотел.

- Всё не так просто Михаил Игнатьевич, на месте разберёмся, возможно, Миронов и сам повесился, но в одном Воронов прав, как он одной рукой завязал петлю на верёвке? – Сказал следователь, и задумался. - «Он, Стрельцов, красный командир, по велению партии стал оперуполномоченным ГПУ, осознавая необходимость возложенных на него обязанностей, в данное время, честно их выполнял. Но ему не нравились два аспекта в деятельности многих руководителей и простых оперов управления – это непримиримость и ненависть, которые, как он думал, вредили выполнению, поставленных перед ними, задач. Многие бывшие противники Советской власти, по недоразумению попавшие в ряды белогвардейцев, одумавшись, хотели бы сотрудничать с ней. Но принимались сотрудниками ГПУ, как непримиримые враги. Это распространялось и на их родственников, и, что уж совсем не приемлемо, по разумению Стрельцова, на их детей. И не только бывшие белогвардейцы, недоверию подвергался любой инакомыслящий человек, особенно если он был верующим. Принимались только чёрные или белые человеческие биографии, цветные, большинством данной организации, не признавались».

Приехав в Орловку, Егор Тимофеевич внимательно осмотрев помещение, обнаружил большое количество следов в той комнате, где находился повешенный.

- Чьи это следы? – спросил он Александра, присутствующего здесь, на посту, который ему доверил председатель Занин.

- Следы наши, - ничего не подозревая, ответил тот.

- Чьи, наши!?

- Мои и ребят, моих братьев.

- А как же они оказались здесь, следы то эти?

- Так мы же приходили в дом, и протапливал печь, всю зиму и весной.

- А вчера вечером здесь кто, ни будь, был?

- Я был, только не вечером, а в обед.

- А где же вчера были твои братья?

- Братья были на пасеке, они вот только утром вернулись оттуда.

- Ну, это ещё надо доказать, что они были там, - обернулся Стрельцов к Занину, - вот, что Михаил Игнатьевич, я, всё - таки, вынужден братьев задержать, до выяснения всех обстоятельств, как видишь, все улики против них. Но в посёлок я пока отправлять их не буду, пусть они побудут у тебя в сельском Совете.

- Пусть побудут, - Занин нутром чуял то, что ребята не причастны к этой смерти, но пока найденные улики предполагали обратное.

Брали Ивана, Петра и Никиту дома, к этому времени они с пасеки вернулись, Александра же прямо с места происшествия.

И тут жителей хутора прорвало, видимо терпению их пришёл конец. Весть о смерти Миронова и аресте братьев быстро облетела хутор. Как только заголосили на всю улицу Наталья Фёдоровна и Елена Владимировна, из домов, запрудив дорогу, вывалили все колонисты. Никто не поверил тому, что эти славные ребята могли совершить такой подлый поступок.

- Сколько же вы над нами будете издеваться!? – грохотало со всех сторон.

- Кто же будет сеять, и содержать пасеку!? Что же теперь их матерям с голоду помирать.

- Перебили взрослых, добрались до детей!

Как ни бились, ни доказывали Занин и Стрельцов, что это просто предварительное расследование, им с большим трудом удалось уговорить разбушевавшуюся толпу.

Допрашивая братьев в сельском Совете, Стрельцов выяснил, что на пасеке они были не одни, с ними был Беклемищев Иван Кириллович. Занин немедленно отправил сельсоветского кучера за ним. Узнав в чём дело, дед, явившись по вызову, разразился сокрушительной бранью, которую выдавать, в этой деревне, был способен только он:

- В небо, в горы, в мать и так далее, и так далее..., вы, что совсем с умом тронулись, господа надзератели, я этих ребят знаю, как свои пять пальцев, честнее и трудолюбивее их, в этом селе, никого нет. Они как пчёлки трудятся целыми днями, им в голову не придут такие мерзкие мысли, а тем более в отношении Миронова, он им второй отец. Мы трое суток трудились с ребятами на пасеке, и знать не знали, что на хуторе происходит.

- Ты, что дед несёшь? Какие мы тебе господа, а тем паче надзиратели? И лаяться так не надо. Распишись в протоколе и проваливай, пока тебя в карцер не определили.

Но и на этом Стрельцов не успокоился:

- Мало ли, что. Может быть, старый хрен с ними в сговоре, либо они обвели его вокруг пальца. - Сам – то он уже поверил в то, что братья не причастны к смерти Миронова, но, чтобы убедит в этом Воронова, нужны веские доказательства.

Сизов, - позвал он одного из милиционеров, - сгоняй – ка ты в посёлок, привези прозектора /патологоанатома/. Михаил Игнатьевич, выдели Сизову свою лошадь и кучера.

Доставленный эскулап, долго и внимательно осматривал труп снаружи, затем взяв ложку, разжал ему челюсти:

- Всё понятно товарищ следователь, никто покойного не убивал. На теле я не обнаружил ни одного синяка, если бы его насильно пихали в петлю, их присутствие было бы неизбежно. И самое главное: так как одной рукой он не мог изготовить петлю, покойный помогал себе зубами. Во рту его я обнаружил большое количество пеньки, которая оторвалась от верёвки в процессе приготовления орудия убийства, - прозектор ГПУшникам достался от старого режима, и протокольный язык знал не плохо.

Рапорт, о проведённом следствии, Воронов принимал нахмурившись. В очередной раз промахнувшись, с преждевременными выводами, он эту оплошность принимать на себя не хотел, и, выпроваживая Стрельцова из кабинета, пробурчал ему вслед:

- Занин видимо постарался, убедил тебя в невинности этих казачков. То же, мне, защитник белогвардейских элементов, допрыгается он у меня!

- Причём здесь Занин, - обиженно вспыхнул Стрельцов, - я сам не привык обвинять невинных людей.

Глава одиннадцатая.

А память прошлое хранит ...

Перемены.

А жить в эпоху перемен

Я никому не пожелаю, -

Не зря пришла к нам из Китая

Другим пословицам взамен.

Мила Поплавская.

«Не дай бог жить в эпоху перемен»

Китайская старинная пословица.

Изменения в жизни

Увеличение пашни

Богданов сосед /ник троф/

Выезд колонистов

Новые переселенцы появление Овсянникова.

Священнослужители

Занин и священник

Появление отца.

Посёлок Жарковский.

Афанасий Пантелеевич – отец

Наталья Фёдоровна – мать.- дочь атамана Гончара Фёдора Павловича.

Платонов Пётр Семёнович – крёстный Ермолая.

Стародуб Илья Евлампьевич – крёстный Афанасия.

Сашка – сын.

Елена Владимировна Чеплицкая – жена Ермолая. 777777

Дети: Иван – 1909 г. Петр – 1910 г. Никита – 1911г.

Аким Федотович Миронов – безрукий, друг Ермолая.

Полина Константиновна – жена Миронова.

Огнев Александр Николаевич – председатель Секретариата РКП /б/.

Чернов Василий Петрович – председатель поссовета.

Занин Михаил Игнатьевич – председатель Орловского С/Совета

Чекисты: Воронов Николай Филиппович. начальник участка ЧК

Шевцов Андрей Ильич

Михайлов Георгий Дмитриевич – 1927 год председатель сельсовета

1934 год колхоза «Заветы Ильича»

Левашов Александр Ефимович – начальник лагеря.

Краснов Фёдор Кондратьевич – подставной.

Богданов Николай Трофимович – сосед.

Анна Михайловна – его жена.

Варя – их дочь, Димка – сын.

ПРОДОЛЖЕНИЕ:

Пашня

Сосед

НЭП

Миронов

Смена власти, НКВД

Отец.

Елена Владимировна учительница в школе Орловки затем в посёлке.

Трудовые лагеря

В армию не призывались дети репрессированных и казаков.

В Марьенку переселенцы попы.

Повести

Некоторые события из жизни Главы
Местного самоуправления
Петра Петровича Неугомонного.
/Сатирическое повествование
с политическим уклоном /

Небольшое предисловие автора, поясняющее
уважаемому читателю, откуда этому автору настолько
близки события, происходящие в данном «местном
самоуправление»

Я не буду описывать все занимаемые мной должности в процессе
прожитых лет, но двенадцать из них мне пришлось исполнять обязанности

Главы местного самоуправления в селе, в котором я долго жил и, собственно, проживаю и сейчас. Прошло одиннадцать лет с того дня, как я покинул эту должность, но и по сей день удивляюсь тому, как мне удалось двенадцать лет исполнять эти обязанности, существование которых невозможно прописать не в одном законодательном документе. Служба моя в этих рядах совпала с самым тяжелым периодом жизни нашей невообразимо необъятной Родины 1994-2006 г.г. на территорию, которой посягнул «великий кормчий» Борис Ельцин. Производства промышленные и сельскохозяйственные стали разваливаться, как карточные домики, появились новые управленцы с наглыми бандитскими рожами, которые в короткие сроки помогали уничтожить эти, годами строящиеся и отлаживаемые высокотехнологические производства, перепродавая и растаскивая их. При этом всё это проходило совершенно безнаказанно и даже те, кто обязан был по роду своих обязанностей заниматься защитой материальных ценностей, принадлежащих прежде государству, захотели видеть эти ценности у себя во дворе. Люди в короткие сроки менялись до неузнаваемости, превращаясь из коммунистических праведников в капиталистических монстров.

Вот в это самое время я и стал главой поселения. Денег не было не только на нужды села, но их не было и на заработную плату учителям, медикам, работникам культуры и остальным бюджетникам, которые по долгу местного самоуправления находились под моей опекой. Зарплату не платили по шесть месяцев, с выплатой пенсий происходило то же самое, и чтобы как то сгладить напряжение, в администрацию иногда завозили водку либо залежалую колбасу. Всё это стояло у меня в кабинете и утром, придя на службу, я обзванивал школу, детский сад, дом культуры, с вопросом, кому из их работников, и в каком количестве отпустить данных продуктов под заработную плату. И они: учителя, воспитатели брали водку, чтобы, где то её

продать и как то свести концы с концами. Вот такой был наш «кормчий» который с большим удовольствием сам употреблял названные мной продукты.

О том, что нужно было ремонтировать бюджетные учреждения, никто из вышестоящего руководства и слушать не хотел. Приходилось падать на колени перед местными предпринимателями, выпрашивать краску, стекло и другие необходимые материалы, хотя бы для косметического ремонта, а еще нужны были деньги на нужды фронтовиков, тружеников тыла, и предприниматели /благо их развелось вдруг много, у всех открылся талант торговых работников / поломавшись малость, помогали. Спасало то, что их дети ходили в детский сад и в ту же школу, которым и требовалась помощь, а фронтовики были их деды.

А ещё, стали помогать капиталисты / видимо обрадовались скорому краху нашей страны/ из Германии, Швеции приходили подержанные шмотки, продукты в виде растительного масла, конфет и другой мелочи. И тогда на крыльце сельской администрации толпилась очередь, которая весело шумела в предчувствии обладания заграничной вещью, а в администрации сидели понурые работники, в ожидание скандала, который в любой момент мог разгореться, по причине того, что желающих было много, а капиталистического товару мало.

Так же в обязанности администрации входила операция по распределению приусадебных земельных участков и сенокосных угодий. Процесс этот был не так прост, как казалось на первый некомпетентный взгляд, в то время ещё не было электронных измерительных приборов, и отвод производился самодельным деревянным приспособлением под названием «сажень». Специалист администрации, под моим контролем, этим инструментом производил обмер отводимого участка, шагая рядом с ним, а я отмечал отмеренную землю деревянными колышками. Естественно,

идеальной точности, при таком отводе, не получалось, что в дальнейшем способствовало раздору между соседями, а процесс их усмирения входил то же в мои обязанности. Поэтому весной, почти весь месяц май, я этим и занимался, а если учесть то, что ссора иногда доходила до рукоприкладства, выполнение этой обязанности было не только не просто, но и довольно опасно. Иногда кончалось в зале суда, где я выступал в роли, так называемого, третьего лица, подтверждая либо отрицая законность данных операций.

Ещё в обязанности местных управленцев входил сбор земельного налога. Из-за отсутствия средств у населения, оплачивался он мелкой монетой и тут же складывался в специальный мешок, который вечером запирался в сейф, произведённый ещё во времена «царя Гороха». Но не было ни одного случая кражи этого мешка, видимо по тому, что поднять его, набитого медью и серебром, у местных расхитителей не хватало сил.

Так же при администрации работал паспортный и военно-учетный столы и проходил процесс бракосочетания, под звуки свадебного марша Мендельсона, который был записан на граммофонную пластинку. Специалист, проводивший свадебный обряд, обязан был облачиться в специально предназначенное для этого платье и, через плечо, повязать ленту с надписью «Семья ячейка Советского общества»

Самое интересное, по своему народному беспределу, проводимое мероприятие, это был Сельский сход, который законодательно утверждался, как демократическое самоуправление местного населения. На нем решались вопросы санитарного состояния села, пастьбы скота, принадлежащего населению, благоустройства и других необходимых мероприятий. На сходе как обычно все костерили главу, его Администрацию, тяжелую жизнь, в общем, выпускали пар. Затем обсуждали поставленные вопросы и принимали по ним решения, за исполнение которых, в конечном итоге,

должна была отвечать Администрация, и за пастьбу частного скота, и за уборку территории у частных домов, и за трудную долю каждого, никто ответственности за самоуправление взваливать на себя не хотел.

Но самое сложное в этой работе было то, что в этот период / развала советского общества/ не стало парткомов и профкомов, куда люди обращались за решением многих житейских вопросов. И они, униженные свалившейся на них новой жизнью, двинулись с этими вопросами в администрацию, к которой перешли функции не только сельских Советов, но и профкомов и парткомов. И в то сложное время на многие вопросы ответа найти было не возможно, однако достаточно было поговорить, посочувствовать, погоревать вместе, обнадежить и человек преображался, чувствуя, что он не один в таком положении, а вместе в любой беде легче. Помню один случай, приходит как-то старушка, назовем, её Наталья Петровна, плачет, спрашиваю: «Что Наталья Петровна случилось?» «Ой, сыночек, обокрали меня, всё вытащили, приходи, посмотри!» Я пообещал, что найду участкового, и мы скоро придем к ней на помощь. Примерно через час приходим в дом «обокраденной». Наталья Петровна собрала стол, чисто одетая сидит в ожидании нашего прихода. Спрашиваем: «Что бабушка украли?» Она, виновато улыбаясь в ответ: «Простите меня сыночки, ничего не украли, посидите со мной за столом, а то я все время одна да одна, старик умер, детей рядом нет, вот я и соврала, иначе бы вы не пришли». Посидели, поговорили. Наталья Петровна прямо помолодела лет на десять. Уходя, я предложил ей, что бы при надобности, она без стеснения приходила ко мне в кабинет, и она часто заглядывала в администрацию поговорить про жизнь, пока не заболела и не умерла.

Вот, исходя из этого опыта, по истечению некоторого времени, в моём сознании эти события перерождаются и представляются несколько иначе, в другом свете, с оттенком юмора и сожалением о тех сложных временах,

унесших несколько лет отведённой мне жизни, которые уже никогда не вернутся. Поэтому я решил попытаться воспроизвести в рассказах некоторые из них, взвалив ответственность за всё на плечи вымышленного Петра Петровича и дополнив их художественным вымыслом.

Часть первая

По сложившимся обстоятельствам.

Событие первое. Знал бы, где упасть...

1

Село, о котором пойдет речь в данных событиях, было большое и перспективное, располагалось на берегу красивой реки, и было окружено непроходимой тайгой. Несмотря на мрачное название Пожарище, / когда-то давно, ещё в деревянном исполнении, оно выгорело дотла /, имело ряд магазинов, парикмахерскую, бытовое обслуживание, большую птицефабрику «Петушок золотой гребешок», которая в свою очередь имела скотобойню и на её балансе стояли: школа искусств, детский сад, общеобразовательная школа и дом культуры. И конечно в селе имелась местная Администрация, которая, кроме налогоплательщиков, не имела ничего. Здание этой Администрации почему-то располагалось поперек улицы. Но мы не будем заходить туда и подробно рассматривать её внутреннее содержание, речь пока пойдёт не о ней, а о той самой птицефабрике и скотобойне, упомянутых выше, именно они должны были обеспечить перспективу развития данного населённого пункта. Птицефабрика расширялась, и в скором времени должна была перерасти в племенной репродуктор республиканского значения, а скотобойня, соответственно, в

комбинат по переработке мяса птицы. В общем, учитывая всё это, село неуклонно стремилось передовым отрядом ворваться в коммунистическое общество, и поговаривали, что его скоро переименуют, бумаги уже были направлены в Москву, а как же иначе, без неё матушки ни куда...и будет оно якобы называться « Путь к коммунизму». Но дальнейшие события перевернули всё, отбросив птичье производство на второй план и выдвинув на первый ту самую Администрацию, в которую мы заходить не стали и как будет видно далее, наверное, зря.

В стране случилась ПЕРЕСТРОЙКА, бывший комбайнер, с подачи огромного количества демократов, собравшихся во дворце Съездов, стал президентом Великой Страны. А кому, как не капитану корабля хлебных полей, с мостика видна вся необъятная ширь этой, с позволения сказать ГРОМАДИНЫ. Одно только было не совсем удобно, а именно: с комбайна нужно было пересесть на паровоз, который всегда у нас стоял на революционных рельсах. И комбайнер, окрыленный доверием такого большого количества демократов, взял и пересел и, под революционную песню:

«Наш паровоз вперёд летит,
В коммуне остановка...»

так разогнал этот паровоз, что он, не доехав до коммунизма довольно длинный отрезок пути, неожиданно свалился с рельсов и разбился вдребезги, раскидав все четырнадцать вагонов в разные стороны. Конечно, он не учел того, что паровоз это не комбайн, который идет медленно по широкому полю и с его мостика всё далеко видно. А паровоз наоборот, мчится быстро по узкой колее и на дорогу глядеть некогда, нужно бросать в топку уголь. И всё же виноват был не совсем он, так как в каждом из четырнадцати вагонов сидел свой вагоновожатый и потихоньку расшатывали сцепки, они постепенно ослабли, расшатались и порвались. И всё же, раз ты

назвался президентом, ты уже не комбайнер и должен был заметить слабые места, во вверенном тебе составе. Он, кстати, остался жив и ошастливленный этим, не оглядываясь, так рванул с места произошедшей катастрофы, что запыхавшись вконец, остановился только лишь в Германии и, отдышавшись, тут же создал фонд собственного имени, все –таки видимо, он спёр часть членских партийных взносов, св... А разбитая машина досталась строителю, построившему огромное количество панельных домов, за что он то же был допущен в большой Кремлёвский дворец, где его отловили демократы, с хитрым намерением всучить ему этот паровоз. Строитель в свою очередь поспешил стать президентом и начал разбирать паровоз на запчасти, чтобы построить новый, но в связи с тем, что у него постоянно тряслись руки, /любил приложиться к «Столичной» /ни хрена у него не получалось. А вагоновожатые попытались свои вагоны катать вручную, предварительно поставив их на подвернувшиеся рельсы, кто на европейские, а некоторые добрались и до американских, результат был такой же, как и у любителя «Столичной».

Вы спросите: « - А причем здесь местная Администрация?»

Отвечаю: - Да притом, что она-то бедная, в конечном итоге пострадала больше всех. Так как в стране начался хаос, каждый старался хапнуть всё, что плохо лежит и захватить ещё припрятанное на складе, и птицефабрика стала приходить в упадок. Новый директор Хапугин понял, что если он будет содержать котельную, детский сад, школы и клубы, то ему самому утащить будет нечего, и добился, в области, передачи всех этих объектов в сельскую Администрацию, поговаривали, что « наверху» у него была лохматая рука, которую он периодически смазывал. Глава местной Администрации Тихонина, привыкшая жить, как говорится « тише воды – ниже травы», услышав об этом, тут же сбежала и ни куда – то в другую область, а сразу за границу, где у неё оказались глубокие корни. Участковый милиционер,

поняв, что теперь нужно будет не только писать протоколы, а и наводить порядок, на свалившихся на голову объектах, последовал её примеру, напросившись в командировку в Чечню. Отчего раньше категорически отказывался, мотивируя свой отказ выпадающей из пупка грыжей. Как выяснилось позже, справка, выданная сельским фельдшером, была куплена за бутылку самогона, т. е. липовая. Может быть, они и правильно совершили данный поступок, потому что денег вместе с переданными объектами, на их содержание не дали ни копейки.

Может и не за что их осуждать и сетовать на их непартийное поведение, но к тому времени и многие партийцы, как говорится, смазали лыжи, прихватив с собой часть членских взносов. Но вот Администрация осиротела, так же как село. Лужи на дорогах стали шире и глубже, частный скот стал бродить по деревне, из стороны в сторону, всё пожирая и стаптывая на своём пути, благо, что общественный скот, к тому времени, уже перерезали за долги и на смазку лохматых рук. Мусор лежал горами у общественных мест, мешая общественникам исполнять свои прямые обязанности. И не кому было указать начальствующим перстом на всё это безобразие.

А тут, как раз, подошло время московскому министерству рассмотреть вопрос о смене наименований населённых пунктов по всей стране, и когда дошла очередь до смены названия описываемого села «Пожарища» в село «Путь к Коммунизму», председатель данного сорища, нервно дёрнув головой, вспылал:

- Какой к дьяволу «Путь к Коммунизму» забыть пора уже и про коммунизм и про социализм. Наш путь лежит в Европу, навстречу капитализму.

Но членам комиссии, то ли жаль было денег затраченных на переименование, то ли лень было возиться с этим. Взяв за основу слово

«забудьте» из речи председателя, добавили к наименованию села слово «забытый» и оно приобрело новое звучание, соответствующее текущему времени: «Забытый путь к Коммунизму» Цементно – Шиферного района, Энской области. Да, именно там оно и располагалось. И экстренной почтой это странное решение было доставлено в сельскую Администрацию, но в связи с отсутствием руководящего эшелона, возмутиться было некому и обжаловать данное решение тоже, а посему оно прочно обосновалось в этих краях. И как бы не было печально, и мне в дальнейшем придётся пользоваться этим наименованием.

2

Петр Геннадьевич Леваков возвращался в район из областной Администрации. Вы спросите: «Кто такой Петр Геннадьевич?» Отвечаю без всякой утайки. Леваков это бывший первый секретарь коммунистического райкома партии Цементно – Шиферного района, Энской области, но когда произошла катастрофа с коммунистическим паровозом, он быстренько переписал заявление в другую партию, например демократическую либо ещё какую, и стал Главой Администрации всё того же Цементно – Шиферного района. Осуждать его за это не будем, тогда почти все поголовно переписывали какие - то новые заявления, некоторые не однократно.

Настроение Петра Геннадьевича было ужасное, он по старой привычке, сохранившейся от секретарской работы, поехал в областную Администрацию, чего – ни будь выпросить для поправки дел во вверенном ему районе, но областной «администратор» Михаил Борисович Кислый, на его просьбы, недовольно ответил:

- Послушай, Леваков, ты зачем припёрся, это тебе не Обком партии и не старые времена. Меня самого взащей из Москвы турнули, чтобы я не

попрошайничал. Нет у меня ничего для тебя, так что валяй в свой район и выискивай внутренние резервы!- И ехидно добавил – Тут тебе не там!

Пётр Геннадьевич вышел из администрации хмурый, как грозовая туча. Ни за что обругал шофёра, тяжело рухнул на сидение автомобиля и, нахохлившись, как мокрая курица, всю дорогу от города, вплоть до первого села, вздыхал, иногда повторяя:

- Резервы, резервы, чёрт бы тебя побрал, вместе с этими резервами!

А первое село на пути Главы района, как раз было с тем странным именем, которым его нарекли московские «прощелыги». То есть «Забытый путь к Коммунизму». Это была боль Петра Геннадьевича. Проезжая по его улицам, он видел, что лужи всё увеличиваются в размерах и начинают зацветать, мусорные кучи у общественных учреждений разрослись до невероятных размеров. И общественники уже с большим трудом, на четвереньках, пробирались к своим общественным обязанностям, а бродячий скот до того обнаглел, что готов был запрыгнуть в автомобиль районного Главы. И не было, до сих пор, руководящего перста указующего на данные недостатки. Никто не хотел занимать покинутое местной властью место.

- Чтоб вы провалились, – выругался Пётр Геннадьевич, видимо адресуя эти слова, сбежавшим, Главе местного самоуправления и участковому.

Была и ещё одна причина, по которой так нервничал Леваков: в этом селе много лет назад родился он сам, а его матушка до сих пор жила здесь и сыну при встрече было стыдно смотреть ей в глаза. За такое состояние родного села, всю вину матушка складывала на не удавшуюся перестройку и на сына, считая его непосредственным участником этого безобразия.

Настроение Петра Геннадьевича окончательно испортилось, и он приказал шофёру остановиться у первого ларька, благо их теперь было полно, они представляли так называемый малый бизнес, дал ему червонец и

велел купить бутылку водки. Про закуску я умалчиваю, так как знаю: в таком настроении лучшей закуской является сигарета. Стукнув по дну бутылки, выбил пробку, налил полный стакан и с лёту, без передышки маханул водку до дна, глубоко затянулся сигаретой, услужливо приготовленной шофёром и, откинувшись на сидении, почувствовал, как, сопровождаемое благотворным теплом, благостное умиротворение растекается по его жирноватому телу.

Вопреки ожиданиям, его не развезло, и мысль с небывалой ясностью заработала в голове Левакова:

- Ну, нет, не бывает тому, чтобы я, не решил этот вопрос в ближайшее время!- Воскликнул его разгорячённый, выпитой водкой, мозг. – По моему, Колотозов Павел Иванович хвастался недавно тем, что у него отличный заместитель по производству. Мол, без всяких указаний берётся за любое дело, и не было ещё случая, чтобы он его не выполнил.

«Кто такой Колотозов Павел Иванович?» – спросите вы. И здесь ни какой тайны нет! Отвечаю: Павел Иванович занимал должность директора птицефабрики «Золотое яйцо» и был, одновременно, не отрываясь от производства, другом Петра Геннадьевича. Но, как говорится, друг другом, а табачок- то врозь, согласиться ли он, отдать такого ценного специалиста. На этом месте мысли Левакова стали путаться и, не преодолев наркотического воздействия спиртного и никотина, окончательно отключились.

Шофёр, подъехал к дому матери своего шефа, взвалил его на плечо, он давно работал с Леваковым и к данной процедуре привык и знал, что шефа, в таком состоянии, жене лучше не показывать, в противном случае доставалось и шефу, и его шофёру. Мать, увидев сыночка в бессознательном состоянии, попыталась разбудить его для принятия пищи. Но видя, что попытки тщетны, уселась рядом, сложив руки крестом на груди, запричитала:

- Господи, прости его душу грешную, вишь, как умаялся с этой проклятой перестройкой!

Петр Геннадьевич спал, как говорится мертвецким, беспробудным сном, но во второй половине ночи ему приснились бродячие коровы, которые с остервенением раскидывали кучи мусора рогами, а огромный бык, с красными от ярости глазами, грозно промычав: «Где внутренние резервы», ринулся на него. Леваков вскочил, безумный взгляд его метнулся по тёмной комнате, выискивая из какого угла выскочит бешеный бык, но поняв, что это всего лишь сон, вытер обильный пот со лба и, обрадовавшись, тихонько, чтобы не разбудить мать, пробрался на кухню и выхлебал целую кастрюлю щей. Затем снова лёг и начал вспоминать фамилию Колотозовского спеца, которого он хотел заполучить, помнил, что она напоминала, что – то такое шустрое, но окончательно не поддающееся его, угнетенному спиртным, сознанию. И он, как люди считающие баранов, чтобы поскорей заснуть, стал перечислять в уме созвучные с «шустростью» фамилии, в надежде отыскать нужную:

- Прыгунов, Торопыгин, Скачков, Бегунов, Шустри...- и он опять погрузился в тяжелый похмельный сон.

3

Павел Иванович Колотозов, директор птицефабрики «Золотое яйцо» сидел за столом своего кабинета и пытался исполнять свои директорские обязанности, но в голову лезли иные мысли, совсем не связанные с его непосредственной работой.

Вчера он ездил в трест «Ни пуха ни пера», который объединял все птицефабрики области, хотел поговорить с директором треста Мукомоловым за жизнь, так как не мог приспособиться к новым условиям

управления производством, без указующего перста ком. партии. И очень расстроился, по тому, что при разговоре заметил, что директора треста мало волнуют дела птицефабрик, а всё больше интересует вопрос состояние финансов на них, и возможность изъятия этих финансов, без составления отчетности.

- Всё понятно, грабить собирается, сволочь! – Подумал Павел Иванович, – хочет из треста в олигархи выпрыгнуть. Ну, нет, с моего хозяйства он и копейки не получит!

И с этими мыслями, покинув кабинет директора треста, двинулся на своём ГАЗике домой, в посёлок Цементно - Шиферный, где на окраине располагалось его детище: птицефабрика «Золотое яйцо». И как вы понимаете, и ему не удалось объехать, уже известное вам, село « Забытый путь к Коммунизму», а всё по тому, что, в этот район, другого пути не было.

Павел Иванович, вспомнив проезжаемое вчера, село, брезгливо поморщился:

- До чего же довели, паразиты, деревню, когда – то, совсем недавно, она была самой красивой в районе. А всё этот выскочка, Хапугин, директор птицефабрики «Петушок, золотой гребешок» и на птицефабрику он, поговаривают, попал по блату, якобы сам губернатор Кислый являлся его давним приятелем. Поверить было можно, так как сам Хапугин постоянно к делу и по пустякам напоминал об этом, и ещё по тому, что глава района Леваков его побаивался. А еще, говорят – размышлял в уме Павел Иванович – что Хапугин раньше был директором дома престарелых, чему то же можно поверить, так как однажды Колотозов попытался подсказать, что – то Хапугину, по птицеводству, на что тот ответил: « Я, как, ни будь, сам разберусь, старух потрошил, не пропал, а уж куриц ободрать смогу и без подсказки».

Павел Иванович и сам передал все бюджетные объекты с баланса птицефабрики на баланс местной Администрации, но в отличие от Хапугина, постоянно помогал ей, чем мог.

- И всё - таки Леваков, хоть и друг мне, но размазня, – продолжал думать он, – не может прижать распоясавшегося хапугу, который скоро обанкротит хозяйство. И полгода не может найти Главу в этот «Забывтый путь к Коммунизму», чтоб ему пусто было, - к кому относилось последнее выражение, трудно было определить, да и некогда. На столе директора Колотозова Павла Ивановича зазвонил телефон.

- Алле Павел, привет, – раздался в трубке сиплый голос Левакова.

- Привет Петро, – пробасил Павел Иванович, а про себя подумал, – «Лёгок, чёрт на помине».

-Слушай, ты сильно занят? – продолжил разговор Леваков.

-Работы то полно, да твои дела мне покоя не дают.

-При чём тут мои дела? – удивился Глава.

-Да вот ехал вчера по району, вижу, хозяина в нём нет.

- Ну, ты в мои дела не лез бы, – отпарировал Петр Геннадьевич, но вспомнив, что Колотозов член районной коллегии, имел большой вес в области, и как раз, кстати, можно будет легче осуществить задуманное, миролюбиво просипел, – вот и помоги, если ты такой умный. Я сейчас к тебе приеду, поговорить нужно, но только не в кабинете, давай выедем в лес, на нашу поляну.

Такая поляна у них была, на ней они обсуждали особо важные дела, сопровождая иногда эти обсуждения обильным возлиянием крепких, качественных напитков.

- Ты ничего не бери, я сам всё привезу, – добавил Леваков и положил трубку.

И по тому, что голос Главы был вкрадчив и слегка взволнован, и по тому, что поляну собрался накрывать он, чего раньше никогда не было, Павел Иванович понял, что разговор состоится серьёзный.

Встретившись, пожали друг другу руки, Павел Иванович внимательно посмотрел в глаза Левакова, тот быстро отвел взгляд:

-«Понятно, сейчас вывалит, какую ни будь, фортель», – подумал Колтозов и нетерпеливо потребовал, – ну давай, выкладывай, что ты придумал?

-Ты бы уж Павел, как ни будь полегче, не гони коней, я всё таки как ни как Голова. Давай для начала махнем по сотке, как говориться для связки слов.

Был июнь, погода стояла прекрасная, Павлу Ивановичу никак не хотелось омрачать день выпивкой, но раз уж съехались, деваться было не куда. Выпили коньячку, зажевали копчёной курицей, а как же директор птицефабрики и без курицы, и Леваков начал осуществлять свою затею издалека:

-Ну, ты, Павел сам видишь, какая наступила тяжёлая жизнь, ни черта нет, последнее всё растаскивают, работать никто не хочет, на должности все плюют, хотят быть предпринимателями.

- Ты что мне должность приехал предлагать что ли? – Иронизировал Павел Иванович. – Так у меня она отличная и ничего другого я не хочу.

- Не перебивай, – обиделся Леваков, – Ты вот утром поддел меня, что я плохой хозяин, и я знаю почему, видимо вчера ехал через этот чёртов «Забывтый путь к Коммунизму». Я и сам вчера там был, с горя надрался и сегодня ещё в глазах синие огни, вот выпили с тобой и полегче стало. Давай ещё по одной, – он знал, что Колтозов, по мере увеличения выпиваемого, становился с каждой выпитой рюмкой процентов на пять добрее.

Выпили и закусили ещё, после чего Павел Иванович нетерпеливо спросил:

- Ну, а я то, каким боком к твоему «Забытому пути к Коммунизму»?

- Сейчас всё скажу, ты только выслушай и не возмущайся, войди в моё положение. Я вот весь район перевернул в поисках кандидатуры на пост главы поселения в этот «путь...», будь он не ладен, не могу никого подобрать, наотрез все отказываются, а тех, кто просится и за версту в администраторы подпускать нельзя, там правда брать нечего, но они и стены растащат.

- И, всё - таки, я не могу понять, от меня то, ты что хочешь? –

Нетерпеливо спросил Колотозов.

- Да не спеши ты, давай ещё по одной маханем, – предложил Леваков, в надежде на окончательную и бесповоротную доброту своего друга.

Павел Иванович, уже слегка подогретый выпитым, предложение принял беспрекословно, выпили, загрызли куриной косточкой, и Петр Геннадьевич шкурой чувствуя, как добреет его товарищ, уже смелее пошел в атаку со своей идеей:

- Павел, только ты можешь помочь мне в решении данного вопроса.

- Это, каким же образом, взять шефство, что ли над этим селом, так у меня своего хватает.

- Да нет, шефства брать не нужно. Помнишь, ты говорил, что у тебя есть заместитель, который может без указки решать любые вопросы?

- Да ты с ума сошел! – Догадался Павел Иванович в чем дело, – а я, по твоему, что без него должен сам по фермам бегать, он же кроме того, что заместитель ещё и ветеринарный врач. А тут ещё директор треста, какую-то хитрость задумал, олигархом хочет быть, а ты меня решил один на один оставить с этими проблемами? Ещё друг называется!

И окончательно раздосадованный, отшвырнув, зажатый в руке, пустой стакан, двинулся к своей машине.

- Вот дьявол, поспешил, недобрал как видно Павел доброты, надо было ещё по одной врезать, – горестно думал Леваков. Оставался последний козырь в его колоде, он был постыдный, но делать было нечего. Павел Иванович, как настоящий мужик не переносил женских слёз и они, / в основном жена, но может ещё две – три любовницы / зная об этом, как говориться, вили из него верёвки, при надобности. Вот этим и решил воспользоваться Леваков, он догнал уже садившегося в машину Колотозова и потянул его за рукав, тот хотел отмахнуться, но в последний момент обернулся и замер, по широкому лицу Главы района катились две крупные, величиной с горошину, слезы. Павел Иванович растерялся, не переносил то он женских слёз, а тут на тебе здоровенный детина ревет, у него возникло двойственное чувство, одно было за то, чтобы как следует врезать по этой слезливой физиономии, другое которое росло ежесекундно, подогреваемое выпитым коньяком, чувство непреодолимой жалости к приятелю. Второе победило. Он взял Левакова под руку, и они вернулись к насиженному месту. И чтобы сгладить как-то, растущее чувство неловкости, выпили по полному стакану коньяка.

- Ну что ты нюни распустил? – миролюбиво пробасил Павел Иванович, – мне и самому не по нраву беспорядок в этом « забытом пути...», едешь и думаешь, что сейчас свиньи, которые развалились во всех лужах, выскочат из них и перевернут машину. Но почему ты докопался до моего заместителя, у него и фамилия не подходящая для этой должности, / попытался привести последний аргумент для отмазки Колотозов / какой - то Неугомонный, был бы Председателем или Бюрократам другое дело.

- Самая, что ни на есть, подходящая фамилия, – вытерев слезу и чувствуя, что приятель постепенно сдаётся, выпалил Пётр Геннадьевич, –

туда и нужен как раз неугомонный человек, там не придётся рукава жевать. Ну, что отдаешь, а я тебе за это... - но вспомнив, что в районе ни черта нет и дать при всем желании нечего, замолчал на полуслове.

В этот момент коньяк окончательно сделал Павла Ивановича добрым, и, не взяв ничего взамен, он согласился и сдал Неугомонного Петра Петровича, заместителя и ветеринарного врача, окончательно и безвозвратно.

Приятели пожали друг другу руки, выпили ещё по стакану, спели «ревета стогне Днипр широкий» и начали собираться по домам. Но если уважаемый читатель обладает крепкой памятью, то он должен помнить, что жена Левакова не терпела мужа в таком виде и он, сев в машину лицом к окну, натянув тёмные очки, приказал вести его к матери, т.е. в «Забытый путь к Коммунизму»

Людям, встречающимся на его пути, казалось, что Глава внимательно смотрит в окно автомобиля на свои муниципальные владения, / этот момент желательно тоже запомнить / но Леваков, довольный исходом дела, умиротворенно спал и во сне видел, что он нашел, в конце концов, эти проклятые внутренние резервы и так вцепился в них, что у него онемели руки.

Павел Иванович последовал его примеру, направился домой, но в отличие от приятеля, улёгшись дома в постель, долго не мог заснуть, обдумывая совершенный им поступок, а хмельные мозги отказывались окончательно домыслить его деяния и он, в конце концов, погрузился в тяжелый сон. Во сне ему снилось, что он с ветеринарной сумкой бежит по птицефабрике за крупным петухом, чтобы дать ему витамины, но догнать никак не может. И когда уже Колотозов, выбившись из сил, выронил из рук пакет с витаминами, петух вдруг остановился и, обернувшись, прокукарекал:

- Ну, что ты натворил, куры то теперь передохнут! – И, с размаху, долбанул своего преследователя в темя.

Павел Иванович закричал и проснулся, липкий пот заливал его глаза, в ушах звенело, за окном брезжил хлипкий рассвет. Он вытер пот, натянул штаны и, отмахнувшись от вопросов жены, двинулся на птицефабрику, а вдруг что-то не так с курами, проклятый петух растревожил воображение директора.

4

И вот, уважаемый читатель, наконец – то, настало время познакомиться с главным героем нашего повествования, т.е. с Петром Петровичем Неугомонным.

Соответствовала ли его фамилия действиям Петра Петровича, мы ещё неоднократно проверим, по мере развития происходящих событий, и убедимся, оправдывает ли она своё звучание, либо нет.

Что же касается визуального наблюдения за данной фигурой, скажу прямо, что она, фигура эта, не отличалась какими-то выдающимися особенностями. Петр Петрович был человеком среднего роста, достаточно широк в плечах и прилично упитан. Обладал живым умом, иногда умел мыслить не стандартно, и тогда получал замечание, либо очередной выговор, не мысли нестандартно без указания партии, так как она наш рулевой и честь и совесть наша. Лицом был приятен и женщинам, несомненно, нравился, особенно дояркам и птичницам, но он предпочёл свое сердце отдать экономисту Вареньке, причина этому нам не известна. Да и бог с ней, не в этом дело. На птицефабрике «Золотое яйцо» работал ветеринаром, отдавая, как говорится, всю душу курам, иногда петухам, в зависимости от настроения. И как он думал, его безупречный труд

удовлетворял директора птицефабрики Колотозова, так как тот сделал Петра Петровича своим заместителем и полностью доверял ему. Ан, нет, как мы видим, доверие оказалось не полным, но бедный ветеринар пока об этом не знает, и мы будем молчать. Пусть эта печальная весть придёт к нему от других.

В тот день, когда Колотозов встречался с Леваковым, Петр Петрович запряг в дрожки мерина Рыжку и двинулся в соседнее село «Забытый путь к Коммунизму», будь оно не ладно. Зачем,- спросите вы, - его туда понесло? Отвечаю:

- Да всё очень просто, по ветеринарным делам. У него кончилась вакцина, которую должны были завести скоро в хозяйство, но так как он был неугомонный, поэтому решил поехать на птицефабрику «Петушок золотой гребешок» к своему приятелю Тришкину, что бы взять эту злополучную вакцину взаймы.

Приятель Тришкин очень обрадовался приезду Петра Петровича, купил ящик пива и они, вспоминая студенческие годы, под пивко, которое иногда, между делом сдабривали водочкой, развели длительные дружественные переговоры, как говориться дебаты. Но сколько не дебатировать, а всяким речам приходит конец и новые на ум не идут, поэтому Петр Петрович, погрузив в дрожки занятую в долг вакцину, дёрнул вожжи, и Рыжка засеменял в родной Цементно – Шиферный посёлок. А надо сказать, что путь – то, для лошади, был не близок – около тридцати километров, это не то, что на машине: нажал на газ и уже дома, а лошадка топ - топ и всё как бы на месте. Но долго ли коротко половину пути преодолели, и тут пиво, выпитое у друга, начало проситься наружу и как раз место для его освобождения подобралось подходящее. Дорога спустилась вместе с лошадыю под гору и впереди торчала такая же гора. Петр Петрович покинул дроги и занялся естественным изгнанием лишней жидкости из организма, и что интересно,

Рыжка, хоть он и не употреблял пива с водкой, начал подражать хозяину. И всё уже подходило к концу, как вдруг, чёрная «Волга» вылетела из под горы и понеслась прямо к виновникам естественного процесса.

Я просил Вас, уважаемый читатель, запомнить, что с поляны переговоров шофёр повез Главу администрации района Левакова к матери, в село «Забытый путь к Коммунизму», прямо навстречу Петру Петровичу и встреча, будь она трижды не ладна, произошла в такой морально неприглядной обстановке.

Ветврач Неугомонный остолбенел, «Волга» не лошадь, она так стремительно летела, что Петр Петрович не успел отвернуться, и ему показалось, что взгляд Главы внимательно и с укором смотрит прямо на него, а ему ещё никогда не приходилось показывать непотребные места своего тела высокому начальству, сердце ветеринара ушло в пятки. Рыжка тоже, словно почувствовав не ладное, съёжился и взбрыкнул. Мы то с вами знаем, что Леваков спал, а бедные Неугомонный и Рыжка нет!

Дальше они передвигались как в бреду, с трудом вспоминали потом, как добрались до дома, как Пётр распряг Рыжку, придя домой отказался от ужина, на уговоры и расспросы Варенки не отвечал, всю ночь не спал, бродил по комнатам, повторяя:

- Я пропал, я пропал, какая же я скотина не мог потерпеть! После такого конфуза, как я буду жить в этом районе! - Варенька так ничего от него не добила, а он, лишь только забрезжил рассвет, пошёл на птицефабрику прощаться с курами и петухами, а может с птичницами, кто знает.

В это время директор птицефабрики Колотозов, как мы помним, тоже пошел на птицефабрику, что бы убедиться, что с курами ничего не случилось, а заодно уличить приснившегося ему петуха во лжи. Проходя мимо первого попавшегося на его пути птичника, Павел Иванович увидел, что дверь в него открыта: « Воры! – первое, что пришло ему на ум, и он, взяв обрезок трубы,

валявшийся у двери, двинулся тихонечко в птичник с твёрдым намерением ахнуть этой трубой вора по его бессовестной голове. Но заглянув внутрь помещения, замер, открыв рот от удивления. На полу сидел ветврач Неугомонный и, держа на коленях большого петуха, кормил его витаминами, по щекам его катились крупные слёзы / - Не многовато ли слёз в этом повествовании? – спросите вы. Отвечаю: - А как быть иначе, такая вот вредная жизнь у жителей данного района! / Петух был тот самый, что приснился Колотозову во сне, и Павел Иванович, убедившись, что петух не умеет разговаривать, а молча пожирает витамины из рук ветврача, тихонько прикрыл дверь, бросил трубу и медленно двинулся в контору, размышляя по дороге: « Какая же тварь успела рассказать Неугомонному, что я его так подло пропил?» - не подозревая, о случившемся на дороге.

Петр Петрович погладил ещё раз любимого петуха, вытер горячую слезу и то же двинулся в контору, в отдел кадров, с твердым намерением быстро уволиться и уехать подальше, к киргизам, например. Но по дороге заглянул на конный двор, чтобы проститься с любимым конём Рыжкой, и эта задержка все замыслы Петра Петровича свела к нулю.

Пока он гладил моду своего коня, / заметьте, про слёзы я умышленно умалчиваю, / в отдел кадров птицефабрики поступила депеша из районной Администрации, которая предписывала ветврачу Неугомонному немедленно явиться к Главе района Левакову Петру Геннадьевичу. Инспектор отдела кадров кинулась на поиски Петра Петровича, а он тут, как и был, собственной персоной устремился навстречу ей. Услышав предписание, побледнел и хотел упасть, но инспектор была крепкой женщиной и, подхватив ветврача за талию, накрепко прислонил его к стенке.

- Не успел, – горько подумал Петр Петрович, – и, понуриив голову, пошел запрягать Рыжку, до районной Администрации путь был неблизким.

Приехав на административную площадь, Неугомонный убедился, что районная бюрократия не спит, кругом стояли чёрные и белые «Волги», УАЗы в новом исполнении, под названием «ПАТРИОТ», что уличало их в бессовестной лжи, так как это слово было выведено крупными английскими буквами и было ясно, что для России они уж точно не патриоты. Машины презрительно взирали своими вылупленными фарами на Рыжку, на что ему было глубоко наплевать, его этими фарами напугать было нельзя, он привык видеть технику покруче: К – 700, например, либо комбайн, поэтому он то же презрительно фыркнул на них и стал поедать брошенное Петром Петровичем прямо на крыльцо Администрации, прихваченное, именно для этой цели, сено.

Петр Петрович же, опустив понуро голову, как подневольный рекрут, стал медленно подниматься на второй этаж, где располагался кабинет районного Главы. Открыв дверь в приемную, он увидел районного начальника милиции Михаила Михайловича Горохова, который как видно, только что вышел из кабинета Левакова, лицо Горохова было потным, руки тряслись, ноги подкосились и он, не имея сил идти дальше, упал на стул в приёмной, секретарша Лидочка отпаивала его водой.

Пётр Петрович поздоровался со всеми. С Гороховым за его трясущуюся, руку. Они были знакомы довольно давно и, как говорится, близко, их связывала общая тайна, и об этом нельзя не рассказать, в надежде на то, что Вы её сохраните тоже. Однажды птицефабрику ограбили и Неугомонный, как заместитель директора по производству, обратился в районную милицию, непосредственно к начальнику и, надо сказать правду, не всегда милиция бездействует, уже через несколько часов украденные яйца вернулись на прежнее место, а воры в КПЗ.

Горохов лично сопровождал похищенное, и Петр Петрович, обрадованный таким исходом дела, решил отблагодарить начальника милиции. Пригласил его в свою ветеринарную аптеку, где у него в заנачке стояла литровая бутылка спирта. Горохов по сравнению с Неугомонным выглядел как Илья Муромец в сравнении с Алёшей Поповичем, но это было не главное, а вот как он умел пить и закусывать, на это нужно было посмотреть. Спирт, девяносто шести градусов, он пил не разведённым и сразу по полному стакану. Если учесть то, что Петр Петрович на каждый выпитый стакан Гороховым, выпивал один глоток, а через два часа бутылка опустела, и три жареные курицы, тоже, были отправлены в утробу начальника милиции, то можно себе представить, в каком состоянии он был. Уже плохо соображая, Горохов, видимо представив, что он на задании и командует взводом милиционеров, выкрикивая команды, выхватил пистолет и, размахивая им, стал метаться по аптеке, разбрасывая медикаменты и переворачивая муляжи различных органов животных, предназначенных для обучения животноводов.

- Всё конец, - подумал тогда Петр Петрович и, закрыв голову руками, упал на пол.

К счастью, патронов в пистолете не оказалось, видимо зная свой крутой нрав, начальник на такие встречи их не брал. Вместе с шофёром Горохова, который не принимал в попойке участия, Петр Петрович кое-как усадил Горохова в машину, и он покинул территорию птицефабрики.

Но на этом эта история не закончилась, рано утром Неугомонного разбудил телефонный звонок, в трубке послышался взволнованный голос Горохова:

- Пётр, мой пистолет у тебя?

- Нет, я к твоему пистолету не прикасался, – озадаченный таким вопросом, ответил Петр Петрович.

- Ну, всё, мне конец! – слышался в трубке, уже плаксивый тон, начальника милиции.

- Да подожди ты впасть в панику, приезжай, посмотрим в аптеке, куда он денется.

- Еду! – несколько бодрее выпалил Горохов.

Обыскали всё, пистолет как сквозь землю провалился, обессиленный начальник милиции повалился на стул, тяжело дыша, чувствуя свой близкий конец, за потерянный пистолет можешь не только лишиться должности, но и загреметь по соседству ко вчерашним вора́м. И тут его взгляд упал на безобразный муляж:

- Это что за гадость? – раздраженно спросил он.

- Это муляж детородных органов коровы, – кротко ответил ветеринар.

Горохов с отвращением взял эту штуку в руки и заглянув внутрь, вдруг радостно вскрикнул, хотел поцеловать муляж, но вовремя одумавшись, плюнул и, улыбаясь, вытащил из него пистолет.

Вот такой случай вспомнил Петр Петрович, увидев в приёмной Горохова и спросил:

- Что опять потерял?

- Опять, - понуро кивнул тот головой, – вот с работы выгоняют к чёртовой матери, так мне, дураку, и надо!

У Петра Петровича внутри всё оборвалось:

- Ну, раз Горохова выгоняют, значить и меня попрут из района, видимо сегодня в Администрации день такой, зачистка виновных идёт, - горестно подумал он.

И тут секретарша Лидочка пригласила Петра Петровича Неугомонного в кабинет Левакова, т. е. на голгофу, как подумал он.

Петр Петрович трясущимися руками приоткрыл двойную тяжелую дверь и, можно сказать, медленно просочился в образовавшуюся щель.

- Здравссти...- выдохнул он и, оглядев огромный кабинет, уселся на первый стул, стоящий у самой двери. Расстояние между собеседниками было достаточно большое. Леваков хотел пригласить будущего коллегу поближе, но вспомнил, что устойчивый перегар от выпитого вчера коньяка ни чем не удалось погасить, подумал:

« Пусть сидит там, а то ещё подумает, что я пьяница», – честь конторы Левакова научила блюсти партийно - секретарская должность.

В свою очередь, Неугомонный подумал:

-«Хорошо, что далеко сию, а то несет перегаром со вчерашнего», - честь конторы его никто не учил блюсти, но животные, которых он лечил, не переносили запах перегара.

- Здравствуй, здравствуй Петр Петрович, – хотел бодро провозгласить Глава, но двухдневное угнетение организма спиртными напитками, позволило этому организму лишь угрюмое сипение, после которого Неугомонный зябко съёжился.

Исходя из такого состояния внутренностей, Леваков решил, как говорится, «не тянут кота за хвост», а сразу приступить к делу:

- Ты в селе «Забывтый путь к Коммунизму» давно был?

- Да был как-то, – еще на что- то надеясь, неуверенно прошептал Петр Петрович.

- Понастроили ларьков, нажрутса водки и пива, а потом гадят где попало, – зло просипел Глава, имея ввиду, общее состояние обсуждаемого объекта.

Петр Петрович же принял этот неприглядный факт на свой счёт, и тихо, почти шепотом, попытался оправдаться:

- Я не виноват, это всё Тришкин, давай, да давай, а тут ещё пиво с водкой, вот и пришлось останавливаться на полпути, а Рыжка тоже не виноват, он ведь конь и глядя на меня непроизвольно...

« Что он там шепчет, – думал Леваков, – под дурачка, что ли косит. Вот, Колотозов, паразит, решил меня провести, научил видимо этого архаровца, мол, представься дурачком, от тебя и откажутся. Ну, нет, меня не проведёшь!» – а вслух сказал:

- Я вот тут долго размышлял, где мне найти хорошего руководителя, чтобы без лишних указаний, мог, проявляя инициативу, навести порядок в этом селе и лучшей кандидатуры, чем твоя не нашел.

« Издевается», – подумал про себя Неугомонный, а вслух опять просительно пролепетал:

- Вы уж простите Пётр Геннадьевич, я больше не буду!

- Хватит придуриваться! – гневно выпалил Леваков, – эти ваши придумки с Колотозовым не пройдут, завтра увольняйся, и в село «Забытый путь к Коммунизму», будешь там Главой!

Перт Петрович, никак не мог понять о каких придумках идёт речь, но то, что он получает новое назначение, до него стало доходить, и тут же от сердца отлегло, плечи расправились сами собой и он заулыбался.

-«Вишь как власть то любит», – подумал Леваков и ошибался, Петр Петрович ненавидел партийно – профсоюзную и другую общественную деятельность. Почему? Об этом я постараюсь рассказать Вам в следующей главе.

Реакция же на предложение была естественная, а как же, человек шел в кабинет в твёрдой уверенности, что его изомнут, размажут и выбросят за пределы данного района, а тут такой поворот, и ещё толком не осознав, происшедшее он твёрдо сказал:

- Я согласен, – и подумав, добавил, – а можно я Рыжку с собой заберу?

- Ну, вот и хорошо, - удовлетворенно сказал Леваков, – а то начал тут дурака валять, я замыслы Павла Ивановича сразу раскусил. А конь тебе там не нужен, в Администрации «Москвич» имеется, но Петра Петровича весть эта не обрадовала, что ему был этот «Москвич», куча железа, а вот Рыжка это настоящий друг.

И лишь покинув кабинет Главы районной Администрации, Петр Петрович осознал, куда он засунул свою несчастную голову. Рыжка тоже, почувствовав неладное, понуро опустив голову, не спеша двинулся в сторону птицефабрики. С горя, ветврач завернул к пенсионерке Лукинешне, у которой недавно кастрировал боровка, и выпил кружку самогона.

Павел Иванович директор птицефабрики, узнав, что Неугомонный дал согласие, открыл сейф и налив стакан водки, опрокинул его в широко раскрытый рот, видимо тоже с горя, что лишился ветврача.

Петр Геннадьевич Глава района, тоже открыл сейф, достал бутылку коньяка и налив полный стакан, опрокинув его в широко открытый рот, видимо с радости, что удалось так хитро повернуть задуманное. Но вспомнив, как он унился перед Павлом Ивановичем, пустив слезу, налил ещё пол стакана и отправил его вдогонку за первым, видимо от стыда.

И они не сговариваясь, все трое, одновременно произнесли в сердцах:
- Что б он провалился этот «Забытый путь!..»

Но это было сказано от обиды и никак не со зла, так как каждый из них хотел, чтобы в этом селе высохли вонючие лужи, свиньи бы перестали бросаться под колёса, а бродячий скот нападать на «Волгу» Главы района.

Событие второе. Прощание. Напутственное слово Главы района.

На следующий день все описываемые, в первом повествовании, действующие лица, несколько угнетённые выпитыми спиртными напитками, кто как мог, избавлялись от остаточных явлений действия этих самых, так называемых, напитков. Глава района Леваков Пётр Геннадьевич, как вы догадываетесь, опять ночевал у матушки, по известной нам всем причине, и теперь ему предстоял неприятный / и это мягко сказано / разговор со своей любимой женой. Матушка же опять сварила вкусный борщ, и вот он-то, съеденный в объёме полуведёрной кастрюли, помогал Петру Геннадьевичу справиться с этими вредными остаточными явлениями.

Павел Иванович Колотозов, под монотонное ворчание жены, на которое он не обращал внимания, выпил десять больших чашек кофе, однако от паршивого настроения не мог избавиться никак. В голове его постоянно крутился, свершённый им подлый, по отношению к Петру Петровичу, поступок. Он проклинал выпитый им вчера коньяк, село «Забывтый путь к Коммунизму» и своего друга Левакова, но было уже поздно, сделанного назад не вернёшь.

И лишь одна Варенька, жена Петра Петровича, узнав всю горькую правду о случившемся, налила большую кружку огуречного рассола, и пока её Петенька пил этот божественный в таких случаях напиток, сочувственно гладила его по взлохмаченной голове и нежно шептала на ухо:

- Ничего, друг мой, мы с тобой нигде не пропадём, я за тобой хоть на край света!..

И то ли рассол, то ли сказанные слова любимой жены, благотворно подействовали на одурманенную вчерашним самогоном голову Петра, она просветлела, сердце стало биться ровно, и он почувствовал, что с такой женой ему и правда море по колено. И лишь одно сейчас мучило Петра

Петровича, как он с запахом перегара, будет прощаться с меринком Рыжкой, тот ненавидел этот дрянной запах.

И вот тут, мой дорогой читатель, глядя на страдания этих в принципе не плохих людей, я хотел бы дать тебе дельный совет: / хотя заранее знаю, куда ты меня пошлешь /

- Никогда не пейте этой дряни – так называемых спиртных напитков - особенно если это водка, а того хуже самогон, ну разве, что грамм сто коньячку, хотя если сказать правду, это такая же дрянь, после которой можно натворить таких неприглядных дел, что не хватит жизни, что бы отмыться от позора! – Ух, вот это я дал, даже у самого мороз по коже!..

Петр Петрович допил рассол, нежно поцеловал Варенку и окрылённый её словами, уверенно двинулся в контору птицефабрики, что бы получить расчет и проститься с товарищами, по теперь уже прошлой, работе. На конный двор он решил пока не заходить, подумал: «Пока получаю расчёт, перегар может и выветрится».

Прежде всего, он зашел в кабинет директора Колотозова Павла Ивановича, тот сидел угрюмый, но пре виде Петра Петровича, лицо его несколько просветлело, а вот в глаза своего зама, чувствуя свою вину, он посмотреть не смел. Но как-то так, само по себе, случилось, постепенно разговорились, как в прежние времена и стало ясно, что всё произошло по стечению не предвиденных обстоятельств. Достаточно было Петру Петровичу отказаться от предлагаемой должности, и всё бы осталось по прежнему. В общем, всё как обычно, всегда крайний оказывается стрелочника. Пока шли прощальные переговоры, секретарша оформила все необходимые документы, для перевода на другую работу ветеринарному врачу Неугомонному Петру Петровичу, и, вручая их, сочувственно вдохнула. То ли она жалела, а может, как и птичницы, в тайне любила его, что, в

общем - то, почти одно и то же, нам это не известно, да и не обязательно знать.

На прощанье директор наговорил массу добрых слов своему бывшему заместителю, что убедило Петра Петровича поверить в то, что он действительно был дорог Колотозову, так как тот, ещё никогда и никому не говорил столько лестных слов. В конце разговора Павел Иванович позвал своего шофёра и наказал отвести Неугомонного до пункта нового назначения. Но тут, растроганный таким обращением Петр Петрович, понял, что в эту минуту ему не в чём отказа не будет, попросил:

- Павел Иванович, а можно я для поездки возьму мерина Рыжку ?

Обрадованный тем, что хоть, что-то может сделать доброго, на прощание, для своего, как оказалось, любимого заместителя, Колотозов с радостью выпалил:

- Конечно, если хочешь, можешь вообще оставить его себе, пусть это будет тебе премия за хорошую работу.

Уважаемые читатели Вы бы видели, как обрадовался этот самый мерин Рыжка, каким то чутьём догадавшийся, что разлука с другом откладывается на неопределённое время, глаза его сияли, он, простив запах перегара, облизал своим шершавым языком лицо Петра, для него он был просто Пётр, без всяких отчеств и званий. Поверьте мне, как бывшему ветеринару, что нет преданней и ласковей друга, чем полюбившее тебя животное, оно не может совершить подлость, продать тебя не за понюх табака, бросить в трудную для тебя минуту, либо обобрать до нитки. Жаль, что нет такой школы, где человек мог бы поучиться настоящей дружбе у младших своих братьев – ЖИВОТНЫХ. Но это всё лирика.

Петр Петрович запряг в дрожки Рыжку и поехал в Администрацию Цементно – Шиферного района получать письменное распоряжение о своем назначении. На площади всё так же стояло скопище лупатых машин, глядя на них, Рыжка презрительно фыркнув, хотел лягнуть ближайшую «Волгу» копытом, но вовремя вспомнил, что она железная и оставил её в покое: «Чёрт с ней, где, ни будь, на ухабе сама развалится»

Петр Петрович тем временем поднялся на второй этаж и распахнул дверь в приёмную Главы района, по привычке ожидая увидеть там начальника милиции Горохова, но его не было:

-«Уволили, – подумал Неугомонный, и попытался открыть дверь в кабинет Левакова Петра Геннадьевича, но секретарша Лидочка, выпятив свою тощую грудь, намертво перекрыла путь в апартаменты своего шефа.

- Петра Геннадьевича там нет, – взвизгнула она, – распоряжение о вашем назначении подписано, и я сейчас вам его выдам, под роспись, – уже более ровным голосом сообщила Лидочка. И в это время из кабинета раздался грубый сухой кашель.

Лидочка врала, и потому, что она это делала без смущенья, Петр Петрович понял, что врать ей приходилось часто. А врать естественно её заставлял шеф, вот и сегодня, заходя в кабинет, строго наказал:

- Меня сегодня ни для кого нет!

И сделано это было по двум причинам.

Первая – это царапина на лице Левакова и бурый фингал под его левым глазом, видимо, прежде чем пойти на работу, шеф района, наконец – то, повстречался с женой.

Вторая - это беспомощность районного руководства. Попав в новые условия переходного периода, они практически потеряли всё. И власть над различными структурами управления / при райкоме партии эта власть была не ограниченной /. И финансовую поддержку / новое руководство страны

под управлением строителя, господина Ель-Цина, довела эту страну, как говорится, до «ручки» / работники бюджетной сферы месяцами не получали заработную плату, а пенсионеры пенсию.

« Вот сейчас заявится Неугомонный, нужно будет, что-то врать про оказание помощи в работе, а какую помощь я могу оказать, самому кто бы чего дал. – Угрюмо перекатывалось в голове Левакова. – Лозунги ему мои не нужны, так, что пусть едет на место, встретимся, как, ни будь позже.

Но Петр Петрович был не из робкого десятка, и, услышав кашель, оттолкнув, Лидочку вошел в кабинет. Увидев, вновь испечённого главу, от неожиданности Леваков поперхнулся и закашлялся ещё сильнее, за спиной Неугомонного маячила Лидочка и верещала:

- Я не пускала, он сам, хам, какой – то!
- Выйди вон! – взревел Леваков
- Это вы мне? – вспыхнул Пётр Петрович.
- Нет, вот эрой свиристелке!

Лидочка кубарем выкатилась в приёмную, захлопнув за собой дверь.

Глава района, глядя на Петра Петровича, сразу остыл, почувствовав, что этот, казалось бы, по его разумению, какой – то ветеринаришка, не позволит орать на себя «Выйди вон» и, опустив голову, чтобы не видны были следы встречи с любимой супругой, спокойно спросил:

- Чего тебе, распоряжение получай и езжай в свой «Забытый путь к Коммунизму», не чем мне тебе помогать, нет ничего в районе лишнего, – и, вспомнив недавнюю встречу с Губернатором Кислым, добавил, – изыскивай там, на месте внутренние резервы.

Петр Петрович, обескураженный такой встречей с новым шефом, понял, что он теперь остался один на один со всеми проблемами этого, неизвестного для него, населения села «Забытый путь к Коммунизму». Выехав из посёлка Цементно – Шиферного, и направив Рыжку к новому

месту назначения, задумался о своей не совсем удачной прошлой жизни и о том, почему он ненавидел партийно – профсоюзную деятельность, которая неоднократно меняла его судьбу не в лучшую сторону.

Событие третье. **Думы о прошлом.**

Любовь к научному коммунизму.

1

День был солнечный, несмотря на плохое настроение Петра Петровича, прекрасный, и, прислушавшись к ровному цокоту копыт, пригревшись на солнышке, он постепенно успокоился, и мысли о прошлом потекли широкой рекой былых воспоминаний. Уважаемый читатель, давай и мы окунёмся в эту реку, не спросив на то позволения у их владельца, в связи с тем, что мы разошлись с Петром Петровичем во времени их воспроизведения.

И так мысли побежали, опережая одна другую.

Петр Петрович иногда задумывался и не мог найти ответа на вопрос :

« Почему в любом учебном заведении либо на службе, ему обязательно навязывали выполнение общественных поручений? Толи потому, что он был довольно общителен и быстро находил ответы на многие поставленные вопросы. Толи лицо у него было такое, что доверием его не возможно было обойти, толи и то и другое вместе взятое. Ну, в общем, не суть важно, а выполнять их было нужно, и он выполнял их по своему, иногда вразрез с мнением вышестоящего руководства.

В школе он, начиная с шестого класса, был избран, на совете пионерского отряда, редактором стенной газеты, видимо за то, что неплохо рисовал. И в первом же номере нарисовал Ирочку Иванову. На одной карикатуре с большими ушами, примкнувшими к замочной скважине, на

другой с длинным языком, которым она на ухо доносила очередную кляузу классной руководительнице, а в связи с тем, что классной руководительницей была её мать, Петю Неугомонного понизили в должности, он стал простым членом редколлегии.

В ветеринарном институте его неожиданно избрали старостой мужского /хорошо, что не женского / общежития. Хотя он был лишь второкурсником, а были ещё третий, четвертый и пятый курсы и как не странно, он нашел общий язык со всеми и в «общаге», говоря студенческим языком, был порядок. Все неприятности от общественной деятельности начались позже, когда Петр Петрович приступил к основной трудовой деятельности, то есть был назначен ветеринарным врачом, допустим фермы № 2 совхоза «Бессеребрянного», села Орловки, Чудовского района.

Надо сказать, распределение в данное село ему не понравилось сразу, и не по тому, что везде была непролазная грязь и даже не по тому, что ферма была заражена бруцеллёзом, а по двум другим причинам: первое это единственным развлечением в селе, не считая деревянного полуразвалившегося клуба, была пьянка. В праздничные дни скотники и доярки, загуляв, по два – три дня не выходили на работу, и тогда приходилось коров кормить вдвоем с бригадиром, а когда выходили на работу доярки и скотники, в запой уходил бригадир, и тогда приходилось уже работать и за него.

Вторая причина – это конкуренты. Их было двое: первый - санитар Берегуля Афанасий Семёнович, он закончил ещё до революции, видимо, месячные курсы коновалов, и считал себя докой в ветеринарном деле.

Второй была Анна Филипповна Бинидиктова, она имела уже более устойчивую квалификацию, окончила полугодовые курсы санитаров.

И так бы бог с ними, санитары они конечно не обходимы в ветеринарном деле, но дело в том, что между ними велась жестокая битва за

оказание помощи животным частного сектора. Их вызывали жители села, у которых заболел домашний скот, либо нужно было делать кастрацию боровков или бычков /уважаемый читатель, для тех, кто не знает, что это такое, поясню – кастрация это избавление самцов от всего, что находится ниже пояса и мешает танцевать /.

Лечение проводилось соответственно полученным знаниям и приобретённому опыту. Афанасий Семёнович не признавал никаких медикаментов, после проводимой кастрации, он плевал на зияющую рану и засыпал её золой, и при этом нашептывал: «У медведя боли, а у борова или бычка /зависело от того, кого он подвергал этой экзекуции / заживи» После чего выпивал, положенную ему за это бутылку водки, и медленно удалялся восвояси.

Если у коровы возникал мастит, / поясню для тех, кто ни разу не болел маститом – это воспаление находящихся на груди выпячиваний, на которые одевается лифчик, мужики не ломайте голову, вас это не касается / Афанасий Семенович нагревал в печи два кирпича и заставлял хозяев растирать этими кирпичами выпячивание, попросту говоря, вымя у коровы. /Представляю, если бы он женщин заставил горячими кирпичами растирать озвученное выше место, то, от брошенных в него кирпичей, от Афанасия Семёновича осталось бы только мокрое место./

У Анны Филипповны всё было ещё проще, кастрацию она проводила более – менее по правилам, а всё остальное лечила водкой . Заболела, к примеру, свинья /не нужно морщиться, уважаемый читатель, очень умное животное если её хорошо кормить/ воспалением лёгких, Анна тут же ей вливала стакан водки внутрь, два себе, и пока ей не давали вторую бутылку, восвояси она не уходила. Процент выживаемости был очень мал. Но люди, приглашая Анну, исходили из того факта, что он всё таки был.

И получалось так, что после таких лечебных мероприятий, все прибегали к Петру Петровичу за помощью, и ему потом приходилось долго лечить этих животных. Но, что самое странное, так это упорная тупость местного населения, люди почему-то сразу не обращались к Петру Петровичу, хотя он неоднократно доказал свою компетентность и старание, а бежали к нему лишь доведённые до отчаяния не компетентными врачами. И, в конце концов, ему это надоело. После очередной не удачной операции проведённой Афанасием Семёновичем, Пётр Петрович на вызов не пошел, и животное отдало, не знаю кому, но отдало душу, в общем, приказало долго жить.

Петра Петровича за этот случай начальство пожурilo слегка, но, в общем, поступок признало правильным. А местное население, с тех пор кроме как Петра Петровича, никого признавать не хотело, даже если это был самый главный ветврач района. А что же конкуренты? А они, потеряв спрос на свою деятельность, забыв распри между собой, объединились и начали вынашивать идеи мщения, по мере своих сил, новому « светилу» ветеринарного дела.

2

Но первые неурядицы, понизившие авторитет Петра Петровича, всё - таки были не от них. Вот тут – то, как раз и подвела общественная деятельность. Как только он приступил к выполнению ветеринарных обязанностей на данном участке трудового фронта, его немедленно пригласил к себе парторг совхоза «Бессеребрянного» Идеиный Владимир Васильевич и задал несколько классических партийных вопросов:

- Товарищ Неугомонный, вы надеюсь член Ленинского комсомола?

- Да! – гордо ответил Пётр Петрович, он внимательно и с большим удовольствием изучал в институте «Научный коммунизм» и беззаветно верил в его светлое будущее.

Почувствовав решимость в словах собеседника, бороться до победного конца за идеалы коммунизма, парторг облегченно вздохнул. Сама по себе фамилия Идеиный предполагала зарождение огромного количества идей в его голове, но, к сожалению, он вынашивал лишь одну, до предела плоскую, и заключалась она в том, что он никак не мог найти человека, который бы возглавил комсомольскую ячейку фермы № 2 села Орловка. А тут вот он готовый вожак передового отряда молодёжи.

- Вы имеете намерение вступить в ряды Коммунистической партии? – был поставлен ребром следующий вопрос? / а может быть и не ребром, поднапряг память Петр Петрович, нет, всё-таки, ребром по тому, что дунувший в открытое окно ветер, плашмя повалил этот вопрос на засыпанный партийными билетами стол /.

- Несомненно, давно мечтаю! – горячо воскликнул «любитель научного коммунизма»

- Вот и хорошо, – обрадовался Владимир Васильевич, он всё больше проникался доверием к этому будущему общественнику. – Вот тебе бумага и ручка, пиши заявление в кандидаты.

Он тут же пригласил присутствующих в конторе коммунистов, и они единогласно проголосовали за нового кандидата в их ряды.

« А чего время тянуть, куй железо пока горячо – подумал парторг – кто его знает, а вдруг он изменит своё мнение через некоторое время». - Всё - таки червь сомнения, в устойчивой идейности членов своих ячеек, в голове парторга присутствовал.

- Поздравляю вас товарищ Неугомонный, - торжественно произнёс он, – но должен вам сразу сказать, что быть кандидатом это не только почётное

право, но и тяжёлая обязанность, связанная с воспитанием членов и укреплением веры в идею коммунизма.

- Я готов! – вскочив со стула и приняв стойку, отчеканил вновь испечённый кандидат.

- Да ты сядь, – неожиданно перешёл на «ты» парторг, – вот тебе первое поручение, - на ферме № 2, где ты работаешь, давно нет комсомольского вожака, вот и возглавишь передовой отряд будущих коммунистов, это и будут твоя кандидатская работа.

- Спасибо за доверие товарищ Идеальный! – обрадованно воскликнул Пётр, пока он ещё не догадывался, что натуральные борцы за идею коммунизма не совсем такие, о которых написано в учебнике «Научный коммунизм»

- Да, вот ещё что, там твои две комсомолки, тоже являются кандидатами в члены партии, ты присмотришься к ним, помоги выйти в передовики производства. Их фамилии Окунева и Ершова, они обе работают доярками.

- Хорошо, – коротко ответил Неугомонный и воодушевлённый двинулся на ферму делать передовиков производства, благо не надо далеко ходить, так как будущие передовички работают рядом .

Комсомольская ячейка села Орловки состояла из пяти комсомольцев, трое из них были трактористами и постоянно находились в поле, поэтому приходилось рано утром перехватывать их по дороге на работу, чтобы пронизать идеями светлого будущего. Но толи от того, что они не успевали отмыться от мазута, накрепко въевшегося в их головы, толи от шума в ушах, который навсегда поселился там, от рёва трактора, по их равнодушным лицам было видно, что проникновения идеями в их мозговом аппарате не происходит. Но просвечивалась на их лицах озабоченность другим, а именно тем, что если они займутся обдумыванием идей, и не будут

выезжать в поле, то строители коммунизма просто останутся без хлеба. А они, трактористы эти, твёрдо знали с детства, что ХЛЕБ всему голова. Петр Петрович и сам был трудяга, как говорится, спал со штанами в руках, чуть, что не так, а он уже на ферме, либо оказывает помощь частному владельцу не успевшему сдать свою скотину в колхоз. / Это называлось кулачество, ужасные пережитки прошлого, правда спасшие в своё время сельское население от поголовного вымирания у /. Но «Научный коммунизм» накрепко вошёл в голову теперь уже вожака сельской молодёжи, и он не понимал тех людей, которые не разделяли его идеи.

Первое знакомство с Окуновой и Ершовой посеяло массу сомнений в голове Неугомонного, в том, что ему удастся сделать из них не только передовых доярок, но и подтянуть показатели их труда хотя бы к среднему результату. Петр Петрович судил о людях обслуживающих скот, не по внешним данным этого человека, а по состоянию обслуживаемого ими скота, куда деваться, на то он и ветеринар.

Так вот, группа коров, обслуживаемая дояркой Окуновой, отличалась сильной истощённостью организма, несмотря на то, что все коровы в коровнике получали одинаковые корма.

Группа же коров Ершовой отличалась своей неумытостью, не то, чтобы коровы сами не хотели умываться, но в связи с отсутствием возможности самоумывания, им никто не помогал это делать, Господи, что я плету, попросту не чищенные и не мытые. И в то же время, напротив группы её коров, было вывешено множество вымпелов с различными девизами, например: «Победителю в однодневном соревновании», «Ударнику по ударному доению коров» , «Лучшему из лучших» и т. д. и т. п.

Своими сомнениями Пётр решил поделиться с бригадиром, который к счастью, из - за отсутствия праздников, был трезв и находился там, где и

должен был находиться, в бригадном домике при ферме, строго озирая
вверенное ему стадо крупного рогатого скота в окно.

- Василий Афанасьевич, - так звали бригадира, – а не соизволишь ли ты
объяснить мне вот эти, не соответствующие правильному содержанию скота,
моменты?

На что бригадир, понизив голос и оглянувшись вокруг, ответил:

- Поясню, конечно, с превеликой готовностью, сам весь извёлся по
этому поводу. У Окуневой коровы худые по тому, что она три раза в день
таскает домой по десять килограммов комбикорма. /Уважаемый читатель, я
не могу оставить тебя в не ведении, что же такое комбикорм – это крупно
размолотая зерновая смесь из разных видов зерна, очень вкусный. Но всё
же, я тебе не советую, его есть, по тому, что он вкусен только для животных,
но если тебя приспичит, то немного можно, лучше варёный /

- Так, а ты что же ничего не говоришь ей?

- Попробуй, скажи, она тут же бежит в контору жаловаться парторгу на
то, что её кандидатские права нарушаются.

- А почему грязные коровы у Ершовой?

- А когда ж ей мыть их. Председатель профкома Производителей
каждый обеденный перерыв, и каждый вечер привозит новые вымпела, и ей
приходится их завоёвывать.

Петр /ничего, что я его называю просто Пётр, ведь мы с Вами
договорились о том, что будем читать его мысли. Я думаю редко, кто в
мыслях называет себя по бабушке, ну может быть только уж очень
себялюбивый общественник, какой ни будь член. / Так вот, Петр с большим
недоверием отнёсся к словам бригадира, по тому что «Научный коммунизм»
иначе освещает поведение кандидата в свои ряды, и по этому, он решил
проверить всё сам.

В обед, когда доярки двинулись домой, Пётр пошёл вместе с Окуневой, благо им было по пути. Со стороны печени у Окуневой выпирала больших размеров опухоль.

« Никак цирроз? – сочувственно подумал ветврач, – и плечи- то, как перекосило, бедная, как же она дояркой работает, а бригадир ещё про неё гадости говорит».

- У тебя печень болит Окунева?

- Болит проклятущая, – сморщившись, ответила она.

- А что же ты в больницу не обращаешься?

- Так некогда Петрович, у меня дома три коровы, кто ж комбикорм им будет та... то есть давать.

И вдруг на дороге перед ними предстал ухаб. Пётр подхватил Окуневу под руку, чтобы помочь преодолеть его и потянул на себя. И тут же вскрикнул от ужаса, – печень Окуневой гулко шмякнулась на дорогу. Сомнения в словах бригадира, по отношению к данной персоне, рухнули, на дороге лежал увесистый мешок комбикорма. Петр плюнул под ноги кандидатки и быстро зашагал в сторону дома Ершовой.

Около её дома стоял «Газик» профсоюзного совхозного лидера Производителя. В окно было видно, как он широко ходит по избе из угла в угол, размахивая новым вымпелом перед дояркой Ершовой, доказывая видимо, как трудно было уговорит профком на вручение ей очередного награды. Походив некоторое время и осознав, что в ходьбе не может убедить Ершову в том в чём хотел убедить, он швырнул её на кровать и улёгся рядом, видимо посчитал, что в таком положении легче будет доказать свою правоту. Но расстроенный Петр Петрович не стал дожидаться конца диспута, плюнул ещё раз и твёрдо решил, что он не позволит извратить постулаты научного коммунизма. Решил, что он изведёт негативные явления в своей комсомольской ячейке, и стал ожидать очередного

партийного собрания, на котором Окуневу и Ершову будут принимать в партию.

На собрании он, разволновавшись, сбивчиво стал рассказывать и про печень, и про комбикорм, и про Производителя, который метался по избе и затем падал на койку / уважаемый читатель, не забудь, он ведь первый раз выступал на партийном собрании / Эффект был ошеломляющий. Первой взяла слово доярка Зубова, она была коммунистка с большим стажем:

- Да как ты смеешь, щенок, позорить нашу партийную организацию! – шипела, как змея она, – и кто тебе разрешил заглядывать в чужие окна? Подумаешь, председатель профкома прилег на кровать, а может он устал махать вымпелом перед Ершовой и прилёг, а может ему плохо стало, и она ему оказывала первую помощь. Попробуй ка потаскайся по совхозу с этими вымпелами. Поневоле рухнешь. – Свирепствовала со знанием дела Зубова, будто сома всю жизнь бегала по ферме с вымпелами.

Вторым выступил конюх Бурков, родной дядя Производителя:

- Ишь, «какия» «витинары» пошли, печень от мешка с комбикормом отличить не могут. Гнать его в таком случае из совхоза надо, «едри»его пень! У человека печень вздуло до невозможности, а он со своим комбикормом пристаёт, не иначе самогону надрался.

- Я не пью, – попытался оправдаться Пётр.

- Ну «тады» тебе совсем «опровданиев» нет, - не унимался Бурков.

В конечном итоге решили, что гнать его рано, дали на первый раз устный выговор, чтобы отличал действительность от учебника. На прощанье парторг Идеиный предупредил:

-Если ты, Неугомонный, будешь и дальше так себя вести, кандидатский стаж не пройдёшь!

И все же доброе зерно в этом деле тоже родилось, трактористы – комсомольцы поняли, что Пётр настоящий мужик и стали сами его

перехватывать по утрам на дороге. Окунева стала таскать комбикорм только один раз, в обед, и её коровы быстро поправились, а Ершова помыла, наконец, своих животных и вышла замуж за Производителя / а куда ему было деваться после такого скандала / и коровы, вымытые до блеска, радостно мычали на их свадьбе, все выпела они унесли к себе домой и диспуты проводили уже мирно, не швыряя друг друга на койку.

3

И вот воодушевлённые тем, что их основной конкурент потерпел фиаско на общественно – комсомольском поприще, его конкуренты Берегуля Афанасий Семёнович и Анна Филипповна Бинидиктова решили его добить.

Петр Петрович в то время не пил ещё спиртных напитков, мало того он презирал тех, кто чересчур увлекался этим гадким, по его разумению, делом. / Жаль мне его, он ещё не понимал, что без этих самых напитков, у нас в России не одно серьёзное дело не решается. Ну да бог с ним, его ещё клюнет петух в одно, всем известное, место. / Зная об этом, санитар Берегуля Афанасий Семёнович решил разыграть эту карту.

Однажды Пётр Петрович оказывал помощь корове в отёле, то есть в появлении маленького телёночка на свет. А я уже выше упоминал, что ферма была поражена бруцеллёзом. / Страшна болезнь, и если вы про неё ничего не знаете, я вам рассказывать не буду. Не хочу вас пугать. / И естественно ветврач, соблюдая все санитарные нормы, работал в перчатках. Афанасий Семёнович оказывал ему посильную помощь. И вот когда работа была закончена, и телёночек увидел белый свет, санитар порвал, снятую с руки, перчатку Петра и истошно завопил:

- Ну, всё Петрович, если ты сейчас не произведёшь обеззараживание организма, обязательно заболеешь бруцеллёзом.

- Это почему? – заволновался ветврач, и как тут было не волноваться, уж кому как не врачу, знать о последствиях этой заразы.

- Как почему, ты же в дырявой перчатке работал, – и показал порванную перчатку.

Неугомонный, от неожиданности и от серьёзности ситуации, забыл, что он всегда тщательно проверяет перед работой средства защиты и, что перчатка точно была целая, тревожно спросил:

- Что же теперь делать?

- Выход один, внутреннее обеззараживание, – ликуя в душе, ответил санитар.

- Как это?

- Просто, сто пятьдесят грамм этилового спирта внутрь, и тогда уж точно всё будет в норме.

За спиртом далеко ходить было не нужно, его выдавали каждый месяц по двадцати литровой канистре, учитывая санитарное состояние, по инфекционным заболеваниям, данного хозяйства. Бутылка спирта стояла тут же на кухне в телятнике, Пётр всегда после проведённой работы обеззараживал руки, когда он это делал, на Афанасия Семёновича жалко было смотреть, как он переживал о том, что спирт идёт не по назначению, он признавал только внутриутробную дезинфекцию.

Быстро, пока Неугомонный не одумался, Берегуля набурил две третьих гранёного стакана девяносто шести градусного спирта и преподнёс ветврачу со словами:

- Быстро, промедление смерти подобно!

- Как прямо вот, так и пить? – ещё не хлебнув, уже сморщился Пётр.

- Нет, « туды» его в ребро, через трубочку, – сердито пошутил санитар, не довольный тем, что процесс затягивается.

Пётр Петрович никогда не пробовал чистый спирт, и лишь примерно догадывался, что это такое, но сложившаяся ситуация, подогреваемая санитаром, поставила его в безвыходное положение и он, закрыв глаза и затаив дыхание, опрокинул содержимое стакана в рот. Дыхание спёрло, по горлу как будто кто процарапал большим гвоздём, из глаз полились крупные «горючие» слёзы. Потом всё возвратилось на свои места, но ноги стали очень слабыми, и Петр присел на край большой квадратной ёмкости в которой было разведено пойло телятам, смесь того самого комбикорма с молоком и обратом. Затем мимо него медленно поехали стены телятника, санитаров сначала стало двое, а потом появились ещё двое. Стены ехали всё быстрее и быстрее и вот когда их скорость достигла того, что он не мог сосчитать количество санитаров, бежавших вслед за стенами, всеми уважаемый ветеринарный врач с дипломом о высшем образовании, комсомольский вожак Неугомонный Пётр Петрович опрокинулся в ёмкость с разведённым пойлом для телят...

Люди, столпившиеся у магазина, на некоторое время, прекратив сплетничать, обратили внимание на лошадь, запряженную в сани, на которых скотники на ферме возят навоз, но на этот раз на санях не было навоза, а прислонённый к их передку, восседал ветеринарный врач Пётр Петрович, в каком то странном положении. И хотя праздника, никакого не было, в его фигуре усматривалась торжественность, был лёгкий морозец и замёрзшие молоко с обратом и прилипшими звездочками комбикорма к

одежде несчастного, напоминали новогоднего не нашего, чужеземного Санта – Клауса.

Рядом идущий с санями Берегуля Афанасий Семёнович, подёргивая вожжи, немедленно разоблачил тайну этого не понятного для простых людей заезда.

- Вот вам и не пьющие, - орал он во всё горло – не пьют на свои, а на чужие как дорвутся, пока в помои не свалятся, не остановишь.

И хотя до дома, где жил Пётр Петрович, был прямой путь через переулок, санитар его вывез на главную улицу и хотел ещё повозить по другим, но люди уважающие Петра не дали ему это сделать. А бригадир Василий Афанасьевич отобрал вожжи и пристыдив наглого пройдоху:

- Забыл, как сам свалился в цистерну с патокой, – отвез Неугомонного домой и сдал с рук на руки расстроившейся Вареньке.

На другой день Пётр Петрович на работе не появился, во – первых, опьянение никак не хотело его отпускать, Варенька всячески пыталась помочь любимому, отпаивала чаем, сварила хороший суп, всё бесполезно, как только он подымался на ноги, проносившиеся мимо стены опять валили его на постель. Во- вторых, возвращающееся постепенно сознание напоминало, какому позору подверг себя Пётр.

- Всё, надо, куда, ни будь, уезжать, – думал он про себя.

К вечеру пришел бригадир Василий Афанасьевич.

- Ну, живой? – с порога радостно загудел он, – а я тебе похмелиться принёс.

При упоминании о спиртном Петра передёрнуло:

- Ну, уж нет, больше вообще в рот не возьму. Слышь, Василий Афанасьевич, я хочу уехать отсюда подальше, стыдно то как, надрался вчера, но ведь иначе было нельзя.

- Да брось ты с отъездом, наоборот тебя в деревне больше уважать будут, а то далёк ты от народа со своими принципами. А что касается вчерашнего, так Берегуля уже всем растрепал, как он тебя « обул ». Да и не он всё это придумал, а Анна Филипповна, у него на это ума не хватило бы. С ним недавно то же случай неприятный произошёл, за неделю до твоего приезда к нам. Хочешь, расскажу?

И хоть Петру было не до этого рассказа, но чувствуя, что бригадир всячески хочет поддержать его, он согласился.

- Так вот, привезли к нам на ферму пятидесяти кубовую цистерну патоки, для повышения надоев у коров. *//Уважаемый читатель, я как всегда, не могу тебя оставить в неведении, что же такое патока, так вот - это густые жидкие отходы от производства сахара. Сладкие, но если они тебе повстречаются, ты их не кушай, а свари из них лучше самогона.* / Поставили между коровниками, чтобы скотникам ближе было её брать. На деревне как узнали об этом, все самогонщики по ночам, на ферму ринулись, и двух недель не прошло, как патоку почти всю растащили, коровам меньше досталось, чем селянам. Остался в цистерне, на дне, слой сантиметров на восемьдесят и то только по тому, что слой этой патоки оказался ниже крана, через который её можно было брать.

Иду я как- то утром рано на ферму, подхожу к коровнику и слышу, кто - то, как будто, из под земли кричит:

- Помогите, спасите!

Перепугался я, не знаю, что делать, вроде не с похмелья был, чудиться ничего не должно было. А всё же страшно, пошел я в коровник, сел в комнате отдыха, а вскоре и доярки со скотниками подошли. И они, вижу, то же волнуются:

- Василий Афанасьевич, ты ни чего не слышал? – спрашивают.

- Слышал, – говорю, а сам думаю, – слава богу, не одному мне послышалось, а то уж решил, что белая горячка настигла.

Пошли все на двор, слышим крик приглушённый:

- Помогите, погибаю!

Тут пошли разные догадки, один говорит:

- В навозе какой – то дебил тонет.

Обошли все навозные ямы, нигде никого нет. Тут кто-то говорит:

- Неужели кто на водокачку залез, да в бак с водой свалился.

Полезли на водокачку, никого, шестом обшарили дно бака, никого.

Слезли вниз, стали гурьбой, стоим, а, из под земли:

- Спасите, помогите!

Совсем растерялись, прямо наваждение какое - то. И тут появляется Фрося – лаборантка, а с ней собачонка маленькая, эта собачонка прямиком к цистерне с патоккой и давай на неё лаять, бегают кругом и лает.

- «Дык» вот, « игде» собака закопана, – сказал сторож Митрич.

Ну, кто бы мог подумать, что кого то нечистая занесет в эту цистерну, да и как в неё попасть. И тут вспомнили, что на её верхней части есть крышка – люк очень узкий, как раз в человеческое туловище. Стало светать, обошли цистерну, стоит лестница. Понятно всё стало, залезли два скотника наверх и заглянули внутрь, ничего не видно, нашелся фонарик, посветили: стоит человек весь покрытый патоккой увязший по пояс в ней и рыдает:

- Братцы, – значить увидел, – спасите, помогите!

Принесли две длинные верёвки, скинули вниз, человек обвязался.

Начали тянуть, не тут- то было, засосала патока и не отпускает. Залезли ещё двое, потянули, вроде пошло. Дотянули до люка, дальше не идёт, заглянули, а человек держит в руке ведро с патоккой, вцепился и не отпускает, ему говорят:

- Отпусти, – всё бесполезно, тогда один из скотников слегка тюкнул его по голове, рука разжалась, и ведро хлюпнулось в патоку.

Когда спустили человека на землю, им оказался Афанасий Семёнович Берегуля, стоит с него медленно стекает патока, а он плачет навзрыд.

Спрашиваем:

- Теперь - то чего рыдаешь, вытащили ведь?

- Ведро с патокой жалко, выходит я зря там всю ночь проторчал.

- В общем, полез он за патокой для самогона и сорвался в цистерну, повезло, что её там было мало, а то бы ты и не успел с ним познакомиться, – заключил рассказ Василий Афанасьевич.

- Ну, ты похмеляться то будешь? – спросил он и когда Пётр отказался, налил себе целый стакан, залпом опрокинул, закусил, поданным Варенькой ему, огурцом и направился домой, кинув на прощанье:

- Ну, ты не дури, выходи завтра на работу, тебя люди уважают, всё простят.

5

На другой день Пётр рано утром огородами, чтобы ни с кем не встречаться, двинулся на ферму. Однако, вскоре почувствовал, что его кто – то догоняет, деваться не куда, остановился, местные трактористы – комсомольцы, улыбаются, рот до ушей:

- Ну, что Пётр с крещением тебя, – и видя как тот смутился, успокоили, – да ты не дрейф, всё нормально, у нас тут и не такое бывает. Вот проведём уборку урожая, тогда уж вместе отметим.

И хотя Неугомонный дал зарок больше в рот не брать спиртного, но за такую поддержку, пообещал принять участие в обмывании урожая. К его удивлению никто и на ферме, никаких шпилек в его сторону не выбрасывал и

он понял, что местное население, если уж не считает такие события нормой, то и претензий никаких к их виновнику предъявлять не собирается.

Однако до директорского кабинета парторг Иде́йный данный факт донёс, приукрасив его на столько, что казалось прощения Неугомонному, не в коем случае, не должно быть. Директор Медведев был тертый мужик, сам был иногда не прочь выпить, правда в телячье пойло не падал, но учитывая его средний возраст, отрицать того что с ним этого не случиться нельзя. Жизнь, судя по его упитанному лицу, у него завтра не закончится.

- Ну, ну, ты Иде́йный, как всегда приукрасишь, унизишь человека, тому хоть в петлю лезь. Не трогай его, человек старается, молодой, подумаешь пойло, не в навозную жижу и то ладно.

- Попомните моё слово, он ещё и не то выкинет, он ещё принесёт урон хозяйству, самое время от него избавиться, – не унимался Иде́йный, видимо никак не мог простить Петру его выходку с кандидатами.

И урон действительно был нанесен, только не хозяйству, а опять же партийной организации совхоза «Бессеребрянный». Случилось это через год после телячьего пойла.

Мы вместе с Петром Петровичем в своих воспоминаниях забыли представить тебе, уважаемый читатель, ещё один персонаж, он хоть и на первый взгляд кажется промежуточным, но, тем не менее, является важной персоной нашего повествования. И как ты думаешь, дорогой читатель, кто же это может быть? Не утруждай себя, я немедленно тебе его представлю. Не понимаю, как я мог забыть такую персону, без которой не обходилось когда - то не одно село нашей страны, потому что эти персоны всегда стояли в первых рядах строителей коммунизма. Так вот сбрасываю завесу тайны с данного индивида. Это конечно парторг местной партийной ячейки села Орловка Чигряй Ольга Петровна. Но речь в наших воспоминаниях пойдёт вовсе не о партийной ячейке с. Орловка, а об огурцах, и не, в общем, об

огурцах этого села, а именно огурцах в огороде Чигряй Ольги Петровны. Ты спросишь уважаемый читатель : «А причём тут огурцы?» и я не таясь, отвечаю:

- Да притом, что Ольга Петровна любила огурцы до безумия, она, конечно, любила партию, но иногда ей казалось, что огурцы она любит больше. В любом их виде: свежие, маринованные, солёные и т.д. и т. п.

А для того чтобы вовремя эти огурцы уродились, нужно что?

Правильно теплица. А вспомни, вместе с нами, те годы, о которых идёт речь, / 1970 – 2000 / много было в магазине этих теплиц? Конечно, нет. И вот, чтобы не нанести урон собственному хозяйству, Ольга Петровна, по совету санитарки Анны Филипповны, */что, я думаю, было сделано не без злого умысла /*, наняла за литр водки конюха, который привез ей окна из коровника местной фермы. */ Тот, кто работал когда – то на ферме, знает, что на летний период для проведения ремонта и дезинфекции в коровниках ,а так же затем, чтобы их не спёрли, окна изымались и складировались в укромном месте /*. И Чигряй, не задумываясь, по тому, что Анна Филипповна сказала ей, что эти окна лишние, и никто искать их не будет, быстро соорудила вместе с мужем теплицу, и вставила в эту теплицу дверь, которую привез конюх вместе с рамами, на двери была прикреплена массивная цепь, что, несомненно, было, кстати: повесил на цепь замок и не один тать, т.е. вор не проникнет в теплицу. Огурцы, конечно, уродились на славу, все односельчане, которые проходили мимо дома парторга, завидовали ей, а местная парт ячейка гордилась своим вожаком и предлагала отправить ящик огурцов на выставку достижений народного хозяйства, но в это время на этой самой выставке достижений армяне и азербайджанцы торговали яблоками.

Тогда их отправили на выставку в областной центр, и там она завоевала медаль «Лучший партийный садовод - огородник нашего века»

Видите, как хорошо всё складывалось, до тех пор, пока животноводы не пригнали скот с летних пастбищ, для того, что бы поставить его в коровники на зимовку. Хватились, а большого количества окон нет, а без окон сквозняки, а без окон маститы. / *Помнишь, я подробно объяснял, что это такое /*. И вот все животноводы гурьбой кинулись по селу на поиски пропавших окон. Все бегают, шумят, а толку мало, как сквозь землю провалились. Ну, кто бы посмел искать эти окна во дворе партийного вожака. А один дурак, но может и не совсем дурак, но как обычно ему больше всех всё надо. И ты конечно, так же как и я, сразу догадались кто это. Точно, это конечно Пётр Петрович Неугомонный, тот вылупил глаза и напрямиком к дому парторга, глядь – теплица и вроде ещё, что-то очень знакомое, присмотрелся окна, вот они собственной персоной, выстроились в ряд и прикидываются теплицей. Ветврач через забор и к рамам, тут Ольга Петровна его заметила, кричит:

- Ах ты, ворюга, ты куда полез?

- Это ещё надо разобраться, кто ворюга! – кричит в ответ Пётр.

Дальше, больше, Чигряй никак не признаёт, что окна с фермы, да и как признать, позор то сразу ляжет на всю местную парт ячейку, надо же вожак не чист на руку! Кто - то позвонил в центральную контору, парторгу Идейнному, тот захватил профорга Производителя / *как будет видно дальше, зря /* и во весь опор в село Орловку. Прилетели, столпотворение. Правда, это столпотворение на дороге у дома Ольги Петровны, все бояться войти к ней во двор. А как же – идол, божество. И лишь один Неугомонный мечется в огороде местного вождя и пытается развалить теплицу Чигряихи.

- Опять ты, – ехидно прошипел Идейнный, – проваливай отсюда! - Как видно он уже был в курсе случившегося.- Ты чего прицепился к незащитной женщине, ты видишь эти рамы не с фермы, они покрашены в разные цвета.

-«Уже и до фермы успел доехать», – подумал Пётр, а вслух, сказал, – покрасить можно в любой цвет, а другой фермы за тридцать километров не сыщешь.

- Отцепись, видишь, они на два миллиметра шире, чем на ферме, – не сдавал своих партийных позиций Идеиный.

- Хорошо, давай будем мерить, – не унимался и Пётр.

- Товарищи, да он опять пьян! – выдал весомый аргумент Идеиный.

И хоть все присутствующие давно поняли, что рамы с фермы, и теперь понимали, что Неугомонный не пьян, но разве против плотных рядов партии попрёшь.

- Ладно, Пётр, пойдём делать новые рамы, – позвал бригадир Василий Афонасьевич, - плетью обуха не перешибёшь!

Но в это время к месту событий стали подтягиваться работники фермы, которые бродили по селу в разных направлениях, в поисках пропавших окон. Они конечно уважали партию и её лидеров, но очень не хотели, чтобы их любимые кровы болели маститом, по этому, не вступая в переговоры, решительно двинулись к теплице, чтобы проникнуть внутрь и, разобрав её, вернуть рамы на исходные рубежи.

Но и представители партийного аппарата были не лыком шиты, они стремительно метнулись внутрь теплицы, и Производителей накрепко завязал дверь, висевшей на ней, цепью. Если бы это сделал, кто ни будь другой, возможно осаждённые и удержали свои позиции, но увидев Произнодителя с цепью в руках, Пётр соединил в уме эти два предмета и понял, кому принадлежала эта злополучная цепь:

- Это же цепь и дверка из клетки быка производителя Иртыша с нашей фермы, – вспыхнуло в сознание ветврача.

- Хорошо, я вам сейчас докажу, кто прав, – бросил он и устремился на ферму.

Уж кому как не ему было знать какая дверка и цепь в клетке Иртыша. Бык никого, кроме Петра не подпускал к себе. Ветврач кормил его комбикормом и витаминами и следил за его санитарным содержанием. И Пётр знал, как бык ненавидит эту цепь, которая ограничивает его свободу, именно этим он и хотел выиграть не равный бой с местной, да нет, уже с совхозной, парторганизацией. Добежав до фермы, Неугомонный быстро запряг коня в дрожки, насыпал в ведро комбикорма и вывел быка производителя Иртыша. Иртыш очень любил комбикорм, */а что я тебе говорил раньше, некоторые животные настолько его любят, что при виде комбикорма совершают необычные поступки /* и поэтому, свирепый великан, смиренно последовал за дрожками, на которых было установлено ведро с комбикормом.

Осада теплицы безуспешно продолжалась, когда Неугомонный, сопровождаемый быком Иртышем достиг, наконец, поля боя местного значения. Люди, при виде быка, быстро ретировались на безопасное расстояние. Пётр снял ведро с дрожек и закрепил его на заборе так, чтобы Иртыш, поедая комбикорм, мог увидеть злополучную теплицу. Народ замер в ожидании ужасных событий, осаждаемые, почувствовав не доброе, заволновались. Но ничего не происходило, бык, дорвавшись до желанного комбикорма, пожирал его, не подымая головы. Время шло и работники фермы, удручённые поражением, начинали было расходиться, а осаждаемые, видя, что ничего не происходит, осмелели и начали кидать в адрес Петра Петровича обидные реплики. */Зря они так поспешили /*

Докушав, наконец- то комбикорм, Иртыш медленно поднял голову и посмотрел в сторону теплицы, так просто посмотрел, безо всякого умысла.

И тут его взгляд упал на ненавистную цепь и столько же нелюбимую дверку, которые лишали его свободы. Ноздри его расширились, глаза налились кровью и он, как танк стволом, поведив рогами из стороны в

сторону, / ты видел, когда - ни будь, как делает это танк? Нет! Я то же не видел. Но это сейчас не так важно / ринулся к теплице, сломав при этом прочный забор как спичку. Никто не успел заметить, как осаждаемые выскочив из теплицы, оказались на крыше сарая, стоявшего невдалеке.

Иртыш неистовствовал, разбив в дребезги дверку и далеко отшвырнув рогами цепь, он начал топтать грядки с огурцами. При этом умудрялся не повредить ни одной рамы, видимо и до него дошло, что без рам в коровнике будет сквозняк, а он очень любил своих коров и не хотел, чтобы они болели маститом. / Вот опять про мастит, скажешь ты, но прости меня, без этого слова информация будет не полной, да и не понятной /

Члены коллектива осаждаемых, сидя на крыше сарайчика, при приближении бычка, весом в восемьсот килограммов, начинали неистово креститься, хотя в бога видимо не верили, так как недавно провели диспут на тему научного атеизма, на котором твёрдо решили, что членам партии категорически не рекомендуется ходить в церковь. Но на диспуте не присутствовал бык Иртыш, а тут вот он, сарайчик хлипкий, не дай / опять, кто не дай? Естественно... / бог, этот хлипкий сарайчик опрокинется, всё, как говорится, хана.

- Уберите быка! – кричала руководитель местной парт ячейки, – я признаю, что рамы эти с нашей фермы.

Но всё обошлось, бык Иртыш переусердствовал, он так яростно крутился на грядках, что в конечном итоге накрутил на себя огромное количество огуречной ботвы, запутался и, тяжело дыша, свалился на грядки. В этот момент Иртыш напоминал самоубийцу – шахида, готового в любой момент произвести самопожертвование, огуречная ботва, словно бикфордов шнур, обвивала тушу быка, а ядрёные огурцы, свисавшие с его боков, напоминали невзорвавшиеся ещё пока гранаты.

Видя то, что бык Иртыш никому не может нанести вреда, обе противоборствующие стороны, начали зачищать поле боя. Доярки и скотники, воодушевлённые победой, быстро разобрали теплицу, и высоко подняв, отвоёванные рамы, торжественно удалились на ферму, где их ждали, пока ещё не заболевшие на сквозняке коровы.

Петр Петрович размотал огуречную ботву с быка Иртыша и тот, уставший, не видя, так не любимых ему цепи и дверки, спокойно и с достоинством последовал за дрожками, на которых, лукаво улыбаясь, восседал ветврач Неугомонный. */Зря он так улыбался. Правильно сказал бригадир о том, что плетью обуха не перешибёшь. /*

Идейный и Производителей, отдышавшись и уняв сердцебиение, помогли Ольге Петровне собрать оставшиеся не повреждёнными огурцы, вспотевшие от пережитого, сели в машину и удалились восвояси. Всё то время, пока ехали до центральной усадьбы совхоза, Идейный проклинал Неугомонного за нанесённое унижение и позор, какими покрыл тот парт. ячейку фермы № 2, совхоза «Бессеребрянного».

На следующий день Неугомонного Петра Петровича пригласил к себе в кабинет директор совхоза Медведев Г.Д. */Ни к чему, теперь уже, расшифровывать его инициалы./*

- Ну, что Пётр Петрович, выкинул ты крендель, ни какими зубами не разгрызёшь! Я понимаю, что в принципе ты прав, но против ветра... то есть против партии я пойти не могу, сам понимаешь, без работы останусь. Так, что, как говорится, трудовую книжку в зубы, и свободен. Да, Идейный просил передать, он с тобой встречаться не хочет, что кандидатский стаж ты не выдержал, поэтому исключен из этих самых кандидатов.

Вот так закончилась эпопея с общественно – политической деятельностью Петра Петровича Неугомонного...

И всё же автора книги «Научный Коммунизм» мы корить не будем, он просто не учёл того, что некоторые кандидаты имеют собственных коров, / *бог их знает, почему они их не сдали в колхоз* / а эти коровы иногда хотят покушать комбикорма. А другие кандидаты любят, чтобы перед их носом председатель профкома размахивал вымпелами. Он также не предвидел то, что некоторые, секретари парт ячеек, огурцы любят больше, чем «Научный коммунизм». А другие секретари, с такой звучной фамилией как Идеиный, не могут выработать больше одной плоской идеи, хотя автор этой научной книги надеялся на лучшее. И уж конечно он не предвидел, что комбайнер, став президентом, разобьёт паровоз, так горячо любимый пролетариатом и интеллигенцией средней руки.

Ну да Бог с ними, со всеми.

- А, что же произошло с Петром Петровичем? – спросишь ты, дорогой мой читатель?

Событие четвёртое. **Думы о прошлом.**

Профсоюзники то же люди.

1

Петр Петрович, не мог ни минуты оставаться без работы, и, получив в отделе кадров трудовую книжку, тут же бросился... Да, нет уважаемый читатель, что ты, не под паровоз! Что он Анна Каренина, что ли! Он бросился к телефону и начал звонить своему приятелю Тришкину, с которым когда - то учился вместе в институте. Тот работал ветеринарным врачом на птицефабрике «Петушок золотой гребешок» в селе «Забывтый путь к коммунизму» Цементно – Шиферного района, и часто приглашал Петра

перейти работать на любую птицефабрику треста «Ни пуха, ни пера», Энской области.

Естественно дозвонился, и уже через неделю Пётр работал вет. врачом куриного цеха, на птицефабрике «Курочка Ряба» Энского района, Энской же области. / *О, господи, замотал я тебя, уважаемый читатель, с этими птицефабриками, прости!* /

И Петру сначала показалось, что он попал в рай, рабочий день на птицефабрике был всего лишь восемь часов. Не нужно было спать со штанами в руках, так как по тревоге никто не будил и не поднимал. Не нужно было делать родовспоможение курам, так как цыплята рождались вдали от матери, в инкубаторе. Не нужно было бояться бруцеллёза и конкурентов в виде санитаров. А главное не надо было ходить на вызова к местному населению, у них был свой вет. врач. Всего лишь нужно было следить за соблюдением санитарного режима в корпусах и за своевременной дачей витаминов и других, не обходимых для куриного поголовья, ингредиентов.

Но прошло недели две, и Пётр заскучал, для него этой работы было мало. Он начал метаться по птицефабрике в поисках дополнительной нагрузки и однажды попал на «глаза» директору Дикому Титу Владимировичу. Тит Владимирович позвал к себе начальника цеха Лысова Александра Владимировича и задал прямой вопрос:

- Скажи мне товарищ Лысый, а почему это вет. врач твоего цеха товарищ Неугомонный П. П. мечется по птицефабрике в рабочее время, вместо того, чтобы сидеть за отведённым ему столом и думать о повышении продуктивности кур – несушек?

- Уважаемый Тит Владимирович, ветврач Неугомонный П. П. привык в совхозе круглые сутки метаться и тут всё ещё не может остановиться. А думает он, в отличие от нас, на ходу.

- Ладно, иди на место, – сказал Тит Владимирович, а про себя подумал, – надо к этому врачу присмотреться, надо же додуматься до того, чтобы думать на ходу.

Прошло определённое время, какое теперь трудно вспомнить, но Тит Владимирович снова вызвал к себе в кабинет начальника цеха Лысова и спросил прямо в лоб:

- Ну, что, товарищ Лысый, мечется ли ветврач Неугомонный по птицефабрике или перестал?

- Уважаемый Тит Владимирович, отвечаю тебе, то есть Вам, без всякой утайки: мечется.

- А продолжает ли он думать на ходу, и придумал ли он, что ни будь, для повышения продуктивности кур – несушек?

- Думает на ходу, подлец, и придумал, продуктивность повысилась на двадцать процентов.

- И что же он придумал, умный человек? – Спросил довольный директор.

-А придумал он проверять птичниц, когда они уходят после работы домой, и изымать яйца из их сумок и пакетов, а виновных в хищении, лишать месячной премии. И, вот результат на «лицо» как говорится.

- А почему же ты, сидя за столом, не додумался до этого, товарищ Лысый, значить думать на ходу гораздо лучше, чем сидя в конторе. – Строго сказал директор Дикий и пригласил в кабинет инспектора отдела кадров:

- Скажи мне инспектор, кем является по образованию товарищ Лысый А. В? Ветврачом. Отлично, пиши приказ. Поменяй местами Неугомонного и Лысова. С сего дня Неугомонный будет начальником цеха, а Лысый ветврачом, пусть и он помечется, может и ему какая добрая идея придёт в голову на ходу. А Неугомонный может, наконец, угомонится за столом

начальника. / Как видишь, уважаемый читатель, и здесь конкуренция не обошла нашего героя /

Так, сам того не подозревая, Пётр Петрович нажил себе врага своим метанием по территории птицефабрики.

И опять пролетел определённый отрезок времени, казалось бы, пора привыкнуть думать сидя за столом, отведённым тебе должностным положением, но не такой был Пётр, он, как и прежде, продолжал метаться по птицефабрике и иногда ему приходили в голову добрые идеи. И вот в одно из таких метаний, он был замечен председателем фабричного профсоюзного комитета товарищем Зырянкиным А.Б., который тут же побежал к директору Дикому с предложением:

- Уважаемый Тит Владимирович, а не взвалить ли нам на Неугомонного П. П. общественную нагрузку по линии профсоюза, глядишь и в этой области ему придёт в голову добрая мысль.

- А почему бы не взвалить, давай взвалим, – оживился Тит Владимирович, – а то в профсоюзных рядах, чувствуется какой то застой. Пусть он будет твоим заместителем по совместительству, т. е. не освобождённым от основных обязанностей начальника цеха.

/Ты видишь, уважаемый мой читатель, что и здесь нашего героя настигло время общественной деятельности, только теперь по профсоюзной линии, посмотрим, что из этого выйдет /

Трудовой коллектив птицефабрики на 99, 99 процентов состоял из членов профсоюза, а где же эта 0, 01 потерялась, а потерялась она именно в цеху, возглавляемом Петром Неугомонным. И этой одной сотой был слесарь – сантехник Волкогонов Василий, все профсоюзники, а он один нет, какая - то ошибка. И вот с этой ошибки начал свою профсоюзную деятельность Пётр.

« Работает Василий хорошо, хищением продукции не занимался, не дебоширит и в пьянке замечен не был. В чём причина?» – думал, вновь

испечённый, заместитель председателя.

И начал активно пробивать путь Волкогонову в профсоюз, а как же иначе, всем профсоюзникам положены льготные путёвки на курорт, а Василию нет, всем скидки в столовой на пятьдесят процентов, а Василию нет.

И не знал Неугомонный причину, по которой слесарю – сантехнику не давали рекомендацию в профсоюз, а бывший начальник цеха Лысов знал, это он не давал этой самой рекомендации, но затаив злобу на Петра, не сказал ему об этом, а наоборот подхвалявал Волкогонова. И вот, когда уже по рекомендации Петра, слесарь – сантехник Василий Волкогонов был принят в тесные ряды профсоюза, вся его подлая сущность, глубоко затаённая внутри сантехнических мозгов, выплыла в один день наружу, не без помощи бывшего начальника цеха Лысова А. В.

Оказывается Волкогонов Василий был несусветный пьяница, и когда уходил в запой, мог натворить всё, что угодно, не приведи, как говорится, господь тебе это видеть, а в данное время на пять лет закодировался, вот почему Петр и не видел его пьяным. Но вот так уж получилось, что как раз последний день кодирования, совпал с днем приёма данного индивида в профсоюз. И бывший начальник цеха Лысов, зная об этом, подговорил другого слесаря Сволочного Захара, чтобы тот предложил Волкогонову отметить два события сразу: Профсоюзник? Да! Раскодировался? Да! Ну и поехали, чего тянуть кота за хвост. И этот новый профсоюзник Волкогонов, видимо сильно соскучившийся по своему хобби, тут же, не отходя от сантехнических принадлежностей, согласился принять стопочку со слесарем Сволочным З.

Ну, а там, где стопочка, там и другая, третья и пошло – поехало. Ехало, ехало и, вдруг, у Волкогонова кончились деньги, а душа, измаявшись, за пять лет кодирования, просит ещё, и так просит, что прямо не куда деваться, хоть

в петлю лезь. И тогда, видя такую канитель, слесарь Сволочной делает предложение слесарю Волкогонову:

- Слушай профсоюзник Вася, вот если ты пройдёшь от слесарного цеха до проходной птицефабрики голый, зуб даю, куплю ещё литр водки, – глаголит слесарь Захар, не иначе Лысов научил, хотя до такой пакости, он и сам мог додуматься.

И что ты думаешь, читатель? Вася обиделся? А вот и не угадал. Василий не минуты не сомневаясь, скинул старенький комбинезон и, оставшись в том, в чём его родила мать, /зная, что рожает, она бы подумала: делать это или нет / распахнул дверь слесарки и двинулся в сторону проходной, а это почти через всю фабричную территорию. Был обеденный перерыв, народ валом валил в столовую, где собирался откусать вкусную пищу за пятидесятипроцентную профсоюзную скидку. В их желудках уже закипал желудочный сок, в предвкушении наслаждения от приёма творения рук столовских поваров.

И вдруг, как обухом по голове, наперерез проголодавшимся профсоюзникам, прет громадный детина, с гордо поднятой головой и совершенно голой фигурой, непроходимо обросшей волосами, ну и, естественно, со всеми прочими принадлежностями. Желудочный сок, обиженный таким зрелищем, перестаёт кипеть, а закипает уже возмущение видом такого гигантского ничтожества, правда надо отметить, что такой процесс происходил не у всех, некоторые смотрели, с присущим им одним только юмором, но находились и такие, / из разряда птичниц / которые взирали на данный театральный акт с удовольствием. Кончилось тем, что основная масса слесарей и птичниц, вместо столовой, кинулась по своим рабочим корпусам, чтобы не видеть этого хамства, так и не отведав приготовленной для них пищи. Некоторые слесари хотели начистить физиономию вновь испечённому профсоюзнику, но им стыдно было подойти

к этому обезьяноподобному голому телу. Вызвали милицию, и пока её доблестные опера ехали на птицефабрику, Волкогонов обошел её территорию три раза. Но обещанной водки ему выпить не удалось, выходит весь процесс происходил зря. Опера его быстро скрутили, и за неимением другой одежды, упаковали слесаря – сантехника в большой мешок, и, завязав этот мешок верёвкой в районе пустой головы, в таком виде доставили в КПЗ.

Кончилось это происшествие довольно прозаически: слесарю – сантехнику Василию Волкогонову дали пять лет строгих лагерей. Слесарю Сволочному Захару, за подстрекательство, три года условно. Начальника цеха Неугомонного Петра Петровича за выданные рекомендации Волкогонову, освободили от должности заместителя председателя и перевели в простого члена этого же фабкома, а бывший начальник Лысов остался с носом, так как он надеялся на то, что Петра теперь снимут с должности начальника цеха, и вернут её Лысову. Не вышло! Держи карман шире, товарищ Лысов!

2

Оставшись простым членом профсоюзного комитета, Пётр, однако, обороты активности не сбавлял, и вот на очередном заседании, он предложил поставить на обсуждение вопрос: «О соблюдении санитарных норм на птицефабрике». Остальные члены его поддержали единогласно. Конечно, на территории этой самой куриной фабрики, была идеальная чистота, в её корпусах тоже, и это, от части, благодаря стараниям самого же Неугомонного. Но так как столовая находилась за территорией, то есть за забором, в административном, как сейчас говорят, офисе / *а попросту в конторе* / то некоторые профсоюзники, чтобы не делать крюк через

проходную, наделали дырок в заборе и бессовестно лазали через них туда и обратно. Были разные предложения:

- Давайте заколотим эти дыры горбылем, – внёс предложение один из членов.

- Это бесполезно, – не поддержал его другой, – уже забивали, только горбыль зря потратили, на второй день дыры зияли снова, да ещё и горбыль спёрли.

- Тогда давайте обратимся к совести наших профсоюзников, - сделал предложение председатель Зырянкин, – давайте напишем плакаты со словами «Лаз для свиней» и развешаем их над этими дырками. Глядя на них, может и пробьёт эта самая совесть членов нашего коллектива.

На том и порешили. Но Пётр Петрович, не надеясь на эту самую совесть, не посоветовавшись с остальными членами комитета, взял ведро солидола */если ты не знаешь, дорогой читатель, что такое солидол, поясняю – это густая смазка, которой любители конной езды, смазывают оси в дрожках, что бы они не скрипели / и, вымазав густо им бывшие дыры, а теперь «Лазы для свиней», прикрепил прямо к солидолу бумажные ленты с напечатанным на них текстом: «Бог шельму метит» и всё было бы хорошо, но случилось не предвиденное.*

На птицефабрику приехал директор треста «Птицепром» Мукомолов Юрий Иванович. И приехал он как раз поговорить об укреплении санитарного порядка, так как в соседней области вспыхнуло заразное заболевание кур. Все работники цеха собрались в бригадном домике и точили лясы в ожидании большого начальства. А начальство в это время наслаждалось обеденной трапезой в профсоюзной столовой птицефабрики. Плотно пообедав, товарищ Мукомолов, поглядел на часы и с криком «Ох ё..., опаздываю» метнулся на территорию. Через проходную нужно было делать крюк метров двести, при его комплекции это будет потеряно ещё минут

двадцать, и тут директор треста увидел дырку в заборе. Быстро огляделся – «Никого» и юркнул в дырку, не обратив внимания на то, что это не простая дырка, а «Лаз для свиней» и хотя он был чрезмерно откормлен, но, тем не менее, на свинью похож не был, пока чуть – чуть не дотягивал.

Увидев приближающегося директора треста, все быстро заняли свои места, в надежде на то, что Мукомолов выдаст им рецепт спасения от надвигающейся из другой области беды. А он долго рассказывал о необходимых мерах спасения, и в том числе о санитарном состоянии. И вот когда дошёл до замечаний по обнаруженным нарушениям на птицефабрике, после слов:

- А у вас безобразные нарушения санитарии, в заборе сияют огромные дыры... - с его спины, отвалился приличный кусок солидола и громко шмякнулся на пол. Директор треста обернулся, увидел кусок липкой, бесформенной массы и ленту, на которой не очень крупными буквами, но достаточно заметными, красовалась надпись: «Бог шельму метит».

Мукомолов хоть и был довольно ожиревшим, но догадка о том, что он попал в какую-то липкую неприятность, быстро достигла его мозгов. Он, не подав вида, закончил свою речь и, распрощавшись с рабочими, двинулся к забору, где и окончательно разгадал тайну борьбы с нарушителями санитарного режима, но так как был испорчен его дорогой костюм, он не принял такие методы борьбы за основу, и вклеил директору Дикому Титу Владимировичу строгий выговор.

Но директор Дикий Т. В., тоже не остался в долгу перед настоящим виновником произошедшего. Выяснив, в конце – концов, кто им является, он пригласил Неугомонного в кабинет и дал окончательное напутственное слово и по производству, и по профсоюзной линии:

- А не пошёл бы ты, товарищ Неугомонный на все четыре стороны, т. е. в трест «Птицепром» на перераспределение, и пусть дальнейшую твою

судьбу решает директор треста Мукомолов. А здесь я тебя больше, чтобы, не видел. Ишь думает он на ходу, думал бы за отведённым тебе столом, так может и не додумался до такой дури.

Вот так опять, теперь уже, общественно – профсоюзная деятельность вылезла для Петра, как говорится боком, поэтому- то Леваков глубоко был не прав, заподозрив его в большой любви к общественно политической и административной деятельности.

Директор треста, может быть, и выгнал бы взащей своего обидчика, но в это время, как раз, на птицефабрике «Золотое яйцо» не стало ветеринарного врача. Почему не стало? А кто его знает, не стало и всё тут! И Мукомолов подумал так:

- Птицефабрика «Золотое яйцо» находится на самом севере Энской области. Кто туда пойдёт добровольно? Да и работник он, вроде, хороший, Дикий его всегда хвалил. И костюм мне профсоюзники новый купили. Поэтому, дьявол с ним, пусть валит к Колотозову, тот мужик строгий, у него не разгуляешься по территории со своими идиотскими идеями.

Вот так ветврач Неугомонный Петр Петрович попал на птицефабрику «Золотое яйцо» Цементно – Шиферного района, Энской области. И многих удивило то, что они с Колотозовым быстро поняли друг друга, тот хотя и был крутой мужик, но умных людей уважал.

И надо же было такому случится, что по неблагоприятному стечению обстоятельств, на шею Неугомонного свалилась эта администрация села, чёрт бы её побрал, с одного раза и не выговоришь.

- Если всё будет нормально, обязательно переименую этот «Забытый путь к Коммунизму» и Павел Иванович Колотозов, при расставание, об этом просил – успел додумать Неугомонный.

И вдруг Рыжка стал как вкопанный, Петр Петрович очнулся от своих воспоминаний, и мы уважаемый читатель оставим в покое его мысли. А

умная лошадка, как раз остановилась, упершись в ограду Администрации села «Забытый путь к Коммунизму» Цементно – Шиферного района.

1975-1994г.г.

Часть вторая.

Ветер перемен.

Событие пятое. Знакомство с новым местом назначения и его обитателями.

1

Ограда Администрации напоминала о недавно ушедшей Сельсоветской роскоши, была сделана из добротного металла. Но в то же время её коснулась уже неотвратимая убогость свалившегося на село капитализма, вместо краски ограду покрывал толстый слой буро – коричневой ржавчины.

Здание Администрации действительно располагалось поперёк улицы, все дома стояли фасадом к дороге, а оно наваливалось на эту самую дорогу боком, но, не перекрывая её, а как бы впритык. Построено было из кирпича лет так сорок назад и поэтому, видимо, крыша его сгорбилась от старости, но сами стены снаружи возраста своего не выдавали.

Петр Петрович, осмотрев внешний вид своего учреждения, задумался:

- И всё же, несмотря на то, что отношения с общественно - политическими организациями у него не складывались, жизнь его, несомненно, удалась. Он любил свою работу, любил жену Варенку, своих детей. В конце - концов, социализм и «Научный коммунизм» хотя появились некоторые сомнения в здравом уме автора этой замечательной книги. И вроде люди жили бедновато: и зарплаты были не велики, и в

магазинах взять было нечего, но зато жили дружно, строили новое коммунистическое общество, ни черта в этом не понимали, но строили с большим энтузиазмом, не за рубль, а за совесть, как говорится. Обращались друг к другу - товарищ!

А что сейчас? А сейчас все стали господами, да ещё какими, все более – менее образованные люди стали никому не нужны, обнищали, а некоторые вообще стали бомжами. На поверхность выплыли наглые хамы, без образования и совести, они, кто рэкетом, кто хамской хитростью, быстро завладев государственным имуществом и финансами, стали представителями нового класса – олигархов. Образовалось новое общество «не пойми что» ни капитализма, ни социализма. Так бомжово – буржуазный сброд. – Так продолжал свои мысли, вновь испечённый Глава Администрации, опершись на ограду, своего теперь уже учреждения, и глядя на обшарпанную дверь, на которой был прикреплен листок бумаги с пояснением, что это, не что - то пустяшное, а:

СЕЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ СЕЛА «Забытый путь к
Коммунизму»

- Даже на нормальную вывеску денег нет, – горестно подумал Петр Петрович, – а что уж говорить о благоустройстве села и других серьёзных затратах. Но ничего не поделаешь, взялся за гуж - не говори, что не дюж. - И глубоко вздохнув, новый хозяин широко открыл дверь своего дворца ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ и одновременно ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЕЙ!

2

Открывшаяся дверь вела в не большой коридор, так называемый предбанник. В нём, притулившись к стенке и, от части, мешая проходу к следующей двери, которая вела непосредственно в Администрацию, стояла

урна для голосования. Урна была сделана из хорошего дерева и отполирована.

- Видимо, с проведением выборов здесь всё отлажено, – подумал Пётр Петрович, глядя на нарядную урну. И задев боком этот приличный предмет, открыл последнюю дверь на его пути, ведущую к новому месту его назначения, ожидая увидеть ещё, что ни будь такое же, что могло ласкать взгляд человека, пришедшего в Администрацию по крайней необходимости.

И увидел! Напротив открывшейся двери, через узкий коридор, располагалась узенькая, покосившаяся дверца.

- Туалет, – догадался Пётр, но не эта дверца своей убогостью привлекла его внимание, прямо посреди коридорчика, упершись одним концом в потолок, а другим в пол, стояла плохо отёсанная деревянная подпорка, держащая на себе часть потолка, с которого предварительно отвалилась часть штукатурки.

И только он успел переварить в своей голове увиденное, как по другую сторону подпорки, появились обитатели данного учреждения, озабоченно выпучив глаза и открыв рот от изумления. Их, конечно, предупредили заранее о новом назначении Главы, но этот Глава появился так неожиданно и тихо, как будто к ним свалился с луны ревизор.

- Видимо сюда давно никто не заходил, – глядя на произведённый эффект своим появлением, подумал Пётр Петрович.

Обитателями явились четыре женщины. Одна из них была преклонного, очень преклонного возраста, с вытянутым усталым лицом и не доверчивым взглядом. Пробуравив этим взглядом Петра, она представилась:

- Лесоедова Авдотья Павловна, главный бухгалтер, – и громко высморкавшись в носовой платок, добавила, – в данный момент я здесь самая главная и попрошу впредь, по окончании рабочего дня, отчитываться передо мной о проделанной за день работе!

-«Что за бред, – подумал Пётр Петрович, где бы он ни работал, отчитываться перед бухгалтером, будь он трижды главный, ему ещё не приходилось, тем более, что он теперь являлся хозяином и этого учреждения, и этого бухгалтера, – ну да чётр с ней, пусть пока потешиться», – решил он и обратил свой взор к следующей даме.

- Недотёпина Любовь Сергеевна, кассир, – представилась полная моложавая женщина, слегка наклонив свою белобрысую голову и потупив воловатый взгляд. Лицо её выглядело озабоченным, как будто она в уме решала какую-то задачу и не могла никак решить.

Следующей стоящей за кассиром, была женщина гораздо шире белобрысой кассирши, и наоборот голову её покрывали жгучие чёрные волосы. Лицо довольно симпатичное, глаза тёмно – коричневые и в них, с ума сходил какой – то бес, было похоже на то, что их обладательница хочет расхохотаться в лицо новому начальству, но усилием воли, которым она уж точно обладала, себя сдерживает.

- Еремейкина Полина Ивановна, специалист первой категории, – твердо с ударением на слове «первой» произнесла она.

И Петру Петровичу представились сразу куры, это они убитые на мясо, в магазине делились на первую, вторую и нестандартную категории.

За ней стояла / *они бы встали в ряд, но коридор был на столько узок, что им приходилось стоять в очередь* / высокая, не только симпатичная, но просто красивая, стройная женщина лет двадцати пяти, с длинными тёмно – коричневыми волосами, заплетёнными в косу. В больших её синих глазах затаилась дремучая грусть, тоска какой ещё Петру не приходилось видеть в своей жизни.

- Вьюгина Марина Викторовна, специалист второй категории, – грустно представилась она и зачем-то добавила, – бракосочетание в нашей

Администрации провожу я – при этих словах в глазах её вспыхнул луч надежды, и она ласково посмотрела на Неугомонного.

- Ну, слава богу, до нестандартной категории мы не дошли, – лукаво подумал Пётр, а вслух, сказал, – ну что же специалисты, покажите мне внутреннее содержание этого дворца, в котором проводятся даже бракосочетания. При этих словах Вьюгина опять с надеждой посмотрела на своего нового шефа.

Начали осмотр помещения с кабинета, который располагался в Администрации со стороны дороги, в которую упирался торец здания, торцевые окна кабинета выходили непосредственно на проезжую часть той самой дороги, а два боковых, одно слева, другое справа, позволяли обозревать улицу со всех сторон.

- Это кабинет бывшего участкового инспектора, – пояснила Еремейкина, специалист первой категории.

- Удобно, – подумал Петр Петрович, – сиди, поглядывай на все стороны и пописывай протоколы. Прошел, например пьяный Иванов либо Петров, раз на него протокольчик, не поднимаясь со стула. Пронёс, например, краденную курицу Сидоров либо Козлов, на него тоже протокольчик. Так, глядишь, за месяц целая пачка протоколов. Чем не работа.

Петр Петрович, сам того не подозревая, точно определил кипучую деятельность бывшего участкового инспектора. Следующие два кабинета, один слева, другой справа, никаких достопримечательностей не имели, в каждом из них стояло по два стола, в левом сидели бухгалтера, в правом специалисты. И вот, наконец, очередь дошла до осмотра кабинета самого Главы. Что бы попасть в него, нужно было осторожно миновать неотёсанную подпорку, протиснувшись между ней и туалетной дверью, делегация осторожно проникла в кабинет будущего его хозяина. Увидев, как у этого хозяина отвалилась нижняя челюсть от увиденного, остальные члены

делегации быстро, но, всё же, соблюдая осторожность, высыпали за дверь, оставив этого нового хозяина один на один с достопримечательностями его кабинета.

Да! Нижняя челюсть отвалилась не зря. Было чему удивиться. Видимо здание Администрации, построенное лет сорок назад, за эти годы набралось достаточно опыта и точно определило, кто в нём главный. И всю свою изношенность, и убогость перенесло именно в этот кабинет, как бы прося пощады, а скорее всего экстренного капитального ремонта у хозяина - этого кабинета в частности, и всего здания в целом.

Кабинет был обширный, находился так же, как и кабинет участкового с торца здания, только с другой его стороны и был в два раза шире, поэтому потолок под давлением утеплителя, видимо опилок, куполообразно просел. И этот купол угрожающе навис по центру данного сооружения, разместив висящую на нём люстру, похожую на шахтерскую лампочку, как раз на уровне головы нового Главы. Пол, придавленный стенами, прогнулся в обратном направлении т. е. своей серединой устремился навстречу потолку и при передвижении по нему поскрипывал и гудел, как бы готов был взорваться вулканом от напряжения. В самом безопасном месте, ближе к стене стоял невероятных размеров старый */даже можно сказать старинный /* стол с двумя слонообразными тумбами и, видимо, то же, подражая потолку, прогнулся посередине между этими тумбами. На столе стоял телефонный аппарат, и лежала сломанная стержневая авторучка. За ним виднелось железное кресло, обшитое подобием кожи бурого цвета. Слева, у смежной стенки, стоял старый, но довольно крепкий шифоньер, приличного, в общем, вида.

- Видимо, бывшая хозяйка этого кабинета специально поставила шифоньер рядом. Начнет обваливаться потолок, шмыг и ты уже в шифоньере. Не плохо, пусть так и стоит. – Подумал Петр Петрович.

Его не очень огорчили все увиденные недостатки в его новой конторе, потому, что он видел условия и похуже. Если работая на птицефабрике, он имел хороший кабинет в конторе, и аптека была современная, со всеми необходимыми для работы принадлежностями, квартира была просторная, полностью благоустроенная, то воспоминания о ферме № 2 совхоза «Бессеребрянного» не шли не в какие сравнения, даже с этим запущенным зданием администрации. Ему вспомнилась непролазная грязь вокруг корпусов фермы, аптека, сделанная по его просьбе, из неотёсанного горбыля */другого материала не нашлось /*, контора в которой был лишь один кабинет, где толпилось всё руководство отделения, нещадно дымя самокрутками. И квартира, отапливаемая маленькой кирпичной печкой, которая давала слабое тепло пока топилась, а за ночь мороз прочно занимал позиции внутри помещения, и вода в рукомойнике, замерзая, выпирала к утру ледяной горкой над этим сооружением.

Очнувшись от воспоминаний, он обратил внимание на то, что пол и подоконники в его новом кабинете были свежо выкрашены.

- Значить меня ждали, – отметил Неугомонный и присев на свой «трон» задумался. Думал он о своих новых подчинённых, о том с чего начинать свою работу и о том, где же разместить своего верного друга Рыжку, на время, пока его хозяин окончательно не переберется в это село.

3

Теперь настало время разгадать нам с тобой, дорогой мой читатель, что же обозначали таинственные гримасы на лицах специалистов, во время знакомства с новым руководителем, на которые Петр Петрович, к сожалению, не обратил внимания.

Недоверие на лице Лесоедовой Анастасии Павловны, главного бухгалтера укрепилось давно, ранее она работала бухгалтером в районном лесхозе, работала честно, билась за каждую копейку в казну государства, но, вдруг, переход от социализма к капитализму резко воспрепятствовал контролю за поступлением и, особенно, за расходом денежных средств. Директором лесхоза был родной брат Анастасии Павловны, Лесоедов Василий Павлович, который и так, как говорится, был слаб на руку, т. е. при любом удобном случае, готов был умыкнуть часть прибыли получаемой от реализации пиломатериалов, а когда почувствовал всю прелесть приближающегося капитализма, совсем перестал различать карманы – свой и лесхозовский. Анастасия Павловна, презрев родственные связи, сначала написала заявление на собственного братца в прокуратуру, но тот быстро нашел общий язык с местным прокурором и стал красть ещё больше, теперь уже на двоих. Тогда, честная бухгалтерша отправилась прямиком в районную Администрацию, эффект был то же и хищения увеличились втрое. Тогда Анастасия Павловна решила, глядя в глаза своему братцу, повлиять на его совесть, которую оно ещё надеялась обнаружить. Но, не увидев в этих глазах ни чего кроме алчности, взяла письменный прибор, стоящий на столе кабинета директора лесхоза, опустила со всей силы и злости его на голову этому самому директору, то бишь, своему братцу. А так как прибор был сделан из слоновой кости и был достаточно тяжел, а кость слона оказалась прочной, проломилась кость на черепе директора, после чего он отправился на длительное лечение в травматологическое отделение областной больницы, а Анастасия Павловна с «волчьим билетом» на пенсию. Заявление на неё Василий писать побоялся, дабы не всплыли его махинации. Вот с тех самых пор подозрительность во взгляде Лесоедовой застыла навечно.

В Администрацию она попала после того, как бывшие работники этой Администрации разбежались в разные стороны, напуганные неожиданно

появившимся предвестником перестройки. Принята была временно, но так как претендентов на это место, длительное время, обнаружено не было, прижилась и прочно заняла главенствующее место, в отсутствии Главы Администрации. И, теперь, уже твёрдо была уверена, что и он, этот неизвестный пока Глава, должен находиться под неусыпным оком главного бухгалтера. Чтобы, не дай Бог, его не посетила корыстная мысль, спереть чего ни будь, ну допустим сломанную авторучку, завалявшуюся на его столе. Встретившись с вновь назначенным Главой, Анастасия Павловна, умудрённая жизненным опытом, почувствовала, что ручку красть тот не будет, и власть свою никому уступать не собирается, задумалась – на какое время хватит у него терпения сотрудничать с властолюбивым бухгалтером.

Недотёпина Любовь Сергеевна имела менее слабую автобиографическую характеристику. Ранее работала на птицефабрике «Петушок золотой гребешок» бухгалтером, но была настолько тупа в бухгалтерском деле, что у многих специалистов, её удостоверение об окончании бухгалтерских курсов, вызывало сомнение, не ошиблась ли она курсами. Но некоторые, в том числе и директор птицефабрики Божков, который управлял до Хапугина, относили её тупость к неопытности по молодости, и надеялись, что со временем эта белобрысая голова обработает, наконец, вложенные в неё знания и выдаст шедевр бухгалтерского мастерства. Но после того, как Недотёпина подала сводку директору Божкову о том, что куры снесли за сутки по десять яиц каждая, а петухи и того больше, надежды на шедевры у него кончились, и он приказал уволить Любовь Сергеевну по сокращению штатов.

В Администрацию кассиром её взяла Лесоедова, и то только по тому, что зарплату платили / в связи с перестройкой / раз в шесть месяцев, и особо считать было нечего, зато было хотя бы с кем поговорить. Но даже,

когда появлялись, какие - то копейки в кассе, Лесоедова кассира не подпускала к ним близко, считала всё сама.

Неразрешимая же задача, написанная на лице Недотёпиной, при встрече с Петром Петровичем сводилась лишь к одному волнующему её вопросу:

- Какую сводку потребует новый Начальник от неё, и сможет ли она правильно преподнести необходимые сведения, о существовании которых она пока не имела никакого понятия.

Чему же так радовалась Еремейкина Полина Ивановна при виде своего непосредственного начальника, у которого ей предстояло ещё и быть, по долгу службы, заместителем? А причин для радости у неё, как оказалось, было достаточно. Во первых - в отсутствии Главы, ей приходилось подписывать различного назначения бумаги, так необходимые для бесперебойной работы Администрации, и хотя в связи с приближающимся капитализмом, эти бумаги не имели никакой юридической силы, Еремейкина не понимая их сути, боялась ответственности перед вышестоящим управленцем, в данном случае перед бывшим товарищем, теперь господином Леваковым Г.П. И при виде Неугомонного естественно обрадовалась тому, что наконец - то, эта обуза свалилась с её довольно не хрупких плеч.

Во вторых - она скоро должна была выйти замуж за выздоровевшего, наконец, директора лесхоза Лесоедова Василия Павловича, который в очередной раз расходился, уже с четвёртой по счёту женой. Но Полину Ивановну этот факт не смущал, так как она засиделась в девках, и, наслышавшись о несметных богатствах Лесоедова, на его предложение о замужестве откликнулась с удовольствием. И как видим, в предвкушении семейного счастья, радовалась, как ребёнок, увидевший новую игрушку.

И в третьих - её развеселило то, что новый Глава приехал принимать дела на лошади, это она увидела в окно, и этот фак так развеселил Еремейкину, что она готова была расхохотаться, но к счастью для Петра Петровича этого не сделала.

- Почему к счастью? – Спросишь ты, уважаемый читатель.

-Пока не знаю, но скоро, думаю, всё прояснится.

Теперь настало время выяснить, почему же так грустна была специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна. Как было описано выше, Марина Викторовна действительно была красавица, но как говорится « не родись красивой, а родись счастливой» счастье то обходило её стороной. Замуж она выскочила почти со школьной скамьи, боялась упустить красавца парня вернувшегося из рядов Советской армии, с виду, настоящим богатырем. Но кроме вида, никакими достоинствами, так манившими девушек и не замужних молодых, её возлюбленный, по имени Владимир, не обладал. Ещё при социализме его сильно влекло к разведению крупного подсобного хозяйства, и он, перейдя, в особнячок своей молодой, которая проживала с родителями, развел сначала большое количество кур, заняв все пристройки у дома, а затем, пристроив свинарник, развел такое же большое количество свиней. И вокруг дома распространился такой естественный аромат, что все жители данной улицы старались попасть к себе домой через огороды, минуя усадьбу свинаря – курятника. И Марина Викторовна быстро из красавицы превратилась в зачуханную свинарку – птичницу. И ладно бы была ей какая - то от всего этого отдача, ну хотя бы в виде пресловутой любви либо, какого - то её подобия, ан, нет, её преподобный муженёк постоянно пропадал на базаре, торгуя произведённой продукцией, а вечером, пропустив бутылочку водочки, вместо любовных утех, устраивал спрос: « Почему, мол, свиньи дают маленький привес, а куры мало яиц». Пока спрос был на словах, Марина ещё

терпела. А когда он перерос в допрос с пристрастием, она, кинув скребок, которым чистила у свиней и ведро, в которое собирала яйца кур, хлопнув дверью, ушла к охраннику, который охранял телевизионную башню. Но однажды охранник выпив бутылочку, а может и две, за каким-то дьяволом, попёрся на эту самую башню, и, потеряв ориентир в пространстве, не удачно приземлился об землю, насмерть. Марина погоревала, но к свиноводу не вернулась, а поступив в институт и получив специальность зоотехника, устроилась по специальности на птицефабрику «Петушок золотой гребешок»

Так бы и работала там, но обстоятельства коварная штука, как мы уже убедились по первой главе этого произведения. На птицефабрику пришел новый директор Хапугин, и начал периодически приставать к Марине Викторовне с различными не совсем пристойными предложениями. И когда, в ответ на очередное предложение, он, вдруг, неожиданно получил по лицу, да чего уж там, естественно по морде, от обиды порвав на себе новую заграничную рубашу, приказал уволить свою обидчицу по статье «превышение пределов защиты чести и достоинства частного лица».

А так как в это самое время все работники местной Администрации разбежались, Марина Викторовна поспешила устроиться туда, правда малость опоздала, место специалиста первой категории было двумя днями ранее занято Еремейкиной Полиной Ивановной. Но категория это дело наживное, беда проявилась в другом, в её обязанности входило проведение обряда бракосочетания, чем она добросовестно и занималась. Бракосочетала других, создавая счастливые семьи, а сама, несмотря на её красоту, никому была не нужна, как отрезало. И уже готова была даже на непристойный проступок, т. е. присвоение чужого мужа, но и это, видимо от избытка совести, не удавалось.

Вот почему на её прекрасном челе запечатлелась маска печали, которая сменилась маской надежды, пре виде Петра Петровича, а вдруг...

Всё это новый глава узнает позже, а сейчас самое время, дорогой мой читатель, подсказать бы ему то, что он напрасно надеется на какую-то помощь от этих, описанных выше, женщин. Все они попали в Администрацию, как мы видим, случайно, после бегства предыдущего состава и в совершенстве не владели приёмами администрирования в сложившихся условиях, но наша подсказка не дойдёт до адресата, так как мы находимся в разных временных поясах с ним. А жаль, зная это Петрович, мог бы избежать некоторых казусов, произошедших с ним в дальнейшем.

Событие шестое. «Москвич» и Рыжка. Ознакомление с административной территорией села «Забывтый путь к Коммунизму»

1

И в этот момент Петр Петрович, вспомнив о своем верном друге Рыжке, и выйдя во двор Администрации, увил, что тот утомлённый длительной дорогой и, разморившись на солнышке, спит, мирно посапывая и периодически вздрагивая кожей, отгоняя, таким образом, назойливых мух. / Для тех, кто не знает, поясню, что лошади любой породы спят стоя, и во сне способны отгонять не только мух/ Петр Петрович опять задумался: «Куда же пристроить лошадку?» и хотел уже пойти отыскивать своего приятеля Тришкина, который как мы помним, работал ветврачом на местной птицефабрике, но тут заметил угол гаража, выглядывающего из – за здания администрации и вспомнил, что Леваков намекал на машину «Москвич», якобы принадлежащую теперь ему, Неугомонному. Он вернулся в здание и спросил:

- У кого ключ от гаража?

- У меня, – отозвалась, главный бухгалтер Лесоедова, – а зачем он вам? – спросила она и пристально посмотрела в глаза Петра Петровича, по её взгляду было похоже, что в гараже хранится не только «Москвич», а и весь золотой запас Цементно – Шиферного района.

- Что значить зачем? – возмутился Неугомонный, – должен же я осмотреть своё хозяйство.

- Ваше хозяйство у вас дома, а здесь всё пока ещё принадлежит государству и мне, так как находится у меня на подотчёте, – не унималась Лесоедова.

Петру Петровичу начинал надоедать этот «цирк» и он уже хотел стукнуть кулаком по столу и послать, куда ни будь подальше главного бухгалтера с её принципами. Например, туда, где Макар телят не пас, но в это время кассир Недотёпина, видимо решив добиться расположения нового начальника, открыла сейф и подала Петру Петровичу ключ. Лесоедова кинула в её сторону испепеляющий взгляд, поймав который, Недотёпина покраснела и обречённо рухнула на свой стул, по этой немой сцене Неугомонный понял, что одним взглядом кассиру не отделаться.

Петр Петрович, как говорится, с ключом наперевес, двинулся к гаражу, заинтригованный необычным поведением бухгалтера, ожидая увидеть там необыкновенные ценности, например новенький «Мерседес». За ним неотступно следовала Лесоедова, выкрикивая периодически лозунги о чести и совести муниципального бухгалтера.

Замок, также как и ограда Администрации, уже подвергся новому переходному периоду от социализма к капитализму, и был покрыт толстым слоем ржавчины. Под пристальным взглядом Лесоедовой, Пётр Петрович с большим трудом открыл огромный амбарный замок и распахнул двери. То, что он увидел, повергло его в глубочайшее уныние и заставило усомниться в

здравом уме главного бухгалтера. Его взору представилась коробушка, сорока летнего возраста, с треснувшим стеклом, побитыми фарами, на разъехавшихся в разные стороны колёсах, и выдавленной на металле облицовки надписью «Москвич 401»

« Во «Вторчермете» рублей пятьсот дадут», - подумал про себя Пётр, а вслух спросил, – и какова же балансовая стоимость этой ценности?

- Большая! – С ударением на букве «о» ответила Лесоедова.

- Ну, в таком случае пусть она остается у вас на подотчёте, а я похожу пешком либо проеду на лошадке. После этих слов, бухгалтерша облегчённо вздохнула, но в кабинет не ушла, а продолжала намётанным взглядом следить за действиями своего нового шефа.

Петр Петрович осмотрел гараж и остался, этим осмотром, доволен, построенный одновременно со зданием администрации, он, видимо от нечастого использования, выглядел для своего возраста не плохо и даже, можно сказать, добротно, стены кирпичные, ровные, потолок и пол из хорошо сохранившегося дерева, крыша прочная шиферная. В Цементно – Шиферном районе шифер делали очень хорошего качества.

« Ну, вот и временное прибежище для Рыжки», – подумал он и, хитро улыбнувшись, представляя какой сейчас разразится грандиозный скандал, пошел за конем. Лесоедова, почуяв не доброе, неотступно следовала за ним. Петр Петрович распряг Рыжку и намотав на руку вожжи подвел его к гаражу. Рыжка, увидев чудище в образе «Москвича», от удивления вылупил глаза, он привык видеть «Волги» и «Уазы», толпившиеся у районной Администрации, а подобное сооружение видел впервые, и ему захотелось это подобие машины лягнуть изо всех лошадиных сил. Но хозяин, повернув его задом к этой странной конструкции, привязал вожжи к хомуту лошади, а другим концом зацепил агрегат и Рыжка, поняв, что от него хочет хозяин, легко вытащил «автомобиль» из гаража. Вся эта процедура сопровождалась

скрипом и визгом исходивших от движущихся частей машины, и громкими воплями главной бухгалтерши, которая, иногда, даже кричала «караул», но видя, что на помощь никто не приходит, замолчала и, не заходя в Администрацию, пошла домой. А может быть на очередном автобусе поехала в райцентр жаловаться к Левакову Петру Геннадьевичу, что, скорее всего, не правда, так как она однажды уже ходила жаловаться в Администрацию, чем навредила только себе и районному лесхозу.

Рыжка же, оглядел со всех сторон «Москвич» и, удручённый его убогостью, проникся к нему жалостью, и лягать его не стал:

« Дьявол с ним, пусть стоит, копыта об него отбивать, пусть уж его ржавчина доедает». – Подумала умная лошадь, и догадавшись, что гараж готовится под его конюшню, благодарно лизнула шершавым языком своего хозяина в мор... т.е. в лицо. Петр Петрович снова запряг Рыжку, выехал в поле, накопил травы и, поставив его в новую конюшню, и вволю накидав в угол травы для прокорма, двинулся, наконец, в сопровождении Еримейкиной, осматривать, предназначенную для его проживания, квартиру. Уважаемый читатель, не подумай ничего плохого, Еримейкина сопровождала Петра Петровича исключительно только для того, чтобы он не заблудился, село то, хоть и со странным названием, но очень большое.

А Неугомонный, осмотрев своё новое жильё и, не найдя никаких недостатков, бросил под голову куртку, тут же уснул крепким сном, прямо на полу. Ну и бог с ним, пусть спит, набирается сил, они ему ещё пригодятся на новом поприще административного руководства.

Солнышко только ещё своим ярким краем показалось за горизонтом, а Пётр Петрович был уже на ногах. Перекусить было нечем и он, надеясь зайти

в магазин для приобретения пищевого запаса, попозже, двинулся в обход административной территории села «Забытый путь к Коммунизму»

И как оказалось, не он был первым, кто нарушил топотом своих шагов, первозданную тишину окружающей среды. Беспризорные коровы и быки, хищно выставив рога и вылупив безразличные бесцветные глаза, гуськом брели вдоль деревенских заборов, выискивая слабые места в них, чтобы, проникнув в огород, утолить свой ненасытный аппетит. И не найдя таких мест, группировались в небольшое стадо с намереньем проломить любую преграду, для удовлетворения своих потребностей.

На центральной улице села, Пётр Петрович, дойдя до перекрёстка, который находился не далеко от Администрации, попытался обойти огромную лужу, которая полностью захватила этот перекрёсток в свои зелёные, вонючие объятья. Но эта попытка, с первого раза, не увенчалась успехом, так же, как и со второго. Он бы ещё долго пытался сохранить свою обувь от воздействия неприятного препятствия, но тут из переулка вывалил огромных размеров боров с загнутыми до самых глаз клыками, настоящий вепрь. Его сопровождали свиноматки и поросята разных размеров. Боров презрительно посмотрел на Петра Петрович и, мотнув головою, как бы приглашая последовать его примеру, с размаху плюхнулся в лужу, сопровождавшие его «дамы» и их потомки последовали его примеру, создав при этом массу брызг и вони. Тут уж было не до сохранения обуви и вообще внешнего вида, и хозяин территории, которую заняли оккупанты в лице бродячего скота, рванул напрямую по луже, сопровождаемый, как ему показалось, насмешливым взглядом наглого борова. Преодолев препятствие, он долго оттирал об траву, чудом сохранившуюся от прожорливых коров, свои туфли и брызги грязи с одежды, которыми его окропили наглые свиньи, видимо почувствовав в нем непримиримого врага.

В этот момент из переулка, постукивая тростью, на перекрёсток выплыла старуха и презрительно, прямо, как тот боров, осмотрев незнакомца, ехидно пропела:

- Опять « новава партейца» чёрт принёс, ишь какой щеголь, в ботинках «выпендрился», « тута» в сапогах не пролезешь. Опоздал деятель, все «партейные» подвалы уже заняты. Зря обтирался - то, « ета» лужа не последняя. – И ткнув борова своей тяжёлой тростью, поплыла дальше, громыхая тяжелыми резиновыми сапогами.

О каких партийцах, и о каких подвалах говорила бабка, для нового хозяина этой неухоженной территории, была пока загадка, что же касается выбоин и луж на дороге, в этом она оказалась права.

Дойдя до центральной площади, Пётр Петрович обнаружил огромные кучи мусора, в которых основное место занимали листы бумаги с напечатанным на них текстом. Подняв несколько листков, и пробежав глазами текст, он понял, что это не просто листки, а листовки различных общественных и политических организаций. Особенно много мусора, непроходимые горы, было навалено у школы и дома культуры.

Село было большое и располагалось не далеко от города. И местные бездельники, опираясь на городской опыт и поддержку городских основателей новых партий, наперебой друг другу, начали создавать различные общественные и политические организации. И вроде винить их за это нет смысла, так как во всех странах в переходный период от одного режима к другому, эта процедура, возникновение таких бездельников и возглавляемых ими организаций, дело необходимое. Для того, чтобы было больше неразберихи, в созданной ими мутной воде, рыба, как говорится, ловиться быстрее и лучше.

И вскоре новый хозяин территории обнаружил и, так называемые, «офисы» этих вновь созданных организаций, скорее потайные их норы.

Пользуясь тем, что на селе в отсутствие Главы сложилось безвластие, эти архаровцы /название происходит от наименования козла – архара / заняли подвальные помещения школы, дома культуры и даже, каким - то образом проникли в контору птицефабрики «Петушок золотой гребешок», вероятно дали взятку директору Хапугину.

Подойдя к описанным выше зданиям, Петр Петрович обнаружил у входа в их подвалы вывески с названием этих организаций.

На дверях школьного подвала красовались сразу четыре вывески:

«Анархисты Кропоткина » - как войдешь, направо, стол у батареи.

«Анархисты батьки Махно» - как войдешь, направо, стол у окна.

«Троцкисты» - поверни налево, стол в углу.

«Капиталисты Марксисты» - налево и прямо пойдешь, к нам попадешь!

Несмотря на ранний час, а может пока Неугомонный с трудом одолевал пройденный путь, уже и не ранний, из подвала доносились громкие призывы перемежающиеся не совсем культурными изречениями. Пётр Петрович открыл дверь и оглушённый воплями, на некоторое время застыл без движения.

- Анархия мать порядка, и Кропоткин её основатель! – Доносилось с правого угла от батареи.

- К дьяволу вашего Кропоткина, батька Махно герой гражданской войны! – Летело справа от окна к батарее

- Прав был Троцкий, только террором можно навести в этой стране порядок! Рушить нужно всё до основания, а затем... - летело из правого угла.

- Хочешь жить богато, читай «Капитал» Карла Маркса! – Басил представитель партии «Капиталисты марксисты».

Увидев вошедшего, все замолчали, а басистый « капиталист» спросил:

- Что, уважаемый, в партию пришел записываться или свою организовать захотел? Если свою, то ты опоздал, нам самим здесь тесновато.

Если в партию, рекомендую в нашу, остальные здесь так себе, дрянь. Так - то, батенька. */Это он попытался подражать Ленину/*

После этих слов, обиженные партийцы из других углов, так завопили, что в окне лопнуло стекло, а лампочка под потолком быстро замигала, а партийцы, исчерпав все устные аргументы, стали кидать друг в друга, заранее заготовленные, листовки.

Ошарашенный услышанным и увиденным, Пётр Петрович вывалился за дверь, и долго не мог прейти в себя:

« Неужели это действительность, а может меня специально решили разыграть, подготовили эту интермедию и выдали, чтобы проверить мою выдержку, – лихорадочно работал его мозг, – прямо кинофильм семнадцатых, революционных годов».

На двери подвального помещения дома культуры чёрной краской было намалёвано:

«Независимые профсоюзы доярок и скотников» - в дальнем углу.

Ниже выведено красной краской:

«Независимые от Хапугина профсоюзы птичниц» - во всём подвальном помещении, кроме дальнего угла.

Туда он заходить не стал, на сегодня интермедий хватит.

На дверях конторы птицефабрики висел листок бумаги, на котором крупным шрифтом было напечатано:

«Правящая партия «Россияне за мной» находится в красном уголке конторы, на втором этаже, председатель Богдан Хапугин » */ Видимо с дачей взятки я ошибся/*

Неугомонный поднялся на второй этаж, чтобы познакомиться с директором Хапугиным и председателем партии в одном лице, но секретарша сказала, что Богдан Титыч т. е. Хапугин живет в городе и

приезжает на службу только к обеду, но частенько совсем не приезжает и, чтобы с ним встретиться, нужно заранее записаться на приём.

Петр Петрович, удручённый результатами обследования территории, забыв о продуктах, которые хотел купить к завтраку, вернулся в Администрацию и попросил у Еримейкиной список депутатов села «Забытый путь к Коммунизму».

Ты спросишь, уважаемый читатель:

- Откуда этот Пётр Петрович знает приёмы работы Главы местного самоуправления?

И извинившись за то, что ранее забыл посвятить тебя в эту тайну, я отвечу:

- Петра Петровича Неугомонного не обошла общественно – политическая работа и на птицефабрике, где, как ты помнишь, он работал ветврачом и одновременно заместителем директора Колотозова Павла Ивановича. Так вот в том птицефабричном посёлке Дубровинском Пётр Петрович избирался депутатом сельского Совета, когда не стало Советов, был избран депутатом сельской Администрации. Глава посёлка Дубровинский был умный мужик, у него можно было многому научиться, но он часто болел и на время болезни просил Петра исполнять его обязанности. Так, что Петр Петрович, исполняя обязанности Главы в посёлке «Забытый путь к Коммунизму», впросак попасть не мог. Я надеюсь, удовлетворил твоё не праздное любопытство, мой уважаемый читатель.

Осмотрев список депутатского корпуса, который ему подала специалист первой категории Еримейкина Полина Ивановна, Пётр Петрович убедился в полной некомпетентности указанных в нём лиц. В него входили не умудрённые общественно – политическим опытом деятели, которые так не обходимы для данной почётной должности, особенно в переходный

период, когда, не в коем случае, нельзя жить с открытым ртом от удивления и глупости, ты рот открыл, а ворона уже там.

Так вот заглянув в этот список, Пётр Петрович без особого труда догадался, по какому принципу были избраны данные депутаты, а принцип был прост. Как и во всех других администрациях, по всей России. Работает тракторист хорошо - его в депутаты, поёт хормейстер дома культуры хорошо в депутаты её, любят учительницу в школе, глядишь, она уже и депутатах. Хорошие люди, ничего плохого не скажешь. Но хороши они на своей работе и не умеют больше делать ничего, например, усмирять распоясавшегося общественно - политического деятеля, для этого нужно стать таким же придурком, как и он, а трактористы и доярки этого делать не умеют, тем более в отсутствии жожака, в лице Главы местного самоуправления.

В это время в дверь постучали, прервав размышления Петра Петровича о перипетии депутатского творчества.

- Войдите – разрешил хозяин кабинета.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна, в руках её дымилась паром домашняя котлета и кружка, судя по запаху, с крепким кофе. Просияв всем своим красивым лицом она, слегка смущаясь, сладким голосом пропела:

- Покушайте Пётр Петрович, я знаю, вы сегодня ещё не завтракали, а уже скоро обед.

« Откуда она знает, что она следила, за мной что ли». – Подумал Пётр Петрович и, покраснев, как молодая барышня, хотел отказаться, но нестерпимый приступ голода заставил протянуть руки к подаваемой тарелке с котлетой и кружке с кофе, он это делал безо всякого умысла, но у Вьюгиной этот умысел был. Она растерянно потопталась у стола шефа, видимо ожидая приглашения присесть, но приглашения не последовало и она, пятась к двери и пытаясь подавить возникшую заминку, вдруг сообщила:

- А главный бухгалтер, Лесоедова, на работу сегодня не вышла, – сказала Марина Викторовна и скрылась за дверью.

-«Не вышла и чёрт с ней, – подумал Глава, смачно уплетая домашнюю котлету – а эта Вьюгина неплохо готовит, прямо, как моя Варенька».

Событие седьмое. Первый сход комом.

1

Докушав котлету и выпив кофе, Пётр Петрович решил проверить деловые качества своих помощников, т. е. провести планирование дальнейших действий Администрации, так сказать опереться в своей деятельности на деловой ресурс подчинённых. Они, с опаской глядя, на нависший потолок в кабинете шефа, осторожно расселись вдоль стенки на расставленные там лавки, и приняли глубокомысленное выражение своего лица. */Видно было, что до чужого лица, им нет ни какого дела. /* Задав несколько вопросов своим коллегам, председатель данного собрания убедился в том, что этот деловой ресурс стоит на таком низком уровне, что как говорится, половой плинтус в его кабинете на несколько сантиметров возвышается над ним, и дальнейшее планирование приведёт только к напрасной трате времени. Если уважаемый читатель вспомнит, при каких обстоятельствах все эти люди попали на административную службу, то он согласится с выводом сделанным Петром Петровичем :

-«Случайные в моей команде люди, – сокрушённо подумал он, а вслух сказал, – думаю пора нам повстречаться с жителями села. Напишите и развешайте объявления о том, что через два дня состоится сход граждан, по следующим вопросам:

Первое – сокращение общественно – политических организаций.

Второе – организация субботника по уборке мусора.

Третье – пастьба скота и ликвидации свинства с улиц села.

Подчинённые, впервые за свою деятельность, слыша о каком - то сходе, пошли немедленно выполнять поставленную перед ними задачу. Правда Вьюгина попыталась задержаться в кабинете полюбившегося ей начальника, одарив его завораживающим взглядом, но тот не терпеливо махнув рукой, мол, сейчас не до того, немедленно преступил к подготовке к намеченному мероприятию.

Я, уважаемый мой читатель, как человек прошедший через горнило административной службы, на его месте так бы не поступил. С чем он собрался выходить к людям? Разве обнаружил он внутренние резервы, о которых ему напоминал начальник? Нет! Разве в его силах было обеспечить светлое будущее страждущему населению? И то же пока нет! К этому нужно долго и тщательно готовится. А выходить и давить на совесть народа – это старый приём, отживший, совесть за этот, не очень большой, переходный период, изменилась до неузнаваемости. И вот этот факт мог сильно понизить авторитет нового главы. */Как говорят сейчас, опустить его рейтинг до очень низкого процента. / Да, так вот оно и случилось, как говорится, поспешишь- людей насмешишь. Ты спросишь, дорогой мой читатель:*

- Где говорится ?

- Ну, уж, этого стыдно не знать, - отвечаю я – в русской народной пословице, дорогой мой друг, если ты ещё не бросил читать, психанув, моё сочинение, то, без всякого сомнения, я могу назвать тебя моим другом.

2

Объявления были развешаны на все доступные для прочтения места, в том числе на двери «офисов» партийно – общественных организаций. Сход было решено проводить в доме культуры. В намеченный день, за полчаса до

начала мероприятия, Пётр Петрович, сопровождаемый своими помощниками, занял исходные рубежи в фойе этого культурного заведения, подвал которого прочно оккупировали профсоюзные деятели.

Петр Петрович слегка волновался, его беспокоили два вопроса :

- Состоится ли сход граждан т. е. соберутся ли эти граждане? – первый.

- И удастся ли разрешить поставленные вопросы ? – второй.

В это время в доме культуры появился его приятель Тришкин.

- Слава богу, хоть какая - то поддержка будет, – обрадовался

Неугомонный.

Но Тришкин обеспечивать поддержку новой власти не торопился.

- Ничего у тебя сегодня не выйдет, – твёрдо сказал он, – я то обстановку в селе знаю хорошо.

Пётр Петрович не был самонадеянным дурачком, но обратный ход давать было поздно, да и его помощники особого беспокойства не испытывали, хотя, что о них говорить, коэффициент их полезного действия вызывал у него большие сомнения.

Сомнение по поводу сбора граждан отпало довольно быстро, толи по тому, что их никто давно не собирал, то ли их заинтересовали поставленные вопросы, а может по другой причине, но эти граждане валом валили со всех сторон и от школы даже шли организованной колонной. Над колонной пламенели ярко – красные полотнища плакатов.

-«Партийцы организовали», – подумал Пётр Петрович.

Но когда колонна приблизилась, он, ошарашенный, замер от удивления, плакаты несли директор школы, учителя */он за эти дни до схода, заходил в школу и познакомился с преподавательским коллективом/* и учащиеся старших классов.

На плакатах, сияя свежей белизной, красовались призывы:

«Защитим демократию в селе «Забытый путь к Коммунизму»

«Да здравствует партия «Капиталисты Марксисты» и естественно все остальные.

«Свободу профсоюзной деятельности»

Колонна остановилась у крыльца дома культуры, тесно сплотив свои ряды. Навстречу появившемуся на крыльце Петру Петровичу, выступили директор школы и директор дома культуры. Слово взял директор школы:

- Уважаемый Глава, нашей сельской Администрации, мы просим Вас не делать скоропалительных выводов по поводу большого количества партий и других общественных организаций. Если бы не они, все бюджетные работники давно бы умерли с голоду в нашем селе. Они честно и бесперебойно платят аренду за занимаемые подвалы, а мы распределяем арендные деньги бюджетникам, государство же наше уже семь месяцев не находит средств на выплату зарплаты и единственное спасение-это арендаторы. Если можете, пригласите ещё желающих, а мы найдём для них места для размещения.

« Вот это поворот», – подумал Неугомонный, понимая, что первый поставленный на повестку вопрос проваливается.

В это время оратор сменился, на место директора школы вышел директор дома культуры, и речь его была не мене пламенной, чем речь предыдущего оратора:

- Дорогой Вы наш, долгожданный Глава, – высокопарно загнул он, – мы слышали о том, что в некоторых администрациях района, заработную плату выдают водкой и другими продуктами питания, ели Вы уважаемый, добьётесь такого же обеспечения на нашей территории, то тогда между нами возникнет, возможно, деловой консенсус.

« Во дает! Прямо второй Горбачёв!» – Подумал Пётр Петрович, понимая, что первый вопрос окончательно проигран, против народного глагола не попрёшь.

Вдруг по асфальтированной площадке у дома культуры загромыхали резиновые сапоги, и застучала трость, народ расступился, и взору Неугомонного предстала бабка, с которой он утром повстречался у лужи со свиньями.

- Ну, всё, Кузьминишна пришла, сход пора заканчивать. – Обречённо прошептал сзади в ухо Тришкин.

-« Хтойт» тут голова – прищуриив подслеповатые глаза, спросила старуха.

-« Ет» ты, щёголь, – уставилась она на Петра – ты ботиночки то скинь, я слышала, ты на лошадке приехал, « значица» будишь со своей « министрацией» по очереди коров наших пасти, а как « жа». Пастух он «ить» трескать тоже «хочить», а «плотить яму» нечем, «пензию не дают», оплаты за труды «тожить». А как «жа» жить. Ты вот «говорять собираеessi» свиней с «вулицы» убрать, значить мы их пригоним в твою «министрацию», корми. Ты не «догадываеесся, почаму» они на дороге «ляжать, дык» знай они на ей «кормяца», «идётъ» машина с кормами или с «зярном», шасть в ухаб, а горсть кормов от сотрясенья за борт, свиньям и «радысь».

Народ одобрительно загудел и начал расходиться.

Тришкин сочувственно похлопал Петра Петровича по плечу и, на прощание, посоветовал собрать депутатов и совет ветеранов.

- Конечно помощь не ахти какая, но они местные и нравы населения знают лучше. Глядишь и посоветуют что – то, я то тоже депутат, на меня ты можешь положиться. – Сказал он на прощанье.

- Что – то последнее время меня преследуют неудачи – подумал Неугомонный – на кой дьявол я ввязался в это администрирование!

Чувствовалось, что в селе явно укрепился дух анархии, идеи Кропоткина и батьки Махно главенствовали над «Капиталом» Карла Маркса

и пока ещё над лозунгами Троцкого, но если не принять радикальных мер, на первый план могут выдвинуться троцкисты.

Событие восьмое. В развитие, которого выясняется, что Пётр Петрович не одинок в своей деятельности. И что не перевелись ещё хорошие люди на селе.

1

Пётр Петрович после, так не удачно, проведённой первой встречи с народом, несколько дней ходил понурый, обдумывая дальнейшие свои действия, и не мог ничего толкового пока придумать. Сейчас ему нужен был дельный совет, но получит его, было не от кого. Тришкин был занят на производстве, делал прививки и кормил любимых петухов витаминами. С его непосредственных помощников толку было мало. И Неугомонный начал подумывать уже о позорном бегстве с данного, вверенного ему административного участка, необъятной родины. Сдерживало его от свершения такого проступка необычайное его упорство в преодолении трудностей, и Варенька, любимая жена, которую, вместе с деточками, перевёз Пётр на новое место жительства. А так же, мерин Рыжка, обживший свою новую конюшню – гараж, и преданно глядевший в печальные глаза своего хозяина, внушая надежду на лучший исход в решении его проблем.

И вот однажды, если быть точным, на пятый день, после неудачного схода граждан, в кабинет Главы местного самоуправления осторожно приоткрылась дверь, и на пороге появился приятной наружности худощавый гражданин, преклонного возраста. Грудь этого гражданина украшали ордена

и медали, напоминавшие о его героическом прошлом в годы Великой Отечественной войны.

- Авдеев Степан Иванович, председатель Совета ветеранов данного поселения, - представился он, подсаживаясь к столу, – ждал, когда вы пригласите меня к себе, не дождался, пришёл сам.

- Очень хорошо, что пришёл, уважаемый Степан Иванович, я спрашивал своих помощников о существовании Совета ветеранов, они знать ничего не знают. – Обрадованно засуетился Пётр Петрович, почувствовав, что появление этого человека, как раз так необходимо ему в данный момент.

- Да какие они тебе помощники Пётр Петрович, так сидят только место занимают. У нас и депутаты неплохие и Совет ветеранов вместе с Советом женщин раньше работали хорошо. И с директорами птицефабрики мы жили дружно, вместе делали одно дело на благо нашего села. – В голосе председателя чувствовалась горечь, вызванная происходящим сегодня, и гордость за прошедшие времена. – Раньше - то директором был Леваков Петр Геннадьевич, хороший был директор, так нет, понесла его нелёгкая в райком партии, а теперь вот в Главы, ничего своего нет, сидит, ждёт милости от бюджета. После его был Божков Алексей Николаевич, хороший человек, он продолжил дело Левакова, тоже много строил, птицефабрика занимала всегда передовые места, все знамёна, начиная с районных и заканчивая знаменем ЦК КПСС, находились у нас. А Божкова народ избрал депутатом Верховного Совета СССР, развалился Союз, пришли новые хозяева – капиталисты, сожрали мужика.

Теперь вот пришла власть «хапугиных» да «лесоедовых», одна забота как бы набить свой карман краденными деньгами, - с горечью продолжал ветеран, – ты вот поторопился проводить сход граждан, не подготовился, а они эти новые хозяева тебе лапши на уши быстро навешали. Ты думаешь, откуда на нашей территории столько этих дешёвых партий появилось, это

городские друзья Хапугина да Лесоедова постарались, пока эти партийцы своими лозунгами да листовками вносят бедлам в головы населения, Лесоедов ворует лес, а Хапугин хочет приватизировать птицефабрику. Это они подкупили директоров школы и клуба и те организовали демонстрацию. А бабка Кузьминишна, родная тётка Лесоедова, она всегда вносит смуту во все добрые начинания, вот она рассказывала, о том, что нечем платить пастуху и нечем кормить свиней, денег нет. Да, их нет у бюджетников, а основная масса населения работает на птицефабрике и зарплату пока получают, и, однако, то же не спешат платить пастуху и содержать своих свиней дома. А это опять же на руку новым хозяевам, вот мол, смотрите, Администрация никаких мер не принимает, не может, а раз не может организовать простые вещи, то и хозяином территории быть, у неё нет прав.

– Заключил свой рассказ Степан Иванович.

- Да поспешил я с этим народным собранием. – Признался Пётр Петрович, – и, вспомнив непроходимые ухабы на дорогах села, спросил, – а скажи мне Степан Иванович, что же произошло с дорогами в селе? Ещё год назад я частенько проезжал по вашему селу и помню, что на улицах был всегда асфальт, а теперь невозможно без резиновых сапог пробраться до центра села.

- Так теперь никто за ними не следит Пётр Петрович, раньше они принадлежали птицефабрике, а пришёл Хапугин и передал их в Администрацию, а твоя помощница Еремейкина приняла, не глядя подписала акт передачи. На птицефабрике был свой заводик по изготовлению асфальта, и армянин Ёрик – джан / *так его прозвал наш народ* / постоянно следил за состоянием дорог, ремонтировал их, но теперь раз они административные, Хапугин выгнал Ёрика с птицефабрики, а в Администрации нет денег на его содержание, а может быть и нашлись, да этим никто не занимается. А разбитые они потому, что Лесоедов возит лес на

продажу, прямо по центральной дороге села, тяжёлыми машинами. Да и Ёрик, армян тоже вложил свою лепту в их разрушение, заводик - то остался на нашей территории, а договор на укладку асфальта он заключил с городом, там кладёт асфальт, а по нашим улицам возит щебень. А есть ли у них пропуска на проезд по посёлку, никто не спрашивает, некому, полгода ни Главы, ни участкового.

Много необходимой информации получил Пётр Петрович от председателя Совета ветеранов. Попили чайку, поговорили про жизнь, про изменения, происходящие в этой жизни, вспомнили былые годы.

- Спасибо тебе Степан Иванович, – воспрял душой и сердцем Неугомонный, – я в ближайшие дни постараюсь пригласить депутатов и Советы ветеранов и женщин.

- Погоди не спеши, - умерил пыл Главы председатель, – они к тебе не пойдут.

- Это почему же? – упал духом Пётр Петрович.

- Да по тому, что сюда приходиться опасно, ты посмотри на свой потолок и пол, соберётся народ, а потолок рухнет, потолок рухнет – пол провалится. Я к тебе завтра подошлю трех мужичков – ветеранов, они раньше работали в строительном цехе на птицефабрике, отличные были плотники, да и сейчас могут всё делать не хуже, чем в те времена. Ну ладно, пора мне, а то старуха потеряла, до свиданья, я теперь тебя одного не оставлю с твоими проблемами, ты мне понравился, а я в людях разбираюсь.

После ухода председателя, на сердце Петра Петровича стало так легко, что он хотел запеть, но вовремя сдержал эмоции, боясь напугать своих подчинённых. Встав из-за стола, он быстро прошёл в конюшню – гараж к своему другу Рыжке, а тот, заметив положительные изменения в облике своего хозяина, как всегда ласково лизнул его в мор... в лицо своим шершавым языком.

На другой день, как только Петр Петрович подошёл к воротам Администрации, появились три крепеньких мужичка, преклонного возраста. Поздоровавшись порукам, представились:

- Бывшая бригада строй цеха, Виктор Петрович – бригадир, Пётр Кузьмич и Василий Дмитриевич – плотники. Ну, что у тебя случилось Петрович? / *После неудачного схода Петра Петровича знали в деревне все/.*

- Да вот, заходите внутрь, увидите сами, – пригласил их Неугомонный.

Заглянув в кабинет Главы, мужики с сомнением покачали головой:

- Ну, Петрович, здесь, если делать всё путём, материалов и времени много потребуется, а если сделать, как в колонном зале московского дома Союзов, затрат и времени будет немного, но смеха будет достаточно, съязвил бригадир.

- Это как же? - спросил озадаченный Петр Петрович.

- Да всё очень просто, мы балочку под потолок подведём и тремя подпорками её закрепим, заодно, и пол под напором подпорок слегка выправится, и потолок укрепитя, станет ровным. Усёк, – опять сострил бригадир, давая понять, что ему палец в рот не клади. / *Не делай этого, дорогой мой читатель, никогда, зачем пихать пальцы в чужой рот, во-первых не прилично, а во-вторых, дьявол его знает, о чём думает хозяин рта, возьмёт ещё и откусит твои пальцы./*

Пётр Петрович с готовностью с бригадиром согласился, а что ему оставалось делать, актив - то нужно собирать, время идёт, а он ещё ничего не успел путного сделать.

Мужики вышли в коридор и упёрлись в ранее описываемую подпорку:

- А, это зачем здесь стоит? Вроде бы, и не нужна она здесь, – отметил прозорливый и разговорчивый бригадир, – давай, Петрович, мы её уберём, к чёртовой матери.

Но Петрович не разрешил убирать подпорку ни к матери, ни к бабушке:

- Зачем то она здесь была поставлена, пусть пока стоит, убрать всегда успеем. - Какой же он оказался прозорливый, ты в этом скоро убедишься, дорогой мой читатель.

- У тебя, мы слышали, лошадка есть, нам она сей час понадобится, в строй цехе остались несколько брёвен, как раз на твоё хозяйство хватит, - опять пошутил бригадир – строй цех Хапугин приказал закрыть, так что эти брёвна всё равно сгниют, а мы их в дело пустим.

- Теперь - то директор связался с Лесоедовым, помогает ему машинами лес разбазаривать, зачем ему строй. цех, говорит, что от него одни убытки, – уже с горечью добавил бригадир.

Пётр Петрович вывел Рыжку из гаража – конюшни, запряг в стоящие тут же дрожки и передал вожжи бригадиру. Рыжка недоверчиво посмотрел на представителя строительной бригады и вопросительно на своего хозяина. Неугомонный подвёл коня к окну, и тот увидел изуродованный потолок. Рыжка тут же понял всё, и то, что над его хозяином нависла угроза быть задавленным потолком, и то, что эти чужие люди хотят его избавить от гибели, и то, что теперь исход спасения напрямую зависит от него, преданного и верного, своему хозяину, коня. И он безо всякого сопротивления, а наоборот с радостью выполнил всё от него зависящее в этом «строительно - монтажном» деле.

И вот завизжали пилы, застучали топоры, забеспокоились обитатели административного здания, поглядывая на кабинет своего шефа с тревогой и глубоко засевшей надеждой на то, что потолок всё же обвалится, и тогда можно будет не ходить на работу, по причине аварийного состояния здания.

Но этого не произошло, и буквально через два дня, состоялся прием выполненных строительных работ, у ветеранов труда. С благодарностью и обещанием когда, ни будь, рассчитаться финансами, видимо в скором будущем, но точное число не называлось, по причине непреодолимой бедности данного учреждения.

А кабинет Главы действительно стал колонным залом административного дома села «Забывтый путь к Коммунизму». Как раз посередине его, были установлены три хорошо отёсанные стройные подпорки – колонны, разделяющие этот кабинет на две части, до подпорок и после. Но зато пол и потолок под воздействием этих подпорок выпрямились и присутствию общественных и политических деятелей ничем не угрожали. Можно было собирать актив и решать наболевшие вопросы.

Событие девятое. Сбор актива. Поиски внутренних и внешних резервов.

1

И вот, наконец, настал долгожданный день. Оповещенный актив: депутаты, совет ветеранов, жен. совет и руководители бюджетных учреждений, а также, приглашенные: директор птицефабрики Хапугин, дорожный мастер Ёрик – джан и директор лесхоза Лесоедов к назначенному часу дружно заполнили «колонный зал» сельской администрации.

Как только Петр Петрович объявил о начале заседания, нарушая регламент, тут же поднялся директор птицефабрики, было видно по выражению лица, что визит его, в кабинет главы, был далеко не дружественным:

- Вами господин Неугомонный нарушен регламент проведения подобных мероприятий, – заявил он, когда то Богдан работал в Областном Исполкоме шофёром и, видимо, там нахватался верхушек бюрократического толкования различных заседаний. – Вы обязаны были представить за три дня до совещания план его проведения каждому приглашенному, на него. Кроме того, я бы мог вообще на него не являться, так как в скором времени буду частным лицом на данной территории, по тому, что заканчиваю процесс приватизации птицефабрики, дело осталось за малым, ваша Администрация должна продать мне земли, на которых расположено моё хозяйство. В принципе, я за этим и пришёл.

Присутствующие члены актива неодобрительно приняли такой вызов, и будь эта сходка, где, ни будь в другом месте, например, за углом какого - то учреждения, это неодобрение могло вылиться в непристойные выражения, либо в физическое прикосновение к мор.. лицу Богдана Титыча.

- Уважаемый Богдан Титыч, – и хотя Петр Петрович сразу понял, что к Хапугину слово «уважаемый» никакого отношения не имеет, иначе он обратиться к нему не мог. В данный момент, подходящие слова, вертевшиеся на языке Неугомонного, не могли быть произнесены. Так как сразу бы исказили ход проводимого мероприятия. – Что касается регламента, должен вас огорчить, здесь не Облисполком, и бегать за вами для того, чтобы вручить план, некому, да вас на этой территории днём с огнём не сыщешь. Что же касается продажи земли, я никому и ничего не должен, и пока я здесь сижу, не о какой продаже речи быть не может, только аренда. Это спасет в будущем хозяйство от перепродажи в чужие руки, и сохранит доходы от налогов для нашей территории, да и на счёт приватизации его вы, я думаю, слегка поспешили. – Бог его знает, где Пётр Петрович «нахватался» подобных выражений. Но они были встречены бурными аплодисментами и некоторыми проблесками уважения к человеку

их произнесшему. А Хапугин, покраснев от ярости, вскочил и покинул место столкновения различных мнений, он признавал только своё.

Активисты оказались деловыми людьми, и тут же с их помощью выяснилось, что множественные партии, находящиеся на территории села «Забытый путь к Коммунизму», на данной территории не зарегистрированы, а значить их пребывание здесь не законно, о чём и были предупреждены немедленно директора школы и дома культуры. На их слезливый вопрос:

- А чем же платить зарплату учителям и балеринам?

Пётр Петрович доложил, что он связался по телефону с Леваковым Петром Геннадьевичем и тот пообещал подкинуть, для этих целей, машину водки и десять ящиков колбасы. Указанные продукты поступят уже завтра, и, чтобы не остаться без «зарплаты», нужно своевременно подать заявку, с указанием количества, про качество специально умалчивается, чтобы не отбить охоту от натуроплаты. На вопрос :

- Почему ранее такая оплата труда не распространялась на данную территорию?

Пётр Петрович ответил, что главный бухгалтер Лесоедова отказывалась брать их себе на подотчёт.

- Она такая, стерва! – Послышался шепоток со стороны директора лесхоза Лесоедова.

Но тут как раз подошла его очередь, держать ответ за разбитые дороги и вывозимый без контроля лес на продажу. И кто бы мог подумать, у Лесоедова оказались все документы в полном порядке и пропуск на проезд, и билет на вырубку леса, а что тут думать, у тех, кто занимается хищением леса все документы всегда в порядке. Прокурор у него частенько гостит, заместитель Левакова, Николайчик его друг. При таких помощниках от леса в скором времени останутся только пенки.

Активисты понуро опустили головы, а Лесоедов с гордо поднятой головой и презрительным взглядом в сторону Главы направился к выходу. Но тут случилось чудо! / *Может же оно случится, уважаемый мой читатель, ты ведь тоже не хочешь, чтобы паршивые расхитители ходили с гордо поднятой головой и презрительным взглядом.* /

Дверь неожиданно открылась и навстречу Лесоедову выдвинулась из неё богатырская фигура бывшего начальника милиции Горохова, но это мы с тобой помним, что Горохова сняли с должности, а подлый лесоруб нет, директор лесхоза попятился и сел на своё прежнее место.

- Ну что Вася, кончилась твоя спокойная воровская жизнь, - произнёс Горохов, - сняли сегодня с должности твоего друга, заместителя Николайчика, и прокурора перевели в другой район, а тебя мне приказано завтра доставить в РОВД, дело на тебя заводят. Все активисты опять захлопали одобрительно в ладоши. / *Обещаю тебе уважаемый мой читатель, больше на сегодня чудес не описывать, а то активисты отобьют себе руки, хлопая в ладоши* / И чтобы эти ладоши отдохнули, был объявлен перерыв.

2

- Ты как сюда попал? – спросил Пётр Петрович Горохова, когда все вышли и они остались вдвоём.

- Направили к тебе участковым, ты же помнишь, мы с тобой в приёмной Левакова встретились, я провинился, он позвонил в областной отдел милиции генералу, и тот меня от обязанностей начальника милиции района тут же освободил.

- Да за что? Неужели я был прав, когда спросил тебя про пистолет.

- Конечно, ты угадал, доконала меня эта проклятая привычка размахивать пистолетом. Опять я его потерял.

- В роддоме что ли? – вспомнив случай в аптеке, съязвил Пётр Петрович.

- Да нет, в амбаре. Украли в совхозе «Светлый путь» зерно, поехал я сам туда, зерно быстро нашли, вору перепились и от склада сумели доехать только до первого ложка, там я их и накрыл. А после главный агроном приволок самогона и сала, ну мы с ним прямо в амбаре набрались, а чем это кончается, ты сам знаешь. Видимо махал я, махал пистолетом, да и закинул его в зерно, а зерна в складе двести тонн, пойдди, найди сразу. Вот меня и турнули, хотели совсем из рядов доблестной милиции, но я поехал в этот совхоз и всю неделю вместе с женой пересыпал через решето зерно. На седьмой день повезло, нашли. И вот теперь вместе будем наводить порядок в этом забытом богом «пути...»

- Ну, в этом ты Михаил Михайлович не прав, село это хорошее, рядом город, река, богатая птицефабрика, сюда доброхоты так и прут в надежде, чем - то поживится, а наша с тобой задача восстановить здесь порядок и сохранить материальные ценности. Я надеюсь, пистолет нам вновь искать не придётся.

- Пистолет мне пока не выдали, сказали здоровый лоб и без него обойдётся. А что касается порядка, я всегда готов побороться за него, – согласился участковый Горохов.

3

Совещание было продолжено. Настала очередь отчитаться дорожному мастеру Ёрику, сначала он тоже хотел, как и Хапугин, разыграть неприкосновенность, мол, я частное лицо, что хочу то и ворочу, но появление

Горохова быстро охладило его пыл. Кроме того Пётр Петрович, готовясь к сходке, выяснил, что на протяжении длительного времени Ёрик – джан не платил аренду за земли на которых находился его заводик и складировался щебень, сумма оказалась приличная.

- Вот, что уважаемый Ёрик Мукучевич / у «джана», *оказывается, было отчество/* у меня есть предложение, - заявил озадаченному, озвученной суммой долга, Ёрику Неугомонный, – сумма твоего долга, как видишь, не маленькая, поэтому я предлагаю её погасить в ближайшие дни натуральной оплатой, то есть ты отсыпаешь все улицы села щебенкой, разравниваешь дороги грейдером и мы квиты. – Это предложение опять было встречено бурными продолжительными аплодисментами. / *И хоть я и обещал не вызывать действиями Петра, больше аплодисментов, удержаться не мог, так как оказалось, в отличии от Левакова, Неугомонный умело изыскивал местные, внутренние резервы.* / Видя такую сплочённость сельского актива и напор Главы, поддерживаемый блюстителем порядка, в лице участкового, Ёрик Мукучевич, неожиданно по военному, вытянулся по стойке смирно и, коверкая русский язык, отчеканил:

- «Разрэшитэ випольнять»! – и немедленно покинул помещение.

Оставались не решенными два вопроса: бродячий скот и уборка мусора.

- Вот что, уважаемые друзья, – обратился Пётр Петрович к активистам, – мы несколько засиделись, уже поздно, если вы нам доверяете, мы эти вопросы решим в рабочем порядке с участковым.

И конечно, обрадованные тем, что, наконец- то, в селе появилась власть сразу в двух лицах и не просто власть, а деятельная, все согласились беспрекословно доверить решение любых вопросов этой новой Администрации родного села. И в том, что Пётр Петрович назвал всех друзьями, он не ошибся, видя его стремление в улучшении их жизни, жизни

села в целом, они поняли это выражение не как общее обращение, а как утверждение того, что он действительно друг всем вместе взятым и каждому по отдельности.

Но ненужно обольщаться, так думали активисты, а было немало особей человеческого вида, которые думали иначе. Вот, например бабка Кузьминишна, она всё, то время, в которое проходило совещание, толклась на крыльце Администрации и ехидно ворчала:

- Ишь собрались, язвы их нехристей, «чавой та ришають», видна свиной резать «будуть или Васку маво» сажать собрались.

4

На другой день Глава Администрации Неугомонный и участковый Горохов с утра заседали в «колонном зале». Сначала просматривали списки на распределение водки и колбасы, под заработную плату, обнаружив, что запросы намного превышали поставки, поправили эти списки. Правда, привоза ещё не было, что позволяло двум административным корифеям решать текущие вопросы.

- Ну что будем делать с уборкой мусора Пётр Петрович? – не задал вопрос, скорее задумался над его решением Горохов.

- Всю ночь почти не спал я Михаил Михайлович, думал, и вот, что придумал, – загадочно улыбнулся Глава – ты видел, вчера тут весь день на крыльце толклась старуха Кузьминишна?

- Да она и сейчас там мечется, ожидает, видимо, когда я повезу в район Муравьедова.

- Вот и хорошо, она нам и поможет.

- Это, каким же образом?

- Сейчас увидишь. Пригласи её в Администрацию, пусть посидит на лавочке в коридоре, а когда будешь заходить в кабинет, двери совсем не закрывай, пусть слышит, о чём мы говорим.

Участковый Горохов, не понимая, куда клонит Неугомонный, просьбу его, однако выполнил. Бабка, обрадованная таким вниманием, и возможностью чего ни будь выведать, прочно уселась на лавочке и наострила уши. А Глава и участковый, как бы продолжая начатый разговор, нарочито громко обсуждали проблему уборки мусора.

- Так вот, – произнёс Петр Петрович, – мы вчера порешали прикрыть не зарегистрированные партии на нашей территории, а я думаю зря.

Участковый удивлённо вылупил глаза, но Неугомонный, приложив палец к губам, /молчи, мол, / продолжал начатую фразу:

- Давай мы устроим соревнование между ними, члены, какой партии быстрее уберут свой мусор, та и будет зарегистрирована на нашей территории. – Конечно, Петр Петрович мог бы и сам объявить об этом партийцам, но решение об их ликвидации было принято коллегиально, и он не собирался его нарушать.

В коридоре слышалась возня и быстрые, на сколько, могла это делать бабка, шаги. Затем захлопнулась дверь, и слышались через открытое окно шарканье резиновых сапог и стук батога – клюшки.

После того, как бабка Кузьминишна разгромила Петра на сходе, он подробно расспросил своих помощников о повадках злобной старушки, и чего – чего, а сплетни сельские, они знали хорошо. Так вот бабка, как, оказалось, была не равнодушна к партии «Капиталисты Марксисты», видимо хотела ещё богато пожить, вспомним их лозунг: «Кто хочет жить богато, вступайте в партию «Капиталистов Марксистов» . Поэтому, подслушав разговор в Администрации, она ту же кинулась к председателю полюбившийся ей партии.

- «Слухай преседатель», ты «хошь» у нас в «дяревне» быть первым? – С порога занимаемого партией подвала, заговорщицки зашептала она.

- Так вчера нас с вашей территории ликвидировали, какой тут к дьяволу первый.

- Ты «послухай чаво я табе» скажу, – и она передала председателю весь услышанный в Администрации разговор.

А в Администрацию тем временем поступила обещанная заработная плата, для её размещения, те же ветераны отгородили тёсом, заднюю часть кабинета Главы, как раз ту, что находилась за подпорками, получилась отличная кладовка. При размещении «заработная плата» позванивала хрустальным звоном и шуршала колбасной обёрткой. Пётр Петрович взял всё это себе в подотчёт. Главный бухгалтер, после случая с «Москвичём» на рабочем месте не появлялась.

Участковый инспектор Горохов увёз в район директора лесхоза Лесоедова, при его транспортировке, ни какого волнения на лице Василия инспектор не обнаружил.

« Зря стараетесь, - думал про себя тот – сейчас лес всем нужен, судья то же человек».

5

А Пётр Петрович продолжал разыгрывать хорошо продуманный, бессонной ночью, план. После того, как плотники – ветераны сделали кладовку в его кабинете, он попросил их сделать на поляне за селом загон из жердей или хотя бы начать его воспроизведение. В подвозке жердей опять принял непосредственное участие мерин Рыжка. Неугомонный снова все надежды возложил на небывалое любопытство бабки Кузьминишны и не

ошибся. Как только ветераны преступили к изготовлению загородки, тут же, шлёпая резиновыми сапогами, появилась любопытная старуха.

- А «чавойт» вы «делаятя»? – прищурился глаз, вопрошала она.

- Да вот готовим загон для бродячих коров, – наученные Петром Петровичем, тихо, оглядываясь вокруг, как бы кто не услышал, сообщили они, – участковый поехал за подмогой в район, чтобы загонят коров, наймут доярок, а молоко будут сдавать в государство, безвозмездно. Ну, ты бабка никому не говори, не подводи нас. Мы только тебе по секрету сказали.

- Не, никому, – и бабка быстро закондыляла в сторону села.

Через некоторое время на главной площади села послышались её истошные крики:

- Люди «добрыя, послушайте чаво етот» щёголь «прядумал», коров наших «будуть» в загон загонять, «апосля» доить и молоко увозить «у гасударству», а вам хрен, а ни деньги.

Вокруг бабки быстро собралась толпа народа, посоветовавшись, люди начали перемещаться в сторону Администрации, где их, стоя на крылечке, уже ожидал Пётр Петрович. Инициативу из рук не выпускала бабка Кузьминишна:

- «Ет ты чавойта прядумал», щеголь, – сотрясала она зажатой в руке клюшкой, – «како имешь ты праву личную добро за так у государству здавать». Ты «ба луще» пастуха нам «обеспечил, игдей» то он.

- Ты ж сама, бабка, сказала, что это личное добро, почему же я должен вам обеспечивать пастуха, нанимайте, составляйте договор, а я его зарегистрирую, и буду наблюдать за его исполнением, в случае нарушения помогу восстановить справедливость. Бабка сначала опешила от такого ответа, крыть было не чем, но через мгновение замешательства, вновь подняла клюшку над головой:

- «Можа» и свиной наших «на мясу» пустишь? – вопрошала она, – их «тожа из лужив» будешь в «загонья» гнать?

- Нет, их не буду, они сами в лужах валяться не будут, да и луж не будет скоро. – Спокойно ответил Неугомонный и затем пристыдил разгулявшуюся толпу - Неужели вам самим нравится такой беспорядок: лужи, свиньи в них, коровы, бродящие по селу и пугающие детей. Ведь совсем недавно это село было самым чистым в районе. Неужели вы всем селом не могли обломать рога разгулявшимся партийцам, замусорившим всё село, или Муравьеву, разбившему все дороги по улицам.

- Ваську «маво не трож»! – завопила бабка Кузьминишна.

На неё зашумели, и она постаралась быстро скрыться в задних рядах.

- Всё мы вроде понимаем, да вот растерялись в текущем времени, всё перевернулось с ног на голову, а пойти за советом некуда, администраторы наши разбежались, раньше были партком и фабком, пришел Хапугин разогнал. Не видим к чему стремиться, вот и распустились.- Уже миролюбиво заговорили из толпы.

- Вот я перед вами, новый Глава Администрации, появился участковый, давайте вместе наводить порядок. А молоко от ваших коров я сдавать конечно никуда не имею права, но если в ближайшие три дня вы не найдёте пастуха, будем загонять бродячих и штрафовать владельцев.

На этом и разошлись, может быть и не совсем довольные, друг другом, но определившиеся в первом контакте, кто есть кто.

Событие десятое. В котором описываются результаты проведённых мероприятий.

А тем временем члены партии: «Капиталисты Марксисты», сплотив свои ряды, ринулись на штурм мусорной кучи, которая, судя по лозунгам находившихся в этой куче листовках, принадлежала именно им. Но каково же было их удивление, когда они обнаружили, что и их конкуренты тоже штурмуют принадлежащие им мусорные завалы. Видимо в каждой партии находился свой Иуда, который передавал секреты своих однопартийцев и скорее всего не безвозмездно. Соревновательный накал до того захватил противоборствующие стороны, что к вечеру того же дня все мусорные кучи переместились с главной площади села на мусорную свалку. Которая, как оказалось, всё таки существовала в специально отведённым для этих целей месте.

И всё же победили члены партии «Капиталисты Марксисты» так как они имели численное превосходство над своими соперниками, видимо их лозунг, обещавший богатую жизнь, оказывал на население притягательное влияние. Но выиграла в конечном итоге центральная площадь села, она, в конце – концов, засияла первозданной чистотой и привлекательностью. А члены всех партий удивились своей глупости, как это раньше они не догадались до этого: и ходить можно беспрепятственно, не запинаясь за лозунги и листовки, и догадаться о месте дислокации их штабов было бы не просто.

Председатель партии «Капиталисты Марксисты» Фридрих Неэнгельс с утра пораньше явился в администрацию к Неугомонному:

- Уважаемый Петр Петрович, поставленные перед нашей партией задачи, мы с честью выполнили. Хотелось бы знать; когда состоится регистрация партии на вверенной вам территории?

- Уважаемый Фридрих Неэнгельс, позвольте узнать, кто вам сказал, что эта регистрация состоится?- В тон ему вопрошал Глава.

- Член нашей партии бабушка Кузьминишна. *-/оказывается после того, как бабка принесла благую весть, она была принята в партию бес прохождения кандидатского минимума /*

- Так вот, уважаемый председатель, это всего лишь бабушкины сказки и не больше того. Я вам предлагаю добровольно освободить школьный подвал до вечера, иначе выселение состоится насильственным путём. Прощайте, бабушке Кузьминишне – привет!

На другой день, после состоявшегося разговора, подвалы школы и дома культуры были свободны и лишь, кое - где, по углам, можно было обнаружить одинокие листовки с призывами к лучшей жизни, о которой всегда мечтает человечество, но не может обнаружить то место, где эта жизнь спряталась.

Члены профсоюзов, разместившиеся в подвальном помещении дома культуры, не дожидаясь насильственного воздействия на их сплочённые ряды со стороны Администрации, объединились и из подвального помещения переместились на сцену дома культуры, где организовали фольклорный ансамбль «Бабий профсоюзный разгуляй». И забегая вперёд на несколько лет, я вам с гордостью сообщаю, что этот коллектив получил звание «народный» за невероятно душевное исполнение профсоюзных песен.

2

И конечно, самое удивительное творилось на уличных дорогах села «Забытый путь к Коммунизму». Ёрик – джан, довольный тем, что удалось решить вопрос на местном уровне, без вмешательства налоговой полиции, честно выполнял поставленные Администрацией перед ним задачи. Машины сновали туда – сюда засыпая щебнем ими же образованные

выбоины. Грейдер разравнивал щебень, ликвидируя лужи похожие на болото.

Клыкастый боров, принадлежащий Владимиру, бывшему мужу Вьюгиной Марины Викторовны, окруженный свиньями с того же подворья, как всегда направился к самой большой, главной луже села, где как ты помнишь дорогой мой читатель, с ним и с бабкой Кузьминишной впервые встретился Пётр Петрович. Ничего, не подозревая, к тому же страдая близорукостью из – за сильно отросших клыков, которые занимали всю лицевую часть борова, он со всего размаха своим тяжёлым, жирным телом, по старой привычке, хлюпнулся в предполагаемую лужу, свиньи, привыкшие беспрекословно / *если можно так выразиться в отношении свиней* / выполнять все комбинации производимые вожаком, последовали его примеру и они все вместе резко повстречались со щебёнкой, мирно расположившейся на месте вонючей лежи. Не совсем ещё проснувшееся село, сотряс страшный свиной визг сопровождаемый шуршанием перекатывающегося щебёня.

Картина, представившаяся прохожим, спешившим на птицефабрику, наводила на них ужас, и они стремительно убегая с дороги, прижимались к заборам. По улице бежал, нет, летел боров с окровавленным рылом и обломленными клыками, за ним неслись свиньи с побитыми рожами и ободранными боками, недавно отсыпанный дорожный щебень разлетался в разные стороны, словно поднятый и переносимый сильнейшим ураганом.

Ничего не подозревавший Владимир – свиновод, в это время как раз выходил из ворот собственного двора, вдруг, ему послышался шум Ниагарского водопада, / *Ты спросишь: Откуда Владимир знает, как ревёт этот водопад? И я вынужден ответить: А чёрт его знает, где он нахватался разных пошлостей* / но он не успел до конца домыслить об его происхождении, как тут же был снесён с ног собственным боровом и почти

затоптан сопровождающими его свиньями. С большим трудом, держась за повреждённые части тела и слегка постанывая, Владимир поднялся на ноги и ему взору с ужасом предстал весь нанесённый ущерб его стаду. Боров и свиньи забились по углам свинарника и уже никогда не выходили на улицу, как ни старался их выгнать хозяин. Так, что Пётр Петрович оказался прав, когда говорил взбунтовавшемуся народу о том, что свиньи сами не захотят валяться в лужах и о том, что этих луж скоро не будет.

3

Через три дня, как и договаривались, стадо коров, наконец – то, приобрело пастуха, благо было теперь чем с ним рассчитывать, бюджетники впервые за несколько месяцев получили натуроплату. Всё-таки, водка и колбаса, как говорится, не фунт изюма. Коровы, конечно, привыкли вольно шлаться по деревне, и при первой попытке объединить их в стадо, старались всячески нарушить строй и смыться куда ни будь, но их владельцы, во избежании наказания штрафом, помогли вновь испечённому пастуху вывести их в луга, где они не долго поломавшись, признали, наконец, что глубоко ошибались в своей беспризорности и упрямстве. Трава в лугах оказалась до того вкусная, что они поклялись больше не нарушать бывшего порядка на селе, а также в Администрации. И лишь старуха Кузьминишна, из вредности, не пускала свою корову в стадо, и дабы та не ушла туда самостоятельно, водила бедное животное по деревне на поводке. Идёт в магазин, корова за ней, идёт на почту, корова за ней, идёт...и т. д. и т. п.. Но однажды этой бедной корове надоело ходить за бабкой и она до одури захотела в стадо. Потянула верёвку, бабка не отпускает, потянула сильнее, бабка упёрлась, и тогда, набравшись сил и поглубже вдохнув воздуха, корова что есть духу рванулась в сторону лугов, бабка выскочила из

резиновых сапог, и некоторое время ещё пыталась семенить рядом с коровой. Но куда там, разве может старуха на дрожащих полусогнутых двух ногах тягаться с молодой четвероногой коровой, которая захотела воли. Бабка выпустила поводок, подобрала сапоги и, заплакав, от злости, поковыляла домой, ехидно пришепетывая:

- Подожди, стерва « вернёсси» домой...

Директор птицефабрики Хапугин, тоже малость приутих, его руководителю Мукомолу не понравилось то, что он поссорился с активом местной Администрации и теперь приватизация, задуманная ими совместно, откладывалась на неопределённое время.

И лишь директор лесхоза Лесоедов, остался не потопляем, через несколько суток после его этапирования в райцентр, он вернулся, как ни в чём не бывало. Видимо думы его о том, что « судьи тоже люди» основывались на его жизненном опыте и оказались справедливыми. Правда теперь он лес возил объездными путями, дороги не портил и в конфликт не с кем не вступал.

Конечно, все эти перемены быстро описываются на бумаге, а на деле прошел не малый срок, прежде чем это произошло. И теперь Леваков Пётр Геннадьевич, проезжая по селу «Забытый путь к Коммунизму», радовался, да чего там утаивать, просто ликовал, и хотя ему не чем было оказать помощь Петру Петровичу, он подумал и отдал ему свой «УАЗик» для служебного пользования.

- Хватит мне одной «Волги», - подумал он, – коровы и свиньи, теперь, на неё не бросаются, так, что она ещё долго прослужит.

Матушка Левакова горячо поддержала этот поступок сына, она теперь ходила по селу и радовалась не меньше его и всем говорила:

- Это мой Петя нашел нужного нам человека.

А что же мерин Рыжка, неужели он оказался брошенным и забытым. Ну, что ты мой дорогой читатель, не в коем случае. На второй день после того, как Пётр Петрович получил почти новый «УАЗ», в Администрацию председатель Совета ветеранов Авдеев Степан Иванович привел ветерана войны Петрова Сидора Ивановича.

- Вот Пётр Петрович, Сидор Иванович хочет тебе оказать помощь, он с детства любит лошадей и на фронте служил в кавалерии, тебе теперь лошадка не к чему, отдай ему вместе с дрожками, а он будет потихоньку собирать мусор по селу и вывозить его на свалку. Если ещё, что потребуется, он и в этом поможет.

- Да я бы с радостью уважаемый Сидор Иванович, да платить то мне тебе не чем. – Ответил Неугомонный.

- А я не за деньгами к тебе пришёл, – обиделся ветеран, – лошадь на моём дворе, для меня не сказанная радость, да и тебе здесь коня держать нельзя, навоз не куда девать. А платой для меня будет то, что я и по своему хозяйству иногда коняшку использую.

На том и порешали, осталось только спросить согласие самого мерина Рыжки. После не долгих уговоров, тот согласился поменять хозяина, чувствуя с какой любовью, этот новый хозяин смотрит на него. Да и Петр Петрович обещал почаще навещать своего друга. Вот так решилась судьба мерина Рыжки, за одно и проблема вывоза мусора.

Да совсем забыл отметить то, что Колотозов Павел Иванович, проезжая по селу «Забытый путь к Коммунизму», радовался не меньше Левакова и с гордостью про себя думал: «Мой ЧЕЛОВЕК», имея, ввиду Неугомонного Петра Петровича. Иногда они встречались, и эти встречи были обоим приятны, а через некоторое время Неугомонный выполнил просьбу Колотозова, решением коллегии местного самоуправления село было переименовано в Горёвку, в Москву обращаться не стали. / *Москве было не*

до того, там проходило братание России с Европой и Америкой. Они, по братски, забирали у нас нефть и газ, а нам давали ножки цыплят, так называемые ножки Буша, пролежавшие двадцать лет на складах в США. Иногда разрешали поиграть на барабанах нашему президенту Ель-Цину./

Название Горёвка объединило в себе сразу два значения: и прошлое название Пожарище и новую жизнь, которая многим принесла немало горя. Теперь и мы, дорогой мой читатель, в дальнейшем при развитии событий в данном повествовании будем называть это село Горёвкой, и, слава Богу.

Событие одиннадцатое. В котором происходят изменения в штатном расписании бюрократического аппарата.

При таких, бурно развивающихся событиях, бюрократическое штатное расписание никогда не остаётся неизменным, этот не оспоримый факт коснулся и нашего Энского региона.

Первым под эту «раздачу» попал Глава Цементно – Шиферного района Леваков П. Г. Его вызвал к себе Губернатор Кислый и задал прямой, неизменный в его устах вопрос:

- Где внутренние резервы, господин Леваков?

И не получив достойного ответа на прямо поставленный вопрос, пригласил инспектора по кадрам Областной Администрации и приказал:

- Вот, что инспектор, заведи ка ты у господина Левакова удостоверение Главы района и отправь его куда подальше, например, выращивать огурцы в совхозе. Что и было выполнено немедленно, как говорится «не отходя от кассы». */А почему именно от кассы?- спросишь ты уважаемый мой читатель. На что я отвечаю: - Видимо по тому, что это самое доходное место и к тому же тёплое, касса обычно располагается в укромном уголке учреждения, а там ветер не дует, не достаёт. /*

Но и самому Кислому недолго пришлось требовать с глав районов и городов внутренние резервы, его самого, вскорости, тоже освободили от обязанностей Губернатора и объявили во всесоюзный розыск. Как, оказалось, многие его подчинённые своевременно находили внутренние резервы на вверенных им объектах и доставляли их в Областную Администрацию, а господин Кислый, вместо того, чтобы эти резервы обращать на благо государства, присваивал их себе. Но дело даже не в этом, а в том, что пока он делился с московскими господами плодами этих резервов, ему сходило всё « с рук», но как только Михаила Борисовича заела гордыня, и он все ресурсы от этих внутренних резервов пустил на благо только собственной персоны, был тут же объявлен во всесоюзный розыск, как тать т. е. вор. Но и розыск этот был довольно странный. Кислый свободно ходил по столице нашей Родины Москве, где на каждом столбе висели фотографии Михаила Борисовича и текст, напечатанный крупными буквами, гласил, что данная особь находится в розыске. Никто, однако, его не трогал, и Кислому было иногда даже обидно за это, он уже подумывал пойти и сдать себя самому, но у него не было пропуска в КГБ / или в ФСБ /, и он так и остался не пойманным.

Наивный гражданин, он много о себе вообразил, к тому времени были объявлены в розыск такие особи, против которых Кислый был просто карманным воришкой, а кому из агентов хотелось гоняться за карманником. Да к тому же, вскорости, был объявлен свободный режим обогащения, кто, что успел спереть, тот и становился владельцем этой украденной вещи либо кучи ассигнаций, желательно в долларах. Тут то и появился как раз, новый класс, по кличке – олигархи. Так, что поспешил господин Кислый откреститься от своих московских сообщников, потерпел бы ещё чуток, поделился внутренними резервами, глядишь и ему бы нашлось место в этой шайке, хотя, кто знает, может он уже там.

Директор треста «Ни пуха, ни пера» господин Мукомолов Юрий Иванович, развалил, всё-таки вконец этот птичий трест. Многие птицефабрики приказали, как говорится «долго жить», а он из этого извлёк положительный результат, разбогател и построил себе заводик по производству прокладок.

/- Это, каким же образом он добрался до этих прокладок, неужели так можно резко изменить профиль деятельности – истошно закричал, вдруг читатель.

- Успокойся, дорогой мой, это не те прокладки, о которых ты подумал, не те которые не сходят с экрана твоего телевизора, это прокладки для упаковки куриных яиц. Они конечно без крылышек, на которых летают рекламные, но то же очень нужные в хозяйстве./

Мукомолов, конечно, возомнил о себе и несколько раз пытался выдвинуть свою кандидатуру на высокие бюджетные должности, чтобы, в конце – концов, добраться до этого бюджета. Но его постоянно задвигали, по причине низкого рейтинга. Кто знает владельца куриных прокладок? Вот если бы он делал те, о которых в принципе говорить неудобно, тогда другое дело.

Директор птицефабрики «Петушок золотой гребешок» Хапугин Богдан Титыч, как не оправдавший надежды, был отстранён от исполнения директорских обязанностей Мукомоловым, за два дня до ликвидации треста Птицепром «Ни пуха ни пера»

А вот Леваков П. Г. став директором овощеводческого совхоза, добился не вероятных успехов в производстве овощей. Огурцы и помидоры, выращенные в его хозяйстве, прославились не только в Энской области, но и далеко за его пределами.

- Какой же я был дурак! – Воскликнул Леваков, получая очередную награду. – Зачем я сидел в этих районных главах, штаны протирал, давно нужно было бежать оттуда!

И мы с тобой, дорогой мой читатель, согласимся с выводами Петра Геннадьевича, каждый человек должен заниматься тем, что он умеет хорошо делать, а не просиживать штаны, изображая из себя идола, на которого все должны молиться.

2

Администрацию села Горёвки тоже не обошли изменения в штатном расписании, и они проходили даже раньше, описанных выше, но причины были другие. Никто из служащих не посягнул на муниципальное имущество, и даже сломанная ручка на столе Главы осталась цела, несмотря на опасение главного бухгалтера Лесоедовой.

И, кстати сказать, первой покинула Администрацию именно она. После того, как её оскорбил поступок Петра Петровича, выкатившего «Москвич» из гаража и определившего туда своего мерина Рыжку, Авдотья Павловна неделю не выходила на службу, угнетённая тем, как расточительно отнёсся новый Глава Администрации к материальным ценностям, находящимся у неё на подотчёте. Но немного успокоившись, она решила вернуться к своим обязанностям и поклялась позиций в защите этих ценностей не сдавать.

О её появлении на рабочем месте Неугомонный догадался сразу, как только вошёл в здание Администрации. В коридоре на лавочке сидела Недотёпина Любовь Сергеевна и с опаской поглядывала на дверь бухгалтерии, по её телу пробежала мелкая дрожь. Она помнила, как на неё

посмотрела Лесоедова, когда Любовь Сергеевна передавала ключ от гаража Петру Петровичу.

- Ты почему не на рабочем месте? – громко, что бы слышали все, давая понять тем самым Лесоедовой, что Недотёпина должна сидеть на своём месте, произнёс Неугомонный. Затем, не поняв, что в ответ промямлила кассир, зашел вместе с ней в бухгалтерию и поздоровался. Кинув косой взгляд на вошедших, главный бухгалтер не удостоила их ответом.

- Дьявол с ней, сейчас переговорю с Леваковым и буду решать вопрос с ними. Толи их мирить, толи обоих увольнять? Толку от них видимо мало.

Но ни то, ни другое он сделать не успел, через некоторое время со стороны бухгалтерии послышался равномерный стук, как будто кто стучал пустым котелком по дереву «бум, бум, бум...», затем раздался протяжный мышинный писк «пии и и...» переходящий в мычание «пиии, мммуу» и, вдруг, вслед за этими звуками заржала лошадь, Петр Петрович сначала подумал, что это Рыжка, но мерин, даже если бы заржал во всю свою мощь, таких звуков извлечь из своей утробы не смог бы. Перепуганный Глава выскочил в коридор. Стоящая там подпорка сотрясалась от лошадиного ржания, и мелкая штукатурка, из-под неё, осыпалась на его голову. Петр Петрович быстро забежал в бухгалтерию, глазам его предстала картина, трудно передаваемая на холст, в случае её написания. Главный бухгалтер Лесоедова, накрутив густые волосы Недотёпиной на свою мощную руку, равномерно долбила её головой по столу «бум, бум, бум...», кассирша в свою очередь попискивала и мычала. А специалист первой категории Еремейкина П. И., наконец- то, дала волю, душившему её смеху, и изображала из себя ржущую кобылу, в расцвете лошадиных сил. Тут то Петру Петровичу многое сразу стало ясно: и то почему Еремейкина сдерживала смех при первой встрече с новым Главой, и то почему в коридоре стоит

подпорка. И то почему Лесоедову боится Недотёпина, да и не только она, но и братец Вася, и то почему голова кассира звенит, как пустой котёл.

При появлении руководства главный бухгалтер с большой неохотой отпустила голову своей подчинённой, и отвернулась к стене, Еремейкина, засмутившись, закрыла рот двумя руками, однако ржание удалось унять с трудом. Пётр Петрович, ошарашенный увиденной картиной, вернулся в свой кабинет.

- Хорошо, что я не дал ветеранам убрать подпорку в коридоре – подумал он, проходя мимо названного выше предмета, из-под которого периодически осыпалась ещё штукатурка.

Озадаченный Глава, присел на своё обшарпанное кресло, случившееся событие никак не вмешалось в его разумную голову, такого он не видел даже на ферме № 2 совхоза «Бессеребрянного». Будучи вет. врачом, он строго настрого запрещал скотникам наматывать на руку хвосты коров и телят, а тем паче стучать их головами об кормушку. Никто не знает, сколько времени просидел бы он, обдумывая меры, применимые к произошедшему случаю, но дверь кабинета вдруг распахнулась и в неё вошла, нет, влетела, главный бухгалтер Лесоедова, подлетев к столу, она хлопнула листом бумаги об него, перед носом Неугомонного. Опустив глаза на пришпиленный твёрдой рукой к столу лист, Пётр Петрович узрел заявление об увольнении по собственному желанию.

- Чёрт с вами, варитесь вы в этом котле без меня! – озлобленно выпалила Авдотья Павловна, а так как на столе Главы не было письменного прибора, как в лесхозе, голова Петра Петровича не пострадала.

- Ну и, слава богу! – Подумал он, а вслух, видимо обрадованный таким исходом неприятного дела, сказал, – Авдотья Павловна вы можете этот «Москвич» забрать себе, раз он вам так дорог, тем более он находится у вас на подотчёте.

- Наворочаете вы тут без меня дел, - презрительно окинув взглядом собеседника, произнесла Лесоедова, – этот «Москвич» нужно сдать в металлолом, а деньги вернуть в бюджет, а не растаскивать по своим дворам муниципальное имущество. - И взяв подписанное заявление, Авдотья Павловна удалилась, громко хлопнув дверью.

« Жёсткая, но честная женщина, нечета своему братцу Василию. – Подумал Пётр Петрович. – И всё же, что там была за сцена в бухгалтерии? – Не давало покоя любопытство. – И почему вдруг Авдотья Павловна предложила сдать «Москвич» в металлолом, она так ранее дорожила этой материальной ценностью?»

На все, не дающие ему покоя вопросы, ответы ему представила специалист второй категории Вьюгина Марина Викторовна. Она, по-прежнему, возлагала определённые надежды на Петра Петровича, несмотря на то, что с появлением в селе его жены Вареньки, Неугомонный котлеты от Марины Викторовны принимать не стал. Так вот, после того, как Лесоедова покинула кабинет Петра Петровича, громко хлопнув дверью, специалист второй категории забеспокоилась:

- А не нанесла ли какой ущерб бухгалтер любимому начальнику! – Тревожно застучала кровь в её висках. И она поспешила в кабинет Главы, что бы при надобности, оказать ему первую медицинскую либо моральную помощь. А ему помощь как раз была необходима, и, узнав, что от неё требуется, Вьюгина в подробностях изложила случившееся:

Оказывается, как только Авдотья Павловна, после длительного отсутствия, появилась в Администрации, вместо того, что бы писать объяснительную, за совершённые прогулы, немедленно начала составлять жалобу в прокуратуру. В которой обвиняла Главу Администрации Петра Петровича в нанесении ущерба муниципальной собственности из-за не правильного её хранения. Имелась ввиду машина «Москвич», но для

достоверной точности нанесенного ущерба, ей потребовался акт последнего обследования этой самой машины и её остаточная стоимость. Она долго искала необходимые документы, но найти их никак не могла, как сквозь стол провалились. Спросить же было не у кого, кассир Недотёпина, боясь зайти в кабинет, сидела в коридоре на лавочке. После того, как Неугомонный завел её в кабинет, кассир видимо от пережитого ожидания расправы, вдруг набросилась на принесённые к обеду, бутерброды, развернув лист в который они были завернуты. И тут взгляд главного бухгалтера упал на этот лист, из её уст вырвался звериный крик, и она кинулась к столу Недотёпиной.

Промасленный бутербродами и помятый лист, оказался как раз так необходимым актом, в котором была описана вся историческая сущность машины «Москвич», одна тысяча девятьсот сорок пятого года выпуска.

Муравьева вцепилась в густые волосы / тебе известно, дорогой мой читатель о том, что волосы покидают умную голову, а раз они были густыми, сам догадайся, какой голове они принадлежали / кассира, пытаюсь их вырвать с корнями, после чего Недотёпина издала мышинный писк. Не выпуская крепко закрученных на руку волос, главный бухгалтер, другой свободной рукой подняла помятый лист и поднесла его к своим очкам. То, что она там увидела, поразило её в самое сердце. Акт был, с угла на угол, перечёркнут и снизу крупными буквами, каллиграфическим подчерком, красовалась надпись, гласившая, что машина «Москвич – 401» принадлежащая сельскому Совету села «Пожарище» списан, как не подлежащий восстановлению, десять лет назад. Лицо бухгалтера исказила злобная гримаса: все попытки восстановить «справедливость» рушились, как карточный домик, и, вложив в силу своих рук всё отчаяннее и обиду от несостоявшегося возмездия, Авдотья Павловна стала ритмично колотить головой кассира в стол, пытаюсь просадить, с досады, его насквозь. Вот в этот самый момент в бухгалтерию заглянула Еремейкина – специалист первой

категории и, глядя на разыгравшуюся трагикомедию, не выдержав кульминационного момента драматической сцены, расхохоталась, а кассир Недотёпина стала мычать «мууу...». Это-то всё вместе взятое и слышал Пётр Петрович из своего кабинета.

3

На другой день, после ухода Авдотьи Павловны, Пётр Петрович пригласил в кабинет кассира Недотёпину Любовь Сергеевну:

- Ну, что же, уважаемая Любовь Сергеевна, как говорится «свято место пусто не бывает», придётся тебе, голубушка, временно исполнять обязанности бухгалтера. – Как можно мягче произнёс он, пытаясь тем самым не спугнуть надежду на сохранение бухгалтерского штата.

Но «голубушка», вместо того, чтобы взлететь от радости к потолку, вдруг побледнела и медленно опустилась на стоящую у стены лавку. Перед её закрывшимися глазами быстро замелькали бухгалтерские книги, ведомости, фактуры и прочая бухгалтерская чепуха, в которых она разбиралась также, как Пётр Петрович в космонавтике, и она медленно поднявшись с лавки, еле передвигая ноги, покинула кабинет Главы.

- Обрадовалась она, что ли, - ошибочно, так же, как когда то ошибочно думал и Леваков о нём, подумал Неугомонный, – вишь как её проняло.

Он уже хотел позвать специалиста первой категории Еримейкину, чтобы та готовила распоряжение на перевод Недотёпиной с должности кассира на должность бухгалтера. Но, вдруг, дверь его кабинета медленно открылась, на пороге стояла кассир - бухгалтер, в одной руке она держала сумку со всеми находящимися в бухгалтерии личными вещами, в другой, мелко дрожащей, она сжимала листок бумаги.

- Всё бухгалтерии больше у меня нет. – Догадался Пётр Петрович.

И не ошибся, медленно передвигая ноги, Любовь Сергеевна подошла к столу и опустила на него заявление об увольнении, желательно без отработки. В таком же темпе бывший кассир Горёвской Администрации, покинула навсегда эту самую Администрацию, оставив в своей голове воспоминания о соприкосновении той самой своей головы с бывшим своим рабочим местом, то есть крепким старинным столом.

На этом кадровый исход из побочных кабинетов не закончился.

Специалист первой категории Еримейкина, после того как Лесоедов Василий Павлович вернулся на своё бывшее место директора лесхоза, избежав наказания, любить его меньше не стала и, в конце - концов, вышла за него замуж. Процесс бракосочетания проводился в Администрации села Горёвка, и, как всегда проводила его Вьюгина Марина Викторовна. Напялив на себя процессуальное платье и ленту с надписью «Семья – это ячейка Советского общества», оставшуюся в наследство от сельского Совета села «Пожарище», Марина Викторовна произнесла нужные слова, проиграла на пластинке марш Мендельсона. Пётр Петрович вручил новобрачным Лесоедовым очередное, пятое по счёту для Василия Павловича удостоверение, тот не утерпел и от нахлынувших на него радостных чувств, сбацал плясовую, трудно сказать какую, пусть это будет «Яблочко». После чего, по устоявшейся на селе традиции он достал бутылку « шампанского» и все выпили « за укрепление семейной ячейки». Тут, как говорится, Василия понесло, он решил показать всем, к кому идёт его очередная любовь, не к какому- то голодранцу, а вполне состоятельному члену современного общества. Раскрыв, принесённую с собой сумку он извлёк из неё бутылку шотландского виски по цене десять долларов за сто грамм, копчёный балык по цене пятьсот рублей за колясочку. И сделал это зря. Участковый Горохов, подозрительно посмотрев на владельца этого богатства, давая понять, что он догадывается, на какие средства эти богатства приобретены, встал и

удалился в свой кабинет. Его примеру последовал Глава Администрации Неугомонный. Лесоедов почувствовав, что он переборщил, хотел выставленные на стол предметы вернуть в сумку, но не успел. Специалист второй категории Вьюгина одним махом смахнула озвученные предметы в свой сейф и закрыла оный на ключ. Василий хотел возразить, но постеснялся выглядеть жадным нищевродом, махнул рукой и в предчувствии брачной ночи, гордо задрав свой тощий нос, удалился, крепко вцепившись в мощную руку своей очередной супруги, словно боясь упустить её и остаться одному в холостяцкой кровати.

После того, как все покинули кабинет, где проходило бракосочетание, Марина Викторовна, не снимая традиционного платья и ленты, присела на краешек стула и горько задумалась о своей судьбе, выпитое шампанское подогревало грустные мысли. Они упорно струились в разгорячённом мозгу, периодически выплёскиваясь горькими слезами на ресницы прекрасных глаз специалиста второй категории.

« Вот и Еремейкина встретила свою судьбу, - подперев ладонью голову, думала она – хоть он и с гнильцой, но всё же мужик. А я ни кому не нужна, даже не в жёны, хотя бы в любовницы. Петр Петрович « из зуб» не выпускает, всё Варенька да Варенька, Горохов вообще на женщин не смотрит, всё мечтает, когда ему пистолет вернут, видимо без него спать боится». – На этом слове в своих мыслях Марина встала, выйдя в коридор, убедилась, что все давно разошлись по домам, открыла сейф и достала дорогие провианты, принесённые обеспеченным женихом.

Была летняя пора, на улице стояла жаркая погода, и Пётр Петрович спал с открытым в спальне окном. Его дом находился не далеко от здания сельской Администрации и, когда в гараже находился мерин Рыжка, Неугомонный иногда слышал, как тот ржал, тоскуя, видимо, по своим родственникам, оставленным в посёлке Цементно – Шиферном.

В эту ночь ему казалось, что из здания Администрации доносится марш Мендельсона, он то затихал, то вновь звучал, призывая всех женихов и невест села скорее бракосочетаться в стенах этой самой местной Администрации. Пётр Петрович хотел встать и пойти туда, где призывно звучал марш, но на его плече прикорнула любимая Варенька и, боясь её потревожить, он отказался от своих намерений, а затем и сам заснул крепким здоровым сном человека, честно исполняющего возложенные на него государственные обязанности.

Утром, придя на службу, Петр удивился необычной тишине во вверенном ему учреждении. Не слышно было хихиканья Еримейкиной, шелеста бумаг разбираемых специалистами, ничего, как говорится: « пугающая тишина». /- *Кем говорится – опять спросишь ты, дорогой мой читатель.- А я и сам не знаю – отвечу я тебе, - какого болвана могла напугать тишина? Видимо его, ещё не пугали душераздирающие вопли, вот он и придумал такую- то чушь.* / Ну, да ладно, вернёмся к Петру Петровичу, он постоял ещё несколько секунд, напрягая слух, и не услышав ничего, распахнул дверь кабинета специалистов. Увиденная картина его удивила, скорее, огорчила окончательно и бесповоротно: на полу валялось разорванное процессуальное платье, на портрете кормчего Ель-Цина красовалась лента с надписью «Семья и т. д. и т. п.», перекрывая президенту глаз, и тот подозрительно взирал одним оком на содеянное. Диск проигрывателя продолжал крутиться, на нём покачивалась затёртая пластинка марша Мендельсона. На столе специалиста второй категории Вьюгиной Марины Викторовны стояла пустая бутылка из-под шотландского виски, валялся кусок не доеденного балыка и лежали два листка бумаги. На одном было написано заявление с просьбой об увольнении, желательно без отработки, на другом – крупными буквами было выведено: « Нет в жизни счастья!» и ниже: «Я вас любила, а вы, эх вы...!» Эту надпись Пётр Петрович

принял на свой счёт, но легче ему от этого не стало, если и дальше так пойдёт, он останется вдвоём с Гороховым.

И он в своих догадках опять не ошибся, прямо оракул, какой - то.

После обеда явилась, вновь испечённая, жена директора лесхоза, специалист первой категории, теперь Лесоедова Палина Ивановна, открыв дверь кабинета Главы, она вежливо поздоровалась и двинулась к столу своего руководителя, в руке её был зажат листок бумаги.

« И эта с заявлением на увольнение». – С горечью подумал Пётр Петрович.

Но на сей раз, он ошибся, хотя в принципе не совсем, прочитав заявление, он с удивлением поднял на Палину Ивановну глаза.

В заявлении было написано следующее: « Прошу перевести меня специалистом высшей категории, иначе Василий Павлович отказывается со мной жить» подпись.

- Это, что за бред? – С трудом переваривая прочитанное, спросил Неугомонный. - Это, что шутка такая, что ли? – Но видя, что не один мускул на лице специалиста не дрогнул, продолжал. – Во первых, у нас нет в штате такого специалиста, во вторых у тебя образование девять классов и десятый коридор, а для этой должности нужно высшее.!

- Я не знаю, Вася приказал. Я его послушаться не могу. Он сказал, если должности нет, увольняйся, пойдёшь в лесхоз инженером.

- Ну что же, здесь не лесхоз, и я сам должности не раздаю, если у Васи есть такая возможность, тебе лучше идти в лесхоз.

На том и порешали. А сельская Администрация и Неугомонный Петр Петрович временно осиротели. Но это продолжалось не долго. И помогли в пополнении штатов сельской Администрации господа Хапугин и Лесоедов.

Конечно, это произошло не от их душевной доброты, а скорее наоборот, но для Главы Неугомонного Петра Петровича это принципиального значения не имело.

Однажды Хапугин Б. Т. решил, наконец - то, посетить производство. Зайдя в лабораторию, он увидел в клетке крупных, хорошо откормленных бройлеров и очень удивился:

- А почему в столовой мне не подают к обеду такой птицы?
Немедленно отправить их на кухню!

Всё беспрекословно было выполнено, так как в лаборатории в это время находилась только санитарка, возразить против такого произвола было некому. Бройлеры же оказались экспериментальные, работа, под руководством главного зоотехника Власовой Галины Васильевны, проводилась несколько месяцев и все положительные результаты одним распоряжением директора были уничтожены. Власова Г. В., расстроившись, написала заявление на увольнение. Хапугин же в это время уехал в город, и как всегда долго не возвращался, тогда Власова пошла в отдел кадров к инспектору Колёсниковой Л. С. и настояла на увольнении без подписи директора. Конечно, инспектор допустила ошибку, но исправить её уже не смогла и, появившейся, наконец, Богдан Титыч уволил инспектора Колёсникову Л. С. Вот они-то и заняли места специалистов в Горёвской сельской Администрации. А буквально через два дня, был уволен и сам директор Хапугин Б. Т.. В свою очередь директор треста Мукомолов подписав приказ на увольнение Хапугина, ушел в отставку и в этот же день трест «Ни пуха, ни пера» лопнул.

Директор лесхоза Лесоедов, определив новую жену Полину Ивановну в инженеру, устроил семейный подряд по краже древесины, и все свои операции пытался провести через бухгалтерию, подделывая фиктивные фактуры, то есть бухгалтерия получалась двойная. Видя такой беспредел,

главный бухгалтер лесхоза Кошкина Раиса Евгеньевна, чтобы не поменять это тёплое место на нары в тюрьме, быстро уволилась, прихватив с собой сестру Кошкину Валентину Евгеньевну, которая трудилась рядом с ней простым бухгалтером. Вскоре они, не меняя ранее занимаемых должностей, оказались в бухгалтерии Администрации, и их работой Пётр Петрович был очень доволен.

Событие двенадцатое. В процессе, которого используется кадровый ресурс Областной Администрации.

1

В предыдущей главе мы многих освободили с тобой от занимаемых должностей, дорогой мой читатель.

Но, как говорил выше Неугомонный, «свято место пусто не бывает». И эти освободившиеся места стали постепенно заполняться новыми их владельцами, которые решили посвятить свою кипучую деятельность сфере управления различными отраслями, вновь воспрывшего капиталистического строя.

Место бывшего губернатора Кислого М. Б. занял Сладкий Г. А. который всегда радел за народ, и попытался сразу сделать многое для него, но в связи с тем, что Москва продолжала брататься с Европой и Америкой, а президента Ель-Цина Билл Клинтон стал чаще подпускать к барабану, у нового Губернатора мало что получалось. И тогда он решил использовать кадровый ресурс на вверенном ему участке великой страны. Я не буду излагать кадровые изменения в других районах области, меня, да я думаю и тебя мой дорогой читатель, интересует район, описываемый в данном повествовании.

Сначала бразды правления в Цементно – Шиферном районе были переданы господину Романовскому Д. А. здесь конечно я, в некоторой

степени, не совсем прав, эти бразды были переданы не просто так, а всё же через выборную компанию. Романовский Д. А. был мужик добродушный, хорошо играл на баяне и пел под свою же музыку песни. Первым пунктом его программы был лозунг: «Жителям района – светлое будущее!» Вторым, учитывая основное производство продукции района, «Каждой семье по десять листов шифера и по мешку цемента». Кто же после этого мог проголосовать против его кандидатуры. Но как оказалось он был не дальновидный руководитель, когда Москва кинулась брататься с капиталистами, каждой семье было уже не до шифера с цементом, и вскорости в районе не стало ни того, ни другого. К тому же и со светлым будущим получился прокол, часто в бюджетных учреждениях стали отключать электроэнергию за неуплату, а уличное освещение вообще отрезали от сети электроснабжения.

И тогда на спасение района был брошен бывший агроном Шарабановский А. В., он тоже прошёл через выборный процесс. В его программе первым пунктом также стоял лозунг: «Жителям района – светлое будущее!» Вторым пунктом, учитывая, что цемента и шифера не стало, панелей тоже, так как крупнопанельный комбинат «приказал долго жить», стоял лозунг: «Каждой семье района по мешку пшеницы и по два ведра картошки!» Ну, кто же устоит перед такими лозунгами, проголосовали и за него. Однако, как оказалось, он тоже был мужик не дальновидный, хотя на гармошке не играл и песен не пел. Вскорости многие совхозы «приказали долго жить», в конец разорённые, новой системой взаимоотношений – я тебе рубль, а ты мне двадцать, то есть, пытаюсь погасить взятые кредиты, они лишились и скота и техники, всё было отдано за долги.

И хотя эти мужики, как, оказалось, были не дальновидными, но с ними можно было поговорить по человечески, они всё понимали и были, как говорится «свои в доску». Исходя из этого, Губернатор Сладкий сделал

вывод, что район пострадал от слабых характеристик их руководителей. И чтобы, не повторить допущенных ошибок впредь:

В Цементно – Шиферный район Главой был направлен господин Ископаемый А. В. с большой надеждой на то, что он в свою очередь оживит кадровый ресурс вверенного ему района. Господина Ископаемого Губернатор знал ещё по совместной работе в Обкоме Коммунистической партии, как требовательного работника, способного любому гражданину привить коммунистическое сознание. При рекомендации на пост Главы района Сладкий Г. А. так и заявил:

- Хватит ляды точить. Господин Ископаемый быстро приведёт вас в чувство.

Но при его представлении Губернатор не учёл того, что прошло много времени со дня их последней встречи. А время меняет многое, изменила она и характер Ископаемого, видимо от того, что во время перестройки, было потеряно тёпленькое местечко в Обкоме, где уже намечалось повышение по службе, либо по причине хронической болезни, которая не давала покоя новому Главе района, он стал озлоблен, вспыльчив, не доверчив, и не терпел ничьих возражений или советов.

В его программе, учитывая то, что в районе не осталось ни шифера, ни цемента и очень мало пшеницы, первым пунктом стоял лозунг: «Каждой семье района по сто куриных яиц и по пять килограмм куриного мяса» Птицефабрики «Петушок золотой гребешок» и «Золотое яйцо» ещё пока работали, и то, по причине того, что они районному руководству не подчинялись. Избиратели, увидев лозунг очередного кандидата, поняли, что и над птицефабриками нависло «светлое будущее», но в связи с очень низким рейтингом второго кандидата, а им был господин Мукомолов, большинство проголосовало за Ископаемого.

В этом месте я вынужден с прискорбием донести до вас, дорогие мои читатели, что опечаленный таким «бардаком» в стране, директор птицефабрики «Золотое яйцо» Колотозов Павел Иванович тяжело заболел и вскоре умер, о чём сожалели многие хорошие люди всей Энской области и особенно Пётр Петрович Неугомонный.

А вновь избранный Глава Цементно - Шиферного района Ископаемый В. А. начал приводить в чувство всех, как и обещал Губернатор.

И надо же было случиться тому, что Пётр Петрович первый попал, как говорится, «под раздачу». В этом месте придётся сделать небольшое отступление в сторону законодательства «о местном самоуправлении». Так вот в описываемое автором время, это законодательство гласило о том, что всеми земельными ресурсами, на вверенной Главе сельской Администрации территории, распоряжается только он, этот самый глава и никто другой.

Однако в обход Главы села Горёвки, Петра Петровича Неугомонного, господин Ископаемый А.В. решает выделить большое количество земельных ресурсов, ранее занимаемых зоной отдыха, каким – то «прохиндеям», которые смогли убедить Ископаемого в том, что эти земли ранее принадлежали им. И несмотря на то, что все бумаги были утверждены поддельной печатью, видимо изготовленной из картофеля, что было ясно видно не вооруженным глазом, Глава района с этими «прохиндеями» согласился, по какой причине он пытался провести эту сделку, Неугомонному не известно и сейчас. Видимо господин Ископаемый решил, что никто из его подчинённых не позволит перечить его указаниям.

Но он ошибался, ты помнишь мой дорогой читатель, что ещё Леваков определил при первой встрече с Петром Петровичем, что тот не так прост и своё мнение сумеет защитить, тем более, если оно подтверждено законом.

Так вот, как только эти «прохиндеи», предъявили липовые документы на владение вышеуказанным участком, Неугомонный сразу определил их не

состоятельность и явную подделку. Он к тому времени уже отлично владел знаниями границ наделов на вверенной ему территории. Видя, что радушного приёма в данной конторе они не получают, «прохиндеи» решили урегулировать отношения силовым путём. Но Пётр Петрович был человеком не робкого десятка и обладал природной силой, в результате «просители», пересчитав ступени Администрации мягкими местами, ретировались в район. От туда, через некоторое время, последовал звонок, требующий положительного решения данного вопроса. Но тщетно, Неугомонный упёрся. Скандал был длительный, дошедший до суда, который выиграл Глава Горёвской сельской Администрации, но приобрёл врага в образе стоящего над ним руководителя, злоба которого затаилась до поры до времени.

На место директора птицефабрики «Петушок золотой гребешок» Хапугина Б. Т. был назначен, почему то самим Губернатором, Маратка Ильдусов, который постоянно всем напоминал о том, что он ставленник «самого» и когда приходилось ему выступать, перед различного рода, собраниями, свою речь он всегда начинал словами:

- Я только, что вышел из кабинета Губернатора, он вам передаёт моими устами большой привет.

И все руководители района, начиная с Главы и кончая прокурором, уверовали в это и благоговели перед Мараткой Ильдусовым. Но нашлись два человека, которые сразу узрели некомпетентность и никчёмность нового директора птицефабрики «Петушок золотой гребешок». И конечно ими были Глава Горёвской Администрации Неугомонный Пётр Петрович и бывший директор птицефабрики Божков А. Н., который сразу, как только увидел Маратку, сказал Неугомонному:

- Помяни моё слово Пётр, этот балабол птицефабрику уничтожит.

Пётр Петрович, хоть и занимал не очень любимую им должность, но тоже до мозга костей, как говорится, был птицеводом. При первой же

встречи с Ильдусовым, сразу понял, что тот совершенно ничего не смыслит в птицеводстве и был определён на птицефабрику новым владельцем, что и подтвердилось вскоре, хозяйство было «выкуплено» Мараткой за один рубль, и тут уж сразу всем стало ясно, кто стоит за спиной сей особи. Это позволило ему нанимать компетентных директоров, а самому беспрепятственно изымать денежные средства из производственного оборота птицефабрики и использовать в личных целях, разбазаривая, их направо и налево, делая подарки различным вышестоящим руководителям, которые в нём души не чаяли.

А в Божкове и Неугомонном Маратка сразу почувствовал людей, точно определивших его гнилую сущность, и он их немедленно определил в стан своих врагов. И начал в различные инстанции доносить сплетни, унижающие личные и деловые достоинства Петра Петровича и бывшего директора Божкова, что горячо поддерживал Глава Цементно – Шиферного района Ископаемый В. А.

Давай мы на время оставим кадровые распри в данном районе, мой дорогой читатель, нам ещё придётся возвратиться, к этим не совсем приятным отношениям, к большому сожалению. Я думаю, настало время вернуться в Горёвскую Администрацию, что бы вновь повстречаться с его служащими, состав которых обновился, и посмотреть, какие проблемы решаются ими в это непростое время.

Событие тринадцатое. Помощь капиталистов. Кофта – предмет раздора.

И так, за этот довольно продолжительный отрезок времени, насыщенный разными событиями, Петру Петровичу удалось многое сделать,

а главное создать новый работоспособный коллектив грамотных специалистов. И Администрация с новыми силами начала осуществлять своё местное самоуправление, то есть заниматься сборами налогов за земельные ресурсы, выделением земельных участков под строительство и хозяйственные нужды, их приватизаций. Паспортным и военным учётом и режимом. Обеспечением местных бюджетных учреждений финансами, их ремонтом и материальным обеспечением. / Этот пункт выполнялся процентов на десять, за счёт местных предпринимателей. / Было восстановлено уличное освещение, мерин Рыжка и ветеран Сидор Иванович систематически вывозили мусор. Участковый Горохов честно поддерживал порядок. Но основная часть рабочего времени уходила на выдачу различных справок. Без которых шагу сделать было нельзя: справки с места жительства, справки о составе семьи, справки о принадлежности имущества, справки на продажу скота, справки на реализацию продукции, справки, справки, справки... И конечно составлением различных отчётов в вышестоящие организации, помощи никакой, но за все свои действия, будь добр отчитайся во время. И порой тот, кто ничего не делал, отчитывался лучше всех, это входило в его основные обязанности. А вот процесс бракосочетания, после того, как Вьюгина порвала платье и закрыла лентой глаз президенту, в местной Администрации проводить запретили. Подпорку из коридора удалили, за ненадобностью, в связи с увольнением Еримейкиной - Лесоводовой.

Зарплату бюджетникам продолжали выплачивать натуральными продуктами, количество которых на 70% занимала водка. В те дни, когда она выдавалась, со стороны бюджетных учреждений, к вечеру, доносилось хоровое пение, и чтобы это пение направить в нужное русло, на коллегии было решено создать бюджетный хор. И хотя от исполнителей пахло спиртным, исполнение песен было безупречно и вскоре хору было

присвоено звание «Народный». Вот так у нас на Руси всегда: «Не было бы счастья, да несчастье помогло»

И вдруг, случилось непредвиденное, из стран капиталистического лагеря стали приходить медикаменты и материальная помощь, но тоже в виде натуральных продуктов и натуральных же шмоток, только слегка поношенных. И произошло это после проведённых в нашей стране очередных выборов президента.

- Почему? – стал ребром вопрос.

Нам на него, конечно, ответить трудно, но эти вездесущие капиталисты рассудили так:

- Эти русские потеряли рассудок, пора нам вмешаться, сейчас подкормим, подлечим, да и возьмёмся за них всерьёз.

И если рассудить разумно, они были совершенно правы. Только безумцы /простите, если вас это как то утешит, заменим не приличное слово на два других - потерявшие рассудок / могли вновь проголосовать за президента, который отнял у них всё.

После того, как президент – строитель не смог собрать разбитый паровоз своими трясущимися руками, многие демократы поняли, что зря его отлавливали во Дворце Съездов и обременили такой почётной должностью. Эта масса одумавшихся демократов, хотела исправить допущенную ошибку и, перейдя из Дворца Съездов в Белый Дом /российский, не путать с американским / предложила этому пьянице покинуть почётное место. Но было уже поздно, другая часть демократов, которую составляли родственники, олигархи, воры, пьяницы и прочая нечисть, поняв, что это их президент, стеною стали за него. А он распорядился подогнать танки к этому Белому дому, и так саданул по нему, что засевшая в нём первая часть демократов, поняла, наконец, истину: «Не сади, кого попало на паровоз,

прежде чем это сделать – подумай» и, не солоно хлебавши, разбрелись кто куда, а некоторые на нары, но к счастью не надолго.

И тут началось: нефте и газодобывающие отрасли, прибыльные отлаженные предприятия, шахты, рудники стали переходить в руки не компетентных нуворишей, которые разграбив их, привели в не пригодное состояние. Про сельское хозяйство даже и вспоминать не нужно, его уничтожили на корню, задавив непосильными кредитами. Родственники президента и их окружение: друзья, блюдолизы, и прочие приспешники богатели не по дням, а по часам.

Огромная масса населения осталась без работы. Специалисты были никому не нужны. Появилась большая армия «БОМЖей». Рождаемость прекратилась. Бандитизм, рэкет, рэйдэрские захваты стали нормой жизни. Многократно увеличилась смертность населения. Страна обнищала до крайности, и её экономика впала в зависимость от капитала западных стран и США.

Вот в такой обстановке президент приведшей страну к развалу, получил подавляющее число голосов на выборах, что бы дальше продолжать затягивать петлю на шее собственного народа.

... Иностранцы удивились, а мы нет.

И вот, может быть от удивления, а может и от радости, что так ненавистная им Россия, находится на грани вымирания, европейские страны стали поставлять нам помощь в виде продуктов /масла растительного, галет, конфет, сыра /и предметов одежды, чаще подержанных. А США завалили нас ножками цыплят, которые лежали двадцать лет на складах, законсервированные на случай войны, россияне их позже прозвали «ножками Буша», в честь американского президента, находящегося в то время у власти.

Администрацию села Горёвки тоже не обошла эта « радость», вот мы и вернёмся туда, мой дорогой читатель.

О том, что в Администрацию привезут зарубежную помощь, Петру Петровичу позвонили заранее, и он распорядился развешать о том объявления, в которых было указано время распределения этой помощи, десять часов утра следующего дня, с таким расчётом, чтобы успеть, всё распаковать, и выставить для общего обзора.

И вот тут нужно сказать то, что по неопытности / такую радость иностранцы представили впервые/, Пётр Петрович со своими помощниками допустили две ошибки:

Первая – нужно было созвать актив села Горёвка и заранее распределить продукты и вещи наиболее нуждающимся в них жителям.

Вторая – они не учли того, что присланная помощь прошла несколько перевалочных пунктов, прежде чем попала в их Администрацию. А как выяснилось позже, на этих пунктах уже приспособились производить обмен европейских товаров, на китайские / о качестве которых вы прекрасно знаете сами, поэтому я вам не буду ничего рассказывать /, либо вообще подсовывать свои поношенные шмотки.

Так вот придя на службу к восьми часам на следующий день, Пётр Петрович заметил сгорбленную фигуру бабки Кузьминишны, которая металась по двору Администрации, подойдя ближе, спросил:

- Тебе чего это не спится Кузьминишна, ты, что пришла так рано?

- Ты мне зубья то не заговаривай, щеголь, - замахала бабка клюшкой, – знаю я твою «министрацию», «усе» лучшие тряпки «загранишны сябе забярётя», а народу «всяку дрянь вывалити». Вот я и пришла порядок блюсти. При мне «будятя» разбирать товары.

Но как оказалось, бабка опоздала, специалист первой категории Власова Галина Васильевна, привыкшая ходить рано на птицефабрику, ты же помнишь, дорогой мой читатель, что она там работала главным зоотехником, и тут пришла пораньше и уже распаковала все коробки заграничной помощи. Узнавши, что опоздала, опережая Петра, бабка кинулась в его кабинет, именно там были разложены продуктовые наборы и вещи. Ворвавшись в кабинет и заметив находившуюся там Галину Васильевну, бабка уже готова была выпалить:

- Уже нахапала «сябе шмоток, стервь», – но увидев, что в руках специалиста ни чего нет, промолчала. И тут её подслеповатый взор упал на свёрток, лежащий на подоконнике кабинета, упакованный в прозрачный целлофан, свёрток был цвета морской волны и, на занимавшейся зорьке, переливался перламутром.

- «Ет штой то»? – ехидно спросила бабка, – никак «сябе захапать хатитя»?

- Это кофта, – ответила растерявшаяся Власова, – мне она зачем, она же мужская, вот на этикетке мужчина изображен.

- Все одно, «чавойт» тут ни так, – не унималась бабка.

Зачем Власова отложила эту кофту на подоконник, она и сама толком не знала. То ли её поразила красота оттенков, то ли она действительно хотела, чтобы эта кофта досталась Петру Петровичу, но так получилось и мы её, в отличии от бабки Кузьминишны, спрашивать об этом не будем.

- «Усё», эта «кохта» моя, – не унималась тем временем бабка, – «ежли» вы не «отдадите яё» мне, я вас на весь «рыйон» ославлю.

Тут уж кончилось терпение у Петра Петровича:

- Ну, ка старуха, выйди из кабинета, соберутся люди, решат тебе отдать, получишь ты эту кофту. – Твёрдо, а может и сердито, выпалил он, видимо второе, по тому, что бабка беспрекословно покинула кабинет.

К десяти намеченным часам стали собираться люди, желающие получить капиталистическую, бесплатную помощь. В коридоре, где сосредотачивались страждущие, постоянно слышалось угрожающее змеиное шипение бабки Кузьминишны, через закрытую дверь трудно было расслышать произносимые ею слова и лишь доносилось одно из них, напоминающее клокотание индюшки: «Кохта, кохта». Затем Петр Петрович в окно увидел, как тракторист Рожанов и многодетная мать Аротанова метнулись бегом по улице в сторону своих домов. Через минуту по крыльцу застучали костыли инвалида Самошкина.

Ровно в десять часов собравшаяся группа нуждающихся была допущена к месту распределения заграничного товара. Работники администрации приготовились к раздаче продуктовых наборов, в виде растительного масла и куска голландского сыра, которые почему то были упакованы в один пакет, но к их удивлению, на продукты никто не обратил внимания. Зашедшие в кабинет все как один хором выдохнули:

- Где кофта? – и увидев её на подоконнике, протянули к ней руки. Но так как толпившихся претендентов на её обладание, разделял от подоконника временно сооруженный прилавок, дотянуться до желанного предмета было не возможно.

- Давай мне, - кричала бабка Кузьминишна, – я «первая яё» узрела.

- Почему это тебе, - громыхнул костылями инвалид Самошкин, – у тебя и старика то нет, «кто» её будит носить. А мне положено, я инвалид первой группы.

- Ты не «толкайся», чёрт хромой, чтоб у «тябе» втора нога отвалилась.
– Не уступала бабка.

- А ну расступись, - вышел вперёд тракторист Рожанов, – эта кофта по праву должна принадлежать мне. – И он вывалил на прилавок целую горсть орденов и медалей, понятно стало, зачем он бегал домой.

- «Чойт» тебе! А почему не мне? – возразила многодетная мать Аратанова, и высыпала на прилавок большую кучу свидетельств о рождении своих детей.

- «Дык» кофта одна, а детей у тебя десять, кто носить то будет, перебьются из - за неё. - Сязвил инвалид Самошкин.

- А «ет» не «тваво» ума дело. – Парировала Аратанова.

Обстановка накалялась, претенденты стали толкать друг друга, а инвалид Самошкин каждому из них старался наступить костылём на ногу.

- Где же Горохов? – подумал Пётр Петрович, и прямо как на его зов, в кабинет вошёл участковый Горохов, а так как он был высок и широк в плечах, все расступились, но толкать друг друга не прекратили.

- Ну, слава богу, - подумал Неугомонный, – сейчас Михаил наведёт тут порядок. Но к его великому удивлению, участковый, вдруг, заявил:

- Всё граждане, кофта моя, чем я хуже других, я и в Афгане был, ранение там получил.

- Ах «штоб табе», вон она для кого на «вокно» было уложено, - завопила бабка Кузьминишна, – «сгаварилися» дьяволы, ну нет со мной «така» афера не «пройдёт», еду в «рыйён».

И тут, видя, что помощи в решении этой проблемы ждать не от кого, Пётр Петрович громко произнёс:

- Граждане, вы, что совсем совесть потеряли, вот бы сейчас нас увидели капиталисты, они бы не только кофты, но и портянки дранной больше не прислали. – И видя, что эти граждане не торопятся искать потерянную совесть, вдруг неожиданно, даже для себя, предложил. – Давайте тянуть жребий, кто вытянет призовой, того и кофта.

И тут сразу наступила тишина.

- Как «жа» мы сразу до этого не додумались. – Саданул об пол костылём инвалид Самошкин.

Раскручивать «рулетку» взялся участковый Горохов. Достал коробок спичек, отломив от одной из них половинку, зажал их в своих огромных пальцах:

- Кто вытащит короткую, того и выигрыш. – В надежде на свой успех, произнёс участковый.

Первым потянул удачу инвалид Самошкин:

- Ах, чтоб тебя...- саданул он ещё раз костылём об пол и со слезами на глазах выскользнул за дверь.

Вторым испытывал счастье тракторист Рожанов. Он долго перебирал верхушки спичек, зажатие в пальцах участкового, затем закрыл глаза и дёрнул крайнюю справа. Не открывая глаз, ощупал пальцами спичку и со словами: «нет в жизни счастья» покинул помещения, прихватив с собой пищевой набор.

Многодетную мать Аратанову Фортуна тоже обошла стороной, и она, выбрав из присланных шмоток, десять различных нательных принадлежностей и три продуктовых набора, с сожалением посмотрела на прощание на кофту и покинула кабинет.

- Так, удача всё ближе. – Думал про себя Горохов, ему то было известно какая спичка осчастливит своего владельца. Оставалась бабка Кузьминишна. Она внимательно, приблизив лицо к самой руке участкового, осмотрела торчащие из пальцев концы спичек, и прочно вцепившись в левую, потянула её на себя. Горохов почувствовал как счастье, обладания желанной кофтой, ускользает из его собственных пальцев. Он крепче сжал спички в надежде на то, что бабка переменит свои намерения, но не на ту нарвался, внутренним чутьём Кузьминишна поняла, что Фортуна на её стороне и с такой силой потянула жребий, что кожа на пальцах участкового задымилась.

- Есть правда на белом свете, - показывая всем кукиш, ликовала бабка, – «усё кохта» мая!- И схватив поданную ей красоту, застучала клюшкой сначала в коридоре, а затем по крыльцу.

И вдруг, образовавшуюся после потасовки тишину, прорезал душераздирающий вопль:

- Ах, «штоб вы перядохли , буржуины проклятушии, умести с ентою администрацией».

Все, кто находился в здании Администрации, высыпали на крыльцо, напуганные воплями бабки, думая, что она с радости поторопилась и сломала себе ногу. Но увиденное, у некоторых на лице вызвало улыбку, у других недоумение, а нашлись и такие, на лице которых твёрдо укрепилось злорадство: бабка, размахивая клюшкой и громыхая резиновыми сапогами, необычно быстро удалялась от Администрации, а на заборе висела кофта, переливаясь в солнечных лучах, всеми оттенками синего цвета. На груди её зияла дыра величиной с кулак участкового, а правый рукав до локтя был оторван. Видимо на одном из пересыльных пунктов, завёлся ловкий хищник, извлекающий из пакетов иностранные вещи и упаковывая в них свои поношенные. Прямо фарцовщик какой-то.

Вот с тех самых пор, как только приходила очередная партия любой помощи, Петр Петрович приглашал актив села, для её раздела по назначению и для обследования на предмет изношенности и пригодности для дальнейшего употребления.

Событие четырнадцатое. **ЛОЖНЫЙ ВЫЗОВ.**

1

Был солнечный летний день, время к обеду. / *Везёт же жителям Горёвки, что ни день, то обязательно солнечный.* / Пётр Петрович совсем

уж было собрался идти на обед, но тут в коридоре послышалось шарканье обуви и в открывшуюся дверь быстро, насколько это может сделать пожилая женщина, вошла Алексеева Наталья Петровна, пенсионерка, бывшая птичница. Она тихонько, не ввязываясь ни в какие распри, жила на окраине села, в частном доме.

Пётр Петрович сразу обратил внимание на то, что женщина была встревожена и её глаза застилали слёзы.

- Что случилось, Наталья Петровна? – Обеспокоенно спросил Глава.

- Петрович, ограбили меня, пришли какие-то ироды и вынесли всё, пока я была в огороде.- Поведала пенсионерка. – Мне, кажется, они и сейчас в стайке сидят. Пойдём ко мне, посмотришь.

- Какие ироды? – Ошарашенный услышанным, спросил Неугомонный. – Я сколько здесь живу, никого ещё, ни разу не грабили. Да и брать – то у тебя нечего. Но услышанное его не на шутку растревожило и он, поднявшись с места, сказал:

- Ладно, ты иди домой, а я сейчас захвачу с собой участкового и тоже подскочу к тебе.- А про себя подумал. – С участковым надёжней, кто его знает, что там за ухари объявились.

- Михаил Михайлович, у нас ограбление, быстро собирайся, пойдём. – Открыв дверь в кабинет участкового, выпалил Пётр Петрович.

-Какое ещё к дьяволу ограбление, ты Петрович случайно вчера горькую не употреблял? – Не принял всерьёз известие участковый.

Но услышав пересказанное сообщение пенсионерки Алексеевой, обеспокоенно заметался по кабинету:

- Вот чёрт, а у меня пистолета нет, одену хоть портупею с кобурой для острастки.

- Ты ещё бронжилет натяни, – съязвил Неугомонный.

Однако, не обратив на язвительный тон Главы, никакого внимания, Горохов напялил под китель бронезилет. Хотели поехать на УАЗе, но вспомнили, что нет бензина, кончился лимит, который был рассчитан только на две поездки в район, Глава района Ископаемый любил проводить совещания.

До дома пенсионерки добрались в быстром темпе и, тяжело дыша, от быстрой ходьбы, повисли на заборе предполагаемого объекта ограбления. Прислушались: из приземистой, покосившейся стайки, раскорячившийся посреди захламлённого двора, донеслись шорохи сопровождаемые похрапыванием.

- Сволочи, ограбили и спят, видимо пьяные, – прошептал участковый, поднимая две здоровенных палки, валявшиеся среди мусора, одну из них подал Петру, - ты Петрович стань у двери стайки, а я полезу внутрь, как только крикну «бей», лупи что было сил, гадов, по голове!

Так и поступили, Неугомонный, подняв над головой дрын, застыл у входа в эту злополучную стайку, Горохов, сгорбившись, почти на четвереньках, иначе в неё было не войти, полез внутрь, где сосредоточилась кромешная тьма. Долго ничего не получалось, он кряхтел, сопел, ругал мешавший бронезилет, шёпотом, видимо, чтобы не разбудить бандитов. Наконец послышался облегчённый выдох:

- Уффф... - и тут же истошный вопль – айяйи..., что же ты, сволочь, ниже пояса бьёшь. Затем последовала длительная возня, и радостный голос участкового сообщил:

- Петрович, поймал я эту тварь, не могу разобрать, что за оружие у него, похоже одновременно на кинжал и на штопор, и вдруг опять истошный крик:

- Петрович, бей, он к тебе рванулся.

Неугомонный прицелившись, примерно в голову, замер в ожидании врага. Что-то серое мелькнуло в проёме двери стайки, Пётр Петрович изо всех сил саданул дрыном по верху проёма, но ни в кого не попал и тут же взвыл от боли, получив сногшибательный удар ниже пояса. Схватившись за то, что находилось ниже пояса, он повалился на захламлённый двор, и начал по нему кататься колом, от пронизывающей всё тело боли. Вдруг над ним пролетела серая тень, и раздался треск. Вылетевший из стайки Горохов, замахнулся дрыном, да так и замер с открытым ртом от увиденного: по двору катался Глава сельского поселения Неугомонный, а у стайки стоял здоровенный козел, который не мог двинуться с места, так как его винтообразные рога застряли в пробитых, им же, досках. Козёл хотел ещё раз показать Главе, кто тут хозяин, набрал обороты, но промахнулся и, пробив доски, из которых была сделана эта злополучная стайка, пленил себя сам.

Блюстителю порядка долго, постанывая, стряхивали с себя налипший на одежду мусор, стыдясь поглядеть друг другу в глаза и, вдруг, не сговариваясь, оба схватившись за животы, начали неудержимо хохотать.

- Изловили разбойников!- Повизгивая, сквозь хохот, восклицал Горохов.

- Да, укатал нас бабушкин козлик! – Поддерживал Неугомонный.

Отсмеявшись и договорившись никому об этом случае не рассказывать, чтобы избежать позора, они проследовали в дом «ограбленной» пенсионерки Алексеевой.

2

В доме царила идеальная чистота, в центре горницы стоял накрытый стол, на нём располагалась всякого рода снедь: квашенная капуста с «постным» маслом, огурчики, помидорчики, пирожки и прочие яства,

собственного производства, а средину стола, гордо возвышаясь над закусками, занимала литровая бутылка с красивой иностранной этикеткой. За столом, смущённо опустив глаза, сидела хозяйка.

Увидев столь высокое начальство, посетившее всё же её дом, на что она, конечно, не рассчитывала, Наталья Петровна встала навстречу дорогим гостям и, узрев их строгий взгляд, она же не догадывалась об их встрече с её любимым козлом, окончательно смутилась и залепетала:

- Вы уж простите ради Христа старуху, наврала я вам, никто меня не грабил.

- Да мы уж в этом убедились. – Сказал, почёсывая саднящие места, участковый.

- Одна я всё время, старик умер, дети разъехались, живут далеко, зовут к себе, но мне уезжать не хочется, вся моя жизнь здесь прошла, уеду сразу помру от тоски. Нашло на меня сегодня, детки вы мои, захотелось с кем-то умным поговорить, рассказать о своей нескладной жизни. Вот я и обманула тебя Петрович, так бы просто ты бы не пришёл.

Мужики, обманутые ей и избитые козлом, зашли в дом с твёрдым намерением устыдить пенсионерку Алексееву за то, что она отняла их драгоценное рабочее время. Но услышав обращённую к ним речь Натальи Петровны, и увидев слёзы на её глазах, да ещё такой стол, который приготовлен в их честь, сразу обмякли душой и телом:

-«Чёрт с ними и с этим временем, и с козлом», - в общем-то избавление людей от душевной боли тоже является частью их работы, и приглашенные Натальей Петровной, они уселись к празднично накрытому столу.

Иностранная этикетка на бутылке оказалась лживым призывом для любителей чужеземного зелья, сосуд этот хранил родной Горёвский пятидесятиградусный самогон. Выпили по стопке, закусили, и потекла

беседа трёх повидавших жизнь с разных сторон человек. Но то, что рассказала им Наталья Петровна, задело этих государевых служащих, до глубины души.

- Я ведь, «ребяты», замужем была два раза. – Начала свою исповедь пенсионерка. – В тридцать четвёртом вышла замуж за местного кузница, Дмитрием его звали, хороший был мужик, добрый, а здоровый как конь, колесо железное заднее, от трактора «Фордзон», на вытянутых руках поднимал. Народили мы с Дмитрием ребёночка, мальчика, Федей назвали. Всё было хорошо, а тут тридцать седьмой год, народ московский и ленинградский вагонами в нашу Сибирь везли. Да всё в тюрьмы и лагеря, понастроили этого добра, куда не пойдёшь, везде колючая проволока.

А мой Дмитрий, по доброте душевной, возьми как-то и скажи:

- Вот изверги, за что над людьми издеваются!- Сказал – то это в кузне, их там трое было, он, бригадир да молотобоец. Кто донёс? Неизвестно. Но через два дня, ночью к нашему дому подкатил «воронок» - это машина такая, тюремная, посадили моего Дмитрия Сергеевича в него и увезли неизвестно куда. Думала, Сибирь, куда ещё вести, посадят где, ни будь, не далёко, передачи буду носить. Нет, увезли куда-то, и не слуху, и не духу по сей день, уже шестьдесят годков прошло.

- Да вы пейте и ешьте, заговорила я вас, - вытерев, набежавшие, слёзы сказала пенсионерка.

Выпили, закусили, перебросились парой слов о современной жизни.

- Наталья Петровна, а дальше что? – Заинтересованно спросил Пётр Петрович.

- Дальше, а дальше осталась я одна, с маленьким ребёночком на руках, - продолжала хозяйка, - а в колхозе работать надо, в то время никаких отпусков по уходу за детьми не было. Не вышел на работу, первый раз предупреждение, не вышел ещё, можешь в лагерь загреметь, вот я и

перебивалась по старухам, сегодня одной отдам Феденьку, завтра другой. Жить было голодно, завела я себе пять курочек, а кормить то чем то надо, вот я однажды, с дуру, в сапоге с килограмм пшеницы и попыталась унести, на зерновом току работала. Да видно по моим ужимкам, оглядывалась всё время, бригадир то и определил, что я расхититель социалистической собственности, как потом зачитал прокурор на суде. Дали мне три года, Феденку соседка забрала и ухаживала за ним, как за родным. Я, когда вернулась из лагеря, при встрече с ней, как на икону, на неё молилась, она уже стороной меня стала обходить, царство ей небесное, умерла в войну от не посильного труда, я и сейчас, когда в церкви бываю, за упокой души её свечку ставлю.

В сорок первом году повстречала второго своего мужа, трактористом работал в соседнем колхозе. Как повстречала? – Сама себе задала вопрос Наталья Петровна.

- Тогда ведь бабы имеющие детей на танцы не ходили, а он меня увидел раз на мельнице, привозил зерно молоть и через месяц заслал сватов. У меня один сын на руках, а у него-то оказалось двое, жена тоже за два килограмма пшеницы пять лет лагерей получила, да там и умерла. Поженились, полна, как говорится, горница детей, его то дети старше моего, один на четыре года, другой на восемь, но жили дружно, некогда было распри разводить, работать надо было, а тут война.

- Ну, давайте, ребятки, ещё по одной, – предложила она и сама, приложившись к рюмочке, выпила её до дна. Закусив продолжала:

- Забрали моего второго мужа Алексея на фронт. Видимо он там храбрым был, письма редко приходили с фронта, но как только я его получала, он мне писал, что получил очередную медаль или орден. А в сорок третьем получила письмо, не обычное, раньше приходили треугольные, а это квадратное, смотрю в нём фотография, помятая правда,

письма то в мешках доставлялись. Но различить человека хорошо можно, а я его не узнала, сидит исхудавший, седой человек, вся грудь в орденах и медалях, на плечах погоны капитана, он в разведке служил, но писать об этом нельзя было, и я узнала уже всё после войны, в сорок шестом году.

- Почему в сорок шестом, война закончилась в сорок пятом.- Спросил Пётр Петрович.

- А по тому, что Алексей мой в сорок четвёртом году в плен попал. Уже был майором, пошли в разведку, и попали под миномётный огонь, его контузило, а немцы подобрали и отправили в рабочий лагерь. В то время у них не хватало рабочих рук, и обращались с пленными не так жестоко, как вначале войны. Освободили его американцы, и домой отпустили только в сорок шестом. Пришёл, сообразили мы на радостях ещё одного сына, и только он родился, вызвали моего мужа в НКВД и арестовали. После не долгих разбирательств, дали ему десять лет лагерей.

- За что? – возмутился Горохов. – У человека вся грудь в орденах, а его под арест!

- За то сказали, что не нужно было работать на немцев. Офицеру надо было или застрелится либо повеситься.

Вытерев слёзы, Наталья Петровна вновь наполнила свою рюмку и стаканы гостей самогоном:

- Выпьем за упокой души моего мужа Алексея. – Предложила она и была единогласно поддержана.

- Он что умер в лагере? – Спросил Пётр.

- Да нет, как только в пятьдесят третьем умер Сталин, его освободили. Умер он пять лет назад в собственной постели, старые раны не дали ему пожить дольше.

Допили самогон, съели почти всё, что стояло на столе, и, тепло распрощавшись с хозяйкой, двинулись в Администрацию, рабочий день

кончился, а в кабинете Неугомонного стояла его, не полученная ещё натуроплата, которая была в данный момент, так кстати, для успокоения растревоженной души.

Перед уходом от Натальи Петровны, Пётр Петрович, растроганный её рассказом, поклонился хозяйке, как говорится, в ноги и попросил, чтобы она в любое время, не стесняясь, заходила в его кабинет.

- Вот ты скажи Горохов, что у нас за народ? – Спросил Неугомонный, когда они вышли на улицу. – Сколько хороших людей погубил Сталин, а они как чуть что, подавай им Сталина, сами напакостят, как коты, а для наведения порядка им нужен тиран. Неужели жить под постоянным страхом, что за тобой сейчас придут, кому-то нравится. Или они думают, что за другими придут, а за ними нет.

Захмелевший Горохов по привычке, потянулся за пистолетом, но, не обнаружив на месте кобуры, махнул рукой и ничего не ответил. Да и вряд ли кто-то знает ответ на этот вопрос.

Событие пятнадцатое. В поисках благодарности.

1

Эту главу я хочу начать с обращения к тебе, мой дорогой читатель:

- Скажи ты мне, бывает у тебя такое – вот живёшь, живёшь, ни о чём таком крамольном не думаешь. Красота! И вдруг тебя начинает грызть червь сомнения: А зачем ты живёшь? Кому от этого польза? И он, этот червь до того к тебе привяжется с глупыми вопросами, ну просто деваться не куда.

Вот это самое и случилось, вдруг, с нашим героем Петром Петровичем Неугомонным. А всему виной праздник День Победы, самый дорогой праздник для российского человека, а для бывших фронтовиков – так это вообще, как самая значимая икона в церкви.

И зная это, многие хотят втереться к фронтовикам в доверии, различными способами напоминая им о том, что они, именно, являются главными победителями в этой войне. И это правильно!

То же самое происходило и в Энской области и в Цементно – Шиферном районе. Ко дню Победы президент страны присылал каждому фронтовику медаль и денежную помощь, Губернатор присылал каждому подарок и открытку с поздравлениями, Глава района, так как у него денег не было, присылал только открытку. А Глава местной Администрации, не смотря на то, что деньги, потраченные на все подарки и открытки, изымались с местных территорий, не мог преподнести ветеранам ничего, и вся его заслуги сводились к тому, что он исполнял роль почтальона, разносившего все указанные выше привилегии. Он, конечно, произносил какие то слова благодарности при этом, но кто это помнил. И вот после праздника по селу длительное время, то там, то здесь раздавались хвалебные речи в адрес Президента, Губернатора и даже Главы района:

- Вот – мол – какую медаль мне Президент оторвал!
- Губернатор – то, такой подарок отмочил, ну просто загляденье.
- А этот, районный – то, прислал какую – то паршивую открытку, ну да хрен с ним, не забыл и то ладно.

А про местного Главу и сказанные им слова никто и не вспоминал. И до того, вдруг, стало обидно Петру Петровичу за такую несправедливость, что он поклялся сам себе, всё исправить любыми путями. И к следующему дню Победы решил внести достойный вклад в дело прославления героического подвига ветеранов села Горёвка.

- Денег-то для этого нужно не так и много, ветеранов осталось семь человек.- Думал он. И для осуществления задуманного собрал в своём кабинете местных предпринимателей. Для начала решил произнести пламенную речь:

- Уважаемые предприниматели села Горёвка, знаете ли вы о том, сколько жизней было отдано нашими земляками и сколько пролито крови, для того, чтобы в нашем селе стояли ваши ларьки и палатки, а не немецкие. И так далее и тому подобное. Никто не знает, сколько бы ещё продолжалась эта агитационная речь, если бы предприниматель Головченков не прервал её, он имел три магазина, считался самым богатым и мог себе позволить дерзости:

- Слушай Пётр Петрович, кончай агитацию, говори, что ты хочешь, купеческое время дорого.

- Так вот, скоро девятое мая, и я хотел бы от вашего имени поздравить фронтовиков.

- А мы тут причём, - загалдели со всех сторон «купцы», - поздравляй, мы тебе мешать не будем.

- Так сухая ложка рот дерёт, - прижатый к стенке догадавшимися, что от них надо, предпринимателями, попытался отшутиться Неугомонный, – не мешало бы её размочить.

- Петрович, сколько можно, ты итак все жилы из нас вытянул. На краску в школу дай, на стекло в садик дай, на ограду в клуб дай. Имей совесть, мы налоги платим исправно.

Они ещё долго шумели, стараясь, перекричать друг друга, Петр Петрович им не мешал, он присел на стул и молча ожидал, когда выйдет весь пар из местных «купцов». Накричавшись вволю, предприниматели притихли, и тогда встал самый сговорчивый из них Курилин:

- Давайте уважаемые скинемся. Пётр Петрович он, как банный лист к одному месту, если привяжется, не отстанет, да и не для себя же он просит, для наших же дедов и отцов. Говори Петрович сколько надо?

Скинулись по триста рублей / в то время, о котором идёт речь – это били ещё не плохие деньги /.

Обрадованный Пётр Петрович на второй день поехал в райцентр и купил всем фронтовикам часы «Победа», специально выпущенные к этому дню. И ещё остались деньги на хороший праздничный обед.

Девятого мая фронтовики, подвыпив, за праздничным столом, который им приготовлен был в школьной столовой, и, получив подарки не только от Губернатора, но и от местной администрации, в лице Петра Петровича, не скупилась на благодарственные слова и в его адрес.

- Ну, наконец – то, и моя доля в их радости появилась. – Думал довольный местный Глава.

Но радовался он, как оказалась рано, всё испортил ветеран Брагин. Он в школу к праздничному столу не пришёл. Брагин любил выпить, и не только выпить, а напиться « до поросычьего визга» как говорится. / Ты видел, когда, ни будь, пьяных свиней, дорогой мой читатель? Нет. Вот и я ни разу. Кто придумал эту чушь?/ Так вот и на сей раз, он загулял за три дня до праздника, напьётся и лежит дома на полу. Иногда ему видится война, и он соскакивает и, взмахивая рукой, в которой как бы зажата граната, кричит:

- Не подходи, гады! Всех уложу!

Бывают разные фронтовики, но их осуждать мы не будем, может быть, их такими сделала война. Так вот запил этот Брагин и не видел, как домой ему принесли медаль и подарок от Губернатора, а часы Петр Петрович решил вручить ему лично. И вот, этот пьяница – ветеран, рано утром, родичи ещё спали, поднялся и двинул в ларёк, похмелится, благо ларьки теперь, в погоне за прибылью, работали круглосуточно. Купил он, значить, шкалик водки и только хотел опрокинуть его в рот, как говорится «не отходя от кассы», а продавщица спрашивает:

- Фронтовик Брагин, а ты получил часы «Победа» в Администрации или нет?

- Отстань, у меня голова болит. – Отвечает ей на это Брагин, а сам думает. – Вот Петрович, гад, заныкал подарок от Губернатора, – и припустил бегом в Администрацию. Прибегает и прямо в кабинет Главы, который уже был там.

- Слушай Петрович, - дышит перегаром Брагин – отдавай часы, которые мне Губернатор прислал.

- Почему это Губернатор? – Вылупил глаза тот. – Это часы вам дарит сельская Администрация дорогой вы наш фронтовик товарищ Брагин. – И вынимает часы «Победа» из собственного кармана, он их накануне забрал в школе, что бы перенести в Администрацию.

- Не брешь, - бесцеремонно заявляет Брагин, – в твоей Администрации нет таких денег, что бы дорогие часы покупать. И зачем, скажи на милость, ты мои часы в свой карман запихал, стибрить хотел?

Пётр Петрович растерялся от такого хамства, покраснел и, кое- как, вручив часы Брагину, выпроводил того за дверь. Примерно через час Неугомонному нужно было пойти в детский сад по делам, проходя мимо ларька, у которого толпились пьянчужки, он услышал, как Брагин еле ворочая языком, показывая на него пальцем, говорил своим собутыльникам:

- Вон Неугомонный попёрся, часы мне Губернатор прислал, а он хотел их стибрить, я эти часы прямо у него из кармана вытащил!

- Вот и вся благодарность. – Подумал Пётр Петрович.

- Ну и что, – скажешь ты, дорогой мой читатель, – а другие - то скажут, что это не так.

- Дорогой ты мой, если другие про тебя говорят хорошо, никто помнить этого не хочет. Кому нужно помнить, что ты лучше их. А вот если про тебя скажут плохо, это всем нравится, на твоём фоне они то хорошие. И это будут помнить все, ещё и другим расскажут. Так, что все старания Неугомонного пошли прахом!

И тогда Пётр Петрович решил пойти другим путём. В селе кроме ветеранов – фронтовиков, проживало ещё десяток старушек - вдов, умершие мужья которых были фронтовиками. И Неугомонный решил плоды благодарности собрать через них. Пригласил к себе председателя Совета Ветеранов Авдеева Степана Ивановича, бригадира – пенсионной строй бригады Виктора Петровича и обратился к ним с просьбой:

- Уважаемые ветераны, а давайте мы окажем посильную помощь старушкам – вдовам, у многих на их усадьбах повалилась ограда, у некоторых крыши текут, да мало ли ещё, что нужно отремонтировать. Я договорюсь с материалами, а вы поможете в меру ваших сил с ремонтом. - На что приглашённые, согласились беспрекословно и даже с большим вдохновением. Но вдруг бригадир Виктор Петрович заявил протест:

- Ты извини, Пётр Петрович, но к Кузьминешне мы не пойдём. / *Как оказалось, эта вредная старуха, то же была вдова фронтовика* /.

- Почему? – Опешил Неугомонный.

- По тому, что она потом всем будет рассказывать, что мы ничего не умеем, толком ничего не сделали, а только выпрашивали самогон. Что хочешь, делай, а к ней мы ни ногой.

- Ладно, делайте у других и за это большое спасибо. – Согласился Глава, а про себя подумал. – Пойду сам поправлю ей оградку, может и спасибо скажет, по селу всем разнесёт, она бабка болтливая, всё же какая ни какая, а благодарность.

И в намеченный день, взяв дома ящик с инструментами и гвоздями, Петр Петрович подался к старенькому дому Кузьминишны, необходимые

материалы мужики доставили накануне. Увидев Неугомонного с инструментами, бабка удивлённо вылупила глаза:

- «Ни ушто» сам «ряшил» заплот «ремантировать», щеголь, а ты «хуш» молот - то в руках «умешь дяржать», « смори» испортишь «древясину», поеду в «рыйон» с жалобой.

- Не «бойсь» бабка, - бодро ответил Петрович, – я же не всю жизнь в канторе просидел. Ты бы лучше шла блины печь, забор починим, перекусим.

- «Можа табе ящё» самогону «напузырить»? - Ехидно спросила бабка.

- Съел блинков, чуть не подавился, - подумал Пётр Петрович и с остервенением начал раскидывать гнилые жерди.

Бабка не уходила, внимательно наблюдая за действиями «щеголя», как бы чего не натворил непотребного. Петр Петрович почти без отдыха, под зорким наблюдением, уже заканчивал работу, всё ещё надеясь на бабкину благодарность, как к дому Кузьминишны, заинтересованная происходящим, подошла соседка:

- Кузьминишна, а «чой-то» тебе ограду сам Глава ремонтирует? – Донеслось до Неугомонного. Ответ бабки сразил наповал Петра Петровича.

- «Дык» вот «Губернатыр яму» наказал: Если заплот Кузьминишне не починишь, с работы «сыму», вот он и «стараица», вишь как употел, «не отдыхат дажа». Любит «у канторе сядеть» «боица што с работи сымуть».

Петр Петрович забил последний гвоздь, зло про себя мотюгнулся и, не оглядываясь, пошёл от дома злобной старухи.

- Эй, щеголь, а «самогоночки не хошь рази», - ехидно бросила в след бабка.

-«Подавись ты, своей самогоночкой», - подумал в конец раздосадованный Пётр Петрович. И так ему вдруг, от обиды, захотелось выпить, что спрятав в крапиву ящик с инструментами, свернул в проулок, по которому можно было напрямую дойти до магазина. Видимо еще был

обеденный перерыв, на крыльце толпилось много народа и, подойдя к магазину с боку, он решил пока на народ не выходить. Услышав своё имя, произнесённое в очереди, Пётр Петрович прислушался:

- Дал бог нам Главу Администрации, везде порядок навел, - произнёс женский голос.

- Да и пенсионерам помогает по мере сил, - подхватил другой.

- А как он этим вороватым козлам хвост закрутил, – восхищённо сказал мужской.

- В других сёлах говорят: «Нам бы такого Главу», - произнёс голос председателя Совета Ветеранов.

У Петра Петровича перехватило дыхание, на глаза навернулись слёзы, он тихонько, чтобы никто не услышал, отошёл от магазина и быстро зашагал в сторону своего дома.

- Да, какой же я глупый, оказывается не та благодарность, про которую кричат, получив подарок, а та, которая глубоко хранится в сердцах людей, безошибочно определяющих, что ты за человек и достоин ли ты их благодарности. – Подумал Пётр Петрович и горькую пить не стал. Не к чему!

Вот и закончилась очередная глава, дорогой мой читатель, я буду тебе благодарен, если ты до сих пор выдержал процесс нашего собеседования.

Извини, что я к тебе обращался на «ты», но мы же с тобой договаривались, что будем друзьями, а какие же друзья обращаются друг к другу на «вы», ну может быть только закоренелые бюрократы. А мы же не такие!

1994 – 2000 г. г

Часть третья.

Назойливые мысли.

Мысль первая. События Московские.

Пётр Петрович Неугомонный, теперь уже не Глава Администрации, а просто человек, подперев голову рукой, сидел на своей пасеке. Почему не Глава? На этот вопрос, я отвечу в одной из следующих глав, уважаемый мой читатель. Так вот, сидел он и любовался на то, как пчёлы честно выполняют свой долг, работают «не покладая своих ножек» и нет у них ни нищих, ни олигархов, все за одно, но просто до изнеможения все свои. И вот на этом фоне, дорогой мой читатель, в его умную голову лезли со своими претензиями разные крамольные мысли, он машет руками иногда, хочет их отогнать, а они опять за своё, лезут и лезут, льются прямо рекой. Давай и мы с тобой, помнишь, как в прошлый раз, окунёмся в эту реку, но ответственности на себя брать не будем. Вдруг посадят!

«В двухтысячном году в России произошли события знаменательные, но просто неожиданные, такого даже мой прапрапрадед не мог вспомнить, - думал Неугомонный, - толи по тому, что память плохая, а может по тому, что такого не происходило, кто знает. Но произошло!»

Наш президент господин Ель-Цин /прямо китаец какой-то/, видимо окончательно бросил употреблять «московскую», он бы не бросил, но после операции на сердце, пить ему запретили. И вот в трезвом виде, увидев, что он натворил за годы своего царствования, как ни странно это звучит, пришёл в ужас и на голове его волосы стали дыбом. И прямо с такой причёской в Новый двухтысячный год, он пришёл в студию на телевидение и на всю страну объявил:

- Всё я ухожу, сам не понимаю, как это вышло, вижу, что не прав, но исправить всё содеянное, у меня сил нет! По тому прошу прощения и за то, что девяносто пять процентов населения стали нищими, и за то, что остальные пять процентов захватили всё в свои поганые руки и теперь жируют. И за то, что не могу справиться с террористами, уничтожающими

наш народ, и за то, что барабанил на американском барабане, под дудку Била Клинтона. Каюсь, был пьян! Простите люди «добрыя»! – в общем, ушёл, правда, забыл извиниться за то, что не сумел собрать паровоз, ну да хрен с ним, мы люди не гордые простим за всё.

А на это место пришёл новый президент, свято место пусто не бывает, его не отлавливали демократы, не всучивали ему разбитый паровоз. Пришёл он сам, неожиданно. Он не был комбайнером, не строил панельные дома, а основным его занятием было охранять эти дома и строителей с комбайнёрами от посягательств внешних и внутренних врагов. Фамилия его была Петербуржский, и как оказалось – он был человек путный / *в переводе с народного зыка - настоящий* /.

Он не стал собирать разбитый паровоз, а поставил сразу на рельсы электровоз и к нему прицепил вагоны, те которые, ещё не успели далеко укатиться от намеченного пути, а вагоновожатым, пытавшимся раскачать эти вагоны, он тут же, как говорится: не отходя от кассы, переломил хребет и посадил новых.

- Не совсем уважаемые олигархи, - обратился он к тем пяти процентам, которые прикарманили всё, – даю вам срок, не большой, чтобы вы половину из того, что сперли, вернули назад, народу, и чтобы за всё заплатили налоги и пеню, которая набежала в невероятных количествах. Иначе плачет по вам тюрьма «Матросская тишина» со всеми вытекающими последствиями, и полная конфискация не законно приватизированного имущества. Некоторые, видя, что он не шутит, согласились с предъявленными им претензиями, но самые богатые быстро метнулись за границу и стали английскими подданными.

- Удивительное дело, неужели в Англии своих расхитителей мало? -
Удивлялся Петр Петрович.

- А вы террористы поганые, змеи подколодные, - обратился президент Петербуржский к бандитам, обосновавшимся на северном Кавказе, – имейте ввиду, что с сегодняшнего дня, я вас буду давить, как вонючих клопов, а особо злостных буду мочить в сортире!

И террористы поняли, что это не Ель-Цин, которому можно было вешать лапшу на уши, а настоящий джигит и им никак не хотелось, чтобы их замачивали не в водах Терека, а в нечистотах сортира, поэтому они стали сдаваться. А те, кто не успел сдаться, либо спрятаться были истреблены, как бешеные собаки.

- А ты, уважаемый Бил Клинтон, если будешь совать свой нос, со своей дудкой в наши дела, то я барабанить не стану под неё, а обещаю тебе этот барабан натянуть на твою паршивую голову. Гуд бай май фрэнд! Запомнил, что я тебе сказал?

Зарплату вскоре стали давать деньгами, и во время, пенсию тоже. Вспомнили, наконец, о том, что фронтовики спасли нашу Родину и предоставили им заслуженные почести и привилегии. В общем, жить стало не совсем хорошо, но сносно, особенно в зонах Москвы и Петербурга. Живи и радуйся, ан, нет. То ли чёрт их дёрнул за ухо, толи они решили, что если президент им доверил губернаторскую должность, то им всё можно. А почему нет? Ведь доверенные лица господина бывшего президента имели на то право. В общем, губернаторы стали приворовывать, и если бы только на пропитание, так нет прямо стали тырить миллиарды из областной казны. Сопрут и тут же себе за границей купят маленький домик квадратов на пятьсот, а то и того больше и делают невинное лицо.

- Куда дели? – Спросят их областные депутаты.

- Так бензин подорожал, – застыдившись и опутив глазки, отвечают губернаторы, – электричество то же, того.

- Чего того? – не унимаются депутаты.

- Как чего, того, на месте не стоит, а у нас, сколько в Администрациях светильников, а в гаражах машин – масса, вот оно и того.

Депутаты чувствуют, что их обманывают, а доказательств нет, вот некоторые из них, глядя на все эти безобразия, тоже начинают подворовывать, сначала, а затем воруют всерьёз.

И делают всё это областные руководители, не обращая внимания на то, что творится на вверенных им территориях. Не дают, допустим, шахтёрам зарплату, никому дела до этого нет, заваливаются дома у людей от ветхости, мрут люди, как мухи, потому, что дороги такие, что не только скорая помощь, но и танк не пройдёт, и опять до этого никому нет дела.

И тогда люди стали обращаться со своими бедами к президенту, а он начал по всем жалобам выезжать на место. Приедет в одно место - сразу зарплату выдают, приедет в другое - дома ремонтируют, приедет в третье – дороги строятся. Тут до него начало доходить:

- А, что же я везде езжу и решаю вопросы за губернаторов, а они то чем занимаются, пока я езжу? – и тут открылась такая картина, что он захотел в ключья изорвать то полотно, на котором она была написана.

И этих казнокрадов, взяточников пачками стали сажать в тюрьму, специально для них построенную. Но, что удивительно, их меньше не становилось, и даже глядя на них, задумались министры. И один из них, министр экономического развития страны господин Увлекаев говорит своей жене:

- Послушай Маша / или Даша, я точно не помню, да и Петрович тоже /это, что же такое творится, я страну экономически развиваю, а эти подонки крадут доходы, полученные от её развития, берут взятки. Чем я их хуже? – Вопросает он у Маши, своей жены.

- Что ты, что ты, Увлекаев ты итак получаешь два миллион в месяц, на кой тебе взятки, попадёшь в тюрьму, передачи носить не буду!

Но министр был упрямый и свою Машу не послушался, и так увлёкся этими взятками, что попал в тюрьму, но странное дело – не очень об этом пожалел. И губернаторы, которые в ней сидят, особой грустью по этому поводу не удручены, толи по тому, что уверены, что им всё равно ничего не будет, то ли ещё почему.

- Почему же? – Ломал себе голову Петр Петрович.

Всё разгадал местный воришка села Горёвки Цементно – Шиферного района Энской области Ефимка, по кличке «Тать». Украл он у соседей барана, хотел, подлец, шашлыком полакомиться, дали ему пять лет с конфискацией, а как же, не губернатор же и не министр, по тому пусть последнюю простыню отдаст, не чего из себя корчить настоящего ворюгу.

Так вот фамилия у этого воришки была Губернаторов, надо же парадокс какой, а барана, которого он украл, звали Брильянт, видимо по тому, что он был единственной скотиной на дворе владельцев. К тому времени, никакой скотины в сёлах почти не осталось, ни личной ни общественной / примечание автора, а он зря брехать не будет /

Прочитав в обвинительном приговоре, что этапиремый к местам отбывания наказания гражданин Губернаторов, а украденным оказался Брильянт, главный надзиратель этапа вздрогнул и матюгнулся:

- Опять очередной Губернатор брильянты спер, - и приказал отправить горёвского воришку в Москву, в тюрьму особого назначения, где он попал в камеру к бывшему министру Увлекаеву.

- Ох, мать твою за ногу! – Удивлённо воскликнул Ефимка, оказавшись в тюрьме, и как он после рассказывал всем, там было чему удивляться.

Во- первых, его перед тем, как определить в камеру, переодели в дорогие заграничные шмотки, он сидел не первый раз, и очень этому удивился:

- Видимо депутаты не зря заседают в каком – то там Белом доме, - думал Ефимка, – ишь, закон какой дельный придумали в отношении заключённых. - И открыл дверь в камеру.

Во- вторых, такой чистоты и такого комфорта он от роду не видел, а некоторые приборы и вещи в его сознание никогда не появлялись. «Камера» была больше его захудалой халупы в селе Горёвка, раза в четыре . На стене висел большой экран, Ефимка раза два ходил в клуб в кино, по молодости, и видел тряпичные экраны. Подошёл, пощупал:

- Чёрт знает, что, - зашевелилось у него в мозгах, но спрашивать не стал, а вдруг «пахан» останется не доволен, пиши - пропало. Он хорошо помнил лагерные порядки, а по гордому виду Увлекаева сразу понял, что тот «пахан».

- Где моя «шконка» */лежащее место в камере/?* – спросил Ефимка, на что «пахан» удивлённо поднял глаза и ничего не ответил. Тогда воришка присел на свободную. Это было что - то, «шконка» была необъятно широкая, постель до того чиста и накрахмалена, что от её скрипа Ефимка вскочил и больше не садился до самой ночи. Он захотел посетить туалет. В палатах / иначе «Тать» эту камеру не мог назвать /было ещё две двери, кроме входной. Одна из них была двойная, изготовленная из добротного металла, белого цвета и на ней были выведены иностранные буквы, которые Ефимка совершенно не мог понять, так как он и русских то букв не знал.

Другая была сборная из разного вида драгоценных сортов дерева, выведенные на ней узоры, напоминали морозные разводы на стёклах халупы его дома, в селе. Ефимка подошёл к белой двери и потянул одну створку, картина, представшая его взору, поразила узника, как гром среди

ясного неба. За дверкой на полках находилось огромное количество пищевых деликатесов, ешь - не хочу, Ефимка забыл, что ему надо в туалет и хотел уже набросится на невиданные чудеса этого хранилища, но тут «пахан» не довольню кашлянув, произнёс, наконец, справедливую фразу, скорее задал вопрос:

- Эй, ты Губернатор, ты в этот холодильник чего, ни будь, клал?

- Нет! – Инстинктивно выпалил Ефимка, быстро захлопывая дверку.

- Привыкли грести там, в губерниях чужое...- ворчливо гудел «пахан»

Ефимка понял, что промахнулся и открыл не ту дверь:

« Всё я пропал», - думал горестно воришка, не милость « смотрящего» верная гибель.

Но делать не чего, желание подпирало, и он, не надеясь на ответ сокамерника, сам без спроса открыл вторую, деревянную дверь. И опять был поражен, у него дома не было унитаза, так как туалет по кличке «сортир» находился в огороде, но он видел унитаз в местной Администрации, но то, что он увидел здесь, отличалось от административного, как «Мерседес» от «Оки». Здесь было всё, даже подъёмник, видимо для того, что бы поднимать зашедшего сюда по нужде осуждённого с унитаза, если вдруг того хватит хандроз. Кругом стоял апельсиновый аромат. Ефимка долго бегал вокруг, не зная как пристроится, наконец, залез с ногами на жерло туалетного произведения искусств. Остальное описывать нет желания, да и не к чему.

Через час примерно принесли обед, и опять удивлению Ефимки не было границ, он ожидал, что как всегда злой надзиратель, открыв дверь, швырнёт чашку с помоями и грозно рявкнет: «Жри» Но произошло всё иначе, официант в белом халате закатил тележку с расположенными на ней продуктами. Чего там только ни было: мясо в разных вариантах, пареное, жареное под различные гарниры и соусы, салаты любые, овощи фрукты и много ещё того, чего Ефимка никогда не видел в глаза.

«Вот это «пахана» кормя», - подумал он. Но официант подкатил к нему тележку тоже, и вежливо попросил :

- Уважаемый, выбирайте скорее, мне ещё три камеры обслуживать.

Ефимка схватил всё, что стояло на первом ярусе тележки, и поставил на свой широкий стол, он уже догадался, что ближний к его логову стол, принадлежит ему. Официант удивлённо посмотрел на него, но ничего не сказав, покотил тележку дальше, а вновь поступивший заключенный, набросился на еду с такой яростью, что «пахан» съёжился от ужаса.

-«Не дай такому во время поесть, он и меня сожрёт, - подумал он, – скажу ему, пусть ест всё, что захочет из холодильника. От греха подальше».

Глядя на вновь прибывшего заключенного, Увлекаев и весь обслуживающий персонал всё больше впадали в сомнение:

« Неужели это Губернатор? – Думал бывший министр, – не уж- то так низко пал выбор руководящего состава на местах?» - И когда Ефимка столовым ножом на кафеле в туалете вывил «не забуду мать родную» все вышеназванные особи обратились « в комиссию по надзору за исполнением наказаний» И тут выяснилась ошибка допущенная старшим надзирателем этапа. С него сняли лычки, а с Ефимки взяли подписку о неразглашении, за что он попал под амнистию и скоро был дома, в селе Горёвка.

Вот от него- то Пётр Петрович узнал, почему осужденные губернаторы не очень сетуют на их содержание в местах не столь отдалённых. Ефимка «раскололся» по пьянке, но на другой день одумался и замолчал накрепко, больше об этом случае от него никто не услышал.

« Сталина на них нет, - думал Пётр Петрович о расхитителях государственной казны, – вот они настоящие враги народа, а не те, кто был в плену или сболтнул что по неразумению. /Простим ему эту реплику, дорогой мой читатель, ты же помнишь, он сам был всегда против действий Сталина, но это особый случай. « Грабя свою страну, ты «гад»

напрямую помогаешь врагам её» – это уже наше с тобой обращение к расхитителям./

На этом Пётр Петрович прервал свои мысли, ему надоело сидеть на пасеке, подперев голову руками, и он пошёл в огород пропалывать морковь.

Мысль вторая. О событиях в Энской области.

1

Сколько прошло времени, я вам точно сказать не могу, но как-то так случилось, Пётр Петрович снова пришёл на свою пасеку и, подперев голову рукою, вновь задумался. Нет, уважаемый читатель, ты не подумай, что он был лодырь, и редко занимался своей пасекой, ей-то он как раз занимался регулярно, но чтобы вот так, с подпертой рукою головой задумываться, вместо того, что бы качать мёд, такое случалось редко.

Ну, давай - те и мы проникнем в его мысли, как договорились ранее, и узнаем, о чём думает этот пытливого ума человек.

- Да, многое потеряла Энская область за период правления этого строителя Ель-Цина. – Думал Пётр Петрович – Раньше она славилась производством стали, цемента, шифера, производством панелей для строительства домов, добычей угля, производством сельскохозяйственной продукции и многими прочими достижениями. Всё было потеряно, больше, чем в половину.

Родственники Петра Петровича жили в городе Шахтёрске, работали в основном шахтёрами, сам он, хоть и родился в селе, но некоторое время работал на машиностроительном заводе этого города, завод производил шахтовое оборудование. До перестройки на заводе работало три тысячи рабочих, в три смены, а теперь осталось триста, в одну смену, а некоторые цеха закрыли совсем. Из пяти шахт действующими остались две. На

стеклозаводе китайцы разместили швейную мастерскую и шили штаны для бюрократов среднего сословия.

В Цементно- Шиферном районе закрылись заводы по производству шифера и цемента, а так же домостроительный и мясной комбинаты.

Сельскохозяйственное производство / совхозы /, в первые же годы правления царя Бориса, « приказали долго жить» . Едешь, бывало, по области, и душа радуется, до самого горизонта колосится пшеница, на лугах пасутся коровы, кур правда не видно, они на ветках не сидят, но все точно знали, что в области имеются десять больших птицефабрик, которые регулярно производят миллионы яиц и сотни тонн птичьего мяса.

А теперь едешь по северным районам области, до самого горизонта на полях колосится бурьян, а луга начинают зарастать берёзой и осинником. Подъезжаешь к селу, и тебя на въезде встречают, ошетинившись рёбрами, разобранных крыш, и зияя провалами разбитых окон, бывшие коровники, телятники, тракторные и автомобильные гаражи. И лишь несколько птицефабрик уцелело, за счёт того, что их выкупили, разбогатевшие на добычи нефти люди, из соседней северной области.

Но, что никак не укладывалось в голове Петра Петровича, видимо мозги остались коммунистические / он всё- таки длительное время состоял в этой партии, и заявления, как делали многие, на выход из неё не писал, но и обновлённых коммунистов признавать не хотел./ Так вот о его голове, что же в неё не укладывалось, так это то, что, не смотря на всю разруху, газета «Энский капиталист» писала, что производство зерна в области возросло в два раза, а молоко льётся рекой и девать его не куда. А про мясо и говорить не приходится, стали продавать китайцам. Петр Петрович специально завёл свою машину и поехал искать эти поля на которых колосилась пшеница в два раза продуктивнее, чем раньше, но сколько ни ездил, пшеницы не нашёл, коров тоже и очень расстроился:

- Видимо, я чего-то не понимаю, - горевал он, – а может, не вижу того, что видят другие. И ещё раз завёл машину, взял с собой внука, выехал в поле и спросил его:

- Милый мой внучек, я надеюсь, ты не будешь обманывать дедушку. Скажи, что ты видишь в этом поле?

- По моему это сорняки, бабушка, когда пропалывает грядки, такую траву выбрасывает с огорода.

- А не видишь ли ты там коров, либо доярок, которые бегают с подойниками в поисках тары, чтобы вылить молоко.

- А кто они, такие, дедушка? – Вылупил глазёнки внук. – Это Бэтманы или Ниньдзя, может быть, они прячутся в этих сорняках, пойдём, поищем их, дедушка.

-Нет внучек, там мы их не найдём, они прячутся в газете «Энский капиталист», - на конец-то догадался, в чём тут дело Неугомонный.

2

Но народ Энской области утративший прежнюю славу производителя, нашёл всё таки возможность завоёвывать высокие проценты в другой сфере деятельности. И этот процент помогал ему удерживать доморощенный избиратель.

- Что это за страсть к избирательному процессу и с чем её едят? – Спросишь ты, уважаемый мой читатель.

-Я думаю, что Пётр Петрович объяснит всё, и прекрасно справится с этой задачей, так как он всю сознательную жизнь принимал участие в организации и проведение предвыборной и выборной компаниях.

- Так вот, при социализме этот процесс был прост, как дважды два. - Вспоминал Пётр Петрович. - Из Москвы отправляли депеши по областям с готовой кандидатурой, утверждённой в ЦК КПС, например Сталин И. В. / не

пугайся уважаемый, это я так, его вспомнил, чтобы ты слегка встрепенулся, а не спал над моими размышлениями / и всё. Во всех областях собирали партийные собрания и, какой ни будь рабочий, выдвигал кандидатуру, вбитую ему, перед собранием, в голову парторгом. И так по всей стране. Не нужно ломать голову, кандидатура одна, пришёл, проголосовал и, баста, иди, получай доступ к пиву и яблокам, которые специально доставлялись к этому мероприятию. Чтобы, избиратели не тянули резину, а шли скорее на участок, а то прозеваешь, и хрен тебе, а не пива с яблоками. Вот такой простой процесс. Иногда это мероприятие усложнялось, из Москвы требовали, чтобы руководители области сами предлагали кандидатуру. Но с определёнными параметрами / *требованиями к их фигуре* /. Например, нужна обязательно доярка, она же комсомолка, она же мать двоих детей и жена тракториста, награждённого медалью «За освоение Целинных и Залежных земель» и находили, как миленькие, попробуй не найди, попадёшь на бюро, с портфелем, а оттуда, уже выйдешь без него.

Затем доярку отправляли на Съезд депутатов СССР, а она упиралась:

- Не поеду, – кричала она, – пока я по съездам буду мотаться, моих коров испортят, и я вылечу из состава передовиков производства!

- Ах так, - отвечал ей местный парторг, – не поедешь, тогда мы отберём у твоего мужа медаль «За освоение целинных и залежных земель».

И она ехала и, попав во дворец Съездов, тут же начинала управлять страной и все избиратели гордились:

- Ишь, что наша доярка-то творит!

А не гордился только её муж, ему нужно было подымать залежные земли, одновременно ухаживать за двумя детьми, кормить их и готовить себе пищу, кроме того доить собственную корову. И он, хватаясь за голову, восклицал:

- Чёрт меня дёрнул добиваться этой медали. - Но было уже поздно, земли распаханы, медаль красуется на груди.

Другое дело стало теперь. С большим количеством вновь возникших партий, мы уже встречались в селе Горёвка, но это в селе, а что было в городах, и особенно в Москве, не укладывается в голову, а в бюллетени для голосования укладывалось. Бывало, зайдёт избиратель в кабину для голосования, а этот бюллетень на столик не вмещается, и чтобы долго не путаться, избиратель чиркнет, где придётся, и в буфет, чай бесплатный пить. Но это не наши избиратели.

А вот избиратели нашей Энской области голосовали всегда, так как надо, за кого им скажут тот и буде избран. За Ель-Цина, значит за него, на тебе не жалко. За демократов, хорошо, будут демократы. За партию «Единая страна» или ещё какую, не вопрос, за какую скажут, на тебе, девяносто процентов - готово. Прямо зуд какой-то идти, скорее, голосовать, так как надо. Стоят безработные в конторе «службы занятости», перегаром прёт, чиркни спичку, всё на воздух взлетит, а тут вдруг кричат:

- Господа, голосовать надо!

- За кого? – доносится из очереди – А за этого, пожалуйста, сколько угодно.

Жители разорённых деревень, ходят и клянут всех подряд, работы нет, больница далеко, школу закрыли, и вдруг:

- Товарищи! – Деревенские ещё не привыкли к слову «господа», - Голосовать!

И эти забытые проблемами люди, вострепнутся и летят, сломя голову, на избирательный участок, что бы проголосовать за того, за кого надо.

Пётр Петрович, работая Главой, всегда был против такого голосования. Единственный кандидат, за кого он бы отдал не только голос, но и руку вместе с бюллетенем, для него был президент Петербургский, он как

вспомнит, что творилось до него, до этого президента в стране, бежит первый на участок, даже если там нет пива. А вот, что касается партий, тут он пытался всегда соблюдать демократический подход. Во первых этих партий должно быть не более двух, но на худой конец трёх единиц. Во вторых считал, что если разрыв в голосах между ними не большой, то они, чтобы, к следующим выборам, поднять свой авторитет, будут что-то делать для улучшения жизни народа, а когда партия получает восемьдесят – девяносто процентов голосов, зачем этим партийцам волноваться, сиди в Белом доме, да посапывай по-тихому.

И он всегда удивлялся, как это избиратель Энской области голосует всегда правильно, за кого скажут, за того и девяносто процентов. В соседних областях более менее голоса распределяются между основными партиями равномерно, а в Энской, всегда впереди нужная партия. Что за избиратель? А как оказалось, избиратель был не при чём!

На выборах президента Ель-Цина, Петр Петрович, как всегда был ответственный за избирательный участок села Горёвка / *в то время ещё «Забывший путь к Коммунизму»*/, а директором птицефабрики «Петушок золотой гребешок» был ещё Хапугин, и ему, этому Хапугину действующий президент нравился и он собрав рабочих птицефабрики, всех предупредил:

- Вот, что холопы, если вы не проголосуете за Ель-Цина, я из вас половину уволю после выборов!

И избиратели села Горёвка проголосовали на пятьдесят один процент за этого кандидата, в селе жили не только рабочие птицефабрики. Приехав на районный участок, с готовыми результатами, Петр Петрович получил выволочку за низкий процент нужных голосов, а премию не получил, ну да бог с ней с премией, удивительно было другое. В газете «Шиферный вестник», которая опубликовала результаты выборов по всем сёлам, в графе проголосовавших за Ель-Цина в селе Горёвка, красовалась цифра 75%.

- Видимо ошибка. – Подумал Пётр Петрович и правду искать не стал.

Другой случай окончательно убедил его в том, что его демократия несколько отличается от демократии представителей областной Администрации. Проходили выборы в депутаты Государственной думы. Главными претендентами на выдвижение были три партии: « Коммунисты за мной», «Либералы не зевай» и «Единая страна не отставай». Область делала ставку на партию «Единая страна не отставай». Возможно, в селе Горёвка эта партия и получила бы большинство голосов, но в то время директором птицефабрики был уже Маратка Ильдусов, а так как он везде представлялся фаворитом Губернатора, то естественно сразу занял место председателя этой партии, по совместительству. А люди уже начали понимать, кто такой Маратка, и проголосовали не против партии, а против председателя, в общем, победила партия коммунистов. Что творилось в районной Администрации, когда Петр Петрович в кабинете районного Главы Ископаемого, доложил о результатах, это надо было видеть. Ископаемый потерял дар речи и лишь махал руками, показывая на дверь, проваливай, мол, пока я тебя пепельницей не огрел. Но больше всего Неугомонного поразила фраза сказанная представителем Обладминистрации :

- Ах ты паршивый коммуняка! – сказал он. А ранее до наступившего капитализма, этот человек отработал несколько лет заведующим отделом пропаганды коммунистического Обкома партии Энской области !

А через два дня газета «Цементный вестник» опубликовал результаты голосования по сёлам района. В графе против села Горёвка стояла цифра 90% за партию «Единая страна не отставай»

С работы Петра Петровича не выгнали, но отложили этот случай себе в памяти до лучших времён.

Солнышко стало клониться к горизонту, пчелиный гул стал постепенно затихать, Пётр Петрович очнулся от воспоминаний, и пошёл к вечерней трапезе.

Мысль третья. Баранки Цементно – Шиферного района.

1

Пётр Петрович, сидел на пенёчке на пасеке и обвязывал рамки, на которых затем размещались соты, любимый объект пчёл, на них проходила вся трудовая и личная пчелиная жизнь. Руки Петра были заняты, а голова свободна и мысли разместившиеся в ней продолжали развиваться с необычайной настойчивостью, можно сказать даже навязчиво. Он их гонит от себя через рот, а они возвращаются через нос назад, и никакой управы на них нет.

- Вот ведь, как в жизни бывает, - настойчиво долбят по мозгам эти мысли, – люди думают о человеке одно, но проходит время и он предстаёт им совсем в другом облике, как говорится в другом цвете. Вот вспомни, к примеру Сталина, */опять! возмудишься ты, мой дорогой читатель/* да, именно его, вспомни, при жизни он был «отец всех народов» «родной брат каждому», а умер и оказалось, что он был тиран и кровопийца.

Так произошло и у нас,- вспомнил Петр Петрович бывших глав района Романовского и Шарабановского, - они были признаны когда-то слабохарактерными и отстранены от должности Губернатором за недалёковидность. Но, как оказалось, всё это неоправданные наветы и только благодаря им Цементно-Шиферный район ещё существует.

- Как так! – Возмудишься ты, мой дорогой читатель. – В районе не стало шифера и цемента, не стало «домостроительного комбината», а так же

совхозов и многого другого. А ты вместе с Неугомонным, пытаешься разместить на наши уши лапшу.

- Не мешай, ровно бегущим мыслям Петра Петровича, повремени с выводами и ты скоро всё узнаешь.

- Так вот - продолжал думать Неугомонный, не справившись с этими мыслями и не сумев от них отделаться, он позволил полностью им завладеть его мозгами. – Так вот действительно в районе ничего не осталось, но осмелюсь тебе напомнить, дорогой мой, о том маленьком заводике, что разместился за дряхлым заборчиком, на окраине Цементно-Шиферного посёлка. Этот заводик не производил свечи для церковных нужд, как у Ильфа и Петрова, но обладал не меньшей ценностью, чем тот. А производил он в три смены баранки, да, да те самые без которых русский человек к самовару и близко не подойдёт. И вот этот- то заводик сохранили выше озвученные Главы. Мало того они ещё выгодно продали его в частные руки, которые принадлежали умелым людям. И если раньше этот заводик кое- как сводил концы с концами, то теперь он стал приносить огромные доходы и обеспечил большое количество жителей района работой.

-А всё почему?

- Да по тому, что голова у этих людей работала не плохо. Раньше выпекались просто баранки, для низших слоёв населения, а теперь стали выпекать баранки с маком, а для олигархов мак, это самое потребное вещество для организма. И попёрли эти баранки возами на Москву. А когда объединились с заводом «Тульский самовар» дела пошли ещё лучше. Везут баранки из Энской области в Москву, заезжают в Тулу, берут самовары и надевают на них связку баранок с маком, что тут сразу творится, московские олигархи в очередь, подай им самый большой самовар с самыми большими баранками, густо обсыпанными маком, а иначе они жить не желают. Вот и попёрла прибыль на заводик, а он разросся и стал уже комбинатом, налоги

платит изрядно, район - то и ожил, так правда слабенько, но дышит. А эти ребята Романовский да Шарабановский пошли дальше, продали тем же частным лицам птицефабрику «Золотое яйцо», после того, как умер Колотозов Павел Иванович, царство ему небесное, как говорится. Фабрика тоже ожила, стала давать крупные яйца, иногда их даже путали с индюшиными. Вот и думай после этого, стоит ли делать скоропалительные выводы о людях. Ты о них с обидой, а им впору памятники ставить.

2

Пришедший на смену Шарабановскому Ископаемый, понимая приносимую комбинатом пользу, особого вреда ему не чинил. Потихоньку добивал своих подчинённых: сказал не так, в чёрный список, имеешь своё мнение, туда же и постепенно руководителей с этим их мнением, всех выставил с занимаемых ими насиженных мест. Пригрелся на месте, сиди и не тывкай, скажут к ноге, значить к ноге, не подполз во время, получишь сапогом в ры... т. е. в лицо. Попал и Пётр Петрович под этот сапог, но об этом чуть позже.

Так пинал, пинал Ископаемый страдальцев, да и самого пнули, как не оправдавшего надежды, по тому, как зерна не стало совсем, а всего прочего уже не было давно. Но перед этим он успел начать строительство часовни, прямо рядом с администрацией. Хотел, наверное, отмолить грехи, но не успел.

И пришёл ему на смену господин Коровин Н. А.. Как пришёл? Опять же через выборы. Первым пунктом в его программе был лозунг: «Каждому жителю района баранку в руки» ну как тут не согласится, некоторые поняли, что получают в руки баранку от автомобиля, и за три дня до выборов

организовали дежурство у избирательных участков, надеясь проголосовать первыми. А то вдруг автомобили кончатся.

Приступил господин Коровин к исполнению обязанностей Главы района и, странное дело, начал сразу достраивать часовню у стен районной администрации, будто бы заранее намекая на то, что грешить он будет напрапалу, безостановочно, а часовня строится для отпущения грехов, ходить далеко не нужно, согрешил, выскочил из администрации и в часовню, / прости господи./

Второе, что предпринял новый Глава, у многих вызвало приступ одобрения. Коровин, озабоченный отсутствием зерна и скота в районе, немедленно пригласил из института профессора по фамилии Мурлы – Баянов. Нет не для того, чтобы тот мурлыкал либо играл на баяне, а затем, чтобы с его помощью возродить былую славу сельскохозяйственного производства. И, в общем - то, кое - что начало возрождаться, появился господин Скоморохов и начал доить коров в одном из брошенных хозяйств. Стали строить мельницу на полях другого брошенного хозяйства и сеять долгожданную пшеницу.

Хотел новый Глава и добраться до директора птицефабрики «Петушок золотой гребешок» так как уже ясно было видно, что этому объекту птицеводства приходит «каюк». В общем вроде шло всё на улучшение дел во вверенном ему районе. Но видно не зря Коровин Н. А. строил часовню у стен районной Администрации. Вдруг неожиданно он отступился от советов профессора Мурлы – Баянова и стал прислушиваться к совету другого индивидуума - Пётр Петрович точно не знал, профессор тот был или академик, но точно знал, что он в области занимал высокую должность.

Так вот, новый консультант Бесфамильный, стал советовать господину Коровину, окончательно удивить жителей Цементно – Шиферного района тем, что уголь в Энской области покупать нельзя. / А эта область как раз

стоит на угле, пошёл в огород, капнул лопатой, получи пачку угля/. А покупать его здесь нельзя, так как он является пожароопасным. И что бы обезопасить район от возникновения очагов возгорания, нужно возить уголь из другой области, где его никогда ранее не было, но теперь он появился, правда, в два раза дороже энского. Но как сказал господин Бесфамильный:

- Овчинка выделки стоит.

И он оказался прав, уголь был совершенно безопасен, он не только не воспламенялся, но и не горел совсем, в принципе он и не мог этого делать, так как представлял собой кучи болотной грязи. Учёный Бесфамильный быстро смылся, получив гонорар за своё открытие, а Коровин завяз в привезённом им угле по самую репицу, к тому же в часовню его теперь батюшка не пускает, да и ходить до неё стало далеко, кресло в Администрации пришлось освободить.

Вспомнился Петру Петровичу и другой «подвиг» господина Коровина, о котором ему рассказал бывший директор птицефабрики «Петушок золотой гребешок» Божков А. Н. Ранее до того, как Коровин стал Главой, они с Божковым били приятелями, но как говорится: «Хочешь узнать человека лучше, напои его вином или дай ему портфель руководителя» Портфель в руках приятеля появился, и воодушевлённый этим, Божков решил обратиться к нему с просьбой. Нет не для себя, а для бывшего работника печатного слова, редактора газеты «Цементная правда» Маковой Т. В., она всю свою сознательную жизнь отработала в данном районе, писала райкомовские вести, затем административные, в общем, делала имидж различного рода управленцам. И в том числе Коровину. Так вот суть просьбы заключалась в том, что этой пожилой женщине, нужна была однокомнатная квартира, так как она осталась без жилплощади, как это случилось не важно, осталась и всё. Божков с большим уважением относился к ней и пошёл к Коровину. Тот принял старого приятеля хорошо, напоил чаем, обещал

оказать помощь Маковой. Стукнули по рукам и разошлись. Через несколько дней Божков зашел в редакцию и обнаружил там рыдающую Макову Т. В.

- В чём дело? – спросил, озадаченный, Божков, – Тебе, что отказали в помощи.

- Нет, - ответила, рыдающая, Макова, – оказали, вызвал меня Коровин и выдал билет на деляну с хвойным лесом на корню.

- А остальное делай сама. – Сказал он, – взяла я в руки топор, а он из них выпал. В общем, надсмеялся твой приятель надо мной.

Ну да бог с ним: «кто старое помянет, тому глаз вон» говорят англичане.

«А кто забудет тому оба» - добавили русские.

А в район прибыл новый глава по фамилии Учёный. Так как баранки стали дорогими, то всем жителям района обещать их стало накладно. И тогда был брошен лозунг: «Каждому депутату по баранке с маком, но без самовара» они - то и избрали единогласно нового главу. Говорят он вроде строгий и деловой, но нашим некоторым особям не угодись.

- «Чтой- то» он строгий, другие не строгие, а он... - и на зло, ему, то стекло выбьют, где, ни будь. То ножичком машину царапнут, чью ни будь. В общем, не перевились ещё пакостники на ... / *езде их, к сожалению, можно встретить/.*

А я так размышляю, - подумал Пётр Петрович, – пусть будут строгий и деловой, лишь бы не дай бог не начал эксперименты проводить с углём, а того хуже с баранками. Кончатся баранки и нам «каюк».

Петр Петрович отложил пчелиные рамки в сторону, отогнал, наконец обуявшие его голову мысли и пошёл пить чай с мёдом, а может быть и с баранками, густо посыпанными маком.

Мысль четвёртая. Страдания села Горёвки.

1

Всякие мысли, в конце концов, можно отогнать от своей головы, как назойливую муху. Если, допустим, привязались они на пасеке и вьются вокруг, как пчёлы – возьми и уйди с этой самой пасеки, куда, ни будь в лес, желательно, чтобы он был по гуще. Запутаются эти мысли в кустах и отвяжутся от тебя.

Но есть такие, от которых ни в кустах, ни на пасеке отделаться не возможно. Вот такие мысли обуревали, последние годы, умную голову */надеюсь это правда /* Петра Петровича Неугомонного. Прямо так и лезли, днём и ночью задавали одни и те же вопросы:

- Как так получилось, что какой-то паршивый Маратка Ильдусов разорил село Горёвку до основания? Оставил людей этой несчастной деревни без работы, а некоторых без пенсии. Где были эти многочисленные районные и областные руководители? Неужели никто не видел, что творит этот «прощелыга», прикрываясь лохматыми областными и районными руками? Зачем их тогда выбирали? Не за шифер же и баранки, а надеялись на их ум, честь и совесть. А они, оказывается, просто сидели и протирали свои китайские штаны.

Петр Петрович видел, к чему приведёт безумное управление производством Маратки Ильдусова и вместе с бывшим директором Божковым ходили по инстанциям и били в тревожные колокола. Их успокаивали, что всё, мол, происходит под их неусыпным контролем и опасаться нечего, намекая при этом на то, что дело-то теперь не ваше, валите и не лезьте не в свои дела. А один областной вождь прямо заявил:

- Господин Божков А. Н. не думай, что ты самый умный, таких управленцев, как Ильдусов надо ещё поискать. Это отличный хозяйственник, который добьётся высокого подъёма, вверенного ему производства!

Добился – разорил птицефабрику и смылся.

Но, дорогой мой читатель, давайте проследим за мыслями Петра Петровича по порядку. Выше мы уже останавливали свою мысль на том, что Глава Горёвской Администрации Неугомонный и Глава Цементно-Шиферного района Ископаемый не сошлись, как говорится, характерами, и не уступчивый Пётр Петрович попал в немилость, на почве земельного конфликта. Затем этот конфликт усугубился не правильно проведёнными выборами в думу по Гарёвскому избирательному участку. Так вот на этом конфликт не закончился, а всё нарастал, как вулкан, который вот, вот должен был рвануть. И это произошло.

Последней каплей, взорвавший этот вулкан, как не странно это звучит, оказалась бесхозная электроподстанции / *попросту - трансформаторная будка*/ в селе Горёвка. Как так получилось, что эта будка не имела своего хозяина, никто до сих пор не знает, «Энский энергосбыт» от неё отказался, птицефабрика «Петушок золотой гребешок» во главе с Мараткой тоже. Казалось бы, отказались и дьявол с ними, но беда в том, что через этот трансформатор получали электроэнергию жители трёх улиц в Горёвки, кроме того детский сад, школа искусств, библиотека и сельская Администрация. А за использованную электроэнергию нужно было куда-то платить. Но оплату принимать отказывались и «Энергосбыт» и птицефабрика, мотивируя отказ тем, что трансформатор данный, им не принадлежит. Зная, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, Пётр Петрович каждый отказ фиксировал на бумаге и заставлял представителя данной организации ставить свою подпись и штамп. В результате этих письменных отказов набралось не мене дюжины. Затем, с помощью юриста

районной Администрации, он подготовил акт, в котором, согласно, заключённого договора, сторона отказывающаяся принять оплату за отпущенную электроэнергию, в дальнейшем не имеет права предъявлять какие либо претензии к потребителю, прости меня и Петра Петровича, мой уважаемый читатель, за этот казённый язык.

В один из дней Неугомонного срочно пригласили в районную Администрацию, в кабинет к Главе, по вопросу оплаты за использованную электроэнергию. Зайдя в кабинет, Пётр Петрович увидел представителей Энского «энергосбыта» и Ископаемого, которые мирно вели беседу, мило улыбаясь друг другу.

- Неугомонный, ты подтверждаешь сумму долга за использованное электричество? – спросил Глава района.

А сумма за несколько лет сложилась приличная. С Бюджетных учреждений около миллиона и столько же с частных лиц.

- Да подтверждаю, – ответил Пётр.

- А как же ты собираешься её выплатить? – Последовал новый вопрос.

- Ни как!

- Ты, что сегодня выпил что ли? - Возмущённо воскликнул Ископаемый.

Представители энергоснабжения насторожились.

- Платить мы не будем. – Снова сказал Неугомонный, положив на стол подготовленные документы. Ознакомившись с ними, представители заскучали, перестали мило улыбаться и дальнейшая беседа не клеилась.

- Что, съели, – подумал Пётр Петрович и единственный в данном кабинете улыбнулся, – ну вот, сейчас наконец-то шеф оценит его действия положительно, - промелькнуло в его мозгах.

Но «шеф» повёл себя, как - то странно, потупил взор и с глубокой ненавистью посмотрел на Пётра Петровича, из-за насупленных бровей.

Представители распрощались и вышли, вместе с ними вышел и Неугомонный.

- Вы что вместе никогда не собираетесь, что ли? – Спросил один из представителей у него

- Почему вы так решили?

- По тому, что ваш районный Глава не знает о существовании этих бумаг.

- Не может быть. Этот акт мы готовили вместе с юристом районной Администрации, он не мог не сказать Ископаемому об этом, к тому же печать на акте районная. А почему вас это интересует? – В свою очередь спросил Пётр.

- Так он согласился уже выплатить всё. А ты его поставил в неловкое положение.

Теперь Пётр Петрович понял, почему не ласков был взор «шефа» и ждал ответного удара с его стороны. Ждать долго не пришлось, на утро раздался телефонный звонок, и скрипучий голос Ископаемого задал вопрос:

- Ты, что самый умный, что ли? - И, не дожидаясь ответа, последовал приговор, – но ничего, ты допрыгался, ждать осталось не долго.

И действительно всё произошло скоро и довольно неожиданно и в то же время мерзко. Приближались выборы Глав местного самоуправления, в том числе и в селе Горёвка. Пётр Петрович начал готовится к ним, помогала ему специалист первой категории Власова Галина Васильевна, надеюсь, ты вспомнил её, уважаемый читатель. Пётр доверял ей как себе, обговорили предвыборную программу, все нюансы возможных препятствий на пути к избранию и прочее, и прочее. Оставалась неделя до начала предвыборной агитации, и тут произошёл неожиданный поворот в этом деле, да такой, что у Петра Петровича закружилась голова от развивающихся событий.

Петр Петрович сидел в своём кабинете, обдумывая план дальнейших действий, вдруг двери открылись, и в кабинет вошёл Глава районной Администрации Ископаемый В. А.

- Ты на выборы не идёшь! – С порога заявил он. – Ты пойдёшь ко мне заместителем!

- Каким заместителем? – Опешил Неугомонный. – Мы за всё время совместной работы, не сказали друг другу ни одного доброго слова, и как будет выглядеть моё замещение. Через неделю одному из нас нужно будет уходить, естественно это не тебе. А потом, что же я буду каждый день ездить на работу за тридцать километров на Рыжке, что ли, а зимой сорок градусов мороз!

- Ничего слышать не хочу, сказал, будешь заместителем, значить будешь! – Ещё раз твёрдо заявил Ископаемый и покинул кабинет.

- К чему вся эта комедия? – Недоумевал Неугомонный. – Но вторая часть этой комедии повергла его в шок. Оказывается его верная помощница Галина Васильевна « втихоря» встретила с Мараткой Илбдусовым и его другом или сообщником Ископаемым, и они уговорили Галину стать главой Администрации села Горёвки. Так всё и случилось.

- А куда Петра Петровича? – Спросишь ты уважаемый. – Неужели в заместители?

- Нет, мой читатель. – Петр Петрович по этому поводу решил посоветоваться со своим старым другом Рыжкой, когда рассказал ему, зачем пришёл, мерин захохотал, а может, заржал и тут Неугомонный заметил, что у его друга осталось всего три зуба и ему так стало жалко коня, что он чуть не заплакал.

- А ты то, лучше меня, что ли, - видя, как опечалился Пётр, сказал Рыжка, – какие уж нам заместители, я и за три дня теперь до районной Администрации не дойду.

И отправили Петра совсем в другое место.

- Куда?

Пока не скажу, возможно, на том поприще родится другое повествование, не сатирическое, а юмористическое, уж в том месте юмора достаточно, на три книги. Но об этом, как, ни будь после... Утешение в случившемся, Пётр Петрович находил в том, что из специалиста первой категории Власовой Галины Васильевны получился хороший Глава Горёвской Администрации.

А вот после её деятельности, Главой стал бывший участковый Горохов Михаил Михайлович, чёрт его туда понёс, не иначе. Хороший был мужик, нет, надо было влезть не в свои сани. При решении, каких то возникающих проблем, он, как всегда хватался за кобуру, в которой не было пистолета, затем махал рукой и успокаивался, а проблемы оставались. Ну, да таких глав по области полно, не он один.

2

В мыслях своих Пётр Петрович вернулся опять к судьбе птицефабрики «Петушок золотой гребешок». Углубляясь в его размышления, ты, уважаемый читатель, можешь склониться к тому, что Маратка- то не такой уж и плохой хозяин, как о нём думает Неугомонный, фабрика- то пропала не сразу, а длительное время держалась на плаву. Да держалась, но это как раз и погубило окончательно и бесповоротно её.

У господина Ильдусова оказалось большое самолюбие, он страдал манией величия. Если хозяева купившие птицефабрику «Золотое яйцо» сразу сократили аппарат управления на восемьдесят процентов, в целях экономии. То Маратка наоборот раздул этот аппарат в два раза и всех отраслевых специалистов сделал директорами. Зоотехник – директор по производству, инженер – технический директор. Директора по экономике,

финансовые, ветеринарные, короче все директора кроме технички, а себя он гордо объявил генеральным директором, хотя владельцу хозяйства это звание совсем ни к чему. Ну, раз все директора, соответственно и заработная плата приличная, бог бы с ней, если бы она соответствовала пользе от этих званий. В общем, не один умный предприниматель так разбрасываться финансами не будет. И финансирование фабрики осуществлялось не от производственной прибыли, а исключительно только кредитами. Все объекты, существующие на её территории, были переведены в отдельные хозяйства. Автомобильный гараж становился автобазой. Кормоцех, с оборудованием до исторических времен, комбинатом по производству комбикормов. Убойный цех – комбинат по переработке мяса. Котельная – тепловая станция. И так далее и тому подобное.

Под эти, яко бы отдельные хозяйства делался план производственного развития, с огромной перспективой на будущее и получался кредит. Обанкротиться одно фиктивное хозяйство, делается перспективный план под другое. И по причине проведённых махинаций, стоимость основных фондов птицефабрики возросла примерно до полумиллиарда.

Можно было ещё спасти хозяйство. Продав его другому хозяину, находились и покупатели. Но узнав остаточную стоимость, хватались за голову и бежали без оглядки.

А Маратка продолжал пускать людям пыль в глаза. Перед тем, как окончательно стало ясно, / *руководству, конечно* / что производство терпит крах, всех рабочих птицефабрики собрали в доме культуры, где хозяин объявил перспективный план развития хозяйства, он конечно был грандиозный. После чего всем вручили, изготовленные в Москве медали. / *Можно себе представить, в какую сумму вылилось их изготовление.* / Всем было наливо по бокалу шампанского. Кстати сказать, бывшему

директору Божкову Маратка медаль то же вручил и, наклонившись к его уху, прошептал:

- Ну, вот, старина, и ты получил свою долю от производства!

Через несколько месяцев птицефабрика «приказала долго жить»

Божков уже после гибели птицефабрики, ещё на что-то надеясь, встретился с Главой района Учёным, который подтвердил огромную стоимость основных фондов хозяйства и безнадёжность в покупке его новым владельцем. Вместе погоревали, на том и встреча закончилась.

Но пресс - секретарь, нет, это не тот секретарь, который таскает пресс для подшивки документов, а это секретарь по связям с прессой, газетами «Шиферный вестник» и «Цементная правда». Так вот этот пресс - секретарь районной Администрации нашла через некоторое время директора Божкова и рассказала ему, что птицеводство не выгодная отрасль и, что правильно сделал Маратка, вовремя разорил хозяйство. Божков очень удивился, он двадцать пять лет отработал в птицеводстве и не было ни одного года, что бы хозяйство не получало прибыли, а тут какая - то пигалица учит его жить. Но после он раскаялся, был не прав, не в отношении птицеводства, а в отношении пигалицы. Оказалось, она в своё время была пресс - секретарём у самого Маратки Ильдусова. Вот от него и нахваталась мудрости и опыта.

- Хотелось оставить след на Земле, – с горечью думал бывший директор Божков. Да видно мы с Колотозовым и с Леваковым незаметные оставляли следы, строили корпуса, дома, дороги, но в наше время все строили или хотя бы пытались это делать, на общем фоне строительства наши дела не заметны, стоят дома, производственные корпуса ну и ладно. А вот Маратка Ильдусов глубокие следы по себе оставил, идёшь по бывшей птицефабрике, а корпуса стоят ощерившись выбитыми дверями, ощетинились голыми стропилами, далеко видно. Под ногами глубокие ямы от выкопанных из земли глубинных насосов, труб и всего прочего. Вот это

след, след дьявола! Долго будет беречь раны на опустошённой земле и в душах обиженных людей.

А в Москве тем временем взлетают к небу изумительные фейерверки, многомиллионной стоимости, сияют разноцветные фонари и гирлянды. Ежедневные шоу и светские рауты. Строятся дворцы и дачные посёлки в трёх уровневом исполнении. Вечный праздник. А в Сибирском селе Горёвка, пытаясь подражать Московским сияниям, на административных зданиях тоже разместили китайские гирлянды по сто рублей за штуку, похожие на тонкий отдел кишечника, хотели порадоваться, но гирлянды оказались бракованные и быстро перегорели. Что говорить про эту Сибирь, всегда сюда ссылали «не благонадёжных» человеческих особей. Которые, однако, в трудный момент для России, всегда появлялись во время на поле брани для её спасения, и с честью исполняли свой ратный подвиг на благо Отечества, несмотря на то, что правители этого Отечества в своё время отправили их в Сибирь в ссылку за неповиновение и вольность. Ещё совсем недавно кругом располагалась колючая проволока, какие вам к дьяволу фейерверки. Глухомань. Одним словом «Сиблаг». Попытались приблизиться к цивилизации, стали подниматься на ноги, а тут подножка, «хрясь» и мы опять на боку.

И всё же надежда совсем не потеряна, прочна ещё Сибирская таёжная вольница, многое пережила она, да люди здесь крепкие, выдержат всё, лишь бы жила матушка Россия! А Москва пускай веселится, на то она и столица, чтобы пускать пыль в глаза иностранным варягам. А наше дело – добывать уголь, нефть и газ, для пополнения казны государственной, да в нужный момент показать мощные мышцы врагам нашим, чтобы вздрогнули они и замерли в страхе!

Вот и пришло время нам расстаться с тобой, мой дорогой читатель, на минорной ноте, но что есть, то есть, ничего не попишешь. Если же тебе

понравился Пётр Петрович Неугомонный, ты только подмигни, и мы вновь вытащим его на страницы нашего повествования.

Да, ещё, если тебе показалось, что имена и фамилии очень знакомы, либо описываемая местность расположена слишком близко от твоего жилья, уверяю тебя, ты ошибаешься, заверни при случае в любую область нашей страны, и ты, несомненно, услышишь рассказ точно о таких же событиях, что описаны в этом повествовании.

2000 – 2017 г.г.

РЫЖИК

/ Повесть о рыжем коне. /

*Родом я вот из этой деревни,
По всему видно, тут и умру;
Поклонюсь, благодарный, деревьям,
Терпеливо учившим добру ...*

*...Прощаться ни с кем не забуду,
Вспомню каждого в милом краю.*

*Попрошу их: «Хорошие люди,
Берегите деревню мою».*

Анатолий Иленко.

1

Весна. Изумительное время года! Особенно её вторая половина. Когда уже измученная за зиму морозами земля, окончательно освобождается не только от снегов, но и от воды обильно покрывающей её после таяния этих самых снегов. Одновременно освобождаясь от накопившихся за зиму нечистот и покрываясь, невероятной красоты, изумрудным ковром молоденьких всходов разнотравья. Ласкают глаз яркими красками соцветий, разбросанные на взгорках и полянах, нежные хрупкие цветочки. Берёзовые листочки, только что распустившиеся, ещё не освободившиеся от первородной смолы, вздрагивают, от налетевшего ветерка, не издавая звука.

Всё в природе устремляется к жизни, к воле и любви. Всякая животина: зверушка, птаха, насекомое стремится скорее выбежать, вылететь, выползти из своего укрытия, в поисках этих самых любви и воли.

Всем этим невероятно обильно насыщен весенний воздух, и где бы не находилось живое существо, ему не удастся избежать благотворного влияния этого чуда природы. Оно везде проникает: с ветром, с дождём, с солнечными лучами.

Вот и красавец, племенной жеребец, по кличке Янтарь, выведенный в вольер на прогулку конюхом, расширив ноздри, всей грудью хватил этого тревожного, возбуждающего чуда. Подняв высоко голову, протяжно заржал и, чего с ним никогда не было раньше, разбежавшись, перемахнул через забор вольера. Не останавливаясь, широко, иноходью, разбрасывая ноги, помчался в поле, к виднеющейся вдали берёзовой рощице, оставляя позади родной конезавод с его привередливыми, чистопородными кобылами.

Чувствуя лёгкость во всех мышцах и необыкновенный душевный подъём, он быстро добежал до рощи. По инерции залетел в густо разросшийся березняк, ощущая ласковое прикосновение нежных листочков к своей бархатной, покрытой блестящим ворсом, коже, и, остановившись, замер. Широко раскрыв ноздри, он, вдыхая, пил этот изумительный аромат смеси чистого воздуха, цветов и берёзовых листьев.

Вдруг в этой ароматной смеси, его необыкновенно чуткий нос уловил еле заметный, не свойственный окружающим чудесам природы, запах. Что-то необычайно родное и в тоже время отдалённо дикое, но не отталкивающее, а наоборот завораживающе притягивающее, уловил этот избалованный чистокровный жеребец.

Медленно раздвигая берёзовые листочки, он начал пересекать рощицу. На это много времени не понадобилось, сделав несколько шагов, жеребец вышел на опушку лесочка с другой стороны. Запах чувствовался всё острее, всё явственнее. Взору его открылось поле, покрытое нежной, густой травой. Вдалеке виднелся табун лошадей. Прямо перед ним, в десяти широких шагах, отбившись от табуна, паслась рыжая, по сравнению с ним, не большая, но крепкая кобыла.

Запах явно исходил от неё. Он сделал два шага вперёд, она настороженно подняла голову, перестала жевать траву и недовольно мотнула головой, словно предлагая ему уйти. Он, удивлённый таким приёмом, сделал ещё один шаг в её сторону. На своём конезаводе жеребец Янтарь привык к покорности предлагаемых ему кобылиц. Их заводили в вольер, чисто вымытых, с заплетёнными гривами и с одинаковым искусственным запахом. Он механически выполнял свою работу, без особого желания, просто знал, что после «этого» его хорошо накормят различными вкусными витаминами, чтобы не терял своей формы.

Эта же рыжая кобыла пахла необыкновенно: к запаху пота примешивались запахи травы, горькой полыни, конюшни и воли. Её никто не подводил на поводке покорную и безотказную. Наоборот она не хотела, чтобы этот холёный жеребец, так бесцеремонно нарушивший её трапезу, находился рядом. После того, как он сделал ещё несколько шагов и оказался в двух-трёх шагах от неё, кобыла тревожно заржала, показывая ряд крепких зубов.

Его же неудержимо тянул к ней, этот неведомый до сих пор запах, и возбуждала отчуждённость кобылицы. Раздувая ноздри, жеребец в плотную приблизился к ней, и в ту же минуту её задние копыта, высоко взлетев, просвистели у его головы. Его это не разозлило, а наоборот, в нём, вдруг, проснулся инстинкт дикого коня, давно угасший и постепенно подавленный человеком. Он зашел сбоку и опустил голову на её шею. Кобыла резким движением отбросила эту наглую морду. Жеребец зашел с другой стороны и попытался сделать то же самое, ответ был прежний. Тогда он дико заржал и попытался взять её силой. Она вскинула задние ноги, и копыта опять пролетели рядом с его головой. Азарт жеребца возрастал, он не отступался. И, наконец, его старания были вознаграждены. В воображении кобылицы, видимо, тоже возникли древние инстинкты. Она представила себе, как за обладание её любовью, дерутся несколько жеребцов и вот этот наглый, холёный чужак, несомненно, побеждает всех. Кобылица ещё, уже из кокетства, дёрнулась несколько раз и затихла...

Через несколько минут они уже мирно, рядышком, поедали дары природы – эту дивную, вкусную, зелёную травку. Головы их, при этом, иногда сближались, и он благодарно шлёпал губами по её носу.

Через некоторое время, вдруг, появились конюхи с конезавода, накинули на его красивую голову узду, и он, прощально заржав, удалился к своим послушным, холёным кобылицам.

Она же, наевшись, отправилась на колхозный конный двор, так как была рабочей лошадейю средних лет, и сегодня у неё был выходной, а на завтра предстояла тяжелая работа по подвозке кормов коровам, на колхозную ферму.

2

Прошло примерно девять месяцев, за это время колхозный жеребец Битюк, полу - тяжеловоз несколько раз пытался добиться от неё любви, но она, отбрыкиваясь, больно ударяла его копытами в грудь. На десятый месяц беременности, для неё, стала уже достаточно заметной. Рыжуха, /такую кличку имела кобылица,/ тяжело поднималась в гору, частенько останавливалась и, сколько её ни погоняли, подолгу стоя отдыхала.

Колхозный конюх Серёга, любитель горячительных напитков, глядя на то, как рыжая кобылица отбивается от жеребца Битюка, недоумевал:

- Совсем одурела, стерва, пустобрюхой решила ходить, - и всячески пытался способствовать спариванию этих животных. Но всё было бесполезно.

Затем, когда скотники с фермы стали жаловаться на то, что Рыжуха, стала часто уставать, Серёга решил, что она заболела, и пригласил ветеринара. Семён Терентьевич, колхозный фельдшер, осмотрев кобылицу, вынес вердикт:

- Ты, Серёга, как был придурком, так им и помрёшь. Столько лет работаешь конюхом, а не понял, что Рыжуха беременная.

- Ну, Терентьевич, это ты зря, - обиделся тот, - от кого ей забеременеть, она жеребца, за десять месяцев, ни разу к себе не подпустила.

- Сказано тебе, жерёбая, - подобрал Семён Терентьевич правильный ветеринарный термин, - значить так оно и есть. Видимо ты сильно надрался в

тот день, когда это произошло. С завтрашнего дня освобождай её от тяжёлой работы, через месяц она ожеребится.

- Значить, где-то нагуляла, сука, - подытожил данное событие конюх Серёга.

На второй день Рыжуху освободили от работы на ферме и оставили на конном дворе, разок в день подвести соломы и овса на корм лошадям.

В отличие от людей, Рыжуха уже несколько месяцев чувствовала, что внутри её живота зародилось и с каждым днём увеличивается живое продолжение того холёного жеребца с конезавода. А последние три – четыре месяца это чудо стало ощутимо проявлять своё присутствие толчками в стенки живота, словно желало поскорее выскочить наружу. Она не первый раз была жеребая, но те прежние беременности протекали тяжело. Она уже на седьмом месяце ощущала груз, зародившегося жеребёнка, и на восьмом месяце освобождалась от тяжёлой работы. Видимо потому, что прежние были большими и тяжелыми потомками жеребцов-тяжеловозов.

А этого, от заводского скакуна, она носила легко и бережно, поэтому-то для этих двуногих животных, её беременность оказалась незаметной.

Прошёл ещё месяц, наступила та прекрасная весенняя пора, с которой и начинался этот рассказ, только годом раньше. Светило тёплое ласковое солнышко. В очередной раз Рыжуха, как обычно в последнее время, притащила телегу с нагруженной на неё соломой, была распряжена и разморённая солнечными лучами, дремала лёжа на этой же соломе.

Вдруг, острая боль резанула в области её брюха. Кобылица жалобно заржала. Судороги, сопровождаемые резкой болью, одни за другими сотрясали её тело. Рыжуха, глубоко вздохнув, набрала в лёгкие воздуха и с силой начала тужиться. В какой-то момент брюхо её резко уменьшилось, и со стороны хвоста послышался жалкий звук, похожий на кошачье мяуканье.

Кобылица подняла голову и посмотрела в сторону этого звука. На соломе под её хвостом, беспомощно барахтался мокрый рыжий жеребёнок. Она встала на ноги, развернулась и стала облизывать своё «грешное» потомство. Свободные от работы лошади и молодняк, находящиеся в загоне конного двора, окружив роженицу, с удивлением пялили на неё и её младенца глаза. Наверное, их удивляла необычная конституция новорожденного, его тонкие ноги и вытянутая высоко шея. Да и весь он был необычайно тонок и лёгок.

Конюх Серёга, заметив какое-то необычное движение в загоне, слегка пошатываясь, подошёл к забору и, уставившись пьяными, красными зенками на жеребёнка, завопил в сторону «конюховки»:

- Эй, Аким! - Аким был вторым колхозным конюхом, но в отличие от Серёги, был малоподвижен и угрюмо молчалив,- иди сюда, наша Рыжуха ожеребилась. Принесла какого-то уroda!

- Сам ты урод, - прогудел подошедший Аким, он очень хорошо разбирался в лошадях, - это она от заводского рысака нагуляла. Теперь и у нас будет свой рысак.

- Да на кой он нам нужен, - заверещал Серёга, - нам рабочие кони нужны, а не скакуны. Да и кто на нём скакать будет, разве что Семён Терентьевич, - и он залился пьяным хохотом.

- Дурак! За то и у нас будет теперь такая красота, как на конезаводе, - и на угрюмом лице Акима появилась на минуту умилённая улыбка, - надо Рыжуху в отдельный станок поместить, а то наши тяжеловозы жеребёнка задавят.

- На каком конезаводе? Что ты несёшь, ты видишь он рыжий, как огонёк, а на заводе рыжих жеребцов нет, - гнул свою линию Серёга, - просто эта дохлятина выродка ожеребила.

- Хватит! Заткнись! Делай, что я тебе сказал, а то вон Битюк злится начал, того и гляди набросится на жеребёнка.

Столпившиеся вокруг роженицы, лошади, как бы понимая, что новорожденный, вроде бы и их соплеменник, но не совсем, что-то в его фигуре было не обычное, не совсем им родственное, тревожно заржали и начали агрессивно сжимать кольцо вокруг Рыжухи.

Из накрытого соломой сарая показался колхозный жеребец Битюк, услышав необычное возбужденное ржание в загоне конного двора. Лошади расступились, пропуская его вперёд. Взгляд его, скользя по Рыжухе, опустился на жеребёнка. Увидев не привычные формы новорожденного, жеребец, злобно оскалив зубы, громко заржал. В нём инстинктивно проснулась ярость ревности, Битюк словно почувствовал, что в сотворении этого заморыша, он ни какого участия не принимал. Жеребец взвился на дыбы, ещё миг и злополучный жеребёнок принял бы смерть от копыт разъярённого ревнивца. Но выполнить намеченный акт расправы ему не удалось.

В толпе лошадей смирённо, без эмоций, стоял мерин Каштан. Они с жеребцом Битюком были однолетки. Когда подросли до двух летнего возраста, нужно было сделать выбор, кого из них оставлять для продолжения рода лошадиного. Выбор пал на Битюка, и не по каким-то недостаткам Каштана, а просто пьяный Серёга без всякого умысла ткнул пальцем в его сторону. Каштана тут же лишили радости обладания кобылицами – кастрировали. И он с тех пор возненавидел конюха Серёгу и жеребца Битюка.

Конечно, жеребец производитель Битюк был сильнее мерина, потому, что он целыми днями стоял без дела в конюшне и лишь иногда его выпускали к кобылицам. В то время, как Каштана постоянно использовали

на самых тяжёлых работах. Но было одно преимущество у работяги – мерина, он был подкован мощными железными подковами, а вот жеребец Битюк такого оружия не имел, так как подковы ему не полагались и даже были вредны. При спаривании он мог травмировать ими кобылиц.

Взвившийся на дыбы Битюк, краем глаза поймал промелькнувшую огромную тень перед своей мордой, и тут же рухнул на занавоженный пол загона, получив страшный удар в бок железными подковами. Неловко засучив ногами, медленно поднялся и злобно заржав, удалился в сарай.

Мерин Каштан закрыв, своим мощным телом Рыжуху и жеребёнка, не ласковым взглядом уставился на столпившихся кобылиц. Увидев такую надёжную защиту, лошади стали нехотя расходиться. Рыжуха благодарно лизнула защитника в нос и подтолкнула его морду в сторону жеребёнка, словно приглашая порадоваться вместе с ней появившемуся потомству.

- Ну вот, видишь, до чего довела твоя нерасторопность, - матюгнувшись, заворчал Аким, - давай, бери Рыжика и неси его в отдельный станок. А я приведу Рыжуху.

- Ага, счас разбежался, ты видишь, как этот бугай Каштан смотрит в мою сторону. Если он так же, как Битюка, саданёт меня, от меня останется мокрое место, - забухтел Серёга, - а где ты видишь тут какого-то Рыжика? Рыжик, Рыжик, ты, что этого уроды так назвал. Зря, бригадир всё равно по-своему его назовёт.

-Ладно, вали отсюда, сам справлюсь, - рассердился Аким, - пусть назовёт, а для меня он будет Рыжик, - перелезая через забор, проворчал он. Подошёл к Рыжухе, погладил её по холке, похлопал Каштана по спине, поднял на руки жеребёнка и понёс его в дальний станок конюшни. Рыжуха и Каштан покорно двинулись за ним. Все лошади конного двора любили

спокойного неторопливого Акима и, даже жеребец Битюк, никогда не пытался ему навредить, несмотря на свой ретивый нрав.

Поместив своих подопечных в станок, он ещё раз погладил по спине мерина Каштана:

- А ты молодец. Защитил, теперь иди в загон, что ты будешь здесь торчать. Ни кто не посмеет их больше обидеть. Мы с тобой не дадим.

3

Утром явился бригадир полеводческой бригады Михаил Алексеевич, за ним же в колхозе был закреплён и конный двор. Михаил Алексеевич представлял собой огромного, под два метра ростом, с виду казалось, не улыбчивого человека, однако первое впечатление было обманчиво. В душе бригадира царило спокойствие, он очень любил сельскую жизнь, людей, которые выполняли полевые работы, лошадей, которые помогали выполнять эти работы и, конечно, беспрекословные выполнения его распоряжений. Кроме того, любил подшучивать над, разного рода, ущербными людьми, любил хорошие анекдоты, как слушать, так и рассказывать.

- Лексеич, - сразу же заверещал Серёга, - тут вот вчера Рыжуха фортель отмочила, какого-то уродца принесла.

- Какого ещё уродца? – сделав серьёзную мину, спросил бригадир.

- Да брешет он всё, - вступился Аким за кобылу, - красивый жеребёнок.

- Красивый, как мерин сивый, - не унимался Серёга, - он нам зачем, такой тонконогий, нужен. Видимо Аким на нём гарцевать собирается.

- Ну, ты и сволочь! – Рассердился вконец Аким, - кто только тебя в конюхи определил.

- Да вы толком объясните мне, в чём дело? – Вспылил бригадир, - правду монголы говорят: «В одном котле две бараньи головы не сварить» придётся одного из вас отправить на разные работы.

Но, сказав так, Михаил Алексеевич покривил душой, так как выгнать их с конного двора он не мог. Почему? К ответу на этот вопрос мы вернёмся позже.

- Пойдемте, покажу, - первым ринулся через забор загона Серёга. За ним двинулся Михаил Алексеевич, процессию завершал угрюмый Аким.

«Всё, сейчас бригадир забракует жеребёнка и через годик увезут его на мясокомбинат» - крутилась у него в голове тоскливая мысль.

Подошли к дальнему станку, где расположились родиха и новорожденный. Жеребёнок, пристроившись к материнской титьке, крутил худеньким задом из стороны в сторону и, от удовольствия, помахивал хвостом.

Бригадир долго присматривался к жеребёнку. Лицо его при этом было непроницаемо.

« Счас он его забракует к чёртовой матери», - злорадно металась мысль в голове Серёги.

« Может и обойдётся», - медленно кралась мысль в голове Акима.

- Жеребёнок, как жеребёнок, ничего особенного, - скосил на Акима, хитро прищуренные, глаза бригадир. И, увидев, как просветлело лицо конюха, добавил, - яркий, как огонёк, Огоньком будем звать.

- Рыжиком! – Твёрдо сказал Аким.

- Сказано Огоньком, - не отступал бригадир, - значить, так тому и быть.

Видя, как обрадовался Серёга, /хоть тут он оказался прав / и, нахмурившись, пошёл от станка Аким, Михаил Алексеевич махнул рукой:

- Чёрт с тобой, Рыжик так Рыжик! – Он, так же, как и лошади, уважал молчаливо-угрюмого Акима и недолюбливал пьяницу Серёгу, – вот, что

мужики, на ферме скопилось полно навоза, надо вывозить его в поле, лошади нужны. Ты Аким подкорми Рыжуху по - лучше, да, недельки через три, четыре, на молочную ферму отправь.

- А жеребёнка куда? Рановато его от титьки отрывать, - нахмурился Аким.

- Пусть за матерью бегают по ферме, когда надо, будет сосать её.

- Да на ферме грязь непролазная, разве он там выдержит, - не унимался Аким.

- Всё, разговор окончен! – Заявил бригадир и направился в контору колхоза.

- Ты прямо, как мать родная этому жеребёнку, - съязвил Серёга, - положи его рядом на лежанку, обними, да корми из бутылочки.

- Надо будет, положу и буду кормить! – Отрезал Аким.

Что же, дорогой мой читатель, мы с тобой познакомились с лошадьми данного конного двора, и выяснили, что красивым скакунам в загоне данного отделения особо не радуются. Здесь требуются крепкие на ногах, да и в теле, рабочие лошадки, им отдаётся предпочтение. Такие лошади нужны были не только в этом колхозе, но и везде, где требовалась тягловая сила. В те послевоенные времена машин и тракторов было очень мало, и основные тяжелые работы выполнялись на лошадях. Они таскали сенокосилки, грабли, бороны, на них перевозились все сыпучие грузы и доставлялись на животноводческие фермы корма. В леспромхозах перевозили лес.

Теперь настала пора, поближе познакомится с людьми, которые проводят почти, что всё своё время с этими животными: подвозят корма, кормят и поят их, принимают роды и делают всё остальное, что положено колхозным конюхам делать на своём рабочем месте, за сто пятьдесят *трудодней в год.

Сергей Петрович Пирожков, а попросту, как его звали все на деревне – Серёга, с молодых лет был, как говорят на селе – забулдыга. Приворовывал по мелкому: зерно, комбикорм и вообще всё то, что плохо лежит. Сбивал краденое одиноким бабёнкам и старикам за самогон, а затем, подвыпив, тащился в местный клуб, пел матерные частушки, плясал, приставал к деревенским девкам, но не дебоширил, и в драку никогда не ввязывался. Девки его всерьёз не принимали и дружбу с ним не водили. Так и остался бы он бобылём, но, вдруг, приглянулся одной простушке, поговаривали, что у неё не все дома. А она, возьми, да и выйди за него замуж.

Но, что самое интересное, та простушка была родной сестрой жене председателя колхоза. Так тоже бывает, в одной семье одна сестра, очень умная, а другая дура, но не совсем.

И вот, чтобы свояк Серёга зря не болтался по деревне, на виду у всех, председатель отправил его на конный двор, с одним условием: новый конюх не должен валяться пьяным в конюшне. И Серёга строго выполнял наказ: он никогда не падал от принятой дозы спиртного, но принимал эту дозу ежедневно. Лошадей он, конечно, не любил, но за несколько лет конюшения привык к ним и смирился со своей участью. К тому же знал, что выгнать с данного трудового фронта, в обход председательского указания, его никто не мог, даже бригадир Михаил Алексеевич.

Аким Фролович Бычков, а по-простому, - Аким, в отличие от Серёги спиртного не принимал вообще. Однако обращения по имени отчеству не заслужил тоже. В деревне, чтобы заслужить такое обращение, надо быть исключительным человеком и в работе, и в поведении, и в семье. Аким же смолоду, работая скотником на ферме, напивался до такого состояния, что мог по нескольку часов валяться пьяным в навозной жиже. Ввиду своей нелюдимости и угрюмого состояния, напивался один, и друзей – собутыльников не имел.

*трудодень – условная единица оплаты труда – отработанный день. В то время в колхозах производилась натуральная оплата труда. Правление колхоза определяло, сколько килограммов натурального продукта дать на один трудодень, например зерна, а общее собрание колхозников, утверждало это решение

По этому, его не любили даже местные горькие пьяницы. И он отвечал тем же всем и людям, и животным. Любил подраться, и не одна стычка в деревне без него не обходилась. Дрался как зверь, глаза, как у быка, наливались кровью, он кидался в самую гущу дерущихся, боли не чувствовал. А вот если кто попадал в это время в его крепкие руки или под его удар, опомниться не мог долго.

Но однажды произошел невероятный случай, который категорически изменил отношение Акима к спиртным напиткам и особенно к животным.

В посёлке Шигарском у Бычкова жил родной брат Гаврила. И вот однажды, подвыпив, Аким решил навестить родственника. От села, где он жил, до посёлка, по просёлочной дороге, было вёрст тридцать. Ни у кого, не спросив разрешения, Аким запряг в кошевку Соловуху, кобылу лет восьми от роду, на ферме взял дежурный тулуп. / Был такой, его скотники надевали в пургу./ И морозным январским днём двинулся в Шигарку.

Дома осталась его жена, тоже недалёкая забитая бабёнка, как она пошла за пьяницу замуж, трудно сказать. Да и он женился во хмелю, ни о какой взаимной любви речи быть не могло. Поэтому Аким двинулся в путь не заезжая домой.

До посёлка Бычков добрался благополучно. Погуляли дней пять, братец тоже выпить был не промах. На шестой день, нахлеставшись до безумия, упав бревном в кошевку, он двинулся домой.

В этот день разыгралась страшная буря, мело, света божьего видно не было. Как уж Соловуха определяла дорогу – известно только ей одной. Где-

то на полпути, заехав на очередной сугроб, сани перевернулись. Аким как был завёрнут в тулуп в виде снопа, так и остался лежать в сугробе. Сколько времени прошло, он не может вспомнить и по сию пору. Но, толи хмель стал выходить, толи от холода, он очнулся. Огляделся и хмель из головы вылетел сразу, волосы стали дыбом. Буран – ничего не видно и вот он, раб божий, стоит по пояс в сугробе. Куда идти – определить не возможно. Сидеть тоже нельзя – замёрзнуть можно. И Аким, как дед мороз, стал пробивать наметённые сугробы. Бился, бился, выбился из сил, сел в сугроб и заплакал. Дрянь - жизнь его была, а помирать не охота. Просидел с полчаса, а может и больше, кто знает, вдруг, из пурги, в трёх шагах, выскакивает лошадиная голова.

- Соловушка, - задохнулся от радости Аким, обнял лошадиную морду и начал целовать её в губы.

Как лошадь догадалась о том, что седок выпал? Толи по тому, что сани легче стали, толи вожжи под полозья попали – трудно определить. Да и не это главное. Удивительно то, как эта животина догадалась повернуть назад, и найти дорогу к потерянному человеку?

Целые сутки пробивались они вдвоём через метель, протрезвевший Аким, то садился в сани, то шёл пешком, помогая тем самым кобылице, но к обеду следующего дня вышли к родному конному двору.

На второй день Бычков с раннего утра пошёл к председателю, упал в ноги, просил прощения за содеянное, и умолял поставить его конюхом на отделение. В конце – концов, председатель согласился, да и много ли найдётся добровольцев работать за сто пятьдесят трудодней в год на отшибе, среди лошадей.

С тех пор Аким наотрез отказался от спиртного, притих, в драки не ввязывался и вообще старался с людьми лишней раз не контактировать. Соловуху любил до безумия. Единственное существо, за которое он был

готов кинуться в огонь и в воду. Постепенно любовь к одному животному распространилась и на остальных. Поэтому Аким почти никогда и не уходил домой, постоянно жил в «конюховке».

Через год Соловуха принесла рыжего жеребёнка, кобылку. Аким назвал её Рыжуха. А по прошествии нескольких лет, когда уже Соловуха постарела, вот эта самая Рыжуха нагуляла на стороне и принесла Рыжика, которого он полюбил сразу, как родное дитя.

4

Вот такой обслуживающий персонал был у лошадей данного двора. А сейчас, я думаю, пора нам вернуться к Рыжухе и её маленькому жеребёнку. Станок, в котором их разместил Аким, представлял собой небольшое помещение 3х4 метра, сбитое из горбыля с деревянным полом. Таких станков-клетушек было несколько штук, притулившиеся один к другому они-то и представляли собой колхозную конюшню. В них содержались лошади с глубокой беременностью и ожеребившиеся, они находились там до месячного возраста жеребёнка. Отдельный, самый крепкий станок, предназначался для жеребца – производителя, в данном случае, для Битюка.

Жеребёнок Рыжик, как и все лошади данного двора, и вообще лошади, не мог, конечно, различать людей по именам либо фамилиям, да, в общем, и знать, что эти животные на двух ногах называются людьми. Поэтому различал их только по их характеру и отношению к своим подопечным, в данном случае к нему – Рыжику. В виде исключения, уважаемый мой читатель, позволь мне, всё - таки, от имени лошадиной личности, в продолжении этого повествования, называть этих двуногих животных - людьми.

Пока, что в их станок заходили лишь два человека, один из них в сознании Рыжика сразу предстал в образе Доброго – это конечно был Аким,

от него всегда исходил запах сена и необыкновенного умиротворяющего спокойствия. Он ласково, что-то гудел /на лошадином языке, значить - ржал/, при этом гладил Рыжика и Рыжуху по спине, по холке и почёсывал за ушами. Задавал душистого сена, наливал свежей воды, иногда приносил несколько горстей овса, естественно для кобылы, жеребёнок был ещё маловат для поедания зёрен. Зато молоко после такого корма у кобылы становилось необычайно вкусным и, Рыжик, приложившись к титке матери, от удовольствия тряс своим пушистым хвостом. А Добрый, по долгу, с умилением смотрел на жеребёнка, на кобылицу и в глазах его светилась неземная любовь и иногда появлялись слёзы. Он уходил, и мать-кобылица подталкивала своей головой, голову жеребёнка, чтобы он смотрел в спину уходящего, и потихоньку ласково ржала, словно хотела убедить своё чадо в том, что этот человек их родственник. И жеребёнок, с каждым вновь прожитым днём, и сам постепенно убеждался, что это так, и начал уже с нетерпением ожидать, когда этот Добрый придёт их навестить.

Второй человек по своему характеру и отношению к нему, к Рыжику, представлялся жеребёнку под именем Равнодушный. Он вроде бы также задавал сено, наливал воду, но сено мог принести с гнильцой, а то и вовсе давал солому, воду наливал тёплую и не вкусную. Овса не принёс ни разу. Никогда не ласкал ни кобылицу-мать, ни его жеребёнка, Рыжика. Иногда, даже грубо отталкивал их от кормушки, если они, по его мнению, мешали раздавать корм. Но самое неприятное для лошадей было то, что от Равнодушного всегда исходил отвратительный химический запах, от которого у них перехватывало дыхание. Конечно, лошади не могут знать, что этот запах называется перегаром, но всегда и все относятся к нему с неприязнью, а некоторые с ненавистью. Под личиной Равнодушного, конечно, был второй конюх Серёга.

Но вот однажды, по прошествии некоторого времени, в станок, в сопровождении Равнодушного зашёл новый человек. И тут Рыжик познакомился с животным, который соответствовал по своему характеру и отношению к ним, лошадям, имени Злой. Он нагой оттолкнул жеребёнка от кобылы, и начал одевать на голову Рыжухи какие-то ремни с блестящими в них железяками. Когда Рыжуха попыталась увернуться от его рук, Злой стукнул её кулаком по морде. Он всё время громко выкрикивал какие-то мерзости / на лошадином языке – злобно ржал /. Накинув, наконец, принесённые с собой ремешки, Злой с силой воткнул в рот кобылице блестящие железяки и вывел Рыжуху на улицу, жеребёнок бежал за ней. Затем это неприятное двуногое животное подняло с земли и напялило на шею Рыжухи, какое-то громоздкое кожаное сооружение. Но самое ужасное было впереди. Злой подвёл кобылицу к какому-то огромному ящику, на круглых дисках /колёсах/ поднял поочерёдно две длинные палки и прикрутил их ремнями к кожаному сооружению на шее кобылицы. Затем, показывая, на бегавшего вокруг кобылы, Рыжика пальцем, стал опять, что-то злобно «ржать» в сторону Равнодушного. Но тот махнул рукой, отвернулся и направился к стоящему неподалёку сооружению. Тогда Злой сел в этот громоздкий ящик, взял в руки два длинных ремня, ударил ими по спине Рыжуху и, она, рванув с места, оглядываясь на жеребёнка, выбежала из ворот конного двора. Рыжик семенил за этим ящиком, разбрызгивая своими стройными ножками жидкую грязь.

Через некоторое время процессия приблизилась, как казалось жеребёнку, к огромным длинным сооружениям. Грязь под ногами Рыжика становилась всё глубже и гуще. Он с большим трудом сделал ещё несколько шагов, провалился по самое брюхо и, безнадежно увязнув, остановился. Рыжуха постоянно оборачивалась назад и жалобно ржала, за что получала длинными ремнями по спине, и продвигалась дальше.

Между этими громадными сооружениями Рыжик увидел большую кучу земли зеленовато – бурого цвета. О том, что это коровий навоз, он знать пока не мог. Рыжуха, с привязанным к ней ящиком, остановилась у этой кучи, сидящий в ящике Злой, вылез и, провалившись по щиколотки в грязь, стал яростно накидывать бурую землю в ящик. Он кидал и кидал, палка с прикреплёнными к ней острыми зубьями мелькала, как жеребьячий хвост. Вот уже земля поднялась выше бортов ящика, а он всё кидал, вот уже земля поднялась горой, и за ней не видно было Рыжухи, которая, не переставая жалобно ржала, потеряв из виду жеребёнка. Рыжик пытался в ответ произвести ржание, но получался жалобный пороссячий писк.

Из огромного сооружения вышел человек и что-то начал грозно «ржать» в сторону Злого, размахивая руками. Тот остановился, бросил на кучу земли, насыпанной в ящик, палку с острыми зубьями, и опять ударил по спине длинными ремнями Рыжуху. Она вздрогнула, попыталась идти вперёд и не смогла. Тогда Злой взял длинную палку с острыми зубьями и, уже ей, ударил кобылу по спине, она рванулась, сделала несколько шагов и встала как вкопанная.

Человек, вышедший из сооружения, продолжая злобно «ржать» в сторону Злого, побежал к нему. Но тот не унимался. И вдруг «ржащий» человек остановился и начал показывать Злому в ту сторону, откуда они все прибыли. Рыжик повернул голову туда и радостно заверещал. Оттуда, на старой кобыле Соловухе, верхом, приближался к ним Добрый. Он, проскочив мимо жеребёнка, подлетел к Злому, не переставая размахивать руками и тоже злобно «ржать». И, вдруг, Злой, размахнувшись зажатой в руках палкой, ударил Доброго, Рыжик от страха закрыл глаза, когда открыл их, радостно, впервые заржал своим детским голосом. Злой валялся в грязи, а Добрый изо всех сил охаживал его палкой с острыми, железными зубьями. Человек, вышедший из сооружения, пытался ему помешать. Но Добрый

продолжал лупить Злого. Палка, наконец, переломилась, Злой, вывалянный в грязи, соскочил и, не оглядываясь, побежал за сооружение.

Добрый, тяжело дыша, подошёл к Рыжику, выдернул его из грязи, поднял на руки и отнёс в какое-то чистое помещение, где они с тем человеком, который пытался вразумить Злого, напоили его тёплым молоком из резинки, похожей на материнский сосок. Затем люди недолго погудели между собой. Добрый взял жеребёнка на руки, сел верхом на Соловуху, крепко прижимая к груди бесценный груз, и они быстро прибыли на конный двор.

Всё описанные выше события, представлены приблизительно из младенческого соображения жеребёнка Рыжика. А теперь, уважаемый мой читатель, я хочу рассказать тебе, что же произошло в действительности, исходя из соображений участников данных событий с человеческой стороны.

Как и говорил бригадир Михаил Алексеевич, на молочной ферме за зимний период скопилось большое количество навоза, который нужно было вывести на поля, в качестве удобрения под посевы. Лошадей для экстренного решения этой проблемы не хватало. И вот по прошествии пяти недель после родов, Рыжуху, как мы помним, по распоряжению всё того же бригадира Михаила Алексеевича, решили отправить на данные работы. Он конечно, давая такое указание, имел в виду, что кобылицу будут использовать не в полную силу, надеясь на трезвый разум скотников. И конечно совсем не думал, что маленького жеребёнка отправят на ферму вместе с матерью. Но злодейка – фортуна всё повернула по-своему.

В это время в деревню вернулся из мест заключения местный проходимец Петька по кличке «Прокурор». Почему «Прокурор» толком сказать ни кто не мог. Одни говорили, что его так прозвали за то, что он не

вылезал из мест заключения и находился постоянно под прокурорским надзором. Другие утверждали, что при очередном задержании за правонарушение Петька кричал, что он сын прокурора и лицо неприкосновенное. Но как бы там кто, что не говорил, а Петька навечно остался «Прокурором».

Так вот вернулся этот Петька «Прокурор» на малую родину из мест не столь отдалённых и к председателю:

- Вот, что, председатель, хошь не хошь, а обязан ты мне предоставить рабочее место в колхозе, - в то время, о котором идёт речь, всем отбывшим свой срок зекам, руководители предприятий обязаны были представить работу и назначить опекуна, вроде, как надзирателя, чтобы этот индивид не мог сотворить очередную пакость.

Председатель посмотрел Петькину справку об освобождении, тяжело вздохнул, и направил «Прокурора» на молочную ферму возить тот самый скопившийся навоз. Опекуном же назначил бригадира фермы Василия Афонасьевича. Тот тоже, посмотрев на Петькину справку, тяжело вздохнув, спросил:

- Коня-то запрягать умеешь?

- Да я хоть чёрта запрягу, дядя Вася, - оскалился «Прокурор»

- Ну, тогда, вот тебе записка, вали на конный двор, полеводческий бригадир обещал с сего дня нам дополнительно кобылу дать.

- Ща, я мигом, - обронил новый работник и хитро улыбнулся, а про себя подумал: «Зайду к бабке Марьи, врежу стаканчик самогона»

И надо же было такому случиться, в эту ночь Аким ночевал дома, что было большой редкостью. Дежурил конюх Серёга. И только он расположился за столом в «конюховке» выпить стаканчик самогона, только открыл бутылку, как тут со двора донёсся грубый крик:

- Эй, есть тут, кто ни будь живой или все передохли?

Серёга, торопливо спрятав бутылку под стол, выскочил из «конюховки».

- Ну, есть, чё орёшь, - но увидев пришельца, не удержался и удивлённо воскликнул, - о, «Прокурор». Откинулся, чо ли?

- А, чё, не видишь, рази! – Затем присмотревшись, спросил, - Серёга, ты, чо ли? Чё-то ты сегодня, вроде трезвый?

- Да вот, только хотел опохмелится, слышу хтой-то базлаить. Чё приперси, - от волнения Серёга заговорил старо-деревенским языком.

- Да вот, записка, держи, я тут устроился на ферму, бригадир за какой-то кобылой послал.

- Кобыла? Есть такая, забирай её к чёртовой матери, мне всё меньше забот будет. Пошли, покажу.

Прошли к станку, где находилась Рыжуха с Рыжилом, Петька привычно распахнул двери станка, он и не такие двери открывал без ключа.

- Да она с жеребёнком! – недовольно воскликнул «Прокурор» - На фик она мне нужна!

- Другой нет, ни хошь, как хошь. Наш бригадир сказал, чтобы мы вам эту кобылу отдали.

- Ладно. Моё дело телячье, выпил пойло, и жуй сено молча.

Серёга быстро принёс сбрую, подал Петьке узду, тот оттолкнув ногой жеребёнка, начал надевать её кобылице на голову. Рыжуха, почуяв запах перегара, задрала голову, пытаясь увернуться от узды.

- Стой, сука, а то счас кишки выпущу! – заорал «Прокурор»

Жеребёнок испуганно забился в угол, Рыжуха, чтобы не пугать его больше, поддалась нежданному хозяину. Петька вывел кобылицу, запряг её в стоящую во дворе телегу-короб, затем посмотрев на Серёгу, гаркнул:

- Жеребёнка забери!

- Да как же я его сейчас поймаю? – Возмущённо сказал тот, ему скорее хотелось вернуться к бутылке с самогоном. – Да и потом, я его, чем кормить буду. Там ты его под кобылу подпустишь.

- Ну, смотри, хрен с тобой, тебе потом отвечать придётся, нашел кормильца. Я накормлю, отрыжка долго будет мучать! – И хлестанув кобылу вожжами, Петька выехал за ворота конного двора. Рыжик, разбрызгивая жидкую грязь, шустро бежал за телегой.

Только Серёга, обрадованный наступившей полной свободой, в предчувствие кайфа, наполнил стакан самогоном – дверь в «конюховку» жалобно заскрипев, распахнулась. На пороге стоял угрюмый Аким:

- Всё ни как нажраться не можешь? - загудел он, - Рыжуху накормил?

- Какую Рыжуху?

- Ты, что от самогона совсем спятил, Рыжуху не помнишь?

- Дык нет её, прокурор забрал.

- Её то, за што? Она што спёрла, чево ни будь?

- Дык, нет, прокурор-то не настоящий, Петька «Прокурор» из лагеря вернулся.

- Петька! – Возмущённо воскликнул Аким, вспомнив этого проходимца под кличкой «Прокурор» - и зачем же ты этому садисту дал кобылу? Он же её пропьёт или на махан прирежет!

- Дык нет, он таперь на хферме работат, - опять перешёл на сельский язык Серёга.

- А жеребёнок где? – выдохнул Аким, и на лице его Серёга увидел панический страх, который сменился угрожающей ненавистью.

- Дык, за кобылой дёрнулси, - пролепетал Серёга, прячась за весящие на клиньях хомуты.

- Да ты чё, гад, как же ты посмел этому живодёру лошадей отдать!? – взревел Аким, саданув кулаком об стол. Стоящая на столе недопитая бутылка подскочила и упала на пол, разливая остатки самогона.

- А чё я мог сделать, бригадир записку прислал, - увидев разливающейся самогон, простонал Серёга.

- А Соловуха где?

- Где ж ей быть, на дворе валяется.

Аким схватил седло, походя, ткнул кулаком в морду Серёгу и выскочил за дверь. Старая кобыла использовалась на конном дворе для незначительных лёгких работ. Её давно бы свезли на мясокомбинат, но Аким под разными предлогами старался не допустить этого. Увидев хозяина, кобылица медленно поднялась на ноги и двинулась ему навстречу. Аким накинул ей на спину седло, воткнув ногу в стремя, уселся по удобнее, Соловуха, обернувшись, удивлённо посмотрела на него, таких операций с ней не проводили давно.

- Давай, матушка, поторопись, послужи ещё разок, от твоей расторопности зависит жизнь двух твоих родственников, - уговаривал он старую клячу.

Тревога Акима, каким-то образом, передалась Соловухе, она вдруг рысцой, неловко подкидывая круп /задницу/, устремилась в указанном направлении.

Петька «Прокурор», не обращая внимания на жеребёнка, гнал Рыжуху к ферме. Расстояние от конного двора было не очень большое и через несколько минут кобыла, утопая по колено в фермерскую весеннюю грязь, остановилась у огромной кучи коровьего навоза, основательно устроившегося между двумя коровниками. Потеряв из виду жеребёнка, она постоянно оглядывалась и тревожно ржала.

- Заткнись, стерва, - соскакивая с телеги, заругался Петька, - жив твой заморыш, вон в грязюке застрял основательно, ни куда не убежит, - и, схватив с телеги вилы, «Прокурор» начал остервенело кидать навоз в телегу. Вот короб заполнен уже до краёв, но новый животновод, не останавливаясь, продолжал кидать не глядя. И уже когда под ноги его с воза начали падать шлепёнки навоза, «Прокурор» поднял голову, перевёл дух и вытер обильный пот со лба.

- Ну, давай, дёргай, кляча паршивая, - стеганул вожжами Рыжуху Петька.

Кобыла, поднатужившись, дёрнулась, но взять с места воз не смогла. Он ещё раз огрел её вожжами, сопровождая свои действия несусветным матом. Пользы никакой. Тогда «Прокурор» схватил вилы и, размахнувшись, саданул Рыжуху по спине, она жалобно заржала, дёрнулась изо всех сил, сделала два шага и стала, как вкопанная.

На шум из коровника вышел бригадир Василий Афонасьевич, увидев происходящее, он поспешил к месту разыгравшейся драмы:

- Петька, паразит! Ты, что же, подлец, делаешь. Это же не трактор, живое существо. Ты же на телегу накидал тонны две навозу.

- Уйди, дядя Вася, нечего меня учить, научили уже. Ты чё думаешь, я этот навоз по два навильника возить буду. Это мне года на два хватит. Придуривается кобыла. Я в лагере такие воза возил, что тебе и не снилось.

- Так ты распряги её и волоки сам, что ж ты издеваешься над животным.

- Ни хрена с ней не будет, - окончательно разозлился «Прокурор» и снова замахнулся на кобылу вилами.

- Петька, вон Аким скачет сюда, сейчас бойня будет. Остепенись.

«Прокурор» повернул голову в сторону дороги, увидев приближающегося верхового, узнал Акима. Петька помнил, что Аким Бычков,

когда-то был забулдыгой и пьяницей, а что он теперь ведёт трезвый образ жизни и имеет силу соответствующую его фамилии – Бычков - не догадывался:

- Дядя Вася, это же алкаш Акимка Бычков, нашел ты кем меня пугать. У меня такие, как он сапоги в зоне языком чистили. – И снова стукнул вилами кобылу.

- Ты что же это делаешь, гад! – Закричал подскакавший Аким.

«Прокурор» снова поднял вилы, и как бы целясь в кобылу, резко развернулся и саданул вилами Акима. Но не успел он снова поднять эти злополучные вилы, как разъярённый Аким опустил ему на голову пудовый кулак. Петька ойкнул и завалился в грязь. Бычков же превратился в настоящего взбешённого быка. Глаза его налились кровью, грудь вздымалась как кузнечные меха, из груди вырывался звериный рык. Он перехватил упавшие в грязь вилы и, переложив всю свою мощь в черенок этих вил, стал охаживать «Прокурора» по рёбрам, голове и заднице, тот только успевал поворачиваться.

- Аким, остановись! – Умолял бригадир, дядя Вася, - ты же убьёшь этого гада, посадят, за лошадьми будет не кому ухаживать!

Все уговоры были бесполезны, но вдруг черенок у вил хрястнул и переломился, от неожиданности Аким потерял равновесие и упал на «Прокурора», тут же вскочил, и Петьке хватило этой минуты передышки, он стремительно, как заяц, вскочил тоже и, прихрамывая на обе ноги, кинулся бежать. Разъярённый Аким схватил телегу за заднее колесо и опрокинул накиданный новым колхозником воз. Взял за узду Рыжуху, вывел на чистое место и кинул ей клок сена, из соседней скирды.

- Ты Василий Афонасьевич, не переживай, пусть кобыла тут постоит. Я сейчас увезу на конный двор жеребёнка, и сам буду возить навоз, дней за пять вывезу, – успокоившись, сказал он.

- Да Акимушка, зря ты связался с этим подлецом, мстить будет, он родного дядю чуть в навозной жиже не утопил, - посочувствовал бригадир.

- Бог не выдаст, свинья не съест, - прогудел Бычков.

Они вместе обмыли, вытащенного из грязи жеребёнка, напоили его коровьим молоком. Затем Аким взобрался в седло на Соловуху, Василий подал ему жеребёнка и они покондыляли в сторону конного двора.

Приехав на конюшню, Аким занес Рыжика в «конюховку». Серёга с разбитым носом, пускал пузыри на лежанке.

«С полу он слизал самогон, что ли» - подумал Бычков.

Проснувшийся Серёга испуганно уставился на пришельцев.

- С этого дня Рыжик будет жить с нами в «конюховке», - утверждающе сообщил Аким.

- Ладно, ладно, - согласно закивал Серёга, - пусть живёт, мне то что.

Вот так к двум конюхам, на постоянное место жительства, примкнул маленький жеребёнок по кличке Рыжик.

5

Теперь, уважаемый мой читатель, настало время пояснить, какое же значение имеет слово – «конюховка», так часто употребляемое мной, в данном тексте и, что же это за сооружение, в котором теперь будет жить главный герой этой повести – Рыжик.

Так вот, «конюховка» - это слово естественно чаще всего употребляется, конюхами, и обозначает деревянную постройку – избушку, в которой отдыхают работающие на конном дворе конюхи. Кроме того в ней же располагается лошадиная сбруя, развешанная на стенах на металлических клиньях, над клиньями прибиты таблички с кличками лошадей, которым принадлежит эта самая сбруя. /Для особо несведущих в лошадином деле,

поясняю, что для рабочей лошади в состав так называемой сбруи входят: уздечка, хомут, шлея, седёлка, через седельник и вожжи. / А так же в этой избушке находится металлическая печь, типа «буржуйка», которая топится чаще всего берёзовыми дровами. И уж конечно в «конюховке» не обойтись без лежаков, которые обычно располагались вдоль стен, по всему периметру и одновременно служили лавками – сидениями, для колхозников, приходивших за закреплёнными за ними лошадьми.

Рыжику Аким отвёл место в свободном углу, настелив свежей соломы. Обещанную, бригадирю молочной фермы, работу он выполнил за пять дней, как и обещал, особо не утруждая Рыжуху. Рыжика Аким подпускал под кобылу с утра и, дождавшись, когда он напьётся вдоволь материнского молока, уносил его на новое место жительства, такое кормление повторялось в обед и вечером. Первые несколько дней, Рыжик, скукая по матери, начинал верещать тоненьким голоском, мешая захмелевшему Серёге дремать, но скоро привык к такому режиму. Серёга тоже привык к новому жильцу и иногда даже пытался его погладить, но Рыжик, учуяв запах перегара, недовольно прядал ушами и взбрыкивал.

- Вот шкет, ещё чо-то из себя выкаблучивает, - недовольно ворчал конюх и, отвернувшись к стенке, продолжал дремать.

Аким после того, как вывез навоз с фермы, упросил бригадира Михаила Алексеевича, чтобы он Рыжуху закрепил за конным двором, так как Соловуха не могла уже выполнять возложенные на неё работы.

Аким, выезжая в поле, косить траву для лошадей, брал с собой жеребёнка, и вот тогда Рыжик узнал, что же такое вольная воля. Вокруг зеленела трава, шумела растревоженная ветром берёзовая листва, жеребёнок сломя голову носился по полю, не отбегая от телеги на дальнейшее расстояние. Прислушиваясь к щебетанию различных птиц, Рыжик со временем понял, что люди не ржут, как лошади, а произносят звуки, как

птицы. Когда их собирается несколько человек вместе, они щебечут как воробьи, когда они начинают кричать друг на друга, они каркают, как вороны. А когда собирались несколько человек с тонкими голосами и с длинными волосами, они тараторили как сороки. Когда же начинал говорить Аким, что случилось, не так часто, Рыжик сразу представлял птицу филина, который частенько им встречался в дальней роще и, подслеповато глядя на него, пытался напугать своим уханьем. Жеребёнок поначалу действительно пугался, но постепенно привык и понял, что филин птица не злая.

Вот так размеренно протекала жизнь трёх божьих тварей, двух не кому не нужных, отвергнутых сельским обществом людей и одного маленького жеребёнка.

Блажной Аким, угрюмый и неразговорчивый с людьми, и заботливый, внимательный и доверчивый, к так полюбившимся ему, этим умным, трудолюбивым и благодарным животным – лошадям. Если бы кому-то удалось понаблюдать за ним незаметно, как Аким общается со своими подопечными, то этот наблюдатель был бы очень удивлён. Раздавая в кормушки сено, он то и дело останавливался для того, что бы погладить по холке очередную лошадку. Выражение его лица являло собой божественное умиротворение, подобие улыбки озаряло его обросшую щетиной физиономию. А если прислушаться, можно было услышать приглушенное урчание, издавая напоминающее мурлыканье большой дикой кошки – вероятно, это была его душевная песня. Но стоило появиться человеку, Аким замыкался и делался недоступным каменным идолом.

Пьяница Серёга, нескладный, никчёмный человек, нелюбимый ни людьми, ни лошадьми и тем же плативший им всем, жил так – день прошёл, и ладно. Основной задачей его было стремление поскорее найти спиртное.

И это иногда создавало конфликтную ситуацию между ним и третьим жителем «конюховки», жеребёнком Рыжиком.

Прошло около трёх месяцев, Рыжик подрастал, крепчал и начинал уже кое-что понимать. В отношениях с Акимом всё было ясно, их любовь друг к другу росла с каждым прожитым днём. А вот с Серёгой дружбы у Рыжика не получалось. Мало того, что от конюха постоянно пахло перегаром, к чему жеребёнок никак привыкнуть не мог, Серёга ещё постоянно не выпускал изо рта самокрутку, и когда он дежурил, в «конюховке» стоял едкий махорочный дым, как говорится – столбом. Жеребёнок чихал, выскакивал во двор, благо, что дверь открывалась свободно. А Серёга злорадно смеялся, приговаривая:

- Чё, антилигент, не нравица, вали на конюшню, обоим вам там место, вместе с твоим хозяином, - но побаиваясь Акима, он всё же Рыжика, немного покуражившись, загонял на место.

Подрастая, Рыжик стал замечать, что в «конюховке» иногда, вдруг, появлялись какие-то мешки, чем-то наполненные. Чем? Он своим жеребьячьим умом сообразить не мог. Затем эти мешки Серёга грузил на телегу и куда-то увозил. Вернувшись, назад он заносил авоську с несколькими бутылками, наполненными беловатой жидкостью, напоминающую молоко. Садился за стол, открывал одну из бутылок и начинал стаканами поглощать эту жидкость. Вокруг распространялся отвратительный запах, как от бутылок, так и от Серёги. Через некоторое время конюх пытался встать из-за стола, но как обычно сделать этого не мог и, завалившись на бок, начинал храпеть.

Однажды, когда Серёга в очередной раз занёс наполненный мешок, а сам куда-то вышел, любознательность Рыжика достигла верхнего предела и он, подойдя к лежащему на лежанке мешку, прокусил его своими острыми зубами. В мешке оказался комбикорм. Смесь эта показалась ему довольно

вкусной и жеребёнок, прорвав довольно большую дырку в мешке, начал поедать его содержимое, но услышав шаги Серёги, лёг на своё место. А нужно сказать, что в «конюховке» электрического света не было, и основным освещением являлись отблески огня из железной печки. Ничего не подозревающий Серёга, схватил мешок и поднял его, всё содержимое, через проеденную дырку, немедленно оказалось на полу.

- Ах, мать, пере мать, - захлебнулся в страшной злобе он, - это какая же тварь порвала мешок?

Но так как, притихший жеребёнок, не подавал никаких признаков жизни, словно сообразив, что ему сейчас нужно прикинуться спящим, не совсем трезвый Серёга, решил, что он где-то зацепился за гвоздь. Долго в темноте собирал в новый мешок рассыпавшийся комбикорм, постоянно сопровождая свою деятельность матом. Затем взвалив на плечо мешок куда-то вышел. Рыжик услышал скрип тележных колёс удаляющихся от конного двора.

Вернулся Серёга к утру, когда уже занималась заря. В руке у него, как всегда была авоська с бутылками. Он уже было расположился за столом, чтобы похмелиться, но слышавшиеся снаружи шаги не дали ему сделать задуманное. Конюх вскочил и быстро спрятал авоську с бутылками в ближайший висящий на штыре хомут.

Дверь заскрипела, и на пороге появился Аким.

- У, дьявол угрюмый, - заворчал Серёга, - я то думал бригадир идёт, а это тебя черти принесли.

Ничего не ответив, Аким уселся на лавку к печке. Облегчённо вздохнув, Серёга потянулся к хомуту за авоськой, но за дверью опять слышались тяжёлые шаги и в избушку зашел бригадир Михаил Алексеевич. Так как на улице уже рассвело, пробившийся через единственное окно свет, высветил остатки рассыпанного комбикорма:

- А что это у вас здесь за мельница, откуда комбикорм? – Строго спросил бригадир.

Аким угрюмо молчал, Серёга, заморгав красными глазами, залопотал:

- Дык ет, Алексеич, я тута хотел жеребца Битюка подкормить, ды вот малость рассыпал.

- Не бреши! – Нахмурился бригадир. - Где же тогда этот мешок с остатками комбикорма? Не ночью же ты его кормил, ты днём – то путём ничего не делаешь. – Поглядев на молчащего Акима, - бригадир повернулся к жеребёнку. – Ну, что Рыжик, изо всех, видимо, здесь проживающих, ты самый умный. Может быть, ты мне скажешь, что тут было.

Что нашло, в этот момент, на Рыжика? Трудно сказать, то ли он каким-то образом хотел избавиться от ненавистной авоськи, а может, хотел отомстить Серёге за все те неудобства, которыми тот угнетал Рыжика. Но он, вдруг, подошёл к висящему на стене хомуту и выдернул зубами из него авоську. Бутылки с грохотом свалились на пол и разбились, «конюховка» наполнилась отвратительным самогонным смрадом.

- Так вот значить, что здесь происходит, ворует комбикорм на ферме, сволочь, и обмениваешь его на самогон. Ни как всё не можешь свою поганую глотку залить до отказа. То-то мне Василий Афонасьевич жаловался, что мешки по ночам с фермы пропадают.

- Алексеич прости, больше ни когда не буду, только председателю не говори, - упал на колени Серёга, - они меня и так за человека не считают.

- А ты сам-то себя человеком чувствуешь или нет? Встань с колен, мразь, ты вон даже жеребёнку своими выходками надоел. Что толку председателю на тебя доносить, все равно ни хрена тебе не будет. Но знай, ещё раз попадёшься, я сразу напишу заявление в милицию. – И громко хлопнув дверью, бригадир пошёл запрягать коня.

Угрюмый Аким поднялся с лавки, презрительно плюнул в сторону напарника и тоже пошёл, кормить лошадей.

Вот так неожиданно Рыжик стал главным героем в разоблачении неприглядных дел нелюбимого им сожителя .

После этого случая, отношение окружающих его людей, изменилось и приблизило это животное к разуму человеческому, хотя бы и с невысоким уровнем интеллекта.

Аким твёрдо уверовал своим, не очень богатым, умом, что сознание Рыжика довольно близко расположено к их с Серёгой сознанию, и к его любви к этому жеребёнку прибавилось убеждение, что тот находится на одном уровне умственного развития с ними. Поэтому в присутствии Рыжика, он стал теперь более осторожен в своих действиях и словах. Всё допускаемое, по мелочи, неприличное отмёл. И потребовал от Серёги исключить грубые слова в присутствии своего друга, и что самое обидное, заставил своего напарника курить на улице.

Серёга не мог поставить разум жеребёнка на один уровень со своим, он просто не мог до этого додуматься. Но мешки с комбикормом в «конюховку» таскать перестал и некоторое время, после разоблачения, ходил трезвый, либо чуть-чуть навеселе. Матюгнувшись, с опаской оглядывался на Рыжика, словно боялся, что тот всё расскажет Акиму. В душе же он ненавидел это животное и мечтал, как - ни будь, поскорее от него избавиться.

Бригадир Михаил Алексеевич, приходил в «конюховку», садился на лавку, доставал маленький кусочек сахара и, протягивая его на вытянутой руке, подзывал Рыжика:

- Ну, иди ко мне, милоч, поговорим, больше-то здесь разговаривать не с кем, - и Рыжик, который, как мы помним, делил всех людей по их характеру

и отношениям к нему, начал понимать, что этот человек, как и Аким, относится к определению – Добрый. Он подходил к бригадиру, брал губами осторожно кусочек сахара и, похрустывая им, довольно махал хвостом. Бригадир гладил его по спине, холке, по высоко поднятой голове, и что-то несколько минут говорил – приятное, ласковое. И постепенно Рыжик начал понимать, что люди, всё-таки, не щебечут, как птицы, а разговаривают, как этот большой добрый человек.

Но однажды бригадир, зайдя к конюхам, обратился к Акиму:

- Ну, что Аким, я понимаю твою любовь к Рыжику, но ему уже скоро полгода будет, смотри он какой большой, четвертую часть вашей избушки занимает. Да вот и Серёга мне всё время жалуется, места ему мало. Надо жеребёнка переводить в конюшню к остальным жеребяткам.

- Сам знаю, мне этот иуда тоже надоел своими жалобами. Боюсь я, обижать его там наши толстяки будут. Пусть побудет ещё дней десять, уберу.

Но вот в один из этих дней – скорее ночей, произошёл опять неординарный случай, героем которого снова стал Рыжик, пусть может и не с главной, но достаточно значительной ролью.

Аким Бычков, занятый повседневной работой и воспитанием жеребёнка, совсем забыл о конфликте с Петькой «Прокурором», да, в общем – то, ему эта память была ни к чему. Но не таков был «Прокурор», он ещё ни разу, в своей поганой жизни, не забыл нанесённые ему обиды.

Была уже вторая половина октября месяца, на улице выпал первый колючий снежок. Так случилось, что в эту ночь, остались дежурить оба конюха. Серёга, как всегда под хмельком, завалился спать с вечера. Аким, растопив печку берёзовыми дровами, сходил во двор и принёс охапку поленьев в запас, на ночь. Посмотрев на разгорающееся пламя, он, закрыв дверку топки, тоже завалился на лежак. Через некоторое время «конюховка»

наполнилась громким храпом, оба конюха спали беспробудным сном. В своём углу дремал и Рыжик, но в отличие от своих сожителей, сон его был лёгким, каждый незнакомый шорох воспринимался его слуховым аппаратом и отражался на тревожно подрагивающих ушах.

Вдруг он открыл глаза и настороженно поднял вверх уши – на улице слышались крадущиеся шаги. Эти шаги до ужаса показались знакомыми Рыжику. Он где – то их слышал, так мог ходить только Враг. У всех животных, несмотря на вмешательство человека в их жизнь, сохранился веками выработанный инстинкт самосохранения. Стоит им только раз услышать шаги, враждебно настроенных особей, и они эти звуки запоминают на всю жизнь.

Да это были шаги Врага, запомнившиеся с первой встречи, когда он стоял вместе с матерью в станке. Рыжик поднялся на ноги и начал внимательно прислушиваться. Вот захрустел снежок у окна сторожки, чья – то тень закрыла звёздное небо. Постояв у окна, кто-то перелез через жерди забора и медленно направился к двери. Двери «конюховки» изнутри не запирались, ведь дежурные конюхи одновременно являлись сторожами на конном дворе. А какие сторожа охраняют порученное им имущество, закрывшись на засов в тёплой сторожке?

Что делать? Вот уже до двери остаётся несколько шагов, Рыжик быстро подошёл к Акиму, и крепко вцепившись зубами в его фуфайку, дёрнул спящего Друга.

- Ты чо, с ума спятил, - вылупил глаза Аким, быстро подымаясь на ноги. За стеной скрип снега прекратился, видимо крадущийся услышал шум в избушке. Аким присел на лежанку, недоумённо уставившись на жеребёнка, но, вдруг, почти у самой двери снова заскрипел снег.

«Кто это может быть?»- Промелькнуло в сознание Бычкова, и тут видимо тоже, инстинкт самосохранения Акима сработал, - возможно «Прокурор», говорил же дядя Вася – бригадир, что он будет мстить.

Аким быстро вскочил на ноги, схватил первый попавшийся под руку хомут и встал за косяк двери. Дверь открывалась наружу, и спрятаться за ней было невозможно. Вот она осторожно заскрипела, в отблесках печного огня, в проёме показалась голова. Аким поднял хомут и хотел одеть его на эту голову, но поторопился, она, голова эта, быстро отдёрнулась назад, хомут, пролетев мимо, исчез в темноте. Страшный удар ногой в живот, отбросил Акима к печке, он запнулся за берёзовые поленья, и упал навзничь на пол.

Петька «Прокурор», а это оказался именно он, бросился сверху на Акима, придавив его грудь ногой и левой рукой, правой полез за голенище сапога.

Рыжик всё это время, дрожа всем телом, переступая с ноги на ногу, не решался, что либо, сделать. Да и, что он мог. Он видел, как его друг и хозяин упал на пол, видел, как Злой сел на него верхом, жеребёнок хотел выскочить на улицу, но сцепившиеся в схватке люди барахтались у него на пути. Затем он увидел, как Злой потянулся к своей ноге и в отблесках пламени, в поднятой руке, засветился кусок блестящего металла, в мерцающем красном пламени эта картина была ужасна. Рыжик рванулся и, перепрыгнув через дерущихся, выскочил в дверь. Но прыгая, жеребёнок, взбрыкнув, сам того не желая, нанёс задними ногами сокрушительный удар в голову Врага.

Петька, вскрикнув, повалился набок, нож выпал из рук. Опрокинув «Прокурора», разбрасывая ногами поленья, Аким, быстро вскочив с пола, выдернул из стены металлический штырь, всё это он проделывал молча, тяжело дыша. «Прокурор» извергая немыслимые маты, схватил с пола нож и тоже быстро вскочил, но замахнуться не успел, металлический штырь, высоко поднятый Акимом, со всей силы, на какую только мог быть способен

Аким, опустилсЯ ему на правое плечо, рука обвисла плетью, нож выпал и впился концом в деревянный пол.

- А чой-то вы тут делаете, - вытаращив глаза, испуганно спросил, проснувшийся, Серёга.

- В поддавки играем, - тяжело дыша, ответил Аким, туго скручивая Петьку вожжами.

- Ладно, сука, твоя взяла, - зло прошипел «Прокурор», - скажи спасибо этому лошадиному рахиту, а то бы сейчас уже в аду на сковородке жарился.

Связав «Прокурора» Аким хотел подобрать нож, но подумав, что на его ручке останутся следы от пальцев, делать этого не стал. Засунув выдернутый из стены штырь, на место, повернулся к Серёге:

- Ты присмотри, чтобы эта тварь не развязалась, я пойду, найду Рыжика, после запрягу коня, и увезу этого подонка в милицию.

Жеребёнка искать долго не пришлось, он стоял за углом и мелко трясся от страха.

- Рыжик, ты настоящий друг, - обнял жеребёнка Аким, и, не удержавшись от нахлынувших чувств, крепко поцеловал его в мокрый нос, - пойдём, запряжем Рыжуху, да этого гада доставим в его любимое место, - обратился Аким к Рыжику, как к равному. И тот, успокаиваясь, двинулся вслед за хозяином.

А в избушке в это время Петька «Прокурор» обрабатывал Серёгу:

- Слушай, Серёга, развяжи меня!?

- Не, Акимка меня убьёт.

- Акимка не убьёт, ему в тюряге парится не с руки, а вот я тебе, освобожусь, точно голову откручу. Тебе и твоей вороне, а также всем председательским. Мне ведь много не дадут, ну может года три не больше. Давай развязывай, а я скажу своей бабке Марье, она тебе каждый день будет наливать по кружке самогона.

Что больше убедило Серёгу пойти на подлость: страх перед Петькиными угрозами, или предвкушение ежедневной порции самогона от бабки Марьи, но он быстро развязал «Прокурора».

- А это тебе на закуску к самогону, - прошипел тот, и со всех оставшихся сил, саданул своего спасителя левой рукой. Серёга, вякнув, как жаба, залетел под лавку. Петька, перепрыгнув через забор, исчез в ночи.

- А где «Прокурор»? – открыв дверь, спросил Аким.

- Убёг, гад! – шмыгая разбитым носом, простонал Серёга.

- А ты чего валяешься, благодарность получил, - догадываясь обо всём, прорычал Аким, - ну ты и Иуда, переломал бы я тебе рёбра, но рук марать не хочется, - и, хлопнув дверью, Аким пошёл распрягать Рыжуху.

Утром пришёл бригадир полеводства Михаил Алексеевич. Забрезживший рассвет, добравшись до окна сторожки, высветил последствия, произошедшего ночью события: по полу были разбросаны берёзовые поленья, на плохо оструганных плахах засохли пятна крови, видимо Рыжик, ударив «Прокурора» ногой, рассёк ему лицо или голову. На лежанке сидел Серёга и хлюпал разбитым носом, вокруг глаз расплзлись фиолетовые синяки. У прогоревшей печки, торчал, впившийся в пол нож – «финка». Аким сидел у входа в «конюховку», на чурбаке держа в руках, выброшенный ночью, хомут, и угрюмо смотрел себе под ноги.

- Вы, что подрались, что ли? – растерянно осматривая поле боя, воскликнул бригадир. - Совсем спятили!

- Ды, нет, - загундосил плаксиво Серёга, - ет нас Петька «Прокурор» отделал. Вона Акимку чуть не прирезал и мне морду начистил.

- А вы, что же, двое не могли с ним справиться?

- Справились, - зло, плюнув под ноги, поднялся Аким, - да вот эта тварь его развязала. Послушай бригадир, убери этого поскудника от меня, а ни то, я его, когда, ни будь, придушу, как бешеного пса.

- Ладно, после разберёмся, а сейчас садитесь, пишите заявления на имя начальника милиции и объяснительные.

- Я не хочу с «Прокурором» связываться, вон пусть этот, поганец, Серёга пишет. Да я и писать – то не умею.

- А я так прямо писарь, с тобой одну школу заканчивали, - загнусавил тот, - дык и я не хочу Петьке на перо попасть.

- Ладно, архаровцы, я сам напишу, а вы подпишите. Вас он перебьёт, не жалко, двумя дураками в деревне меньше будет, а вот если он конный двор следующий раз спалит вместе с конями, колхозу крышка придёт. – Михаил Алексеевич написал бумагу, конюхи поставили на ней какие-то каракули.

Ближе к обеду приехали два милиционера и следователь. Допросили Акима и Серёгу, составили протоколы, забрали «финку»...

...Петьку «Прокурора» взяли в больнице посёлка Лесозаводской, который находился в пяти километрах от села Орловки, где и происходят все описываемые выше события. У Петьки была сломана правая ключица, от удара металлическим штырём, и рассечен копытом Рыжика лоб.

В описываемые времена, следствие надолго не затягивалось, не бегали адвокаты, в поисках алиби, пытаясь во чтобы, то не стало, оправдать виновного, тем более рецидивиста. Поэтому суд состоялся уже через три недели, после задержания виновного. Перед зачитанием приговора Петьке предложили произнести речь в свою защиту. Но он на скамье подсудимых находился не первый раз, а уже четвёртый, и усвоил, что вся эта болтовня ни к чему. Толку, от неё никакого нет, поэтому от пламенной речи отказался, но отыскав злобным взглядом Акима, находящегося здесь, в качестве главного свидетеля, выдал:

- А ты Акимка, жди, выйду, я с тобой рассчитаюсь, и тварь эту рыжую прирежу!

В связи с тем, что особого урона Петька не нанёс, а от ножа наотрез отказался, сказав, что он его поднял у «конюховки», «Прокурор» в очередной раз был приговорён только к двум годам лишения свободы.

Акиму на общем колхозном собрании была объявлена благодарность и принято решение: для большей надёжности по охране лошадей, выдать ему дробовик - старое ружьё, которое давно валялось на складе, но для стрельбы по наглым воронам, было ещё пригодно. Серёгу в расчёт никто не брал, все знали его трусость.

6

После этого случая, не во что не верующий Аким, окончательно уверовал, что этих лошадей: Соловуху, Рыжуху и Рыжика ему послал Господь. Кто такой Господь? – Аким своим недалёким умом никак додуматься не мог, да и не стремился к этому, но представлял, что это какое-то всемогущее божество, которое лучше не гневить, и старался этого не делать.

Рыжика он продержал в «конюховке» ещё месяц, но жеребёнок настолько подрос, что приходившие за лошадьми колхозники начали ворчать:

- Ты, Акимка ещё бы жеребца Битюка завел сюда, совсем бы уж конюшня была. Нам скоро места здесь не будет. И чего это бригадир смотрит на всё сквозь пальцы.

Но бригадир так не смотрел, и в один из дней, когда Аким отсутствовал, они вместе с Серёгой, отправили Рыжика в общий загон. В загоне находилось ещё голов двадцать жеребят, приблизительно одного возраста. Жеребчики и кобылки пока содержались вместе.

Они-то жили в одном табуне почти со своего рождения, и давно привыкли друг к другу, а тут, вдруг, появился приличного роста недоросль, высокий на ногах, с длинной, красиво выгнутой шеей и аккуратной точёной головой. Совсем не похожий на них: коротконогих, толстоватых, с широкими черепами «битючков». Естественно приём Рыжика в их общество оказался не благоприятным. Каждый из жеребчиков старался толкнуть его своей тяжеловесной головой, либо слегка лягнуть толстой ногой с широким копытом. Особенно старался один из них, по кличке Валет, он был выше и шире других, чувствовал себя вожакom среди этого стада, и видимо в скором времени должен был заменить стареющего жеребца-производителя Битюка. Его, конечно, бесило то, что неожиданно нашелся соперник такого же роста, как и он, не совсем обычного обличия, уродливого – как считал Валет, но кобылки, находящиеся в табуне, сверлили его восхищённым взглядом, и это особенно не нравилось ему – «хозяину» этого табуна. Валет всячески старался навредить Рыжику. Пытался отбить его от кормушки. Вытолкнуть из тёплого сарая под падающие с неба снежные хлопья. Или наоборот прижать в углу, и давить своим, не по возрасту тяжёлым, весом.

Но Рыжик недолго терпел такое хамство, он был лёгок на ногах, отлично владел своим точёным телом, сначала он только ловко изворачивался от наносимых ему тумачков, но осознав, что стремительней своих соплеменников, ловко увернувшись от удара, наносил ответный, хлёсткий и довольно болезненный. Постепенно, почувствовав превосходство пришельца, жеребчики-битюки приняли его в свой табун. Но не таков был Валет, он был родной сын жеребца Битюка, и от него перенял характер вожака-собственника. Масла в огонь, их неприязни, добавила привязанность Рыжика к серой, в яблоках, кобылке. Она хоть и была тоже дочерью Битюка, но отличалась некоторой стройностью и тонкостью своего

телосложения, бывают же «выродки» у разных видов животных, вот она и являлась одним из индивидов такого плана.

Рыжик всегда старался незаметно оказаться рядом с ней, как бы невзначай касался своими тонкими губами её шеи, головы, носа. Если они оказывались рядом во время поедания кормов, он старался своим носом подтолкнуть ей лучшее зелёное сено, либо овсяные зёрна. И она отвечала ему тем же, оказывая, на первый взгляд, не заметные, мелкие знаки внимания.

И надо же было такому случиться, жеребчик Валет, то же в качестве фаворитки, выбрал для своего будущего окружения, именно эту серую кобылку. Из любви к ней и к Рыжику, назовём её, эту серую лошадиную красотку – Зорька. Заметив, как Зорька и Рыжик, сблизившись, обмениваются любезностями, Валет грубо втискивался между ними, при этом, стараясь отбросить лёгкого по сравнению с ним Рыжика подальше. Поворачивался задом, пытаясь ударить соперника копытом в голову. Быстрый Рыжик отскакивал, не понеся урона и, развернувшись, сам наносил удар копытом по коротким толстым ногам Валета. Тогда тот в бешенстве развернувшись, всем телом наваливался на обидчика и запускал крепкие зубы в подвернувшиеся части тела. Разгоралась битва не на шутку, иногда до крови. На шум приходил Аким, разгонял дерущихся жеребят, и сочувственно глядя на Рыжика, гудел:

- Ничего милый, терпи, тебе полезно, учись выходить победителем, жизнь тяжёлая штука, - по простоте душевной, он надеялся на то, что красота этого молодого жеребчика, всё-таки поразит души руководителей, и они согласятся оставить Рыжика жеребцом – производителем.

Рыжик словно понимая желания своего друга Акима, всё яростнее защищал свою честь и право быть любимым серой кобылкой Зорькой. Между соперниками должна была состояться решительная битва, за право

называться фаворитом, в табуне молодняка, этого колхозного конного двора. И она состоялась. Но позже.

Прошло несколько месяцев, за которые никаких изменений не происходило, Рыжик всё так же любил серую кобылку, пока любовью платонической. Всё так же отбивался от нападков своего соперника Валета, но оказать должного сопротивления он не мог, так как в табуне было тесновато и не хватало места для совершения боевого маневра. А для Валета, наоборот, такое положение было выгодно, имея значительный вес, ему было легче в тесноте зажимать противника в углы, наваливаясь на него всем телом и используя при этом острые зубы, на крепких челюстях.

Но вот настало то время, когда для правильного пополнения колхозных табунов, нужно было молодых жеребчиков и кобылок разделить, чтобы в дальнейшем избрать для этих уже созревших кобылиц, лучшего жеребца-производителя, для продолжения рода лошадиного.

Загон, в котором разместили жеребчиков, был достаточно обширен, для того, чтобы находящиеся в нём молодые особи гуляли спокойно, не задевая друг друга. И первую неделю Рыжик и Валет, словно не замечая один другого, спокойно сосуществовали в нём. Но вот однажды из соседнего загона, разделённого стенкой из горбыля, раздалось призывное ржание серой кобылицы Зорьки, Рыжик, рванувшись к перегородке, тоже в ответ радостно заржал, и, чувствуя дыхание любимой за стенкой, замер...

И вдруг страшный удар пригвоздил его к этой не отёсанной, шершавой стене, Рыжик, не удержавшись, свалился с ног. С трудом повернув ушибленную голову, он увидел, как его соперник, оскалив в бешенстве пасть, разогнавшись, снова несётся на него. Рыжик, собрав все силы, быстро отскочил в сторону, Валет по инерции, со всего своего не малого веса, грохнулся в забор головой. На этом можно было бы поставить точку в данной

развернувшейся битве, после такого удара лошадь любой другой породы больше бы уже не встала, но не таков был жеребчик тяжеловоз. Через минуту, тряхнув ушибленной головой, он снова, оскалив зубы, летел на своего соперника. И тут Рыжик понял, что это их последний бой, Валет не отступится, пока не забьёт его на смерть или пока не покалечит.

Места для маневра здесь было достаточно, и Рыжик решил показать всё, на что был способен. За время, проведённое в загоне с жеребьятами, он хорошо научился вовремя отскакивать от различного рода ударов, толчков и укусов. Отскочив в сторону от летевшего на него Валета, он не стал убежать, а повернувшись задом, со всего маха ударил задним копытом в голову, навстречу летящему на него врагу. Раздался громкий треск, и Валет, перевернувшись в воздухе, ударился спиной об землю. С трудом поднявшись, он опять устремился на своего противника, но Рыжик уже определил тактику происходящего боя в свою пользу. Используя неповоротливость Валета, он постоянно оказывался сбоку от него и наносил длинными задними ногами, с жёсткими копытами, по голове, по ногам и рёбрам хлёсткие удары. Чем больше зверел Валет, тем больше и больнее получал затрещины. Измотавшийся и избитый соперник Рыжика, в конце концов, получив очередной удар в челюсть, почти бездыханный, грохнулся на землю.

Наблюдавшие, за этой жестокой схваткой, Аким и Серёга не мешали жеребцам выяснять – кто тут хозяин. Серёга, схватив валявшийся под ногами хлыст, хотел метнуться к жеребчикам, но Аким, поймав его за рубаху, придержал этот порыв:

- Не лезь, роно или поздно это должно было случиться.

- Ладно, хрен с тобой, посмотрим, чо ты завтра бригадиру сбрехнёшь.

После того, как Валет грохнулся об землю, Серёга, чуть не плача, запричитал:

- Ну вот, чёрт угрюмый , таперя нас с работы того... Угробил твой выродок будущего жеребца-производителя.

Но утра ждать не пришлось, Михаил Алексеевич, неожиданно появившийся в этот самый момент, глядя на лежащего Валета, тревожно спросил:

- Что с ним произошло?

Аким, нахмурившись, отвернулся, зато Серёга со слезой в голосе, заголосил:

- Лексеич, я говорил, чо ету тварь нада сдать на мясокомбинат, убил ведь он Валета.

- Как убил? Это же будущий производитель. Да вы знаете, что будет? Нас председатель всех выгонит с работы. Серёга беги за ветеринаром. А ты, чертяка угрюмый, своего выродка девай куда хошь, что бы он мне больше на глаза не попадался. Если Валета покалечил, я сам твоего рыжего беса отвезу на мясокомбинат.

7

Пришедший ветфельдшер Семён Терентьевич, напялив серьёзную мину на своё, не всегда трезвое, лицо, долго ходил вокруг лежащего Валета, подымал его голову, заглядывал в глаза, ощупывал ноги и рёбра. Затем, взявшись за собственную спину, с трудом выпрямившись, подняв вверх дрожащий палец, поставил диагноз:

- Ни хрена с ним не будет, такие кости только трактором можно переломать, но мясо ваш Рыжик в отбивную котлету Валету превратил, так что недельки три он будет с болью вспоминать произошедшее.

Все присутствующие облегчённо вздохнули. Аким, злорадно взглянув на лежащего Валета, подошёл к Рыжику, погладил его по носу и удовлетворённо шепнул:

- А ты Рыжий, молодец, настоящий породистый жеребец!

- А ты Акимка, не радуйся, - каким-то образом услышал слова конюха, казалось напрочь глухой, ветеринар, - скоро я твоего Рыжика кастрирую, ждать осталось не долго. Идите, помогите поднять Валета, надо его в отдельный станок завести.

Стонущего жеребчика подняли, всей бригадой, на ноги и повели в станок, когда проходили мимо Рыжика, тот победоносно подняв красивую голову, заржал. В станке, куда был доставлен Валет, ветеринар, вытащив из сумки шприц, сделал жеребчику укол и, повернувшись к Акиму, спросил:

- Самогон есть?

- У меня нет, - ответил тот, - а зачем, я не пью.

- Зато я пью, - оскалился Семён Терентьевич, - с тебя магарыч, мне теперь придётся две недели каждый день, по три раза приходить к вам, ставить уколы.

- У меня есть, - поглядывая с опаской на бригадира, сообщил Серёга.

- Ладно, доставай, - обрадованный благополучным исходом лошадиной битвы, согласно кивнул Михаил Алексеевич.

Все, кроме Акима, выпили по стакану мутного самогона. Закусили, лежащим на столе, хлебом, и двинулись по своим делам. Уходя, бригадир ещё раз наказал Акиму:

-Я не шучу, ты Аким, давай-ка отгороди, для своего породистого, отдельный загон и поскорее. То, же мне, боец вымахал, беда с вами, да и только!

На другой день Аким запряг Рыжуху в дроги, поехал в лес. Нарубил осиновых жердей и соорудил, как раз против окна «конюховки», добротный загон. Затем повторив свой визит в сторону леса, привёз мелкого берёзового кругляка, и смастерил в этом загоне прочный навес и кормушку на несколько

лошадей. На третий день, пришедший на конный двор бригадир, обнаружил загон и в загоне лошадиное семейство: старую Соловуху, Рыжуху, мерина Каштана и жеребчика Рыжика.

- Это, что за единоличный раздел? – Обратился он к стоящему в стороне Акиму.

- Почему единоличный, общественный. Каждый должен жить с милыми его сердцу сожителями, - уверенно ответил конюх.

- Ты Аким, как малое дитя, - удивлённый таким выводом, не нашёл более подходящих слов бригадир, - жеребчик – то скоро превратится в жеребца, что ж ты его с матерью поселил.

- Вот когда превратится, я ему сделаю отдельный станок, а пока пусть живут вместе.

И жизнь продолжала, плавно без каких – то особых перемен, протекать мимо конюшен и «конюховки» данного конного двора.

Прошел ещё год, и вот наступило то благодатное время, с которого началось это лошадиное повествование – весна.

Всё в природе устремилось к жизни, к воле, любви. Всякая животина: зверушка, птаха, насекомое стремятся скорее выбежать, вылететь, выползти из своего укрытия, в поисках этих самых любви и воли.

Рыжик, который стал настоящим жеребцом, стройным красавцем с лебединой шеей и точёной головой, уже с полгода находился в отдельном загоне, отгороженном Акимом рядом с материнским. Это было сделано за тем, чтобы избежать близкородственного спаривания, лошади, как бы они не были умны, всё - таки относятся к классу животных, хотя туда же можно отнести и некоторых людских особей.

Напротив, через двор, находился загон молодых кобылиц, где в общем табуне резвилась серая кобылица Зорька. Они не забыли друг друга, часто подходили каждый к своему забору и, встретившись взглядами, издавали

любовные ржания, но преодолеть прочный забор у них не было возможности.

И вот, когда наступала эта благодатная пора благоухания природы и любви, эти хитрые люди, для собственной выгоды, пренебрегая притягательными узами и привязанностями отдельных особей, производили спаривание кобылиц с избранным только ими жеребцом производителем. И тут уж люби – не люби, а другого выхода не было, да и природа требовала своего.

Однажды Рыжик увидел, как, Равнодушный, т. е. Серёга выпускает табун молодых кобылиц на волю – за ворота конного двора. И не успели они скрыться в ближайшей рощице, как нелюбимый конюх, крепко держа за узду, повёл в том направлении жеребца Битюка. Как видно люди пока Валету не доверяли, хотя после битвы он выправился и выглядел довольно внушительно, не хуже Битюка.

Сердце Рыжика учащённо заколотилось, ведь в том табуне, отпущенных на свободу кобылиц, находилась его любимая серая в яблоках кобыла Зорька. Он начал метаться по загону, несколько раз, налегая на жерди, пытался их поломать, но они были достаточно крепки. И тогда в красивой, точёной голове жеребца всплыла, видимо переданная ему отцовским инстинктом, неудержимая выходка. Он разбежался по кругу вдоль забора и, вдруг, изменив резко направление, маханул через этот забор, как когда-то также поступил его отец - породистый жеребец с конезавода.

- А ты куда, сволочь? - Закричал возвращающийся назад Серёга, - вот неудержимый гад. Пойду, позову Акимку, пусть он сам отлавливает этого выродка.

Предупреждённый Аким, сделав вид, что торопится вслед за Рыжиком, зашел в конюшню, завалился на солому и задремал.

«Пусть жеребчик потешится, от кобылы не убудет» - имея в виду серую кобылицу, подумал засыпающий Аким.

Рыжик летел, как говорится, «не чувствуя под собой ног» и не по тому, что к нему в голову закралась какая-то мысль о ревности, нет. Он просто, почувствовав свободу, понял, что сейчас состоится долгожданная встреча с любимой серой кобылой. Но проскочив лесок и выбежав на поляну, Рыжик увидел, как человек, пропахший лекарственными веществами, / это конечно был колхозный ветеринар/, подводит за уздечку жеребца Битюка к его любимой Зорьке. / Оплодотворение кобылиц туповатым конюхам не доверяли. Во первых они не внимательно относились к этому процессу, во вторых не умели писать, а нужно было всё заносить в особый журнал. Лошади в то время имели огромную ценность в колхозах. /

Битюк расширил ноздри и тяжело засопел, в предчувствии обладания одной из наложниц его обширного гарема. Рыжик, стремительно метнувшись между жеребцом и кобылицей, оттолкнул её в сторону и грудью, отбросив ветеринара, ударил в голову Битюка. Ошалев от такой наглости, пожилой жеребец несколько секунд стоял вытаращив на обидчика глаза, затем злобно заржав и оскалив крепкие ещё зубы, взвился на дыбы и, выставив огромные копыта, стал опускаться на Рыжика. Испуганный ветеринар, Семен Терентьевич, сбитый молодым жеребцом, запутавшись в траве, ползал под деревом, увидев, как огромный тяжеловоз опускается на миниатюрного скакуна, закрыл глаза:

- Всё, конец, отбегался рыжий подкидыш!

Но шустрый Рыжик, стремительно выскочил из-под опускающихся на его спину тяжелых копыт. Битюк, пронизав пустоту, грохнул копытами об землю, по щиколотку утонув в ней. Получив ответный удар копытами в грудь, он окончательно озверел. Тут-то Рыжик почувствовал, что опытный

Битюк нечета молодому Валету. Он понял, что больше не сможет нанести удар своему противнику, потому, что тот как ураган стал взлетать на дыбы и стремительно обрушиваться на противника, нещадно кусая его крепкими зубами. И поняв это Рыжик, решил измотать своего соперника. Он ловко отворачивался от ударов и укусов, но на большое расстояние не уходил, не давая тем самым остановиться и передохнуть Битюку в яростной атаке. Борьба продолжалась ещё минут пятнадцать, и молодость победила, пожилой жеребец начал уставать: тяжело задышал, покрылся потом, его прыжки становились всё медленнее и ниже, с губ срывались клочки пены. Наконец он, опустив голову, остановился, Рыжик, так больше ни разу не ударивший своего соперника, развернулся и пошёл к своей любимой серой в яблоках кобылице.

8

Кобылицы, перепуганные борьбой жеребцов, сбились в плотный табун на краю поляны, и лишь Зорька, стояла в нескольких шагах от поля боя, наблюдая за исходом сражения и любуясь необыкновенной ловкостью Рыжика, не выдавала своего волнения, видимо была твёрдо уверенная в его победе. Когда он, измотав Битюка, двинулся к ней, Зорька, сделав шаг навстречу, ласково потёрлась головой о его голову и лизнула победителя в нос. Он в ответ на это положил свою голову ей на холку, словно хотел обнять свою любимую...

И так, касаясь, друг друга, они стали удаляться от табуна в лес, никто из лошадей не последовал за ними, и лишь опомнившийся, наконец, ветеринар, замахав руками, заорал:

- Куда, вернитесь назад, - забыв, что это лошади, а не люди, кричал он. « Сейчас этот скакун испортит лошадку » - Видимо, Семён Терентьевич

твёрдо запомнил наказ председателя, не подпускать этого «выродка» к кобылицам.

Но Рыжик и Зорька не только не понимали его, они просто ничего не слышали и, кроме друг друга, никого не замечали. Вдруг молодая кобылица, зашла вперёд и, развернувшись к жеребцу, прижалась своим телом к его груди. Он почувствовал, как мелкая приятная дрожь постепенно от неё переходит к нему, в его тело и, неожиданно возникшее, желание овладевает его сознанием и мускулатурой. Зорька, лизнув его в нос, развернулась и замерла...

...Через несколько минут наполненный восторгом, счастливый Рыжик, поглаживая своим носом холку, шею и спину серой кобылицы, готов был сражаться с тремя жеребцами Битюками, и даже погибнуть, если это потребуется для спасения своей любимой...

Потерявшись в пространстве и времени, они брели по лесу, всё дальше и дальше удаляясь от своего конного двора. Рыжик шёл впереди, отыскивая самую лучшую траву, какая могла расти в лесу, и тихим ржанием приглашал Зорьку отведать этой волшебной травы. Постепенно начало смеркаться, но счастливые лошади этого не замечали.

Задремавший в конюшне на соломе Аким, проснулся от громких вскриков: «Что-то там Семён Терентьевич кричит» - окончательно освобождаясь ото сна, догадался конюх. Выйдя из конюшни в загон, Аким увидел ветеринара, размахивающего руками и заикающегося от волнения:

- Акимка, ты где? – Увидев Акима, Семён плаксиво загнусавил, - Акимка, наделал делов твой скакун, завтра нас председатель всех с работы выгонит.

- Да, ты толком – то можешь сказать, в чём дело? – Спросил озадаченный нытьём ветеринара Аким.

- В чём дело, а в том, что он дьявол отбил у Битюка серую кобылицу и увёл в лес. Счас, наверна, уже испортил, подлец. Што я теперь скажу председателю.

- Это как же мой жеребчик мог обидеть такого бугая? Штой-то ты, Семён Терентьевич не то несёшь, - обрадованный в душе очередным подвигом своего питомца, засомневался Аким.

- Черт вертлявый, измотал жеребца до упаду, а сам в кусты вместе с Зорькой. Что теперь будет?

- Да ничего, ты поменьше языком трепи. Што ты, как евнух всполошился, - попытался успокоить ветеринара Аким. И обернувшись в сторону сторожки, крикнул, - Серёга, хватит дрыхнуть, поедем за лошадьми.

Оседлав Рыжуху, Аким поехал на поляну собирать лошадей. Кобылицы разбрелись по всей поляне, мирно щипали траву. Между ними, изрыгая злобное ржание, нервно ходил, ещё не успокоившийся, жеребец Битюк. Рыжика и серой кобылицы Зорьки не было. Аким, привстав на стремянах, позвал в сторону леса:

- Рыжик, Рыжик, Рыжик, - прислушался, в надежде услышать ответное ржание и не услышал.

- Чё орёшь? – спросил подъехавший Серёга.

- Да вот Рыжик с Зорькой пропали. Надо искать.

- Ничего с ними не случится, нажрутса, и сами придут, - беспечно отмахнулся Серёга.

- Ладно, погнали лошадей в загон. Подождём, может, и придут, - с сомнением согласился Аким.

Загнав лошадей на место, Аким седло с Рыжухи снимать не стал, нервно ходил по двору, заглядывая в ту сторону, откуда должны были появиться потерявшиеся любимцы. Начинало смеркаться, но их не было.

Аким зашёл в сторожку, достал из-под лавки дробовик, несколько патронов положил в карман.

- Ты куда, на охоту, чо ли? - Съязвил Серёга.

- На охоту. Готовь сковородку, мясо жарить будешь, - так же язвительно бросил Аким и, хлопнув дверью сторожки, вышел во двор. Ещё раз посмотрел в сторону леса – никого видно не было. Закинув ружьё за плечи, он вскочил в седло и двинулся в сторону предполагаемого нахождения лошадей. Рыжуха, словно догадавшись, куда нужно идти, уверенно шагала в том направлении, Аким доверявший лошадям, как себе, отпустил повод уздечки, давая Рыжухе свободу действий.

Счастливые Рыжик и Зорька, не замечая ничего вокруг, продолжали медленно углубляться в лес, удаляясь всё дальше и дальше от родного конного двора. Сумерки постепенно начинали сгущаться.

Вдруг, совсем не далёко возник пугающий, леденящий душу вой. Начинаясь с грубых, низких звуков, он, этот вой переходил в металлическое высокое, тоскливое, тягучее завывание. В нём одновременно слышались страдания и угроза. Другой, не менее страшный, возник не далеко в другой стороне, слева. Как бы отдаваясь эхом, такой же послышался справа. Затем они объединились в общее завывание, нагоняющее ужас на заплутавших лошадей.

И здесь, впервые Рыжик испытал настоящий страх, да что там страх – ужас. В сознании всех лошадей, ещё с тех времён, когда они были дикими и свободно блуждали по лесам, сохранился этот вой, как сигнал к близкой беде, к ужасному смертному исходу. Это было завывание голодных волков. Наголодавшись за лютую сибирскую зиму, они, объединившись в крупные стаи, вышли на охоту. Вой стремительно приближался, и вот уже, сквозь

кусты, замелькали красно-зелёные хищные глаза убийц. Слева, справа, и уже сзади.

Но инстинкт самосохранения у лошадей вызывает не только страх и временное оцепенение, но и веками выработанную решимость к самозащите. Рыжик больше напугался не за себя, а за свою подругу и, сообразив, что он является сейчас единственным её защитником, решился бороться до конца.

Волки прекрасно знают, что на лошадь бросаться сзади, под задние копыта – самоубийство. Поэтому нападают спереди и сбоку, стараясь, вцепится в горло. Рыжик оттеснил свою подругу к толстому дереву, лишив тем самым врагов возможности нападения на неё сбоку, с той стороны. Сам принял боевую стойку с другой.

Первым на него бросился видимо ещё не совсем опытный волк, он попытался метнуться на спину Рыжика сбоку, ближе к задней ноге и просчитался, жеребец, моментально развернувшись, принял волчью морду на своё копыто, раздался треск ломающихся костей и волк, завизжав как собака, в судорогах начал кататься по траве.

Из лесу прямо на грудь метнулся другой, более крупный волк, возможно вожак стаи, значения это, для разъярённого жеребца, никакого не имело. Рыжик метнулся в сторону, но почувствовал острую боль в области лопатки и тут же в нос его ударил запах свежей крови. Волк отскочил и приготовился броситься снова, Рыжик понял, что развернуться не успеет, да и приходилось одновременно отбиваться задними копытами от других врагов, и тут он вспомнил Битюка, скорее его приёмы борьбы, и взвился на дыбы. Волк, нацелившись в грудь и в горло коня, вдруг потерял их из виду, и, пролетев по пустому месту, шмякнулся об землю. В это время на него сверху обрушились крепкие копыта его жертвы. Раздался треск ломающихся позвонков и волк, беспомощно взвизгнув, остался лежать на месте. Но

обстановка начала выходить из-под контроля Рыжика, уже три волка, одновременно, заходили на него со всех сторон, ещё один нападал на Зорьку, она не умело отбивалась.

И в это время, вдруг, вспыхнуло пламя, раздался грохот грома, и ещё один волк, перевернувшись в воздухе, начал беспомощно ползать по траве. Через минуту гром повторился, но оставшиеся в живых волки, огрызаясь, уже скрылись за деревьями.

- Рыжик, - подбежал к жеребцу Аким и начал его гладить, словно не веря, что тот жив.

Рыжик радостно заржал, Зорька, содрогаясь от страха, прижалась головой к плечу конюха.

- Да ты, никак, ранен?! - Почувствовав на руке кровь, воскликнул Аким, зажег спичку, - рассёк тебе волчара плечо, но ничего заживёт. Ладно, пора домой.

И они, сопровождаемые ужасным завыванием потрёпанной, голодной волчьей стаи, опасливо озираясь, двинулись в деревню. Аким, развернув Рыжуху, снял с плеча дробовик и ещё раз выстрелил в сторону хищников. Завывания становились всё тише и тише, и через некоторое время затихли совсем, лошади вышли на опушку леса. Запахло родным конным двором.

Была глубокая ночь, деревня спала, в загоне мирно посапывали спящие лошади и лишь из станка обиженного жеребца Битюка, доносился топот копыт, видимо он никак не мог успокоиться, и, нервно перебирал ногами. Да иногда стонала во сне старая кобыла Соловуха, наверное её донимал ревматизм.

Аким зажжёт фонарь, осмотрел рану, нанесённую Рыжику волком. Рассечена была только кожа, /шкура/но кровь скатываясь со всего разреза, собиралась в крупные капли и стекала по ноге на землю. Промыв

марганцовкой рану, Аким обильно обсыпал её стрептоцидом, ветеринар оставлял конюхам эти два препарата, на случай мелких ранений лошадей.

- Ничего, до свадьбы заживёт, - прогудел он, попавшийся на язык, каламбур. Позвал лошадей за собой, и закрыл их с Зорькой в одном загоне, вместе, предварительно насыпав в кормушку овса.

9

Утром на конном дворе разразился скандал. Ветеринар Семён Терентьевич, видимо боясь ответственности за то, что не уследил за правильностью оплодотворения кобылиц, всё рассказал председателю колхоза Цибулевскому. Тот, вскочив в старенький, трофейный «Опель», полетел в деревню Орловку. Центральная контора, где заседал председатель, находилась в посёлке Лесозаводском.

Пока он трясся пять километров до села, на конный двор пришел бригадир Михаил Алексеевич, заглянул в загон, который нельзя было никак обойти, проходя в сторожку, и обмер:

- Да это, что за мать твою, - не находил он подходящих слов, - Акимка, ты что, сволочь, совсем осатанел? Ты, что делаешь, зачем соединил Зорьку с Рыжиком.

- Слушай, бригадир, тут такое дело произошло, - опустив тяжёлый взгляд в землю, медленно подбирая слова, загудел Аким, - не мог я их развести по разным загонам, пострадались они сегодня ночью вместе. – И он рассказал обо всём, что произошло с лошадьми: и о том, как Рыжик сражался с Битюком, и о том, как после они с Зорькой потерялись, и о том как на них напали волки.

- А как же ты сразу упустил этого своего дьявола из загона?

- Дык он сам выпрыгнул через ограду, а я его не догнал, - соврал конюх, о том, что он гнался за жеребцом.

- Ну, всё, считай, что твоего Рыжика больше нет, ждёт его мясокомбинат. Сегодня ветеринар доложит директору, и конец.

- Слушай Алексеевич, давай я обучу Рыжика под седло или под лёгкие дрожки, и будет он выездным жеребцом. Смотри, какой красавец, отдадим его учётчику либо бригадиру тракторной бригады и пусть ездят на дрожках, из других колхозов завидовать будут.

- Каму он нужен, у всех выездные кони есть. Каждый старается взять себе коня покрепче, чтобы он работать мог, все же себе сено готовят. Разве твой Рыжик потащит сенокосилку или грабли. У него силы не хватит, а если даже потянет, то разобьёт их, он же рысак.

И тут появился председатель колхоза Цибулевский. Несмотря на свой довольно обширный живот, быстро выскочил из машины, и сразу набросился на бригадира.

- Вы что бездельники, породу лошадиную погубить хотите. Это, что за безобразие, скрещивать рабочих кобылиц с какими-то уродами. Немедленно этого недоделанного отправить на мясокомбинат, - не давая никому открыть рта, кричал председатель.

- Почему это урод? - Наконец вставил слово бригадир. - Вот, как раз наоборот, красавец.

- Да мне уже давно Сергей Пирожков говорил, что Рыжуха урода родила, - не отступал от своего председатель.

- Ну, тогда понятно, откуда ветер дует, - зло сплюнув, прогудел Аким, - да, ты посмотри на него, вон он стоит.

Цибулевский, как шарик подкатился к загону, и замер. Перед ним стоял рыжий красавец с гордо вытянутой шеей, точёной головой, на длинных стройных ногах. Лицо председателя, как маска лицедея, медленно начало меняться. Напускная злость стала размываться, меняясь на жирную

довольную рожицу с доброй, милой улыбкой. Но заметив, как на него смотрит Аким, он опять принял устрашающую мину:

- Красив, но в жеребцах он нам не нужен. Скажу ветеринару, чтобы он в этом месяце его кастрировал, а там может, кто ни будь, возьмёт на выезд, не возьмёт, отправите на бойню.

Поговорив ещё с полчаса, обо всём, что касалось полевых работ на отделении, председатель сел в свою развалюху, и уехал в посёлок. Бригадир ушёл. Аким не знал, что ему делать, радоваться или горевать. Радоваться от того, что Рыжик остался в колхозе, горевать от того, что его будут кастрировать. Зашёл в загон, погладил жеребца по холке:

- Ладно, приятель живи, а там видно будет, - успокоился он, и пошёл кормить других лошадей.

Кастрация, это не просто процесс обрезания семенников у самцов животных, в данном случае у жеребцов. Это особый ритуал, в котором принимают участие не только члены обслуживающего персонала и ветеринар, но и руководящий состав, в лице бригадира, и просто зеваки – колхозники, в данный день свободные от работы.

Бригадир, для того, чтобы в нужный момент дать распоряжение зевакам об оказание необходимой помощи, если это потребуется, но и, кроме того, для общего соблюдения порядка.

Зеваки на всякий случай - а вдруг, действительно понадобится их помощь, но и, конечно, для выражения восхищения умелыми действиями ветеринара Семёна Терентьевича.

Обслуживающий персонал, в данном случае, конюхи Аким и Серёга, были главными ассистентами ветеринара, осуществляющими отлов, повал и удерживание в нужной позе жеребчиков, во время кастрации.

И конечно главное действующее лицо – это ветеринар Семён Терентьевич. В этот день Семён менялся до не узнаваемости, выпив сто пятьдесят граммов самогона, для храбрости, и для того, чтобы унять постоянную дрожь в пальцах, он не ходил, а плыл, торжественно вытянув ревматическую спину и задрал голову, в чистом синем халате и в резиновых перчатках. Видимо представляя себя знаменитым хирургом, из столичной клиники.

Кастрации подвергались сразу все, созревшие, жеребчики, кроме того, которого оставляли на племя, для продолжения рода лошадиного, в данном случае Валета.

- Давай первого! – задрал кверху палец в перчатке, распорядился «хирург»

Всего жеребцов для данной экзекуции было девять, Рыжик был десятым. Он содержался, как всегда в отдельном загоне, и если другие жеребчики были в конюшне и не видели всей этой процедуры, то ему придётся видеть всё, так как операционный стол, в виде свежего разбросанного толстого слоя соломы, находился у его загона.

Аким, накинув аркан, первому попавшемуся жеребцу, на шею, подвел его к «операционному столу». Они с Серёгой, быстро перебросив петли верёвки, этого же аркана, через грудь у передних ног и через живот у задних, зайдя сзади жеребчика, резко потянули свободный конец верёвки на себя. Жеребец глубоко выдохнул и рухнул на солому. Быстро перехватив заднюю ногу, которая при падении оказалась сверху, Аким, обвязав её свободным концом верёвки, натянул высоко к спине, освобождая место деятельности ветеринару. Серёга прижал голову животного к земле. Этот приём в животноводстве называется – кавказский повал.

То, что нужно было отрезать, свободно красовалось на внутренней стороне ляжки нижней ноги жеребца. Семён Терентьевич, измазав шкуру на

оперируемом объекте пациента йодом, полоснул острым скальпелем по этому объекту, с двух сторон, зафиксировал семяпроводы выпавших семенников специальными щипцами, и начал их закручивать в плотный жгут.

- Ах, чтоб тебе, - не выдержал один из зевак, - тебе бы, сволочи, так, - имея в виду ветеринара, выругался он.

- Заткнись, без тебя тошно, - сказал бригадир, и показал здоровенный кулак нервному колхознику.

Примерно через полчаса, сняв щипцы, и обсыпав рану иодоформом, ветеринар распорядился, отпустит мученика. Аким снял аркан, с теперь уже не жеребца, а мерина, тот с трудом встав, медленно побрёл в загон. По щекам его катились крупные слёзы, а по внутренним ляжкам задних ног, мелкие капли крови. Отдыхая по несколько минут, после каждого пациента, так примерно за шесть часов, кастрировали девять жеребцов. Остался последний – Рыжик. Ветеринар и его ассистенты уже порядком подустали. Семён Терентьевич периодически, после каждой очередной жертвы, выпивал пару, тройку глотков самогона, и уже плохо держался на ногах, но хирургические действия исполнял отменно. Набитая рука промаха не давала.

Рыжик, невольно наблюдавший эти процедуры, нервно ходил по загону. Знакомый запах крови и её красный цвет, вызывали у него тревогу, переходящую в страх. Ему хотелось разбежаться и, перепрыгнув забор, метнуться в лес. Но, ещё не совсем зажившая, рана напоминала ему обо всех ужасах лесной прогулки. К тому же успокаивало его присутствие Акима, в этом скопище двуногих животных. Он видел, как страдают его сородичи, но не мог понять, с чем это связано и особой жалости к ним не испытывал. В то же время внутренним чутьём понимал, что оказаться лежащим на этой соломе он не должен, это грозит ему большой бедой.

Но вот все собравшиеся повернулись в его сторону...

- Может на сегодня хватит? – С надеждой в голосе, спросил Аким.

- Дык, я ни проти, - заплетающимся языком, выдавил ветеринарный эскулап.

- Нет уж, давайте, кончайте всех, - запсиховал бригадир, - мне и так за ваши проделки досталось.

- Ну, я Рыжика ловить не буду, - твёрдо заявил Аким, - пусть Серёга старается.

Серёга, взяв аркан, начал перелезать через ограду загона. Рыжик, не любивший этого пьяницу, и не ожидавший ни чего хорошего от него, злобно заржал и, оскалив зубы, двинулся к забору. Серёга быстро спрыгнул на землю с обратной стороны:

- Нет уж, вы как хотите, но я примать смерть от этого гада не хочу, - плаксиво заверещал он.

Вот тут-то и подошла очередь полезности присутствующих здесь зевак-колхозников.

- Ну, кто смелый? – Кинул клич бригадир, - кто поймает этого скакуна, тому за сегодняшний день десять трудодней запишу.

В толпе произошло замешательство, желающих не было, и не по тому, что они не умели обращаться с лошадьми или боялись их. Нет, и умели и не боялись – люди всю жизнь провели с лошадьми. Им было жаль унижать такого красавца, уж они-то понимали толк, в красоте животных.

«Ну, слава богу!» - Подумал Аким, и уже хотел направиться в сторожку, но тут выступил перед бригадиром, неказистый, хлюпенький мужичок:

- Я поймаю, бригадир, - спокойно произнёс он, забирая аркан из рук Серёги.

- Вот сволочь не русская, - пронеслось в толпе.

Это действительно был кабардинец Лёня, депортированный с Кавказа в Сибирь во время войны, как враг народа. На деревне его так и звали –

Кабардинец. В те времена врагами были многие, и русские и не русские, Сибирь не успевала принимать изгоев со всего Союза.

Быстро, как рысь, Кабардинец перемахнул через забор, намотал на руку аркан и смело стал надвигаться на Рыжика. Рыжик встал на дыбы, чтобы со всего своего веса опустится на ловца, но тот, вдруг, стремительно метнулся в сторону и, оказавшись сбоку, метнул аркан, петля крепко обхватила шею жеребца и, чтобы не задохнуться, он пошёл за натянутым арканом, то есть, за Кабардинцем.

Без посторонней помощи, Лёня ловко обвязал петлёй грудь и живот, слегка придушенного, потому и беспомощного Рыжика, и, дёрнув за свободный конец верёвки, моментально повалил жеребца на солому. Весь процесс этого повала заключался в том, что придушенный петлёй на груди и на животе, жеребец не мог глубоко вздохнуть и терял свою силу и мощь...

- Во, гад, даёт, - раздался из толпы злобный возглас, - Акимке, поскуда, мстит.

А мстить, по рассуждению колхозников, было за что. Кабардинец раньше работал конюхом на этом конном дворе, хотя, так называемых «врагов народа», не должны были допускать к стратегическим объектам, которыми в те времена являлись кони. Основная тяговая сила и на сельхоз. работах, и в армейских обозах. А так как быть конюхом желающих не находилось, на конюшню был брошен отщепенец, потихоньку, чтобы никто не знал. Но когда Аким слёзно попросился на это место, председатель, с радостью убрал Кабардинца, пока не дошло до НКВД, поставил на его место Бычкова Акима.

...И так Кабардинец, повалив Рыжика на солому, быстро завязал и подтянул заднюю ногу жеребца к спине, обнажая достоинства рысака, для очередной экзекуции. Серёга прижал голову животного к земле,

навалившись на неё всем телом. Тут уж Аким не выдержал, и метнулся к поверженному коню.

- Убью, сволочь, - шепнул он Кабардинцу, проходя мимо, - уйди, я сам буду держать, - добежав до Серёги, прорычал он, и отброшенный Акимом, Серёга отлетел к ограде загона.

Рыжик ничего не мог понять: «Как же так, на него налетел злой человек, придушил, повалил на землю./ В лошадиных мозгах Кабардинец, так и был запечатлён, как Душитель/. Не любимый им конюх Серёга, навалившись всей тяжестью своего тела, придавил его голову к земле. А теперь вот это же самое делает его любимый Добрый друг» - примерно так бы рассуждал жеребец, будь он человеком.

- Подожди Рыжик, сейчас я тебя освобожу, - шептал на ухо коню Аким, не зная пока, как это сделать.

И тут подвыпивший ветеринар Семён Терентьевич, с бутылкой йода и скальпелем в руках, неожиданно споткнувшись, упал на Кабардинца, рука того сорвалась с крепко удерживаемой верёвки, она ослабев освободила ногу жеребца. Под общую неразбериху, устроенную фельдшером, Аким быстро снял аркан с шеи Рыжика. Жеребец, наконец-то, смог глубоко вздохнуть. И вздохнувши, почувствовав прилив сил, махнул, отпущенной задней ногой, пытаясь сбросить верёвку. Под ногу попало что – то твёрдое, это твёрдое, отлетев в сторону, залилось истошным криком. Рыжик, освобождённый от пут вскочив на ноги, увидел катающегося по земле Душителя, ещё недавно накинувшего на него аркан.

- Лови его, - закричал бригадир.

Несколько человек из состава зевак, для виду, вроде, кинулись к жеребцу, но тут же остановились, оскалив зубы в улыбке:

« Хрен его теперь поймаешь» - было написано на их довольных рожах.

И верно, Рыжик не стал дожидаться, когда на него кинется толпа, сделав высокий прыжок, он перепрыгнул через, тщетно пытающегося подняться на ноги ветеринара, перемахнул через забор конного двора и пулей понёсся через луг в сторону конезавода.

10

Пролетев галопом, довольно большой луг, и выскочив на маленькую полянку у леса, Рыжик замедлил бег, затем остановился совсем. Ему показалось, что он уже был когда-то на этой поляне. И здесь с ним происходило что-то хорошее, что именно он себе представить не мог, но ему захотелось остановиться на ней, медленно побродить, покушать этой нежной зелёной травки.

Так бывает и у людей, иногда попав в незнакомое, ранее не посещаемое ими место, им кажется, что они здесь уже когда-то были. Мало того, им начинают представляться события, которые якобы происходили на этом месте с ними.

Так видимо животный лошадиный инстинкт, возродил в сознании Рыжика, а я всё - таки надеюсь, что лошади не лишены таких способностей, процесс его зарождения, произошедший несколько лет назад, при встрече кобылицы Рыжухи с племенным жеребцом, с конезавода, Янтарём, именно на этой поляне. Пощипав травы и окончательно успокоившись, жеребец зашёл в берёзовый лесок, располагающийся рядом с поляной. Обласканный берёзовыми листьями, которые при ходьбе между деревьями, приятно скользили по его лощеной коже, Рыжик остановился в лесной прохладной тени и задремал.

Вдруг, вдалеке, с другой стороны роци, раздалось лошадиное ржание, немного грубоватое, уверенное, призывное. В ответ ему откликнулось

другое, более нежное, осторожное, как бы заискивающее. Эта переключка повторилась несколько раз.

Рыжик, раздвигая берёзовые листья, пошёл в ту сторону, откуда доносились эти звуки. Рощица быстро закончилась, его взору представилось обширное поле, с низкой редкой травой, и тропами на ней, выбитыми лошадиными копытами. Вдалеке виднелось большое приземистое здание, больше его родного конного двора, и добротная крашеная ограда, за которой гуляли лошади.

Он медленно побрёл в том направлении. Подойдя к ограде, Рыжик удивлённо уставился на лошадей, прохаживающихся по манежу. Лошади были не обычные, не такие, каких ежедневно видел Рыжик, те, свои были толстые, на толстых коротковатых ногах, с большими широкими головами. А эти были высокие, на стройных длинных ногах, с маленькими точёными головками. Подойдя к ограде с той стороны, эти странные лошади не проявили агрессии, а миролюбиво похрапывая, словно приветствуя его, махали своими красивыми головами. Видимо признавая Рыжика за своего. Он же, не мог видеть самого себя, и представлял, что он такой же конь, как и его сородичи с родного конного двора.

- Это, что за явление, - зайдя в манеж, и увидев за оградой приبلудного коня, удивился заводской конюх, - эй, Семён, выйди сюда, - позвал он кого-то.

- Что случилось? - Спросил, вышедший человек в спортивном костюме, с хлыстом в руке, видимо местный жокей.

- Да вот смотри, хороший жеребец откуда-то к нам забрёл. Как ты думаешь, чей он?

- А кто его знает, тут на сто километров вокруг, кроме нашего конезавода ни каких больше нет, а этот похож на наших рысаков.

- Давай загоним, пригодится, будем детей на нём обучать.

- Да он, наверное, ещё дикий, не объезженный, зачем он нам нужен. К тому же, смотри, он меченый, шрам на правой лопатке, найдут, сраму не оберёшься, - умерил алчный пыл конюха жокей Семён.

Но всё же на всякий случай, открыв ворота, они попытались загнать, приглянувшегося им, рысака в манеж. Но Рыжик, увидев хлыст в руках человека, и почувствовав, что против него опять хотят применить насилие, взвился на дыбы, развернувшись в воздухе на одном месте, стремительно рванулся в сторону рощицы.

- Хорош, подлец, - одобрительно сказал жокей, - но всё-таки дикий. Бог с ним, найдут кому надо.

Рыжик добежал до берёзовой рощи, снова успокоившись, прилёг под берёзками и задремал. Проголодавшись, вышел на поляну и, с большим удовольствием, стал поедать нежную душистую траву. Наевшись, опять вернулся в рощу. Надвигалась ночь, жеребец начал тревожно озираться, в ожидание волков, но волки не явились. Они, напуганные постоянным отстрелом их, работниками конезавода, в этом направлении забыли дорогу. Рыжику понравилась такая жизнь, и он остался, в полюбившейся ему, роще, как он думал, навсегда.

-А ты почему своего Рыжика не ищешь?- Спросил Акима бригадир, придя рано утром на конный двор.

- А зачем, чтобы опять вы издевались над бедным конём. Пусть уж его волки сразу задерут, безо всяких мучений, - не подымаясь с лежака и не оборачиваясь, прогудел Аким. После исчезновения жеребца, он совсем перестал разговаривать с людьми. Уходил в конюшню и целый день находился среди лошадей, иногда и спал с ними вместе, забравшись в кормушку. Прошло уже три дня после исчезновения Рыжика.

- Какие волки, ты что брешешь?! - Возмутился бригадир.

- Какие, какие – голодные, - не обращая внимания на озлобленный тон бригадира, ответил неприступный Аким.

- Он же числится на балансе в колхозной бухгалтерии, кучу денег стоит, с нас троих все трудодни за него снимут. Что мы жрать-то будем?

- Побираться пойдём, - не уступал Аким.

- Слушай Аким, хватит придуряться. Что ты хочешь, в конце концов?

- Хочу обучить Рыжика, чтобы он был выездным жеребцом, и закрепить за ним несколько кобыл. Будут красивые кони, мы, если они нам не нужны, можем их продавать на рынке кому угодно, даже цыганам.

- Ладно, чёрт с тобой, насчёт кобылиц и распродажи не мне решать. А кастрацию я отменю. Так и быть, обучишь под дрожки, я буду на нём ездить. Бери Рыжуху и дуй на поиски, баран упрямый.

Обрадованный Аким, схватил уздечку и седло, бегом припустил в конюшню.

- Надо же какая любовь. Мало кто так родственников близких своих любит. Блажной! – пробурчал бригадир, а про себя подумал: «Таких бы побольше, жить было бы легче»

Несколько раз день сменяла ночь, затем снова наступал день, Рыжик перестал испуганно озираться, в ожидании волков. Вкусная трава, и уютная берёзовая роща, за эти дни, оказали на жеребца лечебные действия, он окончательно успокоился, раздобрел, но начал скучать по своей серой кобылице, по доброму конюху Акиму. Здесь он окончательно понял, что тот не предал его, когда связанного стал держать за голову, а наоборот освободил от душивших его верёвок и помог убежать. Но возвращаться на свой конный двор он боялся, и в то же время думал:

«Где же этот добрый человек, который почти не расставался с ним, Рыжиком? Почему он не идёт за ним?»

Несколько раз за эти дни, он подходил к ограде конезавода, и с удивлением наблюдал, как люди забравшись на спину красивым лошадям, находившимся по ту сторону забора, галопом скачут на них, и эти лошади послушно исполняют все их прихоти. Иногда выводили высокого, холёного жеребца, на голову которого были одеты ремни, такие же, как на лошадях на его конном дворе. К этим ремням привязывали длинную верёвку, и жеребец, натянув её, покорно бегал по кругу манежа.

Однажды, когда в очередной раз Рыжик подошёл к забору, жеребец тоже приблизился с той стороны, раздул ноздри, вытаращил глаза и громко заржал. Но не со злом, а как-то призывно, миролюбиво, словно узнал своего брошенного сына. Откуда им обоим было знать, что с разных сторон ограды стоят отец и сын, судьба которых развела их на разные уровни лошадиной жизни.

Работники конезавода больше не пытались загнать Рыжика в манеж, так как прекрасно знали, что он без особых усилий от них ускользнёт, а может быть, просто не считали нужным это делать.

Но однажды Рыжик, пощипывая траву на поляне, услышал знакомое ржание его матери. Подняв голову, он увидел, как пробежав большие луга, к нему приближается Рыжуха, на спине которой примостился Добрый конюх, и через некоторое время из его уст услышал своё имя:

- Рыжик, Рыжик, ты, где пропал бродяга, - кричал обрадованный Аким. Соскакивая с Рыжухи, попытался с ходу подойти к жеребцу, но тот недоверчиво отскочил в сторону.

- Рыжик, да ты, что не узнал меня, что ли, - обиженно загудел Аким, - совсем одичал бродяга.

Услышав ласковые нотки в гудении Акима, и лошадиным чутьём определив, что от него никакой угрозы не исходит, жеребец подошёл к своему товарищу и ткнул его носом в лицо.

Рыжуха, то же, призывно заржав, подошла к сыну и положила ему голову на холку.

- Ну, всё брат, прости, чуть не угробили мы тебя, больше такого не повторится, - извинялся за всех людей, обидевших жеребца, Аким,- пойдём домой, завтра буду тебя приучать к работе. Ты уж, браток, постарайся меня понимать, не то опять будут плохи наши дела.

Завидев свой конный двор, Рыжик призывно заржал, и тут же навстречу ему, раздалось радостное ржание серой кобылицы в яблоках, Зорьки. Аким открыл ворота загона, Зорька и Рыжик кинулись навстречу друг другу, встретившись носами, как бы, целуясь, прижались боками и начали тихонько тереться щеками, со стороны казалось, что они что-то нашептывают друг другу на ухо.

- Чо, нашёлси, беглец, - заверещал появившийся Серёга, - завтра кастрировать будем, есло чо.

- Будем, только тебя, - осадил его Аким, - давно пора, всё равно с тебя толку никакого нету.

Утром, взяв новый *недоуздок и длинную верёвку, Аким вошёл в загон к своим любимцам. Удалил в отдельный станок Зорьку, в другой станок завёл Рыжика. Поглаживая его по шее, по голове, он потихоньку подводил к ушам недоуздок, почуяв недоброе, жеребец резко замотал головой. Аким упорно раз за разом повторял свой маневр, приговаривая:

- Стой смирно дружок, ты же у меня умный.

Недоуздок – узда без повода, которым управляет верховой лошастью.

Но умник никак не хотел принимать на свою голову ремни, которые не раз он видел на других лошадях, словно догадывался, что эти ремни лишат его любимой свободы.

Аким терпеливо, упорно продолжал добиваться своего, и, наверное, уже в сотый раз, ему удалось застегнуть недоуздок на голове жеребца. Больших неудобств это Рыжику не принесло, и он вроде успокоился. Аким привязал верёвку к недоуздуку и потянул за неё жеребца. Это было не обычно, и неприятно. Ранее конюх просто звал его за собой, и Рыжик спокойно шёл сзади в нужном направлении, а теперь Добрый, как бы тянул его за собой силой, ограничивая его движения. Выйдя из станка, жеребец, вдруг, взвился на дыбы, пытаясь вырваться, но сопровождающий его конюх, был селён, к тому же воткнутый в рот мундштук удил, больно врезался в губы. Рыжик опешил, опустившись на все четыре ноги, он встал и уставился на своего приятеля, словно хотел спросить: «Это ещё, что такое, ты, что опять задумал надо мной издеваться?»

Но Аким, видя недоумение и обиду в глазах своего воспитанника, решил твёрдо не отступать от своих планов, для его же блага. Он привязал жеребца к забору и ушёл в сторожку, вскоре появился с седлом в руках, оседлал Рыжиху, привязав к седлу верёвку, удерживающую Рыжика, сел в седло, и погнал кобылу к выходу с конного двора. Верёвка натянулась, увлекая жеребца вслед за матерью, он попытался отскочить в сторону, в одну, в другую, но верёвка и удела сдерживали его прыть. Побившись ещё какое – то время, без всякой пользы для своего освобождения, он, наконец, увлекаемый матерью, размеренным шагом двинулся, след в след, за ней.

Затем Аким, подстегнув легонько Рыжиху, перевел её на рысь, Рыжик, не сбиваясь с шага, послушно прибавил скорости. И так, то замедляясь, то ускоряясь, Аким до самого обеда гонял лошадей по лугам. Обучение, первого дня, вроде прошло нормально. Рыжик, успокоившись, выполнил все

материнские маршруты безо всяких приключений. На месте, спокойно дал Акиму снять со своей головы недоуздок, и пошёл вслед за ним к кормушке, где получил хорошую порцию овса. Так продолжалось неделю, Аким, с каждым следующим днём, постепенно всё увеличивал длину верёвки, как бы давая свободу действий жеребцу, но Рыжик ни разу не рванулся в сторону, а твёрдо выполнял поставленную перед ним задачу. Аким уже хотел поставить жеребца под седло, пока без наездника, но обучение пришлось прервать, и на длительный срок. Так сложились обстоятельства.

11

В конце июня в колхозе начинался сенокос, это была самая тяжёлая пора для колхозников и в то же время самая весёлая. Тяжелая - потому, что сено нужно было в короткие сроки накосить, сгрести и сложить в стога, не только в колхоз, но и себе, каждый крестьянин держал в своём дворе по несколько голов коров и бычков. Держали, конечно, свиней и домашнюю птицу, но они сена в пищу не употребляли, их кормили, картошкой и зерном. Жили в основном за счёт своего хозяйства. Денег в пятидесятые, да и в шестидесятые годы колхозникам не платили, рассчитывались трудоднями, на которые полагалась натуральная оплата, то есть: зерно, масло, мясо либо мёд, это зависело от того, что колхоз производил или выращивал. Чаще всего это было зерно. Хлеб пекли сами, в объёмных русских печах. Муку делали из полученного на трудодни зерна, размалывая его на жерновых мельницах, которые были построены в крупных сёлах. Иногда, в неурожайные годы, эта натуроплата бывала так мала, что её доставляли домой в нескольких мешочках. Чтобы купить какую-то одежонку себе и детям, крестьяне продавали мясо, молоко, зерно, картофель на базарах в посёлке и в городе. Поэтому-то и содержали, в собственном дворе, много скота, и сена на зиму нужно было наготовить большое количество. И не просто наготовить, а

хорошего качества. Для этого нужно было собрать его в кратчайшие сроки, когда в траве находятся белки и витамины, кроме того, не в коем, случае, нельзя было допустить, чтобы это сено попало под дождь. От гнилого сена, не было ни какой пользы, только вред, оно вызывало болезни животных.

Весёлое же – потому, что колхозники разбивались на бригады и звенья, члены которых с азартом, с песнями и прибаутками, устраивали соревнования – кто быстрее и больше заготовит этого душистого корма. Даже во время выезда на луга, соревновались, в каком звене лучше лошади, кто быстрее доберётся до отведённого ему участка. Звеньевые – мужики управляли запряжёнными в широкие телеги упряжками, в два коня, а бабы усевшись на эти телеги, с двух сторон, пели песни и подзадоривали мужиков, чтобы те в свою очередь, подхлёстывали коней.

Каждая человеческая фигура, во время сенокоса была бесценна.

Вот в это-то время, знакомый из посёлка Шигарского принёс Акиму весть, что брат Гаврила тяжело заболел и просит Акима прибыть к нему, проститься.

«Пойти отпрашиваться, - думал Аким, - никто не отпустит. Сейчас самая тяжелая работа с лошадьми. Они допоздна на сенокосах: таскают сенокосилки, грабли, на них же подвозят к стогам копны сена. После того как приезжаю колхозники с лугов, лошадей нужно осмотреть, почистить, накормить, напоить, и если есть такая необходимость, обработать им копыта. А днём накосить и привести травы на ночь. Можно бы попросить Серёгу, чтобы он один поработал несколько дней, но Серёга помогал убирать сено свояку, то есть председателю колхоза »

«Как же быть? Не поехать, брат один у меня, больше из родственников никого нет, унесёт обиду с собой в могилу, сам себя прокляну»

И тут Аким вспомнил, что Лёня Кабардинец сено со всеми вместе не косит. Во первых - ему, как депортированному в Сибирь, участка под сенокос

было не положено. Во вторых - сено он косил после всех, обкашивал оставшиеся от других наделов края и огрехи. В своём дворе, как человек с Кавказа, кабардинец держал приличную отару овец, а овцы животные не прихотливые, поедали сено любого качества.

«Пойду к нему, уговорю, - с сомнением размышлял Аким, - обидел я его недавно, обещал убить. Да и Рыжик его слегка покалечил, Лёня, после кастрации лошадей, неделю ходил согнутый крючком»

Но деваться было не куда, пошёл к кабардинцу.

- Чиво нада? – не ласково встретил тот Акима.

- Дик вот, просить пришёл тебя, - и Аким поведал причину своего прихода.

- Ишь ты, как! Сначала голова резать обещала, а теперь жалица пришла, - перевирая русские слова, начал вроде сердито Лёня, но, вдруг, неожиданно согласился, - хорошо пойду, подежурю, только ты потома мне сена из своего пая, за каждый день моего дежурства, копну отдашь.

В колхозе так было заведено, что конюху некогда было косить сено своим коровам, он во время сенокоса постоянно находился на конном дворе. А колхозники, от каждого двора, обязаны были, определённую часть, накошенного, сена, отделить конюхам.

- Хорошо, согласен, - обрадовался Аким, - я быстро обернусь. Ты только там «на глаза» начальству не вылезай, если спросят, скажешь, что просто помогать пришел, а Акимка, мол, за травой уехал. - В это время и начальству было не до Акима, оно тоже готовило сено для своего скота.

- Ладна, ехай, - махнул рукой Кабардинец.

В этот же день, вечером, Аким запряг Зорьку в дрожки, не нужные во время сенокоса, двинулся в посёлок Шигарский. Зорька была почти уже обучена ходить в упряжке, но на сенокосе пока не использовалась.

И в это самое время, в Орловке появился Петька «Прокурор», толи отсидел полный срок, толи досрочно освободился, за этим в деревне следить было не кому, каждый занимался своими делами. Но был у него здесь дядя, Василий Шопин, в селе его всё называли Горбатый, он и действительно был такой. Но, несмотря на этот горб, Василий был, для сельской жизни, достаточно грамотный, и занимал в колхозе должность нормировщика. Как рассказал позже этот горбатый нормировщик: « Петька освободился два месяца назад, устроился в посёлке Лесозаводском на комбинат, на сплав леса по реке Яе. И вот дождавшись выходных, решил приехать на помощь дяде Васе, на заготовку сена, на несколько дней».

Пока косили траву, сгребали просохшее сено и ставили его в копны, Петька «Прокурор» ни разу не вспомнил про Акима Бычкова. Но вот была поставлена последняя копна, для коровы дяди Васи, и тут же организовалось застолье, с самогоном и малосольными огурчиками. Выпили по одной, оба были в хорошем настроении, веселы, разговорчивы, а как же, такое дело завершили, живи и радуйся. Выпили ещё по одной и ещё, и тут, вдруг, на лицо «Прокурора» свалилась чёрная туча. Сжав в руке стакан с недопитым самогоном, нахмурившись как бес, Петька, глядя в упор на дядю, прошипел:

- Дядя Вася, а где этот поганый Акимка Бычков, живой ешо, поскуда?

- А что ему будет, он самогон не пьёт, табаку не курит, здоровый как бык. Ещё лет сто проживёт.

- Ну, ет мы поглядим, сто или чуть поменьше. Он так же, на конюшне работает?

- А где ж ему работать, в бригады не выбился.

- Скажи дядя, у тебя табеля /учёта рабочего времени/ дома или в конторе?

- Да вон в портфеле лежат, я как на покос ехать, их домой из конторы принёс. А тебе зачем?

- Зачем, зачем, хочу Акиму несколько часов рабочих добавить.

- Петька, не дури, давай лучше ещё по одной выпьем, - почував не ладное, попытался успокоить племянника Василий.

- Дядя Вася посмотри, когда Акимка дежурит на конюшне. У тебя же есть график, - не отступал «Прокурор»

- Петро, не дури, давай посидим по человечески, - ещё раз попытался вразумить племянника Василий.

- Слушай, хрен горбатый, ты меня из себя не выводил, а то я сейчас этот стол на голову тебе одену!

Василий знал, что с племянничком шутки плохи, он, если захочет, и дяде голову открутит, как курёнку.

- Сегодня дежурит, - заглянув в табель, обречённо сказал горбатый.

«Прокурор» больше пить не стал. Выйдя во двор, зашёл в сарай, где лежал его рюкзак. Развязав шнурок, вытащил из мешка «финку» - нож, который он, видимо, изготовил в лагере. Нож широкий и довольно длинный, ярко сверкнул в затухающем вечернем свете, и скрылся в голенище Петькиного кирзового сапога.

«Прокурор» прилёг в сарае на солому, дождался, пока совсем стемнело. По ночному небу заходили мрачные тучи, иногда на некоторое время, между ними выпрыгивала луна, но словно испугавшись кого – то, быстро пряталась за очередную тучку.

Выкурив папиросу, Петька заглянул в избу, дядя, сидевший за столом, испуганно вздрогнул, и привстал:

- Ты чего не спишь? - Невпопад спросил он.

- А ты чего сидишь? – Вопросом на вопрос ответил «Прокурор» - вот, что дядя, я пошёл, скоро вернусь. Ты не вздумай, куда - ни будь пойти, и сболтнуть непотребное. Не дай бог, если что, я тебе кишки выпущу, и дом твой спалю.

И хлопнув дверью, Петька исчез. Вася Горбатый налил себе полный стакан самогона, выпил, загрыз огурцом. Налил ещё один, закрыв глаза, с трудом затолкал самогон в горло, посидел минут пять, и рухнул с лавки под стол. Дядя был одинокий, поднимать его из под стола было не кому.

Разложив по кормушкам, привезённую днём траву, Лёня Кабардинец затопил печку – буржуйку, ночью, иногда и летом, бывало прохладно, прилёг на лежанку, пригрелся, и совсем уже было задремал. Вдруг в ближнем загоне, где находились Рыжик, Каштан и старая Соловушка, произошло какое-то волнение, затопали копытами лошади, Каштан недовольно фыркнул и захрапел, Рыжик угрожающе заржал. Лёня, подойдя к окну, стал присматриваться, надеясь увидеть, что же там происходит, благо загон находился прямо у окна. Ничего не было видно, но вот на минуту луна выскочила из-за тучи, и Кабардинец заметил, что через забор загона перелезает человек. Лошади отошли в один угол и топтались на месте.

- Какая лихоманка припёрлася? – испуганно прошептал Лёня и, накинув Акимову сермягу, приоткрыв тихонько дверь, крадучись, двинулся к загону. Присмотрелся – никого, лошади, вроде успокоились, но всё так же стояли, сгрудившись в углу. Кабардинец перелез через жерди и зашёл под навес. Вдруг страшной силы удар обрушился на его несчастную голову, и он, дрыгнув ногами, мгновенно отошёл в мир иной.

Петька «Прокурор», расставшись с дядей, вышел на улицу и быстро зашагал в сторону конного двора. Идти было достаточно далеко и не просто, учитывая то, что дороги в деревне все изрытые и избитые телегами и скотом. Ночь была прохладная, и свежий воздух действовал на ходока отрезвляюще, но успокоения, разгулявшейся злобе, не приносил.

Вот и конный двор, перепрыгнув через забор, Петька сразу хотел двинуться в сторожку, было тихо и он решил, что Аким, скорее всего, дрыхнет, без «задних ног». Но тут на пути его возникла ограда нового загона, которого, во время последнего посещения им конного двора, не было. «Прокурор» перемахнул через жерди, и оказался внутри загона, лошади испуганные неожиданным появлением незнакомца, недовольно зафыркали и заржав, сбились в угол. Он, испугавшись, что его приход будет обнаружен, спрятался под навесом. Но постояв немного, намеренно пугнул лошадей, чтобы они зашумели, надеясь на то, что Аким придёт к загону, привлечённый тревогой лошадей. Так оно и вышло, со стороны сторожки слышались крадущиеся шаги, предполагаемый Аким, остановился у ограды, постояв немного, перелез через забор, и двинулся в сторону навеса. Петька, захватив покрепче нож, выдернул его из сапога, и, сделав шаг вперёд, на что-то наступил, больно прибив ногу. Быстро наклонившись, ощупал этот предмет.

«Кувалда, вот хорошо, - быстро возникла подлая мысль, - грохну кувалдой по башке, кину под ноги лошадям, подумают, что они проломили своему хозяину паршивую голову»- Быстро сунув нож в голенище, «Прокурор» взметнул вверх на вытянутые руки кувалду, и обрушил её на голову вошедшему под навес конюху.

Так и не определив, в спешке, кого он убил, Петька, схватив покойника за ноги, поволок его на середину загона. Лошади злобно заржав, заходили по загону кругом, раздраженно поднимая высоко ноги. Но вот молодой жеребец, вдруг, резко изменив направление бега, налетел как ястреб на убийцу, тот выпустив из рук труп, еле успел отскочить. Однако сзади на него кинулся другой, озлобленно храпя, вцепившись зубами в одежду, рванул его в сторону, опрокинув на землю. Петька быстро вскочил, выхватил из-за голенища «финку», она грозно блеснула под вышедшей из-за тучи луной, но пустить её в дело убийца не успел. Подняв глаза, он увидел, как

развернувшись к нему задом, молодой жеребец выбросил заднюю ногу ему в лицо. Удар крепкого копыта пришёлся «Прокурору» как раз между глаз, поломав нос и вдавив лоб в череп. Хрястнули кости, хлынула кровь, и Петька вытянулся рядом с трупом убиенного Кабардинца. Луна спряталась за очередную тучу, и над конным двором нависла зловещая тьма.

Рыжик, ударив человека, забился под навес загона. Чувствуя запах крови, он никак не мог успокоиться. События сегодняшнего дня, начиная с утра, не могли найти своего места в его лошадиной голове:

Аким, как всегда, на рассвете, насыпав в кормушку овса, долго гладил Рыжика по щекам, холке и спине, словно прощался с ним, при этом тихо, что-то не понятное для лошади, бубнил своим грубым, низким голосом. Затем запряг Зорьку, в эту ненавистную для жеребца коробушку, и выехал с конного двора. Но события, развивающиеся далее, ещё более удивительны были для лошадиного понятия.

Через некоторое время в загоне появился Душитель, Рыжик не забил, как этот человек пытался удушить его, свалив арканом на землю. Жеребец, возбуждённый появлением этой фигуры, стал раздраженно ходить кругами по загону. Предположим, что в его сознании возник законный вопрос: «Кто допустил этого индивида сюда и, что от него можно ожидать?»

Но, как оказалось, этот странный человек, поменял роль душителя, на лошадиного кормильца. Он, вдруг, начал раздавать заготовленную с вечера Акимом траву, в кормушки. При этом, он, как довольный сытной жизнью кот, что-то мурлыкал ласковое, сначала старой Соловухе, затем мерину Каштану. На что они согласно кивали головами, поедая сочную траву. Но Рыжик не поддался на эту лесть, и при приближении душителя, с охапкой травы, к его кормушке, недоверчиво отпрянул в сторону. А когда новый конюх попытался приблизиться, для того, чтобы приласкать жеребца, Рыжик взвился на дыбы,

и душителю пришлось быстро ретироваться в кормушку, чтобы не быть раздавленным жеребцом.

Человек весь день ухаживал за лошадьми: кормил, поил их, чистил кормушки и навоз, но Рыжик так и не признал его за Доброго, как Акима, и даже за Равнодушного, как Серёгу. Поэтому весь день был нервно – возбуждён, словно предчувствуя какую – то беду. И видимо не зря.

В середине ночи у загона Рыжик услышал приближающиеся шаги. И вздрогнул! Это были шаги Врага, на всю жизнь запомнившиеся ему. Шаги слышались всё ближе и ближе, вот уже заскрипели жерди, под тяжестью пришельца. Вот он зашёл в загон и приблизился к навесу, под которым находились лошади. Рыжик не выдержал напряжения и, заржав, выскочил из под навеса в загон. За ним выбежал Каштан и недовольно захрапел, злого человека чувствуют все животные, особенно лошади. Скрепя больными суставами, медленно выползла Соловушка. Злой зашёл под навес и притаился, через некоторое время снова вышел и пугнул лошадей, они заржали и, пробежав круг по загону, опять сбились в угол.

Со стороны сторожки послышались крадущиеся шаги и, вдруг, Рыжик уловил запах Акима, им пахла, накинутая на плечи Кабардинца, Акимова сермяга.

«Добрый появился!» – должно быть, промелькнуло в голове жеребца.

Вот этот, похожий на Акима человек, перелез через забор и направился под навес. Рыжик хотел пойти к нему, но в это время, послышался глухой удар, и запахло свежей кровью, этот запах жеребец запомнил, ещё из прежних боёв, на всю жизнь. Он, возбуждённо, заходил по загону, за ним, недовольно фыркая, двинулся Каштан. В это время из под навеса появился Враг, он волок за ноги человека. Запах крови усилился, доводя возбуждение лошадей до крайности.

«Враг убил Акима!» - возникло в сознании жеребца, и он кинулся на Врага, увлекая за собой Каштана. Неизвестно, чем бы кончилась эта схватка, возможно Петька «Прокурор» остался бы жить. Но увидев в отблесках луны нож, Рыжик представил его зловещее значение, и после того, как Каштан кинул убийцу на землю, жеребец мгновенно принял заднюю боевую стойку. Хрястнули кости, и всё было кончено.

12

Утром, пришедший рано, бригадир Михаил Алексеевич, удивился тому, что дверь в сторожку распахнута, печурка давно прогорела, и вокруг никого нет. Такого, чтобы конюхи самовольно покидали свой пост без присмотра, ни когда не бывало. Выйдя из сторожки, он направился к первому загону, в котором стоял Рыжик, Каштан и Соловушка. Лошади взволнованно храпя, метались по загону, пытаясь выскочить наружу, но после того, как сбежал, вслед за Зорькой, Рыжик, забор в загоне сделали выше, и уйти у коней возможности не было.

Такое поведение лошадей насторожило бригадира, он нутром почувствовал, что произошла какая-то неприятность. Поставив ногу на нижнюю жердь, для того, чтобы перелезть в загон, бригадир, внимательно следивший за лошадьми, опустил взгляд на землю. Глаза его наполнились ужасом! Посреди загона, залитые засыхающей кровью, лежали два изуродованных человека, вернее два трупа. В те времена два убиенных для маленькой деревни, каковой была Орловка, событие, почти приравненное к диверсионным действиям. Конечно, кругом было полно лагерей, на колючую проволоку можно было натолкнуться в любом направлении, и иногда из-за этой колючки заключённые, в основном отпетые бандиты - рецидивисты, совершали побег. Их ловили, но если отлов затруднялся, по каким-то причинам, с ними не церемонились, всадив в их спины несколько

пуль. В пятнадцати километрах от зоны находилась тайга, и если бежавшие добирались до неё, отыскать их было трудно, почти не возможно, поэтому их судьбу иногда решал автомат. Но это в лагерной жизни, а тут в колхозе, два трупа среди конного двора, такое с колхозной жизнью было не совместимо.

Михаил Алексеевич подошёл к лежащим трупам ближе. Наклонился для того, чтобы определить личности убиенных, и не смог, настолько их лица были изуродованы и залиты кровью. На одном из них был одет Акимовский армяк, но фигура была иная. В руке другого была зажата «финка», определить её лагерное происхождение было не трудно, освободившихся зеков было полно, и таких изделий, произведённых в лагерях, ещё больше.

«Возможно беглый зек» - подумал бригадир, перелез через забор и отправился в контору, вызывать милицию и следователя из Лесозаводского посёлка. Заодно позвонил председателю колхоза.

Вернувшись на конный двор, он увидел большое количество столпившихся у загона колхозников, которые возбуждённо переговаривались, строя фантастические версии случившегося. Несколько человек перелезли через забор, и стояли, наклонившись над трупами.

- Мужики, да это же Лёня Кабардинец, - сказал один из них.

- Как же он попал сюда? – удивился второй.

- А второй это точно беглый зек, – сделал предположение третий.

- Кто ж их уложил? – повис в воздухе самый главный вопрос.

Тревожная весть быстро облетела деревню, народу собиралось всё больше и больше. Появился Вася Горбатый, трясущимися, с похмелья, руками зацепившись за верхнюю жердь, перелез через забор и подошёл к трупам.

- Петька, - узнав в одном из них своего, так и не пришедшего домой племянника, воскликнул Василий, - допрыгался, уложил тебя Акимка.

И тут, только все вспомнили о конюхах, а вспомнив, всполошились.

- А где же Аким с Серёгой, куда это они сбежали?

В это время подъехали милиционеры, вместе со следователем. Следом явился председатель, а с ним и Серёга, стало ясно, что он здесь не причём, Серёга батрачил у своего родственника – председателя.

Выскочив из машины свояка, Серёга кинулся к забору загона и, увидев издалека Акимову сермягу, заморгал глазами:

- А чо Акимку убили? Ето точно Петька «Прокурор» завалил, - заверещал он плаксивым голосом, - он обещал Акима убить.

- «Прокурор» вон, рядом валяется, с пробитой башкой, – сказал кто-то из толпы.

И тут все переключились на Акима:

- А ведь сегодня точно Аким должен был дежурить, - вспомнил бригадир, - я его никуда не отпускал. Сено он не косит. И зачем это Кабардинец сюда припёрся, натянул на себя Акимову одежонку? – Гадал бригадир. – И как попал на конный двор этот рецидивист?

Подошедший следователь, внимательно слушал гадания бригадира, и что-то помечал себе в записной книжке.

В это время один из милиционеров обнаружил окровавленную кувалду:

- Чья это кувалда? – спросил он у бригадира.

- Акимова, - опередил с ответом Серёга, - он ей колья заколачивал, когда забор делал.

- А почему эти лошади стоят отдельно? – указывая на Рыжика, Каштана и Соловуху, заинтересовался следователь.

- А ето Акимовы любимцы, - опять поспешил с ответом Серёга.

- Что-то много всего у вас здесь Акимова, - удивился следователь.

- Я так думаю, что ето Акимка их прихлопнул, - вдруг, сказал ветеринар Семён Терентьевич.

- Почему, ты так решил? - обернулся к нему следователь.

- Дык он Кабардинцу обещал голову оторвать за своего жеребца, а с Петькой подрался, и после засадил его в тюрьму. Зазвал их на конюшню, и долбанул кувалдой по башкам.

- Ну, это не так просто, одному двоих завалить, да ещё, если один из них с ножом, - засомневался следователь.

- Вы плохо знаете Акима, если он захочет, медведя один завалит, - не отступался ветеринар.

- Смотрите у жеребца задняя нога в крови по самое колено, - сказал, вдруг милиционер.

- Видно этого зека жеребец долбанул, внимательно присмотревшись к разбитому лицу Петки, - догадался следователь, как бы снимая подозрения с Акима.

- Говорил я, что этот жеребец не доведёт нас до добра, - запричитал председатель Цибулевский.

- Ну, где же, всё – таки, этот ваш Аким? – Снова спросил следователь, - вы внимательней присмотритесь, не пропало ли чего с конного двора, может лошадей украли?

- Кобылы Зорьки нет, и дрожки выездные пропали, - сообщил осмотревший хозяйство Серёга.

- Значить, без участия вашего Акима, в этом убийстве, не обошлось, раз он сбежал, - сделал вывод следователь.

- А я, что говорил, - воскликнул Семён Терентьевич, - ищи теперь ветра в поле, - как будто он больше всех был заинтересован в поимке и привлечении к ответу Акима Бычкова.

- Ничего, найдём, - убеждённо заверил следователь, и начал, под протокол, опрос свидетелей, скорее тех, кто хотя бы, что-то мог сказать по существу дела.

Вскоре из МТС пришла машина ЗИС -5, трупы погрузили в кузов и отправили в посёлок Лесозаводской, в морг, для проведения судебной экспертизы. Рыжика привязали в отдельном станке и заперли, как подозреваемого в убийстве одного из погибших.

А, ничего не подозревавший, Аким, в это время, находился за тридцать километров от произошедших событий, в посёлке Шигарском. С Гаврилой простится он успел, после чего тот, в одночасье, отошёл в мир иной, будто смерть специально дожидалась приезда брата Акима, хотя бы этим пытаясь внести маленький кусочек удачи в непутёвую жизнь забулдыги Гаврилы. Похороны брата заняли два дня, на третий день рано утром, постояв у свежего могильного холмика, Аким утёр скупую слезу, набежавшую неожиданно на глаза, и, подхлестнув вожжами Зорьку, двинулся домой. Ближе к вечеру, подкатив к родному конному двору, Аким с удивлением обнаружил пустой загон, в котором он разместил своих любимцев – лошадей. Большая засохшая лужа крови вызвала у него тревогу, и ужасная догадка поразила его воспалённый мозг:

«Рыжика прирезали!?!»

Осмотрев общий загон, он обнаружил в нём, вместе с другими лошадьми, Каштана, в углу загона лежала Соловуха, Рыжика не было.

«Точно, лишили жизни жеребца!» - пришла окончательная, убедительная мысль. Расстроенный смертью брата, а тут ещё и лишившись любимого коня, разъярённый Аким, не зная с кого спросить о содеянном, кинулся в «конюховку» На лежаке мирно похрапывал его напарник Серёга.

- Эй, ты, гад, - рывкнул Аким, Серёга вскочил и, в ужасе бешено вращая зенками, кинулся под широкий лежак.

- Акимка, не убивай! – истошно завопил Серёга, представив себе, что, убившему двоих, его напарнику, ничего не стоит и его зашибить.

- Да зачем ты мне, поскуда, нужен, буду я об тебя руки марать.

Говори, куда Рыжика дели?

- Ни куда твой Рыжик пока не делся, в дальнем станке стоит, запертый.

- Почему это пока?

- Дык вот, ты убил Петьку «Прокурора» и кабардинца, а следователь думает на Рыжика, што и он принимал в этом убийстве участие.

- Ты чо, дурак несёшь, какое убийство? Ну, ка, вылазь сюда, рассказывай всё, што тут случилось.

Опасливо отстраняясь от Акима, Серёга вылез из под лежака, и начал торопливо излагать произошедшие события.

- А причём же здесь я, меня же не было в деревне, я брата ездил хоронить.

- Об этом никто не знает. Все думают, што ты сбежал. Ветеринар Семён Терентьевич, так и говорит, што это ты убил обоих, и смылси.

- А этому коновалу, чо от меня надо?

- Не знаю, это ты у него спроси.

Озадаченный таким поворотом дела, Аким пошёл в станок Рыжика, тот обрадованно заржал, в надежде на скорое освобождение из плена, но конюх выпускать его не стал, насыпал в кормушку овса и ушёл в сторожку.

Вечером к конному двору подъехала грузовая машина.

Милиционеры, приехавшие на ней, надели на руки Акима наручники, и увезли в посёлок Лесозаводской, в КПЗ.

Следствие вёл опытный следователь Соловьёв Вениамин Макарыч. Первое впечатление от встречи, с привезённым из КПЗ, Акимом, произвело на него двойственное впечатление:

Одно – доброе. Когда речь заходила о лошадях, подозреваемый в убийстве конюх, преображался, он находил такие слова, характеризующие их повадки, которые не любой человек мог сказать о своих родных братьях.

Второе – равнодушное или даже злое, когда речь заходила о людях, каким-то образом замешанных в этом деле.

- Какие отношения вас связывали с Леонидом Тлепсоруковым? – задал вопрос следователь.

- А кто это такой? – вопросом на вопрос ответил Аким.

- Так это же убитый кабардинец, а вы что не знали его фамилии?

- Не знал, его по фамилии никто не называл.

- И всё - таки, что вас связывало с ним, вы друзья?

- Нет, я друзей не заводил, тем более таких сволочных. Мои друзья кони.

- Почему же он сволочной?

- Потому, што он не любит лошадей, и не имеет к ним жалости.

- Так значить, правду говорят, что вы хотели его убить, за то, что он завалил вашего любимого жеребца, для кастрации.

- Да, я так говорил, но это так, простая угроза, от злости. Хотя если бы кастрировали не жеребца, а его, я бы против ничего не имел.

- Тогда зачем же вы позвали его на дежурство вместо себя, когда поехали на похороны.

- Позвать больше некого было, все были заняты. Я уехал без спроса, и хотел, чтобы об этом никто не знал. А он болтать не умеет.

- Значить вам придётся отвечать и за то, что вы уехали без спроса, и за то, что, в такую страдную пору, угнали коня.

- За это отвечу, но кабардинца я не убивал.

- А какие отношения у вас были с другим убитым, Петром Буровым, известным по кличке «Прокурор»?

- А какие у меня могут быть отношения с этой гадиной, которая издевается над лошадьми. Ему, што трактор, што лошадь, допусти, он всех переломает.

- А, правда то, что вы его избили, и за что?

- Этот «Прокурор» издевался над лошадью, которая недавно ожеребилась.

- Он хотел вам отомстить?

- Да, однажды набросился на меня с ножом, и если бы не мой любимец, он бы меня прирезал.

- А что это за любимец такой? Второй конюх, что ли?

- Кто?! Серёга? Да он размазня. Меня спас жеребёнок Рыжик.

- Вас послушать, так все люди у вас размазни и сволочи, а хорошие только кони.

- Так и есть, добро я получал только от коней. А люди? Видимо хороших людей, около меня, мало было.

- Как вы думаете, кто убил Леонида Тлепсорукова, если не вы?

- Я думаю, Петька «Прокурор», пришёл убивать меня, и ошибся.

- А кто же тогда завалил его, не мог ли это сделать ваш любимец Рыжик?

- Не знаю вам видней, разбирайтесь.

«Нет, этот человек не мог быть убийцей, - размышлял Вениамин Макарыч, - сгоряча он может искалечить любого, силища дикая, но чтобы вот так всё обдумать, собрать всех в одно место, на это он не способен, да и хитрости для этого у него нет, тем боле связав это с похоронами брата».

После проведённых экспертиз и многочисленных допросов колхозников,

большинство из которых, отзывались положительно об Акиме Бычкове. И особенно после того, как дал показания Шопин Василий, дядя Петьки «Прокурора». Не утаив при этом то, как он выдал племяннику график работы на конюшне, и поведав о том, что Петька действительно отправился убивать Акима. Всё события той ночи стали понятны правоохранительным органам: Пётр Буров убил Леонида Тлепсорукова, думая, что убивает Акима Бычкова, а жеребец Рыжик, возбуждённый запахам крови и необычными действиями против его хозяина, убил Петьку «Прокурора». Это подтвердила и экспертиза: в первом случае удар был нанесён кувалдой, во втором лошадиным копытом.

Но суд над Акимом Бычковым всё - таки состоялся. За самовольную отлучку с места работы и угон лошади в трудную для колхоза пору, его приговорили к трём месяцам исправительных работ, но не по месту жительства, а в особом поселении. Было вынесено и судебное определение в отношении Рыжика: «В связи с тем, что жеребец по кличке Рыжик, принадлежащий колхозу такому-то, представляет собой угрозу жизни людям – суд постановил: в течение месячного срока отправить его на бойню города Шахтёрска, и предоставить, об исполнении данного определения, справку судебному секретарю».

13

Председатель колхоза Цыбулевский, получив судебное предписание о ликвидации жеребца, обрадовался:

«Вот и хорошо, - думал он, - и спорить ни с кем не нужно и препятствовать не кому. Бычков сидит, а Серёге всё равно, есть этот жеребец или нет его, всё меньше хлопот» И председатель, подняв трубку телефона,

попросил оператора соединить его с директором мясокомбината, города Шахтёрска:

- Андрей Петрович, привет, - услышав ответное «алле», приветствовал директора мясокомбината Цибулевский, - тебе случайно жеребец не нужен?

- Что за жеребец, красивый? - Заинтересованно спросил тот, - да, хотя, откуда у тебя красивые лошади, ты же тяжеловозов себе понабрал.

- А как ты думал, мне рабочие кони нужны, а не рысаки, я же не собираюсь скачки в колхозе устраивать. Но этот действительно хорош, красавец, видимо кобылица с моего конного двора схлестнулась с жеребцом с конезавода. Рысистая порода победила, ни чего от моей кобылы ему не досталось, настоящий рысак.

- А что же ты от него хочешь избавиться, пусть его конюхи обучат и будет у тебя выездной жеребец, заодно, если надо будет, он и отцовские обязанности выполнит.

- Да он уже много чего здесь на выполнял, не могу больше держать, суд постановил от него избавиться.

- А при чём здесь суд? - Удивился Андрей Петрович.

- Да при том, что, этот жеребец человека убил, - и председатель колхоза, Цибулевский, подробно изложил всё произошедшее на конном дворе села Орловки.

- Так, а ты зачем мне его предлагаешь? - Выслушав председателя, возмутился Андрей Петрович, - хочешь, чтобы он и меня на тот свет отправил? Ну, уж нет, спасибо!

- Ладно, не обижайся, это я так, на всякий случай предложил. Не хочешь покупать живьём, присылай «скотовозку», придётся отправить его на убой.

- Хорошо, завтра машина будет, но я ещё посмотрю на твоего рысака, может быть, татарам загоню, их в Шахтёрске полно, две улицы больших занимают.

На другой день, к обеду, к конному двору села Орловки подкатила машина, так называемая «скотовозка», это был обыкновенный грузовик, ЗИС- 5, борта кузова, этого грузовика были высоко надшиты досками, чтобы животные не могли выскочить на землю при их перевозке. На бортах его, с двух сторон, были нарисованы рогатые коровьи головы.

Бригадир Михаил Алексеевич и конюх Серёга, предупреждённые заранее об отправке Рыжика на убой, с утра ждали эту машину. Решили, заодно, отправить туда же и старую клячу Соловуху, она уже совсем не только плохо ходила, но и плохо подымалась. Открыли задний борт, поставили трап.

Сначала вывели Соловуху, она, еле перебирая ногами, кое-как дотянула до трапа. Посмотрев подслеповатыми глазами на нарисованную коровью голову, вдруг свалилась на землю, словно поняв, какая участь ждёт её в дальнейшем. Мужики, позвав на помощь шофёра, с большим трудом, втроём, завалили на трап старую клячу, и почти, волоком затащили в кузов.

- Ну, иди, веди жеребца, - приказал бригадир Серёге.

- Не, не могу, - вдруг захлюпал носом конюх.

- Ты чего, ты же так его не любил, а теперь нюни распускаешь. Иди! – повторил приказ бригадир.

- Нет, Лексеич, што хошь со мной делай, не могу я такую подлость совершить проти Акима. /Вот тебе и «НА», как говорится, оказывается совесть то, хоть и глубоко спит, но иногда просыпается/

- А я значить, подлец? Должен тащить сам этого жеребца. Мне может больше твоего его жалко. Ты же знаешь, что нам послушаться нельзя, под суд пойдём.

- Нет ты, не подлец, но стойкости в тебе поболе моего.

Спорить было не когда, и бригадир, понутив голову, пошёл в станок к Рыжику. Жеребец помнил, что он когда-то определил этого человека, по отношению к себе, в «Добрые», когда-то он ел кусочки сахара с ладони этого большого человека, и, не ожидая от него ничего плохого, пошёл следом, за натянутой уздой, надетой на его красивую голову.

Увидев машину, для него не виданую штуку, жеребец удивлённо раскрыл широко глаза. Ведомый по трапу, он не сопротивлялся, доверяя ещё этому человеку, но недовольно фыркнул и заржав, начал искать глазами Акима, и не найдя его ещё раз жалобно заржал. Увидев, лежащую на полу, Соловуху, Рыжик понял, наконец - то, что его заманили в ловушку. Хотел, развернувшись, выпрыгнуть на землю, но было уже поздно, задний борт захлопнулся, стукнув его верхней доской по голове.

Машина взревела и двинулась по ухабистой дороге. Бригадир и конюх, слушая прощальное ржание жеребца, понутив головы и не глядя друг другу в глаза, разошлись в разные стороны, по своим делам.

Дорог до города было две, одна грунтовая насыпная – шоссе, другая полевая, то есть проторенная по колхозным полям и лугам, иногда проходила по берёзовым перелескам. Полевая дорога была гораздо хуже грунтовой, но на много короче и спокойнее. Движения транспорта на ней почти не наблюдалось никакого. Да и особо торопиться было не куда. Но самое главное, шофёру Павлу Гавриловичу /В то время, шофера были в большом почёте, и иначе, как по имени отчеству их не называли./ очень хотелось опохмелиться. Перевозчику скота частенько выпадала калымная

подработка, то доставить животину на мясокомбинат, то перевести от одного хозяина к другому, а то просто подкинуть по пути, какой ни будь, нужный груз. Расчёт за выполняемую работу бывал один – пол литра водки.

Отъехав от села Орловки на приличное расстояние, Павел Гаврилович завернул в лесок, поставил машину на взгорок, так, чтобы по завершению задуманного перерыва, можно было задом выкатиться на дорогу и продолжить необходимый маршрут. Достал бутылку, налил стакан водки, смачно, с удовольствием выпил и, закусив колбаской с огурчиком, задремал, развалившись на мягкой траве.

Рыжик, никак не мог понять, что же с ним происходит. Зачем его заточили в какой-то движущийся ящик. Что за рёв издаёт эта вонючая телега. И почему, вместе с ним, в этот каземат поместили старую клячу Соловуху. Кроме того из под ног, с деревянного настила, исходил возбуждающий запах застоявшейся крови. /Иногда приходилось лишать жизни животных, с помощью ножа, прямо в кузове автомобиля/. Он нервно переступал ногами, боясь наступить на развалившуюся бессильно, почти по всему полу, Соловуху. Вдруг, всё это движущееся сооружение, повернув в лесок, остановилось.

«Сейчас меня выпустят на волю» - подумалось Рыжику, но ожидаемого не последовало. Что происходило наружи, ему увидеть не удавалось, из-за высоких бортов. Рыжик попробовал навалиться на сдерживающие его деревянные щиты, они потрескивали, но не ломались. Опустив голову, жеребец обречённо затих.

Казавшаяся мёртвой Соловуха, на самом деле была ещё жива, и как не странно это выглядит, мозги в её старческом черепе, лихорадочно работали – может быть бредили. Она вспоминала всю свою жизнь, проведённую на родном конном дворе, вместе с лошадьми и людьми окружающими её в бытовых взаимоотношениях. Вспоминала сытную жизнь и периоды

голодовки, плохое и хорошее отношение этих странных людей к ней. Хорошего было больше, её ценили, особенно после того случая, когда она из пурги вывезла человека, который потом стал за ней ухаживать, как за собственной матерью. Но не забыла она и того, что в конечном итоге, благодарность этих людей сводилась к тому, что старых, либо больных лошадей грузили в этот ящик, с нарисованными на нём коровьими головами, и увозили в неизвестном направлении, откуда они больше никогда не возвращались. Она инстинктивно догадывалась куда, но то, что происходило сегодня, сейчас, в её бредовых размышлениях не укладывалось: «Зачем же в этот предсмертный ящик загнали молодого красивого жеребца, в самом расцвете его лошадиной жизни? Она каким-то образом, видимо испытывая непреодолимый материнский инстинкт, решила не допустить такой несправедливости. Как? Она пока этого не знала»

Но когда в пелене, застилающей её потускневшие глаза, она с трудом увидела, как жеребец пытается поломать удерживающий его заплот и не может этого сделать, Соловуха поняла, что ей нужно. Она решила, для спасения рода лошадиного, пожертвовать собой. В это время, их гудящая телега, завернув в лесок, остановилась. И стала так, что пол под ногами, наклонился в сторону задней стенки их каземата. Последняя, в её жизни, удача сопутствовала старой Соловухе. Она, собрав все оставшиеся силы, скрепя больными суставами, и дрожа дряблым телом, приподнялась на ноги, и бросила пятьсот килограммов костей своего скелета на задний борт автомобиля.

Павел Гаврилович, услышав треск и грохот, вдруг возникший неизвестно откуда, вскочил и, вылупив глаза, метнулся к автомобилю:

«Мотор взорвался!» - мелькнула первая мысль, но под капотом машины всё было нормально. И тут он заметил какую-то возню у заднего борта, быстро метнулся туда. На земле лежала старая кляча, над ней

тревожно вздрагивая всем телом, стоял растерявшийся рыжий жеребец. Вывалившись за борт, увлекаемый Соловухой, он ещё не осмыслил произошедшего. Но увидев, выскочившего из-за машины, человека и, не ожидая от него ничего хорошего, Рыжик, кинув прощальный взгляд на свою спасительницу, взвился на дыбы и маханул в лес.

Веки Соловухи медленно сомкнулись на её потускневших глазах и, она, вздрогнув всем телом, вытянулась во весь свой лошадиный рост.

14

Животные умеют ориентироваться в пространстве, и конечно лошади, несомненно, делают это лучше других. Рыжик мог бы свободно найти обратную дорогу на свой родной конный двор, но события последних дней внесли сомнения в его лошадиное сознание, он догадывался о том, что дома ничего хорошего его не ожидает. Кроме того жеребец не забыл и то, что в том направлении откуда его везли, однажды повстречался с волками, которые, если бы не его верный друг Добрый, лишили бы жизни его, и его любимой серой кобылы в яблоках. Откуда ему было знать, что летом сытые волки близко к селу не подходят, а скрываются в глубине тайги, где занимаются увеличением и обучением своего потомства.

Поэтому, постояв несколько минут на месте, Рыжик, повернув в обратную сторону от его дома, медленно побрёл по редкому берёзовому лесочку, в сторону города. И так, поедая свежую траву, он, переходя от одного лужка к другому, приближался к городской окраине. Чтобы делал деревенский жеребец на городских улицах? Трудно сказать. Но добраться до окраинных домов ему не удалось.

Вдруг, в стороне, из неглубокого ложка, послышалось конное ржание, Рыжик поднял голову в том направлении, и глубоко втянул расширенными ноздрями воздух. Запахло дымком, точно таким, как из печурки в

«конюховке». Почуввав родной запах, жеребец двинулся в сторону ложбины. Преодолев пригорок, скрывающий, доносившиеся до него, звуки и запахи, Рыжик, озадаченный увиденным, настороженно замер. Его взору представился странный посёлок: дома, издали похожие на деревенские избышки, меняли свои очертания под порывами ветерка, проносившегося по долине. Между этими странными домиками горели дрова, но не в печурках, а прямо на земле, над этими пылающими поленьями, висели ведёрки, окутанные клубами пара, распространяя не приятный для коня, запах варёного мяса. Вокруг мелькали непривычные своим обликом двуногие животные – люди. Все они были необычайно тёмной масти – вороной, обросшие чёрной кудрявой щетиной, и даже их маленькие дети носили на голове шапки густых чёрных завитушек. Разговаривали они тоже непривычно – странно. Рыжику вспомнилось то время, когда он сравнивал разговор людей со щебетанием птиц, так вот эти вороные люди, если перевести на птичий язык – каркали, как вороны.

Отдельно, в стороне стояли другие домики – на колёсах. Они снизу напоминали телеги с его конного двора, у них были такие же колёса, но верхняя часть, вместо тележной платформы, представляла собой огромный цветной шатёр. Ещё дальше, на большом лугу, паслись несколько лошадей, они были не такие большие, как на конюшне, но и не такие красавцы, как на конезаводе. Что-то между теми и другими.

Рыжик, всё равно пока ещё не определивший, что же он будет делать дальше, решил подойти поближе к соплеменникам, поэтому осторожно, с опаской, оглядываясь, двинулся в сторону конского табуна.

Он был очень осторожен, наученный горьким опытом описанных выше приключений, жеребец думал, что овладеть своей свободой, он, ни в коем случае, не позволит никому. Но Рыжик ошибался, если бы он знал, к какому

человеческому отродию приблизился, то обошёл бы это поселение далеко стороной.

Иона Чорбу, то ли молдавский, то ли румынский цыган, не был цыганским бароном, но он был старшим в этом цыганском таборе, в который объединились все его родственники и одинокие безродные цыгане, принятые в этот табор в качестве рабов, и беспрекословно выполняющие все прихоти старшего. В поисках хорошей жизни, табор за три летних месяца, из далёкой Молдавии добрался до Сибири, пользуясь слухами о том, что здесь будто бы райская жизнь, можно сытно есть, сладко пить, и, если подвернётся удача, можно быстро разбогатеть. Но на деле, все эти слухи оказались красивыми сказками. Сибирь не принимала бездельников и вымогателей, здесь нужно было, как и во всей России, тех времён, добывать себе пропитание тяжёлым трудом. А цыгане к этому не привыкли. Им нужна была лёгкая пища, добытая воровством, гаданиями и обманом.

К тому же люди здесь оказались суровыми, и прощать различные мошеннические выходки не собирались. Однажды Иона решил на кражу коней в одном поселке, и по незнанию, забрался с четырьмя своими невольниками на конный двор вольного поселения, одного из множества, Сибирских лагерей. Всё сделали очень тихо, вывели каждый по одной лошади, и обрадованные успешным воровским рейдом, решили тут же оседлать их. Как только они запрыгнули на спины краденых коней, и их фигуры, отделившись от земли, стали хорошо видны на фоне звёздного неба, тут же раздались винтовочные выстрелы. Оказалось, охранники давно обратили внимание на расположившийся в нескольких километрах от поселения, цыганский табор. Зная норы пришельцев, насторожились и, ожидая скорой попытки угона лошадей, были начеку. Заметив не званых гостей, они вместо того, чтобы отпугнуть их, решили раз и навсегда

покончить с подлыми расхитителями. Четырёх рабов Ионы уложили на месте, сам он чудом спасся, соскочив с лошади и упав в канаву, слился с суровой сибирской землицей. Затем, как змей, загребая грязь руками и животом, метров триста полз по пластунски. В ту же ночь табор спешно снялся и исчез с нагретого места, бросив своих убиенных, безродных рабов, которых зарыли, как беглых зеков, в суровую Сибирскую землю, без опознавательных знаков. Иона не имел жалости ни к кому.

Ворожба цыганок тоже выживать не помогала. В Сибирских деревнях жили люди нечета легкомысленным европейцам, и при виде цыганок, идущих по улицам, размахивающих многочисленными юбками и галдящих, как вороньё, выпускали на них собак, наглухо закрывая ворота на засов. А в городах поживиться не давала милиция, прогоняя ворожеек за пределы городской черты. Жить приходилось на небольшие деньги добровольцев, которые сами приходили в табор, узнать свою дальнейшую судьбу.

И тогда Иона, чтобы хоть как-то оправдать перед родственниками свою руководящую роль, придумал новую, как ему казалось идеальную аферу. Он объявил всем, что создаёт цыганскую бригаду по ремонту сельхоз. инвентаря. В таборе был свой кузнец Матей, в общем-то, не плохой мастер, он ковал таборных лошадей, но больше никто из цыган мужского пола молоток в руках не держал ни разу.

И вот новый бригадир цыганских «мастеров» начал объезжать колхозы, с предложением оказания ремонтных услуг. Желающих, воспользоваться этими услугами, долго не находилось. Но, как говорится, кто ищет, тот всегда найдёт, в одном из колхозов, то ли по тому, что председатель был не опытный, толи соблазнились низкими расценками на ремонтные работы, но договорились, наконец, отремонтировать к началу вспашки зяби бороны, зубья которых от постоянного соприкосновения с землёй расшатались и износились. Нужно было выковать новые зубья, и

поставить на место, в каждую борону по шестьдесят штук. Работы много, цыган тоже, а кузнец-то один. И вот тут-то понадобилась смекалка Ионы. Пока все делали вид, что заняты непосильным трудом, перетаскивая с места на место бороны, он раздобыл где-то две бочки чёрной клеевой смолы, видимо стояла без присмотра. Ночью цыгане покрасили все бороны смолой, к утру она засохла, и зубья замерли в своих гнёздах неподвижно. Для виду ещё пару дней «мастера» побегали вокруг кузни, где расположили бороны, и на третий день пригласили, для приёмки выполненной работы, председателя. Тот, как увидел блестящие новизной бороны, душа от радости зашлась:

- Мужики, да я вам не только, обещанное по договору отдам, но ещё и премию в виде зернового довольствия выдам.

- Да, ты уж, батька, позвони другим председателям, что мы добрые мастера, - залился соловьём Иона, - видно, ты в Сибири самый умный человек.

- Позвоню, обязательно позвоню, - сиял председатель.

Но тут, на беду Ионы, пришёл свой, деревенский кузнец Петрович, отлучённый на время, из-за цыган, от своей работы.

- Разбросали тут, черти черномазые, бороны не пройти, - и он, схватив первую попавшую в руки, со злостью отшвырнул её в сторону. Борона звякнула, смола осыпалась, обнажая разболтанные в разные стороны старые, крашенные зубья.

- Ах, мать вашу.., - взревел Петрович, хватая полупудовую кувалду в руки, - отремонтировали, значить, - и он замахнулся кувалдой на Иону. Но тот приземление кувалды на свою голову, дожидаться не стал, и вылетел стрелой из кузни, за ним ретировалась и остальная цыганская свора. К их ужасу, услышав ругань, из гаража бежали к кузне, на помощь Петровичу, сельские трактористы, держа в руках различные металлические предметы.

На этом цыганские злоключения не закончились, подбодрённые удачным трудоустройством своих мужиков, цыганки решили, что теперь сельское население будет к ним относиться более лояльно, и двинулись по деревне на промысел. И верно, прослышав о заключенном договоре, местное население собак на галдящих цыганок не спускало, но и ворота с запора не снимало. И тогда гадалки, потерпев фиаско в своей основной профессии - гадания, занялись хищением гуляющих по деревне кур, хватая их на ходу и пряча под многочисленные юбки. Однако сельские бабы были не лыком шиты, и не робкого десятка, они умели постоять за своё имущество. Самая боевая разведёнка, Нюрка Рябая, быстро сколотила группу захвата, из десятка бывалых бабёнок. Цыганки были перехвачены посреди площадки, где стояла общая поилка для скота, огромное корыто, наполненное до краёв водой.

Взору, бегущего Ионы, предстали цыганки из его табора, взлетающие почему-то вверх ногами, и ныряющие, затем головой в поилку с водой, при этом из их юбок вылетали куры. Бабы, прихватившие воровок, увидев толпу цыганских мужиков, побросали помятых цыганок в поилку, и быстро скрылись в соседнем дворе. Цыганки, выскакивая из мутной воды, похожие на мокрых куриц, кинулись вслед за своими мужиками. И во время, в конце улицы показали сельские механизаторы, с ломami наперевес.

- Хасиям, мре дадорэ ! – Вопили растрёпанные цыганки, обгоняя своих мужиков. /Ай, пропали, батюшки!/

Вот так закончился колхозный вояж для вожака табора. В таборе назревал скандал. И тогда Иона Чорбу поклялся своим однокашникам, что он, с их помощью, отомстит этим проклятым колхозникам: ближе к осени, перед тем, как двинуться на родину, намерен угнать всех колхозных лошадей с конного двора.

- Грен традаса табунэнца, - заверил он. /Табунами мы коней погоним/

На том и порешили, обнадёженные светлым будущим, успокоившиеся цыгане, разошлись миром.

Табор срочно снялся и, отъехав на двадцать километров от злополучного колхоза, разбил свои разноцветные шатры под городом Шахтёрском. Вот в это-то время, Рыжик вышел в его расположение.

- Иона, Иона, - приглушённым воровским шёпотом, позвал, лежащего на траве предводителя, племянник Аурел, - смотри Иона, какой красавец к нам пожаловал. Рысак сибирский, точно говорю.

- Заткнись, сам давно заметил. Возьми верёвку, заходи от леса, а я по ложбине проползу, навстречу ему. Смотри не спугни – убью.

Иона, действительно, сразу заметил появление Рыжика, упал на траву и притих, мысли в его хитроумной голове заметались пойманным соколом:

«Откуда такой красавец взялся? В ближайших колхозах таких лошадей и в помине не существовало. С конезавода? Это далеко, если поймать и спрятать, а лучше продать, быстро не хватятся. Появятся деньги, у городских татар они водятся. До осени доживём, а там ограбим паршивый колхоз, и в путь» - в это время его окликнул племянник Аурел.

Отправив Аурела к жеребцу в обход, сам Иона, прихватив специальный аркан из тонкой волосяной верёвки, как уж, пополз по ложбинке к пасущимся неподалёку лошадям. Что - что, а в делах захвата животного, молдавскому цыгану Ионе Чорбу, равных не было.

Рыжик, приблизившись на пять-шесть шагов к цыганским лошадям, наблюдая за ними, на некоторое время, потерял бдительность. В этот момент из травы со стороны леса, вдруг, поднялся чёрный лохматый человек, и кинулся к нему. Рыжик отскочил в сторону пасущихся лошадей, и допустил оплошность, из-за ближнего к нему мерина, вдруг, как змея вылетела верёвочная петля и в одно мгновение оказалась на шее жеребца.

Рыжик рванулся в обратную сторону, но тонкая волосяная верёвка больно обхватила шею скакуна, перехватив дыхание. Верёвка из конского волоса, конокрадам приносит двойную пользу, во первых - упругая петля, никогда на лету не закручивается, во вторых - после захвата, волос впивается в нежную кожу на шее пойманного коня, и вызывает нестерпимую боль.

Рыжик сделал ещё несколько попыток, освободится, но кроме причинённых страданий от петли, ничего не добился. То, что произошло после, парализовало его и на некоторое время лишило способности к сопротивлению. Из-за мерина, не выпуская из рук верёвочного аркана, вышел приземистый косолапый лохмач и, перебирая верёвку, вплотную подойдя к жеребцу, положил ему руку на грудь. И в этой руке, Рыжик почувствовал такую силу, что замер, как вкопанный, не в состоянии пошевелится. Нет, это была не физическая сила - сила мускулов. Это было, что-то другое – сила бесстрашия, повелителя, хозяина проникшего в самую суть замыслов животного. «Ты мой, я твой хозяин, что захочу, то и сделаю с тобой» - через прикосновение руки цыгана передавалось в сознание коня. /Уважаемый читатель, это истина! Животное отлично понимает характер человека. За несколько метров чувствует труса, и никогда ему не подчинится. Так же чувствует издали силу духа храброго, твёрдого характером хозяина и соглашается служить ему. На трусливого человека всегда набрасываются пчёлы! /

Лохматый человек, тем временем, начал что-то бормотать своим каркающим голосом, и это бормотание, как не странно, опять подействовало на жеребца успокаивающе. Человек ослабил петлю на шее коня и смело пошёл вперёд, повернувшись к нему спиной, не боясь, что тот прыгнет на него либо укусит, и Рыжик, глубоко вздохнув, покорно двинулся следом.

Иона, довольный результатами удачной охоты, предчувствуя богатый калым, завел жеребца подальше в лес, выбрав глухую полянку, заставил Аурела вырубить и заколотить в землю, посередине поляны, надёжный кол, и, не снимая волосяной верёвки с шеи жеребца, привязал его к этому сооружению.

- Жеребец-то не обученный, - осмотрев плечи и спину коня, сообщил Иона племяннику, - на плечах следов хомута нет, и на спину седло никто, никогда на него не надевал.

- Да какая разница, обученный, не обученный, главное он теперь у нас. Надо поскорее его сбыть, пока хозяин не нагрязнул.

- Щенок тупоголовый, - выругался Иона, - кто же возьмёт не обученного жеребца за хорошие деньги. Да и договориться в чужой земле быстро ни с кем не удастся, придётся вести его на базар. Как ты это сделаешь с диким жеребцом?

- Ты же справился с ним.

- Не думаешь ли ты болван, что я сам его поведу на базар, буду я ещё рисковать своей головой. Это сделаешь ты, хоть какая-то польза от тебя будут. Хватит болтать зря, завтра возьмёшь Паула, и начнёте обучать жеребца, он в этом деле толк знает. Две недели вам на это даю, не сделаете, выгоню обоих, будете побираться в чужих краях. Сбыть его нужно скорее, он меченый, на правом плече шрам.

Паул, пятнадцатилетний оболтус, не раз, ловленный и битый за карманные кражи, действительно был дока в верховой езде на лошадях, если уж ему удавалось вскочить любому коню на спину, свалить его оттуда не удавалось никому из них.

На второй день, рано поутру, захватив с собой пеньковую верёвку, уздечку и кнут, Аурел и Паул двинулись обучать, пойманного накануне, коня. Паул, приплясывая от радости, в предчувствии развлечения, ловко щёлкал

цыганской плёткой, щелчок получался хлёсткий, по звуку напоминал сухой выстрел из винтовки-трёхлинейки.

Здесь следует обратить внимание на плётку и уздечку, эти предметы были действительно цыганскими, из большой любви к лошадям, эти люди все конские принадлежности /сбрую/ делали тщательно, красиво, с большой любовью. Плётка была сплетена из телячьей кожи, хорошо выделанной и покрашенной в чёрный цвет. Ручка её вырезана из вишнёвого сучка и украшена медными, сияющими в солнечных лучах, пластинами с завитушками. Утолщённое от рукоятки, плетение хлыста, постепенно сужаясь, вытягивалось метра на два, и заканчивалась косицей конского волоса с вплетённой в неё медной проволокой.

Уздечка, сшитая из кожи высшего качества, была усыпана медными бляхами, начищенными до золотого блеска.

Проходя мимо своего табуна, приятели прихватили с собой крепкого мерина, необходимого в задуманном ими деле.

Рыжик, привязанный к деревянному колу, не уснул ни на минуту. Волосяная верёвка, обхватившая его шею, хоть и была ослаблена этим лохматым, хромоногим колдуном, однако постоянно покалывала нежную кожу жеребца. Траву он тоже не ел, возникшая, после ухода лохмача, тревога не давала жеребцу покоя, нервно прохаживаясь, он вытоптал, вокруг кола, её всю до земли. Всю ночь ему казалось, что вот сейчас из леса, в котором он был привязан, выскочат злобные волки, а у него даже нет возможности обороняться от них.

Скоро забрезжил рассвет, и спустя некоторое время, Рыжик услышал, как за лесом, закаркали, загалдели эти странные люди.

Но вот на поляну, раздвигая берёзовые ветки, вышли два лохматых вороных человека, одного, который был повыше, жеребец узнал, это он

вчера кинулся на Рыжика из лесу. В руках у него были знакомые предметы, верёвка, с ней жеребцу приходилось уже встречаться не раз, ремни, которые одеваются на голову, ему тоже были знакомы. В руках второго лохмача, поменьше ростом, был тоже известный жеребцу предмет, им некоторые люди, с его конного двора, хлестали лошадей, для ускорения хода. Правда, те колхозные предметы, по сравнению с этими, цыганскими, выглядели убого. Его хозяин Добрый, никогда и ничем его не хлестал. Увидев, бредущего за людьми, мерина, Рыжик заржал, тот задрал вверх голову, охотно ответил.

Когда пришедшие приблизились к нему на расстояние вытянутой руки, Рыжик почувствовал, что эти двое его не боятся, а наоборот, пришли навязать ему, Рыжику, свою волю.

Вот высокий лохмач, больно затянув на шее волосяную верёвку, ловко накинул ремни на голову Рыжика, и воткнул в рот блестящие железяки.

- Послушай Паул, а по-моему, этот жеребчик с уздой уже знаком, - обрадованно сообщил Аурел, - он даже голову не отдёнул, когда я её одевал.

- Ха, вот и славно, сейчас мы на нём прокатимся. Снимай тогда волосяную верёвку, она не нужна, сейчас я на него заскочу, - беспечно закаркал Паул.

- Не спеши, давай мы всё-таки попробуем пустить его за нашим меринком.

- Ну, давай, нам торопиться некуда.

Высокий снял с шеи Рыжика волосяную верёвку, жеребец облегчённо вздохнул. Затем закрепив на уздечке один конец пеньковой, привязал второй к седлу мерина. Жеребец сразу вспомнил этот процесс, производимый совместно со своим хозяином, на родном конном дворе, и

без сопротивления последовал за вороным меринком, в седле которого разместился высокий лохмач.

- Что я говорил, им уже кто-то до нас занимался, - убеждённо сказал Аурел.

- Ну, всё, давай отвязывай, сейчас моя очередь. Не так страшен чёрт, как его расписывают,- нетерпеливо задёргался Паул.

Высокий отвязал конец верёвки от седла вороного мерина, другой намотал себе на левую руку, в правую взял плётку.

- Да отвязывай совсем, - возмутился Паул, - не таких усмирять, а это просто телок.

- Ну, уж нет, если он уйдёт, на этом месте будут наши могилы. Давай запрыгивай, посмотрим.

Рыжик беспрепятственно дал надеть на свою голову узду и так же, не сопротивляясь, последовал на привязи за меринком, потому, что эти первые шаги в обучении он проходил уже со своим хозяином Добрым. Но на этом процесс обучения, был прерван кровавыми событиями, развернувшимися в ночь убийства, произошедшего на конном дворе.

Он спокойно смотрел на то, как высокий лохмач отвязал верёвку от седла вороного мерина и намотал себе на руку, от его взгляда, так же не ускользнуло и то, что хлыст оказался в другой руке лохмача, готовый в любую минуту исполнить своё предназначение. Рыжик насторожился и опасливо попятился в сторону, предполагая, что его сейчас начнут избивать. Но произошло совсем другое, ещё более неприятное и не понятное действие, со стороны его мучителей. Второй, маленький лохмач, вдруг, как волк, из той ночной схватки, стремительно бросился ему на спину, и, вцепившись в гриву, вонзил свои голые пятки Рыжику под бока. Такого молодой жеребец не испытывал в своей жизни ещё ни разу, никто и никогда, так нагло, не пытался овладеть его волей.

Рыжик испугался, рванулся в сторону, затем в другую, «зверёныш» на его спине, своей позиции не изменил. Он будто прирос к телу коня, и лишь, снова больно ударил пятками в его бока. Тогда жеребец разозлился, он взметнулся на дыбы и резко опустился вперёд на землю, седок остался на месте. Это окончательно вывело «из себя» разъярённого коня, он как подкошенный, упал на бок и, перевернувшись через спину, вскочил на ноги, но маленький лохмач, как ни в чём не бывало, отскочив во время в сторону, снова одним махом запрыгнул жеребцу на спину. Рыжик снова хотел совершить переворот через спину, в надежде раздавить наглого наездника, но в это время, щёлкнул кнут, и острая нестерпимая боль, выше голени, вышибла все замыслы из головы жеребца. Неожиданно для себя, Рыжик рысью припустил по поляне, вокруг высокого лохмача, на расстоянии вытянутой верёвки, которую тот держал в руках, точно так, как бегали лошади на конезаводе, по манежу.

- Ну вот, давно бы так, - обрадовались быстрой победе цыгане.

Но жеребец не собирался сдаваться, он не был уже лошадиным подростком, быстро теряющим волю при обучении, этот возраст Рыжик пережил, и набрался опыта и хитрости. Пробежав несколько кругов, он, почувствовав, как постепенно верёвка ослабевает, вдруг, резко изменив направление, пригнув голову, нырнул под низко росший, толстый берёзовый сук, раздался вопль, и наездник со всего маху рухнул на землю.

Верёвка натянулась, и град ударов хлыста, обрушился на бархатную кожу жеребца. Маленький лохмач поднялся с земли, размазывая кровь по лицу, начал громко каркать. Рыжика отвели на место, и, привязав к забитому в землю колу, лохмачи, ещё немного злобно покаркав, удалились.

На другой день всё повторилось сначала, только теперь обучение происходило в поле, где не было деревьев. Несколько дней Рыжик, выделявая различные кульбиты, показывал свой норов, однако хлыстом его

больше не били, Иона запретил, но гоняли до изнеможения, маленький же лохмач был неумомим. И вот постепенно жеребец стал сдаваться, он терпеливо переносил сидящего на спине наездника, начал поддаваться управлению уздечкой, затем привык к седлу и чересседельнику, опоясывающему крепко его спину и бока. Через две недели это был вполне управляемый красавец жеребец, рысистой породы.

Приближалась осень, ночами становилось холодно, цыгане засобирались домой в Европу. Но прежде чем сорваться с места, намерены были осуществить свой подлый план, по краже колхозных лошадей. Иона уже нашел покупателей, в лице местных татар, которые жили в пригороде Шахтёрска, улица так и называлась Нацменовская. Дома были обнесены высокими заборами, с глухими тесовыми воротами. Что творилось за ними, никто знать не мог, закрылись и всё, тишина. Иона хотел и жеребца сбыть им, но татары, увидев такого красавца, на мясо покупать его не захотели, а для двора побоялись, слишком приметный. Да и цену цыган заломил высокую.

Чтобы задуманный план не провалился, Чорбу даже, предварительно, подговорил колхозных сторожей, пообещав большой куш за оказанное содействие.

Но прежде, чем совершить задуманное, нужно было избавиться от пойманного жеребца. И вот в один воскресный день, Аурел, получив благословение от матушки своей Аделаиды, оседлав Рыжика, двинулся на колхозный рынок, города Шахтёрска.

15

После того, как лошади, поломав задний борт автомобиля, вывалились из кузова, шофёр Павел Гаврилович сразу протрезвел, хотя выпитый

стаканчик водки был для его крепкого организма, равен дробице попавшей в огромного слона.

«Что же теперь делать? - Лихорадочно бились мысли в его ожиревших от мясо-комбинатской колбасы, мозгах. - Что я теперь скажу директору комбината? Сопроводительные документы я подписал, теперь не отвертеться, платить колхозникам за коней придётся. Где искать этого проклятого жеребца? – Он, растерявшись, даже не заметил в каком направлении убежал конь. – И как я объясню всем, на кой дьявол заехал в эти кусты?»

Побежав, ещё малость, вокруг машины, Павел Гаврилович завёл её, привязал мёртвую Соловуху тросом за ногу, выволлок на дорогу. Бросив труп лошади поперёк просёлка, полетел на мясокомбинат.

- Андрей Петрович, беда! – Ворвавшись в кабинет директора, запричитал он. - Жеребец по дороге взбесился, разбил борт и убежал неизвестно куда.

- Какой жеребец? – опешил, ничего не понимающий Андрей Петрович. – Ты, что Петров, белены объелся? Ты чего орёшь, в этой машине быков - производителей возили, и то они не могли ничего разбить. Да и как это он мог сделать, если машина по просёлку болтается, как проклятая. Там стоять на ногах не возможно.

После того, как представители Орловского колхоза, вызванные директором мясокомбината, собрались на месте происшествия, совместно с представителями комбината, Павел Гаврилович начал путать следы.

- Вот на этом месте, слышу, что-то грохнуло, я по тормозам, выхожу, смотрю - борт в дребезги, а его и след простыл.

- Так, ты, что не заметил, куда он побежал? – спросил бригадир Михаил Алексеевич.

- Не успел.

- Так тут же ровное поле, до леса метров двадцать. Ты что на четвереньках из машины вылезал.

- По-моему, он рванул вон туда, - поняв, что промахнулся с ответом, соврал Петров, и показал совсем в другую сторону от леса, в котором скрылся Рыжик.

- А как же Соловушка оказалась на земле? – снова спросил бригадир.

- А я когда остановился, эта дохлятина поднялась на ноги и прыгнула на дорогу.

- Как же она прыгнула, когда мы её с тобой вместе еле затащили лежащую в кузов.

- А вот так, взяла и прыгнула.

- А это, что за след? – Спросил председатель колхоза Цыбулевский. – Это кого здесь волокли из леса? Никак бедную Соловуху.

Все двинулись по следу волочения, и вскоре всё стало ясно. На поляне валялась пустая бутылка из под водки, колбасные обрезки и щепки от разбитого борта.

- Вот, что уважаемый Павел Гаврилович, - строго заявил директор Андрей Петрович, - если через две недели жеребец не найдётся, будешь платить за нанесённый ущерб из своей зарплаты. Подпишешь добровольно соглашение, а не подпишешь, пойдёшь в суд, а там, может быть, ещё и посадят годиков на пять.

На том и разошлись. Жеребца искали долго, но не в том направлении. Поверили словам Петрова. Куда он указал, там и искали. Никто не мог предположить, что необученный жеребец двинется в сторону города. Заявили в милицию, там тоже оказывали содействие, но не долго. На цыган не подумали, как раз в это время их изгнали с позором из колхоза, за «ремонт» борон.

Отбыв свой срок наказания, вернулся в колхоз Аким Бычков. Весть о пропаже Рыжика, тяжёлой печалью свалилась на его плечи. Он, с разрешения бригадира объехал все ближайшие колхозы, лесхозы, и даже побывал на конезаводе. Ему там сказали, что жеребца видели, но только давно, Аким догадался, что это было во время побега Рыжика после попытки кастрации.

- Всё Акимка, крышка твоему жеребчику, - попытался убить надежду Серёга.

- Не бреши дурак, чую, жив он, и находится, где-то рядом, - не сдавался Аким.

Текущий год для Орловского колхоза оказался плодородным. Сена заготовили больше, чем планировали в два раза. Пшеница уродилась на славу, золотистый, наливной её колос разливался до самого горизонта, во всех направлениях, обширных колхозных полей. Осенней погодой тоже господь не обидел, поэтому урожай был собран вовремя и без потерь.

Трудодень в этом году для членов колхоза оказался богатым, многие получали натуроплату в соседний посёлок Лесозаводский, для того, чтобы продать часть полученной пшеницы и на вырученные деньги приобрести одежонку себе и детям, да прикупить ещё кое-что по мелочи, необходимое в хозяйстве. десятками центнеров пшеницы, /ХЛЕБА, как говорили в деревне, / а особо трудолюбивые – по несколько тонн. Отпраздновав страду - окончание уборки урожая, колхозники потянулись на базар

Засобирался на базар и бригадир Михаил Алексеевич, у него было четверо детей, с разницей в возрасте в два года, все уже учились в школе и нуждались в смене обносившейся одежды на новую, хотя бы частично. Он решил поехать на рынок города Шахтёрска, население окраины и пригорода которого, имело большое количество скота, и пшеница на том рынке была дороже. Но ехать туда в шесть раз было дальше, поэтому не многие соблазнялись городскими ценами. Кроме собственной выгоды, где-то глубоко в сознание бригадира затаилась надежда встретить на том рынке

жеребца Рыжика. Там же рядом, через забор, велась распродажа живого скота.

«Дался мне этот Рыжик» - ворчал про себя бригадир, но желание вернуть утерянного коня, не покидало его.

Узнав о намерениях бригадира, конюх Аким, пришёл к нему домой и, смущаясь, потупив взгляд, попросил:

- Послушай Алексеич, возьми меня с собой, мне тоже надо продать два мешка пшеницы. За использование лошадей заплатим пополам.

- Что, надеешься Рыжика там встретить, - сразу же «раскусил» замысел конюха бригадир.

- Чем чёрт не шутить, сейчас самое время продать коня. На зиму запрут его во дворе, никто не увидит. Или татары на махан пустят.

- Ладно, поехали, в четыре утра запрягай Каштана коренным и Зорьку пристяжной, грузимся и с богом...

Выехали по темну, решили сократить путь и выезжать на большак не стали, двинулись по просёлочной дороге. Всю дорогу Аким задумавшись молчал, как ни пытался разговорить его Михаил Алексеевич, ничего не получалось, на все вопросы он отвечал односложно или вообще молчал. Рассвело, через часок показалась окраина города, бригадир обернулся на неподвижно сидящего Акима, язвительно сказал:

- Да, Аким, замучил ты меня, язык даже заболел!

- Ет от чевой-та? – удивился тот.

- Уморил ты меня своими разговорами. С тобой только в засаду ходить.

Вскоре показалась многолюдная базарная площадь. Пшеницу распродали быстро, на рынке её было ещё не много, видимо другие колхозы, в уборочную страду, были не так успешны, как Орловцы. Аким, как только подъехали к базарной площади, соскочив с телеги, метнулся в конный ряд. Коней на продажу было не много, но Рыжика среди них не было. Он

через каждые полчаса, пока продавали зерно, навещал конный ряд, всё было бесполезно. Закончив торговлю, мужики, перекусив в чайной, которая находилась тут же на площади, выехали из ворот рынка. Ехали нарочито медленно, завернув в конный ряд. Рыжика не было. Мужики совсем уж было приуныли. Но, вдруг, серая пристяжная Зорька, подняв высоко голову, как будто заметила кого-то знакомого, призывно заржала, в ответ раздалось близкое, радостное ржание жеребца...

Аурел, выехав из табора, сильно не спешил. Документов, удостоверяющих принадлежность жеребца, не было. Поэтому продать его нужно было быстро, без лишней возни. Самая большая масса покупателей в городе собиралась на рынке к обеду, поэтому Аурел и не спешил. Кроме того, его сопровождали на других лошадях два цыгана из табора, которые должны были изображать первых покупателей, громко спорящих, кто больше даст денег за жеребца, тем самым наращивая ему цену.

Рыжик, привыкший к седлу и седоку, на своей спине, двигался легко, иногда слегка гарцуя, как бы показывая всю красоту и преимущество своей стати. Вот он зашёл, в непривычное для него, скопище каких-то строений, они постепенно становились всё выше и больше. Вот показалось большое количество различных людей. Глаза Рыжика, от непривычной обстановки, забегали, он растерялся. Но заметив лошадей у базарной привязи, почти успокоился. И вдруг, он услышал знакомое ржание, Рыжик, завертев головой, заржал в ответ, и тут же увидел серую кобылицу в яблоках – свою любимую, и мерина Каштана. То, что они была запряжены в телегу, для него не обычным не было, после того, как они расстались, представление жеребца о жизни лошадей сильно изменилось, и он уже ничему не удивлялся. На телеге он заметил своих друзей, судьба с которыми его связывала с детства.

Рыжик дернул удила, ослабив натянутый повод уздечки, рванулся в сторону, к телеге. Седок наверху, опомнившись, что есть силы, натянул повод, раздирая губы жеребца железными удилами. Превозмогая боль, Рыжик взвился на дыбы, пытаясь сбросить седока из седла, но это ему не удалось, вновь вздымаясь вверх, он увидел, как с телеги соскочил Добрый и бросился в их сторону. Жеребец, чувствуя, что прыжками наездника не сбросить, изменив тактику, упал на бок и придавил седоку ногу к земле. В этот момент к ним подбежал Добрый...

- Рыжик! – воскликнул Аким, посмотрев в ту сторону, куда повернула голову Зорька.

- Где? – выдохнул возбуждённо Михаил Алексеевич.

- Вон, цыган на нём сидит.

Оба, устремив взгляд в направлении верхового цыгана, увидели, как взвился на дыбы, пытаясь, освободиться, жеребец. Аким соскочил с телеги и кинулся в ту сторону, подбежав к упавшему на бок жеребцу, Аким схватил за шиворот придавленного цыгана. Рыжик, вскочив на ноги, радостно гарцевал на месте.

- Ты где, цыганская твоя морда, взял коня?

- Мро грай, - злобно выпалил цыган. /Мой конь/

- По - русски говори гадёныш, не то рёбра поломаю.

В это время подскочили ещё два цыгана и набросились на Акима, видя такой поворот событий, на выручку прибежал бригадир, и они вдвоём с Акимом, так начали отделявать черномазых, что они, бросив своего товарища, быстро ретировались. К месту возникшего скандала уже бежали милиционеры, дежурившие на базарной площади. И вскоре возбудители спокойствия, вместе с лошадьми, отправились в ближайшее отделение районной милиции.

Там выяснилась принадлежность жеребца, подняли заявление от руководства Орловского колхоза о его пропаже, с описанием всех примет. Жеребец Рыжик был торжественно передан представителям колхоза, в лицах бригадира Бажкова и конюха Бычкова. О чём был составлен акт, в двух экземплярах.

Цыган же Аурел был подвергнут тщательному допросу.

На вопрос следователя:

- Один ли чужой конь находился в вашем таборе?
- Пока один, - ответил, потрясённый случившимся, Аурел.
- Что значить, пока? – насторожился следователь.

Поняв, что сболтнул лишнего, цыган начал выкручиваться, но опытный следователь, применив не совсем дозволенные методы, оброненного намёка не упустил. И прижатый к стене изолятора, Аурел выложил всё о планах ограбления колхозной конюшни, который задумал Иона Чёрбу.

Цыган Аурел оставлен был в изоляторе, до полного разоблачения задуманного плана, главарём табора.

- Баре тысенцы хасинэ, нэ! – бормотал он, сидя на холодных нарах.
/даром тысячи пропали!/

А Орловские мужики, обрадованные находкой, возвращались в родную деревню. И Михаил Алексеевич немало был удивлён, изменившимся поведением Акима, тот всю дорогу разговаривал, с ним, с Рыжиком, с Каштаном и Зорькой, видимо он выложил, за дорогу, столько слов, сколько не высказывал с самого рождения до этого момента. Рыжик тоже, от радости, не знал, куда себя девать, то он подбегал к Зорьке и тыкался своими губами в её широкий нос, то отставал и пытался схватить шапку с головы Акима, тот довольно что-то гудел, пытаясь поддерживать эту игру. Жеребца не стали привязывать к телеге, он и сам спокойно бежал рядом, довольно сверкая глазами.

На другой день вся деревня знала о возвращении жеребца Рыжика домой, в колхоз. Посмотреть на него приходили все, и даже те, кто раньше не знал о его существовании. По деревне распространялись слухи об удивительном спасении коня, обрастая всё новыми подробностями, и в конечном итоге родилась версия о том, что план, по освобождению жеребца из цыганского плена, был заранее разработан бригадиром Бажковым и конюхом Бычковым. Вот, после этих событий односельчане стали называть Акима Бычкова не иначе, как Аким Фролович, а Михаил Алексеевич заслужил ещё большего уважения. Сначала они пытались растолковать людям, что плана никакого не было, и всё произошло случайно, но колхозники не верили, списав их отказ от «героического подвига» на излишнюю скромность.

- Ладно, Аким Фролыч, поговорят, поговорят, да и забудут, - сказал конюху Бажков, сам он считал, что Аким давно заслужил в деревне обращения, к нему, по имени отчеству.

В связи с произведённым фурором, по поводу возвращения Рыжика, о его кастрации, а тем более о сдаче на мясокомбинат, не могло быть и речи. Но в колхозе без дела никого содержать не собирались, ни людей, ни лошадей, поэтому нужно было придумать, в ближайшее время, где использовать красавца жеребца.

- Вот, что Аким Фролыч, - обратился к конюху бригадир, - давай-ка мы сделаем лёгкие дрожки для жеребца, да я буду на нём объезжать колхозные поля, всё быстрее будет, чем на тяжеловозе.

Так и сделали, дрожки помог изготовить местный мастер по тележно-санным экипажам Иван Кириллович, на дрожки приспособили кошевку и, снабдив их деревянными рессорами, поставили на колёса.

- Красота-то какая! – Восхитился бригадир.

- Красота-то, красота, да как воспримет эту красоту Рыжик, - засомневался Аким, - под седлом – то ходить его цыгане научили, а в упряжке он, по-моему, ещё ни разу не ходил.

Рыжик, вернувшись на родной конный двор, не находил себе места, от радости. Его поместили опять всё в тот же загон, вместе с Каштаном, он дружелюбно тыкался носом в морду мерину, тот миролюбиво всхрапывал и довольно качал головой. Напротив, в другом загоне, размещались кобылицы, и в их числе находилась серая кобыла Зорька. Рыжик, подходя к ограждению, призывно ржал, кидая любовные взгляды на неё, но она отвечала сдержанно, без любовного порыва, так как была беременна, и ей было не до любви.

Его друг и хозяин Добрый, как и прежде ухаживал за Рыжиком, чистил его, кормил и поил вдоволь. Но вот однажды, жеребец увидел, как хозяин направляется к нему, держа в руке уздечку, накинутае на голову ремни и засунутые в рот удила, Рыжик воспринял спокойно, так же без сопротивления пошёл за, натянутым хозяином, поводом. А дальше произошло что-то непривычное для него, вызвавшее сначала испуг, а затем негодование. Хозяин подвёл его к сооружению на колёсах, и, поставив задом к этому предмету, накинул на шею кожаное колесо, Рыжик вспомнил, что они, эти колёса, в большом количестве висели в избушке, где он жил, когда-то, вместе с хозяином. Испытывая уважение к нему, жеребец, с большим трудом сдерживал желание, вырваться и скинуть это колесо со своей шеи. Но дальше произошло ещё более неприятное действие, подняв длинные палки, лежащие с двух сторон от коня, хозяин прикрутил их к этому колесу, затем зацепив длинные ремни, взял их в руки и дёрнул, давая понять тем самым, что пора идти вперёд. И Рыжик пошёл, но вместе с ним двинулось, сзади, это

приспособление на колёсах. Этому он стерпеть не мог и, вырвав ремни - вожжи из рук хозяина, понёсся к воротам конного двора, ворота были открыты, но жеребец летел без всякого управления и, зацепился за их столб. Он видел, как сзади разлетелось в дребезги противное приспособление, и в разные стороны покатались колёса. Затем, одумавшись, он остановился, ожидая, что сейчас последует какое-то наказание. Но этого не произошло, Добрый, догнав коня, молча взял его за повод, привёл в загон, снял уздечку и, кинув ему сена, ушёл.

На другой день хозяин пришёл опять с уздечкой и с тем же колесом, то есть с хомутом, накинул его на шею Рыжика, виновато опустившего голову, и оставил это приспособление на целый день. Сначала жеребец мотал головой, пытаясь освободиться, но затем, проголодавшись, он начал есть с хомутом на шее, наевшись, заснул и, проснувшись, забыл о том, что болталось у него на шее. На ночь хомут снимать тоже не стали. На следующий день хозяин вывел Рыжика из загона, прикрутил к хомуту длинные палки – оглобли, и, оседлав его, проездил целый день, в таком снаряжении, по полям. В общем, когда отремонтировали экипаж, жеребец уже научился ходить в оглоблях. Через несколько дней Рыжик научился и этому делу – ходить в упряжке.

И они вдвоём с бригадиром Михаилом Алексеевичем стали ежедневно объезжать колхозные поля и луга, со временем Рыжик привык к этой работе, и она ему не только не была в тягость, но и пришлась по нраву. Мало того, иногда его допускали к прямым своим обязанностям - любить кобылиц, что жеребец делал с большим удовольствием. Возможно, так бы он и провёл остаток своей лошадиной жизни, но обстоятельства сложились иначе, внеся в его жизнь некоторые коррективы.

Бригадир Михаил Алексеевич заочно учился на зоотехника, то есть на специалиста по научному содержанию сельскохозяйственных животных.

И вот в то время, когда Рыжик стал принадлежать ему, как бригадиру, срок обучения подошёл к концу. В то же время на селе произошли перемены, мелкие колхозы стали объединяться в крупные совместные хозяйства. Зарплату крестьянам стали платить деньгами. Колхозникам, наконец-то стали выдавать паспорта, чего раньше не было.

Образовавшемуся, из четырёх колхозов, соседнего района, совхозу, понадобились специалисты, и Михаила Алексеевича направили туда главным зоотехником, и им с Рыжиком пришлось расстаться.

Рыжик был переведён на исполнение прямых жеребьчих обязанностей, но от выездных работ не освобождался, так как рысаком в колхозе, пока, был единственным.

Первым, на владение жеребцом, заявил свои права ветеринар Семён Терентьевич. Так как, бригадиром никто назначен пока не был, лошадей распределял, по распоряжению председателя, старший конюх Аким.

- Аким Фролыч, - заискивающе льстиво подкатил к нему ветеринар, - скот угнали на выпаса, в летний лагерь, мне пешком ходить далеко, закрепи за мной Рыжика, а я тебе спирта бутылочку уделю.

- Терентич, ты же знаешь, я не пью, и на хрена тебе жеребец, он же убьёт тебя. Вон Каштан стоит, свободен, запрягай, да и вперёд.

- Акимка, - вспылил ветеринар, - ты нос сильно не задирай, подумаешь, бригадир нашёлся. Гуртов в колхозе три, пока я от одного до другого на Каштане дотяну, весь скот перемерёт, отвечать тебе придётся, - сгустил до предела краски Терентьевич.

- Ну, ладно, я тебя предупредил, - согласился, махнув рукой, Аким, - но не забывай, Рыжик запаха крови и перегара не переносит, почует, ничем его не удержишь.

- Ты меня ещё учить будешь, разберусь, как, ни будь, сам.

Увидев ветеринара с уздечкой, приближающегося к нему, жеребец нервно заходил, видимо не забыл попытку кастрации. Как ни старался Терентьевич ласково заговорить его, Рыжик ни на какие ухищрения не поддавался. В конце-концов, Акиму надоел этот «цирк» по поимке жеребца, он сам запряг для ветеринара экипаж, и передовая вожжи, ещё раз попытался отговорить его от этой поездки:

- Семён Терентьевич, зря ты польстился на Рыжика, он злопамятный, не забыл, наверное, как ты хотел его кастрировать, будь с ним осторожен, не обижай его, разнесёт в дребезги и дрожки и тебя.

- Хватит каркать, ничего со мной не случится, думаю, удила его сдержат, - отмахнулся ветеринар, складывая свои сумки с инструментами на дрожки.

Рыжик с места припустил бегом, и, миновав благополучно ворота конного двора, перешёл на крупную рысь.

Как будто понимая то, что в дорогу его благословил Добрый /Аким/, Рыжик безупречно подчинялся, нелюбимому им, человеку, который способен был наносить боль его сородичам, лошадям. Он, ведь, не мог знать того, что ветеринар исправно пытался исполнять свои обязанности.

Семен же Терентьевич ощущал себя ангелом с девятого неба, а как же иначе мог чувствовать себя человек, управляющий таким красавцем жеребцом, да ещё запряжённым в расписную кошеву, являющуюся экипажем руководящего состава.

Несколько дней Рыжик, получив ласковое напутственное слово, с утра, от Акима, спокойно исполнял свои услуги, по доставке ветеринарной помощи страждущим животным, и почти уже начал привыкать к Семёну Терентьевичу. Не то, чтобы он его полюбил или зауважал – нет, скорее понял необходимость своей работы, и, относясь равнодушно к новому владельцу, исправно выполнял возложенные на него обязанности.

Но заносчивый характер ветеринарного эскулапа, нарушил тонкую нить налаживающихся взаимоотношений, и навсегда положил конец совместному сосуществованию двух, как оказалось, несовместимых индивидов животного мира.

Настало время весенней обработке крупного рогатого скота, а проще – колхозных коров. И одним из видов этой обработки, являлось кровавое дело, то есть забор крови у животных для исследования на заболевание бруцеллёзом.

Заметив, как ветеринар начал загружать в кошёвку пробирки для этой самой крови, Аким забеспокоился:

- Послушай Семен Терентьевич, запряги сегодня Каштана, с пробирками тебе спешить не куда, наберёшь ты эту кровь, и потихоньку доставишь в аптеку, - попытался он уговорить эскулапа, - жеребец не переносит запаха крови, он уже несколько раз был напуган им. Оставь Рыжика сегодня на конюшне.

- Акимка, ты опять за своё, чо ты лезешь не в свои сани, командир нашёлся, - отбрил Терентьевич конюха,- я всю жизнь с животными, сам разберусь, кого мне запрягать.

Он может быть и прислушался бы к словам Акима, но внутренний голос упорно твердил своё:

«Оставишь коня на конном дворе, а его кто ни будь, присвоит, и будешь остатки жизни кондылять на мерине Каштане»

И как на неизбежное зло, всё в этот день пошло, как говорится: «шиворот - навыворот» Благополучно добравшись до летнего коровьего стойбища, ветеринар, разнуздав жеребца, привязал его к столбу, недалеко от площадки, где стояли фляги с надоенным молоком. Заботливо насыпав в ящик комбикорма для жеребца, он приступил к исполнению намеченного плана. Рядом с площадкой был вкопан второй столб, к которому скотники подводили очередную корову, Семен Терентьевич смазывал ватным тампоном, намоченным в спирте, вену, и толстой иглой, прокалывая кожу и вену одновременно, забирал в пробирку определённое количество крови.

Так как «кровавый» столб находился в трёх метрах от Рыжика, он, чую запах крови, возбуждённо начал волноваться, но вкусный комбикорм всё - таки отвлекал его от принятия каких-то решительных мер. Процесс забора крови подошёл к концу, можно бы считать, что всё окончится благополучно, пробирки с их содержимым были уже погружены в кошёвку. Но в это самое время, отпущенная на волю после экзекуции корова, подошла к ящику с комбикормом, и нагло отодвинув морду жеребца, начала поедать его остатки. Рыжик сначала, от такого хамства, опешил, затем попытался оттолкнуть непрошенную гостью плечом – ничего не получалось, и тогда он цапнул наглую корову острыми зубами за шею. Корова взревела, и кинулась прочь, но видимо от неожиданности и боли, залетев на площадку, перевернула две фляги с молоком. Молоко, естественно, вылилось, образовав большую лужу под ногами Рыжика.

Семен Терентьевич, в данный момент, видимо, нанюхавшись спирта от ватного тампона, решил, несмотря на предупреждение Акима, принять этой благородной жидкости и внутрь. Зайдя в вагончик для отдыха скотников, он набулькав себе полстакана спирта, закрыв глаза от удовольствия, залпом опрокинул содержимое стакана в широко раскрытый рот. И только по телу начало разливаться приятное тепло, как с улицы донеслись громкие крики.

Выскочив на улицу и увидев большую лужу молока под ногами жеребца, захмелевший эскулап, не разобравшись, сунул в моду Рыжика свой, пропахший кровью, кулак, одновременно дыхнув ему в нос, не закусанным, спиртовым перегаром.

Жеребец озверел, порвав повод уздечки, которым был привязан к столбу, он, взлетев на дыбы, попятился назад. Развернув дрожки, с ходу перешёл на крупную рысь, устремляясь в родные пенаты.

Семёну Терентьевичу, видя такую ярость животного, не нужно было цепляться за экипаж, дьявол с ней, с этой кровью, раз уж такое случилось, но он каким-то образом, зацепившись за бортик кошёвки, в последний момент забросил своё брненное тело на её дно. Схватив вожжи, привязанные к поручням экипажа, ветеринар пытался остепенить коня, но не обузданный жеребец, на все предпринимаемые усилия эскулапа, только увеличивал порывы ярости, и вскоре перейдя на галоп, готов был разбить в дребезги дрожки и сидящего в них ненавистного человека. На пути к селу протекала не большая, но глубокая речушка, преодолевать её приходилось вброд, в определённом месте, вода там доходила до ступиц колёс любой телеги.

Но Рыжик, не раз, пересекавший её в нужном месте, на сей раз ринулся в воду без разбору. Вода доходила ему до высоко поднятой головы, он слышал, как сзади орал этот мерзкий человечиска, как зазвенели стекляшки пробирок, уносимые водой, и как, в конце - концов, забулькал свалившийся в воду это «коровий кровосос»

Аким издали заметил стремительно несущегося к конному двору Рыжика, и, не увидев в кошёвке Семёна Терентьевича, встревожился. Поймав за порванный повод жеребца, он с большим трудом успокоил его, распряг и, запустив в загон, оседлав Рыжиху, поехал на поиски ветеринара.

Долго искать его не пришлось, отъехав примерно с километр, Аким увидел бредущего по просёлку Семёна Терентьевича, мокрого, грязного и

без сапог, утонули в речке. По лицу его катились крупные слёзы, всхлипывая он, увидев Акима, жалобно заскулил:

- Вся работа коту под хвост, утопил пробирки и инструменты, сволочь, и меня чуть не угробил. Всё, я добыюсь, чтобы мне разрешили его кастрировать.

Спешившийся Аким, уловив запах спиртного, понял всё:

- Самого тебя надо кастрировать, Терентич. Я тебя предупреждал. Понять тебя не могу, как же ты лечишь животных и не понимаешь их. Тебе бы на мясокомбинате работать, хорошим живодёром стал бы.

На второй день ветеринар Семён Терентьевич запряг в большую телегу Каштана и двинулся исправлять вчерашнюю оплошность. Больше он к Рыжику не подходил.

18

Бригадир полеводческой бригады пока так и не назначали. Колхоз готовился к слиянию с двумя другими в большое совместное хозяйство, и, не зная структуры совхозного управления, члены правления колхоза с назначениями руководящего состава не спешили.

Поэтому обязанности бригадира, по их решению, исполнял пока совхозный учётчик Василий Петрович. Это был особенный человек: никто другой, так хорошо, как он, не знал колхозные полевые и луговые земельные наделы. Он один только точно, с закрытыми глазами, мог определить расположение и принадлежность сенокосных угодий каждого колхозника, входящих в колхозный реестр и запасных, о которых никто другой не догадывался.

Казалось бы, такому деятелю цены нет. Но свои знания Василий Петрович использовал не только в пользу колхоза. Он так ловко мог закрутить разум контролирующих органов, что они о большой части

сенокосных угодий, расположенных за околками и оврагами, даже не догадывались.

А вот эти, потаённые сенокосы, хитрый учётчик, потихоньку, сплавлял жителям посёлка Лесозаводской. Никакого отношения к колхозной жизни они не имели, но зато имели собственных коров, которые хотели то же кушать сено. И нужно сказать, что эта афера Василием Петровичем проворачивалась так ловко, что в деревне никто об этом не догадывался, а может и не хотел. У каждого был свой сенокос, а откуда поселковые везли сено домой, никому до этого дела не было. Хотя по другому признаку, без труда, можно было уличить учётчика в нечистоплотности его деятельности.

Признак этот был прост, каждый из вас, дорогие мои читатели, без особого труда может догадаться, что сенокосы эти выделялись Василием Петровичем не из жалости к поселковым коровам, а по другому мотиву. Так вот, заключался он в том, что по окончании полевых работ, когда сено находилось уже на сеновалах, колхозники, иногда проезжающие по улицам посёлка, видели Рыжуху, на которой разъезжал учётчик, подолгу стоящую у ворот поселковых жителей, владельцев коров. Если же понаблюдать подольше, можно было заметить, как ближе к вечеру, хозяева этих самых ворот, выносили Василия Петровича за ноги и за руки, укладывали на телегу или сани, разворачивали Рыжуху в сторону деревни Орловки, и, хлопнув её по крупу, отправляли домой. Рыжуха, привыкшая к такой процедуре, благополучно доставляла недвижимое тело учётчика домой. Этот процесс осуществлялся строго поочерёдно – сегодня у одного, завтра у другого должника. И продолжалось это до самых новогодних праздников, после которых Петрович переключался на местных жителей. Так, как самогона, для нужного человека не жаль, одумывался он к весне, когда начинались полевые работы, и тогда исправно выполнял свои обязанности, до самой глубокой осени.

Мы с вами помним, что с Семёном Терентьевичем Рыжик, не совсем благополучно, расстался только что наступившей весной. В это время учётник Василий Петрович как раз занимался кипучей полеводческой деятельностью. И бог его знает, что пришло в голову хитроумного полевода. После того, как Рыжик освободился от ветеринарных дел, конюх Аким Бычков, как всегда, рано утром, сняв со стены сбрую Рыжухи, протянул её Василию Петровичу, тот отодвинув протянутые ему принадлежности, вдруг, выдвинул неожиданные требования:

- Аким Фролыч, а где же бригадирский конь и кошёвка? Я ведь как, никак, выполняю его обязанности.

- А чем же тебе, Петрович, Рыжуха не угодила, - опешил от такого неожиданного заявления Аким.

- Ни чем, но я хочу разъезжать на красивом жеребчике и в кошёвке, чем я хуже Бажкова.

«Да, дьявол с ним, пусть ездит, - подумал Аким, - по полям да по лугам, работёнка не тяжёлая, да и Петрович мужик не злой. До осени далеко, может ещё одумается» - он не мог себе представить Рыжика, часами стоящего у чужих ворот.

- Ладно, Василий Петрович, раз ты бригадир, так и быть, сам сейчас запрягу тебе Рыжика, только ты с ним аккуратней обращайся.

- Ну, спасибо, уважил, - растаял учётник, - не бойся, я твоего любимца не обижу, в лугах травы полно, благодать для него.

Рыжик, сначала недоверчиво посмотрел на человека, принявшего вожжи от его друга Доброго /Акима/, но принявшись, и не уловив никаких посторонних запахов от него, успокоился. Однако, когда новый владелец взял в руки бразды правления, жеребец почувствовал, что он, этот человек испытывает беспричинный страх перед ним, Рыжигом. Ему сразу же

вспомнился второй конюх, Равнодушный / Серёга/, он тоже с опаской относился к жеребцу. Рыжику захотелось сделать что-нибудь неприятное новому хозяину, разбежаться и опрокинуть кошевку, например, или зацепить её за столб, но вспомнив о том, что вожжи этот человек получил из рук его друга, Рыжик ничего этого делать не стал.

Луга и поля, по которым придётся теперь возить учётчика Василия Петровича, Рыжику были хорошо знакомы, так как бывший его хозяин бригадир Михаил Алексеевич когда-то ездил по этим самым местам. Только функции их деятельности были разными. Бригадир объезжал поля и луга в ту пору, когда на них кипели полевые работы – посевная, заготовка кормов, уборочная, подвозил подручный сельскохозяйственный инвентарь, иногда развозил обеды, распрягал Рыжика, пускал его на вольную пастьбу, а сам помогал вершить стога, либо таскал мешки с семенами, заправляя сеялки. В общем, не только руководил процессом производства, но и сам активно участвовал в нём. Жеребец, пощипывая траву, краем глаза наблюдал за тем, как ловко управляется с делами его хозяин, забрасывая на стог навильники сена размером с хорошую копну, или играючи закидывает на плечо пятидесяти килограммовые мешки. Нароботавшись в этом звене, он, смахнув пот с разгорячённого лба, запрягал снова Рыжика, и переезжал к людям другого звена и также, отпустив Рыжика на вольную пастьбу, помогал им. Нароботавшись, бригадир запрягал, наевшегося всласть сочной травы, жеребца и отправлялся на другие производственные объекты, либо домой, если рабочее время заканчивалось.

Уверенность и сила рук Михаила Алексеевича каким-то образом передавались Рыжику, возможно через вожжи либо через его обличие, в двух метровой мускулистой фигуре бригадира всегда сохранялось спокойствие и удовлетворение совершаемыми им деяниями. Жеребец, управляемый крепкой рукой, подняв гордо голову и выпятив красивую

мускулистую грудь, широко раскидывая стройные ноги, казалось, не бежал, а летел над дорогой, распластавшись соколом в неудержимой рыси.

Совершенно иначе выглядело общение Рыжика с новым хозяином, учётиком Василием Петровичем. Как уже было замечено выше, жеребец сразу же, стоило только учётику взяться за вожжи, почувствовал неуверенность нового хозяина и даже страх перед ним, Рыжиком. Неуверенность хозяина передалась лошади, выбежав за ворота конного двора, Рыжик ощутил лёгкие подёргивания вожжей, передававшиеся от рук сидящего в кошёвке человека, сначала вправо, затем влево, такое управление было похоже на то, что этот новый хозяин сам не знает, куда ему нужно ехать. И жеребец, по привычке направился в поле, постепенно прибавляя шаги и переходя на рысь. Однако новый хозяин, видимо испугавшись большой скорости, резко натянул вожжи, из-за чего Рыжик сбился с ритма отработанной рыси, неуклюже подскочил козлом и вылетел с полевой дороги в ржаное поле. И так повторялось несколько раз, стоило только жеребцу перейти на рысь и увеличить скорость, как он тут же чувствовал, как впивались металлические удила в его нежные губы, натягиваемые вожжами седока. В конце – концов, Рыжику этот процесс знакомства с новым хозяином надоел, и он, преодолевая боль от впившихся в губы удил, рванулся вперёд, сначала переходя на рысь, а затем и на бешеный галоп, развернувшись, в несколько минут долетел до конного двора.

- Што случилось? – Бросился к возбуждённому коню Аким, раздававший в это время сено молодняку. – Кто тебя так напугал? Василий Петрович, в чём дело?

- Этот... этот подлец чуть...- чуть не убил ме... меня, - заикаясь, промямлил, белый от страха, как полотно, учётик, - летит сволочь как угорелый, невозможно удержать.

- Я ж тебе говорил, что самая лучшая для тебя лошадь Рыжуха, - распрягая жеребца, гудел Аким, - а тебе приспичило, Рыжика подавай. Это рысак, он ходить шагом не умеет, основная его задача показать красивую пробежку рысью, чтобы скорость была, - назидательно бубнил он.

- Сволочь он, а не рысак, вот распоржусь, чтобы ему овса не выписывали, посмотрим, как он забегает, - не унимался Василий Петрович.

- Сам ты сволочь, посмотри, ты ему все губы порвал, задёргал совсем жеребца. Хоть ты и за бригадира сейчас, но Рыжика больше не получишь, я до председателя дойду, если будешь над ним издеваться, - вконец разозлился Аким, - а ещё гнусавил «я твоего любимца не обижу»

- Да пошёл ты вместе со своим Рыжиком... - выругался, отошедший от страха Василий Петрович, и, махнув рукой, пошёл за ворота конного двора.

Больше желающих владеть Рыжиком пока не находилось.

19

Время летело стремительно, прошло лето, промелькнула осень, медленно проползла лютая сибирская зима. Всё это время единственным хозяином Рыжика был конюх Аким Бычков. В обязанности Рыжика теперь входили его непосредственные жеребьячи дела. После того, как колхоз стал приобретать новые трактора и машины, нужда в лошадях тяжеловозной породы постепенно отпадала. Лошади использовались в основном для пастьбы колхозного скота, для выезда младшего и среднего руководящего состава и для личных нужд членов колхоза. Поэтому потомство Рыжика и серой кобылицы Зорьки постепенно занимало основную часть конного двора.

Чтобы жеребец не застаивался, Аким каждый день запрягал его в кошёвку и делал пробежку по селу. Лихо подкатывал к местной начальной школе, сажал в кошеву по несколько смелых ребятишек и они, с замиранием

сердца, стремительно летели по улицам Орловки. И вскоре Аким Фролыч Бычков и жеребец Рыжик стали любимцами местной детворы. Дети, в свободное от занятий время, стали приходить на конный двор. Аким позволял им кормить маленьких жеребят, чистить щёткой взрослых лошадей, в общем, всячески стремился привить любовь детишек к животным, с которыми им, сельским жителям, предстоит, возможно, провести в дальнейшем всю свою жизнь. Нравилась ли такая жизнь Рыжику? Наверное, да!

Но, пришедшая вскоре, весна резко изменила сложившийся жизненный уклад Рыжика, да и не только его. По решению партийно-хозяйственных органов, три близь лежащих колхоза были объединены в один совхоз «Орловский», который в свою очередь был разбит на два крупных отделения, и на каждое из них был назначен свой управляющий. Отделение, в которое теперь входили две деревни Орловка и Суженка, возглавил Найда Трофим Николаевич, ранее работавший бригадиром животноводства Суженского колхоза. Это был высокий худощавый на вид человек, как говорят на деревне – «поджарый, как голодный волк». Чувства голода на его физиономии, правда, заметно не было, но решительность, не терпящая ни каких возражений, просматривалась явно. К тому же заметно было, что улыбка этот облик посещает не часто, и возникает с большим затруднением, может по тому, что начиная с правого виска и до нижней части бороды, лицо украшал глубокий шрам, придавая этому лицу некоторую трагическую угрюмость.

Первый же свой рабочий день новый управляющий начал с орловского конного двора. Осмотрев лошадей, он, ткнув в сторону Рыжика пальцем, хорошо поставленным командным голосом, спросил:

- Красивый жеребец. Как его звать?

- Рыжик, - быстро ответил Аким, довольный тем, что жеребца похвалили.

- С сего дня этот Рыжик будет моим, - заявил новый хозяин, - дрожки для него есть?

- Да две кошёвки летняя и зимняя.

- Вот и хорошо – остался довольный ответом он. – Тебя то, как звать?

- Аким Фролыч Бычков, я.

- А я Найда Трофим Николаевич, - представился управляющий, и, посмотрев в глаза конюха, вдруг, спросил, - лошадей-то любишь?

- Всю жизнь с ними в обнимку провёл.

- Вот и хорошо, я тоже их люблю, значить с сего дня будем их любить вместе, - заключил он, в упор глядя на Акима. Со стороны казалось, что сошлись два угрюмых человека, и что-то каждый из них отстаивает в разговоре своё. Но на самом деле, с первой же встречи в них обнаружилось, что-то родственное и возможно они понравились один другому, на столько, на сколько, могут это почувствовать два не улыбчивых человека. И как позже выясниться управляющий Найда, так же, как и Аким, лошадей любил больше чем людей.

- Ну что же, Аким Фролыч, неси сбрую, будем запрягать Рыжика.

Аким быстро принёс жеребячью амуницию и протянул новому хозяину.

«Посмотрим, как ты справишься с жеребцом» - промелькнула лукавая мысль в голове конюха.

Но всё произошло так, что просто можно было только удивляться.

Трофим Николаевич решительно приблизился к Рыжику, тот и сообразить ни чего не успел, и положил руку на голову коня. Жеребец замер, хозяин спокойно накиннул ему узду на голову, завел в оглобли кошёвки и быстро, умело запряг лошадь.

Когда Рыжик увидел входящего в загон нового человека, он не успел сообразить, что этот человек направляется к нему, но когда рука оказалась на голове жеребца, он почувствовал, как всё тело пронизала непонятная волна, сковавшая волю коня, точно так же, как когда-то на него подействовал смуглый каркающий человек в стане цыган:

«Я твой хозяин, ты принадлежишь мне и будешь подчиняться беспрепятственно» - такой, примерно, посыл получил лошадиный мозг. Но, в отличие от встречи с цыганами, ни какой угрозы для себя Рыжик не почувствовал, и покорно последовал за новым хозяином.

Ещё большее удивление у Акима вызвала манера езды нового управляющего. Он не сел в запряжённую кошёвку, а быстро и крепко схватив вожжи, вскочил на дрожки и, стоя, с ходу рысью погнал жеребца. Как бы не изменяла своих позиций кошева на ухабах, не один мускул не дрогнул на теле Трофима Николаевича, будто каменная статуя, а не человек стремительно и не подвижно удалялась от конного двора в сторону колхозных полей. Рыжику тоже никогда раньше не доводилось видеть подобного и он, тревожно, боковым зрением улавливая странно возвышающуюся фигуру, ожидал, что она, эта фигура вот-вот рухнет на дорогу, но ничего не происходило, и жеребец прибавил ходу, стараясь как можно ровнее удерживать кошеву на дороге.

Теперь уважаемый читатель, позволь мне оставить на некоторое время, рысью бегущего, Рыжика и подробнее остановиться на биографии этого человека, Трофима Николаевича Найды, затем, чтобы тебе лучше были понятны дальнейшие описываемые мною события. Для этого давайте вместе вернёмся на несколько лет назад, из Сибири к берегам великой реки Волги.
/Кстати, должен вам сказать, что такой человек существовал в

действительности, и ездил на лошадях именно так, стоя в дрожках в полный рост/

Многие из нас, из истории Государства Российского знают, что в тридцатые годы двадцатого века в молодом государстве СССР проходила так называемая коллективизация крестьянства, т. е. все единоличные хозяйства села должны были добровольно объединиться в коллективные. /Колхозы/ Но более-менее зажиточные крестьяне и «середняки» не захотели вливаться в ряды объединяющейся бедноты, за что немедленно были отнесены к классу кулачества и естественно к врагам крестьянского народа. Правда, некоторые из них, наиболее зажиточные, действительно использовали труд беднейших крестьян на своём подворье. Но кто знает, может быть, тем самым, они и спасли этих нищих от голодной смерти.

27 ноября 1929 года Сталин объявил о переходе от ограниченной эксплуататорских тенденций кулаков, к полной ликвидации кулачества, как класса. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были стать зоной сплошной коллективизации осенью 1930 года. Специальная комиссия Политбюро под председательством Молотова, по этой самой ликвидации, определила три категории кулаков : первые – это те, кто принимал участие в контрреволюционной деятельности, они должны быть арестованы и отправлены на исправительные работы в лагеря ОГПУ или расстреляны, в случае оказания сопротивления, семьи их должны быть высланы, а имущество конфисковано. Кулаки второй категории, не проявившие себя как контрреволюционеры, но всё-таки являющиеся сверхэксплуататорами должны быть арестованы и сосланы вместе со своими семьями в отдалённые регионы страны. Наконец, кулаки третьей категории, определённые как «в принципе лояльные к режиму», должны быть выселены с прежних мест обитания и устроены на жительство вне

зон коллективных хозяйств, на худородных землях, требующих возделывания.

В каждом округе действовала тройка активистов по раскулачиванию. Кто были эти активисты? Один из близких соратников Сталина Серго Орджоникидзе так говорил о них: «Поскольку в деревне нет партийных борцов, мы туда направим по одному молодому коммунисту, у него будут двое или трое помощников из бедных крестьян, и вот этот актив и решит все деревенские вопросы: коллективизацию, раскулачивание.» Главной задачей было обобществление как можно большего количества хозяйств и арест сопротивляющихся кулаков.

Я не ставлю перед собой задачу описания того, что из этого получилось, просто хочу уведомить тебя уважаемый читатель о том, что одним из таких молодых коммунистов, направленных на село в 1930 году в Нижнем Поволжье, являлся Найда Трофим Николаевич, новый управляющий первого отделения Орловского совхоза.

Можно себе представить, с какой «любовью» встречали настоящие, умеющие с умом использовать пашню, крестьяне активистов этой тройки. Когда у человека отбирают, тяжёлым трудом, нажитое хозяйство, а после ещё ссылают из родного гнезда в неизвестном направлении, вместе с маленькими детьми, этот человек теряет терпение и, как загнанный в угол зверь, начинает сопротивляться. К тому же терпеливым крестьянам Поволжья, показали пример соседи, Донские казаки, поднявшие восстание в тридцатом году, которое в конечном итоге было жестоко подавлено.

Но вернёмся к тройке активистов возглавляемых Трофимом Найдой. Развернув активную деятельность по раскулачиванию, его тройка, начавшая свою деятельность в пешем строю, вскоре уже гарцевала на отобранных у «кулаков» лошадях. На самом красивом жеребце ахалтекинской породы, неизвестным путём, попавшим к местному крестьянину, имеющему кроме

этого жеребца, ещё и две коровы, разъезжал Трофим, предварительно отправив владельца с семьёй по этапу. В основном в Поволжье репрессиям подвергалось немецкое население, но попадались и казачьи семьи, они то чаще всего оказывали сопротивление разгулявшимся активистам.

Очередным обыденным днём, просмотрев списки подвергающихся раскулачиванию крестьян, тройка двинулась на хутор Малая Енотаевка, раскулачивать, согласно списку, самого богатого кулака Анисима Храмцова, к тому же ходили слухи, что его сын Семен потихоньку собирает банду, для оказания сопротивления не званым гостям. Трофиму следовало бы усилить свой отряд красноармейцами, но молодость беспечна и самонадеянна. Появившись, казалось бы, неожиданно на Храмцовском подворье, помощники Трофима спешили, а сам Найда, не слезая с коня, начал зачитывать постановление, вышедшему на крыльцо Анисиму. Вдруг, с улицы слышались крики и топот конских копыт, не успел Трофим заткнуть за пазуху указ и схватиться за винтовку, как во двор влетели вооружённые люди. Впереди, размахивая саблей, летел на вороном коне молодой парень, с перекошенным от злости лицом и широко раскрытыми синими глазами. Эти глаза Трофим Найда запомнил на всю жизнь. Впившись этой синею в лицо не званого активиста, Семён Храмцов широко размахнувшись клинком, опустил его со всех сил на шею Трофима, но в этот миг ахалтекинский жеребец неожиданно отпрянул в сторону, и удар сабли, рассекая мягкие ткани на лице Найды, пришёлся вскользь, на всю жизнь, оставив память о трагической встрече. Спешившиеся активисты тройки были зарублены сразу, а Трофима унёс от смерти резвый ахалтекинский жеребец. Вот почему новый управляющий так любил резвых жеребцов.

Пока Найда находился в больнице, Анисим Храмцов всю вину, за содеянное, взял на себя и был расстрелян. А Семён, сын его, вместе с

другими членами семьи, был отправлен в Сибирь в Томскую губернию, осваивать не разработанную целину.

20

А сейчас, уважаемый читатель, мы снова вернёмся к резво бегущему рысью Рыжику, уносящему Трофима Найдю в совхозные поля. Всю весну и начало лета проносился широкой рысью жеребец со странным наездником, стоящим, как каменная статуя, неподвижно в лёгкой кошёвке. Путь Рыжик изучил хорошо, и мог доставить своего нового хозяина в данном направлении с закрытыми глазами. С обширных полей - к животноводческим помещениям, либо на летние выпаса, оттуда к конторе и, поздним вечером, девять вёрст до села Суженка. Трофим Николаевич продолжал жить там. И где бы ни появлялся управляющий, работа там кипела с особым энтузиазмом, Найда был строгим руководителем, это чувствовал и Рыжик. Пока же все предъявляемые жеребцу требования, за рамки сверх естественного не заходили. Одно только угнетало его сильно, свидания с Добрым /Акимом /почти прекратились.

К середине июня совхозные поля покрылись густыми зелёными всходами зерновых культур, вытянулись по самую лошадиную грудь луговые травы, на взгорках появилась земляника. Рыжик знал, что это такое, когда вместе с травой он прихватывал эту ягоду, во рту ощущался сладкий привкус и бесподобно приятный земляничный запах. И тут в поведении его хозяина произошли резкие изменения и непонятные, мерзкие требования к нему, Рыжику. В полях стали всё чаще встречаться незнакомые люди с наполненными земляникой лукошками. / Скорее всего, это были жители посёлка Лесозаводского/. В руках же его хозяина появилась хорошо сделанная плётка, но она видимо, предназначалась не для него, так как ни

разу не опустилась на жеребьячий круп и даже ни один замах этой плётки Рыжик не видел.

Но вот однажды управляемый хозяином, Рыжик выскочил на пригорок, где несколько человек собирали ягоды. Подгоняемый вожжами, жеребец стелой намеревался пролететь мимо этого сборища, но вдруг, почувствовал, что хозяин, изо всех сил натянув удила, направляет его прямо в самую гущу столпившихся от неожиданности людей. Рыжик заметался в растерянности, он никогда в своих лошадиных мыслях даже не предполагал, что сможет, так вот, без всякой на то причины, кинуться на людей. Он попытался отскочить в сторону, но получил хлёсткий, болезненный удар плётки по крупу. Однако на людей кинуться не посмел, и резко затормозив, встал на дыбы. Тогда хозяин, соскочив с дрожек, начал этой плетью избивать людей сам, выхватывая из их рук кошёлки и яростно растапывая ягоды кирзовыми сапогами. Рыжик, не зная как себя вести в таком случае, топтался на месте и тревожно ржал. Но вот люди одумались, и, объединившись, завалив обидчика на землю, стали колотить его, чем придётся, хозяин кое – как вырвавшись из разъярённой топы, плашмя хлопнулся в кошёвку и дёрнул вожжи. Рыжик, не заставив себя долго ждать, рванулся с места и в одну секунду был уже недосыгаем для обиженных людей.

Так повторялось ещё несколько раз, только теперь хозяин налетал на одиноких ягодников, сначала пытаясь направить на них Рыжика, но жеребец до такой низости не опустился.

- Сволочь! – был выдвинут окончательный вердикт Найдой, в отношении поведения Рыжика, на этом попытки сделать жеребца скотиной жандармерии прекратились.

Узнав о таком странном поведении управляющего, директор Медведев пригласил его к себе в кабинет:

- Трафим Николаевич, тут до меня дошли слухи, что ты чужих баб плёткой охаживаешь, ты смотри, соберутся их мужики и вышибут тебе мозги! Поведай мне, зачем ты так поступаешь?

- А как мне ещё с ними поступать, они же топчут посевы и многолетние травы, работников мне развращают, те тоже хватают лукошки и по ягоды, кроме того требуют выходные дни, такие же, как в посёлке.

- Согласен, намерения твои хозяйские я понимаю, но ты эти Ежовские* замашки брось. Можно ведь с людьми просто поговорить, они ж не совсем тупые, наверное, поймут. / *Ежов возглавлял НКВД 1936-1938 г. г. прославился беспрецедентными репрессиями/

Но слова директора не нашли положительного отклика в голове управляющего и он продолжал применять крайние меры, к так не любимым им поселковым жителям. И это в конечном итоге стоило ему самого дорогого...

Рыжик, завидя родной конный двор, радостно заржал и прибавил ходу. Из сторожки выскочил обрадованный встречей Аким, и бросился распрягать жеребца. Всё это время довольный конюх что-то ласковое гудел в ухо Рыжика, и тот в ответ восторженно гоготал, похрапывая и хлопая большими губами.

- Сегодня буду ночевать в Орловке, - сообщил управляющий, - ты, Аким осмотри жеребца, почисть, проверь подковы, может заменить надо будет.

- Ды эт мы с превеликим удовольствием, - выдохнул счастливый Аким.

- Послушай Бычков, ты луга хорошо знаешь? – вдруг спросил Найда.

- Да вроде не плохо, всю жисть тут прожил. А чё?

- Да вот, сдаётся мне, что учётчик Василий Петрович пытается меня обмануть. Скажи мне, за Змеиным логом луга или болота, он говорит, что непроходимые болота.

«Брешет он» - чуть не вырвалось у Акима, но он вовремя сообразил, что лучше в эти дела не соваться и уклончиво ответил:

- Ты уж Николаич, сам его путём расспроси.

- Значить брешет! – Сделал правильный вывод Найда, - вот я завтра с утра сам всё проверю. Сенокос начался, чую я, сена для совхозных коров будет маловато.

- Трофим Николаич, можно тебе задать один личный вопрос? – вдруг, спросил осмелевший от доверительной беседы Аким, - почему ты едешь стоя? Это же невозможно удержаться. Я бы сразу ахнулся головой об землю.

- Ну, ты видишь, я же держусь. Седеть то мне нет возможности, я на фронте был ранен в спину, пуля застряла рядом с позвоночником, на стуле то я приму нужную мне позу и сежу неподвижно, а на дрожках неподвижно не посидишь - боль страшная, вот и научился так ездить – стоя.

- Прости, дурной вопрос задал, - смутился Аким.

- Да ничего, хоть правду знать будешь и другим скажешь, а то в Суженке поначалу пустили слух, что мне осколком задницу вырвало.

Выйдя уже за ворота конного двора, он обернулся, увидел, как радуются встречи конюх и жеребец, усмехнулся в усы:

- Два придурка, как дети, - и пожалел, что к нему такой привязанности не имеет никто.

Рано утром управляющий, с плёткой в руке, появился на конном дворе.

- Ну как жеребец, в порядке?

- В порядке,- ответил угрюмый Аким, ему было жаль, вновь, расставаться с Рыжиком, - Николаич, я сам запрягу коня, - вынося сбрую из «конюховки» - прогудел Аким.

Запрягая Рыжика, он гладил его по морде, холке, по округлым, лоснящимся бокам, что-то нащёптывая на ухо жеребцу, видимо свою

молитву, словно чувствовал что-то неладное, что может произойти за Змеиным логом.

- Ты, вот что, управляющий, будь поосторожней в этом проклятом Змеином лого, он ведь не напрасно так называется, там действительно скопище гадюк, дорожка-то, заметил, туда, с наших полей, узенькая и не наезженная. А если в объезд ехать, так это целых пятнадцать вёрст лишка отмахивать. По лого-то всего три, но страшных, поэтому гони не останавливаясь. Там за логом Васьки-учётчика хозяйство, - наконец открытым текстом сообщил Аким.

- Ладно, и не такое видели, - отрезал Найда, и, заскочив в кошёвку, с ходу пустил Рыжика рысью.

Жеребец, вылетев на знакомую полевую дорогу, распластавшись в привычной рыси, летел быстрее ветра, но вдруг, у самой кромки глубокого лога, хозяин, вожжами резко повернул его на, еле заметную, травянистую дорожку. Она не была знакома Рыжику и он, в таких случаях, несколько укрощал свою прыть, но на этот раз хозяин не давал ему это сделать, а наоборот, подстёгивая вожжами, ускорял бег жеребца.

Дорожка, круто падая в овраг, из травянистой превращалась в каменистую, и иногда, при соприкосновении подковы с камнем, из под ног вылетали огненные искры. Вдруг, рядом, на каменистом склоне, Рыжик заметил какие-то пёстрые ленты, их движение, при быстром беге, ему были не заметны, однако зловещее шипение он слышал. В один момент, на дорожке с боку, пёстрая лента стремительно метнулась к нему, но прикоснуться не успела, так быстро летел Рыжик, он услышал, как хрястнуло что-то под колесом, и в это время они вылетели на другую сторону Змеиного лога.

Глазам их открылся огромных размеров луг, на котором работали люди, они метали сено, вернее домётывали, так как по всему лугу стояли уже

завершённые стога и скирды готового душистого сена. Не сбавляя хода Рыжик, направляемый хозяином, подлетел к группе стоящих людей, и остановленный крепкой рукой седока, / не скажешь же стояка / замер на месте. Между людьми завязался разговор, голос хозяина постепенно накалялся и, вдруг, перешёл в яростный крик, затем он взмахнул хлыстом и ударил с оттяжкой по лицу одного из стоящих у стога мужиков. Человек схватившись за повреждённое лицо, застонал. Хозяин размахнулся ещё раз, но всполошившиеся люди, схватив вилы, стали медленно приближаться к дрожкам. Хозяин, видимо почуяв перевес сил не в свою пользу, изрыгая проклятия, быстро развернул Рыжика, и они понеслись в обратный путь.

Трофим Николаевич Найда, преодолев Змеиный лог, увидел огромный плодородный луг, уставленный стогами отличного душистого сена, так необходимого совхозным коровам, но как он сразу же понял, оно принадлежало коровам жителей посёлка Лесозаводского.

« Ах, проклятая тварь! – Мелькнуло в голове управляющего, - вот так учётчик Петрович, продал гад лучшие сенокосы, а мне всё докладывал, что за логом сплошные болота»

Подлетев к стоящим у стога мужикам, он с ходу, стальным тоном, спросил:

- Кто разрешил вам обкашивать государственные луга!?

- А ты что за гусь? – спросил высокий широкоплечий мужик, лет за пятьдесят возрастом, уставившись бесстрашно в злобные глаза управляющего, синевой своих глаз.

Глаза Трофима Николаевича, неожиданно вылупились до предела, он всю жизнь не мог забыть этой синевы:

- Неужели это ты, Иуда, Сёмка Храмцов! Ты как попал кулатцкая тварь сюда!? И при Советской власти хозяином стал! Но нет, пока я живой – этому не бывать!

- Пока живой, но можешь и подохнуть! – И синеву Семёновых глаз, закрыла угрожающая тёмная туча.

- Ты ещё мне будешь угрожать, - не сдержался Трофим, и резанул по ненавистному лицу плёткой, как когда-то это сделал Семён с его лицом.

Замахнулся ещё раз, но поселковые мужики угрожающе схватившись за вилы, двинулись к дрожкам. Найда рванул Рыжика, тот развернувшись почти на месте, с ходу ринулся в обратный путь.

- Запомни, гад, этого сена тебе не видать, как своих ушей, завтра пригоню трактора и всё конфискую в совхоз, - обернувшись, крикнул управляющий.

- Смотри, ты уже однажды пытался конфисковать моё хозяйство, отделался шрамом, как бы сейчас головы не лишиться, - услышал он в ответ.

Для того, чтобы узнать, каким образом, депортированный в тридцатые годы в Сибирь, Семён Храмцов оказался жителем Лесозаводского посёлка, нам с тобой, уважаемый читатель, придётся вернуться на несколько лет назад. А чтоб иметь представление о том, что такое депортация «кулатцкого» элемента, да и вообще «социально чуждых элементов», мы опять обратимся к истории тех лет.

Вот справка, из Новосибирских архивов дающая приблизительное представление об этом: *Неизвестно, сколько человек из 1 803 392 официально сосланных по графе «раскулачивание» в 1930 – 1932 годах, погибли в первые месяцы «новой жизни» от холода и голода. Новосибирские архивы сохранили душераздирающий документ, посланный в мае 1933 года инструктором горкома партии Нарыма в Западно –*

Сибирский крайком. Он касается двух эшелонов, в которых прибыли из Москвы и Ленинграда более шести тысяч ссыльных человек.

Вот несколько отрывков из этого ужасающего свидетельства:

« 29 и 30 апреля 1932 года из Москвы и Ленинграда были отправлены на трудовое поселение два эшелона деклассированного элемента.

Прибывши в Томск, этот контингент был пересажен на баржи. 18 мая первый и 26 –го мая второй эшелоны были высажены на реке Оби у устья реки Назина на острове Назино.

В двух эшелонах находилось 6114 человек. В пути люди находились в крайне тяжёлом состоянии: скверное питание, скученность, недостаток воздуха, массовые расправы над самыми слабыми. В результате – высокая смертность, порядка 35 – 40 человек в день.,

Сам остров оказался совершенно девственным, без каких бы то ни было построек. При этом, на острове не оказалось ни каких инструментов, ни семян, ни крошки продовольствия.

Жизнь на острове началась. На второй день прибытия эшелона, 19 мая, выпал снег, поднялся ветер, а затем мороз. Голодные, истощённые люди без кровли, не имея ни каких инструментов, очутились в безвыходном положении. Обледеневшие, они были способны только жечь костры, сидеть, лежать, спать у костра. Люди начали умирать. В первые сутки бригада могильщиков смогла закопать 295 трупов.

И только на четвёртый день, на остров прибыла ржаная мука, которую и начали раздавать трудпоселенцам по несколько сот грамм.

В начале июня началась отправка людей на так называемые участки, т. е. места, отведённые под посёлки.

Участки были расположены под рекой Назиной за 200 километров от устья. Участки оказались в глухой необитаемой тайге. Здесь впервые стали выпекать хлеб в наспех сооружённой одной пекарне. Продолжалось

то же ничегонеделание, как и на острове. Истощение людей шло своим чередом. Достаточно привести такой факт. На 5 – тый участок с острова пришла лодка в количестве 78 человек. Из них живыми оказались только 12.

Участки были признаны негодными, и весь состав людей стал перемещаться на новые участки, вниз по этой же реке, ближе к устью. Бегство приняло массовые размеры...

В результате всего из 6100 человек, выбывших из Томска/ и плюс к ним 500 – 700 человек, переброшенных из других комендатур/ на 20 августа осталось в живых 2200 человек.»

Таким же образом в Сибирь, в Томскую губернию был доставлен и Семён Храмцов. Везли их в вагонах, предназначавшихся для перевозки скота, по ходу постоянно подсаживая всё новых неблагонадёжных элементов. В вагоне была грязь и духота, люди начали заболевать. Умерли его мать и шестнадцати летняя сестра, их трупы изъяли где-то на Урале, Семёна для того, чтобы похоронить родных, из вагона не выпустили, поэтому, о том, где расположены их могилы, он не знает и до сих пор, и вообще похоронены ли они.

По прибытию в Томск их вагон расформировали, тех, кто более- менее покрепче держался на ногах, отправили на строительство железной дороги Томск – Енисейск. Попал в эту группу и Семён. Жили в вагоне теплушке, кормили сначала плохо, через несколько недель, видимо убедившись в их пользе, паёк увеличили и стали кормить сносно. Можно было считать, что по сравнению с другими переселенцами, прибывшими в Томск, ему повезло. Но его неумный характер, сыграл с Семёном злую шутку. Проработав на строительстве железной дороги полтора года, он вдруг надумал бежать назад, на Волгу, не имея ни каких документов. Но бежать далеко не

пришлось, уже на четвёртый день, на станции Мариинск, он был арестован и помещён в тюрьму, которая находилась тут же рядом со станцией.

Выяснив, кто он такой, следователь, ведущий его дело, направил запрос по месту прошлого жительства Семёна Храмцова. Полученная справка гласила о том, что ранее Семён Анисимович Храмцов подозревался в организации сопротивления властям, путём формирования кулацкой банды.

Получив десятилетний срок по статье 58 пункт 2 /захват власти на местах /, Семён уже не в качестве поселенца, а в качестве осужденного был направлен в тайгу, на вырубку леса. На фронт, естественно, по этой причине не попал.

Вырубленный лес сплавлялся по реке Яе, на завод посёлка Лесозаводской, и ко второй половине срока Семёна, за безупречный труд, перевели на этот самый завод на распиловку заготовленного ранее им же кругляка.

Отбыв срок, от звонка до звонка, Храмцов с завода не ушёл. Жил сначала в общежитии с такими же бездомными мужиками. Затем присмотрел себе женщину – вдову, война год назад кончилась, а муж в дом не вернулся, сложил голову в чужом краю. К тому времени Семёну стукнуло тридцать с небольшим лет, мужик он был видный, крепкий, а у Зинаиды / так звали женщину / была большая усадьба на краю посёлка, за огородами последней улицы. Сохранилась и корова, как Зинаида готовили для неё корма, известно было только ей. Семёну понравилось месторасположение усадьбы, вдали от шумных поселковых улиц, большой двор, да и огород не маленький. Сошлись не сразу, Зинаида была недоверчивая женщина, и только после того, как он отремонтировал заборы на усадьбе и в огороде, привёз с лесозавода две машины дров, сердце бабёнки дрогнуло, оно

дрогнуло сразу же пре виде Семёна, но её останавливало, то, что он отбывал срок, как «враг народа».

Сошлись не зря, стали сразу жить душа в душу. Через десять месяцев совместной жизни на свет божий появилась дочка, назвали её Лизой, в честь умершей сестры Семёна. У Храмцова, вдруг, вернулась тяга к личному хозяйству. Через год купили ещё одну корову, через два – во дворе появилась крепкая лошадь. Вопрос с заготовкой сена предприимчивый Семён, порешал быстро. Заметив часто стоящую у ворот жителей соседней улицы лошадь, он, узнав причину этого стояния, пригласил к себе Орловского учётика Василия Петровича. Напоив его хорошей водкой / другие использовали для этих целей самогон/ и, дав в придачу ещё малость деньжат /чего раньше никто не делал/ Храмцов сразу же стал лучшим другом учётика. Вот почему большая часть лугов за Змеиным логом стала принадлежать ему, Семёну. Объединив других, ранее назначенных «друзей» Василия Петровича, Храмцов, как бы стал у них бригадиром, и они все вместе быстро справлялись с сенозаготовкой на этих лугах, вот уже более пятнадцати лет.

И тут, вот тебе, неожиданно прошлое, в лице Найды Трофима Николаевича, вдруг больно резануло не только по лицу плетью, но и нестерпимой болью по сердцу.

« Мало я настрадался в жизни, - думал Семён, - наверное, уже с лихвой рассчитался за всё, и за этот шрам на его морде, и за убиенных активистов. Нет, видно, Бог не удовлетворён такими расчётами»

Зинаида, когда увидела красный рубец на лице мужа, взмахнув руками запричитала:

- Это кто же тебя так Семён Анисимович, чтоб ему не дна не покрышки!

- Тише, тише, это меня веткой так хлестануло, не шуми, - успокоил он жену.

Всю ночь Храмцов пролежал, засунув руки под голову и глядя в ночной потолок:

« Всё, кончилась спокойная жизнь, - вертелась неотвязная мысль в гудевшей голове, - да видно и совсем придётся её кончать. Этот сталинский активист от своего не отступится, сведёт меня со свету и мою семью тоже. Уничтожил, гад, одну нашу семью, добирается и до второй. Ну, нет, не бывать этому!»

Утром с тяжёлой, от невыносимых дум, головой, Семён запряг лошадь, поцеловал в лоб спящую, уже почти взрослую дочь, обнял Зинаиду. Она окончательно поняла что, что-то случилось непоправимое, припав к плечу мужа неудержимо зарыдала.

- Прости, если, что ни так, - убитым голосом произнёс Семён и, отвернувшись, быстро вышел на крыльцо. Зинаида, приоткрыв дверь, хотела выйти вслед за ним, но он, махнув рукой, вернул её в дом. Зашел в амбар, открыл старый сундук и, вытащив двуствольное ружьё, загнал в оба ствола патроны заряженные картечью.

Трофим Николаевич Найда, тоже не спал всю ночь, внутри у него всё кипело от обуявшей его ярости. Отступив с «поля боя» он вдруг обрушил несколько ударов плети на спину, и так резво бегущего Рыжика, жеребец, увеличив скорость до предела, в считанные минуты проскочил Змеиный лог. Направляемый жестко рукой хозяина, Рыжик подлетел к совхозной конторе, и первый раз в жизни, заметил, как с его боков сваливаются хлопья белой пены. Хозяин, сходу соскочив с дрожек, кинулся в конторскую дверь, угрожающе размахивая плетью. Через минуту из конторы выскочил этот хлюпик, который однажды попытался управлять им, Рыжиком, за ним летел озверевший хозяин и, что есть силы, хлестал этого хлюпика плетью.

- Аааа... , за што!? – орал тот на всю деревню.

- За то, что ты продажная тварь! - Ревел Найда. - Пригрел кулаков на нашем поле. Чтоб ты подавился своим самогоном, сволочь!

Рыжик конечно слов не понимал, но, судя своей конской головой, чувствовал, что что-то назревает ужасное, даже, наверное, непоправимое.

Отхлестав, как следует, учётика Василия Петровича, Найда погнал Рыжика к совхозному гаражу, найдя бригадира тракторной бригады Алексея Афонасьевича, распорядился:

- Завтра все трактора за Змеиный лог, вывозить сено!

- Так ещё рано, что ж таскать зароды по сухой земле, трактора рвать, - попытался возразить бригадир.

- Ничего не рано, как раз. Ни хрена с твоими тракторами не делается, - ехидно ухмыльнулся управляющий.

Почувствовав, как хозяин взял в руки вожжи, Рыжик рванулся в сторону конного двора, надеясь, увидится с Акимом. Но хозяин, озлобленно рванув удила, направил его в сторону села Суженки. Там он нашел суженского бригадира тракторной бригады и тоже распорядился отправить трактора на луга за Змеиный лог, рано утром.

Ночевать, Трафим Найда, остался в Суженке, дома. Но уснуть ему так и не удалось. Он также, как и Семён Храмцов, лежал подоткнув руки под голову и шарил взглядом по ночному потолку:

« Надо же гадюка, живой ещё, - металось у него в голове бешенство, - мало того, он ещё и живёт видно припеваючи. Морда, как у буржужа гладкая. Ну, подожди, сволочь, я из тебя все соки выжму!»

Еле забрезжил рассвет, Найда вскочил, запряг Рыжика и рысью махнул в сторону Орловки.

Семёну Храмцову не нужно было пересекать Змеиный лог, дорога от посёлка, хоть и была длиннее, но за то безопасна. Приехал он на луг рано,

ещё только забрезжил рассвет. Привязал коня в лесочке, кинул ему охапку свежего сена. Сам, взяв ружьё, зашел за ближайший, к дороге, идущей через лог, стог сена, и стал дожидаться. Ждать долго не пришлось: далеко с двух сторон загудели трактора, перекрывая их рокот, из лога послышался топот быстро бегущего коня. Вот этот красавец конь, вылетев на луг, поравнялся со стогом, за которым стоял Семён. На дрожках, как монолит с непроницаемым выражением лица, застыл Трофим Найда. Вот упряжка почти пролетела мимо стога.

- Эй! – громко крикнул Семён.

Трофим резко обернулся, и Рыжик услышал, как грохнул раскатистый гром, отдаваясь эхом по логу, затем второй. Что-то острое хлестануло его по крупу, жеребец повернул голову назад и увидел, как возвышающийся над дрожками монолит хозяина медленно осел и развалился поперёк кошёвки. Не чувствуя пока в горячке, боли, Рыжик развернулся и стремительно понёсся к конному двору...

Аким, издав издали заметивший Рыжика, открыв ворота, кинулся к кошёвке, увидев лежащего там управляющего. Глаза его в ужасе широко открылись и так застыли на несколько секунд. В кошёвке, подвернув неловко под себя ногу, вниз лицом лежал Найда Трофим Николаевич, спина его, в районе сердца, была разворочена картечью, половина левого бока вырвана и болталась придерживаемая плащом.

Подняв глаза на Рыжика, Аким увидел, как по его крупу стекает кровь.

- Ты что ранен? – испугался он.

- Серёга иди сюда, - позвал Аким напарника, тот протирая заспанные глаза, подбежал к упряжке, и, заглянув в кошёвку, завопил благим матом:

- Ай, што творится, убили, убили, начальника угробили.

- Заткнись, хватит орать, дуй в контору, вызывай милицию! А я Рыжиком займусь, он тоже ранен.

Да, действительно, одна из картечин, пролетев мимо основной цели, вошла в мягкие ткани задней ляжки жеребца. Аким, приняв рану за глубокую царапину, обмыл сверху марганцовкой, засыпал стрептоцидом, однако картечь осталась в ноге Рыжика.

На третий день управляющего Орловского отделения, Найду Трофима Николаевича, похоронили с почестями.

Семёна Храмцова найти не удалось, как сквозь землю провалился, Сибирь огромная, потайных мест полно...

Чужое сено трактористы вывозить в совхоз отказались.

21

Напуганное таким ужасающим событием село, притихло, как бы затаилось, в ожидании новых трагических событий. На несколько дней о существование Рыжика, непосредственного участника произошедшего, все позабыли. Аким, узнав все подробности случившегося, и пожалев о том, что принял нового управляющего за близкого по характеру человека, стал ещё угрюмее. Ему, вдруг, стало за это, как бы, стыдно перед Рыжиком, и он три дня не выводил жеребца на прогулку, и даже на несколько минут не оставался в его станке. Наливал ведро воды, высыпал полведра овса, и тут же уходил, по этому, и не сразу заметил беспокойство коня. Лишь на четвёртый день, обратив внимание на то, что заданный прошлым днём овёс, остался почти не тронутым, заволновался и попытался вывести Рыжика в загон. Но жеребец, жалобно заржав, застонал и с места не двинулся.

- Рыжик, что с тобой? – испуганно воскликнул конюх.

Открыв дверь станка, и запустив немного света, Аким увидел, что Рыжик стоит, опираясь лишь на три ноги, заднюю правую держит на весу, чуть – чуть прикасаясь копытом к полу.

- Ах, какой же я дурень старый!.. – начал осыпать себя бранью конюх, приложив руку к месту ранения и почувствовав жар, - не разглядел путём рану, я то думал, что это царапина, а здесь видимо пуля сидит.

Он опять развёл в ведре марганцовку, обмыл сверху ногу, осыпал уже начавшую отекать рану стрептоцидом, сам, при этом, догадывался, что все эти проводимые процедуры, как говорится «мёртвому припарки». Аким, как помешенный, метался по загону, то и дело, забегаая в станок, гладил Рыжика по всему телу, что-то шептал ему ласковое, утешительное, по заросшему щетиной лицу текли крупные слезинки, но конюх их не замечал.

Немного успокоившись, запряг Зорьку и поехал за ветеринаром Семёном Терентьевичем, на дворе уже начало смеркаться, тот недовольно ворча: «не дают, мол, покоя ни днём, ни ночью» при свете зажжённого фонаря, внимательно осмотрев и ощупав рану, безнадёжно махнул рукой:

- Картечь застряла в мышцах ляжки, до кости видимо не достала, но расположилась глубоко, надо делать операцию. Я такие процедуры не делал, да и старый я уже стал, руки трясутся. Рана начала загнивать, ещё дня три – четыре и Рыжика твоего – на колбасу.

- Ну, спасибо тебе, старый хрен, ты только и знаешь всех коней на колбасу отправлять, - рассердился Аким, за такое пророчество, - ты хотя-бы шприц с собой прихватил, да укол хоть какой-то поставил.

- Ну, на счёт коней, Акимка, ты не прав, вспомни, скольким я помощь оказал. А по поводу шприцов и медикаментов, вы тут на этом конном дворе живёте как в глухом лесу и не хрена не слышите и не знаете, я теперь отстранён от обязанностей ветеринара, поэтому нет у меня ничего. Теперь коновал у вас новый, Колька Бажков, сын Афонасьевича – бригадира тракторной бригады. Он уже неделю как принят к нам в совхоз, окончил техникум, и в родные края, а я на пенсию, говорят методы у меня старые,

знаний маловато. Вот так-то Аким, теперь к нему иди, хотя, я думаю, он ещё не созрел для таких операций.

«Что может сделать пацан, - проведив Семёна Терентьевича, думал Аким, - правильно Терентич говорит - он ещё зелёный, поди, и научился только клизмы ставить»

Всю ночь конюх не спал, он то и дело забегал в станок к Рыжику, обглаживал его, чувствуя, что жеребец горит от высокой температуры, сокрушённо мотал головой, осыпая себя нецензурной бранью. От этого коню лучше не становилось, к утру шея его и бока покрылись крупным потом, ноги задрожали и он опустился всем телом на пол, вытянув больную ногу перед собой.

Аким, окончательно убитый состоянием жеребца, сел на бревно около станка и, обхватив голову руками, замер как истукан. Он не замечал ничего, ни того, что давно рассвело, ни того, как рабочие запрягали лошадей, разъезжаясь по своим делам, и того, как к конному двору, быстрой, лёгкой походкой, подошёл молодой паренёк, худобой и шустростью своей, больше напоминая школьника из девятого – десятого класса.

- Дядя Аким, - увидев конюха, сидящего в странной позе, обратился к нему паренёк, - я теперь у вас буду работать ветврачом, и мне директор обещал выделить коня для служебного пользования.

- Какого коня? – Очнувшись от тяжких дум, спросил Аким, - а ты кто такой? - не узнавая парня, снова спросил Аким, да и как он мог его узнать: во первых - он его и раньше почти не видел, во вторых - парень учился в городе четыре года.

- Я, Бажков Николай, - представился паренёк, - а коня мне нужно хорошего, чтобы я мог на нём ездить верхом.

«Значит вот он, какой этот новый ветеринар, больно уж, мне кажется, шустрый, - подумал Аким, - доверить ему Рыжика или нет? Деваться всё равно не куда. Будь, что будет»

- Бажков, значить, ветеринар, - сказал он вслух, - Алексея Афонасьевича сын, отец – то у тебя надёжный мужик. А ты как?

- Пока ещё не знаю. Да и как я могу сам о себе сказать, надёжный я или нет, - смутившись, ответил паренёк.

« Молодец, правильно ответил» - одобрительно подумал Аким.

- Вот, што Николай, лошадь для тебя есть отличная, жеребец Рыжигом кличут, да вот беда, больной он, вылечишь, будешь ездить, а я буду за ним ухаживать и кормить. Никому более не дам прикоснуться к нему.

- Где он, Рыжик этот, показывайте.

- Да вот он здесь, далеко ходить не надо, - открыл дверь станка Аким.

Паренёк быстро зашёл в станок, смело пробежался по всему телу жеребца цепкими пальцами, подавил ладонью вокруг раны, поднял возмущённый взгляд на конюха:

- Дядя Аким, он же ранен из огнестрельного оружия, и при том давно, что ж вы дотянули до такой степени, там уже образовался абсцесс, немедленно нужно делать операцию.

«Вот тебе и зелёный, - подумал Аким, - видимо пацан разбирается в своих делах»

- Да, это моя вина, я, полоротый, сразу не определил всей серьёзности ранения. Этот жеребец принадлежал убитому управляющему. Слышал, наверное, о том, что у нас произошло?

- Конечно, меня как раз, за день до этого, приняли в ваш совхоз.

- Вот, что, дядя Аким, я сейчас схожу за инструментами и медикаментами, а ты найди хороший фонарь, а то здесь в этой клетушки темновато.

Николай Бажков с детства мечтал водить железнодорожные составы, так как видел их почти каждый день, путь по которому он ходил в школу, пролегал через станцию посёлка Лесозаводского. Частенько он останавливался и замирал, глядя вслед убегавшему товарному составу или пассажирскому поезду, сопровождая их восхищённым взглядом, до тех пор, пока они не превращались в точку и не исчезали с ровных блестящих стальных рельсов, так заманчиво зовущих в неизвестную даль.

Но желания не всегда совпадают с действительностью, и, закончив восемь классов поселковой школы, он оказался студентом ветеринарного отделения сельскохозяйственного техникума города Мариинска. Учился с удовольствием, любил практические занятия, особенно по предметам хирургии и акушерства. Будучи ещё студентом, проводил операции на животных в учебном хозяйстве техникума, иногда сложные, естественно заслужил уважение преподавательского состава...

Аким, отыскав керосиновый фонарь, взволнованно прохаживался по загону, в ожидание так неожиданно появившегося спасителя:

«Кто его знает, чем всё это закончится? - Лихорадочно думал он, - спасителя ли бог послал, или практиканта, которому всё равно - будет это жеребец жить или нет. Надо же ему на ком-то руку набивать»

Примерно через полчаса новоявленный ветеринар, покрасневшись от быстрой ходьбы, перепрыгнув через забор загона, сходу распорядился:

- Так дядя Аким, хватит стонать, открывай станок, зажигай фонарь, - и, разложив на чистой простыне инструменты и медикаменты, приступил к делу.

Аким, почувствовав решительность в тоне Николая, немного успокоился, исполнил приказание и приготовился внимательно следить за действиями «хирурга»

- Дядя Аким, ты чего замер? Стоять некогда, будешь исполнять обязанности санитаря, то есть помогать мне. – От такого обращения, Аким, окончательно уверовал в положительный исход операции. Облегчённо выдохнув, он беспрекословно превратился в послушного «санитаря».

Произведя обеззараживание операционного поля этиловым спиртом, Николай обезболит рану путём обкалывания новокаином, внутривенно тоже ввёл новокаин. Подождав несколько минут, острым скальпелем рассёк, вдоль волокон, повреждённую мышечную ткань, брызнула кровь, и из раны стала вытекать скопившаяся дрянь. Углубив рану и почувствовав, как скальпель задел за металл, пинцетом извлёк картечину, крупную дробину с неровными краями.

Глядя на все безжалостно производимые комбинации, Акиму иногда хотелось крикнуть:

- Что ты делаешь, пацан, ему же больно, - но видя сосредоточенное лицо ветврача, он не посмел открыть рта, да тот увлечённый своим делом, скорее всего и не услышал бы конюха.

Промыв рану, и обработав её соответствующими медикаментами, Николай начал зашивать разрез, послойно, кривой хирургической иглой. Оставив несколько сантиметров разреза не зашитым, книзу ноги, вставил кусок стерильного бинта. Но тут уж конюх не выдержал:

- А это зачем, что же он теперь так и будет ходить с тряпкой в ране?

- А это называется дренаж, он не позволить всякой дряни скапливаться в ране, дорогой мой санитар! – Довольный хорошо проведённой операцией, улыбнулся Бажков, - а позже мы и его удалим.

- Да, я конечно не знаю, што дальше будет с Рыжиком, но ты парень далеко пойдёшь! Страху в тебе нет!

- В нашем деле страх – последнее дело. Кто боялся, того ещё с первого курса отчислили. Вот что, дядя Аким к вечеру дашь коню пол ведёрка тёплой воды, завтра к вечеру - килограмм пять хорошего овса, он к тому времени должен подняться. Я буду приходить два раза в день, вводить антибиотики.

- А это что за хренота, анти... эти самые?

- Антибиотики - разные плохие микробы убивают, ты теперь должен знать, «санитар» всё - таки, - пошутил Николай.

«Да, парень надёжный, как отец!» - подумал Аким, и, взяв чистую тряпку, начал стирать с жеребца пот.

Рыжик, ослабленный болезнью и парализованный обезболиванием, ни разу за всё время операции не сделал резкого движения, в глазах его стояла мутная плёнка, всё происходящее он видел как во сне.

...Услышав первый выстрел, Рыжик, от неожиданности, вздрогнул, прогремевший второй выстрел, и пронзительная боль в ляжке задней ноги, заставили обернуться испуганного жеребца. И тут он увидел, как его жестокий хозяин, всё время возвышающийся над дрожками, при любой езде, начал медленно опускаться, и вдруг рухнул на дно кошёвки. Почувствовав как ослабли, всегда натянутые вожжи, Рыжик развернулся и, преодолевая боль, галопом ринулся на конный двор, к своему другу Акиму, надеясь получить там необходимую помощь и облегчение от усиливающейся боли в ноге.

Выбежавшие навстречу ему конюхи Добрый и Равнодушный, заглянув в кошёвку, начали что-то тревожно обсуждать. Затем Равнодушный быстро удалился в сторону деревни, а Добрый, наконец – то обратил внимание на рану Рыжика, быстро распряг дрожки, отвёл его в станок и начал чем – то

промывать ногу. Затем обсыпал белым порошком и ушёл. Боль не утихала. Рыжик стал волноваться, нет, не от боли, а от того, что Добрый так быстро оставил его в таком положении, чего раньше никогда не происходило, он всегда был внимателен к состоянию своего питомца.

Прошла ночь, боль усиливалась и стала опускаться к колену жеребца. Утром в станок заглянул Добрый, насыпав овса и поставив ведро с водой, удалился. Рыжик ожидая, что он вернётся, постоянно оглядывался на дверь станка, но конюх больше не появился. Попив воды и пожевав овса, жеребец попытался заснуть, но постоянно ноющая боль, не дала ему это сделать.

Прошла ещё одна ночь, боль усиливалась и уже овладела полностью задней ногой жеребца. Добрый опять занёс ведро воды и овса, и быстро ушёл. Жеребец, вслед ему, заржал жалобным призывным голосом. Всё бесполезно. Мучила жажда, Рыжик жадно, большими глотками, выпил воду, овса есть не стал.

Следующей ночью боль окончательно завладела всем телом Рыжика, на ногу он уже наступить не мог. Липкий пот покрывал его лоснящуюся шкуру. Вошедший в станок Добрый, вдруг, замахав руками и, что-то причитая, начал бегать вокруг коня. Жеребец почувствовав, наконец, проявленное к нему сочувствие, потеряв последние силы к сопротивлению боли, вдруг упал на пол, вытянув вперёд болевшую ногу.

Конюх, выбежав в загон, куда-то исчез. Через некоторое время он вернулся в сопровождении того человека, который кастрировал жеребчиков, и от которого вечно исходил химический запах. Рыжик не испугался, в таком состоянии ему было всё равно, кто и зачем заходит в станок. «Химик» походил вокруг, потрогал его руками, подавил на рану, но боль была такая, что жеребец усиления её, от прикосновения, не почувствовал.

За тем люди начали что-то говорить. Голос «Химика» звучал безнадежно – растерянно. В голосе Доброго слышалось, сначала,

возмущение, затем - просьба. Но в конечном итоге они разошлись и Добрый, обхватив голову руками, уселся на пороге станка и застыл в форме каменного изваяния.

Утром состояние Рыжика стало совсем безнадёжным, боли он почти уже не чувствовал, ныло всё тело, его колотил озноб, глаза застилала дымчатая плёнка. Сквозь бредовое наваждение, он вдруг услышал, как его друг и хозяин Добрый разговаривает с каким – то тонкоголосым человеком. /У людей это называется голосом молодым, не окрепшим /. Затем сквозь туманную плёнку он увидел, как этот человек, худенький, высокий, зашел в станок и начал осматривать его, Рыжика, быстро бегая по телу тонкими пальцами. Вышел. Через некоторое время появился снова, почему – то весь в белом. Затем Рыжик почувствовал, как его несколько раз укололи вокруг раны и в шею. Через несколько минут чувствительность тела пропала совсем. Голова жеребца была приподнята, Аким уложил её на свою фуфайку, настелив под низ сена. Боковым зрением, плохо соображая, Рыжик видел, как этот пришедший паренёк быстро орудует руками в его ране. Вот мелькнул блестящий маленький нож. Он – то хорошо знал, что это такое, и если бы был здоров, обязательно лягнул бы этого пришельца. Послышался треск разрезаемой ткани, но боли не было. Вдруг нож задел за что-то внутри раны. Пронзительная боль ударила в ногу до самого копыта, но сделать, что ни будь, в ответ силы не было. Пришелец ещё долго возился вокруг его раны, но Рыжик ничего не чувствовал. Однако каким – то инстинктивным подсознанием жеребец догадывался, что этот худосочный человеческий жеребёнок пытается ему оказать помощь. Вскоре, закончив процедуру, он ушёл.

Через определённое время боль начала возвращаться, она захватила полностью ногу до самого копыта, разливаясь по всему телу и выжимая липкий обильный пот. Добрый теперь уже никуда не уходил, вытирая

тряпкой пот с тела Рыжика, он постоянно что – то гудел себе под нос, толи слова утешения, то ли молитву. Заглядывал преданно в затуманенные глаза своего любимца, гладил его по голове и иногда стонал вместе с ним.

Вечером пришёл тот худенький, достал блестящую коробку, вытащил из него стеклянный цилиндр, и несколько раз уколол его в ногу, вокруг раны, затем проколол вену на шее и что-то влил из другого цилиндра внутрь. Теперь боль уже чувствовалась, но ослабевший Рыжик, в ответ на эти уколы не мог даже вздрогнуть. К утру боль начала ослабевать и жеребец заснул.

Утром худенький пришёл снова, и снова повторил все вчерашние процедуры. Сознание Рыжика стало проясняться, и он уже мог определить для себя, кем же является пришелец по отношению к нему, Рыжику. И в его голове твёрдо укрепилось определение – Спасителем. Вечером, получив те же процедуры, Рыжик попытался встать, и ему это удалось с помощью Доброго и Спасителя.

Постепенно он начал есть овёс, сначала малыми порциями, затем перешёл и на постоянные, которые получал до болезни. Аккуратно начал наступать на ногу. И прихрамывая, гулял по загону, под наблюдением своего друга Доброго. Их дружба стала ещё теснее и крепче.

Но странное дело, Рыжик всё чаще стал заглядывать на дорогу, ведущую к конному двору, как будто, с нетерпением, кого-то ожидая. И Аким, с ревностью, стал замечать, как радуется жеребец при появлении своего спасителя, нового ветврача.

22

Прошло время... Рыжик, окончательно, поправился и окреп. Уколы, к которым он уже привык, Спаситель делать перестал, но и сам куда-то исчез. Вот уже несколько дней его не было видно, и Рыжик затосковал. Нет, он не разлюбил своего друга Доброго, но ему, явно, не доставало присутствия

Спасителя. Когда Добрый, напоив его и задав корма, удалялся, Рыжик, прохаживаясь вдоль забора загона, высоко задрал голову, внимательно смотрел на дорогу. И вот однажды его ожидание, наконец-то было удовлетворено. Как-то, ранним утром, Рыжик, поедая, насыпанный в кормушку, овёс, уловил шум знакомых, лёгких шагов. Он перестал жевать и прислушался: «Не ошибся?» «Нет!» Шаги быстро приближались. Рыжик выбежал, из под навеса, в загон. Перепрыгнув через забор загона к нему поспешил Спаситель. Жеребец, радостно заржав, кинулся навстречу, сунулся, неловко, мягкими губами в лицо пришельца, затем, как бы засмущавшись, опустил голову и упёрся в грудь долгожданного гостя лбом. В ответ Спаситель обхватил обеими руками эту повинную голову и, поглаживая её, что-то шептал на ухо, ласковое, приятное.

- Ну вот, встретились, наконец-то, болезный с лекарем, - раздался за спиной голос Акима, в котором чувствовались глубоко запавшая ревность.

- А, дядя Аким, привет, - обернулся Николай, - а я за Рыжиком пришёл, надоело на перекладных до гуртов добираться. Их в совхозе уже больше десятка, да и расположены далеко один от другого. Помнишь наш уговор – я лечу Рыжика, ты его закрепляешь за мной. Или забыл?

- За кого ж ты меня держишь Николай? – Обиделся Аким, - не только не забыл, я рад, что хозяином у него будешь ты, теперь Рыжик в надёжных руках. Надевай на него узду, и подожди, я сейчас вернусь.

Аким быстро скрылся в «конюховке», через минуту вышел наружу, держа в руках новенькое, красивое, мягкое седло:

- А это тебе мой подарок, - застенчиво опустив к земле глаза, прогудел Аким, - сам шил, от чистого сердца, ездь на здоровье. Только вспомни и вторую часть нашего уговора – никому Рыжика больше не давай, будет

принадлежать нам с тобой, ты используешь его по своим делам, я же чищу, кормлю и пою его.- На том и порешали.

Как же Рыжик отнёсся к новому методу езды своего, так же, нового хозяина? Вспомним, он уже ходил под седлом у цыган, и довольно быстро привык к этому. К тому же он с детства ненавидел эти «прицепные» телеги, дроги и брички, но поневоле приходилось их таскать, выполняя волю людей. А тут седло, почти, что полная свобода от упряжки, подумаешь - седло, да в нём паренёк. И приняв на спину эту «тяжесть», Рыжик встрепенулся и, управляемый уздечкой, выйдя из ворот конного двора, сразу перешёл на рысь, широко выбрасывая красивые стройные ноги, полетел, почти не касаясь земли.

Если мы с тобой, дорогой мой читатель, допустили бы, что лошадь умеет думать чуть больше, чем это ей положено, то тогда можно предположить и то, что она умеет вспоминать. Так вот, давай, и мы окунёмся в некоторые моменты лошадиных воспоминаний о совместно проведённом отрезке жизненного пути этих двух замечательных персонажей: жеребца Рыжика и ветврача Бажкова Николая. А отрезок этот длился ни много, ни мало – около пяти лет.

В первый же рабочий день Рыжик понял, что подолгу стоять ему на одном месте, поедая сочную траву, не придётся. Они постоянно переезжали от одного места скопления коров к другому. То тут то там требовалась какая-то помощь, то Спаситель способствовал появлению, на свет божий, маленьким телятам, то оказывал помощь обожравшимся коровам, которые, в порыве жадности, заглатывая килограммами в пасть траву, поедая вместе с полезной и ядовитую. В общем, если описывать всю ветеринарную деятельность, то никакой бумаги не хватит, да и наша цель состоит

совершенно не в этом, а скорее в описании взаимоотношений между двумя этими персонами.

А между ними царили полное взаимопонимание и уважение. Конечно, от ветврача Бажкова, также как и от любого другого его коллеги, невыносимо пахло различными медикаментами, что Рыжику очень не нравилось, но уважая своего хозяина и понимая данную необходимость, он некоторое время стоически терпел эти запахи, а затем постепенно привык и вскоре сам пропитался ими. Но за то Рыжик ни разу не уловил «химического» запаха изо рта своего хозяина, того самого, которым дышали конюх Серёга, учёчник Василий Петрович и ветфельдшер Семён Терентьевич.

В принципе, его деятельность постоянно повторялась день изо дня - ежедневная пробежка по гуртам и фермам, вечером встреча с Добрым, который радостно принимая жеребца из рук Спасителя, начинал его чистить, гладить, кормить и поить уже капитально, а не наскоками, как это удавалось делать днём.

Но бывали и некоторые неожиданные изменения, порой удивляющие Рыжика, а иногда и пугающие.

Однажды, уже поздней осенью, когда болота и мелкие озерца покрылись крепким льдом, хозяин с утра изменил привычный маршрут, и они двинулись, видимо, в соседнее село /по предположению Рыжика/расположенное в девяти – десяти километрах от Орловки, и чтобы сократить путь, Рыжик твёрдой рукой был направлен на лёд небольшого озерка. Не сбавляя обычной рыси, он вылетел на скользкий лёд и тут понял, что чего-то не хватает, что-то происходит не так – его хозяин Спаситель не умеет управлять им, жеребцом, в данном случае. Вместо того, чтобы натянуть повод и задрать голову жеребца вверх он его опустил, Рыжик, увидев под ногами необычную скользкую твердь, растерялся, сбился с ритма

и, заскользив, упал на колени, продолжая катиться по льду. Хозяин, вылетев из седла и, оказавшись у передних ног жеребца, катился вместе с ним. Всё бы ничего, но докатившись до противоположного берега, он был не так далёк, Рыжик всей своей тяжестью придавил хозяина к откосу, перепугавшись, вскочил на ноги и уставился широко открытыми глазами на Спасителя, но тот, кряхтя и постанывая, медленно поднявшись, протянул руку к жеребцу и стал его поглаживать, успокаивая. Спасли хозяина ивовые кустарники, росшие на берегу, смягчили удар. В общем, всё обошлось.

Прошла зима, по дорогам текли ручьи, рабочий день уже закончился и Рыжик обласканный Акимом, поедая выданный ему овёс, вдруг двери станка открылись, на пороге стоял с уздой в руках взволнованный Спаситель:

- Ну, Рыжик, давай скорее, - выпалил он, надевая узду на голову жеребца.

Рыжик, поспешив за ним, стал, выйдя в загон, ожидая, когда на него наденут седло, но к удивлению коня, хозяин подвёл его к зимней кошёвке. И они вдвоём с Добрым, быстро запрягли жеребца в неё.

- Давай скорее, милый, - хлестнул его вожжами хозяин, и, почуяв передающуюся ему тревогу, Рыжик рванулся крупной рысью, по обочине дороги, на которой сохранился ещё снег.

Подлетели к деревенскому дому, у которого Рыжику часто приходилось бывать, как он догадывался, здесь жил его хозяин. Спаситель забежал в дом, и быстро вышел, держа под руку стонущую женщину, непривычно толстую в области живота. Усадив её в кошёвку, хозяин хлопнул жеребца по крупу вожжами:

- Ну, дружище, давай не подведи.

В несколько минут они долетели до посёлка Лесозаводского, и остановились у большого длинного деревянного здания. Выскочили люди в

белых халатах, подхватили под руки стонущую женщину и скрылись за дверью. Рыжик долго стоял, переминаясь с ноги на ногу, у забора этого здания. Часа через два вышел хозяин, глаза его сияли ярким радостным светом:

- Ну, Рыжик, поздравь меня, у меня сын родился, - и он чмокнул в нос, ничего не понимающего жеребца, - погнали домой!

И лишь через две недели, когда они с хозяином забирали его жену из того большого здания, уже в летней кошёвке, Рыжик увидев свёрток в её руках, а позже услышав кошачий писк из этого свёртка, догадался, что в доме хозяина появилось ещё одно существо.

Случай произошедший в лето третьего года, совместной службы, ещё раз подтвердил то, что ветврач по отношению к Рыжику, без всякого сомнения, является Спасителем. .

Произошло это у того злосчастного Змеинового лога. Давно уже земли находящиеся за этим логом стали принадлежать совхозу, да и частники посёлка не остались внакладе, они честно брали луговые земли в аренду и, как оказалось, сена хватило всем. Взяточника Василия Петровича из учётчиков перевели скотником на молочную ферму.

Гурт дойных коров, в этот день пасся на поле у Змеинового лога, со стороны Орловки, переходить на другую сторону, пересекая лог, не было необходимости. Видимо заболела какая-то животина, потому, что хозяин, прихватив сумку с медикаментами, направил Рыжика в ту сторону. Управились быстро и направились вдоль лога, по еле заметной тропинке, домой. Вдруг впереди на тропе Рыжик выхватил взглядом пеструю верёвку, которая, извиваясь, быстро пыталась убраться из под ног. Хозяин, видимо то же заметил гадюку и резко натянул поводья, но было уже поздно, жеребец наступил этому обрубок верёвки на хвост. Обрубок взметнулся, и Рыжик

почувствовал резкий укол в голень ноги. Секунда и змея исчезла в траве на склоне лога. Потому, как быстро соскочивший из седла хозяин, схватил его ногу, Рыжик понял, что произошло что-то неприятное. Спаситель быстро вытащил блестящий нож из сумки и, сделав разрез в том месте, где произошёл укол, выпустил небольшое количество крови, после чего достал бинт и туго перебинтовал ногу выше разреза. Затем вскочив в седло, погнал коня галопом к конному двору.

Навстречу выбежал Добрый, они завели Рыжика в его станок, и тут жеребца начал колотить озноб, глаза застилала мутная плёнка. Напуганный конюх бегал вокруг жеребца, хлопая по своим бокам руками и что-то гудел. Хозяин, поймав его на очередном взмахе, за эту руку, выпроводил Доброго за дверь, что-то наказав ему. Через несколько минут тот снова вернулся с другой сумкой, из которой хозяин достал блестящую коробку, из неё извлёк несколько стеклянных цилиндров, и начал обкалывать Рыжика, как два года назад. Через сутки жеребец, пошатываясь, вышел в загон и стал медленно прохаживаться вдоль забора, к великой радости ветврача и конюха.

Опять Спаситель сделал своё доброе дело.

Но и Рыжик, как оказалось, тоже не остался в долгу перед своим хозяином. На четвёртом году их дружбы, поздней осенью, Спаситель, придя рано на конный двор, оседлав жеребца, насыпал два ведра овса в мешок и закрепил его за седлом, на спине коня. «Значить путь будет не близким»- видимо догадался Рыжик, хозяин всегда так делал в подобных случаях. Да и поведение Доброго подтверждало эту догадку, он, провожая путешественников, вышел за ворота конного двора и долго махал рукой им в след.

Выехали за село и догнали большой гурт откормленных бычков, который медленно продвигался по полевой дороге в сторону города

Шахтёрска. Рыжику не раз уже приходилось сопровождать этих несчастных, которых в городе загоняли за большие железные ворота, откуда они никогда уже не возвращались.

Сопровождать их приходилось трое суток в одну сторону, так, как по дороге быков подкармливали, давая передохнуть часа два-три. Добрались благополучно, никаких эксцессов по дороге не произошло. Открылись огромные ворота, поглотив в несколько минут огромное стадо мычащих прощально быков.

Нет, Рыжику не было жаль их, так как он не понимал этого необходимого товарно-денежного отношения предприятий. Ему было всё равно, раз так нужно хозяину, значить так тому и быть. Поэтому посмотрев на эти ворота, он, управляемый Спасителем, развернулся и направился назад, домой в Орловку. Налегке преодолеть это расстояние можно было за шесть-семь часов, не напрягаясь и не расходуя лишних сил.

Выехали на окраину города, и, вдруг, повалил первый настоящий зимний снег. Он падал большими лохматыми хлопьями, настолько густо, что в двух шагах ничего не было видно. С рыси пришлось перейти на шаг. Хозяин, подёргивая повод, пытался дать определённое направление, но уверенности в его посылках не чувствовалось. И Рыжик начал догадываться о том, что направление тот выбрал не верное. Он точно определил под ногами склон того лога, где когда-то был пленён смуглыми каркающими людьми. Им нужно было резко повернуть направо. Но так как жеребец говорить не умел, он несколько раз резко дёрнул повод на себя. И спаситель понял то, что требовал от него умный Рыжик. Он отпустил повод.

Заплутавшие путешественники долго петляли по полям, уже стемнело. Снег стал падать вроде реже, но совсем не прекращался. Однако несмотря ни на что, Рыжик твёрдо знал, куда им нужно было двигаться. Маршрут этот он запомнил на всю оставшуюся жизнь. Вот та поляна, где Соловушка

поломала преграду и освободила его от неминуемой гибели. Вот дорожка огибающая село Суженское, оставалось часа два ходу. Скоро под ногами оказались родные Орловские поля, и Рыжик перешёл на рысь.

За всё время пути хозяин ни разу не дёрнул жеребца за повод, полностью доверяя ему, и лишь похлопывал его по бокам и говорил ободряюще – хвалебные слова. Вдруг на пути уставших путников возникли ворота. Ворота их собственного конного двора. Оба облегчённо вздохнули. За воротами показался обрадованный конюх Добрый. Взял под уздцы Рыжика, помог слезть Николаю.

- Я вас ждал к вечеру, а сейчас уже четыре утра. Подумал, что вы заплутали, хотел ехать навстречу, да куда там, ни черта не видно.

- Да, если бы не Рыжик, ты бы дядя Аким и к завтрашнему обеду нас не дождался. Этот жеребец порою бывает на много умнее человека.

- Это точно, - подтвердил Аким.

Рыжик, словно понимая, что его хвалят, довольно махал головой, поедая овёс из кормушки.

Вспомнился Рыжику и тот, отвратительный случай, по меркам доступным умственным способностям жеребца – из ряда, выходящего за пределы разумного. Он был последним совместным происшествием.

Однажды глубокой осенью, когда деревенская липкая грязь покрывает все полевые дороги и тропы, и достекает почти коленного сустава, его хозяин Спаситель рано утром, как обычно, на конном дворе не появился. Рыжик, привыкший к каждодневному распорядку, прохаживался вдоль забора по загону, поглядывая на раскисшую дорогу. Осеннее выцвевшее солнце, почти не отрываясь от горизонта, проползло уже половину своего положенного дневного пути, когда Рыжик заметил приближающегося к

конному двору хозяина. Что-то новое, не привычное и странное в его походке удивило и озадачило жеребца. Хозяин шёл, громко чавкая сапогами, не разбирая дороги, наступал в самые глубокие лужи, размахивая руками и шатаясь из стороны в сторону.

Вышедший навстречу ему Добрый, схватился за голову и замер, широко открыв рот. Затем встrepенувшись, начал размахивать руками и произносить громкие, каркающие слова. Рыжик хорошо научился разбираться в интонациях человеческой речи, и понял, что конюх возмущён и выражает крайнее недовольство появлением Спасителя. Но тот, оттолкнув Доброго, зашел в «конюховку» и вскоре вышел с уздечкой в руках, нетвёрдой походкой направляясь в сторону Жеребца. Приблизившись, он сходу накинул уздечку на голову коня и загнал удила ему в рот.

И тут Рыжика обуял ужас, от его хозяина исходил удушливый, невыносимый «химический» запах. Горькая обида обуяла сердце жеребца, произошло какое-то невообразимое, подлое предательство – столько лет он радовался, что хозяин не такой, как те «химики» которые ранее пытались им завладеть, и вот – на тебе.

Пока опешивший Рыжик растерянно размышлял, как ему поступить, хозяин, без седла, забрался на его спину и двинул ногами в бока, погоняя его вперёд. Жеребец двинулся к воротам конного двора, однако наперерез ему забежал Добрый и, широко размахнув руки, преградил дорогу. Но тот наверху, больно хлестнул жеребца поводом и, пнул в бока ногами, Рыжик, ловко обогнув конюха, вылетел за ворота. Разбрызгивая грязь, припустил по дороге, ведущей к молочной ферме, тому, неизвестному наезднику, видимо было всё равно, куда бежит жеребец, он постоянно толкал в бока коня ногами и постёгивал поводом.

И тогда в душе Рыжика стала назревать обида, разрастаясь каждую минуту и требуя принятия каких-то ответных мер. На их пути, не далеко от

места выезда, разлилась на дороге огромная лужа – результат непрекращающихся осенних дождей. Жеребец, метров за сто перед ней резко увеличил скорость и, залетев на середину, выкинув вперёд ноги, стал, как вкопанный. Сверху кубарем скатился хозяин и растянулся, во весь свой рост, в грязной воде. Побарахтавшись, он медленно поднялся, выловил соскочившую шапку и, опустив голову, пешком двинулся в сторону деревни. Рыжик, развернувшись назад, тоже, не спеша, побрёл к конному двору.

Откуда коню было знать, что его хозяину предложили место работы в области, но районное партийное руководство наотрез отказалось согласовывать этот перевод, выдав ветврачу отрицательную характеристику, не соответствующую действительности. И тот, во чтобы, то ни стало, решил уехать, даже если ему это будет стоить потери партийного билета. В те времена это был невероятно большой риск в развитие карьерного роста. А обиду свою решил погасить вот таким мерзким образом.

На другой день, Рыжик ещё спал, вдруг дверка станка открылась, на пороге стоял Спаситель, он робко протянул руку к губам жеребца, на ладони лежал большой кусок сахара. Рыжик сначала недоверчиво отдёрнул голову, но почувствовав, как хозяин гладит его по спине и холке и, услышав ласковые слова, которыми тот всячески пытается загладить свою вину, взял, наконец, этот сахар, похрустев и проглотив его, примирительно всхрапнув пару раз, положил голову на плечо хозяина.

Пришли конюхи Добрый и Равнодушный, они долго о чём-то толковали со Спасителем, уговаривали его, кого-то ругали. Хозяин извиняющимся тоном обращался к Доброму, тот в конце-концов, махнув рукой, улыбнулся, что с ним бывало очень редко, и видимо всё поняв, простил вчерашнюю выходку. Затем конюхи вышли из станка, прикрыв за собой дверь, хозяин обнял за голову Рыжика, что-то долго говорил ему на ухо, вытащил ещё кусок

сахару, но жеребец выронил его под ноги, почувствовав какую-то надвигающуюся непоправимую тоску.

- Ну, всё Рыжик, прости, за то, что я вчера натворил, - чуть слышно шептал Спаситель, - не думал, что ты увидишь меня таким дураком. Спасибо тебе за всё, что мы с тобой пережили за пять лет, и прощай, может быть, ещё и увидимся! – Он чмокнул жеребца в нос и быстро вышел из станка.

Вечером, засыпав в кормушку Рыжика овса, Аким, положив руку на голову жеребца, горестно произнёс:

- Ну, вот и всё, остались мы с тобой сиротами. Тебе он был спасителем и другом, а мне, вроде как родной племянник. Уехал Николай сегодня из деревни.

23

Несколько дней Рыжик с нетерпением ожидал, что вот сейчас откроется дверка его станка и на пороге появится долгожданный хозяин Спаситель. Но ожидания не сбывались. Дверь открывалась, жеребец радостно оборачивался, но на пороге стояли либо Аким, либо Серёга. Они задавали жеребцу корм, поили его, чистили, пытались разговорами и лаской утешить жеребца. / К тому времени, за несколько лет совместного «проживания», Серёга и Рыжик подружились тоже, конюх во время дежурства перестал употреблять «химию»/ Всё усилия были напрасны, и даже Аким чувствовал, как любовь жеребца охладела и к нему.

Рыжику не давала покоя одна мысль: «Неужели хозяин обиделся на него за ту последнюю выходку с лужей, но они же вроде помирились на следующий день. А, кроме того, не он же первый начал этот раздор в тот день, хозяин тоже допустил по отношению к нему, Рыжику, предательство»

Рыжик стал плохо есть, похудел. Что касается исполнения каких-то работ, он никого кроме Акима и Серёги к себе не подпускал, и иногда

выполнял мелкую работу по обслуживанию конного двора. Но, что с ним оказалось совсем странным, так это то, что он стал необычайно пуглив, вздрагивал на всякий громкий стук или скрип, во время выезда с конного двора, стоило через дорогу пролететь какой либо бумажке он взвивался на дыбы и летел «сломя голову» не разбирая дороги.

На кобылиц не обращал никакого внимания, и даже его любимая в яблоках Зорька не прельщала больше его своей красотой.

Так прошла зима, наступила долгожданная весна. Одним ясным, солнечным днём, Аким и Серёга решили напилить в близь лежащей ложбинке, в пятистах метрах от конного двора, осинника. Навес над загоном совсем обветшал и требовал скорого ремонта. Запрягли Рыжика в дрожки, положили в них верёвку, пилу и топоры и двинулись к намеченному месту. Управились быстро – навалили осинника, обрубали сучья, оставалось только стянуть готовые брёвна в одну кучу. Делалось это просто, к хомуту привязывалась верёвка, за другой её конец бревно, и волоком это бревно доставлялось на поляну, где позже укладывалось на дрожки.

Аким привязал к хомуту верёвку. Для того, чтобы спустится в ложбину, нужно было обогнуть три берёзы стоящие на пути. Обогнули, и теперь верёвка, зацепившаяся за берёзы, свободным концом своим, начала двигаться навстречу жеребцу.

Рыжик сделал несколько шагов. Вдруг, перед ним зашуршали прошлогодние листья, он вздрогнул и уставился широко открытыми глазами в сторону звука. В траве что-то зашевелилось и двинулось, извиваясь навстречу. И в этот миг Рыжик увидел верёвку. «Змея!!!» промелькнуло в его сознании, он хотел взвиться на дыбы, но в груди, вдруг, резанула острая боль, что-то оборвалось, прокатившись звоном в голове, и жеребец медленно осел на траву.

- Рыжик! Что с тобой!?! – Бросился к нему Аким, схватился за уздечку, пытаюсь поднять голову жеребца. Но голова безжизненно, снова, опустилась на землю.

- Всё, конец, умер, - под итожил трагедию Серёга, - куда его теперь?

Но Аким не отвечал, он, отвернувшись, прижался головой к берёзе, плечи его лихорадочно вздрагивали.

Через некоторое время мужики вернулись на конный двор, взяли с собой Зорьку, прихватив две лопаты. Долго рыли здесь же, в лесочке, у этих злополучных берёз, обширную яму. Затем аккуратно перевернули в неё Рыжика, засыпали землёй, обложили могилу дёрном, Аким нашел маленькую рябину, выкопал её и посадил на образовавшийся холмик.

Серая кобыла в яблоках, Зорька, недоумённо хлопала глазами, глядя на всю эту похоронную процедуру, словно хотела спросить: «Зачем это всё?»

Аким больше не проронил ни слова, молча запряг Зорьку в дрожки, погрузили осинник, привезли на конный двор, разгрузили. Смахнув пот со лба он, вдруг, развернулся и, закрыв за собой ворота, побрёл в сторону деревни, тяжело переставляя ступни. На другой день Аким на работу не вышел. Заболел. У него отнялись ноги.

24

Прошло три года. Осенней порой, когда природа, расплескав яркие красно – жёлтые краски, наполняя душу приятно-щемящей прощальной таской, ласкает человека последним солнечным теплом, от Орловского конного двора в сторону леса, опираясь на палку, медленно переставляя ноги, двигался старик. Большая узловатая кисть руки, крепко сжимающая палку, напоминала о его былой мощи и силе. Однако время и болезни отняли эти достоинства старика, оставив ему исхудавшую согбенную фигуру с низко опущенными костлявыми плечами, длинные седые лохмы на

трясущейся голове, и такую же бороду, разметавшуюся метёлкой, по груди до самого пояса. Старик часто останавливался, всматриваясь в, медленно приближающуюся, опушку леса, шумно втягивал носом чистый воздух и, убедившись в правильности выбранного маршрута, двигался дальше.

Вот он вошёл в лесочек, пробежав глазами по деревьям, сделал ещё несколько шагов и остановился у, росших на краю ложбины, трёх мощных берёз. Взгляд его отыскал рябиновый куст, выросший уже в два человеческих роста, и еле заметный холмик, покрытый пожухшей травой и желто – красными, начавшими опадать листьями. Постояв немного и отдышавшись, он опустил перед холмиком на колени:

- Ну, вот и я, Аким. Прости Рыжик, не приходил я к тебе, не мог, болел. Ноги отказались носить меня. Если бы не наш друг Николай Бажков, я бы и сегодня к тебе не пришёл. Он теперь в области большой человек, приехал в прошлом году на машине и забрал меня в областную больницу. Я не хотел, не к чему уже, жисть прожита. Но он почти насильно усадил меня в машину, будто я родственник какой. Привёз и врачам наказал, чтоб меня лечили, как начальника какого-то. И сам часто приходил ко мне. Нет для меня теперь человека роднее его. Вот вроде ходить начал. Хотя, что толку, серчишко некудышнее, колотится как заячий хвост, задыхаюсь – воздуху не хватает.

Аким глубоко вздохнул, наклонился вперёд и погладил дрожащей рукой могильный холмик.

- О тебе он тоже спрашивал, горевал сильно, что тебя не стало. Мы тебя часто вместе вспоминали. Жисть нас связала и развела...

Старик смахнул набежавшую слезу широкой ладонью, и что-то вспомнив, продолжал:

- Да, Михаил Алексеевич, бригадир бывший, вернулся в деревню. На пенсию вышел, но дома сидеть не стал. Конюхом вместо нас с Срёгой работает, всю жисть коней любил. А Серёга-то, помер в прошлом году, на

старости лет решил с пьянкой завязать, и видно, зря, сердце привыкло самогон по жилам гонять, а тут раз и нет этой гадости, оно и остановилось.

Он не умело перекрестился, посмотрел вокруг, взгляд его упёрся в разросшуюся рябину:

- Рябинка-то как вытянулась. Сколь лет-то прошло с етова дня, как мы с Серёгой и Зорькой её посадили? – подумал немного и, вдруг перескочил на другое. – Да Зорьку то нашу недавно свезли. Куда? Сам знаешь куда, занемогла, болезная, вот её и таво... А Битюка и Каштана ещё в прошлом годе отправили туда же. Счас на конном дворе лошадёнки так себе, дрянненькие. Никому они не нужны. Всё трактора да машины, весь белый свет закоптили.

Он снова глубоко вздохнул, помолчал немного, взялся рукой за тощую грудь, словно пытаясь утихомирить, вновь разыгравшееся, сердце:

- Ну, кажется, ничего не забыл...

- А Соловушка как же? – слышалось ему, Аким, медленно поворачивая голову, огляделся вокруг: «Кто же это спросил? Неужели Рыжик!»

- Соловушка... - тихо начал он.

И вдруг ему показалось, что вокруг разыгралась метель, на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Аким испуганно широко раскрыл глаза, и в это время из снежной пурги показалась конская голова.

- Соловушка, - обрадовался он, - Соло... - замолкнув на полуслове, Аким медленно завалился навзничь, глядя широко открытыми очами в осеннее небо.

Вскоре облетающие с деревьев, в последнем танце, жёлто-красные листья плотно прикрыли эти глаза.

Хоронили Акима всей деревней.

Как оказалось, он был неправ, когда думал, что не любит людей, а они платят ему тем же. Он сам того не подозревая, всего лишь добросовестно исполняя свою работу, любовь эту передавал людям через лошадей, которые благодаря его стараниям, всегда были сыты и ухожены. А эти лошади исправно помогали односельчанам выполнять возложенные на них обязанности и содержать своё личное подворье, не давая умереть голодной смертью, и хоть как то прикрыть свою наготу.

На прибитой к кресту дощечке, местный художник Мишка Котов вывел красивыми крупными буквами:

ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ АКИМ ФРОЛЫЧ БЫЧКОВ – ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК.

Какой-то сельский шутник, позже, подписал ниже карандашом:

Приёмный сын Соловухи.

1950 – 1970 г.г.

Рассказы.

Летят утки...

« Господа ссорятся, а у холопов чубы трещат»

Пословица

Рассказ бывшего партийно-хозяйственного руководителя.

1

Случай этот произошёл в период рассвета развитого социализма, когда главенствующую роль в стране занимала Коммунистическая партия Советского Союза, и не одно более-менее значимое событие без её контроля и указующего перста не обходилось... /Иногда эта роль использовалась в личных интересах руководящего партийного эшелона, в целях отмщения, сведения счётов, либо поощрения нижестоящего руководящего состава, но это происходило редко, а может и нет.../

Случилось это так! Директор птицефабрики «Голосистый петух» Петухов Иван Иванович ожидал гостей. Из Москвы в трест Птицепром «Ни пуха, ни пера» Энской области ехал зав отделом «Утки-селезни» республиканского министерства птицеводческой продукции, Уткин Игнат Игнатович. Они вместе с директором треста Диким Титом Владимировичем должны были посетить птицефабрику «Голосистый петух», с целью увеличения птицеводческой продукции в области и в стране в целом. Птицефабрика располагалась в Цементно-Шиферном районе Энской области.

Иван Иванович, как и положено руководителю местного значения, доложил об этой встрече секретарю райкома партии Цементно-Шиферного района Устинову Петру Сергеевичу. Пётр Сергеевич был представительный мужчина преклонного возраста, но крепкого телосложения и крутого нрава. Работал секретарём райкома много лет. Имел большой авторитет не только в своём районе, но и в области, как говорили: «пинком открывал двери в Обком». И на этом основании возомнил себя богом, и не терпел никаких

возражений в отношении принимаемых решений и постановлений возглавляемого им райкома.

Все вышеперечисленные представители власти встретились в кабинете Петра Сергеевича в райкоме партии, горячо поприветствовали друг друга рукопожатиями, но секретарь райкома, как бы в общей суматохе, руку директору треста Дикому Титу Владимировичу не подал. Между ними давно, как говорится – пробежала чёрная кошка. Причин было две. Первая – это не разделённая власть над птицефабриками, которые располагались на территории Цементно-Шиферного района. По хозяйственной деятельности - они принадлежали тресту Птицепром «Ни пуха, ни пера» и были выведены из подчинения районного управления сельского хозяйства. А по партийной линии - парткомы этих птицефабрик подчинялись райкому. Директор треста Дикий Тит Владимирович был не мене принципиальным человеком, чем секретарь райкома и категорически препятствовал вмешательству во внутренние дела этих хозяйств работникам райкома. Второе – сын Петра Сергеевича Степан Петрович работал ранее на птицефабрике «Голосистый петух» заместителем у Ивана Ивановича, но отличался необычайной гордыней. Презирая свою должность, требовал вмешательства отца, для самостоятельного управления хозяйством, и так настоятельно это делал, что Пётр Сергеевич, в конце концов, преодолев неприязненное отношение к директору треста, обратился к нему с просьбой о повышении статуса своего питомца. И, к удивлению папаша, Тит Владимирович немедленно удовлетворил эту просьбу, отправив Степана Петровича директорствовать на птицефабрику «Куриный задохлик», куда длительное время не мог подобрать кандидатуру на этот пост. Туда не находилось желающих. Птицефабрика оправдывала своё название, многие годы не выполняла план, отстала в своём развитии от других хозяйств. Нужен был хороший директор, но предложения возглавить это хозяйство никто не принимал и даже под

угрозой изгнания из партийных рядов. И вот нашелся самозванец в лице сына секретаря райкома, Степана Петровича. Вот почему так быстро согласился Дикий Тит Владимирович на просьбу Устинова Петра Сергеевича о повышении сына по службе.

« Пусть идёт, может, обломает рога самолюбивый выскочка, - думал директор треста, – и просьбу вроде удовлетворил и хозяйства того не жалко, всё равно оно не рентабельное, уже хуже не будет. Как говорится - и овцы целы и волки сыты».

Но Петра Сергеевича трудно было провести, он обо всём догадался и ждал случая сделать ответный ход.

Поговорили о том, о сём, попили чайку, определили ход дальнейших действий. Затем оседлав служебные машины, высокопоставленные деятели двинулись на птицефабрику «Голосистый петух».

Зав. отдела республиканского треста Уткин Игнат Игнатович, ознакомившись с производственными показателями хозяйства, восхищённо поднял очи в потолок. Ежегодная прибыль в несколько миллионов рублей, / в те времена, это были приличные деньги, / окончательно расположила его добрые отношения к руководителю птицефабрики и, по неизвестной причине, в большей степени к директору треста Дикому, к большому недовольству секретаря райкома. Затем московский гость предложил осмотреть производство, так сказать, в действии. Иван Иванович пригласил, для сопровождения на птицефабрику, своего заместителя Бажкова А. Н. И это опять не понравилось секретарю райкома, тот не любил Бажкова, который был назначен директором треста Диким на должность, занимаемую ранее его сыном. Сначала Пётр Сергеевич, ложно убеждённый особыми способностями своего чада, думал, что, при появлении Бажкова, хозяйство резко ухудшит свои показатели, от заместителя директора по производству

зависело многое, он был главным технологом в хозяйстве, но произошло обратное, уже через полгода показатели на птицефабрике улучшились. И секретаря райкома обуяла ревность.

Производство, московского гостя, то же поразило своей слаженностью в работе, чистотой помещений, опрятностью птичников, в общем, придрататься было не к чему. И опять столичный гость рассыпался хвалебными речами в адрес местного руководства и, особенно, в адрес, так не угодного секретарю райкома, директора треста Дикого Тита Владимировича.

« За что же он хвалит эту сволочь, этот Тит - то и в район приехал, по- моему, первый раз!» – Возмущенно думал Петр Сергеевич.

- Я даже не могу себе представить, где на этом производстве можно найти не использованные резервы. Думаю, что всё задействовано до предела. – Сказал в конце обхода Уткин Игнат Игнатович.

-Мы ещё подумаем, что можно предпринять для увеличения производства продукции. – Пообещал Петухов Иван Иванович.

- Мы тоже рассмотрим этот вопрос на бюро райкома. – Презрительно посмотрев на директора треста, ехидно произнёс секретарь райком. И, похлопав неожиданно по плечу заместителя директора Бажкова, спросил:

- Значить всё у вас хорошо?

- Да вроде бы жить можно, - несколько смутившись, ответил Бажков.

- Ну, ну желаю всего хорошего, - произнёс секретарь райкома и направился к своей машине.

И вот от этого, казалось бы, ничего не значащего «ну- ну» внутри, в районе сердца, у заместителя директора Бажкова, вдруг возникла тревога, которую он долго после отъезда гостей никак не мог унять.

А гости тем временем приступили к основному этапу рабочей поездки, то есть к окончательному подведению итогов деловой встречи. На поляне на берегу ручья была расстелена большая палатка, на которой красовались своими яркими наклейками коньяки, скромно поблёскивала в солнечных лучах водочка, рядом варилась в котле шурпа. Распространяя с ног сшибающий запах, жарился бараний шашлык, а уж из продуктов птицеводства столько было наворочено закусок, что хватило бы накормить роту солдат.

Первый тост, конечно, был провозглашен за встречу. Выпили залпом и, нахваливая повара, стали закусывать. Поваром на сегодняшний день был назначен шофёр Ивана Ивановича, Толик. Когда чокались стаканами со спиртным, секретарь райкома опять, как бы ненароком, обошел стакан директора треста и налитый коньяк допивать не стал, сделал только глоток.

« Пусть надерутся, а я послушаю, что они пьяными языками будут чесать», - думал он. В общей суматохе приподнятого настроения никто на это не обратил внимания.

Дальше – больше, подогреваемые крепкими качественными напитками, собеседники всё больше пропитывались уважением друг к другу и всё более откровенными были возникающие дебаты, перемежающиеся смачными анекдотами и взрывами задорного хохота. И лишь секретарь райкома особого восторга не выражал, пропуская спиртное через раз. Иван Иванович, директор птицефабрики побаивался Петра Сергеевича и потому стеснялся спросить, чем тот не доволен. Кроме того Ивану Ивановичу не нравилось то, что между секретарём и директором треста пробежала «чёрная кошка», директор треста побудет да уедет, до него далеко, а он Иван Иванович рядом с райкомом, дьявол его знает, чем всё это может

кончиться. Уткину Игнату Игнатовичу было глубоко наплевать на отношения местной руководящей номенклатуры. И лишь Дикий Тит Владимирович заметил пасмурное настроение и комбинации со спиртным Петра Сергеевича, но меньше от этого пить не стал, он обладал необычным спиртоустойчивым качеством, пил, сколько влезет и вроде бы пьянел до безумия, но в последний момент накидывал ещё сто граммов, на выпитое сверху, и становился совершенно трезвым. Поэтому подвоха в свой адрес под пьяную лавочку не опасался.

Выпили ещё по одной, какой по счёту трудно сказать, в данном случае и счетовод с него бы сбился. И тут стало проясняться, почему так дружелюбно, даже можно сказать ласково, зав отделом «Утки-селезни» республиканского министерства Уткин Игнат Игнатович относился к директору треста Птицепром «Ни пуха ни пера» Энской области Дикому Титу Владимировичу.

- Уважаемый Тит Владимирович! – несколько заплетающимся языком, вопрошал Игнат Игнатович. – Судя по тому, как работает птицефабрика «Голосистый Петух» мне будет трудно выявить резервы повышения производства продукции в вашем тресте, а мне это необходимо. Ты должен подписать отчёт о моей поездке с положительным результатом, то есть подтвердить найденные мной резервы, иначе мой отдел прикроют за ненужностью.

- Не волнуйся Игнат Игнатович, я тебя отвезу на птицефабрику «Куриный задохлик» соседнего района, там ты нароешь столько не использованных резервов, что под их описания тебе придётся покупать чемодан и твой отдел не только не сократят, а ещё расширят в два раза.

При этих словах секретарь райкома Устинов побледнел и, злобно посмотрев в наглую морду директора треста, хотел выплеснуть остатки коньяка в направлении оной, но сдержался в последний момент - вот что

значит партийная выдержка. Оскорблённый намёком на недоброкачественную работу своего отрока /если ты помнишь, дорогой мой читатель, сынок секретаря был директором названной выше птицефабрики/ даже хотел уехать, но в надежде на отмщение остался. За предложение выпить за обещанный отчёт пить отказался.

Остальные же участники диспута ахнули ещё по одной и, хотя, взгляд их несколько затуманился, а слух притупился, появившимся в ушах лёгким шумом, но все они, / как выяснится позже к несчастью /, увидели и услышали, как в протекающий рядом ручеек опустилась дикая утка. Иван Иванович Петухов, вдруг, театрально вытянув руки и выпучив от напряжения глаза, скрипучим голосом затянул русскую народную песню:

- Летят утки и два гуся...

Но допеть до конца ему эту песню не удалось по двум причинам: первая – слов он кроме первой строки не знал, вторая – поднятая рука секретаря райкома, как бы сигнализирующая «Стоп». / Прямо как ГАИшник на дороге / Лицо его вдруг озарила какая-то идея, возникшая в связи с появлением этого маленького существа – утки, божьей твари.

- Вот, вы тут всё ведёте разговоры о дополнительных резервах птицеводческой продукции. Игнат Игнатович возглавляет отдел «Утки-селезни», да и фамилия подходящая Уткин. - С просветлевшим лицом, хитро улыбаясь, сказал он – в моём районе две птицефабрики, а утятин на нашем столе нет. А почему бы вам не развести уток, товарищи, вот вам и резервы, да и райком партии поддержит такое предложение.

Директор треста Тит Владимирович сразу почувствовал подвох в словах секретаря, понял, что тот пытается развести не только уток, но и его. Он неплохо знал Цементно-Шиферный район и отлично помнил, что на сорок километров вокруг от птицефабрики «Голосистый петух» не было ни одного более-менее стоящего водоёма / пруда либо озера /, а без водоёма

уток содержать почти не возможно. Хотел категорически возразить, но было поздно. Директор птицефабрики Петухов Иван Иванович, чтобы как-то сгладить наметившийся окончательный разрыв между трестом и райкомом, и, хоть как-то, реабилитировать себя в глазах секретаря, выпалил:

- Сделаем Пётр Сергеевич! Утки будут! - И хотел выпить за это, но пронёс стакан мимо рта и облил московского гостя. Тот вздрогнул и радостно завопил:

- Вот они резервы! Утки будут, будут! Я завтра же позвоню в Москву и доложу об этом.

- Вот и хорошо! – Заключил бравурные вопли секретарь райкома, – завтра принятое решение утвердим на бюро райкома – ты согласен Петухов?

- Конечно Пётр Сергеевич, поддерживаю! – Радостно закричал тот, он был членом бюро райкома.

Тит Владимирович хватил нужные сто грамм, совсем протрезвел, но понял, что сделать уже ничего нельзя. Московского гостя можно ещё уговорить отыграть назад сложившуюся ситуацию, он хоть и из министерства, но, наверное, ещё помнит, как учился в институте и должен знать, что каждая птица иметь должна своё место. Да и скорей всего после такого возлияния, он завтра и не вспомнит, о чём шла дискуссия за трапезой. Ещё проще было с директором птицефабрики – приказал забыть и дело в шляпе. А вот с партией шутки были плохи – завтра на бюро райкома утвердят данное предложение и всё - это закон, ни кому и ничего не докажешь, не будешь же в обкоме партии говорить о том, что это решение принято по - пьянке. А после завтра, оно уж точно будет в обкоме. Просить и доказывать секретарю райкома Устинову Тит Владимирович не хотел, да и по выражению лица Петра Сергеевича было видно, что это бесполезно.

« Ну и чёрт с тобой, – подумал он о директоре Петухове, – будешь в этом деле козлом отпущения. Хотя эти новшества и для треста даром не пройдут».

Выпили ещё по сто грамм, уже за уток, правда проглочены эти граммы были с большим трудом. Иван Иванович и Игнат Игнатович самостоятельно встать уже не смогли, и были доставлены в машины шоферами, как мешки с картошкой – на плече. Хлопнули дверки машин – диспут закончен. Дикая утка взлетела с водной глади ручья и понеслась искать водоём по обширнее.

3

Ночью Иван Иванович спал вроде бы беспробудным сном, находясь под наркотическим воздействием выпитого спиртного. Однако жена его Вероника Прокопьевна спала плохо, часто просыпалась от громких восклицаний своего супруга. А он, то протяжно и жалобно вскрикивал: «Утки, утки!» То затягивал сиплым басом песню: «Летят утки...» но более двух слов, видимо и во сне, вспомнить не мог.

Утром Петухов с большим трудом открыл тяжёлые веки, тело всё ныло, как будто ему пришлось всю ночь таскать тяжёлые мешки. Голова раскалывалась, про внутренние органы не хотелось и думать. Он попытался вспомнить события вчерашнего дня, но распухший головной мозг провернуть прошедшие события, не смог. Смутно выпадали отдельные части проведенной встречи, но конкретного в голову ничего не поступало, как он ни старался. Про уток Иван Иванович забыл напрочь, жена - Вероника Прокопьевна, хотела спросить мужа, какие утки тревожили его во сне, но видя в каком плачевном состоянии, он находится, вопрос отложила до лучших времён.

- На работу я сегодня не пойду, – слабым голосом заявил Петухов, – сейчас позвоню Бажкову, пусть он покомандует.

И только взялся за кружку с чаем, которую ему протянула жена, как тишину в доме расколол телефонный звонок. Кряхтя и постанывая, он подошёл к столу и трясущимися руками взял телефонную трубку.

- Алле, – пропела трубка голосом райкомовской секретарши Лидочки, - Иван Иванович, сегодня в четырнадцать часов состоится заседание бюро райкома, Пётр Сергеевич сказал, чтобы вы явились обязательно.

- Какое к чёрту бюро! – Хотел воскликнуть Петухов, но вспомнив, чья это секретарша, лишь недовольно засопел и, сказав, – ладно, – положил трубку.

- Чтоб ты провалился со своим бюро! - Медленно провернулось в голове директора, – ничего его не берёт, ни уж-то, после вчерашнего, у него не болит голова.

Но, тут, неожиданно, сознание Петухова слегка прояснилось, и он вспомнил, что во вчерашнем застолье секретарь райкома Устинов Петр Сергеевич, будучи чем-то не доволен, спиртного, в отличие от остальной компании, употреблял умеренно, можно сказать мало.

« Неужели я чего – ни будь, натворил? – Подумал Иван Иванович, и холодный пот заструился по его широкой спине. – Вот пьяная свинья! – Запаниковал он, - видимо и бюро собирается по этому поводу».

До четырнадцати часов ещё было время, и Петухов начал приводить себя в порядок. Помылся в ванной, полежал в тёплой, ласкающей воде, выпил несколько кружек чая, но улучшения состояния не наступало. Голова гудела, как пустой медный котёл, липкий пот струился с высокого лба и застилал глаза, ноги были, как ватные и слегка дрожали, никаких путных мыслей в голову не приходило. Вышел на улицу, хотел прогуляться, но ноги вдруг затряслись и он опустился на лавочку, стоявшую во дворе.

« Сейчас войду в дом и позвоню в райком, скажу, что заболел», – подумал Петухов, но вспомнив крутой нрав секретаря, от этой мысли отказался.

Вспомнился случай произошедший с директором соседнего с птицефабрикой совхоза Медведевым, который однажды по причине поломки его автомобиля по пути в райком, не смог явиться на бюро. Секретарь райкома, заканчивая заседание, так и не дождавшись Медведева, в заключительном слове, вдруг неожиданно для членов бюро, заявил:

- А этот Медведев, как видно опять надрался и наплевал на то, что нами принимаются серьёзные постановления, так необходимые для нашего района, в свете решений двадцать второго съезда КПСС.

И хотя все члены знали, что Медведев ответственный член партии, и пьёт ни сколько не больше других членов, но с тех пор у всех приближенных к секретарю райкома родилось далеко запрятавшееся чувство недоверия: «А этот Медведев, сволочь, оказывается, может врезать «втихоря», не испросив на то разрешения членов бюро. А ещё член...»

/ Уважаемый читатель, я описываю события того времени, когда ещё не было сотовых телефонов, но было парт бюро, а теперь сотовые есть, но не существует парт бюро, вместе с его членами /

И так, время неумолимо приближалось к тринадцати часам, время на которое Иван Иванович вызвал шофёра для поездки в райком. Внутреннее состояние его к этому часу вроде бы немного урегулировалось, но мозговой центр никак не хотел включаться в работу, и, напроць, отказывался воспроизводить какие-либо мысли.

Подъехала машина. Петухов прихватив портфель с бумагами. Какими? В данный момент особого значения не имело. Усевшись на сидение, внимательно посмотрел на шофёра, пытаясь по его взгляду определить степен своей виновности во вчерашних событиях. Но лицо

Толика никакой информации, на эту тему, не выдало. Спросить напрямую, о вчерашнем дне, Иван Иванович постеснялся, представив себе, как Толик корячился, затаскивая его вчера в машину, а затем домой. Но, в принципе, для шоферов руководящего состава это дело было привычным, изредка их хозяевам приходилось решать партийно-хозяйственные вопросы таким вот образом.

Приехав в райком и поднявшись на второй этаж, где располагался зал заседаний, и уже присутствовало большинство членов бюро райкома, Иван Иванович виновато - внимательно заглянул каждому в лицо, ожидая увидеть отрицательное выражение этого лица к своей персоне, но не увидел и несколько успокоился. Ровно в четырнадцать часов в зал вошел секретарь райкома Устинов Пётр Сергеевич, поздоровался с каждым членом персонально, пожатием руки. Не обошёл и Петухова при этом даже удовлетворённо хмыкнул. У Ивана Ивановича, как говорится – гора с плеч, от радости даже дышать легче стало.

Заседание бюро началось. Обсуждались различные вопросы: проведение уборочной компании, выполнение плана по надою молока и прочее и прочее. Петухов слушал в пол-уха, голова так и не хотела принимать нужную информацию и при голосовании, одобряя принятые решения, он автоматически поднимал руку, но спроси его, за что голосует, вразумительного ответа, по этому поводу, он дать уж точно не мог. Размеренные голоса выступающих убаюкивающе действовали на его мозги и Иван Иванович начал уже дремать, но вдруг в полусне услышав свою фамилию, очнулся и, подскочив, замер по стойке «смирно».

- Да, – выдохнул он, растерянно поведив по сторонам воловатым взглядом.

- Вот, директор птицефабрики «Голосистый петух» Петухов Иван Иванович вчера внёс дельное предложение, – метнув строгий взгляд, на

застывшего в стойке, члена бюро, произнёс секретарь райкома, – давай Петухов, мы тебя слушаем.

« Какое предложение? – лихорадочно попытался пройтись по полочкам памяти воспалённый мозг. – Он начал вспоминать все переговоры с секретарем райкома за последнюю неделю, телефонные и личные, но ничего соответствующего данному моменту на ум не приходило. – Что же я ему обещал, неужели он говорит о той договорённости, что они обсуждали два дня назад. Секретарь райкома предложил / замет, уважаемый читатель, не приказал, а предложил, но твёрдо, то есть отказать было невозможно / обеспечивать всех работников райкома куриным мясом к ноябрьским праздникам по сниженным ценам. Но эта договорённость не для общего обсуждения.- Туго раскручивал мозг директора, но так как ничего в его извилины другого не поступало, Петухов заикаясь от волнения промямлил:

- Если вы о тех ку- ку-рах Пётр Сергеевич, то с ними всё в по-полном порядке.

- Ты что Петухов пьяный что ли? О каких курах?! – прорычал секретарь, – я как раз не о курах, а об утках, которых вы с директором треста Диким пообещали развести в нашем районе. Или у тебя память отшибло?

И вдруг память Ивана Ивановича, с точностью до последнего слова / видимо от страха /, стала воспроизводить вчерашние события. Он вспомнил, как кричал вчера: «Утки будут» и как после его вскриков покраснел от злости директор треста Дикий Тит Владимирович. А сейчас он понял то, что если согласится разводить уток, то попадёт в почти безвыходное положение. / Я думаю, настало время разъяснить тебе дорогой мой читатель, почему же с таким ужасом работники птицеводства представили себе разведение уток в данном районе. И почему это разведение так радовало мстительного секретаря райкома. Дело в том, что утка водоплавающая птица и ей нужен водоём: озеро или пруд, и в отличие от курицы сидеть в клетке не

приспособлена. Ещё и по тому, что у неё перепончатые лапки, и они очень болят при соприкосновении с проволочным полом клетки./ Представив все эти трудности, Петухов, покраснев под строгим взглядом секретаря, промямлил:

- Но ведь это не возможно, разводить уток без водоёма и в клетках.

- Значить вчера было возможно, а сегодня нет! – Стукнул кулаком об стол Пётр Сергеевич. – Ничего справитесь, у тебя там Бажков сильно умный, даже через чур. А мы, члены бюро, проследим за выполнением данного новшества. Кто за данное предложение, прошу голосовать!

Члены бюро, в предвкушение вкусной утятины на своём праздничном столе, проголосовали почти единогласно, Петухов, под пристальным взглядом секретаря, то же медленно поднял руку. Воздержался только Медведев, директор соседнего с птицефабрикой совхоза.

На том заседании бюро райкома Цементно – Шиферного района было закончено.

4

Уткин Игнат Игнатович проснулся поздно, почти к обеду, сказала разница в часовых поясах, в Москве в это время было около восьми утра. Как он попал в эту мягкую белоснежную постель, московский гость не помнил. Но события прошедшего дня в его мозговом центре постепенно проявлялись, ему частенько приходилось путешествовать по стране по различным областным трестам, и к последствиям заключительных застолий его организм привык. Поэтому основную часть вчерашнего консилиума, по увеличению продукции птицеводства, он помнил. И лишь заключительная выпала из головы, выбитая последней рюмкой водки.

Директор треста Птицепром «Ни пуха, ни пера» Дикий Тит Владимирович, затащив вчера вместе с шофёром московского гостя в гостиничный номер, приехав домой, долго не мог заснуть, обдумывал сложившуюся ситуацию. Это на первый неопытный взгляд утиный вопрос казался пустяком. Развел уток, и дьявол с ними пусть живут. А если подойти к этому вопросу с научной, зоотехнической точки зрения, то этот утиный приварок, несомненно, поставит птицефабрику в сложное положение, возможно даже приведёт к финансовым убыткам и в конечном итоге понизит хорошие показатели треста в целом.

К тому же Тит Владимирович не без умысла направил на птицефабрику Бажкова Алексея Николаевича. Ему не нравился директор Петухов, всегда пляшет под райкомовскую дудку, собственного мнения не имеет. И птицефабрика уже начала снижать показатели, да во время сынок секретаря ушёл в директора. И с Бажковым он Дикий не просчитался, с его приходом в хозяйство дела быстро пошли в гору. Вот он будущий директор.

Знал ли об этом секретарь райкома или нет, но он точно ударил в самое больное место всех замыслов Тита Владимировича.

«Нужно завтра во время остановить Уткина, что бы он не успел позвонить о найденных резервах в Москву, – засыпая подумал Тит Владимирович, – а здесь в обкоме, я постараюсь доказать несостоятельность данного предложения».

Но исполнить задуманное ему не удалось, помешало выпитое спиртное и долгие ночные рассуждения, обременённый этими причинами, Тит Владимирович проспал и пробудился одновременно с московским гостем. Позвонить не представлялось возможным /я уже говорил о том, что сотовых телефонов ещё не было / и пока он одевался и вызывал машину прошло не мало, для того ответственного вопроса, времени.

Игнат Игнатович тем временем, поднявшись с гостиничной постели, слегка ещё одурманенный вчерашней выпивкой, направился в душ и стоя под ласкающими струями теплой воды, обдумывал произошедшие накануне события:

« Вот как хорошо всё складывается, резервы обнаружил, да ещё и новшество с утками преподнесу своему руководству, – ликовала его душа, и так же, как вчера Петухов кричал «Уткам быть», душа Игната Игнатовича радостно завопила: «Отделу Утки-селезни» быйтть». Уткин, контролируя тресты «Птицепром» сам в хозяйствах никогда не работал, устроился по благу сразу в министерство, поэтому представления не имел, какую птицу-куда можно размещать.

Выйдя из душевой, Уткин заметил на столике телефонный аппарат, посмотрел на часы, было девять часов утра московского времени. В министерстве уже все преступили к выполнению возложенных на них обязанностей.

«Чего томиться, позвоню-ка я начальнику республиканского треста, отчитаюсь за проделанную в короткие сроки, плодотворную работу».

Подошел к телефону набрал номер оператора. /В то время ещё не было прямых телефонных вызовов и все звонки шли через оператора/
- Слушаю вас, – произнёс ленивый голос с того конца провода.

Уткин представился и назвал номер московского министерства, голос на том конце провода, при упоминании Москвы и министерства, вдруг проснулся и приобрёл металлический оттенок робота-автомата, отчеканил:

- Немедленно соединяю!

В трубке пощёлкало, поскрипело и с той стороны, надо полагать из самой Москвы, донесся начальственный бас министра:

- Слушаю.

- Здравсти Василий Петрович! – Преданно – льстиво залепетал Уткин.

- А, это ты Уткин?- несколько разочаровано пробасил министр, – ну как ты там с резервами, обнаружил или опять пьянствуешь с местным начальством?

-Ну, что вы Василий Петрович, обнаружил, да ещё какие. На птицефабрике Энской области, треста «Ни пуха, ни пера», будут выращивать уток, прямо в клетках, как кур, вот мяса-то будет, тьма!

Василий Петрович, в отличие от Уткина, прежде чем стать министром, прошёл все ступени руководителя в данной отрасли, начиная с простого зоотехника цеха, и в содержании птицы разбирался хорошо.

-Послушай Уткин, а вы случайно вчера с директором этой птицефабрики водку не жрали?- возмущенно спросил он.

-Что вы Василий Петрович, это предложение одобрил даже секретарь местного райкома партии.- Выпалил Игнат Игнатович.

От этой новости в мозгах министра, что-то оборвалось:

«Ну, раз вмешался секретарь райкома, пиши – пропало», - горестно подумал Василий Петрович, он вспомнил, что вот так же, в районе крайнего Севера, руководители « Птицепрома» и партийное руководство района, под пьяную лавочку, решили разводить на Севере страусов. И сколько он ни протестовал, всё было бесполезно, так как это предложение было утверждено на бюро райкома. Страусы же в лютый мороз решили спрятать свои головы в снег, видимо подумав своими птичьими мозгами, что это песок и решили погреться, да так и околели все, до единого, стоя. И сейчас представив себе, уток сидящих в клетках, он зябко поёжился и молча положил трубку.

Игнат Игнатович этот поступок руководства принял, как молчаливое согласие с выдвинутым предложением, и довольно потирая ладони, двинулся к выходу, но до двери дойти не успел, она резко открылась, и в комнату ввалился директор треста Дикий Тит Владимирович.

- В Москву звонил?- С порога прокричал он, тяжело дыша от быстрой ходьбы и подъёма по лестнице, комната размещалась на третьем этаже.

- Да уже доложил! – Ничего не понимая выпучил глаза Уткин.

- Ах, ё... т... м..., что же ты натворил!!!

- А чего особенного произошло, министр со мной согласен.

-Это ты как определил? – Спросил ехидно Тит Владимирович, – он хорошо знал начальника республиканского треста и не мог себе представить, как тот мог согласиться с такой аферой.- Ну-ка набирай снова Москву!

В считанные минуты телефонные провода соединили столицу с далёкой Сибирью.

- Алле, – проямлил Игнат Игнатович

-Это опять ты? - Пробасила трубка и уже хотела послать Уткина куда подальше, но дальше Сибири ехать было некуда. В это время аппаратом завладел Тит Владимирович, поздоровавшись, изложил всё произошедшее подробно и в конце, с надеждой, спросил:

- Что же теперь делать?

- Не знаю, выкручивайтесь сами, я с партийными органами ссориться не намерен, – трубка щёлкнула и замолчала.

Тит Владимирович ещё раз крепко выругался и, глядя на Уткина, так как глядит виноградарь на слизняка, процедил сквозь зубы:

- Всё хватит ни куда мы больше не поедем, – имея большие заслуги в сфере птицеводства, он мог себе позволить, так разговаривать с начальником отдела министерства, кроме того почувствовал из разговора с министром, что отелу этому, а так же его начальнику скоро, как говорится наступить «каюк».

- А как же птицефабрика «Куриный задохлик»? - Ещё на что – то надеясь, пролепетал Игнат Игнатович.

- Хватит нам резервов, с этими хотя бы удалось справиться, - Тит Владимирович осознал то, что с секретарём Цементно – Шиферного района он промахнулся и усугублять сложившиеся враждебные отношения, подставляя его сына, не нужно. Посадил московского гостя в свою машину и отправил в аэропорт. А сам направился в контору треста искать хотя бы, какой то выход из сложившегося положения. До вечера совещался со специалистами треста, подготовил документы доказывающие невозможность осуществления поступившего предложения, и со словами: «Утро вечера мудренее» отправился домой отдыхать, с твёрдым намерением пойти утром в Обком, к секретарю курирующему сельское хозяйство области.

Но было поздно. Наутро его к десяти часам вызвал сам, первый секретарь Обкома, он ранее занимался угольной промышленностью области и в сельском хозяйстве разбирался плохо, ему было всё равно, где и кого разводить, уток ли гусей, главное, чтобы было мясо. Тит Владимирович хотел заручиться поддержкой секретаря по сельскому хозяйству, но тот уехал в Москву по неотложным делам.

Время секретаря Обкома Коммунистической партии, Владимира Никитовича Вяземского ценилось дорого, он сам не любил разводить бесполезные дебаты и от подчинённых требовал в своих докладах излагать только суть.

День его был расписан по минутам и все кого он приглашал на приём, минута в минуту к назначенному времени должны были заходить в кабинет. Ровно в десять часов перед директором треста «Птицепром» Диким Титом

Владимировичем секретарша со словами: «проходите, пожалуйста», распахнула дверь.

Тит Владимирович по делам птицеводства в основном встречался с секретарём Обкома по сельскому хозяйству, с первым же ему приходилось видеться изредка, на каких – ни будь общих обкомовских мероприятиях, да один раз в год при объезде работниками Обкома хозяйств области. Тем не менее, Владимир Никитович вышел из-за стола и по расстеленному мягкому ковру двинулся навстречу директору треста, /секретарь по сельскому хозяйству докладывал о стабильной, хорошей работе треста/ пожал руку и после того, как они уселись, каждый на положенное ему место, сразу приступил к делу.

- Тит Владимирович, я слышан о ваших успешных делах, конечно, мне некогда заниматься в упор делами сельского хозяйства, область всё же промышленная, мне хватает угольщиков и металлургов, но в обкоме есть, кому уделять вам внимание, сельхоз отдел свою работу знает.- Начал свою речь первый.

«Что-то не совсем понятно, заниматься нами некогда, а таким пустяком, как эти проклятые утки, заняться нашел время», – думал про себя Тит Владимирович, но он ошибся.

- Я слышан, – продолжал секретарь, – что вы внедряете в своём производстве автоматику и электронику, и очень поддерживаю такие новшества, надо как можно скорее искоренить во всех производствах тяжёлый труд. Мы сейчас начали торговать углём и металлом с капиталистическими странами, и я договорился с германскими партнёрами о том, что бы они изыскали возможность продать нам своё птицеводческое оборудование. Поэтому, не откладывая этого дела, как говорится, в долгий ящик, передавайте свои дела заместителям и завтра утречком на Москву. А

от - туда напрямик в Германию, и доводите партнёрские дела с немецкими производителями до ума. – Заключил свою речь секретарь.

Тит Владимирович в душе ликовал, а как же, иначе: «Не было ни гроша, да вдруг алтын»

Разговор был окончен и Дикий собрался уже уходить, как вдруг на столе секретаря Обкома зазвонил один из множества телефонов. Владимир Никитович не всегда поднимал трубку звонившего телефона, за него это делала секретарша и, определив, что с данным абонентом разговор необходим, соединяла его с секретарём, а необязательные переговоры направляла в отделы по назначению. Звонивший телефон осуществлял прямую связь Обкома с первыми секретарями райкомов партии и Владимир Никитович поднял трубку:

- Добрый день Пётр Сергеевич! – произнёс секретарь Обкома.

Услышав это имя, Дикий догадался, что звонит секретарь Цементно – Шиферного района и у него похолодело в животе.

« Вот тварь, сейчас всё испортит, как же я не успел во время выйти из кабинета», – лихорадочно застучало в голове директора треста. – Так всё хорошо начиналось.

- Предложение? Какое? – Продолжал разговор Вяземский. – С Диким? Он как раз у меня. Сейчас включу громкую связь, и обговорим совместно это предложение. Докладывай, – и он нажал клавишу громкой связи.

- Это хорошо, что он у вас, – полилось из репродуктора громкой связи, – Дикий привет, - как бы издеваясь, произнёс Пётр Сергеевич, – и продолжал. – Мы позавчера встречались в моём районе с представителем республиканского треста Уткиным, директором треста Титом Владимировичем и директором нашей птицефабрики и решили: хватит кормить шахтёров одним куриным мясом, уже приелось, пора развести в области уток. Вот и начнём с нашей птицефабрики. Вчера на бюро райкома

утвердили это предложение. Я хотел доложить секретарю по сельскому хозяйству, но его на месте не оказалось, вот докладываю вам.

« Вот подлец, бьёт со знанием дела, всё продумал, – застучало в голове Тита Владимировича, – знает, как уважительно относится секретарь обкома к шахтёрам, сам бывший директор треста угольной промышленности, он к шахтёрам и их труду относился с благоговением, готов был каждого посадить в президиум любого съезда КПСС. Рассказывали такой случай: однажды в области произошла страшная беда, на одной шахте произошёл обвал породы, и завалило тридцать горняков. Когда Вяземскому сообщили об этом, он бросил все дела и помчался на эту шахту, за двести километров и, прилетев туда, сам, готов был, кинутся на спасение горняков, ели удержали. А когда их извлекли и, семеро шахтёров оказались мёртвыми, Владимир Никитович ездил к семьям погибших, плакал вместе с ними и просил у них прощения». – Всё это в одно мгновение пронеслось в голове директора треста.

- А что же ты Тит Владимирович, ничего мне не сказал? – Спросил с укором Вяземский.

- Так он у нас скромный, - подначивал Пётр Сергеевич.

- Ну, скромность тут не к чему, молодцы, хорошо придумали, будет хоть какое – то разнообразие в питании нашего трудового народа.

Тит Владимирович хотел возразить. Потянулся уже к портфелю с приготовленными по данному вопросу бумагами, но рука сама по себе опустилась, не достигнув ручки портфеля. А зря, Вяземский хоть и плохо разбирался в вопросах птицеводства, /ему в принципе это было и не к чему/но был разумным человеком и скорее всего, понял бы тревогу директора треста, но Дикий ничего больше не сказав, распрощался с секретарём Обкома, и, приехав в свою контору, забросил эти бумаги в мусорную урну. /Как же так! - возмутишься ты, мой дорогой читатель.

Подожди с выводами – ты был, когда - ни будь, в кабинете секретаря обкома партии? Нет! Ну вот видишь, а берёшься судит директора треста Дикого. Эти огромные хоромы кабинета, знамёна, расставленные за спиной секретаря, большой бюст В.И. Ленина и серьёзное лицо владельца кабинета, не терпят возражений или отказов. Тем более, что тебя отправляют прямиком в Германию /.

6

На другой день после заседания бюро райкома партии, директор птицефабрики «Голосистый петух» Петухов Иван Иванович, проснулся рано, голова ещё побаливала после позавчерашней встречи, а при упоминании о вчерашнем бюро, в животе становилось холодно, и ноги начинала сводить судорога:

«Что же теперь делать?» – билась в голове тревожная мысль, Петухов по натуре был консерватор и всё новое воспринимал с огромным трудом, чаще вообще не воспринимал. Он особенно не вникал в тонкости производственного процесса и не совсем представлял себе, какая беда его ждёт с нововведением на птицефабрике, но в голове постепенно нарастала тревожная мысль о том, что разведение этих паршивых уток вылезет для экономических показателей, многие годы работающей хорошо птицефабрики, « боком»

«Что я скажу своим специалистам? – Лихорадочно билось у него в мозгах . – Что подумает главный технолог Бажков о нём, директоре, то, что этот директор выжил из ума».

Петухову одновременно нравился его новый заместитель, и в то же время он его побаивался, скорее не его как личности, а его способности управлять производством, он настолько разобрался в делах хозяйства, что

порой на совещаниях партийно-хозяйственного актива многие руководители принимали Бажкова за директора, а его Петухова за его заместителя.

« Хорошо, что секретарь райкома Устинов на моей стороне, а то бы директор треста Дикий быстро поменял нас местами,- думал Иван Иванович, – да к тому же очень заметно, что секретарь невзлюбил Бажкова. Вот и дьявол с ним с этим технологом, пусть выкручивается из создавшегося положения, раз он такой умный, в конце – концов, это его проблемы разрабатывать технологию хозяйства. Но в то же время, директор то я, и в конечном итоге за все показатели спросят с меня то же».

Так и не успокоившись, Петухов наспех оделся, не стал завтракать и двинулся в контору, в свой кабинет, в нём сидя за дубовым столом, директор чувствовал себя в безопасности, как танкист, сидя в своём танке.

-Нина, – позвал он секретаршу по громкой связи, – пригласи ко мне всех главных специалистов на совещание, немедленно.

В душе Иван Иванович был трусоват, перед всеми вышестоящими руководителями был, как говорится «ниже травы, тише воды». А вот своим подчинённым умел закрутить «гайки», как он любил выражаться. Не стеснялся напомнит, что он давно работает, и что он член бюро райкома партии и секретарь райкома его приятель.

Ничего не подозревавшие крамольного, главные специалисты, бистро заполняя свои места в кабинете директора, дружно обсуждали всякие пустяки, «откалывая» различные шутки в адрес друг друга.

Собрались. Совещание началось.

- Ну, вот что, товарищи, /здесь я вынужден напомнить, что мы говорим о том времени, когда господ ещё не было. А хозяйства все планировали своё производство и финансовые результаты его работы/ позавчера у нас прошло производственное совещание, совместно с секретарём райкома Петром Сергеевичем, директором треста Титом Владимировичем и, заведующим

отделом республиканского треста, Уткиным Игнатом Игнатовичем. На нём было принято деловое предложение по дальнейшему наращиванию продуктов птицеводства и развитию нашей птицефабрики.

После произнесённых слов главные специалисты насторожились.

- И какое же это предложение? – вспомнив секретарское похлопывание по плечу и загадочное «ну, ну» произнесённое им при посещении птицефабрики, встревожено спросил технолог Бажков.

- Мы теперь будем разводить с вами уток! – твёрдо заявил директор.

- Куда разводить, по углам, что ли? – не совсем удачно пошутил прораб Поддубняк, он это произнёс тихонько, для сидящих рядом, но Петухов услышал.

- Не по углам, Поддубняк, а на птицефабрике, на мясо, шахтёрам курятина надоела.

- А где же мы возьмём озеро?- озабочено спросил главный ветеринарный врач Козлевич, – или с завтрашнего дня будем делать пруд.

- Нет, озера и пруда у нас не будет, будем уток разводить в клетках, как кур.

- Всё, накрылся годовой план «медным тазом», - констатировал последствия этих новшеств, главный экономист Дудкин.

-Это какой же умник внёс это предложение? – раздраженно спросил Бажков, – наверное, долго думал, и скорее всего сидя на горшке.

- Я бы попросил не умничать, – строго отчеканил Петухов, – предложение внёс секретарь райкома Устинов Пётр Сергеевич, и я не позволю всякие пошлые выражения в его адрес!

- Ну, тогда всё понятно, – обреченно протянул технолог Бажков, – уж если партия решила реки развернуть вспять, /такое предложение действительно рассматривалось в кабинетах ЦК КПСС/ то вырастить уток в клетках для неё, раз плюнут.

- Не нужно ёрничать в адрес Коммунистической партии, товарищ Бажков, вы ведь являетесь её членом то же, – назидательно, как член бюро, увещевал Иван Иванович.

- Я может быть и член её, с ваших слов, но такие тупо – безграмотные предложения ещё ни разу к исполнению не приводил.

- Ничего приведёшь, ты ведь у нас в сфере птицеводства «дока».

- Скажите Иван Иванович, неужели и директор треста Тит Владимирович поддержал это безумие? – Не отступался технолог Бажков.

- А какое это теперь имеет значение, вчера данное предложение было утверждено на бюро райкома партии. Так, что уважаемый Алексей Николаевич приложи все свои знания и умение и иди выполнять, поставленные нашей партией, задачи. Всё совещание окончено! – Заключил Петухов, – и никаких возражений, по данному вопросу, я, больше слышать, не намерен!

7

/И так, уважаемый мой читатель переходим, вместе со специалистами птицефабрики «Голосистый петух», к решению этого утиного вопроса и посмотрим, что же из этой затеи, в конце – концов, получится /

Директор треста Тит Владимирович, приехав в Москву, сразу направился в республиканское министерство птицеводства. Василий Петрович, начальник республиканского треста «Птицепром», принял его сразу, он уже был в курсе связей секретаря обкома Энской области с иностранными фирмами и несколько униженный тем, что связи эти шли не через него, пожав Дикому руку смущённо пробасил:

- Вот видишь, что уголь и металл делают, любые вопросы можно решать. Тебе повезло, скоро выведешь все птицефабрики на высшей уровень

автоматизации, к тебе учиться будем ездить. Пойдём в столовую пообедаем, через четыре часа у тебя самолёт, билет до Берлина я тебе заказал.

И уже сидя за столом министерской столовой, министр с иронией спросил:

- Это ты придумал в клетках выращивать уток?

- Да ты, что, – опешил Дикий, – ты ж меня давно знаешь, неужели я, в твоём понимании, совсем одурел!

- Ладно, успокойся, я пошутил. Мне Уткин всё рассказал, чую, насолил ты местному секретарю райкома, теперь, что делать то будешь.

- Пока не знаю, там на той птицефабрики специалисты хорошие, что ни будь, придумают. Думаю, достанется им, как говорится «на орехи», под главного технолога секретарь райкома яму роет, а я хотел его директором сделать, если выдержит эту утиную эпопею, обязательно сделаю.

- Ладно, чем могу помогать буду, но ты на меня сильно не рассчитывай, сам понимаешь, что я с Центральным Комитетом рядом сижу, им меня скинуть, особого труда не представляет. Хотел я Уткина выкинуть из министерства, но подумал, не буду, пусть курирует утиный вопрос, нужно же кому то отвечать в конечном итоге, если бы он был в своём уме, сумел бы возразить секретарю.

И сделав паузу, спросил. Глядя в глаза Дикому:

- Водку, наверное, жрали?

- Как всегда, в таких случаях, – не стал отпираться тот.

- Ну, вот похмеляться теперь долго будете. Ты вот что, позвони этому технологу с птицефабрики, пусть едет в Москву, я дал поручение Уткину, что бы он помог найти в стране племенное утиное яйцо, он поможет этому. Как там его?

- Бажков Алексей Николаевич.

- Вот, вот этому Бажкову, приедет, посмотрю, если он мне понравится, заберу в министерство.

- Не нужно этого делать, только испортишь, с него получится отличный директор.

- Ладно, посмотрим. Иди тебе пора уже, утковод несчастный, - и он залился басовитым смехом.

Уже через два дня, после этого разговора, Бажков А. Н. был в Москве, в кабинете Уткина Игната Игнатовича, правда, в этом кабинете сидели ещё две дамы с умными, похожими на мраморные маски лицами. Их столы стояли впритык друг к другу и, если протянуть руки, можно свободно через эти столы поздороваться за руку.

- Это специалисты отдела «Утки-селезни» Мария Филипповна и Евгения Степановна, – представил Уткин своих коллег. Коллеги, как говорится, и бровью не повели, для них Бажков был обычный абориген с периферии, приехавший бить челом к высокому начальству. Они и представить себе не могли, того, что если бы не было этих аборигенов, то и министерства бы не было, как такового. В их представлении всё, что находилось не в Москве, возникало по их милости и не иначе. Вот так, вышел министр на балкон, махнул кистью руки, как сеятель, и родились тысячи периферийных хозяйств, а он, затянувшись сигарой, милостиво разрешил им существовать.

Уткин обзвонил все тресты «Птицепрома» Советского Союза и, в конечном итоге, нашёл племенные яйца для выведения утят /уважаемый читатель, я ещё раз напоминаю тебе, что утки, так же как и куры и даже гуси, выводятся из яиц в инкубаторе, а не в родильном доме./ Эти яйца находились в хозяйстве Эстонии, и для окончательного согласования по их стоимости и количеству, перечисленные выше трудящиеся, находящиеся в кабинете отдела «Утки – селезни», ожидали звонка из Эстонского треста.

/Хочу напомнить и то, что звонки осуществлялись через оператора, и восстановление связи между республиками порой производилась довольно длительное время, оператору приходилось добиваться этой связи часами/

И вот он, долгожданный звонок, телефон зазвонил на столе Марии Филипповны, она подняла трубку, звук голоса с той стороны, в напряжённом ожидании тишине, был хорошо слышен всем:

- Алле, эт-то Евгения Степановна? – Вопросил с той стороны прибалтийский говорок. И хотя все находившиеся в кабинете поняли, что звонит нужный им человек, Мария Филипповна, не меняя маски фараона на своём каменном лице, отрубил:

- Нет, это не Евгения Степановна, вы ошиблись, – и жестом железнодорожного шлагбаума опустила трубку на телефон.

Бажков А. Н., вылупив глаза, некоторое время не мог сообразить, что же произошло, затем вскочил со стула и, размахивая руками, возмущённо гаркнул:

- Вы, что наделали!? – Реакция на его возмущение имела обратный, от желаемого, эффект.

- Вы, что здесь разорались, – возмутилась Анна Филипповна, – здесь вам не колхозная ферма. Вы у себя на конюшне будете кричать на конюха.

Бажков обратил свой взор на Игната Игнатович, в надежде на поддержку и немедленную выволочку, своей подчинённой, но тот, опустив глаза в лежащие на столе бумаги, сделал вид, что он очень занят и ему не до разборок телефонных звонков.

В кабинете снова повисла тишина напряжённого ожидания. На другом конце телефонного провода, видимо неотступно, длительное время пробивались к нужному в данной ситуации, человеку. Наконец, примерно, через полтора часа на столе Евгении Степановны зазвонил телефон. Та степенно отложила ручку и журнал, в котором она ставила какие-то

закорючки, в сторону, и опять, так же, как Мария Филипповна, повторяя жест железнодорожного шлагбаума, произвела манипуляцию с телефонной трубкой, только теперь в обратную сторону.

- Эт –то Евгения Степ-пан-новна? – Снова, с того конца, осторожно спросил мягкий прибалтийский голос.

- Да, это специалист республиканского треста Евгения Степановна, – как бы переплюнула через губу Степановна. – А вы из Эстонского треста? – Дипломатично спросила она, хотя всем сидящим в кабинете, это давно стало ясно.

- Ттаа, – ответила трубка, – и тут же перешла к делу, называя количество яиц и их цену, услышав последнее, Бажков поёжился, стоимость превышала все предварительные расчёты в четыре раза. К тому же нужно будет заплатить стоимость рейса самолёта, осуществляющего доставку этих яиц в далёкую Сибирь.

« Прав был экономист Дудкин, – думал Бажков, – если так пойдёт дальше, о прибыли в текущем году нужно будут забыть».- Он еще не совсем догадывался, каким боком выйдут ему эти утки. Пока это были цветочки – ягодки впереди.

Оформив все нужные бумаги в министерстве, Алексей Николаевич собрался уже ехать в аэропорт, как вдруг Уткин сообщил ему, что Бажкова к себе приглашает министр Василий Петрович.

« Зачем я ему понадобился? – Думал он, шагая по коридору в направлении кабинета министра, – делать ему нечего что – ли, кто он такой Бажков, чтобы министр тратил на него, простого технолога, время».

А дело всё было в том, что Василий Петрович был сибиряк, который своим умом и умением работать, добился такого высокого положения. И когда он слышал, что кто-то приехал в министерство из Сибири, сердце его таяло, он тут же представлял себе, что прибыла, наконец, в эту

высокомерную Москву родственная душа. И он, не упускал случая повстречаться, поговорить с этой душой, как бы погреться теплом родного края.

Бажков никогда не бывал в столь высоких министерских палатах и не разговаривал ранее не только с министрами, но и с представителями областной знати высшего эшелона. И чем ближе подходил к кабинету министра, тем сильнее у него холодело под «ложечкой». Симпатичная секретарша средних лет, приветливо улыбнувшись, проводила его до двери кабинета, и ободряюще махнув головой, открыла её.

Алексей Николаевич, ожидавший увидеть толстого, угрюмого индивида, сам нахмурившись, ссутулившись перевалил порог кабинета, но подняв глаза на шедшего навстречу министра, тут же выпрямился и неожиданно для себя заулыбался. Навстречу ему, протянув руки для приветствия, шел спортивного телосложения человек, с широкой ясной улыбкой, которая бывает только при встрече с самыми близкими родственниками.

- Ну, проходи, садись, – сразу на «ты», басил Василий Петрович, – немного о тебе наслышан, мне тут Дикий кое-что изложил о ваших делах.

Поговорили, больше министр задавал вопросы, а Бажков отвечал на них, секретарша принесла кофе, попили и вдруг Василий Петрович доверительно спросил:

- Слышал, попал, ты брат, в жернова, между райкомом и трестом? - И сделав паузу, предложил. - Хочешь я, одним росчерком пера, вытащу тебя из этой ситуации. Иди работать в министерство на место Уткина, иначе ничем вам не помогу, против партии не попрёшь.

- Нет, не могу, мне ещё рано о министерствах думать, да и не смогу я здесь, странные у вас какие-то люди работают. – И он прямо, по простоте

душевной рассказал о случившемся инциденте с телефонным разговором, - это же надо, на расстоянии вытянутой руки не подать трубку сидящему рядом специалисту, которого спрашивают, бог его знает, из какой дали.

Но к его недоумению, данный рассказ не вызвал на лице министра удивления:

- Я поначалу сам очень возмущался такому отношению в кабинетах министерства, но потом понял, что таким образом министерские московские «клерки» пытаются показать свою значимость периферийным республикам и трестам, передай трубку сразу, сложится впечатление, что набились здесь все в одном кабинете, как селёдка в бочке. А так представляется, что каждый, даже не значительный специалист сидит в отдельном кабинете. – Изложил он свою версию происходящего.

- Ну, так как, пойдёшь ко мне работать или нет? – Помолчав, снова спросил Василий Петрович.

- Нет! – Твёрдо поставил точку на этом вопросе Божков.

- Ну, наверное, ты прав. Давай, брат, будем прощаться, время деньги. Удачи тебе во всём, туго будет, приезжай место тебе найду всегда.

8

И вот, наконец, заплатив крупную сумму за племенные яйца и за самолёт, доставивший их на сибирский аэродром, Бажков вместе с озвученными предметами прибыл на родную птицефабрику.

Все специалисты собрались в инкубаторе, что бы взглянуть на эти драгоценные, по цене соответствующие золотым, утиные яйца. Не обнаружив ничего, сверх естественного, в них, разочарованно вздохнув, хотели уже расходиться. Но всех остановил заданный главным технологом вопрос:

- А что же будем дальше делать с намеченной на год производственной технологией? Придётся в связи с возникшей ситуацией её полностью ломать? Сейчас нужно будет в не очереди заложить в инкубационные шкафы эти утиные яйца, в связи с чем, из технологии выпадает целый птичник, тридцать тысяч, кур-несушек, а с ними и прибыль которую должны были получить за реализацию яиц от этих кур.

От этих слов, экономисту Дудкину стало плохо, он, схватившись за грудь в области сердца, медленно опустился на пол, ветврач Козлевич схватил стоявший на столе графин с водой, окатил Дудкина, с расстройства, с головы до пят, тот очнулся, но с пола подыматься не стал.

- Кроме того, – продолжал развивать тему Бажков, – утят нужно будет посадить в корпус, в котором по технологии должны размещаться цыплята, выращиваемые на мясо, значить это мясо не будет реализовано по ранее заключенным договорам.

После этих слов плохо стало заместителю директора по реализации продукции Мясоедову, и он оказался рядом с экономистом Дудкиным, на полу.

/Уважаемый мой читатель, обещаю тебе, что больше на пол укладывать ни кого не буду, по причине того, что места всем может не хватить, да и пол недостаточно стерилен, чтобы лежать на нём без последствий для своего здоровья. /

В общем, до всех начинало доходить, во что выльется содержание этих якобы безобидных уток, для бюджета птицефабрики. Однако для тех, кто остался на ногах, а не на полу, дальнейшие события выльются в ещё большие непредвиденные страсти, лучше бы они сразу ахнулись на пол, вместе с экономистом и заместителем. Но чтобы избежать дальнейшего падения, все быстро разошлись по своим рабочим местам./ Здесь необходимо заметить, что падёж специалистов происходил не только от того, что они беспокоились

о бюджете хозяйства. Конечно и это тоже, но при выполнении плана птицефабрикой по прибыли, каждый из них получал премию в размере двенадцати месячных окладов. Не выполнишь, останешься с носом, то есть с пустым карманом./

Скоро, как говорится, сказка сказывается, да не скоро дело делается. Но, по прошествии двадцати одного дня, в инкубаторе, вывелись, наконец – то, маленькие утятки. Жёлтенькие комочки с серыми полосками вдоль спины, с чёрненькими широкими носиками, они вызвали необычайный восторг у операторов инкубатора и специалистов, вновь собравшихся, чтобы посмотреть на чудо, пока ещё не в перьях, а в пуху. Надо сразу сказать, что восторг на этом и закончился, утят попытались занести в корпус, чтобы разместить в трёх ярусных клетках, предназначенных для цыплят, и с этого момента восторг сменился кошмаром.

/Прости меня, уважаемый читатель, но я вынужден для ясности обратиться к физиологии утят и цыплят, чтобы ты понял, в чём разница. Цыплята приспособлены сидеть в клетках, пол которых изготовлен из проволоки, они спокойно обвивают пальцами ног эти прутья и как все птицы в этом не испытывают неудобств, а у уток на ножках перепонки, как у лягушек и они не могут переносить жесткие прутья, которые впиваются в их ножки./

У входа же в корпус, который был предназначен для расселения утят, вдруг неожиданно возникло препятствие в образе птичницы работающей в нём. Брадаускайте Регина Войцеховна по национальности была эстонка. И хотя большую половину, своей жизни провела в России, но педантичность прибалтийского жителя сохранила и скрупулёзно выполняла все правила по уходу за животными и птицей. Кроме того ей оставался один год до выхода на пенсию, и она не хотела потерять репутацию передового производственника, звание которого было зафиксировано на особом

дипломе, который ей вручил недавно профсоюзный председатель со словами:

- Дай бог вам Регина Войцеховна, здоровья и хорошей пенсии в будущем.

После этих слов Регина Войцеховна хотела приложиться к его руке, но он руку отдернул и чуть слышно пролепетал:

- Ну, ну, не до такой же степени будет хороша пенсия.

Так, вот умудрённая опытом, и обременённая регалиями передовика производства, эта трудяга, руки которой от тяжёлого многолетнего труда опустились ниже колон, встала на пути процессии, пытавшейся занести этих злополучных утят в её корпус.

- Куда, не пущу, я, что буду делать с ними! У меня дома утки и я им корм даю вместе с водой, они же от рождения достают пищу из воды. А что они будут делать в клетках, корма сухие, кормушка впереди клетки, а поилка сзади, пока они развернутся к воде, подавятся комбикормом. А потом как они будут ходить по проволочному полу, у них же нежные перепонки. Нет и нет, что хотите со мной делайте.

Конечно, можно было поменять птичницу, найти такую, которой всё равно, как будут, есть и ходить утята, но расчёт-то, как раз и был на опыт и добросовестность именно этой птичницы.

Все специалисты принялись уговаривать Регину Войцеховна, обещая ей в дальнейшем, помощь в работе и золотые горы в личной жизни. Всё было бесполезно, не держать же её силой. Положение спасла любовь к подопечным и большая ответственность в выполнении своих обязанностей, трудолюбивой птичницы.

- Регина Войцеховна, - обратился к ней главный зоотехник / он же технолог / Бажков, - а утятки то есть хотят, если их не покормить, они начнут того...

- Чего того? – Насторожилась Войцеховна.

- Умирать!

- Ах, чтоб вас... - махнула зло длинной рукой Регина, – заносите скорее, - и уже к утятам, – ах, вы, мои милые, какой же болван вас сюда приволок на погибель. - Знала бы она в каких крутых кабинетах сидят эти болваны... . Хотя, ей на них было наплевать.

- Так, Николаевич, - обратилась она к Бажкову, – везите со склада ко мне в корпус большой рулон бумаги, и поскорее.

- Это ещё зачем? - Удивился тот.

- Буду её резать и стелить в клетки. Везите скорей, а то выпущу утят на пол.

Бажков, прихватив с собой в помощь ветврача Козлевича и главного экономиста Дудкина, на машине «ветеринарная помощь» быстро метнулись на склад. Загрузили рулон бумаги в пятьдесят килограммов весом, не снижая темпов, доставили в корпус, где Регина начала ножницами вырезать из неё прокладки и стелить в клетки под ножки утят. Видя, что этот процесс может затянуться на долго, Бажков поехал в контору и мобилизовал весь бухгалтерский и планово-экономический отделы на помощь принципиальной птичнице. / в общем в воспитательный утиный процесс втягивалось всё большее число специалистов /. Через пару часов утята наконец-то были размещены на предназначенные для них места. Все облегчённо вздохнули и покинули это, не внушающее доверия, поле трудовой деятельности.

Ночью Бажкову снились утята, которые мирно плавали почему-то на волнах широких морских просторов, а они с ветврачом Козлевичем искали лодку, чтобы пригнать непослушных утят к берегу. Но лодку найти никак не удавалось и тогда, Алексей Николаевич, разбортовав колесо автомобиля, стоящего на берегу, извлёк из него камеру и на ней они с ветврачом,

неудобно разместившись, поплыли в море к утятам. Но налетевший вдруг ветер погнал их в другую сторону, прямо под идущий по морской глади огромный теплоход. На теплоходе их заметили и начали подавать сигналы протяжными тревожными гудками, но отвернуть от приближающейся махины никак не удавалось, и вот когда уже почти должна была произойти трагедия, Бажкову послышался далёкий призыв жены Любаши:

- Алёша, Алёша! – всё явственней звучал её голос, – Алёша, вставай с птицефабрики звонят, там что-то случилось!

В это время опять зазвонил телефон, Бажков поднял трубку:

- Алексей Николаевич приходите скорее на птицефабрику, Регина Войцеховна пришла рано утром, проверить состояние утят, зашла в корпус, но тут же выскочила как ошпаренная, сидит у входа плачет, - звонила дежурная с проходной птицефабрики.

Божков, забежал за ветврачом Козлевичем, тот был уже в курсе произошедшего, ему тоже звонили. Они быстрым шагом, как солдаты на марш броске, в несколько минут достигли злополучного корпуса. На вопрос: «Что случилось?» заплаканная Регина лишь махнула рукой. Специалисты, распахнув дверь, ввалились в помещение корпуса. То, что они увидели, повергло их с начала в шок, а затем в справедливую озлобленность против своего директора, членов бюро, секретаря райкома и еже с ними.

Вчерашние, красивые пушистики превратились в мокрых взъерошенных заляпанных комбикормом не узнаваемых и не понятных существ. По своему природному инстинкту, утята постоянно запивают пищу. А в связи с тем, что эта пища, в данном случае комбикорм, находилась впереди клетки, а поилка с водой сзади, утята, кидаясь туда-сюда расплескивая воду, размочили все бумажные прокладки и теперь, задрав лапки кверху, лежали на спине, предварительно промокнув и обваляв себя в комбикормах. В общем, всё произошло так, как предсказывала мудрая

птичница. Мужики вышли из корпуса и в растерянности уселись рядом с рыдающей Региной. Нет плакать они не собирались, но и что делать дальше не знали тоже.

И тут, как оказалось, кстати, появился прораб Поддубняк, ремонтировался соседний корпус и он шёл проверить, как продвигается работа.

- Чего, вы, тут рыдаете, умер, что ли кто? – как всегда с присущим ему юмором, осведомился он.

- Зайди в корпус, взгляни, веселиться не от чего, - сказал ветврач.

Через несколько минут Поддубняк вышел и, отпустив очередной анекдот, бодро заявил:

- Какого хрена, вы носы повесили, я знаю, что делать, убирайте бумагу из клеток. Часика через три в строительном цехе нарежут фанеру на прокладки, и я распорядюсь, их скоро привезут.

Специалисты обрадованно улынулись, / рано они радовались / птичница прекратила плакать и они все вместе, призвав на помощь ещё и бригадира, принялись извлекать из клеток промокшую бумагу.

Поменяли прокладки бумажные на фанерные, вроде бы стало по - лучше , но буквально через пять дней выяснилось, что помёт /это, как вы догадались, уважаемые читатели, отходы от съеденных кормом / через фанеру не проваливается, а накапливается под утятами и они начинают в нём тонуть. Прямо какое-то безвыходное положение. И что самое страшное, не выдержав таких напастей на своё маленькое тельце, эти утятки начинают того..., даже страшно произносить это слово, отдавать в потусторонний мир свою безгрешную душу. И никак, ни будь, а прямо массово.

У всех опустили руки. Бажков уселся на лавочку у дверей корпуса и сидел мрачный, ни с кем не разговаривал. Козлевич пошёл в аптеку и накатил сто пятьдесят граммов чистого спирта, с горя. Звал с собой Бажкова,

но тот не пошёл. Прораб Поддубняк пошёл бы с удовольствием, но зная, что ста пятьюдесятью граммами от него не отделаться, Козлевич его не позвал. А птичница Регина Войцеховна, вдруг вышла из злополучного корпуса и решительно направилась к проходной.

- Всё, «кранты», - подумал Бажков, но с места не встал, а продолжал угрюмо смотреть в одну точку.

Если немного включить воображение, то можно догадаться, о чём думал Алексей Николаевич: «Сейчас пойти бы в контору, в кабинет директора Петухова, вмазать ему как следует по физиономии, да пойти в аптеку, и присоединиться к ветврачу Козлевичу. А затем, выпив сто пятьдесят граммов чистого спирта, пойти в райком и выложить всё, что многие люди о его работниках думают». Вот примерно таков расклад был в голове обиженного технолога.

Сколько бы он ещё так просидел? Не известно. Но, услышавшийся цокот копыт и скрип тележных колёс, заставили поднять голову опечаленного технолога. То, что он увидел, необычайно его удивило и даже в некоторой степени развеселило.

К корпусу подходила лошадь, запряженная в телегу, на телеге были навалены все - различные тазики, противни и ещё какие-то принадлежности способные держать в своём существе воду. Лошадь под уздцы вела передовик производства, лучшая птичница на птицефабрике, Регина Войцеховна.

- Что это такое? – обратился с вопросом к ней Бажков.

- Всё Алексей Николаевич, хватит ваших научных экспериментов, с этого дня я буду выращивать утят по-своему. Иди, собирай народ в помощь и вези шланги, будем запускать воду.

Бажков хотел, что-то возразить, но за неимением своего предложения по решению данного вопроса, махнул рукой и пошёл исполнять

распоряжение знающего человека. Собрал всех специалистов, взял на складе шланги и, во главе этой ватаги, двинулся к злополучному корпусу. То, что они увидели, открыв в него дверь, уже не удивило пришедших, всем порядком надоели различные бесполезные приёмы, применяемые к спасению этих пришельцев. А на полу корпуса между клеточных батарей стояли тазики, противни и прочая хозяйственная утварь.

- Так, Николаич, присоединяй шланг к крану и наливай во все эти причендалы воду, – распорядилась хозяйка, – а вы, – обратилась она к остальным, – помогайте вытаскивать из клеток утят и опускайте их на воду.

Утята, почувствовав родную стихию, начали радостно плескаться в воде. Зрелище было необычайное для людей, привыкших к высокотехнологичному производству, строго соблюдающему санитарный режим: по всему полу, между клеточными батареями и на остальном пространстве до самой входной двери, шевелился ковёр из утиных головок и спинок, разбрызгивая в разные стороны воду из тазиков и громыхая противнями. В общем, полная антисанитария и «бардак». Зато живые. Не смотря на это, временный выход из сложившейся ситуации был найден.

Как выяснилось позже, Регина собрала все эти принадлежности со всего птицефабричного посёлка, сердобольные люди, узнав о случившемся, без промедления организовали сбор спасительных плавсредств.

Много рабочего времени у специалистов отняли эти маленькие пришельцы, нужно было искать окончательного решения по их содержанию, не оставляя же их на полу в тазиках. Да и не дай бог дойдёт слух об этом до контролирующих санитарных органов, главному технологу и главному ветврачу несдобровать. И озабоченные решением данного вопроса специалисты во главе с Бажковым, двинулись в кабинет директора.

Что-то мы давно не встречались с этим директором, Петуховым Иваном Ивановичем. Чем же он занимался в столь трудный для специалистов период. Страдал ли он, озабоченный происходящим процессом приручения этого утиного стада, появившегося с его лёгкой руки, скорее с его пьяного языка, на производстве, и принесшего столько страданий и неудобств ответственным и трудолюбивым людям?

Иван Иванович, конечно, знал обо всём происходящем из докладов специалистов, и им день ото дня всё сильнее овладевал страх в предчувствии ответственности за происходящее. Когда же ему доложили о большом количестве умерших утят, он вспомнил, что является членом бюро райкома и то, что контроль, за процессом разведения утиного хозяйства, возложен на членов этого бюро. И, что бы свалить с себя ответственность, решил воспользоваться правом контролирующего органа. Набрал телефонный номер первого секретаря райкома Устинова, Петухов страдальчески пролепетал:

- Пётр Сергеевич, докладываю вам, как член бюро, мои специалисты Бажков и Козлевич не справляются с поставленной перед ними задачей, большой отход утят, развели антисанитарию на производстве, не знаю, что с ними делать.

- Ну, ты Иван Иванович, член-то членом, но и не забывай ты ещё и директор этого производства, - назидательно напомнил секретарь, – хотя я тебя понимаю, Бажков наступает тебе на пятки. Ладно, вызову из области независимую комиссию, пусть разбираются.

Петухов облегчённо вздохнул и положил трубку. Пётр Сергеевич наоборот, поднял трубку междугороднего телефона и набрал номер директора областной ветеринарной станции:

- Алле, Вера Петровна, секретарь Цементно – Шиферного района Устинов вас беспокоит. У меня в районе на птицефабрике «Голосистый петух» возникли проблемы. Хотели сделать доброе дело, развести уток для улучшения питания шахтёров, вывели утят, да специалисты «ума им дать» не могут, директор бьётся, бьётся, да всё без толку. Пришлите комиссию из своих специалистов, может они, чем помогут. Да и к нашим «охламонам» меры какие – то нужно принять, развели тут, понимаешь, антисанитарию.

- Хорошо Пётр Сергеевич, завтра комиссия будет, - согласилась Вера Петровна, она знала Устинова, как серьёзного ответственного человека, который пустяками заниматься не будет.

Вот в этот – то самый день специалисты птицефабрики «Голосистый петух» пришли в кабинет директора, решать дальнейшую судьбу утиного стада. Пришли, расселись по своим местам, Петухов удивлённо вылупил на них подслеповатые глаза:

-Чего собрались, я вас вроде - бы не звал?

- Решать нужно, что же делать с этими утками? – Озабоченно заговорил технолог Бажков, - мы итак уже наделали массу убытков, и они с каждым днём увеличиваются.

- Ну, вам видней, Алексей Николаевич, вы же классный специалист, в птицеводстве, – с иронией парировал Петухов – хотя, вынужден вам заметить, решение принимать будите уже не вы, завтра сюда едет областная ветеринарная комиссия, так, что готовьтесь.

- Какая комиссия? – Возмущённо спросил ветврач Козлевич, - кто её вызывал и чем она может помочь в решении этой проблемы?

- Вызвали её члены бюро райкома, на которых возложен контроль по данному вопросу. Надо вам вправить мозги, может после этого, вы наведёте порядок, в данном деле.

- Послушайте Иван Иванович, на кой дьявол вам сдались эти утки? Неужели вы не можете понять, что кроме вреда производству, от них ни какой пользы не будет. Скажите честно, какую цель вы преследуете? – возмущённо спросил Бажков.

- Цель одна, улучшить питание шахтёров, – упрямо, как баран упёрся Петухов, - всё разговор окончен, идите, готовьтесь к встрече гостей.

10

На второй день, примерно часов в одиннадцать, к конторе птицефабрики подкатил ветеринарный УАЗик. Прибывшие на нём, три члена комиссии поднялись в кабинет директора Петухова, который обрисовал происходящую на производстве картину, несколько в другом цвете, значительно отличающемся от действительности:

- Вот мои специалисты упёрлись, и никак не хотят заниматься разведением уток, всё делают так, чтобы доказать вред этого производства, - заключил он свой рассказ о происходящих событиях, – пойдёмте в этот утиный корпус и вы сами убедитесь в том, какой они там развели бардак. Кстати они нас там ждут.

Комиссию возглавляла молодой ветеринарный врач, Нина Петровна, она совсем недавно устроилась в областную ветеринарную станцию старшим ветврачом санитарного отдела, и очень была горда тем, что ей поручили первое серьёзное расследование нарушения санитарного порядка на производстве. И естественно хотела беспристрастно, толково выполнить его, блеснув глубокими знаниями, полученными в институте. Рассказанное директором, она твёрдо приняла за основу комиссионных выводов, зачем человеку, обременённому такими обязанностями врать, наговаривать на своих подопечных. И теперь она была убеждена в том, что, чтобы ни сказали

в своё оправдание специалисты, это будет являться пустыми отговорками и попытками оправдать свою некомпетентность. / Вот тебе и беспристрастность /.

Два других представителя комиссии были пожилыми ветврачами, работниками отдела «По борьбе с заболеваниями животных и птицы». Они многое повидали в своей жизни и скоропалительных выводов делать не собирались, им не раз приходилось встречать руководителей в овечьей шкуре, но с волчьими зубами. Заочное обвинение своих специалистов директором, их насторожило, они почувствовали какой-то подвох в его, казалось бы, правдивых излияниях. Но председателями комиссии были не они.

Подшли к выше озвученному корпусу, с утиным поголовьем. Нина Петровна изобразив на своём лице не проницаемую мину, сухо поздоровалась с ожидавшими её специалистами, на их попытку объяснить сложившуюся ситуацию, лишь махнула рукой:

- Не нужно слов, я сама всё осмотрю! – Резко заявила она.

И никто из окружающих не успел, как говорится и «глазом моргнуть», как молодой симпатичный председатель комиссии, воодушевлённый чувством неоспоримой правоты, резко открыла дверь в злополучный корпус и скрылась за ней. Все сопровождающие её лица хотели последовать её примеру, но вдруг услышали грохот металлической посуды, мягкий, пластичный стук падающего тела, и отборную речь, видимо преподаваемую в институте в неурочное время, которую я, уважаемый читатель здесь не могу изобразить, чтобы, не напугать тебя. Дверь неожиданно резко отворилась. Сопровождающие председателя лица, в страхе, отпрянули от неё / от этой злополучной двери, естественно/, напуганные увиденным.

Из этой самой двери появился тот самый председатель, то есть Нина Петровна, но изменившаяся до неузнаваемости: с парадной белой кофты и

чёрной модной юбки стекала вода смешанная с комбикормом и тем, что остаётся от этого комбикорма после переваривания его в желудочно - кишечном тракте уток. Волосы из модной укладки выскользнули и растрепались по плечам, как у русалки, с них стекало то же самое, что и с кофты с юбкой.

Сопровождающий её эскорт моментально расступился, а Нина Петровна стремительно, как метеор, пролетев мимо, кинулась к стоявшей у проходной машине «ветеринарная помощь», от возмущения заикаясь, она прорычала:

- Бар-бар- бардак, уж-уж –ужас какой –то.

Пожилые ветврачи, ели успевая за ней, заскочили в машину, хлопнула дверка, заревел двигатель, поднялась пыль, и от комиссии не осталось и следа. Из корпуса же вышла Регина Войцеховна, и удивлённо пожимая плечами, описала случившееся:

-Какая-то симпатичная, модная дама, залетела в корпус, попала ногами в тазик, опрокинулась, походу перевернув ещё несколько предметов посуды и ахнувшись в столпившихся утят, задавила, при этом, несколько штук на смерть своим холёным крупом. /Да она так и сказала: своим холёным крупом, видимо неплохо разбиралась в анатомии/. А как она выражалась, господи, отродясь, такого не слышала!

-Ну, всё теперь вам точно будет крышка! – Прошипел Петухов, обращаясь к Бажкову и Козлеичу.

Но он ошибся. На второй день Петухову позвонил секретарь райкома Устинов:

- Ну, что Иван Иванович, просчитались мы с тобой. Утром позвонил секретарь Обкома по сельскому хозяйству Колосов и отделал меня путём. Врачи, которые были в комиссии не стали подписывать протокол, ссылаясь на то, что выводы сделанные председателем предвзяты и не соответствуют

действительности. Что, мол, вы там сами разобраться не можете, сор выносите из избы. Не иначе директор треста Дикий пожаловался. Ну, раз приказано разобраться самим, давай – ка мы Бажкова вызовем на бюро райкома. Да ещё: придётся тебе оплатить Нине Петровне за испорченную одежду и моральный ущерб!

11

Что такое бюро райкома партии? О! Это орган партийного руководства, облечённый особой властью и правами. Те из отряда старых руководителей / теперь, уже, несомненно, находящиеся на заслуженной пенсии / которые когда либо, попадали на заседание этого органа, в качестве ответчика, и сейчас ещё вспоминая произведённую над ними экзекуцию, покрываются липким, трусоватым потом.

Бюро райкома коммунистической партии имело право освободить от занимаемой должности партийного руководителя. Выразить недоверие хозяйственному руководителю, что, практически, являлось одним и тем же, объявить выговор без занесения в учётную карточку, либо строгий выговор с занесением в эту партийную, учётную карточку или исключить из рядов партии, после чего ты уже не мог добиться повышения по службе. А наоборот, стремительно опускался на самое дно социального сословия, отвергнутый и униженный, в общем – бывший член и не иначе!

Вот на такое мероприятие был вызван главный зоотехник / технолог производства / Бажков Алексей Николаевич в качестве главного ответчика. Для того, чтобы предать гласности происходящий процесс, в актовом зале райкома партии были приглашены руководители разных производств Цементно – Шиферного района. Приглашенные расположились в зале, в партере, члены бюро чинно восседали за столом президиума, а ответчик

располагался за массивной трибуной сбоку от президиума и на полметра ниже. Это указывало на то, что он пока не заслужил такого положения, чтобы находится на одном уровне с членами бюро, а может быть и для того, чтобы лучше было видеть, как под напором обвинений, данный субъект рухнет на дно этой трибуны и начнет там корчиться в судорогах. Но всё же он возвышался над партером зала и в любой момент мог спрятаться за эту массивную трибуну, если вдруг в него начнут кидать гнилые помидоры либо тухлые яйца. / Ну, это, конечно уже присказка автора, так сказать, для красного словца /

Так вот, в данный момент, за этой злополучной трибуной стоял, выше означенный, товарищ Бажков. Как он себя чувствовал? Не сказать, чтобы уютно, но и особой вины он за собой не чувствовал, тем более его руководитель, директор Петухов был членом этого бюро и Алексей Николаевич рассчитывал на справедливую защиту с его стороны.

- Товарищ Бажков, доложите нам, каким образом вы умудрились сорвать планы по увеличению продуктов птицеводства и улучшению питания населения нашей области, - задал вопрос первый секретарь райкома Устинов Пётр Сергеевич, - кто вам позволил нарушить решения последнего пленума ЦК КПСС?

От такого ребром поставленного вопроса, вдруг неожиданно взлетевшего до уровня ЦК, у Бажкова засосало под ложечкой. Но он сосредоточился и начал подробно объяснять, что на данной куриной птицефабрике, не подготовленной для содержания утиного стада, данный процесс не возможен. И что в клетках уток никто не разводит, поэтому произошёл большой отход утят. И, что если бы вместо этих уток, увеличить поголовье кур, жители области получили бы гораздо больше продукции птицеводства. Все в общем вроде было понятно и по делу, придраться вроде

было не к чему, но в этот момент Бажков допустил ошибку, дав тем самым повод обрушиться на него с обвинениями:

- Я не знаю, какой баран придумал эту глупость с разведением уток, но по - моему, он совершенно безграмотен в вопросах птицеводства.

- Вот, оказывается как, - закипел Устинов, - значить директор треста товарищ Дикий, представитель Московского министерства Уткин, ваш директор Петухов, он же член бюро, бараны, а вы один такой опытный и самый умный. / Себя Устинов ловко отделил от этой компании /. Это они посоветовавшись, решили заняться делом, а вы, с ветврачом Козлевичем, препятствуете хорошему начинанию, вредительством занимаетесь, в тридцатые годы вы бы были уже на лесоповале на Колыме. - Чувствуя, что хватил лишку, он хотел смягчить последнюю фразу, но не найдя подходящих слов, махнул рукой. – Но ничего, вам и сейчас от ответственности не уйти, - заключил он свою, пламенную речь. – Члены бюро, прошу задавать Бажкову вопросы по существу содеянного.

- Скажи Бажков, а много утят сдохло?– Грубо спросил председатель гос.парт. контроля /был и такой орган, скоро мы с ним столкнёмся в упор/ Бурцев, - и сколько ещё осталось в живых?

- Из двадцати тысяч утят, пало пять, осталось пятнадцать, - последовал ответ.

- Многовато. Как ты думаешь, кто будет возмещать ущерб? – Продолжил допрос Бурцев.

- Ну, этого я знать не могу, я не судья. Но если вам нужно моё мнение, я не считаю специалистов птицефабрики виновными, они не были готовы к такому повороту в технологическом процессе. Уже затевая это дело, было понятно, что убытки будут большие, и они в дальнейшем будут только увеличиваться..

- Значить, по-твоему, клепай убытки, а отвечать будет дядя.

- По-моему, не нужно было затевать это утиное производство, я сомневаюсь, что директор треста поддержал данное предложение.

- Послушать тебя, Бажков, выходит, что, Петр Сергеевич безграмотный, это он не только поддержал, но был инициатором в данном вопросе, - неожиданно выдал секретаря райкома Петухов. Устинов пнул, под столом, ногу рядом сидящего Петухова, но было поздно, все догадались, чья это была затея.

Тогда Иван Иванович, чтобы хоть как-то угодить Устинову, решил окончательно добить своего технолога:

- А скажите Алексей Николаевич, зачем в корпусе понаставили тазиков, и чуть не угробили председателя областной комиссии?

«Вот тебе и защитник», – подумал Бажков, подробно всё пояснил и, заканчивая оправдательную речь, отметил:

- Это птичница Брадоускайте применила народные средства, если бы не она, эти утята умерли бы все.

- Ладно, товарищи, какие будут предложения по поводу наложения взыскания на технолога птицефабрики «Голосистый петух» Бажкова Алексея Николаевича!? – задал вопрос председательствующий, первый секретарь райкома Устинов.

Слова попросил второй секретарь райкома товарищ Кобылкин, ранее он работал председателем агропромышленного комплекса Цементно – Шиферного района и повышение по службе получил недавно. Нужно сказать, что Кобылкин отрасль птицеводства ненавидел всей душой. То, что в птицеводстве все процессы, в основном, механизированы и автоматизированы, сводило его с ума, он считал, что на селе труд должен быть тяжёлым и основными средствами механизации должны быть лопата и вилы, а рабочий день не менее двенадцати часов в сутки и лучше без

выходных. И по тому специалистов птицеводства, с их восьми часовым рабочим днём и двумя выходными, иначе, как лодырями, он не называл.

- Товарищи, - приосанился Кобылкин, - смотрю я на этих бездельников, птицеводов, и думаю, ничего они путём делать не умеют, живут как у Христа за пазухой, корма сами не производят, покупают у государства. Понаставили в корпусах различных кнопок, ткнул кнопку, прибыль рекой, а делиться с местными колхозами и совхозами этой прибылью не желают, – мешал он всё в одну кучу, решил высказать наболевшее. – В шесть часов вечера уже дома, в субботу, воскресенье болтаются по селу без дела, выходные, видите ли, у них, смущают только колхозников и совхозников...

- Слушай Кобылкин, давай ближе к делу, – остановил распалившегося коллегу Устинов, – что ты предлагаешь по делу Бажкова?

- А по делу Бажкова, предлагаю исключить его из рядов партии и поставить вопрос о несоответствии этой персоны занимаемой должности! – выдохнул второй секретарь и довольный тем, что, наконец, выложил этим птицеводам всё, что он о них думает, плюхнулся на своё место.

Следующим слово взял член бюро, директор совхоза «Коровьи зори» Медведев, помните, тот самый, которого когда-то за опоздание на бюро Устинов назвал пьяницей. Не смотря на это, товарищ Медведев авторитета в данном районе не потерял, хозяйство, возглавляемое им, гремело своими достижениями не только в районе, но и в области. В торжественные дни грудь Медведева украшали четыре ордена, два из которых были орденами В. И. Ленина, последняя ступень перед получением звания Героя социалистического труда. Поэтому Александр Александрович / так звали Медведева / имел всегда собственное мнение и никому в рот не заглядывал, какую бы должность тот ни занимал.

- Прежде всего, я хотел бы обратиться к тебе Иван Иванович, - прищурился свои хитро-умные глаза, начал Медведев, – хочу у тебя спросить: Кто же на птицефабрике «Голосистый петух» директор, ты или Бажков? Если ты, то на этой трибуне твоё место, хозяин должен отвечать за всё, а не подставлять своих специалистов. Если Бажков тогда уступи ему своё кресло.

- Я здесь член бюро райкома и осуществляю спрос, как партийный работник, - парировал Петухов.

- Ну, тогда всё понятно, - продолжил Медведев, – нашли козла отпущения. Я точно уверен, что этот кандибобер с утками придумал не Бажков, он не такой болван, чтобы портить себе карьеру.

- Ну, ну без выражений! – Осадил Медведева секретарь Устинов, – почему сразу тот, кто придумал нужное дело, болван. А потом какая разница утки или куры, всё одно птица.

- Кому нужное? Это всё равно, что если бы мне вместо коров привезли верблюдов, а спрашивали бы за коровье молоко. Кто-то специально решил добить Бажкова, кому- то он поперёк горла стал. Даже тридцать седьмой год вспомнили, давайте поставим его к стенке, - запальчиво продолжал Медведев, – я Бажкова знаю, как хорошего специалиста, поэтому предлагаю, объявить ему выговор по партийной линии без занесения в учётную карточку, за то, что он сразу не послал тех, кто затеял этот утиный процесс, куда подальше. А ещё я бы посоветовал Кобылкину дать большую лопату, тяжёлые вилы и отправить его в колхоз, чтобы он понял, что такое ручной труд.

В зале, в партере прокатился одобрителный шумок.

-«Всё дело нам испортил, сволочь», – подумал Устинов, а вслух провозгласил, - поступило два предложения: первое – исключить Бажкова Алексея Николаевича из рядов коммунистической партии и поставить вопрос о несоответствии им, занимаемой должности. Второй – объявить выговор

без занесения в учётную карточку. Кто за первое предложение? Прошу голосовать, - и первый поднял руку. Но к его удивлению, его примеру последовали только три члена бюро: второй секретарь Кобылкин, председатель гос. парт. Контроля Бурцев и председатель райисполкома Трутнев.

- Ладно, - угрожающе просипел Устинов, - кто за второе предложение, прошу поднять руки.

За второе предложение проголосовали: Медведев, к нему присоединились ещё два директора других совхозов, начальник милиции Казаков, он не хотел быть похожим на представителей НКВД, тридцать седьмого года, и директор Цементного завода Светлов, он был заядлый охотник, так же как и Бажков, они часто встречались на охоте и Алексей Николаевич ему нравился, как человек.

- А что же ты Петухов? Не за то и не за другое? – спросил Устинов, взглядом предлагая, присоединится к первой группе.

- Я воздержавшийся,- покраснев и опустив в стол глаза, пролепетал Петухов. Всё - таки речь произнесённая Медведевым, подействовала на него отрезвляюще и пробудила задремавшую совесть.

- Ну, что же, на сей раз повезло тебе Бажков! – заключил заседание бюро райкома Устинов. – Все свободны, а ты Бурцев останься, – обратился он к председателю гос. парт. контроля.

Что такое гос. парт. контроль или, как его называли в то время, народный контроль. Это определённая группа людей избранных на пленуме райкома партии. Все не освобождённые от основных обязанностей, кроме председателя. Председатель тоже избирался, но после избрания, это

председательство становилось основной его работой, за исполнение которой, он получал заработную плату.

В обязанности данной организации входило выявление нарушений производственных процессов принесших материальный ущерб, и наказание виновных в этом, наказание морально разложившихся особей и т. д. и т. п. Чаще всего исполнение этих обязанностей происходило под непосредственным руководством партийных органов района, обычно управлялось первым секретарём райкома партии.

Оставшись вдвоём с Бурцевым, Устинов, нахмурившись, недовольно выпалил:

- Распоясался этот Медведев, возомнил себя правдолюбом, никакой управы на него нет. Я уже совсем собрался на него представление в Обком подавать на присвоение звания Героя Социалистического труда, пока не буду, повременю, хотя у меня уже по этому поводу состоялся разговор с Вяземским. - И переведя дух, обратился к Бурцеву:

- Вот, что Поликарп Тимофеевич, пригласи- ка ты этого Бажкова на заседание народного комитета, да вломи ему по полной, за нанесённый ущерб, а то он слишком легко отделался. А чтобы не подумали, что мы Бажкова специально изводим, пригласи и главного ветврача птицефабрики Козлевича, и ему заодно подкинь.

- Хорошо Пётр Сергеевич, будет сделано, - с готовностью согласился Бурцев.

И уже через два дня, после состоявшегося бюро, Бажков и Козлевич предстали пред ясные очи высокопоставленного комитета народного контроля, члены которого расположились за столами покрытыми красным бархатом. Столы были выставлены буквой «П», а между её вытянутыми ногами, понуро опустив голову, стояли ответчики. / Почему они понуро опустили голову? – Спросишь ты, уважаемый читатель. – Они же вроде ни в

чём не виноваты? И судя по твоему вопросу, я догадываюсь, о том, что ты ни разу не был на заседании гос. парт. Контроля. Уж если ты туда попадал, то наказание было неизбежным, виноват ты или нет, готовь кошелёк для расчёта. /

- Вот уважаемые члены, перед вами стоят два разгильдяя, которые своим неумением вести производственный процесс, в птицеводстве, нанесли этому птицеводству колоссальный ущерб, в виде большого отхода поголовья уток, - произнёс трагически председатель Бурцев, - то есть ущерб нанесён птицефабрике «Голосистый петух»

- А куда же отошли эти утки, в лес или в озеро? - Спросил член народного контроля, начальник железнодорожной станции Паровозов.

Бажков и Козлевич засмеялись, поражённые глубокими познаниями, в вопросах сельского хозяйства, членами комитета.

- К сожалению, товарищ Паровозов, они отошли не в лес и не в озеро, а как говорится, на тот свет, грамотей, ты мой, - недовольно пробурчал Бурцев, - а вы два деятеля зря веселитесь, расскажите-ка нам, как всё произошло?

Божков подробно изложил, уже всем порядком надоевшую утиную историю и ещё раз заострил внимание на том, что затея эта была заранее не продуманной и скорее всего, была принята не трезвыми новаторами птицеводства.

- Это мы уже слышали, - парировал Бурцев, - а чему же вас учили в институтах / сам он был практик и институтов не кончал /, если не можете решить такой простой задачи, значить вы занимаете не свои места на производстве.

- И так, уважаемые члены, комитета у кого будут какие суждения и предложения? – Вопросал председатель.

- Разрешите мне, - взял слово председатель районного потребительского общества, товарищ Барышников, - вот у меня на складах если не дай бог, чего-то не хватает или утруска и усушка превышает норму, то тут уж главный бухгалтер быстренько, не моргнув и глазом, как говорится, составляет акт и на списание...

- На какое списание!?- возмущённо спросил Бурцев.

- Я хотел сказать, что иногда на списание, а так в основном в начёт кладовщикам. Правда, иногда по распоряжению райкома...

- Хватит, что ты предлагаешь конкретно по данному делу? – Во время остановил болтовню Барышникова председатель.

- По данному делу предлагаю, раз уж не хватило на складе уток, это не усушка и не утруска, это прямой грабёж, лишить их месячной заработной платы.

Конечно этого наказания, по разумению Бурцева, было мало, но он не хотел поднимать других членов, а ими были директор лесхоза, слесарь ремонтной мастерской, лаборант маслозавода, с двумя из них, вы уже познакомились выше. Подними их, не известно, чего они тут ещё сболтнут.

- Хорошо, пусть будет так, – припечатал кулаком к столу данный приговор Поликарп Тимофеевич, – Тамара Петровна, – обратился он к секретарю, – запиши это в протокол.

И уже Тамара Петровна занесла перо над протоколом, что бы окончательно зафиксировать вердикт, как всё дело испортил главный ветврач Козлевич:

- Какой – то болван, в райкоме придумал эту ахинею, а мне месяц с семьёй жить впроголодь! – возмущённо выпалил он.

- Ах, значить болван в райкоме? – Подхватил Бурцев. – Тамара Петровна запиши – ка по две месячных зарплаты с этих архаровцев. Всё заседание окончено, - провозгласил председатель.

Через два дня, узнав о произошедших в Цементно – Шиферном районе событиях, директор треста «Ни пуха, ни пера» Дикий Тит Владимирович вызвал к себе в область директора птицефабрики «Голосистый петух» Петухова Ивана Ивановича, главного технолога Бажкова Алексея Николаевича и главного ветеринарного врача Козлевича Ефима Александровича.

Принимал Тит Владимирович приглашенных отдельно, сначала Бажкова и Козлевича .

- Ну, что утиные заложники, натерпелись? – Лукаво улыбаясь, встретил вошедших в кабинет специалистов он. - Вот так бывает, ляпнет один болван по пьянке, какую либо чушь, после трезвые, долго разобраться не могут! Наказали вас крепко, два месяца без зарплаты будете жить. Ну, Козлевич, я думаю, попал случайно, за компанию, а тебе Бажков многое предстоит ещё выдержать, не понравился ты местному партийному руководству, ожидали размазню, а ты оказался шустрый.

- Да я вроде сильно вперёд не высовываюсь, Тит Владимирович, - вставил Бажков.

- Дело – то не в этом, видишь ли, Алексей Николаевич, оказался ты умнее, чем некоторым хотелось бы. Но ты носа не вешай, как говорится: бог не выдаст, свинья не съест. Ну, а как там ваш шеф Иван Иванович? – вдруг переменял он тему разговора.

- Иван Иванович ведёт себя как-то странно, как будто он из другого хозяйства или из райкома партии, вместо помощи одни нарекания в мой адрес.

« Почувствовал, старый пень, что ему хотят на пятки наступить», - подумал директор треста, а вслух сказал, - ладно это мы сейчас поправим, отрезвим вашего шефа как следует.

Затем нажал кнопку вызова секретаря, и когда она появилась в дверях, приказал:

- Лидия Ивановна пригласите ко мне главного бухгалтера Николая Дмитриевича.

Когда в кабинет вошёл главный бухгалтер Николай Дмитриевич, Тит Владимирович пригласив его присесть, спросил:

- Николай Дмитриевич, как у нас обстоят дела с премиальным фондом в тресте?

- Да вроде всё в порядке Тит Владимирович, - ответил бухгалтер.

- Вот специалисты с птицефабрики «Голосистый петух» пострадали не за что, партийные органы занялись воспитательной работой, ободрали ребят на двух месячную зарплату, подготовь приказ, надо их премировать в сумме этой самой двух месячной оплаты.

- А премировать-то за что? - спросил Николай Дмитриевич.

- Придумай, у тебя голова светлая, ну примерно за увеличение продукции птицеводства за счёт разведения уток, - засмеявшись, подсказал директор треста.

- Ну, вот пока и всё, вы далеко не уходите, сейчас я переговорю с вашим директором и снова приглашу вас, будем решать, что же делать с утками.

Когда специалисты вышли, зашел Петухов, подозрительно окинув взглядом Бажкова, выходявшего из кабинета, как бы заподозрив того в сговоре с трестовскими работниками.

- Проходи Иван Иванович, присаживайся, – пригласил Тит Владимирович Петухова, - наслышан вашими подвигами, здорово ты

перевалил всю вину с больной головы на здоровую. Ты же не в райкоме работаешь, а директором на птицефабрике, что же ты рубишь сук, на котором сидишь, такие у тебя хорошие специалисты, а ты их отдал райкому на заклятие. Работать - то с кем собираешься, или тебе секретарского сынка вернуть, чтобы через год птицефабрика приказала « долго жить».

- Мне там жить Тит Владимирович, не буду дружить с райкомом, лишусь должности, ты же только и ждёшь, когда я оступлюсь, тут же меня в шею, а Бажкова на моё место, а так, за меня хотя бы Устинов заступиться, – парировал Петухов.

- Правильно мыслишь, - продолжил директор треста, - да, я хоть сейчас готов поставить на твоё место Бажкова, но я то же человек и знаю, что тебе до пенсии осталось полтора года, если бы я захотел, никакой Устинов мне не указ, кадрами распоряжаюсь я, а согласование могу оформить и через Обком партии. Так, что работай, никто тебя пока трогать не будет, а технолога своего оставь в покое, с его помощью птицефабрику вы через два года выведете на первое место. Могли бы уже в этом году, да вы с Устиновым сами себе петлю на шее затянули с этими утками. Всё понял?

- Да, спасибо и на этом.

Тит Владимирович вызвав секретаря, приказал вернуть специалистов в кабинет и когда все собрались, озабочено спросил:

- Ну, что « утководы», что же дальше делать будем? Если срочно не принять мер, эти утки передохнут все. Какие будут предложения?

- Позвольте мне, - попросил слова технолог Бажков, - я думаю нам необходимо сделать запруду на речушке Макаровке /это, кстати, та речушка, на берегу которой зарождалась утиная идея / и на берегу образовавшегося пруда построить корпус – временку, например из шифера, от поселка не далеко, кроме того там есть сторожка, будем содержать сторожей.

- Это какие же опять затраты и убытки, - простонал Петухов.

- Твоя идея, - не замедлил подколоть Тит Владимирович.

На том и порешили, облегчённо вздохнув, вышли из кабинета директора треста и отправились домой. Обратная поездка проходила в более дружественной и оптимистической обстановке. Специалисты Бажков и Козлевич довольные тем, что потери нанесённые партийными органами, возмещены органами хозяйственными. Петухов, получив надежду на благополучный исход в своей карьере, всю дорогу поддерживал разговор, даже рассказывал анекдоты.

Но, к сожалению или к счастью до выхода на пенсию, ему доработать в качестве директора всё-таки не пришлось!

14

Почему? А вот об этом я расскажу тебе, уважаемый читатель, в следующих, заключительных главах.

Всё было сделано, как договаривались: сделали запруду, как раз в том месте, где когда – то на воду опустилась дикая утка, образовался довольно обширный пруд, построили временный корпус из шифера, провели внутрь водопровод и даже сделали механическую кормораздачу. Приставили к утиному стаду сторожей пенсионеров. И потёк естественный процесс выращивания, натерпевшихся различных неприятностей и неудобств, уток. Днём их выпускали на пруд, вечером они, проголодавшись, возвращались в корпус.

Ближе к осени стало ясно, что технология производства продукции на птицефабрике постепенно вернулась, в годами накатанную, колею и была спасена. С учётом того мяса, которое должны были получить от выращенных уток, даже производственный годовой план выполнялся.

И тут, в октябре месяце, на Энский трест «Птицепром» пришло приглашение для специалиста на курсы повышения квалификации, во всесоюзный Московский институт птицеводства. Решено было послать туда технолога птицефабрики «Голосистый петух» Бажкова Алексея Николаевича, сроком на два месяца. Ну и бог с ним, пусть учится, набирается не достающих знаний, они ему скоро, ох, как понадобятся, но он пока об этом не знает, и очень хорошо, лишние мысли голову не будут забивать.

А на птицефабрике, а именно в утином корпусе, в это время произошло следующее: в октябре месяце в Сибири по ночам начинают почву прихватывать морозцы, да что там морозцы иногда и довольно крепкие морозы.

В корпусе – временке, где находились по ночам утки, температура ещё пока ни разу не опускалась ниже нуля, и вдруг в одну из ночей « хряпнул» приличный мороз. А нужно заметить, что в этом самом корпусе пол был земляной и постоянно мокрый, по тому, что утки при поедании влажных кормов и запивании их водой, сильно разбрызгивают эту воду.

Надо же было такому случиться, что в эту ночь, дежурным сторожем был пенсионер по фамилии Уткоедов, который очень любил « приложится к рюмке». Прихватив с собой на дежурство бутылочку самогона, он решил устроить себе праздник и заодно отведать этой самой утятин, ради которой, он тут корячился по ночам. Развел костёр подальше от корпуса, во избежание пожара, и примостил котелок с водой.

«Хряпнувший» мороз как раз способствовал проведению намеченного праздника, выпив рюмочку для «сугреву», а надо заметить, что эта рюмочка в этот день была не единственной, пенсионер Уткоедов открыл дверь корпуса и « цапнул» первую попавшуюся утку за голову, и в предвкушении наслаждения получаемого от поедания утиного мяса, потянул её на себя. Утка истошно заорала, но с места не подалась, пенсионер Уткоедов схватил

вторую, рядом сидящую утку и потянул её на себя, эффект тот же. Он повторил несколько раз попытку захвата на других утках, ни одну сорвать с места не удавалось. Утки напуганные насильственными порывами пенсионера и теми странностями, которые происходили с ними, начали истошно кричать.

- Всё белая горячка! – Впал в панику пенсионер Уткоедов, и вдруг им обуял приступ панической лихорадки, завопив, что было мочи: – караул!!! – Он бросился в сторону птицефабричного посёлка.

Засыпающие специалисты, птичницы, слесари, наработавшиеся за день, вдруг услышали душераздирающие вопли «Караул», начали быстро выбегать на улицу, в предчувствии светопреставления. Но тут им на «глаза» попался сторож – пенсионер Уткоедов, очи которого готовы были выскочить из орбит, рот перекошен от ужаса, на вопрос: «Что случилось» он только бешено сверкал глазами и, показывая в сторону пруда, повторял:

- Там, там, там....

Люди, прихватив с собой фонари, двинулись в сторону пруда, придя на место, обнаружили догорающий костёр, открытую дверь в утятник, войдя внутрь, они увидели ровно разместившихся по полу уток, неподвижность которых выглядела довольно странно. Помахав фонарями и присмотревшись получше, пришедшие, наконец, догадались, в чём дело.

-Да они же примёрзли к полу! – Воскликнул ветврач Козлевич.

- Нужно немедленно везти сюда теплогейнераторы, – всполошился главный инженер Мальков.

- Нужно доложить Ивану Ивановичу, - сказала бригадир Сафонова.

- Завтра доложим, чем он поможет, - остепенил её Козлевич.

Пока привезли теплогейнераторы, солярку, пока заправили её в баки, наступило утро. Запустили отопительные приборы, в корпусе постепенно начала подыматься температура, к обеду она достигла нужных параметров,

утки, со звуком вылетающей пробки из бутылки, начали отскакивать от пола и, с ужасом, а может быть с радостью, выбегая из корпуса, кидались в пруд, обламывая образовавшийся у берега ледок. Они стали уже довольно большими и вскоре почти полностью заняли своими тельцами поверхность пруда.

- Ну, слава богу! – Выдохнул ветврач Козлевич, - вроде всех спасли, ещё бы часов пять и всё, сколько бы мяса пропало. Пойду к Ивану Ивановичу, доложу, нужно этого сторожа Уткоедова, как то наградить.

Вот так тоже бывает, неожиданно из расхитителя сельскохозяйственной птицы, человек становится героем, по её спасению.

Обрадованные таким исходом этого события, все специалисты и рабочие утинового корпуса успокоились. Специалисты занялись другими делами, а рабочие, обслуживающие утятник, занялись подготовкой кормов, для вечернего кормления уток. И вот наступил этот момент, утки должны были вернуться в корпус для поедания этих самых кормов, но, сколько их ни заманивала птичница, сколько сторожа ни махали руками, пытаясь загнать в корпус, туда утки не шли, видимо напуганные произошедшим с ними несчастьем.

А в это самое время директор птицефабрики Петухов Иван Иванович, так и не оповещённый о произошедшем событии, разговаривал по телефону с первым секретарем райкома Устиновым Петром Сергеевичем:

- Пётр Сергеевич, всё - таки вы правильно тогда подали идею на счёт уток, такие выросли ядрёные, надо, как то парочку отправить в столовую обкома, пусть отведают.

- Ладно, Иван, я завтра доложу секретарю по сельскому хозяйству, видишь, всё-таки линия партии всегда приводит к положительным результатам, к успеху, - и трубка, щёлкнув, замолчала с той стороны.

- Да, знал бы ты, в какую сумму вылился этот успех, - подумал Петухов и положил трубку. В это самое время, в приёмной послышалась какая-то суета, торопливые шаги, дверь в кабинет открылась и появившийся ветврач Козлевич, беспокойно дёргая носом, доложил:

- Иван Иванович, утки взбунтовались!

- Как так, Козлевич, ты в своём уме?

И тогда, взволнованный ветврач, выложил директору все произошедшие за сутки события:

- А теперь они не хотят возвращаться в этот корпус! – Заключил он свой рассказ.

- А что по этому поводу говорит Бажков?

- А он ни чего не говорит, он же в Москве.

-Ах, да, совсем из головы выскочило, с ума сойдёшь с этими утками.

- Так, что же делать Иван Иванович? – паниковал Козлевич.

Не известно, что бы ответил Петухов, но в этот момент он вспомнил, что доложил уже в райком об этих утках и завтра Устинов доложит о них в обком.

- Поедем на место, там разберёмся – подтолкнул он к выходу Козлевича.

На месте, то есть у пруда, картина не изменилась, люди бегали по берегу, махали руками, звали «Ути – ути», угрожали, а утки кружили по воде, но на берег не выходили.

- Нужна срочно лодка, - приказал, подъехавший Иван Иванович.

Привезли лодку, двое рабочих сели в неё и выплыли на середину пруда, кричали, махали вёслами, матерились, всё бесполезно, утки кружили вокруг лодки, но к берегу не плыли.

- Дайте лодку мне, ни черта вы не умеете! – Подгоняемый мыслью о райкоме, вспылел Петухов. Залез в подогнанную лодку, попытался работать

вёслами, но отсутствие навыка, привело к тому, что, подняв фонтан брызг, он «ахнулся» в воды пруда.

Выбравшись на берег, Иван Иванович начал клацать зубами от холода. Видя это, ветврач Козлевич пошёл к своей машине «ветеринарная помощь», налил сто пятьдесят граммов чистого, девяносто - шести градусного спирта и потихоньку преподнёс Петухову:

- Вот спасибо Ефим, ты меня от смерти спас, - проглотив спирт, как воду, прошептал продрогший директор.

Прошло ещё полчаса, дело никак не клеилось, утки хаотично кружили по воде, не обращая внимания на действия бегающих по берегу людей.

И вдруг на воду пруда опустилась маленькая дикая утка, прямо в центр. Была ли это та, о которой мы говорили в начале рассказа либо другая, не суть важно. Но окружившие её местные утки, вдруг повернулись в её сторону и начали повторять за ней все производимые ей движения.

Подвыпивший Петухов уловил в этих движениях, какую-то надвигающуюся угрозу для себя, для птицефабрики, для райкома и обкома партии. Увидев, валяющийся на земле топор, которым рабочие рубили дрова, Иван Иванович схватил его и со словами:

- Ах, чтоб тебя! – обламывая прибрежный ледок, кинулся с поднятым топором в сторону утки. Утка взмыла ввысь и стала кружить над прудом. Местные утки, увидев человека с поднятым топором, видимо вспомнили всю свою несчастную жизнь, вспомнили, что им пришлось вытерпеть со дня своего появления на свет, прощально крякнули и поднялись в воздух, вслед за этой маленькой, но довольно хитрой уткой.

Вы видели когда – ни будь в небе над собой, одновременно пятнадцать тысяч уток, нет – я тоже, но это страшное зрелище, и столпившиеся на берегу пруда люди, увидев это, рухнули на землю, некоторые крестились.

А утки, взмыв к облакам, сделали прощальный круг над прудом, и скрылись за горизонтом.

15

И так, пропало четыре сто пятьдесят центнеров мяса, это тебе не фунт изюма, птицефабрика, в связи с этим, не выполнила план. Кому-то надо было отвечать. И тут завертелось.

Начали с министерства. За эту затею, принёсшую большие убытки, освободили от занимаемой должности Уткина Игната Игнатовича, отдел «утки – селезни» расформировали. Но, чтобы не нанести моральный ущерб министерству, образовали другой отдел «гуси – лебеди», который возглавил Гусев Поликарп Поликарпыч.

Дикого Тита Владимировича, директора треста «Птицепром», вызвал на ковёр первый секретарь обкома Вяземский Владимир Никитович, руки не протянул, присесть не предложил:

- Это, как понимать, товарищ Дикий, - сурово нахмурив брови, прогудел секретарь, - я, что тебе мальчик, что ли, ты вздумал со мной в бирюльки играть. Я с тобой по дружески, выбил тебе оборудование в Германии, а ты меня обманул.

И тогда, придавленный к коврику строгими словами секретаря, Тит Владимирович, честно выложил всё: и как зародилась эта идея, и кем она была предложена, и об отношениях с Устиновым, и о том, что он хотел при первой встрече всё рассказать Вяземскому, но подумал, что после этого не получит оборудования из-за границы.

- Ладно, - уже мягче сказал Владимир Никитович, - на первый раз я тебе прощаю, получишь выговор без занесения в учётную карточку. Это за то, что ты хорошо сработал с оборудованием из Германии, я уже слышал, что

оно работает на многих птицефабриках треста. – Иди, но помни – второго раза не будет. А с этим директором разберись, я скажу, чтобы Устинов в твои дела не вмешивался.

Устинову не было ничего, партия тут не причём.

Петухова Ивана Ивановича от директорства освободили, вспомнили ему и то, что он кричал «утки будут» и то, как он махал топором, и главное – невыполнение плана по мясу. Из членов бюро его тоже выдворили, а кому нужен такой член, бывший в директорах.

Директором птицефабрики «Голосистый петух» был назначен, её бывший главный технолог Бажков Алексей Николаевич. На что первый секретарь Цементно – Шиферного района Устинов Пётр Сергеевич заявил директору треста Дикому:

- Я его на бюро утверждать не буду!

Прошло некоторое время со дня описанных событий. Из Москвы поступила депеша в трест «Птицепром» Энской области: к вам едет представитель республиканского треста, заведующий отделом «гуси – лебеди» Гусев Поликарп Поликарпыч, по вопросу увеличения птицеводческой продукции.

Тит Владимирович позвонил Бажкову:

- Готовься. Привезу московского гостя к тебе.

Алексей Николаевич, как и положено местному руководителю, позвонил в райком партии, первому секретарю Устинову, и доложил о приезде московского представителя.

Пропущу официальную часть встречи, сразу перейду к поляне, на которой проводится основная часть диспута. Прежде чем туда ехать, Бажков позвал в кабинет шофёра Толика и что-то шепнул ему на ухо.

Была в разгаре осень, природа сияла обилием красок, вызывая в душе умиротворённую печаль. Поляна, естественно была другая, но диспут всё тот же, как отчитаться московскому гостю, что бы сохранить свой отдел.

Пили хороший коньяк. Поначалу пили умеренно, тон задавал секретарь райкома. Вдруг в вышине раздался горловой звук дикого гуся. Все подняли к небу очи и увидели стаю гусей, улетающую на юг.

Секретарь райкома Устинов многозначительно поднял вверх руку с вытянутым пальцем в сторону улетающих гусей / ну, прямо, как ГАИшник /:

- Вот вы все здесь собрались, говорите о резервах повышения продукции, о сохранении отдела «гуси-лебеди» и даже фамилия Поликарпа Поликарповича Гусев, а на столе нет...

- Толик! – щёлкнул пальцами Бажков.

И тут же, Толик вытащив из машины два армейских термоса, открыл их и поставил на расстеленную скатерть.

В термосах красовались, отлично приготовленные, фаршированные гуси.

« А этот Бажков, малый не дурак, - подумал секретарь Устинов, - дьявол с ним на следующем бюро утвердим его в должности директора».

И все дружно и бурно продолжили диспут. А уже спустя час - полтора, секретарь Цементно-Шиферного района Устинов Пётр Сергеевич, обнимая за плечи нового директора птицефабрики « Голосистый петух» Бажкова Алексея Николаевича, плюнув три раза через плечо, удовлетворённо пробасил:

- А вот и новая кандидатура в члены бюро райкома!

На что директор треста Дикий Тит Владимирович, ревниво метнув взгляд на Бажкова, незаметно для других погрозил ему пальцем.

Вот, Дорогой мой читатель, что может наделать маленькая уточка, при поддержке большого партийного руководителя.

Всё!

События 1977 – 1978 г.г.

Прямая линия.

Пенсионер Деревянко Сидор Прокопович с загипсованными ногами и перебинтованной головой, лежал на ватном жёстком матрасе, на железной скрипучей кровати пятидесятих годов выпуска, в районной больнице и сокрушённо вздыхал:

- Вот тебе и прямая линия, сроду в больнице не лежал, вот на старости лет завалился, захотелось дураку старому личного врача заполучить, получил!

А всё началось с объявления по телевизору:

Сидор Прокопович копался во дворе, обстругивал какую-то доску на верстаке, вдруг скрипнула входная дверь, и старуха-жена пенсионера Деревянко, высунувшись из неё, громко позвала хозяина:

- Сидор, Сидор, - а так как он замешкался, добавила, - пень глухой.

- Сама-то ты лучше? - Услыхав последние слова супруги, пробурчал пенсионер, - чаво орёшь, приспичило што-ли?

- Приспичило! Иди послухай, по телевизеру говорят на будущай недели напрямую будут люди говорить с президентом, пряма через икран!

- Не бреши, как ето можна с телевизером разговаривать, ты што белены объелась бабка?

Однако, отложив рубанок в сторону, пошёл в избу и уставился в экран телевизора:

- Повторяю ещё раз, - строго посмотрев в глаза пенсионера Деревянко, как будто не довольная тем, что он не слышал с первого раза её слов, сказала представительная дикторша. - Уважаемые жители России, на будущей недели, в четверг, состоится прямая линия с президентом, вы можете заранее подготовить и отправить по электронной почте любые волнующие вас вопросы.

- Эта што за электронная почта, бабка ты не знаешь? – заинтересовался объявлением Сидор Прокопович.

- Да дьявол их знаить, етих нонишних начальников, по нахватались загранишних слов, видна таперь так почты называются.

- Как ты думаешь, бабка, письмо до четверга до Москвы дойдёт, али нет?

- Если еропланом, дойдёт точно, а табе какой ето надо?

- Хочу к президенту обратитца, дочка с зятем в городе живут, помнишь, жаловались, бензин дорогой, за квартиру деруть с кажным годом всё больша и больша, уже зарплаты не хватает, за елехтричество кажный квартал надбавка. Пусть - ка он разбирёца, да всыпить кому следует!

И отложив все дела, пенсионер Деревянко Сидор Прокопович сел писать обращение к президенту. Он даже не стал обедать, чтобы ускорить процесс отправки депеши по назначению. Уже смеркалось, когда он наскрёб на тетрадном листе бумаги последние каракули, послунив конверт, запечатал его, но ему показалось этого мало, и он для верности, намылив заднюю часть конверта хозяйственным мылом, заклеил её куском газетного листа.

- Мало ли чего, - думал он, - не дай бог местное начальство прочитает, греха не оберёшься.

Затем послунявив карандаш, которым он писал послание, вывил крупными буквами на конверте: « МОСКВА, ПРЕЗИДЕНТУ В КРЕМЛЬ ИЛИ В БЕЛЫЙ ДОМ, точно не знаю, но вы там все грамотные разберётись», подумал и добавил: «отправить еропланом». Обрадованный тем, что на улице уже темно, он, пригнувшись, как вор, быстро добежал до почты и кинул конверт в почтовый ящик.

До четверга пенсионер Деревянко почти не выходил на улицу, боялся, что не дай бог по его виду, кто ни будь, догадается о его пока тайном

обращении к высшей власти, а если выходил за калитку, то сначала оглядывался, нет ли кого на улице, а затем, пригнувшись, быстро добегал до намеченной цели.

И вот, наконец, наступил долгожданный четверг. Пенсионер Сидор Прокопович, с утра побрился, помылся в бане, одел чистую, старинную, вышитую крестом, ещё покойной бабкой, рубаху. В назначенный час закрыл входную дверь на засов, чтобы никто не помешал процессу общения с президентом и, усадив рядом жену Екатерину Матвевну, сел на оббитый дерматином диван, являющийся единственной роскошью в избе.

- Ох, мать твою!- Воскликнул он, когда дикторша объявила о том, что обращений пришло миллионы, - эта когда же он на всё ответит, и знает ли он столько!?

Но президент оказался то же не лыком шит, как говорится, он так и заявил:

- А, что это я один буду за всё отвечать, ну ка пригласите сюда всех министров во главе с их председателем, пусть ка они то же рогом пошевелят. Да посмотрят в глаза народу, хотя бы через телевизор.

Против президента не попрёшь, быстро все приближённые заполнили аудиторию, без всяких возражений заняли свои места. И это очень понравилось пенсионеру Деревянко:

- Ишь, бабка, как он их дёржит на коротком поводку, не то, што наш местный галава, орёт, орёт, а всё толку нет.

И вот начались прямые ответы на прямо поставленные народом вопросы.

Первый, как всегда был международный вопрос:

- Сколько времени мы ещё будем помогать гуманитарной помощью различным странам ближнего и дальнего зарубежья? – Намекая на то, что сами-то мы не шибко богаты, спросил один интеллигент из Москвы.

На что президент ответил, что мы не можем бросить в беде дружественные нам страны, в сложный момент для нашей страны, они тоже не обойдут нас своим вниманием и кинут, когда, ни будь, лишний кусок со своего стола. К тому же нас окружают недружественные особи из НАТО, озлобленные, как собаки и, чтобы они не рвали, в злобной ярости, свои цепи, им нужно иногда бросать жирные куски мяса.

С этим ответом пенсионер Деревянко был, совершенно, согласен. Он вспомнил девяностые годы, когда его страна Россия, богатейшая и огромная, под управлением нового правительства, дошла до нищеты, потому, что злобные особи из НАТО, объединившись с новыми российскими демократами, дорвались до обеденного стола, и мясо наше жрали, уже не кусками, а заграбастали всё, без остатка. И ещё он вспомнил, как видя такое тяжелое положение в России, её людям стали присылать гуманитарную помощь другие страны, и даже так ненавистного нам блока НАТО. Сидор Прокопович сам ходил в местную администрацию и получал эту самую гуманитарную помощь. Он вспомнил, как ему выдали большую бутылку рафинированного масла, у нас в такие бутылки масло ещё не разливали. И используя это масло по назначению, он поставил пустую бутылку на видном месте, чтобы все кто приходил к нему в дом, завидовали его связям с заграницей. И ещё ему в администрации выдали красиво упакованный свёрток со шмотками, за целлофановый мешок была зацеплена этикетка, на которой русскими буквами было нацарапано: «ит из ДЖАПАН», что, как потом сказал зять, означало примерно «это из Японии». Сидор Прокопович долго не открывал пакет, дожидаясь визита зятя, хотел подарить ему, в то время в городе жилось ещё хуже, чем в деревне. Зять приехал, расшифровал надпись на пакете, обрадовался подарку, но когда пакет развернули, он от него отказался. В пакете оказался рабочий костюм, видимо самурая, так как половины одной штанины и рукава отсутствовали, видимо самурай,

защищая свою честь, долго бился на японских мечах с врагами и потерял эти, озвученные выше, принадлежности, вместе с находящимися в них частями тела. Но так как кровь на шмотках, всё - таки, отсутствовала, Деревянко отрезал остальные лишние штанины и рукава, получился отличный летний костюм, для полевых работ, который до сих пор висел у них дома в старом шкафу.

Такие вот мысли промелькнули в голове Сидора Прокоповича, пока первый вопрос подробно разбирали подключившиеся члены правительства.

Второй вопрос задал патлатый, сухопарый молодой человек в больших очках с толстыми стёклами, откуда он родом не сказал, видимо определённого места жительства не имел:

- А скажите мне, пожалуйста, как вы относитесь к крипто валюте и когда можно будет свободно заниматься её накоплением на виртуальных счетах.

- Бабка, чо он сказал? Какая крихто валюта? – озадаченно вопрошал пенсионер Деревянко. Екатерина Матвевна ничего не сказала, только тупо глядя в телевизор, пожала плечами.

А президент в это время, на поставленный вопрос, предложил ответить председателю Центробанка:

- Да, это валюта будущего, - загадочно закатив глаза, начал пояснять тот, - но некоторые владельцы финансовых компьютерных программ уже сейчас начали многократно увеличивать свои виртуальные счета, некоторые в миллионы раз.

- Бабка. Сколько у нас в наличии денег? – Не справившись с охватившей его алчностью, спросил дед.

- Тебе зачем? – удивлённо спросила та.

- Давай обменяем на эту самую крихто валюту! – Хотел ответить дед, но вспомнив, что представитель Центробанка говорил о каком - то компьютере и о каких - то программах, только махнул рукой.

А отвечающий на вопрос председатель, в это время, добавил:

- Прошу учесть, господа, что эти все операции, с крипто валютой, очень рискованные, можно в один час несказанно круто разбогатеть, а затем, в этот же час, оказаться нищим.

« Слава богу, - подумал пенсионер Деревянко, - што я не успел обменять «деревянные» рубли на эту самую крихто валюту!»

А в это время на экран телевизора вылезла бойкая, средних лет бабёнка и, расталкивая окруживших её корреспондентов, заверещала:

- Я с Дальнего Востока, приехала туда получить свой, обещанный по правительственной программе, гектар земли, а мне дали только девяносто пять соток, это, что за безобразие!

- И правда, безобразие! – Рассердился президент, - ну ка выведете мне на экран губернатора этого края. Вам ничего нельзя поручить, любое дело загубите, - продолжал возмущаться президент, после того как на экране появился губернатор, с низко опущенной виновато головой, – в общем так, губернатор такой-то, если завтра не вернешь пять соток земли, у тебя на усадьбе, заставлю данной гражданке построить дом.

« Вот дура, - подумал пенсионер Деревянко, из - за каких-то пяти соток вылезла на экран. Ни каких соображений нет. Вот я прошлый год, незаконно для своей пасеки урвал два гектара земли на административных лугах, без спроса, местный глава начал орать, пугать меня прокуратурой. Я отвёз ему флягу мёда, и всё уладилось, он мне ещё полгектара выделил и выписал документы на владение этой землёй».

«Она- то дура, а губернатор ещё дурней, - продолжал думать Сидор Прокопович, - што ему на дальнем востоке земли мало. - Он Сидор, когда- то

жил там, так вот эта земля сотнями гектар расстилается до самого горизонта, никому не нужна, а тут пять соток, из- за них теперь попал на крючок, дурная башка».

- Слухай бабка, штой-то на моё письмо ни хто не отвечать? Неуж не дошло, наверна эроплан сломался, – сокрушался пенсионер Деревянко.

Но в это самое время на экране опять появилась большая группа репортёров и, видимо так было задумано, один из них обратился к столпившемуся народу:

- Скажите уважаемые, господа, какой же, на сегодня, вас волнует вопрос больше всего?

Господа, расталкивая друг друга, кинулись к микрофонам и, перебивая друг друга, завопили:

- Когда же, в конце - концов, нас перестанут грабить, нефти добываем больше всех, а бензин с каждым днём дорожает на рубль, а то и два! - Кричали сразу несколько человек в одни микрофоны.

- Когда же перестанут повышаться цены на коммунальные услуги, - орали со всех сторон в другие микрофоны, - живём как Бобики в конуре, а дерут, как за царские дворцы!

- Вот бабка письмо то моё, видима, дошло, не могу только понять, как енти люди смогли его прочитать?

А на экране в это время появился председатель правительства, дед не заметил, как это произошло, но видимо ему, председателю, было поручено отвечать на данные вопросы:

- Уважаемые друзья! – Пенсионеру Деревянко очень понравилось обращение, он терпеть не мог, когда людей обзывали господами, - я как председатель правительства беру на себя ответственность за допущенную ошибку. Да стоимость бензина за последнюю декаду возросла в среднем по стране с тридцати пяти рублей до сорока пяти, - председатель вытащил из

портфеля калькулятор и начал быстро водить пальцами по нему.- Акцизы..., баррель..., доставка..., сорок пять пишем, рубль на ум пошло...- бормотал он, - ничего страшного всего подорожал на три процента, сейчас мы это остановим, обещаю!

- На какие три! - вырвался из толпы одинокий возглас.

- Сказал на три, значить на три и «баста», - парировал председатель, - а по жилищно коммунальному хозяйству, я слово предоставляю своему заместителю по данным вопросам.

- А я, что могу, бензин дорожает, электричество тоже, заработная плата у коммунальщиков растёт, отсюда и таков результат.

-А почему электричество дорожает? – обратился председатель к министру энергетики.

- Так бензин подорожал, - ответил тот.

- А почему бензин подорожал?

- Так на электричество цены выросли.

-Слушайте, какой-то замкнутый круг, - возмутился президент, - вы идите отсюда, разберитесь сначала сами, а потом мне доложите.

-Ну, вот бабка, што я и говорил, счас он закончит с нами говорить и всыпит етим министрам как следоват, - обрадовался пенсионер Деревянко.

А на экране появилась болезненного вида женщина, держась за грудную клетку в том месте, где предположительно находилось сердце, она слабым голосом, жалобно залепетала:

- Больницы в селе нет, люди болеют, до районной больницы далеко, скорой помощи не дождёшься, что делать, хоть ложись и помирай.

- Где у нас министр здравоохранения? – Спросил президент и, заметив её в дальнем углу, предложил, - отвечайте на поставленный вопрос.

Вот тут- то пенсионеру Деревянко лучше бы отойти, куда ни - будь, от телевизора, например, попить чайку, либо в туалет, чтобы не слышать ответа

медицинского министра, но этого не случилось, он наоборот, развесив уши, уставился в экран.

А министр здравоохранения тем временем, оседлав «любимого конька», подробно начала излагать тезисы достижений отечественной медицины, её дальнейшее развитие, научные разработки в сфере сердечнососудистой хирургии и борьбы со злокачественными опухолями.

-Вы не волнуйтесь, - продолжала она, - на те, деньги, которые выделены в этом году из бюджета, мы скоро дойдём до каждой деревни и даже хутора. А что касается городских и районных клиник, мы уже начали разрабатывать новую программу: «Каждой семье свой доктор», да, да товарищи, вами будут заниматься, ни какие попало доктора, а те которые вам понравятся, и вы и ваша семья будете пользоваться их услугами. И ещё не забывайте каждые полгода проходить обследования вблизи расположенных от вашего дома клиниках, мы сейчас за этим следим строго. Всё это должно проводиться бесплатно.

- Ах, мать твою...- восхищённо воскликнул пенсионер Деревянко /эти три слова, в его лексиконе, обозначали и радость, и возмущение, и восторг/. Он, может быть, и не поверил бы этой медичке, но её обращение к народу «товарищи» окончательно убедило его в правоте сказанного. Он принял это, как призыв из прошлого, социалистического: «товарищи верьте мне!»

Больше пенсионер Деревянко слушать ничего не стал, выключил телевизор, и возбуждённо заходил из угла в угол, благо ходить далеко не пришлось, изба размерами была три на четыре метра.

-Всё бабка, завтра пойдём в рыйон, в полуклинику, - кидал на ходу пенсионер Деревянко, - мы ни кода не были в больнице, пора к дохтурам, пуцай они нас оглядать, я знать хочу долго ли мне престоит дальша жить. Тем более бесплатно. А там завидём сибе домашнева дохтура и будим жить

препиваюче, только болезнь в дом, а домашний дохтур тук её по башке, и всё в норме.

- Я ни куда не пойду, - категорически заявила Екатерина Матвевна.

- Ну, ты как хошь, я от таких благостей не откажусь, завтра прямо в шесть часов утра подамся в рыйон.

Рано утром пенсионер Деревянко положил в котомку краюху хлеба и два огурца, прощально кинув взор на старуху, двинулся в сторону районного центра, где располагалась поликлиника обслуживающая посёлок в двадцать тысяч и район в тридцать тысяч человек.

До перекрёстка, у которого останавливался автобус, три километра пути. Сидор Прокопович это расстояние преодолел примерно за час. Езда на автобусе, тридцать километров отняла ещё один час. Поиски поликлиники ещё полтора. В общем, по месту назначения, пенсионер Деревянко прибыл в половине десятого, когда основная масса талонов на приём к врачам была уже разобрана. К тому же, как вы помните, он никогда ранее не обращался в больницу и всей процедуры попадания к нужному доктору не знал. Зайдя внутрь лечебного заведения и увидев огромную массу народа, толпившуюся у дверей кабинетов, пенсионер Деревянко растерялся и хотел уже было дать тягу домой, но в это время, проходящая мимо, санитарочка, увидев оторопевшего старика, участливо спросила:

- Вам к какому врачу, дедушка?

- К своему, касатка моя, - успокаиваясь, ответил старик.

- К какому своему?

-Да я и сам не знаю пока.

-А ты читать умеешь, дедушка?

-Да, малость соображаю.

-Ну, тогда вон, видишь белая доска висит, это расписание работы врачей, подойди, почитай, может, и вспомнишь к кому тебе нужно, а мне некогда, надо работать.

Пенсионер Деревянко подошёл к расписанию и, уставившись на доску, вспомнил, что забыл очки дома. Но буквы были выведены крупным шрифтом и он, присмотревшись, стал читать по слогам:

- Ухо-гор-ло-нос, ухогорлонос – это фамилия, што ли таковская, - задумался старик, - ухагорланос, нет к нему я не пойду, уж сильно заковыристое штой –то.

- Сто-ма-то-лог, а этот, наверное, сильно материться, сто мат понятно, что жа обозначает олог, - размышлял пенсионер Деревянко, - нет, этот тожа не нужен, какой жа он домашний дохтур если лается, как кобель.

- Хи-рур-г, - читал Сидор Прокопович ниже расположенную строку, - хи-хи – рург, наверное весёлый человек, пойду к нему, - каб. № 10, каб, каб... кабинет, - догадался Сидор.

- Мил человек, скажи, где десятый кабинет? – Обратился он к проходящему мимо мужчине в белом халате.

- Да вот, через две двери, - ответил тот.

Пенсионер Деревянко устремил взор на указанную дверь, у которой толпились болящие, кто с костылями, кто с гипсом, а некоторые с пробитыми головами, плотно перевязанными бинтом и обильно политые йодом.

«Видно хороший дохтур, вишь, к нему, сколько народу и все инвалиды, видима тяжко ему приходится, не успевае на дому их осматривать, сюда всех пригласил. Зачем он стал сразу стольким болящим своим», - перекаtywалось в голове пенсионера Деревянко.

Подошёл ближе, прислушался, за дверью раздались стоны, затем вопли и наконец, кто-то, взыв от боли, выдал такой мат, что, стоявшая у

двери, болящая схватившись за перевязанную голову, медленно опустилась на колени.

-«Сам он етот хирург ломает им ноги и пробивает головы, што ли? - подумал Сидор, и с опаской поглядывая на хирургическую дверь, отошёл подальше, - нет, етот дохтур, нам с Екатериной Матвевной, не подходить».

- Ну, что дедушка, нашёл ты нужного врача или нет? - подбежала к нему знакомая санитарка.

- Да нет ешо, деточка.

- Ты дедушка, наверное, сам не знаешь, что у тебя болит?

- Не знаю, мне бы найти своего врача, - под словом своего скрывалось слово семейного, но Сидору Прокоповичу это слово нравилось больше.

- Тогда тебе нужно попасть к терапевту, а уж он определит, куда тебя направить дальше. У нас здесь все, кто не знает, что у него болит, идут к терапевту.

- Спасибо тебе деточка. А где етот тарапедт сидить?

- Дойдёшь до конца коридора увидишь.

Но до конца коридора пенсионеру Деревянко дойти не удалось. Метров за десять от этого конца всё пространство коридора было забито людьми, скорее всего больными, а может, и нет, может теми, кто вчера прослушал прямую линию с Москвой.

- Ет хтойт такие? – Спросил пенсионер, последнего в этой толчиие.

- Больные, все к терапевту. А ты то же, дед?

- Да, – ответил Сидор и затем снова спросил, - видима, хороший дохтур раз к нему столько желающих быть своими? - Гнул он министерскую линию.

- Какими, к дьяволу, своими,- ничего не понял «последний в толчиие», - к этому своему нужно записываться за неделю и то хрен попадёшь. А ты старик талон то на очередь взял?

- Какой талон? Где его берут?

- Где, где, в Караганде, - хмыкнул тот, - иди в регистратуру, там тебе выпишут талон и растолкуют, что к чему. Вот там, как заходишь в поликлинику, стойка застекленная, это и есть регистратура.

Пенсионер Деревянко, понурился, двинулся в указанном направлении, и в эту голову его начали пробиваться сомнения в возможности приобретения домашнего доктора, но он ещё пока не терял веры в произнесённые слова министром здравоохранения, и особенно в слово «товарищи».

Подойдя к регистратуре, Сидор Прокопович уставился в вырезанное окошечко в стекле, за которым никого не было, постояв минут пятнадцать, он насмелился и позвал:

- Эй, есть тама хто- ни будь!?

Хто - нибудь, появилась, в образе довольно толстой, но удивительно доброй и смешливой женщины.

- Что, дедушка, приспичило? - Расплылась она в улыбке, - всё, талоны кончились, поздно пришёл, тебе к кому нужно.

- Да мне надо найти своего дохтура.

- А ты что не знаешь, какого тебе надо, что ли? – ещё шире расплылась в улыбке регистраторша.

- Да мне всё одно. Лишь ба он для нас со старухой стал своим.

- Дед, ну раз тебе всё равно, вот есть талоны к проктологу, - прыснув в кулак, сверкнула она лукавым взором.

« Проктолог, - задумался пенсионер Деревянко, - наверное, умный, раз так называется, значить большая прахтика».

- Ну, что пойдёшь? – не сдержавшись, захохотала регистраторша.

- Пойду! – Решился старик, - «видно хорошо они здесь живут, ишь, какая весёлая», - подумал он и направился в указанном регистраторшой направлении.

На двери указанного кабинета висела табличка, написанная крупными чёрными буквами: «ПРОКТОЛОГ», у двери никого не было.

« Ну, слава богу, хоть один не занятой, будет нам с бабкой домашний дохтур», - подумал пенсионер Деревянко и открыл дверь в кабинет.

Сразу глаза выхватили не обычное кресло, стоящее у противоположной от окна стены, похоже оно было на предмет пыток, на котором издевались над людьми. Рядом стояла кушетка, накрытая белой простыней. У противоположной, от входной двери, стены стоял стол. За столом сидел огромный детина, армянской национальности, в белом халате.

- Доброго вам дня, - робко поздоровался Сидор Прокопович.

- Пыривет, старина, - ответил детина, - садыс на кушетка.

- Да я постаю, - с сомнением, глядя на армянина, ответил Сидор, - «да, вот это дохтур, домашний, придёт в дом, конец нам с бабкой», - подумал он.

- Пачэму постаю, што припекло, сидеть нэ можэшь, - сочувственно, но с напором сказал доктор, - што тэбя беспокоит?

- Да я ишу своего дохтура, - смущённо ответил старик.

- Вах, иесли у тэбя гэморой, я буду тэбе своим дохтором, ганецвале.

-«Какой ещё гэмарой, пчелиный рой я знаю, а што ето ешо за гэморой»? – всё больше напрягаясь подумал пенсионер Деревянко.

- Снэмай шатаны, знакомитца будэм .

- Дык зачем снимать штаны, давай знакомица так.

- Э, дарагой, я нэ настолько зоркий, чтобы видеть скывозь твои шатаны.

«Видимо так нужно для первого осмотра», подумал Сидор Прокопович, и, расстегнув ремень, приспустил штаны.

- Лезь в кирэсло, - приказал доктор.

- А што по другому ни как нельзя, - взмолился старик.

- Почэму, можна, залэзай на кушетка, становись на чэтвереньки.

И тут пенсионеру Деревянко вспомнилась одна история, рассказанная по телевизору, про нетрадиционный однополую любовь, когда он спросил про это у зятя, тот долго плевался и столько же долго матерился, называя этих людей подонками, и ещё каким-то очень не хорошим словом.

« Ну, уж нет, с меня хватит домашних прахтологов», - перебирая в уме рассказанное зятем, подумал Сидор Прокопович, и наконец, вспомнив каким словом, называл тех людей зять, напрягся, как заяц для прыжка.

Он приподнял штаны, делая вид, что хочет забраться на кушетку, и вдруг ломанулся к двери. Не помня себя, от радости спасения, пролетел по коридору, расталкивая болящих и придерживая штаны и ремень рукою. И всё бы кончилось совсем благополучно, но уже на крыльце из ослабевшей руки выскользнули ремень и штаны. Пенсионер Деревянко, запутавшись в них, грохнулся с крыльца.... И вот результат, он в больнице... . Попал куда хотел на полное обследование, бесплатно. Две ноги переломаны, и голова пробита, зато познакомился с хирургом. Хирург оказался очень хорошим человеком, так же как и проктолог Аванисян, после того, как Сидор Прокопович поведал своим приятелям по палате всё то, что с ним произошло, кто-то рассказал эту историю Аванисяну. И теперь проходя мимо палаты пенсионера Деревянко, Аванисян заглядывал в неё и приветствовал старика:

- Эй, свой человек, пэривэт!

Сидора Прокопьевича навестила Екатерина Матвевна, и принесла злополучный конверт, который вернули с почты. Сидор Прокопович забыл наклеить на него марку.

Приходил и зять, который поведал, что председатель правительства сдержал слово: цены на бензин были заморожены и даже снижены на пять копеек. Но зато на электричество повысились на десять. А коммунальные услуги подорожали на двенадцать процентов.

« Видимо забыл президент всыпать этим министрам и их заместителям, как следует», - горевал пенсионер Деревянко и, попросив у хирурга конверт, начал писать новое обращение в Москву в Кремль или в Белый дом, куда точно он не знал, но они там грамотные разберутся...

Жаль старика, про марку-то он опять забыл.

2018 г. События не давние.

КАТАЛКА.

/ Медицинский рассказ не профессионала./

1

Мария Прокопьевна, медицинская сестра хирургического отделения третьей городской больницы города Н, размахивая руками, громко мужским, прокуренным голосом возмущалась, сидя на обшарпанном кресле дежурного поста:

- Припёрли, опять, какого - то Московского депутата, места в Москве не нашлось, - старая фронтовичка, устроившись сразу после окончания войны в эту больницу и не имея родственников, она практически в ней жила. - Камни, видите ли, у него из почек посыпались, болтал, наверное, много, вот они от сотрясения-то и ринулись вниз.

Мария Прокопьевна была хоть и беспартийная, но старой коммунистической закалки. Не любила разных «блатных», за которыми нужен особый уход. Не доверяла разным новшествам, особенно вновь появившимся одноразовым шприцам:

- Дьявол их знает, чего они туда наложили, прежде чем упаковать эти шприцы, - басила она своим мужским голосом и, по старинке, пользовалась многоразовыми, поэтому в её дежурство, на посту постоянно кипел стерилизатор с этими старыми, но, как она считала, надёжными принадлежностями. Конечно, возможно она бы приняла это новшество, если бы одноразовые шприцы были для всех, а не только для «блатных» и богатых, способных их купить за собственный счёт./В то время, они только что входили в процесс их применения./

При всех её недостатках, к своим обязанностям она относилась ответственно. Так, как она ухаживала за больными, в послеоперационный период, ухаживать никто из сестринского персонала не мог. Она просто становилась родной матерью каждого. Была строга и, учитывая её большой рост, и умение выражаться соответственно поведению страждущих, никто больничным режим в её смену нарушать не смел. Кроме того, Мария Прокопьевна готова была в любой момент подменить коллегу, в ночь либо в день, не имело значения.

Народный депутат Головин Николай Васильевич, был не виновен в том, что с ним произошёл такой казус, он объезжал на машине свой округ, на котором работал честно, постоянно встречался с избирателями, доверившими ему столь высокий пост, и по мере своих сил, всячески им помогал. И вот на одной из просёлочных дорог, у него случился приступ, как позже, в больнице, выяснилось почечной колики. Поэтому ему было не до Московской клиники, да он там никогда и не лечился.

В больнице №3 переполошились, а как же Народный депутат Советского Союза, это тебе не хрен на грядке. И пока его возили на рентгеновский снимок, из палаты, где должны были лежать шесть человек, вывезли пятерых в коридор, под возмущённые вопли Марии Прокопьевны:

- Это, что же творится, чем же эти люди хуже какого - то Московского депутата! Сейчас всё брошу, пойду жаловаться главному врачу,- она бедная не догадывалась, что такое распоряжение, как раз от него и поступило.

Но когда депутата Головина завезли в эту пустую палату, он возмутился не меньше Марии:

- Эй, сестричка! – громко позвал он, так как доставившие его врачи, видимо ушли советоваться, что же дальше делать.

-Чего тебе?- грубо спросила появившаяся на пороге медсестра,
- горшок подать?

- Нет, мамаша, горшка не надо, богато вы живёте, шестиместная палата на одного человека.

- Так это всё из - за тебя, их вон вышвырнули в коридор, пусть сдыхают, лишь бы тебе хорошо было.

- Ты сестричка не шуми, я тут не причём, позови ка мне заведующего отделением.

Появившийся заведующий, взволнованно, вытирая пот со лба, пролепетал:

-Что ни будь не так, скажите, мы сейчас поправим.

-Что ж ты меня заведующий на посмешище выставил, где остальные пациенты. Какой же я, к дьяволу депутат, если даже в больнице вы меня от народа отделили, и что же потом скажет этот народ дома, когда выпишется из вашей больницы. Но с таким отношением некоторые и вообще могут домой не попасть.

Больных быстро вернули на место, к великой радости Марии Прокопьевны, но доверия депутат пока ещё от неё не получил:

-Видимо рисуется, - ворчала она себе под нос, - авторитет зарабатывает.

А депутату Головину было не до этого, у кого хоть раз была почечная колика, знает, что это такое. Кажется, что вонзённый в почку гвоздь сам по себе поворачивается и при этом собирает все почечные ткани в кучу.

Мария Прокопьевна вытащила из стерилизатора многоцветный шприц, выбрала самую толстую иглу, которая там лежала, набрала «баралгин» и, протерев спиртовой ваткой место ниже поясницы, с удовольствием загнала эту иглу в то протёртое спиртом место:

-Пусть почувствует, каково здесь у нас в местных больницах, - злорадно подумала она, приписывая по прежнему депутату московскую принадлежность.

Но Николай Васильевич боли не почувствовал, скорее та боль, которая исходила из почки, перекрывала боль от шприца.

Ночью ему становилось всё хуже, и медсестра уже сочувственно через определённое время, ставила ему обезболивающие препараты, выбирая иглу по - тоньше.

Утром в палату пришли сразу несколько врачей, во главе с заведующим хирургическим отделением.

- Ну, что Николай Васильевич, мы пришли к такому выводу, что нужно делать операцию, возникла непроходимость мочи, что, через несколько часов, может губительно воздействовать на сохранение почки. Если вы нам доверяете, сегодня вам сделают операцию, врачи у нас опытные, вот товарищ Петушков Виктор Сергеевич, много лет практикует такие заболевания, можно сказать, щёлкает, как орешки.

- Вам виднее, нужно делайте, я согласен, - обречённо произнёс Головин, - «приятного мало, ну да куда деваться, без почки жить то же не мёд, тем более врач Петушков, почти свой человек», - подумал он. Николай Васильевич, кроме депутатских обязанностей, был ещё директором птицефабрики.

2

Буквально, через какие то, пятнадцать минут, все засуетились, в палату вошла Мария Прокопьевна:

- Ну, что депутат раздевайся, а я пока пойду за каталкой, поедем со скальпелем знакомиться, - пошутила она.

- Как раздеваться то? – опешил Головин.

-Ты, что, от боли, совсем одурел? Как, как, снимай трусы и майку, да поскорей. – Дав распоряжение, скрылась за дверью, видимо, пошла за каталкой.

Через несколько минут послышался шум приближающегося агрегата, по больничному полу зашумели-загудели колёсики. Но что-то в этих звуках было не обычное, какой-то происходил сбой с начала ровное «джжжи...» затем вдруг резкое «тук-тук...» и снова «джжжи...» и вот вместе с этими звуками, в палату закатилась каталка, накрытая белой простыней, в сопровождении медсестры Марии Прокопьевны.

- Ну, что, болящий, залазь на каталку, поедем.

-А может быть, я сам дойду? – Стыдливо прикрывая тело ниже живота, попросил Головин.

-Не дури, депутат, ложись, ишь застеснялся, значить ещё не совсем припекло.

Николай Васильевич улёгся на каталку, накрылся простыней.

-Ну, с богом! – Глядя в угол палаты, проговорила медсестра, как будто с кем-то договаривалась о благополучном исходе задуманного дела.

И каталка сначала плавно выкатилась из двери палаты «джжжи...», но вдруг дёрнулась «тук-тук...», больного мотануло слегка в сторону и затем снова наступил плавный полёт «джжжи...» и через несколько секунд опять «тук-тук...»

- Ах, токую то мать! - Загудела Мария Прокопьевна, толкая перед собой эту злополучную каталку, - когда же её отремонтируют или купят новую? Положить бы на неё главного врача вместе с заведующим отделением, разогнать, да спустить с пятого этажа! – Буйствовала она, не обращая внимания на то, что этот заведующий отделением, понутив голову, плёлся сзади данной процессии.

Сопровождаемая возмущённым гудением медсестры, процессия, наконец, достигла двери операционной. Головина переложили на другую каталку, и уже другие медсестры, подкатив её к операционному столу, переложили депутата Головина на этот стол. Что было дальше Николай

Васильевич, обколотый различными препаратами, помнил смутно, единственное, что запомнилось надолго, это то, что в операционной было холодно и хотелось залезть под одеяло, желательно стяжённое. Затем к его руке протянулась трубка капельницы, и через минуту он провалился в кромешную темноту...

-...Николай Васильевич, пора открывать глаза, - сквозь толщу отходившего сна, над самым ухом, слышался, сначала далёкий, но с каждой секундой приближающийся, звук женского голоса. Головин с трудом открыл тяжёлые веки, попытался поднять голову, ничего не получилось, в медленно проясняющемся сознании, схваченная краем глаза возникла картина: он лежал на боку, накрытый простыней, сверху с потолка на него смотрела бестеневая операционная лампа, вокруг суетились люди в белых халатах. В боку, который находился сверху, чувствовалась пока ещё далёкая тупая боль, пошевелив еле-еле рукой Головин, обнаружил на этом боку резиновую трубку. Подошедшие медсёстры, перевернули его на спину, и переложили на каталку.

- Куда его?- Послышался чужой женский голос.

- В реанимацию, - ответил голос хирурга Петушкова.

Каталка выкатилась из операционной и ровно поплыла в сторону грузового лифта.

- А где же Мария Прокопьевна, - слегка встревожился Головин, ожидавший услышать жужжание и постукивание коляски своего отделения. - Почему реанимация? – Медленно возник в одурманенной наркозом голове, вопрос. Находясь в палате перед операцией, он слышал от больных с большим опытом то, что в реанимацию увозят тяжело перенёсших операцию, а он чувствовал себя ни так уж и плохо.

«Что-то тут не так», - подумал Головин, но спросить не мог, так как был ещё довольно слаб, да и не хотел показать своё волнение по этому поводу.

Зашумели открывающиеся двери лифта, каталка с представителем законодательной власти закатилась в него, и он медленно двинулся вниз.

В реанимации, начинённой различными приборами, его продержали сутки, подключая постоянно к капельницам с различными растворами, и подкалывая одноразовыми шприцами. После чего вывезли в одноместную палату, но не своего отделения, а ортопедического, мотивируя это тем, что процедурная сестра данного отделения, самая опытная и лучшая в этой больнице. На третий день Головину разрешили встать. Поднявшись, он обнаружил резиновую трубку, которая торчала из под бинта, закрывавшего операционный шов, на его боку. Трубка была опущена другим концом в баночку, подвешенную к кровати, и из неё постоянно струилась жидкость.

-Вы теперь эту баночку при ходьбе должны носить всегда с собой, - сказала самая умная медсестра ортопедического отделения.

-И что же я теперь всю жизнь буду ходить с этой баночкой? – Испуганно спросил депутат.

- Я не знаю, спросите у доктора, - виновато потупившись, ответила она.

Доктора не заставили себя долго ждать, их появилось, вдруг, столько, что они не смогли все разместиться в одноместной палате, и часть из них остались стоять в коридоре.

- Виктор Сергеевич, что со мной, почему я должен теперь постоянно ходить с этой баночкой, - возмущённо спросил Головин.

- Кто вам это сказал Николай Васильевич? – Как-то слегка пришибленно спросил Петушков.

-Вот, ваша лучшая в больнице медсестра.

- Да, нет, ничего страшного не произошло, она просто не разбирается в вопросах урологии, - не уверенно залопотал он, – недельку, другую и всё будет нормально.

- Если она не разбирается в этих вопросах, на кой дьявол вы меня сюда завезли? И потом вы после операции мне сказали, что с этой трубкой я прохожу два, три дня, а теперь счёт идёт на недели.

-Успокойтесь молодой человек, мы разберёмся во всём и всё, что нужно сделаем, - выдвинулся вперёд старичок еврейской принадлежности.

- Да уж, попрошу поскорее это сделать! - Угрожающе произнёс Головин, - я смотрю, вы и сами толком не знаете, что дальше делать.

Выйдя в коридор, врачи став в тесный кружок, начали наперебой обсуждать сложившуюся обстановку. Говорили, перебивая друг друга, быстро разбрасывая латинские медицинские термины, и лишь старичок еврейской наружности произнёс вроде понятную фразу:

-Да уважаемый Виктор Сергеевич, ваша ошибка, что я могу сказать, вы допустили «редкий шов», либо пропустили стежок, вот вам результат: образовался свищ.

-Да, я очень волновался, не каждый день делаешь операцию Народному депутату СССР.

-Вам, что в институте не говорили, что хирургу при операции волноваться нельзя, вы, что барышня кисейная, - наседали старичок еврейской наружности, - вам это может дорого обойтись, пойду сейчас звонить в облисполком, вы даже это не удосужились сделать, сразу нужно было доложить, что к вам поступил депутат Верховного Совета.

Весь этот разговор слышал Головин, но вмешиваться не стал, так как понял, что дело не шуточное, и что он не скоро вернётся к исполнению своих обязанностей. И ещё он понял, что старичок этот опытный профессор – уролог, то есть врач, который чужие почки знает лучше своих, а хирург Петушков, который эти болезни «щёлкает, как орешки» на сей раз промахнулся.

После обеда приехал председатель Облисполкома Иноземцев, пришёл в палату, пожурил болящего за то, что он сам не позвонил в исполком, намекнул на то, что надо было ехать в Москву, видимо обеспокоенный тем, что о врачах его области теперь пойдёт дурная слава.

-Какая Москва, меня сюда скорая помощь доставила, - нехотя отмёл позицию председателя Николай Васильевич.

В такой обстановке не очень - то хочется говорить о серьёзных делах, тем более о пустяках, председатель виновато потоптался у кровати болящего, и настроился уходить.

-Ты у меня головой ответишь за происходящее! – Изрёк на прощание Иноземцев, обращаясь к главному врачу больницы, который все это время общения, переминался с ноги на ногу у порога палаты.

Сразу после ухода высокого начальства, забегали врачи, выписывая различные назначения, замелькали медсёстры со шприцами, Головин не успевал поворачиваться, принимая различные уколы, и уже через десять дней на мускулах находящихся ниже спины, не осталось живого места. Но толку, никакого, не было, баночка, которая теперь сопровождала болящего, не просыхала, так как из трубки в неё продолжала поступать жидкость.

Николай Васильевич уже совсем было отчаялся, ему хотя бы поговорить с кем, но палата была одноместная, да и со своими почками, он среди больных с костылями и гипсом, выглядел белой вороной.

- Когда же будет принято хотя бы какое-то решение? – Обречённо думал он. – Спрятали меня здесь, что бы скрыть свой грешок.

Но, вдруг, на десятый день, лёжа на койке в полудрёме, Головин услышал знакомые звуки: «джжжи...» и через несколько секунд «тук- тук» он торопливо сел на кровать, в спешке чуть не разбил баночку. Сердце радостно забилось, эти звуки разнеслись в голове, как хорошая желанная музыка. И снова «джжжи...» «тук-тук», дверь палаты открылась, на пороге стояла

медсестра урологического отделения Мария Прокопьевна, держась руками за ручки знакомой каталки:

- Ну, депутат удивил ты меня, я то думала, ты концы отдал в операционной, ждала, ждала, когда позвонят забирать тебя, не дождалась, так и думала, угробили. А сегодня заместитель главного врача по хирургии посылает меня, иди, мол, Прокопьевна, забери из ортопедии депутата, да вези его снова в операционную. Теперь она тобой будет заниматься, Антонина Тихоновна, она тоже почечный хирург. Давай депутат раздевайся, ложись на каталку.

-Ну, что вы Мария Прокопьевна, только встретились, сразу раздевайся,- пошутил обрадованный появлением нужного человека Головин, - можно я пойду пешком, вести – то далеко, а я тяжелый.

- Ложись не канючь, ни таких быков возила, не положено пешком.

И вот уже снова под лежащим на каталке депутатом заиграла знакомая музыка: «джжжи...» «тук-тук», но теперь эти звуки и периодическое подёргивание, вселяли надежду на благополучный исход лечебного процесса, и на душе Головина расплылось удовлетворение.

Подкатили к двери, на которой висела табличка «Процедурная»

-Все - таки не операционная, - облегчённо вздохнул Головин.

Перевалили порог, и взору болящего предстало внутреннее содержание этого кабинета: у противоположной стены стояли металлические белые шкафы, сквозь стеклянные дверки которых были видны множество различных медицинских приборов и упаковок с медикаментами, слева, так же у стены, стояло странное кресло, по виду которого Головин догадался, что оно предназначено для женского персонала. По кабинету расхаживала женщина среднего возраста, среднего же роста, в белом халате и в марлевой маске на лице.

-Ну, что Николай Васильевич, попали под раздачу, - заверещала она пронзительным голосом, - но ничего, безвыходных ситуаций у нас не должно быть.

« Это и есть, наверное, Антонина Тихоновна», - догадался депутат, опасливо поглядывая на причудливое кресло.

- Ничего не бойтесь, сейчас мы вам загоним в мочеточник стенд, полежите три дня, всё зарастёт, как на с... младенце, быстро поправилась она. Вы как на это смотрите?

-Вашими глазами, им видней, - пошутил Головин.

-Да вы шутник, это хорошо, ну в таком случае, вставайте с каталки и размещайтесь в этом кресле.

Головин, измученный разными процедурами, уже без всякого стеснения перебрался в предложенное ему удобство.

-Аня,- обратилась Тихоновна к медсестре, находящейся тут же в кабинете, - давай ка мы больному поставим кубик однопроцентного морфина, думаю, с одного раза он наркоманом не станет.

Получив предложенный кубик, Головин сначала не почувствовал ни каких изменений, но через несколько минут ему вдруг стало так хорошо, что он раскорячив ноги в кресле, чуть не запел.

Определив по внешним изменениям, произошедшим с пациентом, что пора действовать, доктор достала из целлофановой упаковки этот самый стенд, им оказалась тоненькая, длинная трубочка, раскрашенная в чёрно-белый цвет, как змея.

- Ну, что уважаемый Николай Васильевич, поехали, - и стенд, направляемый опытной рукой доктора, пронизав орган, о котором в тексте упоминать не принято, потыкавшись в стенки мочевого пузыря и найдя выход в мочеточник, медленно стал приближаться к почке, не смотря на благотворное влияние морфина, процедура была не из приятных.

И снова каталка, управляемая Марией Прокопьевной, затянула свою любимую мелодию: «джжжи..., тук-тук...», но вот и знакомая одноместная палата, опять в ортопедии, всё - таки местная врачебная мафия решила до конца скрывать своего «графа Монтекристо».

- Николай Васильевич, я вас настоятельно прошу, не делать никаких резких движений, и уж вставать категорически запрещаю, - строго наказала сопровождающая до палаты процессию Антонина Тихоновна.

Головин, пока его везли по коридорам и перекладывали на кровать, находясь под воздействием морфина, испытывал не вероятную эйфорию чувств, в этот момент он любил всех и доктора Антонину Тихоновну и медсестру Марию Прокопьевну и особенно каталку с её неповторимой песней: «джжжи..., тук-тук...».

Но пролежав неподвижно часа два на спине и постепенно освобождаясь от воздействия наркотического дурмана, ему захотелось повернуться на бок либо встать, что бы размяться, но он понимал, что делать этого нельзя, иначе нарушив указания врача, он тем самым навредит процессу выздоровления, и может надолго заваляться в этой одноместной палате. Пролежав ещё несколько часов Головин начал впадать в депрессию.

Конечно, его, во время пребывания в этом больничном каземате, постоянно посещали родные, друзья и подчинённые ему по долгу службы специалисты, скрашивая каким-то образом это тоскливое время. Он, правда, стеснялся того, что им приходилось видеть директора и депутата Головина с резиновой трубкой и стеклянной баночкой в кармане, ему казалось, что такой вид унижает его достоинство, постепенно он к этому начинал

привыкать. Но сегодня, от неподвижного лежания, на него навалилась тоска по воле, по работе и даже по исполнению депутатских обязанностей:

« Насколько слаб человек против природы, против случая, - думал Николай Васильевич, - В прошедшем году Николай Васильевич стал Народным депутатом Советского Союза. Впервые кандидатов в депутаты СССР не предлагали из Москвы, а их выдвигали коллективы, рабочие либо партийные, принималось даже самовыдвижение, как позже выяснится «на свою шею хомут». На округе №159 куда была выдвинута кандидатура Головина, коллективом его птицефабрики, сначала было семь кандидатов, но после того как на этом же округе появилась кандидатура первого секретаря Обкома коммунистической партии, все кандидаты, кроме Головина быстренько сняли свои кандидатуры. А Головин упёрся, да и секретарю это было «на руку». По закону о выборах, на одном избирательном округе должно быть не менее двух кандидатов. В Обкоме посчитали, что какой-то директор птицефабрики не может выиграть выборы у первого секретаря Обкома, и просчитались.

Округ состоял из трёх городов и семи сельскохозяйственных районов. Предвыборная компания проводилась вживую, то есть каждый кандидат должен был встречаться с народом и, глядя этому народу в глаза предлагать своё виденье исполнения обязанностей депутата, в случае его избрания.

Доверенные лица первого секретаря обкома давили на то, что у их представителя больше возможностей, чем у какого – то директора. Но народ, впервые узнавший, что кандидатуры на них свалились не из Кремля, отмёл такой подход к достоинствам кандидатов. Избиратели заявляли, что если к секретарским возможностям добавить ещё и возможности депутата в образе Головина, то вдвоём они горы свернут.

Кроме того у кандидата Головина и его доверенных лиц было, что предъявить народу, птицефабрика возглавляемая Николаем Васильевичем, в

прошлом году получила самую высокую награду в СССР: переходящее красное знамя ЦК КПСС, ВЦСПС и Ленинского комсомола. Избиратели сельскохозяйственных районов, назло своим руководителям, которые призывали голосовать за секретаря Обкома, голосовали за директора Головина.

- Вот, когда научитесь работать, как Головин, тогда будете указывать, за кого нам голосовать! – Говорили они.

Города, входящие в округ, тоже не однозначно отнеслись к выдвинутым кандидатурам. Самый большой из них Шахтёрск, сразу стал на сторону Головина, шахтёрам надоело слушать обещания областного и Московского руководства об улучшении их жизни и, бросив лозунг «Головин – наш человек, не спасовал перед обкомовскими» они провозгласили:

- Кто против Головина, тот против нас!

Второй город Железнодорожный, то же взял его сторону. Продукция, производимая птицефабрикой Головина, реализовалась в этом городе и славилась отличными визуальными и вкусовыми качествами.

- От него хоть какая-то польза есть, - говорили его жители.

И лишь третий город, основной в области производитель спиртных напитков, так до самого дня голосования не смог определиться в выборе и проголосовал 50 на 50.

Уже почти в конце предвыборной компании, обкомовские очнулись, поняв, что этот директор не лыком шит, попытались нарыть на него компромат, и лишь навредили себе./ Результат был не обычен для того времени. Почти невозможен: 64%- за Головина и лишь 31% за секретаря Обкома /

Николай Васильевич сам не ожидал такого результата, и сначала, вроде как растерялся, но не надолго, во время предвыборной компании, встречаясь с избирателями, он определил основные направления развития

этих городов и районов, их трудности. Подружился с их руководителями, которые под напором партийных органов, сначала не принимали его в серьёз, но познакомившись поближе, почувствовали, что он человек слова, способен многое понять и не только в сельском хозяйстве, и главное всегда готов помочь в решении трудных проблем...

И вот какой-то камушек с пшеничное зерно, в один момент остановил кипучую деятельность государственного человека. Превратив этого решительного, видного не только по делам, но и по внешности партийно-хозяйственного деятеля, обличённого высшей властью данной ему народом, в болезненного мужичка, с трубкой на боку и с баночкой в кармане, которого катают на неисправной каталке по операционным и процедурным кабинетам женщины.

Так вот, пролежав, таким образом, ещё сутки, Головин совсем впал в депрессию, замкнулся, ни с кем не хотел разговаривать и запретил пускать к себе всех посетителей кроме сына. Сын Николай, который то - же был доктором, но работал в другой больнице, приходил каждый день. Он то и раскрывал отцу таинства происходящего процесса разгерметизации его мочевыводящих путей.

На третьи сутки, дошло до того, что Головин потребовал, у появившейся Антонины Тихоновны ещё дозу морфина, на что она обозвала его слюняем и размазней. Пристыженный депутат, кое-как взял себя в руки и честно до конца долежал эти сутки. Ночь он не спал, болела отёкшая спина и покусанные губы, он пытался перекинуть напряжение с одних отёкших мышц на другие, периодически, по чуть-чуть, передвигаясь по жёсткому матрасу, и не заметил, как наступило утро. Получив очередную инъекцию обезболивающего препарата, он вдруг через открытую дверь, которую не закрыла ушедшая медсестра, услышал знакомую мелодию: «джжжи..., тук-

тук...» безумно обрадовался, хотел вскочить, но в последний момент вспомнил, что этого делать нельзя .

В открытой двери появилась сначала каталка, затем улыбающаяся физиономия Марии Прокопьевны:

-Ну, что Башкин, живой? - Пробасила она и, увидев, как тот пытается подняться, прикрикнула, - не смей, я сейчас помогу. Давай осторожно перелазь на каталку. - И захватив его большими сильными руками, почти без его помощи переложила на эту чудную телегу.

-Почему Башкин? - Запоздало обиделся Николай Васильевич.

-Один хрен, что Головин, что Башкин, понятие одно, черепаха на плечах, - ответила медсестра и выкатила каталку из палаты.

«Джжжи..., тук-тук...» пела та каталка, и Головину стало до того, вдруг хорошо, что он заулыбался во всю ширину своих искусанных губ.

-Чего лыбишься, рано ещё радоваться, сглазишь, - Мария Прокопьевна, как и все медсёстры, которым приходилось иметь дело с тяжело больными, была до предела суеверна.

- Ну вот, приехали,- пробасила она, упершись в дверь кабинета с надписью «Процедурная»

Дверь открылась, каталка заехала внутрь, чуть не врезавшись в удивительное кресло.

- Ну как дела, больной? - Заверещала, ожидавшая их Антонина Тихоновна.

- Не знаю,- опасливо поглядывая на кресло, ответил Головин, - мне, что перелазить в кресло?

- Да нет, лежите на каталке, - Антонина Тихоновна приподняла простыню, укрывающую все принадлежности депутата, и он почувствовал, как этот ненавистный стенд, стал медленно покидать его внутренние и внешние органы. Скребанула острая боль и вдруг стало невероятно легко:

- Господи, наконец-то! - Воскликнул радостно Головин.

- Видишь, сразу верующим стал, - съязвила Мария Прокопьевна, - как трепаться в Москве с трибуны, вы бога не вспоминаете, а как прижало, сразу «господи».

- Ладно, вези Прокопьевна пациента в шестую палату урологического отделения, - примирительно прощбетала Тихоновна, и к Головину, - а вы Николай Васильевич сегодня ещё полежите денёк, а завтра уже всё окончательно станет ясно. Но двигаться по койке вам уже можно.

На другой день стало ясно, что не зря больной Головин три дня лежал неподвижно, свищ затянулся, пролежав ещё неделю, Николай Васильевич выписался. На прощанье он подарил Марии Прокопьевне бутылку коньяка и большую коробку конфет.

- Это за что? - Застеснявшись, пробасила она.

- Это за то, что я месяц на вас катался, и за то, что в трудную минуту вы всегда появлялись вовремя.

- Ну, если что не так, наши двери всегда для вас открыты, - проникшись уважением к депутату за то, что он жаловаться ни куда не стал, да и вообще оказался просто человеком, проверещала на прощание Антонина Тихоновна.

«Ну, уж нет, баста, с меня хватит», - подумал Головин и ошибся.

5

Прошло примерно полгода. Однажды объезжая поля принадлежащие птицефабрике, на которой он был директором, Головин почувствовал саднящую боль в области поясницы, через некоторое время боль усилилась.

- Александр, давай домой, - приказал он шофёру.

- А может сразу в больницу? - Спросил обеспокоенный шофёр, увидев, как исказилось от боли лицо шефа.

- Нет, давай сначала домой, отлежусь, наверное, - неуверенно сказал Головин, вспомнив все неприятности какие ему пришлось пережить в больнице.

Но до дома доехать не удалось, боль стала, вдруг, невыносимо острой, и Сашка, увидев, как скорчился на сидение шеф, выскочил на автостраду и повернул к городу, до которого было не более тридцати километров.

В городской больнице №3 Головин, еле передвигая ноги, поддерживаемый шофёром Сашкой, сразу прошёл в кабинет Антонины Тихоновны.

- А что случилось, Николай Васильевич? - Увидев скрюченного депутата, заверещала докторица.

- Не знаю, - сдавленным голосом простонал Головин, - видимо, что-то опять с почками.

Антонина Тихоновна подняла трубку телефона:

- Это дежурный пост урологического отделения? Прокопьевна, это ты? Давай в мой кабинет с каталкой, поскорее.

Минут через пять в коридоре послышался звук приближающегося агрегата: «джжжи..., тук-тук»

«Всё, как и прежде», - подумал Головин.

Дверь открылась, на пороге стояла удивлённая медсестра Мария Прокопьевна:

- Депутат, опять ты, никак скупаешь за нас, - прокуренным голосом пробасила она, - снимай тряпки, ложись, телега к вашим услугам. Куда его? – спросила она, после того, как раздетый до нижнего белья Головин, взобрался на знакомую каталку.

- На рентген, я позвонила, вас там ждут, - пропела своим пронзительным голоском Тихоновна, - да сделай пациенту обезболивающий укол.

Подъехали к урологическому посту, Мария Прокопьевна открыла свой заветный стерилизатор и достала пинцетом любимый многоразовый шприц, затем посмотрев на Головина, махнула рукой, опустила шприц в кипящую воду, достала из шкафчика одноразовый и, мазнув спиртовой ваткой ниже поясницы, почти безболезненно, произвела процедуру обезболивания.

После обезболивания и капельницы Головину стало легче, и он совсем уже засобирился домой, Сашка ждал у больничных ворот.

- Ну вот, что Николай Васильевич, - заверещала зашедшая в палату Антонина Тихоновна, - не хочу вас обнадёживать, положение наше, вернее ваше не важное. Мочеточник, в котором стоял стенд, искривился перед самой почкой и при срастании тканей, к тому же, произошло его сужение, а теперь эти приступы периодически будут повторяться, по мере того, как в этом месте будет скапливаться песок или того хуже станет выходить камушек. Нужна операция, сегодня или завтра, но без этого не обойтись, я думаю тянуть время не нужно, езжайте домой. Распорядитесь на работе, поставите в известность семью, позвоните в Москву. Можете это сделать и там, в Москве оно конечно надёжней, но, я думаю, престиж ваших врачей вам не безразличен, всё - таки вы представляете в депутатском корпусе нашу область. / Вот дает, ей бы первым секретарём Обкома партии быть,- подумал Головин/

Да к тому же здесь родственники, ваш сын врач, вас будут навещать. Подумайте, а в понедельник, если согласны, я вас жду, дня три полежите, сдадите анализы и с богом.

И вот в понедельник, депутат Головин снова в больницы №3 города Н. Ему предложили опять одноместную палату в ортопедии, / в то время платных палат ещё не было / но он отказался, всё таки с людьми, хоть и больными, ожидание операции переносилось легче, как говорится «на миру и смерть красна».

Операция была назначена на четверг. И он опять очутился в уже знакомой палате №6. В среду в палату зашел худой, высокий мужчина средних лет, представился:

- Моя фамилия Камбалов, я анестезиолог, буду давать вам наркоз, вы не волнуйтесь, я работаю давно, постараюсь для вас сделать всё по высшему разряду, - измерил давление, спросил, - больше вас ничего не беспокоит кроме почек.

- Беспокоит, удастся ли мне отсюда вернуться домой, - угрюмо пошутил депутат.

- Ну что вы такое говорите, операция выеденного яйца не стоит, мы такие щёлкаем, как орехи, - обнадѣжил уходящий анестезиолог.

- Один уже нащёлкал, вот теперь я без больницы жить не могу, – проворчал вслед ему Головин.

Анестезиолог ему не понравился: во первых - фамилия рыба, во вторых - какой-то подхалим:

«Первый раз хирург был с птичьей фамилией, а тут анестезиолог с рыбьей. И почему только для меня он обещал сделать всё по высшему разряду, значить другим на операционном столе от его наркоза приходится туго. Где же он тогда набрался опыта, не каждый же день усыпляет депутатов», - лёжа на койке, думал Головин. Спросить было не у кого, находящиеся в палате больные ожидали плановой операции первый раз.

Затем пришла Антонина Тихоновна, сообщила, что оперировать будет она сама, наговорила много утешительных слов, но от них депутату легче не стало, разговор с анестезиологом, вызвал тревожные предчувствия.

В ночь перед операцией он спал плохо, с вечера прошёл предоперационную подготовку. Какую? Те, кто оперировался, знают, других я пугать не хочу. Наступило утро четверга.

В десять часов в коридоре послышался знакомый громкий мужской голос Марии Прокопьевны и старая песня каталки «джжжи..., тут – тут...», дверь в палату открылась, на пороге стояла медсестра, Прокопьевна.

« Кроме неё, кто ни будь, дежурит в этом отделении или нет», - подумал Головин.

- Ну, что Василич, готовься, снимай трусы, ложись на каталку, а я пойду за шприцом, быстренько тебе вколю « промедолчик» и поедем на знакомый тебе столик.

Головин, удивился тому, что Мария Прокопьевна впервые назвала его без издёвки, не депутатом, а Васильевичем. Быстро разделся и занял позицию на знакомой телеге.

- Это, что такое!? - Вылупила глаза, вернувшаяся со шприцом медсестра,- ты, как лёг, кто же ложится ногами вперёд. Всё операцию сегодня нужно отменять, добра не будет.

Головин быстро поменял положение, но Мария Прокопьевна упёрлась:

-Что хотите, делайте, а больного я в операционную не повезу!

- Что же тут особенного, я же развернулся и лёг правильно, - настроившись на проведение операции, Головин не хотел откладывать, начатое дело.

На скандал сбежались врачи и другие медсестры, пришёл заведующий отделением:

- Вот, что Прокопьевна, ты уже всех достала со своим суеверием, вези больного, в операционной заждались, иначе дождёшься, я тебя отправлю на пенсию, давно пора!

-Хрен с вами, я повезу, но тебе Головин лучше бы остаться в палате.

И странное дело, большинство медсестёр и даже часть врачей, были на стороне Прокопьевны. Но она взялась за ручки каталки и та, откликнувшись своим пением «джжжи..., тут-тут...», покатила в сторону операционной.

- Ах, чтоб вам пусто было, им бы только поскорее все с плеч спихнуть,- ворчала медсестра, - этого заведующего давно пора в шею гнать из больницы, и ты, депутат, то же хорош, тебе то куда торопиться, натрепаться не успеешь в своей Москве, что бы изменилось, если б на недельку ещё тут задержался. Язык бы от трепотни отдохнул.

«Вот противная старуха, - думал, тем временем Головин, - нет, всё, после операции попрошу, чтобы ко мне другую медсестру прикрепили. Хватит, надоела».

Ну вот, наконец, операционная, в «предбаннике» его переложили на другую каталку, и уже через минуту Головин услышал удаляющиеся звуки родной телеги: «джжжи..., тук-тук...»

6

Завезли в операционную. Первый раз, когда его оперировали, он не мог осмотреть это таинственное помещение, так как операция была экстренная, да и от полученных медикаментозных препаратов голова ни чего не соображала. С бестеновой лампой он, правда, уже был знаком, но боковым зрением, а сейчас смотрел на неё во все глаза, она нависала над предметом, который, как он догадался, назывался операционным столом, но если вы думаете, что это что-то похожее на широкий обеденный стол, то вы ошибаетесь. Это скорее был предмет похожий слегка не станок для распилки дров, только чуть по - шире и без верхних рогов. Сбоку Головин заметил какой-то аппарат, к которому был прикреплен кислородный баллон, в передней части стола располагались какие- то приборы и различные шланги. На всё это он смотрел не испытывая ни какого страха, так как введенный Прокопьевной «промедол», уже полностью овладел им, вызывая чувство

непреодолимой эйфории, точно такое же, как и от полученного им когда то морфина.

Головина переложили на этот предмет, называемый столом, перевернули на бок, больной почкой вверх, то есть правым боком, ремнями зафиксировали правую руку вверх, накрыли белоснежной простыней, с большим разрезом, над больным боком. Головин спокойно наблюдал, как суетятся хирургические сёстры, затем у его изголовья появился анестезиолог Камбалов, пришла Антонина Тихоновна и сразу операционная наполнилась её громким верещанием:

- Ну, как Николай Васильевич, вы себя чувствуете? - И, не дожидаясь ответа, командовала, - ну ребятки с богом!

Камбалов закрепил на левой руке пациента, которая была вытянута вперёд, манжету тонометра, измерил давление, что-то сказал медсестре, та взяла иглу капельницы, стоящей здесь же прямо напротив лица Головина, воткнула в его вену. Камбалов, что-то поворожил со шприцем и резиновой трубкой, спускающейся из бутылочки капельницы, и Головин, почувствовав, как быстро все начали удаляться от него, провалился в кромешную тьму.

Проснулся он неожиданно, но операционную видел смутно, как в дыму. Язык был прижат резиновым шлангом, по его смутному предположению. На лице что-то мешало, что именно он осмыслить не мог. Боли не было, но в боку, где проходила операция, он почувствовал какую-то возню и ужасный холод. Странное дело, не смотря на необычную ситуацию Головин страха не испытывал. Так как произнести какой-то звук он не мог, из-за мешавшего шланга, Головин пошевелил пальцами вытянутой руки.

- Камбалов, пациент-то наш проснулся,- услышал он далёкий не знакомый женский голос.

У изголовья кто-то зашевелился, пробормотав то ли ругательство, то ли молитву, и наступила снова кромешная тьма. Позже Головин вспоминал, как

перед операцией, уже прооперированные пациенты рассказывали, что под воздействием наркоза они летали в каких-то тоннелях, видели свет в конце этих тоннелей, другие видели шевелящиеся цветные стены. Он не видел ни чего, была только не пробиваемая, упругая тьма.

Сколько прошло времени? Не известно. Головин снова проснулся, он слышал какие-то дальние голоса. На оперируемом боку, ему показалось, что кто-то затягивает верёвку, и ему почудилось даже, что он слышит треск своей затягиваемой шкуры. Он попытался открыть глаза и не смог, попытался пошевелить пальцами, ни чего не вышло. То ли от потери крови, то ли от длительности операции Головин совершенно ослаб и никак не мог показать то, что он проснулся.

И тут в его голове начала рождаться подлая паническая мысль, которая из-за той же слабости развивалась медленно, но упрямо:

« Всё, раз мне не подчиняется ни одна часть тела, значить я умер. Говорили же, что когда человек умирает, его душа выходит из тела и некоторое время витает над трупом. Но почему же моя душа не летает над операционным столом. Значить умерший человек всё слышит после смерти. И значить я буду слышать, как меня заколачивают в гроб».

По мере медленно развивающихся мыслей, Головиным начала овладевать неудержимая паника.

- Камбалов, ну ка измерь пациенту давление, мне не нравится его сердцебиение.

- По моему, с ним, что-то творится не ладное, мне кажется он отошёл...

Головин услышал последнее слово, видимо медсестра не профессионально выразилась ... «отошёл от наркоза», но услышав это слово «отошёл», Головин пришел в ужас, значить отошёл на тот свет. Ещё бы несколько минут, и этот ужас мог кончиться кровоизлиянием в мозг.

И вдруг он услышал, как где-то далеко скрипнула дверь, затем, какой то механизм пропел «джжжи..., тук-тук...» и грубый мужиковатый голос выдал реплику:

- Ну, признавайтесь, не зарезали нашего депутата...

И затем голос сына Николая, тревожно спросил у кого-то:

- Как он там...

« Господи, живой! – Молнией полыхнуло в мозгах Головина, - вот они родная каталка и Мария Прокопьевна, как всегда во время», - медленно перекачивалось в сознании измученного пациента, - и главное сын здесь, волнуется, видимо провел всё это время под дверью операционной.

Оказывается, как только начали зашивать разрез, это как раз и чувствовал Головин, как его будто бы стягивают верёвками, из операционной позвонили на пост, что бы подали каталку и забирали пациента. Как же всё было сделано вовремя!

Больного переложили на знакомую каталку.

-Куда?- Спросила Мария Прокопьевна, - в послеоперационную палату или в реанимацию.

- В реанимацию, - решила подстраховаться Антонина Тихоновна, - там, всё-таки, внимания по больше, да и больных поменьше.

Головин потихоньку начинал приходить в себя, знакомая музыка «джжжи..., тук-тук...» действовала на него успокаивающе, он с любовью и обожанием смотрел на Марию Прокопьевну, ещё недавно по направлению к операционной, в мыслях, называя её противной старухой, он теперь готов был её расцеловать. Но сил не было даже улыбнуться, да и к тому же мешала резиновая трубка во рту, которую по какой - то причине не убрали в операционной.

Значимость больного была отмечена большой свитой, сопровождающей его в реанимацию: Мария Прокопьевна, как всегда

управляла колесницей, с одной стороны шли Антонина Тихоновна и анестезиолог Камбалов, с другой, поддерживая капельницу, которая трубкой была объединена с рукой Головина, шла хирургическая сестра. Заключал процессию сын Николай, правда, в реанимацию его не пустили, врач другой больницы, не положено.

Прибыли в реанимацию, состояние прооперированного депутата с каждой минутой стабилизировалось, и ничего не предвещало наступления повторного критического момента. Антонина Тихоновна наклонилась над больным :

-Как вы себя чувствуете Николай Васильевич? Если считаете, что трубку пора убирать, сожмите на правой руке пальцы, - пропела она своим тоненьким голоском.

Николай Васильевич вообще не знал, зачем ему в трахею запихали эту трубу, это позже сын Николай расскажет ему, что она предназначена для вентиляции лёгких и для поступления газообразного наркоза, поэтому он тут же сжал пальцы правой руки. И, вдруг, подскочивший анестезиолог Камбалов, зацепил эту трубку и резко выдернул её из трахеи больного. Зачем он это сделал, трудно укладывалось в голове, то ли он подумал, что это сделает Антонина Тихоновна и не хотел терять свою значимость в деле спасения депутата, то ли ещё по какой причине, но он это сделал.

Освободившиеся от резинового шланга трахея и гортань Головина, привыкшие, что этот предмет длительное время удерживал их в раскрытом положении, ни как не хотели сжиматься. Головин, как рыба, выброшенная на берег, ловил ртом воздух, пытался совершить глотательное движение, но парализованная гортань и трахея не подчинялись его усилиям. Он побледнел. Лоб моментально покрылся потом, глаза, как говорится, полезли на лоб.

« Всё, - промелькнуло в голове депутата, - этот архаровец меня добил».

Но в это время, Мария Прокопьевна, не успевшая уйти из реанимационной палаты, подскочила, и своими сильными руками, нажала на грудную клетку Головина. В районе кадыка, что-то щёлкнуло, зашипел проходящий через гортань воздух и, Головин почувствовал, что он вновь возвращается с небес на Землю.

- Послушай, Камбалов, - заверещала Антонина Тихоновна, - вам кто преподавал анестезиологию и реанимационное дело?

- Доцент Петров, - пролепетал перепуганный Камбалов.

- А ты помнишь, он всем студентам рассказывал, как один анестезиолог измучил больного на операционном столе плохим наркозом. И тот в конце операции подозвал этого анестезиолога и попросил наклониться, а когда он наклонился, больной со словами: «Если ты не можешь сделать правильные расчеты с двумя глазами, может, сделаешь это с одним лучше» выколол анестезиологу глаз, ты смотри, с тобой это может произойти тоже. По инструкции эндо-трахеальный зонд удаляется медленно, а ты, что натворил.

Убедившись в том, что Головин пришел в норму, его мучители и, одновременно, спасители удалились в своё урологическое отделение, оставив подопечного один на один с дежурным реаниматологом.

В реанимации было тихо и спокойно, лишь иногда, когда в очередной бутылке заканчивалась лекарственная жидкость, которая непрерывно поступала в вену Головина, слышались шаги дежурной медсестры или может быть врача. Менялась бутылочка и наступала опять благотворная тишина.

Николай Васильевич периодически впадал в дрёму, затем просыпался и, с каждым разом возвращаясь из сна в действительность, чувствовал, что

голова работает всё яснее, дурман наркоза постепенно покидает его тело и нарастает боль в правом боку.

- Доктор, а нельзя ли мне укольчик, а то что-то больно становиться, - попросил Головин, находящегося в реанимации врача.

- Да, конечно, - ответил тот, набрал в шприц препарат, и уже через две-три минуты боль отступила.

И только сейчас в голове Головина стала проясняться картина пережитого дня:

« Удивительное дело, как права оказалась эта грубоватая на вид медсестра, - думал он о Марии Прокопьевне, - как она не хотела вести его в операционную. И там, в операционной, казалось бы, ни чего не предвещало, ни каких эксцессов. Почему он Головин дважды просыпался во время операции. И откуда взялся этот панический страх, ведь у него Головина, ещё бы чуть, и разорвалось сердце. А звуки этой неисправной каталки, они, что для Головина стали магическими, что ли, - и он вспомнил, что каждый раз, как эти звуки появлялись, ему становилось лучше, либо появлялась надежда на улучшение. И эта пожилая медсестра, это приложение к каталке, ведь практически она его дважды сегодня спасла: своим своевременным появлением в дверях операционной и здесь в реанимации. Как тут не поверить в мистику, в суеверие медицинского персонала, видимо это неотвратимо, когда человек находится постоянно рядом со смертью».

От этих мыслей ослабевший, после всех передрыг, Головин устал и убаюканный постукиванием часов на стене, погрузился в сон. Сколько он пролежал в реанимации Головин точно не помнил, он то засыпал, то получая укол каких-то препаратов, просыпался, он постепенно обретал силу, приходила Антонина Тихоновна, разговаривала с ним, с дежурным реаниматологом. Ему начинало уже надоедать лежание на спине, он ждал каких-то перемен в сложившейся обстановке. И вот, однажды /а пролежал

он в реанимации всего сутки / в коридоре послышалось знакомое «джжжи..., тук- тук...», дверь открылась, сначала на пороге появилась знакомая каталка, за ней медсестра Мария Прокопьевна. Головин обрадовался, заулыбался, хотел даже приподняться, но боль в правом боку не позволила совершить такой манёвр.

- Что милый, соскучился, - улыбнулась в ответ Прокопьевна, - поедем на место, давно я тебя не катала.

Головина удивил изменившейся голос медсестры, он привык к её грубому голосу, грубым словам с издёвкой, но теперь в этом грубом голосе нашли место нотки сочувствия, ласки. Как будто мать утешала обиженного ребёнка. И Головин почувствовал всё это сердцем, вспомнил как когда-то в далёком детстве, матушка так же жалела его, когда он поранил стеклом ногу. И у этого здорового мужика, который практически в жизни уже всё испытал, и, казалось бы, закалился как сталь, на глазах, вдруг навернулись слёзы.

- Э, милый, да ты совсем у нас раскис, - наклонившись к больному, шепнула Мария Прокопьевна, - пора тебе на волю, ну ничего, сейчас в послеоперационную палату, там полежишь пару деньков, затем на недельку в свою шестую и домой. Поехали.

И каталка вновь затянула свою песню: «джжжи..., тук-тук...»

В послеоперационной палате было четыре кровати, три занятые, на четвёртую Мария Прокопьевна переложила Головина. Поздоровавшись с соседями, Головин осмотрелся, соседи были то же недавно прооперированы, но операции их отличались от его тем, что у Николая Васильевича с боку торчала одна трубка, как сказала Антонина Тихоновна –

«дренаж», а у его соседей красные резиновые трубки торчали во все стороны. Головин не стал проявлять по этому поводу любопытства, просто подумал, что им досталось ещё больше, чем ему. Соседи оказались разговорчивые, негласно приняв Головина в свою компанию, начали рассказывать поочерёдно о своих заболеваниях, о тяжести проведённой операции, больше приписывая страдания и ужасы от этого процесса. Судя по количеству трубок на их теле было понятно, что ходить им предстоит ещё не скоро.

На следующий день, с утра пришла Антонина Тихоновна, сняла надоевшую, резиновую трубку, торчащую из шва, на теле Головина и разрешила потихоньку вставать. О нахождении в этой палате можно было и не вспоминать, если бы не произошедший, опять, как показалось Николаю Васильевичу, мистический случай.

В этот же день, перед обедом, дверь в палату распахнулась, и на пороге появился анестезиолог Камбалов. Головин, как раз держал в руках графин, наливал воду для своего соседа по палате. Увидев, вошедшего Камбалова, Николай Васильевич, вдруг, изменился в лице, глаза его округлились и он почувствовал, что начинает задыхаться. Камбалов, озадаченный увиденным, хотел быстро подойти к Головину. Но тот, проливая воду, начал поднимать графин, как гранату, что бы метнуть его в ненавистного врага. Камбалов стремительно вылетел из палаты, прикрыв дверь, в которую тут же врезался графин и раздался звук разбившейся посуды и осыпавшегося на пол стекла. На вопли Камбалова с другого конца коридора, толкая перед собой каталку, видимо отвезла очередного больного в операционную, быстро приближалась Мария Прокопьевна.

Головин сам не понимал, что с ним происходит, то ли ему вспомнились все пережитые им ужасы на операционном столе и в реанимации, то ли ещё по какой причине, но он не владел собой. После того, как выскочил из

палаты анестезиолог Камбалов, дыхание вроде возобновилось, но сердце, подкатившись к самому горлу, вот-вот должно было выскочить наружу. Он в изнеможении упал на кровать, перепуганные больные начали стучать ложками по стаканам, вызывая медперсонал. И вот в это самое время в коридоре послышалось знакомое: «джжжи..., тук-тук», и тут же свершилось чудо, сердце Головина вернулось на своё определённое место, дышать стало совсем легко. Дверь снова открылась, на пороге стояла медсестра Прокопьевна:

-Что тут у вас происходит, это, что за безобразие, почему графин разбит и почему вопит врач Камбалов, - глядя на Головина, вопрошала строго она.

Не на один из этих вопросов Николай Васильевич ответить не мог, он ничего толком не помнил. И тогда, видимо Мария Прокопьевна поняла всё сама, она позвала нянечку, наказала ей навести порядок в палате и, поглядев укоризненно на Головина, подхватив свою каталку, молча удалилась: «джжжи..., тук-тук...» запела каталка, окончательно успокаивая депутата, и он, отвернувшись к стене, крепко заснул.

На другой день выздоравливающего Николая Васильевича, перевели в палату №6. Он не скрывая радости с сияющей физиономией, делился ею с неизменно дежурившей Марией Прокопьевной:

- Выйду скоро на работу, соберу всех своих специалистов, выведу в лес к реке и заставлю дышать свежим воздухом и пить эту чистую, чудесную воду – дышите и пейте, пока дышится и пьётся на воле, пока судьба вам дала такое благо, быть здоровыми и крепкими.

Медсестра молча улыбалась, качала головой, а затем, махнув рукой, бралась за свою каталку и спешила за очередным больным: «джжжи..., тук-тук...»

Больше анестезиолог Камбалов Головину навстречу не попадался и в палату не заходил. Случай с графином замяли, списав это всё на послеоперационный психоз.

В ночь перед выпиской Николаю Васильевичу не спалось. Он, побродив по больничному коридору, уселся на диван расположенный рядом с постом дежурной медсестры. А дежурной медсестрой, как вы догадались, опять же была Мария Прокопьевна. Обойдя все палаты и убедившись, что все больные успокоились, и помощи никому не требуется, она под села к Головину:

-Что, депутат, не спится? – Миролюбиво улыбнулась она.

-Да Прокопьевна, не могу дождаться утра, скорее бы уже домой, на работе дел полно, да и избиратели на округе заждались.

-Ты, Николай Васильевич, на меня уж не серчай, - вдруг извинительным тоном зашептала медсестра, - тут к нам разных депутатов и начальников привозят, насмотрелась я всего. Думала и ты такой же.

-Чем же они вам досаждают?

-Привезут какого ни будь областного депутата или начальника, они и начинают кочевряжиться, то им подай отдельную палату, то телефон под руку, простых врачей не признают, подавай им профессора, а этот профессор операции делает раз в месяц по заказу, наворочает, а потом эти же хирурги долго исправляют содеянное профессором. Сами себя наказывают, а может быть и бог вмешивается. Тебя то тоже профессор должен был оперировать, тот еврей, что к тебе приходил в ортопедию, но его в Москву на какое то совещание вызвали.

-Значить и меня всё - таки бог наказал? Меня то, первый раз оперировал хирург Петушков?

-Значить и тебя, а что не за что, что ли. Наверное, когда перед народом выступал, много чего наобещал, что бы тебя выбрали, а теперь не хрена сделать не можешь.

-Да я вроде стараюсь, но столько сразу просьб навалилось, разве все выполнишь, одному надо квартиру, другому машину подавай, третий вообще припрётся с таким предложением, которое и сам понять не может, и каждого нужно терпеть. И что самое странное дело, даже мне непонятное, живет фронтовик в развалюхе, в посёлке, ходит по всем инстанциям с просьбами об улучшении жилья, к председателю райисполкома, в военкомат и всё бес толку. А приходит ко мне в дни приёма, я иду в тот же райисполком, и оказывается, квартиры есть, прямо игра какая то, будто специально резерв квартир для депутата.

-Вишь ты какой, другой бы возгордился, что он всё может.

-Да чем гордится то, люди на войне кровь проливали, жизни не щадили, а сейчас никому не нужны. Кроме частных проблем приходится решать проблемы развития городов, районов : не хватает школ, детских садов, жилых домов. Ты вот мне всё тут Москву приписывала, а туда приедешь ни одной свободной минутки, набегаясь по министерствам с протянутой рукой, и скорее домой надо свои проблемы на собственном производстве решать. Затем снова по своему округу, с избирателями встречаться. Я и Москву то путём ни разу не рассмотрел.

-Ну и зачем тебе это надо, ты то от этого кроме мороки, что имеешь?

-Я то же сначала так думал, но вот однажды получаю письмо из посёлка, что в моём округе. Сначала не могу понять от кого оно, частное письмо, стоит фамилия Ивановы, открыл его, старческие каракули, но разобрать можно:

«Дорогой ты наш Николай Васильевич, спасибо тебе за предоставленную нам квартиру. Она, в отличие от нашей халупы, со всеми

удобствами. Сидим с Матрёной Ивановной и смотрим телевизор, вспоминаем тебя. Ты теперь нам, как сын родной, приезжай, посидим вместе за столом, попьём чайку.

С уважением и низким поклоном к тебе Ивановы Иван Кириллович и Матрёна Ивановна»

-И я прочитал это письмо и до того на сердце тепло стало, как просто и как душевно: «попьём чайку». Вспомнил – это семья фронтовиков, он на фронте был танкистом она медсестрой, ранили его, в госпитале и познакомились.

-Это письмо для меня дорогого стоит, даже если я больше ничего не смогу сделать в этой должности, буду считать, что не зря стал депутатом.

-Видишь, как можно ошибиться в человеке, - сокрушалась Мария Прокопьевна, - не понравился ты мне сначала, но потом когда ты не стал скандалить после первой операции, я поняла, что ошиблась. Ты вот всё рвёшься на работу, к своим избранникам, а другой лежал бы, чем дольше, тем лучше и время идёт, и упрекнуть не в чем. - Я ведь то же всю войну на фронте санитаркой отдубасила, - продолжала она, - не приведи господь больше такого видеть. И люди там, так же как и здесь разные: одного изрешетит всего осколками, еле живой, а он, бедолага, ещё пытается тебе помочь, сам ползёт, пока сознания не потеряет. А другого, скребанёт разок, а он уже и раскис, распустит нюни, волочишь его, а он хоть бы ногой упёрся, лежит на шинели, как бревно. И выздоравливают они по-разному: тот израненный, чуть очнётся и ему скорее на фронт нужно, а как же Родину от врага ненавистного скорее освободить. А этот, что нюни распустил, лежит и гниёт месяцами. - Да на всё терпение надо, - продолжала, вздохнув Прокопьевна, - я вот видела, к тебе сын приходит. Вспомнила, он у нас на практике работал, в ортопедии, всем больным угождал, они прямо «из-зуб» не выпускали его имени, а вот хватит ли у него духу всю жизнь таким быть

или нет, вот вопрос, редко у кого хватает на это сил. И у тебя то же, взвалил ты на себя не подъёмную ношу, разве всем угодишь. /В те годы, о которых идёт речь, депутаты не заседали в Белом доме, а работали на вверенных им округах /

-Да ты, Прокопьевна, философ, - улыбнулся Головин.

-Ну вот, я с ним по-хорошему, а он обзывается! – Возмутилась медсестра.

-Я не обзываюсь, философ – это человек, имеющий собственное мнение о жизни и пытающейся доказать другим, что он прав.

-Ладно, депутат, поздно уже, иди спать, завтра домой.

10

Утром, получив выписку из истории болезни и рекомендации по дальнейшему сохранению здоровья, Головин зашел в ординаторскую, попросил разрешение на телефонный звонок. Позвонил своему шофёру Александру, наказал, что бы он, не теряя времени, заехал к Головиным домой и забрал деньги, которые были приготовлены на покупку теплицы.

«Какая теперь теплица, некогда с ней заниматься»- подумал Николай Васильевич. Поблагодарил коллектив медицинских работников, они в ответ наговорили ему много хороших пожеланий, на том и расстались.

Через час прилетел Сашка, Головин двинулся к выходу, и в это время услышал знакомую мелодию: «джжжи..., тук, тук...», Прокопьевна отвезла очередного страдальца на операцию и возвращалась на пост:

- Ну вот, возила, возила его по кабинетам, а он и попрощаться не хочет – обидчиво загудела она.

-Да нет, Мария Прокопьевна, я ещё с тобой не прощаюсь, жди, через часок вернусь! – Успокоил Головин медсестру.

-Опять, что-то придумал, неугомонный, - расцвела в улыбке та.

- Давай Сашок, в магазин медтехники, - садясь в машину, приказал Головин.

Через час – другой, в коридоре урологического отделения слышалась какая-то возня, металлический звон. На шум прибежала Мария Прокопьевна.

- Вот Прокопьевна принимай новый агрегат, - расплывшись в улыбке, Головин толкал перед собой новенькую медицинскую каталку.

- С ума сошёл, депутат, зачем деньги потратил, заведующий отделением обещал на той неделе то же новую каталку.

-Да я, не за здорово живёшь, это сделал, гони ка Прокопьевна свою не исправную, она мне удачу приносит, заберу её с собой, поставлю в кабинете, туго придётся, заставлю секретаршу покатать каталку, послушаю и мне легче станет, - не то, шутя не то всерьёз произнёс Головин, а каталку всё - таки забрал. Тепло попрощался с медсестрой Марией Прокопьевной и укатил, завернув полюбившейся ему агрегат в простыню и бережно уложив в машину.

Не известно, использовал ли Николай Васильевич, в трудную минуту каталку или нет, трудно сказать, наверное, использовал, так как через год наступили такие времена, что без утешительных предметов стало жить не возможно. Но это уже другая история.

Да! А вот новая каталка Марии Прокопьевне к душе не пришлась, катилась она бес шумно, ругаться стало не на кого и не на что, суеверная медсестра насторожилась, ожидая фатального исхода. И он произошёл.

Неожиданно умер прооперированный пациент, нет, он умер не на операционном столе и не на каталке, а в палате через три дня после операции, оторвался тромб. Но Мария Прокопьевна приняла это печальное

событие на свой счёт. Утром перехватила сантехника Забуддыгина, который постоянно находился под воздействием зелёного змия, он с ним дружил.

- Забуддыгин, трубы горят? –Заговорщески шепнула медсестра.

-А тебе то, чо, - не понял такого участия Забуддыгин, раньше у Прокопьевны не только спирта, таблетку не выпросишь без разрешения врача.

- Слушай Забуддыгин, налью тебе сто пятьдесят граммов спирта, сделай только одно дело.

- Какое?- Жадно облизнул пересохшие губы тот.

- Поломай в новой каталке колесо, только не совсем, а что бы оно стучало.

- Не, - испугался Забуддыгин, - с работы выгонят.

- Да ты не сейчас, а ночью, всё равно дежурить будешь, - настаивала Прокопьевна, доставая пузырёк со спиртом.

Забуддыгин хотел ещё поломаться, но увидев пузырёк, впал в транс:

- Наливай, - клацнув кадыком, выдохнул он.

- Ты только не вздумай меня обмануть, - грозно прошептала Прокопьевна, - а то я тебе сама ноги переломаю и в операционную увезу на этой каталке.

- Да ты, што, вот те крест, всё будет в ажуре, - закатил глаза сантехник, и опрокинул сто пятьдесят, не поморщившись, будто в унитаз вылил.

- Ну, ты тут крестами не разбрасывайся, давай вали отсюда и помни, что я тебе сказала.

Утром Мария Прокопьевна, как всегда расставив всем больным уколы, взялась за ручки каталки, что бы вести очередного страдальца в операционную, и, вдруг, о чудо: «джжжи..., тук, тук...» затянула знакомую песню каталка.

- Что б у вас руки отсохли, ничего не умеют на этих заводах делать, -
ликовала медсестра, - месяца не прошло, а эта проклятая каталка сломалась!

В общем, всё стало на свои места, как и раньше, каталка стучала,
Мария Прокопьевна ругалась, и летальных /т. е. смертельных / исходов
больше не было.

Дай бог, что бы это было правдой!!!

Ну, вот и всё!

События 1989 – 2002 г.г.

Декларация.

1

Депутат законодательного собрания Цементно-Шиферного района Голодранцев Сидор Евсеевич, сидел на собственной кухне за обеденным столом и, наклонившись над развёрнутым листом казённой бумаги, почёсывая лысую голову шариковой ручкой, задумался...

«Вот опять про депутата! – Возмутишься ты, мой дорогой читатель,- что больше не о ком писать, что ли?»

Отвечаю: «Во первых - успокойся, дорогой, иначе заболеешь. Разве ты не слышал, как Елена Малышева, в своей медицинской программе, заявила, что все болезни от нервов. Во вторых, конечно, если ты живёшь в большом городе, то естественно тебе встречаются разные люди: инженеры, слесари, например. Это в том случае если вашему городу повезло, и в нём сохранился хотя бы один паршивенький заводик. Много шоферов - куда не плюнь, извиняюсь за выражение - шофер. И ещё ты можешь встретить массу других профессионалов, да таких, что при встрече с ними чуть зазевался – глядь, а кошелька-то нету, если он конечно у тебя был, что наврят-ли при сей часной, не очень удовлетворительной, жизни. Ну конечно если ты банковский работник либо олигарх - тогда другое дело...

А вот я живу в селе – Горёвке, село, в общем-то, не плохое, перспективное - раньше было. Но, после того, как общественное хозяйство, как говорится, накрылось «медным тазом» с помощью одного паршивого «олигарха» и нескольких руководителей разных уровней, то идя по улице села, я уже кроме депутатов никого встретить не могу. Но может быть, ещё главу местного поселения – редко, раз в месяц.

Раньше пойдешь утром на работу, а навстречу тебе то доярка, то птичница, то тракторист, но, а если повезёт, то и бригадира встретишь. И уж тогда целый день ходишь удовлетворённый – мол, всё у нас есть, даже

руководство среднего звена. А теперь вот – депутат и никто другой. Хотя, стоп! Вру! Вот идёт навстречу местный предприниматель Огородников. Ну, какой предприниматель, не то чтобы он что – то выращивал, село всё – таки. И не то чтобы производил что-то, например деревянные изделия – дерева то кругом полно – тайга всё - таки. Так нет, он открыл лавочку/ т. е. магазин/, закупает продукты, делает наценку и продаёт. А нужно сказать, тот, у кого он купил эти самые продукты – уже сделал наценку. Да и этот приобрёл не без неё.... Так что все товары в три дорога. Но что самое интересное, жители села, нет - чтобы самим содержать коров, свиней и получать от них качественную продукцию, идут в эти лавки и покупают в три дорога. Возникает два вопроса: первый – где они берут деньги? И второй – почему они так быстро разучились работать, хотя бы на себя?

Вот в этом деле нам, как раз, кстати, и нужен депутат законодательного собрания. Возможно, мы у него и спросим. Хотя нет, опять я опростоволосился, как говорят у нас на селе. Почему? Да по тому, что идущий мне навстречу предприниматель Огородников, тоже, оказывается, бывший депутат /надо же запомнил как-то/. Спроси его – разве он ответит. Да, ещё, у нас в селе одна особенность – все, избираемые в районное законодательное собрание, от нашего поселения, обязательно предприниматели, вот такого пошиба. Вот так – то, уважаемый мой читатель. А ты начал возмущаться...»

2

Так вот, сидит этот депутат Голодранцев за кухонным столом и чешет шариковой ручкой свою репу – голову значит. А я, пока он это делает, попытаюсь изложить тебе, дорогой мой, как этот индивид с такой ужасной фамилией, стал, вдруг депутатом. Да и вообще – кто же он такой.

Фамилия Сидора Евсеевича точно отражала сущность этого, с позволения сказать, человека. Как внешнюю, так и внутреннюю её части. Был

он коренной житель села Горёвки, профессии никакой не имел, поэтому к различным видам работ относился, как говорится, с ленцой. Чаще вообще не работал – состоял на учёте в службе занятости. Исходя из расчётов такого денежного обеспечения, хозяйство его – старенький домик и огород, приходили постепенно в упадок. И до такой степени, что домик этот, размерами 6х4 отдалённо напоминал Пизанскую башню. А огород, имея развалившуюся ограду, зарос весь хреном.

Жена его, Устинья Ермолаевна, была деревенской, глуповатой женщиной, не будь она такой, разве пошла бы она за Голодранцева замуж. Но, толи случайно, толи Сидор Евсеевич специально сделал такой выбор, фамилию жена его имела совершенно противоположную мужниной. Устинья Ермолаевна - была Скоробогатова, но так же, как и муж состояла на учёте в службе занятости.

Кто - другой, немедленно уцепился бы за такое счастливое совпадение, и взял фамилию жены. Но не таков был Сидор. Он, видимо, по генетическому наследству, с после революционных времен, гордился не только своей фамилией, но и своим происхождением. Если где-то ему приходилось отвечать на заданный вопрос о его социальном положении, он с гордостью отвечал:

-Пролетарии мы, - вкладывая в это выражение, примерно, такой смысл,- всё то, к чему бы я ни прикасался, пролетает мимо.

Детей эта замечательная пара не имела.

Но была одна и положительная особенность у Сидора Голодранцева, он очень любил читать. Конечно свою библиотеку, с такими доходами не заимеешь, но в селе Горёвке была отличная общественная библиотека и он, как ни кто другой пользовался её услугами. Читал не только книги, но и очень любил политические статьи в газетах. Особенно ему нравились статьи о председателе партии ЛДПР Владимире Жириновском.

-Какой решительный человек! – Восхищался Сидор, глядя в пустые глаза своей возлюбленной, – чуть, что не так, на тебе стакан воды в морду. А как он говорит громко и без боязни, что на ум придёт, то и лепит».

-Вот бы мне так, - продолжал рассуждать Голодранцев, - я бы этих местных предпринимателей-лавочников придавил к стене, да, за шею, и за околицу.

Ненависть к местным «торгашам» была основной непоколебимой чертой Голодранцева Сидора Евсеевича, по нескольким причинам:

Первая – в лихие девяностые годы, когда всякая шваль бросилась ловить рыбку в мутной воде, Голодранцев тоже, покинув свою Горёвско-Пизанскую башню, рванулся в город, расположенный в тридцати километрах от села. Как он говорил:

-Срубить «бобла», /в переводе на русское наречие: «заработать по – лёгкому».

Без особого труда вписался в шайку таких же голодранцев / это уже не фамилия /, которые организовали фирму по распродаже имущества брошенных, бывших госпредприятий. Торговали – торговали, нарубили этого самого «бобла» - по лёгкому. Настало время дележа, и тут выясняется, что Сидора Голодранцева, оказывается, в эту компанию никто не приглашал и, знать его никто не знает, а может просто не желает этого делать. Деньги городские «предприниматели» поделили между собой, предварительно вытащив их из мешка, а мешок надели Сидору на голову и, пинком, ниже поясицы, сопроводили в сторону села. Так закончились торговые взаимоотношения города с деревней, в лице Голодранцева Сидора Евсеевича. Какая уж тут любовь к торговле – после такого беспредела.

Второе – местные «торгаши» никогда не отпускали Сидору свои товары в долг. Другим давали, а ему нет, не надеясь, что при его доходах,

ему, когда – ни будь, удастся погасить задолженность. И тогда Евсеевичу приходилось подрабатывать у этих же «торгашей», разгружая товары, либо выполнять другую грязную работу.

И третье – ему, да и не только ему, не нравились не устойчивые цены на товары. Идёшь в лавку с одним расчётом, а приходишь, все твои надежды рушатся, глядь - цена уже не та – изменилась и не в сторону понижения.

Вот из чего складывалась ненависть Сидора Евсеевича к местным предпринимателям. И он дал себе зарок: «Никогда, ни при каких обстоятельствах не заниматься этим паршивым делом».

А так, как все депутаты в районное законодательное собрание, от села Горёвки, были торгаши, как он их называл «спекулянты», то и депутатов Голодранцев недолюбливал тоже. И всей своей пролетарской сущностью подавлял, возникающие иногда, желания связать свою судьбу с этой братией. Но судьба иногда, не спрашивая наших желаний, расставляет нам свои ловушки на нашем скользком жизненном пути. Вот и наш герой не смог проскочить мимо оной, и сам захлопнул её дверку за своей истощённой спиной.

3

Как уже говорилось выше, Сидор Евсеевич очень любил читать. И вот придя однажды в библиотеку, он обнаружил на полке новую книгу Александра Дюма «Граф Монте – Кристо». Ну, как, новую? Не то, чтобы она была написана вчера. Нет. Но обложка её сияла и пахла свежей типографской краской, и до того приятен был этот запах, что рука сама потянулась к этому томику и уже не выпустила его до самой панцирной кровати в халупе Голодранцева. Растянувшись на этой самой, необычайно древней, панцирной сетке, Сидор три раза перечитал и перебрал в голове удивительные приключения главного героя Эдмона Дантеса. И не раздумывая долго, причислил его к группе своих любимых героев, нужно

отметить, что эта группа была необычайно мала, в ней находился пока, что только Владимир Вольфович Жириновский. И вот туда был допущен теперь Эдмон Дантес.

Голодранцев хотел четвёртый раз перечитать любимую книгу, но другие читатели Горёвской библиотеки выразили протест голосами с повышенной тональностью, иногда переходящей в непечатные выражения. Им тоже очень хотелось, хотя бы мысленно, побыть графьями. А так как Сидор духом был слабоват, а может, просто ленив и не хотел связываться с интеллигентской братией, под напором столь убедительных требований, он принес любимую книгу в библиотеку.

И надо же было такому случиться, в это самое время по библиотечному телевизору выступал Владимир Вольфович. /Своего телевизора у Голодранцева не было, и он часто пользовался услугами модельной библиотеки, бесплатно естественно./

- Однозначно, долой! – кричал председатель партии ЛДПР, - мои соколы будут голосовать против! – и так далее и тому подобное.

Сидор Евсеевич замер, восхищённо уставившись в экран телевизора, его взгляд пылал преданностью и безграничной любовью. Если бы Владимир Вольфович увидел в это время Сидора, он бы, без всякого сомнения, принял Голодранцева в свою партию, не отходя от думской трибуны.

«Вот это люди, - думал Сидор о своих любимчиках, - как они расправляются со своими недоброжелателями. Один хитро и умно – другой, однозначно, решительно. Вот бы мне так, я бы этих спекулянтов собрал в кучу, мешок на голову, и взашей, за околицу!»

Налюбовавшись и наслушавшись своего кумира, Сидор взял очередной художественный томик. /Какой? Для нас это уже не важно. / Совсем собрался уходить, но тут его взгляд упал на подшивку газет «Цементная

правда». Там на первой странице, красным по белому, сияя, подмигивало объявление:

«Такого – то числа, сентября месяца, в Цементно – Шиферном районе состоятся выборы в законодательное собрание, этого самого района. Заявления принимаются, как от партий / по партийным спискам/, так и от самовыдвиженцев. При подаче заявлений при себе иметь декларацию о доходах.»

Воодушевлённый речью Жириновского и недавно прочитанной книгой, Сидор остолбенел, и крамольная мысль начала потихоньку закрадываться в разгорячённые мозги:

«А чем я хуже других. Возьму и напишу заявление. А вдруг получится. Вот тогда и сочтёмся с этими спекулянтами!»

И он почти уже убедил себя в правильности принятого решения, но слово «декларация» острым гвоздём шевельнулась в его мозгах. Почему? Кто его знает. Ему ли с его доходами бояться этого слова. Но провернув ещё пару раз в сознании это колкое словцо, он решительно отмёл возникшее, вдруг, желание.

«Пошли они к дьяволу со своей декларацией!» - подумал он и пошёл в свою халупу, с твёрдым намерением развалиться на панцирной койке и, уткнувшись в книгу, проживать чужую судьбу.

С трудом открыв покосившуюся дверь, в свою лачугу, Сидор неожиданно уловил необычайные, для его обители тревожные звуки. Вроде бы кто - то посапывая хрюкал, как поросёнок, затем на минуту затихал и начинал повизгивать как щенок. Внимательно присмотревшись в тёмный угол, подслеповатым взглядом, он обнаружил свою разлюбленную женушку Устинью Ермолаевну, которая, прижавшись к давно не беленой стене, безутешно рыдала.

- Ты чего Устинья нюни распустила? Сон плохой увидели, что ли? – облегчённо вздохнул Сидор, напуганный сначала необычными звуками.

- Какой сон. Тут наяву можно с ума сойти. Как мы теперь зимовать будем?

- Да, что случилось? Выкладывай!

- Что, что? Совсем озверели эти предприниматели. Пошла сегодня к Тарасу Ямщикову, чтобы он нам угля привёз, а он мне: «Маловато Устинья деньжат – то у тебя. Уголёк подорожал, да и я за привоз тыщёнку накинул.»

- Как так! – Вспылил Сидор. Он вспомнил, с каким большим трудом они наскребли из своего скудного бюджета денег на уголь. А какой - то Тарас, который обманным путём завладел совхозным самосвалом, и теперь доставлял уголь в село, вдруг всё решил по - своему. И представив ненавистное лицо Тараса, Сидор, размахнулся и метнул, взятый в библиотеке, томик под панцирную сетку:

- Ну, всё! С меня хватит! Иду в депутаты! Я вам покажу Кузкину мать, капиталисты проклятые!

4

На другой день, рано утром Голодранцев на попутных машинах отправился в районный центр. Без особого труда нашел здание районной Администрации, нужный кабинет, на двери которого крупными буквами было написано «Районная избирательная комиссия» и, без стука, решительно, переступил порог. От такой поспешности, сидящая за столом пожилая женщина вздрогнула и подозрительно уставилась на Голодранцева:

- Что вам нужно, гражданин? - Окинув его, теперь уже презрительным взглядом, видимо слегка удручённая, потрёпанным внешним видом вошедшего.

- Я не гражданин, я будущий кандидат в депутаты от села Горёвки, Голодранцев, - раздраженно парировал Сидор, уловив этот презрительный взгляд.

«Смотрит, прямо как наши спекулянты» - зло подумал он.

- А вы кто такая?- В свою очередь спросил Сидор.

- Я председатель избирательной комиссии Атаманова Надежда Григорьевна, - убрав с лица различные оттенки мимики, уже более миролюбиво, ответила она.

- Тогда я к вам. Прошу зарегистрировать меня в кандидаты.

- Вы в этом твёрдо уверены? – Окинув, его неказистую потрёпанную фигуру ещё раз, внимательным взглядом, спросила Надежда Григорьевна.

- Да! А в чём дело? Каждый гражданин, достигший восемнадцатилетнего возраста...

- Да, нет, нет, всё в порядке, - перебила «председательша» законодательные познания Голодранцева, - вот вам лист бумаги, пишите заявление. А вот вам бланк декларации о доходах. Если ваши доходы не уместятся на одном, я вам дам другой бланк, - и ещё раз окинула будущего кандидата презрительным взглядом.

Сидор Евсеевич намёк понял и, заполняя декларацию, хотел написать: «Ни чего нет», но вспомнив свой огород, издевательский намёк председателя, жирно вывел: «Кроме хрена, нет ни хрена». И так же, ехидно улыбнувшись, подал бумаги Надежде Григорьевне.

- Уважаемый гражданин Голодранцев, а где же ваши фотографии?

- Какие фотографии? Про них в газете ничего написано не было, - удивился Сидор.

- Нужны две фотографии 3x4, иначе я ваши документы не приму! – заявила «председательша».

- Что за дьявольщина, у меня и денег – то нет на эти фотографии.

- Послушайте, гражданин Голодранцев, с вашей фамилией и вашими доходами, на выборы лучше идти по партийным спискам, - с глубоко скрытой иронией, посоветовала Надежда Григорьевна.

- Да я не член партии, - не уловив подвоха, сознался Сидор.

- Но это не велика задача. До выборов еще месяц и у вас есть возможность стать членом. Вот рядом с Администрацией здание, в нём расположены штабы сразу двух партий ЛДПР и КПРФ. Дерзайте, там и фотографии бесплатно и надежда на избрание выше.

Сидор Евсеевич быстро отыскал нужное здание. Вошёл внутрь и начал читать расположенные на дверях таблички. «Штаб партии ЛДПР», на первой же от выхода двери, прочёл Сидор.

«Это то, что мне и нужно» - обрадовался он.

Полюбовавшись красиво оформленной надписью, он осторожно постучал:

- Кто там, - выдохнул неустойчивый, нервный альт, - заходите.

Переступив порог, Голодранцев внимательно начал осматривать кабинет, он так давно хотел прикоснуться к таинству внутреннего содержания любимой партии, что засмотревшись на различные вымпелы, символы и другие безделушки, развешанные на стенах и расставленные по углам, забыл, зачем пришёл.

- Эй, ты, бомжара, зачем пришёл, я милостыню не подаю!

Сидор вздрогнул и только сейчас увидел сидящего за столом длинного худого человека, нервно перебирающего содержимое стола.

- Я не бомжара, я Голодранцев, хочу вступить в ряды вашей партии, чтобы идти списком от неё в депутаты, вот мои документы,- и Сидор положил на стол декларацию и заявление. – А вы кто такой? – В свою очередь спросил он.

- Я председатель партии ЛДПР, в данном районе, Масловский – не переставая шарить руками по столу, ответил нервный человек и посмотрел на бумаги Сидора. Вот его руки схватили авторучку, отшвырнув её, вцепились в папье-маше, Сидор на всякий случай пригнулся, руки побежали дальше и вцепились в декларацию Сидора.

- Слушай, ты Голодранцев, а чем же ты собираешься взносы платить? У тебя же ни хрена нет! – Вспылил председатель, руки Масловского, откинув декларацию и заявление Сидора на пол, вдруг вцепились в стакан с водой.

Голодранцев вспомнив предвыборные дебаты Немцова и Жириновского, стремительно отпрянул от стола.

- Хрена – то, как раз, у меня полно! – Парировал он.

- Вот что Голодранцев, - отпив глоток воды, уже спокойнее сказал Масловский, - с твоими фамилией и декларацией лучше идти в штаб КПРФ, третья дверь справа по коридору. Всё, свободен, - и он снова принялся сучить руками по столу.

- Как же так, я с большим уважением отношусь к Владимиру Вольфовичу, он мой кумир, я на него молюсь, - попытался лестью втереться в доверие Сидор.

- От твоего уважения денег в нашей казне не прибавиться, так, что придётся тебе полюбить Зюганова.

Голодранцев, так бесцеремонно отвергнутый представителем любимой партии, вывалился в коридор. И несколько минут не мог одуматься. Стоял, вытаращив глаза, посреди коридора. Хотя с ним поступили, если рассудит здраво, именно по Жириновский – однозначно, решительно. Постояв ещё некоторое время, Сидор двинулся по коридору и действительно на третьей двери справа увидел не менее красивую табличку: «Штаб партии КПРФ, председатель Брюханов». Он осторожно постучал по двери согнутым пальцем.

- Да! Товарищ, войдите, - слышался из-за двери густой бас.

Приободрённый таким вежливым приглашением, Сидор быстро вошёл в кабинет и, вдруг, неожиданно отрапортовал:

- Пролетарии всех стран соединяйтесь!

За большим дубовым столом сидел большой толстый человек и удивлённо, раскрыв рот, смотрел на пришельца.

«Это, что за голодранец с лозунгами» - медленно переваривал он в крупной голове. Затем, хлопнув глазами, заполнил кабинет густым басом.

- Это старая песня, батенька, я на такие лозунги милостыню не подаю.

- Да я не за этим пришёл, – смутился Сидор, - мне бы в партию, членом, а затем общим списком на выборы и в депутаты. Вот у меня и декларация есть. – И он положил на стол свои листки.

- А ты взносы - то чем платить будешь? – Заглянув в декларацию, заревел председатель Брюханов.

- Так мне Масловский сказал, что у вас всё бесплатно, коммунизм всё - таки.

- Ах, вон оно, что, значит, ты сюда приперся в надежде получить бесплатные талоны на обед. А, нажравшись, таскать транспаранты с надписью «Долой капиталистов», - распаялся Брюханов, - нет, батенька, мы коммунисты, да не те, у нас капитала раза в два больше, чем у ЛДПРовцев. Этот подлец, Масловский пользуется тем, что их дверь первая от входа и посылает к нам всякую дрянь. Ишь, чего захотел, общим списком в депутаты. Дёргай отсюда, да свои богатства не забудь, - и он брезгливо, двумя пальцами, взял бумажки Сидора и швырнул их на пол.

Сидор, схватив заявление и декларацию, униженный и оскорблённый, вывалился из подъезда, так и не став членом.

- Ну, сволочи, погодите! – Взревел он на всю улицу, и, сунув бумажки за пазуху, двинулся домой на попутных машинах.

Рано утром, на следующий день Голодранцев, потихоньку пока не проснулась Устинья Ермолаевна, вытащил двести рублей из припасённой суммы на приобретение угля, и, опять же на попутных перекладных, отправился в районный центр. Сфотографировавшись, пошёл в избирательную комиссию с полным пакетом документов для регистрации в кандидаты, в районное законодательное собрание.

-Что уважаемый гражданин Голодранцев, не удалось вам стать членом? Видимо, ваша декларация не достаточно убедительна для партийных деятелей? – Ехидно прищурился не совсем ясный взор, спросила председатель Атаманова Надежда Григорьевна.

- Нет, не удалось, но они ещё пожалеют об этом, - недовольно проворчал Сидор, а про себя подумал: «Да и ты тоже». Каким образом он собирался провести процесс отмщения, Сидор и сам не знал, но униженный и оскорблённый партийными деятелями, пытался сбросить пар озлобленности, хотя бы словестно.

Зарегистрировавшись в кандидаты, Голодранцев Сидор Евсеевич отправился в родную Горёвку, чтобы окунуться в океан предвыборной борьбы. А борьба предстояла жестокая, так как в этом океане уже плавали бывшие депутаты Огородников и Садоводников, а так же, неожиданно, в его воды заплыл «углевоз» Тарас Ямщиков.

Предприниматели, не жалея денег, заказали себе красивые предвыборные агитационные плакаты. На лощёной бумаге красовались различные виды товаров, реализуемые в настоящее время. И ещё более красочными выглядели товары, которые будут реализовываться в будущем, если их владельцев изберут депутатами. Огородников и Садоводников обклеили этими плакатами свои торговые точки и заборы на главной площади села.

На плакатах же Тараса Ямщикова была изображена грузовая машина, с полным кузовом отборного угля, и на её борту подмигивала надпись: «Эх, привезу». На заднем плане располагалась машина побольше, с надписью «Привезу ещё больше, когда стану депутатом». Однако цены за предлагаемые товары и за «Эх привезу» не указывались, что вызывало некоторое сомнение в возможности их приобретения, в большом количестве, сейчас и в будущем. Тарас наклеил плакаты на свой автомобиль и периодически объезжал село из конца в конец по центральной улице.

В ответ на происки своих соперников, Сидор снял с панцирной сетки последнюю простыню и, разведя сажу в воде, нацарапал на ней лозунг: «Безработные всех стран объединяйтесь!». Затем, выправив два кола на завалившейся ограде, натянул это произведение между ними. Издалека жилище Голодранцева стало напоминать пиратский форпост, с застывшим над ним, «Весёлым Роджером», так пираты называли свой флаг.

Но ни красивые плакаты предпринимателей, ни простыня Сидора не могли определить предвыборный рейтинг кандидатов. Все ждали, когда же эти самые кандидаты сойдутся в словестной схватке, со своими программами и обещаниями.

И вот эти дебаты наконец-то состоялись в местном доме культуры.

Предприниматели, большего, чем уже было изображено на плакатах, предложить ничего не могли. Обещали снизить цены на некоторые виды реализуемой продукции, да выставили по три ящика бесплатного пива, собравшимся на слушание мужикам.

- Маловато будет! – Недовольно проворчали те, и сидя в креслах дома культуры, обещания слушали не совсем внимательно, зато с удовольствием причмокивая из горла бесплатное пиво, иногда кидали реплики:

- Брехня всё это!

Тарас Ямщиков, за день до предвыборных дебатов, привёз инвалиду Костылёву бесплатно тонну угля, и теперь раз десять с трибуны рассказывал об этом. На что последовали колкие замечания в его адрес от, разогретых пивом, мужиков:

- Ну, всё, наш Тарас разорился, – подначивали одни.

- Ни хрена, он на других отыграется, - кричали другие.

- Хватит, пусть говорит Голодранцев, - выкрикнул его сосед по домам Макар Безденежный.

Сидор никогда ранее не говаривал речей с трибуны, но, если вам память не изменяет, частенько смотрел в библиотеке по телевизору, как это делает его кумир Жириновский. И он, набрав в лёгкие побольше воздуха, стремительно выбежал к трибуне и, взмахнув зажатой в руке декларацией, вдруг, так завопил, что мужики, вздрогнув, перестали пить пиво, а некоторые женщины, даже взвизгнули:

- Однозначно, долой этих спекулянтов! – Кричал он, - гнать их надо из села! Вы посмотрите на их декларации, они у них в нескольких томах. А вот моя. - И он взмахнул зажатым в руке листком - Жить надо так, как живу я, а не так, как эти мироеды! – Он хотел схватить, стоящий на трибуне стакан с водой и плеснуть его в сидящего рядом Тараса Ямщикова, но местный участковый, из первого ряда, показал Сидору кулак.

- А хлеб мы будем, где брать? – Вдруг визгливо завопила из зала бабёнка.

Мужики, представив себе, как живёт Голодранцев, быстро сделав по большому глотку пива, не сговариваясь, в один голос наложили резолюцию на его выступление:

- Да пошёл ты на..! Долой! Проваливай с трибуны, - как, оказалось, так жить, как живёт Сидор Голодранцев, никто не хотел.

Окрылённые первым успехом предприниматели покидали поле боя, радостно потирая руки. Им ещё предстоял второй тур предвыборных дебатов, между собой, на котором окончательно должен был определиться фаворит. И тут, потеряв бдительность, они сделали непоправимую ошибку. Не дожидаясь дня выборов, «спекулянты», чтобы возместить понесённые убытки от приобретённых плакатов и бесплатного пива, сделали, по их мнению, небольшую наценку на некоторые товары. Как им казалось, совсем незаметную. Но они не учли, того, что доходы сельских жителей настолько малы, что каждая копейка на счету. Большинство семей живут на дедовскую пенсию. Поэтому подвох был немедленно раскрыт. И когда после выборов, открыли урну с бюллетенями, предприниматели вздрогнули, и хотели укунить себя за локоть, но не достали - пятьдесят пять процентов голосов получил Голодранцев. От неожиданности фаворит и сам замер, и первое время представить себе не мог – что же с этим триумфом делать. А его соперники настолько были поражены произошедшим, что стали творить непонятные и для них самих поступки.

Тарас Ямщиков привёз Голодранцеву уголь по старым расценкам.

Садоводников занял ему двести рублей, без назначения срока отдачи.

А Огородников стал отпускать Устинье Ермолаевне продукты в долг.

И все они называли Голодранцева не иначе, как Сидор Евсеевич, что, видимо, и я в дальнейшем иногда буду делать, последовав их примеру.

А новый депутат районного законодательного собрания стал дожидаться организационной сессии, чтобы в дальнейшем определять методы угнетения «спекулянтов» на селе. Но всё повернулось не так, как мечтал Голодранцев Сидор Евсеевич.

Председатель законодательного собрания Вольфов Юрий Иннокентьевич был опытный мужик. Он прекрасно знал, что впервые

избранные в законодательное собрание депутаты, в основном, приходят со своими амбициями, и чаще попадают сюда по причине глубокой неудовлетворённости состоянием их личной жизни, а некоторые в надежде на отмщение, через приобретённое положение, своим обидчикам. /Они ещё не догадываются о том, что это приобретённое положение, почти никак не выделяет их от обычных граждан /. Большинство же – в поисках правды. Поэтому, внимательно присмотревшись к новому депутатскому корпусу, Юрий Иннокентьевич выделил двух персонажей из этого состава:

Депутата от села Горёвки безработного Голодранцева Сидора Евсеевича. И депутата от села Босоноговки директора Дома Культуры Беспардонного Ефима Елистратовича.

Так уж получилось, что на первой организационной сессии пришлось, не только распределять депутатов по разным комитетам, но и утверждать бюджет на следующий календарный год. Так как текущий заканчивался, а бюджет был не утверждён. Эта процедура много времени не заняла. Зашёл к депутатам глава Цементно – Шиферного района Коровин Н. А., зачитал подготовленный экономистами данный документ, который был быстро принят открытым голосованием. Он бы ещё быстрее был утверждён, но когда Коровин зачитал статью расходов на оказание помощи малому бизнесу, Голодранцев не выдержал и, вскочив с места, начал протестовать, широко размахивая руками:

- Какая помощь спекулянтам? Их надо гнать с глаз долой!

На что Коровин, оторвавшись от текста бюджетного послания, строго взглянул не на Голодранцева, а на Юрия Иннокентьевича и спросил:

- А это, что за фрукт?

- Разберёмся, - успокоил главу председатель. И чтение продолжилось.

И тут выяснилось, что о культуре в новом бюджете, вообще, не было ни одного слова. По этому поводу взорвался директор Дома Культуры села Босоноговки Беспардонный Ефим Елистратович:

- Как же так? – Бурно запротестовал он, - клуб вот – вот завалиться, а денег опять в бюджете на его ремонт не нашлось. Вы же мне в прошлом году обещали. Я до Москвы дойду, - шумел представитель культурного общества. На что Коровин не повышая голоса, и не меняя интонации заметил:

- Давай вали, а мы, пока ты ходишь, эту развалюху закроем, всё равно от неё никаких доходов нет. Туда давно уже никто ни ходит, – и уже к председателю, - Юрий Иннокентьевич, разберись со своими депутатами.

И когда заседание было окончено, председатель Вольфов предложил Голодранцеву и Беспардонному остаться.

Беседовал он с каждым из них по отдельности. Сначала оставив Беспардонного в кабинете, предложил Голодранцеву выйти и подождать в коридоре. Тот вышел, но от двери далеко отходить не стал и хорошо слышал всё, о чём говорилось в кабинете.

- Ты чего расшумелся?- Строго спросил председатель, - ты же видишь, какой маленький в нашем районе бюджет. Попробуй – ка угодить всем. А в твой Дом Культуры действительно никто не ходит.

- Конечно, кто же пойдёт туда, когда там потолок вот – вот завалится – не сдавался директор клуба Беспардонный, - вы же мне уже лет десять обещаете выделить денег на ремонт. Я и в депутаты выдвинулся, думал, что теперь буду участвовать в распределении бюджетных денег, и уж вы меня никак не обойдёте, а оказалось, про культуру вообще забыли.

- Где ж этих бюджетных денег наберёшься? Для того, чтобы заткнуть все дыры, нужно его увеличить раз в десять, - парировал Юрий Иннокентьевич.

- Где взять? Я знаю! - Твёрдо заявил Беспардонный, на что председатель вытаращил глаза и раскрыл рот, затем сглотнув слюну заговорщицки, тихо выдохнул:

- Ну- ка, поделись!

- Хорошо, слушай! Я в этом районе прожил всю жизнь, ты тоже.

Вспомни, несколько лет назад, в этом здании, где мы сейчас находимся, то есть в администрации, размещались все. Председатель райисполкома, его заместители, землемер, архитектор, налоговая инспекция, специалист по имуществу, торгово-экономический отдел и даже управление сельским хозяйством. А в районе работали все предприятия и совхозы.

А теперь все эти перечисленные специалисты, начиная с землемера, выделены в отдельные комитеты со своими офисами и специалистами человек по десять в каждом. Куда не зайди в посёлке, натолкнёшься на бюрократический аппарат. И в этом здании администрации народу меньше не стало, в каждом кабинете по три - четыре человека. Это же сколько надо выделить из бюджета денег на их зарплату и на коммунальные платежи за их офисы. А предприятия и совхозы все обанкротились. Непонятно, чем эти комитеты управляют, коль в районе ни черта нет! Да ты и сам всё это знаешь не хуже меня – за место своё трясёшься! – Решительно заключил Беспардонный, наплевав на всякий этикет, как человек, которому не чего было терять.

Голодранцев услышал, как тяжело засопел председатель, несколько минут молчал, а затем, приглушённым голосом, словно его кто прихватил за горло, просипел:

- Слушай Ефим Елистратович, ты иди отсюда поскорей, я тебя прошу, больше в этом здании никому подобное не говори, а то потолок твоего клуба упадёт нечаянно на твою умную голову. Тебе до пенсии осталось два года.

- Что не понравилось? – Не унимался директор клуба, выходя из кабинета. Увидев Голодранцева, бросил:

- Заходи, твоя очередь, «противник торговых рядов».

Сидор Евсеевич, после всего услышанного, переступив порог кабинета, неловко начат топтаться у двери.

- Проходи Голодранцев, садись, – пригласил председатель, ещё не отошедшим от недавнего разговора, сиплым голосом, - ну давай выкладывай, чем тебе не угодили предприниматели занимающиеся торговлей?

И тут новоиспечённый депутат, обнаружил, что ничего вразумительного в ответ на заданный вопрос сказать не может. Он долго собирал всякую ахинею, всё время бессмысленно повторяя одни и те же слова, чаще всего «спекулянты» «мироеды» и прочую чушь. Юрий Иннокентьевич не мешал ему. Голодранцев ещё минут десять погонял языком бесполезные слова, вдруг, выдохся, замолчал и, покраснев, засопел, как бык производитель, увидевший свою любимую тёлку.

- Ну, всё у тебя?! – Уже нормальным голосом, толи спросил, толи поставил точку бредням собеседника председатель. – А теперь послушай, что я тебе скажу! Ты слышал, при тебе утверждали бюджет, если ты хотя бы немного соображаешь, он очень мал и не удовлетворяет все потребности района в финансах.

«Конечно, где же он удовлетворит эти потребности»- подумал Голодранцев, вспоминая сказанное Беспардонным.

- Так вот, - продолжал председатель, - если бы эти «спекулянты» не платили налоги, этот бюджет был бы ещё на много меньше. К тому же они периодически помогают школам, выделяют к празднику деньги на подарки, детским садам, домам культуры. На это денег в бюджете нет.

-Я ведь знаю, каким образом ты попал в депутаты, - продолжал он,- предприниматели промахнулись. Народ – то в селе тебя не уважает. Вот ты и докажи людям, что ты не лыком шит. Займись, каким ни будь, стоящим делом, покажи на примере, что ты настоящий депутат. А то заладил «спекулянты», « мироеды», тоже мне, революционер нашёлся. Иначе, смотри, жители Горёвки соберутся, да отзовут твою кандидатуру из депутатов.

Сидор Евсеевич, не мог вставить ни одного слова, во-первых он их просто не находил, а во вторых обнаружил, что напористо говорить, оказывается, может не один Владимир Вольфович.

- Ну, ты всё понял? – Спросил миролюбиво председатель, и на кивок собеседника, добавил, - иди, дорогой, и прислушайся к моим словам.

Голодранцев покинул кабинет председателя и двинулся в своё родное село. И нужно сказать, что он сильно изменился, ходил по улицам задумчивый, до того, что однажды чуть не угодил под автомобиль Ямщикова. Книги в библиотеке брал теперь с научным уклоном и подолгу рылся в журналах. Видимо подыскивал подходящее для себя дело, достойное депутата районного законодательного собрания. Но торговые отношения, он по-прежнему отвергал, правда, только про себя, как говорится, в душе.

7

Время летело стремительно, прошла осень, зима, весна незаметно перемахнула в лето, а Сидор Евсеевич всё ещё находился в неопределённости. Он, в уме, подолгу перелопачивал свои способности, но они были настолько скудны и не жизнеспособны, что даже его жена Устинья Ермолаевна отрицательно трясла головой, когда Голодранцев вслух произносил свои мысли.

И тогда он стал вспоминать действия героев, прочитанных им книг и газет, в надежде на подсказку к возможному использованию их жизненного опыта. А как ты помнишь, дорогой читатель, любимых героев у него было не много, всего два.

В мыслях Сидора Евсеевича, в клубах розового тумана, всплыл Эдмон Дантес: «Вот бы мне такие богатства, такой разум, я бы... я бы...», но чтобы можно было извлечь в данный момент из опыта Дантеса, депутат так и не мог придумать, к тому же бороться с местными предпринимателями ему запретил председатель депутатского корпуса. И он теперь во время заседаний больше молчал и слушал других.

«Нет, гусь свинье не товарищ, - справедливо думал Голодранцев, - с моими богатствами можно бороться только с блохами. К тому же, граф долго сидел в заточении», - а уж сидеть в тюрьме Сидору никак не хотелось. И выбросив одного любимца из головы, он обратил свои мысли к другому.

«Владимир Вольфович, чем же он знаменит, кроме своего не стандартного поведения и вольных мыслей, иногда выражаемых не печатными словами? – Вспоминал Голодранцев - Вот! Он часто утверждает, что читает лекции в высших учебных заведениях, за рубежом.

И Сидор, вдруг, на минуту представил, как Жириновский, размахивая руками и выпучив глаза, «читает» эти самые лекции, а студенты зарубежных вузов, подрагивая всем телом, сидят под столами, надеясь выйти через некоторое время из аудитории живыми.

- Что ж, уважаемый читатель, с этими мыслями Сидора Евсеевича, я полностью согласен, кроме того, от себя добавлю: «Я, так же, как и вы, наверное, частенько с недоумением слышу оправдания от депутатов Государственной Думы. Когда у некоторых из них спрашивают: «Откуда у вас появились, неожиданно, многомиллионные доходы?» Они, честно глядя в глаза следователя, отвечают:

-Дорогой друг, разве ты не знаешь того, что мы были приглашены в Англию и в США. В высшие учебные заведения, для прочтения лекций, о международном положении, вот за эти самые деньги.

И этот «дорогой друг» - следовательно недоумевает:

- Надо же, насколько расточительны эти иностранцы! Неужели у них нет своих лекторов, которые, за меньшую сумму долларов, могли бы прочесть эти самые лекции.

Я конечно, так же как и ты, дорогой мой читатель, догадываюсь обо всём, да и следовательно тоже, но преодолеть барьер неприкасаемости депутатов мы не можем. Вот ведь какая штука!

Вспомнив о Жириновском, Голодранцев оживился:

«Вот настоящее дело, буду читать лекции о международном положении, в Горёвской библиотеке»

И он окрылённый, посетившей его голову, мыслью, кинулся в библиотеку, заключать контракт. Но заведующая библиотекой Александра Сергеевна, была женщина начитанная и необдуманно в различные авантюры, сломя голову, не бросалась:

- Гражданин Голодранцев, задуманное вами мероприятие, я вам проводить в библиотеке не разрешу. Во - первых у вас нет никакого образования. Во – вторых отсутствует лицензия, на право, их проведения.

Разочарованный, не состоявшийся лектор, понурился, отбыл восвояси, как говорится, не солоно хлебавши.

И он совсем уже начал забывать о том, что должен совершить, что-то полезное, как неожиданно, после очередной сессии, был приглашён в кабинет председателя законодательного собрания Вольфова Юрия Иннокентьевича.

-Ну, каковы твои успехи Сидор Евсеевич? - Спросил он, - что-то до меня не доходят добрые вести о твоих трудовых либо других, полезных для общества, подвигах.

На что Голодранцев чистосердечно изложил настоящее положение текущего момента, сделав особый упор на отсутствие возможности проявления добропорядочных начинаний, в силу возникших на их пути препятствий.

-Да, здесь ты, конечно, полез не в своё дело, уважаемый коллега, - назидательно заметил председатель, - образ, для подражания, тобой выбран не совсем удачно. Этот образ Владимира Вольфовича хорош для столицы нашей родины Москвы, а для села Горёвки он будет не совсем доступен и понятен. Поэтому, мой тебе совет: опустишь ты с небес на землю! У тебя земельный участок имеется?

- Да, - согласно кивнул Голодранцев и, вспомнив в каком состоянии находится этот участок, слегка поёжился.

- Ну, вот и займись настоящим делом, - продолжал наступать Юрий Иннокентьевич, - почему бы тебе не организовать крестьянско-фермерское хозяйство, например по выращиванию картофеля. Картошка-то на рынке с каждым годом дорожает, вот тебе и доход, тем более, что по новому указу такие хозяйства на несколько лет освобождаются от уплаты налогов. Как ты на это смотришь Сидор Евсеевич?

-Это, что опять заниматься торговлей?! – Брезгливо поморщился Голодранцев.

- Не торговать, а реализовать плоды своего труда, добытые потом и кровью! – Для убедительности, пафосно воскликнул Юрий Иннокентьевич, - ну давай дорогой, езжай в свою Горёвку, осуществляй добрые начинания. Возможно, глядя на тебя, у нас в районе скоро возродится множество крестьянско-фермерских хозяйств.

И надо же было такому случиться, Сидор Евсеевич, воодушевлённый проникновенной речью председателя, вдруг почувствовал необычайный прилив сил. И в нём начала укрепляться вера в то, что он способен действительно возродить не только собственное фермерское хозяйство, но и повести за собой весь район. /Вот ведь, дорогой мой читатель, на что оказался способен председатель законодательного собрания Юрий Иннокентьевич, прямо второй Грудинин из КПРФ, председатель знаменитого колхоза. /

Но по мере того, как Голодранцев приближался к своему родному селу, пыл его с каждым километром угасал в геометрической прогрессии. И когда он, подойдя к дому, осмотрел свой огород заросший хреном, этот пыл окончательно остановился на нуле.

8

Однако, остатки совести /заметьте, маленькие / всё же иногда между перерывами от чтения книг, нет – нет да напоминали о разговоре с председателем Вольфовым. И вот, однажды, депутат Голодранцев, с большим трудом отыскав штыковую лопату, отправился в свой заросший хреном огород. Зачем он это сделал? Трудно сказать. Предположим, что, не имея трактора и плуга, он решил лопатой осуществить подъём зяби для урожая картофеля будущего года. И как раз в это время года, /август месяц/ хрен вошёл в зрелую стадию своего развития, и захватил земли, будущего фермерского хозяйства, так интенсивно, что лопату негде было воткнуть.

- Да с такими сорняками, справится мне, не скоро удастся, - почесал голову будущий фермер. Хотел уже бросить лопату и пойти на свою панцирную сетку, чтобы углубиться в мелодраматические события очередного романа, но решил попробовать побороться хотя бы с одним паразитом, так нагло захватившим плодородные земли участка. Тот, кому хоть раз доводилось добывать хрен из земли, прекрасно знает, что это не совсем

простая задача. Этот самый хрен, так прочно устраивается на облюбованном им месте, что порой лопата ломается быстрее, чем он оказывается наружи.

Сидор Евсеевич выбрал самый, по его мнению, большой индивид данного растения и, поплевав на руки, взялся за лопату. Он долго кряхтел, сопел, кружился вокруг ботвы облюбованного хрена и, в конце - концов, примерно через полчаса, в его руке оказался прекрасный образец представителя этого растения, в три пальца толщиной и в двадцать пять сантиметров длиной. Вытерев пот со лба, и прислонившись к покосившейся ограде, Голодранцев, невольно, залюбовался красотой этого произведения природы, держа его в вытянутой перед собой руке.

И вот, дорогой мой читатель, в этом рассказе наступает кульминационный момент. В это время, по селу на своём «Джипе» ехал олигарх Казнокрадов, богатая дача которого разместилась за околицей села Горёвки, в дачном посёлке. И ехал он не просто так, а с намерением приобрести некоторое количество хрена, так как очень любил закусывать выпиваемую стопку виски, «хреновской» закуской. А тут, глядь, прямо, как по волшебству – стоит гражданин и держит в руке прекрасный образец того самого искомого растения.

- Эй ты, гражданин, - обратился Казнокрадов к замершей фигуре, - хрен продаёшь?

- Я не гражданин, - очнувшись, вздрогнула фигура, - я депутат Голодранцев. Не о каких продажах слышать ничего не хочу.

- Да мне всё равно кандидат ты или депутат, - Казнокрадов не терпел возражений, - мне нужен хрен, и «баста».

Голодранцев не успел и глазом моргнуть, как его собеседник вышел из машины. Выдернул из рук его хрен и вложил двести рублей. Сидор очнулся лишь тогда, когда «Джип» скрылся в пыли за поворотом. Глянул на руку, на две купюры по сто рублей каждая и хотел возмутиться:

- Это, что же такое, неужели я вступил в торговые отношения с олигархом!? Стоп! Почему в торговые? Мне же председатель законодательного собрания Вольфов Юрий Иннокентьевич сказал, что с крестьянского хозяйства можно заниматься реализацией собственной продукции. Да, но где это крестьянское хозяйство? – Продолжал сомневаться Сидор Евсеевич, - и хрен я вроде не выращивал, он сам вырос. А, впрочем, почему и нет. Огород мой, значить и хрен, сам он вырос или я вырастил, всё равно мой.

Голодранцев быстро засунул двести рублей в карман, спрятал в «хреновской» ботве лопату и пошёл на свою любимую панцирную сетку.

«Не многовато ли за один хрен двести рублей?»- Подумаешь ты, уважаемый читатель, - наверное, много, - поддержку и я тебя, - хотя, что такое двести рублей? Всего лишь три доллара в международной валюте. Это только когда телеведущие и экономисты, по телевидению, стараются заморочить нам мозги, утверждая, что рубль растёт и укрепляется, нам кажется, что это действительно правда. А спроси ты этих дикторов и экономистов, в какой валюте они хранят под матрасом деньги, они тебе не ответят. Почему? Да по тому, что чихать они хотели на твой рубль, и в матрасах у них зашиты доллары и евро. Так, что двести рублей за один подходящий хрен – это не дорого. Да и олигарх Казнокрадов дал бы больше, но у него в кармане завалились эти двести рублей, а из матраса доллары он сегодня забыл вытащить.

На второй день Голодранцев, уткнувшись в книгу, лёжа на панцирной сетке, услышал какой-то шум, как будто морские волны накатывались на его убогую халупу и, вдоволь налюбовавшись на этот исторический предмет, снова удалялись в морские просторы. Вставать не хотелось, и он толкнул в бок лежащую рядом Устинью Ермолаевну:

- Глянь-ка в окно. Что там твориться?

Та, выглянув в окошко, перекрестилась и в панике забормотала:

- Сидор, народу тьма у нашего дома собралась. Наверное, хотят тебе выразить недоверие и отозвать из депутатов.

Голодранцев хотел спрятаться в подпол, но вспомнив, что там не убрана ещё прошлогодняя гнилая картошка, метнулся на чердак. Залез уже почти на половину лестницы, но перекладина не выдержала и он, больно ударившись об пол, выкатился на крыльцо, прямо перед требовательные очи народного собрания. Присмотревшись, Сидор обнаружил, что у ограды собрались дачники с расположенного за селом дачного посёлка. Ни одного односельчанина в этой толпе не было.

«Слава богу! – Подумал депутат, - отчитываться не придётся»

- Что здесь собрались? Чего надо? – Строго спросил он.

- Сидор Евсеевич, - обратился первый стоящий у ограды дачник, - мы к вам с большой просьбой. Мы все очень любим «хреновскую» закуску. Продайте, пожалуйста, нам вашего превосходного хрена. Олигарх Казнокрадов очень хвалит. Он тоже, сейчас достанет из матраса доллары, и присоединиться к нам.

Голодранцев сначала подумал, что собравшиеся у его покосившихся ворот дачники, от нечего делать, подвыпив, решили над ним посмеяться. Но присмотревшись, по внимательней, иронии на их лицах не заметил. Наоборот они были похожи на людей стоящих в очереди за дефицитным товаром, в надежде скорее получить этот товар, и использовать его в нужных целях. В это время подкатил олигарх Казнокрадов и, увидев растерявшегося Сидора Евсеевича, привычным приказным тоном загудел:

-Эй, депутат, что стоишь, варешку разинул. Давай приступай к реализации своего богатства. Видишь, какую я тебе рекламу сделал, так, что лучший хрен мне, - расталкивая народ, приблизился он к воротам, - везет же дуракам, такой хрен с неба в руки свалился.

После этих слов, до Голодранцева, наконец, дошло, что всё происходящее не сон и не шутки, а действительность, которая теперь возвысит его в глазах избирателей и конечно председателя законодательного собрания Юрия Иннокентьевича.

- Одну минуту граждане, я не готов вот так сразу обеспечить вашу потребность. Попрошу вас подойти через пару часов. Не так просто нарыть кучу хрена.

Но граждане уходить не хотели:

- Иди рой, мы подождем! – приказал олигарх Казнокрадов, голосом не терпящем возражений.

Сидор Евсеевич схватил пустое ведро, махнул рукой Устинье Ермолаевне, мол «давай присоединяйся» и ринулся в огород, в надежде быстрее наполнить ведро хреном и приступить к удовлетворению потребностей страждущих. Но всё пошло не по его плану. Первые три корнеплода, никого не подпуская близко, забрал олигарх, при этом кинул в ведро несколько купюр, не считая. Как только он уехал, очередь тут же перестала существовать. Стоило Голодранцеву выкопать следующий хрен, как его тут же выхватывали из рук, не забывая при этом сбрасывать в ведро купюры. К обеду желающих, наконец - то поубавилось и, вскоре последний из них забрав очередную партию корнеплодов и кинув несколько купюр, покинул место реализации. Хозяин огорода еле стоял на ногах. Ведро было наполнено измятыми купюрами.

Столько денег ни Сидор, ни Устинья в своих руках с роду не держали. Сколько их было? Не наше дело. Может быть, если их пересчитать, кому – то показалось бы не достаточно много, а кому и совсем мало, это зависело от того, насколько богат был счетовод. Но для четы Голодранцевых, эти деньги были большие. Трясущимися руками медленно, прощупывая, с большим удовольствием, каждую купюру, они разложили хрустящие бумажки в

стопки, туго перевязывая их шнуровой резинкой. Красные, синие, пестрые и, вдруг на дне две зелёные бумажки с чужеземными буквами, с цифрами 10 на каждой из них и с изображением незнакомых мужиков, в американских камзолах.

- Доллары, - догадался Сидор, - Казнокрадов заплатил, больше не кому.

Собранные пачки денег, пометавшись по избе, хозяин, отодвинув кирпич из печки, засунул в дымоход. Печка всё равно не топилась, требовала ремонта. До самого вечера супруги не знали, куда себя деть, заговорщицки глядя друг на друга, бесцельно бродили по избе. Ночью тоже сон долго не приходил к ним и лишь под утро он, пометавшись по душной комнате, овладел их растревоженными душами. Но долго спать им не пришлось, уже в девять часов утра, у ворот их халупы собралась толпа желающих приобрести дары природы в виде знаменитого уже «депутатского хрена». Как выяснилось позже, название это родилось ещё вчера, спонтанно. Заметив движущуюся по селу толпу дачников, местный глава, надо же ему было как раз появиться, спросил:

- Это куда вас несёт, граждане, без ведома сельской администрации?

И граждане, что бы, их движение не было прервано, решили выдать веский аргумент:

- Идём к депутату законодательного собрания, за хреном.

-А, - сказал глава, - тогда всё понятно. Больше вопросов не имею.

«За каким хреном их несёт к депутату» - мелькнула позже в голове его мысль, но другая, более ценная, административная выдавила первую из этой головы на неопределённое время.

А у дома Голодранцевых всё, произошедшее вчера, повторилось вновь. Только в толпе желающих приобрести хрен, были уже замечены и

жители села Горёвки. Вечером, упаковав и спрятав деньги Сидор Евсеевич, ласково глядя в глаза Устинье Ермолаевне, сообщил:

-Ну, всё Устиньюшка, завтра в нашей работе делаем перерыв, едем в район. Зарегистрируем своё крестьянско-фермерское хозяйство, а то кончится хрен, а Юрий Иннокентьевич так и не узнает, что я, наконец – то, нашел нужное, любимое дело.

На второй день, написав, всё на той же простыне: «выходной», чета Голодранцевых двинулась в район. Ехали уже не на перекладных, а на автобусе. И как приятно было рассчитывать своими собственными деньгами и ловить на себе недоумённые взгляды: «Откуда у Голодранцевых деньги?», видимо ещё не до всех дошло об их, неожиданно, привалившем счастье.

Хозяйство зарегистрировали быстро, Юрий Иннокентьевич помог, Сидор ему за это подарил пучок хрена, хорошего качества.

Так в селе Горёвке появилось крестьянско – фермерское хозяйство Голодранцевых: «Хрен редьки не слаще »

9

Приехав домой, новый фермер решил систематизировать реализацию своей продукции. Прежде всего, он пошёл в огород, чтобы определить количество реализованного и оставшегося хрена. Из пятнадцати соток приусадебного участка, не тронутыми оставались примерно тринадцать.

«Жалко, что я не занял ранее тридцати соток», - подумал Сидор, ранее он не замечал за собой склонности к алчности.

Но пройдя к дальнему забору /скорее к его развалинам/ Голодранцев облегчённо - радостно вздохнул, за забором, до самого леса, находилась ещё одна деляна соток на десять, которая ни кому не принадлежала и тоже густо заросла хреном. Он сбегал за топором, вырубил несколько кольев, в этом же лесу и быстро застолбил участок.

Придя домой, отправил Устинью Ермолаевну в магазин за продуктами, и заодно наказал приобрести толстую тетрадь, шариковую ручку и кисточку. Поужинав, Сидор разлиновал тетрадь на столбики, в каждом из них указал номинальную стоимость купюры: пятьдесят, сто, пятьсот и тысяча рублей. Получилась, так сказать, расчётно – кассовая книга. Графу для учёта долларов он уважительно обвел красным карандашом. Затем пошёл в кладовую, где валялся всякий хлам, вытащил, из под него, старинный сундук, окованный полосами заржавевшего железа. Аккуратно вложил в него пачки денег и задвинул сундук под панцирную сетку. Затем нашел завалявшуюся фанеру, опять густо развёл сажу и кисточкой крупно вывел на листе фанеры:

Реализация фермерской продукции
проводиться с 9.00 до 17.00 без выходных.

Перерыв на обед с 12.00 до 13.00

Ниже, по мельче, написал: цены на приобретения хрена зависят от его размера.

25 сантиметров и выше – 200 руб./3 доллара/за штуку.

20 сантиметров и выше – 150 руб. /2 доллара/ за штуку.

15 сантиметров и выше – 100 руб. /1,5 доллара/за штуку.

Мелочь, т. е. не стандарт – 66 руб. / 1 доллар/ за горсть.

Встал со стула, отряхнулся, взял большой гвоздь, молоток и прибил данный распорядок, вновь организованного хозяйства, к столбу электролинии, который одновременно являлся частью опоры хозяйской ограды. Отошёл в сторону, полюбовался, довольно улыбнулся, и бросил в сторону магазинов своих соперников:

- Вот так-то, хмыри долбаные!

Все оставшиеся дни августа, и сентябрь, новые фермеры реализовали продукцию своего хозяйства. В желающих, приобрести хрен, недостатка не

было, ведь всем известно, что приготовление «хреновской» закуски, как раз проходит в это время.

Среди депутатов районного звена у Сидора Евсеевича авторитет рос как на дрожжах. Не малую роль в этом играл председатель Юрий Иннокентьевич, который при каждом удобном случае, приводил в пример крестьянско – фермерское хозяйство Голодранцевых. За что всегда, при встрече с Сидором, получал лучший пучок хрена.

В конце сентября запасы любимого корнеплода неожиданно закончились. Но Сидор Евсеевич, к удивлению соседей и даже самого себя, на панцирную сетку, читать очередной роман, не пошёл. А начал готовится к сбору урожая следующего года. Пересчитал полученные от реализации деньги, сумма получилась приличная. Но руки его от жадности не дрожали, он как-то уже довольно быстро привык к их постоянному наличию. Доллары, / а они тоже не редко попадали в его руки при расчёте/, он с особым почтением сложил в отдельную пачку, обвязал целлофаном и спрятал на завалинке в подполье. Проделав финансовые операции, Сидор Евсеевич приступил к хозяйственной деятельности.

Прежде всего, он, закупив круглого леса и горбыля, начал возведение городьбы вокруг своего участка, заодно прихватив и тот, который находился за его огородом. И не зря Сидор начал свою деятельность с ограды, так как давно заметил, как Макар Безденежный, его сосед, частенько заходил в его огород и набирал бесплатно целую охапку хрена. Многие жители села поговаривали, что он даже торгует соседскими корнеплодами «втихаря».

- А как же так, - спросишь ты уважаемый читатель, - вроде эти два индивида живут рядом, а состояние разное? У одного есть хрен, а у другого нету? Отвечаю:

- У Сидора Евсеевича, хоть и дрянная ограда, да всё же была, а у Макара Безденежного не было и намёка на её существование. Поэтому все

сельские свиньи постоянно лежали на поляне у его дома, а належавшись, начинали рыть землю в поисках корешка либо червячка. Можете себе представить, что там творилось. Поэтому тут уж не до хрена, лишь бы хату не подкопали.

Закончив с оградой, он нанял печника, отремонтировал печь, благо уголь у них с Устиньей Ермолаевной теперь был постоянно. Панцирную сетку менять не стали, так как необычайно крепко прикипели к ней всей душой. А вот простыни купили новые, целых две. И самое главное Сидор Евсеевич выписал полное собрание сочинений Александра Дюма, в тридцати томах. Прodelав всё это, он, наконец – то, улёгся на панцирную сетку, с новой простыней, крепко вцепился в первый том любимого писателя, и начал дожидаться следующего « хреновского» сезона.

Зима прошла, под чтение захватывающих романов, довольно быстро. Деньги чета Голодранцевых расходовала экономно, и к лету их было ещё достаточно, для того, чтобы не впасть в зависимость от местных «спекулянтов».

Депутатские обязанности Сидора Евсеевича сильно не угнетали. Озлобленность к своим противникам он, с помощью председателя Вольфова, быстро унял. Научился пропускать мимо ушей поставленные на заседаниях вопросы, и молча поднимать руку, выражая беспрекословное согласие с их содержанием.

Примеру его последователей не нашлось, несмотря на агитацию исходящую от Юрия Иннокентьевича, крестьянско – фермерским хозяйством ни кто из депутатов заниматься не хотел.

Дочитав пятнадцатый том собрания сочинений А. Дюма, Сидор, выглянув в окно, заметил, как распустились листочки на деревьях, находящегося за его огородом, леса. Положил книгу на подоконник и двинулся в огород. Из земли показались уже мелкие ярко зелёные всходы

желанного корнеплода. Присмотревшись повнимательней хозяин заметил, что всходы как будто стали чуть-чуть пореже прошлогодних. Испытывая тревогу за новый урожай, Сидор Евсеевич стал ежедневно по несколько раз в день обследовать всходы. Они же росли не по дням, а по часам и к концу июля выровнялись и поднялись уже до колен фермера. Голодранцев успокоился и начал готовиться к моменту реализации ценной продукции.

Прежде всего, он, не меняя режима рабочего дня, изменил расценки, увеличив их на двадцать процентов. Но в то же время добавил некоторые изменения и в подготовку хрена к реализации. А именно стал предлагать:

Хрен мытый, хренчищенный, хренрубленный и хрен
протёртый.

В двухметровом заборе прорезал подобие окна и соорудил небольшой прилавок.

Не буду напрягать тебя, дорогой мой читатель, описанием реализации известного продукта. Всё, как говориться, было путём. И настолько, что Сидор Евсеевич, израсходовав часть доходов, выправил покосившуюся хибару и, обшив её тёсом, покрыл крышу кровельным гонтом. После чего залёг на свою любимую панцирную сетку, с томиком Дюма, дожидаться следующего летнего, доходного периода.

И он пришёл, полный тревог за будущий урожай. Заметив зазеленевшие листочки, Сидор, отложив тридцатый, дочитанный том Александра Дюма, поспешно вышел в огород. Зелёные ростки ожидаемого корнеплода на несколько сантиметров вылезли из земли и торчали, как заячьи ушки. Но эти ушки привели депутата – фермера в неопиcуемый тревожный трепет. Они были гораздо реже прошлогодних. И сколько Голодранцев ни ходил в огород, по несколько раз в день, гуще они не стали.

Чтобы не допустить снижения доходов, Сидор Евсеевич решил у себя в доме проводить полный технологический процесс готовой продукции. А

именно! Закупив, по - дешевле, стеклянную тару, они с Устиньей Ермолаевной стали производить сами продукт под названием «Хренодёр» и увеличили цены на пятьдесят процентов. Однако их постоянные клиенты брали готовый продукт ни сколько не хуже, чем полуфабрикаты.

И тут, новые аграрии допустили непоправимую ошибку. В погоне за прибылью, Сидор вырыл в огороде не только хрен, но и все мелкие отросточки.

Прибыль опять была приличная. И часть денег он пустил в дело, с большой надеждой на будущее. Как именно? А вот так! Он построил рядом с домом, /халупой назвать этот дом, язык теперь не поворачивается / магазинчик. И купив книгу Льва Толстого «Воина и мир» в четырёх томах, поудобней, устроившись на панцирной сетке, на новой простыне, углубился в чтение, в ожидании следующего лета.

Но чтение романа «Война и мир» продвигалось не так быстро, как сочинения Александра Дюма. Во первых мешали французские переводы, которыми то и дело щеголял великий писатель. Во вторых Голодранцева начали посещать назойливые ведения, в которых он из аграрного фермера превращался, вдруг, в олигарха средней руки. А почему и нет? Большинство олигархов нажили свой капитал хищнической распродажей земельных ресурсов. И Сидор Евсеевич представил себе, что он богатеет тоже от реализации выданных ему природой ресурсов, хрен - то он не сажал, поле не удобрял, всё дала природа. А представив это – мысль стремительно несла его дальше: вот они с олигархом Казнокрадовым вместе отдыхают в Альпах в Швейцарии, расположились на зелёной лужайке, швейцарцы жарят им шашлык, нарезают различные виды сыров, и заквашивают свежий йогурт. Они же с приятелем попивают виски, коньячок и между выпиваемыми рюмками, похлопывают по толстым ляжкам грудастых девок. Дойдя до

крайности Сидор, опасливо озирался на Устинью Ермолаевну, вздыхал и хватался за книгу, но масла на войну либо мир направить ему не удавалось.

И вот оно лето, пришло. Отложив не дочитанный четвёртый том «Войны и мира», Сидор Евсеевич вышел в огород. И о, ужас! Лучше бы он этого не делал, либо малость повременил. Хотя чего тянуть кота за хвост. Доходное поле было пусто, даже сорняков не было видно нигде. Хозяин метался по огороду, рыл руками землю. Сходил за лопатой, пытался копнуть поглубже. Всё, нет ничего, как говорится, кранты!

И тут нам с тобой, дорогой мой читатель, приходит на ум одна справедливая мысль: «из ЗЕМЛИ - МАТУШКИ нужно не только вытягивать всё до основания, но и давать ей родимой, не жалея, всё то, что требуется для её плодородия».

Это бы нужно помнить и правителям нашим, недра земные не бездонны. Гоним газ и нефть в разные стороны без меры. Как бы не пришлось однажды хвататься за лопату и ползать на коленях в поисках бесцельно израсходованных ресурсов. Да поздно будет. Нельзя жить одним днём. Но это всё преамбула, до неё нет ни кому дела.

Вернёмся к нашему фермеру - депутату. Что же теперь с ним творится? Два дня Сидор Евсеевич неподвижно лежал на своей панцирной сетке, горевал. Иногда даже можно было заметить струящиеся по его щекам горькие слёзы. На третий день встал, достал остатки денег в рублях, доллары трогать не стал. Ничего не сказав Ульяне Ермолаевне, ушёл из дома в неизвестном направлении. К вечеру к новому магазинчику Голодранцевых подкатил грузовик. Из кабины вылез Сидор, забрался в кузов и начал разгружать гастрономические товары. На второй день вывеска на столбе была заменена. Теперь она гласила:

Магазин. «Гастрономические товары». Сидор и Устинья

Голодранцевы.

Расписание работы менять не стали.

Вот, мой дорогой читатель, как не крути, а проведение не обманешь. Уж, наверное, такая у села Горёвки карма: все депутаты в законодательном собрании района от этого села, так или иначе занимаются, либо будут заниматься торговлей. Ну да Бог с ними!

10

А теперь настало время узнать нам, почему же так озабоченно чешет голову шариковой ручкой, сидя на своей кухне депутат Голодранцев Сидор Евсеевич? А причина проста, тем развёрнутым листом бумаги, над которым склонился депутат, была декларация о доходах. И всё бы ничего, но открыв магазин, новый «спекулянт», как любил называть торговых людей Сидор, налогов по привычке не заплатил. От них он освобождался, будучи фермером, а на данном поприще отчисления были крайне необходимы.

«Всё перепишу на Устинью Ермолаевну» - подумав, решил он. Но тут на память пришёл инцидент, который обсуждался всем миром, произошедший с любимым артистом Арменом Джигарханяном. Полюбил Армен молодку - Цимбалюк. Да так полюбил, что разума лишился, взял и переписал всё своё состояние на неё. А Цимбалюк- то оказывается тоже любила до безумия Джигарханяна, но не за его красоту либо ум, а за его богатство. Любовь кончилась тем, что остался великий театральный деятель без штанов. Так-то делать необдуманные поступки в преклонном возрасте.

«Нет, этот вариант не подходящий - сделал окончательный вывод Голодранцев, - поеду к Юрию Иннокентьевичу, он поможет»

Но Юрий Иннокентьевич не помог. И на следующий срок депутат Голодранцев Сидора Евсеевич допущен на выборы не был. Плюнув на все эти политические дразги, он поменял, наконец-то, свою фамилию Голодранцева на фамилию жены, стал Скоробогатовым и углубился в торговые отношения с частными лицами.

Кандидатами опять же стали Огородников и Садоводников, к ним неожиданно присоединился Макар Безденежный, надеясь, так же как когда-то Сидор Евсеевич, проскочить в депутаты, а в конечном итоге стать торговым предпринимателем. Но народ /так называемый – электорат/, наученный горьким опытом, на предвыборных слушаниях, заявил прямо:

- Нет, хватит нам торговых предпринимателей – депутатов, - провозгласил этот народ, - а то пойдёт не здоровая конкуренция. Нам в селе войны не надо!- И почти единогласно проголосовали за Огородникова. Вот так – то, уважаемый мой читатель.

11

А теперь давай подведём вместе итоги, зачем же я, глядя в твои честные глаза, всё это писал?

Наверное, мне, как и тебе хотелось, чтобы депутаты, в местные законодательные собрания, избирались люди всё- таки умные. Способные решать вопросы, не только поднимая руки, за предложения бюрократического аппарата, но и имели бы собственное мнение.

Чтобы они честно заполняли свои декларации и во время платили налоги.

И чтобы председатель избирательной комиссии, какая ни будь Надежда Григорьевна, иногда шевелила бы мозгами при регистрации кандидатов.

А эти депутаты пример брали не только с Жириновского, но и обращались бы к более умным людям.

Хотелось бы, чтобы бюджет увеличивался прямо - пропорционально уменьшению бюрократического аппарата, а не наоборот.

Чтобы депутаты и партийные деятели не могли прикрывать свои не объяснимые доходы чтением лекций за рубежом. А депутатская

неприкосновенность не мешала бы следователю по особо важным делам, иногда спрашивать с них за это.

Чтобы рубль укреплялся и рос не только в устах экономистов и политических обозревателей, но и в кошельке российского человека. И чтобы предпочтение отдавали ему, этому рублю, а не зелёному доллару, с изображенными на нём мужиками в иностранных камзолах.

И, особенно, хочется, чтобы земельные ресурсы расходовались с умом, экономно, а доходы от их реализации шли на процветание нашей страны, а не на увеличение количества миллиардеров с их похотливыми замашками.

И уж конечно, чтобы предприниматели торговали не только хреном или тем, что продаётся в три дорога, а чтобы занимались производством разной продукции. Тогда уж точно в селе можно будет встретить доярку, птичницу, тракториста. А иногда и бригадира среднего звена. И уж тогда, точно, жители сёл будут жить не только на пенсионное обеспечение своих стариков.

Вот так, мой дорогой читатель, прикинув и проанализировав все желания наши в уме, мы обнаружили то, что они пока, в основном, остаются лишь нашими желаниями и не больше того.

Выходит – мы встретились зря?

Или нет?

Я голосую за второе.

2018 год.

Знамение.

Посвящаю врачам

Сыну моему Николаю Николаевичу,
Вострикову Сергею Владимировичу,
Захарченко Елене Викторовне.

...Заяц!!! Заяц – чудовище! Сначала у него была одна голова, круглая, как футбольный мяч, такая же, огромная, с прижатыми к затылку длинными ушами. Снизу от носа к спине, через всю морду, устремились три полосы, поблёскивая фиолетовыми оттенками. Полосы эти вдруг налились кровью и начали мигать, переливаясь сверху вниз кровавой массой. Затем голов стало две, три – они злобно оскалились, обнажая длинные желтые клыки...

Тело этого чудовища – тощее с длинными, костистыми, нескладными ногами, присевшее, как бы для стремительного прыжка, напоминало фигуру огромного паука – кровопийцу, приготовившегося растерзать свою жертву.

Заяц взбрыкивал этими несуразными, костистыми конечностями, разбрасывая в разные стороны рыхлую землю и, вытаращив налитые кровью глаза, истошно орал металлическим голосом:

- Сдохни... сдохни... - именно так, не «умри» а «сдохни», как будто я был не человек, а никому не нужное, бесполезное животное...

И вдруг наступила гробовая тишина...

...Огромный лист стекла – матового, с серым оттенком, завис над бездной, уходя нижним концом своим в эту пропасть, в бесконечность. Верхний конец был ограничен непонятно чем, толи потолком, толи небесами. Между этой преградой и верхом стекла образовалось маленькое пространство, в котором разместилась дрожащая капля прозрачного вещества – возможно, это была моя душа...

С одной стороны стекла мельтешили мелкие фигурки людей, скорее всего, это были мои родственники либо знакомые. Они что – то говорили, размахивая руками и раскачиваясь из стороны в сторону. Их присутствие

было ничтожно – почти незаметно. С другой - зияла бездна, я парил над ней...

- Ну, вот и всё, – сказал мне чётко и ясно мой голос, - сейчас тебя не будет. Ты больше не будешь ничего знать и чувствовать, как будто тебя никогда и не было.

Голос был настолько убедительным, что я понял – « Сейчас я умру» и ещё я твёрдо уверовал, что смерть такой и должна быть: тлен и небытие и ничего другого...

... Капля на верху стекла задрожала сильнее, сорвалась и полетела вниз...

... Ярко освещённая комната, в углу каменная колонна: «Почему же я, крепко обхватив её руками, как обезьяна, сижу на самом её верху?» Вдруг комната начинает раскачиваться, расплывается, и я проваливаюсь в темноту...

Чувствую на своём лице тугую повязку, она сдавливает до боли мой лоб и подбородок. Пытаюсь медленно вдохнуть воздух, но какая – то сила резко и неприятно вталкивает в мою гортань свою порцию воздуха. Она растягивает мои лёгкие, я судорожно пытаюсь выдохнуть её и не успеваю, новая волна, как мне кажется, разрывает мою грудь.

С большим трудом открываю слипшиеся веки, яркий свет лампы высвечивает высокий потолок, он, в моих глазах, медленно начинает раскачиваться из стороны в сторону. Поворачиваю взгляд вправо: мигает монитор, белый гофрированный шланг, направляясь к моему лицу, упруго пульсирует, а возможно мне это только кажется. Пытаюсь поднять руку, с первого раза мне это не удаётся, с третьей попытки подношу её к лицу и наконец, смутно понимаю, что лицо моё плотно стягивает маска, а

пульсирующий шланг заполняет мои лёгкие, насильственным путём, воздухом, что приносит мне не облегчение, а, как мне кажется, невероятные муки. Поворачиваю глаза налево, большое количество разноцветных проводов, от весящего на стене, монитора, направлены к моей груди. Люди в белых халатах, в перчатках, в очках, полностью закрывающих их лица, суетятся кругом.

«Реанимация, - медленно проворачивает мой мозг, - корона - вирус окончательно свалил меня с ног и лишил разума.

Господи, невозможно приспособиться к работе этого аппарата, он разрывает мои лёгкие! Как хочется вырвать этот шланг и сорвать с лица проклятую маску!»

Надо мной наклоняется фигура человека плотно закутанного во всё белое. Сквозь натянутые защитные очки, полностью закрывающие его лицо, с трудом различаю его глаза. Он что – то говорит, я ничего не понимаю. Руки его опускаются мне на грудь, и я чувствую отдалённую тупую боль в области правой ключицы. Затем эти руки перемещаются в область моего живота, и отдалённая боль возникает уже в мочевом пузыре. Человек отходит, на его месте появляется другой – в руке штатив с бутылкой наполненной жидкостью, от неё длинная прозрачная трубка. Этот предмет мне хорошо знаком, и даже в полусознательном состоянии, я соображаю, что это капельница.

Потолок медленно начинает раскачиваться, и вдруг стремительно уплывает в сторону. Темнота...

...Кто – то тяжело, с надрывом и стонами дышит, так, будто рядом расположились с десятков загнанных лошадей. С трудом открываю слипшиеся от пота веки. Напротив, из за колонны видна часть грузной женской фигуры, это предсмертное, как мне кажется, дыхание доносится оттуда.

Маска сдавила мне лицо, белый гофрированный шланг размеренно пульсирует, загоняя в мои лёгкие кислород, спасая меня от гипоксии, но я этого не понимаю, мне кажется, что ритм нашего с ним дыхания не совпадает и вместо облегчения этот проклятый аппарат пытается меня задушить. Сейчас я сорву маску и выдерну шланг. Пытаюсь пошевелить руками и не могу. Нет сил, да ещё всё тело опутано проводами датчиков, прозрачными трубками. Но видимо что – то мне удалось нарушить, тревожно запищал и замигал расположенный справа от моей лежанки монитор. Белая фигура быстро подошла и поправила прикреплённый к моему пальцу датчик. Монитор затих.

«Я сейчас задохнусь!»... Потолок опять начал раскачиваться, взгляд мой, как через пелену тумана, захватил прикреплённые к стене круглые часы. Часы стали быстро увеличиваться, занимая всю стену, их стрелки изгибались, как гуттаперчевые. Огромная чёрная бабочка попыталась сесть на стрелку, но сорвавшись, устремилась ко мне. Стало темно...

...Опять это болезненное лошадиное дыхание... Открываю глаза, в голове шумит, пищат мониторы, за стеной стонет мужчина. У моей кровати несколько укутанных белых фигур, тревожно переговариваются между собой, видимо консилиум. В таком одеянии трудно различить кто мужчина, а кто женщина. С большим трудом, полусознательно различаю отрывки слов:

- Придётся применить плазму...- сказал мужской голос, - /не берусь утверждать, что это точно, в то время соображал я плохо/.

- Если он впадёт в коматозное состояние, нам его не вытащить, - сказал женский голос.

- Я не вижу другого выхода, по последним анализам крови ему осталось не долго...

- Посоветуйтесь с его сыном, он опытный врач...

- Да, он уже несколько раз звонил...

Видимо они не догадывались, что я пришёл в себя...

Белые фигуры приблизились вплотную и склонились надо мной. Я мотнул головой, к моему лицу протянулась рука и приподняла край маски:

- Что – то не так? – спросил мужской голос.

- Я больше не могу, уберите маску и шланг! – прохрипел я.

- Потерпи дорогой, потерпи, ничего снимать нельзя.

Он поправил маску, переместив её в более удобную позицию. Другая фигура, наклонившись надо мной, протёрла моё тело влажным полотенцем.

Облегчение это не принесло. Представив себе, что этот аппарат ещё долго будет издеваться надо мной, и окончательно расстроенный услышанным, я потерял контроль над своим разумом. Срывая с себя все датчики, я, собрав все силы, сел и спустил ноги на пол, человек, поправлявший мне маску, кинулся ко мне и попытался удержать от дальнейших действий:

- Лена, неси быстро... - и он назвал видимо какой – то препарат, - обращаясь ко мне по имени отчеству, доктор пытался меня успокоить. Но всё было бесполезно, откуда взялись силы, я в то время не понимал. Впрыснутый в моё тело препарат, видимо сразу не возымел ожидаемого от него действия. Я сорвал ненавистную маску и, откинув её в сторону вместе со шлангом, заявил:

- Всё я больше ничего не хочу, дайте мне спокойно умереть!

Прибежали ещё несколько белых фигур, применив силу, уложили меня на место и начали натягивать на лицо маску.

- Не нужно,- сказал голос доктора, того, что поправлял её на мне, - делаем интубацию.

/Интубация – введение эндотрахеальной трубки в трахею для проведения искусственной вентиляции лёгких. Принцип тот же, что и ИВЛ, но более жёсткий/

Силы окончательно стали покидать меня, и вещество, введенное ранее, наконец - то возымело своё действие, я начал задыхаться и терять сознание, последнее, что мне запомнилось, это ощущение инородного тела во рту...

...До горизонта хлеба... Золотистые пшеничные колосья чуть заметно раскачиваются нежным ветерком, нагоняя причудливые волны, напоминающие волшебное жёлтое море.

Рыжий конь, запряжённый в лёгкие дрожки, бежит трусцой полевой дороге, лениво перебирая копытами. Я, парнишка, свесив ноги, сижу на этих дрожках, и, раскачивая ими, пытаюсь достать пшеничные колосья. За моей спиной, отвернувшись, подёргивая вожжи, сидит мужчина похожий на моего отца.

«Как же так, - тревожно в голову закрадывается мысль – он же давно умер!?» Я оборачиваюсь и смотрю ему в спину: «Да это мой отец», - голова его ещё не покрыта сединой, как в те времена, когда он работал в колхозе бригадиром и частенько брал меня с собой в поле, усадив на вот эти самые дрожки.

И так же, как в те времена, он, подгоняя лошадь лёгкими подёргиваниями вожжей, тихонько насвистывает, сквозь зубы знакомый мотив.

- Отец, куда мы едем? – спрашиваю я его, просто так, чтобы что ни будь сказать, я знаю, что мы едем домой, где нас ждёт мама, приготовив вкусный обед.

Он не оборачивается и не отвечает, всё так же подёргивая вожжи и насвистывая.

«Какая мама, - опять возникает в голове тревожная мысль, - её ведь тоже давно нет на этом свете»

... Вдруг из хлебного моря выскакивает на дорогу заяц и со всей прыти несётся под копыта лошади...

- Стой! – кричу я, но отец продолжает легонько подгонять коня, он меня не слышит.

Заяц, проскочив под копытами, снова скрывается в зарослях пшеницы. Я радуюсь, но через мгновение в груди моей возникает тревога, я не могу понять: «Почему со мной не разговаривает отец?» И начинаю уже сомневаться: «А действительно ли мы едем домой?»

Но вот полевая пыльная дорога сменяется более широкой просёлочной, и, из - за знакомой рощицы, показались первые деревенские дома.

Вот и наш родной дом, сияя синевой выкрашенных ставень, вырос на пригорке. А вот и высокие тесовые ворота, с большим металлическим кольцом для подъёма задвижки.

«Почему они закрыты? Почему нас не встречает мама?»

...И вдруг, неожиданно, пропал рыжий конь и дрожки, а вместе с ними и отец... Я стою в одиночестве перед воротами, виновато опустив голову. Но вот кольцо на воротах дёрнулось, и они, распахнувшись, явили образ моей матушки. Она печально посмотрела на меня и, махнув рукой, тихо сказала:

- Уходи сынок, рано ещё, обед для тебя не готов, - ворота, скрипнув, захлопнулись...

- Матушка...

... Я поднимаю голову – вместо ворот огромный лист стекла, серовато – матового цвета. По одну сторону его зияет бездонная пропасть, по другую замерев, стоят людские фигуры, мои родственники...

... Маленькая капля, разместившаяся на верхнем ребре листа, задрожала, сорвалась и полетела в гущу столпившихся людей. Они облегчённо вздохнули.

... Писк мониторов, из за стенки, через открытую дверь слышны жуткие мужские стоны, рядом хриплое дыхание загнанной лошади, которое вдруг прерывается, и надсадный скрипучий голос перекрывает все звуки:

- Валя..., Валя...

«Где я? Кто такая Валя? Почему мне трудно дышать?» - какая – то сила, стиснув моё лицо, упруго нагнетает воздух в мои лёгкие.

Открываю тяжелые веки, тусклый свет потолочных лам выхватывает из полумрака белые фигуры людей, одна из которых устремляется в сторону скрипучего голоса, наверное, она и есть Валя. В том углу, за колонной, где раздаётся лошадиное дыхание, начинаются какие – то манипуляции, видимо оказывается необходимая помощь.

Мозг мой, хотя и с большим напряжением, начинает постепенно осваивать окружающую обстановку и воспроизводить события ввергнувшие меня в такое положение.

Как не странно, но на первый план, несмотря на то, что всё происходило почти в бессознательном состоянии, выплывает мой нервный срыв. В глубине сознания возникает чувство вины перед доктором. Эта борьба с аппаратом искусственной вентиляции лёгких /ИВЛ/ приведшая к тому, что мне пришлось делать интубацию. « А может быть нет?» Пытаюсь делать глотательное движение, боль в гортани и в пищеводе подтверждает то, что в них побывали инородные предметы, в виде дыхательной трубки и пищеводного зонда – интубация была. Но доктор уже их удалил и вновь подключил меня к ненавистному аппарату.

Сколько прошло времени? Ночь, сутки, двое?..

Поворачиваю голову направо – монитор аппарата ИВЛ, попискивая, показывает давление кислорода, с которым эта машина загоняет его в мои лёгкие. Всё тот же белый гофрированный шланг. Неприятная процедура.

Делаю усилие приспособиться к ритму его дыхания, вроде получается.

Наверное, придётся с ним подружиться, хотя нестерпимо хочется дотянуться рукой до маски и снять её со своего стиснутого лица.

Поворачиваю голову налево – другой монитор, к которому от моей груди тянутся несколько проводов разных цветов. Протягиваю руку к груди, ощущаю пальцами множество плоских, величиной с пятак, датчиков, прочно прикреплённых к телу. Приходит на ум опасливая мысль: «Как же будет больно, когда их будут сдирать. Они же прилеплены прямо на волосяной покров» Вдруг левую руку начинает сдавливать широкая манжета, закреплённая на ней. Догадываюсь: «Датчик включил тонометр - идёт замер давления». Смотрю на экран монитора, на нём всё моё внутреннее состояние на данный момент: артериальное давление, сердцебиение, температура тела, а главное, самыми крупными цифрами, показатель сатурации, то есть содержание кислорода в моей крови.

Какие процедуры со мной проводил доктор? Послушал ли он предостережение своей коллеги или пренебрёг им. Но ясно одно, какие – то решительные меры им были приняты. Моё состояние, хоть и не на много, но всё, таки, улучшилось. Безразличие к своей жизни отступило, возникло желание преодолеть эту проклятую болезнь.

Рядом с кроватью штатив, с закреплённым к нему пузырём, с лекарственным раствором. Прозрачная трубка, по которой он льётся, направляется к моей правой ключице: « Вот что за боль причинил мне доктор, - вспомнилось мне, - устанавливал катетер под ключицу». Ощущаю неприятное давление в области мочевого пузыря, нетрудно догадаться, и там стоит катетер, опускаю вниз глаза – трубка снизу живота тянется в прикреплённый сбоку к штативу сосуд, под названием «утка»

«Прямо, как самогонный аппарат – сюда вливают, оттуда вытекает» - приходит, вдруг, в больную голову дурацкая мысль.

- Очнулся милый, - наклоняется надо мной белая фигура в очках, читаю на груди, написанное чёрной краской по белому халату имя – Наташа, - давай я тебе поменяю простыни и наволочку.

Согласно киваю головой, а сам думаю: «Как же она это будет делать?» - я опутан весь проводами и трубками, как под них подступится, помочь ей, у меня просто не хватает сил, а она маленькая, килограммов пятьдесят не более. Но видимо находясь в этой красной /инфицированной/ зоне, она чётко знала свои обязанности и исправно с ними справлялась. Ловко закинув простыню под провода, она повернула меня на бок, подсунула её мне под спину и, повернув меня на другой бок, расправила простыню, оказавшуюся у меня за спиной, на всю кровать. С наволочкой справилась совсем легко. Протерев меня влажной салфеткой, улыбнувшись глазами, сообщила:

- Вы, если вам, что – то нужно, не стесняйтесь, приподнимите слегка маску и зовите меня. Я Наташа.

Забегая вперёд, скажу, что весь обслуживающий персонал / няни / работал исправно, как говорится не покладая рук, ухаживая за страждущими, размещёнными в двух палатах реанимации. Но по поводу исправления всех не удобств, связанных с моим организмом, я старался обращаться в основном к ней, хотя мед. персонал менялся каждые шесть часов, я если мог, терпел и дожидался её появления. Ни по тому, что она выделялась красотой либо стройностью фигуры, в противочумных костюмах они все одинаковы, но я её почему – то не стеснялся, хотя и находился в постоянной прострации, полностью ей доверялся. Уж такая у меня натура.

Что касается сестринского персонала, в моём ослабевшем сознании они представляли собой хорошо отлаженный автоматический механизм. Эта мысль укрепилась в моём мозгу окончательно, как только я окреп и начал соображать нормально. Сёстры менялись так же через каждые шесть часов. Закутанные в противочумную форму, они отличались друг от друга только

ростом и объёмом тела. Поэтому определить очередную, можно было только по имени, написанном чёрной краской на белой форме.

Четко по времени подавались пилюли, менялись растворы в капельницах, записывались показания мониторов. Не оставались без внимания любые изменения происходящие с обслуживаемыми больными.

Моя соседка, с лошадиным дыханием, покоя им не давала ни днём, ни ночью. Видимо она в этой палате находилась давно и знала все имена медсестёр и нянь. Только начинаешь немного успокаиваться, впадаешь в забытье, как тут же на всё реанимацию раздаётся скрипучий крик с надрывом:

- Надя... Маша... Наташа... - и так далее, иногда невпопад, но тут же любая, дежурившая, из них металась за колонну, где проводились какие – то манипуляции. Иногда мне казалось, что призывы эти были надуманные, может быть, я ошибался.

Естественно, как только я очнулся, буквально через пять минут появился доктор /реаниматолог/. Наклонился надо мной: «врач Сергей Владимирович» - прочитал я написанное черной краской на белой одежде имя моего спасителя.

- Как дела? – спросил он, улыбнувшись глазами. По его голосу не трудно было догадаться о том, что он доволен моим воскрешением. – Немного лучше стало?

Я согласно кивнул головой.

- Ну, слава Богу, - выдохнул доктор, - только вам, назвал меня по имени отчеству, придётся смириться с этим аппаратом. На какое время, пока не знаю, будет зависеть от показаний датчиков о содержании кислорода в вашей крови.

Я согласно кивнул головой. А что мне оставалось делать?

- Сейчас вы можете, при необходимости, приподнимать край маски и звать няню или медсестру, ну и врача конечно. Только не нужно злоупотреблять этим, и тем боле дышать мимо аппарата.

Понимая, что и я, и он, мы вместе вышли победителями из этого предсмертного состояния, я соглашался со всеми его наставлениями.

- Завтра можно будет уже покушать, - бодро сказал доктор, и пошёл к лежащей напротив пациентке – « с лошадиным дыханием».

«Как же интересно меня кормили всё это время, когда я находился в отлучке на *этом свете*? – пришла на ум глупая мысль, - наверное, через капельницу» Есть не хотелось, желудок мой, съёжившись, молчал, да и до еды ли было мне в таком состоянии.

До окончательной победы, видимо, было ещё очень далеко.

Но изменения в обращение с моей персоной всё – таки произошли, со мной уже не возились, как с неподвижным чурбаном. Подходили медсёстры, нянечки, что – то мне говорили, я, соглашаясь с тем, что они говорили, утвердительно кивал головой. Помогая нянечкам перестилать мою постель, сам уже помаленьку поворачивался с боку на бок. Меня перевернули на живот и, как следует, отшлёпали ладонями по спине /для восстановления дыхания и предотвращение отёка/. Капитально протёрли всё моё тело мокрым полотенцем. Побрили лицо; не затем, чтобы я, лёжа пластом, красовался перед соседями, а затем, чтобы маска «любимого аппарата» плотнее прижималась к коже лица, не пропуская посторонний всасываемый воздух.

Принесли целую горсть таблеток / от корона - вируса положено сразу десять штук, да ещё в добавок штук пять иных / «Как же я буду их глотать», - озадачился я. Оказалось всё просто: убрали маску, в рот мне засунули

бумажную воронку и высыпали эту горсть, приподняв мою голову, дали запить всю эту массу водичкой.

«Как легко дышаться без маски и этого аппарата», - подумал я, когда снимали маску, но все эти атрибуты были быстро возвращены на место, то есть на моё лицо.

Пока проводились со мной все эти процедуры аппарат ИВЛ, как бы, отодвинулся на второй план, но вскоре, выполнив всё необходимое, люди, закутанные в белые одежды, покинули меня, перейдя к другим болящим, либо занялись другими делами.

И вот мы снова, один на один, остались вдвоём с этим не ласковым аппаратом. Дышать всё так же было тяжело, я старался приспособиться к работе этой машины, пытаюсь поймать ритм нагнетающего шланга, подающего в мои лёгкие кислород, но он, этот шланг, диктовал мне свою волю, с усилием загоняя воздух и сбивая мои попытки дышать самостоятельно или хотя бы в унисон его действиям.

Лежать приходилось постоянно на спине, по причине того, что повернуться на бок, мешали провода датчиков и трубки капельницы и катетеров. Пытаюсь, хотя бы слегка, перенести тяжесть на один из моих боков, на пальце нарушается закреплённый датчик, определяющий степень сатурации, монитор начинает противно визжать. Появляется сестра, поправляет датчик и просит быть осторожнее. Спина начинает ныть. Пищат мониторы, тяжело дышат и стонут больные. Терзает лёгкие и душу ИВЛ. В голову приходит опять не очень умная мысль:

«В реанимации лучше находится в шоковом состоянии, без памяти»

Но постепенно начинаешь приспосабливаться: хотя и с трудом, но всё же удаётся на несколько сантиметров менять положение тела, поправлять провода и трубки, а так же датчик на пальце, который, видимо, пропустил

через себя немало клиентов этого помещения, и теперь, от усталости, слабо держался на моём пальце.

Врач, Сергей Владимирович, несколько раз за день возникал перед мом «логовом»:

- Ничего, ничего, всё идёт нормально, - подбадривал он меня, давал какие – то распоряжения сестре, после чего в мою капельницу поступала новая доза препарата. Доктор снова подходил ко мне, некоторое время смотрел на мониторы, на меня и удовлетворённо махнув головой удалялся. А затем появлялся вновь, складывалось такое впечатление, что он никогда не покидал реанимационную палату, а как бы находился за колонной, готовый, в любой момент, поспешить на помощь своим подопечным.

Наступила очередная ночь. В реанимации она мало чем отличается от дневной смены. Всё так же пищат мониторы, всё также наполняются капельницы, а соответственно и «утки», всё те же стоны и хрипы. Но может быть, немного затихает постоянная ходьба обслуживающего персонала. Но зато время движется настолько медленно, что, кажется, оно остановилось совсем. О каком - то глубоком сне не может быть и речи, идёт постоянная борьба организма с болью, немощью, со звуками и аппаратом искусственной вентиляции лёгких. Иногда это становится так не выносимо, что ты делаешь, на первый взгляд, не объяснимые глупости:

Вот на руке задвигалась и стала зажимать мускулы манжета тонометра. */Она срабатывает автоматически каждый час/*. И, вдруг, в голове неожиданно проявляются проблески радости:

- Что и тебе не спится? – начинаю шептаться я с ней, - ну давай, давай поговорим. И она, эта манжета, словно поняв моё состояние, надувается ни сразу, а несколько раз подёргавшись, сплющившись, медленно, как приятель начинает сжимать мою руку. И так каждый час. И я уже глядя на часы,

которые находились на стене против моей кровати, жду с нетерпением, когда же она снова начнёт со мной заигрывать.

Как не томительна и длинна эта ночь, но утро, наконец, наступило. Это стало заметно по тому, как оживились и задвигались люди, упакованные в белые непроницаемые одежды, а ещё и по тому, что имена написанные чёрным по белому на их груди изменились – пришла новая смена.

Появился доктор Сергей Владимирович, он и ночью несколько раз подходил ко мне, внимательно смотрел на монитор, удовлетворённо кивал головой, что – то бормотал себе под нос и переходил к следующему пациенту, и мне кажется, что он так и не нашел ни одного часа, за ночь, для отдыха.

Принесли завтрак, пища упакована в индивидуальные, одноразовые контейнеры.

- Ну, давайте /называет меня по имени, отчеству/ будем завтракать – говорит Наташа, заступившая как раз на смену. Снимает с моего лица маску, /какая благодать/ и начинает кормить меня из ложечки, как малое дитя. Ни запаха, ни вкуса я не ощущаю, это ещё одно свойство проклятой пандемии, лишая человека обоняния...

Пришёл доктор, внимательно посмотрел на монитор, на меня и сообщил радостную для меня весть:

- Показания сатурации высокие, – хотя я уже и сам приспособился определять их на мониторе, но услышать это от доктора – счастье, - сегодня к вечеру сниму маску ИВЛ. Вы молодец, так быстро вышли из такого тяжёлого положения.

«Да, - подумал я, - без твоей помощи, ещё не известно, куда бы я вышел, скорее всего, по ту сторону матового стекла. - Радости в душе моей не было предела. - Наконец – то я буду дышать самостоятельно!»

Примерно через час у моей кровати собралось, несколько врачей, видимо опять консилиум.

- Николай Николаевич передаёт вам поклон, - наклонилась ко мне заведующая, этого вирусного отделения областной больницы, она меня оформляла сюда, и я её запомнил.

«Николай Николаевич, мой сын, работал в этой больнице восемнадцать лет, вместе с этими докторами и, видимо озабоченный моим состоянием, постоянно находился на связи с ними. Сейчас он зам. главного врача по хирургии онкологического центра, переведён на повышение. Я не думаю, что от него поступали какие – то указания, он уважал умение коллег, просто с ним советовались и заручались согласием на применение каких – то вынужденных мер, но уж в роли сына, а не врача» - так я думал.

- А вы молодец, мы уж не надеялись, что в таком возрасте вы так быстро справитесь с кризисом, - продолжала она, - я согласно кивал головой.

«Видимо вы не надеялись, что я вообще справлюсь со всем этим - я понимал, что они собрались не просто так, а, именно, воочию убедиться, что я остался по эту сторону матового стекла, - хотя конечно и так знали об этом, так как делали всё для того, чтобы я остался жить»

- Сегодня я отключаю его от аппарата ИВЛ, - сказал мой доктор, - пусть кислородом дышит сам через обычную маску.

- А не рано ещё – засомневался опять женский голос, - возможно у него были мелкие кровоизлияния, в момент срыва...

- Сколько можно его мучить, показатели нормальные, - вступился мой доктор.

- Скажите, /назвав меня по имени отчеству/ - спросил другой присутствующий доктор, - а у вас в глазах мушки чёрные не летали, - видимо это признак кровоизлияния.

- Нет, - отодвинув край маски, ответил я, - мушки не летели, а вот бабочка была, большая.

- Бабочка...,- озабоченно протянул он и, отойдя в общую группу, что – то зашептал окружающим, видимо бабочка его не удовлетворяла.

К вечеру пришёл Сергей Владимирович, долго смотрел на меня, на аппарат ИВЛ, на монитор, вздохнул...

- Ладно, Сергей Владимирович, - отодвинув край маски, сказал я, - пусть остаётся ИВЛ, я до утра потерплю.

- Ну и хорошо, - выдохнул доктор, - так будут надёжней...

И снова томительная ночь, снова замершие часы и спасительное собеседование с манжетой тонометра.

Наконец – то долгожданное утро. Принесли завтрак.

- Ну, давайте будем потихоньку вставать, - говорит мне, подошедшая нянечка, поправляет провода и трубки, и помогает мне сесть на кровати.

Сижу и чувствую, что это мне удаётся с трудом, нянечка не отходит и придерживает меня за плечо. Снимаю маску, и дрожащей рукой беру ложку, начинаю помаленьку клевать пищу. Вроде справился...

- Попробуйте встать на ноги, - предлагает мне нянечка, - держитесь за тумбочку, а я быстренько перестелю постель.

Держусь и чувствую, что мои дрожащие ноги сейчас подогнутся, и я грохнусь на пол. Но вот постель застелена, с помощью нянечки сажусь на кровать, и только сейчас замечаю, что вместо мышц на руках болтаются мешки из моей бледной кожи, живота нет:

«Вот оказывается, какое эффективное средство для похудения» - думаю с иронией я. */Как выяснилось позже, моё брэнное тело покинули четырнадцать килограммов моего веса/*

Всё это время нахожусь без маски аппарата, смотрю на монитор: показатель сатурации высокий, цифра пляшет на 94 – 95.

«Как хорошо и свободно дышится, - радостно думаю я, - не буду одевать маску ИВЛ», - однако замечаю, что цифры постепенно начинают приближаться к 90. Подходит сестра, одевает на голову мне маску и аккуратно укладывает на кровать.

- Не спешите, - просит она, - сейчас придёт доктор и поменяет вам её, будете дышать кислородом самостоятельно.

Примерно часам к десяти появился Сергей Владимирович, с ним медсестра с пластмассовой маской в руке.

- Как дела? называет по имени отчеству, - спрашивает доктор, - вижу, что лучше. Мне доложили, что позавтракал самостоятельно и уже вставал на ноги. Хорошо. Сейчас поменяем маску, и будем дышать самостоятельно. Давай Валя, - приказал он сестре.

Новая маска прилегалась к моему лицу не так плотно, и мне казалось даже ласково. Присоединена она была к тому же шлангу, только кислород в лёгкие я втягивал собственным дыханием, без давления.

«Какая благодать!» - несмотря на общую слабость, я вроде как вновь ожил. Мне и в голову, в то время не приходило, что этот аппарат, по «кличке» ИВЛ, являясь вспомогательным инструментом в умелых руках реаниматолога, практически спас мне жизнь.

Показания мониторов были благоприятные, в районе 96 -98 и уже через сутки и эту маску заменили двумя прозрачными трубочками, которые подавали кислород непосредственно в нос. Ещё через день, я свободно дышал самостоятельно. И на седьмые сутки моего пребывания в реанимации, за мной пришла «какета», в виде каталки, из терапевтического отделения, куда я был вначале госпитализирован.

Поблагодарив всех, кто в это время находился в палате, я покинул её на вышеуказанном механизме, управляемом двумя закутанными в противочумные костюмы медсёстрами.

Поплутав по разным лабиринтам и лифтам, каталка, а вместе с ней и я, подкатила, наконец – то, к палате № 3 инфекционного терапевтического отделения. Пока я находился в реанимации, сосед, занимавшей рядом стоящую кровать, сменился./Палата двухместная/ Корона - вирусная инфекция свирепствовала и, как говорится «свято место пусто не бывает» Знакомиться в данном отделении можно без слов. Над каждой кроватью крупными буквами была выведена информация: «Ф.И.О. заболевание COVID – 19, возбудитель неизвестен. Дата поступления».

Моё место ожидало своего, к счастью, временного хозяина. На него – то я и был водружен, с помощью всё тех же медсестёр. Всё, как всегда – вся тяжесть, в случае сложных, непредвиденных обстоятельств, ложится на хрупкие женские плечи.

Облегчённо вздохнув, я решил тут же посетить, так необходимое для каждого живого человека, место – туалет. Надоели эти реанимационные «судна и утки» Но попытка быстро встать с постели, ни к чему не привела, все мои усилия были тщетны и, лишь с помощью соседа, мне удалось подняться на трясущиеся ноги и, опираясь о стенку, с большим трудом достичь желанного места.

- Вы дверь на задвижку не закрывайте, - смерил меня опасно взглядом сосед, - а то я потом вас оттуда вытащить не смогу.

Как оказалось в реанимации ликвидировали критический момент в состоянии моего организма, а до полного излечения было ещё далеко. Всё так же менялись капельницы, поглощались горстями таблетки, пока не наступил тот момент, когда внутренний голос твёрдо заявил:

- Всё хватит, пора на волю, если это не произойдёт, попадёшь уже в третью больницу под названием «психушка». И действительно если это случится, то больница будет третья по счёту, так как в инфекционную, я попал из онкологической.

А тут ещё этот, неотступно преследующий меня, заяц, опять приснился - стоит он на задних лапах, оскалил зубы и рычит:

- Ну, что, думаешь, вывернулся, напрасно, одевайся, я за тобой пришёл!

Проснулся среди ночи, весь в поту, сердце колотится где – то в горле...

«Опять этот заяц – мечется в мозгах тревога, - отвяжется ли он от меня, когда, ни будь, или так и будет преследовать меня всю жизнь»

Тут уважаемый читатель, я думаю, что настало время обратиться к самому началу этой больничной истории, и в конечном итоге выяснить, причём здесь этот злополучный заяц, так неотступно преследующий меня в бреду и во сне.

Осенью, ближе к зиме, собравшись в дорогу на своём автомобиле, я, пристёгивая ремень безопасности, почувствовал, что в районе живота, в том месте, где прижимался ремень, появились признаки тупой боли. Затем эти признаки повторились ещё несколько раз, боль то появлялась, то пропадала.

Обратился к сыну, как я уже описывал выше, он возглавляет хирургию онкологического областного диспансера. А у человека такая натура, что при любой, неожиданно появившейся боли, он начинает сразу думать о самом плохом диагнозе, ещё и не показываясь врачу.

Обследовали, и, как оказалось, в предполагаемом месте определились новообразования. Естественно их нужно удалять. Сын меня направил к Елене Викторовне, заведующей отделением, которая и занимается такими операциями.

Елена Викторовна молодая, симпатичная, стройная женщина, стройная до того, что, казалось, основное место в её теле занимает только позвоночник – одним словом хрупкая. Но как оказалось решительная дама, знающая своё дело хорошо. Уже через неделю я лежал на операционном столе и почти все новообразования, а их оказалось несколько, благополучно были удалены. Проводимые манипуляции я наблюдал на мониторе, так как никакого наркоза не было, и очень удивлялся, как такая хрупкая женщина так ловко управляется с довольно тяжёлым аппаратом.

- Ну, вот и всё, уважаемый /обращение по И. О./, всё, что могла, я удалила, но осталась одна довольно большая бляшка, и она расположена глубоко, нужно делать длительную операцию под общим наркозом. Такую операцию лучше выполнить в Санкт – Петербурге, Николай Николаевич /имелся ввиду мой сын/ договорится.

- Спасибо большое и на этом, поблагодарил я, - и благополучно, в этот же день, отправился домой.

Николай Николаевич договорился с той же Еленой Викторовной, убедив её в том, что она ни сколько не хуже Петербургских врачей и сделает операцию отлично.

И вот началась подготовка к этой самой операции. Накануне её проведения, пройдя тщательное обследование кровеносных сосудов, я был отпущен домой, как бы помыться, и принять напутственное слово жены. От города до моего дома тридцать километров. Еду сам за рулём, поглощён думами о предстоящей операции, дорога ровная, но покрыта тонкой коркой льда, машина шипованная, поэтому иду со скоростью сто километров в час. Вдруг из кювета выскакивает здоровенный, худой, облезлый /сбрасывает летнюю шерсть/ заяц и напрямик несётся мне навстречу, мог бы спокойно перебежать дорогу, либо вернуться назад, но он этого не делает, а летит навстречу в середину решётки радиатора, как говорится, в лобовую. Если мне

затормозить, улечу в кювет, а они, кюветы, в этом месте высокие метров семь, разобьюсь насмерть. Сильный удар, грохот снизу. В зеркало заднего обзора вижу, как из под машины вылетает помятый заяц, и, высоко поднимая кривые ноги, переваливаясь с боку на бок, неуклюже загребаёт снова в кювет, где и пропадает с глаз. Останавливаюсь, осматриваю машину, решётка, так называемая «губа» вдребезги. Пытаюсь обнаружить зайца и не нахожу его.

- Вот те раз, - забегала в голове тревожная мысль, - прямо знамение какое – то, завтра оперироваться, а тут вот на тебе. Бог его знает, чем это может кончиться, может быть, зайчик, рискуя собой, хочет отвести от меня беду?! Может быть и правда, пока не поздно, лучше поехать в Питер?!

Но менять принятое решение, видимо, поздно; сегодня я уже познакомился с анестезиологом, который обеспечит мне безмятежный сон во время операции. Им оказалась серьёзная белокурая женщина примерно тридцати, тридцати пяти летнего возраста, Наталья Валерьевна. Поговорили.

- Вам приходилось, когда, ни будь, находиться под воздействием наркоза? - спросила она.

- Конечно, и не раз.

- Ну и какие испытывали чувства?

- Никакие, - убедительно ответил я, - свет в конце туннеля мне увидеть ни разу не пришлось. Душа над операционным столом не летала. Правда, был один случай, когда неумелый анестезиолог заставил меня несколько раз просыпаться во время операции, - назвал фамилию. */Этот случай описан мной в рассказе «Каталка»/*

Оказалось Наталья Валерьевна хорошо знает этого субъекта.

- Постараюсь такого не допустить, многое зависит от вашего организма, операция длительная, примерно четыре часа.

- «Ничего себе», - слегка вздрогнул душой я. А вслух сказал:

- На организм вроде пока ещё можно положиться.

- Ну, вот и хорошо, - улыбнулась Наталья Валерьевна, - тогда до завтра, мы идём в операционную первыми, в девять часов утра.

После пришла Елена Викторовна, подтвердила длительность процесса и затем, вдруг призналась:

- Такие операции мне приходилось делать не часто, но успешно, правда, такой сложности, как у вас, буду делать впервые. Не волнуйтесь, всё будет хорошо, - и, улыбнувшись, уверенно посмотрела своими карими глазами мне в душу.

И, надо честно сказать, что я, ни капли не сомневаясь, в этот миг, поверил ей, что всё действительно будет хорошо. Единственное, что беспокоило меня в эту минуту, глядя на доктора, я подумал:

«Как такое хрупкое создание четыре часа будет непрерывно работать у операционного стола»...

...И, вдруг, на тебе, вывалился же на дорогу этот заяц...

Заяц этот не покидал мои мысли всю ночь. Утром в четыре часа за мной приехал сын Николай Николаевич, и мы двинулись навстречу моей судьбе.

- Вот здесь я вчера сбил зайца, - показал я сыну место вчерашней катастрофы, и поделился суеверными мыслями на счёт этого случая.

- Успокойся, - улыбнулся сын, - выбрось из головы такие мысли. Всё будет хорошо.

В семь ноль-ноль, я был уже на месте, в палате. А в девять ноль – ноль за мной прибыла каталка, управляемая двумя медсёстрами /в больнице, как всегда приходится кататься на женских плечах/, поплутав по лабиринтам коридоров и проехавшись в лифте, я, наконец – то, был доставлен в «предбанник» операционной, где меня переложили на другую каталку и

подкатили уже к операционному столу. На котором я был тут же распят, руки привязаны, в одну из них впилась игла капельницы, другую обняла манжета тонометра. Сердечко тревожно колотилось, пока ехали, злополучный заяц постоянно стоял перед моим взором:

«Что – то должно случиться», - сверлила мозг тревожная мысль.

Обстановка в операционной отвлекла меня от грустных дум, успокоившись, я огляделся, взгляд мой упирался, прежде всего, в высокие потолки помещения. Сзади у моей головы стояла анестезиолог Наталья Валерьевна, сбоку пожилая медсестра. С другой стороны стола хирург Елена Викторовна и ассистент Наталья Николаевна устанавливали монитор и аппаратуру, предназначенную для проведения операции.

« Бабье царство - подумал я, - вся надежда на их умение и твёрдость рук»

- Как вы себя чувствуете? – спросила Наталья Валерьевна.

- Нормально, - излишне, бодрим голосом ответил я, - когда же начнём, что – то подготовка за...

Договорить я не успел, провалившись в тёмную пустоту. И опять никаких видений, никаких тоннелей и взлётов над операционным столом. Провалился и всё...

...Где - то далеко, кто – то меня зовёт по имени отчеству:

- ... просыпайтесь, пора, уже всё, операция закончена.

Открываю глаза, комната другая, потолок покрашен иначе, за руку меня держит Наталья Валерьевна и, чуть повысив голос, требует:

- Не спать, не спать!

- Где я? – пытаюсь понять.

- В реанимации, - отвечает анестезиолог, - просыпайтесь и поедем в палату.

- Так быстро прошла операция?! – удивляюсь я.

- Да, быстро, всего шесть часов длилась, - улыбается Наталья.

«Надо же, а, кажется, как один миг, невероятно, - опять приходится удивиться мне, - а главное, я ничего болезненного не ощущаю»

- Ну, как вы себя чувствуете? – спрашивает анестезиолог.

- Нормально, - отвечаю.

- Забирайте! – приказывает она кому – то.

Появляются те же медсёстры, что доставляли меня в операционную, и мы, проделав тот же маршрут, возвращаемся назад, в палату. И только тут, спустя полчаса я начинаю ощущать послеоперационную боль и последствие наркоза. Но терпеть всё это можно.

Пришли мои доктора, надавали массу указаний медсестре, и, убедившись, что состояние моё соответствует норме, удалились, предварительно передав меня в руки хирурга, который теперь будет наблюдать за моим выздоровлением.

Нужно сказать, что Елена Викторовна оказалась классным специалистом, операция прошла успешно, я это почувствовал на другой день, так, как к обеду мне уже разрешили вставать и свободно передвигаться по палате. Кроме того я отделался единственной инъекцией антибиотика, большего не потребовалось. Правда, в течение трёх дней, мне пришлось питаться витаминной – минеральной смесью, одна бутылочка в пятьсот граммов на день, но это большого урона мне не принесло.

На пятый день, сын мой Николай Николаевич доставил меня домой, в нормальном состоянии.

«Вот, тебе и знамение, - подумал я, - ничего не произошло, всё это предрассудки»

И ошибся!!!

Всё худшее началось сразу же на второй день домашнего пребывания. Практически два дня до операции и три после, пищи я не принимал, не считая тех бутылочек с витаминной – минеральной подкормкой. Казалось бы, сейчас, когда мне разрешили поглощать бульоны, каши и кисели, аппетит должен быть зверским, но его не было. Появилось отвращение к пище, пропали запах и вкус. К вечеру поднялась температура и сразу критическая, тридцать восемь и девять. Трудно было ходить, ныли суставы. Появился сухой нудный кашель, дыхание затруднено, в лёгких чувствовалось ощущение странной пустоты /они, как бы, не до конца заполнялись воздухом/.

Противогриппозные таблетки и парацетамол, хранящиеся в домашней аптечке, принесли временное незначительное улучшение. В том, что это не послеоперационные последствия, я был уверен. На второй день всё повторилось. Кроме того признаки заболевания появились и у моей жены.

- Это корона – вирус, - уверенно сказала она. Это ужасное заболевание свирепствовало уже несколько месяцев, симптомы его не раз объявлялись в средствах массовой информации, и определить их было не трудно.

Позвонили в местную сельскую амбулаторию:

- Уважаемая И. О., мы заболели, подозреваем, что это корона – вирус!

Ответ нас поразил :

- У нас все медикаменты вывезли, ничего нет, - поразительно, во всей стране пандемия, вся отечественная медицина вступила в борьбу с ней, а у нас, оказывается, ничего нет.

Позвонил приятелю, он ведаёт всеми частными аптеками в районе, в общем, они ему принадлежат. Через два часа у нас были почти все препараты, применяемые при этом заболевании. Недостающие привезла дочь Оксана, работающая в областной больнице. Она уже отслужила два срока в «красной зоне», выполняя свой медицинский долг.

Так, как мы с женой имеем ветеринарное образование, шприцом пользоваться умеем. Начали друг друга лечить. Первые два дня, улучшение, вроде почувствовали оба. Но затем наши самочувствия разошлись. Состояние жены, хоть и неважное, однако стабилизировалось. Моё же с каждым днём ухудшалось. На восьмой день болезни, я уже еле стоял на ногах, был бледен, как побеленная стена. Рано утром приехал сын Николай Николаевич и отвёз меня в инфекционное отделение областной больницы.

Жена моя, оставшись без помощника, мужественно, два раза в день делала себе инъекции сама и принимала нужные таблетки. Проведение смилостивилось над ней, и на двадцатый день, она была освобождена от инфекции, то есть выздоровела.

В больнице диагноз моей болезни был подтверждён. COVID -19 Компьютерная томография выявила двустороннюю полисегментарную пневмонию, поражено 28% легочной ткани, и множество других осложнений. Не буду описывать препараты, применяемые при лечении и их названия, но их было огромное количество. Однако особого улучшения состояния здоровья не наступало.

Прошло два дня моего нахождения в инфекционном отделении, на третий с утра ничего не предвещало никаких осложнений. Но к вечеру я почувствовал слабость и сильный озноб. Измерили температуру – 38,7 градусов. Дали пилюлю, не помогло, сделали инъекцию какого – то препарата, вроде стало лучше.

Пришла терапевт, лечащий врач - с хорошей вестью, о том, что получен новый препарат, при применении которого быстро наступает выздоровление:

- Сейчас у вас ещё раз возьмут кровь на исследование, и утром введём препарат, - с надеждой на лучшее, заявила доктор – вы делаете ингаляцию, а я пришлю медсестру для забора крови.

Но судьба распорядилась иначе.

Только я попытался натянуть на нос маску ингалятора, как перед взором моим, вдруг, поплыла стена. Видимо от неожиданности, я попытался вскочить на ноги, но они подкосились, я начал задыхаться и оседать на пол. Доктор, хорошо, что она не успела ещё уйти, подхватила меня и опустила на кровать. Я не помню того, как она объявила тревогу. Смутно помню, что в палату стремительно въехала каталка, сбоку на ней лежал баллон с кислородом и маска. И затем...

Заяц!!! Заяц – чудовище!..

И серое матовое стекло, а на его ребре маленькая дрожащая капля...

...И голос, мой голос:

- Ну, вот и всё, сейчас тебя не будет! Ты больше не будешь ничего знать и чувствовать, как будто тебя никогда и не было...

И я твёрдо в это поверил, и понял, что сейчас я умру, но видимо тот, кто управляет этим громадным, чётко отрегулированным миром, в последний момент, изменил свои намерения, и оставил меня, пылинку, в этом огромном мире, по ту сторону стекла, где существовала жизнь. Зачем?!..

Сейчас я точно знаю, что мой уход из жизни, */а его не миновать никому/* состоится именно так. Капля моей души упадёт в пропасть за матовое стекло, и я ничего не буду чувствовать, и знать, как будто меня никогда и не было.

- А как же рай или ад, который мы ожидаем на «том свете»? – спросят сейчас многие и обругают меня, как негодяя, отнявшего надежды на райскую жизнь.

Я думаю, что проведение, которое управляет всем миром, выделило каждому из нас определённый отрезок времени на этой прекрасной планете. А вместе с ним и право каждому делать свою жизнь райской либо адской, а некоторым придётся испытать и то и другое здесь, на Земле, и проживая отведённый этот отрезок, всегда помнить об этом! Я в это верю...

Вернёмся же опять на грешную землю. Как выяснилось позже, в палате у меня стремительно развился приступ гипоксии, и поражение легочной ткани достигло 75%. Отбив семь дней в реанимации, я ещё десять дней горстями поглощал таблетки, и сплошным потоком, препараты через капельницы, в терапевтическом отделении. Но вот наступил тот день, когда мой организм категорически отказался от приёма медикаментов. Начала кружиться голова, тряслись руки, нарастала душевная тревога. Однако молодая врач – терапевт решила честно, до конца исполнить свой врачебный долг. И, несмотря на то, что взятые на анализ мазки, показали отрицательный результат по корона – вирусу, она ещё попыталась продлить моё лечение на семь дней.

Внушив себе, что дальнейшее моё пребывание в этом отделении, несомненно, приведёт к переводу в психиатрическую больницу, я восстал:

- Больше не приму ни одной таблетки и отказываюсь от всех видов капельниц, - заявил я, чувствуя, что дальнейшее моё выздоровление и реабилитация зависит только от свежего воздуха моего села и от внимания моих близких.

Пришлось обратиться за помощью к сыну, видимо мой Николай Николаевич, действительно пользовался здесь большим уважением. После того как он переговорил с лечащим доктором по телефону, убедив её в том, что лучшим лекарством, в данный момент, является свежий таёжный воздух и родные стены, Александра Яковлевна дала согласие на мою выписку, под

ответственность моего сына. Забегая вперёд, должен сказать, что мой внутренний ангел хранитель оказался прав, и совершенно во время восстал против излишне длительного лечения.

Перед тем, как покинуть стены инфекционного отделения областной больницы, я попросил книгу отзывов больных о своём отношении к оказанному им лечению. Оказалось, что такая книга существует. Что я мог написать отдельно про каждого, конечно лечащих врачей своих я запомнил хорошо, особенно Сергея Владимировича. Медсестёр и нянечек запомнить индивидуально было невозможно, их было много, менялись четыре раза в сутки, и все они были обезличены одинаковой защитной формой. Обязанности, возложенные на них, выполняли, как говорится не за страх, а за совесть. Да и нужно ли было делить, этот дружный механизм по спасению жизней человеческих. Учитывая то, что они вернули мою душу с той стороны матового стекла, я написал:

УВАЖАЕМЫЕ ВРАЧИ, МЕДИЦИНСКИЕ СЁСТРЫ, ОБСЛУЖИВАЮЩИЙ ПЕРСОНАЛ! С ОГРОМНОЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ, СТОЯ НА КОЛЕНЯХ, Я ЦЕЛУЮ ВАШИ РУКИ!!!

Перед самым моим уходом, в палату зашли несколько человек в белых халатах – врачи, так сказать, дать мне напутственное слово на дорожку.

«Странно, - подумал я, - кто я такой? Я не представитель власти, не заслуженный работник медицины. Всего лишь обыкновенный пенсионер. Что всё это значить?» Но сказанные ими слова, лечебным бальзамом легли на мою измученную болезнью душу:

- Уважаемый Н. А., мы приложили все усилия, чтобы спасти вам жизнь и с нами вместе, душой находился ваш сын Николай Николаевич, он постоянно был на связи, и мы убедились в том, как он вас любит. Мы, проработавшие восемнадцать лет рука об руку с ним, уважаем его и любим тоже. Знаем, скольких людей он спас, работая вместе с нами, и не

сомневаемся, что и там, где он сейчас служит, делает всё для спасения жизни страждущих.

Что я мог сказать в ответ, кроме огромного спасибо, вытерев набежавшие на ресницы слёзы.

Уходя, низко поклонился людям в белых халатах, находящимся в это время на посту №1, корой первым являлся не только в данной больнице, но и во всей России, в этот трудный для неё период!

Выйдя на крыльцо лечебного заведения, и вдохнув свежего, морозного воздуха, понял, что сейчас я упаду. Но сын мой Николай во время подхватил меня и усадил в свою машину. Странное состояние, едем домой, душа должна ликовать, однако она молчит, голова тяжёлая, движения рук и ног замедлены и слабы. Последствия перенесённой болезни ещё долго будут напоминать о себе.

- Как ты узнал, что я в реанимации? - спрашиваю сына.

- Как узнал, во первых – я и так держал постоянно связь с заведующей отделения. Пока ты был в терапии, она докладывала, что всё в норме. А когда попал в реанимацию, позвонила Оксана и сказала, что, судя по анализам крови, состояние твоего здоровья критическое. / *Оксана дочь моя, занимается в этой больнице анализами крови.* / Конечно, тут уж я позвонил в реанимацию. Узнав, что тобой занимается Сергей Владимирович, немного успокоился, я с ним работал вместе, реаниматолог от бога. Считаю, что нам повезло.

- Да, - подтвердил я, - наверное, если бы не он, душа моя свалилась бы по ту сторону стекла.

- Какого стекла? – удивился сын.

Я всё рассказал ему, о том, как почти что побывал за гранью жизни. Саркастической улыбки на его лице я не увидел, он мне поверил.

- А ты знаешь, откуда Сергей Владимирович родом? – вдруг спросил сын.

- Нет, откуда же мне знать.

- Он твой земляк, с вашего района, Яшкинский, по фамилии Востриков.

- Надо же, оказывается, судьба преподнесла мне подарок, в виде умелого врача земляка Вострикова Сергея Владимировича, – сказал я, а про себя подумал:

«И таких детей, как мои Николай и Оксана, косвенно они тоже принимали участие в моём спасении. А сын, кроме того ещё, и как скорая помощь, доставляет меня то в больницу, то домой. Неизвестно чем бы всё кончилось, если бы мой Николай не увёз меня в инфекционную больницу, почти насильно»

Нужно сказать и о том, что постоянную поддержку я получал от всех родственников и близких и дальних. Звонили: жена, дети, племянники, внуки, свояк. Связь с племянниками я и так поддерживал постоянно, но так, позвонить раз - два в месяц, а тут, как только они узнали, в каком состоянии я нахожусь, телефон мой не умолкал. Внучка Юля, несмотря на то, что живёт в Москве, звонила каждый день. Другая Юля, жена моего сына Николая, тоже врач, как раз в этот период находилась на дежурстве в «красной зоне», навещала меня постоянно. Другой сын Алексей полностью взял на себя заботу о покинутом мною доме и о больной матери. Я радовался – оказывается, меня уважают и любят, значить я живу правильно.

Желаю всем избежать того, что произошло со мной и теми людьми, которые попали под пресс этой ужасной пандемии. Не пренебрегать защитными средствами и прививкой. Многие убедили себя в том, что с ними этого никогда не случится. Зря! Я тоже так думал...

24. 12. 2020 г. – 14. 01. 2021 г.

Кемерово – Колмогорово.

Деревенские рассказы.

Вотум недоверия.

Время медленно тянулось к обеду. Очередь в магазине так же неспешно продвигалась к прилавку, перемалывая скудные деревенские новости. Посетители, купившие товар, тоже не спешили покидать просторную площадь перед прилавком. Где ещё можно так свободно почесать языки – как ни в магазине. Продавщице Нинке этот умеренный шум никак не мешал, она и сама не прочь была поболтать с односельчанами

/ Судя по данной обстановке, - уважаемый читатель, - тебе должно быть стало сразу понятно, что речь идёт о том времени, когда ещё народ стоял за товарами в очереди, не пугаясь их стоимости, то есть при социализме. /

Вдруг дверь в магазин стремительно распахнулась, заскрипев металлическими пружинами, и впихнула внутрь бабку Елизавету Кузьминичну, вместо фамилии у неё в селе существовала кличка «Сарафанное радио». Ещё, она была знаменита тем, что произносила слова, используя старинный, деревенский лексикон.

- Слыхали! - вылупив глаза, видимо от недостатка воздуха, зашипела возбуждённо старуха, - к нам на курятник, / так в деревне называли довольно крупную птицефабрику /, нового дирехтура назначили!

Покупатели, словно по команде, одновременно повернули головы в её сторону и так же как бабка широко вытаращили глаза, выдохнув почти в один голос:

- Как, нового? Этот – то всего год отсидел, его – то куда?

- Его – то, - несколько успокоившись, резонно доложила бабка, - а его – то, к чёртовой матери, в шею выгнали. Нажралси пьяный, припёрси у райком,

и давай там, на сибе рубахи рвать, - бабка Кузьминична не зря носила такую кличку. Её дочь Людмила работала на птицефабрике в диспетчерской, и знала всё, не только в деревне, но и во всём районе. Стоило только услышать какую – то малость, как эта малость обрастала тут же, в устах Людмилы, добавленными уточнениями и перерастала в довольно крупный ком новостей. А доработанная Кузьминичной, становилась глобальной деревенской новостью.

- А чевой – то он, дурень, в райком попёрся, - задал кто – то резонный вопрос.

- Дык ить, работать не хочить, - тут же поспешила бабка с ответом, - рвёт на сибе рубахи и кричит: «Верните меня обратно в исполком», - вся деревня знала, что Василий Филимонович в директора действительно попал из Облисполкома, по сокращению кадров, как судачили в деревне, он был восьмым заместителем председателя. Одного этого факта оказалось достаточно, чтобы уверовать в принесённую Кузьминичной новость.

- Но ето ни главное, - перейдя почти на шёпот, заговорщицки продолжала старуха, - назначенный новый дирехтур, из райкома, злой говорят, как собака!

- Откуда же это известно? - тут же последовал вопрос, - ещё человека не видели, а уже клевету на него распространяете.

- Погоди, узнаешь, - угрожающе зашипела старуха, - он до райкома на другой птицефабрике работал заместителем дирехтура, говорят, чуть не застрелил наёмного армяна, в кабинете у себе.

- О господи! – простонал кто-то, - за что нам такая кара на голову?

Со всех сторон слышались вздохи и тревожные перешёптывания.

- Да подождите стонать, - произнёс более разумный покупатель, - поживём, увидим. Нагнала вам дури «Сарафанное радио», а вы и уши развесили!

Но нашёлся в деревне, нет, всё – таки давайте будем называть этот населённый пункт посёлком, */птицефабрики были богатыми и дома для специалистов и рабочих строили приличные/*. Так вот нашёлся в посёлке один человек, который не хотел ждать того, как будет разворачиваться вяло текущее знакомство с новым директором, и решил опередить события. Это был Елизар Трутнев.

Сразу нужно отметить, что со старым директором Василием Филимоновичем Лопуховым у Елизара отношения не сложились. Трутнев был занудой, толи от того, что жил один и был всегда неухоженным, помятым, небритым, можно даже сказать грязноватым – зачуханным индивидом. Толи от того, что по лености своей, кроме обветшалой лачуги, ничего не имел, даже забора вокруг этой халупы, не говоря уже о какой – то живности и, видимо, по тому был необычайно ехидным.

Так вот, когда Лопухов преступил к исполнению обязанностей директора, Елизар, уже на третий день, решил посетить новое руководство птицефабрики. Причину своего визита он себе представил просто:

«Пойду, попрошу, чего ни будь, всё равно он не знает, как я живу, выдумая, что на ум придёт, а там посмотрим, чем дело кончится». Натянул грязные сапоги, потрёпанный плащ, */ была середина осени, и моросил дождь/*, на голову – выдавший виды малахай, и, в таком виде, никем не остановленный, завалил в кабинет. Идя в контору, он по пути выбирал лужи по грязнее, и специально месил грязь сапогами.

«Чистоплюи исполкомовские, - зло думал он, - будете знать, что такое деревенская грязь»

С первого взгляда между ними возник непримиримый антагонизм:

«Ишь морду отъел в облизполкоме, - змеёй провернулась ехидная мысль в голове просителя, - сидит лощённый весь, как та статуя на витрине магазина. Пузо в кресло не вмещается»

«Это что за чмо? – сморщился презрительно Лопухов, - специалисты и рабочие птицефабрики одеваются прилично, а этот - откуда вывалился?»

Елизар, выпятив худосочную грудную кость, двинулся к столику, приткнутому к столу директора, взялся уже за спинку стула, чтобы усестся там, рядом с директором, но Лопухов, брезгливо сморщив губы, замахал руками:

- Ну- ка, ну- ка, гражданин, вы мне весь пол загадили грязью, сядьте вон там у двери!

- А чой – та, у двери, чо я не достоин..., - но договорит он не успел, Лопухов довольно легко, для своей фигуры, выскочил из кресла и навис над столом внушительными телесами. Елизар, испуганно закрыв глаза, отпрянул от облюбованного им стула и, взмахнув полами плаща, как крыльями, метнулся к двери, взяв стоящий там стул, уселся на него как раз посреди кабинета, между дверью и столом директора.

- Что вам нужно, - несколько успокоившись, спросил Лопухов.

- Коров у меня много, - соврал Елизар, первое, что пришло на ум.

- Ну и что? Молоко что ли не куда девать?

- Да нет, мне нужен трактор, сено привести, - продолжал развивать надуманную тему Трутнев.

- Какое сено, кто же по грязи стога возит, - даже он, городской житель, понял, что его пытаются развести, - никакого трактора вам не будет.

- Тогда дайте мне коня, буду возить на коне, - гнул свою линию Елизар, хотя в жизни своей он никогда, никакого сена не косил.

- Где же я возьму тебе коня, уж лет десять назад их на птицефабрике не стало, - отрезал Лопухов, - что ещё?

- Выпишите мне кирпича, печку нужно отремонтировать, - загнул опять проситель.

- Какого кирпича? У меня, что здесь кирпичный завод? - поняв окончательно то, что над ним просто издеваются, вспыхнул Лопухов, - слушай гражданин, делать тебе нечего что ли, шёл бы ты домой по добру поздорову. Возможно бы, они и расстались на этом, более – менее мирно, но тут неудовлетворённое ехидство Трутнева достигло апогея, он вспомнил, что поговаривали, будто в обязанности Лопухова, в Облисполкоме, входила доставка чая и кофе в кабинет председателя, и он, сощурился злобные глаза, выпалил:

- Слушай Лопухов, ты зачем в директора – то пошёл, тебе нужно было в ресторан официантом устроиться.

- Ах ты, свинья, пошёл вон отсюда! – взревел Василий Филимонович, вскакивая из-за стола и хватая письменный прибор в трясущуюся руку.

Елизар, пригнувшись, опрокинув стул, вскочил и, разбрасывая шлепёнки грязи сапогами, быстро скрылся за дверью.

Он ещё несколько раз проходил на приём к директору, но никогда и ничего от Лопухова не получал, даже если просил что – то доступное, мясо, либо яйца. Однажды он ходил жаловаться в райком партии, но результата не успел дожидаться, Василия Филимоновича освободили от занимаемой должности.

И вот Елизар Трутнев, решив испытать нервы вновь назначенного директора, присланного из райкома, - натянул грязные сапоги, потрёпанный плащ, / на дворе была опять середина осени /, выдавший виды малахай, и двинулся в сторону конторы.

Лопухова действительно освободили от занимаемой им должности директора. Но пьяным он не напивался и рубахи на себе не рвал, если бы он это сделал в райкоме, то не миновать бы ему областной «психушки».

Год назад Василий Филимонович действительно исполнял обязанности заместителя облисполкома. Каким он там был по счёту и заносил ли чай и кофе председателю, никто толком не знал, но народная молва остра на язык и чтобы её искоренить, нужно долго доказывать делами то, что ты действительно не олух какой – то, а на самом деле чего – то стоишь.

Случилось так, что председателя исполкома перевели работать в Москву, пришедший на замену, новый решил поменять состав своих заместителей. В отставные попал и Лопухов, но чтобы он не затаил обиду на исполкомовскую контору, ему было предложено несколько престижных должностей, в том числе должность директора крупной птицефабрики. По образованию Лопухов был учитель истории, нужно бы было спокойно занять должность директора одной из городских школ. Но он выбрал сельское хозяйство. Что его привлекло в птицеводстве, он сам после не мог объяснить. Но вот, волею случая, он это место занял.

И уже через несколько месяцев понял, что совершил огромную ошибку. Во первых он скоро осознал, что ничего не смыслит в птицеводческом производстве, во вторых рядом строилась новая птицефабрика и, пока, руководство этой стройкой тоже входило в его обязанности, а он и в этом не разбирался. В третьих село хоть и благоустроенное, но далеко не город, да и люди не так просты, как в городе, там всем на тебя, как говорится начхать, а здесь каждый старается заглянуть к тебе в душу.

И Лопухов возненавидел сложившуюся жизненную ситуацию. Всю производственную деятельность он возложил на плечи специалистов, а сам

всё чаще выезжал в город, подыскивая разные, якобы необходимые, для этого причины.

А когда находился в кабинете, имитировал кипучую деятельность тем, что вёл постоянный приём посетителей, выполняя их мелкие просьбы. Особенно любил выписывать мясо и яйца птицы дешевле, чем они стоили в магазине, / была такая привилегия дозволена директорам./ Как бы, давая понять: «Вот видите, от меня зависит, будете ли вы, сегодня есть мясо и яйца, либо нет» Возможно, он бы удовлетворил и одну из просьб Трутнева, будь у того поприличней одежонка, и «морда лица».

Однако всем известна пословица о том, что рыба начинает гнить с головы. Так оно и есть. Уже к концу года стало ясно, что производство снижает темпы производительности, дисциплина падает и прочее и прочее. Лопухова вызвали на бюро райкома партии, где он честно признался в своей некомпетентности и попросил освободить его от занимаемой должности. На этом же бюро второй секретарь райкома Барсов Григорий Иванович попросил назначить директором птицефабрики его, он давно мечтал уйти на хозяйственную работу. Обе просьбы были удовлетворены.

Вот как всё происходило на самом деле.

Приехав на птицефабрику, Григорий Иванович сразу же решил собрать специалистов и войти в курс производственных событий. В приёмной перед директорским кабинетом, его взору представилась толпа народа, через которую в кабинет трудно было протиснуться. Секретарша Валентина, привыкшая уже к этой толчее, при Лопухове, трещала на пишущей машинке, не обращая на неё внимания.

- Это, что за столпотворение? – обращаясь к секретарше, строго спросил Григорий Иванович.

- А ты кто такой? – грубо спросил кто – то из толпы,

- А я твой новый директор, - в тон ему ответил Барсов.

- Ой, здрассти ... - запоздало заулыбавшись, вскочила Валентина.

- Так я повторяю свой вопрос: что это за сборище в приёмной, во время рабочего дня?

- Так это все за мясом и яйцами стоят, - опустив глаза в пол, пролепетала секретарша.

- За какими яйцами, у меня в кабинете ещё и магазин расположен, что ли? – совсем уж ничего не понимая, растерялся Григорий Иванович.

- Да нет, что вы, - подняла глаза Валентина, - Василий Филимонович выписывал всем талоны каждый день.

- Ему, что больше делать было не чего?

- Я не знаю, - окончательно смутилась секретарша.

- Ну вот, что, никаких яиц и мяса я ежедневно выписывать не собираюсь, талоны будут только в необходимых случаях. И в назначенные для приёма дни. А сейчас все по рабочим местам.

В толпе поднялся ропот, нарастающий ежесекундно.

- Вас как зовут – обратился новый шеф к секретарше.

- Валя!

- Вот, что Валя, перепиши – ка мне всех стоящих здесь, а я завтра спрошу с их руководителей, какого они чёрта шляются в рабочее время по приёмным.

Толпа стремительно начала рассасываться. В это самое время, на пороге приёмной появился Елизар Трутнев, стоя в коридоре, он слышал весь разговор.

- А мне можно зайти, я на фабрике не работаю?

- И вам нельзя, для этого будут выделены определённые приёмные дни и часы, - окинув брезгливо взглядом грязную фигуру Елизара, твёрдо заявил новый хозяин этой приёмной и этого кабинета.

- Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! - подытожил пословицей первую встречу Трутнев, - ладно подождём приёмного дня, - и, шаркая грязными сапогами по полу, покинул приёмную.

Очередь в магазине продвигалась уже ни так спокойно, хаотично дёргалась, иногда из неё вываливался покупатель, размахивая руками. Сквозь постоянный гул прорывались отдельные выкрики, и это уже мешало размеренной работе продавщицы Нинки. Она несколько раз ошиблась в подсчёте и, нервно грохнув счётами о прилавок, перекрывая гул толпы, гаркнула во всё своё широкое горло:

- Да заткнётесь вы в конце – то концов, а то я сейчас выпру вас из магазина и закрою двери на замок.

Шум на некоторое время прекратился, но буквально через несколько минут, снова запричитала, заблеяла, как коза Елизавета Кузьминична «Сарафанное радио»:

- Ну, што я вам говорила? – махала она костистыми руками, - ишь какой наглец, усех вышвырнул из конторы, «пошли вон, - говорит, - а то счас всех перепису и в милицию сдам», а идежа нам таперя мясу с яйцами брать. Никому, говорит, выписывать не буду, только по нужде, по какой такой нужде? На похороны што ли.? Так когда помру мне ни мясы ни яиц не надобно. Люди с работы ушли, времечко выкроили, а он их: «Вон идите». Што творится, пропали мы!

- Послушай бабка, что ты надрываешься зря, - выступил из очереди пенсионер Петров, - какое эти люди имеют право в рабочее время по конторам лазить, а вдруг в корпусе вентиляция отключится, и всё, почитай, тридцать тысяч кур пропадут.

- При Лопухове значить можно было по конторе шастать, а при етим душегубе нельзя!?! – не унималась старуха.

- Лопухов твой как раз и распустил всех рабочих, болтались в рабочее время, кто где хотел, - подала голос пенсионерка Мальцева, - вот мой Виталик, инженер на птицефабрике, говорит, что новый директор очень толковый, постоянно на производстве, прислушивается к мнению специалистов, сам, когда надо советы даёт.

- Дык, а чё скажешь твой Виталик другое, - парировала Кузьминична, - скажи по другому, этот ирод и с работы его выпрет.

- Нет, ну это надо додуматься, - перехватил инициативу пенсионер Сидоров, - принимать теперь, по личным вопросам, директор будет только во вторник и в четверг, в обеденный перерыв. Это когда ж он успеет выписать всем талоны на продукты?

- Тебе ж, барану, сказано было, что талоны будут выписывать только на тожественные мероприятия: свадьбы, проводы в армию, ну и на похороны конечно. Так, что и одного часа хватит.

- А как же вы хотели? – вступилась за директора продавщица Нинка, - зарплату получать хорошую, да ещё и продукция, чтобы вся была по дешёвке. А где же на эту зарплату денег тогда взять. – Уж она - то знала толк в товаро – денежных отношениях.

Очередь в магазине разделилась на два враждующих меж собой лагеря. Один - был за нового директора, другой - за без лимитный отпуск дешёвых яиц и мяса. /До рукопашной, правда, ещё не дошло /.

Елизар Трутнев сегодня встал рано, за окном ещё была густая, беспросветная осенняя тьма. На душе его было беспокойно. Непонятно почему, куда – то отступила озлобленность, захватив с собой и ехидство. Ему вспомнились давно прошедшие дни, когда он наёмным подсобником работал у армян, строивших асфальтную дорогу между городом и посёлком, а это село, в котором он теперь жил, находилось как раз посредине между

двумя этими пунктами. И этот домик ему достался от армян, выкупивших его у местного Сельсовета за бесценок, во временное пользование. Армяне построили дорогу и уехали; толи к себе на родину, толи в другое место, а Елизар остался. Но сельские жители в своё общество его не приняли.

И тогда Трутнев озлобился, и, чтобы как – то привлечь к себе внимание, начал досаждать местным руководителям. Обиженные на местную власть, как бы поддерживали Елизара, поговаривая, в порыве гнева:

- Трутнева на вас нет, - но в глубине души презирали его, - клоун не умытый!

« Сегодня первый приёмный день нового директора, – неохотно лезла в голову мысль, - пойду, погоняю* Балду, посмотрю, что за фрукт этот бывший секретарь», - к нему- то, как раз и ходил Елизар в райком жаловаться на Лопухова. И, толи поэтому, а может от нахлынувшего предчувствия, он занёс из сеней сапоги и тщательно протёр их половой тряпкой.

**Гонять Балду – пустословить.*

- Валя, зайди ко мне, - по селектору вызвал секретаршу Григорий Иванович, - ты мне список пришедших на приём составила, - он ещё не успел познакомиться со всеми жителями посёлка, и потому попросил Валентину составить список просителей с полными их именами и фамилией.

- Да Григорий Иванович составила, первый в списке гражданин Трутнев, - положила на стол листок секретарша.

- Пусть заходит.

Дверь быстро открылась и, так же торопливо, в неё ввалилась серая масса Елизара Трутнева. Он уже хотел выдать заранее приготовленную, какую – то пошлость, но второпях закрывая дверь, прищемил полу плаща, дёрнулся, стараясь освободиться, применив в порыве озлобленности

излишние усилия, дверь распахнулась, и Елизар по инерции пролетел почти до середины кабинета, еле удержавшись на ногах. Заготовленная фраза выпала из уст просителя, он, нервно дёрнув головой, попытался догнать её, но из этой попытки ничего не вышло. Трутнев поднял голову и встретился взглядом с директором. Увидев насмешливо – лукавые искорки в глазах Григория Ивановича, совсем растерялся.

- Ну, что ж вы Елизар Тимофеевич там стоите, проходите ближе, присаживайтесь, - сдерживая порывы смеха, пригласил директор.

« Надо же, Елизар Тимофеевич, - совсем выбился из колеи таким обращением Трутнев, по имени отчеству его в этом селе ещё никто ни называл, Он не находил слов для начала подготовленной им комедии. Постепенно приходя в норму, присел на краешек стула, стоящего у стола директора и, вдруг неожиданно для себя, процедил:

- Здрассс... ти, - такое начало ему и в голову не приходило.

- Здравствуйте товарищ Трутнев, рассказывайте, что же привело вас ко мне? – нарочито вежливо спросил Григорий Иванович, он знал характерные черты просителя ещё по работе в райкоме, принимал жалобу из его уст.

- Коров у меня много, - не придумав ничего нового, завёл старую песню Елизар.

- Бросьте рассказывать мне сказки товарищ Трутнев, - не меняя тона, прервал его Барсов, - я объехал село и внимательно всё осмотрел, на вашем дворе не только коровы, но и черти жить не согласятся. У вас и двора то нет.

- Дык, мало чё ты видел! – обиженно перешёл на дерзость проситель.

- Послушай Елизар Тимофеевич, - ужесточая свои слова, перешёл на «ты» и директор, - такой срамной халупы, как у тебя, я в этом посёлке больше не нашёл, все дома приличные, ограды покрашены, даже у одиноких вдов. А та такой мужичище, ходишь по селу, как чучело огороднее, добился того, что никто с тобой не здоровается.

- Ну и чё ты этим хочешь сказать? - озлобленно спросил Елизар, - «Вот тебе, на, - думал обиженно он, - пришёл поиздеваться над новым директором, а оказалось всё наоборот»

- Что? А вот что, я сейчас выпишу тебе материал из строительного цеха на ремонт ограды, сам то уж, наверное, сделаешь её, всё равно без дела слоняешься.

- Дык у меня и денег то нету, - промямлил проситель, не ожидая такого оборота.

- Ладно, чёрт с тобой, скажу, чтобы выдали бесплатно, летом строительный сезон начнётся, отработаешь.

- А хтой – то меня на работу возьмёт, я просился не раз, всегда никому не нужен был?

- Я возьму. И вот ещё что, на складе возьмёшь краски, тоже пока бесплатно, так сказать в долг. Покрасишь наличники в доме и дверь, а то от проезжающих людей стыдно.

- Директор, ты, наверное, решил поиздеваться надо мной, счас я, мол этого хмыря разыграю, а в строй. цехе и на складе меня обсмеют, - недоверчиво залепетал, окончательно сбитый с толку Трутнев.

- За кого же ты меня принимаешь, что ж я цирк что ли здесь с тобой собрался разыгрывать, - и набрав поочерёдно телефонный номер строй. цеха и склада, распорядился обеспечить Трутнева всем обещанным.

Сознание Елизара находилось на грани срыва, язык так и чесался послать собеседника куда подальше и выдать, какую ни будь, гадость, чтоб достала до самых печёнок, но сердце, колотившееся где – то в районе горла, непривычно ликовало:

« Как так, с ним и разговаривать – то толком никто не хотел, бывший директор Лопухов даже в приёмную запускать его запретил, а тут вот, чего и не просил – бери, сколько хочешь»

А Григорий Иванович, почувствовав эту внутреннюю борьбу, окончательно перевернул всю, годами каменевшую озлоблением, натуру Елизара:

- У тебя дома и поесть – то, наверное, ничего нет, иди в бухгалтерию, я сейчас позвоню, чтобы тебе мяса выписали килограммов пять. Деньги – то у тебя на еду есть.

- Ну, что ж, я совсем, что ли голодом живу, на пять килограмм мяса – то найдутся, - сказал осевшим голосом проситель, всем своим видом стараясь не показать радостного удивления таким к себе отношением.

« Вот вроде и не просил ничего, а тут оно само в руки навязывается» - с трудом пытался осознать он происходящее.

Секретарша Валентина была до крайности удивлена произошедшими переменами в образе Елизара Трутнева, вышедшего из кабинета директора. Туда заходил озлобленный хорёк с бегаящими зенками и ехидной улыбочкой. Назад вышел улыбающийся лис, с хитрыми глазами и довольной миной на лице. Как будто ему удалось только, что позавтракать жирной курочкой.

Елизар, видимо от волнения, забыв зайти в бухгалтерию, как на крыльях, слетел по лестнице со второго этажа конторы. Сердце его всё сильнее трепыхалось, словно заячий хвост: «Видишь, как с человеком... как с человеком...» - стучало в висках.

Выскочив на центральную площадь посёлка, Елизар Тимофеевич Трутнев, вдруг поскользнулся и, неловко подвернув ноги, завалился на спину, прямо в подтаявшую лужу. Когда, через несколько минут его обнаружила, проходящая мимо почтальонка, он был уже холодный.

Народ собирался быстро. Через полчаса вокруг, неожиданно почившего, Елизара собралась приличная толпа. Умри он дома, никто бы и

не подумал поторопиться к его халупе, но такое происшествие, при котором человек, хотя бы и дрянной, умер на главной площади посёлка, в осенней луже, случилось впервые.

Скоро к месту происшествия подъехал на мотоцикле участковый инспектор Агеев Иван Николаевич, следом прибежал фельдшер Филиппов Василий Егорович. Участковый, выяснив у конторских работников, откуда шёл почивший, сразу понял всю скандальную подоплёку произошедшего:

« Сейчас люди начнут строить догадки и делать ничем не подтверждённые выводы» - мелькнула праведная мысль. И тут же в её подтверждение, кто – то из толпы выдал:

- Наверное, новый директор довёл Трутнева до инфаркта!

- Да брось, ты что говоришь, этот охламон и сам, кого хочешь, доведёт до этого инфаркта, - отверг предложенный диагноз второй голос.

- Ну, тогда, видно, довёл Елизар директора до белого каления, он и ахнул этого деятеля стулом по башке, - высказал свою точку зрения третий голос.

- Хватить болтать, что попало, - прикрикнул на галдящую толпу Иван Николаевич, - ну ка, Василий Егорович, давай осмотрим тело почившего.

Осмотрели труп, никаких синяков либо царапин на теле не обнаружили.

- Вот, что граждане, мы с доктором сейчас отправим труп на вскрытие в район, а вас я попрошу, не болтать лишнего, сами видите, никто, никакого ущерба ему не нанёс.

- Смотрите- ка, - показал пальцем на лицо умершего, стоящий в первых рядах слесарь Титов, - он, однако улыбается, вот гад и мёртвый решил над нами потешится!

- Да, - подтвердила подошедшая секретарша Валентина, - он и от Григория Ивановича вышел радостный, я его раньше никогда таким не видела.

- Нет, директор его не трогал, наоборот позвонил мне, чтобы я выдал материалы Елизару на забор. Даже бесплатно, – сказал подошедший прораб Берёзкин.

- Да и мне звонил, что бы я выдала Трутневу краску, - подтвердила кладовщик Анна Петровна, - и тоже бесплатно.

- Выходит, Елизар Трутнев отдал концы от радости, - удивился Иван Николаевич, - вот так, граждане, пока, и будем говорить, а лучше, до получения результатов вскрытия, не молотите зря языками.

В магазине очереди не было, все посетители столпились между входной дверью и прилавком, и даже продавщица Нинка была не на своём месте, а в толпе покупателей.

Все галдели, махали руками, брызгались слюной.

- Што я вам говорила? – вытаращив глаза, страшным шёпотом нагнетала толпу бабка Елизавета «Сарафанное радио» - зашёл ентот Елизарка к дирехтуру и говорить: « Ну, ка, выпиши мне дирехтур дешёвой мясы и яйцев» А дирехтур выскочил из – за стола и к ему: «Каких таких мясы и яйцев?» «А таких, обыкновенных, - отвечает етот яму, - чаво ты расселси здесь, прижал усё паразит, народу житья не даёшь» А дирехтур рассердился, да как заорёт: «Ах, ты, гадюка подколодная, мясы и яйцев захотел!?» - да как трахнить по башке Елизара табуреткой, тот и откинул копытья. Валька секретарша говорила, она усё через дверь слыхала.

- Как же так Кузминишна, - возразил слесарь Титов, - Елизар – то на площади лежал, я сам это видел, да и Валька говорила, что он от директора вышел весёлый, всем довольный.

- Дык ета, когда дирехтур увидел, что Елизарка помер, он схватил яго и быстренько отпёр на площадь, что ж он дурак, што ли трупы в кабинете хранить. А Валька она што угодно скажить, кто ей ближа Елизарка или дирехтур.

- Да и не было никаких побоев, - не унимался слесарь Титов, - участковый и фельдшер вместе осматривали, ничего не обнаружили. И свидетели подтвердили, что директор с ним хорошо обошёлся. А Иван Николаевич сказал, что Елизар от радости помер.

- Да хто ж проти дирехтура пойдёт, ишь, и ты туда жа, боитесь, што вас с работи попруть. А участковому и хвершалу ён таперя мясу и яйцы будеть выписывать по дешёвке усю жизнь. Почитай, уся деревня говорить это.

- Ну, не знаю, кому верить, - уже с сомнением протянул слесарь Титов.

И снова все зашумели, замахали руками, пытаясь из этого хаоса извлечь истину. В начале разговора толпа разделилась на две группы: одна в пользу директора – другая против. Постепенно чаша весов правосудия начинала склоняться к тому, что директор всё - таки виноват.

Однако никто, в порыве накала страстей, не замети, как в магазин вошёл участковый Агеев и, остановившись у приоткрытой двери, прислушивался к строгим осуждениям нового руководства птицефабрики.

- Тихо! – выкрикнул он, толпа резко повернула головы в его сторону, удивлённо вытаращив глаза, бабка «Сарафанное радио» быстро нырнула за плечи покупателей.

- Перемыли кости новому человеку? – строго спросил он.- А как же вы ему в глаза теперь будете смотреть, он совершенно ни в чём не виновен. Вот акт, вскрытия трупа Елизара Трутнева, где чёрным по белому значится: причина смерти – острая сердечная недостаточность. Григорий Иванович действительно отнёсся к нему по человечески, а Елизар к этому не привык.

Вот и умер можно сказать от радости. Может с ним вообще первый раз по хорошему поговорили.

Агеев перевёл дух, спрятал в папку акт, взгляд его устремился в глубину притихшей толпы:

- А где – то тут Елизавета Кузьминична, - нарочито ласковым голосом пропел он, - ну – ка бабка иди сюда, - из толпы медленно выползла перепуганная старуха, - а тебя бабуля я обязательно оформлю на пятнадцать суток, за твой длинный язык. Вот ещё раз услышу, и поедешь со мной в райцентр отбывать наказание.

- А чо..., а чо я..., люди говорят, - опустив глаза в пол, попятилась в толпу Кузьминична.

- Я тебя предупредил! – проводил её строгим взглядом участковый и, хлопнув дверью, вышел из магазина.

Чаша весов правосудия резко поползла в пользу директора, но окончательного перевеса всё – таки не достигла.

- Рука руку мыть! – твёрдо заявила, воспрявшая, после ухода участкового, «Сарафанное радио» и покинула магазин.

И хотя большинство жителей посёлка уверовали в то, что Елизар Трутнев умер не по вине директора, два приёмных дня, на неделе, никто к Барсову не приходил. На следующей неделе, озадаченный таким отношением населения к случившемуся, Григорий Иванович в назначенный день решил приём не проводить, да и некогда, нужно было срочно решать накопившиеся вопросы по строительству новой птицефабрике. Забежал в кабинет, чтобы взять нужные деловые бумаги. Пока их разбирал и укладывал в портфель, в дверь осторожно постучали.

- Да, войдите, - поднял он глаза в сторону двери.

Дверь осторожно приоткрылась, и из образовавшейся щели показались руки, держащие бархатный мешочек, сшитый в виде кисета. За мешочком в открывшемся проёме появился крепкий старик в армейском кителе старого военного покроя. Распахнув окончательно дверь, он замер на пороге.

- Кто вы и, что хотите, - несколько озадаченный, таким поведением пришедшего, спросил Барсов.

- Я, Солдатов Степан Иванович, ветеран войны и труда, работал раньше на птицефабрике трактористом, теперь на пенсии, - настороженно, словно опасаясь не дружественного к себе отношения, произнёс пришелец.

- Ну, что же Степан Иванович проходите сюда к столу, присаживайтесь, пожалуйста, - приветливо улыбнувшись, словно почувствовав, что наступает переломный момент в отношениях с местными людьми, пригласил Григорий Иванович, - рассказывайте, что вас привело ко мне, и что это за кисет в вашей руке?

Ни слова не говоря, ветеран осторожно прошёл к столу и, развязав шнурок на мешочке, высыпал на стол с десяток орденов и медалей.

- Что это? – удивлённо воскликнул директор.

- Мои ордена и медали, за войну и за труд!

- Вижу, что ордена и медали. Зачем вы их принесли?

- Чтобы попасть к вам на приём, - решительно посмотрел ветеран в глаза Барсова.

- А, что же без этого ко мне, на приём, прийти нельзя, что ли? - обиженным тоном спросил Григорий Иванович.

- Не знаю, может и можно, но я наслышан, что вы не жалуете тех, кто к вам обращается с просьбами. Да и вообще говорят, что вы не добрый человек, - смущённо, но настойчиво выложил правду – матку Степан

Иванович, - вот я и решил захватить с собой награды, чтобы вы поняли, что и я не лыком шит.

- Вот тебе, на, - растерялся директор. - Это в чём же выражается моя не доброта к людям? Садитесь же вы, наконец, - усадив ветерана и усевшись напротив сам, приготовился выслушать обвинения Барсов.

- А вот был Лопухов, до вас, он сидел и целыми днями всех принимал, то одному, чего ни будь, выпишет, то другому, а вы не успели зайти в кабинет сразу всех вон, придумали какие – то приёмные часы. Вот Елизарка Трутнев, приперся в приёмные часы, и откинул копыта, хоть и говорят все, что вы не причём, однако, при Лопухове этого не произошло. А потом, говорят, что вы и на другой птицефабрике какого – то армяна убили.

- Да, действительно, слухи большое дело, они всегда летят впереди человека, и уж если прилипли, ничем не отмыться. Хорошо Степан Иванович, давайте уж я отвечу на все ваши упрёки по порядку. Готовы вы меня выслушать?

- Мне спешить не куда, почему бы и не послушать, - согласился ветеран.

- Вот вы были передовиком производства, раз имеете трудовые награды, но при Лопухове, вернее всего, не работали.

- Нет, не работал.

- Тогда представьте себе, что вы директор: огромная действующая птицефабрика, рядом такая же строится новая, рабочий коллектив четыре сто человек, да строителей столько же. Работавшую птицефабрику нужно обеспечить техникой, кормами, запасными частями, выдать людям зарплату, предварительно для этого получить доходы от реализации продукции. Новую стройку нужно обеспечит стройматериалами, кадрами, и так же финансами. А вы сидите, и целый рабочий день выписываете талоны на

дешёвое мясо и яйца, зарабатываете дешёвый авторитет, а производство в это время гибнет. Как вам это?

- Да, это никуда не годиться!

- Вот видите, хорошо, что у Лопухова совесть сохранилась, пришёл в райком и сам честно всё рассказал. Да он и не виновен, в общем – то в том, что попал на птицефабрику, виновны те, кто его сюда ставил, он ведь по образованию педагог, вот и не знал чем перед народом оправдаться, сидел и выписывал талоны. А убытки от этого не считал. Да, кстати, а вы не знаете, почему люди брали столько много мяса и яиц по талонам, неужели они всё съедали?

- Знаю, брали не только себе, а и всем родственникам, городским и поселковым. А некоторые потом продавали эти продукты на рынке в три дорога. Вот есть у нас такая Кузьминична «Сарафанное радио», она даже свой прилавок на рынке имела. Зайдёт к Лопухову наплетёт ему лести своим длинным языком, а он и рад, на тебе всего сколько хочешь. А она выйдет из кабинета, и тут же про него гору гадостей наговорит. Да вы с ней обязательно столкнётесь, всему своё время.

- Ну, вот видите, Степан Иванович, что творилось? Неужели и мне продолжать такую деятельность? А скажите мне, уважаемый, сколько, вы думаете, нужно выписывать рабочему в месяц продукции?

- Пять килограммов мяса и сто яиц, за глаза хватит. На птицефабрике обычно работает вся семья, так, что всего будет достаточно.

- А, что касается Елизара, я же не знал, что его Лопухов держал в чёрном теле, и даже запретил в кабинет заходить. А я взял и отпустил ему то, чего он и не просил даже, вот у него от приятного волнения сердчишко – то и не выдержало. Хотя он сам виноват, злобой своё сердце измотал.

- Да, здесь я с вами полностью согласен.

- Ладно, про это хватит. Ко мне то вы зачем пришли, посмотреть какой я злой, и как я тут всех по голове табуретками охаживаю? – прищурил лукавые глаза Барсов.

- Да нет, снежок первый выпал, пора уже людям сено вывозить с лугов, - опустил глаза смущённый ветеран.

- А что и трактора Лопухов сам распределял на вывоз сена?

- Сам.

- Ладно, Степан Иванович, я распоряжусь, трактор вам дадут, но оплатить минимальную сумму за это придётся.

- Ну, это само собой, - облегчённо вздохнул ветеран, как будто с него свалился стог сена, после откровенного высказывания директора.

- В общем, я с этими выписками, что ни будь, придумаю, не будете униженно стоять перед дверями моего кабинета. Спасибо вам за откровенность.

Григорий Иванович совсем уже собрался уходить, начал подыматься, давая понять тем самым, что разговор окончен, но Солдатов с места не вставал, вопросительно заглядывая в глаза директора.

- Что – то ещё Степан Иванович?

- Ну, а про армяна – то расскажите, слухи – то в мешок не затолкаешь.

- Про армянина? Ладно, так уж и быть, пусть у нас сегодня будет приёмный день откровений директора.

- А что люди - то говорят, Степан Иванович, про меня и этого самого армянина? – лукавые искорки засияли в глазах Барсова.

- Так вот, говорят, будто зашёл к вам в кабинет армян, что – то попросить, вы как раз были не в духе, начали гнать его прочь, а он не выходит, вот вы его стулом по башке, он как заорёт: «Спасите, помогите!», а потом и затих.

- Ну, что ты будешь делать, опять стулом по голове, можно подумать я этот стул из рук не выпускаю, так и думаю, кому опустить его на голову, - полушутя возмутился Григорий Иванович.

- Так люди говорят, многие слышали как он, этот армян, орал. Что не так было?

- Орать – то он орал, но всё было не так. Вот послушайте, всю правду вам изложу, в надежде на то, что вы внесёте ясность в это дело перед поселковым народом.

Работал я на Н – ской птицефабрике заместителем директора по производству. Однажды директор Павел Иванович неожиданно заболел, прямо из кабинета увезла скорая помощь. Болезнь оказалась серьёзной, в общем, скорого возвращения его на службу ожидать не приходилось.

Я перебрался в его кабинет, первый секретарь райкома заставил: «Что, - говорит, - я тебя должен по всем телефонам искать, садись в директорский кабинет, я буду знать, что ты на месте» Первого секретаря разве слушаешься. Да он и прав, конечно, директору звонят не только из райкома, над ним много руководства: райком, райисполком, трест, сельхоз. управление и прочие структуры. В общем, сел, работаю за себя и за директора.

В то время на птицефабрике работала бригада армян, клали асфальт. Бригадиром у них был Алик, они в России на именах не заморачивались; либо Алик, либо Юрик. Так вот этот Алик приходил к директору утверждать наряды выполненных работ. Так было заведено, люди не постоянные, наёмные, объёмы работ большие, поэтому во избежание приписок и других махинаций, контроль за оформлением нарядов возлагался на директора. То есть, он их утверждал своей подписью.

Прошёл месяц, и раз я исполняю обязанности директора, то Алик пришёл ко мне утверждать эти самые наряды. Положил передо мной на

стол, а сам зашёл и стоит, сопит у меня за спиной, видимо хотел проследить буду ли я что – то вычёркивать. Так мне неприятно стало чувствовать сопящего человека у себя за спиной, ну просто не выносимо. Я говорю:

- Алик сядь на стул, вот он у стола стоит, ждёт тебя.

Он вроде отошёл, стал сбоку, но не садится, а нарядов куча, пока я в них разбирался, дошёл до половины, он опять за спиной сопит. Я рассердился, говорю:

- Сядь на стул, а то сейчас вышвырну из кабинета.

Алик этот, видимо в серьёз моё возмущение не принял, стал опять сбоку стола и лупит глаза на наряды, а я в них нашёл кое – что не соответствующее действительности, хотел вычеркнуть лишнее, чиркнул, а в ручке чернила кончились. Посмотрел на столе другую ручку, не обнаружил. Открываю ящик стола, думаю найти её там, и вижу, сверху на бумагах лежит пистолет, машинально беру его в руку и вытаскиваю на стол. Смотрю, Алик развернулся и, как лось, кинулся к двери, а двери две, одна входная, другая в шкаф для одежды, обе полированные, находятся рядом и ручки у них одинаковые.

Алик видимо подумал, что довёл меня до белого каления и, что я специально выхватил пистолет, чтобы его прикончить. Со страху он попадает не в ту дверь, то есть в шкаф, видит стену, скребёт её ногтями и истошно кричит: « Спасите, помогите, убивают» - до этого плохо на русском языке говорил, а тут начал чище меня слова произносить. Я запихал этот злосчастный пистолет назад в стол и бросился к Алику, чтобы его успокоить, а он как увидел меня, упал на пол, сучит руками и ногами, орёт «Григорий Иванович, прости, я больше не буду!» Сбежались специалисты, ничего понять не могут, а армянин как увидел их, перестал орать и в дверь, я так и думал, что он её выломит.

Рассказал я всё своим коллегам, посмеялись вместе. Но Алик ко мне больше не приходил, видимо уверовал, что я серьёзно хотел его застрелить. Наряды на утверждение мне после приносил экономист. Думаю, их можно было подписывать не глядя, вряд ли, после случившегося, армяне стали бы заниматься приписками.

Но домашними разборками дело не кончилось, как говорится: «шила в мешке не утаишь» На другой день позвонил секретарь райкома, позже председатель райисполкома, а к вечеру уже и директор треста, хотя до города более ста километров, так, что пришлось мне целый день оправдываться. Сначала все принимали за шутку этот случай, но со временем многие почему – то уверовали в то, что я и вправду хотел Алика прикончить.

- Ну, вот и всё Степан Иванович, да вот ещё что: вернувшись из больницы и выслушав мой рассказ, Павел Иванович заявил:

- Так тебе и надо, не будешь по чужим ящикам лазить!

- А скажите, Григорий Иванович, зачем же директор держал в столе пистолет, - не унимался любопытствовать Солдатов.

- Да какой там пистолет, я после разглядел его, это была хорошо сделанная игрушка – пугач. Павел Иванович купил его внуку, да не успел отдать, в больницу попал.

- Ну, ладно, поговорили, пора и честь знать, - поднимаясь со стула, выдохнул Степан Иванович, - спасибо за уделенное мне время, за откровенную беседу, думаю, люди вас скоро поймут и примут как своего местного жителя.

- Да, уж скорее бы, не хочется время тратить на разные недомолвки. Всего доброго Степан Иванович, заходите в отведённое для приёма время.

Очередь в магазине, соблюдая порядок, медленно передвигалась к прилавку, но всё же покупатели были несколько возбуждены последними новостями, вышедшими из управления птицефабрики.

- Ну, вот, что я вам говорила? - довольно улыбнулась пенсионерка Мальцева, мать инженера Виталика, - директор – то оказался хорошим человеком. Пригласил к себе секретаря парткома, председателя профкома, и с их согласия принял решение - никаких больше талонов не выписывать, а составить список работающих и пенсионеров посёлка и каждому по пять килограммов мяса и по сто яиц в месяц отпускать. Специально для этого у проходной поставили ларёк. Точно так же и с транспортом, выделили два трактора и две машины, приходи в кассу, плоти деньги и пользуйся в своё удовольствие.

- Да, - поддержал её слова пенсионер Петров, - и в приёмной толкаться больше не нужно. И у директора больше времени делами заниматься, а не талонами.

- И сплетен теперь в посёлке меньше будет, - перехватил инициативу Солдатов Степан Иванович, - селекторную Барсов закрыл, зачем она нужна, он теперь постоянно на производстве, сам всё видит. Да и Людку на курятник отправил птичницей, хватить ей, языком чесать от безделья.

Очередь удовлетворённо закивала головами. Но, вдруг, ржавые пружины жалобно заскрипели, двери распахнулась, и впихнули Елизавету Кузьминичну «Сарафанное радио»

- Ах, штоб ему пусто было, - с порога заблеяла она, - паразит проклятый, усю мне жизнь загубил. Эта таперя, как жа я жить – то буду, идеж мясу и яйцы брать. Придётся прилавок на рынке сдавать.

- Так ты своих кур заведи и торгуй, сколько влезет, - хитро улыбнувшись, посоветовал Петров, - правильно директор сделал, таких паразитов как ты и твоя Людка давно надо было научить жизни.

- А мы вот теперь довольны, - поддержал Солдатов, - дело не в мясе и яйцах, этим списком директор оказал нам особое внимание, рабочим и особенно пенсионерам: « Вот, мол, уважаемые, мы ваш труд, на благо птицефабрики, не забыли, зачем же вам стоять у меня в приёмной, с протянутой рукой»

- Дык ето, вы старые черти не поняли, - завела своё «Сарафанное радио», - ето он с народом не хочить разговаривать, поетому и наделал ети ведомостя. Ни хочить, што ба вы своими грязными сапожищами топтали пол, у его в кабинети.

Очередь на неё зацыкала, замахала руками, однако трое из дюжины покупателей, на всякий случай, промолчали, а двое, на слова Кузьминичны, согласно закивали головами. Видимо единства мнений пока ещё добиться не удалось.

Трудно предстать праведником перед несведущими людьми. Тем более если впереди тебя летят ничем не подтверждённые слухи. Тебе обязательно пришьют ярлык Иуды, даже если ты святой.

События 1985 -1989 годов.

Ошибка...

Суд был показательный, выездной. Старенький деревенский клуб едва вместил в свои обшарпанные стены жителей села Орловки, желающих узнать о дальнейшей судьбе своих односельчан, совершивших неслыханное по тем временам преступление.

Судья, после зачтения обширных параграфов дела, наконец – то приступил к оглашению приговора:

« Суд приговорил Неведомского Владимира Казимировича и Кабанова Константина Владимировича, признать виновными в совершение преступления предусмотренным статьей 102 УК РСФСР и назначить им наказание в виде лишения свободы сроком на двенадцать лет каждому, с отбыванием наказания в колонии строгого режима»

Зал одновременно выдохнул застоявшийся в лёгких воздух, у одних этот выдох был сделан с облегчением: « Так им и надо», у других с сожалением: « Всё загубили свою жизнь, совсем молодые ребята»

Алексей Петрович Баженов – бригадир тракторной бригады, выступивший, сегодня, общественным защитником на суде / *в то время предусматривалась и такая, в принципе формальная, защита* / не удержался и высказал вслух своё мнение.

- Да, загубили парни свою жизнь, довели их безделье, хамство и пьянство до «весёлой» жизни, они давно к этому шли, вот и получили своё.

Володька Неведомский и Костя Кабанов были отъявленными хулиганами в селе.

Общественным защитником Алексей Петрович был делегирован сельским сходом, как руководитель и как человек способный хоть что – то сказать. А что можно было сказать в защиту бездельников и пьяниц, которые не только не уважали односельчан, но и с собственными родственниками

не считались. Он пытался, с большим трудом, подобрать хотя бы, какие-то подходящие слова, характеризующие положительно подзащитных, но так и не смог их найти. Скомкав речь, покраснел и, махнув рукой, сел, на стоящую сзади, лавку.

Услышав его слова, Неведомский, обозлённый тем, что Баженов не сумел найти хотя бы несколько слов в их защиту, а теперь ещё, как бы и поддерживает вынесенный судом приговор, из под лобья, окинув Баженова волчьим взглядом, прошипел себе под нос:

- Повезло тебе подлюка, тебя мы хотели пришибить, ошиблись малость!

- Заткнись! – толкнул его локтем в бок Костя.

Алексей Баженов на фронте был танкистом – механиком – водителем, так как до призыва в армию был трактористом, им и остался в танковых войсках. Что такое танк? Тот же трактор, только более тяжелый, да вооружен пушкой и пулемётом. Ремонтировать боевую машину приходилось в разных условиях; и в мастерских, когда танковая бригада выводилась в тыл фронта для пополнения, и в поле, либо в лесу между боями, а чаще всего приходилось оживлять двигатель или восстанавливать разрушенную ходовую часть прямо во время боя. Поэтому свою боевую машину Алексей Петрович знал и любил, как близкого родственника, и, если бы пришлось, мог с закрытыми глазами исправить любые неполадки, были бы только запасные части.

Вернувшись в 1946 году на родину в село Орловку, он, соскучившись по родным полям и лугам, не стал делать, казалось бы, положенную, измотанному войной человеку, длительную передышку, а уже на третий день пошёл оформляться в колхоз « Заветы Ильича», который находился тут же в Орловке. На фронте ему повезло, если можно так выразиться, в данном

случае, он был дважды ранен, но легко, один раз в руку, другой раз в плечо, однако кости остались целыми. Его с распростёртыми объятями приняли в тракторную бригаду трактористом. В бригаде было двенадцать тракторов: семь колёсных типа «Фордзон» и «Универсал» и пять гусеничных марки «НАТИ» и естественно двенадцать трактористов, включая теперь уже и Баженова, но состав их оставался пока ещё фронтовой, то есть состоял в основном из подростков 15 – 16 лет и женщин, на деревенском жаргоне «баб». Были, конечно, и мужики, три покалеченных / хромых / фронтовика. С первых же дней Алексей Петрович начал опекать измотанных непосильной работой в тылу ребяташек и женщин. Помогал проводить мелкие ремонты в поле, смазывать, заправлять топливом машины. И вообще, весь технический уход осуществлялся под его надзором.

Через несколько месяцев такой работы, правление колхоза, заметив старания и приносимую пользу, назначило Баженова бригадиром тракторной бригады, освободив при этом от должности Анатолия Галушкина, который любил командовать, а сам в механизации разбирался плохо и помощи от него, как говорится, было, как от козла молока. Галушкин принял трактор от Баженова, но при этом затаил на него обиду, считая, что главное в работе бригадира – хорошо поставленный командный голос.

По мере того, как отдалялись годы войны, жизнь в стране налаживалась, восстанавливалась тяжёлая промышленность, стали выпускать больше машин, тракторов и другой, так необходимой, в сельском хозяйстве, техники. Не обошли стороной эти улучшения и колхоз «Заветы Ильича», тракторов уже было больше двадцати, в основном гусеничные, колёсные трактора «Универсал» и «Фордзон», с тяжёлыми и трудноуправляемыми железными колёсами, заменили трактора на резиновом ходу «МТЗ – 6»

Изменился и состав трактористов, вернулись с фронта, задержавшиеся, по разным причинам, мужики. Те ребяташки, которые работали в войну, стали взрослыми парнями, и, отслужив в армии положенные три года, возвратились в колхоз. Женщин в бригаде не осталось. А так, как бригада увеличивала свой состав с каждым годом, бригадиру потребовался помощник. Алексей Петрович был миролюбивый мужик, и, зная, что Анатолий Галушкин держит на него обиду, упросил председателя вернуть его на руководящую должность, то есть взял к себе в помощники. Но Галушкин это растолковал по своему, придя домой, он с порога заявил своей жене Катерине:

- Вот Катька этот кулак недобитый, Баженов, пока были бабы да пацаны, командовал ими, а как в бригаде стали одни мужики он и присел, меня взял помощником. Он значить будет большие трудодни заколачивать и в ус не дуть, а я должен на двадцать пять процентов / таков был расклад заработной платы / получать меньше и тащить на себе бригаду.

Катерина завистливо поддержала мужа:

- И правда кулак, гребёт под себя обеими руками, да ещё и ртом прихватывает.

И действительно Баженов, вернувшись с фронта, пахал как заведённый механизм. Мало того, что он в колхозе был и бригадиром и механиком, так ещё заключал договор с соседними колхозами на обслуживание их тракторов. Тогда собственных мастерских в колхозах не было и технику, на ремонт, сгоняли со всех хозяйств района в МТС / машино – тракторные станции /. Ремонтировали технику весь зимний период. Вот этим – то и пользовался Баженов, осуществлял надзор за ремонтом своих тракторов и, не считаясь со временем, помогал соседям, естественно не безвозмездно.

За пятнадцать послевоенных лет он построил себе новый, большой дом, купил мотоцикл М – 72 за шестьсот рублей, в то время большие деньги.

Женился, увёл красавицу – девицу из соседнего села Анну Семёнову, оказавшуюся хозяйственной мастерицей, как говорится, на все руки, и дом и двор Баженовых ожили. Анна родила двух парней погодков, в которых Баженов души не чаял. Во дворе было полно скота, в огороде изобилие. В доме чистота и порядок, дополняемые различными занавесками с кружевами и вышивкой, вызывали зависть у некоторых деревенских баб, и мужиков. И вот учитывая всё это благополучие, сельские неудачники и пьяницы стали, «за спиной», называть Баженова «кулаком». И, как не странно это звучит, но кличку эту ему придумал родственник, внук его родного брата Александра Петровича, а значить и его, Алексея, сродный внук, Неведомский Владимир Каземирович.

Брат Баженова, Александр Петрович по характеру и по облику был прямой противоположностью Алексею. Не поворотливый, заросший разлохмаченной бородой кряжистый увалень. Даже по его, медвежьей, вразвалочку, походке, можно было определить то, что, в окружающем пространстве, Александра Петровича мало что интересует. К каким – то порывам в работе и жизни он не стремился. В колхозе числился бессменным разнорабочим - кто, куда пошлёт. Был старше Алексея на пятнадцать лет, но достойным жизненным опытом похвастаться не мог. И в селе его каждый, мал и стар, называли дед Санюха, хотя до старости, по своим годам, он ещё не дотянул.

Вместе со своей женой Агафьей, Александр нажил маленький домишко, да дочь Прасковью, отличающуюся несносным, неуживчивым, взрывным характером, вспыльчивость её вырывалась, как пар из котла, и, видимо, поэтому на селе её звали «Парунькой». Почти до тридцатилетнего возраста «Парунька» ходила в «девках», и, как видно, такая судьба ей была предначертана до скончания её века, но тут в деревне появился, сосланный в

Сибирь, поляк Казимир Неведомский. Как они сошлись, не суть важно, важно то, что Прасковья полюбила его всей душой, и он, казалось, ответил ей тем же. Поляк был принят в дом на правах сожителя, с твёрдой убеждённостью в том, что в скором времени Прасковья будет носить польскую фамилию. Через год родился сын названный Владимиром. Казимир щедро подарил ему фамилию и отчество, но узаконить брак с Прасковьей не спешил. И отбыв положенный срок ссылки, так же неожиданно исчез, как и появился. И тогда «Парунька» совсем потеряла контроль над своим характером и поведением. Напивалась, кидалась в драки, разговорная речь её сплошь была пронизана матами, благо, было у кого, поучиться. Нагуляла ещё, неизвестно от кого, дочь Лидку и, сбросив детей на Санюху и Агафью, она неделями пропадала в Лесозаводском посёлке, занимаясь там непотребными делами. Вот в таких условиях рождался деревенский хулиган Владимир Неведомский.

Но в этом месте следует вернуться к характеристике Александра Петровича – деда Санюхи. При всех его недостатках, одно дело он умел выполнять, как никто другой. В селе жители после войны, натерпевшись всякого ужаса и, в том числе голода, содержали очень большие огороды, где выращивали огромное количество овощей, и, особенно картофеля, на случай непредвиденных обстоятельств. Так вот эти огороды, не зря же они так называются, нужно было обнести надёжной оградой, защитив тем самым от бродячего скота и капитально пометив личную собственность. В деревне существовало, да видимо и сейчас существует, два вида надёжного ограждения. Это плетень и жердевой забор, в том и другом случае, для укрепления тальникового плетения, и для увязки жердей требовалось сначала заколотить в землю, накрепко, еловые либо осиновые колья.

Если читатель думает, что это пустяковое дело, то он сильно ошибается. Для того, чтобы колья забить накрепко, как говорили в деревне – «на смерть», нужно было несколько раз со всего маха попасть этим колом в одну и ту же лунку. Для лучшего пробивания земли, в неё наливали воды, которая при соприкосновении с несущимся в лунку колом, струёй вырывалась наружу, обдавая мастера грязью с ног до головы. А в жердевом заборе эти колья нужно было попарно заколотить на расстоянии друг от друга в десять – пятнадцать сантиметров, не поранив при этом руки. Так, что у неумелых мастеров и руки были в крови, и морды в грязи, да и заборы кривые и не прочные.

Так вот лучшим мастером – заборником в Орловке и был как раз Баженов Александр Петрович – дед Санюха. Когда он забивал колья, деревенские мужики собирались на просмотр его деятельности, как на хорошее кино. Да и было на что посмотреть, колья залетали в лунку за три удара «на смерть», попробуй его толкнуть трактором, так кол скорее переломится, чем наклонится в сторону. При этом грязь, выдавленная из лунки, ни одной каплей не задевая мастера, вылетала в нужном направлении. Кроме того можно было ещё не только насмотреться, но и послушаться. Взмахнув очередной раз колом, дед Санюха выдавал такую тираду матов, которую, при желании, и во всём районе не сыскать. Забив пару кольев, он закручивал самокрутку, и прежде чем затянутся табачком, опять выводил тираду непотребных слов, любясь ровно стоящей шеренгой кольев. При этом на лице его сияла детская улыбка, обозначающая полное удовлетворение проделанной работой.

Несмотря на разные жизненные позиции, отношения между братьями были достаточно уравновешенными и, даже, можно сказать, хорошими. Александра Петровича на фронт не взяли, медвежье плоскостопие не

позволило ему поучаствовать в защите своего Отечества. В деревне, из мужиков, остался он, да ещё несколько инвалидов, совсем уж никуда не годных. Обиженный на жизнь, за такой унижительный поворот в своей судьбе, дед Санюха решил все силы отдавать на благо колхозной и, просто, деревенской жизни. А так, как он управлять, по скудости своего ума, ничем не мог, то всю свою деятельность направил на укрепление колхозных и частных заборов, а так же на осуществление мелких ремонтов коровников и конюшен. Женщинам, мужья которых ушли на фронт, он помогал почти безвозмездно, за спасибо и скудный обед. И так за годы войны отточил искусство по восстановлению заборов, что равных ему в этом деле не было не только в своём районе, но и в соседних тоже.

Когда отгремели бои и вернулся с фронта Алексей, Александр радовался, как ребёнок. А когда тот снял шинель и, на груди его засияли два ордена и несколько медалей, дед Санюха от умиления и гордости прослезился.

Все в их отношении испортила дочь Прасковья, скорее даже не она, а её польский сынок, Володька Неведомский. Когда Алексей Петрович женился и приступил к строительству дома, естественно Александр начал ему помогать. Не безвозмездно, конечно, и брат и его жена Анна жалели его за такую затюканную жизнь, и всячески стараясь поддержать, давали ему и зерна, полученного в колхозе на трудодни, и денег, хотя деньгами колхозников в то время не баловали. А уж, чтобы накормить и напоить помощника, Анна старалась угодить изо всех своих поварских способностей. Она прекрасно готовила, после войны прошло уже более десяти лет, и в хозяйстве их было всё, из чего можно приготовить приличный обед, да и стопка водки всегда находилась. Поэтому дед Санюха с большим удовольствием спешил всегда к брату. И, конечно же, когда дом был

построен, о его ограждении и об ограждении отведённого под овощи участка, беспокоиться не пришлось – мастер был свой.

Оставалось загородить всего один пролёт в огороде брата Алексея. Но тут, вдруг взбеленилась «Парунька», появившаяся, неизвестно откуда:

- Сколько ты ещё будешь «мантулить» на этих господ, - орала на всю избушку она.

- Прасковья, поимей совесть, Алёшка мне всем помогает и зерном и мясом и деньгами, я от него больше получаю, чем от колхоза, - попытался вразумить он дочь.

- Давай, уж тогда, совсем перебирайся к нему в батраки, у нас в доме места больше будут.

- Твоему братцу самая подходящая кличка «Кулак», - вдруг неожиданно поддержал мать Володька, хотя матерью он Прасковью давно уже не считал, - вот скоро опять таких, как он, будут раскулачивать и тебя вместе с ними к стенке поставят.

Пока «Парунька» болталась где попало, её польский отпрыск достиг шестнадцати летнего возраста и определённых жизненных успехов, войдя в эту жизнь с чёрного хода. В селе была только начальная школа, учили до четвёртого класса, после её окончания нужно было переходить в школу посёлка Лесозаводского, находящегося в шести километрах от Орловки. Володька кое – как преодолел эти четыре класса, оставаясь в каждом из них на второй год. Знаниями он не блистал, да и не стремился к этому, зато мерзкими поступками заслужил к себе такое отношение, что его ненавидели в школе все: учителя, ученики и даже уборщица баба Надя. Поэтому когда Неведомский закончил, наконец, курс данного учреждения, все её обитатели почувствовали неудержимую радость, предположив, что лучшего праздника в их жизни больше не будет.

Переходить в какую – то поселковую школу Володька и не думал, болтался по деревне без дела, нанося урон местным огородам, погребам и даже собакам. И в процессе такой деятельности, приобрёл себе друга, такого же бездельника и мелкого пакостника, как и сам - Костю Кабанова, по кличке Кабан. Деятельность их была одинакова, но характер и подходы к этой деятельности разные.

Володька Неведомский был угрюмым, нелюдимым, с маленькими колючими глазками широкоплечий увалень. Повстречавшемуся с ним человеку, достаточно было только раз взглянуть в лицо отрока, как тут же возникала охота поскорее пройти мимо, и немедленно скрыться за первым же углом.

Костя Кабанов наоборот, был пареньком среднего роста, очень подвижным, с приятным, открытым лицом, на котором сияли большие, голубые глаза с задорной искоркой. И при встрече с ним многим хотелось остановиться и переброситься, хотя бы парой добрых слов. Но тот, кому удавалось это сделать, уже произнеся только одно слово, глядя в глаза Кости, тоже готов был быстро скрыться за тем же углом, так как задорная искорка, в этих глазах, пропадала, и на её месте возникали неприязнь и презрение к собеседнику.

Костя был хитрым, изворотливым негодяем, он быстро постиг туповатую злобную натуру Неведомского и, сойдясь с ним в товариществе, начал извлекать из этого выгоду. Все проделки придумывал он, а их исполнение, частично либо целиком, возлагал на широкие плечи и тупую голову Володьки. И, как выяснилось, после их знакомства, Костя тоже с неприязнью относился к Алексею Петровичу. Волею судьбы, новый дом Баженова оказался рядом с домом Кабановых, и своей статью резко подчёркивал особую убогость халупы соседей.

Когда Неведомский рассказал ему о том, что дед его батрачит у братца – «кулака», а он, Володька всячески пытается препятствовать этому, но ничего не получается, Костя на минуту наморщил лоб, как бы задумался, а затем озорно сверкнув глазами, выдал дельный совет:

- Ну, кореш, этот вопрос мы разрешим быстро. Надо обокрасть этого «кулака», а потом распусть слух по деревне, что сделал это ты. Баженов на тебя заявление не подаст, пожалеет своего брата Санюху, а после такого кандибобера деду твоему идти к этому «кулаку» будет неудобно. Вот и всех дел то на копейку ломанную.

- Во, и верно, быстро ты в этом деле разобрался, ну у тебя и башка! – скривил рожу в улыбке Неведомский, ни на минуту не подумав о чести своего деда, который одновременно заменял ему и отца, - а красть – то чё будем?

- погоди, не торопись – придумаем, может барана или овцу утащим, дождёмся подходящего случая.

И случай такой скоро подвернулся. Было лето, конец июня месяца, а в это время в Сибири созревает дикая клубника, и порой, она бывает в таком количестве, что ярко красные пригорки, в полях, видны за пятьсот метров. Миша и Коля, детишки Алексея и Анны, взяв ведёрко, двинулись за шесть километров, за речку Уду, за клубникой. Для этой процедуры они по возрасту были уже подходящие, одному десять – другому одиннадцать лет. Да и ходили не одни, а с другими деревенскими детьми, как говорится – ватагой.

Пролазив целый день на солнцепёке, уставшие, но довольные, к вечеру, еле передвигая ноги, пришли домой с полным ведёрком клубники. На второй день вокруг усадьбы Баженовых воздух благоухал невероятным ароматом клубничных паров. Это Анна Григорьевна варила на железной печи, установленной во дворе, клубничное варенье.

Воздуху не запретишь, он куда захочет, туда и двинется – вольный ветер. Долетел он и до соседского двора Кабановых. Выйдя во двор, Костя, уловив аромат, наострил, как говорится уши и нос по ветру. Но пока он это сделал просто так, безо всякого умысла, приятный запах и не больше того. Но ближе к вечеру, выйдя за ворота, он увидел Мишу и Колю, которые мирно играли у своего забора.

- Эй, пацаны, подойдите ко мне, - позвал их Костя.

Ребятишки слышали, что родители не лестно отзываються о соседском подростке, но он был старше их лет на семь, и пока ничего плохого им не сделал, отказать старшему причин не было.

- Чевой – то у вас там так хорошо пахло днём? – спросил Костя у подошедших ребятишек.

- А это мама сегодня клубничное варенье варила, - перебивая друг друга, радостно сообщили они, - мы вчера ягод набрали за Удой.

- Много наварила?

- Целую кастрюлю, - хвастливо заявили ребятишки.

- Видимо вкусное варенье – то, - продолжал расспрашивать Костя, пока ещё и сам не зная, к чему это он всё делает.

- Да мы не знаем, мама его в погреб пока поместила, до завтрашнего утра.

- Это ещё зачем?

- Она сказала, что после охлаждения в погребе, сироп будет густой и тягучий, тогда варенье будет готово, - выложили, ничего не подозревающие ребята.

- Ну ладно, дуйте домой, трескайте свои варенья, - махнул на них Кабан рукой и поспешил к своему приятелю.

- Володька, ты варенья любишь? – хитро прищурившись, огорошил, ничего не понимающего, приятеля Костя.

- Какие варенья, чего ты хреновину какую – то несёшь? – опешил тот.

- Ты у Баженова Алёшки когда ни будь дома был?

- Ну, был с дедом когда – то. А чо надо – то? – начал выходить из себя, ничего не понимающий, Неведомский, - чо, в гости к нему собрался что ли?

- В гости, только пойдём мы к нему вместе. Ты знаешь, где у него погреб расположен?

- А чо, надумал што ли чего? – наконец – то стали доходить до него приятельские намёки.

- Надумал. В погребе у Баженовых целая кастрюля варенья клубничного, ребятишки ягод нарвали. Завтра кинутся в погреб полакомиться, а там ни чего нет. Вот рёву – то будет, а «кулаку» такая обида, что уж хуже не придумаешь, а когда он узнает, что это сделал ты, то он твоего деда на пушечный выстрел к дому не подпустит.

- Здорово придумал, только одно плохо, ты Баженовскую собаку видел, наверное, рядом ведь живёшь, она телёнку за один укус голову отгрызёт.

- А погреб – то у него где?

- Под навесом.

- Ну, так зачем мы на кобеля грудью пойдём, навес выходит задней стеной в огород, сделаем подкоп.

- Подкоп!? У этого помещика всё сделано капитально, всю ночь надо землю лопатой копать, пока до погреба доберёшься, - безнадёжно махнул рукой Неведомский.

- Ты отомстить хочешь или нет? – разозлился затейник.

- Ну, хочу.

- Тогда какого хрена барина из себя строишь, с твоими ручищами, вырыт двух метровую яму, раз плюнуть. Упрём варенья, продадим бабке

Матрёне за самогон, она всё у деревенских охламонов скупает. Сразу двух зайцев завалим; и деда твоего от «кулака» отобьём, и погуляем на славу.

- Ну, ладно. Только почему это я один яму должен копать?

- Так это ж тебе надо, вот и рой. С меня и того хватит, что я всё придумал.

На другой день так и получилось: ребяташки ревели в голос, Костя с Володькой болтались по селу пьяные и как бы ненароком намекали встречным пацанам, как Неведомский ограбил погреб бригадира. Слух быстро разлетелся по селу, но претензии предъявить было не кому, мало ли, что детишки болтают.

- Володька, говорят, что ты у Алексея из погреба варенья спёр, - строго спросил дед Санюха.

- Ну, я – не моргнув и глазом, сознался тот.

- Что же ты, паразит наделал, как же я теперь брату в глаза глядеть буду? – сокрушался Александр Петрович.

- В какие глаза, ты больше туда не пойдёшь. Брата нашёл, кулак нищему не брат. Больше ты туда ни ногой, а если не успокоишься, я эту помещичью усадьбу подожгу.

- Сволочь ты поганая. Вырастил урода, на свою голову - только и мог пролепетать дед, зная характер внука: если сказал – точно подожжёт.

Но после этого случая, ходить к Алексею Петровичу не стал, сославшись на слабое здоровье.

Прошло три года. Дед Санюха сгорбился, борода его совсем разлохматилась, болела спина, а ещё больше сердце. Нужен был покой – да где его взять? Дочь Прасковья, вроде бы немного притихла, то ли постарела, а, может, поумнела, но скорее всего все силы её вымотал польский отпрыск – сыночек Владимир Казимирович, ей, а за одно и деду. За эти годы внучок

расхлябался совсем и, видимо, бесповоротно. Вместе с Костей несколько раз попадали в КПЗ за мелкое хулиганство. Как говорили в селе – « прописались они там». Были осуждены за кражу колхозного зерна, на полтора года каждый, наказание отбывали в лагере общего режима. Вернулись в Орловку и снова взялись за старое. Мало того, попытались установить в селе свои порядки, показать свою главенствующую роль среди деревенских парней, не согласных отлавливали по одному в тёмных углах и избивали. Но это длилось недолго, эти же парни, одумавшись, так «отходили» своих «предводителей», что тех только утром обнаружили у клуба, лежащих без памяти в лужах крови. Пролежав два месяца в больнице, они вроде бы притихли. Надолго ли?

Не стояла на месте и колхозная жизнь, развивалась своим чередом. Хозяйство богатело, увеличивалось производство продукции, вместе с тем и увеличивалась заработная плата. У колхозников она формировалась не так, как на производственных предприятиях, всё зависело от решения членов правления, и заработанных трудодней.

В большинстве хозяйств, правление принимало решение производить только натуральную оплату, то есть трудодни полностью оплачивались производимой в колхозе продукцией, чаще всего зерном.

В некоторых хозяйствах они оплачивались частично деньгами, но для этого нужно было продать часть производимой продукции, что представляло некоторые затруднения, поэтому чаще прибегали к оплате по первому принципу.

В колхозе «Путь Ильича» оплата труда производилась по второму принципу, колхозники получали аванс один раз в квартал, а полный расчёт производился в конце года, но в этом, шестидесятом, году с выдачей аванса не спешили.

И вдруг, в третьем квартале года было принято решение производить оплату в сельскохозяйственных предприятиях только деньгами.

Как раз подходила к концу уборка зерновых, давно закончились ремонтные работы в МТС. В конце сентября Алексея Петровича Баженова пригласил к себе в кабинет главный бухгалтер МТС Захар Михайлович Бобков, сначала выдавил, что – то подобие улыбки, потом насупив брови, перебирая бумажки на столе, сообщил:

- Ну, Алексей, ты теперь у нас богатым стал, я вот пересчитал положенные тебе за ремонтные работы в своём колхозе и, в колхозах, с которыми ты заключил договора, заработанные трудовые и помножил их на рубли, выделенные на каждый трудовой день. Сумма, я тебе скажу, приличная – больше трёх тысяч рублей выходит, да ещё около тысячи за бригадирство. - Бухгалтер поднял тяжелые брови и внимательно посмотрел в лицо Баженова, ожидая увидеть произведённый эффект от сказанного, но ничего необычного не увидел, - другие бригадиры и механики только третью часть от твоего заработка кое – как натянули.

- Другие бригадиры и механики отдыхали каждое воскресенье, и в пять часов вечера их уже в мастерских не было, а я работал до десяти каждый день и без выходных.

- Да нет, ты не подумай, что я тебе это в упрек ставлю, ты молодец, но работая, таким образом, ты долго не протянешь – здоровье надо беречь. Кроме того, знаешь, сколько у тебя будет завистников, и каждый постарается сунуть свою палку в твоё колесо. Поэтому на той неделе, когда будут выдавать зарплату, приходи не в кассу, а ко мне в кабинет, я тебе сам её выдам, и постарайся об этом никому не говорить, - полушепотом, словно боясь, что кто – то подслушивает, предложил бухгалтер.

- Спасибо, конечно, Захар Михайлович за заботу, но я таиться ни от кого не буду. Я эти деньги не украл, а заработал честно, пусть каждый знает:

хочешь хорошо жить – научись и работать так же хорошо, не считаясь со временем.

- Ну, смотри, дело твоё, - обиженно опустил глаза в стол Бобков.

Выйдя из кабинета главного бухгалтера, Алексей Петрович только сейчас осмыслил заработанную сумму: «Больше четырёх тысяч рублей, я в жизни своей никогда, не только не держал в руках таких денег, но даже не видел и не представляю их в таком количестве. А может и по тому, что нам впервые всю зарплату выдали деньгами. Ну да бог с ними; детям куплю велосипеды, Аннушку одену с ног до головы во всё новое, а там можно и на автомобиль накопить, - тряхнув головой, внутренне улыбнулся, - вот, дурак, размышлялся раньше времени, всё хватит, получу, там будет видно, что с ними делать»

«Шила в мешке не утаишь» - гласит пословица, и верно, уже через день все в Орловке знали, что впервые колхозники получают заработную плату деньгами, и больше всех бригадир - механик Баженов. Были, конечно, и завистники, но большинство жителей села, зная, как трудится Алексей Петрович, приняли такой расклад, как должное. Возможно бы, этому неожиданному обогащению бригадира придали большее значение, но получаемые впервые такие деньги, для каждого из колхозников, и так казались большими суммами. Им было не до Баженова, каждый представлял себе, как он получит на руки новые хрустящие купюры, и как после разумно и бережливо, продумав всё до мелочей, будет их тратить.

Однако так думали не все, были две тёмные личности, которые сами не заработав не рубля, завидовали всем. Сумма заработной платы Баженова ввела в завистливый шок этих подонков, копившаяся годами ненависть к этому человеку, вдруг хлынула через край их подлых душ и окончательно затмила разум.

Володька Неведомский развалившись в огороде дедовского дома, грел пузо на блёклом сентябрьском солнышке, гоняя в своей туповатой голове, какую то мысль, не дающую ему покоя. Вдруг калитка, ведущая в этот огород, резко распахнулась и чуть не слетела с прочных петель, пропуская стремительно несущуюся фигуру Кости Кабана.

- Ты слышал новость, - вылупив глаза и раздувая яростно щёки, зашёлся в истерике Кабан, - опять это кулацкое отродье больше всех, из этих драных колхозников, хапнул денег.

- Ну, слышал, вот видишь, лежу, думаю: Что же теперь делать? - наморщил узкий лоб Володька, - ты лучше бы, чем без пользы слюнями брызгаться, придумал, чего ни будь. У тебя котелок – то варит лучше моего.

- А, что тут придумаешь?

- Может кассу МТСовскую грабануть, пока зарплату не получили, - вдруг похотливо блеснул узкими глазками Неведомский.

- Кассу, ну это не так – то просто, там выставят такую охрану, какой у нас и в лагере не было. Столько денег – то в колхозной кассе впервые. А если даже и удастся утащить, с такими деньгами далеко не уйдёшь, менты нас быстро настигнут, а потом колхозники на куски порвут.

- Вот, чёрт, надо всё – таки что – то продумать, я с ума сойду, если этот гад получит такие деньги.

- Ты Неведомский не обижайся, с ума, чтобы сойти, надо его для начала иметь. Да и деньги, чтобы иметь, их сначала заработать надо.

- Ну, ты, умник, - сжав кулаки, двинулся Володька на Кабана, - тоже мне работяга нашелся, все руки в мозолях.

- Да подожди не прыгай ты, я не в том смысле, что надо в колхозе мантулить, а в том, что можно потрудиться один вечер, и денежки Баженова будут наши.

- Это как так?

- А вот так, зачем нам грабить кассу, давай – ка мы Алёшку грабанём, но так, чтобы он не догадался, кто это сделал, - и впервые за встречу на лице Кабана, засияла радостная улыбка, - надо это сделать ночью, а может вечером.

- Это как же так, что ж Баженов нас будет дожидаться до ночи на улице, отвернувшись в сторону, чтобы он нас не узнал, что ли?- недоверчиво забубнил Неведомский, - муть какая – то.

- Ну, придумай чего – ни будь по лучше. Ладно, ты пока варезку свою нигде не раскрывай, я всё продумаю, с кем надо переговорю, а там видно будет. Ну, давай, пока, не о чём не думай, а то башка лопнет.

Однако был и ещё один человек в Орловке, которому сумма заработной платы бригадира не давала покоя, и этим завистником являлся никто, иной, как его помощник Анатолий Галушкин:

- Вот, Катерина, где же справедливость? – Раздраженно махал он руками перед женой, - работаем вместе, я, так же как и Баженов, за бригадой присматриваю, часто остаюсь один, когда он в МТС уезжает, а зарплата у нас разная.

То, что эта зарплата, всё – таки, у него была выше, чем у трактористов, он в расчёт не брал.

- Так он вроде ещё и механик, - попыталась высказать здравую мысль Катерина, чтобы хоть как - то успокоить мужа.

- И ты туда же, мать твою... - совсем вышел из себя Галушкин, - механик, так пусть тогда идёт в МТС и не путается тут у меня под ногами, - он действительно чувствовал себя единоличным, полноправным хозяином, когда оставался наедине с собой.

- Ладно, ладно молчу, ты конечно прав, - пожалев о сказанном, приняла Катерина сторону мужа, - надо уж делать что – то одно; или быть бригадиром, или уж механиком.

- Вот, вот, - подхватил Галушкин, - он и меня заставляет в моторах рыться, мол, какой же ты помощник бригадира, если в технике не разбираешься. А мне это зачем, я прикажу трактористам, и пусть они роются в своих железках.

Вдруг во дворе громко залаяла собака, хозяева насторожённо притихли, ожидая, когда этот лай прекратится, но пёс лаял всё сильнее, и слышно было, как гремит о стенку натянутая цепь.

- Кого это там черти принесли, - заволновалась Катерина, - выйди, посмотри.

Галушкин, выйдя на крыльцо, поймал собаку за ошейник и, обернувшись к воротам, увидел Кабанова Костю, лицо которого расплылось в наигранной приветливой улыбке.

- Чего надо, что ты припёрся, на ночь глядя? – испытывая неприязнь к Кабану, как и все деревенские жители, грубо спросил Анатолий.

- Поговорить надо, дядя Толя, - погасив улыбку, твёрдо заявил Кабан.

- О чём мне с тобой разговаривать? На работу пришёл проситься, так я дома никого не принимаю.

- От работы кони дохнут. Я серьёзно, для твоей же пользы. Слышал, обидели тебя, так вот хочу оказать помощь в восстановлении справедливости. Ненавижу кулацкое отродье, да и тебе, знаю, оно поперек горла стоит.

Галушкин хотел сначала послать куда подальше, неожиданного посетителя, но тут давняя обида на Баженова, подогретая ещё и разницей в зарплате, пересилила здравый смысл происходящего.

- Ладно, проходи, но только не в дом, а в баню, там поговорим, - и, прикрутив по короче, собаку, Галушкин распахнул двери деревянной бани, пропуская перед собой Кабана.

- Ну, выкладывай, что тебе от меня – то надо? - сразу переступил к делу Галушкин, - хочешь, чтобы мы вместе кинулись на Баженова и отобрали у него деньги? Так он мужик здоровый, навалит нам обоим по самую репицу. А после нас в лагерь, тебе – то не привыкать, а мне это на хрен не нужно.

- Да нет, что ж ты меня совсем за дурака держишь, дядя Толя. Мы с приятелем без тебя справимся, по тихому, по башке дубинкой хрясь, и дело в шляпе. Денежки себе в карман, а этот кулак очнётся, а карманы пустые.

- Ну, так, а я то тут при чём, ко мне – то ты зачем припёрся.

- Пришёл, значить надо, мы же не днём это всё хотим провернуть, нужно, чтобы темно было. Вот ты в день выдачи зарплаты и придержи его до темна. Предложи выпить вместе, с радости он не откажется, приведи его домой к себе, угости, как следует, а попозже проводишь его за ворота. Живёт – то он на другой стороне речки, а мы его пьяненького у моста и встретим.

- Ну, ты Кабан расписал всё прямо, как в сказке, твоими устами, да мёд пить. Во первых; он ко мне не пойдёт. Во вторых; мне – то от этого, какая выгода? – взялся за ручку двери Галушкин, давая понять, что разговор окончен.

- Да, подожди ты, не спеши, - остановил его Кабан, - если всё пройдёт удачно – тысяча рублей твоя. Кроме того, мы твоему начальнику руки ломиком переломаем, какой после этого он бригадир, вот тебе и желанное место работы. А потом, ты теперь всё знаешь, если, что не так пойдёт, мы этим же ломиком можем и тебе руки переломать, а за одно и голову. Усёк?! – злобно сверкнув глазами, Кабан вплотную приблизился к хозяину.

- Да, теперь мне всё понятно, - отстраняясь, произнёс Галушкин, однако страха в его словах Кабан не уловил, - он и у меня поперёк горла давно стоит,

даже если вы его прихлопните совсем, я о том жалеть не буду. Постараюсь всё сделать, однако не всё от меня зависит, Баженов человек принципиальный и осторожный, его просто так бутылкой водки не заманишь.

- А ты постарайся дядя Толя, - почувствовав заинтересованность предложенным, в голосе собеседника, приободрился Кабан, - если ты сомневаешься в том, что я тебе не отдам тысячу, так ты теперь всё знаешь, если что заложишь нас. А Баженова постарайся задержать хотя бы часов до десяти вечера, в это время темно, в двух шагах ни черта не видно.

Дверь бани захлопнулась, собака зашлась в злобном лае, скрипнула калитка, и фигура Кабана растворилась в темноте.

- Кто приходил – то? - спросила Катерина, вошедшего в дом хозяина.

- Да так, один поселковый мужик, хотел пшеницы купить курам.

- Чевой – то он на ночь глядя?

- А кто их поймёт поселковых – то, им что день, что ночь, всё равно, восемь часов отработал на своём заводе, а после делать не чего, вот они и болтаются туда - сюда, не соблюдая времени.

И вот, наконец – то, через неделю, наступил долгожданный день выдачи заработной платы. Механизаторов решено было организованно доставить к кассе МТС на грузовой машине, после обеда. В этот же день в колхозе заканчивалась уборочная страда, оставалось убрать полосу пшеницы в несколько гектаров. И надо же было такому случиться, перед обедом сломался комбайн, который добивал эту злосчастную полосу. Механизаторы заволновались :

- Пока провозимся, кассу в МТС закроют, - слышались недовольные голоса.

- Ладно, Анатолий Степанович, ты вези механизаторов в кассу, - дал распоряжение своему помощнику Баженов, - а мы с комбайнером наладим комбайн, добьём этот клинышек, а зарплату завтра получим.

Механизаторы быстро заполнили кузов автомобиля, и он, подняв облако пыли, исчез за берёзовой рощицей.

- Ну, всё Алексей Петрович, – подскочил запыхавшийся помощник, - механизаторов я отправил.

- А сам – то, что же не уехал?

- Да я здесь на мотоцикле с коляской, как раз на троих места хватит, быстрее сделаем вместе комбайн, закончим уборку и в МТС, - бодро заявил помощник, - как раз к концу рабочего дня приедем, в очереди болтаться не будем.

« Что это с ним случилось, - удивлённо подумал Баженов, - то его к технике на вожжах не затянешь, а тут прямо рвётся, не удержишь»

« Всё идёт, как надо, - думал в свою очередь Галушкин, - пока провозимся, времени много убьём. В кассу попадём к вечеру, а там и до темна не далеко»

Так и случилось, в МТС приехали уже в сумерки. К кассе стояли ещё несколько человек. Баженов скромно встал в конец очереди, Галушкин же наоборот, решил показать всем, кто тут хозяин, оттеснил вперёдстоящего механизатора и деньги получил без очереди. Зная его заносчивый характер, механизаторы промолчали, ничего не сказал и Баженов, он как – то, вдруг у кассы растерялся, почувствовал себя не уютно, а когда увидел огромную кипу денег в руках своего помощника, вовсе сник.

« А мне выдадут ещё больше, - размышлял он, - куда же я их дену, в карманы не влезут - за пазуху, неудобно, я же не один, стыдно перед подчинёнными деньгами трясти»

Увидев, что Галушкин куда – то исчез, Алексей Петрович быстро прошёл в кабинет главного бухгалтера, к счастью он находился ещё на месте.

- Можно войти? – приоткрыв дверь, спросил Баженов.

- Заходи, - с ещё не прошедшей обидой в голосе, пригласил Бобков, - чего надо, обсчитал я тебя что ли?

- Захар Михайлович, ты прости меня, не прав я был, - виновато потупил взор бригадир, - пожалуйста, возьми мою зарплату из кассы в свой сейф, а я завтра приеду, получу её.

- Что так, теперь уже поздно чего ни будь скрывать, у нас, если в бухгалтерии узнали что, весь колхоз через два часа будет всё знать.

- Да ни в этом дело, не хочу я перед механизаторами своими деньгами трясти, я с ними на мотоцикле приехал.

- Ладно, заберу, так и быть, с тебя магарыч, - оттаяв от обиды, пошутил Бобков.

- Спасибо, бутылка с меня, - облегчённо выдохнул Баженов и вышел на крыльцо конторы.

На улице быстро сгущались сумерки. Со стороны магазина показался Галушкин, в руках его поблёскивали, на свету конторской лампочки, две бутылки водки.

- Ну, что Алексей Петрович, получил деньги?

- Получил, - отмахнулся Баженов.

« Куда же он их положил, - напряжённо думал помощник, - карманы не отдуваются, за пазухой тоже не заметно. Наверное, Анна ему внутри штанов карманы нашла. Вот гад, капитально подготовился, умеет с деньгами обращаться »

- Ну что Анатолий Степанович, пора домой возвращаться. А где Зайцев, который с нами приехал?

- Я его с механизаторами на машине отправил. Что мы с ним будем нянчиться, - ответил Галушкин и, преодолев, вдруг нахлынувшее волнение, предложил, - Алексей Петрович, поедem ко мне в дом, поговорим по человечески, а то между нами какие – то всё недомолвки. Ты выскажешь все претензии, какие накопились, ко мне, я выскажу своё, нам ведь и дальше придётся вместе работать.

« Откажется, - подумал Галушкин, - он хоть и взял меня в помощники, но я уверен, презирает меня и мои методы работы»

- Ладно, - вдруг неожиданно согласился Баженов, - у меня, кстати, тоже есть, что тебе сказать.

К дому Галушкиных подъехали уже в полной темноте.

« Всё идёт, как надо», - ликовал в душе Анатолий Степанович.

Прошли в дом, Баженов обратил внимание, что на столе стояли деревенские овощные и мясные разносолы, значить Галушкин заранее предупредил Катерину о том, что у них будут гости.

- Проходите, проходите, Алексей Петрович, - сразу же захлопотала она, - присаживайтесь к столу, наверное, голодные, целый день ничего не ели. Анатолий угощай гостя.

Галушкин умело выбил пробку из бутылки, ударом ладони под дно, налил по полному гранёному стакану:

- Ну, давай Алексей Петрович, за окончание уборочной компании, за заработную плату, за нашу встречу в моём доме, ты ж у меня первый раз в гостях, - поднял стакан хозяин.

Выпили, оба крякнули в кулак, стали с аппетитом закусывать, то ли от того, что действительно ничего почти не ели целый день, то ли от усталости, но выпитая водка с ходу ударила по мозгам, наступила полная расслабленность мускулатуры, развязался язык.

- Ты Петрович не обижайся, я давно хотел с тобой поговорить, - начал Галушкин, - я знаю, что ты меня презираешь за то, что я плохо разбираюсь в технике. А я думаю, что бригадиру это не нужно. Вот в армии командир командует, солдаты исполняют, он же не может во всех видах оружия разбираться, я думаю и тут также, дал команду и пусть подчинённые выполняют.

- Не согласен с тобой Анатолий, ты молодой, на фронте не был, а я всю войну на танках до самого Берлина прошёл. На войне, да, хороший командир ценится тем, что заранее может определить правильную тактику боя, занять наиболее выгодную позицию и, выбрав слабое место у противника, направить туда главный удар. Это приведёт к неременному успеху и сохранению жизни многим солдатам. Но он обязан, кроме того требовать от солдат безупречного владения вверенным ему оружием. А чтобы требовать нужно и самому неплохо знать материальную часть его.

- Тут же не война, - пошёл на попятную Галушкин, - что с того умею я отрегулировать клапана двигателя или нет. Моё дело проследить, чтобы во время была вспахана и засеяна земля, и чтобы все работали как надо, а если что не так, всыплю по самую репицу, чтобы неповадно было.

- Подожди, - остановил он, хотевшего возразить Баженова, - давай мы ещё по одной выпьем.

Выпили, закусили, опьянение от первого выпитого стакана отступило, голова просветлела, мускулы налились нахлынувшей силой.

- Да тут не война, - продолжил Баженов, - поэтому орать на трактористов и выискивать их промахи, я тебе не советую. Ты видел хотя бы раз, чтобы я на кого – то орал. Или чтобы кто – то мне возразил, когда я им выдаю задание.

- Нет, не видел, - подтвердил Анатолий, - это видно по тому, что ты на фронте был. Они тебя за это уважают.

- Наверное, и за это, но я думаю за то, что я любую неисправность в моторе улавливаю на слух и любому трактористу помогу её быстро устранить. А они свою технику любят беззаветно и видят, что и я люблю не отдельный какой – то трактор, а все, то есть тракторист для всех тракторов. И если бы случилось пойти в бой, они бы не раздумывая пошли за мной. А если бы я орал на них, так же как ты, они бы в самый ответственный момент, меня обязательно подвели, умышленно.

- Видишь, как ты всё повернул, - обиженно засопел Галушкин, и вдруг его прорвало - конечно, таких механиков, как ты нет во всём районе, а ты и воспользовался этим, на меня бригаду свалил, а сам всем колхозам помогаешь, видишь, какую зарплату отхватил...

- Вот ты, как оказывается, обо мне думаешь. А то, что я это делаю зимой, когда все трактора и нашего колхоза и других стоят в МТС, на ремонте. Что же я на тебя свалил, когда я целыми днями там и в выходные даже.

- Ладно, я ляпнул не подумав, - отступился Галушкин, - давай ещё по одной выпьем, - ты же мне что – то хотел сказать.

- Да я уж и не знаю, говорить ли мне после такого или нет. Да и выпивать, наверное, хватит, завтра комбайны в МТС на ремонт гнать надо.

- Ладно, Петрович, прости, с языка сорвалось.

- Видимо долго на языке висело, - съязвил Баженов, - ладно давай ещё по сто грамм, да будем завязывать. А сказать я тебе вот, что хотел; уйду я из колхоза в МТС механиком, вчера директор МТС приезжал ко мне, ужу всё согласовано с райкомом партии. А бригадиром хочу рекомендовать тебя, но с одним условием, что ты у меня научишься разбираться в технике. Я тебя уже заставлял в моторах рыться, ты брезгливо к этому отнёсся. Так вот, я слово дал, что тебя обучу и не отступлюсь.

- Петрович, да я, я всё, что ты скажешь... - засиял, как медный пятак
Галушкин, - давай за это и выпьем.

После очередной рюмки и услышанных слов, Галушкин совсем осмелел, а может быть и обнаглел.

- Алексей Петрович, а ты деньги- то куда дел?

- Какие деньги?

- Ну, зарплату, за которой ездили сегодня.

- Ах, эти, да я не стал получать, побоялся, что карман оторвётся, - отшутился Бригадир.

« Вот те раз, - вошёл в ступор Галушкин, - денег нет, бригадиром я и так стану, без этих выродков. А они, чего доброго, убьют Баженова, пропало моё бригадирство. А ещё хуже, за связь с ними, и в лагерь недолго загреметь. Ну, уж нет, ну их к дьяволу»

- Ладно, Анатолий Степанович, поговорили, пора и честь знать. Спасибо вам за ужин. Ты не обижайся, я тебе всю правду - матку выложил.

- Да нет, я не в обиде, спасибо, что ты, всё - таки, меня за человека считаешь. Знаешь Петрович, ты через мост не ходи, тут вот, помнишь, плотина была, иди по ней, тебе в два раза дорога короче будет.

- Плотину – то эту ещё в прошлом году прорвало, - вспомнил бригадир, - там дощечка лежит, я с неё в речку и так могу упасть, а пьяным тем более.

- Ничего я тебя провожу, вот возьму сейчас фонарь, и пойдём потихоньку.

Дощечки не было, кто – то сделал хороший настил, и переправа прошла удачно.

« Господи, спасибо тебе», - бормотал Анатолий Степанович, неуверенно шагая по тропинке к своему дому, опьянение начинало одерживать верх над крепким организмом помощника бригадира.

Фёдор Иванович Черных, путевой обходчик, пятидесяти пяти летний, крепкого телосложения мужик, жил со своей «старухой», как он называл свою вторую половину, в железнодорожном домике у переезда Заподно – Сибирской магистрали. Переезд этот находился между двумя пунктами сельскохозяйственного назначения, как раз посредине. В одной стороне через полтора километра располагалась МТС Лесозаводского посёлка, в другой ровно на таком же расстоянии колхоз «Заветы Ильича» села Орловки. Переездом этим пользовались в основном колхозники, когда перегоняли трактора и комбайны на ремонт в МТС и забирали обратно. Поэтому все друзья и знакомые Фёдора Ивановича, естественно жили в этой деревне.

К одиночеству Фёдор и его жена Полина привыкли давно, вот уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как вернувшись с войны, Черных не имея определённой профессии, устроился путевым обходчиком на железнодорожный участок между посёлком Лесозаводским и городом Шахтёрским. Жильё, предложенное ему, находилось как раз на этом переезде - нет разницы, с какого места участка начинать обход.

Домик оказался двух квартирный. Через стенку жила одинокая женщина Полина, работница переезда, в обязанности которой входил своевременный подъём шлагбаума перед гужевым, колёсным и гусеничным транспортом, направляющимся в МТС и обратно, с соблюдением техники безопасности. Одиночество Фёдора Ивановича продолжалось не долго, через две недели, пропустив стаканчик водки, для храбрости, сосед предстал пред карими очами Полины Васильевны, с предложением объединения разной жилой площади в одну, путём прорубания двери, в разъединяющей их стене. На что, немного поломавшись, для приличия, измученная одиночеством, та согласилась.

Фёдор Иванович, человек был ответственный, за состоянием железнодорожного полотна на своём участке следил зорко и неустанно, закинув на плечо необходимые приборы, в виде измерительной штанги и специального молотка, он с утра до позднего вечера объезжал пути, используя для дальних обследований ручную дрезину.

/ В данном месте следует обратить внимание на железнодорожный молоток; это довольно тяжёлое орудие с длинной ручкой, с одной стороны представляющее собой большую кувалду, для забивания металлических клиньев в шпалы, с другой стороны крупные зубья выдержки, для извлечения этих же клиньев из шпал./

Но была одна червоточина в, почти, безупречной личности Фёдора Черных – он любил выпить водочки, и не просто выпить, а до такой степени, что если в его организм попадало хотя бы сто граммов этой гадости, он надирался до основания, правда, на второй день болел страшно, но о похмелье никогда не думал. Случалось это редко, но случалось.

И вот в этот, злополучный день, вернувшись с обхода уже в сумерки, Черных услышал сигнал автомобиля, и голоса нескольких человек, требовавших открыть переезд. Выйдя на улицу, увидел знакомых колхозников возвращавшихся из МТС в Орловку, в кузове грузовика. Острым оком, скорее нюхом, обходчик сразу определил, что пассажиры грузовика навеселе.

/ Не нужно сразу обвинять колхозников в пьянстве, два раза в год это считалось нормальным явлением; после окончания посевной и уборки урожая. В некоторых колхозах председатели устраивали организованное застолье, по окончании этих работ./

- О, Фёдор Иванович, привет, - загалдели сразу несколько голосов, - иди дружок, выпей с нами, у нас сегодня радость, уборочную завершили, да ещё зарплату деньгами выдали.

Как тут отказаться, эти люди за двадцать лет жизни, на переезде, стали ему родными, других – то он и не встречал. Пропустил пару стаканчиков горькой, открыл шлагбаум, прощально махнул рукой, в след уходящему грузовику. Вернулся в дом, прилёг на кровать. И тут засвербила проклятая червоточина:

« Мало, надо ещё, надо ещё...»

« А где взять – полыхнули хмельные мозги, - что же я, дурак, не поехал с колхозниками в деревню. Они сейчас пойдут к бабке Матрёне, у неё всегда собираются, когда надо выпить. Всё, пойду и я в деревню»

Встал, накинул плащ и к двери...

- Федя, ты куда, - всполошилась Полина Васильевна.

- Пойду, обход сделаю, что – то мне показалось, что не далеко от переезда, рельсы разошлись.

- Какой ночью обход, - почуяв не ладное и, уловив запах перегара, попыталась остановить мужа она, - куда ты, неравен час, по макушке кто ни будь, настучит.

- Пусть попробует, - вскинув на плечо железнодорожный молоток, отмахнулся Фёдор и, хлопнув дверью, скрылся в темноте.

Шагал быстро, уверенно, желание добавить бодрящей, веселящей жидкости, тянуло его с необычайной силой, навстречу с непредвиденным...

Вот и первая улица Орловки.

« Ну вот, ещё две сотни метров и мост, его перемахну, а там, на взгорке дом бабки Матрёны, а в нём знакомые, друзья...» Черных остановился, достал сигарету, чиркнул трофейной немецкой зажигалкой, поправил на плече молоток, взглянул на часы, тоже трофейные: « Умеет немчура вещи хорошие делать» - мелькнуло в голове. Было ровно десять часов вечера.

Речушка Баланда была не широкой и скорее напоминала большой ручей, но берега её были болотистые и поэтому деревянный мост, связывающий два берега, был достаточно длинным. Первые сваи стояли на сухом месте, под ними – то и расположились два варнака в ожидании своей жертвы.

- Прохладно становится, - съёжился Неведомский, - давай по стаканчику самогона пропустим.

Выпили по стакану первача, заранее купленного у той же бабки Матрёны, закурили.

- Что – то долго никого нет, - нетерпеливо задёргался Неведомский, - этот Галушкин может нас подвести, а потом ещё и Баженову всё расскажет.

- Заткнись, - осадил его Кабан, - рано ещё, мы договорились на десять часов. Я думаю, Галушкин всё сделает, как надо, он сам ненавидит этого кулака, да и трусливый, словно заяц, я его припугнул, как следует.

Замерли. В вечернем воздухе повисла прохладная тишина, и лишь, очень осторожно, журчала речушка, перекатываясь через камушки. Вдруг со стороны железнодорожного переезда послышался тяжёлый стук каблуков, как раз со стороны улицы, откуда и ожидали появление Баженова.

- Вот видишь, - зашептал Кабан, передавая обрезок трубы Неведомскому - Галушкин сделал всё, как надо. Сейчас давай присядем в кювет, как поравняется, ты первый выскакивай и сразу по башке этой трубой, только не очень – то старайся, а то убьёшь совсем, после, как свалится, пройдишь этим обрезком по рукам и ногам, пусть потом хромает на все четыре лапы.

- А чего это всё я, да я, - злобно в ответ зашипел Неведомский, - а ты то, что будешь делать, деньги хапать?

В это время шаги вдруг неожиданно стихли. Метрах в двухстах, еле различимый сгусток темноты остановился, вспыхнуло пламя не то спички, не то зажигалки. Высветилось неопределённое лицо закуривающего человека.

- Баженов вроде же не курит, - засомневался Неведомский.

- Чего с радости не сделаешь, отхватил деньжат, теперь сыт, пьян и нос в табаке – попытался развеять сомнения Кабан.

Человек поднёс пламя к руке, видимо смотрел на часы.

- Во, гад, - возмущённо зашипел Кабан, - да он однако с топором идёт. Не уже ли Галушкин нас предал. Слушай Володька, ты уж тогда приложись, как следует, а не то он из нас фарш наделает.

Человек докурил папиросу, окурок, рассыпая искры, упал на дорогу. Послышался стук приближающихся шагов, вот уже начал определяться в темноте силуэт быстро идущего человека.

- Ну, всё, ну, всё, - лихорадочно шептал Неведомский, то ли от ярости, то ли от страха.

- Этот чувак сейчас промахнётся, - почувствовав волнение, овладевшее приятелем, подумал Кабан и, пошарив в кювете, подобрал увесистый камень.

Неведомский, как зверь, кинулся на поровнявшегося с ними человека, труба, описав в ночном пространстве дугу, опустилась на место предполагаемой головы, но попала, как раз в молот, расположенный на плече железнодорожника, послышался звон металла. Человек ойкнул и обеими руками схватился за ручку молота.

- Ах, мать твою..., пере мать, - взревел Фёдор Иванович, и, размахнувшись, со всей силы саданул молотом в набегавшую фигуру.

- Промахнулся, сволочь, - мелькнуло в голове Кабана, и он, сжимая камень, кинулся на помощь. Удар молота пришёлся ему в голову, в ухо, но вскользь. Кабан вскрикнул, выронил камень и свалился в кювет. Кровь

заливала лицо, схватившись за ухо, он понял, что с этим предметом своего тела пришлось расстаться, ухо болталось само по себе, отдельно от головы.

Кабан, снова приложив все усилия, размахнулся трубой и опустил её уже на голову соперника, одновременно почувствовал, что тяжелый молот, прилетел ему в бок, с хрустом перемалывая рёбра. Человек, получив сокрушительный удар трубой по голове, обмяк и начал опускаться на дорогу. Неведомский перехватил ручку топора или молота, ему это было неизвестно, и начал беспорядочно опускать его на тело поверженного человек.

- Хватит, - схватил его за руки, выползший из кювета Кабан.

Неведомский нехотя выпустил из рук ручку молота и, тяжело дыша, схватился за бок.

- Этот гад мне все рёбра переломал, - в пылу борьбы он боли не замечал, а сейчас она душила его не давая глубоко вздохнуть.

- А я без уха остался, - обвязывая голову порванной рубахой, жалобно подхватил Кабан.

Закурили, успокаивая разыгравшуюся, в пылу борьбы, ярость. В предчувствии крупного куша, подонки не испытывали никакого сожаления о содеянном.

- Ладно, посвети, деньги нужно забрать, - наклонился над трупом Кабан.

Неведомский чиркнул спичкой и опустился рядом с приятелем на колени. Лицо покойного было изуродовано до основания, и узнать его, при таком освещении, было невозможно. Кабан расстегнул плащ и откинул полы, сверкнули оловянные пуговицы железнодорожной формы.

- Кто это? - воскликнул растерянно Кабан, - кого это мы завалили? Нагребли деньжат! Ни за что мужик пострадал!

- Я тебе говорил, что Баженов не курит, а ты «...сыт и пьян, и нос в табаке...», вот тебе и нос. А где же тогда эта сволочь, видимо Галушкин

проколотся. Но всё Кабан не миновать нам с тобой тюряги. Чо делать то будем?

- А что нам остаётся делать, пойдём к бабке Матрёне, врежем самогоночки, и будем зализывать раны, а там видно будет, - невозмутимо провозгласил Кабан.

Неведомский обшарил карманы покойного, забрав зажигалку и сняв часы, сунул их себе в карман. Варнаки встали и, постанывая от боли, двинулись в сторону дома бабки Матрёны.

- Ну, всё, мужики, погуляли, хватит, завтра комбайны в МТС гнать надо, - перебивая пьяный гвалт, поднялся над столом комбайнер Зайцев – с утра их перемоем, хмель как раз из головы выветриться. Давайте, давайте, бабке отдыхать нужно.

Механизаторы неохотно стали вылезать из - за стола, направляясь к двери, но вдруг она распахнулась, и на пороге возникли две окровавленные, потрёпанные фигуры.

О, Неведомский, Кабанов, - воскликнул Зайцев, идущий первым к выходу, - опять где – то напакостили. Кто это вас так?

- Да мы тут вот, с проезжающими малость повздорили, - не уверенно начал оправдываться Неведомский, и попятился в дверь, в след за Кабаном, который незаметно выскользнул на крыльцо.

- Ну, ка ребята держите их, - приказал товарищам Зайцев, он в отсутствии руководства считался в коллективе старшим, - тут, что – то не чисто, эти подлецы опять, наверное, молодых парней избили.

Механизаторы быстро набросились на пришельцев, куда девался хмель, скрутили их.

- Вы их не выпускайте,- распорядился Зайцев, - я пойду к председателю сельского Совета, у него телефон, будем вызывать милицию.

Милиция из района приехала быстро, их путь лежал через этот злополучный мост, другого не было, поэтому, в свете фар, труп Фёдора Ивановича был обнаружен сразу. В кювете нашли фуражку, принадлежащую Кабану, получив по голове молотом, он забыл о её существовании. В карманах Неведомского обнаружили часы и зажигалку железнодорожника, которые опознала его жена Полина Васильевна.

Прокурор просил осудить преступников на пятнадцать лет строгого режима, но суд приговор снизил на три года, учитывая то, что орудие убийства принадлежало железнодорожнику Черных Фёдору Ивановичу и, защищаясь, он всё - таки сумел покалечить своих убийц.

События 1959 – 1960 годов.

СТИХИ.

Я так спешил от жизни не отстать,
Бежал, подставив грудь большому ветру,
Но начал незаметно уставать,
И всё трудней даются километры.
Присесть бы мне и малость отдохнуть,
В раздумье, словно в дрему погружаясь,
Но дорог был до боли этот путь,
Встряхнусь, шагаю снова ускоряясь.
Идти стараюсь, не жалея сил.
И снова с ветром я готов тягаться,
А вдруг бы он меня остановил...
Заставил на беспутьях потеряться.

Футбольный мяч.

Я устал, меня пинают,
По полю стремглав гоняют,
Головой, ногами бьют,
Передышки не дают.
Двадцать молодых парней
Мчатся в поле, кто быстрее,

Норовят меня догнать,
Друг у друга отобрать.
Если кто-то изловчится,
К воротам со мною мчится,
Перед ним качусь по полю,
Он меня ногами гонит.
Вот ворота, что есть сил
Бутсу в бок он мне вонзил,
Свист стоит, лечу вперед,
Тут вратарь меня берет.
Чаще же иной игрок
В штангу бьет иль вовсе в бок
На трибунах что есть силы
Все кричат ему: «Мазила!»
Иногда лечу я в сетку,
Знать, игрок попался меткий,
Стадион тогда ревет,
С ног на голову встает.
Хвалят игроков, ругают,
Про меня не вспоминают,
Я ж мечтаю хоть чуть-чуть
В перерыве отдохнуть.

Пчелка.

Луч солнца пчелку разбудил,
На пчельник заглянул,
Сияньем улей озарил,
Затем в леток шагнул.
Навстречу солнышку пчела
С жужжаньем поднялась,
Она давно его ждала,
Чтоб поработать всласть.
Через поля, через леса
Летит скорей на луг,
Там чудотворная краса
Представилась вокруг.
Цветов прекраснейших ковер,
Возник вдруг перед ней.
Любимый для пчелы простор,
Нет ничего ценней.
Здесь наберет она нектар
И в улей унесет,
А в сотах этот божий дар
Вмиг превратится в мёд.

Пчелиный рой.

Тесно пчелкам в улье
Летним жарким днем,
Крыльями взмахнули
«Мы сейчас уйдем,
Улетим скорее
В голубую даль
Пока солнце греет,
Улья нам не жаль.
Пусть в нем проживает
Новая семья,
Мы же улетаем
В дальние края»
Вырвался на волю,
Закружился рой,
Гул над головою
Страшною волной.
Перед тем, как пчелам
Взвиться, упорхнуть,
Роем к частоколу
Сели отдохнуть.
Пасечник умелый
Тихо подошел,
Пчел в роевню смело
Щёткою замел.
Посадил их в улей
Под большим кустом,

Радостно вздохнули:

«Здравствуй новый дом!»

И лететь не нужно

В дальние края,

Разместилась дружно

Крепкая семья.

Осень.

Осень по дорожкам листья разбросала,

Солнце вроде светит, а тепла не стало.

По утрам туманным птички жмутся зябко,

Изморозь на грядках разгребают лапкой,

Чем бы поживиться ищут неустанно,

Улетать им скоро в голубые страны.

Надо же набраться силы на дорогу,

А иначе птахи долететь не смогут.

Ручеек в овраге ночью льдом покрылся,

Ёрш колючий в тине тихо притаился,

Удивленно смотрит, как же так случилось,

Над водою ночью льдинка появилось.

Не удастся больше, мошкой поживится,

В поисках добычи нужно в тине рыться.

Я шагаю в школу, прячу нос от ветра,

С грустью вспоминаю золотое лето.

Бородатый дворник листья собирает

И ворчит на ветер, он ему мешает.

Светофор.

Детям на заметку несколько советов,
Помните об этом и зимой, и летом:
Чтобы безопасно перейти дорогу,
Светофор трехглазый сделан вам в подмогу.
Если свет зеленый – можно идти смело,
Лучше по разметке, сделанной умело,
Поперек дороги полосы мелькают,
Их простые люди «зеброй» называют.
Если же свет желтый следом загорелся,
Он предупреждает: нужно оглядеться
И без промедленья уходить с дороги,
Побегут машины – уносите ноги.
Красный свет зажегся – стой на тротуаре,
Пусть машины мчатся в газовом угаре.
Если вы боитесь перейти дорогу,
Попросите взрослых, они вам помогут!

О погоде.

МЧС сообщило срочно:

«Ночью будет ливень точно

И возможен ветер сильный»

Передали на мобильный.

Небо не дождалось ночи

Разразилось, что есть мочи.

Оно градом и дождем,

Молнию сменяет гром.

По селу несутся реки,

По колено человеку.

Всё, сметая на пути,

Не проехать, не пройти.

Да и в городе не лучше

Затянуло черной тучей,

Льёт потоком проливным

По кварталам городским.

Понимаем: у природы

Нет для нас плохой погоды,

Всё же радостней бы стало

Если б солнце засияло.

Старая мельница.

В уснувшей заводи, под кронами листвы,
Старушка мельница тихонько притаилась,
Не нарушая больше водной синевы,
Застыло колесо, зеленым мхом покрылось.

Заброшенный всем миром уголок,
Давно уж человек не посещает,
Лишь времени стремительный поток
С щемящей грустью мимо пролетает.

Таинственно – загадочное место,
Существ волшебных тихая обитель.
Теперь оно лишь лешему известно,
В таких местах он частый посетитель.

Гильотина.

На площади в Париже гильотина,
Палач красуется, вокруг зевак лавина.
Конвойные преступников ведут,
Здесь принародно состоится суд.
Вот прокурора пламенная речь:
«На лобном месте голову отсечь!»

Ревет от удовольствия толпа,
Палач рукой поправил свой колпак.
А вот и новый судный приговор.
Удобно. Гильотина - не топор.
И снова под ножами голова,
Владельцу двадцать стукнуло едва.
Сочувственно затихли люди вдруг,
Ни звука – тишина стоит вокруг.
И в этой тишине раздался плач,
От неожиданности вздрогнул сам палач,
Все взоры устремились на тот звук,
Палач неловко прячет свой испуг,
В слезах предстал их взору дворянин,
Все ликовали, плакал он один.
Потупил голову и медленно ушёл...
Он эту гильотину изобрёл.

Руки матери.

Я помню руки матери моей.
Так часто в детстве я их целовал.
И вечером в мерцании свечей,
Уткнувшись в них, спокойно засыпал.

Я чувствовал, как бережно, с любовью,

Мать нежно гладит голову мою.
И низко наклонившись надо мною,
Поет тихонько: «баюшки – баю».

А иногда, когда тоска догонит,
Она к груди своей меня прижмет
И незаметно краешком ладони
Слезу с ресниц густых своих стряхнет.

Я чувствовал, рука ее слабеет,
А почему – не мог никак понять.
Но в этот миг до боли мне хотелось,
Чтоб не грустила больше моя мать.

И чтобы горе промелькнуло тенью,
И слабости рукам тем не знать.
Я перед нею встану на колени
И буду эти руки целовать.

Хлеб.

По четвергам я просыпался рано,
Хлеб матушка в тот день всегда пекла,
Круглые булки с корочкой румяной
На лавке красовались у стола.
Та выпечка на славу получилась,
Взор в угол устремив на образа,

Мать трижды от души перекрестилась,
Сияли счастьем её добрые глаза.
А хлебный дух мне не давал покоя,
Заметив, что давно уже не сплю,
Легонько поманила мать рукою:
«Иди, сыночек, молочка тебе налью».
Какая радость хлебную горбушку,
Ещё горячую, с холодным молоком,
Мать щедро подала полную кружку,
И хлебушек с прилипшим угольком.
А печь, что чудо это сотворила,
Дом наполняла ласковым теплом...
О боже, как давно всё это было,
Вернуться б на минуту в этот дом!

Умирают в России сёла,
Растерялся сельский народ,
Разбрелись гармонисты веселые,
Что-то песен никто не поёт...

Сторона ты моя, сторонка,
Запустенье царит кругом,

Как горбатая старушонка,
Покосился мой отчий дом.
Не дымится труба над крышей,
Печь, не топленная давно,
Ставню ветер шальной колышет,
Прикрывая слепое окно.
Двор широкий зарос бурьяном,
Горбылём заколочена дверь,
Разметался забор, как пьяный,
Ощетинился, словно зверь.
Постоял, посмотрел уныло.
Застилает туманом глаза,
Болью сердце вдруг защемило,
Навернулась скупая слеза.

Я помню...

к 180 - летию, деревни Ольговка, Яйского района

Нет, не забыл я родины своей,
Я не из тех, кто быстро забывает,
Как на земле весной журчит ручей
И как берёзы листья распускают.

Село родное – Ольговка моя,

Я помню, как была ты многолюдной.
Как колосились хлебные поля,
И как жила крестьянской жизнью трудной.

Как по весне гудели трактора,
Тревожа детский сон мой на рассвете.
И как пастух коров гнал со двора,
С ребячьим озорством пощелкивая плетью.

Отец и братья, пахари земли,
На поле уезжали спозаранку
С ней жизнь прожили, в ней лежат они,
Их за околицей покоятся останки.

Они мечтали, как деревня зацветет.
Их на земле трудиться будут дети,
Не думали, что час такой придёт
И зарастут бурьяном земли эти.

Я же селу желаю долгих лет,
Чтоб множество сменилось поколений,
Храни тебя Господь от разных бед,
Я так хочу, чтоб встала ты с коленей.

Чтоб поднялась во весь свой прежней рост,
Уверенной была б в своем ты долголетье,
Под рокот тракторов пел песню свою дрозд
И по утрам пастух пощёлкивал бы плетью.

Какая благодатная пора.
Покрылись рощи ярким многоцветьем,
Пылают листья пламенем костра.
И птичий гвалт тревожит на рассвете.

Туманная роса покрыла все с утра
В реке вода свинцово – темной стала.
Грачам на юг лететь уже пора.
Шумят они, сбиваясь дружно в стаи.

Клин журавлей поднялся в облака,
Прощальный зов над полем прокатился.
А в сердце родилась тревожная тоска,
Как будто с ним на веки я простился.

Готовится природа на покой,
До холодов мгновение одно,
Чтоб вновь весною вспыхнуть красотой,
Жаль человеку это не дано.

Зима.

Вот, наконец - то, выдохлась зима.

Устала, много силы положила.

Метелей непроглядных кутерьма

По крыши снегом избы завалила.

Морозами пыталась извести,

Трещали бревна, провода гудели.

Смогли мы еле ноги унести,

У печек по домам своим засели.

Казалось, будто не было длинней

Зимы такой в былые годы.

Она же бушевала все сильнеей,

Сердилась и пугала непогодой.

И вдруг она споткнулась на бегу,

Неловко будто ногу подвернула,

Осыпалась проталиной в снегу,

Сосулькою на солнце подмигнула,

И, наконец, махнув рукой, сдалась.

Сначала ручейками заструилась,

Затем вдруг половодьем понеслась,

За горизонтом незаметно скрылась.

В Крымских горах.

Здесь не приемлема людская суета,
Зовет просторов горных бесконечность,
Их возвышающая душу чистота,
Окаменевшая, незыблемая вечность.

Полупустынный каменный массив,
Нависший над воронкою провала,
Одновременно грозен и красив,
Его величие нас всех околдовало.

Мерцание холодное теней
Вдаль устремилось в облачность тумана,
Словно вдогонку уходящих дней,
Летит в долину к берегам лимана.

Мир вечно молчаливых древних гор
Торжественно - спокойных, величавых.
Лишь водопад ведет свой разговор
Сверкая пеной бурунов кудрявых.

Костер.

Потрескивая, нехотя, с дымком
Костер, в ночи зажженный, разгорался,
Дрова облизывая, робко огоньком.
Он в незнакомый мир войти боялся.
Но вот как будто разом осмелев,
Вдруг загудел, соприкоснувшись с ветром,
Раскрыло пламя яростно свой зев,
Тьму ночи поглощая метр за метром.
Костер пылает – нежное тепло,
По телу путника елеем разливая.
Всё не приятное и грустное ушло,
Лишь радужные мысли согревают.
Огонь же ослабел, сглотив охапку дров,
Уснувший путник это не заметил,
Мерцание углей накрыл ночной покров.
И от костра к утру остался только пепел.
И жизнь моя подобная костру,
Сгорает быстро, мимо пролетая,
Как маленькая искра на ветру,
И пепла нет, и дым давно растаял.
Такая участь каждому дана.
Мне изначально предназначено сгореть.
Но не дает покоя мысль одна:
Сгорая, смог ли я кого – ни будь согреть.

Чарли Чаплин.

Я помню клуб в деревне, деревянный
И на стене полотнище экрана,
Зашторенные окна тряпкой синей,
Всё замирало – в зале свет гасили.
А сердце колотилось учащенно,
Смотрели на экран все восхищенно,
На нем герои жили, умирали,
А мы за них до слез переживали.
Однажды привезли кино немое,
Не наше, заграничное – чужое,
И в душу перешел ко мне с экрана,
Нелепый человечек в шляпе странной.
Штаны не по размеру, фрак короткий,
Печальный взгляд с улыбочкою кроткой,
Все беды раздвигал он своей тростью,
С ним справиться врагам было не просто.
Хохочет зал, от умиленья млеет,
Сквозь смех, я плачу и его жалею,
Предстал он простаком на киноплёнке,
А для меня же был большим ребенком.
Хотелось оказаться на экране,
Быть рядом с человеком этим странным,
Рукою прикоснуться и обнять,
А может просто шляпу подержать.
Промчалось время быстро, как во сне,
Но часто Чарли Чаплин снится мне.

Мне кажется, что был я на войне,
А может это просто снится мне,
Невыносимо тяжёк был тот бой
И мой отец плечом к плечу со мной.
В атаку на врага вперед бегу,
Но выстрелить никак я не могу,
Отец шептал: « Не подведи, сынок»
Я, что есть силы, нажимаю на курок,
Всё бесполезно, замерший затвор,
Отцу и мне готовит приговор.
Фашист на встречу, штык наперевес,
Оскалил зубы, словно злобный бес,
Один лишь шаг, наступит мой конец,
Но тут собой меня закрыл отец.
Я закричал, но в горле звук застыл,
Очнулся и глаза свои открыл,
Тревожно в доме стены осмотрел,
Отца живым увидеть я хотел.
На стенке фотография бойца,
Но нет в живых давно уже отца.

Поединок.

(баллада о сибиряках гвардейцах)

По снегу, по полю белому
Танки черные, грязные
Мчатся, как очумелые,
Гусеницами бряцают.
Словно паук, свастика
В башню танка вгрызается,
Под злобным бешеным натиском
Стонет земля, содрогается.
Топчут ее захватчики,
Сеют повсюду горе,
Пламенем Русь охвачена,
Сжалась она от боли.
В поле пушки замерли,
Торчат из укрытий стволы,
Позицию русские заняли,
Сибирские наши орлы.
Всё, отступить некуда,
Там, за спиною, Москва,
Рвётся к ней черным беркутом
«Мертвая голова».
По снегу, по полю белому
Фашистские танки идут,
Шквальным огнём артиллерия
Им преградила путь.
Жирная, черная, к небу

Гарь поднялась столбами,
Первые танки с разбегу
Уткнулись в землю стволами.
Поле вздыбилось снежное,
С грязью и кровью смешалось,
Кажется, в прах всё повержено
В живых никого не осталось.
Но хлещет огнём ответным,
Как видно, ещё жива,
Танковая дивизия
«Мертвая голова».
Дымятся стволы раскалённые,
Ярости их не унять,
Сибирские дивизионы
Насмерть будут стоять.
Командуют артиллерией
Совсем молодой капитан
Да строгий, боями проверенный,
Седой старшина – ветеран.
«Каждый снаряд по цели,
Лишних нет у нас!»
Танки, танки в прицеле
Ловит наводчика глаз.
Выстрел! – «Дымится сволочь!»
Ищет прицелом другой.
В пушку снаряд осколочный,
Земля поднялась горой.
Свалился наводчик замерший,

Кровь залила прицел,
Навзничь упал заряжающий,
Выстрелить не успел.
Бой затихает, мало
В поле осталось машин,
Но и гвардейцам досталось:
Гибнут один за другим.
Всё тише рёв моторов,
Заставили их замолчать.
Но там, на косогоре,
Некому больше стрелять.
В поле, в истерзанном поле
Танки повсюду горят.
В засаде на косогоре
Разбитые пушки лежат.
Лежат и орлы сибирские,
Землю прикрыв собой,
В тяжелом бою выстояли,
То был их последний бой.
В живых лишь осталось двое:
Раненый капитан
Да с перебитой ногою
Седой старшина – ветеран.
По полю к артиллеристам
Последних два танка ползут,
Оттуда не слышно выстрелов,
Опасности немцы не ждут.
«Ну что же, давай прощаться. -

Сказал старшина седой, -
Врагу не дадим прорваться,
Что слева идёт,- будет мой»
Гранатами обвязался
И быстро навстречу ползком,
Мгновение: взрыв раздался,
И танк закрутился волчком.
Второй рванулся быстрее,
Мотор надрывно ревёт,
С землю смешал батарею
Хочет зарыть живьём.
Траками в бруствер врезаясь,
Захлопнул бронёю капкан,
В окопе к груди прижимает
Связку гранат капитан.
Смрадом солярки душит,
В землю хочет загнать,
А мысль разрывает душу:
«Сознание б не потерять!»
Видно, немцы решили:
Для них закончен бой,
Люки в танке открыли,
Высыпали гурьбой.
Растерянно озираются:
На сколько хватает взгляд,
Дым к небу поднимается,
Танки в поле горят.
Но тут капитан очнулся,

С трудом с себя землю стряхнул,
Фашистов увидел, пригнулся
И связку гранат метнул.
Всё кончено ... До боли
В ушах тишина звенит,
Скрип колеса в поле,
Солдатская кухня спешит.
Солдат козырнул лихо:
«К раздаче могу приступить?»
Сказал капитан тихо:
«Некого больше кормить»
А в тишине тем временем
Рёв тягачей нарастал,
На западном направлении
Резервный полк наступал.

Я русский солдат.

Я русский солдат, за родную Россию
Любые преграды без страха осилю.
Я в армию призван страну защищать,
Не раз приходилось мне насмерть стоять.

Не только на Родине славу снискал,
Я странам соседним в беде помогал.
В Европе земля моей кровью полита,
Могилами братскими плотно покрыта.

Французу лукавому трепку задал,
Фашистскую гидру я в землю вогнал.
Народам Европы желанным был, близким,
За подвиги ставили мне обелиски.

Сейчас что случилось, мне трудно понять,
Зачем обелиски те стали ломать?
Недавно, совсем, осыпали цветами,
Теперь же озлобленно долбят ломами.

Забут Беркенау, Освенцим забут,
У ног дяди Сэма Европа лежит,
Он долларам манит, грозит хлыстом.
Она ж ему машет смиренно хвостом.

Бандеровцы голову вновь поднимают,
На Родину нашу озлобленно лают.
Напрасны угрозы родимому дому,
Хребет поломаю врагу я любому.

Напрасен тот лай, он летит в пустоту,
Я - Русский солдат, я стою на посту!

Не пишется, все мысли заржавели,
Я шевелю мозгами еле-еле,
Программу запустить хочу опять,
И не могу пароль к ней отыскать.
Но птица в небе вдруг защебетала,
Всё озарив, над лесом солнце встало
И я нашёл пароль в одно мгновенье,
Мне не хватало просто вдохновенья.

Н. Б.

Свидание.

Принимай меня речка, родная
Вновь тебя навестить я пришел,
Колыбель моей юности Яя,
Я тянулся к тебе всей душой.

Вспоминаются детские годы,
С удилицем и рыбой в садке,
Я, с тобою встречая восходы,
По песочку иду налегке.

Как стрижи мои годы вспорхнули,

Рассекая туманный рассвет,
Поутру мы однажды проснулись,
Оглянулись, а детства уж нет.

Укатил от тебя я далёко,
За тайгой затерялся мой след,
Без меня стала ты одинокой,
Я грустил, что тебя рядом нет.

А сегодня мы встретились снова,
Ты прекрасной осталась рекой.
Не узнала!? Топчусь бестолково,
Незнакомец, с седой головой.

Возвращение.

Прикоснусь щекой к твоей ладони,
Сердца твоего услышу стук,
Волосы мои легонько тронешь,
Задохнусь от ласки твоих рук.
Затаюсь, замру я на мгновенье,
Не спугнуть бы эту тишину,
Опущусь тихонько на колени
И к руке губами я прильну.
Знаю, виноват перед тобою,
Заплутал на жизненном пути,
Потерялся, зачерствел душою,

Матушка, за всё меня прости!
И за то, что рано поседела,
За морщины на твоём лице,
За тоску, с которой вдаль глядела,
Ожидая сына на крыльце.
Возвратился сын твой непутёвый,
Много в этой жизни повидал,
Приголубь, родная, добрым словом,
Без тебя душою я устал.

Печалью осень дышит за окном,
Над лесом тучи серые нависли.
И под холодным съёжившись дождём
С берёз унылых опадают листья.

Я взглядом вдаль промозглую бегу,
Навстречу мне холмов далёких склоны,
Приземистые копны на лугу
Расселись словно мокрые вороны.

Капли дождя стекают по стеклу

Холодными осенними слезами.
Лес, в благодарность летнему теплу,
Прощально машет голыми ветвями.

Меняются местами времена,
За осенью зима нагрянет стужей,
За ней весны зелёная волна,
И летний рай нам, несомненно, нужен.

А календарь всё тоньше и всё легче,
Семидесятый улетел листок
И безвозвратно в голубую вечность
Уносит его времени поток.

Мне говорят: жалеть о том не надо,
Что промелькнули молнией года,
За это мудрость мне дана в награду,
Судьбу ж не изменить нам ни когда.

А я согласен, не моргнув и оком,
Ту мудрость, что сумел я накопить,
На безрассудство юности далёкой,
Без сожаленья, тут же заменить.

Первый звонок.

Внуку моему, Егорушке.

И ветру осеннему наперекор,
Шагает по улице Башев Егор.

День первый осенний в календаре,
Красивые буквы в цветном букваре,
Тяжелый рюкзак, приютились в нём книжки,
На плечи взвалил себе шустрый мальчишка.
Он мамин и папин любимый сынок,
Торопиться в школу на первый звонок.
К груди прижимает красивый букет,
Той самой подарит, что несколько лет
Учить его будет по школьной программе,
И в классе заменит любимую маму.
И тяжесть учёбы ему нипочём,
Он лётчиком станет, а может врачом,
А может быть, воином умным и сильным,
Защитником нашей любимой Росси!
Она от него ждёт великих свершений,
Надеется – вырастит будущий гений.
А я пожелаю ему всей душой,
Что б стал Человеком он с буквы большой!

Последний звонок.

Выпускникам школы посвящаю.

Годы ласточкой вмиг пролетели,
Как желанный, любимый урок,
Открываются школьные двери,
Я спешу на последний звонок.
Так хотелось скорее на волю,
Распахнув думы – крылья в полёт,
Почему-то с печалью и болью,
Сердце в класс меня снова зовёт.
Я люблю эти школьные стены,
Дорог каждый мне здесь уголок,
Ожиданье большой перемены,
И звонка, что зовет на урок.
Помню, как прозвенел он впервые,
В первый класс я с букетом спешил,
И смущаясь, цветы полевые,
Своей будущей, классной дарил.
С нею длинный мы путь одолели,
Груз учёбы нам был нипочём,
И приблизились к выбору цели:
Быть мне лётчиком или врачом.
Или воином умным и смелым,
Чтоб Россию свою защищать,
Стал я взрослым, достаточно зрелым,
Чтоб судьбу самому выбирать!

Отец сказал: «Иди сынок, пора
Тебе дорогу в жизни выбирать»
Я рано утром вышел со двора,
Всплакнув, перекрестила меня мать:
« Ты, дом родной не забывай, сынок,
Здесь грел тебя родительский очаг,
Перед тобою тысячи дорог,
Но помни ту, где сделал первый шаг.
Как жаль, что распадается село,
Работы нет в деревне никакой,
Соседу Косте сильно повезло,
Устроился на свалке городской»
Я мать поцеловал, махнул рукою
И отвернувшись быстро зашагал,
Взгляд её глаз, пронизанный тоскою,
А может ветер слёзы вышибал.
На свалку я конечно не попал,
Сказал мне пьяный Костя: «Места нету!»
Но в жизни этой много испытал,
Ложь не приму за чистую монету,
Того, что видел, мне не перечеть,
В родной стране, а так же за границей,
Но где бы ни был я, считал всегда за честь,
Родным местам приехать поклониться!
Н. Б.

Я женщин не люблю на пьедестале,
С кинжалом в окровавленной руке.
И чтоб они мне горло затыкали
И я у них болтался на крючке.
Я не люблю у женщин стали в голосе,
Командных ноток и намёков зла,
И что бы меня били ниже пояса,
Иль шкуру с меня драли, как с козла.
Так хочется взаимопонимания,
Чтоб можно было душу распахнуть,
И пораженным, силой обаяния,
К щеке или губам её прильнуть.
Мне нравятся спокойные и нежные,
С улыбкою Джоконды на устах,
Еще меня влечет к таким, по-прежнему,
Кто чести не теряет второпях.

Н. Б.

Праздник Души.

Молитвам чудотворным внемлю:
«Христос воскрес, Христос воскрес»
То опускается на землю

Святая благодать с небес.
Перекликаясь с русской песней,
Над Родиною беспредельной,
Владеет благовест чудесный,
Душой и телом безраздельно.
Христову Пасху перезвоном
Колоколов святых встречаем,
Праздник души, будто с амвона
Со сцены клубной представляем.
Молитва-песня захватила,
Слеза дрожит, не понимаю,
Откуда в ней такая сила,
Душу на части разрывает?
Затихла песня, зал взорвался
Аплодисментами, восторгом,
Праздник души в сердцах остался,
Мы будем помнить его долго!

Речка Чиндат.

Меж тальников, в болотистой низине,
Струится вдоль размытых берегов,
Сверкая чистотой небесной сини,
Чиндат из глубины седых веков.
Из родников рождённый, и ключей,
Снегов, что по весне под солнцем тают,

В речушку превратившийся ручей,
Несет степенно воды свои в Яю.
Не раз его пытались удержать,
Течение плотиной преграждая,
Но он всегда стремился убежать,
Умело, те плотины подмывая...
Любимая река моего детства!
Я, глядя в твои воды, замирал,
Пытаясь в глубину её взглядеться,
И мыслям своим волю я давал:
Коряга проплывала, мне казалось,
Что мимо «Наутилус» вдаль плывет,
Я – Немо, в том сомненья не осталось,
Фантазия в моря меня ведет.
Вот водомерка быстро пробежала,
Расходятся круги от её ног,
Чудовищем она мне представлялась,
Я свой корабль спасал, как только мог.
В мечтах своих в пирата обращался,
На abordаж летел, поднявши паруса,
И в океан Чиндат тот превращался,
И в космос устремлялись небеса...
Жизнь пронеслась, я вновь на берегу,
Истерзанный житейскими морями,
И фантазировать, как в детстве, не могу,
Да и реальности уже не доверяю.

Ольговка.

Среди снегов таёжных затерялась
Сибирское старинное село,
На берегах Чиндата основалось
И процветая, ширилось, росло.

Первопроходцы, что здесь поселились,
Фамилию известную несли,
От княжеских корней происходили,
Жила княгиня Ольга на Руси.

И в память о княгине той великой
Храм божий, помолившись, возвели,
На сходе деревенском, многоликом
Село то Ольговкою люди нарекли.

Я в нём родился, часто вспоминаю
Ту церковь на холмистом берегу,
С друзьями снова в школу я шагаю,
В лапту играю с ними на лугу.

Занятием любимым нашим было
На каланчу пожарную взлететь,
От страха высоты сердце щемило,
А, глядя вдаль, хотелось песню петь.

Мы летом за клубникою ходили,

Что на буграх за речкою Удой,
Намаявшись, ведёрко приносили
И по горстям делили меж собой.

Прошли года и детство пролетело,
Нам нужно было жизнь свою менять,
А в детстве задержаться так хотелось,
Но взрослыми пора нам было стать.

Любимое село мне часто снилось:
Большие улицы, у леса каланча,
В нём два колхоза раньше находилось
«Победа» и «Заветы Ильича»

С годами все разъехались куда – то,
Иные умерли, хватив лиха до дна.
И от села, великого когда – то,
Осталась только улица одна.

Ольговские «Громобойцы»

Когда – то в Ольговке крутые парни жили,
По кличке «Битюки» и «Булдаки»
Не редко в рукопашную сходились,
Чтоб почесать об морды кулаки.

Дрались, как звери, бились не на шутку,

Сыпались зубы, проливалась кровь,
Овчинные трещали полушубки,
Кидали их и сталкивались вновь.

И не дай бог кому – то ненароком
Под руку их горячую попасть,
Избит бывал тот человек жестоко,
Чтоб знал, кому принадлежала власть.

Особенно проезжим доставалось,
Чей путь от Яи вел через село,
Если парням они тем попадались,
Считалось: крупно им не повезло.

И говорили, будто эти парни,
Проезжих поджидали под мостом
И, притаившись, словно псы на псарне,
Выскакивали на колёсный гром.

Давно перевелись крутые парни,
Проезжим от преград свободен путь,
Но жители из сел ближних и дальних
И по сей день нас «Громобойцами» зовут.

Донскому казаку,
полному кавалеру
Георгиевских крестов
Герою Советского Союза
Недурубову Константину
Иосифовичу посвящается.

На Россию война надвигается,
Жмет Антанта со всех сторон,
Недурубов на бой собирается,
Защищать будет Тихий Дон.
Нелегка ты казачья доля,
Конь и шашка твои друзья,
На просторы Великого Дона
Допустить вражью силу нельзя.
И повел своих верных товарищей,
Он врагам уступать не привык,
Не страшны ему топь и пожарища,
Не берет его шашка и штык.
Возвратился домой с победою
Боевой атаман – офицер,
А за то, что он страха не ведает
Стал Георгиевский кавалер.
Пережил и террор и восстание,
На родимой Донской стороне,
Заслужил в эти годы признание,
Что не враг он Советской стране.

За неё за Россию Советскую
Воевать ему снова пришлось,
На фашистскую силу немецкую
Все казачество поднялось.
И опять возвратился с победою,
Бил врага и себя не щадил,
Смерть презрел он, и страха не ведая,
Золотую Звезду заслужил.
Н.Б.

Тихо и плавно желтые листья
В медленном танце кружат,
Шла мимо осень с оранжевой кистью,
И заглянула в наш сад.
Листья бесшумно на землю ложатся
Ярким персидским ковром,
Грустные мысли роем теснятся,
Душу сжигают огнём.
Как незаметно подкралась к нам осень,
Прочно накрыла крылом,
Тщетны попытки объятья те сбросить,
Прошлого мы не вернём.
В воспоминаниях нашему взору
Пройденный путь предстаёт,
Медленно шли, подымаясь, мы в гору,
Спуск уготован нам влёт.

ГРОЗА.

Июльская жара,
Пылает небосвод,
Все замерло с утра,
Лишь солнышко печет.
Вдруг ветер озорной,
Взмахнув крылом могучим,
Истерзанный жарой,
Пригнал черную тучу.
И туча та растет,
Уж солнца не видать
И вместе с ней идет
Прохлады благодать.
А ветер всё сильней
С деревьев листья рвет,
Метет траву с полей
И вихрем ввысь несет.
А туча всё черней
Чудовищем ползет,
Причудливых теней
Клубиться хоровод.
Совсем отяжелев,
Задела за сосну,
Разверзся её зев
И молнией блеснул.
Раскатисто гремя,
Вдруг ливнем пролилась,
И, во всю ширь крыла,

С тем ветром обнялась.

Жене моей Любове
Николаевне к 50- летию
совместной жизни.

Пятьдесят так быстро пролетели,
Вроде, не обижены судьбой,
Кажется, ещё вчера сидели
Рядышком за партою с тобой.

Первые шаги по жизни трудны,
Непосильно тяжек сельский быт,
Не сломили серые нас будни,
Огонек в душе всегда горит.

Многое мы вместе повидали,
Иногда навстречу ветру шли,
Веру в свои силы не теряли,
Мудрость и любовь приобрели.

Наша жизнь стремительно проходит,
Как в реке весной бурлит вода,
Воду острова порой разводят,
Нас судьба связала навсегда.

Н.Б.

Уже не о себе. Судьба наших детей,
В сценарии том главная страница.
И мысли постоянно об одном,
У бога просим счастья нашим детям.
И сколько на земле этой живем,
Желания и помыслы об этом.
Ночь за окном и в звёздах небосвод,
В глазах усталых искорка мелькнула,
Жизнь не окончена, ещё полно забот,
А рядом ты тихонько прикорнула.
Н. Б.

БАБОЧКА.

Хотел он прогуляться по траве,
Где, копошиться серый муравей.
И бабочку красивую поймать,
Любуясь на ладони подержать.
С природой слиться телом и душой,
Чтобы вселенский обрести покой...

Но пулемет теперь в его руках.
И напряженно пульс стучит в висках.
Орудия заговорили вновь,
Струиться по броне густая кровь.
Захвачен террористами Кавказ,
Отчаянно дерется наш спецназ
И шаг за шагом движется вперед,
Жестокий враг позиций не сдаёт.

И не возможно к небу глаз поднять,
Над головою очередь опять...
Все молодые, хочется им жить,
Но сколько их в сырой земле лежит.
А дома ждёт, истосковавшись, мать:
«Кровиночку скорее бы обнять!»
И не дает покоя мысль одна:
«Кому нужна проклятая война?»
Дым кольцами витает в облаках,
Тревожно отдаётся гул в горах...

...Спокойна только бабочка одна,
Останется не пойманной она.

Рассказ лётчика штурмовика

/ИЛ – 2/

Герою СССР Кузнецову П.Н.
посвящается.

1

Что было готов Вам друзья рассказать,
На разных фронтах мне пришлось воевать.
Не трусил, сражался - страну защищал,
Мой труд оценили – Героем я стал.

2

Сначала на фронте бывало и так:
Числом и сноровкой сильнее был враг...
Над лесом летим на разведку вдвоем,

Немецкие доты прощупать огнём.
И вдруг пулемёт застрочил за спиной,
Подкравшийся «Мессер», завис надо мной,
А с боку в атаку заходит другой,
Штурвал на себя - я взметнулся свечой.
«ИЛ» вынес и всё ж фюзеляж мой пробит,
Вздыхнул с облегченьем – пока не горит.
*Ведущий снижается, видно подбит
И «Мессер» над ним, словно ворон, кружит.
На помощь рванулся, гашетку нажал,
Враг корпусом вздрогнул и вмиг запылал.
Ведущий поляну в лесу разглядел,
И, шасси ломая, он всё-таки сел,
Рукою махнул мне, давай улетай,
Я сам разберусь, ты машину спасай.
Вдруг яркая вспышка, и взрыв за стеклом,
«Конец!» - промелькнуло в сознание моём,
Но в ту же минуту рассеялся дым,
Спускается «ИЛ» мой и «Мессер» за ним,
В атаку заходит и в ближнем бою,
Насквозь прошивает машину мою.
С трудом я пытаюсь к своим дотянуть,
Клубящийся дым отмечает мой путь.
Не помню, как я самолет посадил,
Пропеллером к небу задрался мой «ИЛ»,
Когда осмотрелся – причина проста:
Мой «ИЛ» при посадке лишился хвоста.
И только сейчас до сознания дошло:

Смерть рядом ходила, но мне повезло.

3

Немецкие танки летим штурмовать,
Фашисты пытаются фронт наш прорвать.
Великие Луки горят под крылом,
Зенитки встречают нас шквальным огнём,
Набрав высоту, мы идём на прорыв,
Вдруг справа возник ослепительный взрыв,
Мой друг под зенитный снаряд угодил,
На землю свалился пылающий «ИЛ».
Сжимая штурвал, я к прицелу приник,
Пикирует с воем с небес штурмовик.
И всюду, где «ИЛ» над землёй пролетел,
Там груды металла и вражеских тел.
Свой груз смертоносный прицельно кладу,
Фашистские гады горят пусть в аду.
За нас, за Страну, за погибших друзей
Расчёты веду я атакой своей.

4

Теряя машины, теряя друзей,
В боях не щадили мы жизни своей.
И вот наконец-то, Берлин под крылом,
Горит над Рейхстагом наш флаг кумачом.
Скорбит о погибших родная Страна,
Навеки запомните их имена.

*Ведущий – лётчик, самолёт которого летит впереди, ведет.

ТАНКОВАЯ АТАКА.

/ Баллада о танкистах /

Я в своём танке уверен,

Тихо рокочет мотор,

Хочет он диким зверем

Вырваться на простор.

Ждёт экипаж, замер,

Скоро пойдём в бой,

Крепко связала узлами

Смерть нас между собой.

Настороже пехота,

Вместе в атаку пойдём,

Адская это работа

Пронизанная огнём.

И, на конец, в шлемофоне:

«С богом, ребята, вперёд!»

Взвившись, как зверь в погоне,

С надрывом мой танк ревет.

Сзади бежит пехота,

Спасается за бронёй,

Так умирать не охота

Летней цветущей порой.

Разрывы накрыли поле,

Земля поднялась стеной,

Сжимая в кулак волю,

Несемся вперед стрелой.

Пули стучат в башню,

Осколки злобно гремят,
Очистим мы землю нашу,
Ни шагу, ни пяди назад.
Не думаю я о смерти,
Мне просто не до неё,
Дрогнули, драпают черти,
Падают мордой в жнивье.
Окопы давлё гусеницей,
На дотах кручусь волчком,
Ужас на вражеских лицах,
От смерти уходят ползком.
Пушка стволом водит,
Ищет она цель свою,
Танк мой сбоку заходит,
Я полный газ даю.
Поздно заметили гады,
Тело их ужас сковал,
Танк мой уже рядом,
Пушку с землёю сравнял.
Гусеницей, пулеметом,
Пушкой врагов убивали,
Со злостью бились, до пота,
Мы их сюда не звали.
Бой завершён. Стали,
Мимо смерть пронесло,
Мы её обыграли.
Сегодня нам повезло.
Победа далась не даром,

Жаль нам погибших ребят,
Охваченные, пожаром,
Их танки в поле горят.
Пехоте тоже досталось,
К телу прижав автомат,
Многие, словно устали,
Ничком на жнивье лежат...
Шли мы сквозь боль и муки,
Много изрыли земли,
Для сыновей и внуков,
Сделали всё, что могли.

Н.Б.

А ПАМЯТЬ ПРОШЛОЕ ХРАНИТ...

/ПОСВЯЩАЕТСЯ УЧИТЕЛЯМ - ФРОНТОВИКАМ/

Через всю жизнь свою пронёс я в памяти
Деревню, окружённую тайгой,
В сугробах утонувший домик старенький,
Запорошённый снежною пургой.

И комнату с буржуйкой у стены,
Десяток парт, потрепанную штору,
Плакат в честь окончания войны-
Любимую, в глуши сибирской школы.

И первый, и второй, и третий класс,
В той комнате все вместе размещались,
А всё лишь потому, что было мало нас,
Отцы домой с войны не возвращались.

Под скрип пера, потрескивание дров,
Учитель нам задание доводил,
А после ждал, ответить кто готов,
Хромая, меж рядами проходил.

Он раненым после войны вернулся,
Один из тех не многих, кто пришел,
И в школьные дела немедля окунулся,
А мы его любили всей душой.

Он голоса не повышал и не сердился,
Когда ответа не могли мы дать,
С любимым за парту рядышком садился
И начинал всё снова разъяснять.

Он научил нас азбуки и чтению,
Как правильно слова произносить,
Привил любовь нам к Пушкину, Есенину,
А главное, как Родину любить.

Средь нас авторитет большой имел,
Не только потому, что был учитель,
Однажды в День Победы он надел,

Весь в орденах полувоенный китель.

Для нас с тех пор дорожке стал в двойне,
Мы поняли, что он героем был,
На той жестокой длительной войне,
Не прятался и жизни не щадил.

Давно уж нет ни школы, ни учителя,
И для деревни пробит смертный час,
Но иногда мне хочется мучительно,
Хоть краем глаза заглянут в тот класс.

Новогодняя сказка.

Ночь опускается на Землю,
Тайга под снегом мирно дремлет,
Сияет в звёздах небосвод
Шагает к людям Новый год.
В лесу на ёлочке ветвистой.
Зажглись снежинки, словно искры,
Снег серебрится под луной,
Танцует ветер озорной.
А на поляне старый год
Прощальный водит хоровод,
Звала на праздник детвора,
Но уходить ему пора.
Он честно отработал срок,
Пытался сделать всё что мог

И выдал множество идей,
Чтоб осчастливить всех людей.
Пора на отдых он устал,
Новому году передал
Мешки со счастьем и добром,
Чтоб он раздал их в каждый дом.
Тот сразу к делу приступил,
Деду Морозу поручил
Всех одарить из тех мешков,
И хитрецов и простаков.
Вы ждите, скоро непременно
Дед привезет подарок ценный,
И не завидуйте друг другу,
Получит каждый по заслугам.

Н. Б.

Жил человек и вдруг его не стало,
Земля по крышке гроба застучала.
Народ толпится молча у могилы,
Рыдают близкие, от горя обессилив.
«Что испытать ему придётся на том свете?
В раю, возможно, родственников встретит,
Чтоб вместе в райских кущах прогуляться,
Либо в аду за грех свой рассчитаться»

Так каждый думал стоя у могилы,
Взирая на священника уныло:
«Всё, что там будет, он уж точно знает,
Не зря же всем грехи здесь отпускает»
Последнюю молитву тот читает
И взгляды эти сердцем понимает.
И думает: «Ну что же им ответить,
Я ни чего не знаю о том свете,
С ушедшими туда, я не общался,
Назад ещё ни кто не возвращался».

Откровение.

Воронья́ поднялась стая
И закрыла собой небо.
Подлецы свои сети ставят
И плетут про людей небыль.

Разгоню воронья́ стаю,
Чтобы солнце вновь засияло,
Подлецов замолчать заставлю,
Вырвав их ядовитое жало.

А затем распахну я душу
И раскину руки по шире,
Чтоб покрепче обнять и слушать

Всех обиженных в этом мире.

А они мне расскажут, как твари
Им пытались судьбу искалечить,
А затем в утешение ввали,
Повторяя – «Всё время излечит»

Но и сам я прекрасно знаю,
Что такая боль не проходит,
И душевные раны терзают
Все тебе отведённые годы.

Не могу вас ни чем утешить,
Подлецов ждет удел Иуды,
Но если даже их будут вешать,
Они жили и жить будут.

Родной язык.

Я готов любому поклониться,
Кто Россию любит всей душой
И с любым народом поделиться,
Малый тот народ или большой.
Щедрое народное наследство,
Как красив любимый мой язык,
На якутском говоришь ты с детства,
Я же с детства к русскому привык.
Наш язык – язык труда и света,

Он широк и ясен и велик,
Но готов уважить я соседа,
У него другой родной язык.
Жизнь идет слова опережая,
Сердце бьётся от избытка чувств,
Мысль свою, на русском выражая,
У калмыков многому учусь.
Мы врагов всегда одолевали,
Тех, кто нас пытался покорить,
Все разноязычные вставали,
Понимая кто, что говорит.
Наш союз – союз великих наций,
На просторах в каждом уголке,
Меж собой, привыкших изъясняться.
На великом русском языке.

*К 125 – летию дня со дня рождения Марины
Цветаевой.*

Звездою яркою на небесах сияя,
Поэзии на верность присягая,
Любви воспела негасимый свет,
А он ей душу озарил в ответ.

На берегу пустынном повстречала,
Земной любви великое начало.

Эфрон, нашедший камень сердолик,
Навеки в сердце нежное проник.

И та любовь ей предавала силы,
Немало строк она ей посвятила,
Но революция в семнадцатом году,
На ту любовь накликала беду.

Отшельником, скиталась на чужбине,
В поэзии связав себя с рябиной,
Вдали от родины, забытой и чужой,
Рябиной горькою с трагической судьбой.

А Родина её не приняла,
Детей и мужа поэтессы отняла...
Уставши, от мирских великих бед,
Решила, места на земле ей больше нет...

Могила поэтессы не известна.

Тропа к предполагаемому месту,
Да одинокий в поле куст рябины,
Заветный куст Цветаевой Марины!

2017г.

Поэтическому чтецу.

Не нужно быть великим мудрецом,
Поэзия, чтоб рифмою блистала,
И навсегда для нас любимой стала,
Быть нужно поэтическим чтецом.

Поэты! перед вами преклоняюсь,
Тернист, но светел музы вашей путь,
Порою сам я рифмой увлекаюсь,
Но не затем, чтобы в овациях тонуть.

Не слава меня гонит на *Парнас,
Излить души порывы я пытаюсь,
Не злой имею замысел, но каюсь,
Прошу не много у бога и у вас:

Не отвергайте моего творенья,
Не нужно мне ни кубка, ни венца.
Хочу лишь, чтоб моё стихотворенье
Из уст звучало лучшего чтеца.

*Парнас – священная гора в Греции, местопребывания Аполлона и поэтических
муз/*

КРЕСТЬЯНИНУ.

До горизонта хлебные поля,
Отяжелевший колос наклонился,
Уважила кормилица – земля,
И урожай на славу уродился.

Небесная лазурь являет благодать,
Сияет поле золочёной нивой,
Молитву благодарности воздать
Готов крестьянин гордый и счастливый.

Гордится тем, что труд зря не пропал,
Тем, что он землю, как дитя лелеял,
Что днём и ночью пашню ту пахал
И, потом поливая, жито сеял.

А счастлив потому, что он теперь
Лютую зиму, без труда, перезимует.
И сохранит весь скот свой без потерь,
Не страшно сытому - пускай она лютует.

Я не люблю ходить на юбилеи
И даты своей жизни отмечать,

И юбиляра поливать елеем,
Предпочитаю лучше промолчать.

Я лицемерить не могу в застолье,
И не заслуженной бросаться похвалой,
О том, что юбиляр прожил достойно,
Пусть произносит, кто ни будь, другой.

Я не хочу, чтобы в мой адрес то же,
Елейной ложью слали похвалу,
И чувствовать душой своей и кожей
Готовую сорваться с уст хулу.

И лицемерить не могу у гроба,
Наклеив траурную на лицо печаль,
Посмешищем не оказаться чтобы,
Предпочитаю лучше промолчать.

Василию Фёдорову.

*Наше время такое:
Живём от борьбы до борьбы
Мы не знаем покоя,-
То в поту, то в крови наши лбы.*

В. Фёдоров.

Вновь покой потеряли,
Изменился наш путь,
К коммунизму шагали,
Вдруг пришлось повернуть.

Раньше вместе делили
Радость либо печаль,
Изменилась, Василий ,
Наша светлая даль.
Затуманилась вроде –
Каждый сам по себе,
Один в золоте ходит,
Другой - в рваном тряпье.
И над Марьевкой тоже
Прошумели ветра,
Все живут, кто как может,
Не гудят трактора,
Не растят больше хлеб,
Не пасутся коровы,
И колхозов уж нет,
Там все частники снова.
Может быть, и село
Все б давно позабыли,
Землякам повезло,
В нём родился Василий.
Речка ж Яя течёт,
Как всегда неизменна,
Ей одной нипочём
Той борьбы перемены.

2012 г.

Василию Фёдорову.

Вспоминаю, как- то в детстве,
Шёл я в Марьевку пешком,
Из села, что по соседству,
Посмотреть на странный дом.

Так в деревне говорили:
«В нём чудак стихи писал»
Васькой был, да стал Василий,
Скоро мир о нём узнал.

Я ж, тогда ещё мальчишка,
Рассудил: « Обычный дом,
И зачем я долго, слишком,
Девять вёрст шагал пешком .

А теперь готов часами,
С головою в серебре,
Говорить его стихами,
На Назаркиной горе.

Удивляться: «Рядом жили,
Девять вёрст, подать рукой»
Одинаково любили
Яю речку всей душой.

По родным местам бродили,

Но по разным временам,
Шёл по Марьевским Василий,
Я ж по Ольговским лугам.
4 сентября 2018 г.

Анатолию Саулову.

*Будет тихо и странно
Угасание дня.
Будут зори и травы,
Но уже – без меня...*

А. Саулов.

Посвист чистый и звонкий
Перепёлок в ночи,
На родимой сторонке
Серебрятся ручьи.
Льют весенние ливни.
И в мерцании звёзд
Строй, тобою любимых,
Белоснежных берёз.
Тихо шепчут листвою:
«Приходи, приходи,
Мы прильнём берестою
К твоей юной груди.
Ты взлети жаворонком
Над родимой землёй.
Устремляясь ввысь, звонко
Снова песню нам спой.
И в глазах твоих синих,

Как весной родники,
Пусть засветятся снова
Озорства огоньки.
Жаль, расстанемся вскоре
В угасание дня,
Будут травы и зори
Вспоминать про тебя.
03. 10. 2012 г.

Посёлку Яе.

Я помню Яю, всю в опилках,
Сельмаг зелёный, лесопилку,
Завод ремонтный, гастроном,
И речка Яя, за окном,
В лучах блестела серебром.
Пятую школу под горой,
Любил её я всей душой,
В неё спешил, забот не зная,
Вдоль по Украинской шагая,
По улице, где жил когда-то.
Ни нищим не был, ни богатым,
Звёзд с неба, вроде, не хватал,
Порой влюблялся и страдал.
Обломовым жил, в частном доме,
Много друзей и тьма знакомых...
Окончил школу, институт,
Вдруг, тесновато стало тут
Ужасно это надоело,

Слоняться по углам без дела.
Оставил призрачный уют,
Решил узнать, как там живут
Другие люди, где нас нет,
И за судьбой рванулся в след.
Скитался долго, видел много.
Была извилистой дорога,
По ней я шёл. И вот года
Вновь привели меня сюда.
Я снова в Яе. Нет опилок,
Развалины от лесопилок.
Везде асфальтные дороги,
Торговых точек очень много.
Вместо сельмага, Божий храм.
И пятой школы нет уж там.
А на Украинской нет дома.
Река сверкает незнакомо,
Словно подмигивая нам:
Мне и, ушедшим вдаль, годам!
Сентябрь 2018 г.

У могилы неизвестного солдата.

*«Имя твоё не известно – подвиг твой
бессмертен»*

Победу наша празднует страна,
Для всех – незабываемая дата.

Сад Александровский,
Кремлёвская стена,
Могила неизвестного солдата.

Кем был он – пехотинцем иль
танкистом?
Сапёром переправы наводил?
А может быть, он был артиллеристом?
Или в разведку в тыл врага ходил?

Это не важно, где солдат служил.
Он жизнь свою за родину отдал.
Пропавших без вести, собой объединил,
Посмертным символом их героизма стал.

Сколько таких попало в окруженье?
Голодные, в изодранной одежде,
И день, и ночь они вели сраженья,
На жизнь свою, не потеряв надежды.

Так было просто руки опустить
И сдаться в плен на милость супостата.
Разве могла такое допустить
Святая честь Советского солдата?!

Из окруженья часто прорывались,
Товарищей в боях своих теряя.
Но многие назад не возвращались,

Погибли, в неизвестных превращаясь.

Кто тот солдат? Татарин иль узбек?
Иль русским был? Угадывать не надо.
Это не важно. Был он человек,
Прогнавший прочь фашистских гадов.

Кому-то сыном был, кому-то братом.
Женатым был, а может, не успел...
Родным для нас остался он солдатом,
Спасая мир, он сам не уцелел...

Вечный огонь летит сквозь времена,
Венок, у ног солдата освещаю.
Склонила голову великая страна
Солдату почеть воздавая.

03. 2009 г.

Деревня моя...

Я уголок родной свой посетил,
Который малой родиной зовётся,
Словно воды живительной испил,
Но почему тревожно сердце бьётся?..
Забыта и заброшена деревня,
Райцентр же рядом – ходу три версты.
На сенокосах проросли уже деревья,

Всю пашню заняли крапивные кусты,
Коров уж нет-давно под нож пустили,
И трактора забрали за долги.
Безмолвно люди руки опустили
И самогоном свои залили мозги.
На улицах стоят дома пустые,
Слепыми окнами уставясь в темноту.
Лежат повсюду мужики хмельные,
Приткнувшись пьяной мордой к кусту.
И лишь погост могильными холмами,
Растёт от года к году всё быстрее,
Хмельная, смерть, стуча клыками,
Навеки в землю уложила мытарей.
Я очень рад, что все мои родные
Живут и не ударились в запой.
Трудяги, пахари передовые,
Навеки породнились с той землёй.
Я благодарен им, что веру не пропили,
Объединились в дружную семью.
Живут своим трудом и рады, что живые,
Не слушая тупую болтовню.
Не слушая пророчества пустые
О том, что скоро снова заживём,
Когда на выборы придём очередные,
Если не тех, а этих изберём.

14. 06. 2009 г.

Яйский район.

Ольговка.

В губернии все гармонисты
Собрались на конкурс в село.
Снуют по рядам журналисты,
Кто в кадре тому повезло.
И будет здесь всё интересно,
Вокруг переборы звучат,
Занявшему первое место,
Гармошку в награду вручат.
Крестьяне у дома культуры
На лавках расселись рядком,
Ругают того, кто халтурит
И хвалят, кто жжёт с огоньком.
Им в эту бы летнюю пору
Лелеять родные поля,
Надои, чтоб шли резко в гору,
И жито родила земля.
Но негде работать им боле,
Хозяйство в долгах, как в шелках,
В кредиты заложено поле,
И нет у коров молока.
Нет больше коровьего стада,
Пошло за долги с молотка,
Хозяина доброго надо,
Но вот не сыскали пока.

Июньское лето в разгаре,
Поёт, заливаясь, гармонь.
И все гармонисты в ударе,
В глазах их азартный огонь.
Но надо ж такому случиться,
В тот день в погашенье долгов,
Увозят владельцу другому
Последних полсотни коров.
А зрители лупят в ладошки,
Не могут понять почему,
Под переливы гармошки
Несётся прощальное «Му...»?

12. 06. 2013 г.

Яшкинский район.

Пача.

В полях, где колосилось жито
И кукуруза раньше зрела,
Много глубоких нор нарыто,
Там барсуки взялись за дело.
А раньше трактора гудели,
Пахали пашню, боронили,
От перестройки обалдели,
Всё побросали, запустили.
Народ в деревне стал ретивый,

Трудом крестьянским жить не хочет,
«Чтоб депутат был справедливый»
Любой в селе о том хлопочет.
Зачем на поле надрывать,
Корма готовить для скотины,
И впрок картошкой запасаться?
На сто дворов пять магазинов.
Пошёл, купил китайских яблок
Или арабских апельсинов.
На полке бройлер, словно зяблик,
Видно родился сразу синим.
Купить то можно, денег нету,
Хозяин новый мало платит,
Расчёт ведёт мелкой монетой,
Гадают: «Их куда потратить?»
Толь по налогам рассчитаться?
Или детей собрать им в школу?
Туда – сюда, не просчитаться б
И не остаться вовсе голым.
Отсюда нет к работе тяги,
Пьют самогон и чешут шею,
Переведутся работяги,
Пахать и сеять не сумеют.
Хозяин рук марать не хочет,
Ест европейскую свинину,
Одна лишь мысль сознание точит:
«Не надорвать бы только спину»
От дедов слышал, что когда-то

Кормил продуктами Европу,
Крестьянин русский, бородатый
И сам «от пуза, будто, лопал».
А может дело не в крестьянах?
А в управленцах тех убогих,
Они в карман себе всё тянут,
Всему «придывают ноги».
Министров каждый год меняют
В хозяйстве сельском. Проку нету,
Они бюджет свой поправляют
И не стесняются при этом.
Такая грустная картина
Пером написана эпохи,
Один зажрался, как скотина,
Другой же радуется крохам.

09. 08. 2013 г.

Юргинский район.

Талая.

Умирают в России сёла,
Растерялся сельский народ,
Разбрелись гармонисты весёлые,
Песен больше никто не поёт...
Отчий дом навестить я приехал,
Много лет в том краю не бывал,
Отозвалось из прошлого эхо,
Торопился, но всё ж опоздал...

Сторона ты моя, сторонка,
Запустенье царит кругом,
Как горбатая старушонка,
Покосился мой отчий дом.
Не скрипят под ногою ступени,
Не выходит встречать меня мать,
Пробежав торопливо сени,
Чтобы сына скорее обнять.
Не дымится труба над крышей,
Печь не топленная давно,
Ставню ветер шальной колыхет,
Прикрывая слепое окно.
Двор широкий зарос бурьяном,
Горбылём заколочена дверь,
Разметался забор, как пьяный,
Ощетинился, словно зверь.
Постоял, посмотрел уныло,
Застилает туманом глаза,
Болью сердце, вдруг, защемило,
Навернулась скупая слеза.

2015 г.

За горизонт так хочется взглянуть,
К нему летим, и он вперёд стремится,
Нам бы чуть-чуть, хотя бы, отдохнуть,
Но вдаль душа несётся, словно птица.

И так всю жизнь торопимся вперёд,
Спешим узнать: «А что же дальше будет?
Куда судьба нас завтра приведёт,
Какая на рассвете весть разбудит?»

Вокруг не замечая ничего,
В надежде, что догоним своё счастье,
И делая все ставки на него,
Торопимся в день ясный и в ненастье.

А лучше бы замедлить нам полёт,
И оглянуться, может оно рядом,
Спокойно и размеренно идёт,
С улыбкою, лаская своим взглядом.

2009 г.

С подлизами я с детства был знаком,
Они красиво спину изгибают,
Учтиво лижут губы языком,
Их, масляные, глазки не мигают.

За похвалу, готовы всех продать,
Хитры и изворотливы уловки.
Всегда хотелось им по шее дать,
Но взрослые их гладят по головке.

Со временем их неизменен путь,
Став взрослыми, они уж подхалимы.
И так же продолжают спину гнуть,
Угодливы и скользки, как налимы.

К ним быстро попадёте на крючок,
Когда «леща» они под вас запустят.
Но страшен их змеиный язычок,
Сначала льстят, затем тебя укусят...

Кто ползает, летать уже не сможет,
И с высоты не рухнет в грязь лицом.
Сплеча, в горячке, лишнего не рубит,
Но и протянет век свой подлецом.

2009 г.

Женщине.

Я часто вижу женщину во сне,
Прекрасную, с печальными
глазами.

Всем телом она тянется ко мне,
Вдруг пропасть возникает
между нами.

Я просыпаюсь - сердце на разрыв.

Ещё бы миг и мы соединились.

Как жаль, что прерван

пламенный порыв.

Безвольно мои руки опустились.

Душою овладела, вдруг, тоска,

Но, проклиная нерешительность

и робость,

Готов вернуться в сон я для броска,

Последнего, чтоб перепрыгнуть

пропасть.

Я преклоняюсь перед Вашей красотой,

Готов прильнуть к руке Вашей устами,

Склониться Вам на грудь седою головой.

О, женская краса! Что делаешь ты с нами!?

Я тобой любовался, как ловко

Управляешь компьютером ты,

Крутой блогер, какая сноровка,

Современная львица мечты.

Я тебя целовал, ты застыла,

Как скала над пучиной морской.

«В чём причина?» - «Компьютер

забыла

Я в конторе своей заводской.
Без него я не знаю, что делать,
В этом случае, как поступить?
До конторы мне нужно бы сбегать,
В интернете совета спросить»

Не напечатано.

Для гостиной «Светлана»
Колмогоровского дома культуры

Над полями, над лугами
 Песня русская летела,
И над Яшкинским районом
 за сосну крылом задела.
Опустилась, огляделась,
 в Колмогорово попала,
На реке Томи село то,
 люду в нём живёт не мало.
Пригорюнилась тут песня:
 «Не взлететь, крыло сломалось»
По селу бродить со стоном,
 видно всё, что ей осталось.
Вдруг, гурьбой, из переулка,
 девки вывернулись стай,
Зашумели, загалдели,

рады, песню повстречали.
Подхватили её дружно,
из груди девичей льётся,
Эхом, с новыми крылами,
над рекою вдаль несётся.
Тут и бабы подросли,
в пляс пустились, разгулялись,
Удивительное дело,
«Разгуляем» оказались. *
Полюбилась людям песня,
петь и слушать её рады.
Пусть живёт в гостиной нашей,
исполнителям в награду.

10 июня 2019 г.

** «Разгуляй» - фольклорный Народный коллектив.*

ДЕНЬ СЕЛА /2019 г./

Колмогорово.

В Колмогорово, в селе
август месяц на дворе.
В это время, каждый год
собирается народ
Возле клуба, на поляне,
на весёлое гулянье.
День Села, здесь отмечаем,

от души добра желаем
Всем. Кто в том селе живёт.
Замечательный народ!
Несмотря на все невзгоды,
всюду творческие всходы:
В клубе, в школах и в саду
лауреаты на виду.
Будут петь и танцевать,
с Днём Села Вас поздравлять.
А наш сельский Голова
скажет нужные слова:
Как живёт честной народ,
что свершилось в этот год.
В Колмогорово кто лучший,
назовёт под этот случай.
Отличится, кто сумел,
натворив хороших дел;
В огородах и в садах
иль в общественных делах.
А затем вручит подарки,
пусть окраскою не ярки,
Но, зато, нужны для дела,
лейки, грабли – бери смело!
Они в будущем году
пригодятся вам в саду.
Не забудьте, как, ни будь,
вы на выставку взглянуть.
Посмотрите: что творится!

Есть, чему тут удивится!
На все руки мастера,
взрослые и детвора.
Вот поэтов наших книги
и прозаиков интриги
Разместились на столах,
там картины на стенах.
Разносолы и варенье,
очень вкусное печенье,
Соки, воды, сладкий мёд,
так и просится вам в рот.
Вот изделия из пряжи,
многие в деревне вяжут,
Свой, сегодня, славный труд
вынесли на общий суд.
В похвалах вы не скупитесь,
у стола остановитесь
И оценку с цифрой «пять»
постарайтесь им отдать.
В общем, сами всё смотрите
и потом не говорите,
Что не видели вы здесь
удивительных чудес.
Чтоб на праздничной поляне
весело прошло гулянье,
Нос не вешай и не кисни,
всё от нас, друзья зависит.
В заключение, у костра,

будем петь мы до утра.
И желать друг другу счастья,
чтобы мрачное ненастье,
Наше дружное село
стороною обошло.
Н. Б

Защитникам Брестской крепости.

Беснуются проклятые фашисты,
Остервенело, лезут напролом,
Они мечтали о победе быстрой,
Но захлебнулись под стальным огнём.

Горит земля, стоная под ногами,
Не умолкая хлещет пулемёт,
В дыму разрывов гордо реет знамя,
И гарнизон позиций не сдаёт.

Артиллерийская грохочет канонада,
Дробятся камни, плавится песок,
В крови увязла дикая армада,
Закрыла путь ей крепость на восток.

За полчаса хотели взять заставу,

Таков эсэсовцами срок был отведён.
Но мужеством в веках себя прославив,
Сражался месяц Брестский гарнизон.

И кровью истекая, не сдавался,
Пока последний воин ни упал.
Бессмертием в сердцах наших остался,
Навеки символом он героизма стал.

Н.Б. 04. 10. 2011год.

Умер Сталин.

Весенний хмурый день,
Тревога, словно тень,
Не отступая, следует за нами.
Мне трудно всё понять –
Я маленький совсем
И прижимаюсь крепко
к своей маме.
У Сельсовета сход,
В слезах стоит народ,
Вещает репродуктор:
«Умер Сталин»
И ужас всех сковал-
Последний день настал,
Сквозь вопли слышно:

«Что же будет с нами?!»
Я в тот тревожный час
Не видел, среди нас
Нормальных мужиков
Здоровых, сильных, крепких.
Калек фронтовиков,
Да пару стариков
Запечатлел мгновенно
Взгляд мой цепкий.
Сказали мне потом:
«Одних в тридцать седьмом
По подозрению в лагеря
загнали.
А там из мужиков,
Из сельских простаков
Признания в застенках
вышибали:
Мол, сознавайся, гад,
Врагам ты нашим рад
В чём убеждён наш вождь,
товарищ Сталин.
Другие ж на фронтах
За совесть, не за страх,
Спасая Родину, геройски
погибали.
И вот в слезах народ,
И мать моя ревёт,
Реву и я, как все:

«Ушёл товарищ Сталин!»
Хотелось бы мне знать,
О ком же плачет мать?
Перед войною, её мужа
расстреляли.
Какой из него враг?
Из сельских работяг,
Простой кузнец,
застенчивый и честный.
Да видно, невпопад, что-то
сказал не так...
Таким в те годы был
конец известный...
Но в тот весенний день
Тревога, словно тень,
Преследовала всех в стане
могучей.
«Пришёл нам всем конец,
Ушёл родной отец!»
Смерть Сталина свалилась
чёрной тучей!

19. 03. 2012 г.

ШАХТЁРАМ...

Видно судьба у Вас такая,
Рубить Кузбасский уголёк,
Чтоб города он согревая,

Согреть и душу нашу мог.

Мы ж, добрым словом, вспоминая,
Нелёгкий Ваш шахтёрский труд,
Вам возвращения желаем
К родному дому, где Вас ждут.

Пусть каждый день Вас ждёт удача,
Богатый угольный забой,
В три ваших роста, не иначе,
Счастливый, лёгкий путь домой!
Н. Б. 12. 11. 2019 г.

С Новым годом !

Друзья примите поздравленья!
Год Белой Крысы снова у ворот.
Мечты заветной удовлетворенье
Пусть каждому из Вас он принесёт!

Сугробы, словно волны, разрезая
И ели покрывая серебром,
К нам Дед Мороз с подарками шагает,
Несёт добро и счастье в каждый дом.

Снегурочка с распущенной косою,
Сверкая чистотою синих глаз,
Нам тайну новогоднюю откроет
И улыбнётся каждому из нас.

И сердце наше радостно забьётся
В надежде, что всё сбудется теперь.
И каждый пусть друг другу улыбнётся,
Откроет счастьем запертую дверь.

Тогда уж точно мир станет меняться,
Наполнится добром и красотой.
Со злом и завистью давайте
расставаться
и верой жить с открытою душой!
2020 г.

Сказал мне критик: Что писать я не умею:
«Рифма слаба, размер стиха не тот.
Пройдут года, ты горько пожалеешь,
Подымет на смех тебя весь честной народ».

Возможно так, народ у нас мудрёный,
Сегодня принимает на «ура»

А завтра вспыхнет разум возмущённый,
И вышвырнут, как мусор со двора.

Он мне сказал: «Ты пишешь приземлённо,
Нет поэтического взлёта у тебя.
Объят сатирой мозг твой воспалённый,
Не в том аспекте предъявляешь ты себя».

Да ! Не готов я ангелов небесных
И Бога в каждой строчке воспевать.
Покоя нет мне от людей бесчестных,
Готовых всю страну разворовать.

Хотелось бы воспеть красу природы,
Высокопарно о любви сказать.
Но заклеить мне хочется уродов,
Готовых нашу родину продать.

Народ простит мне рифму и размеры,
Поэзия моя ему сейчас нужней,
Не растерял, чтоб он надежды, веры
В святую справедливость светлых дней.

18. 07.2013 год.

Мечь.

Слух по деревне быстро прокатился:

«На практику студенток привезли»
Я к вечеру, как мог, «прибарахлился»,
На танцы мы с друзьями в клуб пошли.

Баян стонал, мелодия рекою
По деревенским улицам плыла.
Красавица, махнув плавно рукою,
Под переборы танцевать пошла.

Весёлые девицы городские
Летали в танце, словно напоказ.
От восхищенья, без вина хмельные,
Кружились головы от новизны у нас.

А наши деревенские девчонки,
Нахмурившись, обиду затаив,
Стояли, сбившись кучкою в сторонке,
Их раздражал навязчивый мотив.

С голубоглазой мы разговорились,
Что знал, ей о деревне рассказал.
Потанцевали, вроде подружились,
Запали в душу её милые глаза.

Всю ночь мы по селу бродили с Лизой,
Таким вот именем она мне назвалась.
Я был готов исполнить все капризы,
Чтоб не нарушить нитей наших связь.

Рассвет вставал над спящею округой,
Восток забрезжил алою зарёй.
До общежитья проводив подругу,
Поплёлся потихоньку я домой.

Вот двор родной, тесовые ворота,
О боже! Что случилось? Не пойму,
Измазал их тягучим дёгтем кто – то.
Поди узнай, за что и почему.

Отец на утро мне сказал сердито:
«Ворота мазали гулящим, в старину.
Девчонками башка твоя забита,
Вскружил им голову и верно не одну!»

05. 06. 2013 г.

Дед Лупан.

К фамилии в награду, так бывало,
Лихая деревенская молва
Кличку обидную частенько прибавляла
Такую, что придумаешь едва.

Вот Ноздреватых, дед чудаковатый
С исконно русским именем Иван,
Лупил кого, иль луплен сам когда-то?

В деревне прозывался: дед Лупан.

Он в валенках, в овчинном полушубке
И на завалинке под солнцем, как в раю,
Прищурившись, попыхивает трубкой,
Подолгу думу думает свою.

Мы, ребяташки, бегаем по лужам,
Весенним, по краям ещё с ледком.
Не видим деда – он нам и не нужен,
И меж собою разговор пустой ведём.

А он прислушался, ладонь приставив к уху,
Вздыхнул, поправил пряжку на ремне,
Хоть не блистал Лупан хорошим слухом,
Но что-то уловил он в нашей болтовне.

И подозвав меня и внука Тольку,
Велел полено из поленницы достать:
«С тебя, внучок, совсем не будет толку,
Полену будешь этому под стать.

А ты, Миколка, будешь человеком,
Ты башковитый, счас уже видать»
Я позже часто вспоминал об этом,
Сумел нам дед судьбу растолковать.

Внук Толька спился, не прожил полвека,

В жизни хорошего он так и не видал.
А дед Лупан был мудрым человеком,
Как видно, он путёвку в жизнь мне дал.

2. 11. 2012 год.

Когда – то каждый должен умереть,
Другого, к сожаленью, не бывает.
И ускользнуть от смерти не суметь,
Ни деньги и ни власть не помогают.

Но уходить придётся одному,

Этот процесс проходит

в одиночестве.

Отчёт сдаешь себе ты самому,

Перед кончиной, о свершённом

творчестве.

И перед совестью своею не солгать,

Ужом не отвертеться перед нею.

Последний раз себе оценку дать

Без ужаса иные не сумеют.

Другой, с молитвой, не испытывая

страх,

Этот отчёт сдаст, не кривя душою,

Вся жизнь его прошла в благих делах

В Большом театре опера идёт,
Онегин встретил пылкую Татьяну,
А в Малом Герман карты раздаёт,
Разыгрывая «Пиковую даму»

А если в поле вьюга замела,
Мы сразу вспоминаем твою кружку,
Как хочется, чтоб няня подала
Глоток вина и хлебушка горбушку.

Мы чтим тебя, любимый наш поэт,
Творения твои мы не забыли,
Так много пролетело бурных лет,
Тебя всё также любим, как любили.

Ты промчалась на рыжем коне,
Я хотел ухватиться за стремя:
«Не пытайся – слышалось мне,
Утекло, старина, твоё время.

И не нужно бежать за конём,
Ты же знаешь-за ним не угнаться,
Да, и та, что гарцует на нем,
Будет лишь над тобою смеяться.

Рука моя, пока ещё, тверда,
Да и сознание, вроде, не подводит.
Беда лишь в том – летят мои года,
А с ними и уверенность уходит:

Смогу ли я, как прежде полюбить,
Любимым быть или хотя б терпимым.
Смогу ли честь свою я защитить,
И в спорах быть всегда непобедимым.

Судьба мне благоволила, пока:
Любил, любим и честь не опорочил.
Лишь иногда витаю в облаках,
*Пегаса мне поймать там нужно срочно.

*Пегас – крылатый конь поэзии.

Друзьям...

Друзья давно минувших лет!
О вас сегодня вспоминаю.
Кто жив из вас, кого уж нет?
Я, к сожалению, не знаю.

Порой так хочется назад,
Туда, где детство отзвенело,

Где бессознательный азарт,
Срывал нас с места то и дело.

На речку бегали гурьбой
И в лес ходили всей ватагой.
Вступали с недругами в бой,
А после хвастались отвагой.

И, видно, бились мы не зря,
Те навыки нам пригодились,
Уверен, что мои друзья
Лихой судьбе не покорились.

Сажу за письменным столом,
Строка на строчку набегает.
Вы рядом все. Бокал с вином.
Слезой свечка оплывает.

Ты жёг себя, чтобы согреть других,
Над пламенем они погрели руки,
Распив бутылку водки на троих
И пару раз, затем, зевнув от скуки,
Ногами принялись топтать золу,
Всё то, что от тебя ещё осталось.
И пьяным языком несли они хулу,
Добром не вспоминая, даже малость.

О любви...

Любимая моя! У ног твоих
Готов стоять я, приклонив колени.
Я для тебя давно прочтённый стих,
А может всё же непутёвый гений!?

Всё ни к чему, мой подвиг не велик,
Рифмой марать бумагу то и дело.
В глаза взгляни, коль в душу я проник,
Взор отведи, коль это надоело.

И взглядом укажи, куда идти теперь,
Пускай невыносимо будет больно.
К груди прижмёшь, укажешь ли на дверь,
Я все твои желания исполню!

Поиграй мне на баяне песню...

Поиграй мне на баяне песню,
Чтобы сердце вспыхнуло огнём.
Пятьдесят живём с тобою вместе,
Много пережили мы вдвоём.

Эти годы быстро пролетели,
И не нужно нам судьбы иной.
Мы ещё вчера с тобой сидели,
Рядышком за партою одной.

А теперь уж головы седые,
С гордостью по жизни их несём.
А душой всё так же молодые,
Растяни меха, давай споём.

Разговор с богом...

О, господи, мы в храм все устремились,
Замаливать грехи, за всё - не хватит сил.
У каждого их много накопилось,
И каждый хочет, чтобы ты его прости.

Деваться не куда, такими нас создал,
Ты наш отец, а он детей прощает.
И наши души далеко не идеал,
Скорее, грешный путь нас привлекает.

Вот генерал, дрожа, свечу поставил,
Неистово крестясь, и что-то бормоча.
По глупости солдат своих подставил,
В горах афганским, злобным басмачам.

За это срочно в тыл переведён,
А наказанья никакого не понёс
И в должности повышен снова он,
Грехи свои в твой храм, подлец, принёс

Он думает, что ты его простил,
Удел таков, прощать всех подлецов.
Большую свечку у иконы засветил,
Теперь для новых «подвигов» готов.

Вот «новый русский», попросту бандит,
В перстнях весь, цепь на шее золотая.
Подобострастно на иконы он глядит,
Поклоны, в пояс, неустанно отбивая.

Бандит, а миллионами владеет,
За них уж многим душу погубил.
И жертвуя, он денег не жалеет,
А скольких уже по миру пустил.

Об этом, господи, известно лишь тебе,
Исчадь ада он, но ты всех сотворил,

И шутку чёрную сыграл в его судьбе,
Не глядя дьяволу навечно подарил.

Он тоже хочет милости твоей,
Прощенье будет для него подарком.
Забудет про все подлости свои
И будет новым, русским олигархом.

А вот стоит политик, в чёрном весь,
Душа его черней его одежды.
Как этот оказался ныне здесь?
Какие на тебя питает он надежды?

В политбюро он долго заседал,
И чина высшего почти уже достиг.
Врагов народа в лагеря сажал
И в коммунизме истину постиг.

И вдруг вернулся вновь капитализм.
Откуда взялся? Мы его не ждали.
В России возродился плюрализм,
А оборотни вспять все побежали.

Один из них стоит перед тобой,
От партии он сразу же отрёкся.
На прошлое своё махнул рукой
И новыми идеями увлёкся.

А здесь стоит понятно почему,
На выборы идёт он кандидатом.
Авторитета не достаточно ему,
Твоим решил завериться мандатом.

Его простишь, не глядя ни на что,
На то, что храмы он твои порушил,
Все заповеди превратил в ни что,
Случится, он любой устав нарушит.

Лишь нищим у тебя прощенья нет.
Они твой храм толпою окружили.
Выпрашивают несколько монет,
И молятся, а лучше не зажили.

Хотя и здесь, конечно, я не прав.
Ты мудро рассудил и в этом деле.
Взбунтуются, дай им по больше прав,
И отвали убогим кучу денег.

Я поражён терпением твоим,
Умением прощать любые прегрешенья.
Пора мне уходить, приду, поговорим,
Теперь и я прошу за всё прощенья.

А в храме благодать и тишина,
И лишь слегка потрескивают свечи.
У каждого свалилась с плеч вина,

А ты принял её себе на плечи.

Апрель 1999 год.

Где ж ты, моё вдохновенье...

Женщины образ прекрасный

Стал вдохновеньем моим.

Но мои мысли напрасно

Мчатся сквозь годы за ним.

Где ж ты моё вдохновенье,

Руки ко мне протяни,

Душу мою, на мгновенье,

Нежно в ладони возьми.

Я с благодарным поклоном

Оду тебе пропою.

Ты ж в своих тёплых ладонях

Греть будешь душу мою.

Нет мне на это ответа,

Образ в тумане пропал...

В воображенье поэта,

Часто он вновь возникал.

Мой друг мечтал, что всех рассудит время,
Накажет тех, кто возродил хаос,
Кто возвратил капитализма бремя,
И учинит с них непременно спрос.

Весной сажал в родную землю семя,
Пел свою песню пашням и полям
И продолжал надеяться на время,
Оно, мол, всё расставит по местам.

Но не сбылись напрасные надежды,
Где он бродил по травам и лугам,
Всё захватили алчные невежды,
Теперь дворцы они возводят там.

Но друг упрямо повторял всё тоже,
«Время рассудит и расставит по местам,
Утраченное всё вернуть мы сможем,
Конец настанет замкам и дворцам»

Посвящение молодости...

Сегодня день рождения у Вас
Здоровья Вам желаю я и счастья
Чтоб радовал Вас в жизни каждый час
И стороною обошли ненастья.

Рук Ваших не могу поцеловать,
Надежды у меня на то не много,
Но от души хочу Вам пожелать:
Чтоб в жизни была гладкою дорога.

По ней шагайте гордо, не спеша,
Запоминайте каждое мгновенье,
Жизнь не проста, но всё же хороша,
Пусть Вас не покидает вдохновенье.

Готов сопровождать я Вас в пути,
Все беды отводить своей рукою.
Жаль рядом с Вами не могу идти,
Присутствием не смею беспокоить.

А где-то через много - много лет,
Вы вспомните, с улыбкой и грустью,
Что Вам писал стихи один поэт,
Испытывая дружеские чувства!

Виртуальной «однокласснице»

Я весточки от вас жду с нетерпением,
Бросаюсь ежедневно в интернет.
Гляжу в глаза я Ваши с восхищением,
На фотографии. Живой-то рядом нет.

Так хочется за руку Вашу взяться,
Любимой и единственной назвать,
Но думаю, Вы будете смеяться:
«Не следует границы нарушать»

Мой друг! Простите! Кажется, увлёкся,
Вернул себя на тридцать лет назад,
Фантазиями жить давно зарёкся,
Да видно затуманился мой взгляд.

О молодость, как ты всегда беспечна,
Всё в будущее рвёшься заглянуть.
И, кажется, что будет бесконечным
Тебе судьбою отведённый путь.

Шагаешь по нему ты торопливо,
Не замечая времени полёт.
Срывая календарь нетерпеливо,
Чтоб наступил скорее новый год.

И некогда тебе остановится,
Любовь, работа, прочие дела.

Порою слава ночью тебе снится,
Ах, только бы судьба не подвела.

О зрелость, но и ты не замечаешь,
Как пролетают месяцы, года.
Везде успеть, всё захватить мечтаешь
И думаешь, что будет так всегда.

Преклонный возраст: «Господи помилуй,
Куда ж ты торопился столько лет?
Стараясь непременно стать счастливым,
А времени на счастье уже нет.

О старость, подожди ещё немного,
На плечи, что есть силы, не дави.
Какое счастье: носят ещё ноги,
Да разум вспоминает о любви.

Ах, как жаль, что живу не в том времени
И совсем не того роду – племени.
Лет на тридцать назад развернуться бы,
Я б сумел до тебя дотянуться бы.

Закружил бы любовной неволею,
Если б ты мне такое позволила.
Целовал твои руки бы белые.
Жаль, что так никогда я не сделаю.

Любви я вашей не прошу. Не смею.
Об этом слишком поздно говорить.
Если б вы знали, как о том жалею,
Что всё же не могу я вас любить.

Не осуждайте, вас пусть не тревожат
Терзания о том души моей.
Мои слова смешны для вас, быть может,
Ну, что же, улыбнитесь поскорей.

Ваша улыбка – утренняя зорька,
Волнует моё сердце вновь и вновь.
Ношу и не жалею я ни сколько,
Не разделённую в душе моей любовь.

В разгаре поэтическая встреча,
Слезу пустили восковые свечи.
Мерцает пламя их в гостинной
у «Светланы»
Здесь всё серьёзно, без подвоха
и обмана.

Стихи читают местные поэты.
Певцы поют прекрасные сонеты
И услаждают слух наш музыканты,

Гостиной нашей собрались таланты.

Возможно, здесь Большой поэт родится,

Мы будем земляком своим гордиться.

А может быть великий музыкант,

Проявит свой недюжинный талант.

Потрескивая, догорают свечи,

Как жаль, что быстро пролетела встреча,

В гостиной поэтической «Светлана»

Где всё серьёзно, без подвоха и обмана.

21. 01. 2011 год.

Народному коллективу

«Бабий разгуляй»

Берёзы вдруг застыли онемев

И ветер присмирив, совсем затих,

Над Томью разливается напев

Сердечных переливов золотых.

Душа вдруг встrepенувшись, замерла.

Елеем чувства льются через край.

Затихли все, забыв свои дела.

Запел в деревне «Бабий разгуляй»

Прекрасный наш, народный коллектив,

Признание и любовь завоевал

И многих своей песней покорив,

Непобедимым, среди лучших, стал.

Встречали Красноярск его Алтай
Сан Петербург был песней поражён.
И дальний заграничный польский край
Напевами его был удивлён.

А женщины одна краше другой
И ум, и стать природа им дала,
Стройны, румяны, бровь у всех дугой.
Земной поклон вам, счастья и тепла!

08. 04. 2010 год.

У обелиска павшим воинам

1941 – 45 г. г.

О, воины, отцы наши и деды,
Дань памяти пришли мы вам отдать.
Защитники, вершители Победы
Тревожит вечный сон ваш, враг опять.

Вы слышите: вновь вспыхнула война!?
Опять нацисты поднялись в Европе.
И поступь кованых сапог опять слышна.
И внуки ваши вновь крушат окопы.

Окопы тех, кто жить нам не даёт.

Тех, кто язык наш русский ненавидит,
Кто предал нас, и смерти нашей ждёт,
бандеровцев, что в НАТО себя видят.

Копила силы армия не зря,
Но всё же до Победы путь не близкий.
Умылась кровью матушка – земля,
И вновь мы будем ставить обелиски.

Вечная память павшим в том бою,
Слава живым защитникам Отчизны!
Мы с вами все, стоим в одном строю
Ради достойной для России жизни!

06. 03. 2022 г.

К 20 – летию сценической
деятельности

Елены Алексеевны

Васильченко.

Ты посвятила жизнь свою

искусству,

Не каждый знает, ноша тяжела.

И в жизнь свою,

не допуская грусти,

во многих жанрах

преуспеть смогла.

Над сценою взлетаешь,

словно птица,

в любом наряде так же хороша.

И глядя на тебя,

никто не усомнится,

что в этот танец вложена душа.

И песню спеть,

чтоб сердце обомлело,

а по щеке скатилась вдруг слеза.

Ты можешь делать это

так умело,

с любовью глядя зрителям

в глаза.

Пусть говорят, что годы улетают,

И не найдёшь, в каком они краю.

Нет, годы не летают и не тают,

А остаются навсегда в строю.

А строй годами этот только крепнет,

В нём твои дети и твои ученики.

Желаю тебе здравствовать столетье,

И в жизни радости – невзгодам вопреки.

Н. Башев. 29 апреля 2009 г.

К юбилею
Светланы Николаевны
Быковой.

*Тебе отдал бы орден свой,
Да жаль, его я не имею.
Слова, рождённые душой,
Я приготовил к юбилею.*

*Не нужно грусти о былом –
Не всё ещё с тобой мы спели,
И не достигли до конца
Намеченной по жизни цели.*

*И эта цель – нести добро –
Тебе отлично удаётся.
Виски покрыло серебро,
А сердце так же твёрдо
бьётся.*

*Всё ещё будет впереди
Много друзей, дарящих
счастье.*

*Солнце и летние дожди.
Господь пусть отведёт
нечастье.*

Будь ты и далее такой!

*Твоим талантом восхищаюсь.
Яркой душевной красотой,
Я восхищён. И преклоняюсь.*

*То, что в душе, я всё сказал,
За твой талант, за вдохновенье
Выпьем шампанского бокал.
Я ж напишу стихотворенье.*

Н. Башев. Март 2006 г.

Басни и притчи.

Охотники

Однажды Лев, Медведь, Лисица,

Решив добычей поживиться,

Пошли охотиться втроем,
Чтобы насытиться потом.
Добычи много наловили
И на поляну положили.
Прежде чем голод утолить,
Добычу нужно поделить.
Медведю Лев сказал: «Дели,
Не ошибись только смотри!»
А Мишка, голодом измучен,
Всё быстро разложил в три кучи,
Старался, поровну делил,
Льву выбрать кучку предложил.
Лев разозлился, зарычал,
Медведя на куски порвал.
Лисе же предложил он злобно:
«Ну, покажи, на что способна».
Та в одну кучу всё сложила,
Себе лишь мышку уделила.
Довольный Лев спросил лису:
«Кто научил тебя в лесу
Быть ловкой в деле же такой?»
«Медведь разорванный тобой,-»
Голодная Лиса сказала
И в лес подальше убежала.

Три пса

Три пса усадьбу охраняли,

Покоя по ночам они не знали.
Служили верно, как могли,
Добро хозяйское усердно стерегли,
Подходы разные к работе той имели,
Но вместе добивались нужной цели.
Один из них всегда молчал,
Грабителей клыками он встречал,
Других два пса завидев вора,
Скорей бежали от забора
И прятались за дровяным сараем,
При том же заливались громким лаем.
Хозяин ночью действий их не видел,
На молчаливого он затаил обиду:
«Ну что за пес, совсем не лает»
И тех хвалил, что лают за сараем:
«Их лая испугались, видно, воры,
Мелькнули только пятки за забором».
Недолго думая, он пса того продал
Соседу, тот давно собак искал,
Хозяин же в надежде на двух псов
И на тяжелый металлический засов,
Спокойно спал со своей кралей...
В ту ночь его до нитки обобрали.

Хозяин плох, коль он не понимает:
Не тот хороший пес, что громко лает,
А тот, кто молча дело исполняет.

Челобитная

Лисица к Волку на прием

Хотела по делам пробиться,

Но остановлена была секретарем:

«Постой Лиса, не надо торопиться,

Волк занят очень, много нынче дел,

Ты ж знаешь, он делами управляет,

Кто записаться на прием к нему хотел,

Волку барашка или утку доставляют.

А ты с пустыми лапами пришла,

Без очереди прѣшься на пролом

Не будет Волк решать твои дела,

Не скоро попадешь ты на прием»

Лиса поджала хвост и поскорей

К Медведю с жалобой на волка подалась,

В округе он считался всех мудрей,

К тому же там держал он крепко власть.

В берлогу сунулась она, не тут-то было,

Там тоже грозный секретарь сидит:

«Куда Лиса, чего тут позабыла,

Ты что не видишь, очередь стоит?

И на прием, чтобы к Медведю записаться,

Нужно козла или телѣнка притащить,

Подумай, ты ведь можешь надорваться

А дел своих не сможешь разрешить»
Подумала Лиса: «Себе дороже,
Чем выше ведомство, тем ноша тяжелей,
Баранчик или утка легче всё же
И поспешила к волку поскорей.

Критик

«Вот взять Крылова, что к чему
Никак я в разум не возьму.
«Лиса и виноград» читая,
Я просто недоумеваю:
Зачем лиса залезла в сад,
Не ест она же виноград?
А это что же за «Квартет»?
Ни слова правды в басне нет.
Друзья, мне не сдержать улыбки,
Козёл играет там на скрипке,
Никто такого не видал,
Как видно, баснописец врал.
А эта басня про мартышку,
Ну что же он, уж это слишком,
Очки мартышкам не нужны.
Здесь уточнения важны:
Уж если про очки писать,

То человека нужно взять!..»

Так критик разносил Крылова,
И пальцем тыкал бестолково
В великого поэта том,
Доволен был собой при том.

Про зубы

Крестьянин в старости зубов лишился
И сколько б за столом не суетился,
Не может разжевать куска,
Полуголодного грызет его тоска.
И вдруг услышал он намедни,
Что будто в городе соседнем,
Протезы людям делает дантист,
И в этом деле просто он артист.
Запряг кобылку в сани поскорей,
В карман засунул весь запас рублей
И покатил знакомыми полями
В больницу за протезными зубами.
К врачу попал без всякой суеты:
«Какие хочешь, дедушка, мосты?
Серебряные или золотые,

А может быть из платины литые?»
Прищурившись, дантист его спросил
«Мне, чтоб покрепче, нету больше сил,
Оголодал, как видишь, я совсем,
Порою кажется: сейчас собаку съем».
«Ну, что же, долго думать мы не станем,
Из платины протез тебе поставим.
Побудь за дверью, выпишу я счет,
Работу нужно оплатить вперед».
Открылась дверь, счет доктор подаёт,
Взглянул крестьянин, оторопь берет.
К деньгам, что он успел с собою взять,
Кобылу нужно было бы продать
И всю в селе усадьбу со скотом.
А чем питаться буду я потом?»

И долго еще думал: «Ну, дантист!
И верно говорят: большой артист».

Крот и Мышь

Однажды Мышка полевая,
От голода весьма страдая,

Прорыла норку в огороде
И хвостик откусила, вроде,
У репки, что росла на грядке,
Не нарушая там порядка.
Полакомилась Мышка всласть,
К себе обратно убралась.
Владеньям делая обход,
Хозяин вышел в огород.
И день хотя был очень светел,
Мужик ущерба не заметил.
Все это слышал Крот слепой,
Уткнувшись в грядку головой,
Подумал: «Чем я Мыши хуже ?
Мне тоже завтрак очень нужен.
Затарю на зиму запасы,
Мужик-то, вроде, не опасен».
И начал рыть он без оглядки,
Испортил в огороде грядки,
Все корнеплоды покусал.
На шум хозяин прибежал,
И, видя на земле разруху,
Кроту заехал палкой в ухо.
От боли корчась суетливо,
Он думал: «Как несправедливо
Со мной хозяин поступил,
За что меня он так избил?»

Что нашему Кроту ответить?

Малышку можно не заметить.
Но не равняй её с собой,
Когда ты учинил разбой.

Рады встрече...

Зима. Пурга, не видно света,
Толпа на площади Советов.
Зеваки мечутся гурьбой
И рассуждают меж собой:
«Иван, скажи-ка мне на милость,
Какое чудо приключилось,
Фасады красят вдруг зимой,
Ремонт ведут на мостовой,
Бордюры трут водой горячей,
С ума свихнулись, не иначе?»
«Фома, ты что, с луны свалился?
Ещё вчера слух прокатился,
Начальник едет к нам большой,
Ему мы рады всей душой.
Заборы красим неспроста,
Чтоб глаз ласкала красота.
Решили отличиться мы,
Кто ждал пургу среди зимы!»

Не раз такое мы видали,
Когда к нам гости приезжали.
Чтоб благосклонность их снискать,
Готовы и не то лизать.

Человек и змея

Змея почти что околела,
Так как давно уже не ела,
Валялась у обрыва на краю,
Тут человек заметил ту змею.
И жалость обуяла дурака:
«Сейчас налью тебе я молока
И хотя сам я вроде не богат
Но друга займеть все ж буду рад.
Начнем людей мы веселить вдвоём,
Авось безбедно вместе заживём.
Буду на дудочке мелодии играть,
А ты под музыку ту будешь танцевать».
Змея пока совсем слаба была
Всё подтверждала, как могла
А человек змее, чтоб угодить
Всё молоко готов был ей скормить.
Она же постепенно отходила,

Вернулась к ней былая сила...
Не чуя близкую беду,
Принес тот человек дуду.
Когда же заиграл, змея вскочила
И зубы ему в руку запустила.
Прочь уползая прошипела:
«До танцев нет мне никакого дела,
А что касается друзей, всегда я рада
Смертельного загнать в их тело яда».

Маракасы

В оркестре маракасы – инструменты,
Можно сказать ненужные совсем,
Срывались и в отдельные моменты,
Шуршаньем злым надоедали всем:
«Зачем в оркестре нам труба нужна?
Её в футляре носят осторожно,
Мы думаем, не так она важна,
Без воя медных обойтись всем можно.
А что за звуки скрипка издаёт?
Как будто кошку дверью прищемили,
Наше шуршанье слышать не даёт,
А нам хотелось, чтобы нас хвалили».
Так осуждали они всех подряд:

«В оркестре многие не то заняли место».
Забыли, что когда они шуршат,
Не слушает никто их без оркестра.
И вот однажды так случилось вдруг,
То ли от ветхости, а, может, от обиды,
Переломались инструменты все вокруг,
Лишь маракасы не меняли вида.
Владелец – музыкант в руках их подержал,
Подумал: «Проку с них ни на копейку».
Взмахнул, немного ими пошуршал
И за ненужностью бросил под скамейку.

Не будь среди друзей на службе шавкой,
Придет момент, окажешься под лавкой.

Кукушка с претензиями

Кукушка в суд прошение подала,
Чтобы привлечь детей своих к ответу:

«Я стала старая, плохи мои дела,
Голодная, больная, денег нету.
Пусть мои дети обеспечат мне уют,
Накормят, обогреют, обошьют»
Сова – судья, увидев то прошение,
Глазами хлопает сидит от удивленья:
«Послушай-ка Кукушка, что за бред,
Все знают, ты всю жизнь одна летала,
Детей у тебя не было, и нет.
Ты их в зародыше по гнездам разбросала.
Другие птицы, надрывались целый день,
Твоих подкидышей кормили неустанно,
Тебе же ими заниматься было лень,
Претензии твои довольно странны.
Но если даже удовлетворить
Судебный иск, что им бы предъявляли,
Не смогут приставы в лесу их отловить,
Они твои уловки переняли»

Как бы ни горько было это отмечать,
Всё чаще нам приходится встречать
«Кукушек», что детей своих бросают.
Когда же старость, немощь наступают,
Вот тут они о детях вспоминают.
Им же претензии «кукушки» предъявляют.

Флюгер и труба

Железный Флюгер, под порывом бури,

Вниманье привлекал к своей фигуре.

Перед печной Трубою распинался,

На крыше рядом он располагался:

«Смотри, Труба, что я творить умею

И бурей и ветрами, всем владею,

Лишь стоит мне на север повернуть,

Туда же ветер начинает дуть.

А повернусь я с севера на юг,

То бурей заморожу всё вокруг.

И направление дождя могу менять

И снежную метелью управлять».

Так хвастал он, от самолюбия дрожа,

Под ветром и дождем проела его ржа.

Заскрежетал, со скрипом прокрутился,

Заклинило его, и он остановился,

А ветер в разных направлениях гулял.

Сердился Флюгер, недоумевал:

«Что это значит, я гляжу на юг,

А ветер повернул на север вдруг?»

Простую истину он не хотел понять,

Не в силах Флюгер ветром управлять.

Труба же глядя на него сказала:

«Ну, наконец-то это чудо замолчало,

Ишь, возомнил, что ветром управлял,

Благодарил бы, что в струю его попал.

Да и вообще на крыше был не нужен,
С работой Флюгера справлялась я не хуже,
Когда топилась печь, и из меня шёл дым,
Показывал он людям городским
Откуда ветер дует и куда.
Сломался флюгер, это не беда».

Друзья! Дела такие нам не новы,
К большим событиям примазаться готовы
Людишки мелкие, а позже всем болтают,
Будто они происходящим управляют.

Две реки

Две речки спор вели между собой.
Одна из них, сверкая с гор стекала,
Другая, убажывая свой покой,
Вся в ряске, так сестрицу упрекала:
«Куда летишь и мечешься зачем,
Об камни бьёшься, грохот создавая?
Мне жаль тебя, измучилась совсем,
Усердие твоё никто не замечает».
На солнышке блеснув небесной синевой,
Стремительная речка отвечала:

«Зачем спешу? Таков характер мой,
Торю свой путь, вбираю минералы.
Усталый путник, птица или зверь
Пьют с наслаждением мою живую воду.
И множество лугов я напою, поверь,
Когда в долину вырвусь на свободу».
Вновь зашумев, сверкая серебром,
Разбрызгивая пену, вдаль помчалась.
А мутная река, в ложбине за бугром,
В болото постепенно превращалась.

Так я себе две жизни представляю,
Одна бурлит, добром бьёт через край,
Другая медленно без дела загнивает.
Тебе решать, любую выбирай.

Пчела и Муха

Однажды Муха встретила Пчелу
И говорит «Ну, что за жизнь такая,

Летаю целый день я по селу
И лишь навоз и грязь везде встречаю.
И не возможно мне нигде присесть,
Везде стараются прогнать меня скорее,
К столу я подлетела, чтоб поесть,
Убить меня хотят, нисколько не жалеют.
Присела на корову, та хвостом,
Что было силы, чуть не захлестнула,
С испугу занесло в соседний дом,
Хозяйка тряпкой в унитаз меня смахнула.
Скажи, как заслужила ты почет
И уваженье у людей добилась?
Ведь каждый человек тебя к себе зовет
И домик строит, чтоб ты поселилась.»

Ответила с усмешкою Пчела:
«Летаешь ты с навоза к унитазу
И целый день в грязи твои дела,
По нашему селу разносишь ты заразу.
Я же с утра, как солнышко встает
Спешу собрать нектар с цветов красивых,
И из него готовлю вкусный мед,
Чтоб угостить людей трудолюбивых...»

Вот так среди людей: один разносит грязь
И удивляется, что все его не любят.
Перед другим цветов прекрасных бязь,
Он сам живет, жить помогает людям.

Волки и Собаки

Собаки стали похваляться:

«Чего, мол, нам волков бояться,

А если стаей нападём,

Любого волка загрызём.

А если громко все залаем,

Всю волчью стаю распугаем.

К тому же в битве средь полей

Намного мы волков умней».

Вожак волков, услыша это,

Созвал всю стаю для совета:

«Противно слушать брех собачий,

Псы оборзели, не иначе,

Чтоб пустобрехство прекратить,

Должны собак мы проучить.

Их в поле выманить нам нужно

И там наброситься всем дружно.

Наверняка чтоб победить,

Должны мы стаю поделить.

Отправим два больших отряда

На поле, с двух сторон в засаду,

В деревню третий, на удачу,

Чтоб ухватил их взор собачий».

Как словом, так и делом стало,

Заметили собаки стаю,

Навстречу кинулись волкам,

Есть поработать где клыкам.
Но волки быстро развернулись,
И в лес стремительно метнулись.
Собаки, чувствуя победу,
Во весь опор летят по следу
И рассуждают на ходу:
«Нарвались волки на беду».
Вдруг в ужасе собаки взвыли,
Их волки быстро окружили.
Недолго длился этот бой,
Не возвратились псы домой.

Такой сюжет я вам загнул.
Все ж между делом намекнул:
«Перед врагом не хвастай, милый,
Померяйся с ним прежде силой».

Сапоги и Туфли

Презрительно носы воротят уфли,
Пеняют злобно грязным сапогам:

«От вашей вони мы уже опухли,
Нельзя ль по тротуару топать вам?»
Но вот однажды, раньше, чем обычно
Хозяин бросил сапоги за дверь,
Они смотрелись как то непривычно,
Подошв и стелек не было теперь.
Доверчиво на туфли покосился,
Затылок свой в раздумье почесал:
«Ну вот, подарок вроде пригодился».
Надел, а сапоги в ремонт отдал.
Спешит на ферму, нет там тротуара,
По грязи и навозу напрямик.
Скривились туфли, словно от пожара,
Фасонно - горделивый блеск поник.
И верно, проскрипев еще неделю,
Потрескались и разошлись по швам.
В деревне туфли только для безделья.
А мой поклон практичным сапогам!

Про клопа

Однажды клоп пробрался во дворец
«Напьюсь я царской крови наконец»
Так думал он, спускаясь по стене
К тому, кто спал внизу на простыне.
Вот наконец дополз, крови напился
И в щель к своим сородичам свалился.
Там зашумел: «Поведать вам я рад,
Великому царю теперь я брат,
А так как крови стал я с ним одной,
Хочу немедля управлять страной».
Тут старый клоп его остановил:
«Немыслимое ты вообразил
Шумишь и радуешься зря,
Добраться трудно до царя,
А тот, с кого свалился ты, холоп,
Его кусает каждый клоп,
У входа он затем лежит,
Чтобы в покои не пробрался паразит».

Коль во дворец попал, внимательно смотри,
Не думай, что живут там лишь цари,
И каждому ладонями не хлопай,
И во дворце достаточно холопов.

Пустое ведро

Звенит, гремит ведро пустое:

«Не видим, ведра, мы покоя.
То наливают воду в нас,
То молоко, то кислый квас,
Порой песок в нас насыпают,
Иль землю грязную таскают,
Бьют по бокам, и что есть мочи,
Швыряют наземь, между прочим».

Гремело так оно, меж тем
Ведь было новое совсем.
Оно давно в Колхозном доме
Стояло на окне в парткоме.
И ложкой по нему стучали -
Всех на собрание приглашали.
И в то окно оно, бывало,
Подруг своих не раз видало,
В них насыпали то и дело
Все то, о чем оно звенело.

Выборы в лесу

Осел на выборы пришел
И голос свой отдал за травоядных.
В победе их уверен был осёл,
Он с хищными боролся беспощадно.
И знал, что травоядных большинство,
Дружно в стада они объединились,
И чувствуя победы торжество,

Успехами воистину гордились.
Когда же огласили результаты,
Осёл издал протяжный горький рёв,
Заняли хищные парламента палату,
Они набрали больше голосов.
Как жаль осла ! Причина же простая
В комиссии вершили все дела:
Медведь, шакал и злая волчья стая,
Лиса же председателем была.

Скупой осел

Один Осел работал на износ,
Все в дом тащил и прятал в кладовой.
Ни разу в жизни не едал овес,
Питался лишь соломою ржаной.
И все мечтал, что скоро заживет,
Еще лишь малость самую подкопит.
Тогда уж точно пыль с ушей стряхнет
И в сытости нужду свою утопит.
Однажды подрядился на извоз,
Но груз тяжел, а он давно не кушал.
Натужился, чтоб с места сдвинуть воз,
Упал и богу отдал свою душу.
Ослица же недолго горевала,

Солому надоело ей жевать.
Все припасенное Ослом достала,
С Козлом знакомым стала пировать!
И захмелев, потряхнув широкой грудью,
Вприсядку гопака плясать пошла.
Козел же молотил ногою в бубен,
Обшитый шкурой мертвого Осла.

Скряга все впрок норовит отложить,
Будто бы жить собирается вечно,
Над каждою крошкою хлебной дрожит,
Забывши, что жизнь быстротечна.

Проводы Осла

В одной лесной конторе юбилей:
Осел до круглой даты дотянул.
А так как был он полный дуралей,
Начальник Лев ему и намекнул:
«Ну что, дружок, на пенсию пора,
Отметим завтра день рожденья твой,
С плеч свалится твоих забот гора:
Ты выработал стаж свой трудовой».
«Мы без тебя не справимся теперь», -
Коза сказала, выпив коньячку.
«В работе ты незаменимый зверь», -
Овца шептала юбиляру-простачку.
Лев, отхлебнув вина большой ушат,

Вдруг неожиданно для всех слезу пустил:
«Как не заметил ум твой, виноват!
И в заместители тебя не пригласил".
С больною головой наутро Лев,
Всё проклиная, в кабинет к себе пришёл.
От удивления разинул он свой зев:
На его месте за столом сидел Осёл.
«Какого чёрта ты здесь развалился.
Вчера ж на пенсию отправили тебя?!
Проваливай, ты что, с луны свалился?
Иначе я не отвечаю за себя!»
«Вчера сказали все, что я теперь
В конторе этой самый умный зверь!
Ты что, забыл? – в ответ ему Осёл. –
Я на работу заместителем пришёл».

Простая в басне сей мораль:
Для юбиляра лестных слов не жаль,
Но нужно знать, кому их говорить.
При этом нужно водки меньше пить.

Осел-летун

Бродил в горах один Осёл,
К орлам тихонько подошёл,
С утра те небо облетели
И на скалу, устав, присели,

Осел, завидуя орлам
Задумал полетать и сам.
И рассудил: «Что же тут такого,
Всё ж, если подойти толково,
Могу и я в небе летать,
Орлам заносчивым подстать.
Раскину шире свои ноги,
Хвост распушу, помогут Боги
Над грешною землей парить,
Да, что там долго говорить».
И с этим прыгнул со скалы.
Удар услышали орлы,
А также стоны и проклятья:
«Летать-ужасное занятие,
То, что положено орлам,
Не по плечу, видно, ослам».
Стонал израненный Осёл.
Жаль, вывод поздно сей дошёл
До мозга глупого осла,
Безумные творит дела

Козел - подхалим

Козел служил редактором газеты.
Был демократом и о том статьи писал,
Однажды награжденным был за это,
На радостях вина слегка поддал.

И выйдя в лес, зверями окруженный
Стал разносить он президента – льва:
«На все плевать, я критик прирожденный,
Я понимаю всё, как дважды – два.
Да, что мне Лев, ему - ль со мной тягаться,
Понятны мне ошибки все его.
До этой бы скотины мне добраться,
Три шкуры я б тот час спустил с него.
А вот Медведь – любимый губернатор,
Достоин большего он в помыслах моих.
На выборах его я буду агитатор
И при нужде отдам два голоса своих»
Так блеял он, и часто озирался,
Услышат, по округе разносят.
Он Льва ругал, Медведю льстить старался
Лев далеко, а Мишка рядом тут.

Вот так всегда, коль ты сидишь высоко,
Облаять каждый «Демократ» тебя готов.
И ниже в руководстве быть морока,
Наслушаешься лести от Козлов.

Справедливый Волк

Зарезал Волк овцу, забравшись в хлев,
От удовольствия облизывая зев,
Подумал: «Нужно как то уходить,

Как можно тише, чтоб собак не разбудить».

Тихонечко пробрался в огород

И вдоль забора двинулся в обход.

Вдруг видит на морковной полосе

Зайчишка маленький за грядкою присел,

Морковку выдернул, тихонечко грызет.

«Ах, негодяй ограбил огород –

Взревел тут Волк на всю округу –

Мы помогать должны друг другу!

Собаки, где вы, что вы спите?!

Скорей сюда, вора ловите!»

Хозяин выскочил на зайчика с ружьём,

Собаки рвутся, чтоб сожрать его живьём,

А зайчик задрожал и на бок повалился,

От страха он морковкой подавился.

Хозяин Волка стал благодарить

За то, что вора тот помог разоблачить.

А волк скорее к лесу побежал,

Пока мужик овец не посчитал.

Собачья жизнь

Однажды повстречались две собаки:

Хромая и бездомная дворняга -

Клочками шерсть, потрепанная в драке,

И, как всегда, голодная, бедняга,
И писанный красавец, весь в медалях,
Обученный домашнему порядку, -
Самовлюбленностью глаза его сияли -
Откормленный ротвейлер с шерстью гладкой.

...Ротвейлер вдруг вздохнул, сменил осанку,
Взгляд опустил и мордою поник:
«Тебе признаюсь, весь мой вид - обманка,
Жизнь нелегка, скажу я напрямик.
С утра буди домашних на зарядку,
Зубами тапки каждому - неси,
Команды исполняй все без оглядки,
И что не бросят, мчаться - гой еси!..
Хозяину обязан поклониться,
Друзьям хозяйским руку облизать,
На мне стремятся дети прокатиться,
При этом могут лапы оттоптать"...

Ну что ж, друзья, понятно без подсказки,
Довольно не проста, собачья жизнь,
Не хочешь на цепи сидеть - будь ласков,
Маши хвостом и руки всем лижи.

Обида

Петух, взлетевши на забор,

Стал кукарекать на весь двор:
«Друзья, нам сход собрать пора.
Я лично видел, как вчера
Петух с соседнего двора
В курятник залетел с утра.
Флирт с пестрой курицей завел,
Распутник, наглый как щегол.
Она же нет, чтоб дать отпор,
Махнула с ним в соседний двор
И там до ночи пробыла,
Ну просто дрянь наши дела».
Тут Петуха Гусак спросил:
«Чего же ты заголосил?
Я видел сам, как ты, нахал,
К пеструшке клинья подбивал,
Совсем недавно это было,
Видать тебя она отшила».

Скажу я вам как на духу:
«Обидно стало Петуху».

О жадности

Однажды бай подумал: "Наконец
Пора мне осмотреть своих овец,

В долине скоро праздники начнутся,
Друзья мои на скачки соберутся.
Поеду-ка взгляну я на отары,
Не попадетсЯ ли баран больной иль старый".

Поехал бай и встретил старика,
Его овцу, а также ишака.
Старик прилѣг на камни, задремал,
И как ушла овечка, не видал.
Она ж на байские угодыя забрела,
Так как подслеповатою была.
Обрадовался бай, повеселел,
Зарезать поскорей овцу велел.
«А где моя овца? – бедняк спросил, –
Мне кажется, что ты её стащил!»
«Как видно, старый, ты погряз в грехах,
Твою овцу забрал себе Аллах».

Гласит обычай: не отравлена ль еда? -
Хозяин первым кушает всегда.
Схватил зубами бай большой кусок,
Но краденое не бывает впрок,
Он проглотить шашлык поторопился...
Да плохо разжевал и подавился.

А баев больше всё... Я удивился:
Пока никто из них не подавился.
Хотя они погрязли все в грехах,

Не замечает этого Аллах.

Ворона и Соловьи

Однажды Соловьи, за тридевять земель,

На фестиваль путевку получили.

Ворона выдала им эту канитель.

Они в одной конторе с ней служили.

А там, вдали от рощи от своей,

Так спели, что всех песней покорили.

Награду получив, сообщили поскорей

На родину, что многих победили.

Но радости та весть не принесла.

От зависти в конторе загрустили

И бросив повседневные дела,

Всем скопом в рассуждения пустились:

- «Не может быть, не могут они спеть

Заморских соловьев перепевая.

Тем более призами овладеть,

Простые Соловьи – нелепица, какая!»

Тут Ворон мудрый строго им сказал:

- «Не заслужили птахи вашего укора.

Вы б радовались, что весь мир теперь узнал,

Что существует ваша роща и контора!»

Барсук и местный олигарх

Барсук проснулся на заре,
В глубокой земляной норе,
Решил по полю погулять,
На завтрак корма поискать.
За двери вышел, вдаль глядит
И видит - человек стоит.
Задумчив, на лице печаль,
Чего-то, видно, ему жаль.
«Эй, человек, что за неволя
Тебя пригнала в это поле,
Кто ты такой, скажи на милость,
Какое горе приключилось?»
Ответил человек, вздыхая:
«Беда случилась вот такая:
Давно хочу богаче стать,
Не знаю, что же мне продать?.." "
Барсук настороженно внемлет:
«Ты, что ж, решил продать тут земли?»
«Живи спокойно, не тужи
Не будет здесь пшеницы, ржи,
В долгах крестьянство с головой,
Живет с протянутой рукой.
Насколько может видеть взгляд -
Деревни брошены стоят.
Поля Америки здесь шире,
Но мы находимся в Сибири...

Торгуй землёй хоть круглый год -
Никто и даром не возьмёт.

Вот если б я владел землёй
Под Питером или Москвой...»

Василек и Пшеница

Средь пшеничных полей
Василёк голубой затерялся,
Восхищаясь персоной своей,
Он соседку корил – возмущался:
«Заняла все поля,
Задавила своей желтизною,
Будет воля моя –
Синим цветом всю землю покрою.
А Пшеница в ответ
На ветру шелестит, колыхаясь:
«Человек много лет
Почитает меня, восхищаясь»...
Долго спорят они,
Кто важней и полезней в природе,
Прошли летние дни,
Вот и осень уже на подходе
Убедить не смогла

Василёк тот упрямый пшеница,
Тут промозглая мгла,
Не замедлила в поле явиться.
Колос спелым зерном,
Тяжелея под ветром, налился,
Под осенним дождём
Василёк побурел и свалился.

Не спеши утверждать,
Что важней тебя нет, и не будет,
Нужно лишь подождать,
Время мудрое всех нас рассудит.

Заноза

Медведь был избран в поселение главой,
Положенный срок отработал свой,
Собрался кабинет освободить,
Другому нужно место уступить,
К сему добавлю: честен был медведь,
Он из казны не трогал даже медь.
Но, уходя, стол лапой зацепил,
Большущую занозу засадил.
Увидел этот случай секретарь,
(Он в кабинете поправлял фонарь).
Заметив, что Медведь унёс занозу,
Он для бюджета усмотрел угрозу,
К бухгалтеру пошёл и рассказал,

Как полстола Медведь себе забрал.
Бухгалтер по инстанции сообщил,
Что кабинет свой Мишка разорил.
Недолго этот случай разбирали,
Убытки на Медведя все списали.
Так невиновным оказался он в суде,
В недоуменье: «Справедливость где?»
Суд разобрался, Мишку оправдал,
Тех обвинил, кто поднял тот скандал.
Медведю от того не много легче,
Теперь он сердце по больницам лечит.

Скажу Вам: многим подлость та с руки,
Скольких сгубили злые языки.
«Секретари» нередко распускают слухи,
Стараются раздуть слона из мухи.

Кастинг

Собрались звери: «Что же делать будем?
От воеводы нет спасенья никому.
Давайте информацию добудем,
Суров и неприступен почему?»
Причина оказалась пустяковой:
В делах увяз наш Мишка с головой.

Помощник нужен был ему толковый,
Не только умный, но и деловой.
Заходит Волк: «Нет, нам он не подходит.
Уж очень жаден, мяса много ест.
К тому же травоядным не угоден,
Коль его выбрать – выдвинут протест».
Тут заяц забежал. «Труслив уж больно,
Да и умом не очень-то богат».
Прошедшие отбор ворчали недовольно:
Всем претендентам был Медведь не рад.
Ждут следующего – тишина в берлоге,
По алфавиту всех прошли от А до Я.
И тут беззвучно появилась на пороге
Довольно крупная очковая змея.
«Смотри - в очках, уж точно деловая,
Спокойная и шум не создает.»
Решил Медведь: помощница такая,
По всем параметрам, пожалуй, подойдет.
Змея тем временем стремительно, без шума,
На плечи воеводе забралась,
И прежде, чем он что-то мог подумать,
Кольцом вокруг шеи дважды обвилась.
Взревел Медведь, хотел освободиться,
Но увидел змеиный злобный взгляд.
Два зуба в этот миг успели обнажиться,
И в них кипел ее смертельный яд.
Медведь притих, Змея им управляет,
Она на шее, камень на душе.

И по приказу, часто так бывает,
Бросает все и ловит ей мышей.
Да и зверью совсем житья не стало,
Над ними раньше властвовал Медведь,
А тут еще Змея показывает жало,
Приходится двоих теперь терпеть.

А коль и ты стал выбора заложник,
Совет тебе хороший дать я рад:
Пусть лучше мяса больше ест помощник,
Чем всем в глаза разбрызгивает яд.

Дуб и Березы

В березовую рощу как -то раз
Дубовый желудь закатился.
Со временем вдали от посторонних глаз
В красивый дуб он превратился.
Любуясь собственной красотой,
Собой самовлюбленно восхищался
Резной листвой и бархатной корой,
В укор березам часто похвалялся:
«Смотрите-ка, какая красота,
Такое видеть вам не приходилось.
Смешна мне ваша простота
И одеяния неприхотливость.
Вы не годитесь никуда,

Лишь древесина на дрова годится,
Моя ж в цене была всегда,
И этим я могу гордиться.
Возьмем хотя бы бочки под коньяк
Иль мебель дорогую для столовой,
Да и мореный дуб ведь не пустяк -
Для украшения залов стал основой».
Так рассуждал и ветками махал,
При этом желуди повсюду разлетались.
И постепенно лес дубовый все занял,
Берез не стало, лишь пеньки остались.
Но осень и на этот раз пришла,
А там уж и зима не за горами.
Все больше людям хочется тепла,
В лес потянулись лесорубы за дровами.
Пришли рубить березы, а их нет.
Поохали, затылки почесали -
Как заработать несколько монет? -
И топорами злобно застучали...

Без выбора

Король, играя в гольф, разгорячился
И приказал слуге подать воды.

Слуга, хозяин чтоб не простудился,
Принес чайку: «Подальше от беды!»
Вскричал король: «Как смеешь ты, негодный,
Ослушаться приказа моего,
Я приказал воды подать холодной,
Иного мне не нужно ничего!
Иди и исполняй без промедленья,
Иначе тебе голову снесут!»
Слуга с мольбою рухнул на колени
И с ледяной водой принес сосуд.
Король водой холодной наслаждался
И в гольф еще немного поиграл,
Дня через три в горячке он свалился,
И душу бог его к себе забрал.
А при дворе совет скорей собрали,
Виновного найти и осудить.
Виновным же слугу того признали
И приказали бедного казнить.

Вот таково устройство мирозданья,
И хоть благих намерений не счесть,
Слуга всегда достоин наказанья,
У короля же мнимый выбор есть.

Жалоба

Овечка жалобу на Волка подала:

«Властитель Лев! Нет с волчьей стаей сладу,
Овец отара стала так мала,
Всех перерезали бандиты без пощады».

Но Волк в деревне, где овца жила,
Был старостою Львом самим назначен.
Властитель не любил затягивать дела,
И этой жалобой Волк тут же озадачен:
«Послушай, разберись! – Лев строго наказал. –
Что за дела там у тебя творятся?
Чтоб жалоб от овец я больше не видал,
Мне не хватало ерундою заниматься!»

Волк за Овцой послал секретаря,
И вот, дрожа, она пришла в контору.
Волк заявил: «Ты жалуешься зря,
Меня благодарить тебе бы впору,
Чем меньше вас, богаче тем луга
И для пастьбы достаточно простору,
Напрасно ищешь ты во мне врага,
Не может между нами быть раздору».

Овца, понутив голову, ушла,
Уж ей не знать ли Волчью натуру.
Когда комиссия по жалобе пришла,
В овраге обнаружила она овечью шкуру.

Совет простой: не изводи бумагу зря,
Знай, жалоба твоя к виновному вернется,
А за тобой пришлют секретаря,
И всё как в этой басне обернется.

Лекари

Был ранен полководец пулей в руку,
Она же ядом вызывала боль и муку.
К нему явился старый академик
Задумчив, борода торчит, как веник,
Внимательно он посмотрел на рану:
«Лекарственные травы я достану,
Придётся их везти из-за границы,
Лечение это будет долго длиться».
Сказал хирург из медицинского полка:
«За то лечение не дам я пятака.
Больного оперировать я буду,
Все восстановим перебитые сосуды,
По ходу кровь очистим мы от яда
Жизнь полководца будет нам наградой».
Высокомерно фельдшер им заметил:
«О чем вы спорите, как маленькие дети?
Зачем нужны лекарственные травы,
Возня вся с удалением отравы,
Чтоб прекратить у полководца муку
Не лучше ли отнять по локоть руку?»
Услышав это, полководец стал кричать:
«А чем же мне оружие держать?
Болтать горазды вы, лечите поскорее,
А фельдшера метлой гоните в шею!»

Подобных фельдшеров сейчас, увы, хватает:
Они все большой вес приобретают.

Хромой верблюд

Шёл по пустыне караван верблюдов –
Товар перевозился нужный людям.
Верблюд маститый караван тот возглавлял
И никому поблажки не давал.
Не дай Господь с дороги кто собьётся,
Тотчас на зуботычину нарвётся.
Один Верблюд был хитрецом большим.
Вдруг захромал, прикинулся больным.
В конце концов он на песок свалился.
Глаза закрыл и мёртвым притворился.
От груза «мертвеца» освободили,
По остальным товар распределили.
Досталось каждому по доброму куску
И больше всех, конечно, вожаку.
Хитрец же подскочил и налегке
Пошёл за караваном вдалеке.

И у людей частенько так бывает,
Кто рвение в работе проявляет,
От общества не получает спуска.
Несёт свой крест и лодыря в нагрузку.

Прав ли Дарвин ?...

Жил – был гражданин с милым именем Вася,
Когда-то с трудом он окончил семь классов
И книг не читал, и газет сторонился,
Частенько в подпитии он находился.
Однажды сынишка ему рассказал:
Как будто бы Дарвин – учёный сказал,
Что род человека, ни много ни мало,
Мартышка когда-то давно представляла.
Покрылся Василий испариной сразу:
«Брехня это всё, ну ученый - зараза,
Не может быть в жизни такого изъяна,
Неужто похож я на ту обезьяну.
Пойду в зоопарк и в натуре сравню,
На сколько похож на свою я родню».
Вольер с обезьяной с трудом отыскал,
Раскосый свой взгляд на неё он поднял:
«Ну, здравствуй, прабабка», - ехидно сказал
И, рожу сооротив, язык показал.

Мартышка на ветке спокойно сидела,
Про Дарвина знать ничего не хотела.
И лишь не могла разобраться никак,
Зачем строит рожи ей пьяный дурак.
А он возмущен равнодушьем её:
«Написано в книге конечно вранье,
Коль близкой родней обезьяна была,
Она б без сомненья меня поняла».
И что-б разорвать окончательно узы,
Швырнул в обезьяну он коркой арбузной.
Свирепо скопил на неё оба глаза
И в клетку сквозь прутья он плюнул два раза.
Спокойно сидит обезьяна на ветке,
От злости готов поломать Вася клетку,
Прицелившись, ловко метнул сигарету,
Спокойствие кончилось сразу на этом,
Мартышка вдруг палец к виску поднесла
И знак, всем известный, ему подала.
Подумала: «Дарвин-кто был он таков ?
Зачем к нам в родню записал дураков ?»

Друзья, коль владеете крепким умом,
Ни пейте вина, чтоб не стать дураком
В отличие от Васи, читайте все книжки
Тогда и не будет претензий к мартышке.

Баран на Болотной...

Один Баран поднял в овчарне крик:

«Послушайте меня, молчать я не привык,

Когда перед едой мы голос подавали,

Неправильно нам сено раздавали.

Поскольку громче всех могу кричать,

Я должен первым сено получать.

И возмущаюсь во дворе не только я,

Меня поддерживают козы и свинья.

Других не счесть, которые восстали,

Не правильно корма им тоже раздавали.

Я слышал, что осел, задумал что-то,

Сзывает всех на поле у болота,

С американским дружит хитрым Сэмом

Осла подкармливает Сэм зелёным сеном,

В хозяйстве думают они вот – вот,

На днях произойдет переворот.

Тогда любой из нас получит зелени

И прочего всего числом не мерено,

А хищным, у кого растут клыки,

Осёл и Сэм всем обещали шашлыки.»

Прослушав это все, овечье стадо

К болоту ринулось, сломав в хлеву ограду,

А там на поле собралось немало,

Вокруг навозной кучи, радикалов.

Весь день они блеяли и мычали,

Цветы топтали и кусты ломали,

Но наконец-то наступила ночь,
Покушать радикалы все не прочь.
Костры зажгли, запахло шашлыком,
Болото затянуло все дымком.
А утром, еще солнышко не встало.
Овечье стадо на совсем пропало...
Искали долго, дружно, неустанно
Нашли рога от нашего Барана.
Дядюшка Сэм болтать зря не привык.
Пустил Барана и овец всех на шашлык.

Не грех быть в оппозиции, друзья,
Где множество с болот родных зверья,
Не стоит с дядей Сэмом нам вязаться.
Иначе можно с головой расстаться.

А пес любил капитализм...

Один бродячий пес капитализм любил,
Да вот беда, в Союзе он родился.
Когда же кто социализм хвалил,
От бешенства слюною он давился.
«Да разве это жизнь», - клыками щелкал он.

«И кость не та, и корки все сухие,
Нарушены права, не действует закон,
Для нашего житья условия плохие».
Вдруг резко изменилось все кругом,
Породистым всем псам свободу объявили.
Заняться разрешили дележом.
Бродячих же на цепь всех посадили.
Породистые псы прибрали все к рукам,
Нажрались всласть, и впрок себе таскают,
Но даже корки не дают бродячим псам.
Те рады б взять, да цепи не пускают.
От жизни от такой наш пес ослеп, оглох,
Свалился с ног, и мысль мозги пронзила:
«Социализм - то был не так уж плох»
Подумал так и с голоду подох.

Царская дружба

Барс поскользнулся второпях,
Преследуя добычу в скалах,
Над пропастью завис он на ветвях
Деревьев чахлых, захудалых.
С трудом удерживаясь, ждал
Он гибели, а может и спасенья.
А Лев свои владенья обегал
И челюсти раскрыл от удивленья:
«Случилось что с тобой мой друг?

Зачем в кусты ты чахлые вцепился?»
«Я на козла охотился и вдруг
Оплошность допустил и провалился,
Скорее лапу в помощь протяни,
Ты видишь, что держусь я еле-еле,
Быстрее хватай за шиворот, тяни,
Нет времени болтать уже без цели.
Однажды, помнишь, я тебе помог,
Когда гиены на тебя напали,
Отбиться ты от них один не смог,
Они тебя изрядно покусали.»
«Конечно, друг мой, надо бы помочь,
Я помню, что в долгу перед тобою,
И вроде рассчитаться бы не прочь,
Но рассуди ты здоровой головою:
В пример тебя приводят все в лесу,
Красивый, сильный, необычно смелый,
Я ж гриву неказистую ношу,
Ленив, охочусь плохо, неумело,
Если б не львица, с голоду подох,
Она добычу в логово приносит.
Все говорят, что для царя я плох,
Тебя по всей округе превозносят.
Поэтому прости, но мой авторитет
Вдвойне дороже нашей с тобой дружбы.
Тебя не будет - беспокойства нет,
Угрозы нет для моей царской службы».
Лев потянулся, гривую потрянул

И лапой Барса в пропасть подтолкнул.

Читатель скажет: «Грубо, очень зло!»

Наверно в жизни мне не повезло,

Друзей таких я множество видал,

На шкуре собственной однажды испытал.

Коньяк и Вино

В подвале при заводе винном

Коньяк в дубовых бочках созревал,

При дегустации благоуханьем дивным

Всех очаровывая, заполнял подвал.

С годами креп и набирался силы,

И от дубовой бочки наливался янтарем.

Глотнув его, любой: весёлый иль слезливый

В минуту чувствовал себя богатырем.

Однажды в тот подвал,

Возможно, не хватило тары,

А может, по причине и иной,

В железной бочке к коньякам тем старым,

Поставили незрелое вино.

На бочки с коньяком взирая,

Оно бурлило и шипело, как змея:

«В дубовую их тару разливают.
Чем хуже коньяков всех этих я?»
И так изо дня в день оно кипело
И яростно плескалось, как прибой.
В конце - концов и бочке надоело,
Взмолилась та: «Послушай - ка, постой,
Остепенись и созревай спокойно.
Ты не коньяк – столовое вино,
Поэтому веди себя достойно,
Тебе с ним не тягаться всё равно»
От этих слов вино сильней взбесилось,
Бурлило, чуть не выдавило дно,
Прокисло, да и в уксус превратилось,
И на помойку было вылито оно.

Вот так иному бы сидеть да дозревать,
Рассчитывать на ум свой и уменье,
А не завидовать и мест чужих не занимать,
К чему не годен ты, не проявляй там рвенье.

Зодчие

Народ глашатаи на площадь созывают,
Сияет там великолепие дворцов:
«Сегодня повелитель награждает
Двух зодчих, замечательных творцов».

Палитрой радуги из множества цветов
Один из них дворцы те расписал,
Всех удивил и дедов и отцов,
Давно никто такого не видал.
Другой позолотил все купола,
И шпиль тех замечательных дворцов,
Им почести, народная хвала
И царское признание творцов.
И вот момент торжественный настал,
Дробь барабанов, музыки каскады,
Зовут тех мастеров на пьедестал,
Вручает повелитель им награды.
Над площадью повисла тишина,
Правитель речь произносить готов.
В толпе движения возникла вдруг волна
И рокот возмущённых голосов.
Выходит старец опираясь на клюку.
Подслеповато взглядываясь в даль,
Руку поднял: «Позвольте старику
Взглянуть на награждённых и медаль».
«Кто он такой – правитель закричал-
Гоните прочь убогого скорей,
Он речь произнести мне помешал,
Как видно разума лишился, дуралей».
Схватили стражники под руки старика,
Прочь увести, чтоб людям не мешал
И за одно намять ему бока,
Но громко из толпы кто-то сказал:

«Великий государь, твоей рукой
Награждены воятели- творцы,
Дворцы покрывшие сусальной красотой,
А этот старец строил те дворцы».

Не редко так бывает к сожаленью,
Украстит зодчий рук чужих творенье,
Гладишь ему награды и почёт,
А тот, кто сотворил уже не в счёт».

Две свиньи

В обширной луже посреди дороги
Огромная свинья лежит, раскинув ноги.
Разнежилась на солнце, отдыхает.
Её машины стороною объезжают.
А рядом в колее поменьше лужа,
И в ней лежит свинья гораздо хуже.
Не рылом хуже, а размерами короче,
Чтоб её тоже объезжали, она хочет.
Но прут машины на неё без остановки,
Приходится включать свою сноровку,
Всё время вскакивать и убегать с дороги
Свинья устала, заболели ноги.
Намаявшись, к большой она подходит,
Хитро прищурившись, такую речь заводит:

«Послушай, Хрюша, мы с тобой подружки,
Лежим здесь рядом, глядя друг на друга,
Давай на время обменяемся местами,
Я иногда чесать тебя за это стану».

Здоровая свинья на это согласилась
И в колее во всю дорогу развалилась.
А мелкая, заняв большую лужу,
Подумала: «Чем я здоровой хуже?
Теперь меня пускай машины объезжают.
Не зря же я её место занимаю».

А в луже её всю почти что скрыло,
Из грязи видно только её рыло.
И тут машина: глядь – среди дороги
Огромная свинья лежит, задравши ноги,
Затормозить шофёр не успевает,
И это чудище по луже объезжает.
Не разглядев в грязи свиное рыло,
Машина маленькую свинку задавила.

Произошло несчастье со свиньёю,
Друзья, родился вывод сам собою:
Дело не в том, какая свинья хуже,
Должна для каждой быть своих размеров лужа.

Ворона и Заяц

На дерево Ворона взобралась высоко.

Сидит спокойно, видит всё далеко,
Глядит, зайчишка мечется в кустах,
Бедняга, овладел им видно страх.
Ворона каркнула: «Иди сюда скорей,
Чего ты испугался, дуралей?»
Дрожа всем телом, Заяц отвечает:
«Всего боюсь я, всё меня пугает.
Ворона, подскажи мне, что же делать?
Устал от тени своей я по лесу бегать».
«Послушай-ка совета мой дружок:
Ты видишь, я уселась на сучек
И с высоты большой на всех взирая,
Я не боюсь, а всех лишь презираю,
И ты садись спокойно на пенек,
Не бойся, отдохни хотя б денек».
Уселся Заяц и спокойно отдыхает,
По сторонам косит, всех презирает.
Тут Волк голодный мимо проходил,
Увидел Зайца и с костями проглотил.
Ворона, видя это, завопила:
«Ах, дура старая, сказать я позабыла,
Чтоб презирать всех и при этом не бояться,
Выше других он должен был взобраться.»

Любвеобильная муха

Влюбилась муха в комара,

Напудрив мордочку с утра,
Скорей пустилась в те края,
Где множество водилось комарья.
Средь них её возлюбленный летал,
Фигурой стройной всех он привлекал,
Кроме того, отчаянно был смел
И этим муху покорить сумел.
И комару понравилась она,
Накрыла их большой любви волна.
Пожили вместе час иль полтора,
Вдруг выясняется: ни дома, ни двора
И даже ломаной копейки за душой,
Нет ничего, кроме любви очень большой.
Глазами муха постреляла,
Богатый муравейник увидала,
А рядом с ним трудился муравей.
Напудривши мордашку поскорей,
Муха пред ним во всей красе предстала:
«Ах, муравей, так долго я страдала,
Спешу скорей в любви тебе признаться,
Женой твоей хотелось бы назваться,
Шуршанье муравейника послушать.
Корме того люблю я в сласть покушать».
И видно так должно было случиться,
Решил на мухе муравей жениться.
Живут богато, в муравейнике всё есть,
Еды полно и за год всё не съесть,
Другим такое и во сне не снится,

Да вот беда, здесь все должны трудиться,
А мухе это всё не по нутру.
Однажды рано поутру,
По морде пудру разбросала,
Пред пауком муха предстала.
Он сети плёл невдалеке,
Играя пряжею в клубке,
И часто муху приглашал,
Любить до гроба обещал.
И он всё помнил про любовь,
В экстазе высосал всю кровь.

Всё чаще чувства упрощая,
Как мухи, женщины летают
От молодого к старику
И попадают к пауку.

Коровы в танцах

Лес огласила неожиданная весть,
Коровам выпала большая честь,
Они на танцевальном фестивале
Хрустальный кубок – приз завоевали.
В недоуменье чешут хореографы затылки:
«Что, у жюри в башке одни опилки?»
На фестивале лани выступали,

На «бис» их зрители три раза вызывали,
Оленей знаменитая кадрили,
И антилопы показали новый стиль.
Причем же здесь дворовые коровы,
По сцене шлялись словно на ногах оковы.»
«Все успокойтесь! – молвила сова.
Не даром у неё большая голова –
Я расскажу подробно в чем тут дело,
В жюри том председателем сидела
Корова старая, с того ж она подворья,
На льду когда-то танцевала многоборье,
Однажды ногу подвернула и упала,
С тех пор она слепою стала,
Поэтому на слух определяет,
Кто громче топнет, тот и побеждает!»

Лужа и Ручей

Недалеко от речки в поле
Большая Лужа подсыхала
И проклиная свою долю,
Она протухла и, конечно, завоняла.
Но тут вдруг, в речке поднялась вода,
Как видно где – то ливни прошумели.
Ручей стремительно направился туда,
Остатки лужи, где блестели,

И вот, наполнившись водой,
Все шире Лужа разливалась.
Сюда уже и звери шли на водопой,
И рыбы, принесенные Ручьем, плескались.
Ручей же русло новое торил,
Шумел, бурлил и будоражил камни.
И этим луже той не угодил
И раздраженье вызывал он даже:
«Ну, что ты расшумелся, негодяй!
Покоя не даешь ни днем, ни ночью,
Ну, пошумел немного и кончай!
Не нужен больше мне, уж это точно»
Услышав это, наш Ручей оторопел:
«Любезная, водою я тебя наполнил,
Вторую жизнь вдохнуть в тебя успел,
Ты же осталась этим недовольна.
Коль прекращу шуметь,
Засохнешь ты опять,
Начнешь быстро мелеть
И будешь вновь вонять»
Но Лужа доводов Ручья не приняла:
«Уж больно много о себе воображаешь,
И без тебя бы выжить я смогла,
Себе высокую ты цену набиваешь»
Еще бы долго продолжался этот спор,
Но тут вода в реке бурлить устала,
Закончились дожди, понизился напор,
Вернулась в берега, на свое место встала.

Ручей наш обмелел и вскоре пересох,
И Лужа быстро воду потеряла.
Когда же на реке зatih переполох,
Она засохла и совсем пропала.

Вот так и у людей случается порой,
Ведем мы спор, чья значимость преvысит,
Но если поразмыслить здоровой головой,
От нас – то ничего и не зависит.

Пьяный заяц

Однажды заяц прохлаждался,
В деревню из лесу подался.
Залез в крестьянский огород,
Капустный лист сидит грызёт.
Вдруг в доме распахнулась дверь,
Мужик, обросший точно зверь.
В одних кальсонах, налегке,
Вышел с бутылкою в руке.
К бутылке жадно приложился,
С крыльца шагнул и повалился,
Лежит в грязи, свинья точь в точь,
Бутылка отлетела прочь.
Заяц сначала испугался,
Затем тихонечко пробрался
К бутылке, языком лизнул,

Противно, всё ж глоток глотнул.
Через мгновение по жилам
Вдруг потекла шальная сила,
Бутылку заяц прихватил
И в лес домой поколесил.
Идёт, грудь храбрость распирает,
И силу деть куда не знает.
Вот видит – белка на пути,
За хвост косой её схватил
И, раскрутив, в кусты закинул,
Встретил хорька и лапой двинул.
Хотел с разбега пнуть ежа,
Споткнулся, малость полежал.
Ему б одуматься теперь,
Но разыгрался в зайце зверь.
Лизнув ещё вина пять грамм,
Пошёл он в логово к волкам.
С тех пор никто его не видел,
Как видно, волка он обидел,
А тот обиды не стерпел,
Зубами щёлкнул, зайца съел.

Давно известно: пьянство – зло,
Не пьёте вы, вам повезло.
Таит спиртное вражью силу,
Немало душ оно сгубило.

Песчаный дворец

Один мудрец дом возводил,
Усилий много приложил,
Работал несколько годов,
Но дом ещё был не готов.
Заметил молодой мудрец:
«Скажи, зачем же ты, отец,
Из камня строишь этот дом,
Измотан каторжным трудом?
Я тоже возвожу дворец,
Да пусть поможет мне творец,
Но стены строю из песка.
Тесал три камня ты пока,
Я полдворца соорудил,
При этом не затратил сил.
Песок беру в реке сырым
И чудеса творю я с ним.
Ярко блестит он на свету,
Взгляни на эту красоту».
Махнув мозолистой рукой,
Мудрец ответил пожилой:
«Совет твой мало чего стоит,
Глупец дворец песчаный строит,
Ты не потратил много сил,
Легко те стены возводил
И крепость их не велика-

Стоят, лишь, ветра нет пока.
Я же хочу построить дом,
Чтоб дети, внуки жили в нём.
Чтоб согревал он их века,
Авось и вспомнят старика».
Тут ветер с моря засвистал,
Дворец с песком с землёй сравнял.
Старик же, праведным трудом,
В конце – концов, достроил дом.

Чтоб добрым словом вспоминали,
Дом из песка нужен едва ли,
Кто для людей тесал гранит,
О том народ память хранит.

Богатству ум не помешает

Навозный старый жук разбогател,
Продать большую партию сумел
Он шариков на удобрение в колхоз.
(весь год закручивал в те шарики навоз).
Имея кругленькую сумму,
С женою разводиться он надумал.
Жучиха старая ворчала то и дело,

В конце концов ужасно надоела.
Глаз положил на молодую стрекозу
И на коленях перед ней пустил слезу:
«Люблю давно и множество ночей
Тоскуя, не смыкаю я очей.
Коли пойдёшь, голубка, за меня,
Жалеть не будешь не единого ты дня.
Богатства все к твоим ногам я брошу,
Жизнь для тебя я сделаю хорошей».
И стрекоза богатством соблазнилась,
Женою старого жука быть согласилась.
Живут души один в другом не чают:
Жук день и ночь навоз в шары катает,
Чтоб стрекозе безоблачно жилось,
По шею погрузился он в навоз.
А стрекоза порхает по лугам,
Сегодня она здесь, а завтра там,
Ухожена, брильянтами блистает,
Её поклонники толпою окружают,
Друг другу оттоптали они пятки,
Она же их меняет, как перчатки.
И вот однажды получил навозник весть,
Супруга оказала ему честь:
«Удвоить нужно бы тебе, мой друг, старание,
Хочу предупредить тебя заранее
О том, что умножается семья,
Сказал мне доктор, что беременная я».
От радости счастливый жук вспотел,

Мелькнула мысль: «Когда же я успел?»
Он тут же выбросил её из головы,
Не осуждайте старого и вы.
И вскоре стрекоза уж родила,
На время жук оставил все дела.
К супруге поскорее поспешил,
К любимой дверь в палату он открыл.
И перед ним предстала стрекоза,
Сияли счастьем её серые глаза.
Держала она сына на коленях
Похожим был он на жука-оленья.

Разбогател и деньги некуда девать?
Не нужно старых жён своих бросать.
Уйдёте к молодой, останетесь без денег,
И вырастут рога, как у жука – оленя.

Презентация

На удивленье всех зверей и птиц
Издав Барс книгу в несколько страниц,
Многих сразила эта новость наповал:
«Зверюга хищный и стихи вдруг написал».
Потолковав, общественность решила,
Поэтом барса всё-таки признать,
И книгу ту, что всех так удивила
На сборище лесном презентовать.

На презентации звери стихи читали
И в его адрес много лестных слов сказали.
И даже Львица, бросив все свои дела,
Его стихотворение прочла.
Заморский Соловей - поэт сказал,
Что Барса с сего дня зауважал.
Всё б было хорошо, да вот беда:
Заперлись обезьяны две сюда.
Гримасы строили и, как всегда, кривлялись
И возмущенно меж собой шептались:
«Подумаешь, поэт! Стихи не он писал!
Как видно, у кого-то их отнял,
А если даже он, не стоит их и слушать.
От ерунды такой повянут у всех уши!»
Сидевший рядом Ёжик им сказал:
«Зачем вы поднимаете скандал,
Вы, что же, все стихи его читали?
Так шли б отсюда, слушать не мешали».
Мартышки без смущения в ответ:
«У нас той книги не было и нет,
Мы в жизни не одной не прочитали,
Сюда пришли, чтоб просто поскандалить.»

Не раз мы в жизни видели такое,
Чужой успех им не дает покоя,
В суть не вникая, часто так бывает,
Завистники всех грязью поливают.

Перемены

Столпились звери на поляне,
Но собрались не на гулянье,
Вопрос серьёзный обсудить,
Как дальше им в округе жить.
Медведь здесь раньше управлял,
Но, говорят, что – то украл,
Его за лапу прихватили
И в зоопарк определили.
По лесу разнеслась молва:
«К нам прислан новый голова !»
Вот почему столпились звери,
Ту новость обсудить хотели.
Лиса восторженно сказала:
«Я нового главу видала,
Приятен, словно ясный день,
Красавец писанный – Олень !»
И все вдруг сразу загалдели,
Почтенье высказать хотели.
Кто-то сказал, что он умен
И соблюдать готов закон,
И года, в общем, не пройдет,
Во всем порядок наведет.
Барсук тут слова попросил,
Он раньше депутатом был:

«Друзья ! Вы радуетесь рано,
С ним будут править обезьяны,
Те, что Медведю помогали,
Они изменятся едва ли!»

Ворона и Журавль

Ворона не любила Журавля,
И он Ворону тоже презирал,
Болота облетая и поля,
Уединенье он себе искал.

От выстрела дрожала вся земля,
Охотники в округе появились,
Во всё живое целясь и паля.
Удачи с перепоя не добились.

И вскоре по лесам промчались вести,
Об этом мне лесничий рассказал:
Журавль с Вороной были уже вместе,
Летели над землей, - он сам видал.

Несчастье часто тех объединяет,
Кто, в сущности, не может вместе быть.
В беду попав, несчастные страдают,

И ищут, с кем бы учесть облегчить.

НОВЫЕ ВОРОТА

Состарился чабан и ходит еле-еле,
Стал допускать огрехи в своём деле,
Овчарни запустил, кругом прорехи,
Болтаются ворота для потехи.
И через дыры те бараны разбежались,
В овчарне одни овцы лишь остались.
Угроза встала продолженью рода.
Отсутствуют бараны - нет приплода.
Так и погибла б ни за что отара,
Но во время ушел чабан тот старый.
Хозяин новый, не жалея сил,
Все старые овчарни обновил.
Вычитывая долго в книгах что-то,
Он сделал новые чудесные ворота.
Те обладали неким волшебством:
Коль их баран откроет своим лбом,
Становится не только он сильнее,
Но на порядок вроде бы умнее.
Баранов по степи скорей собрал
И к тем воротам утром подогнал.
До вечера, до пота с ними бился,
Но результата так и не добился.

Уперлись в новые ворота и стоят,
Ни с места, ни вперед и не назад.
Пришлось ворота те ломать,
Приплод-то нужно получать.

С баранами прогресса не добьёшься,
Стараться будешь только надорвёшься,
Всё новое для них всегда преграда,
Им всё равно ворота иль ограда.
Н. Б.

Осел и Свинья.

Всем не секрет Осёл - трудяга,
Работой занят круглый год
И в холод и в жару, бедняга,
Он вечно впроголодь живет.
Свинья ж совсем на оборот,
Одно лишь знает, ест да пьёт,
Весь день на солнце загорает,
Лежит и жиром обрастает.
Однажды увидав Осла,
Беседу Хрюшка завела:
«Зачем, Осёл, ты жилы рвешь
И вечно впроголодь живешь?
Ты посмотри, забот не зная,
Душой и телом отдыхаю,
Хозяин чешет мне за ухом,

Ладонью хлопает по брюху»
Ответил ей Осёл, вздыхая:
«Видать судьба моя такая,
До пота каждый день тружусь,
На что другое не гожусь,
Хоть мне и нечем восхищаться,
Зато живу я здесь лет двадцать,
На вас же глядя точно знаю,
Тут каждый год свинья другая»

У всех свиней судьба такая,
Они блаженствуют, не зная,
Осла спасает тяжкий труд
Он будет жить, а их сожрут!
Н. Б.

КАМЕНЬ И ЗМЕЯ.

С времен далёких и по ныне
Змея злонравною слыла...
Под камнем, средь песков в пустыне,
Она приют себе нашла.
От стужи по ночам холодным
Валун змею ту укрывал,
По знойным временам, безводным

От солнечных лучей спасал.
Однажды, от жары иль ветра,
Валун чуть – чуть в песке осел,
Сместившись на полсантиметра,
Он хвост змее слегка задел.
Змея взметнулась, брызжет ядом:
«Ах ты, подлец, как ты посмел,
Не видишь, что лежу я рядом,
Ты раздавить меня хотел?»
И позабыв, что этот камень
От стужи и жары спасал,
Стала хватать его зубами,
Произнося проклятий шквал.
В бессилье обломав все зубы
И расплескав по камню яд,
На нём свернулась она клубом,
Грозясь устроить сущий ад:
«Мы поменяемся местами,
Лежать хочу я наверху,
Буду покусывать зубами,
А может, превращу в труху».
Недолго месть та продолжалась,
Жара пустыню обожгла,
Змея на камне распласталась
И чёрту душу отдала.

Н. Б.

ЧИЖ И СОВА.

Чиж в клетке, ночью, на окне
Соловухкою заливался,
На всю округу, в тишине,
Он трели выводить старался.
Сова, однажды мимо пролетая,
Спросила: «Что за выдумка такая,
Ты днем молчишь, как истукан,
А ночью веселишься, словно пьян?»
Чиж песню прекратив, ответил:
«Однажды пел я днем и не заметил,
Как пойман человеком был
И в эту клетку сразу угодил.
Теперь гораздо стал умнее
Ловца я обмануть сумею.
Чтоб снова не попасться в сети,
Я ночью исполняю песни эти »
«Поздно, мой друг, пугаться сетки,
Тебя уже закрыли в клетку»
Сова, махнув крылом, сказала
И тут же, словно тень, пропала.

Н. Б.

Необдуманный совет.

Мужик весной поле пахал,
И конь с трудом соху таскал.
Кобыла по лугам гуляла,
Коня на поле увидала.
Подходит и даёт совет:
«Тебя, Конь, знаю много лет,
С ярмом на шее и сохой,
Коль хочешь жизни ты другой,
Сейчас же откажись пахать,
А будет пахарь приставать,
Ты мужика разок-другой
Лягни по заднице нагой»
Конь внял совету кобылицы
И ну лягаться и беситься.
Мужик понять ни как не может,
Какая боль беднягу гложет?
Коня, святая простота,
Освободил из хомута,
А что бы время не терять,
Решил кобылу он поймать,
Что сделал без больших усилий,
И стал пахать уж на кобыле.

Вот так кобыла за совет
Пахала пашню много лет.

Волк и Коза.

Голодный Волк искал добычу,
В округе рыскал, как обычно.
Вдруг над обрывом увидал Козу,
Она щипала травку и лозу.
И видя, что обрыв не покорить,
Решил он ту Козу перехитрить:
«Зачем ты забралась на эти скалы,
Нет водопоя и травы там очень мало,
Ты ненароком можешь оступиться,
Сорваться и о валуны разбиться.
Спускайся поскорей сюда в долину,
Не вижу ни одну кругом скотину,
Всё для тебя и травы и луга,
Я буду охранять твои рога»
Коза та прожила годов не мало
И волчью хитрость сразу разгадала:
«Спасибо Волк за приглашенье,
Понятно мне твоё стремленье.
Уж коли ты предложил мне траву,
Спустившись, я и час не проживу»

Не все на хитрость поддаются,
Порою, в дураках, и волки остаются.

Лев и Обезьяна.

В ловушку Лев однажды угодил,
За ланью гнался, в яму провалился,
Пытался выбраться, потратил много сил,
Всё бесполезно, как бы он не бился.
Над той ловушкой дерево росло,
И Обезьяна на сучке сидела,
На Льва она давно таила зло,
И радостно над ямой загалдела:
«Ну, наконец, допрыгался, урод,
Недолго проживешь ты в этой яме,
Охотник с тебя шкуру-то сдерет
И будут все топтать её ногами»
Вопила, рожи строила она,
Чего бояться, в яму Лев свалился,
Хотелось душу отвести сполна,
Но вдруг сучек под нею обломился.
Свалилась Обезьяна в лапы Льву,
Пришлось, пока летела, измениться:
«Люблю тебя я, Лев, сколько живу,
Сюда свалилась, что бы извиниться!»

Строптивная лошадь.

Купил садовник лошадь на базаре,
Что бы в саду работать с нею в паре.
Но лошадь та была очень строптива,
И возмущалась, встряхивая гривой:
«Нелёгкая в саду твоём работа,
И кормишь меня слишком плохо, что-то,
Работать впроголодь совсем я не готова,
Веди меня скорей на рынок снова»
Отправился садовник на базар
И сбыл он поскорее свой товар.
К горшечнику кобыла та попала,
Работы тьма! Вновь возмущаться стала:
«Нет, у тебя работать не хочу,
Болею я, веди меня к врачу»
Горшечник лысину рукою почесал,
Кобылу ту кожевнику продал.
Она же шкуры на заборе увидала
И взвыла: «Горе мне, как видно я пропала,
Лучше б в саду трудилась день и ночь,
Да и горшки возить теперь бы я не прочь»
Молила так, да поздновато было,
Строптивную была - пошла на мыло!

Овцы и Свинья.

Одна Свинья паслась в овечьем стаде,
И жили они все в одной ограде.
Пастух в то стадо часто приходил,
По очереди, по одной овце ловил.
Всё для того, что бы подстричь бока,
Иль надоить для сыра молока.
Овцы к такому обращенью привыкали,
Свои обязанности молча выполняли.
Однажды за ногу пастух Свинью схватил,
Стала она визжать, что было сил,
А овцы меж собою рассуждали:
«Нас тоже он ловил, но мы молчали,
Всё отдавали шерсть и молоко,
Без шерсти становилось нам легко»
На что Свинья, сквозь слёзы, отвечала:
«С меня-то ему нужно мясо с салом»
Глупые овцы так и не поняли,
Коль не было б Свиньи - они б в котёл попали.

Лошадь и Осёл.

Осёл и Лошадь по дороге вместе шли,
Тяжелый груз вдвоём они несли,
Тут неожиданно Осёл стал уставать,
Немного груза, попросил Лошадь забрать,
Но Лошадь та строптивою была,
И даже не взглянула на Осла.
А он ещё немного протащился,
Вздыхнул разок и замертво свалился.
Груз с мёртвого Осла погонщик снял
И лошади на спину привязал.
Теперь она кряхтела и стонала,
Свою строптивость в мыслях проклинала:
«Ах, если б я послушалась Осла
И часть бы его ноши забрала,
Не изнывала бы под тяжестью такой,
Да и Осёл остался бы живой»

Правдива басня, как всегда мудра,
Строптивость не доводит до добра,
Коль лошадь та упрямой не была,
Она б двойную тяжесть не несла.

Голубка и Лиса.

Голодная Лиса по лесу рыщет,
Чем голод утолить плутовка ищет.
Глядит, на дереве Голубка притаилась.
Лиса под деревом тот час расположилась,
Решила хитростью свой голод утолить:
«Голубушка, теперь все вместе будем жить,
Спускайся поскорей, по лесу погуляем
И в салочки иль в прятки поиграем.
Бояться не чего, объявлен всем указ,
С сего дня мир главенствует у нас»
«Ну, слава богу - ей Голубка отвечает-
А то я слышу, что собаки где-то лают,
Коль без указа, тебе б нужно уходить,
Ну, раз теперь уж вместе будем жить,
Бояться не чего, сюда они бегут,
С тобою в прятки поиграют, видно тут»
Лиса бежать, прищунив хитрый глаз.
«Куда же ты Лиса? Ведь вышел же указ!»
Но та ещё быстрее, лишь лапы замелькали:
«А вдруг собаки те указа не читали!»
Лиса ответила и скрылась поскорей.
Голубка та Лисы была хитрей.

Погостила

Однажды мышка полевая,

Хвостом приветливо махая,
С домашней встретилась в упор,
Возник меж ними разговор:
«Вижу, живёшь совсем ты плохо,
По полю собираешь крохи,
Худа, от голода дрожишь-
домашняя сказала мышь-
Ты посмотри-ка на меня,
Такого не бывало дня,
Чтоб я колбаски не достала
Или без сыру голодала.
В гости ко мне сейчас пойдём
И попируем за столом.
А после утоливши голод,
Совсем переберёшься в город»
Пришли, на стол они забрались,
У гостьи глазки разбежались,
Куда б ни обратилась взором,
Везде объедков лежат горы...
Вдруг резко закачался стол,
Хозяин в комнату вошёл
И сразу же, что было сил,
В мышей ботинок запустил.
Затем руками стал ловить,
Чтобы коту после скормить.
Кой - как в нору они сбежали
И долго, сидя там, дрожали.
«Ну, нет, всё это страшно слишком-

сказала полевая мышка-
Уж лучше не всегда быть сытой,
Чем под столом лежать убитой»
Сказавши так, свой хвост поджала
В родное поле убежала.

Козёл и лиса.

Однажды в колодец свалилась лисица,
Козёл подошел, чтоб водицы напиться,
Увидел лису, над колодцем склонился,
И рядышком с ней в один миг очутился.
Напившись воды, огляделся кругом:
«Что делать лиса? Мы теперь пропадём?»
Но та поспешила козла успокоить:
«Мы выход найдем, волноваться не стоит,
На стенку ногами сейчас обопрись,
Копытами задними в днище упрись,
А я по спине, а потом по рогам,
Полезу на выход и вмиг буду там.
А после за хвост ты ухватишься мой,
Тебя подниму, и пойдёшь ты домой»
Всё сделали так, как лисица сказала,
Вот только она от козла убежала.
Сидит он в колодце, трясет бородой
И вслух рассуждает: «Какой я тупой,
Твердят все в округе уж множество лет:

Хитрее лисицы в лесу зверя нет,
А я ей доверился, глупый козёл,
О боже! Зачем я к колодцу пришел?»
Читатель, давай же козла пожалеем,
Поможем колодец покинуть скорее.
Я думаю, станет теперь он умнее,
Не будет лисе подставлять свою шею.

Собачка и осёл.

Один человек, проживая в деревне,
Собачку имел и осла.
Собачка пушистая, божье творенье,
Любимицей в доме была.
С хозяином рядом лежала на койке,
Кормилась с его же руки.
За это умела принять она стойку,
Спасала его от тоски.
Осёл, видя это, решил отличиться,
К хозяину в дом забежал.
Забрался на стол и, сумев изловчиться,
Он стойку собачью принял.
Не выдержал стол и под ним развалился,
Бедняга свалился на пол.
Хозяин опешил, затем рассердился:
«С ума ты скотина сошел?»
И вместо, ослом ожидаемой, ласки

За стойку, что он показал,
Хозяин задал ему крепкую встряску,
Чтоб место своё каждый знал.

Уж если осёл ты, ешь в стойле солому,
Таков твой ослиный удел.
Собачки ручные живут по-другому,
Хозяин твой так захотел!

Мышиный совет.

Собрались мыши на совет:
«Нам от кота спасенья нет,
Что делать дальше мы не знаем,
Он каждый день двух, трёх съедает»
Шумели и кричали долго,
Всё бесполезно, всё без толка.
Но вдруг мышонок прибежал
И деловой совет всем дал:
«Беда вся в том, что мы не слышим,
Как кот крадётся к норке мыши,
И что бы прежде это знать,
Должны коту мы привязать
На шею звонкий бубенец,
Наступит бедам всем конец»
Тут радостно все загалдели,

Мышонка наградить хотели.
Но мышь постарше, вдруг сказала:
«Совет хорош, да толку мало,
Чтоб бубенец тот привязать,
Нужно мышам кота поймать.
Из вас, кто справиться с котом?
Прошу голосовать хвостом!
Но все от страха задрожали
И под себя хвосты поджали.
Мышонок, что совет давал,
Первым в подполье убежал.

Советы, прежде чем давать,
Подумай, как их исполнять.

Лев и волк.

Однажды волк овцу украл,
У бедняка, тот причитал:
«Я для себя её растил,
Трудился из последних сил,
Чтоб накормить своих детей,
Верни овечку мне скорей»
Но волк лишь прорычал в ответ:
«До слёз твоих мне дела нет,
Меня в лесу ждёт волчья стая,
И там волчата голодают»

И с этой краденой овцою,
Он к лесу двинулся трусцою.
Но только в чащу забежал,
Лев тут же на него напал.
Помяв все рёбра подлецу,
Отнял у волка он овцу.
Побитый волк, сквозь зубы хнычет:
«Не честно отнял ты добычу,
Я столько силы положил,
С большим трудом её добыл»
На что ему лев отвечает:
«Как ты добыл её, я знаю.
О какой чести ты бормочешь,
Ещё сказать наверно хочешь,
Что с бедняком друзьями были,
И ту овцу вместе растили.
Меня разжалобить хотел?
Иди от сюда, пока цел!»

Друзья, не редко так бывает:
Кто трудиться, тот голодает
Кто ж обобрать его посмел,
Тот сам остался, чудом, цел.
Таков разбойничий удел,
Кто сильный тот овечку съел.

Ворона возомнившая себя

Орлом.

Орёл ягненка из отары утащил,
Имел для этого достаточно он сил.
И позавидовав Орлу, Ворона вдруг решила,
Что у неё на это тоже хватит силы.
Когтями в шерсть овце вцепилась,
Поднять же не могла, сколько ни билась,
Хотела бросить, когти отцепила,
Пыталась улететь – не ту то было.
Запуталась совсем она в шерсти,
Хотя бы собственную шкуру ей спасти,
Подёргалась и выбилась из сил,
Пастух её поймал и в клетку посадил.
Ворона вся в пуху, её и не узнать,
Сын пастуха спросил: «Как птицу эту звать?»
Отец его в затылке почесал,
Подумал, улыбнулся и сказал:
«Вороною всю жизнь она была,
Но убедить сама себя смогла,
И думает, ей верят все кругом,
Что стала она царственным Орлом»

Друзья, поверьте мне – всегда в миру так было,
То, что дано Орлу – Вороне не под силу!

Звездочёт.

Смотрел на звёзды ночью звездочет,
Созвездьям наводил он всем учёт.
В Большой Медведице все звёзды посчитал,
И в Малой сколько их он точно знал.
А наблюдая за созвездием Персея,
Увидел, как к Земле летит Галлея,
Комета с белым ледяным хвостом.
«Не долго, видно, все мы проживем –
с тревогою подумал звездочёт –
Планету нашу та Галлея разнесёт»
И с этой мыслью, озирая небосвод,
Он кинулся спасать честной народ.
Не глядя под ноги бежал, что было сил,
В колодец звездочёт тот угодил.
Но не случилось с ним большой беды,
В колодце этом не было воды.
Комета же та мимо пролетела,
На сей раз Землю, видно, пожалела.
В колодце звездочёта осенило:
«Была бы тут вода, совсем мне худо б было»
И для себя решил теперь он: «Впредь,
Не только в небо, но и под ноги смотреть»

Конь и Осёл.

Ослу однажды повстречался Конь,
Закован был он в латы боевые,
Сверкали латы те словно огонь,
В узде сияли бляхи золотые.
Такой же бравый всадник на коне,
В седле удобном сидя красовался,
Базука за спиною на ремне
И вымпел рыцарский по ветру развивался.
Увидев блеск такой, Осёл оторопел,
Завистливо к коню он обратился:
«Мне расскажи, как ты разбогател
И роскоши такой, как ты добился?
Я день и ночь тружусь в этих полях,
Поклажу непосильную таскаю,
Богатство всё – ярмо лишь на плечах,
И клоч соломы на ночь получаю»
Ответил Конь: «Иди Осёл за мной,
Поможешь выполнить мне ратную работу,
Нас ждут враги за полем, под горой,
Бой предстоит до крови и до поту.
Останешься живой, трофеи соберёшь,
Тогда уж точно вмиг разбогатеешь,
А коль не повезёт, на поле том умрёшь,
Враги сдерут ярмо с твоей ослиной шеи»
Не отличался храбростью Осёл,
И от того богатства отказался,
С конём на поле брани не пошёл,

С соломой и ярмом своим остался.

Мораль у этой басни не проста:

Мне жаль осла с его ярмом на шее.

И бранная печальна суета,

Коня, хоть он богат, я то же пожалею.

Трагическая ошибка.

Пришёл олень к реке воды напиться,

И стоило ему лишь наклониться,

Своё в воде увидел отраженье,

Возникли в голове его сомненья:

«Какие у меня красивые рога»

Но возмутился собственным ногам,

«Какие они тощие, кривые,

Рога-то хороши, да ноги вот плохие»

Пока так рассуждал, тут Лев вдруг появился,

Олень в бега немедленно пустился,

Несутся его ноги, не догнать,

Рога же в сучьях стали застревать,

Бежать мешают, выбился из сил,

И Лев беднягу скоро завалил.

Олень же перед смертью думал так:

«Какой же оказался я, дурак,
Ноги ругал, они резво бежали,
Хвалил рога, они мне помешали»
Мысль эта, несомненно, дорога,
Пришла бы раньше – обломал себе рога.

Как ежик превратился в колобка.

Случилось ёжику заведующим быть
В одном лесном зверином клубе,
И рад он был культуре послужить,
Да вот беда, ходил в колючей шубе.
Открыт был клуб до вечера с утра,
Работали в нем классные артисты,
На выдумки большие мастера,
Достойные похвал специалисты.
Авторитет среди зверей большой,
Дипломы, кубки, ни какой халтуры,
Но не любила их волчица всей душой,
Была в лесу она начальником культуры.
Иной раз цапнула б зверюга ежа в бок,
Да больно шуба у него колюча,
Волчата пробовали вырвать с шубы клоч,

Но еж всегда оказывался круче.
Вот почему волчица ни когда
Клубу достойных мест не выделяла,
И славу, что имел тот клуб всегда,
Завистливо совсем не замечала.
Но вот однажды лев явился в лес,
Глава всему, и свита с ним большая,
Чёрт дёрнул ёжика, он с жалобой полез,
На то, что его клуб не замечают.
А жалобу ту львица приняла,
Пообещала, что с волчицей разберётся,
Хвалила ёжика за прошлые дела
И что сейчас ему всё удаётся.
Недолго результата ёжик ждал,
На третий день развязка наступила,
Волчица подготовила финал,
И в логово культурно пригласила.
И выдала все почести сполна,
Под её лапами в конвульсиях он бился,
Колючки выдрала из шубы все она.
И в коlobка наш ёжик превратился.

Хотелось бы ежам мне дать совет:
Не нужно головой об стенку биться,
И оговаривать волчицу, проку нет,
В одной конторе служат они с львицей.

2008 г.

Жертвы импичмента.

В одной стране всё процветало,
Питья, еды зверям хватало.
Все дружно жили меж собой,
Здесь каждый зверь ценил покой.
Одна печаль всех волновала:
Соседний край беды не мало
Зверям смиренным приносил,
Боролись с ним по мере сил.
В краю том вредном правил Лев
И часто скалил злобный зев
На сопредельную страну,
Призвав на помощь сатану.
Вдруг по миру прошла молва:
Импичмент ожидает Льва,
А претендентом на тот трон
Намечен Африканский Слон.
В мирной стране все ликовали,
Слону победы пожелали
В надежде, что при новой власти,
Затихнут, наконец, все страсти.
Глупцы – ужель они не знали:
Шакалы Львом тем управляли,
И та же участь ждет Слона,

Политика для всех одна.
И под напором злых шакалов,
Покою в тех краях не стало,
Слон всюду хобот свой совал,
Всем свою волю диктовал.

Тот, кто импичмент затевает,
Он не за мир, друзья, страдает,
В него давно вселились бесы,
Свои в том ищет интересы.

О взятке...

Иск на крестьянина помещик в суд подал,
Из - за куска земли произошёл скандал,
Сажал крестьянин по весне картошку
И захватил чужой земли немножко,
Помещичьей, ну может, пол аршина,
Тот сразу в суд, мол, разорил детина.
Вот судный день, как водиться настал,
Перед судом крестьянин наш предстал.
Заранее помещик веселится,
Ему судебские давно знакомы лица.
Подкинув взятку им в суму,
Не одного отправил он в тюрьму.
Крестьянин был не робкого десятка
И, не имея средств на взятку,
Кирпич в тряпицу завернул,

Себе за пазуху заткнул.
И думает: «Не радуйтесь, друзья,
Заранее вы веселитесь зря,
Коли к тюрьме меня приговорят,
Огрею кирпичом я всех подряд».
Процесс к концу, читают приговор,
На подсудимого судья направил взор.
Крестьянин камень из-за пазухи достал,
И показал судье, чтоб участь свою знал.
А тот иначе всё растолковал:
«Он золота кусок мне показал!»
И тут же приговор был изменён,
Крестьянин от тюрьмы освобождён.
Помещик возмущен – рычит, как зверь,
Крестьянин свёрток бросил и за дверь.
На свёрток вороном судья тот налетел,
В портфель засунуть поскорей его хотел.
Тряпицу развернул, а там кирпич,
Глаза от злобы вылупил, как сыч,
Рванулся за крестьянином за дверь,
Представить трудно, что с ним сделает теперь.

Вы не трудитесь это представлять,
Не повернуть процесс судебный вспять,
Мы знаем, что крестьянин наш не вор,
Таков был вынесен судебный приговор.
А что касается помещика с судьёй,
Могли бы поплатиться головой,

Спасли их головы судейские догадки:

В тряпицах всех он видел взятки.

Притча о том, как баран разбогател.

В одном лесу всем управлял Олень,

Достоинство проводил он каждый день,

Трудолюбив был честен и умён,

Угодничеством лишь не занимался он.

Для бюрократов сущая гроза,

Всегда всем правду говорил в глаза.

Льву-губернатору написан был донос,

О том, что будто бы Олень задрал свой нос.

И хочет губернатора сместить,

Чтоб самому то место захватить.

Долго не думая Олень был отстранён,

Понижен в должности, речами оскорблён.

И по хитро задуманному плану,

То место было отдано Барану.

Баран депешу губернатору отправил,

Чтоб тот ворота новые поставил:

- Уставлюсь я на новые ворота,

И с плеч долой все лишние заботы.

К тому же подал сразу ходатайство:

«Мне нужен ДЖИП, чтоб

объезжать хозяйство»

Ответ его, однако, огорчил,

Решенье принято. Хомут оторопел,
Соха от возмущенья застонала.
Комиссия обход свой продолжала.
За лугом тем, был расположен пруд,
Всю жизнь Бобры хозяйничали тут.
Плотина прочная на том лугу стояла,
И чистая вода на солнышке блистала.
И к той воде протоптанной тропой,
Ходили звери все на водопой.
Окинув взглядом водный, сей простор,
Баран, подумав, вынес приговор:
-Плотина в этом месте не нужна,
Без пользы создает затор она.
А, что касается лесного водопоя
За лесом есть болото под горою.
Бобров отправим в норы мы к Кротам,
Пусть они вместе землю роют там.
А здесь пускай пока Свинья послужит,
С моей овцою они крепко дружат.
Хавронья быстро наведёт порядок тут,
В грязи копаться для неё любимый труд.
И здесь он без труда решение нашёл,
Решил и дальше свиту вновь повёл.
Чтоб не возникли негативные нюансы,
Настал момент проверить и финансы.
Олень был умным, средств
скопил не мало,
Казной же этой Белка управляла,

У Белки был большой авторитет,
Служила безупречно много лет.
За светлый ум она сюда попала,
И честно ту казну преумножала.
Счета все осмотрев, Баран взбодрился,
Богатству этому он даже удивился,
В нём алчность вспыхнула,
и пот его пробрал,
Задравши голову он, свысока сказал:
- Мне кажется большие здесь дела,
А Белка эта слишком уж мала.
Олень серьёзно, видно, ошибался,
Коль на неё он очень полагался.
Указ пишите: Белку в шею гнать,
Ослу финансы в подотчёт отдать.
А так, как тот осёл из нашей свиты,
Пре дележе, мы будем не забыты.
День пролетел и на дворе уж ночь,
Передохнуть, пожалуй, все не прочь.
А завтра отчитаться поскорей,
Как много в жизнь проведено идей.
Что волноваться, мол, не стоит,
Любые планы можем мы освоить.
Отчёт приняв, Барана похвалили,
Американским ДЖИПом наградили,
Баран доволен, накатался всласть,
Овечке то же нравится та власть.
Но вот беда, округу, где он правил,

Господь своим вниманием оставил,
И дьявол начал там вершить дела,
Вся его свита в «тяжкие» пошла.
Пока Баран глядел на новые ворота,
Решили они подленькое что-то.
Хотя и он был, в общем-то, непротив,
Какой Баран от взяток нос воротит.
Верблюд, хоть был, совсем горбатый,
Однако золотым руном богатый,
А так как он колючками питался,
Коварный план в мозги его пробрался.
Барану часть руна он уступил,
И взяткой дружбу накрепко скрепил.
Два раза в бок хозяина лизнул,
Овце в пол глаза подмигнул,
Затем спиртное вместе пили,
И распахав траву, колючек насадили.
Свинья тем временем плотину раскатала,
Вода в пруду совсем скоро пропала,
Захочешь тут попить иль искупаться,
В грязи лишь только сможешь замараться.
Свинья в той луже развалилась,
И быстренько со всем определилась:
-Зверям здесь водопоя не видать,
А для друзей моих, ну просто благодать!
Для соплеменников лечебницу открою,
Лечебной грязи горы я нарою,
Смогу в короткий срок обогатиться,

С бараном, жаль, придётся мне делиться.
Друзья. А что же делает Осёл?
Другим путём он то же не пошёл,
Мы знаем, все ослы умом не так богаты,
Но этот быстро нанял адвокатов,
Барану крупный куш пообещал,
Льву самому на лапу то же дал.
Кое-кого из свиты не забыл,
И вскоре банк коммерческий открыл.
В тот банк ушёл олений капитал,
Для вкладчиков же чёрный день настал.
Осёл мошенничать отлично научился,
Тот банк довольно быстро разорился.
Но управляющий в накладе не остался,
И сам богат, да и с Бараном рассчитался.
А что ж в губернии? Не уж-то всё простили?
О чём там говорить! Барана похвалили!
Он в области новатором прослыл,
А как же: банк коммерческий открыл.
Лечебницу ту то же не забыли,
От медицины знак ему вручили,
А то, что свиньи только в ней лежали,
В отчёте этого совсем не указали.
Верблюда в фермеры произвели,
Колючки те за траву все зачли,
Поверьте, говорю вам без обмана,
В зачёте были не один – два плана.
На деле же ужасный результат,

Притча о кротах-слепцах, Медведях-Москалях, Лисице с
косулицей и Ястребе из-за границы, что на майдан решил
явиться.

Кроты-слепцы разволновались,
Толпою на Майдан собрались,
Стали толкаться и кричать:
«Нужно правительство менять!
Нас довели они до ручки,
Все подлецы, достойны взбучки.
И обобрали нас до нитки,
Куда не глянь, везде убытки.
Мы все сверкаем голым задом,
А тут Европа где-то рядом,
Хотим скорее мы туда,
Там очень вкусная еда».
Кричали долго, всё напрасно,
Из-за бугра сказали ясно:
«Весь шум и крик - пустяшный труд,
В Европу нищих не берут».
Тут на майдан из подворотни
Проникли Псы из чёрной сотни,
Стали в рядах кротов слепых
Вносить раздор. Те на своих,
Стали бросаться без разбору,
В кровавый бой зашла та ссора.

Вдруг на майдан пришла Лиса,
Желто – блокитная коса,
Давно она во власть хотела,
Но как ни билась не сумела
Взять президентскую суму.
Вместо правительства в тюрьму
Годами раньше вдруг попала,
Как видно сало воровала.
Тут повезло ей. Беспорядки!
Правительство, намылив пятки,
Метнулось сразу за границу,
Позволив ей освободится.
И вот Лиса уж на майдане:
«Пришла поговорить я с вами, -
Так начинает речь свою, -
Всё расскажу, не утаю,
Напрасно вы друг друга бьёте,
Вы в этом правды не найдёте.
Там за границею вдали
Живут Медведи - Москали,
Они виновны в бедах наших
И заварили эту кашу,
Газ нам бесплатно не дают,
За всё валютою берут.
Их развелось у нас не мало,
Житья от них совсем не стало,
Я объявляю им войну!»
«Несёшь хреновину одну!-

Тут из толпы кто-то ответил-
Я что-то злобы не заметил
От тех Медведей – Москалей,
Несут добро они скорей,
Нам помогать уже устали,
Что дали нам, мы промотали.
А что касается войны,
Умом мы не совсем дурны:
Пойдём войной на Москалей,
Не соберём своих костей».
Лиса ответом не довольна,
Такая речь хлестнула больно
По самолюбию лисицы,
Месть Москалям ей ночью снится
И днём покоя не даёт,
О ней мечтала круглый год.
А тут под общее волненье,
Решила удовлетворенье
Преподнести своим мечтам,
Но не сложилось что-то там.
Пока Лиса и Псы из сотни
Смуту несли из подворотни,
Звери, что были поумней
И уважали Москалей,
Между собой объединились
И от смутьянов отделились
С землей, где коротали дни,
Ушли в Московию они.

Их приняли в свои объятия
Медведи, были они братья,
Но много лет тому назад,
Один властитель - супостат,
Толь с дури или пьяный был,
Вместе с землёю подарил
Стране, что значилась союзной,
Живое всё, как хлам не нужный.
Счастливым наступил исход,
Домой вернулся тот народ!
А на майдане между тем
С ума сошли почти совсем.
Лисице прищепили хвост,
Опять ей не достался пост.
Под визг и лай голосовали,
Собак в правительство избрали,
Из чёрной сотни, самых злобных,
Для заграничных Псов угодных.
Затем совместно стали лаять,
Пытаясь москалей охаять.
Советник Ястреб приказал
Поднять им бешенный скандал.
Он прибыл из-за океана,
Совместно разработать планы,
Как всё устроить похитрей,
Скандал свалить на москалей.
Советник из-за океана,
Лиса и Псы с того майдана

И из Европы хищных стая,
Кротам-слепцам мозги вправляя,
Всем обещали жить без горя,
Тёплый прием в Европу вскоре,
И там при встрече улыбнуться,
Коль от Медведей отвернутся.
Услышав, как прекрасно там,
Примкнули хищники к Кротам.
И разношерстная та стая,
Всё на пути своём сметая,
Рванулась вслед за вожаком,
То Ястреб. Он вам всем знаком.
Где б ни случилось вдруг волнение,
Он тот час тут, без промедленья,
В сопровожденье волчьей стаи
В дела чужие нос пихает.
Демонстративно лапой сжатой
Флаг держит звёздно-полосатый.
Он сам себе давно внушил,
Что Землю всю уж покорил.
Вот и сей час Кротов безмозглых
Построив всех под флагом звёздным,
Окинул сверху хищным взглядом
И приказал, что делать надо.
Летит по небу он вперёд
И сверху голос подаёт,
А на призыв тот с высоты,
Внизу бегут слепцы Кроты.

За океан их пригласили,
Несутся не жалея силы,
Забыв про родину свою:
«Жить будем скоро, как в раю,-
Их вожаки в толпе кричат,-
И не воротимся назад».
Бегут вперёд, в мозгах туман,
Ни кто не думал, что обман
Задумал Ястреб заграничный,
А для него тот ход привычный.
Заметил сверху он, что вскоре
Земля кончается и море,
Волнуясь, в берег волной бьётся,
Совсем немного остаётся.
Ещё рывок, слепцы - Кроты
Упали в море с высоты
Могучих просоленных скал,
Ни кто об этом не узнал,

Лишь только ветер засвистал,
И их накрыл девятый вал.
А Ястреб развернулся вспять,
Вернулся дальше разорять
Родную землю тех Кротов,
На подлость он всегда готов.

Над притчей можно посмеяться,
Но, в дураках, чтоб не остаться,

Не нужно быть слепым кротом,
Чтоб не раскаяться потом. 2014 г.

Притча о том, как пострадал Барсук,
Заклучив договор с Медведем, без
Адвоката.

Несоответствие, по службе, углядев,
Медведя из берлоги выгнал Лев.
Испытывая смертную тоску,
Направился наш Мишка к Барсуку.
«-Послушай, брат,- он Барсуку сказал,-
Ты старый, много в жизни повидал,
Постигла меня страшная беда,
Уволен я со службы навсегда.
Ты подскажи, как дальше поступить,
Мне без портфеля и берлоги не прожить».
Барсук подумал, ухо почесал,
Прищурившись, совет Медведю дал:
«-К своей берлоге, знаю, ты привык,
Бездельничал, скажу я напрямик,
Теперь пришла пора и поработать,
Коль кресло получить тебе охота.
У Льва был заместителем Осёл,
На пенсию позавчера ушёл,
Хозяйством занимался он у Льва,
Чай подавал, колол порой дрова.
Я помогу, тебе устроится на службу,

Имею крепкую со Львом давно я дружбу.
Ты ж покажи усердие в делах,
Авторитет, чтоб рос, как на дрожжах.
А Лев уходит скоро на покой,
Его заменит, кто ни будь другой,
А как начнут другого избирать,
Кандидатуру твою буду выдвигать.

Я агитацией займусь среди зверей
И подключу редакторов-друзей.
Прошу потом всё это не забыть,
Коль мне придётся, что-то попросить»
«-Всё сделаю - медведь пообещал, -
Коль ты идею мне хорошую подал».
Вот тут бы надо адвоката пригласить
И эту сделку договором закрепить,
Но не додумался до этого Барсук,
Решил, что Мишка настоящий ему друг.
Как сговорились, всё произошло,
На выборах Медведю повезло,
Он всем работать честно обещал,
В конце концов, на место Льва попал.
Время прошло, Медведь наш раздобрел,
Забыл, как отстранён он был от дел,
Про обещания свои совсем забыл,
Не тратит на работе много сил.
Барсук тем временем совсем уже ослаб,
Поднять не может заболевших лап.

А тут ещё несчастье случилось,
Нора от ветхости у входа обвалилась.
Кой - как на костылях больной Барсук
Отправился к Медведю: «Старый друг!»
Войти в приёмную берлоги попытался,
Не смог пробиться, как он ни старался.
Лиса чуть не прибила костылём,
Была в берлоге той секретарём.
Услышав шум, Медведь позвал Лису:
«-Что за дебош у нас царит в лесу?
Кто там, в приёмной шум такой поднял?
Пусть прекратит немедленно скандал!»
«-Барсук пришёл. Он говорит, вам друг,
Нора как будто завалилась, вдруг,
И что когда-то он вам помощь оказал,
Того ж от вас не медля требует, нахал!»
Нахмутив лоб, Медведь сказал сердито:
«- Такого я не помню паразита,
Чтоб помощи моей просил по блату,
Скажи, чтоб ему выдали лопату,
Пусть сам себе идёт он нору роет,
По пустякам меня не беспокоит.
Ещё раз зашумит, не пожалею,
Скажу, чтоб выгнали нахала в шею.

В беду Барсук попал без адвоката,
За все старанья получил лопату,
А если б было всё по договору.

То починил бы Мишка ему нору.

2013 г.

БУНТ МЫШЕЙ...

/притча/

Однажды взбунтовались мыши:

Еда не та, и кот на крыше,

Спокойно жить им не даёт

И в норах сыро круглый год.

Подняли писк на всю округу,

Готовы морду бить друг другу

Или за волосы таскать:

«Нужно виновного искать,

Кто же довёл до такой жизни?

Хотели жить при коммунизме,

Чтоб целый день в норе лежать

И хлеб с колбаскою жевать.

Когда же этот день настанет?

Мы ждать его уже устали.

Пойдём немедля к вожакам,

Пусть они точно скажут нам,

Когда же жить мы будем лучше?

Возьмём петлю на всякий случай,

Коль не получим мы ответа,

В петлю загоним их за это»

Но вожаки не дожидались,

Услышав шум, все разбежались.

Собрались мыши на совет:
«Нам в коммунизм идти, иль нет?»
Тут дело вновь дошло до драки,
Многopартийность забияки
В своей стране провозгласили,
В капитализм поворотили.
И как-то так сама собой,
Жизнь у мышей стала другой:
Те, что с большой и наглой мордой,
Их мало. Зато взгляд их гордый,
Заняли лучшие из нор,
Зерном завален весь их двор.
Жизнь стала как при коммунизме,
Другой не надобно им жизни.
А из сырых и тёмных нор,
На них уставились в упор,
Голодные и злые мыши,
От новой жизни еле дышат.
Мордатые же тут решили:
«Чтоб ещё лучше все зажили,
Пора избрать нам вожака»
Его - то не было пока.
Худые с ними согласились
И временно объединились.
А выбор пал на демократа,
Для всех он был роднее брата.
В жизни ему, видно, влетало,
Рука /нога/ его была беспалой.

Но демократом сильным был,
И водку русскую любил.
Как только мыслить начинал,
Без меры горькую хлебал.
Избрали, он решил напиться
Потом не мог остановиться.
Среди мышей начался мор,
Не зёрнышка в амбарах, сор
да паутина по углам.
Раздолье стало лишь котам,
Не только местные кусают,
Но иностранцы прибегают.
Вот так живут. Вожак хмельной
Всегда доволен сам собой.
По заграницам разъезжает,
Его там с радостью встречают.
Всё вывез иностранцам в дар,
Пустым оставил свой амбар.

.....

Мы уподобились мышам,
Бардак везде и тут и там.
Кого вождём себе избрали?
Иль пьяные голосовали?
Пора и нам определиться,
Советников из-за границы
Скорее нужно в шею гнать,
Чтобы страну не потерять.

Январь 1997 г.

В книгах не напечатано.

Не обольщайся.

Если силен ты и имеешь власть,
То можешь насладиться властью всласть.
Но истину ты о себе узнаешь,
Когда портфель и власть ту потеряешь.

Пётр Иванов секретарь райкома,
Много друзей и хорошо знакомых.
Всем что-то было нужно от него,
Вниманием не обделял он никого.
Одних наверх по службе продвигал,
Другим купить машину помогал.
Третьим – детей устроит в институт,
Иным всё было нужно там и тут.
В кругу друзей Пётр Иванов бог:
Все пели дифирамбы, кто как мог,
Превозносили в спичах до небес,
И вдруг секретаря попутал бес.
Но это говорится просто бес,
В действительности ОБХСС.*
Как оказалось, Пётр Иванов брал,
Сам взятки кой-кому давал.
Уж это не секрет - даёшь пока,
Повсюду у тебя лохматая рука.

Повержен и от кресла отлучён,
Время теперь один проводит он.
Друзей ещё недавно было тьма,
Как языком слизал их вдруг Фома.
Никто теперь Петра не узнаёт,
Руки ему никто не подаёт.
«Какой подлец»- один из них сказал,
Тот самый, что шнурки ему лизал.

*ОБХСС – отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности.

1989 год.

Лев и Шакал.

/притча/

Однажды Львёнок заблудился,
От стаи он нечаянно отбился.
Но к счастью мимо пробежал Шакал,
Услышал плачь и помощь оказал.
Лев пост большой, в то время занимал,
Шакала наградил и обласкал.
К тому же приказал издать указ,
Чтоб с Львёнкой не спускали няньки глаз.
И милостью Шакала не оставил,
Руководить долиною направил,
Которая в его владениях была,
Освободив от должности Осла.
Осёл усердно там трудился,
Но результатов нужных не добился.

Дела свои все звери выполняли,
Осла, за старшего, никак не признавали.
Шакал ошибки сразу все учёл,
Сломал в леску, попутно, толстый кол,
В долине начал наводить порядки.
У каждого в делах заметил недостатки,
За что хлестал всех колом без оглядки:
Змея, по его мнению, должна петь
Медведь не должен был храпеть,
Лань прыгать слишком высоко,
Смотреть не должен сокол далеко.
Шакал настолько в роль вошёл,
Что никакого сладу с ним не стало.
Всех подчинённых до истерики довёл,
Казна ж совсем в долине захудала.
О всех делах дошёл слухок до Льва,
Его доставила почтовая Сова.
Недолго думая, в долину он спустился,
Всё осмотрел и очень удивился:
Медведя, чтоб не спал, хорьки в бока толкали,
Лань, чтоб не прыгала, верёвками связали,
Змея же, выпучив глаза, пыталась петь,
А сокол глаз не открывал, чтоб не смотреть.
От удивленья Лев оторопел,
Чтоб дух перевести, он на пенёк присел.
В тот миг Шакал с дубиной мимо пробежал
И на ходу всем наставления давал.

Увидев Льва, подлец оторопел,
И незаметно проскочить в кусты хотел.
Но поскользнулся и свалился Льву на хвост,
А вес порядочный он нагулял, прохвост.
От наглости и боли Лев взревел,
И лапой в лоб обидчика поддел.
Да видно сил своих властитель не учёл,
Шакалу череп моментально расколол.
Недолго в той долине горевали,
Но все с опаской этот случай вспоминали.
Да ещё Лев никак не мог забыть:
«Как мог Шакал так подло поступить!»

Сюжет у притчи очень прост:
Не наступай ты покровителю на хвост.
И зря не разевай на всех свой зев,
Поскольку ты ещё не Лев!

Рейтинг до потолка.

В местный парламент Волка выдвигали,
Но прежде чем тот пост ему занять,
Зверям лесным особый день назвали,
Когда за Волка нужно проголосовать.
А для поднятия его авторитета
И для того, чтоб рейтинг уберечь,
Решили обратиться в местную газету,

На свою сторону редактора привлечь.

Редактором была в лесу том белка,

Умом брала и остротой пера,

Бездельников журила за проделки,

И освещала добрые дела.

В редакцию пришли доверенные лица,

Ногою шаркают, до пола бьют челом:

«Голубушка не дай нам осрамиться.

Пусть выберут, сочтёмся мы потом»

Тут белка изменив своим привычкам,

Впервые против совести пошла

И выдала статью, отбросив все кавычки,

В которой Волка до небес превознесла.

Мол, ничего, что зубы, как кинжалы,

И хмурый взгляд из - под бровей, всегда,

Волк с овцами дружил и коз не обижал,

Где б ни работал он, везде росли стада»

Зверьё вздохнуло сразу с облегченьем:

«Ну, слава Богу, наконец-то заживём»

И окончательно отбросив все сомненья,

Решили: «Ну конечно изберём!»

Потом в лесной парламент избирали,

И тут во власть полезли барсуки,

В газете той они всем обещали,

Что нищим отдадут последние портки.

Затем Медведя в волость выдвигали,

А после Льва хозяином степей.

И все той белке помощь обещали:
«Случится, что иди к нам, не робей»
Пока делами Белка занималась,
Несчастный её случай подстерёг:
Без крова горемычная осталась,
В дупле вдруг обвалился потолок.
В надежде, что её не позабыли,
Метнулась она сразу к барсукам.
Наморщив лоб, они ей предложили
В землянку поселиться, к колонкам.
Взмолилась белка: «Дайте же дупло,
Недавно дятлы новых надолбили»
«Куда тебя, подруга, понесло!?»
Мы родственников там уж расселили»
Рванулась Белка к Волку на приём,
Подумав, что он точно ей поможет.
Ответил Волк: «Бедны, сейчас, жильём»
И оказать ей помощи не может.
Три года Бека, словно в колесе
Крутилась, всем пороги обивала.
И поняла, что выбранные все
Нуждались в ней, пока о них писала.
06.06.2010 г.

Просто концерт...

Концерт в село однажды привезли.

Соседки две Прасковья и Устинья

В клуб на артистов посмотреть пошли,
Прошёл слушок, что выступают стильно.
Места в партере заняли скорей,
По центру, чтобы видеть было лучше.
Язык у них чесался много дней,
А тут, как раз и подвернулся случай.
- Прасковья, глянь Степан Петров сидит,-
Устинью в бок подружка подтолкнула,
- с соседкой притащился, паразит,
Жена его к другому упорхнула.
- А вон Игнат, не бритый, с бородой,
Глазища красные, наверное, с похмелья.
- Вон Настя и мужик с нею другой,
Все говорят, что варит она зелье.
- Директор клуба морду отрастил,
Жена его, как жердь – совсем худая,
Ревнует его, выбилась из сил,
А шуба на ней, всё же, дорогая.
В общем, попали все к ним «на язык»
Про всех наговорили всё, что знали,
Лишь только сцены взгляд их не достиг,
Концерта они так и не видали.

Я думаю – артистам повезло!
Они, конечно же, прекрасно танцевали,
Спасибо им! Их миновало зло,
Двух баб, что разместились в клубном зале.

Сатира и юмор.

Заболел, господа, заболел,
В чем признаться себе не хочу.
Вольно жил и себя не жалел.
А теперь вот здоровьем плачу.
Обуяла болезнь, как дурман,
Голова, словно медный котел,
Не хочу я свихнуться с ума,
Бросил всё и в больницу пошел.
Осмотрел меня опытный врач,
Головою слегка покачал.
Дал понять, что он тёртый калач,
И постельный режим прописал.
Согласился, в палате лежу.
Куда денешься с жизнью такой,
В потолок не моргая гляжу,
Там кружится тоска надо мной.
Стонет рядом на койке больной,
Исхудал, словно жердь иль доска,
«Полежишь, тоже будешь такой»,-
Злобно в ухо шепнула тоска.
Не поверил, прогнал её прочь,
Не такое я в жизни видал.
«Доктор опытный, должен помочь»,
Луч надежды в глазах просиял.

Собственники.

В одной стране сменился президент,
Призвал к себе министров, приказал:
«В кратчайший срок готовьте документ,
В нем каждый житель твердо, что бы знал,
Что совладельцем он является казны,
Земных ресурсов и промышленности всей.
Что в нашем государстве все важны,
Мы обеспечим взрослых и детей»

Крестьяне разобрали сразу вилы,
Лопаты и «литовки» со складов,
С крестьян банкиры вытянули жилы,
Забрали трактора и всех коров.
Рабочим раздают из цеха гайки.
Иным достались шайбы и болты,
Сложили они всё в карман фуфайки,
И двинулись домой без суеты.
А тот, кому товару не хватило,
Свой ваучер на водку променял,
И собутельнику начистил после рыло,
Со злости, что богатым он не стал.
Министры облегченно в раз вздохнули,
Доволен всем остался президент,
В стране большое дело провернули,

Велик тот исторический момент.

Читатель, комментарии излишни,
Всё это было не во сне, а на яву,
Известно вам из этого, что вышло,
Я с вами в этом времени живу.

Не угодил...

В одной столовой повара не стало,
На пенсию ушёл, а может заболел.
На его место был подобран малый,
Молва твердила – мастер своих дел.
На новом месте повар постарался,
Все блюда шли с добавкой нарасхват,
Довольным посетитель оставался,
Директор только этому не рад.
Зовёт он повара к себе для разговора:
«Давай, поговорим мы тет-а-тет,
Чтоб между нами не было раздора,
Зайди после работы в кабинет».
После работы повар в кабинете:
«Случилось что ? – директора спросил.
«Ты за свиней моих теперь в ответе,
Я их уже неделю не кормил».
Опешил повар, что за наважденье:

«Какие свиньи, я людей привык кормить,
Скажи директор, что за представленье,
Здоровье подкачало может быть?»
«Здоровье в норме, свиньи вот худые,
Отходами кормил их со столов,
Обеды раньше были не такие,
Никто не ел, отходов сто пудов».

Недавно посетил я общепит,
Весь зал опять отходами забит.

Цензура.

Один поэт принес в печать стихи.
Его спросили: «Ты прошел цензуру?»
Поэт воскликнул: «За какие же грехи?»
«Давно уж её нет, вы не валяйте дуру!»
Нахмурившись, редактор проворчал:
«Отстал от жизни, видно, ты, писака.
Позавчера я цензора нанял,
На этом деле «съел» он не одну собаку.
А то от критики спасенья уже нет,
Вечно, поэты, всем вы недовольны.
Подорван вами мой авторитет,
Меня за это хлещут очень больно»

Поэт воспарял душою, у него
Стихи все были о любви и о природе,
Не обличал он баснях никого,
Сатирой смуту не будил в народе.
Через неделю вновь поэт явился
И сразу к цензору подался в кабинет
«Скажите поскорее, - он взмолился, -
Прошли стихи мои цензуру или нет?»
Ответил цензор: «Как-то слабовато,
Нет выражений, чтобы пробрало,
Для связки слов народных маловато,
Чтоб шмякнуло и вновь приподняло.
От этих слов поэт лишился силы,
Молча, смотрел на цензора в упор,
Затем невольно к горлу подкатило:
«А где же вы служили до сих пор?»
«О, я когда – то был в авторитете.
И вольным мыслям ходу не давал.
Имею благодарности в анкете,
На стенках надписи в сортирах удалял»

Дело случая.

Пошли два студента экзамен сдавать,
Ответ на билет должен каждый был знать,
Но разный у них был к учебе подход:

Отличник один, а другой идиот.
И так уж случилось, поверишь иль нет,
Слабак знал ответ на один лишь билет.
Отличник же, верно, так тоже бывает,
Из многих билетов один лишь не знает.
И случай печальный судьбу их решил,
Студент отстающий билет потащил
И радостно вскрикнул, он взял как раз тот,
Ответ на который учил, идиот.
Студенту ж отличнику не повезло,
Он тот потянул, что не знал, как назло.
Ленивый студент сам поверить не мог,
Поставил "отлично" ему педагог.
Впервые отличник ответил кой-как,
За что получил он в зачетку «трояк».
Ленивый домой побежал во всю прыть,
Сказать, что «пятерку» сумел получить.
Он радостно голову кверху задрал,
В глубокую яму ногами попал
И сильно о землю ударился лбом,
Плечо повредил и в ноге перелом.
Отличник же голову вниз опустил,
Печальный, тихонько домой семенил.
Вдруг сверток заметил, лежит под кустом,
Решил посмотреть, что находится в нем,
А в нем оказалась банкнотов гора,
Он рад. Ну а мне закругляться пора...

Случай на переезде.

На переезде железнодорожном
Печальный был случай,
Забавный возможно.
На мотоцикле спортсмен подкатил,
Дежурный шлагбаум
В то время закрыл.
На лошади следом подъехал мужик,
И стал к мотоциклу
Почти что впритык.
С козой на веревке старик подошел,
С дороги к кювету
Козу он отвел.
Подъехал веселый чудака на машине,
Стал близко к телеге,
С улыбкой, разиня.
Стоят они, ждут с нетерпением, когда
Проследует поезд
Туда или сюда.
Вдруг лошадь, стоящая рядом, впритык
Схватила спортсмена
За воротник.
Спортсмен отмахнулся, но лошадь опять
Вцепилась в одежду
И стала жевать.
Чудака из машины совет подает:

«Бей каской по морде
Её, идиот!»
Спортсмен изловчился и что было сил,
Он каской по морде
Коня угостил.
Конь резко отпрянул назад от удара,
Машине телегой
Разбил обе фары.
Чудак в тот же миг перестал улыбаться,
С владельцем коня
Зачесалось подрасться.
Разнять драчунов старый дед поспешил,
Козу за шлагбаум
Узлом зацепил.
В то время состав по путям пробежал,
Дежурный шлагбаум
С козою поднял.
Ногами по воздуху хлещет коза,
От страха сверкают
Как фары глаза.
Мой друг, чтоб в историю ты не попал,
В дорожной езде
Соблюдай интервал.

Про жизнь.

Два старичка навстречу шли друг другу.

Один из них улыбкою сиял,

Другой был хмур и двигался с натугой.

Как видно, в переделку он попал.

Раскланявшись, они разговорились:

«Чего сияешь?» - хмурый так спросил.

«Да вот, ходил за пенсией на почту.

На пять процентов больше получил.

Правительство про нас не забывает,

Хоть медленно, но пенсия растет.

Да вот беда, ее инфляция съедает,

Но с ней борьба ведется круглый год.

А ты-то, брат, чего такой угрюмый?»-

Настала очередь веселому спросить.

«А я ходил сегодня в жилконтору,

Хотел квартирный долг свой погасить.

Не удалось, опять тарифы взвились,

На двадцать пять процентов поднялись.

Стал возмущаться, все там удивились:

«Ты что, не в курсе, мы же в отпуск собрались.

У нас, когда - то был свой санаторий,

И профсоюз путевки раздавал,

А ныне близ Канар в нашей конторе

Уж много лет никто не отдыхал".

Поговорили, стали расходиться,

Теперь уж оба двигались с трудом.

Натруженные руки и в морщинах лица,
И каждый горько думал о своем.

Старинная мудрость.

Луч солнца дитя поутру разбудил,
С кровати малыш в один миг соскочил,
Холодной водою лицо окропил,
Съел завтрак и тут же во двор поспешил.
Собаку погладил, с котом поиграл,
С ребятами мяч во дворе погонял,
В саду побывал, неумный пострел,
За час наш малыш все на свете успел.

И дедушку тоже луч солнца поднял,
Глаза он открыл, в бороде почесал,
Скрипя потянулся, в постели присел,
Но быстро подняться старик не сумел.
Он долго кряхтел, опираясь на трость,
И встать наконец-то ему удалось.
Сопя и стеная, умылся кой-как,
До кухни добраться и то не пустяк,
Дрожащей рукою он ложку ловил,
Беззубыми деснами пищу давил.
Хотел погулять - заболела спина,
На койку отправился наш старина.

На всё это времени много ушло,
В окно посмотрел - уже солнце зашло.

Да, час у ребенка, как весть ни горька,
Намного длиннее, чем день старика.

Выборы.

Вопросов тьма – кружится голова.
У каждого своё на сердце наболело,
Один кричит: «Закончились дрова!»
Другому без воды жить надоело.

А третьему машину подавай
И чтоб бензин дешевле самогона,
И в магазинах чтобы - через край,
И льготные билеты всем в вагонах.

Везде и всем наш кандидат наобещал.
И выборы прошли с большим успехом.
Когда же отчитаться час настал,
Глядь – нет его нигде, в Москву уехал.

Новый бригадир

...Запряг кобылу в дроги и по полю
Поехал он работу посмотреть.
Колхозницы турнепс, согнувшись, полют,
День жаркий, им придется попотеть.
Тут новый бригадир решил построже
Себя с минуты первой преподать,
Насупил для порядка свою рожу
И крикнул на коня: «А ну стоять!»
Колхозницы, немедля, разогнулись,
Подумали, команда им дана,
Тревожно меж собой переглянулись,
Перепугал бабенок, сатана.
В конце концов, домыслил предложенье:
«Смотрите тут на поле у меня!»
На этом пресеклось воображенье,
Взмахнул кнутом и дальше гнать коня.
А следом по тому же направленью
На «Газе» председатель колесил,
Стоящих баб заметил с удивленьем,
В недоумении подъехал и спросил:
«Чего стоим, ведь летний день год кормит,
Так говорили деды в старину,
Не выполните по прополке норму,
Поставлю срыв работы вам в вину».
«Товарищ председатель – все взмолились –

Нам бригадир команду эту дал,
Он крикнул, чтобы мы остановились
И вдаль смотрели, так он приказал».
Проблему ту колхозники решили –
Не стали долго голову ломать,
И бригадира, так постановили –
Помесячно, по жребию менять.

Что за народец!..

В колхоз специалист на днях приехал,
Он только что окончил институт.
В делах сельчан прореха за прорехой,
Специалистов не хватает тут.
Обрадовались все - ветеринарный
С отличием окончил факультет.
Зав.фермы, случаю такому благодарный,
Собрал доярок и телятниц на совет:
«Ну что ж, бабенки, можем жить в покое,
Скотину нашу есть кому лечить.
Повысятся у нас теперь удои,
Привесы сможем больше получить.
Но вот далековаты отделенья,
Все обойти врачу не хватит дня,
Давайте обратимся мы в правленье,

Пусть председатель выделит коня».
Народец на селе довольно ушлый,
И новичков не против обсмеять.
Смотреть собрались люди на конюшне,
Как доктор будет лошадь запрягать.
Был парень не из робкого десятка,
И подыграл, хоть знал он, что к чему.
Узду на круп пристроил он лошадке,
Шлею на морду - вот, все по уму.
В оглобли, мордою к телеге, животину
Завел, поглядывая хитро на народ.
Кричат ему: «Ты что сдурел, детина,
Собрался ехать задом наперед?»
А он смеется "Эх, народец местный!
Шли б лучше обрабатывать поля,
Чего пристали, вам же неизвестно,
В какую сторону сейчас поеду я!»

Истина.

Повстречались философа два:
«Разболелась моя голова, -
Молвил первый, - и ночью и днем.
Думы гложат; а истина в чём?
Слышал, будто бы в споре она,

Но и в споре она не видна».
"Пусть твоя голова не болит, -
Тут философ второй говорит, -
Ты прислушайся лучше ко мне,
Отыскать её можно в вине».
Взор у первого вдруг просиял,
Он подумал и робко сказал:
«В чём же дело, давай, старина,
Вместе доброго купим вина.
И на практике мы разберём,
Где она, эта истина, в чём".
Согласился на это второй,
Улыбнулся, потрянул головой.
Пропустили по чарке вина,
Вроде истина стала видна.
И заспорили: ближе кто к ней,
Из философов кто же мудрей?
Им казалось, что каждый вот-вот
Эту истину первым найдёт.
Разгорелся по-новому спор,
Хоть друг друга не видят в упор.
Еле слышно лепечут уста:
«Видно, истина та не проста».

Скрипач и вельможа.

Скрипач играл на скрипке виртуозно,
Народ в ответ ему рукоплескал.
Без слез такое слушать невозможно,
От восхищения концертный зал стонал.
Растроганный душевностью приема.
Раскланивался низко музыкант.
В порыве вдохновенного подъема,
Выплескивал в народ он свой талант.
От сцены сбоку, в театральной ложе,
Позевывая, словно бегемот,
Сидел его величество вельможа.
Кривил гримасой недовольно рот.
Когда ж совсем затихли звуки скрипки,
Вельможа скрипача к себе позвал,
И не гася презрительной улыбки,
Наморщив лоб, язвительно сказал:
- «Я вижу, ты богатых уважаешь,
Персону мою сразу же признал,
Поклоны мне земные отбиваешь,
Почтенья знаки в ложу подавал».
На это музыкант ему ответил:
- «Ошибка вышла, я не ожидал,
Слаб зрением и сразу не заметил,
Ту ложу раньше гений занимал.
Его умом всегда я восхищался,
И знаки уважения дарил.
Сегодня же, как видно обознался,
Кто-то талант деньгами подменил.

Юбилейная сказка.

В краю одном глухом, таёжном,
Где точно? Знать нам невозможно,
Случился юбилейный год,
Вместе зверье сто лет живет.
Бывало так: друг друга ели,
Всё потому, что есть хотели,
Но возникала и любовь,
Чтоб народить детишек вновь.
За сотню лет всё повидали.
От пуза ели, голодали,
Довольны ль нет судьбой своей,
Дожили ! Вот он юбилей.
Чтоб представленью вам иметь-
Хозяином там был медведь
И для охвата местных дел,
Трёх заместителей имел.
Волк отвечал за все овчарни,
Баран же управлял на псарне.
И потому его бока
Были покусаны слегка.
Лисица птиц всех опекала,
Имела дел ещё не мало,
Я думаю, вам ясно стало,
Как всё в краю том процветало.
Вот они вместе собрались
И подготовкой занялись:

Решали, как им поскорее
Всё приукрасить к юбилею,
Кто заниматься будет пением?
Кого отдать им на съеденье?
Кто будет речь произносить?
И как награды поделить?
Этот вопрос поставлен остро,
Награды поделить не просто.
Баран сказал: «Давайте Барсу
Мы грамоту дадим для фарсу,
Его хвалили за работу
И часто о других заботу
Он проявлял в нашем краю»
«Ему награду не даю! –
Сказал Медведь в ответ барану –
В докладе вспоминать не стану.
Хоть он трудился и неплохо,
Но басни стал писать с подвохом,
Свихнулся на беду мою,
Себя в них часто узнаю»
Тут дали высказаться Волку:
«Хватить сидеть тебе без толку
Скажи, кому нам дать медали,
Их две на всю округу дали».
Ответил Волк: «Верблюд достоин,
Послушан и всегда спокоен
Трудился раньше на полях
И потому при двух горбах.

Когда он мимо нас идёт,
Поклоны до земли кладёт».
Медведь согласно закивал
За ухом лапой почесал:
«Нужен герой в нашем краю,
Верблюду обе отдаю».
И вдруг Лиса подняла морду:
«Нам, вроде, дали ещё орден,
Кому его мы отдадим?
Как жаль, что он всего один».
Медведь ей улыбнулся косо
И ласково словечко бросил:
«Мое решение знайте все,
Мы отдадим его лисе».
Как мог я про нею забыть,
Она нам помогает жить.
Когда мы власти выбираем,
Кого избрать ей намекаем.
Она у нас законодатель,
Наш неизменный председатель
И постоянно так бывает
Кого хотим, тех избирают.
И между нами говоря,
Тот орден ей дадим не зря:
Мы новых выборов в преддверье,
Нас избирать вновь будут звери,
Тогда и будет она рада
Служить за данную награду».

Переглянулись меж собой,
Махнув довольно головой.
Но вдруг опять Баран замячал:
«Я тут немного покумекал,
Других зверей спросить бы надо».
«Зачем нам слушать это стадо, -
Медведь затопал словно слон, -
Слово моё для всех закон!»

Ну что же, друзья, вот так всё стало,
Кто сделал в том краю не мало,
Скорей всего был обделён,
Как видно, басни пишет он.

Престарелым женихам...

Богатенькие старички,
Морщинистые, как сморчки.
Набрали в жены молодых,
Забросив бабушек своих.
Но не мешало б старички,
Вам протереть свои очки
И обернуться хоть разок,
Из вас уж сыплется песок.
А по нему, как соловухи,
Шагают ваши молодухи,
На приживалок все похожи,

Исподтишка вам строят рожи.

Все в меру.

Всего живому в меру нужно:
И хмурых туч с дождём прохладным,
И небо чистое все дружно
С лучами солнца встретить рады.
Не осуждай того, кто хмурый.
Возможно, он душою светел.
Иной с улыбчивой фактурой
Тираном может быть при этом.

Про науку.

Однажды два ученых мужа,
Весною топая по лужам,
Подслеповато щуря взор,
Столкнулись у крыльца в упор,
Крыльцо то было не простое:
Научные храня устои,
Оно не много и не мало
НИИ «Рой мух» принадлежало,
Ну раз сошлись мужи в упор,
Возник серьезный разговор.
Один спросил: «Ну как наука?»
«Да вот не ведаю я скуку –
- другой ответил муж ученый,

Сияя взором воспаленным.-
- Я расскажу тебе о том,
Что вывел длительным трудом,
Пятно у мухи на глазу.
От радости пустив слезу,
Научный написал я труд,
Его нигде не издают,
Но это мне не помешало,
Поклонников немало стало.
Вновь опыты другие ставлю,
Свой институт навек прославлю.
Я возродить уже готов
Пятно на теле у клопов»
«Постой, - сказал другой учёный,
- глаза тараща удивлённо –
А в чем же суть твоей работы,
Не вижу пользы в нем я что-то»
И видно было по лицу,
Он шел не к этому крыльцу.
Первый нисколько не смутился,
Поближе только наклонился
И тихо на ухо сказал:
«Зато я знаменитым стал.
И без особых тяжких мук
Я в званье доктора наук.
Финансовых забот не знаю,
Довольно много получаю,
Решил учёный так совет,

До пользы же мне дела нет»
На этом, хлюпая по лужам,
Расстались два учёных мужа.

Порою чудеса в науке
Учёные творят от скуки.
Да только от работы той,
Не видно пользы никакой.

Не важно, какого цвета кошка.

У Петрова, соседа по даче,
Случилась беда, не иначе,
Ходит он хмурый, как туча,
Да и соседка не лучше.
Я обратился к Петрову:
«Толь вы с женой не здоровы?
Может помочь чем то нужно?
Сделаем вместе всё дружно»
Хмурый Петров мне ответил:
«День по тому мой не светел,
Мыши совсем нас заели,
Лезут они во все щели »
«Эта беда небольшая.
Кошку купите, кота ли-
Я предлагаю Петрову-
Будете сразу здоровы»
Он же, не много подумав,
Мне отвечает угрюмо:

«Тут вот проблема какая,
Дачу себе покупая,
Мы к экстрасенсу ходили,
Определить попросили,
Кошку, какую на дачу,
Чтоб нам светила удача,
Лучше купить на базаре.
Был экстрасенс тот в ударе,
С потустороннею силой
Нам свой вердикт выносил он:
« Кошка должна быть заморской,
С серою гладкою шерсткой
И с голубыми глазами,
Всё хорошо будет с вами.
Денег мы много отдали,
Кошку такую достали,
Но видно там за границей
Кошки не любят трудиться
Или всего же скорей
Русских не любят мышей»
Понял беду я соседа,
Завтра на рынок поеду,
Русскую нашу родную,
В общем- то, не дорогую,
Выберу я ему кошку ,
Пусть простовата немножко,
Без заграничных затей,
Но зато ловит мышей.

Н. Б.

Ваучер.

/ полная версия /

В одной стране сменился президент.
Призвал к себе министров, приказал:
«В кратчайший срок готовьте документ,
В нём каждый житель твёрдо чтобы знал,
Что совладельцем он является казны,
Земных ресурсов и промышленности всей.
Что в нашем государстве все важны.
Мы обеспечим взрослых и детей»
Один министр необычно умным был,
А, может, хитрый, рыжий потому,
Раздать народу он бумажки предложил
С названьем «ваучер», известным лишь ему.
И тут же весть страну всю облетела,
Что заживут все люди, как в раю,
И тот, кто трудится, и кто сидит без дела,
Машину «Волга» будут все иметь свою.
Проходит время, что-то не сложилось,
Машин не видно и завод уже стоит,
И чтоб задуманное дело прояснилось,
Министров президент позвать велит :
«Ответьте мне, в стране что происходит?
Вы обеспечили народу все паи?»
К трибуне « рыжий ваучер» подходит,

Его такую кличкой нарекли:
«Наш президент, расчёты подкачали,
На всех нам не достаточно машин,
По министерствам все их разобрали.
Остался на заводе хлам один.
Но мы нашли из затруднений выход,
Наш «ваучер» сумели мы спасти,
Всем на ухо шепнули очень тихо,
Кто чем владеет, может унести.
Крестьяне разобрали сразу вилы,
Лопаты и «литовки» со складов,
С крестьян банкиры вытянули жилы,
Забрали трактора и всех коров.
Рабочим раздают из цеха гайки,
Иным достались шайбы и болты,
Сложили они всё в карман фуфайки
И двинулись домой без суеты.
А олигархи, что к Москве поближе,
Заводы, фабрики и шахты замели,
Казну, другого выхода не вижу,
Себе за ваучеры мы приобрели.
А тот, кому товару не хватило,
Свой ваучер на водку променял,
И собутыльнику начистил после рыло,
Со злости, что богатым он не стал.
Шахтерам угодить было не просто,
Хотели уголь всем на ваучер раздать,
Они в Москве расселись все у моста,

Забастовали, стали касками стучать.
Но, думаю, не стоит волноваться,
Наобещали им, ведь нам не привыкать.
Не могут горняки без дела шляться,
Поверят, будут уголь добывать»
Министры облегченно все вздохнули,
Доволен всем, остался президент,
В стране большое дело провернули,
Велик тот исторический момент.

.....
Читатель, комментарии излишни,
Всё это было не во сне, а наяву.
Известно всем из этого, что вышло.
Я с вами в этом времени живу.

1995 год.

Панегирик президенту.

В двухтысячном году случилось чудо,
Запомним исторический момент,
Очнулся, наконец, в Кремле Иуда,
А мы- то думали, что наш он президент.
Очнулся и отрекся от престола,
Как видно протрезвел уж , наконец,
Оставил свой народ босым и голым,
Всем подлецам он был родной отец.
Страна моя! Что, ты переживала:

Разруху, голод, грабежи, разбой,
А он гулял, нажравшись до отвала,
И издевался над своей страной.
Свирепствовала стая обезьян,
Ему с родни по крови и натуре,
Стяжали всё в бездонный свой карман,
Ломая все устои и халтура.
Позорил он страну за рубежом:
Частушки пел и ложкой барабанил.
Прославился бесстыдным кутежом,
У Била место скомороха занял.
Теперь его сторонники в эфире,
Те, что страну успели растащить,
Очередной ему готовят панегирик,
Пытаясь, этот ужас обелить.
Мол, демократом был непревзойденным,
С Европой и Америкой дружил.
Борцом за мир являлся прирождённым,
Вообще трудился не жалея своих сил.
И я ему, конечно, благодарен
За то что, наконец, сообразил
Додумался, что глуп он и бездарен,
И президентский пост освободил.

2000 год

ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ.

Два адвоката встретились случайно,

Возник душевный между ними разговор,
Как защищали обвиняемых отчаянно,
Насколько удалось им снизить приговор.
Один сказал: «Вот случай интересный
Произошел в одном нашем краю,
Их бывший губернатор, плут известный,
Казну бюджета принял за свою.
Был убежден – он многого достоин,
Вдруг захотелось жить в земном раю,
Чудесные дворцы себе построил,
Таких не видели в том северном краю.
А к ним дороги - лучшие в России,
Умеют делать, если денег не считать,
А для людей убогие – такие
Что танки на них можно поломать.
И видя, что ни кто не замечает
Разгул его фантазий и страстей,
Предела губернатор тот не знает
И с каждым днём становится наглей.
Но наконец-то власти спохватились
И прокурорский перст его достал,
Но видно поздно все засуетились,
Он краевой бюджет весь промотал.
Теперь в столице, в камере «томится»,
В ней разместили временно пока,
Он возмущен, ему там плохо спиться,
Не хочет есть цыплёнка-табака.
Мы, же коллегия известных адвокатов,

С него решили обвинения те снять,
Настолько подсудимый тот богатый,
Любого может прокурора поломать.
Я думаю, мы своего добьёмся,
Предложит прокурор ему лет пять,
За его деньги в «доску» разобьёмся,
Условно будет срок он отбывать!»
Растерянно коллега облизнулся
И не скрывая зависти сказал:
«А мне паршивый случай подвернулся,
Мой подзащитный денег мне не дал.
Назначили меня вести защиту
Крестьянина из дальнего села,
Хомут украл он, был за то избитый,
Иск на него соседка подола.
Ты знаешь сам, закон мы соблюдаем,
Иск подан, нужно меры принимать,
Статью с прокуратурой подбираем:
За тот хомут сидеть ему лет пять.
Старался я скостить ему полгода,
Но прокурор все доводы отмел,
Нет алиби у этого урода,
На оправданье денег не нашел.
И в назиданье вору и бандиту,
Пять лет вкатили строгих лагерей,
Коль не имеешь денег на защиту,
Хомут соседский воровать не смей.

Такое вот сейчас в стране творится,
Хапуг у власти много развелось,
Страну ограбив, могут откупиться,
И радуются – всё им удалось.
И если ты крестьянин иль рабочий,
Статьи закона должен соблюдать,
Не зря же Дума день и ночь хлопочет,
Ты с губернатором не смей себя ровнять.

2015 год. Н. Б.

Андрею Малахову и студии

«Пусть говорят»

«Пусть говорят» сказал Андрей Малахов
И в студию всех сплетников собрал.
Вот депутат ,на теле рвет рубаху,
Он округ свой недавно объезжал.
И там в селе узнал несправедливость,
Алкашка местная с тремя сразу жила,
Обидела его та похотливость,
На суд общественности вынес он дела.
И студия ревет «Ах ты, шалава,
Не знаешь от кого ты родила,
На всю страну пойдёт дурная слава,
Но как же опустится так могла»

«Спокойно все!-Андрей руками машет-
Блудницу обсуждаете пока,
Мы выясним сейчас: кто-же папаша,
Лаборатория нам выдаст ДНКа»
А женщины до пота все устали,
Алкашку удалось им вразумить,
А про себя завистливо мечтали:
«С тремя-то, видно, интересно жить»

Напрасный труд.

Однажды пьяницу решили излечить,
Чтоб от недуга страшного избавить,
Мудрейшим велено то дело поручить
И способ верный без сомнения представить.
Ломали долго голову врачи,
Таблетки предлагали и микстуры,
Пытались клизмами глубокими лечить,
Пульс измеряли и температуру.
Всё тщетно нету сладу с алкашом,
Таблетки пьёт и клизмы принимает,
Всё пропил, нет копейки за душой,
Микстуры самогоном запивает.
Тут мудрецы советуют врачам:
«Вы ему женщину красивую найдите,
Такую, чтоб не спал он по ночам,

Её прекрасным телом соблазните».
За этим дело долго не стоит,
Красавицу нашли, уговорили,
Предали соблазнительный ей вид
И к пьянице в палату запустили.
Подглядывают в щелку мудрецы:
«Ну, наконец-то, вроде получилось»
«Спасибо вам, спасители, отцы, -
Счастьем лицо у пациента озарилось, -
Красавица, я жду тебя давно
И без тебя испытываю муки,
Ты мне в стакан налей скорей вино,
Сам не могу, трясутся мои руки».

Про дядю Сэма.

•

Есть в океане Тихом Штаты
Под флагом звёздно-полосатым.
Там развелось акул не мало
Щук зубастых много стало.
А их хозяин дядя Сэм,
С ума свихнувшийся совсем,
Решил тех хищников зубатых
Оформить в армию в солдаты
И разослать по всем морям,
Чтоб подчинить себе всех там.
Расположились они вскоре

В богатом Средиземном море,
Там «демократию» творят,
Смерть сеют и рабой чинят.
И распоясались совсем,
Приказ тут шлёт им дядя Сэм:
«Я мыслю, что должны вы вскоре
Все в Чёрное проникнуть море
И разогнать не только рыбу,
Но русских медведей на дыбу
Должны доставить поскорей,
В мире опасней нет зверей».
Вполне понятно хищным всем,
Что приказал им дядя Сэм.
Рванулись к Крымским берегам
В надежде, что не ждут их там,
И устремились к маяку,
Но там все были начеку.
У щук во рту ерши застряли,
Всю пасть колючками порвали.
Медведи же без суеты
Акулам поломав хребты,
Вновь стерегут свои границы,
Не пролетит там даже птица.
А что же старый дядя Сэм?
На мир обидевшись совсем,
Он вновь акул и щук разводит,
Всем мстить пытается как вроде,
Махнуть бы на него рукой,

Но дорог нам страны покой.
Так хочется, чтоб жили дружно
И мирно, это всем нам нужно,
Но вот беда, Злой дядя Сэм
О том не думает совсем.

2015 г.

С днем работника культуры.

Концы с концами сводим еле-еле,
Гуляют олигархи в Куршавеле,
Пока мы с вами пели и плясали,
Они нашу страну обворовали.

Вновь объявили санкции вчера,
Исчезла в ресторанах фуагра,
Все господа в истерике рыдали,
Мы ж в это время пели, танцевали.

И ко всему вдруг нефть подешевела,
Казна, как балерина, похудела,
Дома культуры наши обветшали ,
Но нам и раньше денег не давали.

Наша культура пляшет и поёт,
Но жить спокойно НАТО не даёт,

Свою пытается нам волю навязать,
Под её дудку петь и танцевать.

На Крым Обама губы раскатал,
Но Путин ту аферу разгадал,
Пока Майдан вершил переворот,
С Россией Крым и пляшет и поёт.

Событий можно много описать,
Но наше дело петь и танцевать,
С душою, вдохновенно, без халтуры ,
Примите поздравленья с днём Культуры.

Обидно мне, что я не первый
В толпе огромной срою за справкой,
А были б деньги и я, наверно,
Купил бы справку себе с доставкой!

Мелькают быстро леса и пустошь
И ось планеты перевернулась,
В высоком темпе забралась шустро
Луна на небо и ужаснулась:

От ветра солнце в реку упало,
Спешить не нужно куда попало!

ПЕЧАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ.

В две тысячи пятнадцатом году,
В июне двадцать первого числа,
С другими новостями на ряду,
Программа весть плохую принесла.
Мол, у Чубайса снизились доходы,
Полмиллиона в день стал получать,
И с грустью вспоминал былые годы,
Когда валюту было не куда девать.
Тогда он управлял энергоблоком,
Энергией снабжал нашу страну,
Но это управленье вышло боком,
Электростанцию сгубил и не одну.
Убытки понесла страна большие,
И прокурор Чубайсу пригрозил,
Но правосудье всё же не свершилось,
Он ускользнул и деньги прихватил.
А тут в науке совершилось чудо:
Один учёный муху подковал
Затем блоху на шее у верблюда,
Всё «нано технологией» назвал.
И сразу же Чубайс нам пригодился,

Создатель ваучера, прошлого гроза,
Он в этом институте поселился,
Не привыкать, пускать нам пыль в глаза.
Но тут, как видно, Толик просчитался,
Невидимое утащить нельзя ни как.
Не мог нажиться, как он не старался,
Попал с той технологией впросак.
И вдруг сообщенье – дикторы рыдают,
Несут с телеэкрана чушь и бред:
«Спасите, люди, Толик голодает,
Черной икры не дали на обед!»
А наш народ зло быстро забывает,
Из жалости готов он всё отдать,
Поэтому не редко и страдает,
Использует то чувство всякий тать.*
Пенсионеры все и инвалиды,
Достав последние гроши, что припасли,
На прошлые махнув рукой обиды,
Сложились и Чубайсу отнесли.

Я был бы рад, коль ложью это было,
Иль авторскою выдумка была,
Но зуб даю, сообщенье поступило,
Июня двадцать первого числа.
Все дикторы тревогу проявили
О том, что олигарх плохо живет.
Плевать ему на них, чего заголосили,
Радели б они лучше за народ.

**Тать - вор, разбойник /пр.авт/*

2015 г Н. Б.

ГАРДЕРОБЩИК У ПОРТРЕТА АКТРИСЫ.

Я замер у портрета на стене,
Ваши глаза меня остановили,
Алые губы сердце покорили,
Признаться должен, нравитесь вы мне.

Предстали на портрете Вы другой.
Мы с Вами были рядом постоянно,
Ваш образ поразил меня нежданно,
Видно надолго потеряю я покой.

Вдруг в зеркале увидел облик свой:
Седые волосы мочалкой растрепались,
И по лицу морщины разметались:
«Иди уж, старый ловелас, домой».

Н. Б.

Геннадию Малахову, эскулапу,
народному целителю...

Коль мешает тебе грыжа
Иль замучил геморрой,
Приходи. Коль хочешь выжить,
Ждет Геннадий наш герой.
Он без всяких операций
Грыжу может излечить,
Вам настойку из акаций
В день три раза нужно пить.
С геморроем нет вам мочи,
Не волнуйтесь вы в серьёз,
Он исчезнет, если ночью,
Задом сядете в навоз.
Эскулапа попросили
Дать рекламу, коль не лень,
Гелем «Лошадиной силой»
Трёт суставы каждый день.
У него они в порядке,
Кучу денег получил.
Вы ж бегите без оглядки,
Вас пока не разорил.
Вот Геннадий словно бляха,
Виден ночью он и днем,
Милый дедушка Малахов,
Двести лет с ним проживём.

Счастливым случаем.

Однажды билет лотерейный купил,
На почте в селе – сто рублей заплатил.
В субботу был розыгрыш, в восемь часов,
Не спал и к утру я к нему был готов.
Билет извлекаю взволнованно я,
В немом ожиданье расселась семья.
Держу карандаш – очень сильно вспотел,
Квартиру в Москве на « халюву» хотел.
Мелькают один за другим номера,
Заканчивать розыгрыш скоро пора.
Но нет ни квартиры, ни дачных домов,
От злости расплакаться был я готов.
И вдруг повезло мне, в восторге семья,
Сто тридцать рублей всё же выиграл я.
На радостях быстро из кресла вскочил,
Любимую вазу свалил и разбил.
Китайский фарфор – всё теперь нипочём,
Сказала жена: «Не жалеешь ни о чём,
Осколки смету, дай билет поскорей,
Пойду, получу я сто тридцать рублей»
Я очень доволен: «Как мне повезло,
Совпали все цифры, соседям назло»

Когда же?..

Чёрт пролетая над Россией,
Мешок заплечный уронил.
С ним долго в небе колесил он,
Да видно выбился из сил.
К земле мешок тот устремился,
В Москве упал в красивый дом
И прямо в урну приземлился,
Попал в Российский Избирком.
В тот день, как раз голосовали,
Играл на улицах оркестр.
Губернских глав все выбирали,
Свободных не хватало мест.
А в том мешке зашевелились,
Кто-то шнурок в нём развязал,
На свет субъекты появились,
Ни кто их раньше не видал.
Все как один – два метра ростом,
Сажень раскосая в плечах,
Сошли с одной колодки просто,
Каждый с программой на устах.
И заявили: «Мы готовы
Судьбу в губерниях решать,
Дела такие нам не новы.
За нас должны голосовать!»
И тут же чёрт во всё вмешался,

Не зря же тот мешок таскал,
Любой, кто в выборы ввязался,
Тот час за них голосовал.
Ну что тут скажешь, всех избрали:
«Творите добрые дела»
Но только пост они приняли,
Их чертовщина понесла.
В бюджетах деньги вдруг пропали,
У тех, кто выпал из мешка,
Те деньги долго все искали,
Не обнаружили пока...
Дороги все кругом разбиты,
Ветшает в городах жильё,
В их экономике - убыток,
В администрациях – жульё.
И тут сыскной отдел сработал,
Потратил он немало сил,
Деньги нашлись и с плеч забота,
Их губернатор утащил.
Другой, огромные брал взятки,
Места на тендер продавал,
Крал из бюджета без оглядки
И бизнесменов обирал.
А чёрт-то дело туго знает,
Губерний много разорил,
К министрам в душу проникает,
Их тоже на грабёж подбил.
В Думе народ собрался шумный,

С коррупцией борьбу ведут,
Хотят принять закон разумный,
Да всё ни как не издадут.
Печальна вилка у зарплаты,
Кто миллионами гребёт,
А кто-то ходит весь в заплатах
И чёрный хлеб с водой жуёт.
Вот главный почтальон России,
Письма читает круглый год,
Премию дали не под силу,
Сто миллионов – еле прёт.
А вот Иван пахал всё лето,
И круглый год коров доил,
Две сотни получил за это,
Верхонки новые купил.
Когда же чёрт вернётся в сказку?-
Хапуг в мешок свой заберёт?
Иначе ждёт их всех развязка-
Семнадцатый вернётся год!
2016 год.

Могучий кедр, взмахнув крылами,
Об землю стукнулся стволом.
В конторе, шелестя рублями.
Сидит чиновник за столом.
Он продал бор и душу то же,

Быстро хотел разбогатеть,
Хозяин местный – всё он может,
Стоит лишь только захотеть.
Тот кедр был символом Сибири,
Орехом радовал народ,
Красавец был – нет равных в мире.
Грел людям душу круглый год.
Не повезло ему бедняге,
В России поменялся строй,
В небытие ушли трудяги,
И бизнесмен теперь герой.
Но каждый год, словно перчатки,
Они меняются в строю,
Вместе с чиновником, за взятки,
Грабят и оптом продают.
И всё, что можно разорили,
Вцепились в кедр грязной рукой,
Свалился, словно обессилел,
Бор под китайскою пилой.
2016 год.

Игра «Поле чудес»

/и её ведущий Леонид Якубович/

Крутится, словно волчок, барабан,
Цифры проносятся, быстро мелькают,
Каждый игрок без вина уже пьян,

На Якубовича страстно взирают.
«Поле чудес» не в стране дураков,
А на Останкинском первом канале,
Чудо начнется с врученья цветов,
Женщинам тем, что на поле попали.
Позже настанет подарков черёд,
Каждый игрок отдариться стремится,
Кто-то с завода деталь принесёт,
Кто самогон, чтобы здесь похмелиться.
Шустрый кавказец кинжал подарил,
Плечи накрыл Якубовичу буркой,
Сало с Одессы хохол притащил,
Машет якут драгоценною шкуркой.
Каждый давно позабыл барабан,
Сыплет приветы родным и знакомым.
Тискает бабка тяжелый баян,
Топчется в пляске старик бестолково.
Дети читают плохие стишки,
Что сочинили родители дома.
Трет Якубович седые виски,
Давит на мозг его старость и дрёма.
Вспомнили разом, зачем собрались,
Радостно вновь барабан запустили,
В тщетных усилиях все напряглись,
Память отшибло, заданье забыли.
Вдруг игроку одному повезло,
Вздогнула стрелка, на приз указала,
Пальцы от радости в кучу свело,

«Будет машина»- соседка сказала.
Денег взамен предложил Леонид:
«Тысяч пятнадцать». Игрок крикнул: «Мало»
«Приз»- громко зал во всё горло кричит,
«Приз»- предложенье жена поддержала.
Ящик ведущий открыл и стоит,
Ждет наивысшего в людях накала,
Замер игрок, в нетерпенье дрожит,
Женщина в обморок в зале упала.
Вот, наконец-то, из ящика приз
Вытащен ловкой рукою,
Вместо ключей от машины, повис
Овощ с помятой ботвою.
На игрока просто жалко смотреть,
Зал аплодирует дружно,
Думают все: «Будет знать, дурень, впредь,
Деньги забрать было б нужно»
Чтоб этот казус скорей устранить,
И погасить все ухмылки,
Было приказано быстро налить,
Всем по стакану горилки.
Выпили разом, махнули рукой,
Салом хохловским заели,
Сев на кавказскую бурку гурьбой,
Русскую песню запели.
Милым для всех стало «Поле чудес»
Славно на нём «оторвались»
Душу хмельную пустив до небес,

С Лёней в засос целовались!

Всё по сценарию.

/откровение заведующего дома культуры/

Ура! Бомонд случился к дню Культуры,
Я за наградами работников везу,
От всей души трудились, без халтуры,
Мы в списке верхние! Уж точно не внизу!
Не тут- то было, не было доклада,
В котором отразился б результат,
По номинациям разбили вех, как надо,
Хотя б нас вспомнили, тому я был бы рад.
Вот номинация «Народных коллективов»
Наш лучшим был в течение многих лет,
Всё бесполезно, нет тут перспективы,
В сценарии для нас том места нет.
И в сольном, танцевальном пролетели,
Хотя поём, танцуем мы везде,
Те неожиданно награды заимели,
Кто, словно курица, сидят в своём гнезде.
Всех нас по номинациям разбили
Руководители районного звена,
Себя они конечно не забыли,
Награда им досталась не одна.
Вот так мы на бомонде побывали,
Наш труд сценарием «оплачен был сполна»

А чтоб работники мои не унывали,
Налили им на «посошок» вина.

Нигилист.*

«Не признаю я ни какую власть-
Говаривал сатирик всем знакомым,
И покуражиться над ней любил он всласть,
И называл её надстройкой бестолковой.
«Всяк властелин - никчёмный бюрократ,
И уваженья моего он не дожждётся,
В лицо сказать ему я буду рад,
Если удобный случай подвернётся».
Но вот однажды, то ли невзначай,
А может быть в составе коллектива,
Сам губернатор пригласил его на чай,
Для нигилиста масса негатива.
Он в возмущенье высказать готов,
Всё то, что против власти накопело,
Дыханье спёрло, не хватает слов,
Одно болтать – а тут другое дело.
К тому ж ещё, по случаю, медаль
/ Вручали всем /- сатирику вручили
И вдруг иначе засияла даль,
В мозгах программу новую включили.
И сразу губернатор милым стал,
Его помощники как голуби воркуют,
Сатирик тут же оду написал,

В надежде, что медаль дадут вторую.

**Нигилист – человек, не признающий власть.*

Не напечатано.

К юбилею газеты «Яшкино» 15 лет.

Любовью жителей, теплом сердец согрета,
Газета «Яшкино», районная печать.
Правдивая! Но битая за это,
Мы собрались здесь юбилей твой отмечать.

Пятнадцать лет, не много и не мало,
На фоне политических страстей,
Не приукрашивая, горы представляла,
Районных самых главных новостей:

«Цементного завода, вдруг, не стало,
Домостроительный закрылся комбинат,
Совхозы перестройка закопала,
Зато есть ЖКХ, сам чёрт ему не рад»

Хотелось бы услышать про надои,
Про вспашку или сборы зерновых.
Редактор же качает головою:
«Коров-то нет давно уже в живых.

Я, что могу сказать про урожаи,
Стоят осины да берёзы на полях.
Мы в Колмогорово недавно заезжали,
Не вовремя, настиг хозяйство крах»

Редактор наш в лице вдруг изменился:
«Вот это новость, Господи опять!
Глава в районе новый появился,
За десять лет сменилось их штук пять.

Район, же каким был, таким остался,
Чем же их, грешных, будем вспоминать?»
Вопрос этот не к месту привязался,
Не нам его друзья мои решать.

«Не думайте, что мы лишь критикуем,
И благодарность можем объявить,
Соседям нашим, Томичам, любую,
За то, что помогают нам всем жить.

За комбинат, что многим дал работу,
За Поломошное, где люди вновь живут,
За то, что проявляя к нам заботу,

В бюджет районный деньги нам дают.

Учителям, работникам культуры,

За то, что они дарят людям свет.

И всем другим, кто «пашет» не халтурит,

От всей души наш пламенный привет!»

«Ну, что ж, редактор, с вами я согласен,

Позвольте всех поздравить от души,

Нелёгкий труд Ваш ценен и прекрасен,

Поверьте мне, Вы тоже хороши!»

И тем, кто делает газету интересной,

Желаю вдохновенья и побед,

Пусть станет «Яшкино» на всю страну

известной,

Пусть в жизни каждого оставит добрый

след!

Николай Башев.

19.11.2019 г.

От года Свиньи, к году белой Мыши.

/ шутка сквозь слёзы /

Что ж друзья, вас с Новым годом!

Год Свиньи ж с его уходом!

С Мышью скоро нам встречаться,

Подведём итоги братцы!

Трудноват был год Свиньи,

В мире хлопоты одни.
Вдруг погода изменилась,
Будто небо прохудилось.
Льют дожди зимой и летом,
Заливают всё при этом.
И Россию и Европу,
Наказал Господь потопом.
В Африке же выпал снег,
Озадачил негров всех:
Раньше, по ночам скрывались
Грешным делом занимались,
Вдруг затихли, ни гу-гу,
Видно всех их на снегу.
Круглый год горят леса,
Ни какие чудеса,
Тот пожар не остановят,
Дунул ветер, горят снова.
И в политике беда,
Трудно жить нам господа.
Словно Вепрь с огромной силой,
Устремилась ввысь Россия.
Трамп на горло ей встаёт,
Развернуться не даёт.
Чтоб не вырвалась вперёд,
Санкции ввёл, идиот.
Тут ещё совсем под боком,
Как блоха с пола, наскоком

Украина зубы точит.
Получить по морде хочет,
Вместе с польскими панами,
Чтоб не щёлкали зубами.
Лишь китайцам солнце светит,
Разбрелись по всему свету.
Захватили всё кругом
И Свинья им ни по чём.
Чтоб там ни было, рожают,
Демографию спасают.
Выезжаю за кордон,
С каждым годом миллион.
Вот такой в мире бедлам,
Год Свиньи подкинул нам.
Скоро встретимся мы с Мышью,
На земле тогда затишье,
Вдруг наступит, может сразу,
И искоренив заразу:
Воровство, подлоги, взятки
Заживём мы без оглядки
На плохое настроенье,
Заимев удовлетворенье
От политики, погоды.
И тогда уж все невзгоды
Для России прекратятся,
Уверяю Вас я братцы!

2019 г.

Это что за интернет?
Там, на сайтах правды нет.
Удивительную ложь
В «одноклассниках» найдёшь.
Я поверил тому фарсу,
Что сижу за одной партой
С тобой рядом, в одном классе,
Много дней ещё в запасе.
Нам обоим тридцать лет
И забот никаких нет.
Я к тебе рванулся в душу.
Говорят: «Дурак, послушай,
Это просто интернет,
Для тебя поблажек нет.
Что же к девушке пристал,
Ты седой уже – нахал!»
Я опешил: «Вот те раз,
Как попал я в этот класс?»
Вас друзья предупреждаю:
«Вот поверил и страдаю!»

08. 08 2020 г.

Рассуждения на тему.
В одном дворе вечернею порой,

Собрались мужики за кружкой пива.
Решили обсудить текущей строй
И выплеснуть скопление негатива.
Один сказал: «Хреновые дела,
В хозяйстве сельском никакого прока
Своя земля бурьяном заросла
А из Китая овощи потоком.
Накаченные химией они,
Жуёшь, а на зубах одни нитраты»
Другой сказал: «Остынь, пивка глотни,
И раньше мы ведь не были богаты,
Сколько живём, лишь посуды одни,
Техники нет, копаем всё лопатой,
Во всех делах мы дикарям сродни
И к пенсии становишься горбатым.
Поэтому и нету овощей,
У нас, к тому же, импортные фрукты,
А много ль видел ты наших вещей?
Иль кушал натуральные продукты?
А третий молвил: «Всё у нас не так,
Куда не глянь – везде сплошная мука,
Всегда мешает маленький пустяк,
С ним справится не может и наука»
Четвёртый кружку пива проглотил,
Махнул рукой: «К чему грустить ребята,
Всё это слушать нету больше сил,
Зато у нас полно стало богатых.

Смогли мы быстро опыт перенять,
Капиталистов странные манеры,
Тот, кто законность должен охранять,
Давно в журнале «Форбс» миллиардеры»
И с радости, что в чём-то впереди
Планеты всей, Россия мать – старушка,
А так же, чтоб здоровью не вредить,
Пивка они хватили по две кружки.
11. 08. 2011 г.

Немного о культурных учреждениях на селе.

Притча о глупом директоре.

В одном глухом районе
нам с вами неизвестном,
Культура и начальство
жили в контакте тесном.
Собрались как-то вместе
для важной процедуры,
Текущий календарный
назвать годом культуры.
И в этот год решили
потратить кучу денег
На то, чтобы отгрохать
ремонт культ учреждений.
И чтоб об этом знали

плакаты написали
И по всему району
в тот день же разослали.
Полгода пролетело
и год уж на излёте,
Никто не помышляет
ни о какой работе.
Один директор клуба
в район узнать поехал,
Когда ремонт тот будет
и в чём же тут помеха.
Там вежливо сказали:
«Не разводи дебаты,
Все деньги из бюджета
ушли на те плакаты.
Разве не видишь, глупый,
мы служим без халтуры,
Производить плакаты -
особый жанр культуры»
А чтоб директор клуба
напрасно не бузил,
Его большой начальник
улыбкой одарил.
А если вас в унынье
привёл этот рассказ,
Вы сильно не кручиньтесь –
всё это не у нас.

15. 08. 2010 г.

Директор клуба улыбается...

К Новому году подготовка шла в селе,
Спустили из района директиву,
Чтоб в праздник были все навеселе
И для обид чтоб не было мотиву.

Решили разукрасить местный клуб
И ночью садануть вверх фейерверком.
И чтоб мелодия лилась из медных труб,
Должна прибыть комиссия с проверкой.

Нужно сказать, что клуб тот ветхим был,
Уж сорок лет ремонт не проводили.
Провисший потолок давно прогнил
И в дырах сквозняки частенько выли.

Приказ директор клуба получил,
Задумался о важности момента:
С опаской к исполненью приступил,
Чтоб с потолка не рухнули фрагменты.

Гирлянды и шары на потолок
Работники легонько прилепили.
С предупреждением наклеили листок.

Чтоб дети в этот зал не заходили.

И вот настал торжественный момент,
Шампанское в бокалах закипело.
Поздравил с Новым годом президент.
И пиротехники взялись за своё дело.

Грянули трубы, взвился фейерверк,
В доме культуры стены задрожали.
Случился неожиданный эффект,
Увидев это, люди к клубу побежали.

Из клуба же валила пыль столбом,
Раскрылись окна, распахнулись двери,
Пол провалился под упавшим потолком,
Обширные в стенах зияли щели.

Вдруг хлам зашевелился на полу,
Из – под него директор показался,
Он, будто Пьер Безухов на балу,
Растерянно смотрел и улыбался.

«Чего ж ты улыбаешься, подлец?»
- комиссия спросила возмущённо.
«Ремонт уж точно будет, наконец»
- директор опустил глаза смущённо.

21. 01. 2012 год.

Работники культуры радуются...

Вы слышали: зарплату повышают?

*Работникам культуры на процент.

Руководители неделю заседают,

Пытаются найти коэффициент.

А по нему распределить всё точно:

Кто повышения достоин, а кто нет:

«Определиться с этим нужно срочно,

Да так, чтоб не терять авторитет.

Корзину потребительскую нужно

Продуктами наполнить, так и быть.

Всё это обсудить должны мы дружно,

Да и себя, конечно не забыть.

Давайте-ка мы по домам культуры

Рассмотрим каждого, кто числится у нас,

Обсудим строго все кандидатуры

Со всех сторон: и в профиль, и в анфас.

Директор он, конечно же, фигура,

Но стоит ли зарплату повышать?

Коль обойдём его кандидатуру,

Он сам найдёт, где деньги себе взять.

Проводят посиделки под гитару,

Напитки распиваются на них,

Пусть соберёт и сдаст пустую тару,

Деньги с электриком разделят на двоих.
А за директором идёт руководитель,
Художественный, в клубе режиссёр.
Ему подвластны все: актёр-любитель,
Оркестр струнный и народный хор.
Ну, что прибавим мы ему десятку
И всё равно никак не угодим.
Пусть он берёт с артистов своих взятки,
В другой раз обязательно дадим.
Кто следующий? Прима – балерина.
Ей денег не давать, начнёт полнеть.
Её должна быть лёгкая корзина,
Легко, чтоб танцевать, должна она худеть.
Вот музыкант, он многодетный папа,
Дать ему мало - будет не в себе,
Пускай он в подворотне снимет шляпу
И жалобно играет на трубе.
Прохожие, они ведь тоже люди,
Глядишь, и кинет, кто ни будь пятак,
Все по чуть-чуть, от них-то не убудет,
А музыканту же прибавка, как- никак.
Техперсоналу, тут уж точно нужно,
Оклад до минималки, чтоб поднять,
Им отдадим ноль пять» - решили дружно.
Другие же ноль пять - себе решили взять.
«Распределяя деньги, мы устали,
Нам нужно управленье расширять»

А в клубах все сидели и гадали:

«Зачем коэффициент было искать»

13. 01. 2012 год.

*В это время в культуре была нищенская
заработная плата. Директор дома культуры
получал около семи тысяч, со всеми надбавками.*

Подарок.

В доме культуры нашем не халтурят,
Поют и пляшут, не жалея сил.
Начальник управления культуры
Немецких, два баяна подарил.
Когда же наплясались и напелись,
Решили на баянах поиграть.
Футляр открыли и оцепенели,
За голову взялись: «Едрёна мать!»
Ужасный вид, баяны от Вильгельма:
Покрылись бурой плесенью меха,
Какая – то ремни прибила шельма,
При этом разворочав потроха.
Повсюду дырки крупные сияли,
Как видно Гитлер на баянах тех играл,
А русские Берлин в то время брали,
И в них снаряд осколочный попал.
Фашисты, с перепуга, быстро скрылись,

Оставили баяны те в кустах.
Солдаты их в Россию притащили,
Как память о военных временах.
Потом на свалку в Яшкинском посёлке
Их выбросили, как не нужный хлам.
Шагал начальник мимо по просёлку:
«Я коллективу их народному отдам!»
Без инструментов коллектив остался,
Унять обиду не хватает сил.
Начальник же в отчёте отчитался:
«Два новеньких баяна подарил»
2013 год. Всё так и было.

Я нажил на желудке язву,
Исполняя главы работу.
Иногда я не ел даже,
О других проявляя заботу.

Мне сказали: - «Но, всё, хватит,
Поработай директором в клубе.
Там, конечно, поменьше зарплата,
Ничего, от тебя не убудет»

И теперь я пою песни
И пляшу под гармонь, даже,
Я б нажил в этом клубе грыжу,

Не хочу, перспективы не вижу.

12.06. 2009 г.

Я стоптал башмаков кучу,
За тобою ходил по следу,
А ты мне, наплевав в душу,
За сто грамм отдалась соседу.

Я ему набил наглую морду,
И тебе вдоль хребта отмерил,
А теперь в КПЗ парюсь
И от злости реву зверем.

Прокурор обещал, сволочь,
Что меня он на год закроет,
Ну, а если ему я дам взятку,
Всё совсем по - другому устроит.

Где ж на взятку возьму я денег,
Второй год не дают получку.
Подожди, из тюрьмы выйду,
Зашибу я тебя, сучку!

13. 06. 2009 г.

Пародии

О пародии.

Один поэт писал стихи,
Другой писал пародии,
В стихах тех находил грехи,
Журил слегка их вроде бы.
Тому, кто вирши сочинял,
Не нравились пародии.
Однажды он поднял скандал,
В суд обратился, вроде бы.
Судья, что б дело рассмотреть,
Стихи читал, пародии,
Не смог обиду разглядеть,
Смеялся даже, вроде бы .
Собрал помощников своих,
Стихи им дал, пародии:

«Этого аврора среди книг
Стихов не видел вроде я,
О том, что пишет он ,узнал,
Лишь прочитав пародии.
Зачем же поднимать скандал?
Известным стал он, вроде бы»

Друзья, не жалуйтесь вы в суд
На автора пародии,
Затеял он весь этот зуд,
Что б вас читали вроде бы.

Молись и кайся.

Восторженное впечатление от альманаха «Содружество»
с элементами пародии.

*...И в каких грехах пред богом каюсь,
За кого так трепетно молюсь...*

Азакова В.В.

...В храм пойду, поставлю свечку спасу...

П. Варкентин

Я хотел поставить свечку Спасу,
Но не мог пройти к иконостасу.
Не пойму, случилось что-то там,
Переполнен ныне Божий храм.
Присмотрелся, все знакомы лица-

Это же поэты из «Светлицы»,
Держат они книжицу в руках,
Библию? Да нет же, Альманах!
Молятся, поклоны низко бьют,
Здравицу редактору поют.
Восхищения звучат в стихах:
«Наконец-то вышел Альманах!»
Чтобы не был тот журнал последним,
Отслужить решили все обедню,
Освятит любимый альманах,
Заодно покаяться в грехах.
После освящения журнала,
Любопытство сильно разобрало,
Полистал журнал я второпях.
Разницу нашел в его листах:
У поэтов студии «Светлица»
Ясные и радостные лица,
А поэтов студии «Светлана»
Видно сняли утром слишком рано:
Полумраком лица их покрыты,
Толи не умыты, толь не бриты.
Среди них увидел своё фото,
Мало узнаваемое что-то.
В чём причина знать мне захотелось,
Я спросил: «Поэты в чём тут дело?»
Варкентин ответил мне уныло:
«Куда прете вы с суконным рылом?»
Присмотритесь, здесь «калачный ряд».

Звезды из «Светлицы» все сидят»
Понял я: поэты из «Светланы»
В альманах попали слишком рано,
Чтобы не отстать им от «Светлицы»
Нужно как Азакова молиться.

2013 год. Н. Б.

Вспучилась рябина.

*Сквозь проголодь деревьев полыхнет
Вечерний хлеб... посыпанный звездами.
И дальний лай сентябрьских охот,
И мышь летучая вздымает над домами,
И пучится грибной дымок... Один
Живой старик согнулся в огороде...
От кровоизлияния рябин
Прозрачность мёртвая в природе...
Ал. Ибрагимов.*

Один живой старик согнулся в огороде,
Прозрачно – мёртвый он, грибов наелся вроде,
Как видно пучится у старого живот,
Хоть впроголодь, но всё ещё живет.

Хотел вечерний хлеб, посыпанный звездами,
Но в это времямышь летела над домами,
Услыша лай сентябрьских охот,
Украла хлеб и вот - теперь болит живот.

В дыму увидел дед – меняется природа,
Рябина, что росла средь огорода,
Вдруг вспучилась от кровоизлиянья,
Дед вылупил глаза и потерял сознание.

Приземлённые мечты

*Отчего же я не голубь мира?
Вот бы мне такую благодать!
Стоя возле платного сартира,
Просто больше не о чем мечтать.*

*Понимаю, в жизни не уместны
Слишком приземлённые мечты.
Хорошо быть голубем небесным,
Чтоб бесплатно гадить с высоты!*

В.Берсенёв. «Небесные мечты»

Отчего же я не бык колхозный
И крутых рогов у меня нет,

Двинул бы, как буфер паровозный,
И разнёс тот платный туалет.

Срочно потянуло к унитазу,
Я в буфете съел два беляша,
Не пускает билетёр – зараза,
Денег не осталось ни гроша.

Знаю сам, что я не голубь мира,
Чтобы не испортить мне штаны,
Удавлю паршивого кассира,
Для меня он хуже сатаны!

Грустное вино, весёлый огурец.

*В старом парке листвою жестокий,
Всё темней осеннее окно.
И молчу, как дворник одинокий,
Не допивший грустное вино.*

*Но в ненастье не томлюсь спасеньем,
И упорно не включаю свет.
И не прячусь-за стихотвореньем,
Как порою прячется поэт.*

Лев Котюков.

Я не прячусь за стихотвореньем,

Лучше в шифоньере посижу,
И за дверкой я найду спасенье,
Это ведь понятно и ежу.

Бьёт в окошко листобой жестокий,
Потому и не включаю свет.
И молчу, как дворник одинокий,
Но, а может всё - таки поэт?

Вылезу и в темноте присяду,
Я к столу, тихонько у окна.
Опрокину три стакана к ряду,
Грустного, печального вина.

Чтобы не погрязнуть в строфах чёрных,
С тяжким и трагическим концом,
Напишу сонет я для влюблённых,
Закусив весёлым огурцом.

Заплутавший рыцарь.

*Поведаю людям не сведущим,
Но благожелательно внемлющим мне*

*О доблестном рыцаре, едущем
По цеху на странном, железном коне.*

Геннадий Шмелин

Я в цехе служил заведующим,
Однажды приснилось мне,
Что рыцарь какой-то не сведущий
К нам в цех заплутал на коне.
Железом был конь окованный
И странно ногами сучил,
Гремел он своими подковами.
Я тут же инфаркт получил.
Лежу теперь в мед учреждение
И ведаю людям всем,
Чтоб избежать наваждения,
Не спите на службе совсем.

Н.Б.

Сухой сквозняк.

*Сухой сквозняк и осень
И горький привкус – чай.
Уйди пока не просят.*

И свет не выключай.

Константин Стафиевский

Сухой сквозняк, поверьте,
Вчера он был сырой,
В осенней круговерти
Мы встретились с тобой.
Не выключая света,
Мы пили горький чай,
Просил я до рассвета,
Ты не дала. Прощай!

Н. Б.

Я – Самолёттик...

Я бумажный самолёттик.

Я летаю в облаках.

Я летаю, вы живете

Под крышкой потолка.

Константин Стафиевский

Самолётом став нехстати,
Я в психушку угодил,
И лежу в шестой палате,
Психиатр приютил.

Я дружу с автопилотом,
Вы не можете пока,
Потому, что вы живете
Под покрывалом потолка.

Опять гудки.

*Опять гудки в застывшем телефоне,
И провода запутавшие ночь,
Не бойся спать, тебя ни кто не тронет
И сны твои не сможет уволочь.*

Константин Стафиевский.

Опять гудки, напугано вскочила,
Гляжу, волочат по полу мой сон,
Вернуть хотела, не хватило силы
И помешал застывший телефон.
Он провода развесил словно сети,
Как в паутине мухою в них бьюсь,
Ужасно надоели бредни эти!
Я спать хочу, но не могу, боюсь.

Н.Б.

Обида.

*Как странно: одна в тишине
Живу на таёжной даче,
Никто не приходит ко мне,
Лишь птица какая-то плачет.*

Л. Тарасова-Чинделян.

Живу на таёжной даче.
Одна живу в тишине.
Порой от обиды плачу:
Медведи не ходят ко мне,
Бегут стороною волки,
Распугивая вороньё,
Боюсь, пойдут кривотолки:
Не любит меня зверьё.
Сочувствует только птица,
На ветке сидит у окна,
Захочется мне прослезиться,
Со мною рыдает она.

Сон в руку.

Я заснул беспечным и смелым,

*И влюбленным во всё что блестит,
А проснулся с осмеянным сердцем,
Услыхавши, что время свистит.*

Влд.Ковшов.

Я однажды вздремнул ненароком,
Странный сон не к добру увидал,
Будто сердце, страдая пороком,
Закатило мне жуткий скандал.
То оно становилось беспечным
И влюблялось во всё, что блестит,
А то спорило с первым же встречным,
Утверждая, что время свистит.
Я проснулся от странного смеха,
Кто-то громко захлеб хохотал,
Позавидовал, видно, успеху,
Мои вирши, подлец, осмеял.

Н. Б.

Вера напоказ.

Обучали тех и этих:

*Полудиких и раздетых;
Они ж с верой напоказ-
Гибли, бились сотни раз.*

В. Горх

Обучали вроде в меру
Тех и этих сотни раз,
Всё ж они украли Веру
Полудиким напоказ.
Догола её раздели,
На погибель повели,
Изнасиловать хотели,
Долго бились, не смогли.

Н. Б.

Как давить клопов.

*Клопов давить нельзя?
Скорее – несподручно.
Ведь у клопов – друзья,
У них убежищ куча.*

В. Берсенов.

Мне нравится, друзья,
Клопов давить на стенке,
Ведь на полу нельзя,
Болят очень коленки.

Убежищ у них тьма,
Залезут во все щели,
Сплошная кутерьма
Пока добьёшься цели.
Сподручней кипятком
Их вытравить на волю,
Или огреть стишком
Про их клоповью долю.
И вот когда они
Повылезут наружу,
Смотри, не зевани-
Здесь тапок очень нужен.
Н.Б.

Где же суть.

*Стих, возможно, и прочтут,
Строку, возможно подчеркнут,
Возможно, даже суть поймут,
О, счастье! - коль слезу утрут.*

В. Горх.

Стих, прочитав, сию и плачу,
Готов все строки зачеркнуть.
Вместо Пегаса, вижу клячу,
Понять не может она суть. Н. Б.

Метеозависимость.

*Ах! Мы метеозависим,
Мы за-метео-висим,
Воды вниз из близкой выси,
И- усы у всех такси!*

В.Берсенев.

Что ж, у этого стиха
Рифма вроде не плоха,
В голове лишь кавардак,
Смысла не понять ни как.
Покоряя Музы выси,
Был он метеозависим,
Автор этих милых строк.
Дождь пошел и он промок.
Вдруг отклеились усы,
Зацепились за такси.
Когда дождик этот лил,
В автопарк поэт спешил.
Если б был он на вокзале,
К паровозу бы пристали.
И тогда б на эту тему,
Родилась уже поэма. Н.Б.

Обама промахнулся.

*Не мог Обама без обмана
Европу под себя « подмять».
Он и Россию – очень рьяно,
Пытался полностью объять.*

В.Горх.

Обама завладел Европой
И под себя её подмял.
Хотел Россию, черножопый,
Все зубы сразу потерял.

Н.Б.

Тяжелое похмелье.

*Я сегодня пьяный. Хоть и вторник.
Мы от жизни милости не ждём.
Так устроен мир, что автодворник
Поливает лужи под дождём.*

В. Береснев.

Я в субботу пил и в воскресенье,
Понедельник, вторник прогулял,
Завладело мною вдруг веселье,

Автодворник я с машины снял.
Повертел в руках, он вдруг водою
Начал во все стороны плескать,
Видно теперь мир наш так устроен,
Воду стало не куда девать.
Льётся она прямо в карбюратор,
Заливает фирменный салон...
«Посмотри скорее, психиатр,
Что со мной, болезнь это иль сон.
Видно меня белая горячка
В среду хватанула с утраца,
Ну, зачем же прятал я заначку,
Не предвидел глупого конца»

Тяжелая жизнь.

*Пришлось мне в жизни повстречаться
С коварным замыслом льстецов,
Таких же, как они,- отцов,
И с целой группой подлецов.*

В. Горх.

Зачем я жил на белом свете.
Прохода нет от подлецов.
Льстецы заняли всё на свете.
Кивая на своих отцов.
Отцы за мной ходили стаей,
Интриги разные плели,
Хотели ногу мне подставить,

Чтоб извалить меня в пыли.

Утренний бред.

Спал тополь, весь разнежась,

И ёжился во сне.

И утренняя свежесть-

Морозцем по спине.

В. Береснев.

Спросонья на морозе,
Сказал тополь берёзе:
«Какая утром свежесть,
Замёрз я весь, разнежась,
А с солнечным восходом,
Пробило меня потом
И в кашле я забился,
Как видно, простудился.
А прочитав стишок,
Совсем я занемог.
Прострел застрял в спине,
Тяжеловато мне»
Берёза же молчала,
Ветвями лишь качала.
Прочитанный стишок,
Поверг берёзу в шок.

С молитвой и с матом.

*Атака начиналась с мата,
Им кроили всех и вся;
Поймав же пулю автомата-
К Господу неслись слова.*

В. Горх.

Летела пуля автомата,
За ней я быстро побежал.
Не обошлось и здесь без мата,
Поймал её, к земле прижал.
Покуда с пулею возился,
Атака с матом началась,
Я пулю бросил и молился,
Чтобы она не сорвалась.

Злые козлы.

*В наш сад нагрянули козлы.
Козлы, понятно ,голодают.
Тогда посадки и страдают-
Козлы прожорливы и злы.*

В.Береснев.

Ограду я забыл поставить,
В мой сад нагрянули козлы.

Себе не можете представить,
Как необычно они злы.
Посадки вырвали с корнями,
Напал на них кураж и бзик,
Один кидал в меня камнями,
Другой показывал язык.
Все фрукты, ягоды сожрали,
Я пристрелить козлов хотел,
Но всё ж подумал «Голодали»
В конце концов, их пожалел.
Запал мне в душу этот случай,
Томился долго и страдал.
И больше, чтоб себя не мучать,
В стихах всё это описал.

Однажды сильно угорел.

*Бывало так,- что падал в низ:
От подножки, иль удара,
И снова вверх - без всяких виз,
Со злом-без мести, без угара.*

В. Горх.

Однажды сильно угорел
И растерял все визы,
Пробраться кверху я хотел,
Но вдруг свалился к низу.
А там мужик меня избил,
Подножки грубо ставил,

Он видно мне за что-то мстил,
Со злом лупил, без правил.

Рукописи отсырели.

*Рукописи не горят...
Вероятно отсырели.
Хорошо бы все подряд
Отослать их ноосфере.
Где-то там их сохраняют,
Упорядочив по датам.
И забыть я буду рад,
Всё, что написал когда-то.*

В. Каганов.

Я писал, трубу прорвало,
Вероятно, прогнила,
Ноосфера повлила,
Потому и потекла.
Отсырели мои вирши,
Как ни бился, не горят.
На балкон я с ними вышел,
Пусть на солнце повисят.
А когда они подсохнут,
Их по датам разберу,
Без страдания, не охнув

Тут же всё предам костру.
Каюсь, поступил жестоко,
Для чего я всё писал,
Копануть хотел глубоко,
Видно, в тему не попал.
Пепел по ветру развею,
Пусть стихи мои летят.
И про эту эпопею
Позабыть я буду рад.

Агент неудачник.

*Печальный демон, дух изгнания,
Летал над грешною землей.
Для выполненья спецзадания
Он был направлен в край чужой.*

В. Каганов.

Я взгляд свой в небо устремляю,
Там грешный демон в облаках,
С крылом поломанным летает,
Американский флаг в руках.
Как видно, Пентагон, когда то,
Дал спецзадание ему:

Заснять всех русских бородатых,
Чтоб посадить затем в тюрьму.
К нам прилетел, и дух изгнанья
Сковал его в чужом краю,
Не выполнил он спец. задания,
Враги работать не дают.
То пуганут из пулемёта,
А то ракетой саданут.
Сообщил домой: «Печально что-то,
Пусть беспилотник мне пришлют!»

Дорогой букет.

*Через годы – в Ленинграде,
Такой же хлопотной порой,
Стоял матрос спиной к ограде,
Букет, сжимая дорогой.*

В. Горх.

Матрос к ограде привалился,
Последний рубль в руке сжимал,
Букет купил и разорился,
Круто на «бабки» он попал.

Психологическая фантастика.

*Голос дождя в диалоге с листвой,
С крышей, с асфальтом, травой,
С телом моим и с моей головой,
Но не со мной, не со мною.*

В. Каганов.

Странное что-то твориться со мной,
С телом моим, с головою,
Вот голова в диалоге с травой,
Шепчется тело с листвою.
Голос дождя по асфальту шумит,
Радостно мне на свободе,
Нет головы, и она не болит.
С крышей уехала вроде.
Тело своё увидал вдалеке,
Хлюпает в луже ногами,
Взвился орлом, полетел налегке
Поговорить с облаками.

От женщины не спрятаться, не скрыться.

Прошло с тех пор не мало лет,

*Подлодка в море уходила,
Пока просматривался след,
С пирса женщина следила.*

В. Горх.

Средь ночи, погасивши свет,
Подлодка, уходя, виляла,
Но на воде остался след,
Хотя она его скрывала.
По следу, прямо по воде,
Босая женщина ходила,
За той подлодкою везде,
Уже давно она следила.

Н. Б.

Не слабая баба.

*Из куколки вылетит бабочка.
Из бабочки вылетит баба,
А вы наблюдайте их, мальчики,
И вам не покажется слабо.*

В. Каганов.

В свой дом захожу, а там баба,
Откуда взялась не понятно,
Чуть слышно, мне кажется слабо

Вопрос задаю ей не внятно:
«Что делаешь ты в моей спальне?
Зачем мой халат натянула?»
Она посмотрела печально,
Сказала: «На секс потянуло.
Из бабочки я появилась,
Внутри её долго летала,
Она вдруг взяла, разродилась,
Как видно, бедняга, устала,
А я, на твой профиль взирая,
Что взять с меня, глупая баба,
Тобою займусь, точно знаю,
Тебе не покажется слабо»
И вдруг я заметил: в окошко
За ней наблюдают мальчишки,
И куколок держат в лукошке,
Подмышкой Каганова книжки.

Н.Б.

Я ударился в грёзы.

Мир, сплетённый из реальности и грёз.

*Мир живой, магический, чудесный!
Кто я в этом мире – вот вопрос,
Вероятно самый интересный.*

В. Каганов

Я отбросил реальность
Я ударился в грёзы:
Стихотворец нормальный,
Так же балуюсь прозой.
Что нашли вы в Шекспире?
И зачем вам Некрасов?
Лучший я в этом мире,
Не ищите напрасно.
Интерес проявляя,
Не найдете другого,
Всех собой подавляя,
Объясню вам толково:
Мир построен удачно,
Но довольно он тесный,
В нем поэт, однозначно,
Самый я интересный.

Лошадь в шапке.

Мы же, как лошади в пургу-

*Надвинув шапки на глаза,
Не стонали: «Не могу!»
Хотя кругом тайга, снега.*

В.Горх.

Смотрим, выпучив глаза,
Лошадь, как лихой казак,
Шапку на уши накинув,
Молча в стойле ест мякину.
Просим: «Отвези в тайгу»
Отвечает: «Не могу,
Не хочу идти в пургу,
Утонуть боюсь в снегу»

Звезды одичали.

*Срывая себя, как набросок с подрамника
/ А утро в накрапах дождей и берёз! /
С постели, шатаясь, спешу к умывальнику,
Смывать одичалость предутренних звёзд.*

Вик. Бокин.

С постели, шатаясь, поднялся едва
И сразу спешу к умывальнику.
С похмелья ужасно болит голова,
Жмут ноги сибирские валенки.
Я вспомнил, как делал набросок вчера,
Эскиз на подрамнике стареньком.

Накрапывал дождик холодный с утра,
Продрог и напялил я валенки.
И чтоб окончательно дрожь ту унять
И выгнать простуду проклятую,
Решил я спиртного рюмашку принять,
Вторую, а после и пятую.
С трудом помню я, как в подрамник залез,
В эскизе берёзки качались,
Вдруг звёзды посыпались кучей с небес,
Наверно, совсем одичали.

Чубатые орлы.

*Нелепо замахав руками
И выронив клинки-
С коней упали они сами:
Чубатые орлы Страны.*

В. Горх.

С коня свалились они сами,
Никто их в спину не толкал,
Махали яростно руками,
Конь испугался, убежал.
Упавши, сделались орлами
И отросли у них чубы,
Нелепо замахав крылами,
С земли взлетели на дубы.

Я не лошадь.

*Рос способным вьюношей-
Не дорос
А уже завьючен был-
И повёз.*

В. Бокин.

С детства я работаю на износ
Рос способным вьюношей-
Не дорос.
Захватили изверги пацаном,
Вьюк на плечи кинули-
Белым днём.
С лошадю попутали подлецы,
Спасу ни какого нет-
Всё концы.
Потоптался, нехотя пожевал овёс,
Понял, что не вырвусь я –
И повёз.

Не кушайте грецких орехов.

*У грецкого ореха
Все зёрнышки на «ять»
И сколько было смеха,
Что как тут не обнять.*

В. Бокин.

Ел грецкие орехи,

Все зёрнышки на «ять»
Умора и потеха,
Я начал хохотать.
Тут дама подвернулась,
Хотел её обнять,
Она же вдруг надулась:
«Не надо приставать!»
С тех пор грецких орехов
Я не люблю совсем.
Кокосовый без смеха,
Хоть иногда, но ем.

Не пейте керосин.

*Я валяюсь на траве
Коркой апельсиновой.
Вспоминаю – в первый день
Сильно керосинили.*

В.Бокин.

Сильно керосинил,
На траву упал.
Весь продрог и синим
Баклажаном стал.
Вновь напился сильно
Поборол недуг,
Желтым апельсином
Засиял я вдруг.

Как напьюсь, немедля
Поменяю цвет.
Заблистал бы медью,
Фруктов таких нет.

Прокаженные жены.

Мои жены

Прокажены

Как зараза, как чума.

Есть у них мужья смущенные,

У мен же есть сума.

В.Бокин.

Где ж я был, когда женился?
Поспешил и поплатился,
Взял себе замужних жен
И теперь я удивлен:
Их смущенные мужья
Не стреляют из ружья,
Не бегут за мной с ножом,
Мой не поджигают дом.
Присмотрелся лучше к женам ,
Оказались прокажены
И ещё больны чумой.
Брошу всё, уйду с сумой.

Телёнок с бельмом.

*Гляжу на мир как из пелёнок,
Июль. Жара .Слепни грызут.
У бабки Ганиной телёнок
С бельмом родился на глазу.*

П.Майский.

Жара. Июль. Пеленки сохнут,
На мир, в них лёжа, я глядел.
Ждал. Слепни, может, передохнут,
По маленькому захотел.
Нужду справлять мне помешали
И бабка Ганна и телок,
Поблизости оно гуляли,
Не вытерпел я и промок.
Тут подошел ко мне теленок
И замычав, пустил слезу,
Не видел он моих пелёнок,
С бельмом родился на глазу.

Как стать эффектным.

*На фоне окружающей среды
Уже не так эффектно я смотрюся.
Поскольку мной разлюблена Маруся
И потускнели все её следы.*

Иосиф Куралов.

Я разлюбил Марусю навсегда,
Поскольку от любви её устал.
Но тут произошла со мной беда,

Не столь эффектным почему-то стал.
На фоне окружающей среды,
Решил я вновь Марусю отыскать,
Но потускнели все её следы
И я не смог эффектным снова стать.
Другую себе то же не нашел,
Не подобрался нужный идеал.
Подумал и в мужской салон пошел,
Постригся и эффектным снова стал.

То ли это, то ли то.

*То ли с кедра, то ли с липы
То ли филин, то ли сыч
То ли бросил, толь рассыпал
То ли хохот, то ли клич.*

Л. Гержидович.

То ли я ходил по лесу,
То ли лес вокруг меня.
Вижу филин, с кедра слез он.
То ли с липы - вот фигня.
Толь рассыпал он орехи,
Толи камни разбросал,
Кличь, вдруг, бросил для потехи,
Стал сычом – захохотал.
Долго б я гадал, наверно:
То ли филин, то ли сыч,

С липы вдруг слетел мгновенно
Прямо в голову кирпич.

В обиде я очень опасен.

*Обидели. Спрячу обиду-
Есть в сердце - кладовка обид-
И в поле широкое выйду,
А в поле берёзка стоит.*

В.Паташов.

Обидевшись, вышел я в поле,
К берёзке скорей поспешил,
Подумал: «Повесится, что ли?»
Но вспомнил, верёвку забыл.
И вдруг встрепенулась кладовка,
Что в сердце давно у меня,
Как видно, хотела плутовка
Обиду скорее отнять.
Я, в общем – то с нею согласен,
Отдам, пусть она сохранит,
В обиде я очень опасен,
Могу совершить суицид.

Драма в пивном баре.

*Когда меня внутри пивбара
Увидит Родина моя*

И скажет так:

- Ты мне не пара-

Что ей смогу ответить я?

И.Куралов.

Опять сижу внутри пивбара,
Глушу стаканами вино,
Пью с горя. Нет у меня пары
Живу я бобылем давно.
Увидев, Родина примчалась,
В табачном утонув дыму,
То ли звала, толь отрекалась
Хмель в голове - я не пойму.
Что-то ответить ей пытался,
Но не владел я языком,
Затем от стула оторвался
И оказался под столом.

Кто же я?

Девчонка эта в мой дом приходила

И говорила, что я - крокодил.

Разинул я страшную пасть крокодила

И девочку милую всю проглотил.

И.Куралов.

Как получилось, сам не знаю,
Пришла девчонка ко мне в дом,

Решил я сразу - «забодаю»
На миг прикинулся быком.
Она сказала: «Что вы дядя,
Вы настоящий крокодил»
Поверил и, почти не глядя,
Девчонку взял и проглотил.
Внутри меня она пищала,
Как шар раздулся мой живот
И тут понятно мне всё стало:
Не крокодил я – бегемот.

Астрономическая заманиха.

*Ещё далеко до света,
Осенний разумный покой...
Мне светит чужая планета
И кто-то манит рукой.*

Г. Молостнов.

Ещё далеко до рассвета,
Тихонько к окну крадусь,
Гляжу – засветилась планета,
Так близко, что я боюсь.
А эта планета чужая
Летит, нарушая покой,
Там дама стоит молодая
И манит меня рукой.

Я прыгну сейчас с балкона,
Мне нравится очень она,
Послышались охи и стоны,
Проснулась моя жена.
Как жаль – пролетела планета
И женщину прочь унесла,
Ещё далеко до рассвета,
Зачем же проснулась жена?

Не практичная ворона.

*Сидит ворона будто бы слепая,
Сидит, молчит до вечера с утра:
Ей невдомёк, что осень наступает-
Колхозных свадеб самая пора.*

Г. Молостнов.

Обиделась ворона сильно очень,
Сидит, молчит до вечера с утра,
Колхозный председатель, между прочим,
Сказал, что свадеб началась пора.
Готовилась заранее ворона,
Потратила немало птичьих сил,
Хотелось хоть глоточек самогона,
На свадьбу же никто не пригласил.
Ворона от обиды голосила,
Ослепла, и ей было невдомёк,
Что осень не заметно наступила,
И нужно заготовки делать впрок.

Учиться нужно!

*Как жаром с головы до ног окатит,
Когда письмо...
Не надо ни чего!
И целой ночи, знаю я, не хватит,
Чтоб прочитать, как следует его.*

Ю. Прайков.

Какого чёрта плохо я учился?
Читаю только вслух и по слогам,
Ношу с собой букварь:
Он очень пригодился,
Письма читаю с ним я по ночам.
Когда же посчитать мне, что-то нужно,
Теряюсь, вдруг захватывает дух.
Мозгами шевелю тогда натужно,
Считать – то научился я до двух.

У порога не целуйся.

*А женщин баловал не много,
Но, как любовь не баловать?
Когда целуешь у порога-
Ну, невозможно устоять!*

В.Горх.

Любовь не баловать нельзя.
Но нужно помнить строго:
Любите всё мои друзья,
А женщин лишь немного.
Чуть-чуть любви и вон скорей,
Пусть топают из дома,
Но берегись, коль у дверей,
Возьмёт её истома.
Тогда уж точно целовать
Придётся у порога.
И вам пред ней не устоять,
Любить будете много.

Замерзая не потей.

*Не суровы в Москве январь,
Не стоят холода у дверей,
Я заглядывал в окна твои
Целый месяц до свадьбы твоей.*

Ал. Леонтьев.

Не суровы в Москве январь,
Всё же мёрз я под дверью твоей
И заглядывал в окна твои,
Ждал, чтоб ты раздевалась скорей.

Ты снимала бельё перед сном,
Как Венера ложилась в постель,
Волновался я весь под окном
И, как летом, ужасно потел.

Абракадабра.

*Листок с твоим последним адресом:
Утинобродское шоссе-
Сплетенье слов аброкадабросто,
Как «деревенское глиссе»*

В. Лопушной.

Про деревенское «глиссе»
Уверен, знаете не все
И отыскать аброкадабросто,
Точно не зная его адреса.

Блеснувший щит.

*Он падал рвано - тревожно словно,
В полёте золотом блеснул,
На землю же улёгся ровно,
Как верный щит и там уснул.*

В. Горх.

Упал, слетев с вершины славы,
Тревожно золотом блеснул,
Свалился он на дно канавы,
Был верный щит и вдруг уснул.

Улёгся ровно, неподвижно,
Что защищал? Трудно сказать.
Порой, стоная еле слышно
Пытался сам себя порвать.

Утонувший водолаз.

*Утопив себя в тулупе,
Не сомкнув бессонных глаз
Взял гармонь в большие руки
Наш артельный водолаз.*

В.Ширяев.

Наш артельный водолаз
От бессонницы страдал,
Съел таблетки как-то раз,
На гармошке заиграл.
Растянул меха по шире,
Носом клюнул и уснул.
Все моря облазил в мире,
Вдруг в тулупе утонул.

Хватил лишнего.

*Держу в руке бокал вина,
Что пили за победу,*

*Где было логово врага,
Как раз то было в среду.*

В.Горх.

Однажды выпил я вина,
То было в понедельник.
Во вторник пил я допоздна,
Такой уж я бездельник.
Заметил, пьяный, я врага,
Сидел он на балконе,
И тут же выхватил наган,
Мириться с ним не склонен.
Балкон открыл, враг убежал,
Метнулся я по следу,
Догнать не мог, очень устал,
Всё это было в среду.
Ещё вина бокал принял,
Я праздновал победу.
Затем стихи вроде писал,
А может пьяный бредил.

Клоун не в себе.

*Снова с рожей белою
И довольно глупою
Верещу и бегаю
Я под самым куполом.*

В.Ширяев.

Морду свою глупую
Вымажу известкою,
Подвяжусь под куполом
Я страховкой жесткою.
В теле аллигатора,
Верещу я жабою,
Знаю к психиатру
Обратиться надо бы.
Н. Б.

Изделия зимы.

*Всё небо в серой робе,
Из тучи бахромы
Складирует в сугробы
Изделия зимы.*

А.Бердюгин.

Накинул быстро робу
И двинулся на склад,
Смотрю, а там сугробы
Под крышею лежат.
Вдруг туча налетела,

Взмахнула бахромой,
Изделия хотела
Творить она зимой.
Н. Б.

Правители не забыли.

*Долго золото мы мыли,
За граммы отдавая жизнь.
Теперь же всё это забыли:
Правители все сверху вниз.*

В.Горх.

Начальство сверху вниз бежало,
Мы мыли золото в тазу,
Оно нас сильно обругало,
Ушло наверх, а мы внизу
Делили золото по граммам,
Хотелось больше захватить,
Домой отбили телеграмму:
«Разбогатели, будем жить»
Но тут правительство вернулось,
Велело жизнь свою отдать,
Забрали всё и улыбнулись:
«Мы вас не будем забывать.»

Стоя повзрослели.

*На всей земле нас было двое-
Мы были взрослыми детьми:
На пристани прощались стоя,
Под одобрение толпы.*

В.Горх.

На пристани прощались стоя,
Ни кто присесть не предложил.
Сначала мы стояли двое,
Затем народ вдруг повалил.
И пристань сильно раскачалась
Неадекватными людьми,
Но это нас не напугало,
Мы были взрослыми детьми.
Н. Б.

Я плевался в потолок.

*Кто-то стихи пишет ради войны
И расстреливает одиночество.
Я же валяюсь среди тишины
И плюю, и плюю в потолочество.*

*Мне не стучат, не кричат, всё равно.
Помер мой телефон тамагочейю.
Видел соседей. Прилично давно.
И не видел бы долго воочию.*

Д.Филиппенко.

Не пишу я стихи про войну
И военных событий поток,
Полюбил я давно тишину
И плеваться люблю в потолок.

Мой сосед раньше часто стучал,
Он не любит, когда я плююсь,
Нет его, что-то я заскучал,
Но воочию видеть боюсь.

Он однажды уже приходил,
Хотел скрасить моё одиночество,
Но плевков мой в него угодил,
Получить мне по морде не хочется !

Страсти на улице Тихой.

*На улице Тихой троих застрелили,
Попрятались кошки, собаки не выли,
Все мирные жители спали в квартирах,
Когда убивали семью ювелира.*

*Убийцы сбежали, ни кто не услышал,
А в доме покойников плакали мыши.
В соседнем дворе расцвела облепиха.
На улице Тихой по-прежнему тихо.*

Д. Филиппенко

В соседнем дворе расцвела облепиха,
За ней притаился, сижу очень тихо.
Смотрю, открываются двери квартиры,
Убили и тащат во двор ювелира.

За ними тихонько, чтоб кот не услышал,
Брели по крылечку и плакали мыши.
Потом побежали и снова палили,
Ещё, злые морды, троих завалили.

Попрятались кошки, собаки стонали,
Они словно листья от страха дрожали.
Не выдержал я и вскочил очень лихо,
И рысью пустился по улице Тихой.

Видно, снял я с белых яблонь дым.

Я за каждый миг могу ответить!

«Всё пройдёт,

Как с белых яблонь дым...»

И душе - ну ничего не светит...

О, как тяжело с именем моим.

Но могу ведь сочинить такое

И такую красоту воспеть,

Что навек обманутся со мною-

Все, кто жаждет истину прозреть.

Лев.Котюков.

С именем моим лишь заморочки,

Ничего не светит видно мне,

У Есенина заимствую я строчки:

« Проскачу на розовом коне»

Обмануть всех ни чего не стоит:

«Всё пройдёт,

как с белых яблонь дым»

Позже пусть никто не беспокоит:

«Я уже не буду молодым»

И могу потом за всё ответить,
И такую красоту воспеть,
Что Сергей Есенин не заметит,
Как сумел стихи его спереть.

Я хотел расквитаться со всеми...

*Я в лом поквитался с собой,
Сполна расквитался со всеми...
Осыпалось дымной золой-
В песок чернозёмное время.*

*Не ведаю сам, что творю,
Темны ледяные страницы...
Поют мои птицы в раю,
Сгорают в аду мои птицы.*

Лев .Котюков.

Не ведаю сам, что творю,
Сгорели в аду мои птицы,
Виновным, вспыхив, говорю:
«Придётся за них расплатиться»

И ломом, как саблей махнув,
Хотел расквитаться со всеми,

Но он, вдруг из рук ускользнув,
Упал мне на голову, в темя.

Воткнулся в песок головой,
Осыпался дымной золою,
И ветер нагнал ледяной,
Горой чернозём надо мною.

Вот так расквитался с собой,
Темны ледяные страницы,
Теперь я в раю, сам не свой,
И песни щебечут мне птицы.

Расстались по - английски.

*Когда дожди хлестали яростно по окнам,
Ты разглядеть меня могла в волне портьер,
Как я бреду по тротуару одинокий-
Тобою гордою забытый кавалер.*

*Я шел, фантазий полон в каплях серебристых:
В мечтах готовишь ты мне что – ни будь поесть.
Реально, даже безупречный твой английский
Мне не доступен, как вершина Эверест.*

С. Чернопятов.

Хотелось есть, я был, как волк, голодный,

К тебе спешил, чтоб голод утолить.
Но без акцента, с интонацией свободной,
Ты стала по- английски говорить.

Мол уходи, совсем ты здесь не нужен,
Стихи твои, как горы Эверест
Мне не доступны. Ты не будешь мужем,
Таких полно валяется окрест.

Я ни черта не знаю по- английски,
И всё ж по интонации твоей,
Я уловил, что стал тебе не близким,
Пнув дверь, подъезд покинул поскорей.

Ты в щелочку, портьеры отодвинув,
Глядела, как тащусь я под дождём,
И яростно почёсывая спину,
Готов был глаз я выколоть гвоздём.

Алкогольная блаж.

УЛИЦА 40 ЛЕТ ОКТЯБЯ.

...Взяв в помощь пол-литра с закуской.

Я тысячный раз свой вопрос задаю:

-Зачем ты звучишь не по-русски...

Казённые эти твои «сорок лет»

Так грубы и так не приличны.

Хотелось тебе песни сложить, хоть куплет-

Так рифмы все косноязычны.

С. Чернопятов.

Пол – литра я выпил, слегка закусил,

Иду, голова закружилась,

Стоит гражданин, у него я спросил:

-Где я? Расскажи. Сделай милость!

Как будто бы в центре вселенной стою,

Для тайн видно, нужный здесь климат.

И улицу эту я не узнаю,

К тому же забыл своё имя.

Сказал гражданин: - Нужно меньше вам пить,

Поэту глупить не прилично.

Хотелось стихом мне его поразить,

Но рифмы все косноязычны.

А в прочем, всё это пустяк для меня,

Я часто сто грамм принимаю,

А после средь ночи, иль белого дня,

Стишки под хмельком сочиняю.

Как мне лучше ко дну пойти.

...Кто всплывал, кто с отрыжкой желчною

С русским миром шел прямо ко дну.

И по волнам бегущая женщина,

Сожалела, что я утону...

Е. Худобин.

По волнам быстро бегала женщина,
Горевала, что я утону.
Я ж плевался отрыжкой желчною,
С миром русским шагая ко дну.
Шел и думал: в чём разница видится,
Без отрыжки иль всё - таки с ней,
Мне ко дну с русским миром приблизится?
Или всё ж захлебнуться скорей.

Страдания прозаика.

*У прозаика тяжкая доля: сомненья, невроты,
Поиск темы, собратьев по творчеству хмурые лица...
Гормональные выбросы – это не пища для прозы,
А поэзии – в качестве допинга – могут годиться.*

Анастасия Русских.

Сомневаясь, прозаик, на тяжкую долю ссылался,
Поиск темы невротом в спине у него отозвался.
А затем гормональный, вдруг, выброс желёз разыгрался,
И поэтом прозаик, почти, что тот час оказался.
Но увидев собратьев по творчеству хмурые лица,
Он подумал, что допинг такой никуда не годится.
Из поэтов в прозаики снова, вздохнув, обернулся,
«Без меня их полно!»- закричал и, в поту весь, проснулся.
Н. Б.

НЕ НАПЕЧАТАНО В КНИГАХ.

*Пародии на стихи, напечатанные на
сайте СТИХИ. РУ*

Зачем ты привязалась изнутри.

С тобою так мило,

Наедине любимо.

К тебе привязан чувствами внутри

Ощуцаю прикосновения твои.

*И наши души замирают,
В тихий омут уплывают.*

«Чувство»

Максим Юденков. Стихи. РУ

Я чувствую в кишках прикосновенье,
Ко мне ты привязалась изнутри.
Потом ещё через одно мгновенье,
В мою печёнку ткнулась раза три.
За душу зацепилась ты рукою,
Она от страха сразу замерла.
Хотел побыть наедине с тобою,
Но ты, порвав нутро мне уплыла.
А я то, думал: будет очень мило,
Наедине любимо через край.
Зачем ты меня в омут заманила,
Вернись и мне печёнку отдавай!
Н. Б.

Дрожь в теле.

*Первый танец и чарующие вздохи,
Руки дрожью страх нам выдают,
А по венам, будто бурные потоки
От волнения внутри у нас плывут.*

Вера Кемская. Стихи. РУ

«Первый танец»

Ты вздыхал, танцевал неумело,
Часто на ноги мне наступал.
Я к тебе прикоснулась несмело,

Ты меня крепко к телу прижал.
Бурно кровь заструилась по венам,
Словно с гор быстрый, майский поток.
Ты дрожащей рукой, неумело
За собой потянул в закуток.
От волненья внутри всё поплыло,
Что-то ты из кармана достал.
И конечно о том, что там было,
До сих пор так никто не узнал.
Н.Б.

Хотел прошвырнуться...

*Пойдём, прошвырнёмся в позёмках, в аллеях
И в стаях ворон... А на лужах ледок...
И снежностью небо вновь потяжелеет,
Снег смоем закат, и снег смоем Восток.*

Агата Кристи 4. Стихи. РУ

«***»

Хотел прошвырнуться в аллеях один идиот,
На улицу вышел, позёмка по полю метёт.

На лужах ледок не заметил и ноги вразлёт,
Башкой саданулся, теперь ахиною несёт.

Казалось ему, что гуляет со стаей ворон в небесах.
Тяжёлое небо наводит на них жуткий страх.
Готово обрушить на землю свой снежный поток.
Хотел незаметно он смыться скорей на восток.

Но снегом то небо вдруг смыло его на закат,
На нём санитары узлом завязали халат.
Теперь он в психушке, в палате, бедняга, лежит,
Врачам говорит, что он Пушкин, и оды строчит.
Н. Б.

А где ж мне взять такую рифму?

*Ты мешаешь мне жить в моей голове.
Я не хочу потерять многих лет.
Под ногами уставший рассвет,
И не нужен никто, а точнее ты – нет...
...Очередные ночи идеально сложим
Забывать друг друга, только не себя
Мы сможем...
Н. Горжевская «Прощай»*

Захотелось мне быть стихотворцем на склонности лет,
Я за рифмой гонюсь, а её почему-то всё нет.
В моих виршах под ноги упал мне уставший рассвет,
Слушать бредни мои у него, значить, сил уже нет.

Не владею я, видимо, больше своей головой,
Ты забрался в неё, для меня она стала чужой.
Бред возник: «Не хочу потерять многих лет,
Мне не нужен никто, а точнее ты – нет!»

В том бреду идеально мы ночи вдвоём эти сложим,
И забыть не себя, а друг друга, конечно же, сможем.
Перед богом клянусь, никому ни за что не совру:
Размещу ахинею свою, я на сайте: Стихи./точка/ РУ
Н. Б.

Смотри не оплошай...

Легко мужчину соблазнить:

Чуть-чуть кокетства, обаяния, что каждой женщине дано

Крема, косметика, вино...

И вот он твой..., но он чужой...

Марта П. Валишевская

«Мой гимн»

Легко мужчину соблазнить,
Чуть выше ногу оголить.
Лицо косметикой измазать,

У ног твоих он будет лазить.

Скорей налить ему вина,
Пусть выпьет он стакан до дна.
Подрыгать голою ногой,
В постель его, он будет твой.

Рукой пошаришь в темноте,
А принадлежности не те.
За чем же нужен мне такой,
На самом деле он чужой...
Н. Б.

Ух! Шок...

*Спасибо за стишок-
Ещё один штришок.
Ещё один привет.
Приятно. Не в обед
Пришёл ко мне стишок.
С утра пришёл. Ух! Шок
От праздничных хлопущ,
Вертящихся вертуш.*

Вера Сморгцова 1 «Стишок»

Ещё один стишок,
А их полон мешок.
Ещё один привет,
А места уже нет.
Припёрся он с утра,
В обед же был вчера.
Запуталась совсем,
Три дня уже не ем.
Чтоб не ударил шок,
Возьму этот мешок
И выброшу в окно,
Хотелось мне давно.
Чтоб не сойти с ума,
Возьмусь писать сама,
Как рифму подобрать?
Буду слова ломать.
Вот праздничный хлопущ,
Вертящийся вертуш.
Попали на перо,
Всё братцы, понесло!
Н. Б.

Красные штаны.

*Ноябрь. Куда там до весны
С утра уныло моросило...
Надеть бы красные штаны*

*И стать красивым!
Нерыдаидальго.
«Такая малость»*

Ноябрь. Далёко до весны,
Когда я вновь стану счастливым.
Надел я красные штаны,
Чтоб на минуту стать красивым.

Но небо будто прорвало,
С утра уныло моросило,
А меня в лужу занесло
И грязью все штаны залило.

Махнул на это я рукой:
«Подумаешь, такая малость».
Скинул штаны, хожу нагой,
А что же мне ещё осталось?
Н. Б.

Где же берег?

*Сожжённые мосты, затопленные корабли-
Море бездонных лет.
Берега нет, но запах земли
Зовёт подняться чуть вверх.*

*Алексей Ааафанасьев.
«Белый туман берегов»*

Открыл кингстоны, затопил
Все корабли в бездонном море.
Мосты все сжѐг. Затем запил,
Хотел залить вином я горе.

Земля ушла вдруг из под ног,
В воде по горло оказался.
Барахтаюсь. Промок, продрог,
Зачем, скотина, нализался?

Кто-то зовѐт: «Наверх давай»
Плыву, а берега не видно.
Наверно врѐт, вот негодяй,
Землѐй не пахнет, как обидно.
Н. Б.

Схватился крепко он за вымя...

Талант держит вдохновение за вымя

И имеет маленькое имя.

Гений думает на длинные дистанции

И ожидает всенародной реакции.

Емельянов – Философов.

«Талант держит вдохновение за вымя»

Маленькое имя у таланта,
А хотелось быть большим гигантом.
Как - то раз прикинулся он тенью,

И пробрался ночью к вдохновенью.
Навалился на неё всем телом,
Руки заломил, подлец, умело.
Крепко ухватился он за вымя,
Ни один философ не отнимет.
В эту ночь, друзья, родился гений,
Думали на много поколений,
Оказалось всё ни так-то просто,
Бал гигант, стал маленького роста.
Постоянно слишком долго думал,
Оказался глупым тугодумом.
Зря он вдохновенье ночью лапал,
Вымя и сосок лишь поцарапал.
Н. Б.

Хрен за пазухой.

Грелку тёплую удобно

Я прижму заподлицо.

Сколько ж дивных есть снадобьев:

Хрен, горячее яйцо...

Ольга Ионова.

«Лечению новогодней простуды»

Простудилась в Новый год,
Всё болит, даже живот.
Сколько ж дивных есть снадобьев,

Чтоб лечится через рот.
Только знаете вы сами,
Что наружными средствАми
Безопасней и скорей
Победить нам недуг сей.
Хрен под мышку запихала,
Разогрела я яйцо.
А потом долго искала,
Где же это «подлецо»
За которое должна я
Грелку тёплую прижать,
А потом двумя руками
Хрен за пазухой держать.
Пока всё это творила,
То яйцо совсем остыло.
Не нашла я «подлецо»
Об пол трахнула яйцо...
В общем, зря я так старалась,
Не леченою осталась.
И теперь вам дам совет:
Раз от хрена толку нет,
Вы за яйца не хватайтесь,
А в больницу отправляйтесь!
Н. Б.

Выпал у солнца язык...

Мёртвый язык

Солнца...

Сон моря Чёрного.

Лорою нарекли,

Гордою, непокорную.

Больше Тамары нет.

Боль ароматом севера,

Солью в сыром огне

Вызвездилась, осела вся.

Сгорбленный человек –

Серый валун у берега,

Зверем тебе ревёт

Век, над ребром потерянным.

Тамара Клячко. «Мёртвые языки»

Вздыбилось море Чёрное,

Всё! Теперь не до сна.

Гордою, непокорною

Лору волна принесла.

Видно девица с Севера,

Жуткий мороз от неё,

Вызвездилась, осела вся,

Быстро достала ружьё.

Знала: у моря Чёрного

Тамара оставила след

Лора затвором щёлкнула,

Больше Тамары нет.

Странные мысли с болью
Бродят в её голове:
«Морской аромат с солью
Пылает в сыром огне.
Как человек сгорбленный
У берега серый валун.
Рёбра его переломаны,
Рядом лежит колун.
Ревёт он диким зверем»
Замерло Солнце на миг,
Глядя на этот берег,
Вывалило язык !
Н. Б.

Грудастая змея...

*Наготой своей прельстила,
Поцелуем завлекла,
Своей грудью приласкала,
Обнимала, как змея.*

Александр Алексеев 65

«Нагота»

Ты завлечь меня хотела,
Лестью в дом свой заманила.
Догола затем разделась,

Целовала, что есть силы.

Обнимала то и дело,
Придавила к стенке грудью,
Приласкать меня хотела
Я подумал «будь, что будет»

Но затем, вдруг, вокруг шеи
Обвилась лютой змеёю.
Вот ведь бабы как умеют
Привлекать нас наготовю.
Н. Б.

С ума сошедшая осень...

*Осенние листья я считаю
Как года ушедшие в пустынь.
И грусть и печаль
в долгий путь отправляю.
В психушку я попала
От горя росшего годами
И вот думала днями –
лечиться нужно
А то крышу с листьями снесёт
и меня куда-то унесёт.*

Года ушедшие в «пустынь»
С печалью, грустью я считаю.
И листья осени – прикинь
В путь долгий молча провожаю.

Кружиться стала голова,
Меня несёт куда попало.
В мозгах же всякая ботва,
Владеть рассудком плохо стала.

Вдруг мысль хорошая пришла:
«Лечиться мне необходимо,
Пока мне крышу ни снесла
Осень листвою шаловливо.

В психушке я теперь лежу
От горя росшего годами,
Ни слова в прозе ни скажу
Всё говорить буду стихами.
Н. Б.

Угадайте, кто это?..

Каталка, стол, палата.

Светит прожектора круг.

Укол в позвоночник, вата.

Скальпель, зажим – хирург.

Амати 2. «Операция»

Деревня, грязь, лопата.

Навозом заляпан работник.

С похмелья рожа помята.

Узнать не трудно – скотник.

Ферма, коровы, фляга.

Всегда на работе запарка.

Надеюсь, узнали беднягу.

Навоз, скребок – доярка.

Халат, тетрадь, авторучка.

Штаны протёрты до дыр.

Дояркам, скотникам взбучка.

Разнос, отчёт – бригадир.

Перо, листок из тетради.

Чесотка, удержу нет.

Рифму плетёт Амати

И думает, что он поэт.

Н. Б.

Ногами химия играла...

*Вода уходит. Ночь не понимает,
Как играет ногами химия кругом.
Тревогой будущей тебя искала,
У тревоги существует свой роддом.*

Горжевская Наталья.

«Волна сочувствия»

Тупая ночь никак не понимает,
Как же ногами химия играет.
Вода уходит – видно рассердилась,
И физика, взбрыкнув, зашевелилась.

Увидев эти страшные дела,
Я в будущем искать тебя пошла.
Но, выйдя, осмотрела всё кругом,
Вдали мерцает вывеска «Роддом»

В него я заглянула: «Вот дела»
Тревогу на кровати я нашла.
Так вышло, удалили всех родих,
Тревоги разместились вместо них.

Она сказала: «Больше не ищи,
Иди домой вари ка лучше щи.
Как только химия с ногами разберётся,
Он непременно сам к тебе вернётся»
Н. Б.

Нарвался на глыбу...

*Я на тебя свой взгляд набросил-
Как будто сеть для ловли рыбы.
Полжизни пальмой обкокосил,
Но не видал такой я глыбы.*

Мсв. Юный и Наивный.

«Я на тебя свой взгляд набросил»

Полжизни женщин я кокосил,
Сетью ловил их словно рыбу.
Обманом брал, затем всех бросил,
Но вдруг нарвался я на глыбу.

Хотел загнать её я в сетку,
Не тут-то было, просчитался.
Она в башку мне табуреткой,
Чуть без мозгов я ни остался.

Глаза мои собрались в кучу,
Будто хватил я купоросу.
За что далась мне эта участь,
Я на тебя, лишь, взгляд набросил.

Н. Б.

Перо в виске...

*А поэт всегда за столом,
И перо прижато к виску.
Поделом ему поделом,
Побеждать земную тоску.*

Горевал поэт за столом,
Не приходит Муза к нему.
Со стихами просто облом,
Как тоскливо сидеть одному.

Закрутило до боли нутро,
Взглядом меряет потолок.
Обмакнул он в чернила перо
Саданул, что есть силы, в висок.

«Что ж поэт, ты такой дурачок,
Поделом тебе, поделом,
Наклониться чуть-чуть невдомёк,
Муза эта сидит под столом»
Н. Б.

По ночам болтался я без дела...

*Глыба тьмы сорвалась в бездну ночи.
Во, загнул! – аж страшно самому.*

*Свет луны застыл в дороге прочно,
Зажевав тумана бахрому.*

В. Левашов.

«Глыба тьмы сорвалась в бездну ночи...»

По ночам болтаюсь я без дела,
Муза, сволочь, спать мне не даёт.
Свет луны так описать хотелось,
Я к нему, а он меня не ждёт.

Вижу, что застрял в дороге прочно,
Зажевал тумана бахрому.
Чавкает, как хряк /сравненье точно/
Толь проголодался? Не пойму!

Напрягал мозги я, что есть мочи,
Думал, что же делать мне теперь.
Глыба тьмы сорвалась в бездну ночи,
Вздрагнул я, и спрятался за дверь.
Н. Б.

Золотыми зубами сверкая...

*Ты коснулся меня не рукой, не полкой
Макинтоша, дыханьем своим прикоснулся.
Оглянулся и в след бросил просто «Постой»
Знаю, взгляд вспыхнул золотом, ты улыбнулся.*

Лия Пьянкова.

«Ты коснулся меня...»

Ты коснулся меня не рукой, не ногой,
Не полой своего макинтоша.

Ты дыхнул на меня, покачав головой,
Шаркнув вежливо, грязной колошей.

Отвернувшись, хотела я дальше пойти,
Ты воскликнул: «Постой дорогая»
Улыбнулся, и стал у меня на пути,
Золотыми зубами сверкая.

Н. Б.

С себя скорей сдерите эту кожу...

*Иммунная система ослабела,
И мы таблетки вредные едим,
А может это кожа задубела,
Ей отдых небольшой необходим.*

*Она в себе заразу пропускает
И от досады пухнет и дерёт,
Никто её не моет, не ласкает,
Потеет кожа, горестно ревёт.*

Дмитрий Дунаев 3

«Иммунная система»

С себя скорей сдерите эту кожу,
Ей отдых небольшой необходим.

Несёт она в себе чуму и рожу,
А мы таблетки вредные едим.

В конце – концов, помыть бы её надо
Потеет она, горестно ревёт,
Порою даже рвётся. Вот досада!
И временами пухнет и дерёт.

Помыли, приласкали, пусть просохнет
На солнышке под небом голубым.
Не то чтобы орать, теперь не охнет,
С хорошим отношением таким.

Сейчас бы поскорей её набросить
И тело обнажённое прикрыть,
Без кожи жить, натура не выносит
И не прилично, что уж говорить.

Но вот беда, теперь её стянуло,
Жмёт во всём теле, спасу просто нет
Фигуру в три погибели согнуло,
Зато хорошим стал иммунитет.
Н. Б.

Я так хочу преподавать...

Я хотела преподавать,

Знания детям отдавать.

Но так не сложилось,

По другому получилось.

Знания всё - таки отдаю.

Пока живу, пока в строю.

Лариса Прохоренко.

«Зигзаги жизни»

Я так хочу преподавать,

Знания детям отдавать.

Что-то в жизни не сложилось,

Видно плохо я училась.

В институт не поступила,

В коридорах походила.

Теперь в тайне от РАНО

Всех учу я всё равно.

Что мне тот сертификат,

Каждый слушать меня рад.

В клубе «Общих интересов»

Я учу теперь балбесов.

Что глаголю, всё фигня,

Они ж слушают меня.

И в надёжном том строю,

Я до смерти простою!

Н. Б.

А он дышал, как лошадь на бегах...

Он дышит, а я внимаю беспрекословно,

Внимаю его, внимаю в себя сильнее.

Он взял меня грубостью в космосе за основу,

И мы растеклись на вакуумном белье.

Анастасия Стешенко.

«Он дышит»

Вдвоём с майором в космосе летаю,

Основу, как могу, я берегу.

Сказал, в лицо мне глядя не мигая:

«Прости меня, я больше не могу»

Схватил он меня грубо за основу,

И задышал, как лошадь на бегах.

Основа оказалась не готова,

Глубоко она пряталась в штанах.

На вакуумном белье я развалилась,

Решить проблему эту помогла,

Беспрекословно, тут же оголилась.

И в унисон дышала, как могла.

Дыхание его в себя внимаю,

Прошу его: «Ко мне сильнее прижмись»

Сопит он, словно бык, а я стоною,
В конце – концов, по полу растеклись.

Н. Б.

Удлиняются тени от ног...

Уже не утро, солнце не восходит,

И тени удлиняются от ног.

И тише разноцветье хоровода

Уже не бег, но щедр пока мой рок.

Алан Арад.

«Уже не утро»

- Ах, почему же солнце не восходит?

Уже не утро, вроде бы пора,

И кто-то под окошком хороводит?

- Там разноцветье тихое с утра.

- С ногами, что моими происходит?

Их тени выросли немыслимой длины.

- Бежать хотели, из себя выходят,

Но рок ваш щедр, спасли ваши штаны.

Запутались штанины в их коленях,

На пятках затянулись узелком.

Подёргались без пользы эти тени,

Напрасно всё, уж утро за окном.

Н, Б.

Такой упрямый я мужик...

*Морда лица, от мамы и отца,
От и до- вдоль, мощного лба,
От фуражки, извилина одна-
Что-то типа, моего портрета.*

*Творю обычно - топором,
Какое ж качество при том?
Не умением беру, а числом.
Вот и сдал графоманов оптом!*

Михаил Мартынов 2

«Как могу»

Мой мощный лоб прикрыт фуражкой,
Под ним извилина одна.
«От и до - вдоль» у меня от папашки,
Мамашей мне извилина дана.

С тупым обличем портрета,
Стихи я запросто пишу.
Топор использую при этом,
Им рифмы в сточку заношу.

Взмахну, строфа уже готова,
Прочешь – сломается язык.
Мне наплевать, пишу я снова,
Такой упрямый я мужик.

Никто за качество не платит,
Большим числом стараюсь взять.

В печать попасть, коль не прокатит,
В утиль бумагу можно сдать.

Друзья мои все графоманы,
Писать пытаются пером.
Сгоню их в стадо, как баранов,
В поэты двинемся оптом!
Н. Б.

Строчу стихи я на машинке...

*Порыв проснувшийся недавно,
Заставил нить душе внутри.
Даю я волю чувствам главным –
И льются строки из груди...*

*...и не ругай меня так строго,
С тобой дружить теперь хочу.
Душа поэта недотрога,
О ней стихи я настрочу.*

Ибрагим Курмагов.

«Пишу стихи»

Строчу стихи я на машинке,
Мелькает, крутится челнок.
Занятье это мне в новинку,
Но отказать себе не мог.

Порыв проснувшийся недавно,
Заставил ныть «душе внутри»
Даю я волю чувствам главным,
Иди читатель посмотри.

И не ругай меня так строго,
Строчить я буду всё равно.
Душа поэта недотрога,
Затронешь, выброшусь в окно!
Н. Б.

Осенняя фигня...

*Бессонница никак не отпускает,
И мысли давят на подкорку черепка...
А за окном всё льёт, и падает, и тает
То дождь, то снег, осенняя фигня.*

Зяма Исламбеков.

«А мысли давят...»

Осенняя фигня там, получается,
Где к черепу подкорка прикрепляется.
Она когда – то к мозгу относилась,
Но от бессонницы на череп прилепилась.

Сорвался с неба монолит...

*Дождь осенний, дождь тягучий моросит.
То вдруг ливнем с неба хлынет – монолит.*

*Успевай напиться, матушка земля,
Напитай – ка влагой досыта поля.*

*Чтоб весной родить «зелёнку» молодой,
Чтоб деревья распустились листвой,
По дорогам чтоб звенели ручейки,
Чтоб в домах ещё рождались мужички.*

*Дождик – сила, дождик – влага, дождик – жизнь.
Без дождя земля исчахнет, не родит.
Надо радоваться, Господа молить,
Чтоб осенний дождик был, и нам с ним жить.*

С. Николаенко.

«Осенний дождь»

С неба осенью сорвался монолит,
Поэтессе прямо в голову летит.
Он тяжёлый из цемента и песка,
Долбанул, и родилась стихов строка.

Ей хотелось, лил, чтоб дождик проливной,
Чтоб зелёнку родила земля весной.
Должна быть зелёнка очень молодой,
У коров, чтобы повисился удои.

А ещё, чтоб как грибы – дождевики,
После дождика родились мужики.
Собирали бы зелёнку поутру
Молоко они б доили по ведру.

Ну, а мы все будем Господа молить:
Не хотим с дождём осенним вместе жить.
Нам не ужен этот дождик проливной,
Лучше лил бы он не осенью – весной.

Если в голову летит вам монолит,
Отойдите, пусть он мимо пролетит.
Не пишите вот такие вы стихи,
Не смеялись чтобы куры – петухи.

Н. Б. 28 10 2020 г.

Эпиграммы

Геннадию Малахову ...

/народному целителю./

Лечит грязью и травой
Грыжу либо геморрой.
Испытать готов без страха
На себе лекарь Малахов,
Препарат иль яд любой
И поделится с тобой.
Прислонившись спиной к стенке,
Гелем трет свои коленки,
У него они в порядке,

Может бегать без оглядки
И лягаться как кобыла,
Гель то с «Лошадиной силой»

Поэту...

Хотел я стать крутым атлетом,
Ел много каши, пил компоты,
Но растолстел и стал поэтом,
В общем, стал круглым идиотом.
Теперь пишу стихи ночами,
Компот не пью, балуюсь чаем.
Ношу в мозгах одну идею...
«Возможно, скоро похудею»

Писателю...

Рассказы я твои читаю,
Смеяться, плакать ли, не знаю,
Ты, подражая Шукшину,
Порой несёшь фигню одну.
Вдруг Джеку Лондону под стать
Решил рассказы написать,
У Джека лучше получилось,
Не подражай всем, сделай милость.

Н. Б

Избраннику...

Вошел во власть ты из свиарника,
Свиней кормил вдвоём с напарником.
Сменил во власти имидж свой,
Стал бюрократом и свиньей.
Одумайся, пока есть время,
Начальства скоро снимут бремя
И, опечаленный судьбой,
Вернёшься вновь в свиарник свой.
Н. А.

Нагиеву...

Включите телевизор, сразу
Нагиев там торчит, зараза,
Вот он в жури, словно бандит,
В чёрных очках рожу кривит
И развалившись на стуле,
Раскинул ноги на столе.
Играл он подлецов и гадов
Таких, как хам - прапорщик Задов,
Имидж сменил и всё ж пока

Дошел до роли физрука.
Доволен ролью он такой,
Вновь хамоватый и тупой.
Ведёт он множество программ
И в них такой же дерзкий хам.

Престарелым женихам...

Богатенькие старички,
Морщинистые, как сморчки,
Набрали в жены молодых,
Забросив бабушек своих.
Но не мешало б старички,
Вам протереть свои очки
И обернуться хоть разок,
Из вас уж сыплется песок.
А по нему как «соловухи»
Шагают ваши молодухи,
На приживалок все похожи,
Исподтишка вам строят рожи.

Любителю лесты.

Если из лести называют вас орлом,
От радости плясать не торопитесь,
Льстецу скажите правду всю о нём
И сразу в скорпиона превратитесь.
Льстец-лицемер, на всё способен он,
На подлость без сомнения пойдёт,
Окрас меняет, как хамелеон
И грязью с плеч до пяток обольёт

«Эстрадной звезде...»

На сцене лишь два слога повторяла,
И неожиданно «звезда» та засияла.
Вложил продюсер средств в неё не мало,
Она всё в том же духе продолжала,
Вопила, что есть мочи: « ла-ла, ла-ла»
И так же неожиданно пропала.
И развелось тех звёзд у нас не мало,
Такое время звёздное настало!

Завистнику...

Награды презирал он у других,

И очень не любил людей таких,
А сам везде пороги обивал,
Искал, кто бы награду ему дал.
От зависти чуть в петлю не полез:
«Купил сосед немецкий «Мерседес»
От радости он даже загулял,
Когда сосед в аварию попал.

Сплетнику...

Он с радостью шептал на ухо всем:
«Жена Петра неверная совсем,
Гулящая, жена у Ермолая
Среди коллег на всю контору лаял.
Но в зеркало однажды посмотрел,
Язык отнялся, лоб сразу вспотел,
И отнялась у подлеца нога,
На голове росли ветвистые рога.

Правительству...

Решенье вместе с Думой принимают,
Стараются, радеют за народ,

Два миллиона в месяц получают,
Сухая ложка рот их не дерет.
Народу ж от души дают «поблажку»,
Всем к пенсии – четырнадцать рублей,
Толь в продуктовую корзину, толи в чашку,
Вари похлёбку – соли не желей!
2014 год.

Аппозиции...

Если придётся оппозиции с экрана
На всю страну за дело отвечать,
Уверенно, без всякого обмана,
Все будут на себе рубаху рвать.
Мол, мы не зря оппозиционеры,
Правительство грызём уж много лет...
Не верьте им, в их лживые манеры,
Приспособленцы, и зубов у них уж нет.
2014 год.

Владимиру Жириновскому...

/ вождю ЛДПР/
Оратор хоть куда
/Язык же без костей/
Слова словно вода
На мельницу страстей.
Он в правоте своей
Жесток и непреклонен,

Порой, в бреду речей,
Он «противозаконен»
Готов всех растоптать
В порыве реваншизма,
Словестно поиграть
Идеями фашизма.
И много лет подряд
Творит свой беспредел,
Всё чаще говорят,
Что всем уж надоел.
Такой вот он артист
И либерал московский,
По нации юрист,
Владимир Жириновский.

Геннадью Зюганову...

/ лидеру КПРФ /

Угрюм, суров в словестной перепалке,
Чужих идей совсем не признаёт,
Готов всех удивить программой яркой,
Он в коммунизм, как Ленин нас зовет.
Но, видно те призывы устарели,
И лидер стар, куда ему спешить,

Чтоб повести народ к великой цели,
Пора бы молодым то место уступить.
2016 г.

Миронову...

/ лидеру партии Справедливая Россия /

Идеи спер у тех же коммунистов,
С улыбкой их готов произносить,
Наобещает горы, взгляд лучистый,
Народ от этого не станет лучше жить.
2017 год.

Бюрократу муниципального значения...

На всё у них теперь один ответ:
«В казне муниципальной денег нет!»
Настали, мол, такие времена,
Всё б сделали, да вот пуста казна.
Я думаю, казна здесь не причём,
Встал местный бюрократ к плечу плечо.
Чтоб обеспечить всех чиновников зарплатой,
Районного бюджета маловато...

2018r